1613 1913

Государи изъ дома Романовыхъ.

С. Фроловъ.

Томъ I.

DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

Digitized by the Internet Archive
in 2022 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/gosudariizdomaro121chec

Chechulin, Nikolai D.

Государи изъ Дома Романовыхъ

1613-1913

ЖИЗНЕОПИСАНІЯ ЦАРСТВОВАВШИХЪ ГОСУДАРЕЙ И ОЧЕРКИ ИХЪ ЦАРСТВОВАНІЙ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ДОКТОРА РУССКОЙ ИСТОРІИ
Н. Д. ЧЕЧУЛИНА.

Москва
1913 года

изд. Т-ва И. Д. Сытина.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. 1.
Москва.— 1913.

929.7701
gR 759 C
t. 1-2

Въ первомъ томѣ помѣщены статьи:

Избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова — проф. С. Ѳ. Платонова. ▭ **Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ** — пр.-доц. А. Е. Прѣснякова. ▭ **Царь Алексѣй Михайловичъ** — проф. С. Ѳ. Платонова и пр.-доц. А. Е. Прѣснякова. ▭ **Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ** — проф. М. М. Богословскаго. ▭ **Императоръ Петръ I Алексѣевичъ Великій** — проф. М. М. Богословскаго. ▭ **Императрица Екатерина I Алексѣевна** — С. В. Вознесенскаго. ▭ **Императоръ Петръ II Алексѣевичъ** — С. В. Вознесенскаго. ▭ **Императрица Анна Іоанновна** — С. В. Вознесенскаго. ▭ **Императрица Елизавета Петровна** — пр.-доц. Ю. В. Готье. ▭ **Императоръ Петръ III Ѳеодоровичъ** — Н. Д. Чечулина.

■ ■ ■ ■ ■

Предлагаемая книга содержитъ шестнадцать очерковъ, въ цѣломъ дающихъ связное и полное обозрѣніе исторіи Россіи за триста лѣтъ, въ теченіе которыхъ Московское государство, только что вынесшее ужасныя потрясенія Смутнаго времени и едва отстоявшее свою самостоятельность, выросло — подъ правленіемъ государей изъ Дома Романовыхъ — въ великую имперію и заняло выдающееся мѣсто среди міровыхъ державъ.

Съ цѣлью выполнить давно ощущаемый въ русской исторической литературѣ пробѣлъ: отсутствіе труда, въ которомъ была бы съ надлежащею научностью и полнотою изображена жизнь русскихъ государей, въ предлагаемомъ изданіи на первый планъ выдвинута вездѣ личность каждаго государя, его дѣятельность, его участіе въ событіяхъ его царствованія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ приложены были всѣ усилія, чтобы и жизнь народа, труды, имъ понесенные въ дѣлѣ устроенія государства и выполненія его важнѣйшихъ задачъ, были изображены со всею необходимою полнотою; авторы очерковъ убѣждены, что серьезные читатели не найдутъ въ этомъ изданіи попытки возвеличить начало личности въ исторіи въ ущербъ изученія жизни народной.

Участники этого изданія и его редакторъ одинаково проникнуты убѣжденіемъ, что лучшимъ выраженіемъ и доказательствомъ ихъ уваженія къ русскому народу, любви къ нему и къ его государямъ является безусловная правдивость, смѣлая прямота въ сужденіяхъ и выводахъ. Свой трудъ они стремились сдѣлать не только доступнымъ, но и интереснымъ для самаго широкаго круга читателей, и вмѣстѣ съ тѣмъ дать все то,—но и только то,—что критически провѣрено, твердо установлено и должно быть признаваемо за историческую истину.

Москва,
8 октября 1912 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Избраніе на царство Михаила Өеодоровича Романова . . . 1— 19

Царь Михаилъ Өеодоровичъ . . . . . 20— 61

I. Родители царя Михаила Өеодоровича, его личная и семейная жизнь . . . . . 20— 35
II. Московское государство подъ державой царя Михаила . . . 35— 55
III. Внѣшняя политика при царѣ Михаилѣ Өеодоровичѣ . . . . 55— 61

Царь Алексѣй Михайловичъ . . . . . 62—14

I. Общая характеристика . . . . . 62— 92
II. Власть и населеніе. . . . . 92—117
III. Дѣла церковныя при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ . . . . . 117—131
IV. Культурный переломъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ . . 131—136
V. Внѣшняя политика при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ . . . 136—144

Царь Өеодоръ Алексѣевичъ . . . . . 145—144

Императоръ Петръ I Алексѣевичъ Великій . . . . . 148—300

I. Избраніе Петра на царство.—Его дѣтство и первоначальное обученіе . . . . . 148—163
II. Внѣшняя политика и внутреннее управленіе въ царствованіе Өеодора Алексѣевича и въ правленіе царевны Софьи . 164—180
III. Царь Петръ въ правленіе Софьи.—Конецъ регентства . . . 180—188
IV. Правленіе министровъ . . . . . 188—196
V. Заграничная поѣздка Петра. — Возвращеніе и стрѣлецкій розыскъ . . . . . 196—208
VI. Великая Сѣверная война . . . . . 208—233
VII. Преобразованія Петра Великаго. — Финансы и государственное хозяйство.—Школа . . . . . 233—268
VIII. Административная реформа . . . . . 268—275
IX. Областная реформа . . . . . 276—280
X. Судебныя учрежденія Петра Великаго . . . . . 280—295
XI. Семейныя дѣла Петра Великаго.—Престолонаслѣдіе.—Кончина преобразователя . . . . . 295—300

Императрица Екатерина I Алексѣевна . . . . . 301—318

Императоръ Петръ II Алексѣевичъ . . . . . 319—329

Стр.

Императрица Анна Іоанновна . . . . . 330—366

I. Избраніе Анны Іоаннозны на престолъ . . . . . 330—343
II. Жизнь и царствованіе императрицы Анны Іоанновны . . . 344—363
III. Іоаннъ VI Антоновичъ . . . . . 363—366

Императрица Елизавета Петровна . . . . . 367—398

I. Цесаревна Елизавета Петровна . . . . . 367—378
II. Императрица Елизавета Петровна . . . . . 378—383
III. Правительственная дѣятельность при Елизаветѣ Петровнѣ . 383—398

Императоръ Петръ III Ѳеодоровичъ . . . . . 399—407

Наружный видъ палатъ бояръ Романовыхъ въ Москвѣ.

Избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова.

I.

Избраніе Михаила Ѳеодоровича Романова на престолъ «великихъ государствъ Россійскаго царствія» обыкновенно представляется намъ, какъ конецъ смуты въ Московскомъ государствѣ и начало твердаго правопорядка. Такъ хотѣли представлять себѣ это избраніе и его современники. Несмотря на полное разореніе самой Москвы и почти всего царства, несмотря на явные признаки внутренняго разлада и грозной опасности иноземныхъ вторженій «отъ нѣмецкой и литовской украйны», московскіе люди твердо уповали на лучшее будущее. Избирая «радостными душами» «благороднаго корени благоцвѣтущую и неувядаемую отрасль»— болѣзненнаго и несовершеннолѣтняго Михаила, земскій соборъ вѣрилъ, что Господь пошлетъ новому царю «свою святую милость, умножитъ лѣтъ живота его и царство его устроитъ мирно и немятежно».

Для такихъ чаяній и надеждъ имѣлись, конечно, основанія. Особенно важна была для современниковъ та особенность царскаго избранія 1613 года, важность которой намъ теперь трудно въ достаточной мѣрѣ почувствовать и оцѣнить. Новый государь былъ избранъ «единомышленнымъ и нерозвратнымъ совѣтомъ» всѣхъ его избирателей, ибо соединилъ на себѣ симпатіи рѣшительно всѣхъ

общественныхъ группъ, кромѣ развѣ непримиримой части казачества и «вѣрниковъ» Сигизмунда. Можно думать, что одна только семья Романовыхъ могла вызвать такое единодушіе въ ту пору, когда «по общему земскому грѣху и по зависти діавола» каждаго, изъ бывшихъ въ смуту государей, «многіе люди возненавидѣли и отъ него отстали, и учинилась въ Московскомъ государствѣ рознь». Съ появленіемъ у власти М. Ѳ. Романова впервые мелькнула надежда на то, что долгая и очень острая вражда классовъ и отдѣльныхъ кружковъ можетъ быть примирена и что, наконецъ, въ лицѣ Михаила «самъ Богъ избралъ» на московскій престолъ такого царя, которому «служити и прямити» и за котораго «головы свои класти отъ мала и до велика всѣ люди ради».

II.

Чтобы объяснить такое значеніе семьи Романовыхъ въ 1613 году, необходимо сдѣлать нѣкоторое отступленіе въ исторію Смутнаго времени.

Эпоха смуты, какъ извѣстно, началась борьбою за московскій престолъ, «вдовѣвшій» послѣ смерти царя Ѳеодора Іоанновича и послѣ отказа отъ власти и отъ міра его вдовы царицы Ирины. Въ этой борьбѣ приняли участіе: Годуновы, Романовы, князья Шуйскіе. Первый успѣхъ выпалъ на долю Годуновыхъ; но имъ же первымъ суждена была и гибель. Виды на престолъ старшаго изъ Романовыхъ, Ѳеодора Никитича, не удались, и вмѣсто «царскихъ утварей» онъ, по милости царя Бориса, стяжалъ себѣ монашескую рясу. Не удалась затѣмъ и попытка, при воцареніи Василія Шуйскаго, возвести «старца Филарета» (раньше — Ѳеодора Романова) на патріаршество. По волѣ царя Василія патріархомъ тогда сталъ Гермогенъ, старецъ же Филаретъ удовольствовался саномъ ростовскаго митрополита, а его младшій братъ, параличный Иванъ Никитичъ Романовъ, числился въ боярахъ у царя Василія. Остальные братья «Никитичи» Романовы окончили свою жизнь въ лишеніяхъ ссылки. Многолюдная семья Романовыхъ оскудѣла людьми и, казалось, потеряла все то прежнее вліяніе, какимъ она пользовалась по родству съ Грознымъ и по его расположенію. Судьба готовила Романовымъ еще и новыя испытанія.

Въ 1608 году тушинцы плѣнили Филарета; изъ Ростова они его отвезли въ Тушино и тамъ вмѣсто митрополита стали именовать его патріархомъ московскимъ. Самозванческая затѣя — имѣть въ Тушинѣ своего патріарха — могла погубить моральное достоинство Филарета. Однако доброе его имя поддержалъ тотъ самый патріархъ Гермогенъ, противъ котораго Тушино выставило Филарета, какъ патріарха. Гермогенъ громко заявилъ, что почитаетъ Филарета «плѣнникомъ» и его «не порицаетъ». Изъ тушинскаго

«плѣна» Филаретъ скоро перешелъ въ польскій и томился у короля Сигизмунда въ заточеніи «добрымъ страдальцемъ» за Москву. Казалось, что судьба Романовыхъ была немногимъ лучше плачевной судьбы Годуновыхъ. Пожалуй, меньше жертвъ, но еще больше безчестья и униженій понесли Шуйскіе. Изо всѣхъ «желателей царства» горше всѣхъ была судьба именно царя Василія: его царствованіе было безславно, а конецъ позоренъ: сведенный съ престола и постриженный поневолѣ въ монахи, онъ окончилъ жизнь въ униженіяхъ польскаго плѣна. А престолъ московскій продолжалъ «вдовѣть», потому что никто изъ его «желателей» не могъ сладить съ возбужденною смутами страной.

Комната, по преданію бывшая дѣтскою царя Михаила Ѳеодоровича.

Борьба за престолъ сокрушила всѣ московскія семьи, жаждавшія царскаго сана, — и тогда къ московскому трону потянулись иноземцы. Сами бояре звали на Москву шведско-польскій домъ Вазы въ лицѣ королевича Владислава и посредствомъ мимолетной династической уніи съ Речью Посполитой мечтали погасить вѣковую вражду съ этимъ государствомъ. Другой Ваза — изъ Швеціи— настойчиво напрашивался на московское государство, послѣ того какъ ему удалось съ бою «обовладѣть» Великимъ Новгородомъ. Для московской самобытности, казалось, наступили послѣдніе дни. Шведская сила въ Новгородѣ и польское насиліе въ Москвѣ должны были повести къ раздѣлу «великихъ государствъ Москов-

скаго царствія» между удачливыми сосѣдями. Но еще не умерло народное чувство въ растерзанномъ междоусобіями московскомъ народѣ. Противъ иноземцевъ началось движеніе народныхъ массъ. На время погасла сословная вражда, разъѣдавшая московское общество, и на выручку захваченной польско-литовскими войсками Москвы двинулось ополченіе очень пестраго состава: дворянинъ-рабовладѣлецъ шелъ рядомъ съ бѣглымъ холопомъ и тяглымъ мужикомъ. Оно осадило Москву и провозгласило себя правительствомъ «всея земли» на смѣну сѣвшаго съ поляками въ осадѣ «измѣннаго» боярства. Однако возбужденный патріархомъ Гермогеномъ порывъ патріотизма не могъ вовсе искоренить старой, мо-

Парадная пріемная въ домѣ бояръ Романовыхъ.

сковской розни: она ожила въ народномъ войскѣ подъ Москвою и погубила ополченіе. Произошло обычное разслоеніе: оппозиціонные элементы московскаго общества сбились въ особые «казачьи таборы» и начали прямую войну съ дворянствомъ. Тогда дворяне бросили осаду и поѣхали «по домамъ», разнося по своимъ уѣздамъ вѣсти о казачьемъ «воровствѣ» и отчаяніе въ народномъ будущемъ. Подъ Москвою остались «таборы» съ подобіемъ правительства «всея земли», котораго земля не желала слушать. Иной же, болѣе авторитетной, власти въ странѣ не существовало. Настала, казалось, послѣдняя минута исторической драмы и пришелъ конецъ Московскому государству.

Однако въ эту роковую минуту «послѣдніе люди» Московскаго государства нашли въ себѣ силы сдѣлать еще одну попытку къ спасенію отечества. Починъ ея изошелъ отъ городского торгово-промышленнаго люда, давшаго матеріальныя средства и личную энергію. Поддержали дѣло служилые люди: получивъ въ городахъ опору и обезпеченіе, они могли создать хорошее войско и дать ему способныхъ «начальниковъ». Новая организація, зародившаяся въ Нижнемъ - Новгородѣ и объединившая весь московскій сѣверъ и Поволжье, стала на опредѣленномъ принципѣ: считать врагомъ порядка и народнаго освобожденія не одного иновѣрца и чужеземца, но и своего «вора». Первые удары этой организаціи были

Рабочій покой боярина Ѳеодора Никитича (патріарха Филарета).

направлены именно на своихъ «воровъ» казаковъ. Весь конецъ 1611 и первая половина 1612 года ушли на борьбу съ казачьимъ засильемъ, и когда—къ осени 1612 года—земское ополченіе подошло къ Москвѣ, казачьи таборы были уже побѣждены и подлежали ликвидаціи. Непримиримая часть казачества бѣжала изъ-подъ Москвы на Каспій; остальные «таборы» капитулировали предъ земщиной и присоединились къ земскому ополченію въ качествѣ его союзниковъ. Впервые за всю смуту сословная рознь была погашена цѣною отреченія «воровъ» отъ «воровства», и обѣ части земской рати — и земская, и казачья — получили возможность

дружно «добывать» московскій кремль отъ вражескаго гарнизона. Онѣ и добыли его 22 октября 1612 года.

Съ уничтоженіемъ врага въ столицѣ Московское государство получило видъ освобожденной страны, въ которой надобно было скорѣе налаживать порядокъ. Прежде всего, казалось, необходимъ былъ государь, ибо «безгосударными» московскіе люди не желали оставаться «ни малое время». Для «государскаго обиранья» пытались созвать въ Москву выборныхъ представителей отъ «всякихъ чиновъ людей всѣхъ городовъ» къ 6 декабря, затѣмъ къ 25 декабря. Съѣхались они, однако, лишь въ январѣ 1613 года, и тогда стали «на соборѣхъ» говорить о томъ, «кому Богъ дастъ быть государемъ на великихъ государствахъ Россійскаго царствія».

Столовая въ домѣ бояръ Романовыхъ.

III.

Таковы были событія, предшествовавшія избранію Михаила Ѳеодоровича. Смута послѣдовательно сводила съ политической сцены «великіе роды» московскіе XVI вѣка. Послѣ кратковременнаго торжества были приведены въ ничтожество Годуновы. Бурями смуты разбитъ былъ весь Романовскій кругъ. Князья Шуйскіе погибали въ плѣну. Семья князей Голицыныхъ была разрознена, и старшій изъ нихъ былъ полоненъ вмѣстѣ съ Филаретомъ

Романовымъ. Бояре князья Мстиславскій, Воротынскій, Куракинъ и др. оказались въ явной—хотя бы и невольной—близости къ королю Сигизмунду и разсматривались какъ измѣнники. «Отъялъ Господь сильныя земли», выразился одинъ изъ современниковъ, говоря о разгромѣ въ смуту московской аристократіи. При такихъ условіяхъ, когда Господь «отъялъ сильныя земли», трудно было, разумѣется, опредѣлить, за кѣмъ изъ московской знати болѣе правъ и возможности наслѣдовать «великимъ государямъ московскимъ» и сѣсть на ихъ «вдовѣвшій» престолъ.

Когда въ концѣ 1612 и въ началѣ 1613 года въ Москвѣ формировался земскій соборъ для избранія царя, печальное поло-

Опочивальня въ домѣ бояръ Романовыхъ.

женіе московской знати было учтено. Для многихъ казалось невозможнымъ искать царя между своими людьми, въ средѣ разбитаго боярскаго класса. И «восхотѣша начальницы паки себѣ царя отъ иновѣрныхъ», говоритъ лѣтописецъ. Возродилась мысль о желательности пригласить на московскій престолъ лицо изъ чуждаго владѣтельнаго рода. Король Сигизмундъ и его сынъ Владиславъ получали въ ту пору изъ Москвы вѣсти, что «на Москвѣ у бояръ... и у лучшихъ людей хотѣніе есть, чтобы просити на государство васъ великаго господаря королевича Владислава Жигимонтовича, а имянно де о томъ говорити не смѣютъ, боясь казаковъ, а говорятъ, чтобы обрать на господарство чужеземца». Шведскія власти,

занимавшія въ то время Новгородъ, также имѣли отъ русскихъ людей, попадавшихъ въ ихъ руки, неоднократныя указанія на то, что кн. Дм. М. Пожарскій и другіе «бояре» предпочитали шведскаго герцога Карла Филиппа туземному кандидату на престолъ. Словомъ, въ освобожденной Москвѣ, только что испытавшей на себѣ гнетъ чужой силы, снова тянулись къ этой самой силѣ изъ боязни собственнаго безсилія и безлюдья.

Но если «начальниковъ и бояръ» пугала мысль объ избраніи на царство своего туземнаго кандидата, то прочую массу московскихъ избирателей и простыхъ обывателей страшила возможность новаго воцаренія иноземца. Лѣтописецъ прямо говоритъ,

Моленная въ домѣ бояръ Романовыхъ.

что «народи ратніи не восхотѣша сему быти». Въ особенности же среди этихъ «ратныхъ народовъ» настроены противъ иноземца были казаки. По многимъ извѣстіямъ именно они «примѣривали» на царство туземныхъ кандидатовъ и своимъ неспокойнымъ настроеніемъ создавали очень тревожную атмосферу въ Москвѣ. Не раздѣлявшее боярской мысли объ иноземномъ царѣ среднее населеніе Москвы, тѣмъ не менѣе, смотрѣло на казаковъ съ великимъ опасеніемъ, боясь самаго ихъ «патріотизма». Желаніе казаковъ посадить на престолъ ихъ собственнаго кандидата казалось очень рискованнымъ: на Московскомъ царствѣ могло оказаться отрожденіе самозванщины — «Маринкинъ сынъ», «воренокъ» царевичъ Иванъ.

Какъ ни странно кажется это на первый взглядъ современному намъ наблюдателю, страхъ москвичей предъ побѣжденнымъ и, казалось бы, укрощеннымъ казачествомъ воскресъ въ концѣ 1612 года съ новою силою, и «казачій вопросъ» получилъ особую остроту въ Москвѣ, именно ко времени царскаго избранія.

Острота отношеній къ казачеству создана была тѣмъ неожиданнымъ для москвичей обстоятельствомъ, что казаки къ концу 1612 года не ждано, не гадано оказались въ Москвѣ многочисленнѣе всѣхъ прочихъ родовъ московскаго воинства. Когда войско кн. Пожарскаго завоевало Москву, оно сочло, что его «походъ» оконченъ, и служилые люди получили разрѣшеніе воз-

Знамя кн. Д. М. Пожарскаго.

вратиться въ свои уѣзды по домамъ. Содержать полностью всю рать въ разоренной Москвѣ властямъ было трудно; еще труднѣе было служилому люду кормиться тамъ своими средствами. Не представлялось и прямой нужды держать въ столицѣ большія массы полевого войска, ибо врага близко не было. Казалось достаточнымъ оставить въ Москвѣ лишь необходимый гарнизонъ. По обычному порядку въ составъ его вошли московскіе дворяне, нѣкоторыя группы «городовыхъ» дворянъ изъ различныхъ уѣздовъ, затѣмъ остатки стараго московскаго гарнизоннаго войска — стрѣльцы, — и наконецъ, казаки. Послѣднихъ некуда было распустить, какъ

дворянъ, — по ихъ бездомовности, и въ то же время ихъ нельзя было разослать на службу въ города — по ихъ ненадежности. Приходилось ихъ всѣхъ оставить въ столичномъ гарнизонѣ; а было ихъ тогда, по точному показанію одного современника, 4.500 человѣкъ, стрѣльцовъ же насчитывали около тысячи человѣкъ, а дворянъ и дѣтей боярскихъ «всего тысячи съ двѣ». Такимъ образомъ въ исходѣ 1612 года казачье войско въ Москвѣ числомъ болѣе чѣмъ вдвое превосходило дворянскую силу и раза въ полтора превосходило дворянъ и стрѣльцовъ вмѣстѣ взятыхъ. Почуявъ свое численное преобладаніе, казаки подняли головы и думали снова, какъ въ 1611 году, овладѣть положеніемъ дѣлъ въ столицѣ. Современники отмѣтили такое настроеніе казаковъ: дворянинъ Иванъ Философовъ прямо выразился такъ, что «во всемъ казаки бояромъ и дворяномъ сильны, дѣлаютъ, что хотятъ»; шведы говорили о казакахъ, что въ ту пору «казаки въ московскихъ столпѣхъ сильнѣйшіи»: словомъ «столпѣхъ» московскіе толкачи, повидимому, передали слово «Stände» нѣмецкой записи словъ Философова.

Вотъ этотъ-то сильнѣйшій и безпокойнѣйшій «столпъ» московскимъ властямъ и предстояло обезпечить кормами и держать въ повиновеніи и порядкѣ. Задача оказывалась не по силамъ временному правительству кн. Трубецкого и кн. Пожарскаго, за которыми уже не было большой и сильной земской рати. Съ одной стороны, казаки настойчиво и беззастѣнчиво требовали кормовъ и всякаго жалованья, а съ другой—они открыто мечтали о возведеніи на царство своихъ кандидатовъ. По сообщенію лѣтописца, казаки послѣ взятія Кремля «начаша прошати жалованья безпрестанно»; они «всю казну московскую взяша, и едва у нихъ немного государевы казны отняша»; изъ-за казны они однажды пришли въ Кремль и хотѣли «побить» начальниковъ (князей Трубецкого и Пожарскаго), но дворяне не допустили до этого и межъ ними «едва безъ крови проиде». По словамъ Ив. Философова, московскія власти «что у кого казны сыщутъ, и то все отдаютъ казакамъ въ жалованье; а что (при сдачѣ Москвы) взяли въ Москвѣ у польскихъ и русскихъ людей, и то все поимали казаки жъ». Изъ опросовъ русскихъ людей шведы узнали, что при такомъ дѣлежѣ военной добычи «каждый казакъ получилъ деньгами и цѣнными вещами по восьми рублей»,—сумма, для того времени очень значительная. Тѣмъ не менѣе, казаки этимъ не удовольствовались, и ихъ спокойствіе и послушаніе приходилось покупать все новыми и новыми подачками. Одновременно съ требованіемъ «кормовъ» казаки проявляли и нѣкоторую политическую требовательность. Они, очевидно, возвращались къ мысли о политическомъ преобладаніи, утерянномъ ими вслѣдствіе успѣховъ рати кн. Пожарскаго. Были обстоятельства, наводившія на такую мысль: послѣ Московскаго очищенья во главѣ временнаго правительства по чиновному старшинству почитался казачій воевода кн. Д. Т.

Трубецкой; главную силу московскаго гарнизона составляли казаки; было явно, что ихъ боялись. Соблазнительна была въ ихъ глазахъ возможность повліять на дальнѣйшую судьбу Московскаго царства. Увлекаясь этою возможностью, казаки заранѣе — до

Сабля Минина. Сабля князя Пожарскаго.

собора, имѣвшаго избрать государя,—уже «примѣривали» на престолъ наиболѣе достойныхъ, по ихъ мнѣнію, и удобныхъ лицъ. Такими оказывались сынъ бывшаго Тушинскаго вора «воровской Калужскій» царевичъ и сынъ нареченнаго Тушинскаго патріарха Филарета Романова.

IV.

Итакъ, мы знаемъ теперь сложность московскихъ внутреннихъ отношеній предъ царскимъ избраніемъ 1613 года. Разбитая смутой московская знать не имѣла въ своемъ составѣ ни одной уцѣлѣвшей фамиліи, которая могла бы претендовать на занятіе престола съ надеждою его укрѣпить и защитить. Отсюда получала свою устойчивость мысль о призваніи царя изъ чуждой династіи. Повидимому, этой мысли держались не только тѣ бояре, которые уже разъ позвали царя изъ Польши, но и самъ кн. Пожарскій, ведшій въ Ярославлѣ переговоры съ Новгородомъ о принятіи царя изъ Швеціи. Однако идея объ иноземномъ монархѣ не имѣла никакой популярности въ массахъ. Казаки, высказываясь очень рѣзко противъ нея, «примѣривали» на московскій престолъ своихъ «тушинскихъ» кандидатовъ. Прочіе «народи» одинаково боялись и боярской идеи, и казацкихъ затѣй, но сами не знали, кого просить въ цари и «много, избирающи, искаху». «И многое было волненіе всякимъ людемъ», говоритъ лѣтописецъ. Надобно было обезопаситься отъ возможныхъ интригъ сверху и отъ грубаго насилія снизу и надобно было осмотрительно намѣтить достойнаго избранника на «вдовѣвшій» престолъ.

Таковы были задачи земскаго собора, сошедшагося въ Москвѣ въ январѣ 1613 года. Каковъ же былъ этотъ соборъ?

До насъ почти совсѣмъ не дошло документовъ собора, кромѣ торжественной «утвержденной грамоты» объ избраніи М. Ѳ. Романова. Нѣтъ поэтому подробныхъ и точныхъ свѣдѣній о составѣ собора, о ходѣ его засѣданій и о послѣдовательности разсужденій и постановленій собора.

Что касается до состава собора, то извѣстно, что временное правительство кн. Трубецкого и Пожарскаго грамотами еще въ ноябрѣ 1612 года созывало въ Москву «изо всякихъ чиновъ», «изо всѣхъ городовъ», «по десяти человѣкъ отъ городовъ», для «государственныхъ и земскихъ дѣлъ», а главнымъ образомъ для избранія государя, которое должно было совершиться «всякими людьми отъ мала и до велика». Выборное начало въ представительствѣ выступаетъ на соборѣ 1613 года уже въ полной силѣ, какъ общепринятая и вполнѣ выработанная норма. Составъ земскаго собора 1613 года, судя по подписямъ его участниковъ на соборной грамотѣ, опредѣляется такъ: «освященный соборъ» включалъ въ себѣ трехъ митрополитовъ (Ефрема, Кирилла и Іону), архіереевъ, архимандритовъ и игуменовъ. Священники давали свои подписи вмѣстѣ съ городскими представителями и иногда называли себя «выборными», — знакъ, что они являлись на соборъ мірскими уполномоченными на основаніи тѣхъ порядковъ, которые укрѣпились въ городахъ въ Смутное время и втягивали духовенство

въ мірскія дѣла, вплоть до ратнаго дѣла. Поэтому-то бѣлое духовенство и слѣдуетъ считать не въ освященномъ соборѣ, а въ рядахъ земскихъ представителей. Боярская дума на соборѣ 1613 года играла особую роль. «Начальники» изъ Ярославля пришли съ Пожарскимъ подъ Москву и продолжали здѣсь быть правительственнымъ совѣтомъ. Когда бояре, сидѣвшіе въ Москвѣ съ поляками, были освобождены, они по сану своему должны были занять первыя мѣста въ синклитѣ у Пожарскаго. Но «начальники», очевидно, относились къ нимъ, какъ къ измѣнникамъ, и подняли вопросъ о нихъ. Одинъ изъ современниковъ записалъ, что въ Москвѣ бояръ, которые въ осадѣ сидѣли, «въ думу не припускаютъ, а писали о нихъ въ городы ко всякомъ людямъ: пускать ихъ въ думу или нѣтъ?» И вопросъ, повидимому, былъ рѣшенъ отрицательно: бояре разъѣхались изъ Москвы по селамъ и не были на самомъ избраніи царя. Ихъ возвратили въ Москву, когда Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ уже избранъ, для участія въ окончательномъ провозглашеніи новаго царя въ засѣданіи 21 февраля. Соборною же дѣятельностью руководили не эти старые бояре, а «начальники». Такъ устроены были высшіе органы управленія, церковнаго и государственнаго, вошедшіе въ соборъ. Земскіе представители на соборѣ 1613 года были, по основанію представительства, двухъ категорій. Одни явились на соборъ по старому порядку, въ силу своего служебнаго положенія; это — придворные чины, «большіе дворяне» и приказные люди. Другіе были посланы на соборъ по избранію и явились туда съ «договорами», то-есть, съ инструкціями избирателей, и «съ выборами за всякихъ людей руками», то-есть, съ документами, удостовѣряющими правильность ихъ избранія. Это были, по старому опредѣленію, «изо всѣхъ городовъ лучшіе и разумные постоятельные люди». Москва не опредѣляла ихъ числа точнымъ и обязательнымъ для городовъ порядкомъ. Въ одной грамотѣ Пожарскій просилъ опредѣленно по десяти человѣкъ отъ города; по другому свидѣтельству, изъ Москвы просили прислать «изъ дворянъ и изъ дѣтей боярскихъ, и изъ гостей, и изъ торговыхъ, и изъ посадскихъ, и изъ уѣздныхъ людей, выбравъ лучшихъ, крѣпкихъ и разумныхъ людей, по скольку человѣкъ пригоже». Нельзя поэтому сказать, сколько всего выборныхъ ожидалось въ Москву. Нельзя опредѣлить и того, сколько ихъ дѣйствительно туда пріѣхало, такъ какъ у насъ нѣтъ точнаго списка участниковъ собора. Подъ однимъ экземпляромъ избирательной грамоты ими сдѣлано 235 подписей, подъ другимъ — 238 подписей, и въ обоихъ упомянуто около 277 именъ соборныхъ участниковъ. Но это не есть точное число. Выборные подписывали грамоту одинъ за многихъ товарищей, не называя ихъ поименно; такъ, выборныхъ нижегородцевъ было на соборѣ, какъ мы случайно знаемъ, не менѣе 19, а подписали грамоту всего 5 человѣкъ на одномъ экземплярѣ и 6 на другомъ. Можно поэтому

думать, что число участниковъ собора, и въ частности выборныхъ изъ городовъ, было гораздо больше, чѣмъ мы знаемъ по ихъ подписямъ. По нѣкоторымъ соображеніямъ можно полагать, что всего соборныхъ людей было до 700. Разбираясь въ тѣхъ данныхъ, какія представляютъ намъ подписи соборныхъ выборныхъ, мы видимъ, что на призывъ Москвы откликнулись много городовъ и уѣздовъ. Можно насчитать не менѣе 50 городовъ, представители которыхъ были на соборѣ 1613 года. Для того времени 50 городовъ очень большое число, тѣмъ болѣе внушительное, что въ него вошли города самыхъ различныхъ областей государства, отъ Бѣлаго моря до Дона и Донца. Такимъ образомъ въ территоріальномъ отношеніи составъ представительства надобно признать достаточно полнымъ. Въ сословномъ же отношеніи принято считать соборъ 1613 года самымъ полнымъ, потому что на немъ, кромѣ служилыхъ людей, казаковъ и тяглыхъ горожанъ, были еще «уѣздные люди». За уѣздныхъ людей на одномъ экземплярѣ избирательной грамоты есть 12 подписей, на другомъ — 11. Подъ этимъ немного неопредѣленнымъ названіемъ «уѣздныхъ людей» обыкновенно разумѣютъ представителей крестьянства. Для Двинскаго уѣзда это и вѣроятно, потому что на московскомъ сѣверѣ, какъ это извѣстно, процвѣтало крестьянское самоуправленіе въ свободныхъ крестьянскихъ общинахъ. Но для остальныхъ мѣстъ, отъ которыхъ явились представители «уѣздныхъ людей», это сомнительно. За исключеніемъ «Устюжны Желѣзныя», во всѣхъ прочихъ десяти уѣздахъ нельзя предполагать существованія свободныхъ отъ вотчинной власти крестьянскихъ міровъ. Эти мѣста московскаго юга (Тула, Брянскъ, Новосиль, Курскъ и др.) извѣстны господствомъ служилаго землевладѣнія въ его мелкихъ формахъ, исключавшихъ въ то время возможность развитія свободнаго крестьянскаго владѣнія и самостоятельныхъ тяглыхъ организацій. Въ этихъ уѣздахъ подъ «уѣздными людьми» надлежитъ разумѣть скорѣе всего низшіе разряды служилыхъ людей, приписанныхъ по службѣ къ городамъ, и обезпеченныхъ участками пахотной земли и угодьями внѣ городовъ. Осторожнѣе будетъ не настаивать на мысли, что на соборѣ 1613 года сословное представительство было полнѣе, чѣмъ на прочихъ соборахъ XVII вѣка. На всѣхъ соборахъ одинаково крестьяне не пользовались правомъ отдѣльнаго представительства, и на всѣхъ соборахъ одинаково были представлены уѣздные люди. Представительство сѣверныхъ областей сливало въ одно уѣздныхъ крестьянъ съ посадскими людьми, съ которыми они иногда сливались и въ отношеніи податнаго самоуправленія а представительство южной половины государства соединяло уѣздныхъ людей низшихъ служилыхъ званій вмѣстѣ съ помѣстнымъ дворянствомъ въ одну группу «всякихъ служилыхъ людей».

Такъ опредѣлился составъ собора, избравшаго новую московскую династію. «Власти» и дума вошли въ соборъ цѣликомъ.

Высшіе слои служилаго московскаго люда были допущены безъ избирательныхъ полномочій и, если не поголовно, то въ очень большомъ числѣ — на основаніи ихъ служебнаго положенія и значенія. Рядовое провинціальное дворянство съ низшими слоями служилаго люда и городское податное населеніе съ близкими къ нему слоями свободнаго сѣвернаго крестьянства — были привлечены къ участію въ соборѣ на основѣ выборнаго представительства, въ которомъ приняло участіе и городское духовенство, избиравшее и избираемое въ городскихъ избирательныхъ округахъ.

Соображая всѣ условія тогдашней соборной практики и пріемы организаціи тогдашняго представительства, надобно признать соборъ 1613 года очень полнымъ и старательно составленнымъ. Насколько было можно, онъ хорошо представлялъ собою «всю землю» и казачье войско и поэтому имѣлъ безспорный политическій и моральный авторитетъ.

V.

Ходъ занятій собора и ихъ внѣшній порядокъ намъ вовсе неизвѣстенъ. Можно только, съ нѣкоторою надеждою на достовѣрность, заключать о той послѣдовательности, съ какою работала на соборѣ избирательная мысль. Первымъ предметомъ сужденій былъ, повидимому, вопросъ объ иноземныхъ и иновѣрныхъ династіяхъ. Въ результатѣ преній состоялось общее рѣшеніе: «Литовскаго и Свійскаго короля и ихъ дѣтей, за ихъ многія неправды, и иныхъ никоторыхъ земель людей на Московское государство не обирать». Заодно тогда же былъ рѣшенъ вопросъ и о казачьей мечтѣ относительно «царевича Ивана»; постановили «Маринки съ сыномъ не хотѣть». Такимъ образомъ соборъ прежде всего поспѣшилъ покончить съ тѣмъ, что могло казаться ему «измѣною» и «воровствомъ». Ни иноземцу, ни «воренку» не бывать на московскомъ престолѣ; этимъ отнимались всякія надежды на успѣхъ боярскихъ интригъ или казацкаго засилья. Съ принятіемъ такого рѣшенія за средними земскими людьми оказалось важная побѣда, и они могли вести дѣло избранія по своему разумѣнію. «И говорили на соборѣхъ о царевичахъ (татарскихъ), которые служатъ въ московскомъ государствѣ, и о великихъ родѣхъ, кому изъ нихъ Богъ дастъ на Московскомъ государствѣ быти государемъ». Но уже было показано, что «великіе роды» московскіе находились благодаря Смутѣ въ полномъ разстройствѣ, и ни одинъ изъ нихъ не казался въ силахъ наслѣдовать «прежнимъ великимъ государямъ». Поэтому трудно было собору сразу остановить на комъ-нибудь свой выборъ; голоса избирающихъ разошлись: «койждо хотяше по своей мысли дѣяти», и каждый говорилъ про своего. Были и самочинные «желатели царства»: по сообщенію современника «многіе же отъ вельможъ,

желающи царемъ быти, подкупахуся, многимъ и дающи и обѣщающи многіе дары». Началась, словомъ, избирательная борьба: «по многи же быть собранія людемъ, дѣла же утвердити не могутъ и всуе мятутся сѣмо и овамо». Насколько можно судить, въ эту критическую минуту соборной дѣятельности на соборъ было оказано давленіе извнѣ, со стороны казачества и народныхъ массъ. Отказавшись отъ «воренка», казаки продолжали «примѣривать» на царство другого своего кандидата Михаила Ѳеодоровича Романова. По преданію, «славнаго Дону атаманъ» первый изъяснилъ собору права на царство Михаила. Къ мысли казаковъ о Михаилѣ Ѳеодоровичѣ примкнули и земскіе люди. Они толпою, вмѣстѣ съ казаками, пришли, напримѣръ, къ Троицкому келарю Авраамію Палицыну, прося этого популярнаго монаха довести до земскаго собора ихъ просьбу объ избраніи на престолъ именно М. Ѳ. Романова. Сталобыть, въ то время, когда на соборѣ «много избирающи искаху», внѣ собора земщина и казаки уже нашли имя, на которомъ могли искренно объединиться. Это имя они и несли на соборъ. Чѣмъ рѣшительнѣе соборъ становился противъ «Маринкина сына», тѣмъ внимательнѣе долженъ былъ онъ отнестись къ другому кандидату казаковъ — къ «Филаретову сыну», тѣмъ вдумчивѣе долженъ былъ онъ обсудить всѣ его шансы. Сойдясь съ безпокойною и грозною казачьей средою на одномъ кандидатѣ въ цари, соборъ достигалъ этимъ цѣннѣйшаго единодушія всей страны въ самомъ важномъ дѣлѣ того политическаго момента.

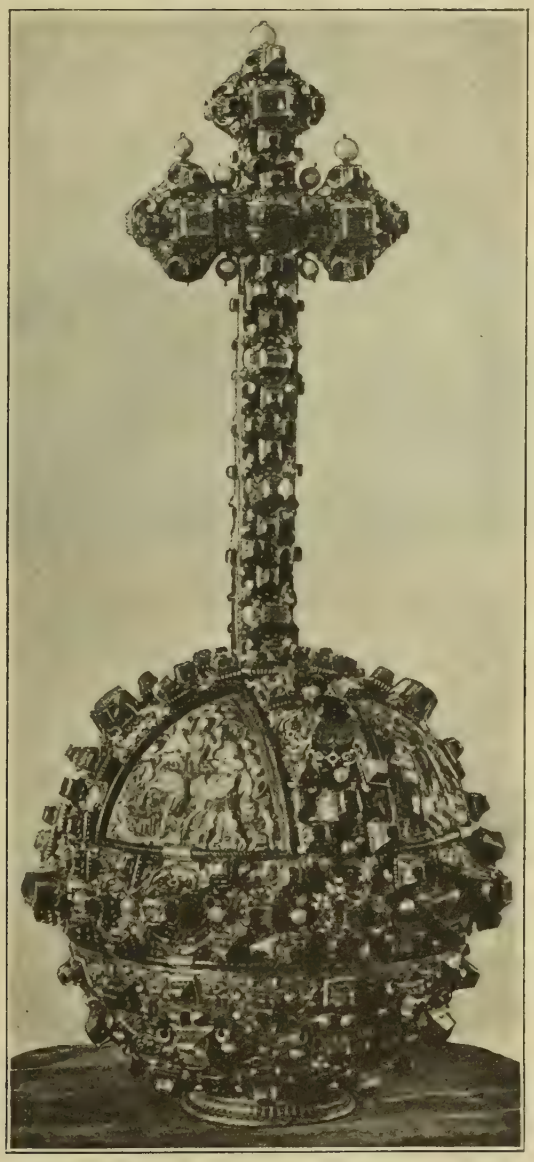
Шансы М. Ѳ. Романова были не малы и не маловажны. Прежде всего соборъ вспомнилъ, что Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ «блаженныя и славныя памяти великаго государя царя и великаго князя Ѳеодора Ивановича всея Руссіи сородичемъ — племянникомъ его благоцвѣтущей и неувядаемой отрасли». Дѣдъ Михаила Ѳеодоровича, бояринъ Никита Романовичъ Захарьинъ - Юрьевъ, приходился роднымъ братомъ первой женѣ Грознаго Анастасіи; а отецъ Михаила, Филаретъ Никитичъ, былъ двоюроднымъ братомъ царя Ѳеодора Ивановича. Такимъ образомъ нить ближняго свойства связывала Романовыхъ съ угасшимъ родомъ «великихъ государей» XVI вѣка. Съ другой стороны, въ XVI вѣкѣ семья Романовыхъ стала очень популярною благодаря ряду выдающихся лицъ, главнымъ же образомъ благодаря «кроткой голубицѣ», царицѣ Анастасіи, и ея брату Никитѣ Романовичу. Послѣдній перешелъ даже въ народную пѣсню съ возвышенными эпическими чертами. Вѣрный долгу и благородно безстрашный въ пѣснѣ, бояринъ Никита Романовичъ въ историческихъ документахъ представляется однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и вліятельныхъ «земскихъ» бояръ Грознаго. Его заслуги и фаворъ при Грозномъ подняли все его племя «Никитичей» на высшія ступени дворцовой знати. Придворное значеніе Романовыхъ къ концу XVI вѣка выросло настолько, что въ 1598 году въ народѣ уже ходилъ такой разсказъ,

будто бы царь Ѳеодоръ, умирая, вручилъ свой скипетръ именно Никитичамъ. Старшій изъ Никитичей самъ пробовалъ было искать этого скипетра послѣ кончины царя Ѳеодора, но былъ вынужденъ уступить царство Годунову, а изъ рукъ послѣдняго получилъ себѣ невольное иночество. Въ 1610 году, въ пору призванія Владислава, москвичи, не желавшіе иновѣрца, говорили о возможности избранія на престолъ либо князя В. В. Голицына, либо малолѣтняго Михаила Романова. Такимъ образомъ рядъ житейскихъ или эпическихъ воспоминаній могъ удостовѣрить предъ членами избирательнаго собора какъ близкое свойство Михаила со старой династіей, такъ и принадлежность его къ старой дворцовой знати съ ея традиціонно-охранительными настроеніями. Собственно «казачьяго» въ этомъ казачьемъ кандидатѣ не было ничего, и казаки «примѣривали» его на царство лишь какъ сына іерарха, стоявшаго когда-то (вольно или невольно) во главѣ Тушинскаго духовенства. Было особое счастье въ томъ, что земщина могла спокойно и безъ опасеній за будущій государственный порядокъ принять казачьяго кандидата и сдѣлать его въ такой же мѣрѣ и своимъ. Надобно думать, что именно это соображеніе рѣшило дѣло въ пользу Михаила Ѳеодоровича, несмотря на то, что онъ былъ очень молодъ, болѣзненъ и безпризоренъ: отецъ его былъ въ польскомъ плѣну.

7 февраля 1613 года земскій соборъ избралъ на царство Михаила Ѳеодоровича Романова «единомышленнымъ и нерозвратнымъ совѣтомъ» всѣхъ участниковъ избранія «отъ мала и до велика, не токмо въ мужественномъ возрастѣ — и до сущихъ младенецъ». Но изъ осторожности соборъ отложилъ торжественное оглашеніе совершеннаго имъ избранія на двѣ недѣли — до воскресенья 21 февраля. Въ этомъ срокъ, во-первыхъ, созвали въ Москву отсутствовавшихъ бояръ, «князя Ѳ. И. Мстиславскаго съ товарищи», повидимому удаленныхъ изъ Москвы за свою «измѣну» во время «осаднаго сидѣнія» въ Кремлѣ и не принимавшихъ участія въ соборѣ. А во-вторыхъ, отъ собора въ ближайшіе города «послали тайно во всякихъ людяхъ мысли ихъ про государское обиранье провѣдывати вѣрныхъ и богобоязненныхъ людей, кого хотятъ государемъ царемъ на Московское государство во всѣхъ городѣхъ». Иначе говоря, рѣшились провѣрить, любъ ли будетъ городамъ предызбранный М. Ѳ. Романовъ. Получивъ добрыя вѣсти и дождавшись бояръ, соборъ «на сборное воскресеніе» 21 февраля, «уговѣвъ первую недѣлю великаго поста», сошелся на великое дѣло торжественнаго «царскаго собранія». Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ провозглашенъ государемъ «въ большомъ московскомъ дворцѣ въ присутствіи — внутри и внѣ — всего народа изо всѣхъ городовъ Россіи». Избраніе такимъ образомъ совершилось, и немедля стали искать М. Ѳ. Романова, пославъ къ нему пословъ «въ Ярославль, или гдѣ онъ, государь, будетъ».

Соборная грамота объ избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича. (Верхняя половина).
Хранится въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Москвѣ.

Когда новаго государя нашли въ Костромѣ и отъ него получили согласіе принять всенародно избраніе, — въ Московскомъ государствѣ началась новая эпоха государственнаго строительства.



Держава царя Михаила Ѳеодоровича.
Хранится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

Шапка Мономаха.
Золотая; древнѣйшая русская работа; какого-либо другого предмета подобной работы неизвѣстно.
Хранится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

ЦАРЬ
Михаилъ Ѳеодоровичъ.

I.

Родители царя Михаила Ѳеодоровича, его личная и семейная жизнь.

(1596 — 1613 — 1645).

Избраніе царя совѣтомъ всей земли поставило у кормила власти государя-юношу, которому не исполнилось еще и 17 лѣтъ. Михаилъ Ѳеодоровичъ выросъ въ тяжелыхъ и тревожныхъ условіяхъ Смутнаго времени, поразившаго семью бояръ Романовыхъ рядомъ грозныхъ бурь, чтобы вознести ее затѣмъ на ту высоту, у подножія которой стояли отецъ и дѣдъ царя Михаила. Извѣстно, что на брата первой своей царицы, Никиту Романовича Захарьина-Юрьева, оставилъ свое государство Грозный царь. Не сломи боярина Никиту преждевременная смертная болѣзнь, едва ли бы могъ разы-

граться тотъ правительственный, династическій кризисъ, который составилъ государственную сторону Смуты. Но Никита Романовичъ сошелъ съ житейской сцены раньше, чѣмъ окрѣпло для преемства по немъ во вліяніи и значеніи его цвѣтущее семейное гнѣздо—пять его сыновей, пять братьевъ Никитичей; никто изъ этой молодежи не успѣлъ еще въ моментъ смерти отца достигнуть боярскаго сана. Главою семьи, сильной связями въ боярской средѣ и популярной въ народѣ, остался старшій изъ Никитичей, Ѳеодоръ, отецъ будущаго государя. Даровитый и энергичный бояринъ выступилъ соперникомъ Бориса Годунова по соисканію осиротѣвшаго престола московскихъ Даниловичей. Но часъ его еще не пришелъ, а за разрывъ «завѣщательнаго союза дружбы» между Романовыми и Годуновыми Никитичамъ и ихъ роднѣ и друзьямъ довелось поплатиться царской опалой. Царь Борисъ не забылъ бурныхъ столкновеній избирательной борьбы 1597 года. Пытаясь обезоружить Романовыхъ признаніемъ ихъ высокаго боярскаго положенія, онъ въ то же время окружилъ ихъ недовѣрчивымъ надзоромъ, а когда почуялъ, что не тверда почва подъ его престоломъ, не колебался, гдѣ искать корней опасности для своей власти и своихъ династическихъ плановъ: въ 1601 году взята была подъ стражу и на розыскъ вся семья бояръ Романовыхъ. Гласно ихъ обвинили въ колдовствѣ, будто бы найдя у одного изъ нихъ, Александра Никитича, какое-то «коренье». Братьевъ Никитичей съ семьями и нѣсколькихъ представителей другихъ боярскихъ фамилій, связанныхъ съ ними узами родства и дружбы, постигла ссылка. Истинный смыслъ дѣла заключался въ обвиненіи, что Романовы «хотѣли царство достать». Всего суровѣе обрушилась царская опала на Ѳеодора Никитича. Семья его была разбита; самъ бояринъ испыталъ обычный московскій пріемъ удаленія опасныхъ людей съ политическаго поприща — насильное постриженіе, и сталъ инокомъ Филаретомъ въ далекомъ Антоніевомъ-Сійскомъ монастырѣ; его жена, Ксенія Ивановна, пострижена была подъ именемъ инокини Марѳы и сослана въ глухой Толвуйскій погостъ въ Заонежьи, а пятилѣтній Михаилъ, разлученный съ родителями, отданъ, вмѣстѣ съ сестрой Татьяной, на попеченіе тетки, кн. Марѳы Никитичны Черкасской, и раздѣлялъ ея ссылку сперва на Бѣломъ Озерѣ, потомъ въ селѣ Клинѣ, Юрьевскаго уѣзда, вотчинѣ Романовыхъ. Сюда въ слѣдующемъ же году прибыла съ разрѣшенія царя Бориса и мать Михаила, инокиня Марѳа, съ тѣхъ поръ не разлучавшаяся съ сыномъ. Но отца онъ увидалъ не скоро. Только скоропостижная кончина царя Бориса освободила инока Филарета изъ монастырскаго заточенія. Занявъ московскій престолъ, самозванецъ поспѣшилъ призвать въ Москву своихъ мнимыхъ свойственниковъ, возвелъ Филарета на митрополичью каѳедру ростовскую, и сына его пожаловалъ въ стольники.

Надежды Филарета Никитича на возвращеніе къ силѣ и вліянію на Москвѣ, какія онъ такъ смѣло высказывалъ въ своемъ да-

лекомъ монастырѣ, пока шла борьба Годунова съ самозванцемъ, не оправдались. Онѣ лишь свидѣтельствовали, что поневолѣ носимый клобукъ не смирилъ его духа. Большое честолюбіе, яркій политическій темпераментъ и выдающіяся государственныя способности

Древнѣйшій тронъ русскихъ государей. Слоновой кости, итальянской и нѣмецкой работы. XV—XVI в.
Употребляется при Священномъ коронованіи.
Хранится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

манили попрежнему къ видной и широкой дѣятельности. По формѣ цѣль этихъ стремленій неизбѣжно должна была измѣниться. Не царскій, а патріаршій престолъ могъ теперь стать крайнимъ предѣломъ личной мечты Филарета. Съ паденіемъ самозванца, съ

воцареніемъ Василія Шуйскаго онъ близко подошелъ къ этой новой цѣли, сталъ «нареченнымъ патріархомъ», но волею судебъ и политическихъ отношеній не переступилъ послѣдней ступени, а вернулся на свою ростовскую митрополію. Повидимому, даже патріаршество не могло бы примирить Филарета съ воцареніемъ Шуйскаго. Смутныя вѣсти говорятъ о движеніи противъ новаго

Тронъ Михаила Ѳеодоровича, усыпанный драгоцѣнными камнями.
Употребляется при Священномъ коронованіи.
Хранится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

царя, разыгравшемся на Москвѣ въ то время, какъ нареченный патріархъ ѣздилъ въ Угличъ съ порученіемъ перевезти въ столицу мощи св. царевича Димитрія; московскіе слухи приписали починъ движенія митр. Филарету, новая опала постигла близкихъ ему людей, а самъ онъ покинулъ Угличъ для возвращенія въ Ростовъ, патріархомъ же сталъ Гермогенъ. Михаилъ остался съ матерью

въ Москвѣ, изрѣдка покидая столицу для богомольныхъ поѣздокъ по монастырямъ. Тутъ мать и сынъ пережили бурныя впечатлѣнія временъ царя Василія и Междуцарствія, рядъ событій, въ теченіи которыхъ постоянно выясняется общественно-политическая роль ростовскаго митрополита.

Филаретъ Никитичъ остался и подъ монашескимъ клобукомъ главою тѣхъ общественныхъ элементовъ, связь съ которыми служила опорой для значенія боярскаго дома Романовыхъ и выдвинула ихъ на первое и притомъ безспорное мѣсто, когда назрѣлъ вопросъ о возстановленіи разрушенной храмины Московскаго государства. Въ противоположность Шуйскому, первому среди княжескихъ фамилій московскаго боярства, Филаретъ и по личнымъ свойствамъ, и по семейной традиціи былъ центральной фигурой среди той придворной знати, которая опиралась не на наслѣдіе удѣльныхъ временъ, а на службу царямъ и сотрудничество съ ними въ дѣлѣ государственнаго строительства. Къ этому нетитулованному служилому боярству тянули высшіе слои служилаго сословія, московскіе дворяне и дѣти боярскія; крѣпче и устойчивѣе были его связи съ приказнымъ людомъ и дворянствомъ провинціальнымъ, со всѣми непримиримыми врагами владычества княжатъ, дорожившими зато государственною работой, которую совершили цари XVI в. и преемникъ ихъ завѣтовъ, царь Борисъ. Представителями этихъ среднихъ слоевъ служилаго класса окруженъ митр. Филаретъ, когда — вольно или невольно — играетъ роль патріарха при «царѣ Димитріѣ», тушинскомъ самозванцѣ; ихъ руками расчищенъ ему путь къ власти низложеніемъ царя Василія, и трудно сомнѣваться, что Филаретъ, не будь на немъ постриженія явился бы сильнѣйшимъ кандидатомъ на престолъ въ наставшее безгосударное время. Теперь же рядомъ съ именемъ кн. В. В. Голицына, представителя родословной знати, выступаетъ имя другого кандидата на царскій вѣнецъ—юноши Михаила.

Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ слишкомъ молодъ, чтобы чѣмъ-нибудь себя заявить, особенно въ столь бурные годы. Русскіе люди, скорбѣвшіе о разрухѣ, постигшей Московское государство, останавливали мысль свою на немъ, конечно, не ради его самаго. Но молодой бояринъ оказывался единственнымъ возможнымъ кандидатомъ той среды, которая была носительницею традицій московскаго государственнаго строительства. Рядомъ съ нимъ стоялъ его отецъ, который среди полнаго упадка авторитета и популярности остальнаго боярства сильно поднялъ свое значеніе мужественной ролью защитника національной независимости и территоріальной неприкосновенности Московскаго государства въ переговорахъ съ королемъ Сигизмундомъ объ условіяхъ избранія на царство королевича Владислава. Ссылка главы земскаго посольства въ польскій плѣнъ за твердое стояніе окружила его имя большимъ почетомъ и способствовала успѣху мысли объ избраніи въ цари его сына,

рядомъ съ которымъ станетъ и самъ Филаретъ, какъ патріархъ всея Руси.

Крупная фигура Филарета Никитича естественно отодвигала въ тѣнь обликъ его юнаго сына. «Властительный», сильный дѣятельною волей, политическимъ опытомъ и государственнымъ умомъ, Филаретъ Никитичъ послѣ возвращенія изъ польскаго плѣна сталъ въ санѣ святѣйшаго патріарха вторымъ «великимъ государемъ», который на дѣлѣ «всякими царскими дѣлами и ратными владѣлъ» до своей кончины. Офиціально на первомъ мѣстѣ стоялъ, конечно, царственный сынъ. Филаретъ Никитичъ съ тѣхъ поръ, какъ получилъ извѣщеніе объ его избраніи, неизмѣнно титулуетъ его государемъ. Въ отношенія отца и сына вступаетъ торжественная струя сознанія важности ихъ высокаго положенія. Отецъ сталъ патріархомъ, сынъ — царемъ, и оба никогда этого не забывали въ личномъ общеніи. До насъ дошла довольно обширная ихъ переписка, въ которой тщетно будемъ искать той свободы въ выраженіи личнаго чувства, которая придаетъ такое обаяніе письмамъ царя Алексѣя Михайловича. Патр. Филаретъ письма къ сыну начинаетъ полнымъ царскимъ титуломъ, называетъ его «по плотскому рожденію сыномъ, а о Святѣмъ Дусѣ возлюбленнѣйшимъ сыномъ своего смиренія», царь Михаилъ пишетъ «честнѣйшему и всесвятѣйшему отцу отцемъ и учителю, прежь убо по плоти благородному нашему родителю, нынѣ же превосходящему святителю, великому господину и государю, святѣйшему Филарету Никитичу, Божіею милостью патріарху московскому и всея Русіи». Лишь очень рѣдко удается современному читателю уловить сквозь условныя формы языка этихъ грамотъ проявленія болѣе простыхъ и сердечныхъ отношеній; но они чувствуются въ заботливыхъ сообщеніяхъ о здоровьи, въ обмѣнѣ подарками, въ отдѣльныхъ оборотахъ рѣчи, вкрапленныхъ свѣтлыми точками въ чинную внѣшность царскихъ и патріаршихъ грамотъ. Отношенія царя Михаила къ отцу-патріарху полны глубокой, можно сказать робкой, почтительности. Рѣчь Филарета звучитъ властно, какъ рѣчь человѣка, увѣреннаго, что его совѣты и указанія будутъ приняты съ должнымъ благоговѣніемъ не только къ свѣдѣнію, но и къ исполненію. Современники замѣчали, что царь Михаилъ побаивался отца-патріарха. Во всякомъ случаѣ, онъ ни разу не вышелъ изъ его воли, а въ дѣлахъ правленія признавалъ, что «каковъ онъ государь, таковъ и отецъ его государевъ великій государь, святѣйшій патріархъ: ихъ государево величество нераздѣльно».

Немудрено, что мы мало знаемъ лично о царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ. Не только въ государственной, но и въ дворцовой, личной его жизни рядомъ съ нимъ стояли лица, несравненно болѣе энергичныя, чѣмъ онъ, руководили его волей, по крайней мѣрѣ его поступками. Онъ и выросъ и большую часть жизни своей прожилъ не только подъ обаяніемъ властной натуры отца, но и подъ

сильнѣйшимъ вліяніемъ матери. А Ксенія Ивановна была достойною по силѣ характера супругой своего мужа. Происходила она изъ неродословной семьи костромскихъ дворянъ Шестовыхъ, но бракомъ съ Ѳ. Н. Романовымъ была введена въ первые ряды московскаго общества, пережила съ мужемъ царскую опалу, но ни ссылка, ни подневольное постриженіе и ея крѣпкой натуры не сломили. Рѣзкія, выразительныя черты ея лица, сохраненныя намъ ея портретами, показываютъ, какъ и данныя ея біографіи, что она едва ли уступала супругу во властности и упорствѣ нрава. Все, что

Патріархъ Филаретъ.
Съ портрета въ Романовской галлереѣ Зимняго дворца.

мы о ней знаемъ, заставляетъ полагать, что она всей душой раздѣляла честолюбивыя мечтанія и стремленія Ѳеодора-Филарета, и сумѣла взять въ свои руки власть, когда совершилось, въ отсутствіе отца, томившагося въ польскомъ плѣну, избраніе ихъ сына на царскій престолъ. Инокиня Марѳа ведетъ переговоры съ посольствомъ земскаго собора, свидѣтельствующіе, что она со своими совѣтниками сумѣла вполнѣ понять положеніе и овладѣть имъ. Она выясняетъ всѣ трудности, какія встрѣтитъ новое правительство на своемъ пути, вызываетъ представителей «совѣта всей земли»

на рядъ обѣщаній, которыя руководители юнаго царя затѣмъ обратили въ обязательства, требуя отъ земскаго собора дѣятельной государственной работы для возстановленія силъ и средствъ верховной власти. Ея воля рѣшаетъ согласіе Михаила принять вѣнецъ царскій, и не даромъ читаемъ мы въ грамотахъ, оповѣщавшихъ о вступленіи на престолъ новаго государя, что онъ «учинился на великихъ государствахъ по благословенію матери своей, великія государыни, старицы инокини Марѳы Ивановны». Ея опекаю-

Великая инокиня Марѳа.
Съ портрета въ Романовской галлереѣ Зимняго дворца.

щее руководство имѣло большое значеніе въ жизни Михаила Ѳеодоровича не только до 1619 г., когда ему удалось «батюшку своего изъ Литвы къ Москвѣ здраво выручить», но и позднѣе. Вліяніе «великой старицы» охватывало, однако, лишь узкую сферу дворцоваго быта и личныхъ придворныхъ отношеній, только косвенно отражаясь на болѣе глубокихъ государственныхъ интересахъ. Собственно руководство дѣлами правленія осталось внѣ кругозора инокини Марѳы, и если современникамъ казалось, что она стоитъ въ центрѣ новаго правительства, «поддерживая царство со своимъ

родомъ», то лишь потому, что ея воля царила первые годы въ царскомъ дворцѣ и опредѣляла составъ правящей среды покровительствомъ ея роднѣ и близкимъ людямъ Романовскаго круга. Старица Марѳа стала «великой государыней». Ея имя, какъ позднѣе имя патр. Филарета, появляется въ царскихъ грамотахъ рядомъ и вмѣстѣ съ именемъ ея царственнаго сына, по формулѣ: «Божіей милостью мы, великій государь, и мать наша, государыня великая, старица инокиня Марѳа»; жалованныя грамоты даетъ «великая старица» и особо, своимъ именемъ. Быстро слагается новый придворный кругъ своихъ людей, укрѣпляетъ свое положеніе должностными назначеніями и земельными пожалованіями. Въ его центрѣ — любимые племянники Марѳы Ивановны, Салтыковы, за ними другіе родичи, свойственники и пріятели. Эта среда и стала во главѣ возрождавшейся администраціи въ соединеніи съ приказными дѣльцами, руководителями текущихъ дѣлъ правленія. Предоставивъ довѣреннымъ людямъ вѣдать государство, старица Марѳа Ивановна крѣпко держала дворецъ, его бытъ и интересы, выступая подлинно государыней. Еще съ пути къ столицѣ царь указалъ приготовить къ своему пріѣзду Золотую Палату царицы Ирины Ѳеодоровны, а для матери своей — бывшія хоромы супруги царя Василія Шуйскаго. Но московское разоренье сдѣлало царскій указъ неисполнимымъ: указанныя хоромы оказалось «вскорѣ подѣлати не мочно и нечѣмъ; денегъ въ государевѣ казнѣ нѣтъ и плотниковъ мало, а полаты и хоромы всѣ безъ кровель, и мостовъ въ нихъ, и лавокъ, и дверей, и оконъ нѣтъ, дѣлать все на

Бархатная карета патр. Филарета.
Хранится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

ново, а лѣса такова, каковъ на ту подѣлку пригодится, нынѣ вскорѣ не добыть». Такъ доносили изъ Москвы и пока распорядились посвоему. Для государя изготовили старыя царскія хоромы, гдѣ живалъ царь Іоаннъ Васильевичъ и гдѣ былъ теремъ царицы Анастасіи Романовны, а для государыни-матери царской — хоромы, гдѣ живала царица Марѳа Нагая, въ Вознесенскомъ монастырѣ. Въ Москвѣ, видно, полагали, что «великой старицѣ» надо приготовить монастырское помѣщеніе: и старица Марѳа осталась жить въ немъ, хотя первоначально отвѣчено было, что въ этихъ хоромахъ царской матери жить негоже, придавъ всему своему быту характерную двойственность. Связь съ монастыремъ оттѣняла ея принадлежность къ «чину ангельскому», но, какъ великая государыня, Марѳа Ивановна стояла внѣ монастырскаго начала, окруженная людным штатомъ боярынь и прислужницъ-мірянокъ и старицъ-инокинь. Къ ней перешло все, что осталось изъ казны и цѣнной рухляди прежнихъ царицъ, а работа возстановленной царицыной мастерской полаты и ея ремесленныхъ слободъ скоро возстановила дворцовый обиходъ государевой матери.

Съ большимъ трудомъ и понятной постепенностью возрождалось изъ полной разрухи благолѣпіе царскаго дворца. Вскорѣ приступлено было къ сооруженію новыхъ большихъ государевыхъ хоромъ; постройка закончена въ 1614 г., слѣдующій годъ пошелъ на внутреннюю отдѣлку ихъ росписью работы иконописцевъ. братьевъ Моисеевыхъ; литой вызолоченный потолокъ парадной Серебряной палаты былъ готовъ только въ 1616 году, и тогда царь справилъ свое новоселье. Этотъ дворецъ оказался недолговѣчнымъ и почти погибъ въ пожарѣ 1619 года; отстроенный въ 1619 г. и толь-

Бархатная карета патр. Филарета.
Хранится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

ко что отдѣланный заново, онъ опять сгорѣлъ въ пожарѣ 1626 года; пришлось въ третій разъ «рубить государю новыя деревянныя хоромы». Огромный московскій пожаръ 1626 г. имѣлъ большое вліяніе на дальнѣйшихъ ходъ строительнаго дѣла въ столицѣ. Сравнительно быстро идетъ съ тѣхъ поръ развитіе каменнаго строительства, но состояніе казны государевой позволило только въ 30-хъ годахъ приступить къ сооруженію каменныхъ жилыхъ покоевъ для царской семьи, такъ называемаго Теремного Дворца, отдѣлка котораго была закончена въ 1637 году.

Золотая цѣпь царя Михаила Ѳеодоровича.

По образцу ея согласно повелѣнію императора Александра Николаевича были сдѣланы цѣпи мировыхъ судей.

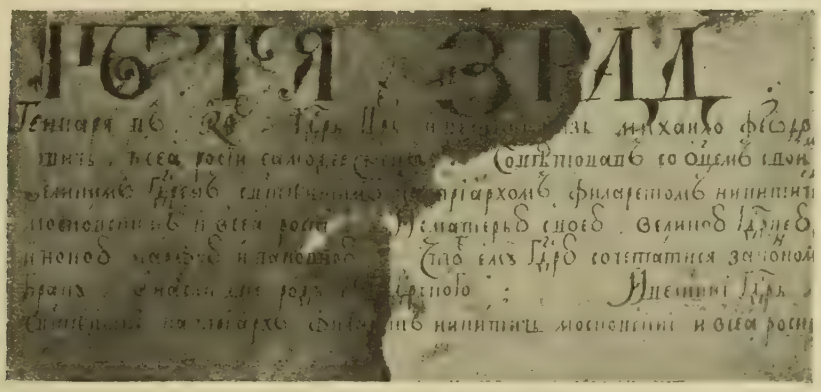
Хранится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

Поустроившись, насколько позволяли средства разоренной столицы, соотвѣтственно достоинству царскаго дворцоваго чина и обихода, Марѳа Ивановна не замедлила отдаться иной, важнѣйшей заботѣ. Ея царственному сыну «приспѣло время сочетаться законнымъ бракомъ». Дѣло было вдвойнѣ важное; предстояло упрочить новую династію и притомъ ввести въ семью царскую новый элементъ, который необходимо было сохранить въ согласіи съ дворцовой средой, подобранной по волѣ и хотѣнію «великой старицы». Марѳа Ивановна остановила свой выборъ на Марьѣ Ивановнѣ Хлоповой, изъ семьи близкой Романовымъ, когда они еще жили ссыльными въ своей Юрьевской вотчинѣ, въ Клину, да и по матери Хлопова была изъ рода ихъ сторонниковъ Желябужскихъ. Въ 1616 г. Хлопова взята на житье къ старицѣ Марѳѣ, а затѣмъ ее объявили царской невѣстой и переименовали—согласно допускавшемуся тогда измѣненію имени — Анастасіей въ память покойной царицы. Съ царской невѣстой возвышалась ея родня: Хлоповымъ велѣно служить при государѣ и «быть при немъ близко». На этой почвѣ разыгралась тяжелая драма царской избранницы. Милостивое отношеніе царя Михаила, видимо привязавшагося къ невѣстѣ и ея близкимъ, вызвало ревность Салтыковыхъ; съ дядей невѣсты Гаврилой Хлоповымъ у Михайлы Салтыкова вышла ссора въ присутствіи царя, и царицыны племянники поспѣшили воспользоваться случайнымъ нездоровьемъ Марьи Ивановны, чтобы приписать ей какую-то неизлѣчимую болѣзнь, злонамѣренно скрытую ея родичами. Царскую невѣсту со всей семьей сослали въ Тобольскъ, отнявъ данное ей почетное имя. Дѣло это было пересмотрѣно въ 1623 г. патр. Филаретомъ; Салтыковы поплатились опалой и ссылкой за то, что «государевой радости и женитьбѣ учинили помѣшку», а Марья Ивановна снова стала царской невѣстой Ана-

стасіей, но не надолго. Крушеніе Салтыковыхъ такъ огорчило старицу Марѳу Ивановну, что она наотрѣзъ отказала въ своемъ согласіи на бракъ сына, и бывшая невѣста осталась въ Нижнемъ-Новогородѣ въ почетной ссылкѣ на царскомъ иждивеніи.

Дѣло царскаго брака сильно затянулось. Патр. Филаретъ увлеченъ былъ мыслью о женитьбѣ сына на иностранной принцессѣ. Мысль о томъ, что государю надлежитъ искать супругу въ равной себѣ средѣ владѣтельныхъ фамилій, а не среди подданныхъ, была, какъ извѣстно, довольно популярна въ высшемъ обществѣ московскомъ еще въ XVI в.; даже бракъ царя Іоанна съ Анастасіей Захарьиной вызвалъ въ свое время нареканія среди знатнаго боярства, восклицавшаго: «какъ намъ своей сестрѣ служити». Повидимому, и патр. Филаретъ считалъ нужнымъ большее выдѣленіе царскаго рода изъ боярской среды. Онъ началъ переговоры о женитьбѣ сына на одной изъ племянницъ датскаго короля Христіана, затѣмъ на сестрѣ королевы шведской, бранденбургской принцессѣ Екатеринѣ. Но съ московской стороны настаивали не только на принятіи невѣстою православія, а и на совершеніи надъ нею вновь св. крещенія, согласно съ воззрѣніями на этотъ вопросъ самого патр. Филарета, не признававшаго силы таинства крещенія по католическому или протестантскому обряду, такъ какъ «у иныхъ вѣръ вмѣсто крещенія обливаютъ и миромъ не помазываютъ». Такія требованіи оборвали переговоры въ самомъ началѣ.

Во всѣхъ этихъ планахъ роль самого царя Михаила была, повидимому, совершенно пассивна. Современники передаютъ, что онъ былъ сильно огорченъ дѣломъ Хлоповой и на родительскіе проекты иного брака отвѣчалъ: «обручена ми есть царица, кромѣ еѣ иные не хощу поняти», но, несмотря даже на желаніе отца-патріарха, чтобы этотъ бракъ состоялся, верхъ взяла воля великой старицы Марѳы, и царь «презрѣ себѣ Бога ради, а матерня любве не хотѣ презрѣти», смирился передъ нею и послалъ въ Ниж-



Начало записи о бракосочетаніи царя Михаила Ѳеодоровича 1626 г.
Книга хранится въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

ній-Новгородъ извѣщеніе, что Марью Хлопову государь «взять за себя не изволили».

Царю Михаилу исполнилось уже 29 лѣтъ, когда мать выбрала для него новую невѣсту, княжну Марью Владимировну Долгорукову, дочь князя Владимира Тимоѳеевича; тотъ же лѣтописецъ сообщаетъ московское мнѣніе, что царь вступилъ въ этотъ бракъ «аще и не хотя, но матери не преслушавъ». Въ іюнѣ 1623 г. состоялся сговоръ, и въ сентябрѣ, во время брачныхъ торжествъ, молодая царица занемогла, а въ январѣ 1624 скончалась. Въ Москвѣ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ дѣла Хлоповой, заговорили, что царицу Марью Владимировну «испортили» и что произошло это

Изъ книги о бракосочетаніи царя Михаила Ѳеодоровича.
Книга хранится въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

отъ «звѣрообразныхъ человѣкъ», которые не хотѣли «въ послушаніи пребывати» у своего государя, а стремились «своевольни быть». Такъ тяжко складывалась судьба царскаго брака. Быть-можетъ, эти перипетіи привели къ тому, что новый выборъ невѣсты для государя произошелъ, по преданію, въ формѣ «смотринъ», на которыхъ царь Михаилъ избралъ Евдокію Лукьяновну Стрѣшневу, дочь незначительнаго рядового дворянина, Лукьяна Степановича. 5 февраля 1626 г. состоялось царское бракосочетаніе, создавшее, наконецъ, личную семью царя Михаила. Но и эта новость въ царскомъ быту не умалила дворцоваго господства великой старицы Марѳы Ивановны. Царица-невѣстка, видимо, подпала подъ полную

зависимость отъ свекрови. При ней состоялъ тотъ же духовникъ, что при старицѣ Марѳѣ, ея дѣлами вѣдаетъ дьякъ «великой старицы», при внукахъ-царевичахъ и внучкахъ-царевнахъ—боярыни-мамки по выбору старицы Марѳы. Мать государева сопровождала царя и царицу на всѣхъ ихъ «богомольныхъ походахъ» или ѣздила одна съ царицей по монастырямъ. Въ дворцовомъ обиходѣ попрежнему всюду чувствуется ея твердая рука.

Въ началѣ 30-хъ годовъ государевъ «верхъ» вдругъ осиротѣлъ. Великая старица Марѳа Ивановна давно носила въ себѣ серьезную

Зеркало и опахало царицы Евдокіи Лукьяновны.
Зеркало—подарокъ султана Мурада, привезенный Ѳомой Кантакузинымъ въ 1628 г.; опахало—подарено патр. Кирилломъ, прислано въ 1630 г.
Хранятся въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

болѣзнь; изъ горькихъ испытаній Смуты она вышла бодрая духомъ, но подверженная какимъ-то болѣзненнымъ припадкамъ. Тѣмъ не менѣе, кончина постигла ее неожиданно для окружающихъ 27 января 1631 г., а черезъ три года, 1 октября 1634 г., сошелъ въ могилу и патріархъ Филаретъ Никитичъ. Послѣ столькихъ тяжелыхъ впечатлѣній дѣтства и юности, мягкая натура царя Михаила не могла не быть удручена этими потерями. Но ими не кончились испытанія, назначенныя ему судьбой. Въ семейной жизни царь испыталъ еще рядъ ударовъ. 17 марта 1629 г. родился, послѣ

нѣсколькихъ дѣтей женскаго пола, желанный первенецъ, царевичъ Алексѣй; въ 1634—второй сынъ, Иванъ, но онъ умеръ пятилѣтнимъ ребенкомъ и въ томъ же 1639 г. скончался, «немного поживъ», новорожденный царевичъ Василій. Слѣдующіе годы были отравлены осложненіями, какія вызвалъ проектъ брака старшей дочери царской, Ирины Михайловны, съ Вольдемаромъ, принцемъ датскимъ, третьимъ сыномъ короля Христіана. Принца вызвали въ Москву въ 1643 году, хотя знали, что король ставитъ непріемлемыя условія: свободу вѣроисповѣданія для королевича и его двора, сохраненіе западныхъ бытовыхъ навыковъ иноземной свиты, какую онъ сохранитъ при себѣ. Пошли долгія пререканія о перемѣнѣ вѣры, при чемъ царь Михаилъ пытался лично убѣдить Вольдемара, что ему необходимо вторично принять св. крещеніе. Тщетно просилъ принцъ отпустить его домой, пытался даже бѣжать: его отпустилъ только царь Алексѣй Михайловичъ лѣтомъ 1645 года.

Серебряный кубокъ, подаренный патр. Филаретомъ царевнѣ Маріи Михаиловнѣ въ 1632 г. ($11^1/_2$ верш. выш.).
Хранится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ скончался въ ночь съ 12 на 13 іюля 1645 г., оставивъ о себѣ память необычайно мягкаго и добраго человѣка, который былъ такъ милостивъ къ окружающимъ, что «любляше и миловаше ихъ и вся подаваше имъ, яко они прошаху», хотя за добро ему часто платили заносчивой непокорностью и своеволіемъ; преданіе сохранило одну черту, дополняющую этотъ обликъ: большую любовь къ цвѣтамъ. Царь Михаилъ много тратилъ казны на выписку изъ-за границы рѣдкихъ растеній для своего сада; для него впервые ввезены въ Россію садовыя розы, красота

и ароматъ которыхъ не были до него у насъ извѣстны. Видно, что крутая энергія родителей, какъ часто бываетъ, наложила печать мягкой, созерцательной пассивности на его натуру. Къ тому же царь Михаилъ никогда не отличался крѣпкимъ здоровьемъ, а вторую половину жизни такъ «скорбѣлъ ножками», что часто не могъ ходить, а возили его въ возкѣ. Отъ «многаго сидѣнья» организмъ слабѣлъ, нарастала лимфатическая вялость. Подъ конецъ жизни царя врачи отмѣчали въ немъ «меланхолію, сирѣчь кручину».

Въ «государевомъ и земскомъ дѣлѣ» московскій царь Михаилъ не былъ личнымъ участникомъ. Возстановленіе государства изъ «великой разрухи» творилось при немъ энергіей его отца-патріарха и трудами дѣятелей, окружавшихъ престолъ, которые и завершили большое дѣло въ дни царя Алексѣя.

II.

Московское государство подъ державой царя Михаила.

Царь Михаилъ принялъ верховную власть въ моментъ, когда ея органы были разбиты событіями послѣднихъ лѣтъ. Боярской думы не существовало. Вмѣсто нея во главѣ дѣлъ управленія стоялъ совѣтъ ополченія, съ князьями Трубецкимъ и Пожарскимъ во главѣ. Организовавшись еще въ Ярославлѣ, этотъ совѣтъ взялъ на себя функціи государственной власти, завязалъ сношенія съ иностранными державами, распоряжался дѣлами внутренняго управленія и, опираясь на земскій соборъ, сохранилъ значеніе временнаго правительства въ первые годы по избраніи царя. Ради умиротворенія страны земскій соборъ примирился съ боярами, слишкомъ долго державшимися польскаго лагеря, но «кн. Мстиславскій съ товарищи» не участвовали въ дѣлахъ, пока не выяснились отношенія между ними и царемъ. Но только на первыхъ порахъ царь обращаетъ свои требованія и велѣнія къ земскому собору; уже съ начала апрѣля 1613 г. его указы идутъ къ «боярамъ нашимъ, князю Ѳ. И. Мстиславскому съ товарищами». Бояре, запятнанные въ мнѣніи широкихъ общественныхъ круговъ измѣной, вернулись къ власти и стали во главѣ воскресшей боярской думы. Дѣло примиренія, начатое земскимъ соборомъ, завершилось царской амнистіей. Мы не знаемъ, въ какой произошла она формѣ. Но можно предполагать, что царь обѣщалъ боярамъ не карать ихъ опалами за прежнее и держать ихъ въ чести и достоинствѣ. По крайней мѣрѣ, на такое предположеніе наводятъ смутные толки о какой-то «записи», взятой боярами съ царя, близкой по содержанію къ той, на которой нѣкогда цѣловалъ крестъ царь Василій Шуйскій,—записи, сулившей боярамъ, что государь не будетъ ихъ казнить, «аще и вина будетъ преступленію ихъ».

Много споровъ было въ нашей исторической литературѣ по вопросу объ «ограниченіи» власти царя Михаила; но ни условія, въ какихъ находилось боярство при его воцареніи, ни характеръ источниковъ, сообщающихъ о «записи», не даютъ основаній признать существованіе даже попытки такого важнаго политическаго новшества.

Примиреніе съ боярами было естественнымъ моментомъ политики «совѣта и соединенія». Новое правительство сложилось вообще изъ личнаго состава, какой казался пригоднымъ, безъ счетовъ съ политическимъ прошлымъ отдѣльныхъ лицъ. Царь, вступивъ въ управленіе, нашелъ центральную администрацію приказовъ уже возстановленною. Она образовалась изъ уцѣлѣвшихъ въ Москвѣ обломковъ старыхъ приказовъ и изъ новыхъ, устроенныхъ для веденія текущихъ дѣлъ при ополченіи кн. Пожарскаго. На работу въ ней сошлись приказные дѣльцы, служившіе прежде разнымъ господамъ—и въ Москвѣ, и Тушинѣ. Въ то же время при дворѣ царскомъ слагался свой правительственный кружокъ изъ родни и ближнихъ людей молодого царя и его семьи. Давнія и широкія связи боярскаго дома Романовыхъ давали возможность ввести на разныя степени администраціи своихъ довѣренныхъ людей. И еще во время «государева похода» изъ Костромы къ Москвѣ послѣдовалъ рядъ имѣвшихъ этотъ смыслъ назначеній на должности. Свойство, родство и простая близость къ царствующему дому больше чѣмъ когда-либо стали основаніемъ придворной и служебной карьеры. Развѣянное погромами Грознаго и смутой старое боярство быстро замѣнялось новою знатью, иного типа и происхожденія. Подъ ея верховодствомъ постепенно и съ трудомъ возстановлялась дѣятельность приказнаго управленія.

Руководители молодого царя понимали всю трудность принятой на себя задачи. Неторопливый, съ долгими стоянками походъ государя къ Москвѣ далъ возможность оглядѣться и подробнѣе разсмотрѣть положеніе государства. Къ царю со всѣхъ сторонъ стекались жалобы и доношенія о грабежахъ, насиліяхъ и разореніи отъ бродившихъ повсюду воровскихъ шаекъ; не говоря уже объ окраинахъ, центральныя и сѣверныя области страдали отъ хищныхъ набѣговъ казаковъ и «литовскихъ людей», оставшихся послѣ ликвидаціи силъ второго самозванца; въ послѣдней судорогѣ разрухи эти шайки хлынули изъ разоренныхъ мѣстностей туда, гдѣ больше оставалось для нихъ добычи, проникали подъ самую Москву и все дальше къ сѣверу. Къ царю являлись служилые люди, стрѣльцы и казаки, бить челомъ о жалованьи, потому что имъ ни служить, ни жить не съ чего. Москва оказывалась временами отрѣзанною отъ подвоза припасовъ, и въ столицѣ всякихъ запасовъ была большая скудость. Дворцовыя земли и черныя волости были разорены, расхищены и розданы въ частныя руки, денегъ и хлѣба собирать было не съ кого. Видя все это, царь съ пути пишетъ

собору съ большими укоризнами: «Вы де намъ били челомъ и говорили ложно всего Московскаго государства ото всѣхъ чиновъ людей, что всякіе люди перестали ото всякаго дурна и учинились въ соединенье, и междоусобная кровь крестьянская перестала литься»; царь требовалъ, чтобы соборъ изыскалъ средства для возстановленія безопасности и порядка, «чтобъ на Москвѣ и по городамъ и по дорогамъ никому ни отъ кого грабежей и убивства не было»; требовалъ «полнаго приговора» о способахъ содержанія военной силы и всякихъ служилыхъ людей. Царь ожидалъ отъ земскаго собора возстановленія государственныхъ средствъ и порядка, чтобы принять государство въ свое управленіе. Руководители собора дѣлали, что могли, но всѣмъ соборомъ били государю челомъ, чтобы онъ самъ «шелъ къ Москвѣ вскорѣ»; въ немъ видѣли всѣ тотъ необходимый центръ, вокругъ котораго только и можетъ сложиться правильная государственная работа. Не прошло двухъ мѣсяцевъ со дня избранія, и соборное правительство уступило мѣсто царской думѣ, а земскій соборъ сталъ распадаться; отдѣльные элементы его потянулись къ царю и прежде всего московскіе служилые люди—стольники, стряпчіе, дворяне большіе, а за ними весь «изъ городовъ выборъ» дворянскій уже въ апрѣлѣ собрался при государѣ; иные разъѣхались по деревнямъ. Постепенно рядъ дѣлъ—назначеніе воеводъ, раздача помѣстій и др.—начинаетъ вершиться государемъ въ походѣ. Царское правительство вступало въ управленіе. По прибытіи царя въ столицу—2 мая—и, особенно, послѣ царскаго вѣнчанія, которое состоялось 11 іюля, обычный порядокъ казался возстановленнымъ.

Крайняя трудность положенія вызывала на чрезвычайныя мѣры и чрезвычайные пріемы дѣйствій. Значительны были внѣшнія опасности и бѣдствія. На западныхъ границахъ шли военныя дѣйствія. Новгородъ Великій былъ въ шведскихъ, Смоленскъ и Сѣверщина—въ польскихъ рукахъ. Королевичъ Владиславъ продолжалъ титуловаться московскимъ царемъ, и польское правительство не желало признавать царя Михаила. Надо было готовиться къ борьбѣ за русскія области и за свое международное положеніе, надо было создать силу для самозащиты и для наступленія. Но всякая органическая работа была до крайности затруднена внутреннимъ состояніемъ страны. Заруцкій съ казаками, Мариной Мнишекъ и ея сыномъ отъ второго самозванца, Иваномъ, двинулся къ югу. Изъ Москвы противъ него послали воеводу кн. Одоевскаго, но Заруцкій, грабя по пути, ушелъ въ Астрахань и засѣлъ тамъ, собирая къ себѣ «вольныхъ казаковъ» и подымая на Москву волжскихъ казаковъ, донцовъ и поволжскихъ инородцевъ. Татары заволжскіе, ногаи, черемисы волновались и грабили русскія области. Много казацкихъ отрядовъ бродило по внутреннимъ областямъ государства, а съ ними и безъ нихъ насильничали «воры, боярскіе люди и всякіе безыменные люди». «Литовскіе люди» и ка-

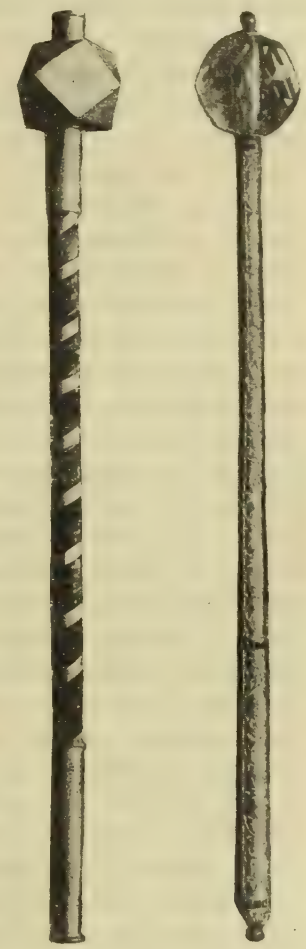
заки украинскіе кружили по странѣ, громя села и города; особенно много вреда причинилъ отрядъ наѣздника Лисовскаго. При попыткѣ правительства возстановить сборъ податей «чинилися сильны» жители городовъ и уѣздовъ и приходилось иной разъ признать, что навыки смуты сказывались въ поведеніи сборщиковъ, которые грабили и притѣсняли населеніе. Экономическій кризисъ, начавшійся въ послѣднія десятилѣтія XVI в., усиленный смутой, продолжалъ нарастать и послѣ ея политическаго завершенія.

Исходъ второго десятилѣтія XVII в. былъ моментомъ наибольшаго упадка хозяйственнаго благосостоянія центральныхъ областей Московскаго государства. Казна была пуста, хлѣбныхъ и денежныхъ запасовъ собирать было не съ кого. Нужны были чрезвычайныя усилія, чтобы одновременно возстановлять порядокъ и безопасность въ странѣ и создавать средства, необходимыя для этой работы.

Государственная власть могла найти выходъ только въ поддержкѣ объединенныхъ земскихъ силъ. У новаго правительства не было налаженнаго административнаго механизма для управленія дѣлами въ столь тяжкія времена; оно не было увѣрено и въ своемъ авторитетѣ, который еще предстояло утвердить. Дѣло земскаго собора представлялось еще далеко не законченнымъ, его авторитетъ былъ необходимъ для воздѣйствія на населеніе. Его освѣдомленность и опытъ должны были указать пути разрѣшенія насущныхъ задачъ, непосильныхъ для неокрѣпшей еще власти. Подъ его знаменемъ должно быть доведено до конца замиреніе страны, объединеніе ея разрознившихся элементовъ, подавленіе всѣхъ явленій, враждебныхъ мирному порядку. Его вліяніемъ необходимо было поддержать проявившуюся въ народной массѣ готовность на чрезвычайныя личныя и имущественныя жертвы ради защиты національной независимости, общественной безопасности и законнаго порядка. И земскій соборъ остается при царѣ около двухъ лѣтъ, а затѣмъ новые созывы «всѣхъ чиновъ Московскаго государства» слѣдуютъ въ столь краткіе промежутки и столь длительна ихъ дѣятельность, что возможно говорить о непрерывномъ сотрудничествѣ земскаго собора съ царскою властью въ первое десятилѣтіе царствованія Михаила Ѳеодоровича и сравнивать роль въ это время выборныхъ людей при центральной власти съ годованьемъ по трехлѣтіямъ дворянскаго «изъ городовъ выбора» въ XVI в.

Въ первое время новаго царствованія соборъ — теперь вмѣстѣ съ царемъ — продолжаетъ дѣло умиротворенія. Посольства и грамоты отъ всѣхъ чиновъ призываютъ казаковъ и всѣхъ, отъ «воровства» не отставшихъ, покинуть злыя дѣла, служить землѣ и государю; всѣмъ, кто «придетъ въ чувство», обѣщано полное прощеніе, принятіе въ службу, жалованье по службѣ, крѣпостнымъ людямъ сулилась свобода, если они отстанутъ отъ «воровства». Призывы эти имѣли свое вліяніе, разлагая силы вра-

говъ порядка. Соборныя воззванія, подкрѣпленныя посылкой милостивыхъ грамотъ, денежнаго и иного жалованья отъ царя, укрѣпляли въ вѣрности Москвѣ волжскихъ и донскихъ казаковъ; самому Заруцкому предлагали прощеніе, если онъ отложится отъ «Сендомирской дочери Маринки». Гдѣ уговоры не помогали, наряжалась военная сила; царскіе воеводы преслѣдовали и разгоняли воровскіе отряды, ведя съ ними нелегкую борьбу. Въ то же время само населеніе продолжало свою мѣстную самооборону: строило укрѣпленія, нанимало стрѣльцовъ, «берегучи свои головы», снабжало военную силу по городамъ денежнымъ и хлѣбнымъ жалованіемъ. Работа надъ земскимъ дѣломъ велась земскими силами и чрезъ нѣсколько лѣтъ, цѣною изнурительныхъ жертвъ, достигла завершенія. Главный внутренній врагъ, Заруцкій, былъ сломленъ также твердостью мѣстныхъ силъ въ стремленіи возстановить земскій миръ. На него поднялись астраханцы, а добили его «терскіе люди», всѣмъ міромъ съ своимъ воеводою пославшіе на него съ Терека стрѣлецкаго голову съ военной силой. Выбитый изъ Астрахани Заруцкій потерялъ значеніе и былъ выданъ властямъ съ Мариной и ея сыномъ; атаманъ былъ посаженъ на колъ, несчастный «воренокъ» повѣшенъ, Марина вскорѣ кончила бурную и несчастную свою жизнь въ коломенской темницѣ. Подавленіе внутренней смуты шло при дѣятельномъ участіи земскаго собора, на обсужденіе котораго царь ставилъ всѣ вѣсти о состояніи страны и, повидимому, неизмѣнно слѣдовалъ «соборнымъ приговорамъ». Постепенно успѣхъ въ этомъ дѣлѣ развязывалъ руки для болѣе органической правительственной работы.



Булавы Михаила Ѳеодоровича.
Хранятся въ Оружейной палатѣ.

Съ первыхъ дней новаго царствованія на очередь стала жгучая забота о возстановленіи финансовыхъ средствъ власти. Вопросъ объ этомъ былъ поставленъ со всею настоятельностью уже въ переговорахъ съ соборнымъ посольствомъ, принесшимъ избраніе молодому царю, а затѣмъ и въ перепискѣ царя съ соборомъ во время похода къ столицѣ. Въ этомъ дѣлѣ царское правительство особенно нуждалось въ содѣйствіи земскаго собора, такъ

какъ приходилось немедленно изыскивать средства для дѣла государева и земскаго. Земскій соборъ по началу примѣнилъ ту практику, которая обезпечила расходы нижегородскаго ополченія въ 1611—1612 гг.: сборъ добровольныхъ пожертвованій, переходившій по мірскому приговору въ принудительный заемъ изъ опредѣленной доли «животовъ и промысловъ».

Попытки получить обычные платежи и за прошлые годы были безнадежны; многіе приказные книги и документы были утрачены, часто прежніе оклады оказывались вовсе неизвѣстными, да и примѣнять ихъ на дѣлѣ стало невозможно, такъ какъ слишкомъ измѣнилась въ событіяхъ послѣднихъ лѣтъ хозяйственная дѣйствительность. А средства требовались бóльшія, чѣмъ когда-либо. Однимъ изъ первыхъ совмѣстныхъ дѣйствій царя и собора была разсылка грамотъ къ торговымъ людямъ о сборѣ сполна денежныхъ доходовъ за прошлые годы и за нынѣшній годъ, по книгамъ и отписямъ, съ просьбой «помочь, не огорчаясь», ратнымъ людямъ дачею заемъ денегъ, хлѣба, рыбы, соли, суконъ и всякихъ товаровъ; «хотя теперь и промысловъ убавьте,—читается въ грамотѣ къ Строгановымъ, — а ратнымъ людямъ жалованье дайте, сколько можете»; правительство внушало, что временное умаленіе не дохода только, а и капитала, вложеннаго въ дѣло, не должно останавливать торговыхъ людей, ибо если они теперь себя пожалѣютъ, то доведутъ страну и себя до новаго «конечнаго разоренія» и «имѣнья своего всего отбудутъ». Въ слѣдующемъ году «по всей земли приговору» правительство отъ займовъ по доброй волѣ перешло къ первому назначенію «пятой деньги» съ торговыхъ людей, обѣщая взятое однимъ уплатить, когда будетъ возможно, другимъ—зачесть въ недоимку или будущіе платежи. Въ томъ же 1614 г. власть настолько поустроилась, что уже безъ участія собора могла назначить два прямыхъ налога: сборъ хлѣбныхъ запасовъ и денегъ на жалованье ратнымъ людямъ, а въ началѣ 1615 г. такъ же назначенъ былъ сборъ даточныхъ людей на усиленіе войска. Эти сборы совпали съ принудительнымъ займомъ пятины по приговору собора, при чемъ пятину полагалось брать со всѣхъ, не исключая освобожденныхъ отъ тягла «тарханщиковъ и льготчиковъ». Таковы были первые шаги къ возстановленію правительственныхъ средствъ; нѣсколько наладилось также и собираніе обычныхъ старыхъ налоговъ. Но этимъ нужда была покрыта недостаточно. Въ 1615 г. послѣдовало новое назначеніе «пятинныхъ денегъ», повидимому, тоже безъ участія земскаго собора; съ пятиной съ высшихъ слоевъ торгово-промышленнаго люда соединенъ сборъ посошной подати съ крестьянъ, и подворной—съ мелкихъ посадскихъ людей. Еще черезъ годъ рѣшили превратить пятину въ чрезвычайный налогъ со всего населенія, устраняя изъ нея черты займа. Но для такого шага правительство прибѣгло уже къ земскому собору. Соборный приговоръ постановилъ собрать по

опредѣленнымъ окладамъ сошныя деньги на посадахъ и въ уѣздахъ со всякихъ людей, а, кромѣ того, «пятую деньгу» съ тѣхъ, «кто сверхъ своихъ пашенъ торгуетъ». Этотъ налогъ, какъ и позднѣйшіе чрезвычайные («запросные») сборы, сохраняя названіе пятины, далеко отошелъ отъ первоначальнаго ея типа, приближаясь все болѣе къ обычной московской системѣ. Исходнымъ пунктомъ его исчисленія служила необходимая для правительства сумма, которую земскій соборъ распредѣлялъ между отдѣльными городами, устанавливая для каждаго опредѣленный окладъ. Вмѣстѣ съ характеромъ займа отпалъ постепенно и долевой порядокъ исчисленія, и оклады устанавливались примѣнительно къ результатамъ сборовъ предыдущихъ пятинныхъ денегъ, а не по сошному письму.

Въ 1618 г. наступленіе Владислава на Москву вызвало опасенія, что можетъ ожить недавно побѣжденная «измѣна». Царь Михаилъ обратился къ земскому собору съ воззваніемъ, чтобы люди всѣхъ чиновъ Московскаго государства стояли за вѣру и за царя, «а на королевичеву и ни на какую прелесть не покушалися». По городамъ отъ собора разосланы были грамоты ко всему населенію съ сообщеніемъ, что распорядокъ военныхъ дѣйствій противъ врага установленъ государемъ на соборѣ, и съ призывомъ къ усердной службѣ и радѣнію, чтобы Московскому государству помощь учинить: служилые должны быть сами готовы къ походу, слѣдить за исправностью другъ друга и за сборомъ даточныхъ людей безъ укрывательства, а духовенство, торговые и посадскіе люди «дать въ займы денегъ и въ запросъ, сколько кому дать доведется». Въ тяжкую годину для «государева дѣла» недостаточно было простой исполнительности населенія, нуженъ былъ добровольный подъемъ усердія къ «дѣлу земскому» и готовность нести жертвы ради него; авторитетъ земскаго собора долженъ поднять настроеніе общества, въ которомъ, чего добраго, не совсѣмъ еще исчезли отголоски былого «шатанія».

Земскіе соборы въ первые годы царя Михаила имѣли огромное значеніе, какъ моральный общественный авторитетъ, поддерживавшій власть еще неокрѣпшаго правительства. На ряду съ этимъ личный составъ собора оказывалъ власти цѣнныя услуги своею освѣдомленностью, знаніемъ положенія дѣлъ въ странѣ, въ разныхъ ея областяхъ, совѣтами по различнымъ отраслямъ «государева и земскаго дѣла». Не всегда вопросы, требовавшіе обсужденія, обращались государемъ ко всему земскому собору. Такъ, планъ отраженія Владислава, хотя и установленъ «приговоромъ государя съ властьми, и съ бояры и всякихъ чиновъ съ людьми Московскаго государства», но выработанъ былъ царемъ по совѣту съ «освященнымъ соборомъ, и съ бояры, и со всякими служилыми и жилетцкими людьми»; точно такъ же, порѣшивъ въ 1618 г. отмѣну мѣстническихъ счетовъ на два года, по совѣту съ освященнымъ соборомъ и боярской думой,

государь повелѣлъ говорить о томъ на соборѣ только съ московскими и городовыми служилыми людьми. Это зависѣло отъ тѣхъ или иныхъ соображеній общественно-политическаго или практическаго удобства.

Мы видѣли, что вопросы, особенно близко интересовавшіе правящіе круги, какъ назначеніе на должности и упорядоченіе служилаго землевладѣнія, были взяты государемъ въ свои руки еще до прибытія его въ Москву. Окружавшіе его люди стали овладѣвать вліяніемъ и матеріальными благами, связанными съ властью. Верхи этой среды образовали дворцовую знать, которая закрѣпила свое положеніе высокими чинами и должностями и пріобрѣтеніемъ, по царской милости, крупныхъ земельныхъ имуществъ. Раздача дворцовыхъ земель «большимъ боярамъ» и высшимъ разрядамъ столичнаго служилаго люда начата была еще временнымъ правительствомъ 1612 г. Она расширилась въ 1613 г., когда началось устройство новой придворной знати: по ея рукамъ вскорѣ разошлось до 50 тысячъ десятинъ населенной дворцовой земли. На смѣну старому боярству выступали новыя группы крупныхъ землевладѣльцевъ, среди которыхъ видимъ, на ряду со знатными людьми, выдающихся приказныхъ дѣльцовъ, вліятельныхъ дьяковъ. Не одни пожалованія были источникомъ новыхъ богатствъ. Тушинская распущенность сказалась въ нравахъ дѣятелей, теперь поднявшихся къ власти. Ихъ вымогательства и хищенія вызывали ропотъ: въ приказахъ «дѣла мало вершились», а брали съ ходатаевъ помногу, потворствуя тѣмъ, «за кого заступы великія»; въ народѣ осуждали бояръ, которыхъ древній врагъ-дьяволъ «возвысилъ на мздоиманіе», на расхищеніе царскихъ земель и утѣсненіе народа; иноземцы полагали, что такое правленіе, «если останется въ теперешнемъ положеніи, долго продлиться не можетъ». Руководители приказнаго управленія сѣяли недовольство, назначая на воеводства и въ приказы своихъ людей, дѣйствовавшихъ такъ же, какъ они. Но, къ счастью для возрождавшагося изъ развалинъ государства, темныя стороны новой правительственной среды не исчерпывали ея дѣятельности. Рядомъ съ беззастѣнчивыми проявленіями корыстолюбія и лицепріятія, шла и дѣловая работа, какъ бы то ни было возстановившая строй администраціи и военныя силы государства. Ближайшими органами центральной власти стали попрежнему боярская дума и приказы. Возобновилась правительственная работа надъ устройствомъ, управленіемъ и защитой государства. Достиженіе этихъ цѣлей было труднѣе, чѣмъ когда-либо, и болѣе чѣмъ когда-либо требовалось огромное напряженіе личныхъ и матеріальныхъ силъ населенія на нужды «государева дѣла». Разстройство этихъ силъ послѣ смуты, ихъ чрезвычайная недостаточность ставили еще напряженнѣе, чѣмъ въ XVI в., задачу созданія такой организаціи управленія, которая обезпечила бы власти возможность сосредоточить распоряженіе ими въ своихъ рукахъ. Тенденція къ усиленію власти и ея большей

централизаціи являлась естественнымъ послѣдствіемъ сложившихся условій. Центральное приказное управленіе стремится теперь поставить свои мѣстные органы ближе къ завѣдыванію дѣломъ государственнаго управленія въ областяхъ и, несмотря на то значеніе, какое получили мѣстные самоуправляющіеся міры въ эпоху возстановленія государственнаго порядка, ищетъ опоры не въ нихъ, а въ усиленіи приказнаго областного управленія.

Форма для этого была создана боевыми обстоятельствами Смутнаго времени. Съ начала внутренней смуты получила широкое развитіе должность воеводы. Прежде только въ пограничные города назначались воеводы, соединявшіе въ своихъ рукахъ военную команду съ управленіемъ финансовымъ и полицейскимъ, съ судомъ и расправой надъ цѣлымъ уѣздомъ и по отношенію ко всѣмъ разрядамъ населенія. Полномочія воеводъ были чрезвычайными полномочіями для завѣдыванія окраинами, на которыхъ была постоянная опасность отъ врага и отъ скопленія безпокойныхъ выходцевъ изъ областей внутреннихъ. Въ смуту такія же боевыя и общественныя условія разлились по всей странѣ, и воеводы появились въ городахъ московскаго центра. Во время земскаго движенія они нерѣдко являлись для него готовымъ руководящимъ органомъ. Правительство царя Михаила сохранило новое значеніе воеводской должности и сдѣлало ее повсемѣстнымъ учрежденіемъ; этимъ удовлетворялась потребность усилить правительственное воздѣйствіе на ходъ мѣстнаго управленія. По идеѣ воевода, вѣдая всѣми дѣлами своего уѣзда, долженъ былъ быть не самостоятельнымъ намѣстникомъ, а исполнителемъ подробныхъ наказовъ и частыхъ отдѣльныхъ предписаній, полученныхъ имъ отъ столичныхъ приказовъ; онъ являлся представителемъ административной централизаціи. Но въ то же время запутанность дѣлъ, неосвѣдомленность высшей власти и общее разстройство порядка заставляли давать воеводамъ полномочія столь же широкія, сколь и неопредѣленныя, предписывая имъ принимать мѣры, «смотря по тамошнему дѣлу», какъ окажется «пригоже». Воевода не былъ «кормленщикомъ», казенные доходы вѣдалъ онъ не на себя, а на государя, не получалъ отъ населенія уставныхъ кормовъ; но онъ не получалъ и жалованья по должности, а «добровольные» дары въ благодарность не осуждались ни правитель-

Скипетръ царя Михаила Ѳеодоровича.

Хранится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

ствомъ, ни нравами, и воевода кормился со всѣмъ своимъ приказнымъ людомъ «отъ дѣлъ». Понятно, какой широкій просторъ такая постановка должности открывала для лихоимства, вымогательства, произвола и казнокрадства. Нравственный уровень администраціи, отравленной навыками «разрухи», былъ не высокъ, а общая ея организація, при отсутствіи контроля и отвѣтственности, не ставила сколько-нибудь дѣйствительныхъ сдержекъ. Населеніе скоро стало роптать на воеводскую власть, возненавидѣло приказныхъ людей, а прежніе органы мѣстнаго самоуправленія оказались вполнѣ подавленными этою новой силой и превратились въ подчиненныхъ исполнителей ея распоряженій, неся черную административную работу. Дурная трава «тушинскихъ навыковъ» не была выброшена «изъ поля вонъ» ни въ центрѣ, ни въ областяхъ, а выросла на полѣ и заглушила добрые ростки управленія земскаго, съ помощью выборныхъ людей, «добрыхъ, разумныхъ и постоятельныхъ», питая въ областяхъ раздраженіе противъ администраціи новаго правительства. Тяжкая нужда и горькія воспоминанія смуты, сознаніе національной опасности и вліяніе земскихъ соборовъ сдерживали, до поры до времени, эти настроенія, и при всѣхъ серьезныхъ своихъ недостаткахъ правительственная машина работала, устраняя шагъ за шагомъ наиболѣе рѣзкія послѣдствія пережитой разрухи.

Налаживая съ помощью земскихъ соборовъ финансы, правительство въ то же время заботилось объ устройствѣ военныхъ силъ и упорядоченіи служилаго землевладѣнія. Тутъ многое приходилось начинать заново. Сбитый событіями Смутнаго времени со своихъ помѣстій и вотчинъ, служилый классъ и по личному составу и по имущественному обезпеченію представлялъ поистинѣ «разсыпанную храмину». Надо было его набирать, организовывать и пополнять, надѣляя землями, съ которыхъ ему возможно было бы жить и служить. Правительство шло въ этомъ вопросѣ старыми путями. Выясняя составъ и состояніе своихъ служилыхъ людей, оно широко развивало практику «верстанья» и «испомѣщенья». По нуждѣ пришлось отступить отъ той разборчивости въ составленіи служилаго класса, какую пытались установить при Борисѣ Годуновѣ и первомъ самозванцѣ и которая восторжествовала нѣсколько позднѣе: верстали въ службу дворянскую годныхъ людей, не считаясь съ ихъ «отечествомъ», даже изъ казаковъ, «которые отъ воровства отстали». Земельный фондъ на помѣстную раздачу былъ, по видимости, значителенъ, такъ какъ смута обогатила его большимъ количествомъ опустѣлыхъ и заброшенныхъ земель. Но запустѣніе дѣлало эти земли мало пригодными, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, для обезпеченія служилыхъ землевладѣльцевъ. Къ тому же западныя окраины — одинъ изъ главныхъ прежде районовъ служилаго землевладѣнія — были еще слишкомъ не обезпечены отъ вражескихъ нападеній, чтобы скоро возродились тутъ условія мирнаго

хозяйства. Съ 1614 г. идетъ надѣленіе провинціальныхъ служилыхъ людей помѣстьями изъ дворцовыхъ и черныхъ земель, обращенныхъ на усиленіе помѣстнаго фонда, преимущественно въ болѣе безопасныхъ и менѣе опустошенныхъ сѣверо-восточныхъ уѣздахъ Замосковнаго края. Интересы военной силы заставляли жертвовать не только частью дворцоваго богатства, но и усилить процессъ уничтоженія крестьянскаго волостного землевладѣнія въ пользу землевладѣнія служилаго. Черныя крестьянскія земли почти вовсе исчезали въ центральной части государства и сохранились только на поморскомъ сѣверѣ. Этотъ ростъ служилаго землевладѣнія не былъ, конечно, временнымъ явленіемъ. Когда замиреніе западной и южной границъ открыло возможность возстановить и тамъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ «испомѣщенія» служилыхъ людей, результатомъ было лишь значительное общее расширеніе территоріи служилаго землевладѣнія, сравнительно съ XVI столѣтіемъ. Притомъ много земель роздано было не въ помѣстье, а въ вотчину, а нужда въ деньгахъ побудила и къ продажѣ въ вотчину части помѣстныхъ земель; этимъ путемъ онѣ расходились, повидимому, преимущественно по рукамъ приказныхъ дѣльцовъ, которые стремились помѣстить въ земельныя имущества свое «неправедное стяжаніе».

Такъ стало оправляться отъ разгрома служилое землевладѣніе. Помѣщики и вотчинники устремились на возобновленіе разореннаго хозяйства—и снова поднялся тяжкій вопросъ о крестьянскихъ рабочихъ рукахъ. Возвращеніе на старыя мѣста населенія, сбитаго съ нихъ въ смуту, приводило его въ прежнюю зависимость. «Людіе же,—сообщаетъ книжникъ, жившій интересами простого народа,—начаша оставшаяся собиратися въ Руси по градомъ, исходя отъ плѣну отъ Литвы и Нѣмецъ и начаша населятися; они же (владущіе) окаянніи, аки волци тяжци восхитающе, емляху ихъ къ себѣ, понеже страхъ Божій преобидиша и забыша свое прежнее безвремяніе и наказаніе, что надъ ними Господь за ихъ насильство сотвори, отъ своихъ рабъ разорени быша». Снова подымаютъ землевладѣльцы вопросъ о трудности розыска бѣглыхъ въ указный пятилѣтній срокъ, и Троицы-Сергіевъ монастырь первый выхлопоталъ себѣ въ 1614—1615 гг. льготу вывозить обратно своихъ бѣглыхъ крестьянъ за 9 и за 11 лѣтъ со времени побѣга. Дворяне и дѣти боярскія роптали на эту привилегію и домогались если не отмѣны ея, то хоть продленія срока «урочныхъ лѣтъ» для сыска бѣглыхъ. На первыхъ порахъ правительство царя Михаила не рѣшалось круто усилить крестьянскую крѣпость, отчасти, вѣроятно, изъ опасеній раздражить народную массу, отчасти подъ давленіемъ землевладѣльческой знати, умѣвшей заполнять свои вотчины чужими крестьянами. Во всякомъ случаѣ, въ 1642 г. срокъ урочныхъ годовъ продленъ до 10 лѣтъ.

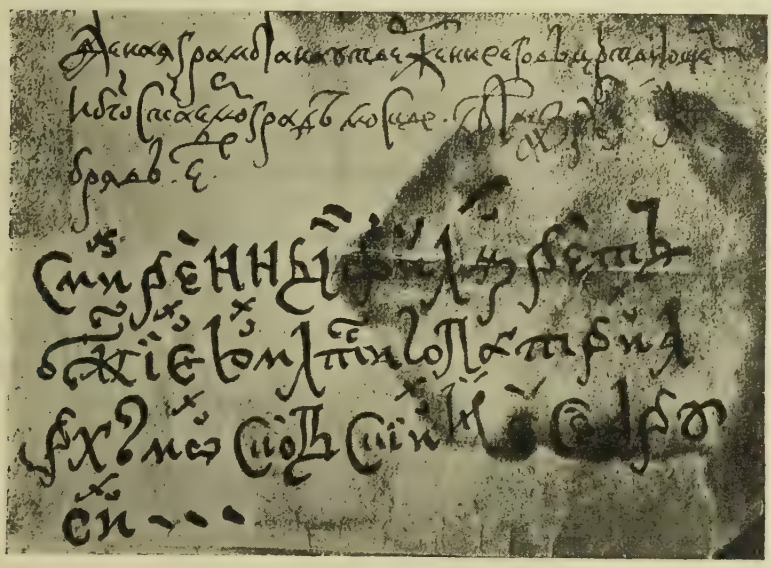
Такъ слагалась въ первые годы новаго царствованія внутренняя политика; оно преслѣдовало, по существу, тѣ же задачи, какія

были поставлены московскими государями XVI в. и ихъ продолжателемъ Борисомъ Годуновымъ. Правительственная среда сложилась изъ элементовъ, для которыхъ эти традиціи были и привычны и близки. Но во главѣ ея стояли люди, неспособные вести ея работу по систематичному и твердому плану и еще менѣе способные внести въ дѣло государственнаго управленія идею долга и строгую дисциплину. Опытные и умѣлые, но корыстные дѣльцы и случайные люди, возвышенные одною только близостью къ царскому дворцу, принесли съ собой господство интриги и произвола, которое даже иностранцевъ заставляло ждать съ нетерпѣніемъ возвращенія изъ польскаго плѣна митрополита Филарета. «Онъ одинъ, — писалъ, напр., голландецъ Исаакъ Масса, — былъ бы въ состояніи поддержать достоинство великокняжеское».

Однако усиліями первыхъ лѣтъ были достигнуты наиболѣе необходимые результаты. Наиболѣе рѣзкіе остатки «великой разрухи» внутри страны были подавлены, возстановлено государственное властвованіе московскаго центра надъ всей территоріей. Новгородъ вернулся подъ власть Москвы и со шведами заключено «мирное докончаніе». Въ 1618 г. отбито нашествіе Владислава, а затѣмъ состоялись Деулинское перемиріе и обмѣнъ плѣнными. Возвращеніе въ Москву митрополита Филарета было крупнымъ событіемъ. Давно нареченный въ патріархи, онъ занялъ теперь святительскій престолъ при исключительныхъ условіяхъ. Поставленіе его въ патріархи совершалось съ особою торжественностью, благодаря прибытію въ Москву іерусалимскаго патріарха Ѳеофана, который 24 іюня въ Успенскомъ соборѣ и исполнилъ чинъ посвященія. Съ той поры и до кончины своей 1 октября 1633 г. Филаретъ управлялъ и церковью и государствомъ. Какъ правитель русской церкви, патріархъ, чуждый церковно-богословской книжности, являлся прежде всего властнымъ и искуснымъ администраторомъ. Церковь была для него учрежденіемъ, требующимъ устройства на началахъ строгой дисциплины и іерархическаго господства, и онъ цѣликомъ перенесъ въ свое патріаршее управленіе формы приказнаго завѣдыванія дѣлами. Судъ въ патріаршемъ судномъ приказѣ былъ «въ духовныхъ дѣлахъ и въ смертяхъ и въ иныхъ во всякихъ дѣлахъ противъ того же, что и въ царскомъ судѣ». Казенный приказъ вѣдалъ доходы патріаршей области — дань съ дворовъ духовенства и сборы съ церковныхъ доходовъ за требы, за пользованіе пахотой, угодьями и др.; для этого производились тщательныя переписи церквей и приходовъ, равно какъ и всего тяглаго духовенства.

Получивъ патріаршество столько же по каноническому избранію, сколько по естественному праву, какъ отецъ государя, Филаретъ былъ «великимъ государемъ» не только для духовенства — такимъ же «великимъ государемъ» выступилъ онъ и въ дѣлахъ управленія государственнаго; дѣла докладывались обоимъ государямъ и

грамоты писались отъ имени ихъ обоихъ. Царь Михаилъ пояснялъ, что «каковъ онъ государь, таковъ и отецъ его государевъ великій государь, святѣйшій патріархъ, и ихъ государское величество нераздѣльно», а современники не колебались, кого считать дѣйствительнымъ правителемъ государства: патріархъ, говорили они, «нравомъ опальчивъ и мнителенъ, а властителенъ таковъ, яко и самому царю его боятися; бояръ же и всякаго чина людей царскаго синклита зѣло томяше заключеніями и иными наказаніями». Филаретъ достигъ теперь власти, которой добивался въ теченіе всей своей жизни, и съ его пріѣздомъ въ дѣлахъ правленія почувствовалась твердая и сильная рука. Но сколько-нибудь существенныхъ измѣненій ни въ личномъ составѣ центральной администраціи, ни въ



Снимокъ съ подписи патріарха Филарета.
Оригиналъ въ Императорской Публичной библіотекѣ въ Петербургѣ.

томъ, что можно назвать программой внутренней политики, съ пріѣздомъ его не произошло; явился только энергичный и суровый руководитель придворной и приказной среды и земскаго собора. Отдѣльныя лица, какъ царскіе свойственники Салтыковы и нѣсколько видныхъ приказныхъ дѣльцовъ, подверглись при немъ опалѣ, возвысились новыя лица, но это не мѣняло общаго склада и характера правящей среды. Филаретъ нашелъ у власти своихъ людей, среду, съ которою давно былъ связанъ, и съ нею продолжалъ правительственную работу. Но онъ ввелъ въ эту работу больше системы и энергіи, пытаясь въ то же время бороться противъ злоупотребленій не только отдѣльными опалами, но и общими мѣрами. Филаретъ и подъ монашескимъ клобукомъ остался государственнымъ человѣкомъ, дѣятельнымъ и честолюбивымъ. Пережи-

тая борьба закалила его деспотическую натуру и обогатила его сильный умъ разнообразнымъ житейскимъ и политическимъ опытомъ. Но геніальной широты, способной на смѣлое и содержательное творчество, въ немъ не было; онъ былъ умный администраторъ, умѣвшій понять обстоятельства и очередныя задачи текущей государственной жизни, но онъ не былъ преобразователемъ, который бы владѣлъ даромъ не только пользоваться данными условіями, но и творчески ихъ измѣнять.

Вниманіе Филарета привлечено было прежде всего, разнаго рода непорядками и злоупотребленіями въ сборѣ податей. Съ одной стороны, вся старая система обложенія была въ полномъ разстройствѣ. Попытки выяснить дѣйствительное состояніе платежныхъ силъ путемъ «дозора», т.-е. описи подлиннаго экономическаго положенія тяглыхъ хозяйствъ, далеко не были закончены и сами послужили поводомъ для многихъ злоупотребленій. Съ другой стороны, немало плательщиковъ разными способами уклонялось отъ тягла, усиливая тѣмъ самымъ тяготу для остальныхъ. Подати съ однихъ взимались по писцовымъ книгамъ, съ другихъ — по дозорнымъ, «и инымъ тяжело, а другимъ легко»; дозорщики однимъ за посулы мирволили, а другихъ «писали и дозирали тяжело», и оттого всякимъ людямъ Московскаго государства была «скорбь конечная». На земскомъ соборѣ, по предложенію патріарха, рѣшили начать дѣло заново, послать писцовъ во всѣ города, не потерпѣвшіе отъ разоренія, а дозорщиковъ въ разоренныя мѣстности, для правильнаго распредѣленія тягла по дѣйствительной «силѣ»; гарантіей успѣха должны были быть выборъ дозорщиковъ «добрыхъ», ихъ крестное цѣлованіе и «полные имъ наказы»: мысль русскихъ финансистовъ того времени не шла дальше попытокъ наладить дѣло старыми пріемами. А между тѣмъ усложненіе государственныхъ потребностей и разстройство народнаго хозяйства требовали новыхъ пріемовъ описанія,—новыхъ, болѣе пригодныхъ единицъ обложенія; къ попыткамъ податной реформы дѣятели XVII в. пришли, однако, лишь много позднѣе. Въ царствованіе же Михаила Ѳеодоровича надѣялись еще одолѣть затрудненія улучшеніемъ техники старыхъ пріемовъ и стремленіемъ привлечь къ общей тяготѣ всѣхъ, кто умѣлъ ея «избыть». Посадскіе многіе люди, «льготя себѣ, чтобъ имъ въ городѣхъ податей никакихъ не платить», покидали насиженныя мѣста, гдѣ записаны были въ тягло, уходили въ Москву и другіе города, выбывая изъ счета. Другіе плательщики «посадскіе и уѣздные люди» закладывались «въ закладчики за бояръ и за всякихъ людей», уйдя изъ-подъ власти правительственной на частную службу и подъ покровительство новыхъ господъ. Чтобы вернуть эти платежныя силы, государь съ соборомъ рѣшили вести розыскъ такихъ бѣглецовъ, возвращать ихъ на прежнее жительство, чтобы «быть имъ попрежнему, гдѣ кто былъ напередъ сего». Обезпеченіе податной исправности населенія требовало по-старому, и въ еще боль-

шей степени, прикрѣпленія тяглецовъ къ мѣсту и къ той мѣстной организаціи, куда они зачислены въ писцовыхъ книгахъ. Прошло 20 лѣтъ, и въ 1638 г. возникъ особый «сыскной приказъ» для повсемѣстнаго сыска закладчиковъ и возвращенія ихъ на старыя мѣста особыми «свозчиками», подъ надзоромъ которыхъ они обязаны были соорудить себѣ на посадѣ «дворовое строеніе». Кому изъ нихъ не находилось «поручниковъ въ житьѣ и дворовомъ строеніи», тѣхъ обязывали «жить и строиться» подъ угрозой ссылки въ Сибирь.

Жалованная грамота царя Михаила Ѳеодоровича кн. Д. М. Пожарскому на вотчины.

Оригиналъ въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Къ той же цѣли — овладѣть всѣми силами и средствами населенія, чтобъ никто въ избылыхъ не былъ, и тѣми же средствами прикрѣпленія къ мѣсту и повинностямъ — шло правительство въ вопросахъ, касавшихся служилыхъ людей и крестьянства. Заботы объ устройствѣ служилаго класса, раздача ему помѣстій и пополненіе его новыми верстаніями въ службу не прекращались въ правленіе Филарета. Указное законодательство этихъ лѣтъ по помѣстнымъ дѣламъ весьма обильно, и въ 1636 г. особое «помѣстное

уложеніе» подвело ему нѣкоторый итогъ. Помѣстная система и организація службы представлялись настолько обезпеченными, что правительство пошло навстрѣчу желанію служилыхъ людей и стало постепенно расширять ихъ право распоряжаться помѣстьями: разрѣшало мѣну помѣстьями, сдачу помѣстья другому лицу, отдачу ихъ въ приданое за дочерьми. Въ то же время правительство продолжало политику ограниченія права распоряжаться вотчинами, особенно жалованными и выслуженными, которыхъ много роздано было въ первую половину царствованія. Общая тенденція этой эволюціи служилаго землевладѣнія подготовляла сліяніе помѣстій и вотчинъ въ одинъ разрядъ недвижимыхъ дворянскихъ имѣній, вотчинныхъ по отношенію къ владѣльцу, но всецѣло подчиненныхъ служилымъ его обязанностямъ регламентаціей его правъ съ точки зрѣнія правительственнаго интереса. Устраивая служилыхъ людей на земляхъ, верховная власть требовала отъ нихъ постоянной готовности къ исправной службѣ. Экономическій кризисъ, разросшійся въ результатѣ смуты, ставилъ эти требованія въ непримиримое противорѣчіе съ хозяйственнымъ положеніемъ служилыхъ земель. Мелкія помѣстья и вотчины служилаго люда были повсемѣстно почти разорены, главнымъ образомъ, по недостатку рабочихъ рукъ. Даже изъ болѣе зажиточныхъ, московскихъ дворянъ иные остались при шести, даже при трехъ крестьянахъ на имѣнье. Вопросъ этотъ былъ настолько острымъ, что при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ размѣръ обязательной службы опредѣляется не по площади земельнаго владѣнія — «со 100 четей доброй и угожей земли человѣкъ на конѣ и въ доспѣхѣ полномъ», какъ при Іоаннѣ Грозномъ, а по количеству крестьянъ у служилаго человѣка — съ 15 крестьянъ. Сами служилые московскіе дворяне полагали, что нести походную службу «безъ государева жалованья» можетъ только тотъ, за кѣмъ числится, по крайней мѣрѣ, 50 крестьянъ, а что менѣе состоятельные нуждаются въ денежной помощи. Тягость службы создавала въ дворянской средѣ явленія, аналогичныя тѣмъ, съ какими правительство боролось, разыскивая бѣглыхъ посадскихъ людей: дворяне уклонялись отъ призыва въ походъ, оказывались «въ нѣтяхъ», а то и вовсе бросали свои помѣстья и, «не хотя государевы службы служити и бѣдности терпѣти», укрывались, подобно посадскимъ закладчикамъ, за бояръ, поступая къ нимъ въ «добровольные холопы»; съ этимъ послѣднимъ явленіемъ правительство боролось самыми рѣшительными мѣрами.

Всѣ эти явленія и мѣропріятія правительства, ими вызванныя, показываютъ, что удовлетвореніе настоятельнѣйшихъ потребностей обширнаго государства, только что пережившаго тяжелый кризисъ и изнуряемаго внѣшней борьбой, было едва по силамъ его населенію. Несоотвѣтствіе средствъ и потребностей вело къ тому, что государство все болѣе и болѣе властвовало надъ народною жизнью, а самодѣятельность земская быстро замирала.

Верховная власть, подъ твердымъ руководствомъ патр. Филарета, окрѣпла и достигла полной, неограниченной силы, не въ принципѣ только, а на дѣлѣ. Но и онъ продолжаетъ работать при частомъ обращеніи къ земскимъ соборамъ. Однако въ новыхъ условіяхъ значеніе соборовъ не могло быть тѣмъ же, что въ первые годы царя Михаила. Филарету соборъ нуженъ былъ не для того, чтобы поддержать передъ обществомъ слабый правительственный авторитетъ: въ его рукахъ соборъ—орудіе для изученія дѣйствительнаго положенія дѣлъ, средство узнать его недостатки, вскрыть существующіе непорядки и злоупотребленія. На земскій соборъ созываются выборные отъ разныхъ чиновъ Московскаго государства, «которые бы умѣли разсказать обиды и насильства и разоренья», чтобы обоимъ великимъ государямъ, царю и патріарху, «всякія ихъ нужды и тѣсноты, и разоренья, и всякіе недостатки были вѣдомы». Царь и патріархъ обѣщаютъ, что обсудятъ съ ними, какъ «устроить бы Московское государство, чтобы пришло въ достоинство», и «совѣтовавъ по ихъ челобитью, учнутъ о Московскомъ государствѣ промышляти, чтобы во всемъ поправити, какъ лутче». Однако по вопросамъ чрезвычайнаго обложенія правительство и при Филаретѣ не могло обойтись безъ собора. И соборъ, на которомъ въ дѣлахъ финансовыхъ главную роль играли торговые люди, долженъ былъ въ особо трудныя минуты вызывать ихъ на «вспоможенье ратнымъ людямъ» пятою деньгой «съ животовъ и съ промысловъ вправду», а остальные чины — на дачу, смотря «по пожиткамъ, кому что мочно». Подъ контроль собора ставился выборъ сборщиковъ изъ торговыхъ людей разныхъ разрядовъ: «пересмотръ» выбора на соборѣ долженъ былъ обезпечить добросовѣстность постановки всего дѣла. Финансовые результаты этихъ чрезвычайныхъ усилій были сравнительно малы. Пятинныя и запросныя деньги заняли далеко не первое мѣсто въ ряду источниковъ дохода правительства царя Михаила, тѣмъ болѣе, что замѣтно понижали доходы косвенные.

Въ первые годы царствованія правительство искало выхода изъ нужды напряженіемъ прямого обложенія, постояннаго и чрезвычайнаго, но его тягость, несомнѣнно, затронула народный капиталъ: производство и торговля сильно сократились. Съ 20-хъ гг. эти результаты финансовой политики уже ясны, и роль въ ней земскихъ соборовъ становится все менѣе важной и значительной. Чѣмъ дальше, тѣмъ громче жалобы на невыносимую тяготу; чрезвычайныхъ жертвъ столько уже было принесено, что народныя силы казались исчерпанными. Вслушиваясь въ эти жалобы, Филаретъ изыскивалъ мѣры къ пресѣченію тѣхъ золъ, какія въ нихъ раскрывались. Тягота тягла и службы не могла быть облегчена; напротивъ, она неизмѣнно нарастала; достичь хотя бы ея равномѣрнаго распредѣленія не умѣли. Оставалось бороться съ частичными несовершенствами и нарушеніями существующаго порядка и пре-

слѣдовать злоупотребленія. Власть это и дѣлала по мѣрѣ силъ и умѣнья. Проявляя неустанную дѣятельность въ упорядоченіи, хотя бы самыми крутыми мѣрами, тягла и службы, правительство пыталось создать какой-либо контроль надъ «сильными людьми», о произволъ и вліяніе которыхъ разбивались усилія установить прочный и законный порядокъ. Назначались по жалобамъ многихъ людей довѣренныя лица изъ ближнихъ бояръ государевыхъ для сыска «про сильныхъ людей во всякихъ обидахъ». Такія судебно-разыскныя комиссіи назывались иногда «приказами сыскными, что на сильныхъ бьютъ челомъ», но стояли выше обычныхъ приказовъ, откуда къ нимъ поступали дѣла, какъ въ высшую инстанцію. Не довѣряя своей администраціи и не рѣшаясь начать ея реформу, правительство передавало наиболѣе острые вопросы особымъ комиссіямъ довѣренныхъ лицъ, примыкавшимъ къ ближней думѣ царской по личному составу и довѣренности. Эта практика весьма характерна для царской власти XVII в., понявшей, что на нее падаетъ отвѣтственность за дѣйствія ея полномочныхъ, и если не безотвѣтственныхъ, то фактически безконтрольныхъ органовъ. Внимательно выслушивая жалобы населенія и даже вызывая ихъ на земскихъ соборахъ, правительство столь же внимательно относилось къ челобитьямъ, поднимавшимъ вопросы о мѣстныхъ нуждахъ или потребностяхъ отдѣльныхъ группъ населенія, прислушивалось, наконецъ, къ доносамъ и «извѣтамъ», разъ въ нихъ обличались нарушенія государственнаго интереса или безопасности политической; процессы— въ особомъ порядкѣ производства — по поводу «слова и дѣла государева» возникли въ дни царя Михаила. Народное представленіе о царѣ-блюстителѣ высшей справедливости побуждало населеніе прибѣгать со своими нуждами и за обороной отъ всякихъ обидъ къ престолу, къ личной власти государевой, а на земскіе соборы смотрѣть, какъ на форму такого же обращенія. Общественная масса сходилась въ этомъ воззрѣніи съ представленіями носителей верховной власти; московская средневѣковая монархія вырастала на народномъ корню.

Политическіе успѣхи новой династіи, ея укрѣпленіе во главѣ національнаго государства въ значительной мѣрѣ связаны съ личностью Филарета Никитича. Сама властная натура патріарха и его санъ содѣйствовали поднятію авторитета власти. Когда 1 октября 163? года патріархъ Филаретъ умеръ, онъ оставилъ Московское государство окрѣпшимъ настолько, что ни тяжелая борьба съ сосѣдями, ни внутреннія язвы народнаго хозяйства и государственнаго быта уже не могли расшатать воздвигнутаго изъ развалинъ политическаго зданія. Съ кончиной патріарха ничто по существу не измѣнилось, несмотря на несомнѣнное ослабленіе правительственнаго центра. Въ Москву вернулись опальные члены придворной знати и приказной среды, но никто не замѣнилъ Филарета въ перобладающемъ государственномъ вліяніи. Москов-

ское правительство плыло по сложившемуся теченію, не проявляя сколько-нибудь крупнаго почина. И за три года до конца жизни и царствованія Михаила Ѳеодоровича его правительству привелось подвести своего рода итогъ состоянію государства на земскомъ соборѣ, созванномъ для обсужденія вопроса о взятіи казаками Азова. Донскіе казаки захватили Азовъ и просили его отъ нихъ принять и послать туда воеводъ съ ратными людьми. На обсужденіе собора поставленъ былъ вопросъ: разрывать ли изъ-за Азова съ Турціей и Крымомъ? А если итти на большую войну, то какъ обезпечить нужныя средства? Всѣ чины соборные должны были «помыслить о томъ накрѣпко» и государю о томъ «мысль свою объявити на письмѣ». Люди служилые ясно сознавали важность пріобрѣтенія: въ русскихъ рукахъ Азовъ парализовалъ крымскую орду и могъ стать опорнымъ пунктомъ для уничтоженія ея силы. Но разсужденія о средствахъ обороны Азова и веденія войны обратились въ сплошную жалобу на несправедливости, непорядки и оскудѣніе. Чины столичные и придворные норовили свести защиту Азова къ поддержкѣ казаковъ «охочими вольными людьми» на денежномъ жалованьи, безъ общаго похода. Дворяне городовые выражали готовность на войну, но указывали на неравномѣрность распредѣленія военныхъ и денежныхъ повинностей. Они совѣтовали государю хлѣбные запасы брать «со всѣхъ безъ выбора» и «рать строить» по тѣмъ уравнительнымъ правиламъ, какія установлены были при царяхъ Іоаннѣ и Ѳеодорѣ, взять пѣшихъ и конныхъ ратныхъ людей съ бояръ и ближнихъ людей, которые пожалованы многими помѣстьями и вотчинами, хотя бы въ видѣ исключенія «для такого басурманскаго нахожденія» и въ такомъ размѣрѣ, какой государь укажетъ, а также съ дьяковъ и подьячихъ, которые не только пожалованы и помѣстьями и вотчинами, но сверхъ того обогатѣли у государевыхъ дѣлъ неправеднымъ мздоимствомъ, накупили себѣ вотчинъ и понастроили такихъ домовъ, какихъ при прежнихъ государяхъ и у великородныхъ людей не бывало; ихъ справедливо обложить и деньгами «противъ домовъ ихъ и пожитковъ» на жалованье ратнымъ людямъ; съ «государева богомолья»—церковныхъ вотчинъ—взять даточныхъ людей не по устарѣлымъ даннымъ писцовыхъ книгъ, и тѣмъ болѣе не «противъ заступленья», а по числу крестьянъ; съ служащихъ по московскому списку и столичныхъ чиновъ, которые на льготной службѣ «отяжелѣли и обогатѣли», взять даточныхъ людей, а съ ихъ пожитковъ—деньги. Службу вообще необходимо упорядочить, выяснивъ, сколько за кѣмъ изъ служилыхъ и приказныхъ людей числится крестьянъ. и установить новымъ уложеньемъ, со сколькихъ крестьянъ служить безъ денежнаго жалованья, а за лишекъ владѣнья брать деньги; рядовыхъ служилыхъ людей, «безпомѣстныхъ, пустомѣстныхъ и малопомѣстныхъ», поддержать помѣстнымъ верстаньемъ и денежнымъ жалованьемъ. Финансовыя средства на войну по-

полнить, взявъ «лежачую домовую казну» у духовенства и обложивъ торговыхъ и черныхъ людей по ихъ торгамъ, промысламъ и пожиткамъ, но собирать эти доходы гостямъ и торговымъ людямъ, а приказныхъ людей счесть по приходнымъ книгамъ, «чтобы государева казна безъ вѣдомости не терялась»: отъ такой ревизіи приказного хозяйства служилые люди ожидали несомнѣнной прибыли для казны. Про себя рядовые служилые люди говорили, что готовы «работать государю головами своими и всею душою», но «разорены пуще турскихъ и крымскихъ басурмановъ московскою волокитою и отъ неправдъ и отъ неправедныхъ судовъ». Торговые люди также жаловались на новые приказные порядки, утверждая, что «въ городѣхъ всякіе люди обнищали и оскудали до конца отъ воеводъ», и вспоминали съ сожалѣніемъ, какъ «при прежнихъ государяхъ въ городѣхъ вѣдали губные старосты, а посадскіе люди судилися сами промежъ себя, а воеводъ въ городѣхъ не было»; они указывали на свое обѣднѣніе, на остановку торговъ, на разореніе отъ тяглыхъ службъ и податей, отъ конкуренціи иностранныхъ торговцевъ, которымъ покровительствовало правительство. Выслушавъ всѣ эти заявленія, правительство рѣшило отказаться отъ Азова и отступить передъ опасностью продолжительной и тяжелой войны. Соборныя «сказки» 1642 года характерно обрисовываютъ и настроеніе, и положеніе тѣхъ среднихъ слоевъ населенія, которые были главной общественной силой при возстановленіи государства изъ великой разрухи въ ополченіи 1612 г., на соборѣ, избравшемъ царя Михаила, и на рядѣ соборовъ первыхъ лѣтъ его правленія. Глубокое недовольство усиленіемъ приказной системы управленія, корыстной и безконтрольной, усугублялось тѣмъ, что ей на счетъ ставилось общее разстройство экономическаго быта и государственной силы, хотя она была, конечно, не причиной ихъ, а порожденіемъ. Острое раздраженіе вызывали и новые общественные верхи, обогатѣвшіе царскою милостью и собственнымъ мздоимствомъ и отяжелѣвшіе въ своемъ льготномъ положеніи. Силы и средства страны казались общественной массѣ большими, но неправильно распредѣленными, такъ что слишкомъ значительная часть ихъ ускользаетъ отъ служенія государеву и земскому дѣлу и пропадаетъ втуне. Надъ этимъ упрощеннымъ пониманіемъ положенія не возвышалась, впрочемъ, и мысль государственныхъ людей первой половины XVII вѣка. Усиліями перваго царствованія новой династіи государство было возстановлено на старыхъ основаніяхъ, на которыхъ покоилась и политика такихъ строителей царства, какъ Грозный и Годуновъ. Достигнутыми результатами въ значительной мѣрѣ осуществлялись намѣченныя ими цѣли. Но традиціонные пріемы управленія оказались недостаточными для разрѣшенія задачъ, болѣе сложныхъ. Правительственная работа, направленная исключительно на организацію и эксплуатацію народныхъ силъ и средствъ для государева и земскаго дѣла, спасла го-

сударство отъ внѣшняго и внутренняго разгрома, но не вывела страны изъ состоянія разстройства и надрыва этихъ силъ и средствъ. Побѣждены были гибельныя проявленія смуты, корни же ея не были вырваны изъ русской жизни. Это сказалось при сынѣ царя Михаила новыми тревогами и серьезными волненіями.

III.

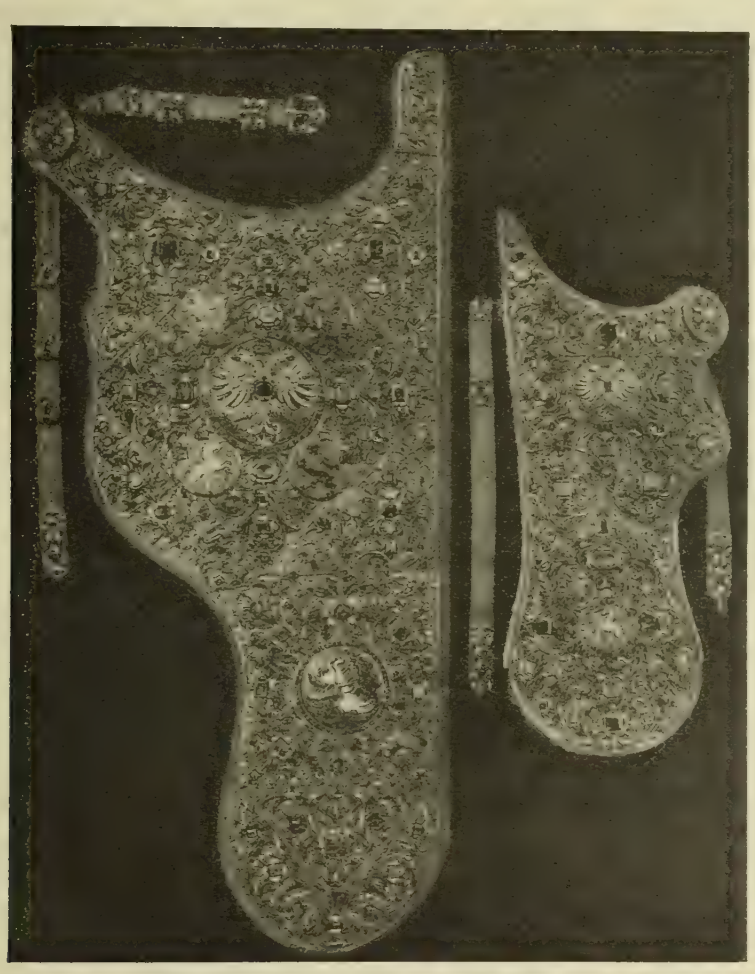
Внѣшняя политика при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ.

Съ утвержденіемъ на престолѣ новой династіи Московскому государству пришлось строиться вновь не только во внутреннихъ, но и во внѣшнихъ отношеніяхъ. Москва въ эпоху смуты потеряла слишкомъ значительную и цѣнную часть государственной территоріи и утратила свое прежнее международное значеніе. На западной границѣ она оказалась отброшенною назадъ ко временамъ, предшествовавшимъ дѣятельности Іоанна III: потерянъ былъ Новгородъ, закрытъ путь къ западному морю; потерянъ Смоленскъ, утрачена земля Сѣверская, отрѣзаны пути въ Поднѣпровье. Сосѣди стремились закрѣпить за собой захваченныя области и до конца использовать создавшіяся условія, отказываясь признать совершившійся фактъ— возстановленіе на Москвѣ царскаго престола. Внутренняя смута слишкомъ тѣсно сплелась съ отношеніями къ западнымъ сосѣдямъ; не уладивъ ихъ, было невозможно одолѣть и внутреннюю смуту. Смута проложила путь иностранному вмѣшательству въ русскія дѣла, и оно поддерживало враговъ возстановляемаго порядка. Борьба была неизбѣжна; она и не была прервана избраніемъ Михаила. Шведы держали сѣверо-западъ, и король Густавъ-Адольфъ даже мечталъ, захвативъ Псковъ и Холмогоры или Соловки, отрѣзать Москву отъ обоихъ морей. Въ 1614 г. онъ лично явился на театръ войны, взялъ Гдовъ, въ слѣдующемъ году осадилъ Псковъ, но, потерпѣвъ здѣсь неудачу, согласился на переговоры. Долгія пререканія представителей обѣихъ сторонъ закончились заключеніемъ 27 февраля 1617 г. «вѣчнаго мира» въ Столбовѣ, на рѣкѣ Сяси. Москва по этому договору уступала шведамъ Ивангородъ, Ямъ, Копорье, Орѣшекъ съ уѣздами и уплачивала 20.000 рублей. Шведскій король, стремившійся къ господству Швеціи на Балтійскомъ морѣ, былъ весьма доволенъ этимъ результатомъ, тѣмъ болѣе, что царь отказался отъ всякихъ притязаній на Лифляндію и Корелу. Но и въ Москвѣ были рады миру, вызволившему Великій Новгородъ. Теперь были развязаны руки для дѣла, еще болѣе настоятельнаго,—борьбы съ королемъ польскимъ. Московское правительство возобновило ее еще въ мартѣ 1613 г., пославъ ратную силу на оборону и очищеніе западныхъ областей. Но силъ на энергичное наступленіе не хватало, война тянулась вяло. По счастью и противникъ, отвлеченный

турецкой опасностью и раздорами короля со шляхтой, лишь отстаивалъ захваченное и даже не былъ въ силахъ отбить ничтожныя силы русскихъ воеводъ, тщетно стоявшихъ полгода подъ Смоленскомъ. Безрезультатно тянулись съ конца 1614 до начала 1616 г. и переговоры о мирѣ. Лѣтомъ 1616 г. царь Михаилъ сдѣлалъ попытку наступленія, не давшую сколько-нибудь прочныхъ послѣдствій. Королевичъ Владиславъ, который продолжалъ титуловать себя царемъ московскимъ и настаивать на своихъ правахъ, получилъ согласіе сейма на походъ къ Москвѣ. Но въ Польшѣ московская авантюра дома Вазы далеко не пользовалась популярностью въ широкихъ общественныхъ кругахъ; насколько пріобрѣтеніе Смоленской и Сѣверской земель представлялось дѣломъ необходимымъ для обезпеченія великаго княжества Литовскаго, настолько утвержденіе на московскомъ наслѣдственномъ престолѣ польскаго королевича казалось политической опасностью и — во всякомъ случаѣ — династической затѣей, не заслуживающей жертвъ со стороны Речи Посполитой. Только лѣтомъ 1617 г. вступилъ Владиславъ въ московскіе предѣлы, но прошелъ еще цѣлый годъ, пока онъ получилъ возможность болѣе рѣшительныхъ дѣйствій. Польское войско, не достаточное, чтобы взять сколько-нибудь значительную крѣпость, раздраженное неполученіемъ платы, нѣсколько мѣсяцевъ разоряло русскія области, возобновивъ для западныхъ уѣздовъ горькія времена смуты. Наконецъ Владиславъ осенью 1618 г. рѣшилъ двинуться къ Москвѣ, чтобы чѣмъ-нибудь кончить: сеймъ далъ ему небольшую сумму денегъ съ обязательствомъ закончить походъ до конца года. Съ юга шла къ нему серьезная помощь—гетманъ Конашевичъ-Сагайдачный съ 20.000 казаковъ, чѣмъ силы королевича утраивались. Но и этихъ силъ все-таки было недостаточно ни для взятія Москвы штурмомъ, ни для правильной осады. Однако Москва была еще такъ слаба, что могла только защищаться, отстаивая укрѣпленные пункты и уклоняясь отъ рѣшительной встрѣчи. Обѣ стороны одинаково нуждались въ мирѣ. Переговоры въ с. Деулинѣ, близъ Троицкой Лавры, привели къ перемирію на $14^1/_2$ лѣтъ, при чемъ Речь Посполитая удерживала свои завоеванія — Смоленскую и Сѣверскую земли,—а вопросъ о правахъ Владислава на московскій престолъ былъ «положенъ на судъ Божій» и не получилъ формальнаго рѣшенія. Но и въ такой формѣ перемиріе было благодѣтельно для Москвы, занятой трудною внутренней работой.

Въ первые годы царствованія Михаила Ѳеодоровича московскіе политики сдѣлали усилія связать свои дѣла съ отношеніями державъ въ Западной Европѣ. Еще изъ Ярославля кн. Пожарскій съ товарищами предпринялъ шаги къ возобновленію сношеній съ вѣнскимъ императорскимъ дворомъ, а лѣтомъ 1613 г. отправилось посольство къ имп. Матѳею. Московское правительство желало посредничества императора для замиренія съ Сигизмундомъ; однако, скоро пришлось убѣдиться, что императоръ не будетъ желательнымъ по-

средникомъ; участіе императорскаго посла Ганзеліуса въ русско-польскихъ переговорахъ оставило впечатлѣніе, что онъ «доброхотаетъ королю»; вѣнское правительство явно не было заинтересовано въ успокоеніи Московскаго государства. Больше реальныхъ основаній было искать соглашенія съ Турціей, давнимъ врагомъ Польши. Сношенія Москвы съ султаномъ сильно тревожили поль



Саадакъ царя Михаила Ѳеодоровича.
Русская работа XVII в.
Хранится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

ское правительство. Эти опасенія, можетъ-быть, вліяли на готовность окончить московскую войну, но до активныхъ дѣйствій со стороны турокъ дѣло не дошло.

Болѣе существенныхъ результатовъ достигло правительство, затронувъ интересы англо-русской и русско-голландской торговли. Просьбы о помощи противъ шведовъ и Польши не имѣли успѣха: ни у Голландіи, ни у Англіи не было мотивовъ вступать въ войну.

Но замиреніе Московскаго государства было существенно важно для ихъ торговыхъ интересовъ, а окупить дипломатическую услугу пріобрѣтеніемъ отъ правительства царя Михаила льготъ и покровительства значило расширить свои рынки и открыть себѣ новые торговые пути. Во время переговоровъ, которые привели къ Столбовскому миру, посредниками, усердно улаживавшими тренія между представителями Москвы и Швеціи, явились уполномоченный отъ англійскаго короля, Джонъ Мерикъ, и послы голландскіе. Лѣтомъ 1617 г. русское посольство просило короля Іакова содѣйствовать, чтобы Данія, Швеція и Нидерланды пришли на помощь Москвѣ противъ Швеціи и поддержали русскихъ денежной субсидіей. Король прислалъ крупную сумму — 20.000 руб.; ихъ вернули черезъ годъ, такъ какъ Деулинское перемиріе прервало польскую войну. Въ тѣ же годы впервые завязались у Москвы прямыя сношенія съ Франціей: въ 1615 г. московское посольство извѣщало короля Людовика XIII о вступленіи на престолъ царя Михаила и искало помощи Франціи противъ поляковъ и шведовъ; первое французское посольство появилось въ Москвѣ лишь много позднѣе — въ 1629 г.

Далекая Московія напоминала о себѣ державамъ Западной Европы, пытаясь поставить свои отношенія къ ближайшимъ западнымъ сосѣдямъ на общеевропейскую почву. Но еле оправлявшаяся отъ полнаго упадка Москва не вызывала на западѣ политическаго интереса. Зато ея значеніе какъ рынка для пріобрѣтенія сырья и для сбыта европейскихъ товаровъ и какъ страны, владѣющей путями въ Азію, особенно же въ богатую шелкомъ Персію, неизмѣнно росло въ сознаніи западнаго коммерческаго и политическаго міра. Въ переговорахъ о помощи и посредничествѣ московскіе послы должны были сулить торговыя привилегіи, за оказанныя услуги надо было платить жалованными грамотами на торговлю. Больше всѣхъ получили англичане: они пріобрѣли правс свободнаго и безпошлиннаго торга; голландцы выхлопотали себѣ ту же льготу лишь на 3 года (съ 1614 г.), а затѣмъ платили половинныя пошлины; рядъ спеціальныхъ привилегій получили отдѣльные торговые люди иноземцы за тѣ или иныя услуги московскому правительству. Попытка Франціи заключить договоръ о свободной торговлѣ и о пути въ Персію не имѣла успѣха, какъ и домогательства о томъ же англичанъ. Во всякомъ случаѣ навстрѣчу московскимъ посольствамъ, которыя стремились заинтересовать Западную Европу въ судьбахъ своего государства, какъ члена семьи народовъ христіанской культуры и союзника въ борьбѣ съ мусульманствомъ — этотъ аргументъ русско-европейскихъ связей обыченъ въ посольскихъ наказахъ временъ Михаила Ѳеодоровича, — шло стремленіе западно-европейскихъ народовъ включить Московію въ свой торговый оборотъ и эксплуатировать ея транзитные пути на востокъ. Со стороны царскаго правительства покрови-

тельство иноземной торговлѣ вызывалось не одной обязанностью расплачиваться за политическія услуги: англичане обязывались поставлять въ царскую казну сукно и другіе продукты западной промышленности по цѣнамъ, какія были на мѣстѣ въ Англіи. Ничтожество своей промышленности вызывало большую нужду въ западныхъ товарахъ. Параллельно шло расширеніе вызова иноземныхъ промышленниковъ для насажденія на Руси лучшей и болѣе интенсивной разработки минеральныхъ богатствъ, заводскаго и фабричнаго дѣла. Съ каждымъ десятилѣтіемъ XVII в. связи Московскаго государства съ Западной Европой становились сложнѣе и глубже.

Но сознательная и болѣе послѣдовательная работа въ этомъ направленіи была еще не по силамъ Москвѣ въ первую половину столѣтія. Тяжелое внутреннее положеніе страны и неизбѣжная затрата силъ и средствъ на внѣшнія отношенія поглощали эти силы до дна. Отношенія къ Польшѣ не были сколько-нибудь прочно улажены Деулинскимъ перемиріемъ. Новое разграниченіе вызывало непрерывныя пограничныя столкновенія, наѣзды и набѣги, нескончаемые споры изъ-за перебѣжчиковъ и т. д. Дипломатическія сношенія были очень затрудняемы непризнаніемъ за Михаиломъ Ѳеодоровичемъ царскаго титула. Худой миръ то и дѣло грозилъ перейти въ прямой разрывъ, когда въ августѣ 1621 г. появился въ Москвѣ посланникъ султана Ѳома Кантакузинъ, съ предложеніемъ наступательнаго союза противъ Польши. Но Москва чувствовала себя слабой и нуждалась въ довольно большомъ времени, чтобы подготовиться къ новой борьбѣ. Въ виду ея московское правительство заводитъ съ помощью иноземцевъ-инструкторовъ полки «иноземнаго ратнаго строя», солдатъ и рейтаръ, затрачивая на нихъ немалыя средства. Кончина Сигизмунда, смуты безкоролевья, казались въ 1631 г. моментомъ удобнымъ, чтобы возобновить борьбу за Смоленскъ. Война началась удачно; былъ взятъ рядъ укрѣпленныхъ пунктовъ; воевода Шеинъ осадилъ Смоленскъ. Но исходъ кампаніи былъ плачевный. Союзники-турки не открыли своевременно военныхъ дѣйствій и двинулись тогда, когда подъ Смоленскомъ все было кончено. Осада этого города затянулась, а въ августѣ 1633 г. Владиславъ, избранный королемъ, пришелъ подъ Смоленскъ съ значительными силами и осадилъ осаждавшихъ въ ихъ окопахъ. Русскому войску пришлось капитулировать на унизительныхъ условіяхъ. Въ Москвѣ главныхъ воеводъ — Шеина и Измайлова—осудили за измѣну и казнили; другихъ постигла опала

Наградной червонецъ, одинъ изъ тѣхъ, какими жаловали московскіе государи за отличія.
Хранится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

и ссылка. Но этимъ не исчерпывался урокъ смоленскаго похода. Онъ рѣзко выяснилъ отсталость русскаго военнаго строя. Слабость московской артиллеріи, незначительность новыхъ регулярныхъ силъ и боевая безпомощность дворянской конницы громко требовали энергичныхъ мѣръ къ улучшенію военнаго дѣла. Правительство послѣ смоленской катастрофы усиленно комплектуетъ «приборомъ» новыя части регулярныхъ полковъ, увеличиваетъ артиллерію, напрягая, какъ могло, свои финансовыя средства. Впрочемъ, успѣхи поляковъ плѣненіемъ Шеина и кончились. У короля средствъ также не хватало, а вѣсти о наступленіи турокъ заставили его поспѣшить съ переговорами о примиреніи. Лѣтомъ 1634 г. заключенъ былъ Поляновскій миръ: онъ далъ Москвѣ только отказъ Владислава отъ правъ на московскій престолъ. Осталась прежняя напряженность пограничныхъ отношеній, питаемая съ московской стороны сознаніемъ тягости потери Смоленска и Сѣверской земли. Но до кончины царя Михаила вооруженныхъ столкновеній между обоими государствами не было.

Тѣмъ напряженнѣе шла работа по оборонѣ и укрѣпленію другихъ границъ. Смутное время и западныя войны остановили развитіе военной колонизаціи и расширеніе укрѣпленій на югѣ, со стороны степной Украйны. Но южная граница попрежнему требовала постояннаго наблюденія и охраны. Противъ набѣговъ изъ Крыма приходилось по-старому ежегодно выдвигать къ ней обсерваціонные отряды, и эта постоянная «полковая» служба поглощала много силъ. По заключеніи Поляновскаго мира правительство возвращается къ сооруженію на югѣ укрѣпленной черты, къ постройкѣ городовъ и заселенію пограничной полосы военно-служилыми поселенцами. Въ 1636 г. построены Козловъ, Тамбовъ, Верхній и Нижній Ломовы. Въ концѣ 30-хъ и въ 40-хъ гг. идетъ усиленное строительство, которое при царѣ Алексѣѣ было завершено соединеніемъ городовъ и разсыпанныхъ между ними мелкихъ остроговъ непрерывною линіей укрѣпленій и засѣкъ въ крѣпкую Бѣлогородскую пограничную черту. Это было большое дѣло; оно потребовало, правда, крупныхъ средствъ и матеріальныхъ и личныхъ, но зато закрѣпляло возстановленіе государственной территоріи и ея безопасность. Послѣ этого въ южныхъ областяхъ стали появляться новые поселенцы не только изъ великорусскаго центра, но и изъ-за польскаго рубежа: въ 1638 г. послѣ усмиренія казацкаго возстанія цѣлый полкъ гетмана Остраницы поселился у Чугуева городища. Казаковъ надѣлили землей, денежнымъ и хлѣбнымъ жалованьемъ и назначили къ сторожевой пограничной службѣ. Однако эта первая волна малорусскаго переселенія, получившаго столь широкое развитіе во вторую половину XVII в., скоро схлынула обратно. Большая часть казаковъ ушла въ 1643 г. назадъ въ Польшу отъ нелегкой московской службы и отъ московскихъ воеводъ.

Возстановлялось, хотя медленно, и русское колонизаціонное движеніе въ Поволжье, пріобщавшее все новыя области къ русской гражданственности и московской государственности. Въ первую четверть XVII в. мирная колонизація двинулась за Каму и устраивалась тутъ въ многоземельныхъ мѣстахъ, не требуя правительственной поддержки. Но въ 30-хъ гг. восточная окраина увидала новую силу — калмыковъ, перекочевывавшихъ изъ Азіи. Въ 40-хъ гг. началась постройка укрѣпленій за Камою «для обереганья отъ приходу калмыцкихъ людей», въ 50-хъ она завершилась организаціей Закамской черты. Подъ защитой новыхъ укрѣпленій усилилось въ началѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича заселеніе «прихожими людьми разныхъ городовъ» Самарской луки и береговъ внизъ по Волгѣ. Впрочемъ, въ этомъ направленіи развитіе русской колонизаціи за всю первую половину XVII в. весьма незначительно. Но русскую силу неудержимо привлекали на востокъ богатыя промысловыя угодья и свободныя земли. Піонеры этого движенія достигли въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича береговъ Охотскаго моря и начали заселеніе береговъ Енисея и Лены. Въ 1619 г. возникъ Енисейскъ, опорный пунктъ подчиненія тунгузовъ, въ 1620-хъ гг. Красноярскъ, центръ господства надъ инородцами верхняго Енисея. Отсюда поступательное движеніе русскихъ направилось на подчиненіе тунгузовъ и бурятъ. Самочинными дѣйствіями сибирскихъ казаковъ захвачены были пункты по Ленѣ, и Якутскій острогъ, построенный въ 1672 г., какъ и рядъ другихъ укрѣпленныхъ пунктовъ, намѣчали этапы этого движенія и исходныя точки его дальнѣйшаго развитія. Въ 40-хъ гг. русскіе люди стали уже твердой ногой въ Анадырскомъ краю, въ Забайкальи и проникли на Амуръ. Разбросанные на огромныхъ пространствахъ Сибири русскіе городки и остроги намѣчали, такъ сказать вчернѣ, будущее освоеніе этой территоріи русскою колонизаціей и русскимъ государствомъ. На югѣ укрѣпленная граница опредѣлила лишь временный этапъ русскаго вѣкового движенія къ Черному морю. На востокѣ —граница, неопредѣленная, расплывающаяся въ неизслѣдованныхъ пространствахъ, безпокойная вслѣдствіе частыхъ столкновеній съ инородческими племенами, манила ясакомъ, промысловыми богатствами, легкой добычей для предпріимчивости населенія и казны государевой. На западѣ—два «вѣчныхъ» мира съ обоими вѣковыми врагами, принудившіе отказаться отъ давнихъ и важныхъ пріобрѣтеній—морского берега и западныхъ украинъ — служили не столько гарантіей покоя, сколько напоминаніемъ о неизбѣжномъ возобновленіи борьбы за культурные и торговые пути въ Западную Европу и за національное господство объединенной народности въ восточно-европейской равнинѣ.

Шапка Казанская. Сдѣлана въ Москвѣ въ 1553 г. для крестившагося царевича Симеона.
Хранится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

ЦАРЬ
Алексѣй Михайловичъ.

I.

Общая характеристика.

Далеко ушло то время, когда наши ученые и публицисты считали XVII вѣкъ въ русской исторіи временемъ спокойной косности и объясняли необходимость Петровской реформы мертвящимъ застоемъ московской жизни. Теперь мы уже знаемъ, что эта московская жизнь въ XVII вѣкѣ била сердитымъ ключомъ и создала горячихъ бойцовъ какъ за старые, колеблемые ходомъ исторіи идеалы, такъ и за новый укладъ жизни. Боевыя фигуры протопопа Аввакума и Никона болѣе знакомы намъ, чѣмъ тихіе образы преподобнаго Діонисія и «милостиваго мужа» Ѳедора Михайловича Ртищева; но и послѣдніе, какъ первые, отдали свою энергію на поиски новыхъ началъ жизни для того, чтобы ими освѣтить и облагородить сѣрую московскую дѣйствительность. Явись среди взбаламученнаго московскаго общества середины XVII вѣка такой

культурный вождь, какимъ былъ Петръ Великій, — культурный переломъ въ Московской Руси могъ бы обозначиться раньше, чѣмъ это произошло на самомъ дѣлѣ. Но такого вождя не явилось. Напротивъ, во главѣ Московскаго государства стоялъ тогда любопытный и пріятный, но болѣе благородный, чѣмъ практически полезный правитель. Иначе не можемъ опредѣлить знаменитаго царя Алексѣя Михайловича.

Не такова натура была у царя Алексѣя Михайловича, чтобы, проникнувшись одной какой - нибудь идеей, онъ могъ энергично осуществлять эту идею, страстно бороться, преодолѣвать неудачи, всего отдать себя практической дѣятельности, какъ отдалъ себя Петръ. Сынъ и отецъ совсѣмъ несходны по характеру: въ царѣ Алексѣѣ не было той иниціативы, какая отличала характеръ Петра. Стремленіе Петра всякую мысль претворять въ дѣло совсѣмъ чуждо личности Алексѣя Михайловича, мирной и созерцательной. Боевая, желѣзная натура Петра вполнѣ противоположна живой, но мягкой натурѣ его отца.

Негдѣ было царю Алексѣю выработать себѣ такую крѣпость духа и воли, какая дана Петру, помимо природы, впечатлѣніями дѣтства и юности. Царь Алексѣй росъ тихо въ теремѣ московскаго дворца, до пятилѣтняго возраста окруженный многочисленнымъ штатомъ мамъ, а затѣмъ по шестому году переданный на попеченіе дядьки, извѣстнаго Бориса Ивановича Морозова. Съ пяти лѣтъ стали его учить грамотѣ по букварю, перевели затѣмъ на часовникъ, псалтырь и апостольскія дѣянія, семи лѣтъ научили писать, а девяти стали учить церковному пѣнію. Этимъ собственно и закончилось образованіе. Съ нимъ рядомъ шли забавы: царевичу покупали игрушки; былъ у него, между прочимъ, конь «нѣмецкаго дѣла», были латы, музыкальные инструменты и санки потѣшныя,—словомъ, всѣ обычные предметы дѣтскаго развлеченія. Но была и любопытная для того времени новинка — «нѣмецкіе печатные листы», т.-е. гравированныя въ Германіи картинки, которыми Морозовъ пользовался, говорятъ, какъ подспорьемъ при обученіи царевича. Дарили царевичу и книги; изъ нихъ составилась у него библіотека числомъ въ 13 томовъ. На 14-мъ году царевича торжественно объявили народу, а 16-ти лѣтъ царевичъ осиротѣлъ (потерялъ и отца и мать) и вступилъ на московскій престолъ, не видѣвъ ничего въ жизни, кромѣ семьи и дворца. Понятно, какъ сильно было вліяніе боярина Морозова на молодого царя: онъ замѣнилъ ему отца.

Дальнѣйшіе годы жизни царя Алексѣя дали ему много впечатлѣній и значительный житейскій опытъ. Первое знакомство съ дѣломъ государственнаго управленія; необычныя волненія въ Москвѣ въ 1648 году, когда «государь къ Спасову образу прикладывался», обѣщая возставшему «міру» убрать Морозова отъ дѣлъ, «чтобъ міромъ утолилися»; путешествіе въ Литву и Ливонію въ 1654—1655 г.

на театръ военныхъ дѣйствій, гдѣ царь видѣлъ у ногъ своихъ Смоленскъ и Вильну и былъ свидѣтелемъ военной неудачи подъ Ригою,—все это развивающимъ образомъ подѣйствовало на личность Алексѣя Михайловича, опредѣлило эту личность, сложило характеръ. Царь возмужалъ, изъ неопытнаго юноши сталъ очень опредѣленнымъ человѣкомъ, съ оригинальною умственной и нравственной физіономіей.

Рукописная псалтирь, по которой учился царь Алексѣй Михайловичъ. Хранится въ Саввиномъ Сторожевскомъ монастырѣ.

II.

Современники искренно любили царя Алексѣя Михайловича. Самая наружность царя сразу говорила въ его пользу и влекла къ нему. Въ его живыхъ голубыхъ глазахъ свѣтилась рѣдкая доброта; взглядъ этихъ глазъ, по отзыву современника, никого не пугалъ, но ободрялъ и обнадеживалъ. Лицо государя, полное и румяное, съ русою бородой, было благодушно-привѣтливо и въ то же время серьезно и важно, а полная (потомъ черезчуръ полная) фигура его сохраняла величавую и чинную осанку. Однако царственный видъ Алексѣя Михайловича ни въ комъ не будилъ страха: чувствовалось, что не личная гордость царя создала эту осанку, а

сознаніе важности и святости сана, который Богъ на него возложилъ.

Привлекательная внѣшность отражала въ себѣ, по общему мнѣнію, прекрасную душу. Достоинства царя Алексѣя съ нѣкоторымъ восторгомъ описывали лица, вовсе отъ него независимыя, — именно далекіе отъ царя и отъ Москвы иностранцы. Одинъ изъ нихъ, напримѣръ, сказалъ, что Алексѣй Михайловичъ «такой государь, какого желали бы имѣть всѣ христіанскіе народы, но немногіе имѣютъ» (Рейтенфельсъ). Другой поставилъ царя «на ряду съ добрѣйшими и мудрѣйшими государями» (Коллинсъ).

Святыя сѣни въ царскихъ теремахъ въ московскомъ кремлѣ.

Третій отозвался, что «царь одаренъ необыкновенными талантами, имѣетъ прекрасныя качества и украшенъ рѣдкими добродѣтелями»; «онъ покорилъ себѣ сердца всѣхъ своихъ подданныхъ, которые столько любятъ его, сколько и благоговѣютъ передъ нимъ» (Лизекъ). Четвертый отмѣтилъ, что, при неограниченной власти своей въ рабскомъ обществѣ, царь Алексѣй не посягнулъ ни на чье имущество, ни на чью жизнь, ни на чью честь (Мейербергъ). Эти отзывы получатъ еще бо̀льшую цѣну въ нашихъ глазахъ, если мы вспомнимъ, что ихъ авторы вовсе не были друзьями и поклонниками Москвы и москвичей. Совсѣмъ согласно съ иноземцами и русскій эмигрантъ Котошихинъ, сбросившій съ себя не только

московское подданство, но даже и московское имя, по-своему очень хорошо говоритъ о царѣ Алексѣѣ, называя его «гораздо тихимъ».

Повидимому, Алексѣй Михайловичъ всѣмъ, кто имѣлъ случай его узнать, казался свѣтлою личностью и всѣхъ удивлялъ своими достоинствами и пріятностью. Такое впечатлѣніе современниковъ, къ счастью, можетъ быть провѣрено матеріаломъ, болѣе прочнымъ и точнымъ, чѣмъ мнѣнія и отзывы отдѣльныхъ лицъ, — именно письмами и сочиненіями самого царя Алексѣя. Онъ очень любилъ писать и въ этомъ отношеніи былъ рѣдкимъ явленіемъ своего времени, очень небогатаго мемуарами и памятниками частной корреспонденціи. Царь Алексѣй съ необыкновенною охотою самъ брался за перо или же начиналъ диктовать свои мысли дьякамъ. Его личныя литературныя попытки не ограничивались составленіемъ пространныхъ, литературно-написанныхъ писемъ и посланій. Онъ пробовалъ сочинять даже вирши (нѣсколько строкъ, «которыя могли казаться автору стихами», по выраженію В. О. Ключевскаго). Онъ составилъ «уложеніе сокольничья пути», т.-е. подробный наказъ своимъ сокольникамъ. Онъ начиналъ писать записки о польской войнѣ. Онъ писалъ дѣловыя бумаги, имѣлъ привычку своеручно поправлять текстъ и дѣлать прибавки въ офиціальныхъ грамотахъ, при чемъ не всегда попадалъ въ тонъ приказнаго изложенія. Значительная часть его литературныхъ попытокъ дошла до насъ, и притомъ дошло по большей части то, что писалъ онъ во времена своей молодости, когда былъ свѣжѣе и откровеннѣе и когда жилъ полнѣе. Этотъ литературный матеріалъ замѣчательно ясно рисуетъ намъ личность государя и вполнѣ позволяетъ понять, насколько симпатична и интересна была эта личность. Царь Алексѣй высказывался очень легко, говорилъ почти всегда безъ обычной въ тѣ времена риторики, любилъ, что называется, поговорить и пофилософствовать въ своихъ произведеніяхъ.

III.

При чтеніи этихъ произведеній прежде всего бросается въ глаза необыкновенныя воспріимчивость и впечатлительность Алексѣя Михайловича. Онъ жадно впитываетъ въ себя, «яко губа напояема», впечатлѣнія отъ окружающей его дѣйствительности. Его занимаетъ и волнуетъ все одинаково: и вопросы политики, и военныя реляціи, и смерть патріарха, и садоводство, и вопросъ о томъ, какъ пѣть и служить въ церкви, и соколиная охота, и театральныя представленія, и буйство пьянаго монаха въ его любимомъ монастырѣ... Ко всему онъ относится одинаково живо, все дѣйствуетъ на него одинаково сильно: онъ плачетъ послѣ смерти патріарха и доходитъ до слезъ отъ выходокъ монастырскаго казначея: «до слезъ стало! видитъ чудотворецъ (Савва), что во мглѣ

хожу», пишетъ онъ этому ничтожному казначею Саввина монастыря. Въ увлеченіи тѣмъ или инымъ предметомъ царь не дѣлаетъ видимаго различія между важнымъ и неважнымъ. О пораженіи своихъ войскъ и о монастырской дракѣ пишетъ онъ съ равнымъ одушевленіемъ и вниманіемъ. Описывая своему двоюродному брату (по матери) Аѳ. Ив. Матюшкину бой при г. Валкѣ 19 іюня 1657 года, царь пишетъ: «Братъ! буди тебѣ вѣдомо: у Матвѣя Шереметева былъ бой съ нѣмецкими людми. И дворяне издрогали и побѣжали всѣ, а Матвѣй остался въ отводѣ и сорвалъ нѣмецкихъ людей. Да навстрѣчю иныя пришли роты, и Матвѣй напустилъ и на тѣхъ съ небольшими людми, да лошадь повалилась, такъ его и взяли! А людей нашихъ всякихъ чиновъ 51 человѣкъ убитъ да ранено 35 человѣкъ. И то благодарю Бога, что отъ трехъ тысячъ столько побито, а то всѣ цѣлы, потому что побѣжали; а сами плачютъ, что такъ грѣхъ учинился!.. А съ кѣмъ бой былъ, и тѣхъ нѣмецъ всего было двѣ тысечи; нашихъ и болши было, да такъ грѣхъ пришелъ. А о Матвѣѣ не тужи, будетъ здоровъ, впередъ ему къ чести! Радуйся, что люди цѣлы, а Матвѣй будетъ попрежнему». Царь сочувствуетъ храброму Шереметеву и радуется, что цѣлы, благодаря бѣгству, его «издрогавшіе» люди. Позоръ пораженія онъ готовъ объяснить «грѣхомъ» и не только не держитъ гнѣва на виновныхъ, но душевно жалѣетъ ихъ. Ту же степень вниманія, только не сочувственнаго, царь удѣляетъ и подвигамъ помянутаго Саввинскаго казначея Никиты, который стрѣлецкаго десятника, поставленнаго въ монастырѣ, зашибъ посохомъ въ голову, а оружіе, сѣдла и зипуны стрѣлецкіе велѣлъ выметать вонъ задворъ. Царь составилъ Никитѣ посланіе (вмѣсто простой приказной грамоты) «отъ царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Русіи врагу Божію и богоненавистцу и христопродавцу и разорителю чюдотворцова дома (т.-е. Саввина монастыря) и единомысленнику сатанину, врагу проклятому, ненадобному шпыню и злому пронырливому злодѣю казначею Никитѣ». Въ этомъ посланіи Алексѣй Михайловичъ спрашивалъ Никиту: «кто тебя, сиротину, спрашивалъ надъ домомъ чюдотворцовымъ да и надо мною, грѣшнымъ, властвовать? кто тебѣ сію власть мимо архимарита далъ, что тебѣ безъ его вѣдома стрѣльцовъ и мужиковъ моихъ Михайловскихъ бить?» Такъ какъ Никита счелъ себѣ безчестьемъ, что стрѣльцы расположились у его кельи, то царь обвинялъ монаха въ сатанинской гордости и восклицалъ: «дорого добрѣ, что у тебя, скота, стрѣльцы стоятъ! лучше тебя и честнѣе тебя и у митрополитовъ стоятъ стрѣльцы по нашему указу!.. дороги ль мы предъ Богомъ съ тобою и дороги ль наши высокосердечныя мысли, доколѣ отвращаемся, доколѣ не всею душою и не всѣмъ сердцемъ заповѣди Его творимъ?»... За самоуправство царь налагалъ на монаха позорное наказаніе: съ цѣпью на шеѣ и въ кандалахъ Никиту стрѣльцы должны были свести въ его келью послѣ того, какъ ему «предъ

всѣмъ соборомъ» прочтутъ царскую грамоту. А за «роптаніе спесивое» царь грозилъ монаху жаловаться на него чудотворцу и просить суда и обороны предъ Богомъ.

Такъ живо и сильно, доходя до слезъ и до «мглы» душевной, переживалъ царь Алексѣй Михайловичъ все то, что забирало его за сердце. И не только исключительныя событія его личной и государственной жизни, но и самыя обыкновенныя частности повседневнаго быта легко поднимали его впечатлительность, доводя ее порою до восторга, до гнѣва, до живой жалости. Среди серьезныхъ писемъ къ Аѳ. Ив. Матюшкину есть одно, все сплошь посвященное двумъ молодымъ соколамъ и ихъ пробѣ на охотѣ. Алексѣй Михайловичъ съ восторгомъ описываетъ, какъ онъ «отвѣдывалъ» этихъ «дикомытовъ» и какъ одинъ изъ нихъ «безмѣрно каково хорошо летѣлъ» и «милостію Божіей и твоими (Матюшкина) молитвами и счастіемъ» отлично «заразилъ» утку: «какъ ее мякнетъ по шеѣ, такъ она десятью перекинулась» (т.-е. десять разъ перевернулась при паденіи). Въ дѣловой перепискѣ съ Матюшкинымъ царь не упускаетъ сообщить ему и такую малую, напримѣръ, новость: «да на нашемъ стану въ селѣ Танинскомъ новый сокольникъ Мишка Семеновъ сидѣлъ у огня да, вздремавъ, упалъ въ огонь, и ево изъ огня вытащили; немного не згорѣлъ, а какъ въ огонь упалъ, и того онъ не слыхалъ»... Во время морового повѣтрія 1654 — 1655 гг. царь уѣзжалъ отъ своей семьи на войну и очень безпокоился о своихъ родныхъ. «Да для Христа, государыни мои, оберегайтесь отъ заморнова ото всякой вещи, — писалъ онъ своимъ сестрамъ, — не презрите прошенія нашего!» Но въ то самое время, когда война и моръ, казалось, сполна занимали умъ Алексѣя Михайловича и онъ своимъ близкимъ съ тоскою въ письмахъ «отъ мору велѣлъ опасатца», онъ не удержался, чтобы не описать имъ поразившее его въ Смоленскѣ весеннее половодье. «Да будетъ вамъ вѣдомо, — пишетъ онъ, — на Днѣпрѣ былъ мостъ 7 саженъ надъ водою; и на Ѳоминой недѣлѣ прибыло столько, что уже съ мосту черпаютъ воду; а чаю, и поиметъ (мостъ)»... Разсказываютъ, будто бы однажды въ докладѣ царю изъ кормового дворца было указано, что квасы, которые тамъ варили на царскій обиходъ, не удались: одинъ сортъ кваса вышелъ такъ плохъ, что развѣ только стрѣльцамъ споить. Алексѣй Михайловичъ обидѣлся за своихъ стрѣльцовъ и на докладѣ раздраженно указалъ докладчику: «самъ выпей!»

Мудрено ли, что такой живой и воспріимчивый человѣкъ, какъ царь Алексѣй, могъ быть очень вспыльчивъ и подвиженъ на гнѣвъ. Несмотря на внѣшнее добродушіе и дѣйствительную доброту, Алексѣй Михайловичъ, по живости духа, нерѣдко давалъ волю своему неудовольствію, гнѣвался, бранился и даже дрался. Мы видѣли, какъ онъ бранилъ «сиротину» монаха за его грубыя претензіи. Почти такъ же доставалось отъ «гораздо тихаго» царя

и людямъ высшихъ чиновъ и болѣе высокой породы. Въ 1658 году, недовольный княземъ Ив. Ан. Хованскимъ за его мѣстническое высокомѣріе и за ссору съ Аѳ. Лавр. Ординымъ-Нащокинымъ, Алексѣй Михайловичъ послалъ сказать ему царскій выговоръ съ такими, между прочимъ, выраженіями: «тебя, князя Ивана, взыскалъ и выбралъ на эту службу великій государь, а то тебя всякъ называлъ дуракомъ, и тебѣ своею службою возноситься не надобно; ...великій государь велѣлъ тебѣ сказать имянно, что за непослушаніе и за Аѳанасія (Ордина-Нащокина) тебѣ и всему роду твоему быть разорену». Въ другой разъ (1660 г.), сообщая Матюшкину о пораженіи этого своего «избранника» князя Хованскаго Тараруя, царь виною пораженія выставлялъ «ево безпутную дерзость» и съ горемъ признавался, что изъ-за военныхъ тревогъ самъ онъ «не ходилъ на поле тѣшиться іюня съ 25 числа іюля по 5 число, и птичей промыслъ поизмѣшался». Несмотря, однако, на безпутную дерзость и «дурость» князя Хованскаго, Алексѣй Михайловичъ продолжалъ его держать у дѣлъ до самой кончины: вѣроятно, «тараруй» (т.-е. болтунъ) и «дуракъ» обладалъ и положительными дѣловыми качествами.—Надобно вспомнить, что въ ужасные дни стрѣлецкаго бунта 1682 года правительство рѣшилось поставить именно этого тараруя во главѣ Стрѣлецкаго приказа. Еще крѣпче, чѣмъ Хованскому, писалъ однажды царь Алексѣй Михайловичъ «врагу креста Христова и новому Ахитофелу князю Григорью Ромодановскому». За малую, повидимому, вину (не отпустилъ во-время солдатъ къ воеводѣ С. Змѣеву) царь послалъ

Верхняя часть скипетра ц. Алексѣя Михайловича.

Скипетръ хранится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

ему такіе укоры: «Воздастъ тебѣ Господь Богъ за твою къ намъ, великому государю, прямую сатанинскую службу!.. И ты дѣло Божіе и наше государево потерялъ, потеряетъ тебя самого Господь Богъ!.. И самъ ты, треокаянный и безславный ненавистникъ рода христіанскаго — для того, что людей не послалъ, — и намъ вѣрный измѣнникъ и самого истиннаго сатаны сынъ и другъ діаволовъ, впадешь въ бездну преисподнюю, изъ неяже никто не возвращался... Вконецъ вѣдаемъ, завистниче и вѣрный нашъ непослушниче, какъ то дѣло ухищреннымъ и злопронырливымъ умысломъ учинилъ... Богъ благословилъ и передалъ намъ, государю, править и разсуждать люди свои на востокѣ и на западѣ, и на югѣ и на сѣверѣ вправду: и мы Божіи дѣла и наши государевы на всѣхъ странахъ полагаемъ — смотря по человѣку, а не всѣхъ странъ дѣла тебѣ одному, ненавистнику, дѣлать, для того: невозможно естеству человѣческому на всѣ страны дѣлать, одинъ бѣсъ на всѣ страны мещется»... Но отругавъ на этотъ разъ князя Гр. Гр. Ромодановскаго, царь въ другое время шлетъ ему милостивое «повелѣніе» въ видѣ виршей:

„Рабе Божій! дерзай о имени Божіи
И уповай всѣмъ сердцемъ: подастъ Богъ побѣду!
И любовь и совѣтъ великой имѣй съ Брюховецкимъ,
А себя и людей Божіихъ и нашихъ береги крѣпко“ и т. д.

Стало-быть, и Ромодановскій, какъ Хованскій, не всегда казался царю достойнымъ хулы и гнѣва. Вспыльчивый и бранчивый, Алексѣй Михайловичъ былъ, какъ видимъ, въ своемъ гнѣвѣ непостояненъ и отходчивъ, легко и искренно переходя отъ брани къ ласкѣ. Даже тогда, когда раздраженіе государя достигало высшаго предѣла, оно скоро смѣнялось раскаяніемъ и желаніемъ мира и покоя. Въ одномъ засѣданіи боярской думы, вспыхнувъ отъ безтактной выходки своего тестя боярина И. Д. Милославскаго, царь изругалъ его, побилъ и пинками вытолкалъ изъ комнаты. Гнѣвъ царя принялъ такой крутой оборотъ, конечно, потому, что Милославскаго по его свойствамъ и вообще нельзя было уважать. Однако добрыя отношенія между тестемъ и зятемъ отъ того не испортились: оба они легко забыли происшедшее. Серьезнѣе былъ случай со старымъ придворнымъ человѣкомъ, родственникомъ царя по матери, Родіономъ Матвѣевичемъ Стрѣшневымъ, о которомъ Алексѣй Михайловичъ былъ высокаго мнѣнія. Старикъ отказался, по старости, отъ того, чтобы вмѣстѣ съ царемъ «отворить» себѣ кровь. Алексѣй Михайловичъ вспылилъ, потому что отказъ представился ему высокоуміемъ и гордостью, и ударилъ Стрѣшнева, а потомъ не зналъ, какъ задобрить и утѣшить почитаемаго имъ человѣка, просилъ мира и слалъ ему богатые подарки.

Но не только тѣмъ, что царь легко прощалъ и мирился, доказывается его душевная доброта. Общій голосъ современниковъ называетъ его очень добрымъ человѣкомъ. Царь любилъ благо-

творить. Въ его дворцѣ, въ особыхъ палатахъ, на полномъ царскомъ иждивеніи жили такъ называемые «верховые» (т.-е. дворцовые), «богомольцы», «верховые нищіе» и «юродивые». «Богомольцы» были древніе старики, почитаемые за старость и житейскій опытъ, за благочестіе и мудрость. Царь въ зимніе вечера слушалъ ихъ разсказы про старое время — о томъ, что было «за тридцать и за сорокъ лѣтъ и больши». Онъ покоилъ ихъ старость такъ же, какъ чтилъ безуміе Христа ради юродивыхъ, дѣлавшее ихъ неумытными и безстрашными обличителями и пророками въ глазахъ всего общества того времени. Одинъ изъ такихъ юродивыхъ, именно

Крестовая думная палата въ царскихъ теремахъ.

Василій «Босой» или «Уродивый», игралъ большую роль при царѣ Алексѣѣ, какъ его совѣтникъ и наставникъ. О «братѣ нашемъ Василіи» не разъ встрѣчаются почтительныя упоминанія въ царской перепискѣ. Опекая подобный людъ при жизни, царь устраивалъ «богомольцамъ» и «нищимъ» торжественныя похороны послѣ ихъ кончины и въ ихъ память учреждалъ «кормы» и раздавалъ милостыню по церквамъ и тюрьмамъ. Такая же милостыня шла отъ царя и по большимъ праздникамъ; иногда онъ самъ обходилъ тюрьмы, раздавая подаяніе «несчастнымъ». Въ особенности предъ «великимъ» или «свѣтлымъ» днемъ св. Пасхи, на «страшной» недѣлѣ, посѣщалъ царь тюрьмы и богадѣльни, одѣлялъ милостынею и

нерѣдко освобождалъ тюремныхъ «сидѣльцевъ», выкупалъ неоплатныхъ должниковъ, помогалъ неимущимъ и больнымъ. Въ обычныя для этой рутинныя формы «подачи» и «корма» нищимъ Алексѣй Михайловичъ умѣлъ внести сознательную стихію любви къ добру и людямъ.

Не одна нищета и физическія страданія трогали царя Алексѣя Михайловича. Всякое горе, всякая бѣда находили въ его душѣ откликъ и сочувствіе. Онъ былъ способенъ и склоненъ къ самымъ теплымъ и деликатнымъ дружескимъ утѣшеніямъ, лучше всего рисующимъ его глубокую душевную доброту. Въ этомъ отношеніи замѣчательны его знаменитыя письма къ двумъ огорченнымъ отцамъ: князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому и Аѳанасію Лаврентьевичу Ордину-Нащокину объ ихъ сыновьяхъ. У кн. Одоевскаго умеръ внезапно его «первенецъ», взрослый сынъ князь Михаилъ, въ то время, когда его отецъ былъ въ Казани. Царь Алексѣй самъ особымъ письмомъ извѣстилъ отца о горькой потерѣ. Онъ началъ письмо похвалами почившему, при чемъ выразилъ эти похвалы косвенно — въ видѣ разсказа о томъ, какъ чинно и хорошо обходились князь Михаилъ и его младшій братъ князь Ѳедоръ съ нимъ, государемъ, когда государь былъ у нихъ въ селѣ Вешняковѣ. Затѣмъ царь описалъ легкую и благочестивую кончину князя Михаила: послѣ причастія онъ «какъ есть уснулъ; отнюдь рыданія не было, ни терзанія». Свѣтлые тоны описанія здѣсь взяты были, разумѣется, нарочно, чтобы смягчить первую печаль отца. А потомъ слѣдовали слова утѣшенія, пространныя, порою прямо нѣжныя слова. Въ основѣ ихъ положена та мысль, что свѣтлая кончина человѣка безъ страданій, «въ добродѣтели и въ покаяніи добрѣ», есть милость Господня, которой слѣдуетъ радоваться даже и въ минуты естественнаго горя. «Радуйся и веселися, что Богъ совсѣмъ свершилъ, изволилъ взять съ милостію своею; и ты принимай съ радостію сію печаль, а не въ кручину себѣ и не въ оскорбленіе». «Нельзя, что не поскорбѣть и не прослезиться, — и прослезиться надобно, да въ мѣру, чтобъ Бога наипаче не прогнѣвать!» Не довольствуясь словеснымъ утѣшеніемъ, Алексѣй Михайловичъ пришелъ на помощь Одоевскимъ и самымъ дѣломъ: принялъ на себя и похороны: «на все погребалныя я послалъ (пишетъ онъ), сколько Богъ изволилъ, потому что впрямь узналъ и провѣдалъ про васъ, что опричь Бога на небеси, а на земли опричь меня, никово у васъ нѣтъ»,—между тѣмъ, несомнѣнно, что семья Одоевскихъ далеко не была бѣдной. Въ концѣ утѣшительнаго посланія царь своеручно приписалъ послѣднія ласковыя слова: «Князь Никита Ивановичь! не оскорбляйся, токмо уповай на Бога и на насъ будь надеженъ!»

Горе Аѳ. Л. Ордина-Нащокина, по мнѣнію Алексѣя Михайловича, было горше, чѣмъ утрата кн. Н. И. Одоевскаго. По словамъ царя, «тебѣ, думному дворянину, болше этой бѣды впе-

редъ уже не будетъ: больше этой бѣды на свѣтѣ не бываетъ!» У Ордина-Нащокина убѣжалъ за границу сынъ, по имени Воинъ, и убѣжалъ, какъ измѣнникъ, во время служебной поѣздки, съ казенными деньгами, «со многими указами о дѣлахъ и съ вѣдомостями». На просьбу пораженнаго отца объ отставкѣ царь послалъ ему «отъ насъ, великаго государя, милостивое слово». Это слово было не только милостиво, но и трогательно. Послѣ многихъ похвальныхъ эпитетовъ «христолюбцу и миролюбцу, нищелюбцу и трудолюбцу» Аѳанасію Лаврентьевичу, царь тепло говоритъ о своемъ сочувствіи не только ему, Аѳанасію, но и его супругѣ въ

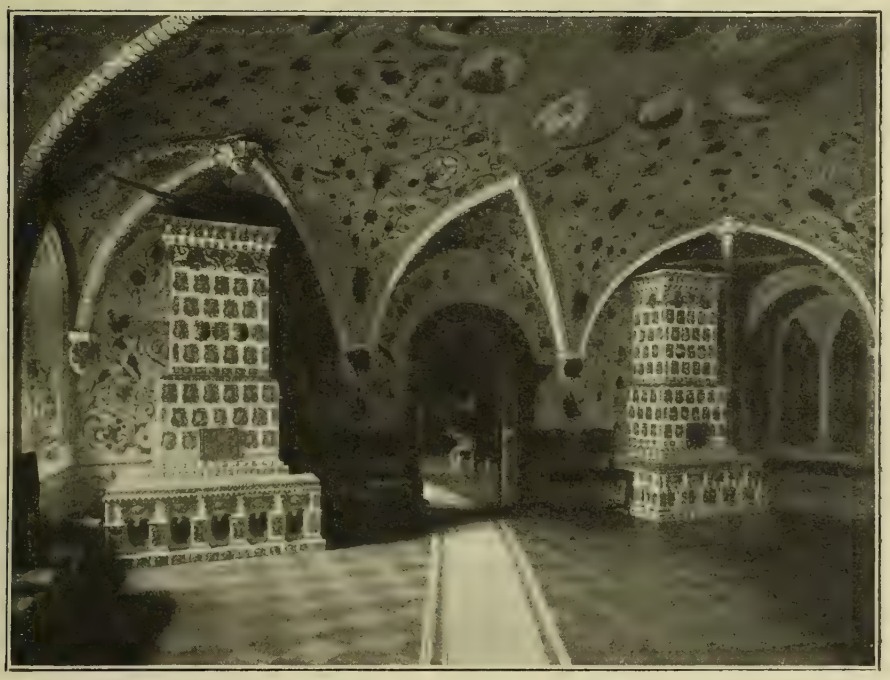
Золотая палата въ царскихъ теремахъ.

«ихъ великой скорби и тугѣ». Объ отставкѣ своего добраго «ходатая и желателя» онъ не хочетъ и слышать, потому что не считаетъ отца виноватымъ въ измѣнѣ сына. Царь и самъ довѣрялъ измѣннику, какъ довѣрялъ ему отецъ: «Будетъ тебѣ, вѣрному рабу Христову и нашему, сына твоего дурость ставить въ вѣдомство и соглашеніе твое ему! и онъ, простецъ, и у насъ, великаго государя, тайно былъ, и не по одно время, и о многихъ дѣлахъ съ нимъ къ тебѣ приказывали, а такова простоумышленнаго яда подъ языкомъ его не видали!» Царь даже пытается утѣшить отца надеждою на возвращеніе не измѣнившаго якобы, а только увлекшагося юноши. «А тому мы, великій государь, не подивляемся,

что сынъ твой сплуталъ: знатно то, что съ малодушія то учинилъ. Онъ человѣкъ молодой, хощетъ созданія Владычня и творенія руку Его видѣть на семъ свѣтѣ; якоже и птица летаетъ сѣмо и овамо и, полетавъ довольно, паки ко гнѣзду своему прилетаетъ: такъ и сынъ вашъ вспомянетъ гнѣздо свое тѣлесное, наипаче же душевное привязаніе отъ Святаго Духа во святой купѣли, и къ вамъ вскорѣ возвратится!» Какая доброта и какой тактъ диктовали эти золотыя слова утѣшенія въ бѣдѣ, больше которой «на свѣтѣ не бываетъ»! И царь оказался правъ: Аѳанасьевъ «сынишка Войка» скоро вернулся изъ дальнихъ странъ во Псковъ, а оттуда въ Москву, и Алексѣй Михайловичъ имѣлъ утѣшеніе написать А. Л. Ордину-Нащокину, что за его вѣрную и радѣтельную службу онъ пожаловалъ сына его, вины отдалъ, велѣлъ свои очи видѣть и написать по московскому списку съ отпускомъ на житье въ отцовскія деревни.

Живая, впечатлительная, чуткая и добрая натура Алексѣя Михайловича дѣлала его очень способнымъ къ добродушному веселью и смѣху. Склонностью къ юмору онъ напоминаетъ своего геніальнаго сына Петра; оба они любили пошутить и словомъ и дѣломъ. Среди писемъ къ Матюшкину есть одно, написанное «тарабарски», нелегкимъ для чтеніи шифромъ, и сочиненное только затѣмъ, чтобъ подразнить Матюшкина шутливымъ замѣчаніемъ, что когда его нѣтъ, то некому царя покормить плохимъ хлѣбомъ «съ закалою». «А потомъ будь здравъ», милостиво заключаетъ царь свой намекъ на какую-то кулинарную оплошность его любимца. Другое письмо къ Матюшкину все сплошь игриво. Царь пишетъ изъ «похода» и начинаетъ порученіемъ устроить маленькій обманъ его сестеръ-царевенъ: «нарядись въ ѣздовое (дорожное) платье да съѣзди къ сестрамъ, будто ты отъ меня пріѣхалъ, да спрошай о здоровьи». Матюшкину, стало-быть, приказано просто лгать царевнамъ, что онъ лично прибылъ въ Москву изъ того подмосковнаго «потѣшнаго» села, гдѣ тогда жилъ государь. Вслѣдъ за этимъ порученіемъ царь Алексѣй сообщаетъ Матюшкину: «тѣмъ утѣшаюся, что столниковъ безпрестани купаю ежеутръ въ прудѣ... за то: кто не поспѣетъ къ моему смотру, такъ того и купаю!» Очевидно, эта утѣха не была жестокою, такъ какъ стольники на нее, видимо, напрашивались сами. Государь послѣ купанья въ отличіе звалъ ихъ къ своему столу: «у меня купальщики тѣ ядятъ вдоволь, — продолжаетъ царь Алексѣй, — а иные говорятъ: мы де нарокомъ не поспѣемъ, такъ де и насъ выкупаютъ, да и за столъ посадятъ. Многіе нарокомъ не поспѣваютъ». Такъ тѣшился «гораздо тихій» царь, какъ бы преобразуя этимъ невиннымъ купаньемъ стольниковъ жестокія издѣвательства его сына Петра надъ вольными и невольными собутыльниками. Само собою приходитъ на умъ и сравненіе извѣстной «книги, глаголемой Урядникъ сокольничья пути», царя Алексѣя съ не менѣе извѣстными церемоніа-

лами «всешутѣйшаго собора» Петра Великаго. Насколько «потѣха» отца благороднѣе «шутовства» сына и насколько острый цинизмъ послѣдняго ниже цѣломудренной шутки Алексѣя Михайловича! Свой шутливый охотничій обрядъ, «чинъ» производства рядового сокольника въ начальные, царь Алексѣй обставилъ нехитрыми символическими дѣйствіями и тарабарскими формулами, которыя не многаго стоятъ по наивности и простотѣ, но въ основѣ которыхъ лежитъ молодой и здоровый охотничій энтузіазмъ и трогательная любовь къ красотѣ птичьей природы. Тогда какъ у царя Петра служеніе Бахусу и Ивашкѣ Хмельницкому пріобрѣтало



Столовая въ царскихъ теремахъ.

характеръ культа, въ «Урядникѣ» царя Алексѣя «пьянство» сокольника было показано въ числѣ винъ, за которыя «безо всякія пощады быть сослану на Лену». Разработавъ свой «потѣшный» чинъ производства въ сокольники и отдавъ въ немъ дань своему веселью, царь Алексѣй своеручно написалъ на немъ характерную оговорку: «правды же и суда и милостивыя любви и ратнаго строя николиже позабывайте: дѣлу время и потѣхѣ часъ!» Умѣнье соединять дѣло и потѣху замѣтно у царя Алексѣя и въ томъ отношеніи, что онъ охотно вводилъ шутку въ дѣловую сферу. Въ его перепискѣ не разъ встрѣчаемъ юморъ тамъ, гдѣ его не ждемъ. Такъ, сообщая въ 1655 г. своему любимцу «вѣрному и избранному»

стрѣлецкому головѣ А. С. Матвѣеву разнаго рода дѣловыя вѣсти, Алексѣй Михайловичъ, между прочимъ, пишетъ: «Посланникъ приходилъ отъ шведскаго Карла короля, думный человѣкъ, а имя ему Уддеудла. Таковъ смышленъ: и купить его, то дорого дать что полтина, хотя думный человѣкъ; мы, великій государь, въ десять лѣтъ впервые видимъ такого глупца посланника!» Насмѣшливо отозвавшись вообще о ходахъ шведской дипломатіи, царь продолжаетъ: «Тако намъ, великому государю, то честь, что (король) прислалъ обвѣстить посланника, а и думнаго человѣка. Хотя и глупъ, да что же дѣлать? така намъ честь». Въ 1656 г. въ очень серьезномъ письмѣ сестрамъ изъ Кокенгаузена царь сообщалъ имъ подробности счастливаго взятія этого крѣпкаго города и не удержался отъ шутливо-образнаго выраженія: «а крѣпокъ безмѣрно: ровъ глубокой — меншой братъ нашему кремлевскому рву, а крѣпостію — сынъ Смоленску граду: ей, чрезъ мѣру крѣпокъ!» Частная, не дѣловая переписка Алексѣя Михайловича изобилуетъ такого рода шутками и замѣчаніями. Въ нихъ нѣтъ особаго остроумія и мѣткости, но много веселаго благодушія и наклонности посмѣяться.

Такова была природа царя Алексѣя Михайловича, впечатлительная и чуткая, живая и мягкая, общительная и веселая. Эти богатыя свойства были, въ духѣ того времени, обработаны воспитаніемъ. Алексѣя Михайловича пріучили къ книгѣ и разбудили въ немъ умственные запросы. Склонность къ чтенію и размышленію развила свѣтлыя стороны натуры Алексѣя Михайловича и создала изъ него чрезвычайно привлекательную личность. Онъ былъ одинъ изъ самыхъ образованныхъ людей московскаго общества того времени: слѣды его разносторонней начитанности, библейской, церковной и свѣтской, разбросаны во всѣхъ его произведеніяхъ. Видно, что онъ вполнѣ овладѣлъ тогдашней литературой и усвоилъ себѣ до тонкости книжный языкъ. Въ серьезныхъ письмахъ и сочиненіяхъ онъ любитъ пускать въ ходъ цвѣтистые книжные обороты, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не похожъ на тогдашнихъ книжниковъ-риторовъ, для красоты формы жертвовавшихъ ясностью и даже смысломъ. У царя Алексѣя продуманъ каждый его цвѣтистый афоризмъ, изъ каждой книжной фразы смотритъ живая и ясная мысль. У него нѣтъ риторическаго пустословія: все, что онъ прочелъ, онъ продумалъ; онъ, видимо, привыкъ размышлять, привыкъ свободно и легко высказывать то, что надумалъ, и говорилъ притомъ только то, что думалъ. Поэтому его рѣчь всегда искренна и полна содержанія. Высказывался онъ чрезвычайно охотно, и потому его умственный обликъ вполнѣ ясенъ.

Чтеніе образовало въ Алексѣѣ Михайловичѣ очень глубокую и сознательную религіозность. Религіознымъ чувствомъ онъ былъ проникнутъ весь. Онъ много молился, строго держалъ посты и прекрасно зналъ всѣ церковные уставы. Его главнымъ духовнымъ интересомъ было спасеніе души. Съ этой точки зрѣнія онъ судилъ дру-

гихъ. Всякому виновному царь при выговорѣ непремѣнно указывалъ, что онъ своимъ проступкомъ губитъ свою душу и служитъ сатанѣ. По представленію, общему въ то время, средство ко спасенію души царь видѣлъ въ строгомъ послѣдованіи обрядности, и поэтому очень строго соблюдалъ всѣ обряды. Любопытно прочесть записки дьякона Павла Алеппскаго, который былъ въ Россіи въ 1655 году съ патріархомъ Макаріемъ антіохійскимъ и описалъ намъ Алексѣя Михайловича въ церкви и среди клира. Изъ этихъ записокъ всего лучше видно, какое значеніе придавалъ царь обрядамъ и какъ заботливо слѣдилъ за точнымъ ихъ исполненіемъ. Но обрядъ и аскетическое

Опочивальня царя Алексѣя Михайловича въ бытность его царевичемъ.
Въ теремахъ московскаго кремля.

воздержаніе, къ которому стремились наши предки, не исчерпывали религіознаго сознанія Алексѣя Михайловича. Религія для него была не только обрядомъ, но и высокой нравственной дисциплиной: будучи глубоко религіознымъ, царь думалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что не грѣшитъ, смотря комедію и лаская нѣмцевъ. Въ глазахъ Алексѣя Михайловича театральное представленіе и общеніе съ иностранцами были не грѣхомъ и преступленіемъ противъ религіи, но совершенно позволительнымъ новшествомъ — и пріятнымъ и полезнымъ. Однако при этомъ онъ ревниво оберегалъ чистоту вѣры и, безъ сомнѣнія, былъ однимъ изъ православнѣйшихъ москвичей; только его умъ и начитанность позволяли ему гораздо шире понимать право-

славіе, чѣмъ понимало его большинство его современниковъ. Его религіозное сознаніе шло, несомнѣнно, дальше обряда: онъ былъ философъ-моралистъ, и его философское міровоззрѣніе было строго-религіознымъ. Ко всему окружающему онъ относился съ высоты своей религіозной морали, и эта мораль, исходя изъ свѣтлой, мягкой и доброй души царя, была не сухимъ кодексомъ отвлеченныхъ нравственныхъ правилъ, суровыхъ и безжизненныхъ, а звучала мягкимъ, прочувствованнымъ, любящимъ словомъ, сказывалась полнымъ яснаго житейскаго смысла теплымъ отношеніемъ къ людямъ. Склонность къ размышленію и наблюденію, вмѣстѣ съ добродушіемъ и мягкостью природы, выработали въ Алексѣѣ Михайловичѣ замѣчательную для того времени тонкость чувства; поэтому и его мораль высказывалась иногда поразительно хорошо, тепло и симпатично, особенно тогда, когда ему приходилось кого-нибудь утѣшать. Высокій образецъ этой трогательной морали представляетъ упомянутое выше письмо царя къ князю Ник. Ив. Одоевскому о смерти его старшаго сына, князя Михаила. Въ этомъ письмѣ ясно виденъ человѣкъ чрезвычайно деликатный, умѣющій любить и понимать нравственный міръ другихъ, умѣющій и говорить, и думать, и чувствовать очень тонко. Та же тонкость пониманія, способность дать нравственную оцѣнку своему положенію и своимъ обязанностямъ, сказывается въ замѣчательномъ «статейномъ спискѣ» или письмѣ Алексѣя Михайловича къ Никону, митрополиту новгородскому, съ описаніемъ смерти патріарха Іосифа. Врядъ ли Іосифъ пользовался дѣйствительною любовью царя и имѣлъ въ его глазахъ большой нравственный авторитетъ. Но царь считалъ своею обязанностью чтить святителя и относиться къ нему съ должнымъ вниманіемъ. Поэтому онъ окружилъ больного патріарха своими заботами, посѣщалъ его, присутствовалъ даже при его агоніи, участвовалъ въ чинѣ его погребенія и лично самымъ старательнымъ образомъ переписалъ «келейную казну» патріарха, — «съ полторы недѣли ежедень ходилъ» въ патріаршіе покои, какъ душеприказчикъ. Во всемъ этомъ Алексѣй Михайловичъ и даетъ добровольный отчетъ Никону, предназначенному уже въ патріархи всея Руси. Надобно прочитать сплошь весь царскій «статейный списокъ», чтобы въ полной мѣрѣ усвоить его своеобразную прелесть. Описаніе послѣдней болѣзни патріарха сдѣлано чрезвычайно ярко, съ большою реальностью, при чемъ царь сокрушается, что упустилъ случай по московскому обычаю напомнить Іосифу о необходимости предсмертныхъ распоряженій. «И ты меня, грѣшнаго, прости,—пишетъ онъ Никону,—что язъ ему не воспомянулъ о духовной и кому душу свою прикажетъ». Царь пожалѣлъ пугать Іосифа, не думая, что онъ уже такъ плохъ: «Мнѣ молвить про духовную-ту, и помнитъ: вотъ де меня и бываетъ!» Здѣсь личная деликатность заставила царя Алексѣя отступить отъ жестокаго обычая старины, когда и самимъ царямъ въ болѣзни ихъ дьяки поминали «о духовной». Умершаго

патріарха вынесли въ церковь, и царь пришелъ къ его гробу въ пустую церковь въ ту минуту, когда можно было глазомъ видѣть процессъ разложенія въ трупѣ («безмѣрно пухнетъ», «лицо розно пухнетъ»). Царь Алексѣй испугался. «И мнѣ пріиде,— пишетъ онъ, — помышленіе такое отъ врага: побѣги де ты вонъ, тотчасъ де тебя, вскоча, удавитъ!.. И я, перекрестясь, да взялъ за руку его, свѣта, и сталъ цѣловать, а во умѣ держу то слово: отъ земли созданъ, и въ землю идетъ; чего боятися?.. Тѣмъ себя и оживилъ, что за руку-ту его съ молитвой взялъ!» Во время погребенія патріарха случился грѣхъ: «да такой грѣхъ, владыко

Моленная царя Алексѣя Михайловича.

святой: погребли безъ звону!.. а прежнихъ патріарховъ съ звономъ погребали». Лишь самъ царь вспомнилъ, что надо звонить, такъ ужъ стали звонить послѣ срока. Похоронивъ патріарха, Алексѣй Михайловичъ принялся за разборъ личнаго имущества патріаршаго съ цѣлью его благотворительнаго распредѣленія; кое-что изъ этого имущества царь и распродалъ. Самому царю нравились серебряные «суды» (посуда) патріарха, и онъ, разумѣется, могъ бы ихъ пріобрѣсти для себя: было бы у него столько денегъ, «что и вчетверо цѣну-ту дать», по его словамъ. Но государя удержало очень благородное соображеніе: «Да и въ томъ меня, владыко святый, прости,—пишетъ царь Никону,—немного и я не покусился

инымъ судамъ, да милостію Божіею воздержался и вашими молитвами святыми. Ей-ей, владыко святый, ни маленькому ничему не точенъ!.. Не хочу для того: се отъ Бога грѣхъ, се отъ людей зазорно, а се какой я буду прикащикъ: самому мнѣ (суды) имать, а денги мнѣ платить себѣ жъ!» Вотъ съ какими чертами душевной деликатности, нравственной щекотливости и совѣстливости выступаетъ передъ ними самодержецъ XVII вѣка, боящійся грѣха отъ Бога и зазора отъ людей, подчиняющій христіанскому чувству свой суевѣрный страхъ.

То же чувство деликатности, основанной на нравственной вдумчивости, сказывается въ любопытнѣйшемъ выговорѣ царя воеводѣ князю Юрію Алексѣевичу Долгорукому. Долгорукій въ 1658 году удачно дѣйствовалъ противъ Литвы и взялъ въ плѣнъ гетмана Гонсѣвскаго. Но его успѣхъ былъ слѣдствіемъ его личной иниціативы: онъ дѣйствовалъ по соображенію съ обстановкою, безъ спроса и вѣдома царскаго. Мало того, онъ почему-то не извѣстилъ царя во-время о своихъ дѣйствіяхъ и, главнымъ образомъ, объ отступленіи отъ Вильны, которое въ Москвѣ не одобрили. Выходило такъ, что за одно надлежало Долгорукаго хвалить, а за другое порицать. Царь Алексѣй находилъ нужнымъ офиціально выказать недовольство поведеніемъ Долгорукаго, а неофиціально послалъ ему письмо съ мягкимъ и милостивымъ выговоромъ. «Похваляемъ тебя безъ вѣсти (т.-е. безъ реляціи Долгорукаго) и жаловать обѣщаемся», писалъ государь, но тутъ же добавилъ, что это похвала только частная и негласная: «и хотимъ съ милостивымъ словомъ послать и съ иною нашею государевою милостію, да нельзя послать: отписки отъ тебя нѣтъ, невѣдомо, противъ чего писать тебѣ!» Объяснивъ, что Долгорукій «самъ то себѣ устроилъ безчестье», царь обращается къ интимнымъ упрекамъ: «Ты за мою, просто молвить, милостивую любовь ни одной строки не писывалъ ни о чемъ! Писалъ ко друзьямъ своимъ, а тѣ — ей-ей! — про тебя же переговариваютъ да смѣются, какъ ты торопишься, какъ и иное дѣлаешь»... «Чаю, что князь Никита Ивановичъ (Одоевскій) тебя подбилъ; и его было слушать напрасно: вѣдаешь самъ, какой онъ промышленникъ, послушаешь, какъ про него поютъ на Москвѣ»... Но одновременно съ горькими укоризнами царь говоритъ Долгорукому и ласковыя слова: «Тебѣ бы о сей грамотѣ не печалиться: любя тебя пишу, а не кручинясь; а сверхъ того, сынъ твой скажетъ, какая немилость моя къ тебя и къ нему»... «Жаль конечно тебя: впрямь Богъ хотѣлъ тобою всякое дѣло въ совершеніе не во многіе дни привести... да самъ ты отъ себя потерялъ!» Въ заключеніе царь жалуетъ Долгорукаго тѣмъ, что велитъ оставить свой выговоръ втайнѣ: «а прочтя сію нашу грамоту и запечатавъ, прислать ее къ намъ съ тѣмъ же, кто къ тебѣ съ нею пріѣдетъ». Очень продумано, деликатно и тактично это же-

ланіе царя Алексѣя добрымъ интимнымъ внушеніемъ смягчить и объяснить офиціальное взысканіе съ человѣка, хотя и заслуженнаго, но формально провинившагося.

Во всѣхъ посланіяхъ царя Алексѣя Михайловича, подобныхъ приведенному, гдѣ царю приходилось обсуждать, а иногда и осуждать поступки разныхъ лицъ, бросается въ глаза одна любопытная черта. Царь не только обнаруживаетъ въ себѣ большую нравственную чуткость, но онъ умѣетъ и любитъ анализировать: онъ всегда очень пространно доказываетъ вину, объясняетъ, противъ кого и противъ чего именно погрѣшилъ виноватый и насколько

Одинъ изъ внутреннихъ переходовъ въ царскихъ теремахъ.

сильно и тяжко его прегрѣшеніе. Характернѣйшій образецъ подобныхъ разсужденій находимъ въ его обращеніи къ князю Григорію Семеновичу Куракину съ выговоромъ за то, что онъ (въ 1668 г.) не поспѣшилъ на выручку гарнизонамъ Нѣжина и Чернигова. Царь упрекнулъ Куракина въ недомысліи, въ томъ, что онъ «притчею не промыслитъ, что будетъ» слѣдствіемъ его промедленія. «То будетъ (объясняетъ царь воеводѣ): первое — Бога прогнѣваетъ... и кровь напрасно многую прольетъ; второе— людей потеряетъ и страхъ на людей наведетъ и торопость; третье — отъ великаго государя гнѣвъ приметъ; четвертое — отъ людей стыдъ и срамъ, что даромъ людей потерялъ; пятое — славу и

честь, на свѣтѣ Богомъ дарованную, непристойнымъ дѣломъ отгонитъ отъ себя и вмѣсто славы укоризны всякія и неудобные переговоры воспріиметъ. И то все писано къ нему, боярину (заключаетъ Алексѣй Михайловичъ), хотя добра святой и восточной церкви и чтобы дѣло Божіе и его государево свершалось въ добромъ полководствѣ, а его, боярина, жалуя и хотя ему чести и жалѣя его старости!» Наблюденія надъ такими словесными упражненіями приводятъ къ мысли, что царь Алексѣй много и основательно размышлялъ. И это размышленіе состояло не въ томъ только, что въ умѣ Алексѣя Михайловича послушно и живо припоминались имъ читанные тексты и чужія мысли, подходящія внѣшнимъ образомъ къ данному времени и случаю. Умственная работа приводила его къ образованію собственныхъ взглядовъ на міръ и людей, а равно и общихъ нравственныхъ понятій, которыя составляли его собственное философско-нравственное достояніе. Конечно, это не была система міровоззрѣнія въ современномъ смыслѣ; тѣмъ не менѣе, въ сознаніи Алексѣя Михайловича былъ такой отчетливый моральный строй и порядокъ, что всякій частный случай ему легко было подвести подъ его общія понятія и дать ему категорическую оцѣнку. Нѣтъ возможности возстановить, въ общемъ содержаніи и системѣ, этотъ душевный строй прежде всего потому, что и самъ его обладатель никогда не заботился объ этомъ. Однако для примѣра укажемъ хотя бы на то, что, исходя изъ религіозно-нравственныхъ основаній, Алексѣй Михайловичъ имѣлъ ясное и твердое понятіе о происхожденіи и значеніи царской власти въ Московскомъ государствѣ, какъ власти богоустановленной и назначенной для того, чтобы «разсуждать людей вправду» и «безпомощнымъ помогать». Уже были выше приведены слова царя Алексѣя князю Гр. Гр. Ромодановскому: «Богъ благословилъ и предалъ намъ, государю, править и разсуждать люди своя на востокѣ, и на западѣ, и на югѣ, и на сѣверѣ вправду». Для царя Алексѣя это была не случайная красивая фраза, а постоянная твердая формула его власти, которую онъ сознательно повторялъ всегда, когда его мысль обращалась на объясненіе смысла и цѣли его державныхъ полномочій. Въ письмѣ къ князю Н. И. Одоевскому, напримѣръ, царь однажды помянулъ о томъ, «какъ жить мнѣ, государю, и вамъ, боярамъ», и на эту тему писалъ: «а мы, великій государь, ежедневно просимъ у Создателя... чтобы Господь Богъ... даровалъ намъ, великому государю, и вамъ, боляромъ, съ нами единодушно люди его, Свѣтовы, разсудити вправду, всѣмъ равно». Взятый здѣсь примѣръ имѣетъ цѣну въ особенности потому, что для историка въ данномъ случаѣ ясенъ источникъ тѣхъ фразъ царя Алексѣя, въ которыхъ столь категорически нашла себѣ опредѣленіе, впервые въ Московскомъ государствѣ, идея державной власти. Свои мысли о существѣ царскаго служенія Алексѣй Михайловичъ черпалъ, повидимому,

изъ чина царскаго вѣнчанія или же непосредственно изъ главы 9-й «Книги Премудрости Соломона». Не менѣе знаменательнымъ кажется и отношеніе царя къ вопросу о внѣшнемъ принужденіи въ дѣлахъ вѣры. Съ замѣтною твердостью и смѣлостью мысли, хотя и въ очень сдержанныхъ фразахъ, царь пишетъ по этому вопросу митрополиту Никону, котораго авторитетъ онъ ставилъ въ тѣ годы необыкновенно высоко. Онъ проситъ Никона не томить въ походѣ монашескимъ послушаніемъ сопровождавшихъ его свѣтскихъ людей: «не заставливай у правила стоять: добро, государь владыко святый, учить премудра — премудрѣе

Грановитая палата.

будетъ, а безумному — мозоліе ему есть!» Онъ ставитъ Никону на видъ слова одного изъ его спутниковъ, что Никонъ «никого де силою не заставитъ Богу вѣровать». При всемъ почтеніи къ митрополиту, «не въ примѣръ святу мужу», Алексѣй Михайловичъ, видимо, раздѣляетъ мысли несогласныхъ съ Никономъ и терпѣвшихъ отъ него подневольниковъ постниковъ и молитвенниковъ. Нельзя силою заставить Богу вѣровать — это, по всей видимости, убѣжденіе самого Алексѣя Михайловича.

При постоянномъ религіозномъ настроеніи и напряженной моральной вдумчивости Алексѣй Михайловичъ обладалъ одною симпатичною чертою, которая, казалось бы, мало могла уживаться

съ его аскетизмомъ и наклонностью къ отвлеченному наставительному резонерству. Царь Алексѣй былъ замѣчательный эстетикъ — въ томъ смыслѣ, что любилъ и понималъ красоту. Его эстетическое чувство сказывалось ярче всего въ страсти къ соколиной охотѣ, а позже — къ сельскому хозяйству. Кромѣ прямыхъ ощущеній охотника и обычныхъ удовольствій охоты съ ея азартомъ и шумнымъ движеніемъ, соколиная потѣха удовлетворяла въ царѣ Алексѣѣ и чувству красоты. Въ «Урядникѣ» сокольничья пути онъ очень тонко разсуждаетъ о красотѣ разныхъ охотничьихъ птицъ, о прелести птичьяго лета и удара, о внѣшнемъ изяществѣ своей охоты. Для него «его государевы *красныя* и славныя птичьи охоты» урядство или порядокъ «уставляетъ и объявляетъ красоту и удивленіе»; высокаго сокола летъ—«*красносмотрителенъ* и радостенъ»; копцова (т.-е. копчика) добыча и летъ—«*добровидѣнъ*». Онъ слѣдитъ за красотою сокольничьяго наряда и оговариваетъ, чтобы нашивка на кафтанахъ была «золотная» или серебряная: «къ какому цвѣту какая пристанетъ»; требуетъ, чтобы сокольникъ держалъ птицу «подъявительно къ видѣнію человѣческому и ко *красотѣ* кречатьей», т.-е. такъ, чтобы ее разсмотрѣть было удобно и красиво. Элементъ красоты и изящества вообще играетъ не послѣднюю роль въ «урядствѣ» всего охотничьяго чина царя Алексѣя. То же чувство красоты заставляло царя увлекаться внѣшнимъ благочестіемъ церковнаго служенія и строго слѣдить за нимъ, иногда даже нарушая его внутреннюю чинность для внѣшней красоты. Въ запискахъ Павла Алеппскаго можно видѣть много примѣровъ тому, какъ царь распоряжался въ церкви, наводя порядокъ и красоту въ такія минуты, когда, по нашимъ понятіямъ, ему надлежало бы хранить молчаніе и благоговѣніе. Не только церковныя церемоніи, но и парады придворные и военные необыкновенно занимали Алексѣя Михайловича съ точки зрѣнія «чина» и «урядства», т.-е. внѣшняго порядка, красоты и великолѣпія. Онъ, напримѣръ, съ чрезвычайнымъ усердіемъ устраивалъ смотры и проводы своимъ войскамъ передъ первымъ литовскимъ походомъ, обставляя ихъ торжественнымъ и красивымъ церемоніаломъ. Большой эстетическій вкусъ царя сказывался въ выборѣ любимыхъ мѣстъ: кто знаетъ положеніе Саввина-Сторожевскаго монастыря въ Звенигородѣ, излюбленнаго царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, тотъ согласится, что это — одно изъ красивѣйшихъ мѣстъ всей Московской губерніи; кто былъ въ селѣ Коломенскомъ, тотъ помнитъ, конечно, прекрасные виды съ высокаго берега Москвы-рѣки въ Коломенскомъ. Мирная красота этихъ мѣстъ — обычный типъ великорусскаго пейзажа — такъ соотвѣтствуетъ характеру «гораздо тихаго» царя.

Соединеніе глубокой религіозности и аскетизма съ охотничьими наслажденіями и свѣтлымъ взглядомъ на жизнь не было противорѣчіемъ въ натурѣ и философіи Алексѣя Михайло-

вича. Въ немъ религія и молитва не исключали удовольствій и потѣхъ. Онъ сознательно позволялъ себѣ свои охотничьи и комедійныя развлеченія, не считалъ ихъ преступными, не каялся послѣ нихъ. У него и на удовольствія былъ свой особый взглядъ. «И зѣло потѣха сія полевая утѣшаетъ сердца печальныя, — пишетъ онъ въ наставленіи сокольникамъ, — будите охочи, забавляйтеся, утѣшайтеся сею доброю потѣхою..., да не одолѣютъ васъ кручины и печали всякія». Такимъ образомъ въ сознаніи Алексѣя Михайловича охотничья потѣха есть противодѣйствіе печали, и подобный взглядъ на удовольствія не случайно соскользнулъ съ его пера: по мнѣнію царя, жизнь не есть печаль, и отъ печали нужно лѣчиться, нужно гнать ее — такъ и Богъ велѣлъ. Онъ проситъ князя Одоевскаго не плакать о смерти сына: «Нельзя, что не поскорбѣть и не прослезиться, и прослезиться надобно — да въ мѣру, чтобъ Бога наипаче не прогнѣвать». Но если жизнь — не тяжелое, мрачное испытаніе, то она для царя Алексѣя и не сплошное наслажденіе. Цѣль жизни — спасеніе души, и достигается эта цѣль хорошею благочестивою жизнью; а хорошая жизнь, по мнѣнію царя, должна проходить въ строгомъ порядкѣ: въ ней все должно имѣть свое мѣсто и время; царь, говоря о потѣхѣ, напоминаетъ своимъ сокольникамъ: «Правды же и суда и милостивыя любве и ратнаго строя николиже позабывайте: дѣлу время, и потѣхѣ часъ». Такимъ образомъ страстно любимая царемъ Алексѣемъ забава для него все-таки только забава и не должна мѣшать дѣлу. Онъ убѣжденъ, что во все, что бы ни дѣлалъ человѣкъ, нужно вносить порядокъ, «чинъ».

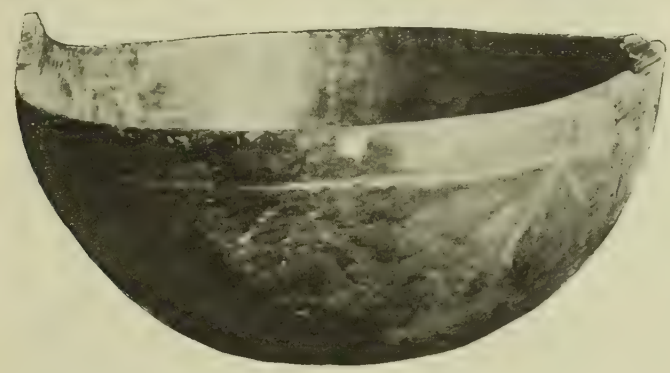
Шапка «перваго наряда» царя Михаила Ѳеодоровича, сдѣланная въ 1627 г.
Называется короною Астраханскаго царства.
Хранится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

«Хотя и мала вещь, а будетъ по чину честна, мѣрна, стройна, благочинна, — никтоже зазритъ, никтоже похулитъ, всякій похвалитъ, всякій прославитъ и удивится, что и малой вещи честь и чинъ и образецъ положенъ по мѣрѣ». Чинъ и благоустройство для Алексѣя Михайловича — залогъ успѣха во всемъ: «безъ чина же всякая вещь не утвердится и не укрѣпится; безстройство же теряетъ дѣло и возставляетъ бездѣлье», говоритъ онъ. Поэтому царь Алексѣй Михайловичъ очень заботился о порядкѣ во всякомъ большомъ и маломъ дѣлѣ. Онъ только тогда бывалъ счастливъ, когда на душѣ у него было свѣтло и ясно, и кругомъ все было свѣтло и спокойно, все на мѣстѣ, все по чину. Объ этомъ-то внутреннемъ равновѣсіи и внѣшнемъ порядкѣ болѣе всего заботился царь Алексѣй, мѣшая дѣло съ потѣхой и соединяя подвиги строгаго аскетизма съ чистыми и мирными наслажденіями. Такая непрерывно владѣвшая царемъ Алексѣемъ забота позволяетъ сравнить его (хотя аналогія здѣсь можетъ быть лишь очень отдаленная) съ первыми эпикурейцами, искавшими своей «атараксіи», безмятежнаго душевнаго равновѣсія, въ разумномъ и сдержанномъ наслажденіи.

До сихъ поръ царь Алексѣй Михайловичъ былъ обращенъ къ намъ своими свѣтлыми сторонами, и мы ими любовались. Но были же и тѣни. Конечно, надо счесть показнымъ и неискреннимъ «смиреніемъ паче гордости» тотъ отзывъ, какой однажды далъ самъ о себѣ царь Никону: «А про насъ изволишь вѣдать, и мы, по милости Божіи и по вашему святительскому благословенію, какъ есть истинный царь христіянскій наричюся, а по своимъ злымъ мерзкимъ дѣламъ недостоинъ и во псы, не токмо въ цари!» Злыхъ и мерзкихъ дѣлъ за царемъ Алексѣемъ современники не знали, однако они иногда бывали имъ недовольны. Въ годы его молодости, въ эпоху законодательныхъ работъ надъ Уложеніемъ (1649 г.), настроеніе народныхъ массъ было настолько неспокойно, что многіе давали волю языку. Одинъ изъ озлобленныхъ реформами уличныхъ озорниковъ Савинка Корепинъ болталъ на Москвѣ про юнаго государя, что «царь глупъ, глядитъ все изо рта у бояръ Морозова и Милославскаго: они всѣмъ владѣютъ, и самъ государь все это знаетъ, да молчитъ; чортъ у него умъ отнялъ». Мысль, что царь «глядитъ изо рта» у другихъ, мелькаетъ и позднѣе. Въ поведеніи коломенскаго архіепископа Іосифа (1660—1670 гг.) вскрывались не разъ его безпощадные отзывы о царѣ Алексѣѣ и боярахъ. Іосифъ говаривалъ про великаго государя, что «не умѣетъ въ царствѣ никакой расправы самъ собою чинить, люди имъ владѣютъ», а про бояръ, что «бояре — Хамовъ родъ, государь того и не знаетъ, что они дѣлаютъ». Въ минуты большаго раздраженія Іосифъ обзывалъ Алексѣя Михайловича весьма презрительными бранными словами, которыхъ общій смыслъ обличалъ царя въ полной неспособности

къ дѣламъ. Встрѣчаясь съ такими отзывами, не знаешь, какъ слѣдуетъ ихъ истолковать и какъ ихъ можно примирить со многими свидѣтельствами о разумѣ и широкихъ интересахъ Алексѣя Михайловича. «Гораздо тихій» царь былъ вѣдь тихъ добротою, а не смысломъ; это ясно для всѣхъ, знакомыхъ съ историческимъ матеріаломъ. Только пристальное наблюденіе открываетъ въ натурѣ царя Алексѣя двѣ такія черты, которыя могутъ освѣтить и объяснить существовавшее недовольство имъ.

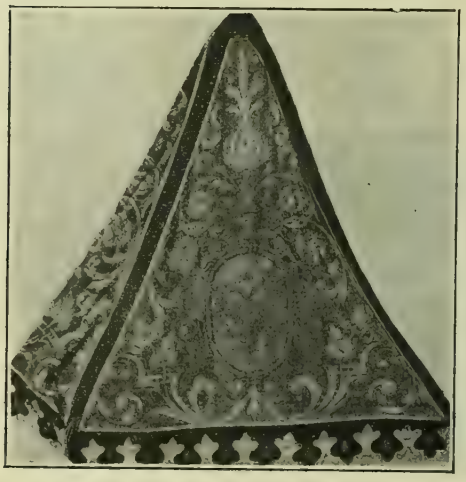
При всей своей живости, при всемъ своемъ умѣ царь Алексѣй Михайловичъ былъ безвольный и временами малодушный человѣкъ. Пользуясь его добротою и безволіемъ, окружавшіе не только своевольничали, но забирали власть и надъ самимъ «тихимъ» государемъ. Въ письмахъ царя есть удивительныя этому доказательства. Въ 1652 году онъ пишетъ Никону, что дворецкій князь Алексѣй Мих. Львовъ «билъ челомъ объ отставкѣ».



Липовая чаша, въ которой подносились царямъ красныя яйца для раздачи на Пасхѣ.
Хранится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

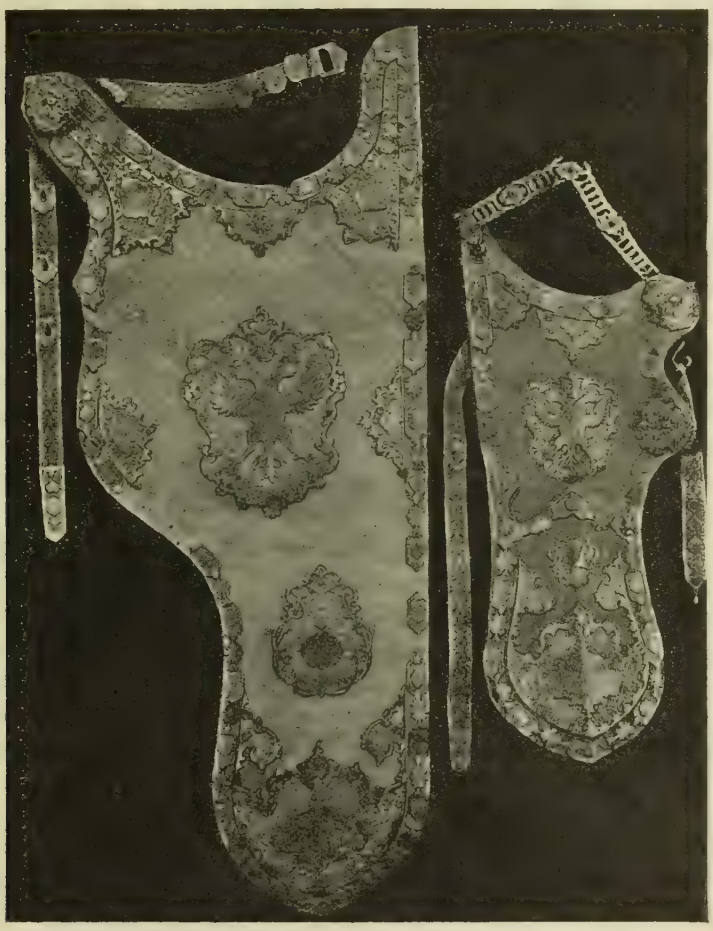
Это былъ возмутительный самоуправецъ, много лѣтъ безнаказанно сидѣвшій въ приказѣ Большого Дворца. Царь обрадовался, что можно избавиться отъ Львова, и «во Дворецъ посадилъ Василья Бутурлина». Съ наивною похвальбою онъ сообщаетъ Никону: «А слово мое нынѣ во дворцѣ добрѣ страшно, и (все) дѣлается безъ замотчанья!» Стало-быть, такова была наглость князя Львова, что ему не страшно казалось и царское слово, и такъ велика была слабость государя, что онъ не могъ самъ избавиться отъ своего дворецкаго! Послѣ этого примѣра становится понятнымъ, что около того же времени и ничтожный приказный человѣкъ Л. Плещеевъ могъ цинично похваляться, что «про меня де вѣдаетъ государь, что я зернщикъ (т.-е. игрокъ)!.. у меня де Москва была въ рукѣ вся, я де и боярамъ указывалъ!» Въ упоминаніи государя Плещеевымъ мелькаетъ тотъ же намекъ на отсутствіе страха предъ государевымъ именемъ и словомъ, какъ и въ наивномъ письмѣ самого государя. Любопытно, что придвор-

ные и приказные люди не только за глазами у добраго царя давали себѣ волю, но и въ глаза ему осмѣливались показывать свои настроенія. Въ походѣ 1654 года окружавшіе Алексѣя Михайловича, по его словамъ въ письмѣ кн. Трубецкому, «ѣдутъ съ нами отнюдь не единодушіемъ, наипаче двоедушіемъ, какъ есть облака: иногда благопотребнымъ воздухомъ и благонадежнымъ и уповательнымъ явятся; иногда зноемъ и яростью, и ненастьемъ всякимъ злохитреннымъ, и обычаемъ московскимъ явятся; иногда злымъ отчаяніемъ и погибель прорицаютъ, иногда тихостью и бѣдностью лица своего отходятъ лукавымъ сердцемъ... А мнѣ уже, Богъ свидѣтель, каково становится отъ двоедушія того, отнюдь упованія нѣтъ!» При отсутствіи твердой воли въ характерѣ царя Алексѣя онъ не могъ взять въ свои руки настроеніе окружающихъ, не могъ круто раздѣлаться съ виновными, прогнать самоуправца. Онъ могъ вспыхнуть, выбранить, даже ударить, но затѣмъ быстро сдавался и искалъ примиренія. Онъ терпѣлъ князя Львова у дѣлъ, держалъ около себя своего плохого тестя Милославскаго, давалъ волю безмѣрному властолюбію Никона — потому, что не имѣлъ въ себѣ силы бороться ни съ служебными злоупотребленіями, ни съ придворными вліяніями, ни съ сильными характерами. Не истребить зло съ корнемъ, не убрать непригоднаго человѣка, а найти компромиссъ и палліативъ, закрывъ глаза и спрятавъ, какъ страусъ, голову въ кустъ, — вотъ обычный пріемъ Алексѣя Михайловича, результатъ его маловолія и малодушія. Хуже всего онъ чувствовалъ себя тогда, когда видѣлъ неизбѣжность вступить открыто въ какое-либо непріятное дѣло. Малодушно онъ убѣгалъ отъ отвѣтственныхъ объясненій и спѣшилъ заслониться другими людьми. Сообщивъ Никону въ письмѣ о неудовольствіяхъ на него, существующихъ среди его окружающихъ, царь сейчасъ же оговаривается: «И тебѣ бы, владыко святый, пожаловать — сіе писаніе сохранить и скрыть втайнѣ!.. да будетъ и изволишь ему (жалобщику) говорить, и ты, владыко святый, говори отъ своего лица, будто къ тебѣ мимо меня писали (о его жалобахъ)». Желаніе стать въ сторонѣ стыдитъ, повидимому, самого Алексѣя Михайловича, и онъ предлагаетъ Никону отложить объясненіе съ недовольнымъ на него бояриномъ



Верхъ царской палатки.
Хранится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

до Москвы: «Здѣсь бы передо мною вы съ очей на очи перевѣдались», предлагаетъ онъ, разумѣется, въ надеждѣ, что время до очной ставки уничтожитъ остроту неудовольствій и смягчитъ враговъ. Душевнымъ малодушіемъ добраго государя слѣдуетъ объяснить его вкусъ къ письменнымъ выговорамъ: за глаза можно было написать много и сильно, грозно и красиво; а въ глаза бранить—



Походный саадакъ царя Алексѣя Михайловича.
Хранится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

трудно и жалко. Въ глаза бранить кого-либо царю Алексѣю было можно только въ минуты кратковременныхъ вспышекъ горячаго гнѣва, когда у него вмѣстѣ съ языкомъ развязывались и руки.

Итакъ, слабость характера была однимъ изъ тѣневыхъ свойствъ царя Алексѣя Михайловича. Другое его отрицательное свойство легче описать, чѣмъ назвать. Царь Алексѣй не умѣлъ и не думалъ работать. Онъ не зналъ поэзіи и радостей труда и въ этомъ

отношеніи былъ совершенною противоположностью своему сыну Петру. Жить и наслаждаться онъ могъ среди «малой вещи», какъ онъ называлъ свою охоту и какъ можно назвать всѣ его иныя потѣхи. Вся его энергія уходила въ отправленіе того «чина», который онъ видѣлъ въ вѣковомъ церковномъ и дворцовомъ обиходѣ. Вся его иниціатива ограничивалась кругомъ пріятныхъ «новшествъ», которыя въ его время, но независимо отъ него, стали проникать въ жизнь московской знати. Управленіе же государствомъ не было такимъ дѣломъ, которое царь Алексѣй желалъ бы принять непосредственно на себя. Для того существовали бояре и приказные люди. Сначала за царя Алексѣя правилъ Борисъ Ив. Морозовъ, потомъ настала пора князя Никиты Ив. Одоевскаго; за нимъ сталъ временщикомъ патріархъ Никонъ, правившій не только святительскія дѣла, но и царскія; за Никономъ слѣдовали Ординъ-Нащокинъ и Матвѣевъ. Во всякую минуту дѣятельности царя Алексѣя мы видимъ около него довѣренныхъ лицъ, которыя правятъ. Царь же, такъ сказать, присутствуетъ при ихъ работѣ, хвалитъ ихъ или споритъ съ ними, хлопочетъ о внѣшнемъ «урядствѣ», пишетъ письма о событіяхъ, — словомъ, суетится кругомъ дѣйствительныхъ работниковъ и дѣятелей. Но ни работать съ ними, ни увлекать ихъ властною волею боевого вождя онъ не можетъ. Малый примѣръ изъ нашей современности наглядно покажетъ, что и такіе люди могутъ считаться нужными. Намъ довелось видѣть, какъ по овражистымъ берегамъ Быстрой Сосны везли большой тяжести машину въ сельскую экономію. Везли кони, и съ ними билось на подъемахъ и тащило грузъ много народа. И народъ спрашивалъ: «А кто жъ намъ кричать будетъ?» Необходимъ казался крикъ изъ празднаго горла, чтобы давать ритмъ общей мускульной работѣ. Вотъ въ общемъ государственномъ дѣлѣ XVII вѣка царь Алексѣй и былъ такимъ человѣкомъ, который самъ не работалъ, а своею суетою и голосомъ давалъ ритмъ для тѣхъ, кто трудился.

Добродушный и маловольный, подвижной, но не энергичный и не рабочій, царь Алексѣй не могъ быть бойцомъ и реформаторомъ. Между тѣмъ теченіе исторической жизни поставило царю Алексѣю много чрезвычайно трудныхъ и жгучихъ задачъ и внутри и внѣ государства: вопросы экономической жизни, законодательные и церковные, борьба за Малороссію, безконечно-трудная, — все это требовало чрезвычайныхъ усилій правительственной власти и народныхъ силъ. Много критическихъ минутъ пришлось тогда пережить нашимъ предкамъ, и все-таки бѣдная силами и средствами Русь успѣла выйти побѣдительницей изъ внѣшней борьбы, успѣвала кое-какъ справляться и съ домашними затрудненіями. Правительство Алексѣя Михайловича стояло на извѣстной высотѣ во всемъ томъ, что ему приходилось дѣлать: являлись способные люди, отыскивались средства, неудачи не от-

нимали энергіи у дѣятелей; если не удавалось одно средство— для достиженія цѣли искали новыхъ путей. Шла, словомъ, горячая, напряженная дѣятельность, и за всѣми дѣятелями эпохи во всѣхъ сферахъ государственной жизни видна намъ добродуш-

«Алмазный» тронъ царя Алексѣя Михайловича.
Употребляется при Священномъ коронованіи.
Хранится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

ная и живая личность царя Алексѣя. Чувствуется, что ни одно дѣло не проходитъ мимо него: онъ знаетъ ходъ войны; онъ желаетъ руководить работой дипломатіи; онъ въ думу боярскую несетъ рядъ вопросовъ и указаній по внутреннимъ дѣламъ; онъ слѣдитъ за церковной реформой; онъ въ дѣлѣ патріарха Никона принимаетъ дѣятельное участіе. Онъ вездѣ, постоянно съ разумѣніемъ

дѣла, постоянно добродушный, искренній и ласковый. Но нигдѣ онъ не сдѣлаетъ ни одного рѣшительнаго движенія, ни одного рѣзкаго шага впередъ. На всякій вопросъ онъ откликнется съ полнымъ его пониманіемъ, не устранится отъ его разрѣшенія; отъ него совершенно нельзя ждать той страстной энергіи, какою отмѣчена дѣятельность его геніальнаго сына, той смѣлой инициативы, какой отличался Петръ.

Вотъ почему мы не вполнѣ согласимся съ отзывомъ сенатора князя Якова Долгорукаго, который, по преданію, сказалъ однажды Петру Великому: «Государь! въ иномъ отецъ твой, въ иномъ ты больше хвалы и благодаренія достоинъ. Главныя дѣла государей — три: первое внутренняя расправа и главное дѣло ваше есть правосудіе; въ семъ отецъ твой больше, нежели ты, сдѣлалъ!».. Петръ, конечно, сдѣлалъ очень много; Алексѣй же только по-своему помогалъ дѣлать тѣмъ, кого своею властью ставилъ къ дѣламъ.

II.

Власть и населеніе.

I.

Царю Алексѣю Михайловичу пришлось стоять во главѣ московскаго государства въ сложное время борьбы различныхъ теченій русской жизни, въ эпоху перестройки всего ея государственнаго и общественнаго уклада, ломки привычныхъ воззрѣній и бытовыхъ навыковъ. Облеченный огромной властью онъ находился въ центрѣ крупнѣйшихъ національныхъ интересовъ и очередныхъ задачъ внѣшней и внутренней политики, исключительныхъ по исторической значительности, бурныхъ столкновеній старыхъ традицій съ новыми вѣяніями въ жизни церкви и московскаго общества. До глубинъ своихъ всколыхнулась въ XVII в. московская Русь въ поискахъ новыхъ путей дальнѣйшаго историческаго развитія своей національной силы. Даровитая натура царя Алексѣя вскормлена содержаніемъ этихъ исканій и по-своему чутко на нихъ откликалась. Но весь духовный складъ царя, болѣе созерцательный и впечатлительный, чѣмъ боевой и творческій, сдѣлалъ его типичнымъ представителемъ тѣхъ поколѣній «переходнаго» времени, которыя плывутъ по теченію не руководя имъ, и если не запутываются безнадежно въ противорѣчіяхъ отмирающей старины и нарастающихъ новыхъ явленій въ общественной и духовной жизни народа, то примиряютъ ихъ въ условномъ компромиссѣ личныхъ воззрѣній, проходя мимо наиболѣе острыхъ проблемъ переживаемаго историческаго момента.

Судьба послала царя Алексѣя изъ замкнутаго быта царскаго «верха» на престолъ въ такую пору, когда на «верху» могло казаться, что власти предстоитъ мирная и благодарная задача завершить

строительную работу предыдущаго поколѣнія, закончить умиротвореніе государства. Бури смуты давно миновали. Государственный порядокъ возстановленъ и успѣлъ окрѣпнуть. Глухіе раскаты отголосковъ «великой разрухи», постепенно слабѣя, затихли. Царь-юноша спокойно принялъ власть по благословенію отца и попрежнему крестному цѣлованію всѣхъ чиновъ московскаго государства, которые, избравъ на престолъ Михаила Ѳеодоровича, цѣловали ему крестъ и «на дѣтяхъ его, какихъ ему, государю, Богъ дастъ». Москва присягнула новому царю на утро по смерти его отца, 13 іюля 1645 г., а царское вѣнчаніе произошло 28 сентября, съ особой торжественностью. По разсказу Котошихина на это вѣнчаніе созванъ былъ «соборъ», гдѣ, кромѣ

Дворецъ въ селѣ Коломенскомъ.
Съ рѣдкой гравюры, находящейся въ Императорской Публичной библіотекѣ.

«всего духовнаго чина», бояръ, окольничихъ и думныхъ людей, были всѣ ближніе люди и дворцовые чины, московскіе служилые люди, гости и сотенные люди торговые, а также провинціальные дворяне и дѣти боярскіе и посадскіе люди «по два изъ города», и всѣмъ соборомъ, при участіи черни—народной толпы московской—«обрали» царя Алексѣя на царство и учинили «коронованіе» въ соборной церкви. Въ осложненіи обряда царскаго вѣнчанія торжественнымъ провозглашеніемъ царя, его всенароднымъ «обраньемъ», можно видѣть стремленіе закрѣпить за первымъ преемникомъ родоначальника новой династіи сочувствіе населенія и признаніе новаго династическаго права, но само это право создано

не «обраньемъ» 1645 г., а избраніемъ 1613 года. Устроителю торжества, царскому воспитателю Б. И. Морозову, современники приписывали нѣкоторую спѣшку съ вѣнчаніемъ на царство своего питомца, такъ что «не всѣ въ странѣ, кто желалъ, могли явиться для присутствія на немъ»; но это сужденіе Олеарія — единственный намекъ на какое-то политическое нервничанье государева «верха», не совсѣмъ понятное въ данныхъ условіяхъ.

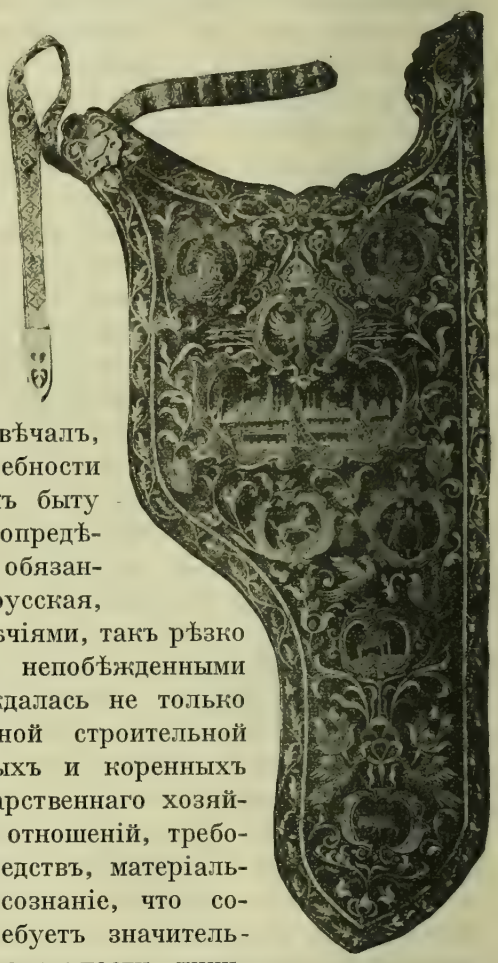
Царь Алексѣй возложилъ на себя вѣнецъ, какъ государь прирожденный, и вступилъ въ управленіе «дѣломъ Божіимъ и своимъ государевымъ и земскимъ» въ сознаніи даннаго ему свыше права и въ твердой надеждѣ на «милость Всемогущаго Бога и свое государское счастье».

Правительствующая среда не претерпѣла существенныхъ измѣненій съ началомъ новаго царствованія. Близко къ власти и престолу стали люди, связанные тѣсными личными отношеніями съ кругомъ дѣятелей временъ царя Михаила. Первое мѣсто занялъ Б. И. Морозовъ, ревниво окружавшій царя своими людьми, проводя ихъ и на важныя административныя должности. Обморокъ, поразившій дочь Ѳедора Всеволожскаго, когда царь на «смотринахъ» избралъ ее своей невѣстой, былъ использованъ, чтобы отстранить возвышеніе, по свойству съ царемъ, новыхъ людей; Всеволожскую съ родней сослали въ Сибирь, обвинивъ въ сокрытіи падучей болѣзни, и только много позднѣе, въ 1653 г., позволили имъ жить въ дальнихъ помѣстьяхъ. Царю нашли невѣсту въ своемъ кругу—Марію, дочь Ильи Даниловича Милославскаго, который приходился племянникомъ вліятельному думному дьяку Ив. Грамотину; а вскорѣ послѣ царскаго брака Морозовъ женился на ея сестрѣ, Аннѣ. Милославскіе, въ согласіи съ нимъ, заняли видное положеніе при дворѣ и въ администраціи. На правительственныхъ верхахъ стала сплоченная группа дѣльцовъ, не блиставшая ни государственными дарованіями, ни безкорыстіемъ, и омрачила начало новаго царствованія безудержнымъ служеніемъ тому, что царь Алексѣй позднѣе съ горечью назвалъ однажды «злохитреннымъ московскимъ обычаемъ»: волокитѣ и неправедному суду, вымогательствамъ и произволу. При нихъ «дѣлà мало вершились», а если «вершились», то въ пользу тѣхъ, за кого «заступы большія» и кто больше посула дастъ; челобитчики изнемогали по приказамъ отъ «издержекъ великихъ подьячимъ и людямъ дьячимъ и сторожамъ», чтобы дойти черезъ нихъ до большихъ дьяковъ и бояръ; но и этимъ надо было платить немалыя суммы, ублажая высшихъ сановниковъ, чѣмъ кто любитъ: кн. А. М. Львова «сижками свирскими», Б. И. Морозова — лебедями. Словомъ, жила и крѣпла «злохитренная» традиція, на которую такъ громко жаловались всякаго чина люди на земскомъ соборѣ 1642 г., говоря, что разорены «пуще турскихъ и крымскихъ бусурмановъ московскою волокитою и отъ неправдъ и отъ неправедныхъ судовъ».

Все громче сталъ раздаваться народный ропотъ. Въ Москвѣ особенно ненавидѣли клевретовъ царскаго тестя—Траханіотова, вѣдавшаго Пушкарскимъ приказомъ, думнаго дьяка Назара Чистого да судью Земскаго приказа Леонтія Плещеева, по имени котораго москвичи называли разгулъ чиновничьяго произвола «плещеевщиной». Про молодого царя поговаривали, что онъ того не вѣдаетъ, что его именемъ творится, а то и такъ, что царь «глядитъ все изо рта бояръ, они всѣмъ владѣютъ: онъ все видитъ, да молчитъ». Царь Алексѣй не могъ ничего подѣлать не только по юности. Привязчивый и довѣрчивый, онъ чтилъ воспитателя своего, какъ второго отца, и невольно стушевывался передъ нимъ и своимъ тестемъ съ ихъ близкими, довѣренными людьми; позднѣе, когда онъ былъ окруженъ людьми его личнаго выбора, недовольные повторяли укоръ, что царь «не умѣетъ въ царствѣ никакой расправы самъ собою чинить, люди имъ владѣютъ»; но тогда властное вліяніе, за исключеніемъ царской родни — Милославскихъ, — находилось въ рукахъ и чистыхъ и дѣльныхъ: царь Алексѣй умѣлъ чутко расцѣнивать людей и ставить имъ высокія нравственныя требованія и лишь достойныхъ дарилъ своимъ довѣріемъ, когда не былъ связанъ личными дворцовыми отношеніями, передъ которыми сдавалась его мягкая натура. Но въ началѣ царствованія свойства правящей среды были таковы, что должны были стать въ разрѣзъ и съ потребностями государства и съ настроеніями государя.

Напряженная работа по возстановленію государственнаго порядка и государственной силы, выполненная въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, настоятельно требовала завершенія, и есть основанія думать, что на соборѣ, созванномъ къ царскому вѣнчанію, всякихъ чиновъ люди били государю челомъ не только о нуждахъ своихъ и обидахъ, но и объ утвержденіи крѣпкимъ его государевымъ уложеньемъ праведнаго и безволокитнаго вершенья всѣхъ дѣлъ. О такомъ уложеньи по отдѣльнымъ вопросамъ не разъ бывали челобитья и на прежнихъ соборахъ и внѣ ихъ отъ разныхъ общественныхъ группъ. Задача пересмотра и законодательнаго опредѣленія отношеній и порядковъ, сложившихся по мѣрѣ успокоенія страны отъ разрухи Смутнаго времени, дѣйствительно назрѣла. И такая задача, по крайней мѣрѣ въ ея формальной, кодификаціонной сторонѣ, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовала личнымъ настроеніямъ царя Алексѣя. Сознательная религіозность и нравственная вдумчивость внушала ему искреннее стремленіе выполнить призваніе власти, данной отъ Бога — «люди Его, Свѣтовы, разсудити вправду, всѣмъ равно», и оно сходилось съ эстетическими склонностями его натуры, требовавшей, чтобы «никакой бы вещи безъ благочинія и безъ устроенія уряженнаго и удивительнаго не было», въ мечтѣ такъ «государево царственное и земское дѣло утвердити и на мѣрѣ поставити», чтобы «московскаго

государства всякихъ чиновъ людямъ, отъ большаго до меньшаго чину, судъ и расправа была во всякихъ дѣлахъ всѣмъ ровна», а государево уложенье о нихъ «впредь было прочно и неподвижно». Воспитанный въ традиціяхъ чиннаго обряда государевой жизни, комнатной и выходной, большой знатокъ и любитель благолѣпнаго чина церковнаго, царь Алексѣй находилъ, что и малая всякая вещь должна быть «по чину честна, мѣрна, стройна, благочинна», для чего надо, чтобы «всякой вещи честь, и чинъ, и образецъ писаніемъ предложенъ былъ». Тѣмъ болѣе, былъ онъ сторонникомъ регламентаціи по уставному уряженью всего быта церковнаго и государственнаго. Подобный строй чувствъ и воззрѣній въ примѣненіи къ дѣламъ правленія отвѣчалъ, въ значительной мѣрѣ, потребности утвержденія въ государственномъ быту законнаго порядка и большей опредѣленности отношеній, правъ и обязанностей населенія. Но жизнь русская, терзаемая внутренними противорѣчіями, такъ рѣзко сказавшимися въ Смуту и еще непобѣжденными съ подавленіемъ «разрухи», нуждалась не только въ уставномъ итогѣ выполненной строительной работы. Она требовала серьезныхъ и коренныхъ преобразованій въ области государственнаго хозяйства и управленія, соціальныхъ отношеній, требовала развитія національныхъ средствъ, матеріальныхъ и культурныхъ. Однако сознаніе, что состояніе страны настоятельно требуетъ значительнаго расширенія творческихъ задачъ власти, лишь постепенно пробуждалось въ государственныхъ дѣятеляхъ XVII в., и правительство царя Алексѣя пришло къ опытамъ преобразованія въ отдѣльныхъ вопросахъ управленія только путемъ практическаго опыта, откликаясь на очередныя нужды, указанныя самою жизнью. Во главѣ этого правительства стоялъ государь, отнюдь не созданный для роли дѣятельнаго и смѣлаго преобразователя, а окружавшіе его вершители судебъ московскаго государства шли къ новымъ пріемамъ управленія ощупью, попутно разрѣшая затрудненія, встрѣченныя на практикѣ. Однимъ изъ главныхъ источниковъ свѣдѣній о положеніи дѣлъ и нуждахъ государства служили собор-



Налучье царя Алексѣя Михайловича съ шитымъ изображеніемъ Кремля.
Хранится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

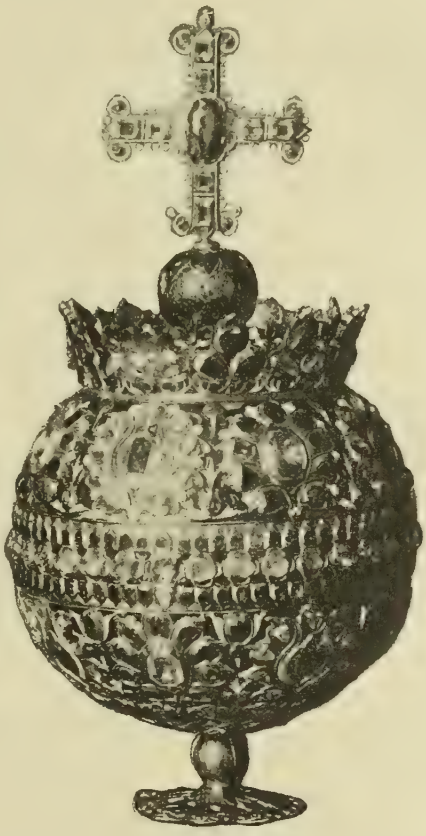
ныя «сказки» и челобитныя, съ какими обращались къ верховной власти различныя общественныя группы. Всего ярче раскрывали эти ходатайства глубокое разстройство финансовой системы, крайнюю неравномѣрность обложенія по «сошному письму», устарѣлому, не согласованному ни съ экономической дѣйствительностью, ни съ назрѣвшей потребностью единства въ государственномъ хозяйствѣ и управленіи. Еще при царѣ Михаилѣ на земскихъ соборахъ не разъ дѣлались указанія на крайнюю необходимость финансовой реформы, для уравненія податной тяготы, для установленія ея равномѣрности и всеобщности. Указано было и средство: обложеніе всякаго чину людей, владѣвшихъ землей, не по «сошному письму», а по количеству крестьянскихъ хозяйствъ каждаго имѣнія, «поворотно» или «подворно». Этимъ достигалось бы, съ одной стороны, освобожденіе плательщиковъ отъ «навальнаго сошнаго письма» за участки земли, лежащіе «въ пустѣ», съ другой—бо̀льшая «ровность» разверстки съ усиленіемъ обложенія крупныхъ землевладѣльческихъ хозяйствъ, лучше обезпеченныхъ крестьянскимъ трудомъ. Служилые землевладѣльцы мелкіе и средней руки давно хлопотали о такомъ уравненіи тягла, соединяя съ нимъ требованіе отмѣны «урочныхъ лѣтъ» для сыска бѣглыхъ крестьянъ и стремленіе къ полному прикрѣпленію всего земледѣльческаго населенія къ тѣмъ помѣстьямъ и вотчинамъ, гдѣ оно записано по переписи; для податной реформы, слѣдовательно, предстояло выяснить составъ крестьянской рабочей силы каждаго имѣнія и закрѣпить его законодательнымъ актомъ общаго значенія. Въ 1646 г. правительство царя Алексѣя приступило къ новой переписи — подворной, обѣщая землевладѣльцамъ установить, что «по тѣмъ переписнымъ книгамъ крестьяне и бобыли и ихъ дѣти и братья и племянники будутъ крѣпки и безъ урочныхъ лѣтъ». Перепись была закончена въ два года, и отмѣна урочныхъ лѣтъ, какъ и закрѣпленіе по помѣстьямъ и вотчинамъ, по дворцовымъ селамъ и чернымъ волостямъ всего сельскаго люда, были осуществлены Уложеніемъ 1649 г. Но податная реформа на основаніи новыхъ переписныхъ книгъ не осуществилась; подворное обложеніе восторжествовало только въ связи съ финансовыми преобразованіями 1679—1681 гг., а пока правительство использовало его лишь для раскладки новыхъ экстренныхъ сборовъ, не взамѣнъ, а сверхъ стараго тягла по сошному письму. Тѣмъ временемъ, въ томъ же 1646 г., оно увлеклось мыслью увеличить свой доходъ и разрѣшить задачу равномѣрнаго и всеобщаго обложенія инымъ способомъ: сдѣлана была попытка замѣнить дробные и запутанные прямые налоги однимъ косвеннымъ, именно, крупнымъ налогомъ на соль; расчитывали, что «та соляная пошлина всѣмъ будетъ ровна и въ избылыхъ никто не будетъ», а «платить всякій станетъ безъ правежу, собою». На дѣлѣ повышеніе раза въ полтора цѣны одного изъ продуктовъ первой необходимости легло несносной тяготой на бѣднѣйшіе разряды населенія; соляная пошлина не оправдала надеждъ и была отмѣнена

черезъ два года, только усиливъ общую нужду и народное раздраженіе.

Издавна накоплялось это раздраженіе противъ «владущихъ», питаемое памятью о томъ ихъ «безвремяніи», когда они «отъ своихъ рабъ разорени быша». Громко раздавались жалобы на «сильныхъ» людей во все царствованіе царя Михаила, доходя подчасъ, какъ на земскомъ соборѣ 1642 г., до протеста противъ усиленія приказной власти и сожалѣній о минувшей старинѣ, когда мѣстное управленіе было въ рукахъ выборныхъ людей. Въ 1648 г. «смятеніе въ мірѣ» прорвалось наружу, прежде всего въ Москвѣ. 2 іюня толпа окружила царя, возвращавшагося съ богомольнаго похода къ Троицѣ, била ему «всею землею» челомъ на земскаго судью Плещеева за «великую налогу» отъ его «разбойныхъ и татиныхъ дѣлъ», а затѣмъ, когда царь «того дни всей землѣ его, Левонтья, не выдалъ», поднялась на «заступниковъ» Плещеева, боярина Морозова, окольничаго Траханіотова, думнаго дьяка Чистого и на многихъ ихъ единомышленниковъ; «домы ихъ міромъ разбили и разграбили», а Чистого «до смерти прибили». Три дня бушевала Москва; стрѣльцы отказались ударить на толпу, волновались и другіе служилые люди; чтобы удержать отъ бунта военную силу царь велѣлъ и тѣмъ и другимъ выдать двойное денежное и хлѣбное жалованье. Уступили толпѣ Плещеева и Траханіотова; перваго царь велѣлъ вести на казнь, но толпа отняла его и сама умертвила; второго сначала выслали изъ Москвы, а потомъ вернули и казнили. Къ народу московскому царь выслалъ популярныхъ бояръ, дядю своего Никиту Ив. Романова и кн. Д. М. Черкасскаго съ духовенствомъ, обѣщая отстранить отъ всѣхъ дѣлъ Морозова и другихъ ненавистныхъ народу «владущихъ», но міръ утолился только послѣ личныхъ объясненій царя, который со слезами умолялъ толпу пощадить его дядьку, съ тѣмъ, чтобы ему впредь и всѣмъ роду его, Морозовымъ, у государевыхъ дѣлъ не бывать. «И на томъ государь царь къ Спасову образу прикладывался», и на томъ «всею землею государю царю челомъ ударили и въ томъ во всемъ договорилися».

Прямой бунтъ улегся, но тревожные толки не прекращались. Чуялось, что «весь міръ качается». Безпокойныя головы мечтали найти вождей и покровителей въ Н. И. Романовѣ и кн. Черкасскомъ, выдвинуть ихъ въ дѣлахъ правленія противъ постылой Морозовской клики. Подымаясь бунтомъ противъ лихихъ царскихъ совѣтниковъ, москвичи самого царя Алексѣя мыслили солидарнымъ со своей «правдой». «Нынѣча, — толковали они, — государь милостивъ, сильныхъ изъ царства выводитъ». Московскія событія не замедлили найти откликъ и въ провинціи. Проснулась надежда, что есть, наконецъ, управа противъ насильниковъ. Въ Сольвычегодскѣ, въ Устюгѣ народъ поднялся боемъ и разграбленіемъ на воеводъ. Неспокойно прошли 1648 и 1649 годы. А въ

началѣ 1650 возникли и еще болѣе серьезные бепорядки въ Псковѣ и Великомъ Новгородѣ. Псковичи увидали явную «измѣну» бояръ въ посылкѣ крупнаго хлѣбнаго и денежнаго транспорта въ Швецію, хотя отправлялся этотъ транспортъ по соглашенію о переселенцахъ изъ-за рубежа, которыхъ царское правительство не считало возможнымъ выдать; народъ погромилъ его, не слушая ни въ чемъ воеводу, выбралъ себѣ «начальныхъ людей»; подняли и новгородцевъ, которые также устроили у себя выборное управленіе, мимо своего воеводы и митр. Никона. Къ царю возставшіе послали челобитья на измѣнниковъ бояръ и приказныхъ; заступника и предстателя себѣ они искали въ томъ же бояринѣ Н. И. Романовѣ, просили ему поручить сыскъ по ихъ дѣлу, били черезъ него челомъ о возстановленіи прежняго порядка, когда воеводы и дьяки судили по правдѣ съ земскими старостами и выборными людьми. Раздраженіе противъ приказныхъ злоупотребленій разрасталось въ протестъ противъ усиленной бюрократизаціи управленія.



Держава царя Алексѣя Михайловича. Хранится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

Въ Москвѣ челобитчики получили суровую отповѣдь: «холопы де государевы и сироты великимъ государямъ никогда не указывали..., а того никогда не бывало, чтобъ мужики съ боярами, окольничими и воеводами у расправныхъ дѣлъ были, и впредь того не будетъ». На усмиреніе Новгорода и Пскова отправили ратную силу съ кн. И. Н. Хованскимъ. Новгородъ смирился безъ сопротивленія, отчасти благодаря энергіи митр. Никона, но псковичи покорились только послѣ безнадежной попытки сопротивленія. Правительство дѣйствовало осторожно, видя въ происшедшемъ признакъ «шатости» не только мѣстной. Псковское дѣло было въ іюлѣ 1650 г. сообщено собору, на которомъ участвовали служилые люди московскіе и городовые, торговые люди — гости, старосты сотенъ гостиной и суконной, сотскіе отъ сотенъ черныхъ. Какъ высказалось общественное мнѣніе столицы, мы не знаемъ — приказное дѣлопроизводство не сберегло этихъ

соборныхъ «сказокъ», но насколько настроеніе и тутъ не было спокойнымъ, видно изъ царскаго указа, сказаннаго сотскимъ сотенъ московскихъ въ Посольскомъ приказѣ тотчасъ послѣ собора, чтобы они безъ утайки извѣщали государю о всякихъ «воровскихъ» рѣчахъ, какія проявятся въ народѣ.

II.

Такъ тревожно было настроеніе московскаго государства въ тѣ годы, когда вырабатывалась и вступала въ жизнь знаменитая «Уложенная книга» 1649 г. Лица, враждебныя новинамъ этого Уложенія, какъ, напр., Никонъ, имѣли поводъ утверждать: «и то всѣмъ вѣдомо, что соборъ былъ не по волѣ, боязни ради и междоусобія отъ всѣхъ черныхъ людей, а не истинныя правды ради». Но для подобнаго рода жалобъ былъ именно только поводъ, а не основаніе. Потребность въ упорядоченіи всего накопившагося законодательнаго матеріала и въ опредѣленіи заново ряда законодательныхъ вопросовъ была слишкомъ глубока и настоятельна, чтобы сводить ея удовлетвореніе къ «боязни междоусобія». Но едва ли подлежитъ сомнѣнію, что въ постановкѣ на очередь и въ энергичномъ выполненіи большой законодательной работы игралъ свою роль и политическій мотивъ, желаніе утвердить прочно и «впредь ничѣмъ нерушимо» основанія того соціальнаго строя, на какой опиралась московская государственность, и тѣхъ правовыхъ устоевъ, шатаніе которыхъ могло стать гибельнымъ для нея. Въ этомъ смыслѣ Уложеніе царя Алексѣя является подлиннымъ завершеніемъ работы надъ возстановленіемъ государства московскаго изъ пережитой имъ «великой разрухи».

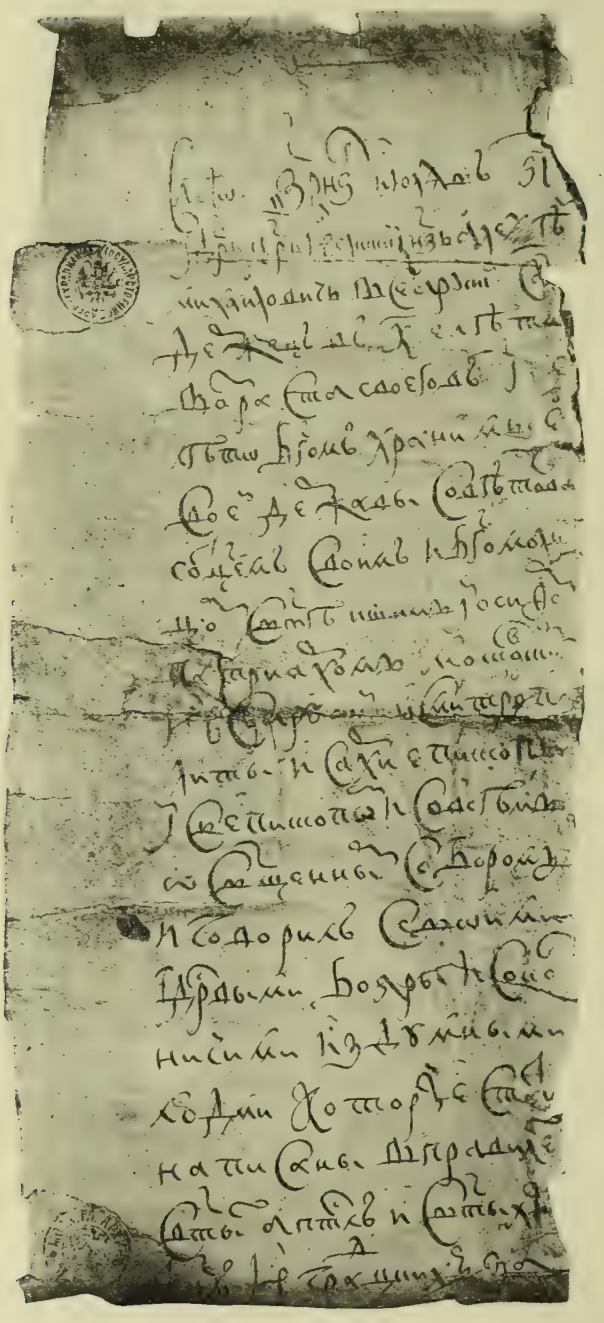
Конечно, не постановка этой задачи вызывала осужденіе Уложенія суровыми критиками, а способъ ея выполненія при участіи земскаго собора и съ большимъ вниманіемъ къ инымъ изъ возобладавшихъ на немъ теченій. Такимъ властнымъ людямъ, какъ Никонъ, да и нѣкоторые другіе, многое въ Уложеніи казалось вынужденною уступкой общественному настроенію, направленному противъ «владущихъ верховъ». Официально-приказные источники для исторіи Уложенія и самый текстъ его немного даютъ для выясненія такихъ настроеній. Но тщательное изученіе данныхъ, часто слишкомъ отрывочныхъ для удовлетворенія интереса къ столь крупному явленію въ исторіи московскаго государства, какъ Уложеніе, даетъ нѣкоторую возможность разглядѣть за спокойнымъ, безстрастнымъ ликомъ законодательнаго памятника слѣды напряженной борьбы разнородныхъ интересовъ и домогательствъ.

16 іюня 1648 г. царь Алексѣй по совѣту съ патр. Іосифомъ, всѣмъ освященнымъ соборомъ и со своей государевой думой,

рѣшилъ приступить къ большому дѣлу пересмотра, пополненія и кодификаціи дѣйствующаго права съ тѣмъ, чтобы «государево царственное и земское дѣло» утвердить и «на мѣрѣ поставить». Составленіе проекта Уложенія возложено было на комиссію изъ пяти лицъ: бояръ кн. Никиты Ив. Одоевскаго и кн. Сем. Вас. Прозоровскаго, окольничаго кн. Ѳ. Ѳ. Волконскаго и двухъ дьяковъ, Гаврилы Леонтьева и Ѳедора Грибоѣдова. Но къ участію въ дѣлѣ обновленія законодательныхъ нормъ призванъ былъ и земскій соборъ, притомъ такого состава, что преобладаніе на немъ оказалось за средними разрядами населенія служилыми и тяглыми людьми. Чины дворцовые и московскіе дворяне призваны были не поголовно, какъ бывало прежде, а черезъ представителей «изъ чину по два человѣка». Ихъ представители тонули въ массѣ провинціальнаго люда, изъ котораго было призвано до 150 служилыхъ и до 100 тяглыхъ людей. Земскихъ выборныхъ призывали къ обсужденію «великихъ дѣлъ», какія предстояло опредѣлить государевымъ указомъ и соборнымъ уложеніемъ: на земскихъ соборахъ XVII в. они, со временъ патр. Филарета, выступаютъ, преимущественно, какъ ходатаи-челобитчики своихъ довѣрителей-избирателей, чтобы великимъ государямъ «всякія ихъ нужды и тѣсноты и разоренья и всякіе недостатки были вѣдомы», а носители власти могли, «совѣтовавъ по ихъ челобитью, о московскомъ государствѣ промышляти, чтобы во всемъ поправити, какъ лучше». Составъ представительства 1648 года тѣмъ лучше отвѣчалъ этой задачѣ, что, повидимому, строже прежняго былъ выдержанъ его сословный характеръ: среди подписей подъ «Уложенной книгой» не замѣтно выступленія духовныхъ лицъ и служилыхъ людей «въ посадскихъ и уѣздныхъ людей мѣсто», что раньше бывало.

«Новыя статьи» Уложенія отражаютъ на себѣ, въ весьма значительной степени, вліяніе соборныхъ челобитій. Ихъ общій смыслъ подводитъ нѣкоторый итогъ той сословной политикѣ, которая такъ характерна для государственнаго строительства XVI в. и нашла себѣ продолженіе въ дѣятельности сперва Бориса Годунова, затѣмъ патр. Филарета Никитича,—политикѣ, направленной на организацію и обезпеченіе интересовъ среднихъ разрядовъ служилаго класса и торгово-промышленнаго тяглаго люда, какъ главной опоры военныхъ и финансовыхъ силъ государства. Верховная власть беретъ ихъ интересы подъ защиту противъ сильныхъ конкурентовъ—боярства и церкви, узаконяетъ отношенія, сложившіяся въ ихъ пользу, тѣмъ самымъ не только укрѣпляя, но и расширяя значеніе этихъ отношеній. Выполнена въ Уложеніи отмѣна «урочныхъ лѣтъ» для сыска бѣглыхъ крестьянъ, а эти «урочныя лѣта» являлись однимъ изъ способовъ заполненія рабочею силой крупныхъ вотчинъ, боярскихъ и монастырскихъ, за счетъ служилыхъ помѣстій и мелкихъ вотчинъ; возобновленъ запретъ церковнымъ іерархамъ и монастырямъ пріобрѣтать вотчины, чтобы не уменьшался фондъ слу-

жилаго землевладѣнія. По челобитью всѣхъ соборныхъ чиновъ государь повелѣлъ впредь на все духовенство, отъ митрополитовъ и до причта церковнаго и рядовой братьи монастырской, и на всѣхъ слугъ и людей церковныхъ «во всякихъ исцовыхъ искахъ судъ давати въ Монастырскомъ приказѣ», вновь учрежденномъ свѣтскомъ судебномъ мѣстѣ; этимъ дополнялось общее упорядоченіе въ Уложеніи процессуальныхъ порядковъ, проникнутое тенденціей, чтобы «московскаго государства всякихъ чиновъ людямъ отъ большаго и до меньшаго чину судъ и расправа была во всякихъ дѣлахъ всѣмъ ровна».



Начало «Уложенія» 1649 г.
Оригиналъ хранится въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Уложеніе установило, какъ было уже упомянуто, вѣчную крѣпость всего сельскаго населенія землевладѣльцамъ по писцовымъ и переписнымъ книгамъ — вмѣсто прежней крѣпости однихъ дворохозяевъ; внутренній смыслъ этой «крѣпости» сильно огрубѣлъ съ XVI в., и Уложеніе уже разсматриваетъ крѣпостныхъ крестьянъ то какъ имущественную цѣнность, предписывая, въ случаѣ невозможности вернуть бѣглыхъ, брать у провинившагося въ пріемѣ ихъ «такихъ же крестьянъ» для отдачи потерпѣвшему, то какъ господскихъ людей, на которыхъ можно возложить

и личную отвѣтственность за господина, подвергая ихъ въ извѣстныхъ случаяхъ «правежу» за него. Наконецъ Уложеніе отнеслось съ большимъ вниманіемъ къ поземельному праву служилыхъ людей, расширяя ихъ права на помѣстья разрѣшеніемъ мѣны помѣстій и регулировкой обезпеченія осиротѣвшей семьи помѣщика изъ его помѣстной дачи, и тщательно разработавъ рядъ вопросовъ по праву распоряженія вотчинами и наслѣдованія ихъ.

Не меньше вниманія со стороны законодательной власти встрѣтили челобитья посадскихъ общинъ. Царь вступился за своихъ тяглецовъ и велѣлъ взять за себя въ тягло и въ службы безповоротно слободы патріаршія и всѣхъ духовныхъ владѣльцевъ, боярскія и всѣ частновладѣльческія, потому что жившіе тамъ торговые и ремесленные люди промышляли всякими торговыми промыслами, подрывая своей конкуренціей благосостояніе посадскихъ тяглецовъ, а ни государевыхъ податей съ ними не платили, ни службъ не служили; онѣ были «устроены въ рядъ съ тяглыми людьми», въ посадское тягло, равно какъ и тѣ вотчины, села и деревни разныхъ владѣльцевъ, которыя находились около посадовъ. Уложеніе вообще обезпечило посадскихъ людей отъ конкуренціи лицъ, не положенныхъ въ посадское тягло, которыя до того времени часто владѣли по городамъ лавками и вели торговлю. Чтобы сохранить платежныя силы посадскихъ общинъ, оно объявило посады замкнутыми, не разрѣшая тяглецамъ выходить изъ нихъ. Не только тѣ, кто ушелъ въ «закладчики» къ богатымъ людямъ, «избывая тягла», подлежали возвращенію на прежнія свои посадскія мѣста, но запрещенъ и переходъ изъ одной тяглой общины въ другую. Посадскіе тяглецы стали крѣпки своему посаду. Объ этомъ хлопотала болѣе зажиточная часть посадскаго населенія— «лучшіе» люди посадскіе, въ рукахъ которыхъ сосредоточивались главное вліяніе на раскладку податей и повинностей и выборъ на должности старостъ и сотскихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отвѣтственность за податную исправность посада. Замкнутость посада связывала не ихъ, а прежде всего меньшихъ людей, маломочныхъ, которые, чтобы избѣжать тягла, норовили заложиться за сильнаго человѣка, а то и въ холопы уйти къ богатому владѣльцу.

Серебряный ковчегъ, въ которомъ хранится оригиналъ «Уложенія» 1649 г. Сооруженъ по повелѣнію императрицы Екатерины II въ 1767 г.

Въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ.

Тѣ же руководящіе слои торгово-промышленнаго класса принесли на соборъ свои давнія жалобы на развитіе льготъ иноземнымъ купцамъ и добились серьезнаго ограниченія этихъ льготъ, вредно отражавшихся на торговыхъ оборотахъ русскаго купечества.

Не безъ борьбы были добыты эти результаты, шедшіе въ разрѣзъ съ интересами вліятельныхъ общественныхъ верховъ—боярства, приказнаго люда, патріарха, всей церковной іерархіи и монастырскихъ властей. Законченное Уложеніе, утвержденное царемъ въ соединенномъ засѣданіи освященнаго собора и боярской думы, было «чтено» выборнымъ людямъ, «которые къ тому общему совѣту выбраны на Москвѣ и изъ городовъ», для того, «чтобы то все Уложенье впредь было прочно и неподвижно». Государь повелѣлъ патріарху и всему освященному собору, боярской думѣ и всему земскому собору «закрѣпить» уложенный списокъ своими руками, а потомъ списать Уложенье въ книгу, за скрѣпой дьяковъ Леонтьева и Грибоѣдова, съ той книги напечатать многія книги, разослать ихъ по приказамъ и по городамъ и впредь «всякія дѣла дѣлать по тому Уложенью».

Подпись всѣхъ членовъ собора на уложенномъ спискѣ возлагала на нихъ отвѣтственность за его содержаніе передъ русскимъ обществомъ. И выборные люди, прибывъ на соборъ челобитчиками о нуждахъ своихъ сословныхъ группъ и родныхъ гнѣздъ, разъѣзжались смущенные и не безъ тревоги. Они чувствовали, что на мѣстахъ ихъ встрѣтятъ неудовольствіемъ и раздраженіемъ за тѣ «указныя грамоты», которыя они везли домой «съ соборнаго уложенья». Уложенье въ своихъ установленіяхъ стояло на точкѣ зрѣнія государственнаго интереса, которому должны подчиниться всѣ частные и общественные интересы; если въ борьбѣ разныхъ интересовъ оно стало въ рядѣ вопросовъ на сторону опредѣленныхъ общественныхъ группъ, то лишь постольку, поскольку интересы этихъ группъ отвѣчали нуждамъ «государева и земскаго дѣла». И государю пришлось принимать мѣры, чтобы «выборныхъ людей въ городѣхъ воеводы отъ городскихъ людей ото всякова дурна оберегали для того, что у его государева у соборнова уложенья по челобитью земскихъ людей не противъ всѣхъ статей его государевъ указъ учиненъ». Расхожденіе между правительствомъ и обществомъ въ оцѣнкѣ отвергнутыхъ челобитій характерно сказалось въ одной государевой грамотѣ о защитѣ выборнаго человѣка отъ его избирателей, недовольныхъ, что «не о всѣхъ ихъ нужахъ государевъ указъ учиненъ»; тутъ причина ихъ «шума» объяснена такъ: «что онъ на Москвѣ разныхъ ихъ прихотей въ уложеньи не исполнилъ». Къ сожалѣнію, наши источники не сохранили содержанія ходатайствъ, вызвавшихъ столь различную оцѣнку. Но важнѣе другая черта этихъ отношеній: они показываютъ, что призывъ выборныхъ представителей къ столь важному дѣлу, какъ пересмотръ дѣйствующаго права, былъ связанъ въ сознаніи тѣхъ общественныхъ слоевъ,

которые на соборѣ играли главную роль, съ мыслью о вліятельномъ участіи выборныхъ въ законодательной работѣ, объ ихъ обязанности передъ избирателями отстаивать интересы своихъ довѣрителей и добиваться ихъ удовлетворенія. Проявленія такой политической притязательности не замедлили вызвать отпоръ въ правящей средѣ, тѣмъ болѣе, что моментъ политическій осложнялся недовольствомъ общественныхъ верховъ, боярскихъ и церковныхъ, противъ уступокъ, какія имъ пришлось сдѣлать въ пользу среднихъ слоевъ населенія, поступившись частью своихъ преимуществъ. Совокупность этихъ впечатлѣній отъ земскаго собора 1648 — 1649 гг. должна была получить особую остроту въ связи съ тѣмъ «всего міра качаніемъ», какое характерно для общественнаго настроенія тѣхъ лѣтъ; проявленія соціальной розни и оппозиціоннаго духа въ земской средѣ на соборѣ естественно было связать съ тревожнымъ положеніемъ дѣлъ по городамъ, гдѣ происходили вспышки прямого бунта. Выше было упомянуто, какъ, повидимому, неудачно окончилась попытка правительства царя Алексѣя найти въ соборѣ 1650 г. опору для подавленія псковскаго мятежа. Послѣ того верховная власть только дважды созываетъ земскій соборъ по общегосударственному вопросу: принимать ли въ подданство Малороссію и воевать ли за нее съ Польшей? По сохранившимся даннымъ, собственно обсужденія дѣла на этихъ соборахъ и не было. Въ 1651 г. царь Алексѣй повелѣлъ «вычесть королевскія неправды» передъ соборомъ и получилъ отъ духовенства заявленіе, что буде король не дастъ удовлетворенія, то церковь благословитъ царя на разрывъ мирнаго докончанія. А въ 1653 г., судя по соборному акту, выборные, опрошенные «по чинамъ — порознь», только повторили то рѣшеніе боярской думы, какое было имъ сообщено. Въ дальнѣйшей практикѣ правительство предпочитаетъ не соединять «всѣ чины московскаго государства», а обращается порознь то къ служилымъ, то къ торговымъ людямъ, притомъ лишь по вопросамъ спеціальнымъ, для рѣшенія которыхъ нужна профессіональная опытность. О томъ, что тутъ дѣйствовали мотивы болѣе сложные, чѣмъ простое практическое удобство, свидѣтельствуютъ событія, разыгравшіяся въ 1660-хъ гг., въ связи съ тяжелымъ экономическимъ кризисомъ, который былъ вызванъ неудачной финансовой политикой правительства.

III.

Попытки приступить къ преобразованію податной системы не дали благопріятныхъ результатовъ ни въ началѣ царствованія царя Алексѣя, ни во все его теченіе. Отступивъ передъ перестройкой прямого обложенія на основѣ подворной переписи, потерпѣвъ неудачу съ соляной пошлиной, правительство въ 50-хъ годахъ сдѣлало лишь двѣ рѣшительныхъ попытки упорядочить косвен-

ное обложеніе. Въ 1652 г. отмѣнены были винные откупа и продажа вина въ кружечныхъ дворахъ стала строгой казенной монополіей въ завѣдываніи вѣрныхъ головъ и цѣловальниковъ; черезъ годъ сдѣланъ былъ опытъ объединенія ряда мелкихъ таможенныхъ сборовъ, съ какими связана была внутренняя торговля, и замѣны ихъ одною пошлиной въ 10% съ продажной цѣны; но провести въ жизнь эту мѣру и развить ее полнѣе удалось лишь много позднѣе въ Новоторговомъ уставѣ 1667 г. Государственное хозяйство оставалось въ состояніи весьма хаотичномъ, а между тѣмъ начало продолжительной борьбы за Малороссію потребовало чрезвычайнаго финансоваго напряженія. Тогда правительство рѣшилось прибѣгнуть къ монетной операціи, которая показалась способною доставить значительныя средства. Не удовлетворяясь искусственнымъ курсомъ серебряныхъ ефимковъ, которые стоили 40 — 42 к., а переливались въ рубли или получали клеймо, придававшее имъ цѣнность рубля, въ 1656 г., по проекту, который приписываютъ боярину Ѳ. М. Ртищеву, прибѣгли къ выпуску мѣдныхъ денегъ, по формѣ и величинѣ равныхъ серебрянымъ; за ними признана была и номинальная стоимость серебряныхъ. Это было своеобразной кредитной операціей, ничѣмъ, однако, не обезпеченной, тѣмъ болѣе, что само правительство недолго принимало новыя деньги въ уплату казенныхъ сборовъ, а скоро стало при такихъ уплатахъ требовать серебра, частью или даже полностью. Серебро люди начали копить, а еще быстрѣе уходило оно въ руки иноземцевъ. Увлеченіе выпускомъ мѣдной монеты, которая на первыхъ порахъ пошла успѣшно въ ходъ, и чрезвычайное развитіе легкой поддѣлки, которая производилась на самомъ государевѣ монетномъ дворѣ, бывшемъ въ вѣдѣніи тестя царскаго И. Д. Милославскаго, чеканившаго много денегъ для себя лично, скоро привели къ паникѣ, невѣроятному росту цѣнъ на всѣ товары и такому упадку мѣдной монеты, что къ 1663 г. за 12 — 15 рублей мѣдныхъ неохотно давали рубль серебра. Тяжелый кризисъ поразилъ русскую торговлю, острая нужда переживалась всѣми, кто имѣлъ на рукахъ новую, обезцѣненную монету. Весною 1662 г. московская толпа поднялась на тѣхъ, кого считала виновниками всѣхъ бѣдъ, на Милославскихъ и Ртищева.

Опять, какъ въ 1648 г., возбужденная толпа пошла въ подмосковное село Коломенское, гдѣ находился тогда царь, бить челомъ на «измѣнниковъ». Онъ самъ вышелъ къ народу, обѣщалъ прибыть въ Москву и разобрать дѣло, даже по рукамъ ударилъ съ однимъ изъ «гилевщиковъ». Но въ столицѣ начался уже погромъ, толпа вернулась къ царю, сугубо возбужденная, и дѣло кончилось разгромомъ ея оружіемъ царскихъ стрѣльцовъ; началась суровая расправа, многихъ казнили и сослали. Москва утихла, но медлить съ разрѣшеніемъ дѣла о новыхъ деньгахъ было невозможно. Искать выхода правительство начало задолго до бунта. Оно обращалось за совѣтомъ къ торговымъ людямъ московскимъ, но тутъ встрѣтило

единодушный отвѣтъ: «о томъ мы нынѣ одни сказать подлинно недоумѣемся, — для того, что то дѣло всего государства всѣхъ городовъ и всѣхъ чиновъ, и о томъ у великаго государя милости просимъ, чтобы пожаловалъ великій государь, указалъ для того дѣла взять изо всѣхъ чиновъ на Москвѣ и изъ городовъ лучшихъ людей по 5 человѣкъ, а безъ нихъ намъ однимъ того великаго дѣла на мѣрѣ поставить невозможно». Имъ вторили люди суконной сотни, черныхъ сотенъ и слободъ московскихъ; всѣ находили, что безъ собора «изо всякихъ чиновъ и изъ городовъ» нельзя имъ «о мѣдныхъ деньгахъ сказать и ихъ на мѣрѣ поставить, что имъ быть или перемѣнить», потому что «то дѣло всего государства». Однако правительство царя Алексѣя не нашло нужнымъ собирать земскій соборъ, видимо не раздѣляя мысли, что дѣло собора «поставить на мѣрѣ» важный государственный вопросъ, вызвавшій столько волненій и тяжелой нужды. Оно само ликвидировало дѣло рѣшительнымъ признаніемъ банкротства: запретило обращеніе мѣдныхъ денегъ, предоставляя ихъ владѣльцамъ либо переливать ихъ въ простую мѣдь, либо сбывать въ казну по 10 денегъ за рубль, то-есть за одну двадцатую ихъ нарицательной стоимости, что, конечно, весьма многихъ разорило и глубоко пошатнуло народное хозяйство.

IV.

Роль земскихъ соборовъ въ исторіи московской государственности оказалась временной и подчиненной. Въ XVI в. они смѣнили прежнія совѣщанія великихъ князей, куда въ особо важныхъ случаяхъ призывались, кромѣ духовнаго чина и думныхъ людей, всѣ, сравнительно съ ними второстепенные, служилые люди, занимавшіе должности по великокняжескому управленію; смѣнили въ ту пору, когда новая организація управленія при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ передала завѣдываніе силами и средствами страны въ руки «чиновъ» служилаго и торгово-промышленнаго, раздѣленныхъ на разряды по степени ихъ государственной полезности. Призывъ «всѣхъ чиновъ московскаго государства» къ разрѣшенію важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ имѣлъ смыслъ совѣщанія верховной власти съ органами, управлявшими «дѣломъ государевымъ и земскимъ», но получилъ особое значеніе въ «безгосударное» время Смуты, когда общественное содержаніе «чиновной» структуры служилаго и тяглаго населенія взяло верхъ надъ ея служебно-административнымъ назначеніемъ. Старая форма послужила органомъ общественной самодѣятельности при возстановленіи государства и общественнаго порядка. При новой династіи усиленіе воеводской власти быстро разрушаетъ живую силу мѣстныхъ организацій, объединеніемъ которыхъ были «совѣты всей земли». Въ центрѣ земскіе соборы остаются опорой власти въ созидательной работѣ

и выясненіи положенія страны; но ихъ выборные элементы быстро сходятъ до положенія «свѣдущихъ людей» и челобитчиковъ о нуждахъ своихъ сословныхъ группъ. Правительство обсуждаетъ съ ними способы упорядочить службы, повинности и платежи населенія, укрѣпить имущественное положеніе разныхъ его разрядовъ, ради исправности ихъ передъ требованіями «государева и земскаго дѣла». Но эти вопросы неразрывно связаны съ основными задачами всего государственнаго управленія, и по логикѣ вещей передъ земскими соборами власть верховная ставитъ важнѣйшія проблемы законодательства и внѣшней политики. Однако въ XVII в. смыслъ этихъ совѣщаній иной. Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича рѣзкое усиленіе приказной власти въ центральномъ и областномъ управленіи противопоставило «чинамъ московскаго государства» крѣпкую систему бюрократическихъ органовъ верховной власти, отодвинувъ ихъ отъ практическихъ задачъ государственнаго управленія. На земскихъ соборахъ 40-хъ годовъ XVII в. раздается критика приказнаго управленія и дѣятельности правящихъ верховъ, слышатся заявленія сословныхъ требованій, замѣчается стремленіе къ законодательной иниціативѣ, потому что постановка «на мѣрѣ» государственнаго дѣла сознается какъ «дѣло всего государства и всѣхъ городовъ и всякихъ чиновъ людей». Судьба земскихъ соборовъ была рѣшена той точкой зрѣнія московской власти, какую внушалъ офиціальный отвѣтъ псковскимъ челобитчикамъ 1650 года: «холопы государевы и сироты великимъ государямъ никогда не указывали».

Такъ, земскій соборъ 1648—1649 гг., созванный для великаго дѣла умиротворенія страны, начатаго избирательнымъ соборомъ 1613 г., привелъ къ выясненію глубокихъ политическихъ и соціальныхъ противорѣчій, обусловившихъ тревожную исторію дальнѣйшихъ десятилѣтій. А соціальные результаты его законодательной работы лишь углубили причины броженія закрѣпощаемой народной массы, которую отдали въ жертву интересамъ служилаго землевладѣнія. Результатомъ государственнаго строительства первой половины XVII в. оказывался крайне напряженный строй общественныхъ отношеній. Соборное Уложеніе завершило развитіе этого строя, охватившаго «крѣпостью» всѣ разряды населенія. Работа надъ укрѣпленіемъ расшатаннаго государственнаго порядка въ соединеніи съ упорной, почти непрерывной борьбой съ внѣшними врагами, требовала огромнаго напряженія народныхъ силъ, а страна, разоренная, скудная и матеріальными и культурными средствами, могла удовлетворять требованія «государева и земскаго дѣла» лишь съ крайними усиліями. Сосредоточеніе всѣхъ этихъ силъ и средствъ въ распоряженіи неограниченной власти опредѣлилось какъ политическая необходимость для московскаго государства XVII в. не въ меньшей степени, чѣмъ въ XV и XVI столѣтіи въ эпоху созиданія этого государства Рюри-

ковичами. И то же основное противорѣчіе средствъ и потребностей государственныхъ обусловило закрѣпощеніе трудовой народной массы государеву тяглу и служилому землевладѣльцу, являвшемуся соціально-экономическою базою всего московскаго государственнаго зданія. Общественные низы, на которыхъ все тяжелѣе ложилась тягота этого строя, всколыхнулись въ Смутное время, выбитые изъ суровой бытовой колеи экономическимъ кризисомъ и государственной разрухой. Возстановленіе порядка возвращало ихъ въ прежнее состояніе зависимости и кабалы, но проводимое строже и осложненное полной безвыходностью. Но въ то же время заново открылся путь въ вольный просторъ Поволжья и Дона. Правда, колонизаціонное движеніе на востокъ и юго-востокъ было соединено съ большими трудностями. Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XVII в. за Волгой неспокойно отъ калмыковъ и ногаевъ; но въ 50-хъ — сооружена укрѣпленная «Закамская черта» и заселеніе закамскихъ земель быстро увеличилось; такую же роль колонизаціонной опоры сыграла на правомъ берегу черта Симбирская. Въ 60-хъ гг. новые поселки идутъ все смѣлѣе на югъ отъ нея и на западъ; какъ центръ обороны тутъ возникаетъ Пенза. Колонизація всѣхъ этихъ мѣстностей идетъ при дѣятельномъ участіи московской власти, которая раздаетъ тутъ земли служилому люду, русскому и даже инородческому; «крѣпость» землевладѣльческая и тягло государево нагоняютъ переселенца. Но все-таки на новыхъ мѣстахъ легче сидѣть на льготѣ, легче и уйти дальше на югъ, куда властная рука не достаетъ. Крестьяне, холопы, посадскіе меньшіе люди, уходя «на низъ», создаютъ быстрый ростъ поволжской вольницы въ царствованіе царя Алексѣя, а Донъ оказывается даже перенаселеннымъ, въ результатѣ чего является размноженіе «голутвеннаго» казачества донского. Сюда, на Донъ и нижнюю Волгу, ушли остатки «воровскихъ» шаекъ изъ московскаго государства, когда возрождавшаяся государственность вытѣснила ихъ съ сѣвера. Сюда принесли они безпокойную память о томъ, какъ можно было «тряхнуть Москвой». Тутъ съ году на годъ накоплялось все больше горючаго матеріала, и въ 70-хъ годахъ вспыхнулъ грозный бунтъ Разина.

Бунтъ Степана Разина начался воровскимъ «походомъ» казачьей «голытьбы», который только размѣрами и смѣлостью размаха отличался отъ частыхъ разбойничьихъ предпріятій такого рода. Начавъ съ разбоя на Волгѣ, Разинъ прошелъ въ Каспійское море, пограбилъ персидскіе берега и вернулся на Донъ съ добычей и славой лихого атамана. Набравшись силы и вліянія, Разинъ поднялъ толпу бѣглой голытьбы на бунтъ противъ московскихъ властей. Этотъ лозунгъ и далъ ему ту силу, которая сдѣлала его имя столь популярнымъ въ народной массѣ. Захватъ Астрахани въ 1670 г., затѣмъ всего Поволжья до Симбирска обратилъ бунтъ въ крупное и грозное явленіе. Истребляя воеводъ и приказныхъ людей, помѣщиковъ и всякихъ «владущихъ», бун-

товщики сжигали съ проклятіемъ бумаги приказнаго дѣлопроизводства, какъ москвичи въ 1648 г. уничтожали съ особой яростью купчія и всякіе крѣпостные акты въ разграбленныхъ боярскихъ домахъ. На мѣсто воеводскаго управленія Разинъ ставилъ управленіе казацкаго типа. Все это придало его бунту характеръ движенія, направленнаго противъ ненавистнаго народной массѣ приказнаго управленія и крѣпостного строя. По мѣрѣ успѣховъ Разина силы его росли отъ притока крестьянской и посадской земщины, поднялись и волжскіе инородцы. Имя Разина стала повторять чернь по городамъ внутреннихъ областей, въ самой столицѣ послышались снова воровскія рѣчи. Но Разинъ остался казакомъ, которому стеченіе условій историческаго момента навязало роль вождя соціальнаго движенія, по существу ему чуждаго. Не случайно удача покинула его, какъ только онъ оказался во главѣ не казачьихъ шаекъ, а значительной земской силы. При первомъ пораженіи отъ войскъ кн. Барятинскаго, далеко не рѣшительномъ, онъ бросилъ крестьянъ-бунтарей на произволъ судьбы, а самъ бѣжалъ съ казаками на Донъ и былъ выданъ Москвѣ домовитымъ казачествомъ, которое не прочь было снабжать голытьбу боевыми припасами и подѣлиться съ нею добычей, но и боялось ея. Послѣ казни Разина движеніе стало затихать и было подавлено, оставивъ по себѣ память въ народныхъ пѣсняхъ и преданіяхъ Поволжья. Размахъ этого бунта показалъ наглядно, какъ много еще предстоитъ организаціоннаго труда для водворенія русской государственности и гражданственности на всемъ юго-востокѣ. Боевое положеніе московской власти на этихъ окраинахъ долго еще поглощало немало силъ, отвлекая ихъ отъ спокойной внутренней работы и увеличивая сложность и напряженность ея задачъ.

V.

Общее состояніе московскаго государства дѣлаетъ понятнымъ то направленіе, въ какомъ шло при царѣ Алексѣѣ развитіе государственной власти. Московское самодержавіе переживаетъ при немъ время своего расцвѣта наканунѣ перехода въ обновленную иными вліяніями императорскую власть его великаго сына. Высоко стояла царская власть въ сознаніи ея вѣнчаннаго носителя и общества московскаго надъ страной, взволнованной сложными противорѣчіями своего быта и строя. Долго шедшая объ руку съ родословнымъ боярствомъ и связанная обычной стариной и пошлиной, власть царская освободилась отъ этихъ связей въ бурные годы царя Іоанна и «великой разрухи». Возрожденная силами среднихъ разрядовъ населенія, людей служилыхъ и тяглыхъ—посадскихъ, она въ серединѣ XVII в. отдѣляетъ свое пониманіе «государева и земскаго дѣла» отъ ихъ «земскаго совѣта». Открытъ путь для

установленія чистаго абсолютизма, опирающагося въ дѣлахъ управленія на приказную бюрократію, органъ личной царской власти. 50-е года XVII в. — время, когда дѣятельность царя Алексѣя опредѣленно вступаетъ на этотъ путь.

Царь Алексѣй Михайловичъ вынесъ нелегкій опытъ изъ перваго пятилѣтія своего царствованія. Онъ видѣлъ хищную корысть довѣренныхъ лицъ, испыталъ жуткую и обидную встрѣчу съ раздраженной толпой. Мужества на разрывъ со средой, запятнавшей себя лихоимствомъ и произволомъ, у него не хватило: Милославскіе остались въ силѣ, да и не они одни. Но царь ищетъ теперь новыхъ сотрудниковъ, умѣетъ поддержать кн. Н. И. Одоевскаго, А. Л. Ордина-Нащокина и др., направлявшихъ государственную работу на болѣе содержательный и творческій путь. Вокругъ него нѣтъ готоваго правительственнаго круга; ему и возможно и нужно самому подбирать сотрудниковъ.

Аристократическій укладъ боярской думы былъ сломленъ бурями эпохи казней и Смутнаго времени. Новая династія сама себѣ создавала свой боярскій совѣтъ, лишь отчасти, по традиціи, считаясь съ вниманіемъ къ «родословнымъ» людямъ. Царь Алексѣй былъ воспитанъ въ уваженіи этихъ традицій и вполнѣ признавалъ, что боярская честь по отечеству — честь вѣчная, но суть ея, для него, не въ какихъ-либо особыхъ правахъ, а въ долгѣ «родословныхъ» людей отличаться отъ «худыхъ, обышныхъ людишекъ» «въ страхѣ Божіемъ и государевомъ». Бояре болѣе другихъ «государевы люди» и боярская честь «совершается» на дѣлѣ въ мѣру служебной заслуги; бываетъ и такъ, что иные, у кого родители въ боярской чести, а сами и по смерть свою не пріемлютъ этой чести; другіе же, много лѣтъ проживъ безъ боярства, подъ старость взводятся въ ту боярскую честь. Непристойно поэтому боярамъ хвалиться, что та ихъ честь породная, и крѣпко на нее надѣяться, а благодарить надо Бога, если Онъ за ихъ службу обратилъ къ нимъ сердце государево во всякой милости.

Эта теорія, развитая царемъ Алексѣемъ въ перепискѣ съ близкими ему лицами, вполнѣ отвѣчала дѣйствительнымъ отношеніямъ его времени. Боярство XVII в. ближе по типу къ вельможнымъ верхамъ «случайныхъ» людей XVIII столѣтія, чѣмъ къ своимъ историческимъ предкамъ временъ старой династіи. Мало въ его рядахъ кровной знати. Зато оно доступно не только людямъ «меньшихъ родовъ», но даже приказнымъ дѣльцамъ и простымъ провинціальнымъ дворянамъ, вовсе не родословнымъ, но возвышеннымъ царскою милостью и собственною выслугой. Боярская дума царей Михаила и Алексѣя—чиновный и сановный совѣтъ при государѣ, далекій отъ того, чтобы имѣть собственный общественный вѣсъ, свои традиціи и притязанія. Лишенная какого-либо опредѣленнаго сословнаго отпечатка, она покорное орудіе верховной власти. Современники отмѣтили упадокъ вліянія

боярской думы при царѣ Алексѣѣ: «какія великія и малыя своего государства дѣла похочетъ по своей мысли учинити, — пишетъ Котошихинъ, — съ боярами и съ думными людьми, спрашивается о томъ мало; въ его волѣ: что хочетъ, то учинити можетъ». Падаетъ и значеніе боярскаго сана. Цари XVII в. раздаютъ его гораздо щедрѣе, чѣмъ бывало въ старину. Боярство растетъ количественно, но теряетъ въ политическомъ и соціальномъ вѣсѣ. Оно уже не является настолько опредѣленной общественной группой, чтобы собраніе «бояръ всѣхъ» оставалось факторомъ государственной жизни. Его созываютъ на торжественныя церемоніи дворцоваго обихода, на земскіе соборы, но значеніе государева совѣта перешло въ годы царя Алексѣя къ болѣе тѣсному кругу «ближней думы». Ея полный составъ — «бояре комнатные всѣ» — то учрежденіе, которое создаетъ «боярскіе приговоры» XVII вѣка; само ея названіе «комнатной» оттѣняетъ ея характеръ придворнаго, личнаго царскаго совѣта, гдѣ, по словамъ Котошихина, «бываютъ тѣ бояре и окольничіе ближніе, которые пожалованы изъ спальниковъ или которымъ приказано бываетъ приходити». Но царь Алексѣй далеко не всѣ дѣла обдумывалъ и рѣшалъ даже съ этой «ближней», «комнатной» думой. Возлѣ него видимъ постоянно отдѣльныхъ лицъ, довѣренныхъ наперсниковъ, по своему чину даже не думныхъ людей, съ которыми онъ думалъ свою «тайную» думу. Подвижная и увлекающаяся натура часто толкала царя на личное вмѣшательство не въ общіе только вопросы государственной жизни, но и въ детали того или иного дѣла, крупнаго или мелкаго, государственнаго или частнаго, церковнаго или дворцоваго; личная дѣятельность царя была настолько обширна и разнообразна, что въ 50-хъ гг. возникъ для нея спеціальный органъ «Приказъ великаго государя тайныхъ дѣлъ». Этотъ приказъ выросъ изъ личной канцеляріи государя и до конца носилъ черты того, что въ XVIII в. назвали бы «кабинетомъ Его Величества». Извѣстно, какъ царь Алексѣй любилъ писать, лично излагать свои мысли и намѣренія, поддерживалъ много оживленныхъ сношеній. Его обширная переписка не все автографы, иной разъ грамотки писались подьячьей рукой, а царь правилъ и приписки дѣлалъ. Содержаніе этой переписки то чисто личное, частное, то она служитъ средствомъ царскаго воздѣйствія на бояръ, воеводъ, представителей церкви въ вопросахъ государственнаго правленія. Царская канцелярія постепенно выросла въ цѣлый «приказъ», занявшій особое, исключительное положеніе въ государственной администраціи, какъ органъ личной верховной власти. Онъ остался учрежденіемъ дворцовымъ, помѣщаясь въ «царскихъ хоромахъ». Сохраняя завѣдываніе личной перепиской царя, онъ такъ разросся въ своей дѣятельности, что она пестрыми и разнообразными нитями вплелась въ общей ходъ управленія. Значительна была его роль въ дворцовомъ хозяйствѣ, тѣмъ болѣе, что царь Алексѣй и любилъ и умѣлъ

хозяйничать. Тайный приказъ вѣдалъ его личные расходы и управленіе «собинными» имѣніями государя, его «потѣшными» и иными селами, выдѣленными особымъ интересомъ и вниманіемъ Алексѣя Михайловича изъ общей массы дворцоваго землевладѣнія; приказъ этотъ вѣдалъ нѣкоторыми изъ царскихъ заводовъ и промысловыхъ предпріятій, закупкой и продажей царскихъ товаровъ, дѣлами царской благотворительности. Приказъ по всѣмъ этимъ дѣламъ стоялъ подъ непосредственнымъ руководствомъ государя, у котораго былъ въ его «палатахъ» свой «столъ»; личный составъ приказа былъ хорошо извѣстенъ царю Алексѣю, подбирался по испытанному довѣрію. Естественно сталъ этотъ приказъ центромъ всѣхъ отношеній, какія вытекали изъ воззрѣній московскаго общества и самого царя Алексѣя на личную роль государя въ государственной жизни. По воззрѣніямъ этимъ царь стоитъ не во главѣ правительственной администраціи, а внѣ ея и надъ ней. Какъ помазанникъ Божій, онъ призванъ быть источникомъ не права только, а всякой правды, милости и справедливости. Устанавливая своей властью законы и распорядки, которымъ всѣ обязаны безусловно повиноваться, самъ онъ руководитъ дѣятельностью государственнаго механизма, не связанный ея формальнымъ строемъ и внѣшними нормами. Пусть самъ онъ въ человѣческой ограниченности не достоинъ быть на землѣ «солнцемъ великимъ или хотя малымъ свѣтиломъ», но «сердце царево въ руцѣ Божіей» и въ дѣлѣ «Божіемъ и государевомъ». когда нужно, «Богъ царя извѣститъ». И самъ онъ, и его подвластные обязаны крѣпко вѣрить въ особое руководительство царской волей, государевымъ смотрѣніемъ свыше. Развитіе приказной системы управленія только по видимости давало въ руки носителя верховной власти органъ, предназначенный быть покорнымъ исполнителемъ царскихъ предначертаній. Учрежденія приказнаго типа росли и по числу, и по значенію, получая характеръ самостоятельной силы, со своими интересами и традиціями, къ которымъ и населеніе и царь Алексѣй Михайловичъ одинаково относились съ справедливымъ негодованіемъ. Съ рѣзкимъ укоромъ поминалъ царь Алексѣй «московскую волокиту» и «злохитренныя московскія обычья», въ корень искажавшіе царское «разсужденіе въ правду». Онъ стремился быть не главою только, а и душой управленія, а видѣлъ и чуялъ, что оно идетъ своими путями, ускользая отъ его подлиннаго руководства и наблюденія. Оставалось одно: опираться на преданныхъ, хорошо знакомыхъ надежныхъ людей и давать своею властью, личнымъ вмѣшательствомъ внѣ порядковъ приказнаго строя опору нарушенной правдѣ и государственной пользѣ. Царь Алексѣй беретъ на себя, по отношенію къ боярамъ, природнымъ слугамъ своимъ, роль наставника, воспитателя, и ищетъ въ нихъ сотрудниковъ, на которыхъ можно бы положиться, потому что они съ нимъ связаны искренней духовной связью; не формальной службы требуетъ онъ отъ нихъ, а преданности лич-

ной, сердечной; всего дороже ему «ихъ нелицемѣрная служба и послушаніе и радость къ нему», и онъ «съ милостью не вскорѣ приразится» къ тому, кто ему «не со всѣмъ сердцемъ станетъ работать»; не только личныя посланія, но и офиціальныя грамоты царя къ боярамъ и воеводамъ обильны религіозно-нравственными наставленіями, нарушеніе которыхъ—по убѣжденію царя—источникъ всѣхъ неудачъ въ дѣлахъ и неправеднаго ихъ теченія.

На себя царь Алексѣй часто беретъ разсмотрѣніе и вершенье, наблюденіе и постановку разныхъ дѣлъ, внѣ обычнаго установленнаго порядка, по личному своему усмотрѣнію. Кругъ такихъ дѣлъ, поступавшихъ въ Тайный приказъ, въ личное вѣдѣніе царя и его довѣренныхъ людей, опредѣлялся весьма разнообразными мотивами. Въ ихъ составъ могло войти всякое дѣло, которое стало извѣстно царю тѣмъ или инымъ путемъ и привлекло къ себѣ его живое вниманіе. Во время польской войны и всего малороссійскаго дѣла Тайный приказъ иногда конкурировалъ съ Разрядомъ и приказомъ Посольскимъ въ полученіи «отписокъ» о ходѣ дѣлъ и сообщеніи царскихъ распоряженій и инструкцій; иногда новшества, вводимыя на Руси по иноземному образцу, вѣдались въ Тайномъ приказѣ, пока царь лично слѣдилъ за ихъ развитіемъ; такова была, напр., судьба «гранатныхъ дворовъ», впервые налаживавшихъ изготовленіе гранатъ, или организація почтоваго сообщенія съ Западомъ черезъ Литву и Курляндію; черезъ Тайный приказъ проявлялся царскій починъ въ вызовѣ изъ-за границы мастеровъ-рудознатцевъ и направленіе розысковъ разной руды и залежей цѣнныхъ горныхъ породъ. Въ эпоху исправленія церковныхъ книгъ интересъ царя Алексѣя къ этому дѣлу сказался въ томъ, что въ Тайномъ приказѣ сосредоточенъ былъ значительный запасъ книгъ новой печати для раздачи по монастырямъ и церквамъ и даже отдѣльнымъ лицамъ въ видѣ царскаго пожалованія.

Обширнѣе и цѣльнѣе по характеру своему была дѣятельность Тайнаго приказа, вызванная непрерывнымъ притокомъ челобитій и извѣтовъ, обращенныхъ къ государю. Воззрѣніе на царя, какъ на верховнаго блюстителя правды и справедливости, побуждало многихъ тянуться къ нему со своими обидами и просьбами, призывая его къ вмѣшательству въ свое дѣло, либо безнадежно запутанное «московской волокитой» и произволомъ «сильныхъ» людей, либо попавшее въ положеніе, которое не соотвѣтствовало интересамъ даннаго лица и его понятіямъ о справедливости. Недовѣріе населенія къ приказнымъ учрежденіямъ сильно тормозило утвержденіе производства всѣхъ дѣлъ въ установленномъ порядкѣ съ соблюденіемъ соотвѣтственныхъ инстанцій. Тщетно грозило Уложеніе батогами или тюрьмой всѣмъ, кто нарушитъ правило: «не бивъ челомъ въ приказѣ, ни о какихъ дѣлахъ государю никому челобитенъ не подавати». Направить дѣло мимо приказовъ и ихъ «волокитнаго» порядка было главной задачей челобитчиковъ. Въ Тайномъ

приказѣ дѣла велись «безъ мотчанія», самыя формы письменнаго производства были въ немъ короче и проще, а часто оно замѣнялось устными сношеніями; дѣйствуя царскимъ именемъ, приказъ умѣлъ торопить и другихъ, требуя «отписокъ» и исполненія, «не замотчавъ и часу, безъ московской волокиты». Разсылаемые изъ Тайнаго приказа указы писались обычно «государевымъ именемъ» и имѣли силу царскихъ повелѣній. Кромѣ того, челобитья «выписывались» на докладъ самому царю, который въ рѣшеніяхъ не былъ стѣсненъ буквой закона. Правда, царь Алексѣй обычно основывалъ ихъ на Уложеніи и указныхъ статьяхъ или на бывшихъ «примѣрахъ». Но принципіально формальнаго отношенія къ основанію «вершенія» не предполагалось, разъ въ дѣло вступала царская власть. Передъ нею—по воззрѣніямъ самого царя Алексѣя—никто ни на что правъ и не имѣлъ; ихъ признаніе и осуществленіе — дѣло царской милости и усмотрѣнія. Можно было получить отказъ на справедливое домогательство, если оно принимало видъ обиженной требовательности: «хотя и довелось было дать жалованье,—гласила въ такомъ случаѣ резолюція,—а за то, что билъ челомъ невѣжливо и укоромъ, отказать во всемъ». Можно было, затронувъ чувства царя-вершителя, и милость неуказную снискать внѣ общаго порядка и какого-либо предварительнаго производства. По временамъ частные случаи, вскрытые въ челобитныхъ, указывали на общіе недостатки установленнаго порядка, на неполноту или несправедливость существующихъ узаконеній, и вызывали царя на изданіе указовъ общаго значенія, въ отмѣну, измѣненіе и развитіе прежнихъ. Въ этомъ отношеніи рядомъ съ челобитными дѣйствовали «извѣты», получившіе большое распространеніе въ XVII вѣкѣ. Верховная власть относилась къ нимъ съ большимъ вниманіемъ, какъ только они давали указанія на «поруху» государственнаго интереса, на злоупотребленія должностныхъ лицъ, на провинности противъ государевой чести и безопасности. Извѣты вызывали царя то на указную дѣятельность, то на прямое руководящее вмѣшательство — личное или черезъ довѣренныхъ людей, то на строгій розыскъ. Изъ Тайнаго приказа не только исходили предписанія, но посылались и полномочныя лица, для разслѣдованія, собранія свѣдѣній, выполненія предписанныхъ мѣропріятій. Иныя дѣла брались изъ вѣдѣнія приказныхъ учрежденій въ Тайный приказъ и тѣмъ направлялись въ исключительномъ порядкѣ производства; другія ставились подъ его бдительное наблюденіе. Значительна была розыскная дѣятельность приказа, то въ формѣ прямого назначенія слѣдствія и руководительства имъ, при чемъ дѣло и вершилось по докладу государю, то въ видѣ частичнаго вмѣшательства по дѣламъ, которыя производились въ другихъ учрежденіяхъ. Такъ разнообразная и пестрая работа Тайнаго приказа отражала личные интересы и настроенія царя Алексѣя, служа ему средствомъ надзора, руководства и почина въ дѣлѣ упра-

вленія, суда и законодательства. Перекрещиваясь различными путями съ дѣятельностью общихъ государственныхъ учрежденій, она по существу ничѣмъ ее не нарушала, если не считать теченія отдѣльныхъ вопросовъ и процессовъ. Тайный приказъ стоялъ въ полной мѣрѣ внѣ общаго административнаго строя, какъ органъ личной царской власти.

Въ этой сферѣ царь работалъ съ небольшимъ кругомъ болѣе довѣренныхъ лицъ. А рядомъ, подъ тѣмъ же, но менѣе активнымъ и дѣйствительнымъ царскимъ руководствомъ, развивалась дѣятельность центральныхъ приказовъ по текущимъ приказнымъ дѣламъ, административнымъ, финансовымъ и челобитчиковымъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше вырабатывается самодовлѣющій строй этихъ приказныхъ учрежденій, и выясняется положеніе боярской думы болѣе широкаго, чѣмъ комнатная государева дума, состава, какъ вершины этого строя. Уложеніе опредѣляетъ «бояромъ и окольничимъ и думнымъ людемъ сидѣти въ палатѣ и по государеву указу государевы всякія дѣла дѣлати вмѣстѣ» по докладамъ изъ приказовъ, а въ 1669 г. опредѣлены и дни, когда какому приказу «къ бояромъ въ Золотую палату дѣла вносить къ слушанію и вершенію». Притомъ уже во времена царя Алексѣя замѣтна тенденція этой большой думы боярской къ диференціаціи на рядъ спеціальныхъ органовъ верховнаго управленія, своего рода комитетовъ-приказовъ, уполномоченныхъ вѣдать опредѣленныя группы судебныхъ и административныхъ функцій,—тенденція, замѣтно усилившаяся къ концу столѣтія. Этимъ двумъ порядкамъ верховнаго управленія, личному и бюрократическому, предстояло долгое развитіе; сложная борьба ихъ началъ наполняетъ XVIII вѣкъ и всю первую половину XIX, опредѣляя своимъ взаимоотношеніемъ исторію русской государственной администраціи. Въ идеѣ обѣ системы должны были служить одной и той же задачѣ верховной власти: опекѣ надъ народною жизнью и творческому воздѣйствію на нее. Общее состояніе страны и государства ставило много острыхъ вопросовъ, неуклонно толкая государственную власть по пути большого расширенія ея задачъ. Эта черта русской жизни XVII в. привела, въ концѣ-концовъ, послѣ ряда частичныхъ и не смѣлыхъ опытовъ, къ всеобъемлющей преобразовательной дѣятельности Петра Великаго. Но ни личныя свойства его отца, ни культурно-историческій моментъ, котораго царь Алексѣй былъ питомцемъ и выразителемъ, не соотвѣтствовали задачамъ широкой и боевой реформы, хотя острота нуждъ государственныхъ и въ то время уже звала на исканіе новыхъ и творческихъ путей властнаго руководства судьбами страны. Въ ряды искателей новизны въ постановкѣ государственныхъ задачъ и пріемовъ управленія этихъ «предшественниковъ Петра Великаго» нельзя поставить царя Алексѣя. Его міровоззрѣніе завершаетъ идеологію русскаго средневѣковья, согрѣвъ его и ожививъ искренностью сердечнаго убѣжденія и вдум-

чивою личной мыслью. Въ немъ эта идеологія московскаго царства, освобожденная при новой династіи отъ прежней примѣси удѣльно-вотчинныхъ принциповъ, развернулась богато и содержательно, но уже въ ту пору, когда рушились основы вскормившей ее культуры, а русская жизнь бродила, бурно пробиваясь къ иному будущему. Царь Алексѣй боролся съ частичными проявленіями бытового зла, которое всегда выступаетъ особенно рѣзко и грубо въ эпохи общественныхъ кризисовъ, но мечталъ одолѣть его, поставивъ «на мѣрѣ», «прочно и неподвижно» основы сложившихся порядковъ и отношеній. Гарантій живому достоинству этихъ «мѣрности» и «благочинія» онъ искалъ въ преобразованіи не порядка, а людей, призывая своихъ «владущихъ» слугъ «внутрь себя притти», къ «чистотѣ сердечной» и «радостному послушанію». Глубокая религіозность была одной изъ основныхъ чертъ его натуры, и назрѣвшее въ его время стремленіе къ церковной реформѣ нашло у него горячій откликъ и сознательную поддержку. Въ установленіи строгой и чинной обрядности, соединенной съ искреннимъ чувствомъ вѣры и осмысленнымъ пониманіемъ художественныхъ символовъ обряда, въ углубленіи связи религіозно-нравственныхъ идей церковнаго ученія съ житейской практикой,—словомъ, въ идеалахъ современныхъ «ревнителей благочестія» царь Алексѣй нашелъ опору, а частью,— и источникъ тѣхъ воззрѣній, какими осмыслялась для него вся жизнь, и личная и общественная. Съ другой стороны, весь складъ его понятій о достоинствѣ и призваніи царской власти побуждалъ его къ дѣятельному участію въ дѣлахъ церкви и обусловилъ большую сложность отношеній между духовной и свѣтской властями въ годы его правленія.

III.

Дѣла церковныя при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.

Строители московскаго царства въ XVI в. и книжники ихъ времени опирали то представленіе о православномъ московскомъ царствѣ, которое заняло столь большое мѣсто въ міровоззрѣніи царя Алексѣя, на опредѣленной мысли о значеніи Москвы въ исторіи человѣчества. Москва — третій Римъ, послѣдняя столица христіанской міровой монархіи, послѣднее хранилище истинной вселенской вѣры; она будетъ стоять до страшнаго дня суднаго, ея паденіе возможно только въ связи съ тѣми апокалипсическими бѣдствіями, какія предсказаны на послѣднія времена жизни міра сего. Эта прегордая національная мечта подверглась тяжкому испытанію въ годину Смуты, когда вообще русскимъ людямъ пришлось пережить переломъ многихъ привычныхъ воззрѣній. Смута въ жизни государственной и общественной неизбѣжно со-

провождалась смутой въ мысляхъ и чувствахъ московскихъ людей, выбитыхъ изъ привычнаго уклада политическихъ и бытовыхъ отношеній. Мысль, возбужденная рѣзкими впечатлѣніями переживаемыхъ событій, упорно искала отвѣта на вопросъ объ ихъ причинахъ и, по всему укладу тогдашней духовной жизни, приходила къ выводу о карѣ Божьей, которою Господь наказуетъ грѣшныхъ людей Московскаго государства, исчерпавшихъ своими скверпами Его долготерпѣніе. Покаянное и обличительное настроеніе охватило широкіе общественные круги. Русскіе люди «измалодушествовались», потеряли увѣренность въ устояхъ своего быта и поведенія, видя «разруху» привычнаго строя всей своей общественной жизни. Москва разорена, унижена, попала въ руки врага, предалась ему. Палъ третій Римъ, и жуткая мысль, что настаютъ «времена послѣднія», охватила взбаламученную совѣсть и сбитые съ привычныхъ путей умы. Карающая десница Господня слишкомъ тяжко опустилась на русскихъ людей, чтобы могли они усомниться въ тяжести грѣховой вины своей и не задуматься надъ ея проявленіями въ своемъ общественномъ и частномъ быту. Отсюда два теченія московской мысли XVII вѣка, опредѣлившія рядъ ея исканій въ церковной жизни и въ быту общественномъ.

Когда миновала «великая разруха», пришло время возстановленія не только внѣшняго порядка. Въ общественной жизни московской поднялся рядъ церковныхъ и религіозно-нравственныхъ вопросовъ, сильно волновавшихъ особенно тѣ поколѣнія, которыя выступаютъ на сцену съ 30-хъ годовъ XVII вѣка.

Къ тому времени церковное управленіе было возстановлено, подобно государственному, и въ томъ же духѣ усиленія центральной власти и ея приказныхъ органовъ. «Великій государь», святѣйшій патр. Филаретъ создалъ систему патріаршихъ приказовъ, по образцу свѣтскихъ, сосредоточилъ въ нихъ судъ и расправу надъ всѣмъ духовенствомъ и всѣми церковными людьми, установилъ нелегкую систему тягла приходскаго духовенства, платившаго пошлины и подати съ земель, съ требъ и со всякаго дохода въ патріаршій казенный приказъ. Высоко поднялъ патр. Филаретъ значеніе патріаршаго сана, какъ отецъ государя и его соправитель, управляя властно церковными и земскими дѣлами. Но и въ области церковной жизни, какъ въ государственной внѣшнее возстановленіе организаціи сопровождалось сознаніемъ необходимости пересмотрѣть и уяснить рядъ вопросовъ, въ которыхъ старыя традиціи уже не соотвѣтствовали новымъ условіямъ, старыя отношенія—назрѣвшимъ потребностямъ. Испытанія Смутнаго времени въ значительной мѣрѣ пошатнули старую московскую самонадѣянную исключительность, и передъ русской церковью сталъ, въ связи съ ея внутреннимъ состояніемъ и отчасти съ международными дѣлами, вопросъ объ ея отношеніяхъ къ православнымъ церквамъ Греціи и юго-западной Руси. Постепенно подготовлялось то сближеніе съ ними, которое

въ дни царя Алексѣя окончательно взяло верхъ надъ острымъ недовѣріемъ къ чистотѣ ихъ вѣроисповѣдной и церковной традиціи. Къ такому сближенію приводили разные мотивы. Съ одной стороны, самый идеалъ московскаго царства издавна побуждалъ дорожить ролью покровителей православія на греко-турецкомъ Востокѣ, тѣмъ болѣе, что она переплеталась съ давними культурными отношеніями къ южному славянству; въ офиціальныхъ кругахъ ожило съ новою силой представленіе объ этой «вселенской» роли Москвы, и его усердно поддерживали греки-ходатаи о милостыни царской. Такъ, въ 1649 г. іерусалимскій патріархъ Паисій, пріѣхавъ въ Москву, привѣтствовалъ царя Алексѣя пожеланіемъ, чтобы Богъ сподобилъ его «воспріяти превысочайшій престолъ великаго царя Константина», а патр. Никона «освящати соборную апостольскую церковь Софію»; вторили ему и другіе, поддерживая въ царѣ Алексѣѣ мечту о византійскомъ наслѣдствѣ, которая была такъ родственна его воззрѣніямъ на свое царство, какъ на орудіе Божьяго правленія на землѣ. По отношенію къ южной Руси въ томъ же направленіи дѣйствовали, на ряду съ церковно-религіозными и національными, мотивы политическіе, но въ малороссійскомъ вопросѣ царь Алексѣй особенно рѣзко выдвигалъ вѣроисповѣдную тенденцію противъ тѣхъ изъ своихъ совѣтниковъ, кто удерживалъ отъ борьбы съ Польшей за Украйну.

Живое сознаніе связи Москвы со всѣмъ славянскимъ и православнымъ міромъ питало стремленіе углубить ея церковныя отношенія къ вселенской восточной церкви, столь сильно ослабѣвшія въ XVI в. Но въ жизни русской церкви была и другая сторона, приводившая къ тому же результату. Московское общество вышло изъ Смуты съ сознаніемъ слабости своихъ культурныхъ силъ, и это сознаніе только утверждалось по мѣрѣ роста затрудненій въ работѣ надъ очередными задачами государственной и общественной жизни. Какъ въ другихъ ея областяхъ, такъ и въ церковныхъ дѣлахъ все яснѣе выступаетъ недостаточность старыхъ источниковъ и пріемовъ просвѣщенія, отсутствіе подготовленныхъ людей для важнаго и нужнаго дѣла. Московская Русь потянулась за знаніями, свѣдѣніями и матеріалами болѣе развитой книжной премудрости туда, гдѣ они были, въ Кіевъ и къ грекамъ. Но многое тутъ смущало, и не безъ основанія. Ближе были, по языку и народности, кіевляне. Но ихъ образованность почерпнута отъ католическаго Запада, пропитана не только его пріемами мысли, но и элементами латинскихъ воззрѣній. Приливъ церковной письменности изъ юго-западной Руси встрѣтили въ Москвѣ съ большимъ недовѣріемъ, подвергали ея произведенія бдительной цензурѣ и находили тамъ то и дѣло «латинскія мудрованія» въ темахъ богословскихъ. У грековъ собственное просвѣщеніе было въ упадкѣ, жило старыми соками и все больше воспринимало тѣ же западныя вліянія; самыя книги церковныя печатались для грековъ на Западѣ, преимущественно въ венеціан-

скихъ типографіяхъ, и не были свободны отъ погрѣшностей, вольныхъ и невольныхъ. Наконецъ моральный уровень грековъ, приходившихъ въ Москву просить о матеріальной поддержкѣ и старавшихся угождать милостивцамъ лестью и интригами, былъ не таковъ, чтобы поднять ихъ авторитетъ. Трудно было москвичамъ разбираться въ этихъ смущающихъ впечатлѣніяхъ и, отдѣливъ ихъ отъ существа большого дѣла, использовать новыя средства церковнаго просвѣщенія, притомъ въ духѣ единенія въ немъ всего православнаго Востока. Однако неотложная нужда двинула эти исканія въ опредѣленномъ направленіи. Еще при патр. Филаретѣ имъ служилъ съ рѣдкой вдумчивостью и теплымъ убѣжденіемъ кружокъ церковныхъ дѣятелей, почитателей памяти Максима Грека, группировавшійся около троицкаго архимандрита Діонисія. Противъ гонителей своего дѣла они нашли поддержку въ іерусалимскомъ патріархѣ Ѳеофанѣ, который пріѣзжалъ въ Москву въ 1619 году и посвятилъ Филарета въ патріархи всея Руси. Ѳеофанъ обратилъ вниманіе русскихъ іерарховъ на отличія московскаго и греческаго церковныхъ обрядовъ, добился частичнаго ихъ согласованія въ нѣкоторыхъ деталяхъ, а, главное, поучалъ о необходимости «православныя греческія книги писать и глаголать и философство греческихъ книгъ вѣдать»: несмотря на всю важность греческой богословской школы для православія, «до сего Ѳеофана патріарха во всей Россіи рѣдкіе по-гречески глаголаху». Повидимому, отъ Ѳеофана идетъ и воззрѣніе, что только путемъ исправленія русскихъ книгъ и обрядовъ по тѣмъ, которые приняты въ современномъ греческомъ церковномъ обиходѣ, достигнетъ русская церковь возможности «единомудрствовати, о еже держатися старыхъ законовъ греческаго православія и древнихъ уставовъ четырехъ патріаршествъ не отлучатися». Во всякомъ случаѣ воззрѣніе это стало постепенно крѣпкой традиціей на іерархическихъ верхахъ московской церкви и въ царскомъ дворцѣ, хотя по существу страдало большой односторонностью: многія изъ обрядовыхъ отличій московскихъ отъ греческаго образца имѣли основаніе въ греческой уставной старинѣ, измѣнившейся съ теченіемъ времени. Оно возобладало въ силу идейной цѣнности единства, а для царя Алексѣя имѣла не малое значеніе сама эстетика выработанной и богатой обрядности греческой церкви и византійскаго царскаго обихода. Не даромъ выражалъ онъ просьбу, чтобы патр. антіохійскій Макарій молился о немъ Богу, дабы ему уразумѣть эллинскій языкъ, и выписывалъ съ Аѳона Чиновникъ византійскихъ царей — «всему ихъ царскому чину». Но греки, сами по себѣ, мало могли послужить работой на русскую церковь, по незнанію славянскаго яыка. Въ патріаршество Іосифа обратились поэтому къ южно-русскимъ монахамъ, «которые эллинскому языку навычны и съ эллинскаго языка на словенскую рѣчь перевести умѣютъ и латинскую рѣчь достаточно знаютъ». Въ 1649—1650 годахъ по царскому призыву прибыли Арсеній Сатановскій, Епи-

фаній Славенецкій, Дамаскинъ Птицкій и, принявшись за дѣло книжняго исправленія, поставили его по-новому и притомъ на такихъ началахъ, которыя вскорѣ вызвали немало споровъ и раздоровъ: они стали руководствоваться въ исправленіи текстовъ не столько старыми славянскими рукописями, а болѣе современными печатными изданіями, греческими и южно-русскими. Съ нихъ началось сильное вліяніе выходцевъ изъ Малороссіи на московскую церковную жизнь, непопулярное среди великорусскаго духовенства и общества, тѣмъ болѣе, что ученость кіевская, за рѣдкими исключеніями, носила печать замѣтной односторонности. «Наши кіевляне,—жаловался самъ Епифаній,—учились и учатся только по-латыни и чтутъ книги только латинскія и оттуда мудрствуютъ, а гречески не учились и книгъ греческихъ не чтутъ и того ради истины не вѣдаютъ». Съ усиленіемъ значенія малорусской образованности въ московскую культуру проникала струя латинскаго просвѣщенія. Типичнымъ ея представителемъ былъ, напримѣръ, наставникъ царскихъ дѣтей, вліятельный Симеонъ Полоцкій, который почти не зналъ греческаго языка, а книгу его, знаменитый «Жезлъ правленія», составленную по порученію собора 1667 года въ обличеніе раскольниковъ, пришлось очищать отъ «латинскаго мудрованія»; ученикъ же его, Сильвестръ Медвѣдевъ, поднялъ нѣсколько позднѣе цѣлую смуту, защищая католическое толкованіе ученія о времени пресуществленія св. даровъ. Такова была постановка отношеній, когда Никонъ вступилъ на патріаршій престолъ.

Но къ тому же времени вполнѣ опредѣлилось и другое теченіе московской церковной жизни, также выросшее изъ потребности ея коренного обновленія. Подобно тому, какъ въ дѣлѣ государственнаго строительства починъ выясненія различныхъ нуждъ и указанія средствъ ихъ удовлетворенія исходилъ, на первыхъ порахъ, преимущественно отъ заинтересованныхъ общественныхъ групъ, такъ и задача упорядоченія современнаго церковнаго быта и общественной нравственности была поставлена «ревнителями» изъ среды бѣлаго духовенства и свѣтскихъ людей. Проявленія этихъ настроеній шли изъ разныхъ мѣстъ, но сильнѣйшій центръ нашли въ Нижнемъ-Новгородѣ, откуда вышелъ рядъ дѣятелей церковной жизни XVII в. Въ 1636 году девять нижегородскихъ приходскихъ священниковъ подали патріарху Іосифу челобитную «о мятежи церковномъ и о лжи христіанства», обличая лѣность и нерадѣніе поповское, неуставный порядокъ богослуженія, пѣніе «поскору» и «голосовъ въ пять и въ шесть и болѣе», безчинство среди молящихся, распущенность въ народѣ, преданномъ пьянству и языческимъ забавамъ, какъ скоморохи и медвѣдчики, «бѣсовскія» игрища и кулачные бои; челобитчики требовали патріаршаго указа о «церковномъ исправленіи» и «безсудствѣ христіанства», чтобы «въ скудности вѣры до кон-

ца не погибнути». Ихъ голосъ былъ услышанъ, патріархъ внесъ требуемыя постановленія въ свои указныя памяти; дѣло, поднятое ревнителями, встрѣтило поддержку вліятельныхъ круговъ, благодаря энергіи и связямъ одного изъ челобитчиковъ Іоанна Неронова. Въ молодости близкій къ архим. Діонисію, Нероновъ былъ извѣстенъ и патріаршему двору и царскому «верху». Не разъ бывалъ онъ въ столицѣ и добивался тамъ «повелѣній царевыхъ и святѣйшаго патріарха на безчинствующихъ и соблазны творящихъ въ народѣ, да упразднится всякое небогоугодное дѣло». Но не патріархъ Іосифъ былъ главнымъ его покровителемъ и союзникомъ, а царскій духовникъ, прот. Стефанъ Вонифатьевъ, а съ нимъ и самъ царь Алексѣй Михайловичъ. Въ 1649 г. Нероновъ назначенъ протопопомъ въ московскій Казанскій соборъ и примкнулъ въ кружку лицъ, тѣсно связанныхъ черезъ Вонифатьева съ царскимъ дворцомъ, — радѣтелей о возрожденіи силы слова Божія въ церкви и въ жизни. Этотъ кружокъ сложился постепенно, съ тѣхъ поръ, какъ Стефанъ сталъ — въ первый же годъ новаго царствованія — духовнымъ отцомъ государя. Тутъ видимъ боярина Ѳ. М. Ртищева, крупнаго благотворителя и покровителя обновленному церковному просвѣщенію, неукротимаго въ ревности о Богѣ и правдѣ Божьей Аввакума, властнаго, энергичнаго Никона, съ 1646 г. архимандрита Новоспасскаго монастыря. Близостью къ царю и вліяніемъ на него они пользуются, чтобы, сплотившись, выдвигать на протопопскія мѣста и въ Москвѣ и въ провинціи людей, способныхъ послужить завѣтному дѣлу перевоспитанія духовенства и его паствы — таковы Аввакумъ — въ Юрьевѣ-Повольскомъ, Логгинъ — въ Муромѣ, Лазарь — въ Борисоглѣбскѣ, Даніилъ — въ Костромѣ. Основная цѣль ихъ—подчинить русскую жизнь строгимъ религіозно-нравственнымъ требованіямъ путемъ царскихъ указовъ, проповѣди и реформы богослуженія. Подъ ихъ вліяніемъ развилось законодательство царя Алексѣя противъ народныхъ празднествъ, игрищъ и скоморошества, какъ остатковъ языческой старины, опасныхъ для нравственности и религіи. Подъ вліяніемъ Вонифатьева въ царскомъ дворцѣ водворялся духъ суровой, пуританской чинности. Въ дни брачнаго торжества молодого государя о. Стефанъ «моленіемъ и запрещеніемъ устрои не быти смѣху никаковому, ниже кощунамъ, ни бѣсовскимъ играніямъ, ни пѣснямъ студнимъ, ни сопѣльному, ни трубному козлогласованію»; свадьба царская совершилась въ тишинѣ и пѣніи пѣсенъ духовныхъ. Патріархъ Никонъ продолжалъ позднѣе традицію Стефана, когда приказывалъ отбирать и истреблять по боярскимъ домамъ народные музыкальные инструменты. Изгнавъ суетное веселье изъ дворца, ревнители тотъ же духъ сосредоточенной и строгой религіозности пытались внести вообще въ московскую общественную жизнь. Ихъ борьба со скоморошествомъ и иными «студными» обычаями запечатлѣна большимъ рве-

ніемъ, доходившимъ до кулачной расправы, надругательствъ и гоненія. На ряду съ этимъ, тотъ же кругъ священниковъ и иноковъ выступилъ съ насажденіемъ учительнаго слова. Стефанъ Вонифатьевъ неустанно наставлялъ царя и его бояръ блюсти правду въ дѣлахъ правленія и судъ имѣть правый, для всѣхъ равный, «да не внидетъ отъ обиденныхъ и разоренныхъ вопль и плачъ въ уши Господа». Проповѣди Неронова собирали огромную толпу, какой не могла вмѣстить Казанская церковь; самъ царь съ семьей ѣздилъ почасту слушать его. И другіе «ревнители» поучали и обличали въ церкви и внѣ ея, въ домахъ боярскихъ, на площади. Но мало было умѣлыхъ въ дѣлѣ проповѣди; и тутъ пытались найти помощь у грековъ. У нихъ былъ навыкъ «поучать изоустъ въ слухъ всѣмъ людямъ», а московскіе ревнители больше держались поучительнаго чтенія—житій святыхъ, святоотеческихъ словъ и посланій. Въ 1651 г. проповѣдничество въ Богоявленскомъ монастырѣ было поручено митр. назаретскому Гавріилу, владѣвшему русскою рѣчью; онъ, видно, зналъ и жизнь русскую, такъ какъ сумѣлъ внести въ свои проповѣди рядъ обличеній ея пороковъ.

Средствомъ живого и разумнаго наученія молящихся стремились «ревнители» сдѣлать и богослуженіе, искаженное обычаемъ «многогласія» и «пѣнія поскору». Стефанъ и Ѳ. М. Ртищевъ первые ввели единогласное и согласное пѣніе въ домовыхъ церквахъ, затѣмъ — по волѣ царя — оно установлено въ Казанскомъ соборѣ при назначеніи туда Неронова. Весь кругъ единомышленныхъ съ ними священниковъ горячо взялся за распространеніе этой реформы. Но остальное духовенство и міряне въ большинствѣ отнеслись къ ней враждебно; дѣло осложнялось тѣмъ, что на Руси богослужебный уставъ былъ принятъ изъ самыхъ строгихъ монастырей греческихъ и требовалъ очень много времени на выполненіе всѣхъ службъ; на практикѣ предпочли «многогласное» служеніе разумному сокращенію службы. И церковный соборъ, созванный въ февралѣ 1649 г. для введенія единогласія по всѣмъ церквамъ, отвергъ его, но царь не утвердилъ такого «уложенья и приговору», побудилъ патріарха Іосифа снестись съ греческой церковью, и въ 1651 г. новый соборъ постановилъ, согласно съ отзывомъ, полученнымъ изъ Константинополя, отмѣнить многогласныя служенія. Съ этимъ связана была и реформа церковнаго пѣнія по старымъ нотнымъ книгамъ, которое дѣлало тексты невразумительными, такъ какъ сохраняло произношеніе глухихъ гласныхъ, такъ что, напримѣръ, написаніе «людьми» — читалось «людеми», «сънѣдаяй» — «сонѣдаяй» и т. п. Всѣ эти мѣропріятія возникали помимо патріарха и вызвали сильно натянутыя отношенія между нимъ и Вонифатьевскимъ кружкомъ, который черезъ царя проводилъ тѣ назначенія на церковныя должности и тѣ общія установленія, какія находилъ нужными. Въ послѣдній годъ патр. Іосифъ чувствовалъ

себя вовсе отстраненнымъ отъ управленія церковью и говаривалъ: «перемѣнить меня, скинуть хотятъ». Конечно, благочестивому царю и его близкимъ было «и помыслить страшно на такое дѣло». Только кончина Іосифа въ 1652 году отдала патріаршій престолъ въ ихъ руки. Казалось, что отнынѣ вся сила іерархіи церковной должна вступить на путь «ревнителей». Есть извѣстіе, что они подавали царю Алексѣю челобитную «о духовникѣ Стефанѣ, что ему быть въ патріархахъ», но Стефанъ уклонился и вскорѣ ушелъ въ монастырское уединеніе. Тогда на патріаршество былъ призванъ царемъ Никонъ, съ 1648 г. занимавшій митрополичью каѳедру въ Новгородѣ Великомъ.

Особенностью вступленія Никона на престолъ патріаршій было условіе, поставленное имъ царю, іерархамъ и боярамъ: «послушати его во всемъ, яко начальника и пастыря и отца крайнѣйшаго, елико онъ возвѣщать будетъ о догматахъ Божіихъ и о правилахъ»,—и всѣ во главѣ съ царемъ Алексѣемъ дали ему обѣщаніе «сохранити непреложно» такое повиновеніе. Никонъ ни по натурѣ, ни по воззрѣніямъ не могъ сжиться съ такой ролью патріарха, какая выпала на долю Іосифа. Онъ принялъ высокій санъ, получивъ гарантію, что за нимъ будетъ признана полнота власти въ правленіи церковномъ, что царь возложитъ на него всю заботу о церковныхъ дѣлахъ, склоняясь передъ авторитетомъ святѣйшаго патріарха. Царь Алексѣй принялъ условіе, быть-можетъ, вовсе безъ колебаній. Раздвоеніе церковныхъ отношеній между патріаршимъ дворомъ и придворнымъ духовенствомъ не могло не тяготить его мягкую натуру тою боевой ролью, какую подчасъ ему навязывало. Никона онъ привыкъ чтить и слушать въ теченіе ряда лѣтъ, а твердый и властный характеръ новаго патріарха покорилъ на время царя, которому всегда не хватало этихъ качествъ. Но тѣмъ укладъ ихъ отношеній не ограничился. Царь отстранился отъ вмѣшательства въ дѣла церкви, такъ что Никонъ съ епархіальными владыками поставляли архимандритовъ и протопоповъ «самовольствомъ, кто имъ годенъ, безъ указу великаго государя», и всѣ новшества Никона шли мимо его участія, и поддался во многомъ вліянію Никона, призналъ за нимъ титулъ «великаго государя», совѣщался съ нимъ о дѣлахъ правленія, предоставлялъ патріарху значеніе своего замѣстителя во время частыхъ и продолжительныхъ отлучекъ на театръ военныхъ дѣйствій противъ Польши. Властительный не менѣе Филарета, Никонъ долженъ былъ повліять на рѣшительный переходъ отъ усложнившихся отношеній съ земскими соборами къ приказной автократіи, но крупной личной роли въ направленіи государственныхъ дѣлъ сыграть не могъ, такъ какъ не былъ въ нихъ свѣдущъ, да и засталъ сложившуюся политическую жизнь, со многими особенностями которой, какъ Монастырскій приказъ и другія новины Уложенія, долженъ былъ скрѣпя сердце мириться. Но за всѣмъ тѣмъ

положеніе Никона до его разрыва съ царемъ было близко къ положенію главы церкви, царю неподвластнаго, а поставленнаго рядомъ съ нимъ въ руководствѣ судьбами московскаго государства. Въ правленіи церковномъ Никонъ поставилъ себя носителемъ полной, независимой и единоличной, власти. Торжественная обстановка его патріаршаго обихода, его двора и «выходовъ» ни въ чемъ не уступала царской, уподобляясь тому, «какъ бываетъ чинъ передъ великимъ государемъ»; главу его украшала митра необычной формы, подобная царскому вѣнцу, подъ ноги ему стлали коверъ съ вышитымъ двуглавымъ орломъ. Вся эта пышность отвѣчала воззрѣнію Никона, что «священство и самаго царства честнѣйшее и большее есть начальство». Торжественно запечатлѣлъ онъ величіе священнаго сана, побудивъ царя Алексѣя, по перенесеніи мощей митр. Филиппа изъ Соловецкаго монастыря въ Москву, преклонить «честь своего царства», «санъ свой царскій» передъ ними за тяжкую вину царя Іоанна. И предисловіе къ служебнику 1655 года призывало народъ благодарить Бога, избравшаго въ начальство людей своихъ: «двухъ таковыхъ великихъ государей», какъ царь Алексѣй и патріархъ Никонъ, и славить Его «подъ единымъ ихъ государскимъ повелѣніемъ». Въ такомъ же настроеніи велъ Никонъ, «Божіей милостью великій господинъ и государь», какъ онъ титуловалъ себя въ нѣкоторыхъ грамотахъ, и управленіе церковное, будучи тяжкимъ властителемъ для всего духовенства. Архіереевъ онъ признавалъ не сослужителями своими, а лишь исполнителями своихъ велѣній, требуя съ нихъ, при поставленіи, обѣщанія, «аще что сотворятъ безъ патріаршаго вѣдома, да будутъ лишены, безъ всякаго слова, священнаго сана»; какъ «отецъ отцовъ» и «крайній святитель», патріархъ, по взгляду Никона, «образъ Христовъ носитъ на себѣ», а епископы подобны его апостоламъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ церковная политика Никона возвышала власть епископовъ, ставя ихъ независимо отъ свѣтской власти и признавая пастырскія полномочія только за ними, отнюдь не за священниками. И, быть-можетъ, никогда не было такъ тяжко рядовому священству и монашеству подъ управленіемъ патріаршихъ приказовъ, какъ при патріархѣ Никонѣ.

Такая постановка патріаршей власти не замедлила отразиться на ходѣ церковной реформы. Никонъ не пошелъ объ руку съ прежними друзьями и требовалъ отъ нихъ не совѣта и сотрудчества, а покорности. Царь отстранился отъ вмѣшательства въ дѣла церковныя. Дѣло «ревнителей» заглохло въ тотъ моментъ, когда они могли мечтать о торжествѣ. Никонъ не пошелъ ихъ путемъ. Его энергія сосредоточилась на усиленіи іерархической власти и на исправленіи церковныхъ книгъ и обрядовъ. Порыву къ работѣ надъ обновленіемъ религіозно-нравственнаго быта проповѣдью и личной боевой дѣятельностью «ревнителей» не стало

больше опоры у царскаго и церковнаго авторитетовъ. Личная обида, а еще болѣе различіе по духу и цѣлямъ сдѣлало прежнихъ союзниковъ непримиримыми врагами. Сурово обличалъ Нероновъ Никона, что «отъ него всѣмъ страхъ и его посланники паче царевыхъ всѣмъ страшны», и убѣждалъ «смиреніемъ Христовымъ, а не гордостью и мученіемъ санъ держати». Дѣло исправленія церковнаго, по мнѣнію Неронова и его друзей, не должно быть въ единоличной власти патріарха. Но и тѣ соборы, какіе созывались Никономъ для обсужденія и утвержденія исправленій, ихъ не удовлетворяли: истинный соборъ, по убѣжденію Неронова, долженъ состоять не изъ однихъ архіереевъ, къ нему надлежитъ призвать и бѣлое священство и представителей паствы — мірянъ. Разладъ шелъ и дальше, захватывая самые пріемы исправленій. «Ревнители», ставъ противниками Никона, не отрицали надобности поправокъ, но настаивали, что въ основу надо положить древнія славянскія книги. Для патріарха и для царя Алексѣя это было непріемлемо, ибо такой пріемъ убилъ бы основную задачу реформы—согласованіе московскаго церковнаго обихода съ современнымъ греческимъ; этой цѣли не удовлетворила бы и работа съ помощью древнихъ греческихъ рукописей, такъ какъ и въ нихъ было многое, что съ теченіемъ времени отпало и измѣнилось. Принципіально реформа признавалась возстановленіемъ старины; Арсеній Сухановъ дважды ѣздилъ на Востокъ и вывезъ богатое собраніе древнихъ греческихъ богослужебныхъ книгъ. Но онъ же привезъ точныя свѣдѣнія о различіяхъ между русскимъ и греческимъ обрядомъ и даже объ осужденіи на Аѳонѣ нашихъ книгъ за ихъ ошибки и отступленія отъ принятаго у грековъ. Ученые справщики изъ малороссовъ работали преимущественно не по стариннымъ рукописнымъ книгамъ, русскимъ или греческимъ, а по новымъ венеціанскимъ изданіямъ, какими пользовалась греческая церковь. Такъ сложилась почва отношеній и фактовъ, на которой выросъ тяжелый разладъ, а затѣмъ и церковный расколъ. Противники Никона рѣзко осуждали его дѣятельность и какъ патріарха-управителя и какъ исправителя книгъ и обрядовъ. Гнѣвно встрѣчалъ онъ критику, видя въ ней прежде всего непокорность людей изъ рядового по сану духовенства своей высокой власти, и громилъ ихъ ссылками и заточеніями. Царь вѣрилъ патріарху, былъ подавленъ его сильной волей, хотя скорбѣлъ о прежнихъ близкихъ и почитаемыхъ людяхъ, съ которыми было сердце всего дворца, царицы Марьи и ея близкихъ. Но по существу царь могъ быть только съ Никономъ, а не съ ними. Ихъ вражда къ грекамъ и малороссамъ, ихъ стремленіе сохранить національную церковную старину противорѣчили основнымъ настроеніямъ царя Алексѣя, увлеченнаго идеаломъ вселеннаго православнаго Востока съ московскимъ царемъ во главѣ.

Пока всѣ спорные вопросы не сходили съ почвы разлада между патріархомъ и группой священниковъ, они могли казаться частичной, хотя и острой смутой, лишенной обще-церковнаго значенія. Спорныя исправленія и распорядки воспринимались противниками Никона, какъ его личное дѣло, которое съ нимъ и погибнетъ. Они считали возможнымъ апеллировать на патріарха царю, подавая ему челобитныя, полныя жалобъ и обличеній. Они чувствовали себя въ лонѣ вселенской церкви, а въ раздорѣ только съ временнымъ управителемъ русской церкви, которой сами были духовными членами. Однако весь разладъ пріобрѣлъ иной и болѣе принципіальный характеръ, какъ только дѣло церковныхъ преобразованій отдѣлилось отъ личности Никона. Толчокъ къ тому подалъ разрывъ согласія между царемъ и патріархомъ. Все поведеніе Никона выражало то представленіе о преимуществѣ духовной власти передъ свѣтской, которое являлось отрицаніемъ не только исконной зависимости русской церкви отъ московскихъ государей, но и дорогого царю Алексѣю ученія о святости царскаго сана. Царь могъ еще допустить самостоятельность дѣйствій патріарха и его вліяніе на дѣла государства, какъ слѣдствіе личнаго довѣрія своего къ Никону. Но Никонъ не довольствовался ролью своего рода временщика и подчеркивалъ, что свою опору видитъ не въ милости царской, а въ правахъ своего сана. Какъ во внутреннемъ строѣ церковныхъ отношеній, такъ и въ отношеніяхъ церкви къ государству Никонъ шелъ путями не обычными. Его манилъ образъ патріарха, неограниченнаго властителя церкви, независимаго ни отъ какой земной силы, намѣстника Христова, и онъ узналъ его въ римскомъ первосвященникѣ: Никонъ внесъ въ изданіе «Кормчей книги» переводъ знаменитой «Donatio Constantini», грамоты, обосновывавшей папскія притязанія на свѣтскую власть легендой объ уступкѣ имп. Константиномъ Великимъ папѣ Римскому правъ на Западную имперію. Къ идейному спору эти тенденціи привели только послѣ паденія Никона, но пропитанная ими практика всѣхъ отношеній обусловила рѣзкій разрывъ царя съ патріархомъ.

Своею безудержною «властительностью» Никонъ скопилъ много раздраженія въ духовенствѣ и боярахъ. Тяготила она и царя Алексѣя, которому близкіе люди настойчиво указывали, какъ патріаршее самовластіе унижаетъ санъ царскій. Личное охлажденіе между царемъ и Никономъ дало послѣднему почувствовать, что почва подъ ногами заколебалась, и онъ рѣшилъ уходомъ съ патріаршества поразить царя и заставить его смириться. Но царь Алексѣй предоставилъ ему удалиться въ Воскресенскій монастырь и испросилъ черезъ бояръ его благословенія на передачу блюденія патріаршихъ дѣлъ крутицкому митрополиту Питириму. Такъ настало въ 1658 г. положеніе, трудное и для церкви русской

и для царя Алексѣя. Никонъ недолго мирился съ потерей власти, а развернулъ рядъ притязаній и совершилъ крайне рѣзкіе политическіе выпады противъ свѣтской власти и повинующагося ей духовенства. Онъ держался того взгляда, что и отстранившись отъ фактическаго правленія, не теряетъ патріаршаго сана, осуждалъ дѣйствія своего замѣстителя, настаивалъ, что, кромѣ него, некому поставить новаго патріарха. На соборѣ, который былъ созванъ царемъ въ 1660 г. для обсужденія создавшагося положенія, раздались голоса противъ признанія Никона низложеннымъ или суда надъ нимъ: его можно только «молить сыновнимъ повиновеніемъ, да исправится во нравѣ своемъ». Правда, соборъ пришелъ къ выводу, что Никонъ достоинъ лишенія не только патріаршества и архіерейства, но и священнства, но это рѣшеніе было оспорено по существу Епифаніемъ Славенецкимъ и Игнатіемъ Іевлевичемъ, а послѣдній указывалъ, что безъ участія вселенскихъ патріарховъ дѣло Никона вообще неразрѣшимо. Оно и затянулось на нѣсколько лѣтъ — до 1667 г., въ теченіе которыхъ руководство дѣлами церкви фактически сосредоточилось въ рукахъ царя. На это царское господство въ церкви обрушилась негодующая и не знавшая мѣры полемика Никона. Видя, какъ «царское величество расширился надъ церковію», Никонъ рѣшался утверждать, что всѣ духовныя лица, назначенныя по царскому велѣнію, «не избрани отъ Бога и недостойны», а всѣ ихъ церковныя дѣйствія недѣйствительны, такъ что «такова ради беззаконія все упразднилося святительство, и священство, и христіанство», и, видно, пришло уже время, когда антихристъ «повелитъ себѣ кланятися не чувственно, якоже нынѣ архіереи... кланяются царемъ», такъ что, заключалъ раздраженный Никонъ, «отъ сего разумѣемъ, яко послѣдній часъ есть». Мало того, онъ пытался призывать духовенство къ активному сопротивленію свѣтской власти, далъ волю своему раздраженію противъ Уложенія, требуя, чтобы духовенство не подчинялось его узаконеніямъ и суду Монастырскаго приказа. Но Никонъ былъ одинокъ и безсиленъ. Былъ моментъ въ 1664 г., когда онъ рѣшился на попытку вернуться патріархомъ въ Успенскій соборъ, но царь его не принялъ. Пришлось уѣхать, согласиться на формальное отреченіе отъ патріаршаго престола. Никонъ еще ставилъ условія — сохраненіе титула, управленія и доходовъ нѣсколькихъ монастырей и т. п., но было уже поздно: передача его дѣла на судъ собора при участіи восточныхъ патріарховъ была рѣшена окончательно.

Въ такихъ условіяхъ выяснялась въ то же время судьба церковныхъ преобразованій. Царь Алексѣй взялъ этотъ вопросъ въ свои руки. Казалось, что съ устраненіемъ Никона падетъ главное препятствіе къ установленію мира въ русской церкви. Вѣдь Никонъ, не безъ настояній царя Алексѣя, примирился съ Нероновымъ, тогда уже инокомъ Григоріемъ, на компромиссѣ

взаимнаго признанія старыхъ и новыхъ книгъ равноцѣнными. Церковныя новшества входили въ жизнь, царь самъ распространялъ новыя книги черезъ Тайный приказъ, буря разногласій какъ бы затихла. Въ 1664 г. призванъ въ Москву Аввакумъ, принятъ ласково и съ почетомъ. Однако разногласія оказались слишкомъ коренными, чтобы уладить ихъ личными переговорами и уступчивостью. Нероновъ настаивалъ на избраніи новаго патріарха соборомъ русской церкви, человѣка кроткаго, «со всѣми христолюбцы единомудреннаго»; всѣ его единомышленники отрицали греческое и малорусское вліяніе въ церковныхъ дѣлахъ, стояли за московскую старину противъ Никоновыхъ исправленій, а всѣ частныя спорныя темы сливались въ общемъ осужденіи того новаго духа, которымъ проникались чѣмъ дальше, тѣмъ больше, офиціальная государственная и церковная жизнь, а равно и бытъ общественныхъ верховъ. Аввакумъ въ челобитной царю противъ церковныхъ новшествъ уже произнесъ слово «никоніане», отдѣляя свою «истинную вѣру» отъ ихъ воззрѣній, а въ массѣ народной ощущеніе перелома въ традиціяхъ московскаго быта уже отливалось въ страхъ близкаго или наставшаго прихода антихриста, въ тревогу ожиданія «послѣдняго времени». Въ оппозиціи противъ «никоніанства» звучали ноты отрицанія власти и авторитета іерархіи, осужденіе царской церковной политики обобщалось въ охужденіе ея полномочій по управленію церковью, приводило къ суровому отверженію новыхъ культурныхъ отношеній и навыковъ. Тутъ спорили два міра, разно строившіе понятія о должномъ и желательномъ въ государственномъ, общественномъ и церковномъ быту, и примиреніе ихъ было внѣ исторической возможности.

V.

Разрѣшеніе церковнаго кризиса выпало на долю собора, созваннаго царемъ Алексѣемъ въ 1666 г., на которомъ руководящую роль играли греки — два патріарха, александрійскій Паисій и антіохійскій Макарій, газскій архіепископъ Паисій Лигаридъ и архимандритъ Аѳонскаго Иверскаго монастыря Діонисій. Присутствіе восточныхъ патріарховъ должно было придать собору особую авторитетность, и московское правительство было крайне обезпокоено тѣмъ, что оба они оказались бывшими патріархами, каѳедры которыхъ были уже замѣщены иными лицами, а Лигаридъ находился подъ запрещеніемъ отъ патріарха іерусалимскаго. Послѣ собора правительство хлопотало о возвращеніи патріархамъ ихъ престоловъ и достигло цѣли; достигло оно и того, что постановленія московскаго собора не встрѣтили возраженій, и греческая церковь признала ихъ имѣющими закон-

ную силу; исхлопотать снятіе запрещенія съ Лигарида не удалось, но это имѣло уже мало значенія. Передъ соборомъ поставлены были двѣ задачи: рѣшить дѣло о Никонѣ и о борьбѣ части духовенства противъ его исправленія книгъ и обрядовъ. Дѣло Никона приняло форму суда восточныхъ патріарховъ надъ московскимъ по челобитью царя и русскихъ епископовъ о его винахъ и кончилось осужденіемъ его. Признанный виновнымъ за оскорбленіе государя, за самовольное оставленіе патріаршества и церковную смуту, за жестокое и неправедное управленіе, безчестіе патріарховъ на соборѣ, Никонъ приговоренъ былъ къ лишенію архіерейства и священства. Въ связи съ этимъ дѣломъ обсуждались на соборѣ два вопроса огромной принципіальной важности: о взаимоотношеніи властей, свѣтской и духовной, и о власти патріарха въ церковномъ правленіи. Патріархи строго осуждали тѣхъ, кто «никонствуютъ и папежствуютъ, кто покушается уничтожить царство и поднять на высоту священство», и защищали мнѣніе, что патріархъ долженъ быть «послушливъ царю, яко поставленному на высочайшемъ достоинствѣ и отмстителю Божію» и «полагать себя подъ судъ царскій». Но русскіе епископы довольно единодушно отстаивали независимость церкви и добились такой формулы соборнаго сужденія: «да будетъ признано заключеніе, что царь имѣетъ преимущество въ дѣлахъ гражданскихъ, а патріархъ въ церковныхъ, дабы такимъ образомъ сохранилась цѣлою и непоколебимою вовѣкъ стройность церковнаго учрежденія». Эта формула не вошла въ офиціальныя соборныя дѣянія и, стало-быть, не была формально признана царемъ, но архіереи, стоявшіе на ней, добились уничтоженія Монастырскаго приказа и подчиненія своей власти епархіальныхъ чиновниковъ. Съ другой стороны, тотъ же соборъ содѣйствовалъ ослабленію единоличной власти патріарха; греческіе іерархи настаивали, чтобы епископскіе соборы съѣзжались ежегодно, но это оказалось неисполнимымъ для московскаго государства и коллегіальность верховнаго управленія церкви была обезпечена установленіемъ очередного присутствія нѣкоторыхъ архіереевъ въ Москвѣ, для составленія, вмѣстѣ съ «прилучившимися» по дѣламъ въ столицѣ, такъ называемаго патріаршаго собора. Реальнымъ результатомъ соборныхъ дѣяній 1666—1667 г.г. оказалось, дѣйствительно, ослабленіе патріаршей власти, подготовившее ея отмѣну при сынѣ царя Алексѣя. Но попытка разграничить области государственнаго и церковнаго правленія осталась безплодной, тѣмъ болѣе, что на долю царской власти выпало опредѣлять послѣдствія разразившагося въ церкви раскола.

Споръ о старинѣ и новшествахъ въ церковномъ обиходѣ получилъ на этомъ соборѣ неожиданно рѣзкую постановку. Греки получили его на обсужденіе въ томъ видѣ, какой онъ принялъ на русскомъ соборѣ 1666 г. Тамъ одобрены были всѣ исправленія, а противниковъ «никоніанства» увѣщавали примириться съ

ними, при чемъ только четверо—Аввакумъ, Лазарь и два Ѳедора, дьяконъ и поддьякъ — упорно стояли на еретичествѣ принятыхъ церковью новинъ и подверглись за это «конечному соборному осужденію»; но общій вопросъ о взаимоотношеніи старины и новизны не былъ поставленъ ребромъ, такъ какъ соборъ искалъ примиренія на признаніи ихъ различія не принципіальнымъ. Этотъ-то вопросъ, смущавшій своей недосказанностью, былъ поставленъ на разсмотрѣніе собора при участіи греческихъ іерарховъ. Руководящее значеніе получилъ тутъ архим. Діонисій, долго жившій въ Москвѣ въ качествѣ книжнаго справщика. Участникъ правки книгъ и обрядовъ, онъ хорошо зналъ отличія старины московской, но изображалъ ихъ какъ отступленія, возникшія, когда русская церковь вышла изъ зависимости отъ Византіи и начала отличаться отъ грековъ ради своего «суемудрія». Греки всецѣло стали на эту точку зрѣнія и провели на соборѣ осужденіе всей старины московской и закрѣпившихъ ее дѣяній Стоглаваго собора. Соборной клятвой на защитниковъ старыхъ книгъ и обрядовъ былъ оформленъ въ 1667 г. расколъ въ русской церкви между «старообрядствомъ» и «никоніанствомъ». Притомъ восточные патріархи настаивали, чтобы расколъ былъ уничтоженъ «крѣпкою десницею царскою», и тѣмъ самымъ положили начало «временамъ гонительнымъ» въ исторіи русскаго раскола. Усмиреніемъ Соловецкаго бунта, ссылкой «начальныхъ отцовъ» въ Пустозерскъ, казнью инока Авраамія въ Москвѣ, пыткой и тяжкимъ заключеніемъ въ земляной тюрьмѣ боярынь Морозовой и кн. Урусовой начался героическій періодъ въ исторіи русскаго старообрядства; отлученная отъ церкви, потерявъ организаціонные устои своего религіознаго быта, «старая вѣра» живетъ убѣжденіемъ, что недолгое время осталось бытію сего міра, что она терпитъ бѣды, предсказанныя какъ признакъ пришествія царства антихристова, торопитъ свой исходъ изъ мірской отравы коллективными самосожженіями или начинаетъ приспособляться къ дальнему земному пути ряда поколѣній, дробясь на толки въ попыткахъ разрѣшить неразрѣшимыя задачи своего религіознаго быта. Въ нѣдрахъ старообрядческаго быта продолжаютъ жить традиціи старинной московской культуры, отголоски средневѣковой книжной мудрости и изжитыхъ преданій. Русская жизнь въ цѣломъ пошла иными путями.

IV.

Культурный переломъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.

«Ревнители благочестія», ушедшіе въ «старую вѣру» отъ новшествъ патр. Никона и царя Алексѣя, мечтали о сохраненіи и утвержденіи надъ всей народной жизнью силы церковно-религіозныхъ понятій, правилъ и навыковъ. Они чуяли умомъ и сердцемъ,

что опора этой силы въ московской церковной старинѣ, въ сохраненіи стариннаго уклада жизни и отношеній. Царь и патріархъ смотрѣли шире, и въ своемъ стремленіи выйти изъ національной обособленности мѣстной церкви на поприще междуцерковныхъ связей православнаго Востока не отрѣшались отъ того же идеала построенія жизни на руководящемъ значеніи православной церковности, но опирали его не на національную старину, а на византійскую традицію власти, которая Богомъ поставлена управлять земной жизнью «людей Его, Свѣтовыхъ». Царь Алексѣй и патр. Никонъ столкнулись другъ съ другомъ на пониманіи этой власти и ея священныхъ полномочій, столкнулись и съ защитниками московской старины. Разрѣшеніе кризиса привело къ расколу — уходу изъ-подъ руководства государственной церкви многихъ народныхъ общинъ, жившихъ своею напряженной религіозной жизнью, и къ упадку самостоятельной патріаршей власти, который былъ однимъ изъ признаковъ ослабленія значенія церкви въ дѣлахъ государства и въ общественномъ быту. Внутренніе процессы, развивавшіеся въ нѣдрахъ московскаго государства, отвоевывали все больше мѣста новымъ культурнымъ потребностямъ, далекимъ отъ всякой церковности, несоизмѣримымъ ни съ московской стариной, ни съ традиціями византійскаго наслѣдства. Великая смута, пережитая московскимъ государствомъ въ началѣ XVII в., надорвала его силы и въ то же время, перейдя въ борьбу съ иноземными врагами за національное существованіе русской народности, крайне осложнила международное положеніе государства. Борьба продолжалась при новой династіи, все разрастаясь, перешла въ наступленіе, наполнивъ весь XVII вѣкъ почти непрерывнымъ военнымъ напряженіемъ. А внутри шла трудная, тяжелая работа надъ внутренней организаціей народныхъ силъ и средствъ на потребу «государева и земскаго дѣла». Все острѣе чувствовался недостатокъ этихъ средствъ, матеріальныхъ и культурныхъ, необходимость ихъ усовершенствованія и развитія. Борьба заставила пристальнѣе вглядѣться въ бытъ западнаго врага, понять его преимущества и попытаться ихъ усвоить. Недовольство своей родной дѣйствительностью, сознаніе своей слабости передъ чужой культурой, отъ успѣховъ которой пришлось отстать Московской Руси, подавленной политическою борьбой на три фронта съ внѣшними врагами и исключительными условіями народно-хозяйственной жизни, объясняемыми огромными пространствами Восточно-Европейской равнины, толкали на усвоеніе новыхъ пріемовъ техническаго знанія и умѣнья, новыхъ источниковъ просвѣщенія. Но сближеніе съ Западомъ на почвѣ удовлетворенія этой потребности не могло остановиться на усвоеніи практически полезнаго для текущихъ нуждъ, военной и промышленной техники, новыхъ пріемовъ народнаго хозяйства и экономической политики. Работа, направленная въ эту сторону, раскрывала передъ русскими людь-

ми новые широкіе пути дѣятельности, непривычной по формѣ и сложности, манила ихъ обиліемъ цѣнныхъ и увлекательныхъ свѣдѣній, вводила въ ихъ сознаніе рядъ новыхъ понятій, пріучала даже къ инымъ пріемамъ мысли, какъ только они пытались основательнѣе и прочнѣе усвоить эти свѣдѣнія. Необходимость учиться у иноземцевъ создавала новыя знакомства и отношенія, открыла въ московскую среду доступъ иностранцамъ въ такомъ количествѣ, какого раньше не бывало; подъ Москвой создался цѣлый уголокъ западно-европейскаго быта, «Иноземная слобода», знакомившая съ болѣе свободной, лучше обставленной по комфорту и удобству частною жизнью. Передъ русскими людьми развертывался постепенно новый культурный міръ, интересный и привлекавшій не одной новизной. Онъ былъ силенъ удовлетвореніемъ потребностей, которыя настойчиво стали пробуждаться въ московскомъ государствѣ и обществѣ. Это были потребности, не находившія мѣста и пищи въ традиціонномъ укладѣ русской національной старины, и приходилось мириться съ тѣмъ, что средства для ихъ удовлетворенія несли на себѣ печать иноземной и иновѣрной культуры. На иностранцевъ пришлось опереться въ организаціи полковъ новаго ратнаго строя, въ развитіи русской артиллеріи и въ первыхъ попыткахъ кораблестроенія, въ расширеніи «врачебнаго строенія», въ устройствѣ заводовъ и начатковъ фабричнаго производства. Расширеніе торговли ввело въ московскую среду обиліе иноземныхъ товаровъ, нѣмецкихъ и польскихъ. Въ обстановкѣ царскаго дворца и боярскихъ дворовъ появились новая мебель, зеркала, статуэтки, часы «съ хитрыми украшеніями», золоченые «нѣмецкіе» стулья, столы «нѣмецкой» и «польской» работы; заграничное ремесленное художество имѣло успѣхъ, вос-

Серебряный кубокъ на стоянѣ, вмѣстѣ болѣе 2-хъ арш. вышины. Поднесенъ ц. Алексѣю Михайловичу бояриномъ Б. И. Морозовымъ. Хранится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

питывало новыя привычки и эстетическіе вкусы. За внѣшними новинками развивались и болѣе глубокіе интересы. Растетъ переводная литература съ латинскаго, польскаго, нѣмецкаго языковъ, растетъ и нѣкоторое знакомство русскихъ людей боярскаго и приказнаго круга съ иностранными языками. Малороссы принесли въ Москву новые литературные вкусы и новый литературный стиль, выросшій на западномъ, латино-польскомъ корню. Новизна проникаетъ даже въ заповѣдную область церковнаго искусства. Еще при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ появились въ Москвѣ иностранные живописцы, писавшіе портреты и картины аллегорическаго, миѳологическаго и историческаго содержанія для покоевъ царскихъ и боярскихъ. Они явились учителями русскихъ художниковъ, занимавшихся одновременно и свѣтской живописью и иконописью. Сближеніе съ Малороссіей приводитъ въ Москву западно-русскихъ «знаменщиковъ» съ ихъ западной школой и вкусами. Широкое распространеніе получаютъ западныя гравюры и иллюстрированныя изданія священнаго писанія. Старая иконописная традиція не выдержала натиска новыхъ вѣяній, постепенно отступая передъ «фряжскимъ» иконнымъ письмомъ, либо приспособляясь къ нему, принимая въ себя рядъ новыхъ элементовъ. Тщетной была попытка патр. Никона остановить это теченіе истребленіемъ фряжскихъ иконъ и анаѳемой на всѣхъ, кто ихъ писать и держать будетъ: самъ Богъ вступился за освященныя иконы новаго письма, поразивъ Москву эпидеміей. Новое, подражательное искусство страдало манерностью и часто вычурностью непонятыхъ формъ, но оно, по своему, вносило въ живопись свѣтлую струю признанія красоты линій и тоновъ самостоятельною цѣнностью художества, которой служило искусство «умѣренной фрязи» царскаго иконописца Симона Ушакова, и его ученикъ Іосифъ Владиміровъ въ особомъ полемическомъ разсужденіи ее защищалъ.

Въ значительной мѣрѣ во главѣ увлеченія европейскими и кіевскими новинами стоялъ царскій дворецъ. Не говоря о томъ, что отъ царской власти шелъ починъ усвоенія новой техники военнаго и промышленнаго дѣла, какъ и покровительство торговымъ сношеніямъ съ Западной Европой, государевъ верхъ былъ главнымъ заказчикомъ и покупателемъ иноземнаго художества и иноземныхъ товаровъ, постепенно перерождая весь стиль своей обстановки. Эстетическая и балованная натура влекла царя Алексѣя къ красивой новизнѣ, украшавшей дворцовый бытъ, увеличившей и его комфортъ. По его почину возникли впервые въ Москвѣ «комедійныя дѣйства», устроенныя пасторомъ Грегори съ помощью московской иноземной молодежи. Грегори пришлось затѣмъ обучить «комедійному дѣлу» и русскихъ, набранныхъ для того по государеву указу, и руководить обученіемъ дворовыхъ людей боярина Матвѣева, первыхъ на Руси «крѣпостныхъ актеровъ», которые, кромѣ того, и на музыкальныхъ инструментахъ играли и новые танцы тан-

цовали. На царскій дворецъ работала, подъ руководствомъ того же Матвѣева, группа рисовальщиковъ и живописцевъ, создавшихъ рядъ роскошныхъ иллюстрированныхъ книгъ для «государева верха». Манила царя Алексѣя новая культура, но и пугала. Въ глазахъ благочестиваго московскаго общества она и въ нѣмецкой и въ польско-кіевской редакціяхъ несла печать латинскую, еретическую. Царь Алексѣй временами поддавался страху и колебанію, внушенному суровой прямолинейностью почитаемаго духовника и его ревностныхъ пріятелей, и издавалъ, напр., указы, запрещавшіе народные гудки и сопѣли, которые отбирались у москвичей по распоряженію патр. Никона, но самъ охотно слушалъ «фіоли, и органы, и струменты»; объявлялъ строгіе запреты, чтобы служилые люди «иноземскихъ нѣмецкихъ обычаевъ не перенимали, волосъ у себя на головѣ не подстригали, также и платья, кафтановъ и шапокъ съ иноземскихъ образцовъ не носили и людямъ своимъ носить не велѣли», но не могъ отдаться убѣжденной борьбѣ за незыблемость старыхъ обычаевъ, которые уходили въ прошлое.

Принимая западныя «новшества», русскіе люди переживали глубокій переломъ основныхъ бытовыхъ понятій. Они научались строже прежняго отдѣлять свѣтское отъ духовнаго, мірское отъ церковнаго. Трудно было привыкнуть къ мысли, что можно оставаться русскимъ и православнымъ, живя въ обстановкѣ «латинскаго»

Золотой умывальный приборъ царицы Натальи Кирилловны.
Хранится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

Запада и по его обычаю, но постепенно крѣпло сознаніе, что свѣтская жизнь, бытъ частный и государственный — самостоятельная область дѣятельности и творчества, независимая отъ церковной, съ нею несоизмѣримая и потому ей ни въ чемъ, по существу, не противорѣчащая. Ростъ свѣтской культуры, свѣтскаго просвѣщенія былъ лишь одной изъ сторонъ культурнаго перелома, пережитаго московской Русью въ XVII в. Сложныя политическія задачи государства выдвигали новыя воззрѣнія на бытъ государственный, и то отдѣленіе «дѣлъ гражданскихъ» отъ «дѣлъ церковныхъ», какое было провозглашено на соборѣ 1667 года, знаменовало не только попытку отстоять независимость церкви, но и назрѣвшую необходимость секуляризаціи самой идеи государства, которое имѣетъ свои цѣли и задачи, независимыя отъ церковнаго руководства религіозной и нравственной жизнью вѣрующихъ. Средствами свѣтскаго просвѣщенія, заимствуемыми съ иновѣрнаго Запада, вскормлено въ XVII в. представленіе о государствѣ, которое возьметъ на себя руководство жизнью націи въ ея политическомъ быту, въ народномъ хозяйствѣ и мірскомъ, житейски нужномъ просвѣщеніи. Программа этой широкой системы государственной опеки надъ народною жизнью ради земныхъ политическихъ и культурныхъ цѣлей, независимыхъ отъ церковно-религіозныхъ воззрѣній, развита при царѣ Алексѣѣ въ трудахъ пришлаго питомца Западной Европы, Юрія Крижанича. Онъ мечталъ пріобщеніемъ къ западной культурѣ сблизить русское общество и съ католической вѣроисповѣдной основой Запада. Но осуществленіе этой государственной и просвѣтительной программы Петромъ Великимъ, найдя опору въ культурныхъ силахъ протестантскаго сѣвера, привело къ торжеству свѣтскаго государства и новой свѣтской культуры надъ средневѣковыми идеалами священнаго царства и оцерковленнаго государства, дорогихъ его отцу и людямъ стараго поколѣнія. Преобразованная Никономъ и царемъ Алексѣемъ церковь отступила въ область частной и общественно - бытовой религіозной жизни, а послѣдователи «начальныхъ отцовъ» старой вѣры прокляли новое государство и новую культуру, какъ проклинали и церковныя новшества, нарушавшія цѣльность московской національной традиціи.

V.

Внѣшняя политика при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.

Перестройка внутреннихъ отношеній Московскаго государства подъ державой царя Алексѣя совершалась въ связи съ огромной затратой силъ на борьбу съ внѣшнимъ врагомъ. Ея результаты тѣсно сплелись съ новыми тенденціями московской жизни, такъ какъ выводили ея государственность изъ рамокъ великорус-

ской племенной замкнутости на болѣе широкое поприще «всероссійской» политики. Поднялась борьба за западную и южную Русь, подготовленная вѣковой традиціей русско-литовскихъ отношеній и, въ свою очередь, подготовившая основныя черты всей политики XVII и XVIII вв., до ея завершенія императрицей Екатериной II. Въ первую половину XVII столѣтія усилія Московскаго государства сосредоточены на томъ, чтобы укрѣпиться на тѣхъ позиціяхъ, какія удалось удержать за собой. Пришлось примириться на западѣ съ потерей финскаго побережья, Смоленска и Сѣверской Украйны; на югѣ и юго-востокѣ рядъ обширныхъ фортификаціонныхъ работъ въ 30-хъ, 40-хъ и 50-хъ гг. XVII в. создалъ непрерывную линію укрѣпленій отъ Ахтырки на р. Ворсклѣ до Уфы, чѣмъ значительно облегчена была оборона этой тревожной границы. Но потери были слишкомъ чувствительны, отняли у Москвы прямой путь на западъ, отрѣзали ее отъ Поднѣпровья. Почти безпрерывная борьба на югѣ противъ татарскихъ набѣговъ указывала на необходимость пробиться къ Черному морю, какъ единственной спокойной границѣ, способной обезпечить миръ съ этой стороны. Но Московское государство было еще слишкомъ слабо для подобнаго предпріятія, да и техническія трудности похода по степи на Крымъ издавна останавливали воинственные планы. Для борьбы съ татарами нужны были опорные пункты въ нижнемъ Днѣпровьи и въ южныхъ степяхъ, куда все смѣлѣе тянулась русская колонизація. Только что собравшись съ силами, московская Русь стояла передъ неизбѣжностью широкой активной политики, чтобы сломить условія, которыя не только непрерывно грозили ея безопасности, но и слишкомъ связывали развитіе ея народнаго хозяйства, лишая ее свободныхъ торговыхъ путей для участія въ международной торговлѣ и замыкая пути колонизаціоннаго движенія въ манившія земледѣльца богатыя южныя области. Эти элементарные мотивы къ попыткамъ наступательнаго движенія углублялись и осложнялись вѣковой національно-религіозной традиціей, призывавшей къ вмѣшательству въ судьбы русскаго по крови и православнаго по вѣрѣ населенія за предѣлами Московскаго государства. Событія, разыгравшіяся въ Речи Посполитой, дали рѣшительный толчокъ къ выходу московской политики изъ неустойчиваго равновѣсія въ тѣсныхъ и искусственныхъ границахъ. Возстаніе Богдана Хмельницкаго создало положеніе слишкомъ острое, чтобы его разрѣшеніе не коснулось насущнѣйшихъ интересовъ Москвы. Казацкій вождь послѣ неудачныхъ попытокъ выгоднаго компромисса съ польской властью искалъ помощи у турецкаго султана, у Швеціи и Москвы. Но если другія сношенія были дѣломъ личной политики гетмана, то вопросъ о переходѣ изъ-подъ польской власти подъ «высокую руку» московскаго царя ставился на очередь настроеніемъ малорусскаго общества и рядового его духовенства. Это настроеніе стало опредѣляться

со времени возстановленія православной іерархіи въ 1620 г. Ставленникъ іерусалимскаго патріарха Θеофана, митрополитъ кіевскій Іовъ Борецкій, сдѣлалъ за десять лѣтъ своего святительства весьма много не только для возрожденія въ населеніи православнаго рвенія, но и для пропаганды симпатій къ Москвѣ, и заводилъ даже рѣчь на Москвѣ черезъ своихъ посланцевъ о томъ, чтобы Малороссіи «быть подъ государевой рукой». Съ тѣхъ поръ установилось усердное покровительство царя и патріарха южно-русской церкви, хотя малорусскіе іерархи со временъ Петра Могилы измѣнили взглядъ на Москву и, дорожа церковными сношеніями и получаемой матеріальной поддержкой, устранялись отъ какихъ-либо политическихъ вопросовъ и смотрѣли скорѣе съ прямымъ недовѣріемъ на суровую московскую власть. Но традиціи Борецкаго жили въ средѣ монашеской и въ средѣ приходскаго бѣлаго духовенства, а черезъ нихъ и въ массѣ малорусскаго населенія. Еще при самомъ началѣ возстанія Хмельницкаго въ Москву сообщали, что простонародье толкуетъ о переходѣ подъ ея власть, а въ трудную годину 1649 г., послѣ Зборовскаго договора, самъ гетманъ обратился къ царю съ просьбой о принятіи Малороссіи подъ свою оборону. Вопросъ сталъ опредѣленнѣе и острѣе послѣ неудачъ, поразившихъ Богдана въ 1650 г., и ихъ послѣдствія — непріемлемаго для Украйны Бѣлоцерковскаго мира. Московское правительство не сразу отвѣтило на призывъ Хмельницкаго; оно чувствовало себя связаннымъ по «докончанію» съ Польшей, выясняло шансы войны и условія соглашенія съ гетманомъ. Въ 1651 г. дѣло обсуждалось на земскомъ соборѣ и были намѣчены предварительные шаги — попытка дипломатическаго вмѣшательства въ защиту казаковъ и дипломатической демонстраціи, чтобы создать предлогъ къ разрыву мирнаго договора. Вторично, послѣ новыхъ заявленій Хмельницкаго, малороссійское дѣло послужило предметомъ сужденій собора 1653 г., на которомъ было объявлено рѣшеніе принять Малороссію подъ царскую власть и начать за нее войну съ королемъ Яномъ-Казиміромъ. 8 января 1654 г. Хмельницкій и вся старшина цѣловали крестъ на вѣрность царю Алексѣю. Такъ совершилось присоединеніе Малороссіи къ Московскому государству. О сути этого «присоединенія» историки до сихъ поръ держатся разныхъ мнѣній. Условія взаимныхъ отношеній вырабатывались послѣ присяги, были редактированы въ формѣ протокола переговоровъ, гетманскихъ «статей» и московскихъ отвѣтовъ, и не получили строгой и ясной формулировки. За гетманомъ сохранено право иностранныхъ сношеній (кромѣ Турціи и Польши), оставлено главенство во внутреннемъ управленіи; поэтому историки права считаютъ связь Малороссіи съ Москвой личною уніей. Но московское правительство въ тѣхъ же «статьяхъ» оставляло за собой право непосредственнаго управленія и частью осуществляло соотвѣтственныя дѣйствія; поэтому другіе говорятъ либо объ инкорпораціи,

либо о «довольно неопредѣленныхъ отношеніяхъ», дававшихъ Москвѣ возможность постепенно расширять свою власть на Украйнѣ.

Въ 1654 г. началась первая польская война царя Алексѣя. Московскія войска взяли Смоленскъ, заняли Литву. Въ Вильнѣ установлено московское воеводство, царь принялъ титулъ великаго князя Литовскаго. Но съ казаками сразу же возникли недоразумѣнія. Хмельницкій явно не поддерживалъ дѣйствій московскихъ воеводъ, двинутыхъ въ Подолію и Галицію; при осадѣ Львова онъ черезъ Выговскаго совѣтовалъ осажденнымъ не сдаваться, а въ то же время велъ свою политику сношеній съ Турціей, возобновилъ союзъ съ крымскимъ ханомъ, съ трансильванскимъ княземъ и со Швеціей, и явно готовилъ разрывъ съ Москвой. Но еще больше, чѣмъ поведеніе Хмельницкаго, грозили прочности московскихъ успѣховъ дѣйствія Швеціи. Начавъ войну съ Польшей, шведы заняли западную часть Литвы, всю Великую Польшу, взяли Варшаву и Краковъ. Радзивиллы подписали унію Литвы съ шведскимъ королевствомъ подъ условіемъ войны Карла-Густава съ Москвой. Курфюрстъ Бранденбургскій, Хмельницкій, Ракочи вступили со шведскимъ королемъ въ соглашеніе о раздѣлѣ Речи Посполитой. Карлъ-Густавъ себѣ прочилъ Ливонію и Пруссію. Царь Алексѣй рѣшилъ тогда заключить перемиріе съ королемъ Яномъ-Казимиромъ, а вслѣдъ за тѣмъ образовался противъ шведовъ союзъ Даніи, Австріи и Польши, къ которымъ примкнулъ и Бранденбургъ. Смерть избавила Хмельницкаго отъ полнаго крушенія его плановъ, а царь Алексѣй Михайловичъ, вернувъ Польшѣ Литву, удержалъ Ливонію и началъ войну со шведами. Обостреніе шведской опасности выдвинуло въ сознаніи московскаго правительства на первый планъ Балтійскій вопросъ, который нашелъ себѣ убѣжденнаго энтузіаста въ лицѣ А. Л. Ордина-Нащокина. Для этого выдающагося государственнаго дѣятеля очередною и самою важной задачей московской политики было именно пріобрѣтеніе Ливоніи и морского побережья на западѣ. Для этой цѣли, ради широкой перспективы развитія русской торговли черезъ Балтійское море, онъ готовъ былъ отступиться и отъ западно-русскихъ завоеваній, отъ которыхъ «прибыли нѣтъ никакой, а убытки большіе», и отъ Малороссіи. Но быстрый ходъ событій на югѣ и личное настроеніе царя Алексѣя убили его мечты. Царь Алексѣй Михайловичъ мысль Нащокина о возможности отступиться отъ «черкасскаго дѣла», ради прочнаго союза съ Польшей противъ шведовъ, признавалъ «непристойной», подобной тому, какъ «отдать святой хлѣбъ собакѣ». И «черкасское дѣло» заняло первое мѣсто въ его политикѣ. По смерти Хмельницкаго началась въ Украйнѣ «великая шатость». Малороссы выбились изъ-подъ польской государственной власти, смели «панскій» строй общественныхъ отношеній, но не успѣли выработать сколько-нибудь прочной соціально-политической организаціи. Во главѣ управленія стоялъ гетманъ съ

диктаторской властью, вокругъ него старшина, по теоріи избираемая, какъ и гетманъ, свободнымъ выборомъ казацкаго войскового круга, на дѣлѣ же сложившаяся въ богатую и вліятельную аристократію, которая свела всякіе выборы къ простой формальности. Казацкая масса, вольнолюбивая и буйная, плохо сносила старшинское ярмо, чувствуя себя носительницей украинскаго народовластія, къ которому тянулась и крестьянская масса, только что сбросившая панское иго. Въ этой пестрой средѣ Хмельницкій занялъ позицію представителя верховной власти надъ всѣмъ малорусскимъ народомъ, но московское правительство, какъ прежде власть польская, желало признавать въ гетманѣ не администратора Украйны, а только главу казацкаго войскового самоуправленія, и взять управленіе страной въ свои руки. Глубокій разладъ между казацкой и народной демократіей, съ одной стороны, и олигархіей старшины—съ другой, давалъ опору въ борьбѣ противъ стремленія малорусскихъ вождей къ политической независимости Украйны. Самъ Хмельницкій въ переговорахъ отдѣлялъ казаковъ отъ крестьянства, предлагая такую статью: «кто казакъ—будетъ вольность казацкую имѣть, а кто пашенный крестьянинъ — тотъ будетъ должность обыклую царскому величеству отдавать», а старшины выпрашивали уже въ его время у царскаго правительства грамоты на земли съ признаніемъ ихъ господской власти надъ крестьянскимъ населеніемъ этихъ земель. Съ другой стороны, крестьянство, плохо знавшее московскіе порядки, видѣло въ попыткахъ старшинъ возстановить «панщину» черту польскаго шляхетскаго быта, которая окрѣпнетъ, какъ только произойдетъ возсоединеніе Украйны съ Речью Посполитой, и тянуло къ Москвѣ, увлекая на свою сторону и рядовое казачество, раздраженное старшинскимъ самовластіемъ. Старшинская среда была носительницей стремленія къ образованію самостоятельнаго малорусскаго государства, готовая, по нуждѣ, итти на унію и подъ протекторатъ либо съ Москвой, либо съ Польшей; казацкой и народной массѣ эта идея была мало понятна и чужда, тѣмъ болѣе, что и у Хмельницкаго она опредѣлилась сколько-нибудь отчетливо развѣ подъ самый конецъ его дѣятельности и поставлена въ «статьяхъ» 1654 года. Гетманомъ послѣ смерти Богдана Хмельницкаго старшина выбрала Ивана Выговскаго, хотя войсковой кругъ стоялъ за малолѣтняго Юрія Хмельницкаго; казацкіе полки, связанные съ Запорожьемъ, противопоставили ему Мартына Пушкаря, который обратился въ Москву съ извѣтами на Выговскаго. Москва признала Выговскаго, но, пользуясь разладомъ, пыталась дальше вести присоединеніе Малороссіи: передать управленіе и сборъ налоговъ своимъ воеводамъ, подчинить кіевскую митрополію своему патріарху, сводя полномочія гетмана и его рады къ кругу чисто казацкихъ дѣлъ. Выговскій рѣшилъ сломить внутреннихъ враговъ, съ татарской помощью разбилъ Пушкаря и въ 1658 г. заключилъ въ Гядачѣ

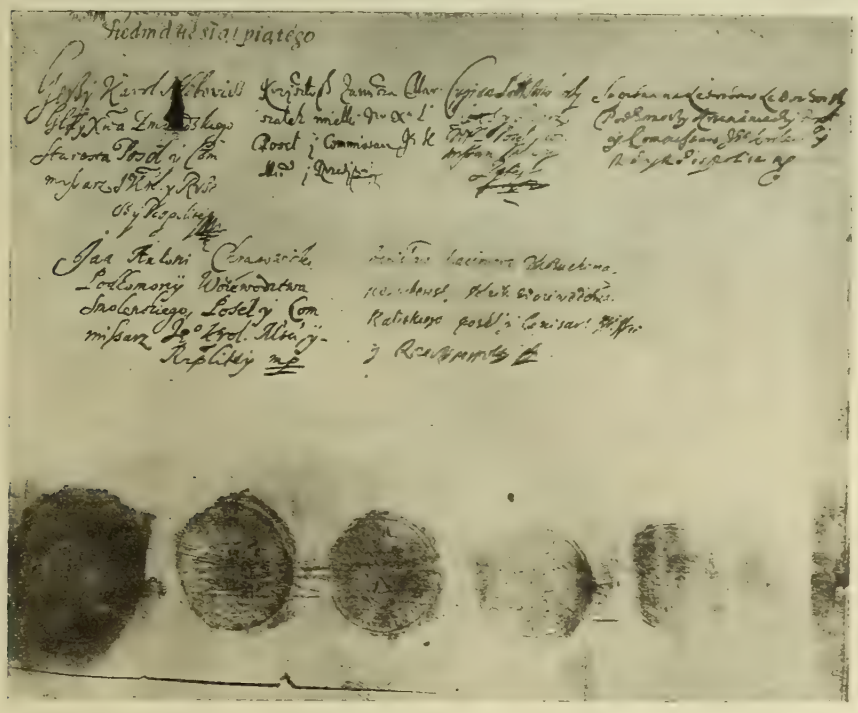
договоръ съ Польшей объ образованіи изъ Украйны великаго княжества Русскаго, которое на началахъ внутренней автономіи войдетъ въ составъ Речи Посполитой рядомъ съ королевствомъ Польскимъ и великимъ княжествомъ Литовскимъ. Внутренняя усобица сгубила Выговскаго, гетманомъ сталъ Юрій Хмельницкій. Въ переговорахъ съ Москвой старшинская рада Юрія попыталась опредѣлить отношенія въ духѣ гарантій своей автономіи, но кн. Трубецкой принудилъ ее на войсковой радѣ 1659 г. принять «статьи», которыя ограничивали власть гетмана и отдавали въ руки московскихъ воеводъ, сверхъ Кіева, еще пять городовъ; отрѣзать Сѣверщину на московскую сторону Трубецкому не удалось. Отношенія оставались крайне сложными, а вести ихъ приходилось съ большой осторожностью: съ 1657 г. возобновилась польская война и шла далеко не такъ успѣшно, какъ первая. На сѣверѣ русскіе терпѣли неудачи, потеряли Литву и Бѣлоруссію. На югѣ Хмельницкій вынужденъ былъ перекинуться на польскую сторону, бояринъ Шереметевъ капитулировалъ подъ Чудновымъ. Борьба затягивалась и вела въ сознанію, что всей Украйны не удержать. Московская политика намѣтила, по выраженію царя Алексѣя, «средній путь» — раздѣлъ Малороссіи по Днѣпру съ тѣмъ, однако, чтобы удержать за собой и Кіевъ. Къ этой цѣли, какъ возможному минимуму, направлены дальнѣйшія усилія Москвы. Раздѣлъ подсказывался внутренними отношеніями Малороссіи, гдѣ въ лѣвобережной Украйнѣ утвердился гетманомъ Брюховецкій, а въ правобережной Дорошенко. Брюховецкій, выдвинутый демократической массой казачества, искалъ опоры въ Москвѣ, согласился самъ просить о введеніи въ Малороссіи московскаго управленія и податного оклада, поддерживалъ проектъ подчиненія малорусской церкви московскому патріарху, заслужилъ чинъ боярина и женился на боярышнѣ кн. Долгорукой.

Поставивъ малороссійскій вопросъ на вполнѣ реальную почву, правительство царя Алексѣя не колебалось уже между этой задачей и стремленіемъ къ Балтійскому морю. Въ 1658 г. заключено было перемиріе со шведами, по которому пришлось согласиться на отказъ отъ морского берега; но измѣненіе всей политической конъюнктуры, когда Карлу XI, преемнику Карла-Густава, удалось заключить Оливскій миръ (1660) съ Польшей, Бранденбургомъ и Австріей, а затѣмъ помириться и съ Даніей, заставило отступиться и отъ Ливоніи. Кардисскій миръ 1661 г. разрушилъ всѣ планы Ордина-Нащокина: Москва осталась при старой границѣ со Швеціей. Теперь царь призвалъ Нащокина, который тщетно отстаивалъ свою западную программу и примиреніе съ Польшей, къ осуществленію своего «царскаго пути» въ черкасскомъ дѣлѣ: это былъ довѣренный дипломатъ царя, который не могъ, по обычаю, поставить его во главѣ посольства, но переписывался съ нимъ черезъ Тайный приказъ, помимо начальныхъ бояръ-пословъ. Переговоры

съ Польшей о раздѣлѣ Малороссіи затянулись изъ-за новыхъ военныхъ неудачъ и споровъ о Кіевѣ. Только 3 января 1667 г. удалось Нащокину заключить Андрусовское перемиріе на $13^1/_2$ лѣтъ, по которому Москва сохраняла восточную Украйну, а Кіевъ на два года. Это перемиріе предрѣшило исходъ малороссійскаго вопроса въ XVII в., такъ какъ на его основѣ состоялся и вѣчный миръ 1686 года. По возвращеніи Нащокина съ посольскаго съѣзда ему сказано боярство и пожаловано званіе «царственныя большія печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегателя», званіе, которое можно приравнять къ званію канцлера, съ порученіемъ вѣдать Посольскій приказъ вмѣстѣ съ приказомъ Малороссійскимъ. Важнѣйшею изъ возложенныхъ на него задачъ самъ царь считалъ «одержаніе Кіева». Тотъ же вопросъ сильно волновалъ малороссовъ, опасавшихся возврата Кіева полякамъ, въ виду извѣстныхъ мнѣній Нащокина о «ненадобности» черкасскихъ городовъ; московскій канцлеръ направилъ усилія на то, чтобы сдѣлать принятіе Кіева по истеченіи условленнаго срока невозможнымъ для самихъ поляковъ и закрѣпить его связь съ Москвой сосредоточеніемъ въ ней церковнаго управленія. Нащокинъ искалъ въ смутѣ на правомъ берегу Днѣпра средства парализовать польскія притязанія на Кіевъ и сталъ склонять Дорошенка къ отдѣленію отъ Польши, обѣщая московское покровительство. Это запутало Нащокина въ интриги правобережнаго гетмана Дорошенка и довело его до потери вліянія. Дорошенко мечталъ о другомъ возсоединеніи Украйны и только использовалъ шаги Нащокина, чтобы напугать Брюховецкаго, поднять московскую половину Украйны и, погубивъ соперника, стать во главѣ всей Малороссіи противъ Москвы и Польши подъ покровительствомъ турецкаго султана. Движеніе быстро оборвалось, и лѣвый берегъ Днѣпра смирился предъ Москвой, но теперь царь Алексѣй, подъ вліяніемъ А. С. Матвѣева, склонялся къ болѣе энергичной политикѣ; подтвержденіе Андрусовскаго перемирія съ сохраненіемъ за Москвой Кіева на неопредѣленное время уже не удовлетворяло, въ Москвѣ мечтали о подчиненіи черезъ Дорошенка и правобережной Украйны, повѣривъ его переговорамъ о московскомъ протекторатѣ. Ординъ-Нащокинъ долженъ былъ уступить Матвѣеву управленіе Малороссійскимъ приказомъ, а затѣмъ и свое канцлерство. Началась борьба за западную Малороссію, приведшая къ первой русско-турецкой войнѣ, такъ какъ султанъ прислалъ свои войска по призыву Дорошенка. Эта война не была закончена при жизни царя Алексѣя, а послѣ него оставила слѣдъ лишь въ большихъ потеряхъ, кровавой «руинѣ» правобережной Украйны и усиленномъ бѣгствѣ ея населенія въ предѣлы Московскаго государства. Малороссійскій вопросъ надолго остался въ томъ положеніи, какое создано Андрусовскимъ перемиріемъ и его подтвержденіемъ въ 1669 году.

Задача объединенія подъ царской властью всего русскаго и православнаго населенія восточно-европейской равнины далеко не

была разрѣшена при царѣ Алексѣѣ. Но политическая и культурная жизнь русская развернулась много шире, чѣмъ во времена великорусскаго государства Даниловичей. Малорусскія силы потянули къ Москвѣ, которая овладѣла — хотя и съ большимъ трудомъ — и ихъ кіевскимъ центромъ. Это было крупнымъ шагомъ въ политикѣ, подготовлявшей перерожденіе московскаго царства въ монархію всероссійскую. Всѣ основныя черты такой политики отчетливо поставлены въ царствованіе царя Алексѣя: борьба за Балтійское море и за подчиненіе русской государственной власти всего русскаго



Подписи и печати польскихъ уполномоченныхъ на оригиналѣ Андрусовскаго договора.

Оригиналъ хранится въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

населенія Речи Посполитой, расширеніе южной границы все дальше къ Черному морю, пока русская государственность не станетъ твердо на его берегахъ, избавившись отъ вѣковѣчной крымской тревоги. Широко раскидывается въ это время русская колонизація на востокъ, гдѣ поиски новыхъ земель привели къ занятію Анадырскаго края, Забайкалья и къ первымъ попыткамъ утвердиться на Амурѣ. Всѣмъ этимъ очерченъ кругъ задачъ и отношеній, которыя наполнятъ собой внѣшнюю работу государства на весь XVIII вѣкъ. Въ то же время московское государство значительно углубило свои связи съ Западной Европой. Ординъ-Нащокинъ, заново регулируя внѣшнюю

торговлю въ «Новоторговомъ уставѣ», дѣятельно заботится объ укрѣпленіи торговыхъ сношеній съ Англіей и Голландіей, ищетъ новыхъ путей для русской торговли, завязываетъ переговоры съ Франціей, Испаніей, Венеціей, заключаетъ торговые договоры съ Пруссіей и Швеціей. Съ другой стороны, сознавая значеніе Россіи, какъ посредницы между Европой и Азіей, онъ провелъ въ 1667 г. торговый договоръ съ персидской компаніей армянскихъ купцовъ, ведшихъ обширный торгъ шелкомъ, и усиленно выдвигалъ вопросъ о русской торговлѣ въ Средней Азіи. Московское государство при царѣ Алексѣѣ сознательно готовилось вступить въ «рангъ первоклассной европейской державы», въ который и было возведено его великимъ сыномъ.

Мѣдныя чеканенныя вызолоченныя доски, служившія для украшенія троновъ. Хранятся въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

ЦАРЬ

Θеодоръ Алексѣевичъ.

(1661 — 1676 — 1682).

Царь Θеодоръ Алексѣевичъ, третій сынъ царя Алексѣя Михайловича отъ брака съ Маріей Ильиничной Милославской, родился въ 1661 году. Образованіе, которое царь Алексѣй старался дать дѣтямъ, не ограничивалось уже одною первоначальною грамотностью, усвоеніемъ псалтыря и часослова. Царевичъ Θеодоръ, какъ и ранѣе старшій его братъ царевичъ Алексѣй, умершій въ 1670 г., прошелъ высшій курсъ науки у знаменитаго богослова, проповѣдника, оратора и стихотворца, воспитанника Кіевской академіи, Симеона Полоцкаго, состоявшаго въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича при московскомъ дворѣ. Симеонъ преподавалъ царскимъ дѣтямъ латинскій языкъ, піитику, риторику и богословіе. Есть извѣстіе, что царевичъ Алексѣй обнаруживалъ склонность къ латинскому языку, а Θеодоръ увлекался стихотворствомъ и подъ руководствомъ Полоцкаго переложилъ въ стихи два псалма: 132-й и 145-й. Вѣроятно, не безъ вліянія того же «дидаскала» царевичъ обучился и польскому языку, на которомъ свободно говорилъ.

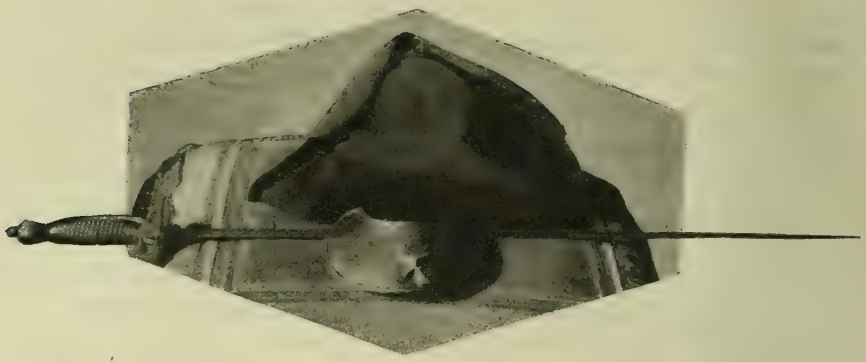
О характерѣ и личности Ѳеодора намъ мало извѣстно. Изъ позднѣйшаго разсказа Петра Великаго мы знаемъ про страсть его къ лошадямъ. Петръ въ одномъ изъ укоризненныхъ писемъ къ сыну Алексѣю порицаетъ его за его неохоту къ военному дѣлу и выражаетъ опасеніе, что и подданные потеряютъ къ этому дѣлу охоту. Подчиненные, по словамъ Петра, въ своихъ вкусахъ и склонностяхъ всегда слѣдуютъ вкусамъ и склонностямъ начальника. Въ доказательство этой мысли царь и приводитъ воспоминаніе о своемъ старшемъ братѣ. «Аще кладешь въ умѣ своемъ,—пишетъ онъ сыну,—что могутъ то генералы по повелѣнію управлять; но сіе воистину не есть резонъ; ибо всякъ смотритъ начальника, дабы его охотѣ послѣдовать, что очевидно есть; ибо во дни владѣнія брата моего. не всѣ ли паче прочаго любили платье и лошадей?... Спроси всѣхъ, которые помнятъ вышеупомянутаго брата моего, который тебя несравненно болѣзненнѣе былъ и не могъ самъ ѣздить на досужихъ лошадяхъ, но имѣлъ великую къ нимъ охоту, непрестанно смотрѣлъ и передъ очми имѣлъ; чего для никогда бывала, ниже нынѣ есть такая здѣсь конюшня».

Въ 1673 г., когда царевичу Ѳеодору исполнилось 12 лѣтъ, царь Алексѣй «объявилъ» его наслѣдникомъ престола и представилъ собравшимся въ Москвѣ «чинамъ» московскаго государства. Послѣ смерти отца Ѳеодоръ занялъ престолъ 30 января 1676 года. 18 іюня того же года происходила его коронація. На двадцатомъ году возраста, въ іюлѣ 1680 г., онъ женился на дѣвицѣ изъ незнатнаго рода Грушецкихъ, Агаѳіи Семеновнѣ, которая черезъ годъ скончалась отъ родовъ, принеся ему сына царевича Илью, умершаго черезъ три дня послѣ матери. Въ февралѣ 1682 г. царь вступилъ во второй бракъ съ Марѳой Матвѣевной Апраксиной и прожилъ съ нею только два мѣсяца съ половиной. Какъ всѣ сыновья царя Алексѣя Михайловича отъ брака съ Маріей Ильиничной Милославской, Ѳеодоръ былъ хилаго тѣлосложенія и слабаго здоровья. 27 апрѣля 1682 г. онъ скончался.

Слишкомъ юный и болѣзненный по природѣ Ѳеодоръ Алексѣевичъ за шесть лѣтъ своего царствованія, въ особенности же въ первые годы, не могъ проявить никакой самостоятельности. Дѣйствительная власть при немъ находилась въ рукахъ придворныхъ. Внѣшнюю политику и внутреннія событія этого кратковременнаго царствованія (1676 — 1682 г.) мы разсмотримъ нѣсколько ниже въ связи съ годами правленія царевны Софьи (1682 — 1689 г.), которые служатъ непосредственнымъ продолженіемъ царствованія Ѳеодора и тѣсно примыкаютъ къ нему. Теперь же взглянемъ только на составъ и взаимоотношеніе придворныхъ партій при Ѳеодорѣ. Придворное общество раскалывалось при немъ на три партіи. Въ первые годы его правленія политическое вліяніе принадлежало его родственникамъ по матери—Милославскимъ. Во главѣ этой партіи стоялъ старѣйшій изъ Милославскихъ, бояринъ

Иванъ Михайловичъ; далѣе мы видимъ вызваннаго изъ Казани воеводу Ивана Богдановича Милославскаго, стольника Александра Милославскаго, двухъ братьевъ Толстыхъ, Ивана и Петра Андреевичей. Въ тѣсномъ союзѣ съ Милославскими дѣйствовали вліятельный бояринъ Богданъ Матвѣевичъ Хитрово со своими родственниками; душою партіи была одна изъ дочерей царя Алексѣя, царевна Софья. Въ послѣдніе годы царствованія Ѳеодора партія Милославскихъ была, однако, нѣсколько оттѣснена выдвинувшимися царскими любимцами, и, кажется, единственно въ этомъ освобожденіи отъ родственной опеки и въ передачѣ ея новымъ фаворитамъ юный царь проявилъ нѣкоторую самостоятельность. Вліяніе получили теперь возведенный въ бояре Иванъ Максимовичъ Языковъ, тонкій и ловкій придворный, «глубокій, — по отзыву современника,— московскихъ, прежде площадныхъ, потомъ и дворскихъ обхожденій проникатель», человѣкъ незнатный, появлявшійся сначала только «на площади», т.-е. на площадкѣ внутренняго крыльца, гдѣ толпилось по утрамъ придворное общество низшаго ранга, а затѣмъ проникнувшій и во внутренніе апартаменты дворца; вмѣстѣ съ нимъ выдвинулись постельничій Алексѣй и чашникъ Семенъ Лихачевы. Значеніе Языкова и Лихачевыхъ съ ихъ родичами особенно усилилось въ послѣдніе мѣсяцы жизни Ѳеодора со времени его второго брака со свойственницей Языкова Марѳой Матвѣевной Апраксиной.

Наконецъ, третью партію, отстраненную, находившуюся въ тѣни, составляли Нарышкины съ царицей Натальей во главѣ. Сила этой партіи заключалась въ А. С. Матвѣевѣ, опытномъ государственномъ дѣльцѣ, человѣкѣ также выдвинувшемся своими трудами и заслугами. Но Матвѣевъ былъ сосланъ вскорѣ же по воцареніи Ѳеодора, и безъ него положеніе партіи было печально. Нарышкины—отецъ царицы Кириллъ Полуектовичъ и ея многочисленные братья—были политически ничтожными людьми, а сколько-нибудь видные и выдающіеся изъ Нарышкиныхъ были также сосланы. Впрочемъ, въ послѣдніе мѣсяцы жизни Ѳеодора, именно со времени его второй женитьбы, появились признаки наступленія для Нарышкиныхъ лучшихъ дней. Царица Марѳа Матвѣевна была крестницей Матвѣева и хлопотала передъ царемъ о возвращеніи крестнаго. Языковы и Лихачевы обнаруживаютъ стремленіе сблизиться съ Нарышкиными, и Матвѣевъ былъ переведенъ изъ Пустозерска сначала на Мезень, а затѣмъ «до указа» въ одинъ изъ костромскихъ пригородовъ Лухъ.—Таково было положеніе дворцовыхъ партій, когда умеръ царь Ѳеодоръ.



Шляпа, бывшая на Петрѣ Великомъ во время битвы подъ Полтавой.—Его шпага и нагрудный знакъ.

Хранятся въ Артиллерійскомъ музеѣ въ Петербургѣ.

ИМПЕРАТОРЪ

Петръ I Алексѣевичъ Великій.

I.

Избраніе Петра на царство.—Его дѣтство и первоначальное обученіе.

По внѣшности монархія въ Московскомъ государствѣ XVII в. имѣла избирательный характеръ, но престолъ дважды уже переходилъ отъ отца къ старшему сыну, и участіе земскаго собора при вступленіи Алексѣя, а еще болѣе при объявленіи наслѣдникомъ Ѳеодора было не болѣе, какъ простою церемоніей. Естественнымъ поэтому былъ переходъ царскаго вѣнца отъ бездѣтнаго Ѳеодора къ слѣдующему брату Іоанну, чего, конечно, и желали Милославскіе. Но партія Языковыхъ и Лихачевыхъ, хорошо понимая, что въ такомъ случаѣ вся власть перейдетъ опять къ Милославскимъ, и, можетъ-быть, опасаясь съ ихъ стороны мести за временное отстраненіе, сблизилась съ Нарышкиными и это сближеніе рѣшило дѣло въ пользу Петра. Къ союзу Языковыхъ съ Нарышкиными примкнулъ и патріархъ Іоакимъ. Предлогомъ къ отстраненію царевича Іоанна было его болѣзненное состояніе, дѣлавшее его неспособнымъ къ правленію. Ожидалась ожесточенная борьба при рѣшеніи вопроса о престолонаслѣдіи. Собираясь во дворецъ на царское избраніе, приверженцы Петра—князья Борисъ и Иванъ Алексѣевичи Голицыны и князья Долгорукіе—надѣли подъ платья панцыри, опасаясь, что споръ съ Милославскими дойдетъ до ножей. Самый ходъ избранія изображается свидѣтелями такъ. Когда всѣ присутствовавшіе во дворцѣ поклонились праху только что скончавшагося царя Ѳеодора и поцѣловали руки

у обоихъ царевичей Іоанна и Петра, патріархъ съ архіереями и боярами вышелъ въ переднюю палату дворца, гдѣ находились, очевидно, высшіе придворные чины, и спросилъ, кому изъ двухъ царевичей быть царемъ. Раздались голоса, что этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ только собраніемъ всѣхъ чиновъ Московскаго государства, земскимъ соборомъ. Этотъ соборъ былъ тотчасъ же созванъ, если уже не былъ приглашенъ заранѣе. «Чины Московскаго государства» собрались на внутренней площади передъ дворцовымъ крыльцомъ у церкви Спаса на Бору. Извѣстно, что

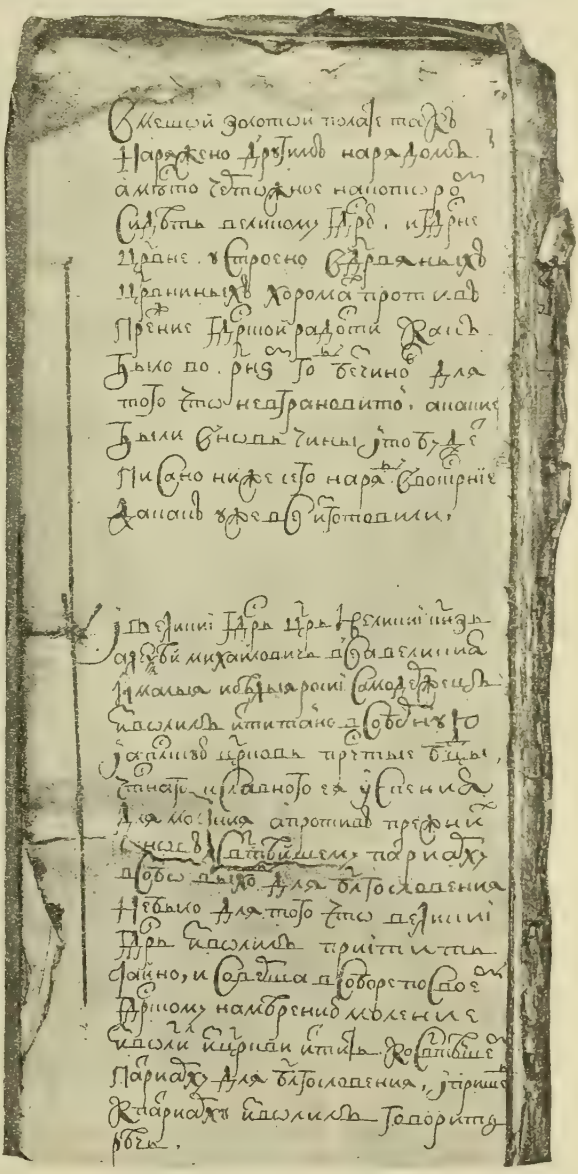
Царица Наталья Кирилловна, родительница Петра Великаго.
Оригиналъ въ Романовской галлереѣ Зимняго дворца.

служилые и тяглые чины столичнаго населенія разсматривались, какъ представители также и провинціальнаго населенія. Служилые люди, входившіе въ составъ, такъ сказать, гвардейскаго дворянскаго корпуса, стольники, стряпчіе, дворяне московскіе и жильцы представляли тѣ уѣзды, гдѣ они владѣли помѣстьями и вотчинами, а высшіе разряды московскихъ посадскихъ людей, гости, члены гостиной и суконной сотенъ, набиравшіеся въ Москву изъ провинціальныхъ посадовъ, но продолжавшіе нерѣдко владѣть въ этихъ посадахъ имуществомъ и вообще не терявшіе съ

родными связей и отношеній, служили представителями посадскаго населенія всего государства, такъ что въ лицѣ столичнаго населенія у правительства былъ всегда подъ рукою готовый земскій соборъ. Такой соборъ въ экстренныхъ случаяхъ оно и собирало; московскіе чины, очевидно, и теперь были созваны рѣшить вопросъ о престолонаслѣдіи. Когда патріархъ съ властями и боярами вышелъ къ нимъ — земскій соборъ оказался налицо, въ полномъ своемъ составѣ; и въ самомъ дѣлѣ, присутствовали всѣ общественныя группы, обыкновенно входившія въ его составъ: освященный соборъ съ патріархомъ во главѣ, боярская дума, представители служилаго и тяглаго классовъ. Въ отвѣтъ на обращенный къ собранію вопросъ патріарха, кому изъ обоихъ царевичей быть на царствѣ, послышались крики за Петра Алексѣевича; были крики и за Іоанна Алексѣевича, но первые крики были сильнѣе или, по крайней мѣрѣ, такъ казались руководителямъ собора. Былъ провозглашенъ царемъ Петръ, и патріархъ, вернувшись во дворецъ, благословилъ его на царство.

Царь Алексѣй Михайловичъ былъ женатъ два раза. Въ первый разъ на Маріи Ильиничнѣ Милославской, съ которою прожилъ 20 лѣтъ и которая принесла ему 13 человѣкъ дѣтей: пятерыхъ сыновей и восемь дочерей. Когда она скончалась 2 марта 1669 г., царь вдовѣлъ недолго. У своего любимца Артамона Сергѣевича Матвѣева, котораго онъ посѣщалъ запросто, онъ увидалъ однажды воспитанницу, дочь незнатнаго тарусскаго помѣщика, стольника Кирилла Полуектовича Нарышкина, Наталью Кирилловну, прельстился ея красотою и вступилъ съ нею во второй бракъ 22 января 1671 г. Первымъ ребенкомъ отъ этого брака и былъ Петръ Великій, родившійся въ Кремлевскомъ дворцѣ, 30 мая 1672 г., на память преподобнаго Исаакія Далматскаго, «въ отдачу часовъ ночныхъ», т.-е. передъ разсвѣтомъ. Рожденіе и крестины первенца отъ молодой жены царь отпраздновалъ цѣлымъ рядомъ родинныхъ и крестинныхъ пиршествъ во дворцѣ, изобиловавшихъ «сахарами» и пряниками, согласно съ требованіемъ стариннаго обычая. Первые годы дѣтства Петра протекли въ совершенной противоположности съ послѣдующими. Царевичъ былъ окруженъ самой нѣжной заботой и самою изысканною царственною роскошью. Кромѣ кормилицы Ненилы, къ нему были приставлены двѣ мамки, боярыня Леонтьева и кн. Голицына, и двое дядекъ, бояринъ Р. М. Стрѣшневъ и думный дворянинъ Т. Н. Стрѣшневъ. Для него, какъ это дѣлалось обыкновенно и для другихъ царевичей, къ Кремлевскому дворцу, представлявшему скопленіе безчисленныхъ такого рода пристроекъ, были пристроены особые хоромы, въ которыхъ полъ и стѣны были обтянуты алымъ сукномъ. Колыбель младенца была устроена изъ турскаго бархата «по алой землѣ съ большими золотыми репьями и малыми репейками серебряными, подбита хлоп-

чатой бумагой на рудожелтой подкладкѣ, ремни обтянуты бархатомъ краснымъ венецейскимъ; яблоко у пялецъ объярью по серебряной землѣ съ золотыми и разными шелковыми травами. Пуховикъ и подушки набиты бѣлымъ лебяжьимъ пухомъ». Когда царевичу исполнилось полгода, ему были сшиты кафтанчики зимніе и лѣтніе «изъ бѣлаго атласа, алой объяри на собольихъ пупкахъ, шитые золотомъ, окаймленные нѣмецкимъ кружевомъ съ запонами, низанными жемчугомъ съ серебряными кистями, а пуговицы изумрудныя на золотыхъ спняхъ» (закрѣпахъ).



Запись о бракосочетаніи царя Алексѣя Михайловича съ Натальей Кирилловной.
Хранится въ Москов. Главн. Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ.

По мѣрѣ роста царевича, дѣтская его наполняется игрушками, описаніе которыхъ намъ сохранили дворцовые хозяйственные документы: здѣсь видимъ игрушечную лошадку во всемъ уборѣ съ позолоченными стременами, стуликъ на желѣзныхъ колесахъ, на которомъ царевичъ катался по комнатамъ, качели, изображенія разныхъ птицъ; появляются игрушки иностраннаго происхожденія, музыкальные инструменты, клавикорды и цымбалы; хватаясь за это своими дѣтскими ручонками, Петръ впервые прикасался къ произведеніямъ чужеземнаго, нѣмецкаго искусства. Въ особенности много поступало въ дѣтскую военныхъ игрушекъ: расписанные красками и вызолоченные луки, стрѣлы, барабаны,

топорки, пищали, пистоли, пушечки, знамена, булавы; этого рода игрушки рѣшительно преобладаютъ надъ всѣми другими, показывая, какіе вкусы развиваются у царевича съ самыхъ раннихъ лѣтъ. Количество, въ какомъ эти игрушки требуются въ дѣтскую, показываетъ, что царевичъ играетъ тамъ не одинъ, что онъ окруженъ сверстниками, уже въ дѣтской составлявшими потѣшный отрядъ. Позднѣйшіе потѣшные отряды въ Преображенскомъ—только продолженіе этихъ младенческихъ военныхъ забавъ въ дѣтской кремлевскаго дворца.

Можно думать, что грамотѣ начали обучать царевича еще при жизни отца; есть извѣстіе, что 26 ноября 1675 г. была представлена на Верхъ изготовленная для него азбука, а 27 ноября былъ отслуженъ молебенъ о его многолѣтнемъ здравіи, вѣроятно, передъ началомъ ученія. Но настоящее ученье грамотѣ началось уже въ слѣдующемъ 1676 г., когда по докладу назначеннаго воспитателемъ Петра думнаго дворянина Ѳедора Соковнина былъ къ царевичу взятъ учителемъ дьякъ изъ приказа Большого Прихода Никита Моисеевъ сынъ Зотовъ, «человѣкъ тихій и небражникъ», впослѣдствіи, однако, поставленный своимъ ученикомъ съ титуломъ князь-папы во главѣ знаменитаго «всешутѣйшаго и всепьянѣйшаго собора». Обучивъ царевича читать, Зотовъ прошелъ съ нимъ по обычаю того времени Часословъ, Псалтырь и Евангеліе; первыя двѣ книги, вѣроятно, были выучены наизусть. Впослѣдствіи Петръ былъ знатокомъ священнаго писанія и постоянно въ письмахъ и указахъ приводилъ изъ него цитаты. Свое преподаваніе Зотовъ разнообразилъ пріемами нагляднаго обученія. Замѣтивъ любознательность ученика, онъ показывалъ ему листы и книги съ раскрашенными картинками, на которыхъ изображались «грады, палаты, великіе корабли, бои, взятія городовъ, разныя исторіи въ лицахъ». Такіе листы и книги изготовлялись для царскихъ дѣтей мастерами Оружейной палаты, завѣдывавшей штатомъ придворныхъ живописцевъ и имѣвшей тогда значеніе царской академіи художествъ. Уроки Зотова должны были надолго прерваться, когда онъ въ августѣ 1680 года былъ отправленъ посланникомъ въ Крымъ, гдѣ пробылъ до весны, участвуя въ заключеніи Бахчисарайскаго перемирія. Вскорѣ правильное обученіе Петра и совсѣмъ прекратилось.

Безмятежно, какъ безоблачный лѣтній день, проходили первые, тихіе и радостные три съ половиной года дѣтства. Вдругъ стряслась бѣда. Царь Алексѣй въ январѣ 1676 г. внезапно занемогъ и, прохворавъ 10 дней, скончался. Петръ осиротѣлъ. Старшими дѣтьми царя Алексѣя, ихъ родственниками и приспѣшниками второй бракъ отца съ Нарышкиной былъ встрѣченъ враждебно. Недружелюбное отношеніе къ юной мачихѣ, которая годами была моложе старшихъ дочерей Алексѣя, сдерживаемое при отцѣ, теперь проявилось открыто. Царица-вдова съ малолѣтними дѣтьми

должна была занять во дворцѣ второстепенное мѣсто. Черезъ полгода надъ ней разразился новый ударъ. Ея воспитатель А. С. Матвѣевъ, «пріятель» царя Алексѣя и его первый министръ, ближайшій совѣтникъ царицы послѣ смерти мужа, опора ея и Нарыш-

Петръ Великій въ возрастѣ около 6 лѣтъ.
Съ гравюры Н. Д. Чечулина, сдѣланной по рукописи «Корень Россійскихъ Государей», хранящейся въ Императорской Публичной библіотекѣ въ Петербургѣ.

киныхъ, былъ отправленъ въ ссылку, сначала въ почетную на Верхотурье на воеводство, а затѣмъ въ заточеніе въ Пустозерскъ. Это, кажется, первый въ ряду временщиковъ, которыхъ такъ много будетъ въ XVIII вѣкѣ, внезапно мѣнявшій высшее мѣсто у трона на далекую ссылку въ Сибирь. Лишившись вліятельнаго за-

щитника и покровителя, Нарышкины стали подвергаться гоненію при дворѣ. Два брата царицы, Иванъ и Аѳанасій Кирилловичи, были сосланы изъ столицы.

Съ избраніемъ Петра на царство обстоятельства должны были перемѣниться. Правительницей государства на время малолѣтства Петра естественно становилась его мать. Теперь дѣло Милославскихъ, казалось, было проиграно; они должны были, въ свою очередь, ожидать той участи, которую испытывали Нарышкины. Ихъ вожаки должны были готовиться къ путешествію въ Пустозерскъ и другія подобныя мѣста. Но ни Иванъ Михайловичъ Милославскій, ни царевна Софья не были людьми, способными легко примириться съ неудачей. Царевна Софья была выдающаяся натура, достойная сестра своего великаго брата. Какъ и Петръ Великій, она обращала на себя вниманіе прежде всего своею внѣшностью: тотъ же высокій ростъ, то же могучее тѣлосложеніе, тотъ же быстрый и огненный взоръ, въ которомъ свѣтился живой природный умъ, скорѣе мужской, чѣмъ женскій, по словамъ современника, замѣтившаго, что царевна «великаго ума и самыхъ нѣжныхъ проницательствъ, больше мужеска ума исполненная дѣва». Тѣ же родственныя черты и въ темпераментѣ. Царевна, какъ и ея младшій братъ, отличалась тою же страстностью, той же стремительностью нрава, тою же жестокостью и смѣлостью, съ которою она ломала встрѣчавшіяся ей на пути препятствія, и тою же неразборчивостью въ выборѣ средствъ для достиженія поставленной цѣли. Царевна получила выдающееся образованіе также подъ руководствомъ учителя братьевъ, Симеона Полоцкаго. Съ тѣмъ же чисто революціоннымъ пренебреженіемъ къ старымъ обычаямъ, какъ бы важны и священны они ни казались, нарушая общепринятыя требованія скромности, царевна выступила изъ тишины тѣснаго терема, увлеклась политикой, сначала дѣйствуя какъ скрытая пружина политической борьбы, а затѣмъ открыто ухватилась за власть. Добиваясь власти, она пускала въ ходъ хитрость и интригу, чисто женскія способности, какими не обладалъ всегда открыто дѣйствовавшій Петръ, а затѣмъ шагала черезъ трупы, жестоко расправлялась съ противниками и казнила ихъ безъ суда, не слушая оправданій. Подобно брату, она не можетъ быть спокойной зрительницей идущей вокругъ борьбы и равнодушно смотрѣть, какъ разыгрываются событія. Она бросается въ ихъ водоворотъ и хочетъ быть движущей и направляющей силой. Вездѣ она на первомъ мѣстѣ, вездѣ она приковываетъ къ себѣ общее вниманіе. На похоронахъ Ѳеодора она, презирая общественное мнѣніе, явилась впервые среди публики вопреки обычаю, запрещавшему царевнамъ показываться открыто. Мало того, она обратилась къ собравшейся на дворцовой площади толпѣ съ изъявленіемъ своей скорби и «вопила» при этомъ на всю площадь. Она предсѣдательствуетъ на знаменитомъ диспутѣ съ раскольниками въ Грановитой палатѣ 5 іюля, на который она

вывела и другихъ обитательницъ кремлевскихъ теремовъ, вмѣшивается въ ходъ преній, теряетъ спокойствіе, вскакиваетъ съ мѣста, гнѣвно кричитъ на противниковъ, а послѣ диспута тайно приказываетъ схватить главнаго оппонента, попа Никиту Пустосвята и отсѣчь ему голову. Можно думать, что царевна задолго еще до смерти Ѳеодора стала оказывать вліяніе на политическія дѣла.

Правительница Софья Алексѣевна.
Съ рѣдчайшей гравюры Блотелинга.
Съ экземпляра Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ.

Въ моментъ смерти брата ей было уже безъ малаго 25 лѣтъ (она родилась 17 сентября 1657 г.), возрастъ по тому времени весьма зрѣлый для дѣвицы. По всей вѣроятности, еще при Ѳеодорѣ, уступая требованіямъ страстной природы, побѣждавшей дѣвичью стыдливость, и презирая условности, она вступила въ связь съ выдающимся политическимъ дѣятелемъ, кн. В. В. Голицынымъ, который, можетъ-быть, и выдвинулся благодаря этой связи.

Съ необычайной энергіей царевна Софья и Иванъ Михайловичъ Милославскій принялись поправлять дѣло. Неопытное правительство Нарышкиныхъ безъ Матвѣева дѣйствовало робко и нерѣшительно и допустило рядъ ошибокъ, которыми и воспользовались Милославскіе. Матвѣевъ былъ тотчасъ же по избраніи Петра вызванъ въ столицу, но прибылъ туда только 12 мая вечеромъ, а эти двѣ недѣли Иванъ Михайловичъ, по образному выраженію Соловьева, «кипятилъ заговоръ». По ночамъ къ нему собирались выборные отъ стрѣлецкихъ полковъ, а съ «Верху», отъ царевны Софьи, по стрѣлецкимъ слободамъ также посылались агенты съ деньгами и съ обѣщаніями. Милославскіе пустили въ ходъ находившуюся въ Москвѣ готовую для осуществленія заговора силу, которую проглядѣли и не сумѣли взять въ руки Нарышкины. Этою силою было московское стрѣлецкое войско, московскій пѣхотный гарнизонъ, состоявшій изъ 20 полковъ. Стрѣлецкое войско къ концу царствованія Ѳеодора находилось въ какомъ-то возбужденномъ нервномъ состояніи. Это войско вообще довольно мало напоминало регулярную армію. Стрѣльцы жили особыми слободами, владѣли дворами, занимались на посадѣ торгами и промыслами и были наполовину торгово-промышленными людьми. Такая двойственность положенія не могла служить хорошимъ основаніемъ для воинской дисциплины. При Ѳеодорѣ эта дисциплина совсѣмъ расшаталась. Среди стрѣлецкихъ полковъ въ Москвѣ завелся послѣ похода противъ Разина казацкій обычай: полки собирались на сходки или «въ круги», на которыхъ обсуждали свои дѣла. Большое недовольство въ войскѣ вызывали притѣсненія командировъ, полковниковъ, людей прежде всего чуждой имъ соціальной среды. Стрѣльцы набирались изъ вольныхъ людей, изъ свободныхъ отъ тягла родственниковъ посадскихъ людей или изъ свободныхъ элементовъ сельскаго населенія. Въ полковники надъ стрѣльцами назначались обыкновенно дворяне, приносившіе на службу привычки и пріемы своей крѣпостной вотчины. Стрѣльцы жаловались, что полковники берутъ ихъ въ свои дворы въ деньщики, облагаютъ ихъ всякими поборами и работами въ свою пользу и тѣмъ отвлекаютъ ихъ отъ промысловъ. Полковники, очевидно, распоряжались въ полкахъ, какъ въ своихъ имѣньяхъ. Нѣсколько жалобъ на злоупотребленія полковниковъ было подано правительству еще въ послѣдніе дни царя Ѳеодора. Послѣ его смерти жалобы эти раздались сильнѣе. Во дворецъ явилась депутація отъ шестнадцати полковъ съ обвиненіями противъ командировъ и съ требованіемъ выдачи ихъ войску на расправу. Нарышкинское правительство было застигнуто врасплохъ, растерялось и уступило стрѣльцамъ. Обвиняемые полковники были арестованы, нѣкоторые изъ нихъ были подвергнуты наказанію батогами и кнутомъ, остальные суровому правежу, какому обыкновенно подвергались недоимщики и нерасплатившіеся должники, пока

не уплатятъ взыскиваемыхъ съ нихъ денегъ. Скандальнѣе всего для дисциплины было то, что всѣми этими экзекуціями надъ своими бывшими командирами распоряжались сами же стрѣльцы. Войско совершенно разнуздалось, а тутъ приходятъ льстивые подговоры и обѣщанія отъ Милославскаго и Софьи. Старый начальникъ всего войска бояринъ князь Ю. А. Долгорукій, управлявшій стрѣлец-

Царь Іоаннъ Алексѣевичъ.
Съ гравюры Маттарнови.

кимъ приказомъ, и товарищъ его по управленію приказомъ, сынъ его князь Михайло, теряютъ всякую власть надъ стрѣльцами. Особый авторитетъ среди стрѣльцовъ пріобрѣтаетъ и становится фактическимъ командиромъ войска извѣстный полководецъ въ войнахъ царя Алексѣя съ Польшей, боевой воевода князь И. А. Хованскій, по народному прозвищу «Тараруй», т.-е. болтунъ, хвастунъ. Хованскій до поры держитъ сторону Милославскихъ, возму-

щается избраніемъ Петра и разжигаетъ и безъ того взбудораженныхъ стрѣльцовъ, стращая ихъ, что при новомъ царѣ, котораго Богъ вѣсть почему выбрали, будутъ они у бояръ еще въ бо̀льшемъ ярмѣ, чѣмъ прежде, будутъ у нихъ работать самыя тяжкія работы, а дѣти ихъ будутъ уже совсѣмъ невольниками. Хованскій затрагивалъ и политическія и религіозныя чувства, пророчилъ, что новое правительство поддастъ и все Московское государство въ неволю какому-нибудь чужеземцу, а вѣру православную совсѣмъ искоренитъ. Раздраженіе клокотало въ стрѣлецкомъ войскѣ; достаточно было перваго же повода, чтобы оно вылилось страшнымъ потокомъ. Искусной рукой Милославскихъ это раздраженіе было направлено противъ враждебной партіи, которую рѣшено было разгромить и терроризировать. По рукамъ стрѣльцовъ ходилъ списокъ «измѣнниковъ», особенно враждебныхъ имъ бояръ, которыхъ надо было истребить. Для начала мятежа былъ пущенъ слухъ, что Нарышкины извели царевича Іоанна.

Въ полдень 15 мая раздались звуки набата, и въ Кремль принесено было тревожное извѣстіе, что со всѣхъ сторонъ идутъ вооруженные стрѣльцы. Пока Матвѣевъ, совершенно проглядѣвшій волненіе стрѣльцовъ, — что̀ и не удивительно, такъ какъ онъ пробылъ въ Москвѣ всего день и не успѣлъ осмотрѣться,—докладывалъ царицѣ, пока отдавали приказъ запереть кремлевскія ворота, стрѣльцы съ барабаннымъ боемъ ворвались въ Кремль и съ криками, что Нарышкины задушили царевича Іоанна, подошли къ Красному крыльцу. Царица Наталья, узнавъ о причинахъ тревоги, вмѣстѣ съ патріархомъ и боярами вышла на Красное крыльцо и вывела обоихъ братьевъ: и царевича Іоанна, и царя Петра. Бушевавшая толпа стихла. Нѣсколько стрѣльцовъ подставили къ крыльцу лѣстницу, влѣзли на крыльцо и спросили царевича Іоанна, подлинно ли онъ царевичъ, и кто изъ бояръ его изводитъ. Іоаннъ отвѣтилъ, что его никто не изводитъ. Слухъ оказался ложнымъ, стрѣльцы поняли, что обмануты, но вожаки движенія не дремали. Изъ толпы раздались крики, чтобы выдали измѣнниковъ бояръ, обозначенныхъ въ спискѣ. Къ стрѣльцамъ спустился Матвѣевъ и сталъ ихъ уговаривать, напоминая имъ прежнія ихъ заслуги. Волненіе стало утихать, но безтактная выходка кн. Михаила Долгорукаго испортила дѣло: некстати и слишкомъ поздно вспомнивъ о томъ, что онъ—стрѣлецкій начальникъ, и не понимая обстоятельствъ, онъ сталъ рѣзко кричать съ крыльца на стрѣльцовъ, чтобы убирались изъ Кремля по домамъ. Долгорукихъ, отца и сына, не любили и не уважали въ войскѣ, а тутъ Долгорукій, надъ которымъ глумились въ полкахъ, позволяетъ себѣ кричать. Толпа разсвирѣпѣла. Дѣломъ одной минуты было для стрѣльцовъ взобраться на крыльцо, схватить Долгорукаго, сбросить его внизъ на копья товарищей, стоявшихъ передъ крыльцомъ и изрубить бердышами. Видъ крови опьянилъ толпу. Началась оргія

убійствъ. Взбѣгая на крыльцо, стрѣльцы схватывали обвиненныхъ бояръ, именами которыхъ прожужжали имъ уши, и сбрасывали ихъ на копья; другихъ убивали на площади передъ дворцомъ. Не довольствуясь убійствами, продолжали еще вакханалію, издѣваясь надъ убитыми: волокли по землѣ трупы, крича: «Вотъ бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ, вотъ Долгорукій, вотъ думный ѣдетъ, дайте дорогу!» Такъ погибли А. С. Матвѣевъ, стольникъ Ѳ. П. Салтыковъ, котораго убили по ошибкѣ вмѣсто брата царицы Ивана Кирилловича, другой братъ царицы Аѳанасій Нарышкинъ, воевода, командовавшій войсками въ чигиринскихъ походахъ, кн. Гр. Гр. Ромодановскій, бояринъ И. М. Языковъ и думный дьякъ Ларіонъ Ивановъ.

Убійствами 15 мая кровавое пиршество не кончилось. Точно по старинному русскому обычаю оно продолжалось три дня. 16-го и 17-го стрѣльцы вновь появлялись по утрамъ въ Кремль

Алмазныя шапки царей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича.
Хранятся въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

съ требованіемъ выдачи брата царицы Ивана Нарышкина. Его обвиняли въ томъ, что онъ примѣривалъ на себя царскій вѣнецъ — клевета, пущенная врагами; но, видимо, молодой Нарышкинъ былъ наиболѣе энергичнымъ членомъ партіи, поэтому враги и опасались оставить его въ живыхъ. Пожалованіе его въ бояре по случаю царскаго избранія, несмотря на то, что ему всего было только 23 года отроду, было знакомъ той выдающейся роли, которая ему предназначалась. 16 мая стрѣльцы ушли отъ дворца ни съ чѣмъ: Нарышкинъ не былъ выданъ. 17-го они вновь появились съ тѣмъ же требованіемъ, яростно крича, что не уйдутъ, пока имъ не выдадутъ измѣнника, и грозя боярамъ. Дворецъ оказался вновь въ осадѣ. Софья обратилась къ царицѣ Натальѣ, требуя выдачи Ивана Кирилловича и говоря: «Брату твоему не отбыть отъ стрѣльцовъ; не погибать же намъ всѣмъ изъ-за него». Запуганные бояре просили царицу о томъ же, видя въ выдачѣ На-

рышкина единственное средство погасить мятежъ. Царица была вынуждена уступить и велѣла вывести брата изъ темнаго чулана, гдѣ онъ прятался за перинами и подушками. Его привели въ церковь Спаса за Золотою рѣшеткою, причастили и соборовали. Съ трудомъ оторвали его изъ объятій царицы, рыдавшей на его груди. Стрѣльцы, завидя жертву, бросились на него, но не сразу убили, а повели сначала въ Константиновскій застѣнокъ пытать, чтобы добиться у него признанія въ измѣнѣ. Нарышкинъ мужественно выдержалъ пытку, не сказавъ ни слова, и все-таки былъ разсѣченъ на части на Красной площади. Въ этотъ же день былъ варварски казненъ, также послѣ пытокъ, нѣмецъ, докторъ Даніилъ фонъ-Гаденъ, обвиняемый въ отравленіи царя Ѳеодора и, разумѣется, ни въ чемъ неповинный.

Озвѣрѣвшая толпа, наконецъ, насытилась кровью. Но партія Нарышкиныхъ казалась еще недостаточно разгромленной. По наущенію Милославскихъ стрѣльцы продолжаютъ появляться передъ дворцомъ съ требованіями, наносившими противникамъ новые удары. Убійства прекратились, начались проскрипціи. 18 мая стрѣльцы подали челобитную на имя государя, чтобы указалъ постричь въ монахи своего дѣда, отца царицы Натальи, Кирилла Полуектовича. Спорить съ стрѣльцами не приходилось; подъ формой челобитной они диктовали правительству свою волю, которая и была немедленно исполнена. Старикъ былъ постриженъ и отправленъ въ Кирилловъ монастырь. 20 мая другая такая же челобитная о ссылкѣ всѣхъ остальныхъ Нарышкиныхъ, а также постельничаго Алексѣя Лихачева, казначея Михаила Лихачева, окольничаго Павла и чашника Семена Языковыхъ и другихъ. Партія Нарышкиныхъ и Языковыхъ была такимъ образомъ уничтожена. Милославскіе могли торжествовать побѣду; они добились власти, но этому фактическому переходу власти надо было придать юридическія формы. Это было сдѣлано посредствомъ тѣхъ же недопускающихъ отказа стрѣлецкихъ челобитныхъ. 23 мая войско заявило о своемъ желаніи, чтобы царствовали оба брата вмѣстѣ. Боярская дума, обсудивъ это требованіе, рѣшила созвать земскій соборъ, который опять въ его экстренномъ маломъ видѣ былъ тотчасъ же созванъ и постановилъ, ссылаясь на примѣры изъ византійской исторіи, царствовать обоимъ царямъ. 26 мая новое требованіе: царю Іоанну считаться первымъ царемъ. 29-го стрѣльцы объявили свою волю боярамъ, чтобы правленіе государствомъ по молодости обоихъ царей было вручено царевнѣ Софьѣ. Софья, наконецъ, достигла своей цѣли. Ея завѣтная мечта осуществилась. Власть, притомъ открыто и съ соблюденіемъ внѣшнихъ юридическихъ формъ, переходила въ ея руки.

Царевнѣ, однако, на первыхъ порахъ пришлось разочароваться въ достигнутомъ успѣхѣ. Оказывалось, что она получила только внѣшнюю форму, только призракъ власти. Побѣда была одер-

жана при помощи такой силы, какую представляло собой въ майскіе дни 1682 г. разнузданное стрѣлецкое войско. Это войско, распорядившееся царскимъ вѣнцомъ, скоро почувствовало себя хозяиномъ положенія. Во главѣ его очутился, сдѣлавшись неиз-

Двойной тронъ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей.
Серебряный, мѣстами вызолоченный; сдѣланъ въ Москвѣ въ 1682 г.
Хранится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

вѣстно по какому указу начальникомъ Стрѣлецкаго Приказа на мѣсто убитаго въ смутѣ князя Юрія Алексѣевича Долгорукаго, популярный воевода кн. Иванъ Андреевичъ Хованскій. Хованскаго впослѣдствіи обвиняли въ очень высокихъ и дерзкихъ замыслахъ

и покушеніяхъ; говорили, что онъ мечталъ женить сына на царевнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ и указывалъ на свое происхожденіе изъ королевскаго дома Гедимина, ясно давая будто бы понять, куда онъ мѣтитъ. Возможно, что эти розсказни появились и во враждебной ему средѣ, чтобы оправдать внезапную и крутую съ нимъ расправу. Вѣрно, однако, то, что дѣйствительная фактическая власть въ теченіе лѣта 1682 г. оказалась въ его рукахъ, поскольку, разумѣется, онъ умѣлъ ладить со стрѣлецкимъ войскомъ. Хованскій является въ этотъ періодъ посредникомъ между войскомъ и правительницей, и его устами войско продолжаетъ диктовать свою волю царевнѣ Софьѣ такъ же, какъ оно ранѣе диктовало ее царицѣ Натальѣ. Стрѣльцы потребовали себѣ новаго титула «Надворной пѣхоты» и сооруженія памятника на Красной площади съ надписью, восхваляющей ихъ дѣянія 15—17 мая, и Софья должна была это исполнить. Стрѣльцы поддержали настойчивыя требованія раскольниковъ устроить на Лобномъ мѣстѣ публичное преніе о вѣрѣ съ патріархомъ и архіереями, и Софья устроила его 5 іюля во дворцѣ, при чемъ приверженцы старой вѣры, которой сочувствовалъ, или дѣлалъ видъ, что сочувствуетъ, Хованскій, держали себя во дворцѣ при чтеніи своей челобитной вызывающе дерзко. Смягчать и укрощать эту требовательность войска Софья должна была постоянными раздачами денегъ и обѣщаніями еще большихъ наградъ. Правительница скоро поняла, въ чьихъ рукахъ дѣйствительная власть, поняла и то, какою ненадежною опорою были для нея стрѣльцы. Распустившаяся, не знающая надъ собою удержу вооруженная толпа могла совершить кровавый государственный переворотъ, но не могла служить опорой для нормальной правительственной дѣятельности. Но за стрѣльцами стояла другая соціальная сила. Хозяйничанье стрѣльцовъ въ Москвѣ весною и лѣтомъ 1682 г. прикрывало собою хозяйничанье низшихъ слоевъ московскаго населенія, низшаго слоя посадскихъ жителей: московской черни и многочисленной челяди, холопей изъ боярскихъ дворовъ, получившихъ волю въ смутные дни, когда былъ сожженъ Холопій приказъ и изодраны хранившіяся въ немъ крѣпостныя книги. Эта московская чернь вездѣ сопровождаетъ и окружаетъ стрѣлецкія шайки и, такъ сказать, аплодируетъ подвигамъ стрѣльцовъ, изъявляя одобреніе криками «любо, любо!» Опереться на стрѣльцовъ значило въ сущности опереться на московскій пролетаріатъ—низшіе посадскіе слои, промышленную и ремесленную чернь и получившую волю челядь — не значило ли это основаться на вулканѣ?

Искать настоящей опоры Софья должна была въ иныхъ общественныхъ элементахъ и нашла ее въ томъ же общественномъ классѣ, на который опирались Романовы съ самаго своего избранія — въ помѣстномъ дворянствѣ. Лѣтомъ и осенью 1682 г. мы присутствуемъ при знаменательной, молчаливой, не дошедшей, впрочемъ, до столкновенія, встрѣчѣ двухъ общественныхъ

классовъ: столичнаго пролетаріата со стрѣльцами во главѣ и помѣстнаго дворянства, созваннаго подъ Москву правительницей. Понявъ опасность и непрочность своего положенія въ столицѣ, Софья съ обоими царями выѣхала 19 августа изъ Москвы въ село Коломенское, оттуда перебралась въ Саввинъ-Сторожевскій и затѣмъ въ Троицкій монастырь. По окрестнымъ уѣздамъ были посланы грамоты съ такими же предписаніями помѣщикамъ немедленно собраться и явиться къ государямъ, какія обыкновенно разсылались передъ войной. Отовсюду съѣзжались дворянскіе полки. Когда количество этого дворянскаго войска оказалось достаточнымъ, Софья велѣла схватить Хованскаго и казнить его съ сыномъ безъ всякаго суда. Казнь была исполнена 17 сентября въ день ея именинъ, въ отстоящемъ въ 10 верстахъ отъ Троицкой лавры селѣ Воздвиженскомъ, гдѣ находилась тогда и сама царевна съ государями. Стрѣльцамъ нанесенъ былъ сильный ударъ. Первымъ ихъ инстинктивнымъ движеніемъ было схватиться за оружіе: они заперлись въ Кремлѣ, сѣли тамъ въ осадѣ. Это было уже открытое возстаніе противъ правительницы. Дворъ удалился въ Троицкій монастырь, который также приведенъ былъ на военное положеніе, какъ во время знаменитой осады его поляками: изъ-за зубцовъ стѣны выглянули дула орудій, вездѣ разставлены были караулы. Монастырь сталъ центромъ, къ которому стягивалась служилая рать. Ея сила была столь внушительна, что стрѣльцы струсили и рѣшили сдаться. Современники живо изображаютъ, какъ напуганы были они идущей отовсюду на Москву дворянской ратью и съ какимъ трепетомъ шла подъ предводительствомъ суздальскаго митрополита Иларіона, который долженъ былъ служить защитой депутаціи отъ гнѣва правительницы, выборная отъ нихъ депутація въ Троицкій монастырь съ повинной. Депутаты опасались, что ихъ перехватаютъ и переказнятъ такъ же, какъ Хованскихъ. Софья, принявъ депутацію, согласилась простить стрѣльцовъ, если они заслужатъ прощеніе своими головами. Стрѣльцамъ были предписаны условія, исполнять которыя они обязались подъ присягой. Собираться въ круги по-казачьи было теперь запрещено; столбъ на Красной площади съ хвалебной надписью велѣно было сломать, наиболѣе предпріимчивые стрѣлецкіе вожаки были разосланы по уѣзднымъ городамъ. Начальникомъ стрѣлецкаго приказа назначенъ былъ думный дьякъ Ѳ. Л. Шакловитый, энергичными и суровыми мѣрами возстановившій въ войскѣ хотя нѣкоторую дисциплину. Только послѣ этихъ мѣръ Софья стала дѣйствительною правительницею государства.

II.

Внѣшняя политика и внутреннее управленіе въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича и въ правленіе царевны Софьи.

Мы теперь обратимся къ обзору внѣшней политики и внутреннихъ мѣръ въ тотъ періодъ царствованія Петра, когда правительницей была Софья. Но ея управленіе надо необходимо связывать съ предыдущимъ шестилѣтіемъ царствованія Ѳеодора. Оба эти небольшіе промежутка времени, вмѣстѣ обнимающіе всего 13 лѣтъ, тѣсно связаны между собою, составляютъ одинъ неразрывный періодъ, отличающійся единствомъ направленія. Правительство Софьи продолжало курсъ, взятый людьми, выдвинувшимися при царѣ Ѳеодорѣ. Не слѣдуетъ притомъ забывать, что власть перешла теперь къ лицамъ, которыя и при немъ оказывали свое значительное вліяніе.

Такова была прежде всего сама Софья, а затѣмъ ея фаворитъ кн. В. В. Голицынъ, начавшій играть такую видную роль въ послѣдніе годы царя Ѳеодора. Этотъ тринадцатилѣтній періодъ русской исторіи (1676—1689 г.) заслоненъ былъ при изученіи отвлекшей все вниманіе историковъ эпохой преобразованій Петра Великаго и обыкновенно онъ остается въ тѣни, разсматривается какъ введеніе ко времени Петра и составляетъ что-то въ родѣ вступительной главы къ петровской эпохѣ. Время это, дѣйствительно, интересно прежде всего, какъ время, предшествующее политикѣ и реформѣ Петра и полное прецедентовъ петровской реформы, но оно имѣетъ и самостоятельный интересъ. По широтѣ размаха, проявленной правительствомъ Ѳеодора и Софьи и во внѣшней политикѣ, и во внутреннемъ управленіи, по широтѣ задуманныхъ плановъ и начатыхъ осуществленіемъ практическихъ опытовъ — этотъ періодъ не уступаетъ времени Петра. Останься Софья у власти не семь лѣтъ, а дольше, можетъ-быть, и ея правленіе составило бы такую же замѣчательную эпоху, какъ и царствованіе ея младшаго брата.

Русская дипломатія при Ѳеодорѣ и Софьѣ продолжаетъ вести внѣшнюю политику въ томъ же направленіи, какое ей дано было знаменитымъ канцлеромъ царя Алексѣя, творцомъ Андрусовскаго перемирія 1667 г. Аѳанасіемъ Лаврентьевичемъ Ординымъ - Нащокинымъ. По этому перемирію, заключенному на $13^1/_2$ лѣтъ, закончившему собою долгую войну съ сосѣдней Польшей за Малороссію и вообще положившему конецъ вѣковой борьбѣ между Россіей и Польшей, Московское государство получало Смоленскъ, Сѣверскую украйну, Черниговъ и лѣвобережную Малороссію, а на правомъ берегу Днѣпра Кіевъ, но только на два года. Правобереж-

ная Малороссія оставалась за Польшей. Главнымъ стремленіемъ Ордина-Нащокина было сблизить оба искони враждовавшія государства, чтобы направить ихъ соединенныя силы противъ общаго врага, одинаково грозившаго обоимъ съ юга, противъ Турціи. Ради мира и союза съ Польшей Ординъ пожертвовалъ Малороссіей, не затруднившись разрѣзать ее на двѣ части и половину ея отдать Польшѣ, готовъ былъ возвратить Польшѣ и Кіевъ, бывшій ключомъ къ обладанію Малороссіей. Въ опасности, грозившей христіанскому міру и болѣе всего Москвѣ и Польшѣ отъ мусульманъ съ юга, Ординъ видѣлъ оправданіе своей политики сближенія съ Польшей, а это былъ крутой поворотъ съ прежняго пути, которымъ неуклонно шло Московское государство, болѣе чѣмъ два вѣка боровшееся съ Польшей за исконныя православныя русскія области, очутившіяся въ польскихъ рукахъ. Дальнѣйшія событія оправдали предусмотрительность знаменитаго дипломата. Во второй половинѣ XVII в. уже казалось разлагавшаяся Турція совершенно неожиданно собирается съ силами и наноситъ ударъ за ударомъ сѣвернымъ христіанскимъ сосѣдямъ. Въ 1677 и 1678 гг. турки вторгаются въ правобережную Малороссію, которая, не желая оставаться подъ польскимъ владычествомъ, предпочла отдаться въ подданство султану. Московское правительство поняло всю опасность этого захвата западной Украйны турками и для Украйны восточной, и здѣсь на правомъ берегу происходятъ у г. Чигирина, занятаго московскимъ гарнизономъ, первыя непосредственныя столкновенія Россіи съ Турціей, — столкновенія, которыя начинаютъ собою цѣлый рядъ войнъ между этими державами въ теченіе слѣдующихъ двухъ столѣтій. Эта первая встрѣча съ Турціей была для Московскаго государства не изъ удачныхъ. Турки дважды осаждали Чигиринъ и, наконецъ, взяли его, а приходившія русскія войска подъ начальствомъ кн. Гр. Гр. Ромодановскаго не могли выручить сидѣвшаго тамъ гарнизона. Правительство принуждено было покончить борьбу Бахчисарайскимъ перемиріемъ, заключеннымъ 4 марта 1681 г. на 20 лѣтъ, по которому юго-западной границей Московскаго государства признавался Днѣпръ съ сохраненіемъ, впрочемъ, за Москвою на правой сторонѣ Кіева. Правобережная Малороссія оставалась, слѣдовательно, за султаномъ, который, однако, обязывался не строить крѣпостей на пространствѣ между Днѣпромъ и Бугомъ. Перемиріе это не было особенно почетнымъ для московскаго правительства, уступившаго православную Малороссію мусульманамъ, но его приходилось принять какъ необходимость. Въ 1683 г. турки обрушились на христіанскій міръ съ другой стороны; ихъ полчища, исчислявшіяся въ 200.000 человѣкъ, воспользовавшись замѣшательствомъ и возстаніемъ въ Венгріи, появились у Вѣны, осадили ее, и только приходъ польскаго короля Яна Собѣскаго съ войсками заставилъ ихъ снять осаду. Въ то же время они дѣлаютъ постоянные набѣги на Польшу,

пустошатъ Волынь и Галицію и попытки освободителя Вѣны Яна Собѣскаго отразить ихъ съ этой стороны въ 1684 и 1685 гг. были неудачны. Побуждаемыя этими успѣхами турокъ Польша и Россія заключили между собою въ Москвѣ 21 апрѣля 1686 г. вѣчный миръ. Въ основу вѣчнаго мира были положены андрусовскія же условія, но Кіевъ отходилъ теперь уже навсегда къ Московскому государству. Умѣнье, не разрывая соглашенія съ Польшей, удержать Кіевъ, столицу Малороссіи, въ русскихъ рукахъ составляетъ, несомнѣнно, крупную заслугу дипломатовъ времени Ѳеодора и Софьи, въ частности кн. В. В. Голицына, пожалованнаго званіемъ, которое носилъ Ординъ-Нащокинъ: «царственныя большія печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегателя», т.-е. канцлера. Еще раньше за уступку на вѣчное время Кіева московское правительство отдало Польшѣ нѣсколько небольшихъ городовъ въ Смоленскомъ краю: Невель, Себежъ и Велижъ, а теперь еще уплатило 146.000 рублей деньгами (около полутора милліона на наши деньги). Но въ Москвѣ при этихъ жертвахъ не забывали, что настоящимъ владѣтелемъ Малороссіи будетъ тотъ, въ чьихъ рукахъ будетъ Кіевъ, политическая и церковная столица края. Этотъ видный успѣхъ Москвы былъ увеличенъ еще другимъ успѣхомъ: установленіемъ тѣсной церковной связи Малороссіи съ Москвою, а это церковное сближеніе влекло за собою и болѣе тѣсное политическое соединеніе Украйны съ Московскимъ государствомъ. До той поры кіевская митрополія зависѣла отъ константинопольскаго патріарха. Въ 1685 г. по особому договору съ гетманомъ она признана была зависимой отъ московскаго патріарха съ сохраненіемъ, однако, внутренней автономіи, и осенью этого года новый кіевскій митрополитъ, кн. Гедеонъ Четвертинскій, былъ поставленъ въ Москвѣ.

Миръ съ Польшей выводилъ Московское государство на широкую арену общеевропейской политики и втягивалъ его въ грандіозную коалицію христіанскихъ народовъ противъ турокъ, въ составъ которой входили Венеція — тогда еще могущественная торговая республика, обладавшая обширными флотами на Средиземномъ морѣ,— Австрія, только что переживавшая страхъ осады столицы, и Польша. Подъ воздѣйствіемъ коалиціи, получившей въ 1684 г. благословеніе папы на крестовый походъ противъ турокъ, былъ заключенъ вѣчный миръ между Москвой и Польшей, и однимъ изъ условій московскаго договора 21 апрѣля 1686 г. былъ разрывъ Московскимъ государствомъ Бахчисарайскаго перемирія съ турками и крымцами и походъ на Крымъ, чтобы отвлечь силы татаръ, въ то время какъ остальные союзники будутъ управляться съ турками. Такимъ образомъ рукою царевны Софьи Россія была введена въ сферу широкой европейской политики, цѣлью которой было сломить турецкое могущество. Въ этомъ выходѣ на широкую европейскую арену, въ этомъ поворотѣ внѣшней политики, двигавшейся въ на-

правленіи, данномъ Ординымъ-Нащокинымъ, нельзя было видѣть какой-нибудь измѣны національнымъ интересамъ. Московское государство три вѣка враждовало съ Польшей за русскія, православныя области, находившіяся въ ея рукахъ, и ставило задачей ихъ возсоединеніе. Но не могло же оно равнодушно допускать, чтобы эти православныя области отходили подъ власть Турціи, и потому и выбрало миръ съ Польшей и оставленіе за ней Бѣлоруссіи, какъ меньшее зло. Кромѣ того, существованіе Крымскаго ханства было вѣковымъ несчастіемъ русскаго народа. Крымская орда промышляла невольничьимъ торгомъ на турецкихъ рынкахъ и ежегодно даже и въ мирное время налетала на все болѣе заселяющіяся южныя окраины Московскаго государства за добычей,

Знамя, служившее во время Крымскихъ походовъ кн. В. В. Голицына, во время второго Азовскаго похода и въ началѣ Великой Сѣверной войны. Хранится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

за живымъ товаромъ, и борьба съ нею была такою же національною задачею политики Московскаго государства, какъ борьба съ Польшей за православныя, искони русскія области. Выдвигая на время одну изъ этихъ задачъ и сосредоточивая на ней всѣ силы, чтобы разрѣшить ее окончательно, правительство Софьи не нарушало національныхъ интересовъ. Предпринимая крымскіе походы и опасаясь разбрасываться и разъединять силы, которыя надо было сосредоточивать для нанесенія одного удара, правительство царевны Софьи должно было отказаться отъ агрессивной политики и на противоположномъ концѣ государства, отъ дальневосточныхъ предпріятій, и рѣшило всячески предупредить столкновеніе съ Китаемъ, грозившее вспыхнуть изъ-за береговъ Амура,

гдѣ отдѣльные продвигавшіеся казацкіе отряды основали маленькія крѣпостцы-острожки съ городкомъ Албазиномъ во главѣ, опираясь на которые они налагали дань на амурскихъ инородцевъ. Въ Нерчинскъ былъ посланъ стольникъ Головинъ уладить возникшія затрудненія. По договору, заключенному въ Нерчинскѣ 27 августа 1689 г., городъ Албазинъ былъ разоренъ, и его гарнизонъ переведенъ въ Нерчинскъ; границею между Россіей и Китаемъ признаны р. Аргунь до соединенія ея съ р. Шилкой и затѣмъ Яблоновый хребетъ отъ р. Горбицы до Охотскаго моря.

Идея нападенія Россіи на Крымъ, которое должно было ослабить могущество султана, не была новостью въ 1686 г.; она уже давно обсуждалась европейскими дипломатами. Есть извѣстія, что о такомъ нападеніи мечтали христіанскія народности Балканскаго полуострова валахи, молдаване, сербы; такъ, по крайней мѣрѣ, еще въ 1676 г. писалъ въ Москву русскій резидентъ при польскомъ дворѣ. Особенно желанной казалась эта идея въ 70-хъ и 80-хъ годахъ XVII в. въ Польшѣ, отъ которой походъ русскихъ войскъ на Крымъ долженъ былъ отвлечь крымскаго хана. Польскіе государственные люди неумолчно твердятъ объ этомъ походѣ московскому правительству. Эту же мысль проводили въ Москвѣ императорскіе послы, бывшіе тамъ въ маѣ 1684 г., образно говоря, чтобы великіе государи «помогли противъ турецкаго султана, отняли у него правую руку— Крымъ». Соблюдая договоръ 1686 г., московское правительство двинуло въ Крымъ весной 1687 г. громадную по тому времени армію числомъ до 100.000 человѣкъ, усиленную еще малороссійскими казаками подъ начальствомъ гетмана Самойловича. Главнокомандующимъ всѣми войсками былъ назначенъ канцлеръ государства кн. В. В. Голицынъ. Въ началѣ мая войско, сосредоточившись на берегахъ р. Мерло, выступило въ походъ, и къ 17 іюня дошло до р. Карачакрака. Но двигаться дальше оказалось невозможнымъ. Татары выжигали степь, по которой лежалъ путь войску, и оно нѣсколько дней шло, окутанное дымомъ. Въ выжженной степи, покрытой грудами золы, нельзя было найти конскаго корма; лошади падали отъ голода, это останавливало армію, такъ какъ значительная часть ея состояла изъ конныхъ полковъ, и, кромѣ того, масса лошадей должна была тащить артиллерію и обозы. Люди изнемогали отъ зноя и недостатка воды. Развились болѣзни. Встрѣтивъ эти неодолимыя препятствія, Голицынъ, выслушавъ мнѣніе военнаго совѣта, рѣшилъ вернуться обратно. Годъ слишкомъ прошелъ въ приготовленіяхъ къ другому походу, предпринятому въ 1689 г. На этотъ разъ Голицынъ выступилъ ранней весной, въ мартѣ, чтобы избѣжать зноя и степныхъ пожаровъ. Какъ и въ первомъ походѣ, къ московскимъ полкамъ присоединилось малороссійское казачество, но уже подъ начальствомъ новаго гетмана Ивана Мазепы: Самойловичъ, не-

любимый малороссійскимъ народомъ за тягостные поборы и раздражавшій старшину высокомѣріемъ, былъ смѣщенъ по царскому указу еще во время перваго похода, когда войска повернули назадъ, вслѣдствіе жалобъ на него старшины, обвинявшей его даже въ измѣнѣ, и тамъ же въ лагерѣ былъ избранъ гетманомъ Мазепа. Но поставленная задача и вторымъ походомъ не была разрѣшена. 20 мая 1689 г., подойдя къ Перекопи, узкому перешейку, отдѣляющему Крымскій полуостровъ отъ материка, защищенному рвомъ и валомъ съ находившимися на немъ башнями, Голицынъ не рѣшился углубиться въ крымскія степи, опасаясь быть отрѣзаннымъ отъ сообщеній, если бы перешеекъ оказался въ рукахъ непріятеля, и, не штурмуя перекопскихъ укрѣпленій, опять повернулъ обратно. Царевнѣ Софьѣ не удалось то, что сдѣлано было съ большими усиліями при Екатеринѣ II. Крымъ завоеванъ не былъ, потому что при организаціи походовъ не были предусмотрѣны и приняты въ расчетъ климатическія препятствія и не были ясны стратегическія условія его завоеванія. Все же надо, однако, сказать, что Софьѣ принадлежитъ постановка на очередь и первая попытка къ исполненію того плана, который осуществленъ былъ Екатериною II.

Наградной червонецъ, пожалованный князю В. В. Голицыну за Крымскій походъ.
Хранится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

Та же широта замысловъ и плановъ во внутреннемъ управленіи за разсматриваемый періодъ. На первомъ мѣстѣ надо здѣсь поставить организацію военнаго дѣла. Военное напряженіе государства не ослабѣвало; войны царя Алексѣя съ Польшей смѣнились войнами царя Ѳеодора съ Турціей. Испытанныя пораженія заставляли обращать вниманіе на недостатки московскаго военнаго строя и принять мѣры къ развитію военныхъ силъ страны. Въ послѣдніе годы царя Ѳеодора была созвана обширная комиссія изъ выборныхъ представителей отъ разныхъ чиновъ служилыхъ людей: генераловъ, полковниковъ, стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ, жильцовъ, дворянъ городовыхъ и дѣтей боярскихъ для обсужденія и разработки преобразованій

въ войскѣ. Необходимость такихъ преобразованій была сознана ясно, и комиссіи дана опредѣленно поставленная задача «сдѣлать въ государскихъ ратяхъ разсмотрѣніе и лучшее устроеніе» въ виду того, что «въ мимошедшихъ воинскихъ браняхъ, будучи на бояхъ съ государевыми ратными людьми, непріятели показали новые въ ратныхъ дѣлахъ вымыслы». Предсѣдателемъ комиссіи былъ назначенъ кн. В. В. Голицынъ. Устройство войска подверглось всестороннему обсужденію, и былъ предпринятъ рядъ преобразованій и въ военной администраціи, и въ самомъ строѣ. Преобразованія въ администраціи коснулись и центра, и областного военнаго управленія. Центральное сдѣлано было болѣе сосредоточеннымъ и систематичнымъ. Разсѣянное прежде по многимъ приказамъ, оно сведено было теперь только въ немногіе, именно: управленіе всѣми конными войсками русскаго строя, иррегулярной дворянской милиціей, было сосредоточено въ разрядномъ приказѣ; управленіе пѣхотными и конными войсками иноземнаго строя поручено было рейтарскому приказу. Стрѣлецкая пѣхота продолжала оставаться въ завѣдываніи стрѣлецкаго приказа. Мѣстное военное управленіе было сформировано по военнымъ округамъ, получившимъ названіе «разрядовъ». Такіе округа еще ранѣе при царѣ Алексѣѣ стали складываться подъ вліяніемъ практическихъ потребностей въ пограничныхъ мѣстностяхъ государства. Воеводѣ «большого полка», располагавшагося въ главномъ городѣ, подчинялись воеводы остальныхъ полковъ, размѣщавшихся въ пригородахъ; получалась такимъ образомъ группа городовъ, связанная военнымъ командованіемъ и называвшаяся «разрядомъ». Таковы были разряды Новгородскій, Смоленскій и Бѣлгородскій. Теперь эта практически сложившаяся организація была распространена на всю территорію государства, гдѣ находились военныя силы. Государство было подраздѣлено на 9 округовъ или разрядовъ: Новгородскій, Смоленскій, Сѣвскій, Бѣлгородскій, Московскій, Рязанскій, Владимирскій, Казанскій и Тамбовскій. По военнымъ округамъ и должно было формироваться войско въ случаѣ войны. Каждый округъ составлялъ армію подъ начальствомъ особаго командира. Когда объявленъ былъ первый крымскій походъ, мобилизованы были, выражаясь нашимъ языкомъ, кромѣ гвардіи, т.-е. чиновъ московскихъ, ближайшее начальство надъ которыми взялъ на себя самъ кн. В. В. Голицынъ, еще округи Новгородскій—подъ командой боярина А. С. Шеина, Рязанскій—подъ начальствомъ боярина кн. В. Д. Долгорукаго, и Сѣвскій—во главѣ съ окольничимъ Л. Р. Неплюевымъ. Дѣленіе на разряды сохранялось и во время движенія войска; тѣ же разряды были двинуты и во второй крымскій походъ. Эта организація военныхъ силъ по округамъ напоминаетъ теперешнюю нашу военную организацію также по округамъ.

Въ устройствѣ самаго войска при царѣ Ѳеодорѣ и правительницѣ Софьѣ вообще продолжалось развитіе полковъ иноземнаго строя,

пѣхотныхъ (солдатскихъ) и конныхъ (рейтарскихъ, драгунскихъ и др.), формировавшихся изъ мелкихъ землевладѣльцевъ; они распускались еще по домамъ въ мирное время, но обязаны были ежегодно на нѣкоторое время являться на службу и обучаться регулярному строю подъ руководствомъ иностранныхъ офицеровъ-инструкторовъ. Уже при Ѳеодорѣ иноземный строй оказывается преобладающимъ надъ русскимъ. надъ дворянской милиціей и стрѣльцами, по численности. Вся армія состояла тогда приблизительно изъ 200.000 человѣкъ; изъ нихъ на долю полковъ русскаго строя приходилось 60.000, а на долю иноземнаго — 90.000; остальное составляли казаки, калмыки и другіе инородцы. Въ эпоху крымскихъ походовъ перевѣсъ численности иноземнаго строя надъ русскимъ на театрѣ войны еще рѣшительнѣе. Во второмъ походѣ участвовало всего 95.858 чел., не считая казацкаго отряда. На долю русскаго строя пришлось 17.206 человѣкъ (менѣе пятой части), на долю иноземнаго—78.652.

Въ частности комиссіей Голицына было предложено нѣкоторое усовершенствованіе въ подраздѣленіи гвардейскаго дворянскаго корпуса, такъ называемыхъ «чиновъ московскихъ», или «царедворцевъ», въ составъ которыхъ входили группы стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ и жильцовъ. Прежде эта гвардія представляла очень мало организованную массу, распредѣлявшуюся на сотни подъ начальствомъ выборныхъ головъ. Комиссія предложила правильное подраздѣленіе московскихъ чиновъ на роты съ назначеніемъ въ каждую роту ротмистровъ, поручиковъ и хорунжихъ. Реформа эта возбудила, повидимому, большое недовольство въ кругахъ высшаго «московскаго» дворянства. Когда Голицынъ во время перваго похода осуществилъ ее на практикѣ и расписалъ всѣхъ «царедворцевъ» на 19 стольническихъ, 11 стряпческихъ, 12 дворянскихъ и 12 жилецкихъ ротъ, въ средѣ царедворцевъ послышался ропотъ, а стольники, кн. Борисъ Долгорукій, кн. Ю. Щербатый, Дмитріевъ и кн. Масальскій, въ видѣ протеста явились на службу въ траурныхъ, черныхъ одеждахъ и на коняхъ, покрытыхъ черными попонами. Чтобы понять причины этого недовольства, надо припомнить, что чины, изъ которыхъ составлялся корпусъ царедворцевъ, имѣли очень высокое значеніе въ служебной іерархіи, связанное съ важными возлагавшимися на нихъ порученіями. Стольники предводительствовали провинціальными дворянскими отрядами, управляли приказами, отправлялись въ посольства, посылались на воеводства товарищами воеводы въ первоклассные города и самостоятельными воеводами въ города не перваго разряда, но все же въ крупные и лучшіе. Дѣти знатныхъ фамилій изъ стольниковъ прямо возводились въ боярство. Легко понять раздраженіе среди этой знати, когда она, будучи расписана по ротамъ, должна была нести рядовую службу подъ командой ротмистровъ.

Эта реформа гвардейскаго строя влекла за собою другую, гораздо болѣе крупную и значительную реформу, которая и связывается обыкновенно съ именемъ Голицына, — отмѣну мѣстничества. При сохраненіи мѣстническаго счета описанная организація гвардіи была невозможна. Разъ знатный молодой стольникъ обязанъ былъ нести въ гвардейскомъ корпусѣ рядовую службу подъ начальствомъ ротмистра и поручика, гдѣ же было набрать въ ротмистры и поручики людей еще болѣе знатныхъ, чѣмъ ихъ рядовые? По мѣстническимъ правиламъ должности этихъ командировъ пришлось бы сообразовать съ значительностью рода. И развѣ могъ какой-нибудь титулованный стольникъ служить въ ротѣ рядовымъ, когда его менѣе породистый товарищъ былъ уже въ поручикахъ, хотя бы даже и въ другой ротѣ? Что-нибудь изъ двухъ: или новая организація, или мѣстничество. То и другое одновременно было невозможно. Вообще обычай считаться мѣстами по знатности рода и по положенію въ семьѣ вызывалъ постоянно скандалы во время придворныхъ церемоній, отказы отъ служебныхъ назначеній, но особенно вреденъ былъ онъ на военной службѣ, и не одно сраженіе было проиграно потому, что воеводы вмѣсто того, чтобы заботиться объ оборонѣ отъ непріятеля, занимались родословными счетами. Придравшись къ случаю, къ новой организаціи московскаго дворянства, правительство рѣшило теперь отмѣнить мѣстничество. Реформа эта, предшествуя петровской табели о рангахъ, дѣлала шагъ къ уравненію дворянства, какъ класса, или лучше, она сама служила показателемъ совершавшагося уравненія. создаваемаго жизнью. Кругъ знати, тѣсно группировавшейся около престола, оказывался уже слишкомъ узкимъ для новыхъ и широкихъ государственныхъ потребностей. Чтобы поднять армію на высоту, при которой ей были бы нестрашны непріятельскіе «вымыслы», нужны были служебные таланты, а не знатная порода. Кругъ знати уже и по своей численности не могъ быть достаточнымъ при ростѣ войска и развитіи администраціи; волей - неволей приходилось выдвигать новыхъ людей. При томъ же боярство экономически падало и мельчало: знатное имя не всегда стало уже ручательствомъ за воспитаніе, подготовку и житейскую обстановку, необходимыя для того или другого служебнаго положенія. 12 января 1682 г. во дворцѣ происходила небывалая церемонія. Было собрано соединенное засѣданіе боярской думы и освященнаго собора во главѣ съ патріархомъ. Постановлено было принять предлагаемую комиссіей мѣру, упразднить мѣстничество. Какъ видимый знакъ этого приговора были — къ большой пользѣ для современниковъ и къ немалому горю позднѣйшихъ историковъ — сожжены «разрядныя книги», записи, на которыхъ основывались мѣстническіе расчеты. Этой мѣры одной достаточно, чтобы составить Голицыну славу реформатора. Взамѣнъ разрядныхъ книгъ рѣшено было завести въ разрядномъ приказѣ офиціальную родословную книгу,

подраздѣленную на четыре части: въ первую часть занести старинные княжескіе и боярскіе роды, члены которыхъ служили еще при царѣ Іоаннѣ Грозномъ; во вторую — фамиліи, выдвинувшіяся на службѣ со времени Михаила Ѳеодоровича и значащіяся въ провинціальныхъ дворянскихъ спискахъ, десятняхъ, въ первой статьѣ; въ третью — служилыя фамиліи, значащіяся въ десятняхъ во второй и третьей статьяхъ; наконецъ, въ четвертую часть должны были быть занесены служилые люди изъ нижнихъ чиновъ, пожалованные за службу въ московскіе чины, въ гвардію. Это составленіе дворянской родословной книги съ подраздѣленіемъ ея на части напоминаетъ екатерининскую жалованную грамоту 1785 г., съ ея дворянскими родословными книгами, подраздѣляющимися на шесть частей.

Та же широта реформъ и въ области государственнаго хозяйства. Еще въ началѣ царствованія Ѳеодора въ 1678 году была сдѣлана общая перепись тяглаго населенія, такъ какъ данныя предыдущей такой же переписи царя Алексѣя Михайловича 1646 г. уже устарѣли. Въ 80-хъ годахъ задумано было составленіе кадастра, началось повсемѣстное писцовое описаніе земель по широкой и подробной программѣ, которое должно было замѣнить также устарѣвшія писцовыя книги 20-хъ годовъ XVII вѣка. Вмѣстѣ съ тѣмъ предпринята была грандіозная мѣра: межеваніе земель по всему государству, недостатокъ котораго живо ощущался землевладѣльцами. Техника этого дѣла въ XVII в. была крайне несовершенна; грани и межи владѣній, обозначаемыя въ писцовыхъ и межевыхъ книгахъ по кустамъ, по суховерхимъ березамъ и т. д., быстро стирались, а отсутствіе ясныхъ и точныхъ границъ давало поводъ къ безконечнымъ поземельнымъ столкновеніямъ и тяжбамъ. Изданъ былъ межевой наказъ, разосланы межевыя партіи, исполненіе предпріятія началось; но довести его до конца правительство Софьи не успѣло: и этотъ замыселъ получилъ осуществленіе только черезъ столѣтіе въ генеральномъ межеваніи, начавшемся во второй половинѣ XVIII вѣка, и въ этомъ царевна Софья является предшественницей Екатерины II.

Одновременно съ военной комиссіей Голицына, состоявшей изъ депутатовъ отъ служилыхъ чиновъ, засѣдала въ Москвѣ другая, столь же обширная, комиссія по финансовымъ дѣламъ, состоявшая изъ выборныхъ представителей отъ городовъ, по два отъ каждаго, отчего они получили названіе «двойниковъ». Этимъ собраніемъ былъ выработанъ рядъ податныхъ реформъ, которыя затѣмъ приводились въ исполненіе. Преобразованія коснулись какъ косвенныхъ сборовъ, такъ и прямыхъ податей. Въ 1681 г. прекращена была отдача на откупъ таможенныхъ и питейныхъ доходовъ; таможенное и питейное управленіе должно было теперь обслуживаться исключительно выборными «вѣрными» людьми. Но особенно важныя мѣры приняты были въ области прямого

обложенія. Ранѣе въ обложеніи отсутствовало какое-либо единство, какая-либо система. Оно слагалось исторически, образовалось путемъ разновременныхъ наслоеній. Прямые налоги, собиравшіеся въ XVII в., можно подраздѣлить на двѣ группы, чрезвычайно различныя и по времени возникновенія и по значенію. Къ первой группѣ надо отнести старинные налоги, начало которыхъ восходитъ еще къ удѣльнымъ временамъ и которые какъ бы застыли въ своей неподвижности; таковы были деньги: данныя, запросныя, ямскія, приметныя, за городовое дѣло и т. д. Эти налоги очень разнообразились и по составу и по окладамъ для отдѣльныхъ мѣстностей, бывшихъ когда-то отдѣльными княжествами, самостоятельными политическими цѣлыми. Они взимались по писцовымъ книгамъ, въ которыхъ были закрѣплены ихъ оклады, и такъ не мѣнялись въ теченіе столѣтія. Въ XVII в. эта группа представляетъ собою архаическую коллекцію податей, древнихъ по происхожденію, очень разнообразныхъ по мѣстностямъ, взимавшихся по писцовымъ книгамъ въ закрѣпленныхъ этими книгами окладахъ. Оклады эти, когда-то значительные, для середины XVII в. вслѣдствіе паденія покупной силы рубля были уже не отяготительны, и вообще вся эта старинная группа прямыхъ налоговъ давала только меньшую часть государственныхъ доходовъ. Эти налоги назывались четвертными, потому что поступали въ особые приказы, называвшіеся четвертями. Вторую группу составляютъ сборы новаго происхожденія, наложенные въ XVII в., взимаемые по переписнымъ книгамъ и доставлявшіе главную массу поступавшихъ въ казну рессурсовъ. Таковы были сборъ на содержаніе московскихъ стрѣльцовъ, сборъ сибирскимъ служилымъ людямъ, деньги на солдатскіе кормы, деньги ратнымъ людямъ на жалованье и др. Оклады этихъ крупныхъ сборовъ, установленныхъ въ XVII в., не были постоянны и опредѣлялись ежегодно особыми указами. Но изъ сборовъ XVII в. не всѣ были повсемѣстными; нѣкоторые налагались только на отдѣльныя мѣстности, тогда какъ другія мѣстности оставались отъ нихъ свободны. Притомъ не всѣ эти налоги были и постоянными; иные изъ нихъ имѣли скорѣе характеръ экстренныхъ, взимались, когда была необходимость, а затѣмъ по минованіи надобности сборъ ихъ на время прекращался. Не только каждый обширный край, а буквально чуть не каждый уѣздъ отличался отъ другихъ системой платимыхъ податей и повинностей; разнообразіе въ этомъ отношеніи простиралось даже на отдѣльныя волости. Наконецъ въ разныхъ мѣстностяхъ четвертные сборы разверстывались по своимъ особымъ податнымъ единицамъ. Словомъ, въ Московскомъ государствѣ XVII в. мы видимъ тотъ же архаическій, пестрый исторически сложившійся финансовый строй, какъ и во Франціи при старомъ порядкѣ, когда каждая провинція платила свои особыя подати, несла особыя повинности и пользовалась ей только присвоенными льготами.

Цѣлью тѣхъ перемѣнъ, которыя были предложены комиссіей выборныхъ отъ городовъ въ 1679—1681 г., было упрощеніе податной системы, сведеніе ея къ единству. На мѣсто исторической пестроты и провинціальныхъ разнообразій вводилось общегосударственное единообразіе, устанавливалась опредѣленная проникнутая единствомъ система. Многія мелкія подати замѣнялись одною крупною, консолидировались; одна и та же подать должна была падать если еще и не на все государство, то, по крайней мѣрѣ, на ту или другую сословную группу населенія. Вводились двѣ подати, которыя должны были замѣнить собою прежніе многочисленные обыкновенные прямые налоги; то были, во-первыхъ, стрѣлецкая подать и, во-вторыхъ, ямскія и полоняничныя деньги, слившіяся въ одинъ сборъ. Оба эти налога, стрѣлецкій и ямскія и полоняничныя деньги, падали каждый на различныя общественныя группы и были очень различны по своей тягости. Стрѣлецкою податью въ размѣрѣ отъ 2 руб. до 8 гривенъ со двора — дворы же по состоятельности были подраздѣлены на пять разрядовъ — были обложены дворы посадскихъ людей, а также дворы черносошныхъ государственныхъ крестьянъ. Ямскія и полоняничныя деньги должны были платить крѣпостные крестьяне, притомъ въ гораздо меньшихъ размѣрахъ: церковные крестьяне по 10 к. съ двора, а крестьяне свѣтскихъ землевладѣльцевъ по 5 коп. съ двора. Крѣпостные крестьяне, обязанные платежами и повинностями въ пользу своихъ землевладѣльцевъ, были облегчены сравнительно съ государственными крестьянами въ казенныхъ податяхъ. Главная податная тягость падала, слѣдовательно, на посадскихъ людей по всему государству и на свободныхъ отъ крѣпостного права, такъ называемыхъ черносошныхъ крестьянъ, населявшихъ преимущественно поморскій сѣверъ.

Тѣмъ же стремленіемъ къ сосредоточенію, единству системы и правильному порядку была проникнута мѣра, принятая правительствомъ царя Ѳеодора относительно областного управленія. Въ областныхъ единицахъ Московскаго государства, какими были уѣзды, кромѣ главнаго представителя администраціи — воеводы — находилось много управлявшихъ разными вѣдомствами лицъ, компетенціи которыхъ не были ясно разграничены отъ воеводской власти. Притомъ въ составѣ этихъ лицъ по отдѣльнымъ уѣздамъ также не было единообразія: губныя дѣла, т.-е. преслѣдованіе тягчайшихъ уголовныхъ преступленій, въ однихъ уѣздахъ лежали на обязанности особыхъ выборныхъ губныхъ старостъ, въ другіе посылались для исполненія этой же обязанности спеціальные агенты, «сыщики», изъ Москвы, наконецъ, въ третьихъ губное дѣло отправляли сами воеводы непосредственно. Точно такъ же въ однихъ уѣздахъ сборы собирались воеводами, въ другіе для той же цѣли, иногда спеціально для какого-либо одного сбора, командировались изъ Москвы особые сборщики. Военную админи-

страцію въ иныхъ городахъ раздѣляли съ воеводою разнаго рода головы: осадные (коменданты), пушкарскіе и др. Вся эта многочисленная по личному составу, безпорядочно нараставшая мѣстная администрація большою тяжестью ложилась на населеніе, которое по старому, исконному, не исчезавшему въ XVII вѣкѣ, обычаю должно было ее содержать. Указъ 1679 г. упрощалъ ея составъ, отмѣняя въ городахъ должности губныхъ старостъ, сыщиковъ, сборщиковъ, присылавшихся изъ Москвы, горододѣльцевъ, ямскихъ приказчиковъ, осадныхъ, пушкарскихъ, засѣчныхъ и житничныхъ головъ, и всѣ ихъ дѣла сосредоточивая въ рукахъ воеводы.

Новое обложеніе посадскаго населенія стрѣлецкой податью повело къ сокращенію компетенціи воеводъ надъ посадскимъ населеніемъ. Собирать эту подать поручено было самимъ посадскимъ обществамъ черезъ своихъ выборныхъ земскихъ старостъ съ цѣловальниками. Воеводамъ запрещено было мѣшаться въ этотъ сборъ. Равнымъ образомъ устранялись они и отъ косвенныхъ сборовъ, порученныхъ вѣрнымъ таможеннымъ и кабацкимъ головамъ. Такимъ образомъ за воеводами по отношенію къ посадскому населенію въ городахъ оставалась только судебная власть. Введеніе новой прямой подати и иная организація косвенныхъ сборовъ влекли за собою успѣхъ посадскаго самоуправленія. Съ другой стороны, есть извѣстіе, что при Ѳеодорѣ была сдѣлана попытка привлечь къ областному управленію въ уѣздахъ мѣстное дворянское общество, провести такимъ образомъ начало самоуправленія въ провинціи: былъ составленъ проектъ указа, по которому предполагалось предоставить выборы уѣздныхъ воеводъ дворянскимъ обществамъ. Такъ, при Ѳеодорѣ усиливается посадское самоуправленіе и дѣлается попытка положить начало уѣздному. Начинаетъ также и въ сферѣ гражданской администраціи ощущаться неудобство такой слишкомъ неравномѣрной и часто слишкомъ мелкой областной единицы, какою былъ уѣздъ. Является потребность въ такихъ же крупныхъ областныхъ дѣленіяхъ, какими въ военномъ вѣдомствѣ стали военные округа, «разряды». Кажется, эту потребность имѣлъ въ виду возникшій въ тѣ же годы, когда предпринято было учрежденіе военныхъ округовъ, проектъ областного устройства, проводившій, однако, ультрааристократическія притязанія и потому не получившій осуществленія. По этому проекту предполагалось во главѣ всего управленія поставить двухъ лицъ, одно надъ гражданскимъ, другое надъ военнымъ вѣдомствомъ. Первый сановникъ съ титуломъ «болярина предсѣдателя и разсмотрителя надъ всѣми судіями царствующаго града Москвы», долженъ былъ съ помощью коллегіи 12-и засѣдателей изъ бояръ и думныхъ людей наблюдать за отправленіемъ правосудія въ государствѣ; второй съ титуломъ «болярина и двороваго воеводы» получалъ въ свое завѣдываніе военныя дѣла.

Всю территорію государства предполагалось подраздѣлить на намѣстничества, совпадавшія, кажется, съ военными округами 1680 г., и во главѣ каждаго намѣстничества поставить бояръ съ пышными и громкими титулами «боярина и намѣстника Владимірскаго», «боярина и намѣстника Казанскаго» и т. п., при чемъ сдѣлать эти должности наслѣдственными. Послѣднее условіе, показывающее происхожденіе проекта изъ аристократическихъ круговъ, было причиной его неуспѣха. Противъ него возсталъ патріархъ Іоакимъ, увидѣвшій въ немъ сепаратистскія стремленія и выразившій опасеніе, какъ бы «учиненные вѣчные намѣстники великородные люди по нѣкоторыхъ лѣтѣхъ обогатясь и огордѣвъ, московскихъ царей самодержавства не отступили, единовластія не разорили и себѣ въ особность не учинили». Вслѣдствіе этого протеста патріарха проектъ, на который царь уже изъявилъ было согласіе, не былъ принятъ.

Итакъ, повсюду въ перечисленныхъ реформахъ, коснувшихся военнаго дѣла, финансоваго хозяйства и администраціи, мы видимъ одно и то же направленіе: стремленіе къ упрощенію, сосредоточенію, систематизаціи, желаніе на мѣсто исторически сложившагося и разновременно наросшаго хаоса поставить правильный, связанный единствомъ порядокъ. Въ военномъ дѣлѣ упрощается и дѣлается болѣе стройнымъ, простымъ и систематичнымъ центральное и областное управленіе, въ войскахъ все болѣе вводится регулярное устройство и для этого отмѣняется препятствующее регулярному строю мѣстничество. Въ финансовомъ хозяйствѣ консолидируются подати. Областное управленіе упрощается и сосредоточивается въ рукахъ воеводы, а вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаются шаги въ сторону, какъ бы мы сказали теперь, городского и земскаго самоуправленія. Вездѣ изъ-за пестрыхъ, нестройныхъ и неуклюжихъ формъ сложившагося исторически изъ когда-то самостоятельныхъ политическихъ цѣлыхъ съ ихъ мѣстными особенностями «стараго порядка» начинаетъ показываться новое построенное на разумныхъ началахъ государство, съ регулярными войсками, со стройной системой администраціи и финансовъ.

Это новое государство ставитъ себѣ и новыя, гораздо болѣе широкія задачи, не замыкающіяся, какъ при старомъ порядкѣ, въ рамки внѣшней и внутренней безопасности. Начинаетъ развиваться широкое законодательство, имѣющее цѣлью создать благополучіе подданныхъ, то законодательство, которое мы видимъ въ XVII в. и въ Западной Европѣ и которое теперь называется «полицейскимъ». На первую очередь государство берется за народное просвѣщеніе, приходитъ къ сознанію его необходимости и само организуетъ его. И въ этой области московское правительство 70-хъ и 80-хъ годовъ XVII в. дѣйствуетъ съ тою же широтой, какъ въ другихъ. Какъ разъ къ разсматриваемому времени

относится учрежденіе въ Москвѣ государственной высшей школы— академіи. Проектъ устава академіи былъ составленъ при царѣ Ѳеодорѣ его учителемъ Симеономъ Полоцкимъ въ 1682 г., но открыта была академія въ 1685 г. царевной Софьей, предупредившей этимъ шагомъ императрицу Елизавету Петровну, основавшую въ 1755 г. нынѣ существующій Московскій университетъ. По мысли составителей ея устава академія должна была быть высшимъ учебнымъ заведеніемъ общеобразовательнаго характера, своего рода университетомъ. Цѣлью высшаго образованія проектъ устава ставилъ мудрость, а средства къ достиженію этой цѣли видѣлъ въ преподаваніи «свободныхъ наукъ», каковы были: логика съ филологіей, физика или философія естественная, этика или философія нравственная, и политика — царственная мудрость. Такимъ образомъ въ своей программѣ этотъ Московскій университетъ XVII в. включалъ въ себя науки какъ бы трехъ факультетовъ: филологическаго, естественнаго и юридическаго. Въ тѣхъ практическихъ соображеніяхъ, которыя побуждали правительство Ѳеодора и Софьи къ учрежденію академіи, какъ они высказывались въ уставѣ, много общаго съ побужденіями, приведшими позже правительство Елизаветы Петровны къ открытію Московскаго университета. Уставъ академіи запрещалъ держать по домамъ учителей иностранныхъ языковъ, не сдавшихъ экзамена въ академіи такъ же, какъ запрещалъ это указъ 12 января 1755 года. Въ началѣ послѣдней четверти XVII в. въ эпоху сближенія, заключенія вѣчнаго мира и союза съ Польшей, въ московскомъ обществѣ замѣтенъ налетъ польской культуры, подобный налету французской культуры при Елизаветѣ, въ эпоху союза съ Людовикомъ XV, выразившійся, между прочимъ, въ томъ, что по домамъ московской знати появляются польскіе гувернеры, обучавшіе латинскому и польскому языкамъ, подобно тому, какъ при Елизаветѣ въ этихъ же домахъ появляются гувернеры-французы. Университетъ Елизаветы Петровны имѣлъ одною изъ своихъ задачъ обезопасить дворянскую молодежь отъ вреднаго вліянія недоброкачественныхъ иностранцевъ-воспитателей — ту же цѣль преслѣдовала и академія царевны Софьи, при чемъ вліяніе польскихъ гувернеровъ считалось тѣмъ болѣе вреднымъ, что несло съ собою въ русское общество съ науками, языками и манерами еще и нѣкоторую примѣсь католическихъ идей, тогда какъ иностранцы - воспитатели въ Россіи XVIII в. этою опасностью не угрожали. И средства для привлеченія молодежи въ высшую школу были и при Софьѣ, и при Елизаветѣ совершенно одинаковы. Уставъ академіи объявилъ, что окончившіе курсъ академіи даже и изъ неблагородныхъ могутъ достигать высшихъ чиновъ стольниковъ и стряпчихъ, путь къ которымъ для неблагородныхъ вообще былъ закрытъ ихъ происхожденіемъ,—окончившіе курсъ въ университетѣ 1755 г. также получали офицерскіе чины на службѣ. Надо сказать, что академія Софьи успѣшнѣе

осуществляла цѣли, для которыхъ была назначена, чѣмъ университетъ Елизаветы Петровны. Послѣдній въ начальные годы своего существованія пустовалъ и пополнялся разночинцами, въ академіи среди дѣтей разныхъ сословій, которыя ее посѣщали: духовенства, посадскихъ и приказныхъ, аристократическія фамиліи составляютъ значительный процентъ. Курсъ ея проходило немало титулованныхъ студентовъ. Было предположеніе одновременно съ академіей открыть также и «государственную вивліоѳику», т.-е. публичную библіотеку,—мысль, осуществленіе которой начато было Петромъ.

Вліяніе польской культуры сказалось во внѣшней обстановкѣ, которую стала усваивать московская знать въ царствованіе Ѳеодора. По иниціативѣ самого царя, женатаго первымъ бракомъ на дѣвицѣ со звучавшимъ по-польски фамильнымъ прозвищемъ Агаѳіи Грушецкой, придворные стали брить бороды и замѣнять русское платье польскими и венгерскими кунтушами. Мягко и спокойно Ѳеодоръ осуществлялъ ту самую реформу, порывистымъ проведеніемъ которой его младшій братъ впослѣдствіи вызвалъ столько раздраженія и злобы. Это же польское вліяніе на бытъ московскаго общества продолжалось и при царевнѣ Софьѣ. «Также и политесъ возставлена была, — вспоминаетъ о томъ времени современникъ Петра, одинъ изъ его виднѣйшихъ дипломатовъ, кн. Б. И. Куракинъ,—въ великомъ шляхетствѣ и другихъ придворныхъ съ манеру польскаго и въ экипажахъ, и въ домовомъ строеніи, и уборахъ, и столахъ».

Государство этими распоряженіями о бородѣ и покроѣ платья стало проникать въ мелочи частнаго домашняго быта. Тѣмъ болѣе оно не могло оставаться равнодушнымъ къ общественному благочинію. При Ѳеодорѣ и Софьѣ начинаютъ появляться распоряженія, непосредственно предшествующія полицейскимъ указамъ Петра. Былъ задуманъ законъ объ общественномъ призрѣніи «по новымъ европскимъ обычаямъ». Было предписано «учинить разсмотрѣніе о нищихъ въ Москвѣ: разобравъ ихъ, лѣнивыхъ и здоровыхъ отдать на работу, а больныхъ и неспособныхъ къ работѣ устроить въ богадѣльни». Такихъ богадѣленъ было учреждено двѣ, въ Знаменскомъ монастырѣ и на гранатномъ дворѣ за Никитскими воротами. Указами запрещалось ѣздить по улицамъ съ большими бичами, стрѣлять во дворахъ изъ ружей, выкидывать на улицу мертвечину и навозъ и т. п. Всѣ эти мѣры проводились съ гораздо меньшею крутостью, чѣмъ онѣ будутъ проводиться впослѣдствіи. Можетъ-быть, онѣ встрѣчали недовольство; но это недовольство не доходило до того раздраженія съ которымъ ихъ встрѣтятъ потомъ. «Правленіе царевны Софьи Алексѣевны,—говоритъ кн. Б. И. Куракинъ,—началось со всякою прилежностью и правосудіемъ всѣмъ и ко удовольству народному, такъ что никогда такого мудраго правленія въ Россійскомъ государствѣ не было.

И все государство пришло во время ея правленія чрезъ семь лѣтъ въ цвѣтъ великаго богатства. Также умножилась коммерція и всякія ремесла; и науки почали быть».

Широкая внѣшняя политика, основанная на союзахъ съ европейскими державами, имѣющая цѣлью сломить Крымъ и добраться до береговъ южнаго моря; правильно устроенное государство, съ регулярнымъ войскомъ, стройной системой администраціи и финансовъ, народное просвѣщеніе путемъ государственной школы, полицейское законодательство, заимствованіе образцовъ для преобразованій съ запада—на этотъ разъ изъ Польши,—все это черты, сближающія время Ѳеодора и правленіе Софьи съ эпохой самостоятельной дѣятельности Петра Великаго, съ его реформой. Петръ шелъ въ томъ же направленіи, стремился къ тѣмъ же цѣлямъ и воодушевлялся тѣми же идеалами; только благодаря своему темпераменту дѣйствовалъ рѣзче и круче.

III.

Царь Петръ въ правленіе Софьи.—Конецъ регентства.

Уступивъ мѣсто царевнѣ Софьѣ, потерявъ власть, царица Наталья съ дѣтьми принуждена была въ 1683 г. покинуть кремлевскій дворецъ и проводила время въ подмосковныхъ царскихъ резиденціяхъ, больше всего въ Преображенскомъ на р. Яузѣ. Съ удаленіемъ изъ Москвы воспитаніе юнаго царя получаетъ иной характеръ. Живая, огненная натура, онъ не можетъ усидѣть около матери, постоянно печальной, постоянно грустящей о прошломъ.

Онъ выбѣжалъ на улицу Преображенскаго и здѣсь начались знаменитыя военныя игры. Въ записяхъ Оружейной палаты постоянно читаемъ отмѣтки, что малолѣтнему царю то и дѣло посылаются барабаны, порохъ, свинецъ, протазаны, алебарды, пальники, палаши, шпаги, пищали золоченыя и другіе военные снаряды. Царю не сидѣлось и въ Преображенскомъ: то и дѣло съ потѣшными онъ совершаетъ походы по разнымъ подмосковнымъ селамъ. Эти военныя упражненія повели къ знакомству съ нѣмцами. Потѣшные полки, набранные большею частью изъ дворцовыхъ служителей, надобно было обучать иноземному солдатскому строю, и офицерскія мѣста заняты были въ нихъ иноземцами изъ сосѣдней съ Преображенскимъ Нѣмецкой слободы. Это знакомство съ иноземцами содѣйствовало удовлетворенію той изумительной любознательности, которою былъ одаренъ отъ природы Петръ и побудило его съ жаромъ приняться за продолженіе столь рано прерваннаго образованія. Объ этомъ второмъ періодѣ своего ученія разсказываетъ самъ Петръ. Въ 1720 г. онъ издалъ Морской уставъ и самъ написалъ къ нему предисловіе,

въ которомъ излагалъ историческій очеркъ кораблестроенія въ Россіи. Въ этомъ очеркѣ онъ коснулся и своего образованія. «Передъ посылкою князя Якова Долгорукова во Францію,—пишетъ царь,—между другими разговоры, сказывалъ вышеупомянутый князь Яковъ, что у него былъ такой инструментъ, которымъ можно было брать дистанціи или разстоянія, не доходя до того мѣста. Я зѣло желалъ его видѣть; но онъ мнѣ сказалъ, что его у него украли. И когда поѣхалъ онъ во Францію, тогда наказалъ я ему купить между другими вещами и сей инструментъ; и когда возвратился онъ изъ Франціи и привезъ, то я, получа оный, не умѣлъ его употреблять. Но потомъ объявилъ его дохтуру Захару фонъ-деръ-Гулсту, что не знаетъ ли онъ? который сказалъ, что онъ не знаетъ, но сыщетъ такого, кто знаетъ; о чемъ я съ великою охотою велѣлъ его сыскать, и оный дохтуръ въ скоромъ времени сыскалъ голландца, именемъ Франца, прозваніемъ Тиммермана, которому я вышеописанные инструменты показалъ, который, увидѣвъ, сказалъ тѣ жъ слова, что князь Яковъ говорилъ о нихъ, и что онъ употреблять ихъ умѣетъ; къ чему я гораздо присталъ съ охотою учиться геометріи и фортификаціи. И тако сей Францъ чрезъ сей случай сталъ при дворѣ быть безпрестанно и въ компаніяхъ съ нами». Въ шестнадцать лѣтъ Петръ засѣлъ съ Тиммерманомъ за математическія науки. До

Алебарды и протазанъ Петра Великаго.
Хранятся въ Артиллерійскомъ музеѣ въ Петербургѣ.

насъ дошли тетради, писанныя его рукою и рукою учителя. Сначала онъ прошелъ четыре правила ариѳметики: «адицое», «супстракцію», «мултопликацію» и «дивизіо», т.-е. сложеніе, вычитаніе, умноженіе и дѣленіе, скоро перешелъ къ высшей математикѣ, постигъ теорію астролябіи и могъ даже опредѣлить, при какихъ условіяхъ въ какомъ разстояніи можетъ пасть на данную точку бомба изъ орудія. Но такимъ быстрымъ успѣхомъ онъ былъ обязанъ гораздо болѣе своей понятливости и охотѣ, чѣмъ знаніямъ учителя. По тетрадямъ видно, какъ Тиммерманъ ошибался даже въ простомъ умноженіи. Этими уроками Тиммермана царь и закончилъ второй курсъ своего теоретическаго образованія. Петръ много зналъ къ концу своей жизни, но все, что онъ зналъ, онъ пріобрѣлъ самъ личнымъ опытомъ и наблюденіемъ, благодаря своей неутомимой жаждѣ къ знанію. Школа въ дѣтствѣ дала ему очень мало: она даже не научила его правильно писать по-русски. Петръ писалъ охотно и много, его переписка громадна, но его орѳографія была изумительно своеобразная и произвольная. Онъ руководился въ правописаніи, главнымъ образомъ, только слухомъ. Такъ слово «втроемъ» онъ пишетъ *втраіомъ*. Особенно излюбленною была у него, кажется, буква ъ, которую онъ вставлялъ куда только было можно, напр., онъ писалъ *въсякимъ*, *верхъней*, *сътрелять*, *упъравъленіе*.

Усваивая военное дѣло съ потѣшными въ Преображенскомъ, царь случайно натолкнулся на предметъ, который зародилъ въ немъ любовь къ морю и кораблямъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, объясняетъ дѣло онъ самъ въ упомянутомъ выше предисловіи къ Морскому уставу. «Нѣсколько времени спустя (послѣ того какъ Долгорукій привезъ астролябію) случилось намъ быть въ Измайловѣ на льняномъ дворѣ и, гуляя по амбарамъ, гдѣ лежали остатки вещей дому дѣда Никиты Ивановича Романова, между которыми увидѣлъ я судно иностранное, спросилъ вышерѣченнаго Франца (Тиммермана), что это за судно? Онъ сказалъ, что то ботъ англійскій. Я спросилъ, гдѣ его употребляютъ? Онъ сказалъ, что при корабляхъ для ѣзды и возки. Я паки спросилъ: какое преимущество имѣетъ предъ нашими судами (понеже видѣлъ его образомъ и крѣпостью лучше нашихъ)? Онъ мнѣ сказалъ, что онъ ходитъ на парусахъ не только что по вѣтру, но и противъ вѣтра; которое слово меня въ великое удивленіе привело и якобы неимовѣрно. Потомъ я его паки спросилъ: есть ли такой человѣкъ, который бы его починилъ и сей ходъ мнѣ показалъ. Онъ сказалъ мнѣ, что есть. То я съ великою радостью сіе услыша, велѣлъ его сыскать. И вышерѣченный Францъ сыскалъ голландца Карштенъ Бранта, который призванъ при отцѣ моемъ въ компаніи морскихъ людей для дѣланія морскихъ судовъ на Каспійское море, который оный ботъ починилъ и сдѣлалъ маштъ и парусы и на Яузѣ при мнѣ лавировалъ, что мнѣ паче удивительно и зѣло любо стало. Потомъ,

когда я часто то употреблялъ съ нимъ, и ботъ не всегда хорошо ворочался, но болѣе упирался въ берега, я спросилъ для чего такъ? Онъ сказалъ, что узка вода. Тогда я перевезъ его на Просяной прудъ, но и тамъ немного авантажу сыскалъ, а охота стала отъ часу быть болѣе. Того дня я сталъ провѣдывать, гдѣ болѣе воды. То мнѣ объявили Переяславское озеро яко наибольшее; куды я, подъ образомъ обѣщанія въ Троицкой монастырь, у матери выпросился. А потомъ уже сталъ ее просить и явно, чтобы тамъ дворъ и суды сдѣлать... И тамъ нѣсколько лѣтъ охоту свою исполнялъ. Но потомъ и то показалось мало; то ѣздилъ на Кубенское озеро. Но оное ради мелкости не показалось. Того ради уже положилъ намѣреніе прямо видѣть море».

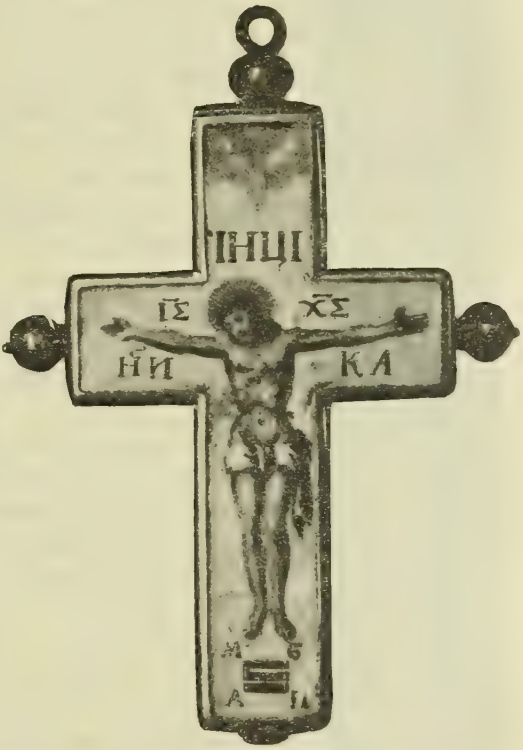
Этотъ разсказъ царя дѣйствительно согласуется съ фактами, которые намъ извѣстны изъ другихъ источниковъ. Въ 1688 г., когда онъ увидѣлъ Переяславское озеро, гдѣ корабли могли не натыкаться на берегъ, его трудно было уже оторвать отъ воды. Въ январѣ 1689 г. на семнадцатомъ году мать женила его на Евдокіи Лопухиной, дѣвушкѣ въ древне-русскомъ вкусѣ, пришедшейся по вкусу матери, но не по вкусу сыну. Едва миновалъ медовый мѣсяцъ и стали вскрываться рѣки, Петръ летитъ уже, забывъ жену, къ любимому озеру, гдѣ затѣяна была постройка кораблей подъ руководствомъ голландца Карстенъ Бранта. Мать тщетно пишетъ ему письмо за письмомъ, чтобы вернулся, на все одинъ отвѣтъ, — готовъ, только ей-ей дѣло есть! «Вселюбезнѣйшей и паче живота тѣлеснаго дражайшей моей матушкѣ, государынѣ царицѣ и великой княгинѣ Наталіи Кирилловнѣ. Сынишка твой въ работѣ пребывающій Петрушка благословенія прошу, а о твоемъ здравіи слышати желаю; а у насъ молитвами твоими здорово все. А озеро все вскрылось 20-го числа, и суды всѣ кромѣ большого корабля въ отдѣлкѣ; только за канатами станетъ: и о томъ милости прошу, чтобъ тѣ канаты по семисотъ саженъ изъ Пушкарскаго Приказу не мѣшкавъ присланы были. А за ними дѣло станетъ и житье наше продолжится. Посемъ паки благословенія прошу»—Петръ хитритъ и пугаетъ мать, что останется въ Переяславлѣ дольше, если она не пришлетъ вскорѣ канатовъ.

Въ этихъ забавахъ проходила юность Петра, и онъ достигъ уже семнадцатилѣтняго возраста. Если въ одиннадцать лѣтъ иностранцу, его видѣвшему, онъ казался 16-лѣтнимъ, то понятно, что въ семнадцать онъ высматривалъ совершенно взрослымъ. Положеніе правительницы Софьи становилось поэтому неловкимъ: ей предстояло удалиться.

Софья прекрасно понимала это, и давно уже заботилась о томъ, чтобы упрочить свое положеніе, придавъ своей власти болѣе постоянную форму. Еще въ 1686 г., со времени заключенія вѣчнаго мира съ Польшею, она приказала именовать себя въ грамотахъ и указахъ рядомъ съ именами царей и приняла титулъ Самодер-

жицы. Съ того же времени она стала появляться вмѣстѣ съ царями во всѣхъ царскихъ выходахъ на церковныя торжества, пріучая общество видѣть себя неразлучною съ царями. Но этого было недостаточно, и у нея созрѣваетъ мысль о вѣнчаніи царскимъ вѣнцомъ. Въ августѣ 1687 г. Софья поручила приближенному своему Шакловитому безъ шума развѣдать, какъ примутъ эту мысль стрѣльцы и поддержатъ ли ея намѣреніе. Шакловитый созвалъ къ себѣ на домъ 30 стрѣлецкихъ урядниковъ и предложилъ имъ написать челобитную, чтобы царевна Софья вѣнчалась царскимъ вѣнцомъ. «Мы челобитной писать не умѣемъ,—холодно отвѣчали урядники,— да и послушаетъ ли насъ царь Петръ Алексѣевичъ?»—«Если не послушаетъ, — возразилъ Шакловитый, — схватите боярина Льва Кирилловича Нарышкина и кравчаго Бориса Алексѣевича Голицына, тогда приметъ челобитье».—«А патріархъ и бояре?» спрашиваютъ неохотно стрѣльцы. «Патріарха смѣнить можно,—горячится Шакловитый, — а бояре? Что бояре! это отпадшее зяблое дерево». Изъ этой бесѣды Софья поняла, что стрѣльцы не будутъ ее поддерживать, разъ надо прибѣгать къ такимъ насильственнымъ мѣрамъ, какъ захватъ близкихъ къ царю людей и смѣна патріарха. На время она рѣшила отложить свою затѣю, однако не совсѣмъ отказалась отъ нея: для болѣе постепеннаго приготовленія умовъ къ замышляемому перевороту былъ отпечатанъ ея портретъ въ царскомъ облаченіи въ коронѣ и со скипетромъ въ рукахъ. Ее окружаютъ 7 аллегорическихъ изображеній, представляющихъ 7 ея добродѣтелей. Подъ портретомъ подписано ея имя съ полнымъ царскимъ титуломъ. Сильвестръ Медвѣдевъ написалъ къ портрету вирши, прославляющія царевну. Портретъ этотъ потомъ былъ уничтоженъ и теперь представляетъ собою величайшую рѣдкость. Между тѣмъ царица Наталья изъ Преображенскаго зорко слѣдила за честолюбивыми поползновеніями царевны, разъ даже не сдержалась и открыто высказалась въ присутствіи старшихъ и младшихъ царевенъ: «Для чего она стала писаться съ великими государями вмѣстѣ? У насъ люди есть, и они того дѣла не покинутъ». Между обоими дворами — кремлевскимъ и опальнымъ преображенскимъ — накипало взаимное и все болѣе и болѣе открытое раздраженіе. Софья безъ негодованія слышать не могла о Преображенскомъ и занятіяхъ Петра. Его потѣшныхъ она называла не иначе, какъ конюхами и озорниками. У людей, стоявшихъ близко къ ней, стали появляться страшныя мысли. Князь В. В. Голицынъ вздыхалъ: «Жаль, что въ стрѣлецкій бунтъ не уходили царицу Наталью съ братьями, теперь бы ничего не было». Шакловитый ставилъ вопросъ ребромъ: «Чѣмъ тебѣ, государыня, не быть, лучше царицу извести». Одинъ изъ его подчиненныхъ, стрѣлецъ Чермный, шелъ далѣе всѣхъ и высказался уже совершенно открыто: «Какъ быть,—разсуждалъ онъ,—хотя и всѣхъ побить, а корня не выведешь: надобно уходить старую царицу, медвѣдицу», а на возраженіе, что за мать

вступится царь, онъ добавлялъ: «Чего и ему спускать? Зачѣмъ стало?» Софья подогрѣвала эти замыслы. Не разъ она призывала къ себѣ ночью по нѣскольку довѣренныхъ стрѣльцовъ, толковала съ ними и жаловалась, что царица Наталья съ братьями и Борисомъ Голицынымъ поднимаетъ бунтъ, а патріархъ противъ нея. Но стрѣльцы на эти жалобы равнодушно отвѣчали: «Воля твоя, государыня, что хочешь, то и дѣлай». Только немногіе изъ нихъ были готовы на цареубійство, большинство не показывало охоты къ бунту: самые безпокойные и недовольные элементы изъ стрѣлецкаго войска были разосланы изъ Москвы по городамъ послѣ расправы съ Хованскимъ, и Софья теперь потеряла то орудіе, которымъ она такъ успѣшно дѣйствовала въ 1682 г.



Наперстный крестъ Петра Великаго. Хранится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

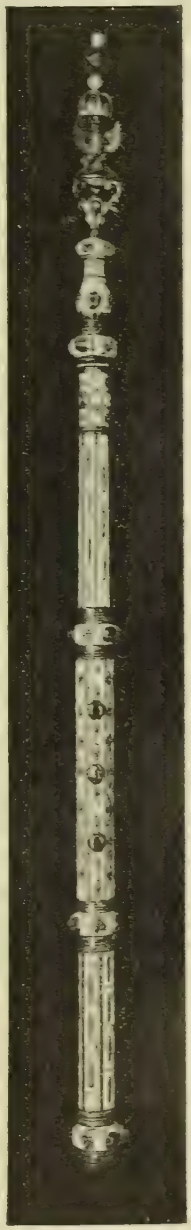
Чтобы раздражить спокойныхъ стрѣльцовъ, прибѣгали даже къ хитростямъ. Преданный Софьѣ человѣкъ, подьячій Приказа Большой Казны Шошинъ со стрѣлецкими капитанами ѣздилъ по Москвѣ ночью, хваталъ караульныхъ стрѣльцовъ и приказывалъ бить до-смерти. И когда стрѣльцы начинали колотить, одинъ изъ спутниковъ Шошина громко восклицалъ: «Левъ Кирилловичъ! За что бить до-смерти? Душа христіанская!» Этимъ думали вызвать озлобленіе противъ Нарышкина въ массѣ стрѣльцовъ, но масса оставалась спокойною. «Буде до кого какое дѣло есть,—говорили стрѣльцы,—пусть думный дьякъ скажетъ царскій указъ, мы того и возьмемъ, а безъ указу дѣлать не станемъ, хоть многажды бей въ набатъ». Разумѣется, всѣ эти замыслы и рѣчи Софьиныхъ приспѣшниковъ передавались немедленно въ Преображенское и, конечно, въ настолько преувеличенномъ видѣ, насколько могла преувеличивать сплетня XVII вѣка. Легко себѣ представить, какіе страхи, толки и чувства вызывали эти извѣстія въ Преображенскомъ. Въ тѣ рѣдкія минуты, въ которыя Петръ забѣгалъ домой посидѣть съ матерью, онъ и отъ матери, и отъ дядей, и отъ воспитателя только и слышалъ страшные разсказы

о замыслахъ сестры. Легко понять, какое впечатлѣніе производили эти разсказы на воспріимчиваго юношу, видѣвшаго въ дѣтствѣ кровавыя сцены стрѣлецкаго мятежа, устроеннаго сестрой, и какая глубокая ненависть къ Софьѣ должна была расти въ его душѣ.

Первыя открытыя столкновенія брата съ сестрой произошли лѣтомъ 1689 года. 8 іюля изъ кремлевскихъ соборовъ бываетъ крестный ходъ въ Казанскій соборъ. Софья присутствовала съ Петромъ за обѣдней въ Успенскомъ соборѣ и послѣ обѣдни собралась итти «за кресты», какъ тогда говорили. Петръ замѣтилъ ей, что ей итти непригоже. Она не послушалась и сама несла образъ. Царь разсердился, не пошелъ въ крестный ходъ и тотчасъ уѣхалъ къ себѣ въ Преображенское. Въ то же время возвратился изъ неудачнаго крымскаго похода кн. В. В. Голицынъ. Правительница осыпала любимца блестящими и незаслуженными наградами. Петръ съ трудомъ далъ свое согласіе на эти награды, а когда Голицынъ 27 іюля явился ему представиться, чтобы поблагодарить, царь не принялъ его. Это было страшное оскорбленіе, открыто нанесенное любимцу Софьи. Софья не могла скрыть досады и въ тотъ же вечеръ говорила провожавшимъ ее въ Дѣвичій монастырь ко всенощной стрѣльцамъ: «И такъ была бѣда, да Богъ сохранилъ; а нынѣ опять бѣду зачинаетъ. Годны ли мы вамъ? Буде годны, вы за насъ стойте, а буде не годны, мы оставимъ государство». Окончательная ссора разыгралась въ августѣ. 7-го числа нашли въ Москвѣ неизвѣстно кѣмъ подброшенное письмо, въ которомъ объявлялось, что въ ночь на 8-ое придутъ изъ Преображенскаго потѣшные побить царя Іоанна Алексѣевича и всѣхъ его сестеръ. Были приняты мѣры. Кремль былъ запертъ, туда допускались только наиболѣе близкія лица. Въ сумеркахъ приказано было собрать на Лубянкѣ и держать на готовѣ стрѣлецкій отрядъ. Въ это время въ Москву изъ Преображенскаго пріѣхалъ спальникъ царя Плещеевъ. Одинъ изъ преданныхъ Шакловитому лицъ, Гладкій, стащилъ его съ лошади, сорвалъ саблю и отправилъ къ Шакловитому. Увидавъ это, двое вѣрныхъ Петру стрѣльцовъ помчались въ Преображенское увѣдомить царя, что его жизни грозитъ опасность. Петра разбудили; онъ тотчасъ же вскочилъ на коня и на разсвѣтѣ былъ уже въ Троицкой лаврѣ. Измученный этой скачкой, онъ, войдя въ келью, бросился на постель и въ слезахъ разсказалъ прибѣжавшему архимандриту Викентію все дѣло. 8 августа пріѣхала въ монастырь мать, прибыли потѣшные и стрѣльцы особенно вѣрнаго Петру Сухарева полка. Въ Москвѣ были поражены внезапнымъ отъѣздомъ царя, но во дворцѣ сдѣлали видъ, что не придаютъ этому никакого значенія. «Вольно ему, взбѣсяся, бѣгать», замѣтилъ Шакловитый. Но легко себѣ представить, какія минуты переживала царевна Софья, когда она начинала понимать, что почва уходитъ у нея изъ-подъ ногъ. Для нея эта борьба была борьбою не только за власть, но и за свободу

и, быть-можетъ, не разъ въ ея живомъ воображеніи рисовались мрачные стѣны и своды монастыря, куда ее запрутъ въ случаѣ неудачи.

Вообще московскія событія въ августѣ 1689 г. представляютъ богатый матеріалъ для исторической драмы. Какъ утопающая за соломинку, хваталась Софья то за то, то за другое средство, бросалась то къ тѣмъ, то къ другимъ, говорила со стрѣльцами и къ народу на площади, жаловалась, просила, то плакалась, что стала теперь ненадобна, что пойдетъ гдѣ-нибудь съ братомъ кельи искать, то грозила рубить головы. Всѣ слушаютъ ее равнодушно. В. В. Голицынъ благоразумно удалился въ подмосковную деревню, чтобы тѣмъ выждать, кто возьметъ верхъ. Посланные къ Петру для переговоровъ возвратились ни съ чѣмъ. Царевна упросила патріарха съѣздить туда, уладить дѣло; патріархъ поѣхалъ, но и остался у Троицы. Въ отчаяніи царевна поспѣшила туда сама, надѣясь объясниться. Въ Воздвиженскомъ ее встрѣтилъ стольникъ Бутурлинъ съ объявленіемъ, чтобы не ѣздила. «Непремѣнно поѣду», вспылила Софья. Но навстрѣчу былъ высланъ другой посолъ отъ Петра съ угрозой, что если поѣдетъ, то съ нею будетъ поступлено «нечестно», и царевна принуждена была вернуться. А въ то же время отъ Петра летитъ въ Москву грамота за грамотой: выслать полковника Цыклера съ 50-ю стрѣльцами, выслать по 10 стрѣльцовъ отъ каждаго полка и всѣхъ начальныхъ людей, выслать служилыхъ иноземцевъ изъ Нѣмецкой слободы и выборныхъ изъ всѣхъ московскихъ сотенъ и слободъ. Царевна пытается уговорить, грозитъ тому, кто уйдетъ, смертною казнью. Ничто не дѣйствуетъ: и стрѣльцы, и нѣмцы валятъ толпами къ Троицѣ. Наконецъ, 1 сентября, въ день Новаго года, пріѣхалъ гонецъ отъ Троицы съ грамотою, въ которой Петръ объявлялъ брату и сестрѣ о заговорѣ и требовалъ высылки Ѳедьки Шакловитаго. Шакловитый былъ ближайшій человѣкъ къ Софьѣ послѣ Василія Голицына, и послѣдній не безъ основанія могъ видѣть въ немъ соперника. Въ ярости Софья приказала отрубить гонцу голову, но во всей Москвѣ не нашли палача для того, чтобы исполнить это распоряженіе, и гонецъ остался живъ.



Скипетръ царя Петра Алексѣевича.
Хранится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

6 сентября стрѣльцы открыто примкнули къ Петру: большою толпою они явились въ Кремль къ Софьѣ и съ дерзкими криками потре-

бовали выдачи Ѳедьки, чтобы вести его къ Троицѣ. Софья принуждена была выдать этого послѣдняго вѣрнаго человѣка, и дѣло ея было окончательно проиграно.

У Троицы шелъ розыскъ и пытки, 11 сентября былъ казненъ Шакловитый. Еще раньше князю Голицыну съ сыномъ объявлена ссылка въ Каргополь съ конфискаціей всего имущества за то, что они «сестрѣ великихъ государей о всякихъ дѣлахъ докладывали мимо великихъ государей и писали ее съ великими государями обще», «бывъ посланъ въ 1689 г. на крымскіе юрты кн. В. Голицынъ, пришедъ къ Перекопу, промыслу никакого не чинилъ и отступилъ, каковымъ нерадѣніемъ царской казнѣ учинилъ великіе убытки, государству разореніе и людямъ тягость». Впослѣдствіи Голицыны были переведены дальше, въ Яренскъ.

Расправившись съ врагами, Петръ писалъ брату отъ Троицы: «Милостію Божіею врученъ намъ, двумъ особамъ, скипетръ правленія прародительскаго нашего Россійскаго царствія; а о третьей особѣ, чтобъ быть съ нами въ равенственномъ правленіи, отнюдь не вспоминалось. А какъ сестра наша царевна Софья Алексѣевна государствомъ нашимъ учала владѣть своею волею, и въ томъ владѣніи что явилось особамъ нашимъ противное, и народу тягость и наше терпѣніе, о томъ тебѣ, государь, извѣстно. А нынѣ злодѣи наши Ѳедька Шакловитый съ товарищи, не удоволяся милостью нашею, преступая обѣщаніе свое, умышляли съ иными ворами о убійствѣ надъ нашимъ и матери нашей здоровьемъ и въ томъ по розыску и съ пытки винились. А теперь, государь братецъ, настаетъ время нашимъ обоимъ особамъ Богомъ врученное намъ царствіе править самимъ, понеже пришли есми въ мѣру возраста своего, а третьему зазорному лицу, сестрѣ нашей, съ нашими двумя мужескими особами въ титлахъ и въ расправѣ дѣлъ быти не изволяемъ... потому что учала она въ дѣла вступать и въ титлахъ писаться собою безъ нашего изволенія, къ тому же еще и царскимъ вѣнцомъ для конечной нашей обиды хотѣла вѣнчаться. Срамно, государь, при нашемъ совершенномъ возрастѣ тому зазорному лицу государствомъ владѣть мимо насъ». «Зазорное лицо» вскорѣ послѣ этого письма было заключено въ монастырь.

IV.

Правленіе министровъ.

Свергнувъ Софью, партія царицы Натальи и Петра вновь очутилась у власти. Новое правительство по способностямъ и талантамъ значительно уступало предыдущему. Сама царица Наталья была, по выраженію Куракина, править «не капабель» (capable), потому что, «будучи принцесса добраго темпераменту, добродѣтель-

наго, токмо не была ни прилежная и не искусная въ дѣлахъ и ума легкаго». Во главѣ правительства, занявъ мѣсто начальника Посольскаго приказа, однако безъ титула «оберегателя», сталъ братъ царицы Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ, человѣкъ ничтожный по дарованіямъ. «Помянутаго Нарышкина, — замѣчаетъ о немъ тотъ же Куракинъ, — кратко характеръ можно описать, а именно, что былъ человѣкъ гораздо посредняго ума и невоздержный къ питью, также человѣкъ гордый, и хотя не злодѣй, токмо не склончивой, и добро многимъ дѣлалъ безъ резону, но по бизаріи своего гумору». Военное вѣдомство — Разрядный приказъ—было поручено дядькѣ Петра боярину Тихону Никитичу Стрѣшневу. «О характерѣ его описать можемъ только, — читаемъ о немъ у Куракина, — что человѣкъ лукавый и злого нраву, а ума гораздо средняго, токмо дошелъ до сего градусу такимъ образомъ, понеже былъ въ поддядькахъ у царя Петра Алексѣевича съ молодыхъ его лѣтъ и признался къ его нраву, и такимъ образомъ былъ интригантъ дворовой». Вмѣстѣ съ разрядными дѣлами онъ сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ, по свидѣтельству того же современника, управленіе большей части внутреннихъ дѣлъ: «былъ въ правленіи въ Разрядѣ и внутри правленія государственнаго большую часть онъ дѣла дѣлалъ». Единственнымъ выдающимся умомъ въ составѣ новаго правительства Куракинъ считаетъ кн. Б. А. Голицына, руководителя Петра въ столкновеніи съ царевной Софьей. «Былъ человѣкъ ума великаго,—отзывается о немъ Куракинъ,—а особливо остроты, но къ дѣламъ неприлежной, понеже любилъ забавы, а особливо склоненъ былъ къ питью». Онъ отличался также большою благосклонностью къ иноземцамъ, былъ первый, «которой началъ съ офицерами и купцами иноземными обходиться»; онъ не только снисходительно смотрѣлъ на знакомство Петра съ иноземцами, но и самъ содѣйствовалъ этому знакомству. Голицынъ сохранилъ за собою мѣсто начальника приказа Казанскаго Дворца, которому подвѣдомственно было все среднее и нижнее Поволжье, прежнія царства Казанское и Астраханское. «Этимъ краемъ, — пишетъ Куракинъ, — кн. Борисъ Алексѣевичъ правилъ такъ абсолютно, какъ бы былъ государемъ». Остальные приказы были розданы менѣе виднымъ членамъ партіи. Изъ уваженія къ царю Іоанну Алексѣевичу его дядька, кн. Петръ Ивановичъ Прозоровскій, оставленъ былъ, какъ и при Софьѣ, начальникомъ приказа Большой Казны. Начальники приказовъ въ эти годы начинаютъ все чаще именоваться министрами. Для рѣшенія важнѣйшихъ дѣлъ министры собираются въ «консилію». Мы видимъ передъ собою какъ бы объединенный кабинетъ, въ которомъ до смерти царицы Натальи (1694) Л. К. Нарышкинъ былъ предсѣдателемъ. Иностранцы прямо и называютъ его «первымъ министромъ», а Куракинъ разсказываетъ, что всѣ остальные министры должны были докладывать ему по своимъ вѣдомствамъ: «также къ нему всѣ министры принадлежали и о

всѣхъ дѣлахъ доносили, кромѣ князя Бориса Алексѣевича Голицына и Тихона Стрѣшнева». По смерти царицы Натальи Левъ Кирилловичъ, который былъ отъ Петра всегда «мепризированъ и принятъ за человѣка глупаго», лишился своего вліянія, а по возвращеніи Петра изъ-за границы былъ отставленъ и отъ управленія Посольскимъ приказомъ, уступивъ мѣсто Ѳ. А. Головину. Номинально первенство перешло къ кн. Б. А. Голицыну, но такъ какъ онъ «всѣ дѣла неглижировалъ», то, какъ сообщаетъ Куракинъ, фактически все управленіе сосредоточилось въ рукахъ Т. Н. Стрѣшнева. Послѣ сверженія Софьи и въ особенности послѣ смерти матери Петръ, какъ свидѣтельствуетъ Куракинъ, «хотя самъ вступилъ или понужденъ былъ вступить въ правленіе, однакожъ труда того не хотѣлъ понести и оставилъ все своего государства правленіе министрамъ своимъ». Правленіе кабинета посредственностей продолжалось лѣтъ десять (1688—1699) и не ознаменовалось рѣшительно ничѣмъ выдающимся. По широтѣ своей политики оно много уступало правленію Софьи и В. В. Голицына и въ своей созидательной дѣятельности, если въ чемъ ее обнаруживало, долго питалось запасомъ идей и проектовъ, унаслѣдованныхъ отъ времени Ѳеодора и Софьи.

Предоставивъ управленіе министрамъ, Петръ самъ въ него очень мало вмѣшивался, и все его вниманіе было устремлено попрежнему на «Нептуновы и Марсовы потѣхи». Только эти потѣхи принимаютъ теперь все болѣе широкіе размѣры. Въ теченіе 1692 г. царь неоднократно проводилъ по нѣскольку времени на Переяславскомъ озерѣ, разъ даже ему удалось свозить туда и мать. Тамъ онъ весь погружался въ кораблестроеніе, и когда пріѣхало въ Москву персидское посольство, Левъ Нарышкинъ и кн. Борисъ Голицынъ должны были сами пріѣзжать въ Переяславль и уговаривать царя бросить на нѣкоторое время корабли и съѣздить въ Москву на пріемъ посольства, такъ какъ отсутствіе его могло нанести обиду Персіи и повести къ разрыву съ нею. Не довольствуясь уже Переяславскимъ озеромъ, Петръ выпросился у матери въ Архангельскъ на Бѣлое море, куда и съѣздилъ въ 1693 г. и второй разъ уже по смерти матери въ 1694 г. (скончалась 25 января 1694 г.). Въ Архангельскѣ онъ увидѣлъ настоящее море, плавалъ по нему, провожая голландскіе корабли, собрался въ Соловецкій монастырь, захваченный бурею чуть было не погибъ во время этого путешествія — и былъ въ восторгѣ. Въ первую же свою поѣздку онъ не могъ удержаться, чтобы не заложить корабля, другой былъ заказанъ въ Голландіи. Лѣтомъ 1694 г. оба были готовы, и по письмамъ Петра къ Виніусу можно видѣть, какую сильную радость ему доставило это событіе. «А новый корабль, — пишетъ онъ ему о первомъ,—11-го іюля совсѣмъ отдѣланъ и окрещенъ во имя апостола Павла и Марсовымъ ладаномъ довольно окуренъ; въ томъ же куреніи и Бахусъ при-

почтенъ былъ довольно». Когда пришелъ изъ Голландіи заказанный тамъ корабль «Св. Пророчество», Петръ извѣстилъ Виніуса такимъ короткимъ письмомъ: «Ничто иное нынѣ мнѣ писать, только, что давно желали, нынѣ въ 21 день (іюля) совершилось: Янъ Фламъ въ цѣлости пріѣхалъ; на которомъ кораблѣ 44 пушки и 40 матросовъ. Пожалуй, поклонись всѣмъ нашимъ. Пространнѣе писать буду въ настоящей почтѣ; а нынѣ обвеселяся неудобно пространно писать, пачеже и нельзя: понеже при такихъ случаяхъ всегда Бахусъ почитается, который своими листьями заслоняетъ очи хотящимъ пространно писать».

Знамя, бывшее въ войскѣ Петра Великаго во время Азовскихъ походовъ.
Хранится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

Игры съ сухопутными войсками обратились теперь въ настоящіе маневры, происходившіе подъ руководствомъ иностранныхъ генераловъ въ окрестностяхъ Москвы. Войска раздѣлялись на двѣ арміи: одна состояла изъ стараго войска, стрѣльцовъ, подъ начальствомъ Ив. Ив. Бутурлина, именовавшагося во время этихъ маневровъ «Польскимъ королемъ», другою командовалъ «генералиссимусъ Фридрихъ»—кн. Ѳеодоръ Юрьевичъ Ромадановскій. Эта послѣдняя составлялась изъ потѣшныхъ и изъ полковъ иноземнаго строя, и обыкновенно разбивала первую. На Яузѣ была построена даже особая потѣшная крѣпость съ иностраннымъ названіемъ «Пресбургъ», около которой и сосредоточивались военныя дѣйствія. Ее осаждали, ходили

на штурмъ, дѣлали подкопы, взрывали минами. Эти маневры иногда переходили въ настоящія схватки: кидали другъ въ друга чиненыя порохомъ гранаты, палили изъ пушекъ бомбами, бились палками, и такія шутки кончались иногда печальными послѣдствіями. Въ октябрѣ 1691 г. былъ великій и страшный бой. «И тотъ бой, — писалъ Петръ, — равнялся судному дню, и ближній стольникъ кн. Ив. Дм. Долгорукій отъ тяжкія своея раны, паче же изволеніемъ Божіимъ, переселился въ вѣчные кровы, по чину Адамову, идѣже и всѣмъ намъ по времени быти!» Эти военныя игры незамѣтно перешли въ серьезное дѣло. Осенью 1694 года въ октябрѣ были большіе бои подъ Кожуховымъ, недалеко отъ Симонова монастыря, а весною 1695 г. затѣянъ былъ уже походъ на Азовъ.

Походы прямо на Крымъ при Софьѣ кончились неудачно, и теперь рѣшено было нанести ударъ врагу съ другой стороны, взявъ важную крѣпость при устьѣ Дона, которая могла служить хорошею гаванью русскому флоту на Азовскомъ и Черномъ моряхъ. Къ тому же Азовъ уже разъ былъ захваченъ русскими въ 1637 г. Этотъ Азовскій походъ Петра и былъ непосредственнымъ продолженіемъ потѣшныхъ походовъ. Собираясь туда, царь писалъ: «Шутили подъ Кожуховымъ, теперь подъ Азовъ идемъ играть». Войска иноземнаго строя и московскіе стрѣльцы двинулись подъ начальствомъ трехъ генераловъ: Головина, Лефорта и Гордона. Первые два спустились на судахъ по Окѣ и Волгѣ ниже Царицына, оттуда перешли на Донъ и продолжали путь до Азова опять на судахъ. Гордонъ шелъ сухимъ путемъ черезъ Тамбовъ и Черкасскъ. Въ то же время Борису Петровичу Шереметеву съ сильнымъ отрядомъ стараго дворянскаго войска было поручено спуститься къ устьямъ Днѣпра, чтобы отвлечь вниманіе непріятеля. Этотъ первый походъ былъ неудаченъ. Во время осады инженеры, Францъ Тиммерманъ, учитель Петра, и Яковъ Брюсъ дѣйствовали неумѣло: мина, заложенная по ихъ указанію, чтобы взорвать стѣну, взорвала русскихъ солдатъ, ее закладывавшихъ, оставивъ стѣну невредимой; съ моря къ Азову подходила помощь, и не было кораблей, чтобы воспрепятствовать этому. Несмотря на всѣ усилія войскъ, несмотря на то, что они «въ Марсовомъ ярмѣ непрестанно труждались», по выраженію Петра, два штурма были безплодны, и Петръ рѣшилъ отступить. Эта неудача не только не заставила Петра упасть духомъ, а, напротивъ, возбудила въ немъ самую кипучую энергію. Всю зиму онъ провелъ въ Воронежѣ за постройкою кораблей для новаго похода. «По приказу Божію къ прадѣду нашему Адаму мы въ потѣ лица своего ѣдимъ хлѣбъ свой», писалъ онъ оттуда, и весною 1696 г. на воду было спущено 29 кораблей. Эти корабли и отрѣзали Азовъ отъ моря. Были приглашены изъ-за границы болѣе искусные инженеры. 18 іюля Азовъ сдался, а 30 сентября состоялось уже тріумфальное вступленіе

возвращавшихся въ Москву войскъ. Тріумфальные «порты», т.-е. ворота, были украшены аллегорическими изображеніями и статуями боговъ, увѣнчивавшихъ побѣдителей; былъ представленъ и Нептунъ, гласящій: «Се и азъ поздравляю взятіемъ Азова и вамъ покоряюсь». Такъ игра въ солдатики въ Преображенскомъ и въ кораблики на Яузѣ и Переяславскомъ озерѣ кончилась пріобрѣтеніемъ важной крѣпости и порта.

Въ этотъ же періодъ, между переворотомъ 1689 г. и Азовскими походами, Петръ особенно тѣсно сблизился съ Нѣмецкою слободою, знакомство съ которою, какъ мы видѣли, началось съ Тиммермана и Карстена Бранта. Нѣмецкая слобода того времени была уголкомъ Западной Европы, заброшеннымъ въ азіатскую московскую глушь. Жажда наживы и приключеній привлекала сюда съ Запада большое число торговцевъ, ремесленниковъ, художниковъ и младшихъ дворянскихъ сыновей. Эта слобода представляла удивительно пеструю смѣсь національностей, религій, положеній и костюмовъ. Здѣсь были французы, нѣмцы, голландцы, англичане, шотландцы, католики, лютеране, кальвинисты, реформаты, генералы и офицеры, художники, лѣкаря, аптекаря, торговцы, золотыхъ дѣлъ мастера и т. д. При царяхъ новой династіи жители слободы пользовались широкой свободой и имѣли даже свои церкви, а нужда въ войскахъ, обученныхъ иноземному строю, способствовала дарованію различныхъ льготъ иностранцамъ къ великому негодованію патріарха Іоакима, который не терпѣлъ «проклятыхъ еретиковъ» и первую Азовскую неудачу приписывалъ наказанію Божію за то, что имъ была вручена команда надъ православными воинами. Жизнь въ слободѣ вели бойкую и веселую, непохожую на жизнь благочестивыхъ русскихъ людей того времени. Иноземцы умѣли усердно работать, умѣли и веселиться, любили задать вечеринку или маскарадъ, куда собирались съ женами и дочерьми, вопреки всѣмъ правиламъ русскаго домостроя. Музыка и танцы, веселые разговоры за кружкой пива продолжались тамъ далеко за полночь. Такіе свободные и веселые нравы пришлись какъ разъ по душѣ Петру, съ дѣтства не терпѣвшему никакихъ стѣсненій этикета, и онъ сталъ въ слободѣ частымъ гостемъ. Несмотря на то, что онъ былъ уже женатый человѣкъ и имѣлъ сына, его часто можно было встрѣтить на свадьбахъ и крестинахъ жителей Нѣмецкой слободы, гдѣ онъ принималъ участіе въ танцахъ съ нѣмками; особенно онъ любилъ такъ называемый гросфатертанцъ. У Петра вспыхнуло нѣжное чувство къ одной изъ обитательницъ слободы Аннѣ Монсъ, купеческой дочери, «дѣвицѣ изрядной и умной», по выраженію Куракина.

Но не только сердечная склонность и не одно веселье привлекали Петра въ слободу. Тамъ за шахматами и за трубкой табаку онъ изъ бесѣдъ съ этими бывалыми и много видавшими на своемъ вѣку людьми узнавалъ много интереснаго о Западной Европѣ, и это

знакомство для царя, все желавшаго узнать, все усвоить и всему научиться, не пропадало даромъ. Жажда знанія, которую такъ хорошо удовлетворяли иностранцы, и потребность веселья, котораго онъ не находилъ около опостылѣвшей жены, тянули Петра въ слободу. Оба эти стремленія, и къ знанію, и къ веселью, нашли себѣ удовлетвореніе въ двухъ знакомствахъ, которыя завязались у Петра въ слободѣ и перешли затѣмъ въ тѣсную дружбу. Во-первыхъ, Петръ сблизился съ генераломъ Патрикомъ Гордономъ. Шотландецъ по происхожденію, Гордонъ былъ въ то время человѣкъ уже почтенныхъ лѣтъ (около 60-и), очень образованный, знатокъ военнаго дѣла, опытный инженеръ и неутомимый, честный работникъ. Онъ рано покинулъ родину, служилъ въ шведскихъ и польскихъ войскахъ, въ 60-хъ годахъ попалъ въ Россію и участвовалъ во всѣхъ походахъ конца XVII столѣтія: чигиринскихъ, крымскихъ и азовскихъ. Живя въ Москвѣ, онъ не прерывалъ сношеній съ Западной Европой, постоянно получалъ изъ Англіи книги, карты, инструменты. Его возрастъ, знанія, серьезность и честность снискали ему глубокое уваженіе не только въ слободѣ, но и въ московскихъ правительственныхъ сферахъ. Петръ познакомился съ нимъ во время столкновенія съ Софьей, и съ тѣхъ поръ между ними завязалась крѣпкая дружба. Отношеніе къ нему царя напоминаетъ нѣсколько отношеніе ученика къ учителю. Гордонъ постоянно что-нибудь показываетъ любопытному другу: то военныя упражненія, то разные снаряды и инструменты, способы дѣлать фейерверки, снабжаетъ Петра новыми

Кафтанъ царя Петра Алексѣевича голубого штофа.
Хранится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

книгами, полученными изъ-за границы, чертитъ для него планы, устраиваетъ машины. Гордонъ оставилъ послѣ себя любопытный и подробный дневникъ своего пребыванія въ Москвѣ, и изъ него видно, какъ близокъ онъ былъ къ Петру и какъ просто, сердечно относился къ нему царь. Разъ Гордонъ упалъ съ лошади и повредилъ себѣ руку. Царь тотчасъ подбѣжалъ къ нему и съ волненіемъ спрашивалъ, какъ онъ себя чувствуетъ. Когда Гордонъ заболѣлъ, царь приходилъ самъ освѣдомляться о его здоровьѣ и присылалъ ему лѣкарства. Часто царь заходилъ къ нему запросто обѣдать, и однажды—2 января 1691 г.—онъ объявилъ Гордону, что на другой день будетъ у него обѣдать, ужинать и останется ночевать. Дѣйствительно на другой день была у Гордона пирушка, на которой собралось человѣкъ 85 гостей и въ томъ числѣ царь. Ночью расположились «по-лагерному», а на другой день вся компанія отправилась обѣдать къ Лефорту. Разъ Гордонъ выписалъ изъ-за границы въ подарокъ Петру великолѣпное оружіе, шляпу съ бѣлымъ перомъ, часы, инструменты и нѣсколько бутылокъ лучшихъ винъ и ликеровъ. Царь, услыхавъ объ этомъ, не выдержалъ и самъ явился за полученіемъ этихъ вещей.

Кафтанъ царя Петра Алексѣевича красный суконный, польскаго фасона.

Хранится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

Другой любимецъ Петра, Францъ Лефортъ, былъ совершенно иного характера. Гордона Петръ болѣе уважалъ, чѣмъ любилъ; къ Лефорту онъ привязался всей душой. Это былъ швейцарецъ изъ Женевы, слѣдовательно, французъ, человѣкъ, не отличавшійся ни выдающимися способностями, ни образованіемъ, но полный жизни, необыкновенный весельчакъ, храбрецъ, охотникъ подраться на дуэли, неистощимо остроумный и добрый товарищъ. «Помянутый Лефортъ,—пишетъ о немъ Куракинъ,—былъ человѣкъ забавной и роскошной или, назвать, дебошанъ французской... денно и нощно

былъ въ забавахъ, супе, балы, банкеты, картежная игра, дебошъ съ дамами и питье непрестанное, оттого и умеръ во время своихъ лѣтъ подъ пятьдесятъ». Лефортъ былъ повѣреннымъ царя въ его сердечныхъ дѣлахъ въ слободѣ, и «пришелъ, — по выраженію того же историка, — въ крайнюю милость и конфиденцію интригъ амурныхъ». Въ его именно домѣ царь и научился «съ дамами иноземскими обходиться, и амуръ первый началъ быть». Разсказываютъ, что Петръ ужасно тосковалъ, когда Лефортъ умеръ, и передъ выносомъ его тѣла приказалъ открыть гробъ и въ присутствіи двора, громко рыдая, долго цѣловалъ похолодѣвшій трупъ любимца.

V.

Заграничная поѣздка Петра.—Возвращеніе и стрѣлецкій розыскъ.

Знакомство съ Нѣмецкою слободою и тѣсная дружба съ ея выдающимися представителями имѣли огромное вліяніе на Петра, разжигая въ немъ ту сильную охоту къ знанію, которая въ немъ замѣтна съ дѣтства. Разсказы о чужихъ краяхъ должны были производить на него сильное впечатлѣніе и вызвать въ немъ желаніе познакомиться самому съ этими краями, поближе увидать тѣ чудеса, о которыхъ ему разсказывали. Вмѣстѣ съ тѣмъ и самая жизнь толкала его на то же: въ своей до сихъ поръ довольно ограниченной дѣятельности, не выходившей далѣе потѣшныхъ походовъ, Петру постоянно приходилось испытывать нужду въ нѣмцѣ: требовалось обучить войско — нуженъ былъ нѣмецъ, объяснить инструментъ — нѣмецъ, построить корабль — нѣмецъ и т. д. Такъ какъ Петръ, сойдя съ трона, съ котораго не спускались прежніе спокойные и величественные цари, принялъ самъ непосредственное участіе въ военномъ и морскомъ дѣлѣ, былъ шкиперомъ въ Архангельскѣ, бомбардиромъ въ Азовѣ и плотникомъ въ Воронежѣ, то и нужду въ иностранцахъ и превосходство ихъ знанія онъ ощутилъ гораздо сильнѣе на дѣлѣ, какъ не могъ бы ощутить, если бы жилъ, какъ жили далекіе отъ самой техники дѣла прежніе цари. Сознаніе превосходства иностранцевъ возбудило въ немъ потребность учиться у нихъ и перенимать, которой сначала удовлетворяли Тиммерманъ съ Брантомъ. Потомъ этого оказалось недостаточно, царь сошелся со всею Нѣмецкою слободой. Наконецъ и слобода сдѣлалась ему тѣсна, и его потянуло познакомиться со всей Западной Европой, къ чему его подстрекали и друзья изъ Нѣмецкой слободы. Приходилось посылать туда людей для науки; но нельзя было не знать того, что будутъ знать вернувшись эти подданные: Петръ не любилъ никому уступать въ мастерствѣ. Слѣдовательно, надо было самому прежде всѣхъ научиться и для этого ѣхать туда, куда приходи-

лось посылать подданныхъ. Такая причина и выставлена въ предисловіи къ Морскому уставу, о которомъ приходилось упоминать «и дабы то корабельное дѣло вѣчно утвердилось въ Россіи, умыслилъ искусство дѣла того ввесть въ народъ свой и того ради многое число людей благородныхъ послалъ въ Голландію и иныя государства учиться архитектуры и управленія корабельнаго и такъ какъ стыдно было бы монарху отстать отъ подданныхъ своихъ въ ономъ искусствѣ, и самъ воспріялъ маршъ въ Голландію, и въ Амстердамѣ, на Остъ-индской верфи, вдавъ себя съ прочими волонтерами своими въ наученіе корабельной архитектуры, въ краткое время въ ономъ совершился, что подобало доброму плотнику знать». Такъ созрѣла мысль о заграничномъ путешествіи.

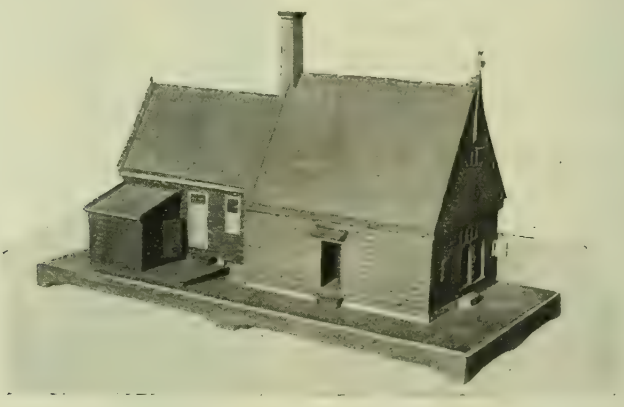
Кожаный колетъ,

который носилъ Петръ Великій во время работъ на голландскихъ верфяхъ.

Хранится въ Артиллерійскомъ музеѣ въ Петербургѣ.

Весной 1697 г. было снаряжено торжественное посольство, которое должно было посѣтить римскаго цесаря, англійскаго и датскаго королей, Нидерландскіе штаты, бранденбургскаго курфюрста, папу и венеціанскую республику. Послами были назначены Лефортъ, Головинъ и думный дьякъ Возницынъ съ огромною свитою, всего около 250 человѣкъ. Офиціально объявленною цѣлью посольства было «подтвержденіе древней дружбы и любви для общихъ всему христіанству дѣлъ, къ ослабленію враговъ креста Господня, султана турскаго и хана крымскаго, и къ вящшему приращенію государей христіанскихъ». На дѣлѣ же посольству было поручено нанять иностранныхъ офицеровъ, мастеровъ и закупить необходимые для кораблестроенія матеріалы. Петръ собственноручно написалъ посламъ инструкцію, въ которой приказывалъ: «къ службѣ морской сыскать капитановъ добрыхъ, которые бъ сами въ матросахъ бывали и службою дошли чина, а не по инымъ причинамъ, поручиковъ и подпоручиковъ, также и мастеровыхъ людей: ропшлагеровъ,

маштъ-макеровъ, риммакеровъ, блокмакеровъ, шлюпмакеровъ и др. съ снастьми довольными». Но, конечно, главною цѣлью посольства было дать возможность примкнувшему къ нему отряду «волонтеровъ» поработать на знаменитыхъ корабельныхъ верфяхъ. Этотъ отрядъ состоялъ человѣкъ изъ 30 слишкомъ, многіе изъ нихъ принадлежали къ извѣстнымъ фамиліямъ; отрядъ раздѣлялся на десятки, и надъ однимъ изъ нихъ десятникомъ былъ Петръ Михайловъ, урядникъ Преображенскаго полка, самъ царь. Не слѣдуетъ преувеличивать значенія намѣреній Петра, вызвавшихъ эту поѣздку. Его влекло желаніе посмотрѣть и поучиться. Одушевлявшее его тогда настроеніе онъ выразилъ въ девизѣ, вырѣзанномъ на печати, которою онъ запечатывалъ свои письма изъ-за границы: «Азъ бо есмь въ чину учимыхъ и учащихъ мя требую». Но область предметовъ, привлекавшихъ его вниманіе, немногимъ развѣ была шире



Модель саардамскаго домика Петра Великаго.
Въ Морскомъ музеѣ въ Петербургѣ.

той сферы дѣятельности, въ которой онъ вращался въ 90-хъ годахъ во время военныхъ и морскихъ потѣхъ. Съ наибольшимъ жаромъ учился онъ военному и корабельному дѣлу. Соблюдая строгое инкогнито, Петръ нерѣдко обгонялъ посольство съ небольшою свитой. Такъ, онъ дожидался его нѣкоторое время въ Кенигсбергѣ у курфюрста бранденбургскаго Фридриха III и, не стѣсняемый этикетомъ, употребилъ свободное время на изученіе артиллеріи подъ руководствомъ главнаго инженера прусскихъ крѣпостей фонъ Штернфельда. Этотъ Штернфельдъ по окончаніи обученія выдалъ Петру аттестатъ, въ которомъ свидѣтельствовалъ, что въ Петрѣ Михайловѣ онъ замѣтилъ очень «понятливую особу» и что онъ «какъ въ Кенигсбергѣ, такъ и въ приморской крѣпости Пилау ежедневно благоупомянутаго господина Петра Михайлова не только въ теоріи науки, но и въ практикѣ, частыми работами собственныхъ рукъ его обучалъ и упражнялъ. Въ томъ и другомъ случаѣ въ непродолжительное время къ общему изумленію онъ

такіе оказалъ успѣхи и такія пріобрѣлъ свѣдѣнія, что вездѣ за исправнаго, осторожнаго, благоискуснаго, мужественнаго и безстрашнаго огнестрѣльнаго мастера и художника признаваемъ и почитаемъ быть можетъ». Въ августѣ 1697 г. Петръ достигъ, наконецъ, давно желанной цѣли: попалъ на голландскія верфи. Сначала онъ работалъ въ небольшомъ городкѣ Саардамѣ, а затѣмъ, спасаясь отъ безпрестанно надоѣдавшей ему любопытной толпы, съ удивленіемъ смотрѣвшей на московскаго царя въ курткѣ голландскаго мастерового, съ плот-

Петръ Великій.
Портретъ, писанный Вениксомъ.
Оригиналъ въ Романовской галлереѣ Зимняго дворца.

ничьими инструментами въ рукахъ, перебрался въ Амстердамъ и поступилъ на верфь знаменитой Остъ-Индской компаніи ученикомъ къ мастеру Герриту Класу Полю. На верфи для него былъ заложенъ корабль, въ постройкѣ котораго отъ начала до конца онъ принималъ участіе. Къ зимѣ царь изучилъ уже все, чему могъ научить его голландскій кораблестроитель: усвоилъ всю практику кораблестроенія и получилъ отъ своего руководителя не менѣе похвальный, чѣмъ отъ преподавателя артиллеріи, аттестатъ, въ которомъ значилось, что Петръ Михайловъ съ 30 августа по 15 января,

во время благороднаго пребыванія своего на верфи «былъ прилежнымъ и разумнымъ плотникомъ, также въ связываніи, заколачиваніи, сплачиваніи, подниманіи, прилаживаніи, натягиваніи, плетеніи, конопаченіи, струганіи, буравленіи, распиливаніи, мощеніи и смоленіи поступалъ, какъ доброму и искусному плотнику надлежитъ». Но этою практикою корабельнаго дѣла Петръ не могъ удовольствоваться. Ему непремѣнно хотѣлось узнать и самую теорію постройки корабля, быть не только корабельнымъ плотникомъ, но и инженеромъ. Въ предисловіи къ Морскому регламенту Петръ разсказываетъ, что онъ въ Голландіи на Остъ-Индской верфи «своими трудами и мастерствомъ новый корабль построилъ и на воду спустилъ. Потомъ просилъ той верфи баса Яна Пола, дабы училъ его препорціи корабельной, который ему чрезъ четыре дня показалъ. Но понеже въ Голландіи нѣтъ на сіе мастерство совершенства геометрическимъ образомъ, но точію нѣкоторыя принципіи, прочее же съ долговременной практики, о чемъ вышереченный басъ сказалъ, и что всего на чертежѣ показать не умѣетъ, тогда зѣло ему стало противно, что такой дальній путь для сего воспріялъ, а желаемаго конца не достигъ. И по нѣсколькихъ дняхъ прилучилось ему быть на загородномъ дворѣ купца Яна Тесинга въ компаніи, гдѣ сидѣлъ гораздо не веселъ, ради вышеписанной причины; но когда между разговоровъ спрошенъ былъ, для чего такъ печаленъ?, тогда оную причину объявилъ. Въ той компаніи былъ одинъ англичанинъ, который слышавъ сіе сказалъ, что у нихъ въ Англіи сія архитектура такъ въ совершенствѣ, какъ и другія, и что краткимъ временемъ научиться можно. Сіе зѣло обрадовало, по которому немедленно въ Англію и поѣхалъ и тамъ... оную науку окончилъ».

Въ журналѣ, веденномъ Петромъ въ путешествіи, о пріѣздѣ въ Англію отмѣчено: 11 января «съ яхтъ перебравшись въ мелкія суды, называются баржи, съ греблею поѣхали рѣкою Темсомъ. Проѣхали на правой странѣ зданіе, именуемое Туръ, гдѣ англинскихъ честныхъ людей сажаютъ за караулъ; проѣхали мостъ, на которомъ дворы построены; пріѣхали въ городъ Лондонъ; поставлены въ трехъ дворахъ мѣщанскихъ и тутъ кушали». 14 января прибылъ англійскій король съ визитомъ. Недѣли черезъ полторы Петръ отдалъ ему визитъ, а подъ 9-мъ февраля въ «Юрналѣ» читаемъ: «Послѣ полудня въ 3-мъ часу совсѣмъ перебравшись, переѣхали въ Детфортъ». Это маленькій городокъ на правомъ берегу Темзы, верстахъ въ трехъ отъ Лондона. Петръ нанялъ здѣсь домъ у самой верфи и прожилъ два съ половиной мѣсяца, проходя высшій курсъ кораблестроенія. Все свободное отъ работы на верфяхъ время и въ Голландіи, и въ Англіи царь употреблялъ на обзоръ различныхъ достопримѣчательностей, посѣщалъ музеи и лабораторіи и не упускалъ случая поучиться. Посѣщая богатую коллекцію рѣдкихъ предметовъ Якова Вильде въ Амстердамѣ, царь подъ руководствомъ гравера Шхонебека, издавшаго иллюстрированный каталогъ этой кол-

лекціи, успѣлъ даже попробовать гравировать... Часто посѣщалъ онъ лекціи профессора анатоміи Рюйша, съ любопытствомъ разсматривалъ препараты въ его анатомическомъ кабинетѣ, былъ и въ больницѣ на операціяхъ. Впослѣдствіи Петръ считалъ себя отчасти и медикомъ и съ удовольствіемъ выдергивалъ больные зубы у приближенныхъ, съ ужасомъ подвергавшихся этой операціи. Въ Дельфтѣ ученый натуралистъ Лейвенгекъ показалъ царю обращеніе съ микроскопомъ, и отзывался съ удивленіемъ о чрезвычайныхъ способностяхъ и любознательности царя. Во время житья въ Англіи въ дневникѣ то и дѣло попадаются замѣтки въ родѣ такихъ: «Былъ десятникъ въ Уличѣ, смотрѣлъ лабораторіума, гдѣ огнестрѣльныя всякія вещи и наряжаютъ бомбы»; «Ѣздилъ въ «Острономіку»; «былъ съ Яковомъ Брюсомъ въ Турѣ, гдѣ деньги дѣлаютъ»; «Пріѣхали въ городъ Винзеръ, а въ немъ королевскій дворъ зѣло изряденъ». Но особенное удовольствіе доставляли царю осмотры военныхъ и торговыхъ кораблей, гаваней, доковъ,

Модель судна временъ Петра Великаго.
Въ Морскомъ музеѣ въ Петербургѣ.

верфей, фабрикъ, заводовъ и мастерскихъ. Всякое ремесло, все то, въ чемъ сказывалось торжество искусной человѣческой руки надъ грубою матеріей, привлекало къ себѣ вниманіе царя. Гораздо менѣе интересовался онъ произведеніями чистаго искусства: эстетическое удовольствіе, доставляемое ими, было для него мало понятно. Когда ему въ Англіи показывали въ одномъ изъ дворцовъ картины, онъ не обратилъ на нихъ никакого вниманія, но съ большимъ любопытствомъ остановился передъ находившимся въ комнатѣ короля приборомъ для наблюденія за направленіемъ вѣтра. Позже, однако, у него развился вкусъ къ архитектурѣ и къ живописи, и онъ охотно выписывалъ въ Россію для украшенія изящно построенныхъ дворцовъ выдающіяся произведенія иностраннаго искусства. Всего меньше во время первой заграничной поѣздки Петра занимало то, что̀ должно было бы особенно занимать его какъ государя: онъ былъ совершенно равнодушенъ къ политическому и общественному строю тѣхъ государствъ, въ которыхъ гостилъ, и не выказывалъ никакой охоты познакомиться съ ихъ

государственными учрежденіями, законами и порядками. Въ «Журналъ», который испещренъ множествомъ отмѣтокъ какъ о посѣщеніи заводовъ и мастерскихъ и тому подобныхъ учрежденій, такъ и о тѣхъ дняхъ, въ которые «были въ комедіи» или у кого-нибудь «кушали и пріѣхали домой веселы», попала за всѣ 3 мѣсяца житья въ Англіи только одинъ разъ отмѣтка «были въ парламентѣ». Это равнодушіе къ политическимъ учрежденіямъ подало поводъ нѣкоторымъ англичанамъ, людямъ той націи, которая наиболѣе неравнодушна именно къ учрежденіямъ такого рода, составить невыгодное мнѣніе о Петрѣ: онъ имъ показался слишкомъ одностороннимъ. Королю Вильгельму III не понравилось, что Петръ обращалъ чрезмѣрное вниманіе на морское дѣло, оставаясь совер-

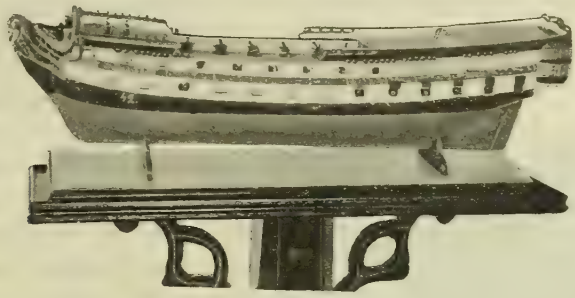
Модель судна временъ Петра Великаго.
Въ Морскомъ музеѣ въ Петербургѣ.

шенно равнодушнымъ къ другимъ предметамъ. Епископъ сольсберійскій Бернетъ, нѣсколько разъ посѣтившій Петра, далъ о немъ неблагопріятный отзывъ. «Царь—человѣкъ весьма горячаго нрава,—пишетъ онъ,—склонный къ вспышкамъ, страстный и крутой. Онъ еще болѣе возбуждаетъ свою горячность употребленіемъ водки, которую самъ приготовляетъ съ необычайнымъ знаніемъ дѣла... Особенную наклонность онъ имѣетъ къ механическимъ работамъ; природа, кажется, скорѣе создала его для дѣятельности корабельнаго плотника, чѣмъ для управленія великимъ государствомъ».

21 апрѣля 1698 г. царь выѣхалъ изъ Англіи, присоединился къ посольству, ожидавшему его въ Голландіи, и, недолго пробывъ тамъ, отправился, по обыкновенію опережая посольство, въ Вѣну, куда и прибылъ 16 іюня. По плану путешествія послѣ посѣщенія

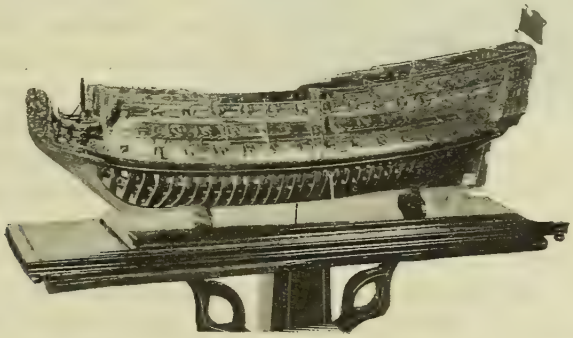
цесарскаго двора предстояло побывать у другого участника священнаго союза — въ Венеціи, но это предположеніе не сбылось. Еще весной царю писали изъ Москвы о томъ, что у стрѣльцовъ неспокойно. Въ Вѣнѣ онъ получилъ извѣстіе о стрѣлецкомъ бунтѣ, и это побудило его ускорить возвращеніе въ Россію.

Разсматривая событія 1689 г., мы видѣли, что стрѣльцы, по крайней мѣрѣ большинство, отказались стать противъ Петра по



Модель судна временъ Петра Великаго.
Въ Морскомъ музеѣ въ Петербургѣ.

призыву Софьи. Но, отказавшись итти противъ царя, они не выразили особенно горячаго стремленія итти за него, предпочитали быть равнодушными и спокойными зрителями борьбы и примкнуть къ той сторонѣ, которая одержитъ побѣду. Они знали, что царь не любитъ ихъ. Эта нелюбовь къ стрѣльцамъ ясно высказывалась въ потѣшныхъ маневрахъ, гдѣ стрѣльцы изображали всегда «польское войско» и были разбиваемы солдатами новаго строя.



Модель судна временъ Петра Великаго.
Въ Морскомъ музеѣ въ Петербургѣ.

Они не могли не догадываться, что скоро придетъ конецъ ихъ привольной жизни и станутъ ихъ учить новому иноземному строю; поэтому они такъ легко вѣрили всякому неблагопріятному слуху. Въ 1695 и 1696 гг. стрѣльцы участвовали въ азовскихъ походахъ, и многіе изъ нихъ были по взятіи Азова оставлены тамъ оберегать крѣпость. Само собою разумѣется, что

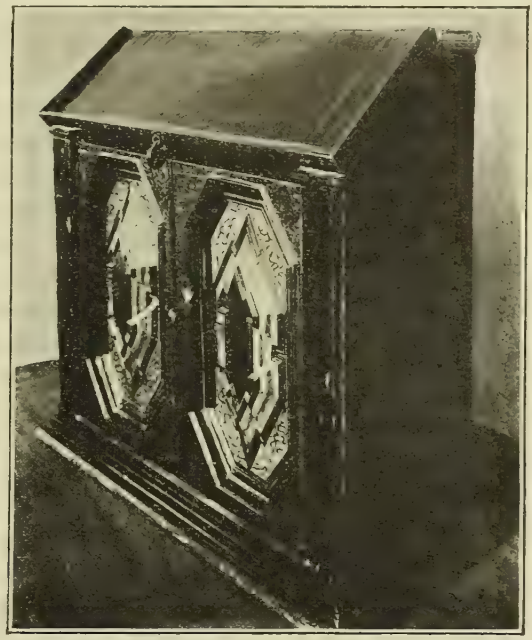
не сладко было жить въ этомъ отдаленномъ только что завоеванномъ городкѣ стрѣльцамъ, избалованнымъ удобствами жизни въ московскихъ слободахъ, привыкшимъ жить въ кругу семей, заниматься хозяйствомъ, торговлею и ремеслами. Стрѣльцы молчали въ Азовѣ и только дулись на царя. Вдругъ въ началѣ 1698 г. изъ-за границы присланъ приказъ: 4 полка, стоявшихъ въ Азовѣ, двинуть оттуда, но не въ Москву, о которой имъ, вѣроятно, снились самые радужные сны, а въ Великія Луки на польскую границу, на сколько времени — неизвѣстно. До полутораста стрѣльцовъ не выдержали, съ дороги бѣжали и въ мартѣ явились къ Москвѣ. Въ Москвѣ они услыхали странныя и непріятныя вѣсти: «Государь залетѣлъ въ чужую сторону, къ нѣмцамъ! О немъ ни слуху, ни духу, невѣдомо живъ, невѣдомо померъ. Въ Москвѣ правятъ бояре, хотятъ задушить царевича». «А вамъ уже на Москвѣ не бывать», говорили стрѣльцамъ подьячіе, обращая ихъ смутныя догадки и опасенія въ печальную увѣренность. Понятно, какое отчаяніе должна была вызывать въ нихъ эта увѣренность въ вѣчной разлукѣ съ Москвою. А тутъ стали подвертываться подъ руки грамотки изъ Дѣвичьяго монастыря отъ молодой затворницы, столь безвременно попавшей изъ дворцовыхъ палатъ въ келью. «Вамъ бы быть къ Москвѣ всѣмъ четыремъ полкамъ,— читали они въ грамоткахъ,—и стать подъ Дѣвичьимъ монастыремъ таборомъ и бить челомъ мнѣ иттить къ Москвѣ противъ прежняго на державство: а кто бы не сталъ пускать — и вамъ бы чинить съ ними бой». Это было открытое призваніе къ государственному перевороту посредствомъ бунта. Разговоры стрѣльцовъ въ Москвѣ становились все громче и громче.

Ботфорты Петра Великаго, имъ самимъ сшитые.
Хранятся въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

Московское правительство не могло больше терпѣть бѣглецовъ, сѣявшихъ смуту въ Москвѣ, и потребовало, чтобы они вернулись въ свои полки. Они отказались и были выбиты изъ города вооруженной силой. Странно было уже и то, что бѣглецы жили въ Москвѣ, и бояре-правители смотрѣли на нихъ сквозь пальцы. Дѣло объясняется тѣмъ, что не было долго извѣстій отъ царя; въ Москвѣ

пошелъ слухъ, что онъ умеръ, и у правительства опустились руки. За это Ромодановскій, правитель Москвы въ отсутствіи Петра, получилъ отъ него изъ-за границы суровый выговоръ. «Зѣло мнѣ печально и досадно на тебя,—писалъ царь,—для чего ты сего дѣла въ розыскъ не вступилъ... Я не знаю, откуда на васъ такой страхъ бабій. Мало ли бываетъ, что почты пропадаютъ, къ тому же въ ту пору было и половодье. Неколи ничего ожидать съ такою трусостью! Пожалуй, не осердись: воистину отъ болѣзни сердца писалъ».

Изгнанные изъ Москвы стрѣльцы вернулись въ свои полки, принеся туда московскіе разговоры и царевнины грамоты. Раздраженіе усиливалось. 28 мая пришелъ указъ: стрѣлецкіе стоявшіе на границѣ полки перевести въ смоленскіе и тверскіе города впредь до указа, а бѣгавшихъ въ Москву послать въ Малороссію на вѣчное житье съ женами и дѣтьми. Этотъ указъ вызвалъ открытое сопротивленіе власти: стрѣльцы отказались выдать товарищей, ходившихъ въ Москву по ихъ объясненію «отъ голода и безкормицы». «Мы за нихъ не стоимъ,—отвѣчали стрѣльцы на требованіе командировъ, —да мочи нашей нѣтъ ихъ выдать». Теперь уже бѣглецы должны были мутить войско изъ чувства самосохраненія.



Аналой Петра Великаго.
ранится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

Медленно и нехотя, какъ стадо, гонимое на убой, двигались стрѣльцы въ назначенные имъ города, дѣлая верстъ по 5 въ сутки. Наконецъ, 6-го іюня, раздраженіе, долго тлѣвшее до тѣхъ поръ, вспыхнуло шумнымъ бунтомъ. Стрѣльцы, собираясь толпами, кричали, что надо итти къ Москвѣ, бить бояръ, бить нѣмцевъ за то, что отъ нихъ православіе закоснѣло. Слышались даже и болѣе рѣшительныя предложенія: «государя въ Москву не пустить и убить, за то, что почалъ вѣровать въ нѣмцевъ, сложился съ нѣмцами». Смѣнивъ полковниковъ и капитановъ и выбравъ на мѣсто ихъ новыхъ, стрѣльцы двинулись на Москву. По предложенію кн. Б. А. Голицына противъ нихъ были высланы

бояринъ Шеинъ и генералъ Гордонъ съ 4000 войска и 25 пушками 17 іюня эти войска встрѣтили мятежниковъ подъ Воскресенскимъ монастыремъ на р. Истрѣ, и нѣсколькихъ залповъ оказалось достаточно, чтобы разогнать ихъ. Бѣжавшихъ перехватали. Шеинъ произвелъ «розыскъ», кто изъ нихъ были воры и кто добрые люди, и множество ихъ было казнено. Остальные разосланы по монастырямъ и тюрьмамъ подъ стражу.

Петръ, когда его извѣстили объ этихъ событіяхъ, тотчасъ же догадался, чьихъ рукъ дѣло былъ мятежъ: «Сѣмя Ивана Михайловича Милославскаго растетъ, — писалъ онъ Ромодановскому, — въ чемъ прошу васъ быть крѣпкимъ, а кромѣ сего ничѣмъ сей огонь угасить неможно. Хотя зѣло намъ жаль нынѣшняго полезнаго дѣла (т.-е. путешествія въ Венецію), однако сей ради причины будемъ къ вамъ такъ, какъ вы не чаете».

Петръ все дѣло приписалъ «сѣмени Ивана Михайловича», т.-е. Милославскимъ и обвинялъ ихъ гораздо болѣе, чѣмъ они того въ данномъ случаѣ заслуживали, но онъ съ дѣтства привыкъ видѣть въ нихъ причину и начало всякаго бунта. Еще передъ самымъ отъѣздомъ Петра за границу открытъ былъ заговоръ на его жизнь, составленный Цыклеромъ, Соковнинымъ и Пушкинымъ. Виновники заговора были казнены въ Преображенскомъ. «И въ то время къ казни изъ могилы выкопанъ мертвый бояринъ Иванъ Михайловичъ Милославскій и привезенъ въ Преображенское на свиньяхъ, и гробъ его поставленъ былъ у плахъ измѣнничьихъ, и какъ головы ихъ сѣкли и кровь точила въ гробъ на него, Ивана Милославскаго». Этимъ страшнымъ зрѣлищемъ Петръ показалъ, кого онъ считаетъ главнымъ виновникомъ злодѣянія, и хотѣлъ подѣйствовать на его сообщниковъ и, главнымъ образомъ, на Софью. Легко понять, въ какую ярость онъ долженъ былъ прійти теперь, когда проклятое сѣмя опять вырастало. 26 августа 1698 г. по Москвѣ разнесся слухъ, что наканунѣ пріѣхалъ царь въ мрачномъ настроеніи: не былъ во дворцѣ у жены, вечеръ провелъ въ Нѣмецкой слободѣ, на ночь уѣхалъ въ Преображенское. Съ половины сентября повезли въ Москву разосланныхъ по тюрьмамъ и монастырямъ стрѣльцовъ. Всего свезено было до 1700 человѣкъ. Начались страшные допросы и пытки въ 14 застѣнкахъ въ Преображенскомъ, подъ руководствомъ знаменитаго своею жестокостью начальника Преображенскаго приказа кн. Ѳ. Ю. Ромодановскаго, котораго самъ Петръ называлъ «звѣремъ».

Со времени заговора Цыклера Ромодановскій особенно выдвинулся и получилъ большое значеніе среди министровъ. Самый видъ его долженъ былъ наводить ужасъ. «Сей князь,—вспоминаетъ о немъ Куракинъ,—былъ характера партикулярнаго; собою видомъ, какъ монстра; нравомъ злой тиранъ; превеликій нежелатель добра никому; пьянъ по вся дни; но его величеству вѣрной такой былъ, что никто другой». Съ 30-го сентября начались казни массами.

Въ этотъ день повезли изъ Преображенскаго 201 стрѣльца на телѣгахъ. На каждой сидѣло по двое и держали въ рукахъ зажженныя свѣчи. Казни продолжались весь октябрь. 17-го въ Преображенскомъ въ присутствіи царя приближенные занимались тѣмъ, что рубили головы осужденнымъ, всѣхъ превзошелъ «Алексашка», будущій свѣтлѣйшій князь Меншиковъ, хвалившійся тѣмъ, что отрубилъ 20 головъ. Всего за октябрь мѣсяцъ погибло до 1000 стрѣльцовъ. 195 изъ нихъ были повѣшены подъ Дѣвичьимъ монастыремъ передъ кельею Софьи, гдѣ и висѣли пять мѣсяцевъ. Она была теперь пострижена подъ именемъ Сусанны. Доступъ къ ней даже сестрамъ былъ затрудненъ. Петръ не позволилъ пускать въ монастырь пѣвчихъ: «поютъ и старицы хорошо, лишь бы вѣра была, а не такъ, что въ церкви поютъ «Спаси отъ бѣдъ», а въ паперти деньги на убійство даютъ».

Всѣ эти событія и стрѣлецкія возмущенія, съ которыми пришлось имѣть дѣло Петру въ дѣтствѣ и юности, не прошли для него даромъ. Они положили свой отпечатокъ на его характеръ, сдѣлали его рѣзкимъ и раздражительнымъ; а характеръ государя неизбѣжно долженъ быть сказаться на пріемахъ управленія, когда онъ взялъ власть въ свои руки. Десятилѣтнимъ ребенкомъ онъ стоялъ на Красномъ крыльцѣ, когда стрѣльцы сбрасывали на копья любимыхъ имъ людей и близкихъ родственниковъ. Какія думы пронеслись въ дѣтской головѣ подъ впечатлѣніемъ этой кровавой сцены? Осенью того же года онъ съ братомъ и сестрой правительницей должны укрыться отъ стрѣльцовъ за стѣнами Троицкаго монастыря. Въ августѣ 1689 г. его ночью внезапно будятъ: опять бунтуютъ стрѣльцы, грозятъ убійствомъ, и когда Петръ въ эту ночь летѣлъ стремглавъ опять къ Троицѣ, можетъ-быть, въ воображеніи его опять воскресалъ страшный, запечатлѣвшійся въ памяти съ дѣтства образъ разъяреннаго мятежника стрѣльца съ бородою, въ длинномъ кафтанѣ. Передъ поѣздкой за границу— опять стрѣльцы. Наконецъ и за границей жить и учиться не даютъ спокойно. Только было все улеглось, и вдругъ опять извѣстіе о стрѣлецкомъ бунтѣ, и впечатлѣніе отъ этой вѣсти тѣмъ сильнѣе, чѣмъ Петръ дальше отъ мѣста дѣйствія. Но во имя чего бунтуютъ стрѣльцы? Тайными, приводившими ихъ въ движеніе, пружинами были, конечно, интриги Софьи и Милославскихъ; но на знамени, которымъ движеніе прикрывалось, было написано: «старина». Стрѣльцы идутъ на защиту старины отъ нѣмцевъ, «послѣдующихъ брадобритію и табаку», и отъ царя, сдружившагося съ нѣмцами. Съ тѣхъ поръ у Петра мысль о старинѣ неразрывно связалась съ мыслью о стрѣльцѣ-мятежникѣ, о стрѣлецкомъ бунтѣ и кровавыхъ сценахъ. При немъ можно было критиковать новые, вводимые имъ порядки, доказывать ихъ негодность, совѣтовать измѣнить ихъ; но каждое слово, произнесенное въ защиту старины, казалось ему призывомъ къ бунту. Отсюда то озлобленіе,

съ которымъ онъ нападалъ на все то, что напоминало ему эту бунтующую старину, эти бороды и длинныя платья, и отсюда то раздраженіе и жестокость, съ которыми уничтожалъ онъ препятствія, вводя новые порядки. Разсматривая проведенную Петромъ реформу, мы видимъ, какъ отражалось на ней это озлобленіе противъ старины и это крутое принужденіе слѣдовать новому. Нерѣдко возвышенныя и благородныя цѣли, ради которыхъ предпринимались преобразованія, должны были достигаться самыми жестокими средствами: батогами, кнутомъ, ссылками на галеры, всѣми ужасами Преображенскаго застѣнка.

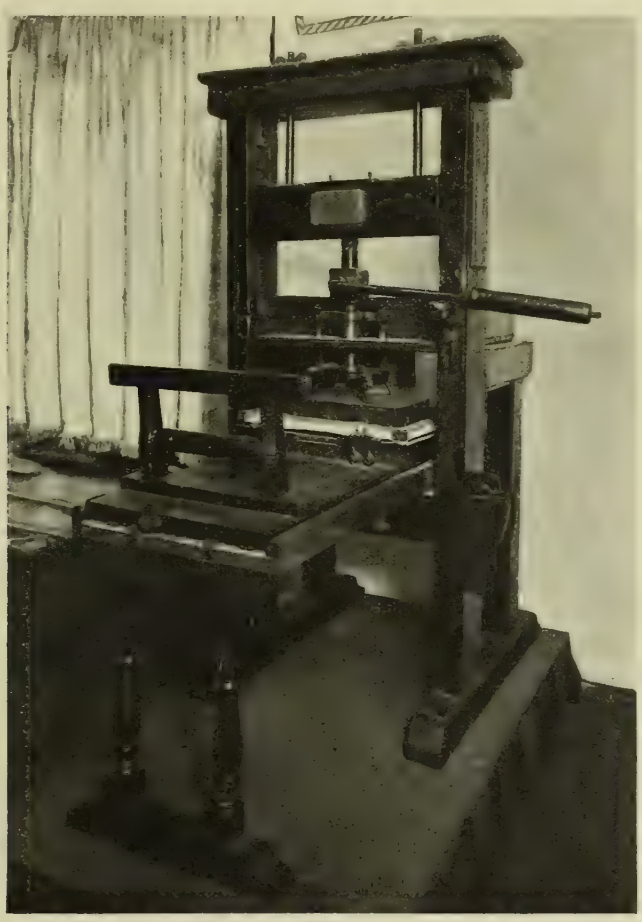
VI.

Великая Сѣверная война.

Свѣдѣнія въ военныхъ наукахъ и корабельномъ мастерствѣ, пріобрѣтенныя Петромъ за границею, оказались очень кстати, и вскорѣ по возвращеніи ему пришлось примѣнить ихъ къ дѣлу.

XVIII вѣкъ начался войнами, охватившими всю Европу и вызванными чрезмѣрнымъ усиленіемъ въ предыдущемъ столѣтіи двухъ государствъ: Франціи и Швеціи. Нарушеніе европейскаго равновѣсія преобладаніемъ Франціи при Людовикѣ XIV вызвало противъ нея союзъ Австріи, Англіи и Голландіи, и война вспыхнула изъ-за вопроса, кому занимать сдѣлавшійся вакантнымъ испанскій престолъ, Габсбургу или Бурбону. Швеція, до XVII в. не игравшая въ европейскихъ дѣлахъ видной роли, пріобрѣла значеніе въ Тридцатилѣтнюю войну, когда во главѣ отборнаго войска шведскій король Густавъ-Адольфъ появился на континентѣ и поддержалъ протестантскихъ князей въ борьбѣ ихъ съ императоромъ, главою католиковъ. Это вмѣшательство не осталось для Швеціи безъ матеріальныхъ послѣдствій: сверхъ польскихъ и русскихъ земель по Балтійскому берегу, пріобрѣтенныхъ Густавомъ-Адольфомъ, она получила земли въ Германіи (Померанію). Однако во второй половинѣ XVII в. Швеція измѣнила своей протестантской политикѣ и, столкнувшись съ бранденбургскимъ курфюрстомъ, своимъ сосѣдомъ по германскимъ владѣніямъ, стала дружить съ Франціей. Союзъ съ Франціей, владѣніе нѣмецкой территоріей и вмѣшательство въ германскія дѣла были причиной недовольства противъ Швеціи въ средѣ нѣмецкихъ князей. Къ началу XVIII в. это недовольство приняло опредѣленную форму въ видѣ направленнаго противъ нея союза Даніи и Саксоніи, къ которому удалось привлечь и Россію. Данія была не въ ладахъ съ сосѣднимъ маленькимъ герцогствомъ Гольштейнъ-Готторпскимъ, государь котораго, родственникъ Карла XII, пользовался поддержкою послѣдняго. Саксонскаго кур-

фюрста Августа, избраннаго и на польскій престолъ, дѣятельно побуждалъ вступить въ союзъ бѣглый шведскій подданный, лифляндскій рыцарь Паткуль. Въ Швеціи королевская власть, сильно ограниченная аристократіей, вела съ нею упорную борьбу, въ которой получаетъ поддержку отъ среднихъ и низшихъ классовъ. Аристократія особенно усилилась со времени малолѣтней наслѣд-



Печатный станокъ, на которомъ по преданію работалъ Петръ Великій.

Хранится въ типографіи Сената въ Петербургѣ.

ницы безвременно погибшаго Густава-Адольфа, Христины, когда дворянство расхватало огромный запасъ казенныхъ земель. Въ этихъ земляхъ и заключалось, главнымъ образомъ, богатство шведской казны, которой при широкой политикѣ государства приходилось нести много расходовъ. Королевская власть, лишенная необходимыхъ средствъ, была обезсилена въ борьбѣ съ дворянствомъ.

Но благодаря сочувствію низшихъ классовъ предшественнику Карла XII, Карлу XI, удалось получить отъ сейма неограниченную власть и онъ воспользовался ею для ослабленія враждебнаго дворянства. Этого ослабленія онъ сталъ достигать проведеніемъ такъ называемой «редукціи», т.-е. провѣрки правъ на дворянскія имѣнія и отобраніемъ въ казну тѣхъ имѣній, владѣльцы которыхъ не могли доказать своего права на нихъ. Это была чрезвычайно тяжелая мѣра: не всегда даже у самаго законнаго владѣльца сохранялись документы на землю на лицо. Особенно тягостно почувствовали редукцію въ Лифляндіи. Со времени шведскаго завоеванія здѣсь были два класса землевладѣльцевъ: шведское дворянство, набравшее имѣній, и старинные рыцари ордена Меченосцевъ. Новый наносный слой землевладѣльцевъ легче перенесъ такую непріятную операцію, какъ редукція: то, что было легко пріобрѣтено, и отдавалось съ меньшей неохотой. Но нетрудно себѣ представить, что должны были испытывать рыцари ордена, уже пять столѣтій безспорно владѣвшіе своею землею. Шведское правительство дѣйствовало рѣзко, и рыцарство было сильно раздражено. Паткуль и выступилъ на его защиту. Это былъ талантливый, рѣшительный и смѣлый человѣкъ. Онъ вступился за дѣло крайне горячо, не сдерживая языкъ, скоро попалъ подъ судъ и принужденъ былъ бѣжать изъ Швеціи. Нѣкоторое время скитался онъ по Европѣ, наконецъ попалъ ко двору саксонскаго курфюрста и польскаго короля Августа, и какъ разъ во-время, такъ какъ здѣсь заняты были разговорами объ отобраніи у шведовъ Лифляндіи. Паткуль со всею горячностью подливалъ масло въ огонь, представляя Августу одинъ за другимъ «меморіалы», въ которыхъ развивалъ самые отважные планы. Его цѣлью было отнять Лифляндію у шведовъ и присоединить ее къ Польшѣ, зависимость отъ которой, благодаря свободнымъ учрежденіямъ Речи Посполитой, не могла быть тяжелой. Для помощи курфюрсту въ этомъ дѣлѣ должно было привлечь къ союзу Данію, Бранденбургъ и Россію. Бранденбургскаго курфюрста Фридриха включить въ союзъ не удалось, Данія согласилась охотно; Петръ при свиданіи съ Августомъ въ Равѣ лѣтомъ 1698 г., когда онъ спѣшилъ изъ Вѣны въ Москву для расправы со стрѣльцами, выразилъ полную готовность начать войну со Швеціей и даже, какъ говоритъ Паткуль въ своихъ меморіалахъ, самъ предложилъ ее. Однако, осмотрѣвшись по пріѣздѣ въ Москву, царь какъ будто нѣсколько охладѣлъ въ выраженномъ имъ желаніи. Дѣло въ томъ, что турецкая война, начавшаяся крымскими походами и продолженная азовскими, еще не была кончена, и Петру казалось невозможнымъ вести войну на два фронта. Чтобы поддержать царя въ его намѣреніи, Паткуль настоялъ на отправленіи къ нему особаго уполномоченнаго и самъ явился въ Москву, въ свитѣ посла генерала Карловича.

Переговоры, душой которыхъ былъ, конечно, Паткуль, велись въ Москвѣ подъ большимъ секретомъ, открыто же московскіе дипломаты продолжали оказывать всевозможныя любезности шведскимъ посламъ. 11 октября 1699 г. царь примкнулъ къ союзу, но съ условіемъ начать военныя дѣйствія только тогда, когда будетъ заключенъ миръ съ Турціей. Въ Константинополь былъ отправленъ знаменитый московскій дипломатъ дьякъ Емельянъ Украинцевъ. Пере-

Дворецъ Петра Великаго въ Нарвѣ.

говоры тянулись долго, и турки долго не соглашались на требованія Петра, благодаря тому, что Священный союзъ теперь распался, и императоръ, готовясь къ войнѣ за испанское наслѣдство, обезпечилъ себя отдѣльнымъ миромъ съ Турціей. Только 3 іюля 1700 г. Украинцеву удалось достигнуть соглашенія: Турція заключила миръ съ уступкою Азова. Царь сдержалъ слово, данное польскому королю: 8 августа онъ получилъ извѣстіе о заключеніи мира, а 9-го уже приказалъ своимъ войскамъ итти къ шведской границѣ.

Начать войну именно въ тотъ моментъ представлялось особенно выгоднымъ: противъ Швеціи вооружилась цѣлая коалиція. Можетъ-быть, безъ союзниковъ Петръ не сталъ бы воевать со Швеціей, или началъ бы войну не такъ скоро. Причиной войны для Россіи было давно уже существовавшее стремленіе пробиться къ берегамъ Балтійскаго моря. Вопросъ о Балтійскомъ побережьи съ его удобными гаванями, откуда можно было вести непосредственныя сношенія съ приморскими городами Западной Европы, былъ не новъ. Мысль о пріобрѣтеніи побережья не переставала въ теченіе двухъ почти столѣтій занимать умы московскихъ государственныхъ людей, и эта давность и живучесть вопроса показываетъ, что онъ былъ поставленъ не фантазіями мечтательныхъ дипломатовъ, а реальными потребностями страны. Еще царь Іоаннъ Грозный, раздраженный отказомъ Ливонскаго ордена пропустить въ Москву выписанныхъ изъ-за границы художниковъ и мастеровъ и больно почувствовавшій недостатокъ гаваней для непосредственныхъ сношеній съ Западомъ, началъ войну съ Ливонскимъ Орденомъ, разгромилъ орденъ и достигъ уже желаннаго берега; но вмѣшательство Польши повело къ потерѣ всѣхъ пріобрѣтеній. Царь Алексѣй Михайловичъ, столкнувшись въ 50-хъ годахъ со Швеціей, возобновилъ попытку пробиться къ морю и осаждалъ Ригу. Но попытка и на этотъ разъ окончилась неудачей. Начиная борьбу со Швеціей изъ-за Балтійскаго берега, Петръ шелъ такимъ образомъ по проторенному пути. Во внѣшнихъ предлогахъ не было недостатка: шведы владѣли древними русскими землями, Москва не могла примириться съ этимъ и отказаться отъ нихъ навсегда. Столбовскій и Кардисскій договоры разсматривались, какъ временныя уступки, вызванныя несчастіями. Былъ еще и самый свѣжій casus belli — оскорбленіе, нанесенное Петру во время послѣдняго путешествія губернаторомъ Риги, не пустившимъ его осматривать укрѣпленія.

Союзники исполнили обѣщаніе. Съ наступленіемъ 1700 г. датскія войска вторглись въ Голштинію и изгнали герцога, бѣжавшаго за помощью къ шведскому двору. Августъ двинулся въ Лифляндію и началъ осаду Риги. Петръ по полученіи вѣстей изъ Константинополя отдалъ приказъ арміи итти къ Нарвѣ. Такъ началась знаменитая Сѣверная война, продолжавшаяся 21 годъ и имѣвшая огромныя послѣдствія для Россіи. Но тотчасъ же, при самомъ началѣ, союзники должны были испытать совершенно противоположное тому, на что они надѣялись. Карлъ сумѣлъ разбить ихъ отдѣльно, одного за другимъ. Первымъ поплатился датскій король. Совершенно неожиданно, переправившись черезъ Зундъ, съ 15-тысячнымъ войскомъ, Карлъ подступилъ къ Копенгагену и самымъ этимъ фактомъ принудилъ Данію заключить миръ съ обезпеченіемъ безопасности Голштиніи и уплатой изгнанному герцогу 260 т. талеровъ. Этотъ миръ былъ подписанъ въ Травендалѣ въ

тотъ день, когда Петръ получилъ извѣстіе о турецкомъ мирѣ, такъ что первый изъ союзниковъ уже отпалъ, когда началъ дѣйствовать третій. Между тѣмъ Петръ въ концѣ сентября 1700 г. подступилъ къ Нарвѣ и началъ правильную осаду, а Августъ тѣмъ временемъ осаждалъ Ригу. Въ ноябрѣ Карлъ переправился въ Ливонію и 19 ноября подъ Нарвою разбилъ на голову русскихъ, такъ что самъ Петръ признавался, что русскія войска отступили «въ конфузіи». Покончивъ съ русскими, Карлъ бросился на саксонцевъ и въ іюлѣ слѣдующаго 1701 г. нанесъ имъ не менѣе сильное пораженіе, чѣмъ русскимъ подъ Нарвой. Такъ меньше чѣмъ въ годъ разбиты были всѣ три союзника. Теперь Карлу предстояло рѣшить вопросъ, кого добивать прежде, Августа или Петра. Онъ взялся за Августа, какъ болѣе сильнаго по его мнѣнію, противника: на Петра и его армію онъ посматривалъ свысока и о послѣдней отзывался презрительно. «Нѣтъ никакого удовольствія,—говорилъ онъ самоувѣреннымъ тономъ спеціалиста,—биться съ русскими, потому что они не сопротивляются, какъ другіе, а бѣгутъ. Если бъ Нарова была покрыта льдомъ, то намъ едва ли бы удалось убить хотя одного человѣка». Эти три побѣды сразу поставили Карла въ глазахъ современниковъ на высоту великаго полководца. О немъ заговорили въ Европѣ, ему посвящали стихи и выбивали въ честь него медали. На одной изъ такихъ медалей онъ былъ изображенъ съ надписью: «истина превосходитъ вѣроятіе». На Петра появлялось не мало карикатуръ; такъ, выбита была медаль: на одной сторонѣ изображенъ царь Петръ, грѣющійся при огнѣ своихъ пушекъ, изъ которыхъ бомбы летятъ въ Нарву. Подъ изображеніемъ надпись изъ Евангелія объ апостолѣ Петрѣ: «Бѣ же Петръ стоя и грѣяся». На другой сторонѣ: русскіе бѣгутъ отъ Нарвы съ Петромъ впереди: царская шапка валится съ его

Мундиръ Петра Великаго,
бывшій на немъ въ Полтавской битвѣ.
Хранится въ Артиллерійскомъ музеѣ въ Петербургѣ.

головы, шпага брошена, онъ утираетъ слезы платкомъ; надпись гласитъ: «Изшедъ вонъ, плакася горько». Но событія показали, что Карлъ и сочинители карикатурныхъ изображеній слишкомъ поторопились смѣяться надъ Петромъ и его арміей, не зная русскаго царя хорошенько, не зная въ особенности того, какъ несчастіе напрягало въ немъ энергію.

Пораженіе, понесенное подъ Нарвою, было дѣйствительно велико. Достаточно сказать, что шведы забрали 10 генераловъ и всю артиллерію. Но чѣмъ сильнѣе было пораженіе, тѣмъ болѣе изумительную дѣятельность выказалъ Петръ, чтобы поправить полученный уронъ и приготовиться къ новымъ дѣйствіямъ. Письмо за письмомъ летитъ отъ него къ его министрамъ съ самыми подробными, доходящими до мелочей приказаніями относительно доставки рекрутовъ, провіанта, снарядовъ, одежды и т. д. Особенно много хлопотъ доставило изготовленіе новой артиллеріи, вмѣсто потерянной при Нарвѣ. Это дѣло было поручено старику Виніусу, которому Петръ сумѣлъ внушить такую энергію, что тотъ, несмотря на свой 70-лѣтній возрастъ, работалъ и скакалъ изъ Москвы въ Новгородъ, Псковъ и даже въ Сибирь, какъ молодой человѣкъ. Письма къ Виніусу носятъ яркій отпечатокъ этой лихорадочной дѣятельности, которую проявилъ Петръ въ это время. Онъ не стѣсняется никакими средствами для достиженія цѣли. Виніусъ жаловался, что городовые бургомистры плохо высылаютъ деньги, требуемыя съ нихъ Пушкарскимъ приказомъ на постройку пушекъ: «Бурмистрамъ скажи, — пишетъ царь, — и сіе покажи, что если не будутъ за ихъ удержкою станки готовы, то не только деньгами, но и головами платить будутъ». Къ ноябрю 1701 г. было приготовлено 300 орудій, набрано 10 драгунскихъ полковъ, усилена пѣхота. Войска, отступившія отъ Нарвы къ Пскову и Новгороду, успѣли отдохнуть и съ конца 1701 г. перешли въ наступленіе. 29 декабря 1701 г. Б. П. Шереметевъ, выступивъ изъ Пскова, разбилъ шведовъ при Эрестферѣ, а лѣтомъ слѣдующаго 1702 г. нанесъ имъ жестокое пораженіе при Гуммельсгофѣ и затѣмъ принялся разорять и опустошать Лифляндію, пользуясь полной свободой дѣйствій, благодаря тому, что Карлъ удалился въ глубь Польши, желая по своей тактикѣ покончить прежде съ Августомъ. Этою свободою и воспользовался Петръ. Осенью 1702 г. онъ началъ завоеваніе Ингріи осадой Нотебурга (Орѣшка), крѣпости, расположенной при истокѣ Невы изъ Ладожскаго озера. Взявъ его 11 октября, Петръ переименовалъ его (какъ ключъ къ морю) въ Шлиссельбургъ. О взятіи его Петръ писалъ Виніусу: «Правда, что зѣло жестокъ сей орѣхъ былъ, однакожъ, слава Богу, счастливо разгрызенъ. Артиллерія наша зѣло чудесно свое дѣло исправила». Весной слѣдующаго 1703 г. Петръ отъ истоковъ Невы двинулся къ ея устью, и 1 мая взялъ расположенную здѣсь крѣпость Ніеншанцъ, на мѣстѣ которой 16 мая 1703 г. былъ основанъ Пе-

тербургъ. Покончивъ завоеваніе теченія Невы, Петръ продолжалъ дѣйствовать въ Ингріи и Лифляндіи. Въ 1704 г. въ теченіе одного мѣсяца были взяты Дерптъ, Нарва и Ивангородъ. Всѣ эти побѣды были одержаны такъ легко, конечно, благодаря тому, что Карлъ всѣ усилія устремилъ на сокрушеніе Августа, «увязъ въ Польшѣ», по выраженію Петра. Захвативъ значительную долю Балтійскаго побережья, значитъ, достигнувъ своей завѣтной цѣли, Петръ двинулся на помощь союзнику и вступилъ въ польскія владѣ-

Часть картины, находящейся въ Зимнемъ дворцѣ, изображающей Полтавскую битву.

нія. Но здѣсь русскія войска стали опять терпѣть неудачи. 15 іюля 1705 г. Шереметевъ былъ разбитъ на голову при Гемауертгофѣ, и зиму 1705—1706 г. армія принуждена была оставаться въ Гроднѣ, окруженная шведами, такъ что ей грозила опасность быть отрѣзанной отъ Россіи. Въ январѣ 1706 г. Петръ отправился къ войску изъ Москвы, но не могъ пробраться въ Гродно. Въ какомъ онъ былъ мрачномъ настроеніи, видно изъ письма его къ Головину: «Мнѣ, будучи въ семъ адѣ, не точію довольно, но черезъ мочь мою сей горести. Мы за безсчастьемъ своимъ не могли про-

ѣхать къ войску въ Гродно». Однако въ мартѣ русскимъ удалось отступить.

Между тѣмъ дѣла Августа приняли очень дурной оборотъ: уже вся Польша, примкнувшая къ союзу съ 1704 г., была у него отнята, онъ бѣжалъ въ Саксонію. Карлъ послѣдовалъ за нимъ туда. Къ осени 1706 г. онъ добилъ Августа окончательно и въ октябрѣ заключилъ съ нимъ миръ въ Альтранштадтѣ. Августъ отказывался отъ союза съ Россіей и отъ польскаго престола. На его мѣсто былъ возведенъ Карломъ преданный ему Станиславъ Лещинскій. Августъ имѣлъ слабость выдать шведамъ Паткуля, который и былъ колесованъ. Такъ Петръ лишился и второго союзника. Было ясно, что теперь Карлъ со всею силою устремится на Петра, чтобы покончить съ нимъ.

Однако Карлъ чрезмѣрно медлилъ въ Саксоніи и только лѣтомъ 1707 г. двинулся обратно къ Вислѣ, на берегу которой простоялъ до декабря, давъ этимъ Петру время приготовиться къ оборонѣ, укрѣпить Дерптъ, Псковъ, Москву и Кіевъ, такъ какъ неизвѣстно было, куда двинется непріятель, перейдя Вислу. Только въ іюлѣ 1708 г. Карлъ, разбивъ на пути отрядъ Шереметева при Головчинѣ, подошелъ къ Могилеву, гдѣ рѣшилъ ждать съ юга вѣстей изъ Малороссіи, гдѣ подготовлялась измѣна Мазепы, а съ сѣвера изъ Лифляндіи генерала Левенгаупта съ подкрѣпленіями и провіантомъ, необходимымъ для войска, которому пришлось дѣйствовать въ странѣ, опустошенной русскими въ ожиданіи непріятеля. Петръ находился неподалеку, зорко наблюдая за шведами и постоянно тревожа ихъ. 29 августа при мѣстечкѣ Добромъ, замѣтивъ, что правое крыло шведской арміи отдалилось отъ главныхъ силъ, Петръ напалъ на него и разбилъ.

«Письмо отъ Васъ, — писалъ Петръ Екатеринѣ 30 августа — я получилъ; на которое не подивите, что долго не отвѣтствовалъ. Понеже предъ очами непрестанно непріятные гости, на которыхъ уже намъ скучно смотрѣть. Того ради мы вчерашняго утра на правое крыло короля шведскаго съ осмью батальонами напали и по двучасномъ огню онаго съ помощью Божіею съ поля сбили, знамена и прочая побрали. Правда, что я какъ сталъ служить, такой игрушки не видалъ: однакоже больше всѣхъ попотѣлъ нашъ полкъ».

Такъ какъ запасы окончательно изсякли, и солдатъ было кормить нечѣмъ, то Карлъ, не дождавшись Левенгаупта, повернулъ на Украйну, гдѣ могъ расчитывать на соединеніе съ гетманомъ и на достаточное продовольствіе. Левенгауптъ былъ встрѣченъ Петромъ 28 сентября при деревнѣ Лѣсной и разбитъ на голову. Весь обозъ достался русскимъ. «Объявляю вамъ, — писалъ Петръ Ромодановскому, Апраксину и Долгорукому, — что мы вчерашняго числа непріятеля дошли, стоящаго зѣло въ крѣпкихъ мѣстахъ, числомъ 16 тысячъ, который тотчасъ насъ изъ лѣсу атаковалъ всею

пѣхотою во флангъ; но мы тотчасъ три свои регимента швенкель противъ ихъ учинили и прямо давъ залпъ изъ пушекъ пошли. Правда, хотя непріятель зѣло жестоко изъ пушекъ и ружья стрѣлялъ, однакожъ онаго сквозь лѣсъ прогнали къ ихъ конницѣ. И потомъ непріятель паки въ бой вступилъ и даже до темноты бой сей съ непріятелемъ зѣло жестокимъ огнемъ пребывалъ... На послѣди милостью побѣдодавца Бога онаго непріятеля сломивъ побили на голову». Впослѣдствіи Петръ называлъ эту побѣду «виною всѣхъ благополучныхъ послѣдованій Россіи и матерью Полтавской баталіи». Въ октябрѣ Мазепа соединился со шведами, а 27 іюня слѣдующаго 1709 г. произошла знаменитая Полтавская битва; Карлъ былъ совершенно разбитъ, потерялъ всю армію и принужденъ былъ бѣжать въ Турцію. Такъ кончился первый періодъ Сѣверной войны.

Въ Сѣверной войнѣ встрѣтились два знаменитые государя начала XVIII в., два полководца. Оба одерживали блестящія побѣды и оба терпѣли жестокія пораженія. И оба были совершенно не похожи другъ на друга.

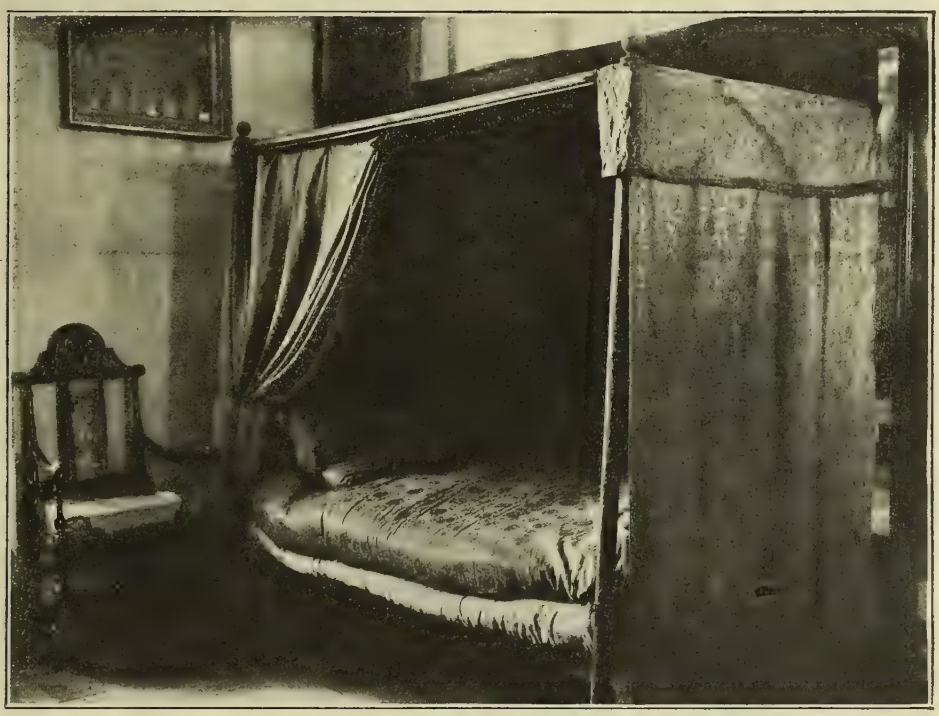
Карлъ XII родился въ 1682 г., былъ, слѣдовательно, на 10 лѣтъ моложе своего противника. Это была богато одаренная натура, но одна изъ тѣхъ, въ которой блестящія дарованія скрываются до времени, пока представится случай проявить ихъ во всемъ блескѣ. Молодость Карла была проведена бурно и весело. Стокгольмъ и не помнилъ такого уличнаго буяна, какимъ былъ 16-лѣтній ко-

Залъ во дворцѣ Петра Великаго въ Нарвѣ.

Спальня Петра Великаго въ Нарвскомъ дворцѣ.

роль; отъ него мирнымъ гражданамъ житья не было. То вдругъ ему придетъ фантазія отправиться гулять съ компаніей удальцовъ по улицамъ столицы и срывать шляпы и парики со всѣхъ встрѣчныхъ, то вдругъ къ великому ужасу молящихся ворвется онъ съ дружиной въ церковь, съ шумомъ и хохотомъ, переломаетъ всѣ скамьи и заставитъ публику простоять всю мессу. Разъ онъ со своей компаніей ворвался въ сеймовую залу и устроилъ тамъ охоту за зайцемъ; нерѣдко компанія разгуливала ночью по городу, разбивая стекла камнями и пугая обывателей. Въ народѣ раздавался ропотъ, въ церквахъ произносились исполненныя жалобъ проповѣди на текстъ: «горе той странѣ, въ которой князь юнъ, любяй вино пити». Не разъ дѣлались Карлу представленія о перемѣнѣ поведенія, но всякаго сановника, входившаго въ его комнату съ серьезнымъ предложеніемъ, онъ безцеремонно выталкивалъ за дверь. Такъ было до начала войны. Съ этого момента онъ рѣзко измѣнился; силы клокотали въ немъ, не находя выхода, война открыла имъ настоящее русло. Карлъ началъ войну 18-ти лѣтъ, и мы видѣли, къ какимъ блестящимъ побѣдамъ онъ повелъ шведскія войска. Война и была его истиннымъ призваніемъ: онъ рожденъ былъ воиномъ. Такимъ его понимали и современники. «Король,—писалъ о немъ французскій посланникъ въ Стокгольмѣ,—мечтаетъ только объ одной войнѣ, ему слишкомъ много насказали о подвигахъ предковъ. Сердце и голова его наполнены

подвигами предковъ, и онъ считаетъ себя непобѣдимымъ во главѣ своихъ шведовъ». Въ немъ дѣйствительно много сходнаго съ его предками, только съ гораздо болѣе отдаленными: съ тѣми древними предводителями нормандскихъ сѣверныхъ дружинъ, отъ которыхъ въ IX в. дрожала Европа, побѣды которыхъ сдѣлались предметомъ многочисленныхъ скандинавскихъ сагъ. Этотъ древній «викингъ» скандинавской саги и сказался въ Карлѣ XII. Менѣе всего онъ былъ государственнымъ человѣкомъ: война для войны была единственною его дѣятельностью, и войну велъ онъ не такъ, какъ ее обыкновенно вели въ XVIII в. Какъ древняя нормандская дружина



Походная кровать Петра Великаго.
Хранится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

налеталъ шведскій отрядъ во главѣ съ королемъ на непріятельское войско, и дѣло рѣшалось однимъ натискомъ. Король былъ всегда во главѣ: онъ щеголялъ храбростью, шутилъ и смѣялся подъ пулями, какъ на какомъ-нибудь балу. Но онъ не былъ полководцемъ въ полномъ смыслѣ слова: никакого штаба, никакой администраціи его войско не имѣло. Всю надежду полагалъ онъ на тотъ отрядъ, во главѣ котораго онъ стоялъ, и нисколько не заботился о томъ, что дѣлается въ тылу арміи, соразмѣрны ли силы съ непріятельскими, и хватитъ ли продовольствія солдатамъ. Вотъ нѣсколько отзывовъ о немъ его собственныхъ генераловъ.

Одинъ говорилъ: «Нашъ король такъ крѣпко надѣется на помощь Божію, что ни о чемъ больше не думаетъ, какъ о войнѣ»; другой писалъ: «Онъ уже больше не слушаетъ чужихъ совѣтовъ; онъ принимаетъ такой видъ, что какъ будто Богъ непосредственно внушаетъ ему, что надо дѣлать». «Несмотря на холодъ и голодъ,— разсуждалъ третій,—король не хочетъ отпустить насъ на зимнія квартиры. Думаю, что если у него останется только 800 человѣкъ, то онъ съ ними вторгнется въ Россію, не заботясь, чѣмъ будутъ солдаты питаться. Если кого-нибудь изъ нашихъ убиваютъ, то это нисколько его не трогаетъ».

Совершенно иного рода военнымъ дѣятелемъ былъ Петръ. Въ личномъ мужествѣ онъ едва ли уступалъ Карлу, но онъ никогда не рисовался имъ и не храбрился на показъ. Карлъ не хотѣлъ знать ничьихъ совѣтовъ, Петръ въ тѣхъ случаяхъ, когда участвовалъ въ сраженіи, старался брать себѣ второстепенную роль: онъ бился какъ бомбардиръ или капитанъ, предоставляя команду своимъ генераламъ. Но, предоставляя блескъ и лавры генераламъ, онъ бралъ на себя ту тяжелую, непріятную, но необходимую сторону дѣла, за которую всегда бранятъ въ случаѣ неудачи и рѣдко благодарятъ въ случаѣ успѣха. Но здѣсь онъ уже былъ главнымъ распорядителемъ, центромъ, въ которомъ сходились всѣ нити военной администраціи. Вся административная и хозяйственная сторона войны, движенія войскъ, ихъ расквартированіе, провіантъ, оружіе, амуниція, снаряды, наборъ рекрутъ и лошадей, вся эта будничная и прозаическая часть войны, но та именно часть, которая и рождаетъ побѣду, лежала на немъ. Мы видѣли, какую лихорадочную дѣятельность обнаружилъ Петръ послѣ пораженія при Нарвѣ. Петръ не только самъ работалъ, онъ вокругъ себя все приводилъ въ движеніе. Онъ не только не терялъ присутствія духа во время неудачи, но и обладалъ умѣньемъ утѣшить, ободрить и успокоить другихъ. «Не извольте о бывшемъ несчастіи печальнымъ быть,—писалъ онъ Шереметеву, разбитому при Гемауертгофѣ, — понеже всегдашняя удача многихъ людей ввела въ пагубу, но извольте забывать и паче людей ободрять». Это были качества, драгоцѣнныя для той сложной операціи, какою стала война въ XVIII в. Карлъ рѣшалъ побѣду однимъ моментомъ, Петръ подготовлялъ ее долговременною, трудною и хлопотливою работою. Вотъ почему его побѣды и не были такъ неожиданны, поразительны и блестящи, но зато и пораженія, имъ испытанныя, не были такъ рѣшительны, отчаянны и безнадежны. Карлъ былъ замѣчательнымъ командиромъ на полѣ битвы, Петръ — замѣчательнымъ военнымъ организаторомъ. Успѣхъ доставался ему трудно, но этотъ успѣхъ былъ проченъ. Вполнѣ онъ обнаружился въ Полтавской битвѣ.

Полтавская побѣда имѣла очень важныя послѣдствія для дальнѣйшаго хода военныхъ дѣйствій. Шведская армія была теперь

уничтожена. Карлъ XII съ небольшою свитою бѣжалъ въ турецкія владѣнія и поселился въ Бендерахъ на р. Днѣстрѣ, возбуждая Турцію къ войнѣ съ Россіей. Уничтоженіе шведской арміи развязало руки Петру на сѣверѣ. Осенью того же 1709 г. началось завоеваніе Лифляндіи. Въ ноябрѣ начата осада Риги; царь первыя три бомбы пустилъ самъ и писалъ объ этомъ Меншикову: «Благодарю Бога, что сему проклятому мѣсту сподобилъ мнѣ самому и отомщенія начало учинить». Лѣтомъ 1710 г. окончено было покореніе Лифляндіи и Эстляндіи: въ короткій промежутокъ времени сдалась Рига, Перновъ, Аренсбургъ и Ревель. Въ то же лѣто взяты были главные города Кареліи: Выборгъ и Кегсгольмъ.

Домикъ Петра Великаго въ Ревелѣ.

Вторымъ слѣдствіемъ Полтавской битвы была турецкая война 1711 г. Очень можетъ быть, впрочемъ, что она вспыхнула бы и безъ этого повода. Съ самаго мира 1700 г. отношенія Петра къ Турціи были очень натянуты. Азовъ въ рукахъ русскихъ былъ для турокъ бѣльмомъ на глазу. Эта крѣпость была въ слишкомъ близкомъ сосѣдствѣ съ вассальнымъ турецкимъ ханствомъ Крымскимъ, изъ нея было легко напасть на Крымъ. Это былъ также военный портъ, гдѣ находилъ себѣ пристанище и защиту съ каждымъ годомъ увеличивающійся, благодаря дѣятельной работѣ воронежской и таганрогской верфей, русскій флотъ, который могъ сдѣлать набѣгъ и на самую Турцію. Турція и слышать не хотѣла о дозволеніи русскимъ торговать на Черномъ морѣ. «Султанъ смотритъ на Черное море, какъ на свой внутренній домъ, — говорили турецкіе государственные люди,—куда онъ не пуститъ ни одного чужеземца». Въ Константинополѣ подумывали даже засыпать проливъ, соединяющій Азовское море съ Чернымъ, и на созданномъ такимъ образомъ перешейкѣ воздвигнуть сильныя крѣпости для устрашенія запертыхъ русскихъ кораблей. Ясно, что при такомъ настроеніи Турціи достаточно было какого угодно предлога, чтобы вспыхнула откры-

тая война. Такой предлогъ былъ доставленъ Полтавской битвой. Карлъ дѣятельно агитировалъ за войну при турецкомъ дворѣ, посылая туда своихъ приближенныхъ. Самая его личность, кромѣ того, служила поводомъ къ раздорамъ. Русское правительство требовало сначала его выдачи, на что, конечно, Турція согласиться не могла; въ отвѣтъ на эти требованія она жаловалась на нарушеніе ея правъ русскими войсками, которыя, преслѣдуя Карла, перешли границу и вступили на турецкую территорію. Тогда Петръ очень энергично потребовалъ высылки Карла изъ турецкихъ владѣній, грозя въ противномъ случаѣ войной. Онъ чувствовалъ себя связаннымъ въ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Швеціи, такъ какъ постоянно долженъ былъ опасаться нападенія турокъ подъ предводительствомъ такого полководца, какъ Карлъ. Какъ разъ во время посылки этого ультиматума Карлу при помощи интригъ удалось добиться отставки дружественнаго Россіи визиря и посадить на его мѣсто враждебнаго, и отвѣтомъ на ультиматумъ Петра было объявленіе Портою войны 20 ноября 1710 года. Военныя дѣйствія начались только уже въ 1711 году. Весною русскія войска стянуты были къ Днѣстру. Царь заключилъ союзъ съ господаремъ Валахіи Дм. Кантемиромъ. Желаніе защитить владѣнія союзника и надежда на возстаніе подвластныхъ Турціи христіанскихъ народовъ, вожди которыхъ въ перепискѣ съ Петромъ обѣщали это, побудили Петра двинуться къ Пруту, несмотря на то, что войско не снабжено было запасами, а весь хлѣбъ въ той странѣ, черезъ которую надо было проходить, былъ поѣденъ саранчей. Походъ на Прутъ былъ

Часть залы въ Домикѣ Петра Великаго въ Ревелѣ.

Столовая въ Домикѣ Петра Великаго въ Ревелѣ.

поэтому труденъ, солдаты были истомлены. Едва русскіе передвинулись на эту линію, показалась вдругъ огромная турецкая армія, до 190 тысячъ человѣкъ, которой никто не ожидалъ встрѣтить такъ скоро. Положеніе русскихъ, которыхъ всего было около 38 тысячъ, притомъ безъ провіанта, было отчаянное. Только недоразумѣніе спасло Петра: визирь, вѣроятно, не зналъ хорошо положенія дѣлъ въ русскомъ лагерѣ и поторопился заключить миръ, какъ только его предложили. Разница между тѣмъ, чего ожидали въ русскомъ лагерѣ и чего дождались, была огромная. Отправляя къ визирю подканцлера Шафирова для переговоровъ, Петръ разрѣшилъ ему соглашаться не только на уступку Азова, но и на возвращеніе всѣхъ завоеванныхъ у Швеціи областей, кромѣ Ингріи, за которую разрѣшалъ, однако, пожертвовать старымъ русскимъ городомъ Псковомъ. Но съ турецкой стороны удовольствовались только Азовомъ да обязательствомъ срыть крѣпость, построенную на границѣ съ Крымомъ. На этихъ условіяхъ и былъ заключенъ миръ 12 іюля. Одинъ изъ иностранцевъ, служившій въ русскомъ войскѣ, замѣчаетъ, что «если бы утромъ 12 іюля кто-нибудь сказалъ, что миръ будетъ заключенъ на такихъ условіяхъ, на которыхъ онъ былъ заключенъ, то его сочли бы сумасшедшимъ». Однако и эти условія, на которыя не смѣли даже и надѣяться, были очень тяжелы. Въ особенности чувствовалъ тяжесть ихъ Петръ, которому приходилось терять плоды многолѣтнихъ заботъ и упорнаго труда. «Господа сенатъ, — писалъ онъ въ глубокой горести по заключеніи мира,—хотя я николи бъ хотѣлъ къ вамъ писать о такой матеріи, о которой нынѣ принужденъ есмь, однакожъ понеже

такъ воля Божія благоволила и грѣхи христіанскіе не допустили. Ибо мы въ 8 день сего мѣсяца съ турками сошлись и съ самаго того дни даже до 10 числа полуденъ въ превеликомъ огнѣ не точію дни, но и ночи были, и правда никогда, какъ и началъ служить, въ такой диспераціи не были, понеже не имѣли конницы и провіанту. Однакожъ Господь Богъ такъ нашихъ людей ободрилъ, что хотя непріятели вяще 100.000 числомъ насъ превосходили, но однакожъ всегда отбиты были, такъ что принуждены сами закопаться и апрошами, яко фортеціи, наши единыя только рогатки добывать. И потомъ, когда онымъ зѣло надокучилъ нашъ трактаментъ, а намъ вышереченное, то въ вышереченной день учинено штильштандъ и потомъ сгодились и на совершенный миръ, на которомъ положено всѣ города, у турковъ взятые, отдать, а новопостроенные разорить: и тако тотъ смертной пиръ симъ кончался. Сіе дѣло хотя и не безъ печали, что лишиться тѣхъ мѣстъ, гдѣ столько труда и убытковъ положено; однакожъ чаю симъ лишеніемъ другой сторонѣ великое укрѣпленіе, которая несравнительною прибылью намъ есть». Этими словами царь хочетъ сказать, что миръ съ Турціей даетъ возможность усилить энергію въ войнѣ противъ Швеціи, успѣхи въ которой онъ цѣнилъ несравненно больше потерь въ турецкой. Дѣйствительно, эта неудача не оказала сколько-нибудь важнаго вліянія на дальнѣйшій ходъ Сѣверной войны.

Третьимъ слѣдствіемъ Полтавской битвы было возникновеніе вновь того союза, которымъ начата была Сѣверная война. Въ сентябрѣ 1709 г., возвращаясь въ Петербургъ, царь имѣлъ свиданіе съ саксонскимъ курфюрстомъ, котораго вновь посадилъ на польскій престолъ, свергнувъ избранника Карла, Станислава Лещинскаго, и Августъ опять заключилъ союзъ съ Петромъ противъ Швеціи. Вѣсть о Полтавской побѣдѣ заставила примкнуть къ союзу въ октябрѣ того же года и Данію, безъ всякой денежной субсидіи, которой она раньше требовала за присоединеніе къ союзу. Такъ Полтавская побѣда подняла головы прежнимъ союзникамъ Петра, склоненныя ими при Травендалѣ и Альтранштадтѣ, и побудила ихъ протянуть руки русскому царю. Эта побѣда произвела сильное впечатлѣніе въ Европѣ и заставила перемѣнить взглядъ на значеніе и силу русскаго государства. Знаменитый философъ Лейбницъ послѣ битвы при Нарвѣ высказалъ свое сочувствіе шведамъ и предсказывалъ завоеваніе Карломъ XII всей Россіи до Амура. Послѣ Полтавской битвы онъ переноситъ свои симпатіи на царя и называетъ эту битву достопамятнымъ событіемъ въ исторіи и полезнымъ урокомъ для будущихъ поколѣній. Маленькій вольфенбюттельскій князекъ, съ которымъ Петръ началъ переговоры о бракѣ царевича Алексѣя съ его дочерью Шарлоттою, едва удостаивалъ царя вниманіемъ, указывалъ на опасное положеніе Петра въ Россіи и, считая его «ничтожнымъ въ ряду государей», говорилъ, что никогда Рос-

сія не добьется виднаго положенія въ Европѣ, такъ какъ ее никогда не допустятъ до обладанія Балтійскимъ побережьемъ. Теперь этотъ самый князекъ приходилъ въ восхищеніе отъ мысли породниться съ русскимъ домомъ, и бракъ царевича очень скоро устроился. Выдающееся положеніе, которое Россія заняла послѣ битвы, побудило примкнуть къ Сѣверному союзу двѣ державы, до сихъ поръ медлившія и выжидавшія: Ганноверъ и Пруссію (1715). Приманкой для вступленія въ союзъ были для того и другого государства шведскія владѣнія въ Германіи: для Ганновера—Бременъ, для Пруссіи — Померанія. Союзъ съ Ганноверомъ, однако, былъ не проченъ и не продолжителенъ; союзъ съ Пруссіей отличался, наоборотъ, большою прочностью. Сближеніе началось сейчасъ же послѣ Полтавской побѣды. Послѣ свиданія съ Августомъ

Екатеринентальскій дворецъ Петра Великаго въ Ревелѣ.

Петръ видѣлся въ Маріенвердерѣ и съ прусскимъ королемъ Фридрихомъ, гдѣ «ихъ величества поздравились любительно» и заключенъ былъ оборонительный союзъ. Преемникъ Фридриха I, Фридрихъ-Вильгельмъ I вступилъ уже въ наступательный союзъ. Этотъ знаменитый король, строгій и скупой хозяинъ, любитель военныхъ экзерцицій, питалъ къ личности Петра живѣйшую симпатію, а Петръ умѣлъ ему угодить; зная его слабость къ солдатамъ высокаго роста, онъ дарилъ ему высокихъ гренадеровъ.

Итакъ, второй періодъ Сѣверной войны представляетъ борьбу союза Россіи, Польши, Даніи, Пруссіи и Ганновера противъ Швеціи. Вотъ вкратцѣ ходъ военныхъ дѣйствій. Весною 1712 г. русскія войска подъ начальствомъ Меншикова, какъ рѣшено было договоромъ Петра съ союзниками, вступили въ Померанію, которая и сдѣлалась однимъ изъ театровъ войны. Здѣсь выдающимися крѣпо-

стями были Штеттинъ и Штральзундъ. Первый сдался Меншикову, второй осаждали короли датскій и прусскій съ іюля по декабрь 1715 г. и, несмотря на то, что защищать его явился самъ Карлъ XII, пробравшійся изъ Турціи черезъ Венгрію и Германію, Штральзундъ сдался 12 декабря 1715 г. Такимъ образомъ Померанія къ концу 1715 г. была завоевана.

Другимъ театромъ военныхъ дѣйствій была шведская провинція Финляндія. Овладѣть ею, какъ говорилъ Петръ, надо было для того, чтобы занять болѣе выгодное положеніе при мирныхъ переговорахъ со Швеціей, имѣя что уступить. «Ежели Богъ допуститъ лѣтомъ до Абова,—писалъ онъ Апраксину въ концѣ 1712 г.,— то шведская шея мягче гнуться станетъ». Весною 1713 г. вышла подъ начальствомъ Апраксина къ берегамъ Финляндіи эскадра и взяла безъ сопротивленія Гельсингфорсъ и Або. Высадившіяся войска проникли внутрь страны и разбили шведовъ при Таммерфорсѣ. Въ слѣдующемъ 1714 г. кн. Голицынъ закончилъ покореніе Финляндіи.

Наконецъ, третьею сценою военныхъ дѣйствій было море и побережье самаго Скандинавскаго полуострова. Въ іюлѣ 1714 г. русская эскадра подъ личною командою Петра одержала блестящую побѣду надъ шведскимъ флотомъ при Ганге-уддѣ; непріятельскій адмиралъ съ десятью галерами попался въ плѣнъ. На современниковъ эта побѣда произвела не менѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ Полтавская. Петръ былъ за нее возведенъ Сенатомъ въ званіе вице-адмирала. Слѣдствіемъ этой побѣды было то, что Петръ захватилъ и опустошилъ о. Аландъ, всего въ 15-ти миляхъ отъ Стокгольма, и навелъ ужасъ на Швецію. Съ тѣхъ поръ Петръ стремился къ тому, чтобы сдѣлать высадку на полуостровъ. Лѣтомъ 1716 г. готовилась грандіозная высадка изъ Копенгагена на шведскій берегъ. Четыре флота: англійскій, голландскій, датскій и русскій, подъ командою Петра должны были перевезти союзныя войска. Но эта высадка не состоялась: англичане и голландцы оказывали поддержку только для видимости: имъ одинаково не выгодно было допускать господство на Балтійскомъ морѣ какъ шведскаго, такъ и русскаго флотовъ, и все дѣло кончилось демонстративной прогулкой соединенной эскадры въ виду шведскихъ береговъ, въ память чего была выбита пышная медаль. На одной сторонѣ надъ трофеями изображеніе Петра и надпись: «Петръ Великій Всероссійскій», на другой Нептунъ, держащій 4 морскихъ флага государствъ, принимавшихъ участіе въ экспедиціи, съ надписью: «владычествуетъ четырьмя». Однако эта лесть доставила Петру немного утѣшенія въ той досадѣ на союзниковъ, которую онъ испытывалъ за неудачу въ этой экспедиціи, тѣмъ болѣе, что на нее онъ возлагалъ большія надежды. Уже въ самомъ концѣ войны, въ то время, когда велись переговоры о мирѣ, русскіе корабли дѣлали нападенія на шведскіе берега и высаживали войска,

опустошавшія окрестности Стокгольма. Эти набѣги предпринимались съ цѣлью сдѣлать шведовъ болѣе уступчивыми.

Таковы были главныя военныя дѣйствія въ разсматриваемый періодъ. Изъ этого перечня видно, что ихъ было немного, и они были далеко не такъ важны, какъ битвы перваго періода. Во второй періодъ борьбу вели гораздо болѣе дипломатическими интригами, чѣмъ тактическими движеніями; больше скрипѣли перья въ дипломатическихъ канцеляріяхъ, чѣмъ гремѣли выстрѣлы на поляхъ сраженій. Мелкіе и слабые князьки, въ родѣ герцога Шлезвигъ-Голштинскаго или Мекленбургскаго, очутившіеся между сильными соперниками, усиленно интриговали съ цѣлью, перессоривъ сильныхъ, ловить рыбу въ мутной водѣ; образовался, такъ сказать, во-

Портретъ Петра Великаго, работы художника Ch. Boit. Миніатюра на табакеркѣ, подаренной царемъ герцогу Орлеанскому въ 1717 г.

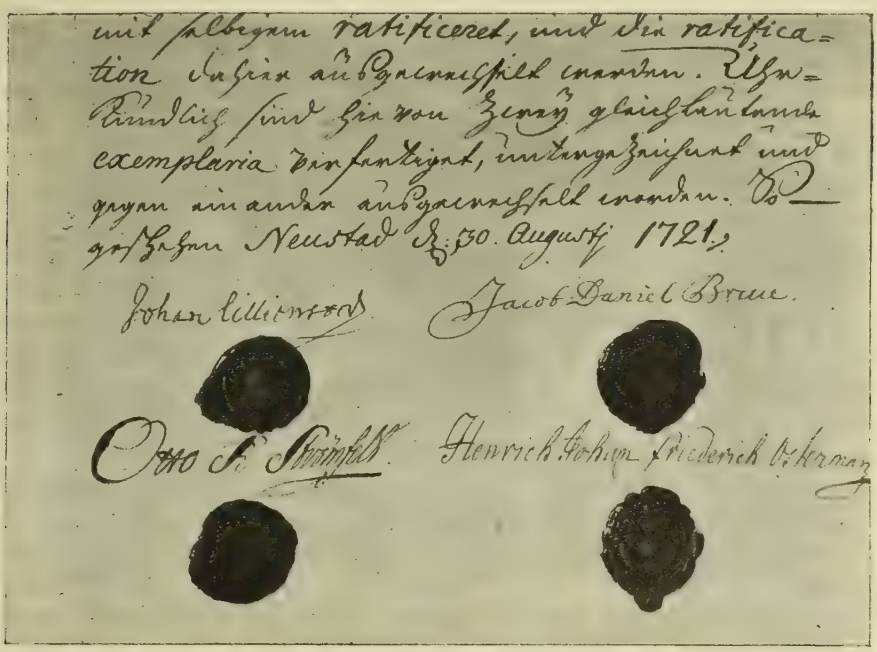
Принадлежитъ кн. Голицынымъ. По снимку въ «Художеств. Сокров. Россіи», 1905 г., № 1.

доворотъ мелкихъ корыстныхъ притязаній, проектовъ, политическихъ сплетенъ, дрязгъ, интригъ и подкуповъ, въ которыхъ участвуютъ государи, дипломаты, фавориты и метрессы всѣхъ дворовъ Европы. Такой характеръ войны понятенъ. Швеція теперь уже не имѣла достаточной арміи для обороны; ея могущество было сломлено и средства подорваны такъ, что никакихъ крупныхъ военныхъ дѣйствій и нельзя было ожидать. Съ другой стороны, дѣйствовала группа союзниковъ, соединявшихся изъ-за противорѣчащихъ одинъ другому интересовъ: то, что выгодно было, напримѣръ, Даніи, вредно было для Ганновера. Случалось, что двое или нѣсколько союзниковъ набрасывались на одинъ кусокъ добычи. Союзъ составился изъ хищныхъ побужденій разорвать тяжело раненое подъ

Полтавой государственное тѣло Швеціи и ухватить какъ можно большій клокъ себѣ, какъ можно меньше тратя силъ при этомъ и меньше давая другимъ. Отсюда такое несогласіе и раздраженіе между союзниками, что, читая ноты ихъ дипломатовъ, думаешь скорѣе, что дѣло идетъ между непріятелями, чѣмъ между дружественными державами. Подъ прикрытіемъ союзныхъ договоровъ шла мелкая закулисная борьба корыстныхъ притязаній, обманутыхъ надеждъ и оскорбленныхъ самолюбій. Благодаря этимъ усобицамъ, война съ Швеціей тянулась вяло и нерѣшительно. На Петра такое положеніе дѣла производило удручающее дѣйствіе. «Письмо ваше я получилъ,—пишетъ онъ разъ Меншикову, осаждавшему Штеттинъ,— на которое отвѣтствовать кромѣ сокрушенія своего не могу, ибо... что дѣлать, когда такихъ союзниковъ имѣемъ. Я себя зѣло безсчастнымъ ставлю, что я сюда пріѣхалъ. Богъ видитъ мое доброе намѣреніе, а ихъ и иныхъ лукавство. Я не могу ночи спать отъ сего трактованія». Еще болѣе рѣзко его другое письмо къ Екатеринѣ изъ Копенгагена въ то время, когда тамъ готовилась неудавшаяся экспедиція на шведскій берегъ. «О здѣшнемъ,—писалъ царь,— объявляемъ, что болтаемся туне; ибо что молодыя лошади въ каретѣ, такъ наши соединенные (союзники), а наипаче коренные: сволочь хотятъ, да коренные не думаютъ». Петръ тѣмъ сильнѣе долженъ былъ чувствовать послѣдствія этихъ раздоровъ, что всѣ союзники, кромѣ развѣ только прусскаго короля, были недружелюбно къ нему настроены, и нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напр., курфюрстъ Ганноверскій, худо скрывали свою ненависть и раздраженіе. Такое отношеніе союзниковъ къ Петру было вызвано преобладающей ролью, которую играла Россія въ союзѣ. Петръ былъ хозяиномъ положенія. Русскія войска стояли въ Германіи. Было опасеніе, что Россія потребуетъ себѣ львиную долю добычи. Отсюда зависть, клеветы, обвиненія Петра въ измѣнѣ общему дѣлу, въ намѣреніи заключить сепаратный миръ со Швеціей,—словомъ, вся грязная международная накипь, которою наполнялись выходившіе тогда многочисленные памфлеты и брошюры, доказывавшіе, какъ опасно можетъ быть для другихъ державъ чрезмѣрное усиленіе Россіи. Отчасти Петръ самъ былъ виною такого опасливаго и подозрительнаго отношенія къ себѣ союзниковъ: онъ иногда слишкомъ уже по-хозяйски распоряжался въ ихъ земляхъ, не щадя ихъ самолюбія. Пріѣхавъ разъ въ Данцигъ, во владѣніе польскаго короля, Петръ немедленно распорядился оштрафовать жителей за то, что въ гавани Данцига было нѣсколько шведскихъ кораблей.

Петръ сталъ ясно понимать, что съ сѣвернымъ союзомъ онъ не добьется никакихъ важныхъ результатовъ, и у него возникло стремленіе заручиться новыми союзниками. Съ этой цѣлью онъ предпринялъ поѣздку въ Парижъ, чтобы склонить Францію къ Сѣверному союзу. Но это дѣло было совершенно безнадежное; Франція, враждуя съ Габсбургами, дружила съ ихъ врагами, дѣйствуя за-

одно съ Швеціей, съ которой у Россіи была теперь война, и съ Турціей, съ которой у Россіи въ царствованіе Петра были дурныя отношенія. Слѣдовательно, интересы Россіи и Франціи были въ то время прямо противоположны. Въ августѣ 1717 г. въ Амстердамѣ былъ заключенъ договоръ между Франціей, Россіей и Пруссіей, который и былъ результатомъ поѣздки. Результатъ этотъ былъ не очень утѣшителенъ. Франція отказалась отъ всякаго дѣятельнаго участія въ войнѣ; она даже выговорила себѣ право сохранять имѣвшійся у нея договоръ со Швеціей до истеченія его срока. Все, что она обѣщала, это признаніе будущаго мирнаго договора Россіи со Швеціей.


mit selbigem ratificiret, und die ratifica-
tion dagegen ausgewechselt werden. Urkun-
dlich sind hier von jedem gleichlautende
exemplaria verfertiget, unterzeichnet und
gegen einander ausgewechselt worden. So
geschehen Neustad d. 30. Augusti 1721.
Johan Lillienstedt. Jacob Daniel Bruce.
Otto F. Strömfelt. Henrich Johan Friederich Osterman

Подписи уполномоченныхъ на оригиналѣ Ништадтскаго мира.

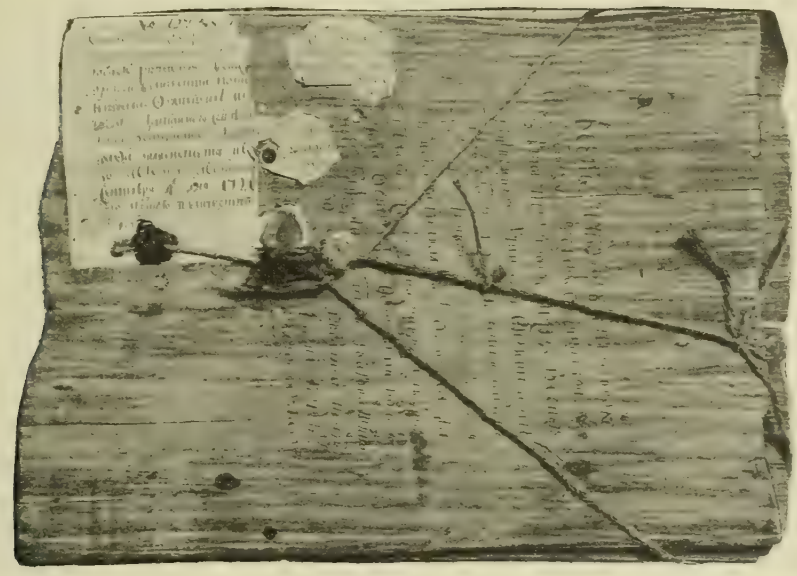
Эта неудавшаяся попытка привлечь новаго союзника побудила Петра подумать о заключеніи мира со Швеціей. Послѣ продолжительныхъ переговоровъ сначала на Аландскомъ конгрессѣ (1718—1719 г.), а потомъ въ Ништадтѣ миръ былъ заключенъ 30 августа 1721 г. По Ништадтскому миру Россія пріобрѣла значительную долю шведской территоріи, прилегающей къ Балтійскому морю: Лифляндію, Эстляндію, Ингрію и Карелію (теперешнюю Петербургскую губернію), и часть Финляндіи. Пріобрѣтеніе моря, у котораго сейчасъ же возникла столица, скоро выросшая до степени важнѣйшаго торговаго пункта Россіи, сопровождалось огромными послѣдствіями для экономической жизни страны. Какъ только было завоевано Балтійское море, стало измѣняться направленіе русской внѣшней торговли.

Прежде она направлялась къ сѣверу, къ Бѣлому морю. Архангельскъ былъ главнымъ пунктомъ этой торговли; туда каждое лѣто приходили европейскіе корабли, привозившіе произведенія западной фабрики и увозившіе произведенія русской природы. Направленіе торговли къ Балтійскому морю, значительно болѣе удобному, какъ по самому географическому положенію, такъ и по тому, что на его берегу были пріобрѣтены гавани Ревель и Рига, быстро подорвало значеніе Архангельска, а вмѣстѣ съ тѣмъ ростъ и процвѣтаніе Поморскихъ городовъ, черезъ которые шелъ прежній торговый путь, и эта часть государства, нѣкогда кипѣвшая жизнью, затихла и запустѣла.

Не менѣе важны были и политическія послѣдствія Сѣверной войны. Прежде всего она произвела измѣненіе въ одномъ изъ центровъ тяжести, на которыхъ покоилось европейское равновѣсіе. Въ XVII в. послѣ Вестфальскаго мира центромъ тяжести были на западѣ — Франція, на востокѣ — Швеція. Подобно тому, какъ на западѣ война за испанское наслѣдство лишила господства Францію, Сѣверная война на востокѣ отняла у Швеціи то выдающееся положеніе, которымъ она до той поры пользовалась, и низвела ее до уровня второстепенной державы, какою она и остается до настоящаго времени. Но была большая разница въ результатахъ обѣихъ войнъ. Война противъ Франціи, лишивъ ее на нѣкоторое время ея могущества, не перенесла его ни на какую другую державу. Война противъ Швеціи поставила на ея мѣсто Россію, возвела это мало значившее прежде государство до степени великой державы. Это значеніе великой державы выражается въ той активной роли, которую Россія начинаетъ играть съ того времени въ общей европейской политикѣ. Съ тѣхъ поръ ни одно крупное европейское событіе не остается для нея чуждымъ. Это новое значеніе Россіи было ясно сознано уже современниками Петра и выразилось въ томъ новомъ титулѣ, который тотчасъ же по заключеніи мира принялъ ея государь: 20 октября 1721 г. Сенатъ постановилъ поднести Петру титулъ Императора Всероссійскаго. Это поднесеніе состоялось 22 октября послѣ торжественнаго богослуженія въ Троицкомъ соборѣ въ Петербургѣ. Канцлеръ графъ Головкинъ говорилъ Петру привѣтственную рѣчь, въ которой указывалъ, что, благодаря славнымъ и мужественнымъ воинскимъ и политическимъ дѣламъ Петра, его подданные «изъ тьмы невѣдѣнія на театръ славы всего свѣта и тако рещи изъ небытія въ бытіе произведены и въ общество политичныхъ народовъ присовокуплены».

Съ окончаніемъ Сѣверной войны началась новая война — съ Персіей. Причины ея были такого же характера, какъ и причины войны со Швеціей. Заботясь о развитіи русской торговли на Балтійскомъ морѣ, Петръ не упускалъ изъ виду ея успѣховъ и на Каспійскомъ. Оба моря были связаны водяными путями; Балтій-

ское должно было служить для торговли съ Европой, Каспійское — для торговли съ Азіей. Торговыя отношенія и до Петра производились тамъ въ довольно крупныхъ размѣрахъ. Петръ надѣялся развить ихъ еще болѣе. Въ инструкціи отправляемому въ Персію посломъ знаменитому впослѣдствіи Артемію Петровичу Волынскому предписывалось «смотрѣть, какимъ способомъ въ тѣхъ краяхъ купечество россійскихъ подданныхъ размножить»; Волынскому предписывалось также провѣдать, «нельзя ли черезъ Персію учинить купечество въ Индію». Этому послу удалось заключить съ Персіей очень выгодный для Россіи торговый договоръ. Но положеніе русской торговли въ то время было незавидно, благодаря тому безпорядку, въ которомъ находилась тогда Персія.



Лубковая обертка, въ которой былъ присланъ въ Петербургъ оригиналъ Ништадтскаго мира; въ ней сохраняется этотъ документъ и нынѣ
въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Волынскій очень изобразительно говоритъ въ своемъ донесеніи: «Здѣсь такая нынѣ глава, что онъ не надъ подданными, но у своихъ подданныхъ подданный, и чаю, рѣдко такого дурачка можно сыскать между простыми, не токмо изъ коронованныхъ. Того ради самъ ни въ какія дѣла вступать не изволитъ, но во всемъ положился на своего намѣстника Ехтма-Девлера, который всякаго скота глупѣе, однако у него такой фаворитъ, что шахъ у него изо рта смотритъ, и что велитъ, то дѣлаетъ». «Всѣ дѣла у нихъ,—продолжаетъ онъ,—идутъ безпутно, какъ попалось на умъ, такъ и дѣлаютъ безо всякаго разсужденія. Отъ этого такъ свое государство разорили, что, думаю, и Александръ Великій въ бытность свою не могъ войной такъ разорить; не только отъ непрі-

ятелей, и отъ своихъ бунтовщиковъ оборониться не могутъ, и уже мало мѣста осталось, гдѣ бы не было бунта». Отъ этого безпорядка, благодаря отсутствію власти и защиты, страдали находившіеся въ Персіи русскіе купцы, которые часто подвергались грабежамъ и насиліямъ. Дипломатическимъ путемъ при такомъ положеніи дѣлъ въ Персіи трудно было чего-нибудь добиться для защиты русскихъ торговыхъ интересовъ, а слабость Персіи дѣлала несомнѣннымъ успѣхъ вооруженнаго предпріятія. Дѣйствовать вооруженной рукой побуждалъ Петра и Волынскій: «намъ безъ всякаго опасенія начать можно, — писалъ онъ государю, — ибо не только цѣлою арміею, но и малымъ корпусомъ великую часть къ Россіи безъ труда присовокупить можно». У Петра еще задолго до окончанія Сѣверной войны созрѣла мысль о персидскомъ походѣ, но онъ ждалъ заключенія мира со шведами, избѣгая войны на два фронта. Какъ только этотъ миръ былъ заключенъ, тотчасъ же начались приготовленія къ новой войнѣ. Къ тому же лѣтомъ 1721 г. произошло событіе, давшее законный и очевидный предлогъ къ ея начатію. Возмутившіеся противъ шаха его подданные напали на городъ Шемаху, въ которомъ былъ центръ русской торговли съ Персіей и жило много русскихъ купцовъ. Нѣсколько изъ нихъ были перебиты бунтовщиками, а имущество ихъ и товары разграблены. Ускорить начало войны могло еще опасеніе захвата персидскихъ владѣній со стороны Турціи. Въ маѣ 1722 г. Петръ Окою и Волгою отправился на театръ военныхъ дѣйствій; 24 іюля онъ высадился на персидскую территорію. Въ теченіе августа были пріобрѣтены приморскіе городки Тарки и Дербентъ. Успѣхи были настолько очевидны, что Петръ въ началѣ октября вернулся въ Астрахань, предоставивъ окончаніе войны полковнику Шипову и генералу Матюшкину. 12 сентября 1723 г. былъ заключенъ между Россіей и Персіей мирный договоръ, по которому оба государства вступили въ далеко неравныя обязательства. Россія обязывалась оказывать его шахову величеству постоянную дружбу и вспоможеніе противъ всѣхъ его бунтовщиковъ, а Персія въ вознагражденіе за эту будущую помощь уступила Россіи въ вѣчное владѣніе города Дербентъ и Баку со всѣми къ нимъ принадлежащими землями и мѣстами. Результатомъ этой войны, слѣдовательно, было пріобрѣтеніе Россіей западнаго берега Каспійскаго моря.

Изъ нашего бѣглаго обзора можно видѣть, что войны при Петрѣ тянулись безъ перерыва цѣлыхъ 28 лѣтъ, если считать за начало Азовскій походъ 1695 года. Петръ началъ воевать на 24-мъ году отъ роду, а кончилъ на 52-мъ, только за годъ съ небольшимъ до своей смерти. Его царствованіе, которое было эпохой наиболѣе обширнаго преобразованія внутренняго строя государства, было въ то же время и эпохой наиболѣе сильнаго военнаго напряженія: Россія постоянно воевала въ теченіе XVII в., но никогда такъ продолжительно и съ такими тяжелыми усиліями,

какъ при Петрѣ. Эти два явленія: война и реформа, имѣютъ причинную связь между собою. Первая является одной изъ причинъ второй. При обозрѣніи реформы можно видѣть, какъ многія изъ преобразованій Петра были непосредственными слѣдствіями войны, осуществились почти помимо мысли Петра, какъ бы сами собою. Но и тѣ преобразованія, въ которыхъ творческая мысль царя играла бо́льшую роль, не были бы осуществлены, если бы война не давала особенно сильно чувствовать потребность въ нихъ. Тяжелое государственное бѣдствіе, какимъ была такая продолжительная война, раскрыло и показало яснѣе тѣ недостатки, которыми страдало русское государство, подобно тому, какъ въ организмѣ физическіе недостатки и пороки обнаруживаются ярче, когда онъ борется съ тяжелою болѣзнью.

Итакъ, война была главнымъ двигателемъ петровской реформы. Реформа прежде всего и затронула тѣ стороны государственной жизни, съ которыми военное дѣло ближе всего соприкасалось. Для войны прежде всего нужны были войско и деньги. Съ преобразованій въ войскѣ и государственномъ хозяйствѣ и началась реформаторская дѣятельность Петра.

VII.

Преобразованія Петра Великаго.—Финансы и государственное хозяйство.—Школа.

Выше было говорено, что правительство новой династіи уже задолго до Петра Великаго сознало всю недостаточность московскихъ боевыхъ рессурсовъ, конной дворянской милиціи и стрѣлецкой пѣхоты противъ регулярныхъ войскъ сосѣдей, съ которыми приходилось вести борьбу. Уже при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ началось введеніе иноземнаго регулярнаго строя.

Но настоящая регулярная армія была заведена Петромъ Великимъ. Ея зерномъ были извѣстные потѣшные полки: Преображенскій и Семеновскій. До Азовскихъ походовъ эти постоянные и регулярные полки, обученные вполнѣ по-иноземному, упражнялись на маневрахъ, происходившихъ по берегамъ Москвы-рѣки, сражаясь противъ стрѣлецкихъ полковъ. Впервые въ широкихъ размѣрахъ регулярные полки были организованы передъ Сѣверной войной. Объявленный въ ноябрѣ 1699 г. наборъ далъ контингентъ для 31 полка, численностью въ 32 тысячи человѣкъ. Эти полки были обмундированы по новому образцу въ зеленые кафтаны и треугольныя шляпы, вооружены фузеями и за зиму настолько обучены воинскому артикулу, что саксонскій генералъ Лангенъ доносилъ Августу II, что онъ къ удивленію своему нашелъ у московскаго царя 40 тысячъ превосходной пѣхоты, которая не уступитъ нѣмецкой. Подъ Нарвою, однако, эта армія была на-голову разбита. На мѣсто раз-

битой арміи энергіею и организаторскимъ талантомъ Петра создана была новая, постоянно пополняемая и возраставшая въ числѣ. Въ послѣдній годъ царствованія эта армія состояла изъ 126 полковъ, кромѣ гвардіи и артиллеріи, и распадалась на полки пѣхотные и драгунскіе, а по способу вооруженія на фузелерные — вооруженные ружьями, «фузеями», и гренадерскіе — снабженные сверхъ того особыми ручными метательными снарядами, гранатами.

Въ порядкѣ комплектованія новой арміи произошли измѣненія. Прежде часть военнаго контингента доставляло дворянство, служившее обязательно, лично и наслѣдственно, а другую часть доставлялъ «приборъ», т.-е. вербовка охотниковъ, и только во время войнъ бывалъ иногда наборъ такъ называемыхъ «даточныхъ» людей съ опредѣленнаго числа крестьянскихъ дворовъ; но «даточные люди» тотчасъ же послѣ войны распускались по домамъ. При Петрѣ эта послѣдняя форма пополненія арміи дѣлается господствующею, получая названіе рекрутскихъ наборовъ. Благодаря этимъ наборамъ воинская повинность, не становясь еще общей, стала падать на всѣ классы общества въ большей степени, чѣмъ это было прежде. Свѣтскіе и духовные землевладѣльцы, городскія общины и общины свободныхъ государственныхъ крестьянъ въ случаѣ набора были обязаны съ извѣстнаго числа дворовъ, напр., съ каждыхъ 20-ти, поставить по рекруту съ одеждою и провіантомъ.

Разъ армія стала постоянной, являлся вопросъ о средствахъ для ея содержанія. Прежде служилые люди обезпечивались землею: помѣстьями и вотчинами, сверхъ того они получали и денежное жалованіе, но далеко не всѣ и не каждый годъ. О продовольствіи во время похода долженъ былъ заботиться каждый служилый человѣкъ самъ, привозя съ собою въ походъ на нѣсколькихъ подводахъ запасы изъ деревни на нѣсколько мѣсяцевъ. Теперь для снабженія арміи всѣмъ необходимымъ—оружіемъ, обмундировкой, провіантомъ и жалованьемъ — организована была цѣлая система военнаго хозяйства. Содержаніе арміи было устроено оригинально. Оно было приведено въ связь съ административнымъ раздѣленіемъ Россіи на губерніи. На каждую губернію было возложено содержаніе нѣсколькихъ полковъ, которымъ она и обязана была высылать ежегодно опредѣленное количество денегъ и хлѣба. При каждомъ полку, который она содержала, состоялъ уполномоченный отъ губерніи комиссаръ, черезъ котораго велись сношенія между губернской администраціей и полковымъ начальствомъ. Надъ этими комиссарами были поставлены оберъ - комиссары, за дѣятельностью которыхъ наблюдалъ оберстеръ-кригсъ-комиссаръ, а во главѣ этой сложной системы комиссаріата, вѣдавшаго военное хозяйство, поставленъ былъ генералъ-пленипотенціаръ-кригсъ-комиссаръ.

Регулярная и постоянная армія, сформированіе которой было такимъ важнымъ вопросомъ въ государствѣ, принужденномъ вести

почти непрерывную войну, и на созданіе которой ушло такъ много правительственныхъ заботъ и затрачено такъ много народныхъ средствъ, наложила свой отпечатокъ на дворъ, высшее общество, на составъ администраціи и на ея пріемы. Вездѣ стала чувствоваться фронтовая выправка и казарма. Государь, носившій прежде одежду болѣе близкую къ одѣянію духовныхъ лицъ, одѣлся въ военный мундиръ, проходилъ послѣдовательно военную службу. Прежнія придворныя московскія церемоніи, весь этотъ чинный, почти религіозный ритуалъ, напоминавшій торжественное богослуженіе, сталъ уступать мѣсто экзерциціямъ и вахтъ-парадамъ. Правящій классъ, поголов-

Загородный дворецъ Петра Великаго, такъ называемый Домикъ Петра Великаго въ Лѣтнемъ саду въ Петербургѣ.

но одѣтый въ военные мундиры, проводившій обязательно нѣсколько лѣтъ въ казармѣ, внесъ потомъ усвоенные въ казармѣ привычки и пріемы въ гражданскія учрежденія. Бюрократическая выправка мало чѣмъ отличалась отъ фронтовой, бюрократическая іерархія— отъ военной. Дѣйствія государственныхъ учрежденій, коллегій, конторъ и канцелярій были также точно регламентированы, какъ дѣйствія полковъ и дивизій.

Если возникновеніе постоянной арміи при Петрѣ можно разсматривать какъ завершеніе военныхъ реформъ предыдущаго времени, то созданіе флота было вполнѣ дѣломъ Петра Великаго. Въ этомъ дѣлѣ предыдущее время не подготовило ничего, кромѣ самой идеи о необходимости пріобрѣтенія моря, какъ дешеваго и свободнаго пути сообщеній для торговыхъ сношеній съ Западной

Европой, отъ которой отрѣзывала на сушѣ враждебная Польша.

Любовь къ плаванію и кораблестроенію проявилась у Петра съ дѣтства. Море и кораблестроеніе сдѣлались на всю жизнь его величайшей страстью; историческая потребность народа совпала съ личнымъ вкусомъ государя. Пріобрѣтя познанія въ кораблестроительномъ искусствѣ въ Голландіи и Англіи и ставъ хорошимъ корабельнымъ инженеромъ, Петръ въ Петербургѣ не могъ пропустить дня, чтобы не зайти въ адмиралтейство и не поработать на верфи.

Съ цѣлью пріобрѣсти выходъ къ морю предприняты были Азовскіе походы. Осада Азова въ 1695 г. не увѣнчалась успѣхомъ именно благодаря отсутствію флота, который позволилъ бы запереть осажденныхъ также и со стороны моря. Зимой 1695—1696 г. закипѣла работа: въ подмосковномъ селѣ Преображенскомъ строились галеры, которыя въ разобранномъ видѣ были сухимъ путемъ перевезены къ Воронежу, тамъ собраны и спущены въ Донъ. При помощи этого флота, состоявшаго изъ одного 36-пушечнаго корабля «Апостолъ Петръ» и 23 галеръ, Азовъ былъ взятъ. Такимъ образомъ Россія овладѣла портомъ, дававшимъ ей доступъ въ Черное море, не обладая еще флотомъ. Теперь рѣшено было завести постоянный флотъ. Началось усиленное кораблестроеніе на верфи, основанной при впаденіи р. Воронежа въ Донъ; для содержанія этой верфи были назначены доходы съ нѣсколькихъ окрестныхъ городовъ, которые были приписаны къ г. Воронежу. На общество была возложена новая ранѣе неизвѣстная повинность кораблестроенія. Всѣ крупные землевладѣльцы, свѣтскіе и духовные, владѣвшіе больше чѣмъ 100 крестьянскими дворами, обязаны были составить компаніи для постройки кораблей, такъ называемыя «кумпанства», такъ, чтобы каждое свѣтское кумпанство заключало въ себѣ 10.000 крестьянскихъ дворовъ, а каждое духовное—8.000 дворовъ. Мелкіе землевладѣльцы, владѣвшіе менѣе чѣмъ 100 дворами и не вошедшіе въ составъ кумпанствъ, были обложены особымъ сборомъ по полтинѣ съ двора, шедшимъ на постройку флота. Каждое кумпанство должно было заготовить необходимый матеріалъ, поставить рабочихъ, нанять иностранныхъ мастеровъ, выстроить опредѣленное число кораблей на Воронежской верфи. На посадское населеніе была возложена постройка 12 кораблей; но когда нѣкоторые гости стали просить о замѣнѣ этой натуральной повинности денежною, на купечество въ наказаніе за это было наложено еще два корабля. Благодаря работамъ кумпанствъ, къ 1699 г. на Дону появился внушительный по количеству флотъ, съ которымъ Петръ вышелъ въ море, провожая до Керчи назначеннаго посломъ въ Турцію дьяка Е. Украинцева. Петру непремѣнно хотѣлось отправить посла моремъ на новомъ русскомъ кораблѣ. Прибытіе этого перваго русскаго военнаго корабля въ Константинополь дѣйствительно произвело тамъ сильное впечатлѣніе. Султанъ, великій визирь,

множество сановниковъ и народа являлись осматривать корабль и по городу стали ходить слухи о скоромъ появленіи цѣлой русской эскадры. Впечатлѣніе усилилось еще болѣе, когда вскорѣ по прибытіи среди глубокой ночи съ корабля, бросившаго якорь передъ самымъ султанскимъ сералемъ, вдругъ неожиданно раздалась канонада. Оказалось, что капитанъ корабля, иностранецъ Памбургъ, устроилъ на суднѣ пирушку, затянувшуюся далеко за полночь, и, придя въ веселое настроеніе, приказалъ безъ всякихъ причинъ палить изо всѣхъ пушекъ, забывъ о мѣстѣ стоянки корабля и о ночномъ времени, одинаково неудобныхъ для салютовъ. Въ особен-

Тронная зала въ Домикѣ Петра Великаго въ Лѣтнемъ саду въ Петербургѣ (длина 10 арш., ширина $8^1/_2$ арш., вышина $4^3/_4$ арш.).

ности сильно были встревожены обитательницы султанскаго гарема, и послу Украинцеву стоило многихъ хлопотъ уладить возбужденное этимъ происшествіемъ недовольство турецкаго правительства.

Къ 1700 г. Азовскій флотъ состоялъ изъ 56 кораблей, выстроенныхъ частью кумпанствами, частью казною. Но внушительный количествомъ, онъ не внушалъ уваженія качествомъ. По крайней мѣрѣ, голландскій резидентъ писалъ, что въ составѣ этого флота есть одинъ очень хорошій корабль «Предестинація», выстроенный самимъ Петромъ, затѣмъ 4 — 5 удовлетворительныхъ; остальные же онъ считалъ годными лишь на дрова и для потѣшныхъ огней въ торжественныхъ случаяхъ. Завоеваніе береговъ Балтійскаго моря

отвлекло вниманіе Петра отъ Азовскаго флота, а неудачный конецъ Прутскаго похода и возвращеніе Азова Турціи сдѣлало его совершенно ненужнымъ.

Для постройки судовъ Балтійскаго флота была учреждена верфь на р. Свири въ Лодейномъ полѣ, такъ называемая олонецкая верфь, а затѣмъ и въ самомъ Петербургѣ, тамъ, гдѣ теперь находится старое адмиралтейство. Балтійскій флотъ росъ съ каждымъ годомъ. Русскіе военные корабли стали ходить въ Копенгагенъ и Англію. Къ концу царствованія Петра флотъ вызывалъ въ преобразователѣ такую увѣренность въ морскомъ могуществѣ Россіи, что онъ вдругъ задумалъ снарядить экспедицію изъ трехъ кораблей подъ начальствомъ вице-адмирала Бильстера на островъ Мадагаскаръ. Была составлена царская грамота «къ высокопочтенному Мадагаскарскому королю», не названному по имени, такъ какъ оно не было извѣстно, съ предложеніемъ протекціи Россіи. Но едва экспедиція вышла изъ Ревеля, какъ принуждена была вернуться: въ адмиральскомъ кораблѣ открылась такая течь, что онъ вскорѣ и потонулъ. Къ тому же оказалось, что никакого мадагаскарскаго короля не существуетъ, и экспедиція была отмѣнена.

Умирая, Петръ оставилъ Россіи Балтійскій флотъ, состоящій изъ 48 линейныхъ кораблей и 787 галерныхъ и другихъ судовъ.

Кромѣ созданія регулярной арміи и флота, Петру же принадлежитъ составленіе военнаго законодательства. Въ 1716 году былъ изданъ воинскій уставъ, опредѣляющій обязанности каждаго военнаго чина, съ дополненіями, «артикулами», содержащими правила военной службы, «процессами», представляющими изъ себя правила военнаго судоустройства, судопроизводства и уложеніе о наказаніяхъ, и «экзерциціями», т.-е. правилами военнаго ученья. Въ 1720 г. былъ изданъ морской уставъ, опредѣлявшій правила морской службы, а въ 1722 г. регламентъ адмиралтейства и верфи, который нормировалъ кораблестроеніе, морскую администрацію и хозяйство.

Реорганизація арміи и созданіе флота вызвали значительныя затраты государственной казны и должны были отразиться значительными послѣдствіями на состояніи государственнаго хозяйства.

До насъ дошло нѣсколько росписей государственныхъ доходовъ и расходовъ изучаемаго времени. Сохранился бюджетъ 1680 г., затѣмъ бюджеты первыхъ 10 лѣтъ XVIII в. и, наконецъ, бюджеты нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ царствованія Петра. Сравнивая ихъ между собою, мы видимъ, какими явленіями въ области государственнаго хозяйства сопровождалась реформа. Военнымъ преобразованіямъ принадлежитъ въ этихъ явленіяхъ первое по степени вліянія мѣсто. Военная оборона была главнѣйшею задачею всей дѣятельности Московскаго государства, и расходы на армію всегда составляли огромный процентъ въ бюджетѣ. Вызванныя войной преобразованія Петра повели къ значительному увеличенію и абсолютной

и относительной цифры военныхъ расходовъ. Въ 1680 г. общая сумма расходовъ достигала всего 1.500.000 р., изъ этой суммы на нужды арміи шло 750.000 р., т.-е. ровно половина; въ 1701 г. всего расходовъ было произведено 2.500.000 р., на армію и флотъ въ этомъ числѣ 1.964.000 р., т.-е. больше 75%; въ 1710 г. всего расходовъ было 3.834.000 р., изъ этого числа на армію и флотъ 3.010.000, т.-е. болѣе 80%.

Остальные расходы сравнительно съ военными занимаютъ болѣе чѣмъ скромное мѣсто въ бюджетѣ. На счетъ личной умѣренности Петра слѣдуетъ отнести значительное сокращеніе расходовъ по со-

Кабинетъ Екатерины I въ Домикѣ Петра Великаго въ Лѣтнемъ саду въ Петербургѣ (длина 10 арш., ширина 8½ арш.).

держанію двора. Въ бюджетѣ 1680 г. этотъ расходъ занимаетъ второе мѣсто послѣ военнаго (15%) 224.366 р., Петръ низводитъ его ровно вдвое къ 1701 г. — 101.406 руб., а относительное его значеніе падаетъ къ тому же времени еще ниже (4,4%). По свидѣтельству Котошихина на одну только рыбу на обиходъ царскаго двора тратилось болѣе 100 тысячъ руб.; при Петрѣ все содержаніе двора (кромѣ построекъ) обходилось въ ту же сумму. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ его бюджетахъ, хотя и очень робко, появляется одинъ расходъ, неизвѣстный прежнимъ бюджетамъ, именно расходъ на народное образованіе. Въ бюджетѣ 1701 г. онъ достигалъ едва одной седьмой процента, въ 1724 г. этотъ расходъ вырастаетъ до одной трети про-

цента. Величайшаго напряженія военные расходы достигаютъ къ 1710 г., т.-е. къ моменту перелома въ ходѣ Сѣверной войны. Бюджетъ въ этотъ годъ былъ составленъ съ дефицитомъ въ 500.000 р.

Чтобы покрывать эти съ такой быстротой растущіе расходы, правительство Петра должно было усиливать эксплуатацію старыхъ источниковъ дохода и изыскивать новые.

Доходы получались путемъ взиманія налоговъ, прямыхъ и косвенныхъ, отъ монетной регаліи и нѣсколькихъ монополій. Прямые налоги, какъ припомнимъ, подраздѣлялись на обыкновенные (повсегодные) и чрезвычайные (запросные), каковыми являлись сборы пятой, десятой, иногда и двадцатой деньги; обыкновенные прямые доходы доставляли одну треть всей суммы собираемыхъ доходовъ; изъ косвенныхъ налоговъ таможенные сборы и кабацкіе давали до 45% всего бюджета доходовъ. Суммы остальныхъ сборовъ точно установлены быть не могутъ.

По всѣмъ этимъ статьямъ доходы возрастаютъ при Петрѣ. Правительство увеличиваетъ размѣры хозяйственныхъ операцій страны и доводитъ платежную способность народа до высшей степени напряженія; оно значительно расширяетъ сферу казенныхъ монополій, включая въ нее новые предметы потребленія: табакъ и соль. Соль стала предметомъ исключительной казенной продажи съ 1705 г., при чемъ она пущена была по цѣнѣ вдвое дороже той, по которой ее ставили подрядчики въ казну, а послѣдніе ставили ее по $10^1/_2$ коп. за пудъ. Дороговизна соли, бывшая уже причиной бунта въ половинѣ XVII в., въ царствованіе Петра была, разумѣется, одною изъ причинъ народнаго недовольства. Монетная операція производилась въ большихъ размѣрахъ; не только перечеканивалась съ прибылью полноцѣнная иностранная монета на русскую, но скупалась хорошая высокопробная русская монета и переливалась въ плохую низкопробную по той же номинальной цѣнѣ. Эту цѣну, однако, не удалось удержать принудительно, и деньги упали на 50%, что выразилось возвышеніемъ цѣнъ на всѣ товары и служило также одною изъ причинъ народнаго раздраженія. Статьи промысловыхъ сборовъ, пошлинъ и косвенныхъ налоговъ давали при Петрѣ значительное увеличеніе доходовъ, благодаря умноженію числа сборовъ, повышенію самаго обложенія и большей отчетливости взиманія. Повышены были размѣры платежа съ промысловъ, облагавшихся и прежде: съ рыбныхъ ловель, мельницъ, бортей, мостовъ и перевозовъ, установленъ былъ новый сборъ съ бань. Сначала предполагалось уничтожить всѣ частныя бани въ городахъ и сохранить только торговыя, чтобы обложить этотъ промыселъ особымъ сборомъ, но затѣмъ, такъ какъ почти въ каждомъ городскомъ хозяйствѣ, такъ же какъ и въ деревенской усадьбѣ, имѣлась своя особая баня, рѣшено было ихъ сохранить, наложивъ на нихъ плату въ размѣрѣ трехъ руб., рубля или 15-ти коп., смотря по сословному положенію обывателя. Къ преж-

нимъ пошлинамъ: судной (за отправленіе правосудія) и печатной (за приложеніе печати къ выдаваемымъ правительственными мѣстами актамъ) присоединена была гербовая, предложенная прибыльщикомъ Курбатовымъ. Администрація косвенныхъ сборовъ—таможеннаго (10% съ цѣны продаваемыхъ товаровъ) и кабацкаго за продаваемое изъ казны вино, бывшее также предметомъ казенной монополіи—оставалась тою же, какою была и въ XVII в., т.-е. поручалась выборнымъ изъ посадскаго населенія таможеннымъ и кабацкимъ бурмистрамъ, какъ стали теперь называться прежніе таможенные и кабацкіе вѣрные головы съ цѣловальниками. Такъ какъ

«Кофейная» въ Домикѣ Петра Великаго въ Лѣтнемъ саду въ Петербургѣ (длина 9 арш., ширина 7 арш.).

служба этихъ бурмистровъ и цѣловальниковъ была повинностью посадскаго населенія, то взиманіе этихъ сборовъ ничего не стоило казнѣ.

Наиболѣе важныя и сложныя мѣры были приняты относительно прямыхъ податей. Во-первыхъ, ихъ число и даваемыя ими средства увеличивались установленіемъ постоянно все новыхъ и новыхъ чрезвычайныхъ (запросныхъ) налоговъ, которыхъ правительство требовало на удовлетвореніе различныхъ то и дѣло возникавшихъ нуждъ: на провіантъ для флота, на провіантъ собраннымъ для постройки Петербурга работникамъ, на покупку дра-

гунскихъ лошадей, на постройку Кроншлотской или Архангельской крѣпости и т. п. Установлено было и нѣсколько новыхъ, обыкновенныхъ прямыхъ (повсегодныхъ) налоговъ, напримѣръ, платежи въ военный приказъ, въ адмиралтейскій приказъ, «на дѣло кирпича» и т. п. Во-вторыхъ, правительство старалось точнѣе регистрировать податную единицу, съ которой взимались прямые налоги. Такою податною единицею въ послѣдней четверти XVII в. сдѣлался посадскій и крестьянскій дворъ. Время отъ времени правительство предпринимало переписи этихъ дворовъ; послѣдняя такая перепись состоялась въ 1678 г.; ею и руководилось въ своихъ финансовыхъ операціяхъ правительство Петра. Предполагая значительное увеличеніе народонаселенія, оно въ 1710 г. предприняло новую подворную перепись, отъ которой ожидало значительнаго прироста податныхъ единицъ-дворовъ. Но къ удивленію перепись дала противоположные результаты: въ сѣверныхъ и среднихъ губерніяхъ, тогда наиболѣе населенныхъ, не только не обнаружилось прибыли населенія, но оказалась значительная убыль: по всей Россіи переписныя книги 1678 г. насчитывали 789.311 дворовъ тяглыхъ, перепись 1710 г. насчитала 635.412 дворовъ, т.-е. почти на $^1/_5$ меньше. По отдѣльнымъ мѣстностямъ процентъ убыли былъ еще больше. Такъ, по Архангельской и Петербургской губерніямъ онъ доходилъ до 40, а по затронутой войною Смоленской — до 52,7.

На такой характеръ движенія населенія оказали свое дѣйствіе усиленные наборы рекрутъ и работниковъ, которые были сдѣланы въ первые годы Сѣверной войны и вытягивали изъ населенія значительное количество молодыхъ людей, массами затѣмъ погибавшихъ въ сраженіяхъ или вслѣдствіе сильно распространенной болѣзненности на корабляхъ и въ рекрутскихъ партіяхъ на пути въ армію. Громадная смертность развита была также среди работниковъ, собранныхъ для постройки Петербурга, Кронштадта и Ладожскаго канала, вслѣдствіе плохихъ санитарныхъ условій, въ которыхъ имъ приходилось работать. Масса населенія, раздраженная тягостью повинностей, налагаемыхъ государствомъ, бѣжала въ тѣ мѣстности, гдѣ бѣглецы расчитывали укрыться отъ сборщика податей. Колонизація юго-восточныхъ и южныхъ окраинъ значительно усилилась въ это время благодаря бѣгству русскаго крестьянина съ сѣвера и изъ центра, начавшемуся, впрочемъ, еще ранѣе. Благодаря бѣгству значительной долѣ населенія удалось уйти на время отъ слишкомъ тяжело давившаго государства и не попасть въ переписныя книги. Разочарованное результатами переписи 1710 г. правительство приписало обнаруженную ею убыль податной единицы неточности пріемовъ переписи и небрежности переписчиковъ. Взиманіе податей велѣно было продолжать по старымъ книгамъ царя Ѳеодора, что̀ въ значительной мѣрѣ отягчало тѣ мѣстности, гдѣ убыль населенія была дѣйствительнымъ фактомъ, а вскорѣ послѣ этой переписи предпринята была

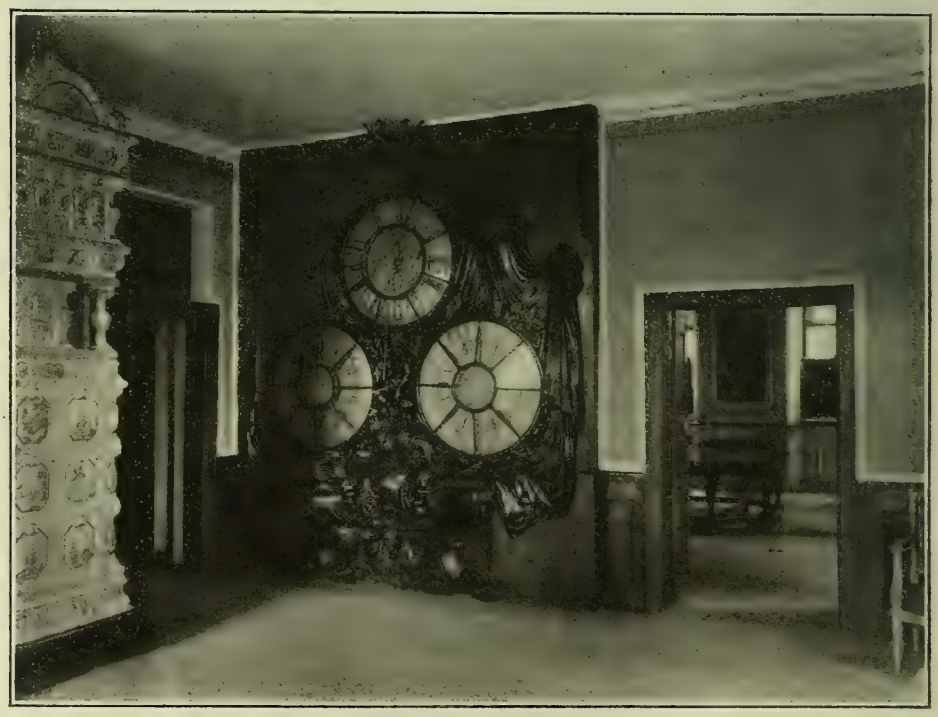
новая, производившаяся ландратами и потому называемая «ландратской» (1716—1719).

Третьей мѣрой относительно прямыхъ податей являлось введеніе новой единицы обложенія, той, изъ совокупности которыхъ составлялся крестьянскій дворъ: отдѣльной крестьянской души. Мысль о подушной подати давно уже занимала Петра; она же подсказывалась ему проектами, частью доходившими до нея самостоятельнымъ путемъ, частью переносившими въ Россію черты французскаго податного устройства. Эта мысль переходитъ въ ноябрѣ 1718 г. въ положительное рѣшеніе: еще не окончена была подвор-

Спальня въ Домикѣ Петра Великаго въ Лѣтнемъ саду въ Петербургѣ (длина $7^1/_2$ арш., ширина 7 арш., вышина $4^3/_4$ арш.).

ная ландратская перепись, какъ предписано было произвести новою поголовную перепись тяглаго населенія. «Взять сказки у всѣхъ,— писалъ Петръ въ указѣ 26 ноября 1718 г.,—дать на годъ сроку, чтобъ правдивыя принесли, сколько у кого въ которой деревнѣ душъ мужского пола, объявя имъ то, что кто что утаитъ, то отдано будетъ тому, кто объявитъ о томъ». Эта перепись возложена была на мѣстную администрацію. Подача сказокъ затянулась, однако, гораздо долѣе годового срока. Когда, наконецъ, стали поступать сказки, въ нихъ обнаруживались признаки утайки душъ, вызванной желаніемъ уменьшить податное бремя. Это повело къ назначенію

«ревизіи», т.-е. пересмотра переписи, принявшаго крайне тяжелый характеръ: въ губерніи были разосланы генералы съ цѣлыми отрядами штабъ и оберъ-офицеровъ, снабженные очень обширными полномочіями. Эти военныя комиссіи провѣряли перепись и безпощадно расправлялись съ укрывателями душъ. За военнымъ переписчикомъ двигался палачъ съ кнутомъ и висѣлицей, такъ какъ утайка наказывалась смертной казнью. Цифра утаенныхъ оказалась дѣйствительно огромной. Въ шести губерніяхъ по сказкамъ насчитано было 3.036.906 душъ,—ревизія открыла еще 1.123.056, т.-е. болѣе чѣмъ на треть. Къ 1722 г. Петръ по даннымъ ревизіи приблизительно опредѣлилъ общее число крестьянскихъ душъ въ 5 милліоновъ. Расчетъ величины подушной подати былъ произведенъ ариѳметическимъ путемъ. Былъ высчитанъ расходъ на армію; онъ выразился въ круглой цифрѣ 4 милліона рублей: эти 4 милл. были распредѣлены на 5 милл. душъ, на каждую пришлось по 80 коп.— въ такомъ размѣрѣ подушная подать первоначально и была назначена. Въ 1724 г. установлена была, наконецъ, дѣйствительная цифра крестьянскихъ душъ: 5.401.000. По тому же расчету подушный окладъ былъ убавленъ до 74 к. На посадскихъ и государственныхъ крестьянъ къ первоначальной цифрѣ оклада въ 80 к. было прибавлено еще 40 к. оброчныхъ денегъ взамѣнъ тѣхъ взносовъ, которые помѣщичьи крестьяне платили своимъ помѣщикамъ. Такимъ образомъ помѣ-



Кабинетъ государя въ Домикѣ Петра Великаго въ Лѣтнемъ саду въ Петербургѣ (длина 7 арш., ширина 6 арш.).

Кухня въ Домикѣ Петра Великаго въ Лѣтнемъ саду въ Петербургѣ.

щичьи крестьяне должны были платить по 74 к. съ души, а посадскіе и государственные по 1 р. 20 к. съ души, такъ называемый 40-алтынный окладъ.

Введеніе подушной подати было одной изъ самыхъ прочныхъ реформъ Петра; подать эта просуществовала до царствованія Александра III. Введеніе ея сопровождалось цѣлымъ рядомъ послѣдствій и въ государственномъ хозяйствѣ, и въ народномъ, и въ соціальномъ строѣ. Въ первомъ она совершенно измѣнила видъ бюджета, стала въ немъ играть первенствующую роль, тогда какъ прежде эта роль принадлежала косвеннымъ налогамъ. Въ бюджетѣ 1724 г. весь государственный доходъ былъ исчисленъ въ 8,5 милл. рублей; изъ нихъ 4,6 милл. (54,1%) должна была дать подушная подать, тогда какъ на долю косвенныхъ налоговъ въ томъ же бюджетѣ приходилось 2,1 милл., т.-е. 25%.

На народное хозяйство она пала новой тяжестью. Современники говорятъ, что она была вдвое тяжелѣе прежнихъ налоговъ. Въ значительной степени ея тяжесть обусловливалась ея счетнымъ значеніемъ: ревизская душа стала счетной единицей. По числу этихъ душъ расчитывалась сумма подати, падавшая на имѣніе, на общину государственныхъ крестьянъ или на посадскую общину. Затѣмъ эта сумма въ имѣніяхъ и въ общинахъ разверстывалась между отдѣльными хозяйствами самимъ населеніемъ пропорціонально средствамъ

каждаго хозяйства. При той убыли населенія, которая замѣчалась на сѣверѣ и въ центрѣ Россіи, вслѣдствіе смертности и бѣгства крестьянъ, въ имѣніяхъ и въ общинахъ государственныхъ крестьянъ число наличныхъ душъ оказывалось всегда меньше числа ревизскихъ, а число дѣйствительныхъ плательщиковъ оказывалось всегда менѣе общаго числа наличныхъ душъ, такъ какъ значительную долю наличныхъ душъ составляли малолѣтніе, старики, больные и вообще неработоспособные и нищіе, такъ что вся тягость подати, расчитанной по числу душъ, записанныхъ въ ревизію, падала на сравнительно немногихъ дѣйствительныхъ плательщиковъ. Тяжесть подати увеличивалась еще крайне упрощеннымъ способомъ ея взиманія. Собирать ее должны были сами же полки, расквартированные съ окончаніемъ войны по деревнямъ: на каждый полкъ было назначено такое количество душъ, сборъ съ котораго равнялся суммѣ, необходимой на ежегодное содержаніе полка. Русская деревня должна была испытать теперь не только тяжесть подати, но и жестокость военныхъ экзекуцій, путемъ которыхъ стала взиматься подать. Подушная подать содѣйствовала въ деревнѣ развитію общиннаго землепользованія, такъ какъ крестьяне при каждой ревизіи,—а ревизіи повторялись приблизительно черезъ 20 лѣтъ,—стали передѣлять землю по душамъ.

Не менѣе важно было вліяніе подушной подати на общественный строй, хотя вообще Петръ Великій не былъ сознательнымъ соціальнымъ реформаторомъ, и тѣ измѣненія, которыя пришлось испытать соціальному строю въ его время, вовсе не были прямыми результатами какихъ-нибудь намѣренно построенныхъ имъ плановъ, а явились лишь косвенными послѣдствіями другихъ реформъ. Дѣйствіе подушной подати выразилось въ слѣдующемъ. Во-первыхъ, она затянула въ крѣпостную неволю значительное количество прежде свободныхъ людей, такъ называемыхъ «вольныхъ, гуляющихъ» людей, не тяглыхъ и не служилыхъ. Эти люди должны были или записаться въ службу или приписаться къ какому-либо изъ классовъ, обязанныхъ платить подушную: къ посадскимъ людямъ, къ государственнымъ крестьянамъ или къ помѣщичьимъ крѣпостнымъ, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ подушная подать сдѣлалась однимъ изъ источниковъ крѣпостного права. Во-вторыхъ, она внесла измѣненія въ самую сферу крѣпостного права, смѣшавъ прежде очень различные виды крѣпостныхъ людей: холоповъ и крестьянъ. Холопы до подушной не платили податей, считаясь полной собственностью, какъ бы вещами господина, не имѣя никакой связи съ государствомъ; крестьяне же, все болѣе становясь такою собственностью, продолжали платить подати и не разрывали все-таки связи съ государствомъ. Но уже въ послѣдней четверти XVII в. къ платежу податей былъ привлеченъ одинъ изъ видовъ холопства, «задворные люди», которые, получая отъ господъ отдѣльные пахотные участки, въ хозяйственномъ отношеніи

ничѣмъ не отличались отъ крестьянъ: они были внесены въ переписныя книги 1678 г. Законодательство о подушной подати пошло въ направленіи, первый шагъ въ которомъ былъ сдѣланъ XVII вѣкомъ, и закончило процессъ привлеченія холопства къ податямъ. Послѣдовательно одинъ за другимъ подвергались обложенію подушною всѣ виды холоповъ: сидѣвшіе на отдѣльныхъ участкахъ, затѣмъ работавшіе на барской пашнѣ и, наконецъ, жившіе въ деревенскихъ и городскихъ дворахъ, т.-е. дворня, прислуга. Подать падала одинаково на крестьянъ и на холоповъ. Она возвышала, слѣдовательно, холопа до крестьянина и понижала крестьянина до холопа, со-

Ассамблейная комната въ Екатерингофскомъ дворцѣ.

здавая единый классъ крѣпостныхъ людей, несвободныхъ, но и не теряющихъ связи съ государствомъ. Въ общемъ подушная подать рѣзко раздѣлила русское общество на двѣ группы: служилую и податную. Отношенія, сложившіяся между обѣими этими группами, можно обозначить такъ: все, что служило въ военной или гражданской службѣ, было свободно отъ подушной подати; все, что не служило, было обязано платить ее. Позже служилая группа, освободившись отъ обязательной службы, стала привилегированной, сохранивъ права и освободившись отъ обязанностей. Различія между привилегированными классами и податными уничтожаются лишь законодательствомъ нашихъ дней.

Предъявляя повышенные запросы къ обществу, вводя новые налоги и повышая старые, Петръ вмѣстѣ съ тѣмъ заботился о

повышеніи производительности народнаго труда путемъ развитія торговли и промышленности. Изъ мѣръ, принятыхъ относительно торговли, наиболѣе важны относящіяся къ внѣшней торговлѣ. Увеличеніемъ пошлинъ на товары, привозимые къ Архангельску, и пониженіемъ ихъ на товары, привозимые въ Петербургъ, Петръ достигъ того, что Петербургъ сталъ первымъ торговымъ портомъ. Въ 1726 г. въ Архангельскъ было привезено товаровъ всего на 36 тыс. руб., а въ Петербургъ — на 1.550 тыс., тогда какъ еще въ 1719 г. ввозъ въ Петербургъ болѣе чѣмъ вдвое уступалъ ввозу въ Архангельскъ. Для той же цѣли устраивались водные пути сообщенія, по которымъ должно было итти товарное движеніе между Петербургомъ и внутренними областями: каналы Вышневолоцкій, связавшій Неву съ бассейномъ Волги, и Ладожскій, для обхода бурнаго Ладожскаго озера. Сооруженіе послѣдняго потребовало много жертвъ и закончено было только въ царствованіе Анны.

Въ области промышленности наиболѣе важныя мѣры были приняты относительно фабрично-заводской промышленности, хотя законодательство Петра не забывало и сельскаго хозяйства. Такъ, напримѣръ, былъ изданъ законъ, предписывавшій снимать хлѣбъ косами вмѣсто жнитва серпами. Выписывались изъ-за границы улучшенныя породы скота и т. п.

Насажденіе крупной фабрично-заводской промышленности было одной изъ перемѣнъ, внесенныхъ въ русскую жизнь XVIII вѣкомъ. До тѣхъ поръ въ нашемъ отечествѣ существовало лишь мелкое кустарное производство, издавна сосредоточившееся въ томъ или другомъ районѣ, смотря по тому, какому промыслу благопріятствовали мѣстныя условія. Такъ, въ Новгородской области существовала кустарная желѣзодѣлательная промышленность; Суздальскій и Шуйскій уѣзды были извѣстны производствомъ холстовъ и полотенъ, которые приготовлялись на небольшихъ домашнихъ станкахъ въ крестьянскихъ избахъ. Въ различныхъ уголкахъ Россіи еще въ XVII в. замѣтна кустарная промышленность та же самая, которая гнѣздится тамъ и понынѣ: село Холуй (Владимірской губерніи) уже и тогда производило иконы; село Павлово (Нижегородской губерніи) выдѣлывало желѣзные замки и т. д. Это мелкое производство питало не только внутренній рынокъ, но составляло предметъ и заграничнаго отпуска. По свидѣтельству иностраннаго наблюдателя русской экономической жизни, Кильбургера, относящемуся къ 70-мъ годамъ XVII в., ежегодно отпускалось за границу болѣе 30 тысячъ аршинъ холста, и въ одинъ годъ было вывезено за границу черезъ Архангельскъ 168.500 арш. грубаго сукна, цѣна которому тогда была 5—6 коп. за аршинъ.

Для того, чтобы продукты кустарнаго производства изъ цѣлой сѣти мелкихъ струекъ, которыми была покрыта вся территорія тогдашней Россіи, сливались въ такое сравнительно обширное русло

заграничнаго отпуска — нужны были въ качествѣ двигателей значительные капиталы. Эти капиталы были уже налицо въ XVII в., но, будучи приложены въ торговлѣ, они не касались пока промышленности. Производство питало крупные торговые обороты, продолжая само оставаться мелкимъ. Московскіе капиталисты-гости вели, по словамъ Котошихина, торговые обороты до сотни тысячъ рублей, т.-е. свыше милліона на наши деньги. Но, охотно пуская деньги въ торговлю, они совершенно не умѣли вкладывать ихъ въ производство. Въ Московскомъ государствѣ XVII в. шла бойкая торговля и существовалъ значительный торговый классъ,

Одна изъ комнатъ Екатерингофскаго дворца.

но промышленность, кромѣ соляного промысла, который въ обширныхъ размѣрахъ вели сѣверные монастыри и Строгановы въ своихъ Сольвычегодскихъ и Соликамскихъ вотчинахъ, и кромѣ нѣсколькихъ заведенныхъ иностранцами при помощи казны фабрикъ и заводовъ, переживала мелкую форму и находилась всецѣло въ народныхъ рукахъ; класса фабрикантовъ Московское государство не знало. Переходъ отъ мелкаго производства къ крупному и притомъ отъ частнаго къ казенному или пользующемуся казенной поддержкой, отъ народной кустарной промышленности къ государственной фабрично-заводской былъ однимъ изъ наиболѣе замѣтныхъ экономическихъ явленій въ Россіи въ XVIII в.

Эта перемѣна вызывалась двумя причинами, изъ которыхъ одна имѣла реальный, практическій характеръ, другая идеїный,

теоретическій. Въ основѣ первой лежали нужды и потребности дѣйствительной жизни, въ основѣ второй—господствовавшіе въ то время политико-экономическіе взгляды. Первою была война, которая задала русской промышленности рядъ новыхъ и тяжелыхъ задачъ, требовавшихъ притомъ ускореннаго разрѣшенія. Война вызвала къ существованію огромную регулярную армію и совершенно новое явленіе—военный флотъ: явилась необходимость въ усиленномъ производствѣ предметовъ вооруженія и снаряженія; потребовалось огромное количество сапогъ, мундировъ, ружей, пушекъ, ядеръ, пороху, холоднаго оружія, канатовъ, парусовъ и множество другихъ вещей, необходимыхъ для военнаго и морского дѣла. Существовавшіе ранѣе кустарные промыслы не могли удовлетворительно справиться съ новыми и внезапными запросами ни по количеству, ни по качеству. Ихъ продуктовъ было недостаточно, и многіе изъ нихъ не годились для арміи: сапоги изъ приготовленной съ дегтемъ кожи промокали сукно было слишкомъ грубо для мундировъ; иныхъ отраслей промышленности, въ которыхъ теперь почувствовалась нужда, и совсѣмъ не существовало, а между тѣмъ война сокращала и частью пресѣкала иностранный ввозъ. Такимъ образомъ ставились на очередь три задачи: расширять, усовершенствовать, а въ значительной мѣрѣ и создавать вновь различныя отрасли производства. За эти задачи взялось само государство, учреждая или содѣйствуя учрежденію фабрикъ и заводовъ, насаждая промышленность въ крупномъ видѣ и основывая ее на крупномъ капиталѣ.

Такое участіе государства въ экономической жизни страны не совсѣмъ было новостью; новою была только та отрасль экономической жизни, въ которой оно проявилось теперь. Прежде, въ XVII в., государство занималось торговлей, отъ своего лица вело крупныя коммерческія сношенія съ иностранными купцами въ Архангельскѣ, сбывая имъ цѣлый рядъ товаровъ, объявляемыхъ предметами казенной монополіи. Таковы были мѣха, селитра, поташъ, смольчугъ, паюсная икра, моржевый зубъ. Казна продавала также за границу громадное количество хлѣба, и только послѣ того, какъ она оканчивала свои торговыя операціи съ иностранцами, могли открывать свой торгъ частные купцы. Теперь къ этому участію государства въ торговлѣ присоединялось также участіе въ промышленности, и такимъ образомъ государство становилось не только крупнымъ торговцемъ, но и крупнымъ заводчикомъ.

Такой ходъ вещей, вызванный практическими надобностями, какъ нельзя болѣе совпадалъ съ тогдашними теоретическими взглядами. Тогда господствовала такъ называемая меркантилистическая теорія—ученіе, по которому богатство страны заключается въ деньгахъ, въ драгоцѣнныхъ металлахъ: страна тѣмъ богаче, чѣмъ больше въ ней золота и серебра. Отсюда цѣль экономической политики государства: привлечь въ страну какъ можно болѣе драгоцѣннаго

металла. Средствомъ для этого признавалось расширеніе вывоза, притомъ вывоза сфабрикованныхъ предметовъ предпочтительно предъ вывозомъ сырья, и сокращеніе ввоза такъ, чтобы разница между вывозомъ и ввозомъ оплачивалась деньгами, притекающими тогда въ страну. Для сокращенія ввоза устанавливается высокій таможенный тарифъ. Для расширенія вывоза государство — то всеобъемлющее и всеорганизующее государство, которое возникаетъ въ эпоху перехода отъ натуральныхъ хозяйственныхъ отношеній къ денежнымъ и теорія котораго развивается изъ теоріи меркантилизма, служа ей завершеніемъ — предпринимаетъ рядъ мѣръ къ усиленію

Залъ совѣта въ Екатерингофскомъ дворцѣ въ Петербургѣ.

производства. Оно учреждаетъ фабрики, поощряетъ учрежденіе ихъ частными лицами, снабжая предпринимателей средствами, обезпечивая имъ сбытъ продуктовъ казенными заказами и предоставляя имъ разнаго рода льготы и выгоды. Давая частной промышленности средства, государство сохраняетъ за собой контроль надъ этой промышленностью и подчиняетъ ее самой мелочной регламентаціи, держа ее подъ постоянной опекой.

Вообще, Петръ Великій ни въ чемъ не былъ теоретикомъ, ничто не давалось ему съ такимъ трудомъ, какъ отвлеченныя теоріи. Но идеи меркантилизма были тогда ходячими идеями; ихъ

Жалованная грамота Петра Великаго стольнику П. А. Толстому.
(Образчикъ русской орнаментистики начала XVIII в.).
Хранится въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

практическое приложеніе онъ могъ хорошо наблюдать за границей, главнымъ образомъ во Франціи, фабриками и заводами которой онъ особенно интересовался и промышленность которой была наиболѣе проникнута началами меркантилизма. Духъ и взгляды родоначальника этого ученія, Кольбера, были еще живы въ парижскихъ и версальскихъ мануфактурахъ въ 1717 г., когда ихъ посѣщалъ Петръ. Въ своей экономической политикѣ онъ держался тѣхъ же пріемовъ. Высокими таможенными пошлинами по тарифу 1724 г., доходившими до $37^1/_2{}^0/_0$ съ цѣны привозимыхъ товаровъ, онъ стѣсняетъ ввозъ иностранныхъ продуктовъ. Въ то же время онъ заводитъ крупную промышленность и усиленно поддерживаетъ отечественное производство. Что принятыя имъ мѣры къ развитію фабричной промышленности вызывались не однѣми только военными потребностями, а имѣли болѣе широкое значеніе и были именно практическимъ приложеніемъ идей меркантилизма, видно изъ того, что Преобразователь создавалъ и поощрялъ различныя производства, не относившіяся къ арміи, флоту или вообще къ военному дѣлу. Такъ, напримѣръ, основывались шелковыя, бархатныя, ленточныя, кружевныя фабрики, шпалерная фабрика въ Петербургѣ для выдѣлки гобеленовъ по образцу французскихъ и т. п. Разумѣется, Петръ не шелъ такъ далеко, чтобы, поднимая русское фабричное производство, мечтать о вывозѣ русскихъ фабрикатовъ за границу, но онъ руководился, по крайней мѣрѣ, мыслью дать возможность странѣ обходиться продуктами своей обрабатывающей промышленности и этимъ сократить иностранный ввозъ.

Двѣ задачи предстояло разрѣшить правительству при основаніи разнаго рода крупныхъ производствъ: во-первыхъ, сосредоточить потребный для учрежденія фабрикъ и заводовъ капиталъ, во-вторыхъ, организовать необходимый для нихъ трудъ. Важнымъ средствомъ для организаціи капитала должно было служить соединеніе частныхъ предпринимателей въ промышленныя компаніи. На неумѣнье русскихъ купцовъ складываться и составлять товарищества жаловался еще Ординъ-Нащокинъ. Правительству Петра предстояло не только передвигать капиталы съ торговли на производство, но и составлять самые капиталы путемъ организаціи товариществъ. Въ видѣ примѣра, для подражанія другимъ, была составлена такая компанія изъ приближенныхъ къ царю лицъ Шафирова, Толстого и Меншикова для производства шелку, бархату и другихъ подобныхъ матерій. Но примѣръ оказался не изъ удачныхъ: Шафировъ скоро поссорился съ Меншиковымъ, Петръ былъ принужденъ исключить послѣдняго изъ компанейщиковъ и замѣнилъ его Апраксинымъ, отъ чего, впрочемъ, дѣло не пошло лучше.

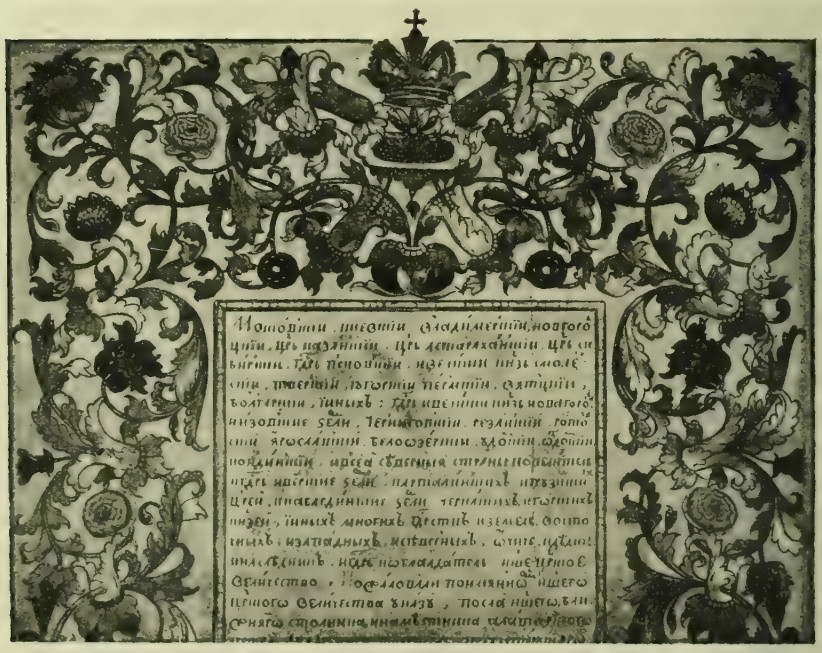
Насаждая промышленность, государство дѣйствовало двоякимъ образомъ: или оно само непосредственно выступало предпринимателемъ и учреждало казенные заводы и фабрики, или содѣйствовало частной предпріимчивости, поощряя ее разнаго рода облег-

ченіями и льготами. Основавъ фабрику, снабдивъ ее всѣмъ необходимымъ и пустивъ ее въ ходъ, казна затѣмъ сдавала ее въ аренду «содержателямъ». Такая аренда казенной фабрики была тогда наиболѣе распространенной формой участія частныхъ лицъ въ промышленности; она соединяла казенную иниціативу съ частной предпріимчивостью. Льготы, которыми государство снабжало частныхъ предпринимателей, открывавшихъ свои заводы и фабрики, и казенныхъ арендаторовъ, заключались въ слѣдующемъ. Посадскіе люди освобождались на нѣкоторое число лѣтъ отъ всякихъ службъ, лежавшихъ на ихъ классѣ, при чемъ обыкновенно на практикѣ это освобожденіе затягивалось и сверхъ срока. Для фабрикантовъ и заводчиковъ, ихъ семей и рабочихъ устанавливалась по гражданскимъ дѣламъ особая подсудность мануфактуръ-коллегіи или бергъ-коллегіи, а для нѣкоторыхъ прямо сенату; эта подсудность избавляла ихъ отъ злоупотребленій общей юстиціи; для другихъ классовъ общества она была очень тягостной, такъ какъ затрудняла возбужденіе исковъ противъ фабрикантовъ. Кромѣ этихъ личныхъ преимуществъ, фабриканты и заводчики получали рядъ матеріальныхъ выгодъ для самаго производства. Издѣлія фабрикъ и заводовъ освобождались при продажѣ отъ пошлинъ; были случаи установленія монополіи въ пользу опредѣленной компаніи. Такъ, упомянутое выше товарищество Шафирова и Толстого получило исключительное право на производство шелковыхъ и бархатныхъ матерій. Для большинства фабрикъ государство являлось и наиболѣе значительнымъ покупателемъ. Наконецъ, оно приходило на помощь предпринимателямъ прямо съ денежными субсидіями, выдавая безпроцентныя денежныя ссуды на опредѣленное число лѣтъ съ обязательствомъ погасить долгъ продуктами производства.

Таковы были пріемы государства для разрѣшенія первой задачи— для привлеченія капиталовъ къ промышленности. Онъ дѣйствовало тутъ «не предложеніемъ только, но и принужденіемъ», какъ писалъ Петръ, т.-е. составляло компаніи, не освѣдомляясь о желаніи зачисляемымъ въ нихъ членовъ и отдавая въ аренду казенныя фабрики торговымъ людямъ, «хотя и неволею», какъ сказано въ одномъ указѣ. Эти старанія не оставались безъ успѣха: капиталы привлекались и организовывались, являлись отдѣльные предприниматели и устраивались компаніи. Труднѣе было справляться съ организаціей другого необходимаго элемента производства—труда. Къ нему крупная фабрика предъявляла повышенный запросъ, притомъ какъ со стороны его качества, такъ и со стороны его количества. Не слѣдуетъ забывать, что до открытія силы пара и изобрѣтеній паровыхъ двигателей и машинъ фабрика XVIII в. была преимущественно мануфактурой, на ней почти все производилось ручнымъ трудомъ и требовало гораздо болѣе искуснаго работника, чѣмъ какой нуженъ при машинѣ, замѣняющей значительную долю человѣческаго искусства въ работѣ и нуждающейся только во вни-

мательномъ наблюденіи и тщательномъ уходѣ за собой. Поэтому вмѣстѣ съ созданіемъ фабрикъ предприниматели должны были создавать и фабричнаго рабочаго, подготовляя его выучкой. Но главная трудность состояла даже не въ томъ, чтобы его обучить, а въ томъ, чтобы его найти. Лучшей рабочей силой для этихъ мануфактуръ былъ свободный трудъ вольнонаемнаго работника, и это уже начинали сознавать предприниматели того времени. Тѣмъ не менѣе, фабрика XVIII в. принуждена была пользоваться несвободнымъ трудомъ вслѣдствіе недостатка свободныхъ рукъ при тогдашнемъ крѣпостномъ строѣ, и даже предпочитала его, потому что она затрачивала средства на подготовку и обученіе рабочаго и слишкомъ много теряла въ немъ въ случаѣ его ухода. Въ общую систему покровительства фабрично-заводской промышленности при Петрѣ входили также мѣры къ обезпеченію ея несвободнымъ трудомъ. Въ этихъ мѣрахъ замѣтны два взгляда на значеніе фабрично-заводской работы. Во-первыхъ, она пріобрѣла характеръ наказанія: заводъ и фабрика стали тюрьмой, куда направлялись преступные элементы. Еще въ 1699 г. тюменскому воеводѣ было предписано назначать въ работу на кирпичныхъ заводахъ «татей, мошенниковъ и пропойцъ», сковывая по два человѣка шейными и ножными желѣзами. Въ 1701 г. нерчинскій воевода получилъ предписаніе для той же цѣли назначать ссыльныхъ. Въ одномъ изъ писемъ къ Ромодановскому Петръ проситъ его доставить человѣкъ 200 воровъ, необходимыхъ для работы. Нѣкоторую часть рабочаго персонала на полотняныхъ и парусныхъ заводахъ составляли такъ называемыя «винныя бабы и дѣвки», — женщины, отправленныя туда въ наказаніе. Регламентъ главнаго магистрата предписывалъ въ городахъ учреждать на городскія средства особые «прядильные домы», въ которые заключать «неистовый женскій полъ». Во-вторыхъ, трудъ на фабрикѣ и заводѣ разсматривается, какъ видъ повинности. Законодательство Петра, преслѣдуя и стараясь искоренить классъ вольныхъ людей, не занятыхъ никакою службою, предписывало всякаго рода «гулящихъ людей», нищихъ и праздношатающихся отдавать на фабрику. Эти элементы получили названіе «вѣчно отданныхъ на фабрику» и стали принадлежать фабрикѣ потомственно. Такъ появились особые крѣпостные, принадлежащіе фабрикамъ. Въ знаменитомъ законѣ 18 января 1721 г. эта мѣра получила широкій характеръ: купцамъ разрѣшалось покупать къ фабрикамъ и заводамъ цѣлыя деревни крѣпостныхъ крестьянъ; но такія деревни въ отличіе отъ дворянскихъ становились принадлежностью именно фабрикъ, какъ учрежденій, а не собственностью ихъ владѣльцевъ и безъ фабрикъ не могли быть отчуждаемы; впослѣдствіи эти крѣпостные получили названіе поссессіонныхъ крестьянъ. Владѣніе ими до извѣстной степени сглаживало разницу между обоими этими классами, дворянствомъ и фабрикантами, въ правахъ. Легко замѣтить, какая черта Петровской фабрики легла въ основу пожалованія купечеству

правъ, принадлежавшихъ прежде только служилымъ людямъ: занятіе фабрично-заводскою промышленностью разсматривалось какъ государственная служба, и собственники или «содержатели» крупныхъ фабрикъ стали получать чины по табели о рангахъ. Эта служба со времени закона 1721 г. стала поддерживаться тѣми же средствами которыми до тѣхъ поръ поддерживалась военная и гражданская служба, т.-е. землею съ крѣпостнымъ населеніемъ. Фабриканты и заводчики получили передъ помѣщиками даже особыя преимущества въ крѣпостномъ правѣ: въ 1722 г. имъ было разрѣшено не выдавать бѣглыхъ крѣпостныхъ, поступившихъ къ нимъ



Второй листъ (верхняя половина) грамоты П. А. Толстому.
(См. стр. 252).

на фабрики, и позже, въ комиссіи 1767 г. дворянство указывало на фабрику, какъ на главный каналъ для крестьянскихъ побѣговъ.

Всѣ эти старанія, направленныя къ насажденію и развитію фабрично-заводской промышленности, дали уже при Петрѣ замѣтные результаты. Наиболѣе видные успѣхи сдѣлала металлургическая промышленность. Ея районы были уже предуказаны ранѣе, и теперь капиталъ шелъ туда разыскивать до-петровскаго кустаря. Капиталъ преобразилъ производство: мелкіе домашніе горны уступили мѣсто крупнымъ заводамъ, на которыхъ прежній кустарь является въ видѣ рабочаго. Крупные заводы были основаны въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ, какъ мы видѣли, добывалась и обрабатывалась руда уже и раньше. Таковы были Петровскіе и Повѣнецкіе

желѣзные заводы въ Олонецкомъ краѣ, тульскіе казенные заводы и частные Демидова и Баташева. Особенно широкое развитіе стала получать металлургическая промышленность въ горномъ округѣ по обѣ стороны Урала по верховьямъ Камы въ Кунгурскомъ и Соликамскомъ уѣздахъ и по верховьямъ рѣкъ, входящихъ въ систему Оби, въ Верхотурскомъ и въ Екатеринбургскомъ уѣздахъ. По одной изъ многочисленныхъ вѣдомостей, хранящихся въ кабинетныхъ бумагахъ Петра, въ 1718 г. было всего выплавлено на

Бронзовый бюстъ Петра Великаго въ Зимнемъ дворцѣ.

русскихъ заводахъ 6.641 тыс. пудовъ чугуна, изъ которыхъ 868 т. (13%) на казенныхъ заводахъ, а остальное количество (87%) на частныхъ. Такая масса добываемаго металла позволяла безъ труда вооружать армію и флотъ и вести Сѣверную войну оружіемъ собственнаго изготовленія.

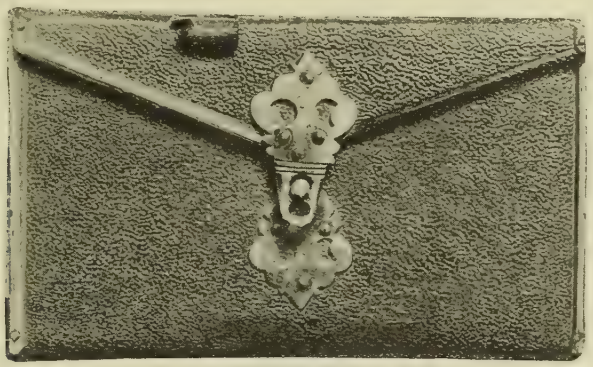
Менѣе успѣшно, чѣмъ горное дѣло, шло суконное производство. Уже въ началѣ XVIII в. въ Москвѣ заведены были частныя суконныя фабрики посадскихъ людей Сѣрикова и Дубровскаго, и въ 1705 г. Петръ съ радостью писалъ Меншикову, что «сукна

дѣлаютъ и умножается сіе дѣло изрядно и плодъ даетъ Богъ изрядный, и я сдѣлалъ себѣ кафтанъ изъ него къ празднику». Въ одномъ указѣ 1712 г. высказывается даже мысль о томъ, что лѣтъ черезъ пять суконное дѣло до такой степени разовьется, что для обмундированія арміи можно будетъ обойтись русскимъ сукномъ, не покупая заграничнаго. Число суконныхъ фабрикъ дѣйствительно росло. Одѣть всю армію только русскимъ сукномъ Петру, однако, не удалось, и правительство принуждено было прикупать для этой цѣли нѣкоторое количество нѣмецкаго сукна.

Полотняное дѣло было однимъ изъ самыхъ развитыхъ уже и до Петра, благодаря распространенію культуры льна и пеньки въ крестьянскомъ хозяйствѣ и несложности самаго процесса производства, вполнѣ доступнаго домашнимъ средствамъ. Кустарная выдѣлка полотна въ тѣхъ же районахъ, гдѣ и въ наши дни сосредоточивается прядильное и ткацкое производства, какъ льняное (ярославскій уѣздъ), такъ и хлопчато-бумажное (суздальскій, иваново-вознесенскій и шуйскіе районы), была настолько сильна, что могла бы свободно конкурировать съ фабрикой; но регламентирующее законодательство Петра нанесло этой отрасли кустарной промышленности тяжелый ударъ. Заботясь объ увеличеніи вывоза русскихъ полотняныхъ издѣлій за границу и совершенно не будучи знакомъ съ условіями домашняго производства, Петръ издалъ указъ, чтобы ширина выдѣлываемыхъ въ Россіи полотенъ вполнѣ соотвѣтствовала заграничной и воспретилъ, подъ страхомъ обычныхъ тогда суровыхъ взысканій, выдѣлку узкаго полотна, какое вырабатывалось кустарями. По провинціямъ изъ мѣстныхъ служилыхъ людей были назначены мануфактуръ-коллегіей особые надзиратели за соблюденіемъ этихъ законовъ, «дворяне у присмотру пенечнаго дѣла дѣланія широкихъ полотенъ», какъ они офиціально назывались. Между тѣмъ дѣлать широкія полотна указанныхъ въ законѣ размѣровъ, въ аршинъ съ четвертью и въ $1^1/_2$ аршина, домашнимъ способомъ оказывалось совершенно невозможнымъ по той простой причинѣ, что станки, необходимые для сукна такой ширины, не помѣщались въ тогдашнихъ крестьянскихъ избахъ. Широкія полотна могли выдѣлываться только на фабрикахъ, которыя стали заниматься также производствомъ тонкаго, высшихъ сортовъ, полотна, какого не умѣли дѣлать кустари.

Подведемъ теперь итоги сказанному о фабрично-заводской промышленности при Петрѣ. До Петра преобладающею формой промышленности было мелкое кустарное производство. Съ XVIII вѣка правительство начинаетъ искусственно насаждать крупную промышленность, вызванную казенными, главнымъ образомъ, военными нуждами и опирающуюся на современные меркантилистическіе взгляды. Удовлетворяя казенныя потребности, эта промышленность получила казенный характеръ. Оба элемента производства—и капиталъ, и трудъ—были организованы государствомъ въ значительной

степени принудительнымъ путемъ. Правительство принудительно переводило частные капиталы изъ торговли въ промышленность и насильственно организовало капиталы, составляя компаніи, снабжаемыя казенными субсидіями. Оно же устраивало трудъ на фабрикахъ и заводахъ, придавая ему тѣ же несвободныя формы, въ какихъ онъ уже дѣйствовалъ въ земледѣльческой промышленности, закрѣпощая его фабрикѣ такъ же, какъ онъ былъ закрѣпощенъ землевладѣльцу. Такъ же, какъ и современная ей вотчина, петровская фабрика обязана была службой, работая крѣпостнымъ трудомъ. Успѣхи фабрично-заводской промышленности были на первыхъ порахъ быстры, но не прочны. Сдѣлавъ порывистое движеніе впередъ при Петрѣ, благодаря энергичной поддержкѣ, эта промышленность затѣмъ слабѣетъ и развивается очень туго, постоянно нуждаясь въ самой заботливой правительственной опекѣ.

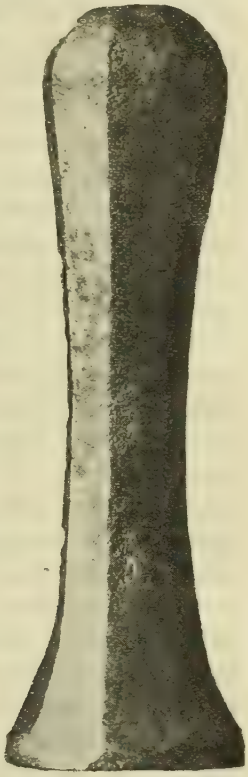


Записная книжка Петра Великаго.
Хранится въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Другимъ средствомъ для вооруженія труда, для поднятія его производительности было образованіе. Петру и принадлежитъ созданіе школьной организаціи въ Россіи, и въ этомъ отношеніи, такъ же, какъ и въ фабрично-заводской промышленности, онъ получилъ отъ предшественниковъ лишь незначительное наслѣдство. При Софьѣ, какъ мы уже знаемъ, была открыта высшая школа — академія, сначала называвшаяся Еллино-Славянской, потомъ Латино-Славянской и, наконецъ, Славяно-Греко-Латинской. По первоначальному замыслу, это должно было быть высшее общеобразовательное училище; но на практикѣ изъ академіи создалась спеціальная богословская школа. Ближайшимъ поводомъ къ открытію академіи, помимо давно уже ощущавшейся потребности въ образованіи, было желаніе начать борьбу съ вольномысліемъ, съ равнодушіемъ къ православію и со склонностью къ католицизму, которая стала замѣчаться въ Москвѣ подъ вліяніемъ близкихъ отношеній съ Польшею.

Во главѣ академіи были поставлены греки, братья Софроній и Іоанникій Лихуды, присланные константинопольскимъ патріархомъ. Греческій языкъ, въ которомъ видѣли оплотъ православія противъ латинскихъ заблужденій, былъ положенъ въ основу преподаванія въ академіи. Лихуды, однако, дѣйствовали недолго. Они навлекли на себя чѣмъ-то неудовольствіе новаго патріарха Адріана и были отставлены въ 1694 г. Съ ихъ удаленіемъ академія пришла въ упадокъ. Ея внѣшность съ обрушившимся потолкомъ и развалившимися печами служила иллюстраціей и ея внутренняго состоянія. Петръ думалъ первоначально возстановить академію, расширивъ кругъ преподаваемыхъ въ ней наукъ, но потомъ бросилъ эту мысль. Въ первые годы реформы ему нужна была не богословская и не общеобразовательная школа съ преобладаніемъ риторики, ему нуженъ былъ мореплаватель, артиллеристъ, инженеръ, техникъ, дипломатъ, знающій языкъ и политику,—словомъ, человѣкъ, прошедшій профессіональную выучку для военной или гражданской службы. Съ этою цѣлью спеціальной подготовки къ службѣ открывается съ началомъ XVIII вѣка цѣлый рядъ учебныхъ заведеній. Для обученія навигацкой наукѣ молодые люди посылались за границу; но они являлись туда слишкомъ неподготовленными. Въ 1700 г. въ Москвѣ на Сухаревой башнѣ была открыта Навигацкая школа. Во главѣ ея былъ поставленъ вывезенный Петромъ въ Россію профессоръ Абердинскаго университета, Фарварсонъ, который обучалъ въ школѣ въ сотрудничествѣ съ двумя англичанами. Въ школу предписано было набирать дѣтей всѣхъ сословій отъ 12 до 17 лѣтъ, но затѣмъ, такъ какъ охотниковъ поступать въ школу оказывалось мало, стали принимать и 20-лѣтнихъ. Въ ней преподавались математическія науки: ариѳметика, геометрія, тригонометрія, геодезія, астрономія, навигація. Эта математическая навигацкая школа стала во главѣ цѣлой сѣти провинціальныхъ низшихъ математическихъ или, какъ ихъ стали называть, «цыфирныхъ» школъ. Когда въ Навигацкой школѣ стали кончать ученики, прошедшіе ея курсъ, они были разосланы по провинціямъ съ тѣмъ, чтобы завести при архіерейскихъ домахъ и значительныхъ монастыряхъ школы и обучать въ нихъ дѣтей всѣхъ сословій отъ 10 до 15 лѣтъ «цыфири и нѣкоторой части геометріи». Безъ свидѣтельства объ окончаніи курса въ такой школѣ священникамъ воспрещалось вѣнчать молодыхъ людей. Такихъ цыфирныхъ школъ было открыто до 42, а число набранныхъ въ нихъ учениковъ достигало 2000. Такимъ образомъ была заведена сѣть математическихъ школъ съ Навигацкою школою во главѣ. Навигацкая школа въ 1715 г. была переведена въ Петербургъ и получила названіе «Морской академіи», при чемъ она стала сословной: въ нее, какъ и въ другія основанныя тогда академіи, Инженерную и Артиллерійскую, стали приниматься лишь дѣти дворянства. Параллельно

съ сѣтью цыфирныхъ школъ создалась другая сѣть, духовныхъ училищъ. Съ конца XVII вѣка кое-гдѣ по епархіямъ просвѣщенные архіереи, преимущественно изъ малороссіянъ, по собственной иниціативѣ на свои средства заводили и содержали школы. Таковы были школы въ Ростовѣ, основанная въ 1702 г. митрополитомъ Дмитріемъ Ростовскимъ, въ Смоленскѣ, Рязани, Казани; въ особенности была обширно и хорошо устроена школа въ Новгородѣ, основанная митрополитомъ Іовомъ, пригласившимъ въ руководители ея отставленныхъ отъ академіи братьевъ Лихудовъ, которые и подняли преподаваніе въ этой школѣ на неизвѣстную другимъ школамъ высоту. Ученики новгородской школы Іова основали до 16 низшихъ школъ въ новгородской епархіи. Съ учрежденіемъ синода и изданіемъ Духовнаго регламента, въ 1721 г. учрежденіе епархіальныхъ школъ, бывшее до той поры дѣломъ частной иниціативы, стало обязательнымъ для всѣхъ архіереевъ и къ 1725 г. такихъ духовныхъ училищъ открыто было до 46. Учителями въ нихъ являлись кончившіе курсъ въ Московской Еллино-Славянской академіи, вновь оживленной и сдѣлавшейся окончательно богословскимъ учебнымъ заведеніемъ, которое и стало такимъ образомъ во главѣ сѣти духовныхъ школъ подобно тому, какъ Морская академія стояла во главѣ школъ цыфирныхъ. Въ Духовномъ регламентѣ, опредѣлявшемъ права и обязанности вновь учрежденнаго Синода, составитель его Ѳеофанъ Прокоповичъ даетъ проектъ устава духовной школы. Онъ изображалъ, такъ сказать, идеалъ школы, къ которому стремились духовныя училища, усвояя тѣ или другія стороны этого идеала. Ѳеофанъ широко ставилъ задачу обученія въ своемъ проектѣ и проводилъ



Желѣзная печать Петра Великаго, печать-перстень цар. Софьи и золотая, съ драгоцѣнными камнями печать в. кн. Анны Петровны.
Хранятся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

новый для того времени взглядъ на пріемы воспитанія. Въ программу духовной школы онъ вводилъ не только словесныя науки, какъ грамматику, логику съ діалектикой, риторику, философію и богословіе, но и математическія, какъ ариѳметику и геометрію, физику, и науки, имѣющія дѣло съ фактами, какъ исторію, географію, политику. Введеніе этихъ фактическихъ знаній направлено было противъ схоластики, господствовавшей тогда въ словесныхъ наукахъ и въ богословіи. Новый пріемъ воспитанія, вносимый Ѳеофаномъ въ духовную школу, заключался въ томъ, чтобы захватить ребенка въ раннемъ возрастѣ и совершенно оторвать его отъ окружающей грубой и невѣжественной среды, и передѣлать его натуру въ наглухо закрытыхъ стѣнахъ школы. Принимать дѣтей въ школу рекомендовалось не старше чѣмъ въ 10-лѣтнемъ возрастѣ, «ибо таковаго возраста дѣти еще не вельми обучилися злонравія и если обучилися, однакожъ не закрѣпли обычаемъ и можно таковыхъ нетрудно отучить». Первые три года школьникъ совсѣмъ не долженъ былъ видаться съ родными; впослѣдствіи разрѣшается отпускать его къ роднымъ, но не чаще, чѣмъ два раза въ годъ, и не больше, какъ на 7 дней каждый разъ. Общежитіе учениковъ въ школѣ строго закрытое, устроено «образомъ монастыря». Регламентъ предписывалъ каждому ученику мѣсто отвести при стѣнѣ, гдѣ «стоитъ его кроватка складная; такоже шкафъ на книги и иныя вещицы и стуликъ для сидѣнія». Жизнь идетъ по строжайшему расписанію, опредѣляемому звономъ «колокольца», который возвѣщалъ время всякому дѣлу и покою: когда спать ложиться, когда вставать, молиться, учиться, итти за трапезу и пр. Ежедневно полагалось на прогулку два часа послѣ обѣда и ужина, при чемъ ученики должны были упражняться въ играхъ, «честныхъ и тѣлодвижныхъ». Для развлеченія за столомъ устраиваются чтенія исторій воинскихъ и церковныхъ или играетъ музыка. Дважды въ годъ монотонность школьной жизни нарушается устройствомъ торжествъ: диспутовъ, комедій или риторскихъ экзерцицій, цѣль которыхъ развить въ ученикахъ «честную смѣлость», какая требуется для предстоявшей имъ дальнѣйшей дѣятельности,—проповѣди слова Божія. «Таковое молодыхъ человѣкъ житіе,—говоритъ регламентъ,—кажется быть заключенію плѣнническому подобное», но оно окажется сладкимъ всякому, кто къ нему привыкнетъ. Во главѣ академіи стоитъ ректоръ; за поведеніемъ учениковъ наблюдаетъ «префектъ», который назначается изъ людей, хотя и неученыхъ, «обаче честнаго житія, человѣкъ не вельми свирѣпый и не меланхоликъ». Префектъ могъ наказывать «малыхъ розгою, а большихъ—словомъ укоризненнымъ». Только уже если ученикъ упорно не поддается воздѣйствію этихъ средствъ, окажется «дѣтина непобѣдимой злобы», тогда его можно подвергнуть исключенію. Такая система воспитанія должна оказать

на природу воспитанника самое благотворное вліяніе и въ корнѣ передѣлать его нравъ: «дитя, аще и тигръ нравомъ будетъ.—пишетъ Ѳеофанъ,—агнчую тамо (въ школѣ) воспріемлетъ кротость».

Итакъ, при Петрѣ впервые возникло и было распространено школьное образованіе. Почти въ каждомъ провинціальномъ городѣ оказалось двѣ школы: свѣтская и духовная. Сѣть духовныхъ школъ оказалась крѣпче и прочнѣе сѣти школъ свѣтскихъ. Духовныя школы не прекращали своего существованія, изъ нихъ возникли позднѣйшія епархіальныя семинаріи. Будучи болѣе сильной, духовная школа въ значительной мѣрѣ парализовала цыфирную. Цыфирныя школы стали пустѣть и въ 1727 г. въ нихъ уже считалось всего только 500 учениковъ. Онѣ потомъ закрывались или переходили въ гарнизонныя школы для солдатскихъ дѣтей, выпуская тѣхъ «Цыфиркиныхъ», которые появлялись въ барскихъ усадьбахъ въ качествѣ учителей математики. Между той и другой школой завязывалась борьба за учениковъ. Не слѣдуетъ забывать, что отношенія школы къ ученику и ученика къ школѣ въ то время не были похожи на теперешнія. Школа разсматривалась какъ служба или какъ предварительная ступень къ службѣ. Ученики во время прохожденія курса получали жалованье и подвергались здѣсь тѣмъ наказаніямъ, которыя грозили за неисправности по службѣ. Ихъ приходилось вербовать въ школу насильно и насильно тамъ удерживать. «Недоросль» того времени, проведшій дѣтство въ деревенскомъ привольѣ, не знавшій никакихъ стѣсненій и вдругъ попавшій подъ суровую дисциплину школы, обязанный все дѣлать по звону колокольца, конечно, чувствовалъ себя въ стѣнахъ школы, какъ птица въ клѣткѣ, и при удобномъ случаѣ обнаруживалъ стремленіе бѣжать. Въ каждой школѣ значительный процентъ учениковъ оказывался въ «бѣгахъ», подобно тому, какъ и въ спискахъ служилыхъ людей всегда оказывались «нѣтчики». Противъ фамилій нѣкоторыхъ учениковъ духовныхъ школъ ставилась отмѣтка «semper fugitiosus», т.-е. всегда обнаруживаетъ склонность къ побѣгу. Школа отталкивала отъ себя своими жестокими педагогическими пріемами. По уставу даже дворянской Морской академіи въ каждомъ классѣ вмѣстѣ съ учителемъ долженъ былъ находиться солдатъ изъ отставныхъ съ длиннымъ хлыстомъ въ рукахъ, которымъ онъ возбуждалъ вниманіе учащихся и тутъ же расправлялся съ провинившимися. Тогдашнія руководства были мало понятны, а тѣлесныя наказанія грозили на каждомъ шагу. Не ограничиваясь организаціей школы, Петръ много заботился и о книгѣ. Постоянно по его повелѣнію писались, переводились, издавались и распространялись въ публику разнаго рода книги, между прочимъ, и различныя учебныя руководства, отъ научныхъ сочиненій до простыхъ букварей включительно. Они отличались значительною трудностью тѣхъ опредѣленій, которыя они давали и были часто непонятны ученикамъ.

Петра Великаго менѣе всего можно назвать соціальнымъ реформаторомъ и если, однако, въ соціальный строй русскаго общества внесены были значительныя перемѣны законодательствомъ Петра, то эти перемѣны были обыкновенно косвенными послѣдствіями и иногда даже неожиданными результатами законовъ, изданныхъ совсѣмъ съ другими цѣлями и не имѣвшихъ въ виду соціальныхъ преобразованій. Такъ перемѣны въ положеніи крестьянства, холопства и нѣкоторыхъ группъ вольныхъ людей были косвенными послѣдствіями введенія подушной подати, мѣры, принятой въ фискальныхъ интересахъ, а не въ цѣляхъ соціальнаго переустройства. То же надо сказать и относительно служилаго класса. Наименьшій успѣхъ имѣли тѣ законы относительно этого класса, которые отличались именно соціальнымъ характеромъ, и, наоборотъ, наибольшее вліяніе на положеніе дворянства оказали законы, имѣвшіе въ виду государственную службу и фискальные интересы. Обязательная военная служба и землевладѣніе на помѣстномъ и вотчинномъ правѣ — таковы двѣ черты, съ которыми служилый классъ вступаетъ въ XVIII вѣкъ. Разсмотримъ перемѣны, которыя произошли съ нимъ въ его двухъ значеніяхъ: служиломъ и землевладѣльческомъ.

Служилая обязанность достигла при Петрѣ наибольшей степени напряженія. Почти все царствованіе прошло въ войнахъ. Была заведена регулярная армія, которая отличалась отъ прежняго ополченія не только тѣмъ, что состояла изъ регулярно обученныхъ полковъ, но и тѣмъ, что была постоянной и ея контингентъ не распускался по домамъ во время антрактовъ между походами, какъ это бывало прежде. Ставъ напряженнѣе, служба сдѣлалась также и сложнѣе. Къ сухопутной службѣ присоединилась со времени постройки флота и морская, считавшаяся особенно тяжелою и особенно нелюбимая дворянами: въ 1730 г. они единодушно просили освобожденія отъ нея. Регулярная армія и флотъ предъявляли и болѣе высокія и сложныя требованія къ служилому персоналу. Прежде отъ дворянъ, являвшихся на службу, требовалось только, чтобы они пріѣзжали «конны, людны и оружны». Теперь этого было мало, и они были обязаны являться съ нѣкоторой образовательной подготовкой. Такимъ образомъ служба была отягчена еще обязательнымъ обученіемъ, которое разсматривалось такъ же, какъ служебная повинность.

Самый порядокъ прохожденія службы былъ измѣненъ при Петрѣ знаменитымъ закономъ 24 января 1722 г., такъ называемой «Табелью о рангахъ». Это одинъ изъ наиболѣе обильныхъ послѣдствіями указовъ Петра и одинъ изъ самыхъ прочныхъ. Въ главныхъ чертахъ онъ сохраняется и до нашего времени. Его значеніе заключается въ слѣдующемъ. Во-первыхъ, онъ отдѣлялъ военную службу отъ гражданской, устанавливая для каждой особые чины. Во-вторыхъ, указъ 24 января 1722 г. распредѣлялъ всѣ

должности государственной службы на 14 классовъ, или ранговъ, которые каждый служилый человѣкъ долженъ былъ проходить, начиная съ низшихъ. Высшими чинами по табели были генералъ-фельдмаршалъ, генералъ-адмиралъ и государственный канцлеръ; низшими: фендрикъ, мичманъ и коллежскій регистраторъ. Съ теченіемъ времени названія должностей, расписанныя въ табели, обратились въ почетныя наименованія, но лѣстница изъ 14 ступеней не утратила своего значенія и до сихъ поръ. Это расписаніе всѣхъ должностей на 14 классовъ, которые должны были проходиться послѣдовательно каждымъ служилымъ человѣкомъ, какого бы знатнаго происхожденія онъ ни былъ, вносило новый принципъ въ служебное движеніе: на мѣсто породы оно выдвигало начало личной заслуги. Прежде сынъ знатнаго боярина начиналъ свою карьеру прямо съ одного изъ высшихъ чиновъ, обыкновенно со стольника, тогда какъ незнатный уѣздный сынъ боярскій рѣдко поднимался далѣе второй, третьей ступени чиновной лѣстницы, заканчивая

Оттиски печатей Петра Великаго, царевны Софьи и вел. княгини Анны Петровны. (См. страницу 261).

свою карьеру въ чинѣ городового дворянина, жильца или стряпчаго. Теперь знатность происхожденія не должна была играть роли въ службѣ, и дѣти знатныхъ дворянъ должны были начинать карьеру съ первыхъ ступеней, а дѣтямъ незнатныхъ не закрыты были высшія. Движеніе по ступенямъ должно было совершаться по мѣрѣ выслуги опредѣленнаго числа лѣтъ или особыхъ заслугъ. Наконецъ, въ третьихъ—и это былъ, пожалуй, наиболѣе важный ея пунктъ—табель о рангахъ открывала широкій доступъ въ дворянство людямъ изъ другихъ общественныхъ классовъ. Каждый, дослужившійся до перваго оберъ-офицерскаго чина въ военной службѣ или до VIII кл. въ гражданской, причислялся вмѣстѣ съ дѣтьми, рожденными послѣ полученія этого чина, къ дворянству. Этотъ параграфъ открылъ притокъ въ дворянство худородныхъ элементовъ, и притокъ этотъ оказался, благодаря расширившемуся при Петрѣ спросу на служилыхъ людей, настолько значителенъ, что черезъ полстолѣтія въ Екатерининской комиссіи дворянство усиленно просило отмѣнить этотъ параграфъ табели, съ тревогой смотря на соперничество выслу-

жившихся худородныхъ элементовъ. Онъ демократизировалъ дворянство. Благодаря его дѣйствію къ XIX вѣку лучшія дворянскія фамиліи растворялись въ массѣ выслужившагося приказнаго люда, и такимъ образомъ повторилось то же явленіе, какое имѣло мѣсто на рубежѣ XVII и XVIII вв., когда на мѣсто боярства становилось болѣе худородное и экономически менѣе состоятельное дворянство. Къ XIX в. на мѣсто дворянства становилась еще болѣе худородная и экономически еще менѣе состоятельная приказно-дворянская смѣсь, наполняющая собою всю нашу государственную службу. Эти перемѣны въ соціальномъ составѣ служилаго класса происходятъ въ совершенномъ соотвѣтствіи съ перемѣнами, пережитыми государствомъ. Средневѣковая вотчина московскихъ государей управлялась при посредствѣ дворовыхъ людей, предъявлявшихъ наслѣдственныя права на извѣстныя должности; полицейское государство, какимъ все болѣе становилась Россія съ XVIII в., выдвинуло для своихъ услугъ послушную бюрократію, не считавшуюся съ происхожденіемъ.

Для поддержанія хозяйственнаго положенія служилаго класса, какъ и другихъ, былъ изданъ знаменитый указъ 23 марта 1714 г. о единонаслѣдіи, неправильно называемый иногда закономъ о майоратѣ. Дробленіе недвижимой собственности при переходахъ ея по наслѣдству давало себя чувствовать къ концу XVII в., являясь причиной обѣднѣнія первостепенныхъ аристократическихъ фамилій. По писцовымъ книгамъ XVII в. все рѣже случаи, когда село или деревня входятъ въ цѣломъ видѣ въ составъ одного помѣстья или вотчины. Къ концу вѣка села и деревни дробятся на «жеребьи», попадающіе въ разныя руки, благодаря наслѣдственному дробленію. Вопросъ объ измѣненіяхъ въ наслѣдственномъ правѣ сталъ занимать Петра еще задолго до 1714 года. Въ одной изъ его записныхъ книжекъ, относящейся еще къ 1701 г., стоятъ замѣтки: «о наслѣдствѣ первыхъ сыновъ» и «о наслѣдствѣ первыхъ». Его заинтересовалъ порядокъ наслѣдованія на западѣ, и около того же времени извѣстному Брюсу было поручено доставить описаніе законовъ шотландскихъ, англійскихъ и французскихъ о наслѣдствѣ, что тотъ и исполнилъ. Вопросъ, однако, не получилъ тогда разрѣшенія, но въ 1711 г. Петръ опять вернулся къ нему, поручивъ вновь доставить ему изъ посольскаго приказа свѣдѣнія о французскихъ, англійскихъ и венеціанскихъ законахъ наслѣдства. Ознакомившись съ положеніемъ дѣла на западѣ, онъ издалъ 23 марта 1714 г. указъ о единонаслѣдіи. По этому указу всякое недвижимое имущество, т.-е. деревни, городскіе дворы, лавки, становится неотчуждаемымъ: запрещено его продавать и закладывать. Недвижимое имущество переходитъ по наслѣдству двумя путями: по завѣщанію и по закону. Въ первомъ случаѣ завѣщатель можетъ передать недвижимость только одному изъ своихъ сыновей по выбору. Если у завѣщателя нѣтъ сыновей, а остаются только дочери,

то онъ точно такъ же можетъ завѣщать недвижимость только одной изъ нихъ по выбору. Движимымъ имуществомъ завѣщатель можетъ распоряжаться по своему усмотрѣнію. Во второмъ случаѣ, т.-е. при отсутствіи завѣщанія, недвижимое имущество переходитъ къ старшему сыну, если же нѣтъ сыновей, то къ старшей дочери. Наконецъ, если наслѣдодатель бездѣтенъ, то—къ ближайшему родственнику. Движимое дѣлится въ этомъ случаѣ между наслѣдниками на прежнемъ основаніи. Слѣдуетъ отмѣтить, что законъ 23 марта 1714 г. касался не одного только служилаго класса, а простиралъ свое дѣйствіе на всѣ классы русскаго общества, имѣвшіе недвижимость, въ чемъ бы она ни заключалась. Онъ одинаково имѣетъ въ виду, какъ служилыя имѣнія, такъ и посадскіе дворы и лавки. Нетрудно, однако, замѣтить, что, издавая этотъ законъ, Преобразователь имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, служилый классъ, положеніе котораго указъ 23 марта 1714 г. долженъ былъ упрочить. Это видно изъ того поучительнаго введенія, которое царь написалъ къ новому закону. Глава первая введенія посвящена указанію тѣхъ убытковъ, которые терпитъ отъ существующаго порядка государственное казначейство. Она озаглавлена: «О податяхъ». «Напримѣръ,—пишетъ царь,—ежели кто имѣлъ тысячу дворовъ и пять сыновъ—имѣлъ домъ довольный, трапезу славную, обхожденіе съ людьми ясное; когда по смерти его раздѣлится дѣтямъ его, то ужъ только по двѣсти дворовъ достанется, которые, помня славу отца своего и честь рода, не захотятъ сиро жить, но каждый ясно—то ужъ съ бѣдныхъ подданныхъ (крестьянъ) будетъ пять столовъ, а не одинъ, и двѣсти дворовъ принуждены будутъ едва не то же нести, какъ тысяча несла, отчего не разоренья ли суть людямъ и вредъ интересамъ государственнымъ? Ибо податей такъ исправно не могутъ платить 200 дворовъ въ казну и помѣщику, какъ тысяча дворовъ... Итакъ,—заключаетъ авторъ,—отъ того раздѣленія казнѣ государственной великій есть вредъ, а людямъ подлымъ разоренье». Глава II озаглавлена: «О фамиліяхъ». Въ этой главѣ авторъ объясняетъ раздѣлами при наслѣдствѣ упадокъ знатныхъ фамилій. «Размножаясь и дѣлясь,—говоритъ онъ,—знатная фамилія—поселяне будутъ, какъ уже много тѣхъ экземпелей (образовъ) есть въ Россійскомъ народѣ». Наконецъ III глава носитъ названіе: «О непотребности». Царь доказываетъ здѣсь, что младшіе члены дворянскихъ фамилій, въ случаѣ обезпеченія наслѣдствомъ, не будутъ искать никакихъ занятій, какъ частныхъ, такъ и на государственной службѣ. На послѣднюю они и не пойдутъ безъ принужденія. «Отъ нихъ нѣтъ никакой пользы для государства, но всякій изъ нихъ ищетъ уклоняться отъ занятій и жить въ праздности, которая (по св. писанію) матерію есть всѣхъ злыхъ дѣлъ».

Отъ новаго закона царь ожидаетъ самыхъ благихъ послѣдствій. Крестьянство не будетъ терпѣть притѣсненій, сосредоточи-

ваясь подъ властью крупныхъ, вполнѣ обезпеченныхъ землевладѣльцевъ; государственные доходы будутъ поступать въ казну исправно. Постоянно будутъ существовать аристократическія фамиліи, которыя «не будутъ упадать, но въ своей ясности непоколебимы будутъ, чрезъ славные и великіе домы». Наконецъ, младшіе сыновья, «кадеты», не обезпеченные наслѣдственнымъ достояніемъ, принуждены будутъ снискивать себѣ пропитаніе собственнымъ трудомъ на различныхъ поприщахъ дѣятельности: службой, ученьемъ, торговлей, и въ лицѣ ихъ государство получитъ работниковъ, которые такъ необходимы были верховному работнику въ эпоху реформы. Изъ младшихъ сыновей, занятыхъ торговлею, промышленностью разнаго вида и либеральными профессіями, должна была возникнуть и развиться трудолюбивая, дѣятельная и расчетливая буржуазія, подобная западному третьему сословію.

Указъ 23 марта 1714 г. не принесъ, однако, практическихъ результатовъ, которые отъ него ожидались. Онъ не создалъ ни землевладѣльческой аристократіи, ни предпріимчиваго третьяго сословія. Онъ былъ принятъ дворянствомъ съ крайнимъ неудовольствіемъ, всячески обходился на практикѣ и былъ отмѣненъ при Аннѣ въ 1730 г. по единодушной просьбѣ дворянской массы, которой онъ былъ невыгоденъ. Крупное дворянство справлялось съ нимъ легко, выдавая младшимъ сыновьямъ деньги, въ рукахъ же дворянской мелкоты земля была единственнымъ капиталомъ. Законъ дѣйствовалъ слишкомъ незначительное время, чтобы произвести какія-нибудь замѣтныя измѣненія въ жизни. Неуспѣхъ его понятенъ. По духу своему онъ слишкомъ противорѣчилъ другимъ мѣрамъ Петра относительно дворянства: онъ долженъ былъ аристократизировать это дворянство, дѣйствуя параллельно съ табелью о рангахъ, которая, наоборотъ, демократизировала дворянство. Ясно, что изъ двухъ противоположно дѣйствующихъ мѣръ одна должна была оказаться недѣйствительной, если только онѣ взаимно не уничтожали одна другую. Но законъ 1714 г. шелъ слишкомъ въ разрѣзъ съ вѣковыми обычаями, чтобы расчитывать на какой-либо успѣхъ въ борьбѣ съ табелью о рангахъ, которая, наоборотъ, являлась завершеніемъ задолго до нея начавшагося процесса демократизаціи дворянства.

VIII.

Административная реформа.

Петръ не разъ перестраивалъ государственныя учрежденія, приспосабливая ихъ къ новымъ задачамъ. Въ теченіе всего его царствованія шла усиленная ломка старыхъ и возведеніе новыхъ учрежденій, которыя, едва возникнувъ, скоро иногда опять ломались и замѣнялись другими. Въ общемъ, однако, въ реформѣ учре-

жденій Петра можно отмѣтить два главные періода: первый 1699 — 1715 гг. и второй съ этого года, когда задумано и рѣшено было широкое преобразованіе всего центральнаго и областного управленія. Въ этихъ двухъ реформахъ можно отмѣтить значительныя различія. Въ первомъ періодѣ реформа проводится безъ общаго плана, урывками, безъ опредѣленной послѣдовательности, отвѣчая на запросы текущей нужды. Во второмъ — учрежденія перестраиваются по общему, заранѣе обсуждаемому плану. Далѣе, въ первомъ періодѣ преобразованія служатъ непосредственнымъ, органическимъ продолженіемъ эволюціи учрежденій XVII в.; во второмъ учрежденія сознательно заимствуются съ запада, преимущественно изъ Швеціи.

Мы, однако, будемъ держаться не хронологическаго порядка въ изложеніи административной реформы, а систематическаго, постараемся изобразить не ходъ реформы, а достигнутые ею результаты. Начнемъ изображеніе съ высшихъ государственныхъ учрежденій.

При Петрѣ на мѣсто боярской думы московскихъ государей сталъ сенатъ. Боярская дума XVII в. была постояннымъ совѣтомъ при государѣ, она состояла изъ всѣхъ лицъ, принадлежавшихъ къ первымъ тремъ чинамъ московской служилой іерархіи, т.-е. изъ бояръ, окольничихъ и думныхъ дворянъ. Со второй половины XVII в. составъ членовъ думы постепенно суживается: постоянныя и принимающія обширные размѣры войны, дипломатическія сношенія и расширеніе сферы внутренняго управленія, благодаря пріобрѣтеніямъ новыхъ территорій, отвлекаютъ отъ нея все большее число ея членовъ на театръ военныхъ дѣйствій, въ посольства и на воеводства, и съ теченіемъ времени дума составляется только изъ тѣхъ бояръ, которые привязаны къ столицѣ самымъ родомъ своей службы, именно изъ начальниковъ приказовъ. Дума постепенно обращается въ «совѣтъ министровъ», какъ пришлось бы намъ выразиться, если бы мы захотѣли обозначить эту перемѣну современными намъ понятіями; боярская дума первыхъ московскихъ царей незамѣтно переходитъ въ боярскую «министерскую консилію» первыхъ годовъ царствованія Петра.

Но и боярская консилія дѣйствовала недолго. Разъ она была съѣздомъ начальниковъ приказовъ, то очевидно, что когда приказы стали закрываться съ раздѣленіемъ Россіи на губерніи, въ 1708 г., и съ передачей губерніямъ тѣхъ дѣлъ, которыя вѣдались приказами, съѣздъ начальниковъ приказовъ долженъ былъ прекратиться.

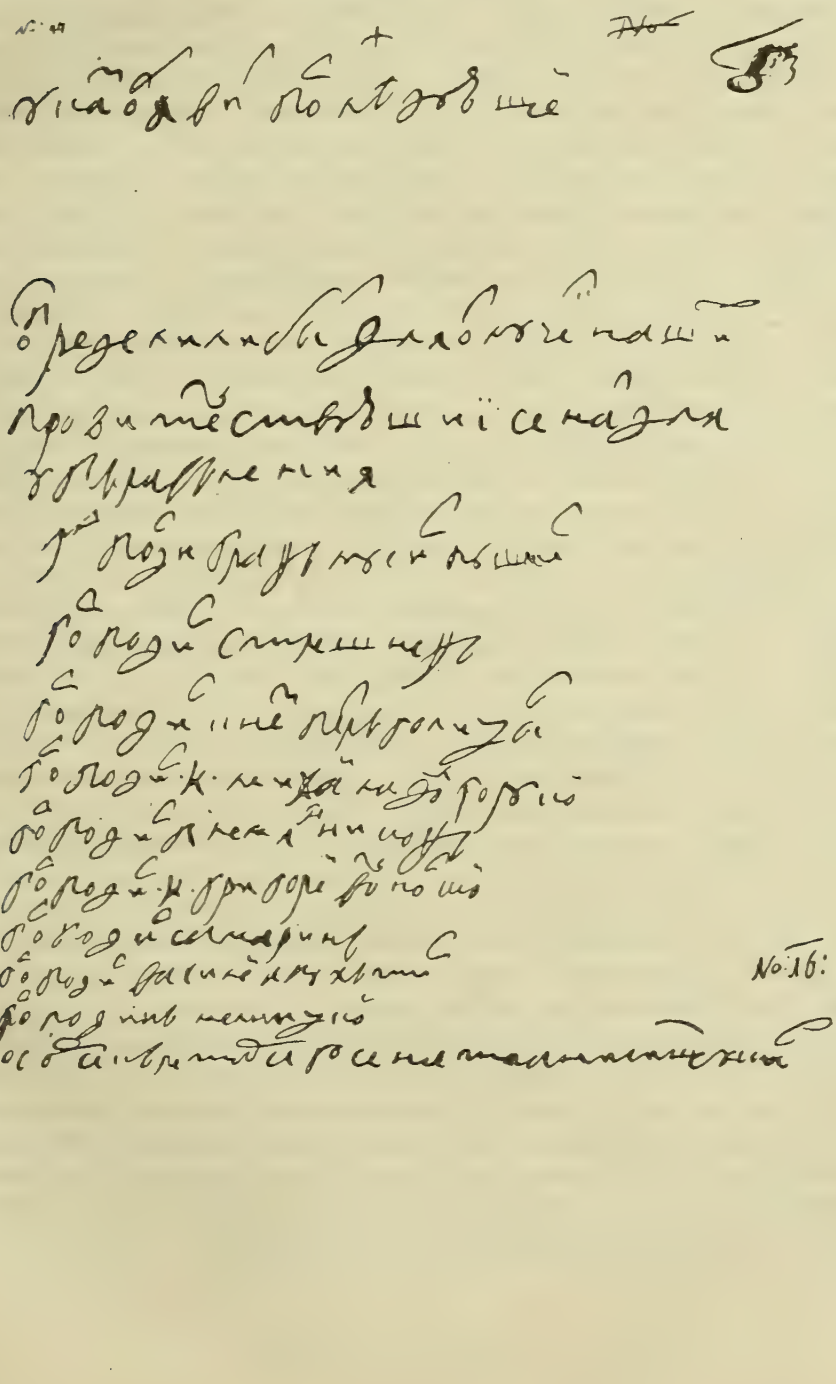
Являлась потребность создать на мѣсто консиліи центральное учрежденіе для надзора и руководства губерніями. Въ особенности настоятельно заявила себя эта потребность въ то время, когда Петръ въ первый разъ по учрежденіи губерній собирался покинуть столицу надолго, уѣхать за предѣлы Россіи и тамъ подвергнуться всѣмъ случайностямъ войны, т.-е. когда онъ отправлялся на войну съ Турціей, въ началѣ 1711 г.

Почти наканунѣ отъѣзда Петра въ армію, куда онъ отправился 6 марта, и былъ изданъ указъ объ учрежденіи сената— 22 февраля. Указъ написанъ со свойственнымъ Петру лаконизмомъ и настолько важенъ для пониманія, какъ создавались петровскія учрежденія, что его необходимо привести цѣликомъ: «Указъ объявить послѣдующій,—пишетъ Петръ.—Опредѣлили быть для отлучекъ нашихъ Правительствующій сенатъ для управленія; господинъ графъ Мусинъ-Пушкинъ, господинъ Стрѣшневъ, господинъ князь Михайла Долгорукій, господинъ Племянниковъ, господинъ князь Григорій Волконскій, господинъ Самаринъ, господинъ Василій Апухтинъ, господинъ Мельницкой. Оберъ-секретарь сего сената Анисимъ Щукинъ». Этимъ взмахомъ пера было создано верховное учрежденіе, которое должно было сосредоточить въ своихъ рукахъ всю огромную массу государственныхъ дѣлъ, входившихъ въ кругъ дѣйствій верховной власти.

Уже съ первыхъ дней практики сената представилось множество вопросовъ, для разрѣшенія которыхъ послѣдовалъ рядъ дополнительныхъ указовъ въ первыхъ числахъ марта 1711 г. По всѣмъ этимъ указамъ сенатъ получилъ слѣдующую организацію: онъ состоялъ изъ 9-ти членовъ; дѣла должны были рѣшаться единогласно (рѣшеніе по большинству голосовъ введено только въ 1714 г.); если одинъ сенаторъ не былъ согласенъ съ мнѣніемъ остальныхъ, его несогласіе останавливало рѣшеніе, но въ такомъ случаѣ онъ долженъ былъ изложить свое особенное мнѣніе письменно, и это было хорошимъ средствомъ побужденія къ согласію сенаторовъ, изъ которыхъ одинъ не умѣлъ подписать даже свою фамилію. Власть сената въ отсутствіе государя замѣняла его власть. «Сенату, — пишетъ Петръ въ одномъ изъ указовъ,—всякъ да будетъ послушенъ такъ, какъ намъ самому». Если бы кто замѣтилъ, что сенатъ въ какомъ-нибудь дѣлѣ поступилъ «черезъ принесенное предъ Богомъ обѣщаніе», долженъ, однако, молчать до возвращенія государя — тогда только донести, и лишь тогда слѣдовало виновному наказаніе. Такимъ образомъ, сенатъ за неправыя дѣйствія отвѣтственъ предъ государемъ, въ противоположность прежней боярской думѣ. При этомъ особенно сказывается ихъ разница: дума дѣйствуетъ постоянно съ государемъ, а потому не несетъ отвѣтственности, сенатъ дѣйствуетъ, какъ приказчикъ, которому хозяинъ, уѣзжая, довѣрилъ всѣ свои дѣла: онъ на строгомъ отчетѣ у хозяина. Дѣятельность сената должна была удовлетворять тѣмъ потребностямъ, ради которыхъ онъ созданъ. Ему поручено руководство губернскимъ управленіемъ. Съ другой стороны, сенату былъ порученъ надзоръ за исполненіемъ закона всѣми правительственными мѣстами и лицами въ государствѣ. Этотъ контроль сенатъ производилъ посредствомъ особой, при немъ состоявшей, системы фискаловъ. При сенатѣ долженъ былъ постоянно находиться оберъ-фискалъ; ему подчинены провинціалъ-фискалы,

Указъ Петра Великаго 22 февраля 1711 г. объ учрежденіи Сената.

«Указъ объявить последующей. Определили быть для отлучекъ нашихъ провителствующіі сенатъ для упъравъления. Господинъ граѳъ Мусинъ Пушкинъ. Господинъ Стрешнеѳъ. Господинъ кнезь Петръ Голицынъ. Господинъ к. Михайла Долгорукой. Господинъ Племяникоѳъ. Господинъ Самаринъ. Господинъ Василей Апухьтинъ. Господинъ Мелницкой. Оборъ-секъретарь сего сената Анисимъ Щукинъ».



находящіеся въ областяхъ; каждому провинціалъ-фискалу, въ свою очередь, подчинено по нѣскольку простыхъ фискаловъ. Ихъ обязанность состояла въ томъ, чтобы надсматривать и провѣдывать, не производитъ ли кто неправаго суда, не расхищаетъ ли казны и т. д. и, если замѣтитъ что-либо такое, то привлекать виновнаго къ суду. Въ вознагражденіе за доносъ фискалъ получалъ половину судебнаго штрафа съ уличеннаго; за неправильный доносъ, сдѣланный безъ злого умысла, фискалъ отвѣтственности не подвергался. Впослѣдствіи Петръ обѣщалъ фискаламъ особое покровительство, сознаваясь, что чинъ фискала «тяжелъ и ненавидимъ».

Въ 1718 г. былъ изданъ указъ, точнѣе опредѣляющій составъ, права и обязанности сената. Сенатъ теперь долженъ былъ состоять изъ президентовъ коллегій. Вскорѣ, однако, въ этомъ оказалось большое неудобство: сенатъ, какъ высшее учрежденіе въ государствѣ, долженъ былъ имѣть надзоръ за всѣми другими учрежденіями, также и за коллегіями. Такимъ образомъ выходило, что президенты коллегій должны были контролировать самихъ себя. Кромѣ того, президенты коллегій были слишкомъ заняты въ этихъ послѣднихъ, такъ что у нихъ не хватало времени на засѣданія въ сенатѣ. Въ 1722 г. Петръ сознался въ этой ошибкѣ, которую рѣшилъ исправить назначеніемъ новыхъ президентовъ въ коллегіи. Только президенты трехъ коллегій: военной, адмиралтейской и иностранныхъ дѣлъ, сохранили за собою право засѣдать въ сенатѣ. Измѣнилась и компетенція сената,—она теперь была сужена. По мысли Петра, проведенной въ указахъ 1711 г., сенатъ учреждался для замѣны самой особы монарха во время его отлучекъ, поэтому ему предоставлялась вся широта верховной власти: законодательной, исполнительной и судебной. Въ концѣ 1721 г. послѣ заключенія Ништадтскаго мира, когда явилась возможность думать, что монарху не придется болѣе отвлекаться войною, право законодательства отнимается у сената. Онъ не можетъ издавать законовъ, хотя за нимъ оставлено самое широкое участіе въ законодательной дѣятельности путемъ составленія и представленія государю проектовъ закона. На практикѣ сенатъ никогда не пользовался всею широтою верховной власти, даже и въ отсутствіе государя. Онъ не издавалъ сколько-нибудь важныхъ законовъ безъ Петра, не велъ иностранной политики и не управлялъ военными дѣйствіями. Во всей своей разнообразной дѣятельности онъ неизмѣнно хранилъ одну и ту же главную черту: онъ былъ ближайшимъ исполнителемъ порученій государя. Въ области судебной онъ разсматривалъ въ качествѣ первой или высшей инстанціи судебныя дѣла, которыя разсмотрѣть ему поручалось въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ государемъ. Въ области администраціи въ собственномъ смыслѣ онъ являлся ближайшимъ исполнителемъ высочайшихъ распоряженій, передавая ихъ въ коллегіи и области, наблюдая за ихъ исполненіемъ и руководя имъ

Въ 1722 г. была учреждена при сенатѣ должность генералъ-прокурора. Въ рукахъ генералъ-прокурора сосредоточивались три главныя обязанности: во-первыхъ, онъ сдѣлался главнымъ начальникомъ сенатской канцеляріи, гдѣ два оберъ-секретаря исполняли роль его помощниковъ; во-вторыхъ, ему былъ порученъ надзоръ за дѣятельностью самого сената. Въ сенатѣ, когда государь не присутствовалъ, предсѣдателя не было, и затрудненія, вызванныя отсутствіемъ надзора за порядкомъ въ засѣданіи, доставили Петру много хлопотъ. Нравы были таковы, что приходилось дѣлать сенаторамъ замѣчанія, что надлежитъ себя вести какъ государственнымъ людямъ, а не какъ «бабамъ-торговкамъ». Отсюда рядъ попытокъ разрѣшить этотъ, постоянно выдвигаемый практикою, вопросъ. Въ 1715 г. былъ назначенъ при сенатѣ особый генералъ-ревизоръ, В. Н. Зотовъ; онъ долженъ былъ садиться во время засѣданій сената за особымъ столомъ и наблюдать за порядкомъ, вести протоколъ засѣданій и смотрѣть за исполненіемъ сенатскихъ указовъ. Но Зотовъ исполнялъ свои обязанности какъ-то вяло, и самая должность генералъ-ревизора была черезъ три года уничтожена. Его обязанности возложены были на оберъ-секретаря сената Анисима Щукина. Ему поручалось наблюдать, чтобы «въ сенатѣ все было дѣлано порядочно и суетныхъ разговоровъ, крика и прочаго не было», чтобы дѣла рѣшались по опредѣленному порядку, какъ они записаны въ реестрѣ. Прочтя дѣло, оберъ-секретарь долженъ былъ дать сенаторамъ на размышленіе и обсужденіе полчаса. Для измѣренія времени онъ имѣлъ особые песочные часы. Въ случаѣ, если бы дѣло было очень трудно и притомъ неотложно, онъ по просьбѣ сенаторовъ могъ прибавлять имъ по получасу, но такъ, чтобы всего на обсужденіе дѣла пошло не болѣе трехъ часовъ, по истеченіи которыхъ обязанъ былъ поднести каждому изъ сенаторовъ бумагу и чернила и потребовать написать мнѣніе. Если бы онъ встрѣтилъ въ этомъ требованіи отказъ, то долженъ былъ бросить все и итти съ докладомъ къ государю или въ его отсутствіе послать письменное донесеніе. Но и оберъ-секретарь не удовлетворилъ Петра, да онъ и не могъ этого сдѣлать, такъ какъ данное порученіе поставило его въ противорѣчіе: онъ въ одно и то же время былъ подчиненъ сенату, какъ начальникъ его канцеляріи, съ котораго сенатъ имѣлъ право производить взысканія, и долженъ былъ имѣть надзоръ надъ тѣмъ учрежденіемъ, которому былъ подчиненъ. Вскорѣ Петръ отмѣнилъ этотъ порядокъ, и надзоръ за дѣятельностью сената былъ порученъ штабъ-офицерамъ гвардіи, которые должны были дежурить по очереди въ засѣданіяхъ сената, каждый въ теченіе мѣсяца. Они должны были смотрѣть, чтобы сенатъ поступалъ во всемъ по данной ему инструкціи, въ случаѣ отступленія отъ нея три раза напомнить о ней; если же сенатъ послѣ троекратнаго напоминанія продолжалъ

стоять на своемъ, — донести государю. «А ежели кто изъ сенаторовъ,—энергично прибавляетъ наказъ, данный штабъ-офицерамъ,— станетъ браниться или невѣжливо поступать, такого арестовать и отвесть въ крѣпость». Разумѣется, такой военный порядокъ не былъ сообразенъ съ достоинствомъ верховнаго мѣста имперіи и тоже вскорѣ былъ отмѣненъ. Для надзора за сенатомъ былъ тогда назначенъ генералъ-прокуроръ П. И. Ягужинскій. Онъ былъ независимъ отъ сената и подсуденъ только императору. Генералъ-прокуроръ созываетъ сенаторовъ въ засѣданія, наблюдаетъ за исправностью посѣщенія ихъ сенаторами, разрѣшаетъ имъ отлучки и во время засѣданія исполняетъ предсѣдательскія обязанности. Онъ же является посредникомъ между императоромъ и сенатомъ.

Третьей обязанностью, возложенной на генералъ-прокурора, былъ надзоръ за дѣятельностью всѣхъ правительственныхъ мѣстъ въ имперіи. Въ его рукахъ были два орудія, посредствомъ которыхъ онъ и дѣйствовалъ въ этомъ отношеніи. Во-первыхъ, ему подчиненъ былъ институтъ фискаловъ съ оберъ-фискаломъ во главѣ. Во-вторыхъ, во всякой коллегіи и во всѣхъ высшихъ судахъ учреждены были прокуроры, подчиненные генералъ-прокурору. Отношенія прокурора къ коллегіи напоминаютъ отношенія генералъ-прокурора къ сенату. Прокуроръ коллегіи долженъ былъ наблюдать, чтобы коллегія не нарушала закона, и если она это дѣлала, обязанъ былъ донести генералъ-прокурору. Дѣйствуя посредствомъ обоихъ этихъ орудій, генералъ-прокуроръ и былъ «око царево и стряпчій о дѣлахъ государственныхъ». При генералъ-прокурорѣ въ качествѣ помощника состоялъ оберъ-прокуроръ, который замѣнялъ его въ случаѣ отсутствія.

Слѣдующую за сенатомъ ступень въ управленіи занимали коллегіи. Система коллегій покоилась на основѣ стройнаго расчлененія частей и уничтожала прежнюю путаницу въ управленіи. Реформа прежде всего вносила бо́льшую отчетливость въ раздѣленіе центральнаго управленія отъ областного. Затѣмъ она распредѣляла все управленіе на извѣстныя вѣдомства по одному общему признаку, по роду дѣлъ. По правильности распредѣленія дѣлъ между коллегіями Петра ихъ едва ли превзошли позднѣйшія министерства, созданныя такимъ великимъ логикомъ, какимъ былъ Сперанскій. Три коллегіи вѣдали внѣшнія отношенія государства: коллегія иностранныхъ дѣлъ — дипломатическія, военная и адмиралтейская коллегія — военныя; три коллегіи управляли государственными финансами: камеръ-коллегія собирала доходы, штатсъ-конторъ-коллегія играла роль государственнаго казначейства и завѣдывала государственными расходами; ревизіонъ-коллегія соотвѣтствовала теперешнему нашему вѣдомству государственнаго контроля; слѣдующія три коллегіи стали во главѣ

промышленности и торговли, это были: мануфактуръ-коллегія, вѣдавшая фабрики, бергъ-коллегія, вѣдавшая горное и рудное дѣло, и коммерцъ-коллегія, вѣдавшая торговлю. Наконецъ, юстицъ-коллегія вѣдала судебную часть.

Коллегіальное устройство было также новостью для Россіи. Правда, уже въ прежнее время управленіе иными приказами или воеводство въ наиболѣе важныхъ областяхъ поручалось иногда нѣсколькимъ лицамъ совмѣстно, напр., боярину съ окольничимъ и думнымъ дьякомъ или окольничему со стольникомъ и дьякомъ, но коллегіальнаго порядка, т.-е. коллективныхъ органовъ, рѣшающихъ дѣла по большинству голосовъ, не было. Какъ должны были дѣйствовать члены приказовъ: должны ли они были обсуждать и рѣшать дѣла вмѣстѣ, или могли ихъ распредѣлить между собою, какъ они должны были относиться другъ къ другу,—все это не опредѣлялось никакими общими правилами; имъ предписывалось вести управленіе «сообча» и жить между собою дружно подъ опасеніемъ суровыхъ взысканій за ссоры, а во всемъ остальномъ устраиваться самимъ. На практикѣ коллегіальнаго порядка въ этомъ совмѣстномъ управленіи не было, или же существовали его слабые зачатки.

Составъ и порядокъ дѣйствій коллегій Петра были опредѣлены Генеральнымъ регламентомъ. Каждая коллегія должна была состоять изъ президента, вице-президента и нѣсколькихъ членовъ: совѣтниковъ и асессоровъ. Все дѣлопроизводство должно было въ цѣляхъ контроля вестись письменно и потому при коллегіи полагался особый канцелярскій штатъ съ секретаремъ, нотаріусомъ, актуаріусомъ, архиваріусомъ, канцеляристами, подканцеляристами, копіистами, подкопіистами, который долженъ былъ двигать сложный, бумажный механизмъ съ его реестрами, журналами, протоколами, выписками и пр. По регламенту засѣданія коллегій происходили при внушительной внѣшней обстановкѣ. Зала засѣданій коллегіи должна быть покрыта добрыми коврами, столъ, за которымъ сидятъ коллежскіе члены, ставился подъ балдахиномъ. Каждое разсматриваемое коллегіей дѣло подвергается первоначально «довольному» обсужденію, а затѣмъ постановляется рѣшеніе по большинству голосовъ. Члены подаютъ голоса по старшинству, начиная съ младшихъ, «не впадая одинъ другому въ рѣчь». При равенствѣ голосъ президента даетъ перевѣсъ. Но президентъ не начальникъ коллегіи, и это особенно подчеркивается регламентомъ. Глава XXIV «о комплиментахъ президентамъ» предписываетъ членамъ при входѣ и выходѣ президента отдать ему честь, вставъ съ мѣста, но освобождаетъ ихъ отъ должности встрѣчать и провожать президента. Каждому члену предоставляется полная свобода мнѣнія; если его мнѣніе не согласно съ большинствомъ, онъ можетъ требовать, чтобы оно было занесено въ протоколъ.

IX.

Областная реформа.

Въ декабрѣ 1708 года появился лаконическій указъ: «Великій государь указалъ въ своемъ великороссійскомъ государствѣ для всенародной пользы учинить 8 губерній». Исполняя этотъ указъ, боярская консилія расписала всю территорію Россіи на 8 большихъ губерній. Эти губерніи и ихъ географическіе предѣлы были слѣдующіе: 1) Ингерманландская (Петербургская), въ которую вошли часть Эстляндіи, Ингрія, Карелія, теперешнія Псковская губ., Новгородская, Олонецкая, часть Тверской и часть Ярославской; 2) Архангелогородская, которую составили теперешнія губерніи: Архангельская, Вологодская, сѣверная часть Костромской; 3) Смоленская (Смоленская, Калужская); 4) Московская (Московская губернія, часть Тверской, южная часть Костромской, Владимирская, сѣверная часть Рязанской, Тульской и Калужской); 5) Казанская (прежнія Казанское и Астраханское царства, Поволжье); 6) Кіевская и 7) Азовская, обнимавшія весь тогдашній югъ Россіи и раздѣляемыя тульскимъ меридіаномъ,—не слѣдуетъ забывать, что заселенныя мѣстности тогдашняго юга Россіи оканчивались теперешней Харьковской губерніей; 8) Сибирская. Черезъ нѣсколько лѣтъ изъ Казанской губерніи были выдѣлены еще двѣ: Нижегородская и Астраханская, а Смоленская увеличена присоединеніемъ къ ней Лифляндіи и получила названіе Рижской, такъ что всего число губерній дошло до 10.

Во главѣ губерній ставится губернаторъ. Первые годы губернаторы правили губерніями единолично. Въ 1713 г. Петръ рѣшилъ ввести въ губерніяхъ коллегіальный порядокъ управленія, привлекши къ участію въ немъ мѣстное дворянство. При каждомъ губернаторѣ былъ образованъ совѣтъ изъ избираемыхъ дворянствомъ ландратовъ, въ которомъ губернатору представлялась только роль предсѣдателя: «губернаторъ у нихъ не яко властитель, но яко президентъ». Безъ участія совѣта губернатору запрещалось отправлять какія-либо дѣла. Такимъ образомъ, вмѣсто единоличной власти губернатора создавалось въ губерніи особое коллегіальное присутствіе изъ выборныхъ отъ дворянства подъ его предсѣдательствомъ. Самое названіе членовъ этого совѣта «ландратами» и время, когда изданъ былъ указъ о нихъ, показываютъ, подъ какимъ вліяніемъ появилось это учрежденіе. Какъ разъ въ это время обсуждался вопросъ о сохраненіи старинныхъ ландратскихъ совѣтовъ въ только что завоеванномъ прибалтійскомъ краѣ. Впрочемъ, самая мысль о привлеченіи мѣстнаго дворянства къ участію въ областномъ управленіи, а также и устройство этого управленія въ коллегіальной формѣ, не была новостью и проводилась уже, какъ мы ви-

дѣли выше, при царѣ Ѳеодорѣ. Затѣмъ при Петрѣ, въ 1702 г., былъ изданъ указъ, повторенный въ 1705 г., которымъ предписывалось дворянству каждаго уѣзда избрать по нѣскольку человѣкъ изъ своей среды въ товарищи къ мѣстному воеводѣ съ тѣмъ, чтобы этотъ послѣдній правилъ вмѣстѣ съ ними сообща. Только въ очень немногихъ уѣздахъ такіе выборы дѣйствительно состоялись и очень скоро эти выборные воеводскіе товарищи исчезли изъ строя дѣйствующихъ учрежденій.

На практикѣ должность ландратовъ не была никогда избирательною, и указъ Петра остался здѣсь только на бумагѣ. Первые ландраты были назначены сенатомъ по представленію губернаторовъ, и впослѣдствіи, до конца существованія этой должности, никогда нигдѣ дворянскихъ выборовъ въ нее не происходило. Вскорѣ, впрочемъ, эта должность перестала быть выборной и по закону. Въ 1716 г. Петръ предписалъ сенату назначать въ ландраты офицеровъ, получившихъ отставку изъ-за ранъ или за старостью, преимущественно изъ тѣхъ, которые не имѣютъ за собою населенныхъ земель. Такое назначеніе получало характеръ пенсіи въ награду за военную службу, «ибо не безъ грѣха есть въ томъ,—признавался царь,—что такіе, которые много служили, тѣ забыты и скитаются, а которые нигдѣ не служили—тунеядцы, тѣ многіе по прихотямъ губернаторскимъ взысканы чинами и получаютъ жалованье довольное». Такимъ образомъ, ландраты не только не выбирались мѣстнымъ дворянствомъ, но даже могли не принадлежать къ мѣстному землевладѣльческому классу.

Самые ландратскіе совѣты существовали очень недолго. Едва только, и то не во всѣхъ губерніяхъ, открыли они свои дѣйствія въ концѣ 1714 г., какъ 28 января 1715 г. послѣдовалъ новый указъ, значительно измѣнившій должность ландрата. Этимъ указомъ уѣздные воеводы, подчиненные ландратскому совѣту, уничтожались и сохранялись только въ городахъ, имѣвшихъ гарнизоны, въ качествѣ начальниковъ надъ послѣдними. Уѣздъ переставалъ быть административнымъ подраздѣленіемъ губерніи. Такимъ подраздѣленіемъ дѣлается новая, болѣе правильная и равномѣрная единица «доля»—пространство, на которомъ находилось 5536 тяглыхъ дворовъ. Ландраты сдѣланы были теперь начальниками этихъ долей, вѣдая ихъ сельское населеніе по финансовымъ и судебнымъ дѣламъ. Двое изъ нихъ по очереди постоянно должны были находиться при губернаторѣ; въ концѣ года всѣ ландраты должны были съѣзжаться въ губернскій городъ, гдѣ подъ предсѣдательствомъ губернатора составляли отчеты и рѣшали важнѣйшія губернскія дѣла. На практикѣ такіе съѣзды мало собирались, губернаторъ продолжалъ править губерніей единолично, и ландраты стали къ нему въ положеніе подчиненныхъ низшихъ инстанцій, надъ которыми онъ стоялъ «яко властелинъ», а не «яко президентъ». Въ такомъ видѣ губернская организація просуществовала съ 1715 до 1719 г.

Какимъ же цѣлямъ должна была служить устроенная такимъ образомъ губернская организація? Очень измѣнчивая по устройству, она преслѣдовала одну постоянную цѣль. Губернская реформа была проникнута тѣмъ же духомъ, который вообще замѣтенъ во всей правительственной дѣятельности XVII в.; эта дѣятельность имѣла въ виду, главнымъ образомъ, увеличеніе доходовъ казны, необходимыхъ на нужды, вызываемыя войнами. Губернская организація казалась Петру болѣе пригодной для увеличенія казеннаго дохода, чѣмъ прежній порядокъ управленія. Она была исключительно предназначена высасывать народныя средства для наполненія ими всепоглощающаго резервуара государственныхъ потребностей. Главными потребностями въ XVII в. и еще болѣе въ началѣ XVIII в. были военныя, удовлетвореніе ихъ и было возложено на губерніи. Пополненіе и содержаніе арміи сдѣлалось главной задачей губернскаго устройства. Петровская губернія вовсе не имѣла въ виду мѣстнаго благосостоянія; всѣ доходы шли въ государственную казну, а не на мѣстныя нужды. Главная обязанность губернатора — собрать съ ввѣренной ему губерніи всѣ казенные сборы, блюсти за тѣмъ, чтобы всѣ падающія на нее повинности были исполнены. Если онъ хотѣлъ заслужить особое царское расположеніе, онъ долженъ былъ объявить «приборъ», т.-е. отыскать новые источники дохода для казны. Но бѣда, если губернатору не удавалось собрать положеннаго на губернію дохода. Царскій гнѣвъ не разбиралъ, произошло ли это по недостатку энергіи губернатора или благодаря истощенію платежныхъ силъ населенія. Губернаторъ подвергался за недоборы строгой отвѣтственности; Петръ въ указахъ прибѣгалъ къ самымъ суровымъ угрозамъ по адресу губернаторовъ, несмотря на то, что губернаторами были видныя лица: Меншиковъ, Апраксинъ, кн. Д. Голицынъ, Т. Н. Стрѣшневъ. За недосылку положеннаго на губернію числа рекрутъ губернаторъ подвергался штрафу по рублю за каждаго человѣка, а иногда предписывалось отписывать у него помѣстья и вотчины. Не разъ Петръ обѣщалъ «жестоко истязать» тѣхъ губернаторовъ, которые не исполнятъ указа въ точности. Одно изъ распоряженій Петра о сборѣ рекрутъ оканчивается повелѣніемъ объявить губернаторамъ, что они будутъ наказаны «яко измѣнники и предатели отечества», если требуемые рекруты не будутъ доставлены къ сроку. Въ другой разъ, получивъ извѣстіе о томъ, что должное число рекрутъ не доставлено на мѣсто назначенія, царь обратился къ сенату съ такимъ строгимъ указомъ: «Господа Сенатъ, ежели губернаторы вскорѣ не исправятся, учинить имъ за сіе, какъ ворамъ достоитъ, не то сами то терпѣть будете». Въ самомъ дѣлѣ, несмотря на то, что губернаторами были видныя лица съ большими чинами, нерѣдко издавалось распоряженіе: послать въ губерніи лейбъ-гвардіи унтеръ-офицеровъ, быть имъ при губернаторахъ, «непрестанно имъ докучать и побуждать ихъ въ сборѣ денегъ». Разъ Петръ, когда ему

донесли о неаккуратности кіевскаго губернатора въ доставкѣ вѣдомостей о приходѣ и расходахъ, особенно ожесточился и приказалъ послать къ кіевскому губернатору лейбъ-гвардіи поручика Карабанова, которому предписалъ, въ случаѣ неисправности, всѣхъ губернскихъ властей, завѣдующихъ сборами, «сковать за ноги и на шею положить цѣпь» и держать въ канцеляріи, покамѣстъ не исполнятъ требованія. Учрежденіе коллегій въ центрѣ повлекло за собою новую реформу областного управленія. И въ областномъ управленіи проводились тѣ же черты, на какихъ было построено центральное. Прежде всего введено было новое однообразное административное раздѣленіе Россіи. Мы видѣли, что въ 1708 г. областною единицей сдѣлалась обширная губернія, подраздѣлявшаяся на старинные неравномѣрные уѣзды. Съ 1715 г. губернія стала дѣлиться на болѣе равномѣрныя области — «доли»; съ 1719 г. раздѣленіе на губерніи и доли было уничтожено, введена новая единица—провинція. Вся та территорія, которая прежде раздѣлена была на 8 губерній, теперь составила 50 провинцій. Каждая провинція раздѣлена была на округа, «дистрикты». Въ этомъ областномъ раздѣленіи Россіи на провинціи и дистрикты искусственное основаніе — цифра населенія—сочеталась съ естественнымъ, географическимъ положеніемъ мѣстности и путями сообщенія. Провинція была меньше прежней губерніи, но больше доли; дистрикты были меньше доли, но больше иного прежняго уѣзда. Новое дѣленіе было болѣе равномѣрнымъ, сравнительно съ прежнимъ, и въ этомъ отношеніи оно было шагомъ впередъ въ развитіи областныхъ учрежденій Россіи. При Петрѣ провинція была совершенно самостоятельной областной единицей, а вовсе не подраздѣленіемъ только прежней губерніи: провинціальная администрація была подчинена непосредственно коллегіямъ и сенату.

Новая административная единица была снабжена сложнымъ административнымъ механизмомъ, заимствованнымъ со шведскаго образца, ставшимъ на мѣсто ландратовъ. Дѣятельность провинціальныхъ учрежденій регулировалась однообразными регламентами, общими для всѣхъ провинцій. Вмѣстѣ съ тѣмъ провинціальное управленіе расчленялось по роду дѣлъ, для каждой категоріи дѣлъ выдѣлялся особый органъ. Для различныхъ функцій администраціи установлены особыя должности. Во главѣ всего провинціальнаго управленія поставленъ былъ воевода. Воеводы тѣхъ провинцій, гдѣ были центры прежнихъ губерній, продолжали титуловаться губернаторами и генералъ-губернаторами, но ихъ власть не простиралась за предѣлы ихъ провинцій. Задачей воеводъ было охранять въ провинціи «царскаго величества интересъ и во всемъ государственную пользу». Ихъ обязанностью былъ надзоръ за благосостояніемъ провинціи, за дѣйствіями всѣхъ другихъ органовъ управленія. Воевода имѣетъ свое присутствіе въ земской канцеляріи, гдѣ обязанъ въ опредѣленные дни и часы принимать

просителей. При немъ въ качествѣ начальника канцеляріи состоитъ ландъ-секретарь. Для финансоваго управленія въ провинціи реформа устанавливала особые органы, таковы были камериръ, рентмейстеръ и провіантмейстеръ. Камериръ, или надзиратель сборовъ, присутствуетъ въ «земской конторѣ»; онъ назначается камеръ-коллегіей, онъ ведетъ финансовую отчетность провинціи, его наблюденію поручаются находящіяся въ провинціи государственныя имущества. Рентмейстеръ начальствуетъ надъ провинціальной «рентереей», или, по-нашему, надъ губернскимъ казначействомъ; онъ назначается штатсъ-конторъ-коллегіей. Его обязанности заключались въ пріемѣ денегъ, храненіи ихъ въ крѣпкомъ безопасномъ мѣстѣ и въ выдачѣ ихъ по ассигновкамъ. Представителемъ администраціи въ дистриктѣ является земскій комиссаръ, назначаемый камеръ-коллегіей. На немъ лежали обязанности двоякаго рода; онъ, во-первыхъ, агентъ финансоваго управленія въ дистриктѣ и въ этомъ качествѣ онъ ближайшимъ образомъ подчиненъ камериру; онъ собираетъ подати съ населенія и отчетъ объ этомъ сборѣ вручаетъ камериру. Во-вторыхъ, онъ представитель полицейской власти и въ этомъ качествѣ онъ подчиненъ непосредственно воеводѣ. Отъ этого «земскаго комиссара», назначаемаго камеръ-коллегіей, слѣдуетъ отличать «комиссара отъ земли», избираемаго дворянствомъ для сбора подушной подати и передачи ея въ полкъ, появившагося въ 1724 г. съ началомъ взиманія этой подати. И округа этихъ комиссаровъ были различны, хотя носили одинаковое названіе. Дистриктъ земскаго комиссара — подраздѣленіе провинціи; дистриктъ комиссара отъ земли — округъ, обнимающій такое количество душъ, сборъ съ которыхъ равняется стоимости ежегоднаго содержанія полка.

X.

Судебныя учрежденія Петра Великаго.

Наиболѣе замѣчательною чертою правительственнаго строя, какимъ его создавала реформа второго періода, было отдѣленіе суда отъ администраціи—черта, шедшая въ разрѣзъ съ предыдущей русской дѣйствительностью, такъ какъ прежде эти двѣ функціи власти были всегда нераздѣльно слиты. Каждый областной воевода, каждый приказъ непремѣнно обладаетъ и судебною властью. Это сліяніе было настолько прочно, что самое слово судья въ XVII в. обозначало именно администратора. Такъ обыкновенно назывались начальники приказовъ. Это новое для русскаго управленія начало раздѣленія властей заимствовано изъ Швеціи, гдѣ на немъ покоилась вся судебная организація. Въ проектахъ судебной реформы, какъ потомъ на первыхъ шагахъ ея осуществленія, это начало проводилось довольно отчетливо. Для отправленія правосудія были

созданы особые органы, отдѣльные отъ административныхъ, и въ свою очередь представителямъ администраціи, воеводамъ и земскимъ комиссарамъ, было запрещено «касаться до юстиціи». Но это раздѣленіе властей вводилось практически, какъ существовавшій политическій порядокъ, а не обсуждалось теоретически, какъ отвлеченная политическая идея.

Во главѣ системы судебныхъ учрежденій стоялъ сенатъ, который стягивалъ къ себѣ всѣ нити судебнаго управленія. Отдѣленіе судебныхъ органовъ отъ административныхъ начиналось съ юстицъ-коллегіи. Эта коллегія имѣла двоякое значеніе. Во-первыхъ, она играла роль министерства юстиціи: она вела администрацію судебнаго вѣдомства: подбирала судебный персоналъ и наблюдала за дѣятельностью судебныхъ органовъ; во-вторыхъ, — и этимъ она рѣзко отличалась отъ министерства юстиціи — она сама была судебнымъ трибуналомъ, слѣдующей за сенатомъ низшей инстанціей, разсматривавшей гражданскія и уголовныя дѣла.

Областная юстиція вѣдалась трибуналами двухъ инстанцій: надворными и нижними судами. «Надворные» суды соотвѣтствовали шведскимъ «гофгерихтамъ», но они составляли слѣдующую низшую инстанцію относительно юстицъ-коллегіи, состояли подъ ея правленіемъ и этимъ отличались отъ шведскихъ. Ихъ было учреждено 10: въ обѣихъ столицахъ, затѣмъ въ Казани, Курскѣ, Ярославлѣ, Воронежѣ, Нижнемъ - Новгородѣ, Смоленскѣ, Тобольскѣ и Енисейскѣ; кромѣ того, для остзейскихъ провинцій сохраненъ былъ гофгерихтъ въ Ригѣ. Вся территорія тогдашней Россіи распредѣлена была въ судебномъ отношеніи на округа, приписанные каждый къ своему надворному суду, составлявшему высшую инстанцію для нижнихъ судовъ округа. При расписаніи этихъ судебныхъ округовъ сыграли роль прежнія большія губерніи, изъ которыхъ пять совпали съ новыми судебными округами. Другіе совпали съ тѣми областями, которыя уже и прежде обособлялись въ губерніяхъ, пріобрѣтая самостоятельное значеніе. Надворные суды составлялись по образцу самой юстицъ-коллегіи; это были также коллегіи изъ президента, вице-президента и нѣсколькихъ членовъ. Нижніе суды, составлявшіе низшую судебную инстанцію и находившіеся подъ правленіемъ «надворныхъ», были двоякаго рода: коллегіальные и единоличные. Первые находились въ нѣкоторыхъ болѣе важныхъ городахъ и назывались также «провинціальными судами», хотя вовсе не были провинціальной инстанціей (Москва, Петербургъ, Смоленскъ, Казань, Нижній-Новгородъ, Симбирскъ, Новгородъ). Предсѣдатели этихъ провинціальныхъ судовъ носили званіе оберъландрихтеровъ. Число ихъ членовъ-асессоровъ было отъ двухъ до четырехъ. Нижними судами назывались также единоличные трибуналы, такъ называемыхъ «городовыхъ» судей, находившіеся въ незначительныхъ городахъ, въ которыхъ не было коллегіальныхъ нижнихъ судовъ. Округами этихъ городовыхъ судей были обыкно-

венно одинъ или два города съ уѣздами. Городовые судьи вовсе не были подчинены нижнимъ коллегіальнымъ судамъ, а, составляя съ ними равную инстанцію, непосредственно подчинялись надворнымъ.

Вмѣстѣ съ реформой судоустройства совершалось преобразованіе судопроизводства. Главной чертой этого преобразованія была отмѣна для уголовныхъ дѣлъ слѣдственнаго процесса, «розыска», съ его необходимыми принадлежностями: пытками, очными ставками и повальными обысками, и установленіе указомъ 5 ноября 1723 г. состязательнаго процесса.

Первая реформа, коснувшаяся городского управленія, была непосредственнымъ завершеніемъ реформъ, предпринятыхъ еще въ царствованіе Ѳеодора.

Въ каждомъ городѣ давно существовала земская изба, гдѣ сидѣлъ выборный тяглымъ посадскимъ населеніемъ земскій староста. При Ѳеодорѣ въ руки земскихъ старостъ былъ переданъ сборъ прямыхъ податей. Косвенные сборы собирались вѣрными таможенными и кабацкими головами. 30 января 1699 г. вышелъ указъ, по которому, кромѣ земскаго старосты, оставшагося предсѣдателемъ посадскаго схода, велѣно было выбирать въ посадахъ «бурмистровъ» для суда и сбора прямыхъ податей, а прежніе вѣрные головы были переименованы въ таможенныхъ и кабацкихъ бурмистровъ и были подчинены земскимъ бурмистрамъ. Такимъ образомъ, земскіе бурмистры сосредоточили въ своихъ рукахъ завѣдываніе посадскимъ тяглымъ населеніемъ по финансовымъ дѣламъ. Имъ же Петръ предоставилъ вѣдать это населеніе по судебнымъ дѣламъ: гражданскимъ и уголовнымъ. Такъ тяглые посадскіе люди вышли изъ-подъ власти воеводъ. Воеводѣ теперь до нихъ не было никакого дѣла. Это не значило, что воеводы были высланы изъ городовъ, они тамъ оставались, управляя другими классами общества: служилыми людьми и крѣпостнымъ крестьянствомъ въ городѣ и уѣздѣ. Только въ сѣверныхъ «поморскихъ» городахъ, гдѣ не было ни помѣщичьихъ, ни крѣпостныхъ крестьянъ, гдѣ уѣзды населены были государственными черносошными крестьянами, которые въ податномъ отношеніи приравнивались къ посадскимъ людямъ воеводы остались совершенно безъ дѣла. Однако ихъ продолжали назначать и въ эти города, гдѣ имъ нечего было дѣлать, но назначаемые въ эти города отказывались сами туда ѣхать, откровенно заявляя, что имъ тамъ «питаться нечѣмъ и быть не у чего».

Въ тотъ же день, 30 января 1699 г., было создано центральное учрежденіе, которое должно было сосредоточить въ своихъ рукахъ управленіе купечествомъ всѣхъ городовъ, гдѣ была введена реформа. Это была московская земская изба, получившая двойственный характеръ: во-первыхъ, она была мѣстнымъ учрежденіемъ, вѣдавшимъ московское купечество, во-вторыхъ, ей же были

подчинены и провинціальныя земскія избы. Эту московскую земскую избу приказано было именовать бурмистерской палатой, а впослѣдствіи ратушей. Торговое и промышленное населеніе Москвы выбирало въ нее изъ своей среды 12 бурмистровъ, изъ которыхъ одинъ помѣсячно былъ президентомъ. Ратуша объединяла дѣятельность провинціальныхъ земскихъ избъ. Въ нее стекались изъ нихъ всѣ сборы, она же представляла изъ себя по отношенію къ нимъ и высшую судебную инстанцію. Ратуша посылала провинціальнымъ земскимъ избамъ свои распоряженія въ формѣ «указовъ». Ратуша и была тѣмъ «единымъ пристойнымъ приказомъ» для управленія городами, о которомъ мечталъ еще Ординъ-Нащокинъ. Въ первые же годы своей дѣятельности она собрала огромныя суммы денегъ, давшія Петру возможность оправиться послѣ Нарвскаго пораженія и вести войну съ успѣхомъ.

Одновременно съ устройствомъ высшаго управленія началось и переустройство городовъ. При раздѣленіи Россіи на губерніи въ 1708 г. ратуша была лишена своего всероссійскаго значенія и, подобно многимъ приказамъ, сдѣлалась однимъ изъ губернскихъ учрежденій Московской губерніи; предметы ея вѣдомства были подѣлены между губернскими канцеляріями. Вмѣстѣ съ тѣмъ и земскія избы, ею объединяемыя, теперь вышли изъ подчиненія ратушѣ и опять были отданы въ вѣдѣніе областныхъ начальниковъ, губернаторовъ. Но возвращеніе городовъ подъ начальство губернаторовъ дурно вліяло на положеніе городского класса, и царь откровенно долженъ былъ признаться, что «купецкіе и ремесленные тяглые люди во всѣхъ городахъ обрѣтаются не токмо въ какомъ призрѣніи, но паче отъ всякихъ обидъ, нападковъ и отягощеній едва не всѣ разорены». Такое положеніе дѣлъ, конечно, требовало реформы, и во второй періодъ петровскихъ правительственныхъ реформъ, управленіе городовъ было преобразовано. Тотъ же Генрихъ Фикъ, которому принадлежитъ починъ въ дѣлѣ губернской реформы 1719 г., представилъ царю меморіалъ о необходимости преобразовать городское устройство, и Петръ повелѣлъ: «Магистратовъ градскихъ установить... учинивъ сіе на основаніи рижскихъ и ревельскихъ регламентовъ». Изъ этихъ словъ виденъ источникъ, изъ котораго вытекало новое устройство. Этой резолюціей данъ былъ толчокъ реформѣ, но проводилась она какъ-то медленно и вяло. Вниманіе Петра постоянно отвлекалось другими реформами. Только въ 1720 г. былъ назначенъ въ оберъ-президенты главнаго магистрата бригадиръ князь Трубецкой и въ товарищи къ нему Илья Исаевъ, которымъ поручено было организовать въ Петербургѣ главный, а въ остальныхъ городахъ подчиненные ему магистраты. Исполнить это порученіе было, однако, трудно, такъ какъ самый уставъ или регламентъ, по которому должны были дѣйствовать магистраты, былъ готовъ только къ январю 1721 года. Но и послѣ изданія регламента дѣло, порученное Трубецкому, плохо подвигалось. Петръ, справившись о

немъ въ январѣ слѣдующаго 1722 года и узнавъ, что еще ничего не готово, обратился къ Трубецкому съ указомъ, рисующимъ характеръ и пріемы преобразователя гораздо ярче, чѣмъ это могутъ сдѣлать цѣлыя страницы иной характеристики: «Понеже давно имѣется указъ и регламентъ,—пишетъ царь Трубецкому,—о исправленіи дѣла вамъ врученнаго, а именно о учиненіи перво въ С.-Петербургѣ магистрата правильнаго и цеховъ въ примѣръ другимъ городамъ, а потомъ въ Москвѣ и тако въ прочихъ; но по сіе время никакого успѣху въ томъ не дѣлается, того ради симъ опредѣляемъ, что ежели въ Петербургѣ сихъ двухъ дѣлъ, т.-е. магистрата и цеховъ, не учините въ пять мѣсяцевъ или въ полгода, то ты и товарищъ твой Исаевъ будете въ каторжную работу посланы». Однако только черезъ два года послѣ этого суроваго указа магистраты начали свое дѣйствіе.

Эта реформа, какъ и предыдущая, касалась не всего городского населенія, а только торгово-промышленнаго класса: шляхетство, священство, иностранные купцы между гражданами не числятся. Исключеніе совершенно понятное, если имѣть въ виду ту цѣль, которую преслѣдовала реформа 1721 г. Эта цѣль та же, съ которою вводились прежде земскія избы; поднять благосостояніе торгово-промышленнаго класса въ интересахъ государственнаго казначейства. Какъ и прежде, это достигалось двумя средствами: во-первыхъ, изъятіемъ этого класса изъ-подъ управленія областной администраціи; во-вторыхъ, посредствомъ объединенія торгово-промышленнаго класса въ вѣдомствѣ одного центральнаго учрежденія, какимъ прежде была ратуша, а теперь сдѣлался главный магистратъ, который и имѣлъ своею задачею, по выраженію Петра, «сію разсыпанную храмину паки собрать». Вотъ почему дѣйствіе новыхъ учрежденій не распространяется на классы, которые не должны заниматься торговлею и промыслами, дворянство и духовенство. Все населеніе города, за исключеніемъ этихъ классовъ, раздѣляется по регламенту на двѣ обширныя категоріи: во-первыхъ, «регулярные граждане», къ которымъ принадлежатъ домовладѣльцы, хозяева промышленныхъ заведеній и вообще люди, обладающіе нѣкоторымъ капиталомъ; во-вторыхъ, всѣ тѣ, которые не входили въ составъ «гражданства», какъ-то: люди, «обрѣтающіеся въ наймахъ и черныхъ работахъ», т.-е. главнымъ образомъ рабочее населеніе города, живущее заработной платой, не располагающее капиталомъ, которое образовало теперь классъ «подлыхъ людей». Подлые люди «нигдѣ между знатными и регулярными гражданами не считаются». «Регулярное гражданство» довольно близко подходитъ къ до-петровскому классу тяглыхъ посадскихъ людей, какими мы ихъ знаемъ со времени Уложенія. Тяглые посадскіе люди дѣлились прежде по размѣрамъ своихъ капиталовъ, или, что одно и то же, по количеству платимыхъ государству податей, на три разряда: лучшихъ, середнихъ и молодшихъ. Теперь

регулярному гражданству дано новое раздѣленіе съ названіями, заимствованными изъ Западной Европы. По размѣрамъ капиталовъ оно раздѣлено теперь на двѣ гильдіи. Къ первой принадлежатъ крупные капиталисты, оптовые торговцы, «ученые, банкиры, знатные купцы, которые имѣютъ отъѣзжіе большіе торги и которые разными товарами въ рядахъ торгуютъ, городскіе докторы, аптекари, лѣкари, шкиперы купеческихъ кораблей» и нѣкоторые разряды ремесленниковъ: золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера, иконники, живописцы. Ко второй гильдіи относятся мелкіе торговцы и остальные виды ремесленниковъ. Гильдія имѣетъ свое сословное управленіе; она избираетъ нѣсколько старшинъ со старостою во главѣ; они служатъ посредниками между гильдіями и магистратомъ. Кромѣ раздѣленія на гильдіи для ремесленнаго класса городского населенія существовало еще дѣленіе на цунфты, или цехи. Цехъ составляется изъ занимающихся однимъ ремесломъ, имѣетъ свои собранія, свою администрацію въ лицѣ выборныхъ старшинъ, или алдермановъ, свои уставы. Гильдіи и цехи были заимствованы изъ Западной Европы, гдѣ эти стѣснительные для предпріимчивости остатки старины были во второй половинѣ XVIII в. благоразумно уничтожаемы государями эпохи просвѣщеннаго абсолютизма или смыты волной французской революціи. Впрочемъ, и здѣсь Петръ ограничился заимствованіемъ именъ и внѣшнихъ формъ, вложивъ въ послѣднія домашнее содержаніе: его гильдіи и цехи совсѣмъ не имѣютъ той замкнутости и того привилегированнаго характера, съ какимъ мы видимъ ихъ на Западѣ. Ремеслами, напримѣръ, можно было заниматься, не вступая въ цехъ; въ цехъ принимался всякій, кто угодно, какого бы званія и состоянія онъ ни былъ. Цѣль, съ которою Петръ переносилъ эти учрежденія въ Россію, была поднятіе торговли и промышленности. Увидѣвъ ихъ процвѣтаніе въ западно-европейскихъ городахъ и познакомившись съ устройствомъ западно-европейскихъ цеховъ, Петръ связалъ эти два явленія причинной связью, и перенесъ цехи и гильдіи въ Россію. Само собою разумѣется, что здѣсь они не дали тѣхъ результатовъ, на которые онъ надѣялся. Притомъ регламентъ только въ общихъ чертахъ намѣтилъ ихъ устройство, предоставляя подробную разработку ихъ уставовъ будущему. Сколько можно судить по этимъ общимъ чертамъ, цехи и гильдіи должны были быть простыми общественными группами безъ всякихъ правъ и привилегій и объединенными выборною администраціей.

Таково было проектируемое Петромъ устройство городского населенія. По количеству жителей города раздѣлялись на пять разрядовъ, изъ которыхъ въ первомъ число дворовъ должно было быть не меньше 2000, а въ послѣдній входили города, въ которыхъ число дворовъ было не болѣе 250. Въ городахъ первыхъ четырехъ разрядовъ учреждались магистраты, въ члены которыхъ

избирались гражданствомъ пожизненно первостатейные граждане. Число этихъ членовъ находилось въ зависимости отъ разряда, къ которому принадлежалъ городъ. Такъ, въ городахъ перваго разряда магистратъ состоялъ изъ президента, 4-хъ бургомистровъ и 8-ми ратмановъ, тогда какъ въ городахъ 5-го разряда управленіе вмѣсто магистрата поручалось одному бургомистру. Служащіе по городскимъ выборамъ пользовались нѣкоторыми преимуществами, именно, ихъ запрещалось назначать на всякаго рода казенныя службы по финансовому вѣдомству, и, кромѣ того, за тщательное радѣніе по службѣ они могли быть пожалованы шляхетствомъ. Это показываетъ, что на нихъ скорѣе смотрѣли какъ на правительственныхъ чиновниковъ, чѣмъ какъ на представителей самоуправленія. На магистратъ были возложены, главнымъ образомъ, финансовыя и судебныя обязанности. Онъ долженъ былъ заботиться о сборѣ податей, объ отбываніи гражданами повинностей, составлять переписи гражданъ. Была, впрочемъ, сдѣлана попытка освободить магистраты отъ особенно тяжелой обязанности завѣдывать косвенными сборами и вмѣсто горожанъ назначать на должности таможенныхъ и кабацкихъ головъ отставныхъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, а къ нимъ въ команду раскольниковъ и «бородачей», но эта попытка окончилась неудачей, и косвенные сборы такъ и остались въ рукахъ торгово-промышленнаго класса. Магистрату, далѣе, принадлежалъ судъ надъ гражданами и подлыми людьми по всѣмъ дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ; только смертныхъ приговоровъ онъ не могъ приводить въ исполненіе собственной властью. На магистраты же была возложена полиція въ широкомъ смыслѣ этого слова, которая по выраженію регламента «споспѣшествуетъ въ правахъ и правосудіи, рождаетъ добрые порядки и нравоученіе, всѣмъ безопасность подаетъ отъ разбойниковъ, воровъ, насильниковъ и обманщиковъ и симъ подобныхъ, непорядочное житіе отгоняетъ и принуждаетъ каждаго къ трудамъ и честному промыслу, чинитъ добрыхъ досмотрителей, тщательныхъ и добрыхъ служителей, города и въ нихъ улицы регулярно сочиняетъ, препятствуетъ дороговизнѣ и приноситъ довольство во всемъ потребномъ къ жизни человѣческой, предостерегаетъ всѣ приключившіяся болѣзни, производитъ чистоту по улицамъ и въ домахъ, запрещаетъ излишество въ домовыхъ расходахъ и всѣ явныя погрѣшенія, призираетъ нищихъ, бѣдныхъ, больныхъ, увѣчныхъ и прочихъ неимущихъ, защищаетъ вдовицъ, сирыхъ и чужестранныхъ; по заповѣдямъ Божіимъ воспитываетъ юныхъ въ цѣломудренной чистотѣ и честныхъ наукахъ; вкратцѣ же надъ всѣми сими полиція есть душа гражданства и всѣхъ добрыхъ порядковъ и фундаментальный подпоръ человѣческой безопасности и удобности».

Городовые магистраты подчинялись главному магистрату, находящемуся въ Петербургѣ, подобно тому, какъ прежнія земскія избы подчинялись находившейся въ Москвѣ ратушѣ. Главный

магистратъ руководитъ дѣятельностью подчиненныхъ, даетъ имъ инструкціи и является относительно ихъ высшею судебною инстанціею. Ему принадлежитъ контроль надъ ними; каждый городовой магистратъ ежегодно представляетъ въ главный магистратъ отчетъ о состояніи своего города. Самъ главный магистратъ подчиненъ сенату наравнѣ съ коллегіями; его президентъ, какъ мы видѣли, назначается правительствомъ.

Таково было устройство управленія, введенное петровскою реформою. Во главѣ его находится сенатъ, ближайшій повѣренный государя, сосредоточивающій въ своихъ рукахъ всѣ отрасли управленія и наблюдавшій за всѣми другими правительственными органами. Сенатъ въ 20-хъ годахъ обросъ нѣсколькими тѣсно примкнувшими къ нему учрежденіями, каковы были: герольдмейстеръ, вѣдавшій дворянство, рекетмейстеръ, статсъ-секретарь для принятія прошеній на высочайшее имя, генералъ-прокуроръ, ставшій во главѣ системы прокуроровъ, и генералъ-фискалъ во главѣ сложной системы фискаловъ. Слѣдующую ступень администраціи заняли коллегіи, расчленявшія между собою отрасли управленія. Всей совокупности коллегій было подчинено областное управленіе, сносящееся съ каждой по роду дѣлъ ея, по тѣмъ дѣламъ, которыя не относились къ вѣдѣнію коллегій съ сенатомъ. Введено было новое областное раздѣленіе Россіи на провинціи и дистрикты. Провинція была снабжена сложной системой правительственныхъ учрежденій съ воеводою, имѣвшимъ высшій надзоръ за дѣйствіями всѣхъ другихъ чиновъ и обязаннымъ пещись о благосостояніи провинціи, съ камерпромъ и рентмейстеромъ, вѣдавшими провинціальные финансы, съ земскимъ комиссаромъ, который былъ представителемъ финансоваго и полицейскаго управленія въ дистриктѣ. Отъ администраціи былъ отдѣленъ судъ, отправленіе котораго было возложено на особые органы съ юстицъ-коллегіей во главѣ, съ десятью надворными судами въ серединѣ и съ нижними судами, коллегіальными и единоличными, въ основаніи. Отъ общихъ административныхъ и судебныхъ учрежденій отдѣлялись учрежденія, вѣдавшія посадское населеніе городовъ—магистраты, связанные въ іерархическую систему съ главнымъ магистратомъ во главѣ. Эта правительственная машина, ставшая на мѣсто вотчинныхъ учрежденій Московскаго государства, должна была служить тѣмъ широкимъ цѣлямъ, которыя ставило себѣ государство Петра Великаго.

Въ разныхъ сторонахъ преобразованій Петра Великаго ясно просвѣчиваютъ воодушевлявшіе его политическіе идеалы. Реформа, начавшаяся случайно и проходившая въ первой своей стадіи стихійно, подъ конецъ стала принимать сознательный и осмысленный характеръ. Мѣнялся и росъ самъ Петръ. Для историковъ старой школы Петръ чуть не съ дѣтства выступалъ преобразователемъ, воодушевленнымъ геніальными замыслами, въ 16—17 лѣтъ прозорливо вглядывавшимся въ будущее. Теперь, болѣе детальнымъ изуче-

ніемъ преобразованій, возстановлена перспектива личнаго развитія Петра. Въ дѣтствѣ Петръ, какъ и всѣ дѣти, игралъ въ игрушки, пристрастился особенно къ военнымъ забавамъ. Въ юности эти игрушки превратились въ игры; онъ забавляется съ потѣшными полками и строитъ потѣшные корабли на Переяславскомъ озерѣ. Даже получивъ въ свои руки власть по устраненіи сестры, онъ долгое время продолжаетъ серьезно интересоваться только тѣми же военными и морскими играми, нисколько не думая что-либо преобразовывать, да и вообще мало занимаясь государственными дѣлами. Съ годами, однако, масштабъ игръ растетъ; потѣшные отряды становятся гвардейскими полками; какъ продолженіе подмосковныхъ маневровъ предпринимаются азовскіе походы, а переяславская флотилія уступаетъ мѣсто значительному воронежскому флоту, тягость сооруженія котораго почувствовало уже все государство. Въ завоеваніи Азова и сооруженіи воронежскаго флота военная забава переходитъ въ серьезное дѣло, цѣль котораго нанести ударъ вѣковому врагу, Крыму, и покровительствующей ему Турціи, съ ихъ наиболѣе слабой стороны, съ моря, послѣ того, какъ нападеніе на Крымъ съ суши не удалось.

Среди военныхъ потѣхъ Петръ знакомится съ Нѣмецкой слободой, сближается съ иноземцами, которые своими знаніями помогаютъ ему въ затрудненіяхъ, возникающихъ передъ нимъ на каждомъ шагу въ его новыхъ занятіяхъ. Онъ много веселится, но при этомъ обнаруживаетъ горячее стремленіе учиться, узнавать во всѣхъ подробностяхъ технику увлекающихъ его дѣлъ: военнаго и кораблестроенія. Онъ добровольно садится за книги и тетради, учится совсѣмъ новымъ наукамъ, а затѣмъ ѣдетъ на западъ самъ, чтобы усовершенствоваться въ главномъ, занимающемъ его дѣлѣ — въ кораблестроеніи — и внезапно вызванный оттуда круто расправляется съ стрѣльцами. Только съ началомъ Сѣверной войны Петръ выступаетъ впервые передъ нами съ разносторонней, широкой и самостоятельной дѣятельностью государя. Пораженіе подъ Нарвой показало, что война со Швеціей — не потѣшные и даже не азовскіе походы. Война затянулась, поглотила все вниманіе царя, вызвала неустанную работу, заставила и народъ напречь всѣ свои силы. Стало необходимо приспособить народныя силы къ тяжелой борьбѣ — и вотъ одно за другимъ начались преобразованія, совокупность которыхъ и составляетъ то, что называется реформой Петра Великаго. То были: преобразованіе вооруженныхъ силъ, созданіе флота на Балтійскомъ морѣ, новыя подати, созданіе новыхъ видовъ промышленности, чтобы поднять производительность народнаго труда, устройство школъ, распространеніе знаній, новая организація службы государству, перемѣны въ государственныхъ учрежденіяхъ. Словомъ, всѣ области государственной жизни были затронуты, одна цѣплялась и задѣвала за другую, и Петръ очутился среди хаоса, въ которомъ при всеобщемъ разгромѣ изъ мусора

развалинъ и обломковъ стараго вырисовывались фасады новыхъ строеній. Такъ онъ оказался въ самомъ центрѣ государственнаго строительства и неизбѣжно долженъ былъ взяться за его направленіе. Теперь его вниманіе привлекаютъ не одни полки и корабли; оно охватываетъ всѣ области государственной жизни. Изъ военнаго организатора и корабельнаго инженера Петръ становится государственнымъ человѣкомъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Такъ могуче развившаяся, захватившая такія широкія и разнообразныя сферы дѣятельность должна была получить какое-либо общее направленіе. Было ли такое направленіе у Петра?

Петръ Великій не былъ отвлеченнымъ мыслителемъ, творцомъ политическихъ системъ. Однако въ теченіе своей довольно долгой жизни при своихъ выдающихся способностяхъ и при своемъ умѣньи наблюдать, онъ не могъ не прійти къ какимъ-либо общимъ политическимъ взглядамъ. Перемѣнчивость намѣреній и плановъ въ преобразовательной дѣятельности, выразившаяся въ отрывочныхъ и часто противорѣчивыхъ указахъ, одинъ за другимъ выходившихъ изъ-подъ его пера, не показываетъ еще отсутствія политическаго идеала: она является лишь признакомъ страстныхъ порывовъ въ стремленіи къ нему. Петръ хватается то за одно, то за другое средство, которое кажется ему ведущимъ къ достиженію идеала: разочаровываясь въ результатахъ, бросаетъ начатое, мѣняетъ его на другое средство, которымъ увлекается со всею горячностью своей пылкой натуры. Но во всей этой кипучей дѣятельности, во всей этой быстрой смѣнѣ намѣреній и начинаній, видно одно стремленіе и оно становится все яснѣе по мѣрѣ развитія самаго Петра, по мѣрѣ все болѣе широкаго знакомства его съ западно-европейскимъ міромъ,— знакомства, которое началось съ поѣздокъ въ нѣмецкую слободу и окончилось посѣщеніемъ важнѣйшихъ государствъ Европы, которое началось съ приглашенія нѣмецкаго плотника Тиммермана и окончилось сношеніями съ однимъ изъ самыхъ великихъ мыслителей того времени — Лейбницемъ, которое началось съ вопросовъ о томъ, какъ дѣйствовать астролябіей и пускать на парусахъ игрушечные ботики, и привело къ изученіямъ государственныхъ учрежденій Европы. Идеаломъ Петра была Россія, какъ европейское государство.

Чтобы понять, что̀ Петръ подразумѣвалъ подъ европейскимъ государствомъ, надо вспомнить ту политическую обстановку, въ которой онъ жилъ, какъ политическую дѣйствительность того времени, такъ и политическія идеи той эпохи. Мы замѣчаемъ всегда взаимодѣйствіе между дѣйствительностью и идеями: съ одной стороны, политическая философія осмысливаетъ то, что сложилось въ дѣйствительности, съ другой — сама дѣйствительность слѣдуетъ правиламъ, установленнымъ политической философіей. Къ XVII вѣку вездѣ въ Европѣ на мѣсто феодальныхъ дробленій возникаетъ государство съ абсолютной, неограниченной властью. Въ то же время появляется

и политическая философія, которая даетъ теоретическое обоснованіе этому государству съ абсолютной верховной властью. Это былъ вѣкъ блестящаго расцвѣта политической мысли, когда на философскомъ горизонтѣ свѣтятъ звѣзды первой величины: Гроцій. Пуффендорфъ, Гоббсъ, Локкъ и другія мелкія, которыя теперь уже забыты. Это было время господства раціонализма въ политической философіи, который сводилъ все къ разуму и все пытался объяснить изъ разумныхъ началъ. Это было время договорной теоріи происхожденія государствъ. Люди первоначально живутъ въ естественномъ состояніи, но затѣмъ въ цѣляхъ общаго блага, въ цѣляхъ прекращенія непрестанной взаимной борьбы, заключаютъ между собою договоръ, которымъ и образуется государство. Люди соглашаются договоромъ учредить у себя верховную власть, въ пользу которой они отказываются каждый отъ своей самостоятельности, и всѣ свои права переносятъ на эту верховную власть, которая такимъ образомъ является абсолютной. По ученію Гоббса верховная власть въ государствѣ не подлежитъ ничьему контролю, она выше закона, такъ какъ она служитъ источникомъ закона. Только верховной власти принадлежитъ право сужденія, только она обладаетъ всѣми свойствами для достиженія истины, только она не можетъ ошибиться въ выборѣ между сужденіями.

Политическая дѣйствительность много усвоила изъ этой теоріи и пыталась осуществить ее на дѣлѣ. Вотъ почему верховная власть въ XVII и XVIII вв. играетъ такую выдающуюся роль, получаетъ такое огромное значеніе: она становится для подданныхъ на мѣсто Провидѣнія, окружаетъ ихъ всеобъемлющей опекой, даетъ подданнымъ не только безопасность, не только завѣдуетъ внѣшней обороной, не только учреждаетъ правосудіе, она также насаждаетъ промышленность, поощряетъ ее путемъ финансовыхъ субсидій и посредствомъ подробныхъ предписаній регулируетъ всѣ мелочи экономическаго производства. Она заботится также о здоровьи подданныхъ, слѣдитъ за ихъ нравственностью, она выбираетъ даже для нихъ религію, вмѣшиваясь, такимъ образомъ, даже въ интимную сторону жизни подданныхъ. Въ XVI вѣкѣ, дѣйствительно, былъ установленъ такой политическій принципъ: государь опредѣляетъ религію для своего государства, а подданные обязаны ее исповѣдывать. Наивысшаго значенія въ такомъ смыслѣ верховная власть достигаетъ въ XVIII вѣкѣ въ эпоху просвѣщеннаго абсолютизма, когда на европейскихъ тронахъ являются монархи-философы, а у этихъ троновъ становятся министры, проводящіе философскія аксіомы въ жизнь.

Вотъ та политическая дѣйствительность и тѣ идеи, среди которыхъ пришлось дѣйствовать Петру. Онъ не былъ теоретическимъ мыслителемъ; отвлеченныя теоріи ему не давались, онъ съ трудомъ ихъ усваивалъ. Но, обладая живымъ, любознательнымъ и проницательнымъ умомъ, онъ не могъ не присмотрѣться во время своихъ

странствованій по Европѣ къ западно-европейской политической дѣйствительности, не могъ остаться глухъ къ западно-европейскимъ политическимъ идеямъ. Вѣдь идеи имѣютъ свойство какъ бы носиться въ воздухѣ и заражать собою хоть немного воспріимчивые умы. Петръ не оставилъ послѣ себя цѣльной и стройной системы, но онъ весь пропитанъ политическими идеями своего времени. Правда, отвлеченное въ этихъ идеяхъ не давалось ему. Будучи практическимъ дѣльцомъ по преимуществу, онъ не занимался теоріей о происхожденіи государства, но то, что было практическаго въ этихъ идеяхъ, онъ хорошо усвоилъ. Онъ очень ясно выразилъ свой взглядъ на общее благо, какъ на цѣль государства, и на верховную власть, какъ на средство, ведущее къ этой цѣли. Въ своей отвѣтной рѣчи на торжествѣ 22 октября 1721 г., когда ему поднесенъ былъ титулъ Императора, онъ, указывая на предстоящія послѣ войны задачи правительственной дѣятельности, между прочимъ, замѣтилъ, что теперь, когда окончилась война, его задачей является «трудиться о пользѣ и прибыткѣ общемъ». Этими словами онъ выражаетъ ту же мысль, какую проводили и философы.

При немъ верховная власть, какъ средство для достиженія этой цѣли, получаетъ новое значеніе. Мы можемъ отмѣтить два отличія въ значеніи верховной власти при Петрѣ сравнительно съ XVII в. Во-первыхъ, она становится болѣе отвлеченной. Люди XVII в. смотрѣли на верховную власть слишкомъ конкретно, они отождествляли государство съ личностью государя, для нихъ эти два понятія были неразрывны. Московское государство XVII вѣка есть еще вотчина, населенная разнаго рода крѣпостными, а государь—вотчинникъ этой вотчины, хозяинъ въ этомъ большомъ вотчинномъ хозяйствѣ. При Петрѣ эти два понятія, государство и государь, расчленяются и становятся отдѣльными, при чемъ верховная власть теряетъ свои вотчинныя свойства, становится государственнымъ учрежденіемъ съ характеромъ строго государственнаго, а не частнаго права. Другое отличіе заключается въ томъ, что верховная власть теряетъ теперь свой мистическій обликъ, съ какимъ она являлась прежде, въ XVII вѣкѣ. Это сказывается даже во внѣшнихъ формахъ, въ которыхъ она предстоитъ предъ глазами подданныхъ. Верховная власть въ XVII в. появлялась передъ подданными въ торжественной обстановкѣ, когда царя, облаченнаго въ золотыя церковнаго покроя одежды, при торжественномъ звонѣ кремлевскихъ колоколовъ, вели подъ руки съ Краснаго крыльца въ одинъ изъ соборовъ, или когда онъ предпринималъ путешествіе въ одинъ изъ монастырей, окруженный отрядомъ стрѣльцовъ, когда при встрѣчѣ съ нимъ всѣ должны были падать ницъ, какъ передъ земнымъ богомъ. Этотъ обычай былъ воспрещенъ Петромъ Великимъ. При Петрѣ носитель верховной власти сталъ появляться среди подданныхъ въ странномъ, непривычномъ для нихъ видѣ: на корабельной мачтѣ, въ голландской курткѣ, съ трубкой табаку

въ зубахъ. Всякая парадная внѣшность Петра тяготила; участвовать въ придворныхъ церемоніяхъ было для него почти страданіемъ. Для церемоній, въ которыхъ императорская власть должна была выступать во всемъ внѣшнемъ величіи, у него былъ какъ бы манекенъ, князь-кесарь Ромодановскій, который былъ облекаемъ во внѣшніе знаки императорской власти. Но когда нельзя было пустить въ ходъ эту куклу, Петръ испытывалъ большія страданія. Такъ, въ августѣ 1723 г., ему пришлось дать торжественную аудіенцію персидскому послу. Съ Персіей былъ заключенъ миръ и надобно было принять посла этой восточной державы со всею торжественностью этикета. Очевидецъ, камеръ-юнкеръ Бергольцъ, живо описалъ сцену пріема и роль въ ней Петра. Петръ, говоритъ онъ, одѣтый въ красный расшитый серебромъ камзолъ на собольей подкладкѣ, держа трехугольную шляпу подъ мышкой, нетерпѣливо ходилъ по комнатѣ, расположенной рядомъ съ тронной залой въ ожиданіи посла; онъ необыкновенно волновался, лицо его покрывалось краской, и этимъ онъ приводилъ въ смущеніе императрицу. Когда послышались шаги посла, онъ пошелъ въ тронную залу и сталъ въ торжественную позу на тронѣ. Петръ нетерпѣливо нюхалъ табакъ, на лбу его выступали капли пота, когда посолъ читалъ напыщенную рѣчь и когда, окончивъ чтеніе и опустившись передъ трономъ на колѣни, онъ поползъ по ступенямъ трона, чтобы поцѣловать руку императора. Петръ всегда любилъ въ торжествѣ играть второстепенную роль; на ассамблеяхъ въ Лѣтнемъ саду онъ присаживался къ иностраннымъ купцамъ; при каждомъ торжественномъ пирѣ садился обычно на концѣ стола, выбирая въ сосѣди иностранныхъ мастеровъ. Въ немъ какъ-то каждую минуту изъ-за облика императора выглядывалъ простой рабочій.

Но эта перемѣна въ положеніи верховной власти выражалась не только въ этихъ внѣшнихъ формахъ, она сказывалась также и въ самомъ законодательствѣ. Законодательство Петра Великаго отличается отъ законодательства предыдущаго времени двумя чертами. Первое отличіе его состоитъ въ томъ, что оно является всеобъемлющимъ, оно касается всѣхъ сторонъ жизни подданнаго. Судебники и Уложеніе Алексѣя Михайловича, въ соотвѣтствіи съ общимъ характеромъ государственной дѣятельности XVI и XVII вв., содержатъ, главнымъ образомъ, процессуальное право, матеріальнаго права въ нихъ очень немного. Для людей того времени въ законодательствѣ было меньше нужды, у нихъ была сила, на которую они всегда опирались, обычай. Московское государство жило обычаемъ, судьи судили въ приказахъ, опиравшихся на обычай, обычай руководилъ и частной жизнью человѣка; въ сомнительныхъ случаяхъ онъ справлялся съ тѣмъ, какъ указывалъ обычай, какъ повелось отъ предковъ. «Такъ повелось»—и этой ссылки было достаточно, чтобы устранить всѣ сомнѣнія и прекратить вся-

кое колебаніе. «Такъ не повелось»—и иногда никакими казнями и пытками нельзя было сломить упорство, поддерживаемое этимъ основаніемъ. Въ XVIII в. на мѣсто обычая поставленъ разумъ, который объявляетъ обычаю безпощадную войну, стремится изгнать его изъ всѣхъ сферъ, всю жизнь перестраиваетъ на новый ладъ; законъ, основанный на разумѣ, долженъ былъ опредѣлить всѣ мельчайшія подробности не только общественной жизни, но и частной. И вотъ законодательство Петра, какъ и законодательство всѣхъ европейскихъ государствъ того времени, охватываетъ жизнь подданныхъ рѣшительно со всѣхъ сторонъ. Правительство окружаетъ подданныхъ всеобъемлющимъ попеченіемъ: оно предписываетъ, какъ строить города, какъ строить дома въ городахъ и деревняхъ, оно опредѣляетъ весь обиходъ частной жизни; оно указываетъ, какой внѣшній обликъ и какую одежду долженъ носить подданный, напр., одни должны брить бороду и носить нѣмецкое платье, другимъ, раскольникамъ, предписывалось носить длинныя бороды и русское платье. Законодательство указывало также и науки, которымъ подданные должны были учиться; оно завѣдывало также и увеселеніями и такъ какъ не было средствъ для устройства общественныхъ увеселеній, то оно вмѣшивалось въ частное увеселеніе: былъ изданъ, напримѣръ, указъ объ устройствѣ ассамблей, подробно опредѣляющій, какъ долженъ былъ держать себя хозяинъ, чѣмъ занимать гостей, въ которомъ часу начинать, въ которомъ кончать ихъ пріемъ. Государство указывало также, какъ должны люди лѣчиться. Петръ самъ пользовался за границей водами—надо было открыть такія и Россіи, и вотъ былъ открытъ желѣзистый источникъ въ Олонецкомъ краю, вода котораго была объявлена цѣлительной. Тотчасъ былъ изданъ подробный регламентъ о томъ, какъ надо было пользоваться этими водами. Если больному случалось умереть, то и на такой случай были изданы правила: въ какихъ гробахъ хоронить, какъ ставить на могилѣ памятникъ и т. п. Государство заботится даже о томъ, чтобы подданные ежегодно исповѣдывались и причащались. Оно не стѣснялось предписывать правила поведенія для тѣхъ церковныхъ іерарховъ, которые облачены были особенною благодатью Святого Духа: вышелъ законъ о томъ, какъ должны были держать себя архіереи во время службы: «упражняться въ богомысліи и постороннихъ докладовъ не принимать».

Такимъ образомъ законодательство охватывало подданнаго со всѣхъ сторонъ его жизни и окружало его всеобъемлющей и самой тщательной опекой. Этотъ всеобъемлющій характеръ законодательства Петра — одна его черта. Вторая черта — это тѣ средства, которыя имѣетъ въ виду законодатель для исполненія своихъ законовъ. До Петра извѣстно было одно средство — угрозы и наказанія; законодатель дѣйствовалъ какъ суровый педагогъ, рука котораго постоянно вооружена кнутомъ и плетью. Откройте Уложеніе—на каждомъ шагу вы увидите тамъ слова: «а буде которые

люди учнутъ дѣлати» то-то и то-то «и тѣхъ людей казнить безъ всякаго милосердія», или «бить нещадно». Законодательство Петра также не скупится на угрозы, но оно расчитываетъ и на другіе способы исполненія своихъ законовъ: оно стремится повліять на разумъ подданнаго. Вотъ почему Петръ приводитъ къ каждому своему закону мотивы, при чемъ эта мотивировка разрастается иногда въ цѣлые политическіе и естественно-научные трактаты. Петръ стремится прежде всего подѣйствовать на разсудокъ подданнаго и только въ случаѣ неуспѣха обращается къ угрозѣ. Чуть не въ каждомъ изъ его указовъ встрѣчаемъ союзъ «понеже», которымъ начинается мотивировка закона. Эта неважная часть рѣчи, союзъ «понеже», знаменуетъ собою очень важный моментъ въ развитіи русской личности. Вмѣстѣ съ отмѣной обычая писаться уменьшительными именами и земныхъ поклоновъ при встрѣчѣ съ государемъ, появленіе этой частицы въ текстѣ законовъ показываетъ новыя отношенія, въ которыя верховная власть стремится стать къ управляемому обществу, расчитывая на сознательное, разумное исполненіе закона, ради его разумныхъ цѣлей, а не на рабское подчиненіе изъ-за страха плети. Примѣровъ этого множество. Петръ не разъ издавалъ указы о томъ, чтобы никто не обращался съ просьбами лично къ государю, не подавъ прошенія въ установленныхъ учрежденіяхъ и не пройдя всѣхъ инстанцій и вотъ какъ начинается одинъ изъ такихъ указовъ: «Понеже челобитчики непрестанно Е. И. Величеству докучаютъ о своихъ обидахъ, вездѣ во всякихъ мѣстахъ, не для покою; и хотя съ ихъ стороны легко разсудить можно, что всякому своя обида горька есть и несносна; но притомъ каждому разсудить же надлежитъ, что какое ихъ множество, а кому бьютъ челомъ — одна персона есть, и та коликими воинскими и прочими несносными трудами объята, что всѣмъ извѣстно есть. И хотя бъ и такихъ трудовъ не было, возможно ли одному человѣку за такъ многими усмотрѣть? Во истинно не точію человѣку, ниже ангелу, понеже и оные мѣстомъ описаны суть, ибо гдѣ присутствуетъ, индѣ его нѣтъ». Указъ о собираніи разнаго рода рѣдкостей мотивированъ такимъ образомъ: «Понеже извѣстно есть, что какъ въ человѣческой породѣ, такъ и въ звѣрской и птичьей случается, что родятся монстра, т.-е. уроды, которые всегда во всѣхъ государствахъ собираются для диковинки, но таятъ невѣжды, чая, что такіе уроды родятся отъ дѣйства дьявольскаго, чрезъ вѣдовство и порчу, чему быть невозможно, ибо единъ Творецъ всея твари Богъ, а не дьяволъ, которому ни надъ какимъ созданіемъ власти нѣтъ», далѣе объясняются естественныя причины происхожденія такихъ человѣчьихъ, скотскихъ, звѣриныхъ и птичьихъ уродовъ.

Итакъ, Петръ былъ воодушевленъ идеаломъ регулярнаго европейскаго государства. Подъ этими словами онъ подразумѣвалъ государство, цѣлью котораго должно быть общее благо людей;

средствомъ для достиженія этой цѣли должна служить сама верховная власть, окружающая подданныхъ самой внимательной опекой. На себя Петръ смотритъ, какъ на учителя своего народа: «нашъ народъ,—пишетъ онъ,—яко дѣти, которыя никогда за азбуку не примутся, когда отъ мастера не приневолены бываютъ, которымъ досадно кажется, но когда выучатся, потомъ благодарятъ, что явно изъ всѣхъ нынѣшнихъ дѣлъ: не все ль неволею сдѣлано, и уже за многое благодареніе слышится». Эту обязанность учителя своего народа онъ доводилъ до высокой обязанности жертвовать за свой народъ своею жизнью. Всѣ знаютъ слова прусскаго короля Фридриха II—«король есть первый слуга своего отечества». Но когда Петръ Великій говорилъ въ письмѣ къ сыну: «Я за свое отечество и люди живота своего не жалѣлъ и не жалѣю», онъ говорилъ совершенную правду и выражаетъ ту же самую мысль, только въ болѣе простой формѣ.

XI.

Семейныя дѣла Петра Великаго. — Престолонаслѣдіе. — Кончина преобразователя.

Петръ былъ женатъ два раза: въ первый — на Евдокіи Лопухиной, которую выбрала ему въ жены мать, царица Наталья Кирилловна; второю его женой была Екатерина, служанка-воспитанница пастора Глюка, взятая въ плѣнъ вмѣстѣ съ пасторомъ, въ лифляндскомъ городѣ Маріенбургѣ. Съ Евдокіей Петръ развелся вскорѣ по возвращеніи изъ перваго заграничнаго путешествія.

Въ сынѣ отъ перваго брака, царевичѣ Алексѣѣ, Петръ встрѣтилъ упорную оппозицію своимъ начинаніямъ и дѣламъ; столкновеніе между отцомъ и сыномъ кончилось тяжелой драмой.

Царевичъ Алексѣй родился, когда его отцу исполнилось только что 17 лѣтъ, когда, слѣдовательно, еще самъ отецъ нуждался въ воспитаніи, когда онъ занимался постройкой игрушечныхъ кораблей на Переяславскомъ озерѣ и игралъ въ потѣшныя войска. Царевичъ получилъ то же первоначальное воспитаніе, какое получали и всѣ русскіе царевичи, подъ наблюденіемъ матери, типичной представительницы русскаго терема XVII вѣка. Отцу некогда было слѣдить за мальчикомъ. «Къ отцу моему непослушанія, — писалъ самъ царевичъ въ своемъ признаніи наканунѣ смерти, — и что не хотѣлъ того дѣлать, что ему угодно, причина та, что съ младенчества нѣсколько жилъ съ мамою и съ дѣвками, гдѣ ничему иному не обучился, кромѣ избныхъ забавъ, а больше научился ханжить, къ чему я отъ натуры склоненъ». Когда царевичу исполнилось шесть лѣтъ, къ нему былъ приставленъ

воспитатель Никифоръ Вяземскій, котораго онъ впослѣдствіи, подросши, совсѣмъ не уважалъ, не разъ бивалъ и дралъ за волосы. Воспитатель, пройдя съ нимъ «литеры» и слоги, по обычаю азбуки, приступилъ къ изученію часослова. Окончательный разрывъ съ женою послѣ поѣздки за границу заставилъ Петра обратить вниманіе на девятилѣтняго сына. Только что испытавъ на себѣ дѣйствіе заграничнаго путешествія, Петръ задумалъ отправить сына за границу, но этой мысли помѣшала начавшаяся тогда Сѣверная война. Тогда, не будучи въ состояніи отправить его въ Дрезденъ, царь пригласилъ къ нему изъ-за границы воспитателя, прослушавшаго лекціи въ разныхъ нѣмецкихъ университетахъ и послужившаго при разныхъ нѣмецкихъ дворахъ, барона Гюйсена. Этотъ повелъ воспитаніе по новому методу. Церковная книжность и теремныя забавы были брошены. Началась другая нѣмецкая наука: иностранные языки, исторія, географія, политика по руководству Пуффендорфа, а затѣмъ фортификація, артиллерія, военная архитектура и навигація. Царевичъ упражнялся въ «танцованіи, штурмованіи и въ верховой ѣздѣ». Въ свободные часы нѣмецъ предполагалъ занимать его какими-то нѣмецкими играми «въ друктафельи балгаузъ». Царевичъ сильно не взлюбилъ нѣмца и его науку. «А потомъ, когда меня отъ мамы взяли,—говоритъ онъ въ своемъ признаніи,—отецъ мой, имѣя о мнѣ попеченіе, чтобы я обучался тѣмъ дѣламъ, которыя пристойны къ царскому сыну, также велѣлъ мнѣ учиться нѣмецкаго языку и другимъ наукамъ, что мнѣ было зѣло противно, и чинилъ то съ великою лѣностью, только чтобы время въ томъ проходило, а охоты къ тому не имѣлъ»; онъ признается, что въ немъ все болѣе развивалась охота «конверсацію имѣть съ попами и чернецами». Легко себѣ представить, какъ онъ былъ пораженъ, когда въ 1709 г. получилъ отъ отца письмо слѣдующаго содержанія: «Зоонъ,—писалъ Петръ,—объявляемъ вамъ, что по прибытіи къ вамъ господина Меншикова ѣхать въ Дрезденъ, который васъ туда отправитъ. Между тѣмъ приказываемъ вамъ, чтобы вы, будучи тамъ, честно жили и прилежали больше къ ученію, а именно языкамъ, которые уже учишь, нѣмецкій и французскій, геометріи и фортификаціи, также отчасти и политическихъ дѣлъ. А когда геометрію и фортификацію кончишь, отпиши къ намъ. Засимъ, управи Богъ путь вашъ». За границей царевичъ получилъ не менѣе строгое приказаніе жениться на принцессѣ Шарлоттѣ Вольфенбюттельской, которую выбралъ ему отецъ и которая ему сильно не понравилась, когда онъ съ ней познакомился. Алексѣй просилъ позволенія посмотрѣть и другихъ невѣстъ. Петръ издавалъ потомъ указы, запрещавшіе духовенству вѣнчать насильно принуждаемыхъ къ браку, но къ сыну онъ не былъ справедливъ. Царевичъ женился на нелюбимой особѣ. Впослѣдствіи онъ говорилъ: «Вотъ навязали мнѣ на шею жену чертовку, какъ къ ней не приду, все сердитуетъ, не хочетъ

со мной говорить». Царевичъ не любилъ отца. Легко понять, какія рѣчи объ отцѣ, танцовавшемъ по цѣлымъ ночамъ съ нѣмками въ Нѣмецкой слободѣ, пришлось ему выслушивать въ теремѣ матери. «Не токмо дѣла воинскія,—пишетъ царевичъ въ той же автобіографіи,—и прочія отца моего дѣла, но и самая его особа зѣло мнѣ омерзѣла». Разлука съ матерью была однимъ изъ тѣхъ тяжелыхъ впечатлѣній дѣтства, которыя потомъ никогда не забываются, а появленіе около отца особы, которую самъ Петръ много лѣтъ называлъ «хозяйкой», а царевичъ долженъ былъ называть «мадамъ» и потомъ «матушкой государыней» при жизни его родной матушки, не могли уменьшить его нерасположенія къ отцу. Не любя отца, онъ сильно его боялся, зная его тяжелую руку. Для него бывало хуже каторги, говорилъ онъ, когда его позовутъ къ государю по какому-нибудь торжественному случаю. Когда царевичъ вернулся изъ-за границы уже женатымъ человѣкомъ, Петръ, желая сдѣлать ему экзаменъ, какой онъ производилъ всѣмъ молодымъ людямъ, посылавшимся для обученія, приказалъ ему принести и показать чертежи. Опасаясь, чтобы отецъ не заставилъ его чертить, царевичъ выстрѣлилъ себѣ въ руку изъ пистолета и опалилъ ее порохомъ.

Отношенія отца къ сыну особенно обострились ко времени кончины кронпринцессы Шарлотты. Несочувствіе Алексѣя дѣлу реформы было ясно для Петра и наводило его на тревожныя мысли во время сильной продолжительной болѣзни, которою онъ занемогъ въ 1715 г. Дѣло, которое, какъ ему казалось, онъ началъ, которому онъ отдался весь, должно было погибнуть съ его смертью. Петръ рѣшился объясниться съ сыномъ откровенно и прямо. Въ день погребенія кронпринцессы онъ лично вручилъ ему письмо, озаглавленное: «Объявленіе сыну моему». Обозрѣвъ успѣхи, достигнутые его собственнымъ и «прочихъ истинныхъ сыновъ россійскихъ» трудами въ войнѣ со шведами, которые для русскихъ «разумнымъ очамъ добрый завернули завѣсъ и со всѣмъ свѣтомъ коммуникацію пресѣкли», царь продолжалъ: «егда же сію Богомъ данную нашему отечеству радость разсмотря, обозрюсь на линію наслѣдства, едва не равная радости горесть меня снѣдаетъ, видя тебя весьма на правленіе дѣлъ государственныхъ непотребнаго (ибо Богъ не есть виновенъ, ибо разума тебя не лишилъ, иже крѣпость тѣлесную весьма отнялъ, ибо хотя не весьма крѣпкой природы обаче и не весьма слабой)... Я есмь человѣкъ и смерти подлежу, то кому вышеписанное съ помощью Вышняго насажденіе и уже нѣкоторое возвращенное оставлю? Тому, иже уподобился лѣнивому рабу евангельскому, вкопавшему талантъ свой въ землю. Еще же и сіе вспомяну, какого злаго нрава и упрямаго ты исполненъ. Ибо сколько много за сіе тебя бранивалъ, и не точію бранивалъ, но и бивалъ, къ тому же сколько лѣтъ почитай не говорю съ тобой; но ничто сіе не успѣло, ничто пользуетъ, но все даромъ, все на сторону и ничего дѣлать не хочешь, только бы дома жить и

веселиться... Что все я съ горестью размышляя и видя, что ничѣмъ тебя склонить не могу къ добру, за благо изобрѣлъ сей послѣдній тестаментъ тебѣ написать и еще мало пождать, аще нелицемѣрно обратишься, ежели же ни, то извѣстенъ будь, что я тебя весьма наслѣдства лишу, яко удъ гангренный, а не мни себѣ, что одинъ ты у меня сынъ, и что я сіе только въ устрастку пишу. воистину (Богу извольшу) исполню, ибо я за мое отечество и люди живота своего не жалѣлъ и не жалѣю, та како могу тебя непотребнаго пожалѣть? Лучше будь чужой добрый, неже свой непотребный».

Царевичъ выразилъ въ своемъ отвѣтѣ полную готовность дать письменное отреченіе отъ престола. «Давай писемъ хоть тысячу,— говорилъ ему одинъ изъ совѣтниковъ его, кн. В. В. Долгорукій,— еще когда что будетъ: старая пословица: улита ѣдетъ, когда-то будетъ». Черезъ нѣсколько времени, вновь перенеся болѣзнь, настолько тяжелую, что опасались за его жизнь, царь обратился къ сыну съ другимъ письмомъ, которое онъ озаглавилъ такъ: «Послѣднее напоминаніе еще». — «Чѣмъ воздаешь рожденіе отцу своему? — писалъ въ немъ царь. — Помогаешь ли въ такихъ моихъ несносныхъ печаляхъ и трудахъ, достигши такого совершеннаго возраста? Ей, николи, что всѣмъ извѣстно есть, но паче ненавидишь дѣлъ моихъ, которыя я для людей народа своего, не жалѣя здоровья своего, дѣлаю, и, конечно, по мнѣ разорителемъ оныхъ будешь. Того ради, такъ остаться, какъ желаешь быть, ни рыбою, ни мясомъ, невозможно, но или отмѣни свой нравъ и нелицемѣрно удостой себя наслѣдникомъ или будь монахъ: ибо безъ сего духъ мой спокоенъ быть не можетъ, а особливо, что нынѣ мало здоровъ сталъ».

Алексѣй смиренно заявилъ отцу, что желаетъ монашескаго чина. «Вѣдь клобукъ не гвоздемъ къ головѣ прибитъ», шепталъ ему другой близкій ему другъ и совѣтникъ. Петръ далъ ему время подумать и уѣхалъ за границу. Но когда оттуда онъ потребовалъ отъ сына рѣшительнаго отвѣта, царевичъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ слугъ и «матресы», какъ тогда называли нѣкую дѣвицу Евфросинью, бѣжалъ въ Вѣну къ цезарю, женатому на его свояченицѣ, который укрывалъ его нѣкоторое время въ уединенномъ Тирольскомъ замкѣ, а затѣмъ въ Неаполѣ; послѣ долгихъ поисковъ и большихъ хлопотъ при переговорахъ съ вѣнскимъ дворомъ, Петръ, грозя войною Австріи, вытребовалъ сына. 3-го февраля 1718 г. царевичъ въ Москвѣ на торжественномъ собраніи сената и синода подписалъ отреченіе отъ престола. Отецъ обѣщалъ ему прощеніе, если чистосердечно во всемъ признается. Вскорѣ, однако, обнаружилось, что показанія царевича не были полны. Евфросинья на допросѣ въ застѣнкѣ Петропавловской крѣпости выдала его затаенныя думы и планы: «Вотъ видишь,—говорилъ царевичъ, читая извѣстіе о болѣзни своего младшаго брата: — видишь, что Богъ дѣлаетъ: батюшка дѣлаетъ свое, а Богъ свое». Открылось, что царевичъ ожидалъ бунта въ войскѣ противъ Петра и высказывалъ готовность примк-

нуть къ бунту. Передъ Евфросиньей онъ не стѣснялся распространяться о своихъ намѣреніяхъ относительно будущаго и развивать свою политическую программу. Онъ собирался, когда сдѣлается царемъ, «перевести» всѣхъ старыхъ и избрать новыхъ совѣтниковъ по своему вкусу, собирался жить въ Москвѣ, а Петербургъ покинуть, кораблей больше не держать и отказаться отъ территоріальныхъ пріобрѣтеній отца. Легко понять, съ какими чувствами выслушалъ эти показанія Петръ; царевичъ подтвердилъ ихъ и участь его была рѣшена: Петръ объявилъ данный въ Москвѣ «пардонъ не въ пардонъ». Царевичъ былъ преданъ суду особаго ad hoc составленнаго трибунала изъ духовныхъ и свѣтскихъ чиновъ, который приговорилъ его къ смерти. Царевичъ скончался, не дождавшись исполненія приговора въ одномъ изъ казематовъ Петропавловской крѣпости.

Дѣло царевича Алексѣя было причиной изданія Петромъ закона о престолонаслѣдіи. Въ древней Руси не было закона, опредѣлявшаго престолонаслѣдія. Сначала престолъ передавался по завѣщанію, по прекращеніи старой династіи установилось престолонаслѣдіе по избранію земскимъ соборомъ; обыкновенно и по завѣщанію и по избранію престолъ переходилъ къ старшему сыну царствовавшаго государя. Отступленіе отъ этой обычной практики въ 1682 г., когда былъ избранъ младшій сынъ и обойденъ старшій, подало поводъ къ народнымъ волненіямъ. Этотъ обычный порядокъ былъ отмѣненъ Петромъ Великимъ, и 5-го февраля 1722 г. былъ изданъ законъ, опредѣлявшій преемство престола. «Понеже всѣмъ вѣдомо есть,—писалъ Петръ во введеніи къ этому закону,—какою авессаломскою злостію надменъ былъ сынъ нашъ Алексѣй... а сіе не для чего иного у него возросло, токмо отъ обычая стараго, что большому сыну наслѣдство давали, къ тому жъ одинъ онъ тогда мужска полу нашей фамиліи былъ и для того ни на какое отеческое наказаніе смотрѣть не хотѣлъ. Сей недобрый обычай не знаю чего для такъ былъ затвержденъ». Далѣе приводятся три основанія въ пользу того взгляда, что государь можетъ распоряжаться престоломъ по своей волѣ. Во-первыхъ, примѣръ изъ священнаго писанія: указывается, какъ Исаакова жена меньшему сыну наслѣдство исходатайствовала «и что еще удивительнѣе, что и Божіе благословеніе тому слѣдовало». Далѣе, примѣръ изъ исторіи Россіи: великій князь Иванъ III-й, который «не по первенству, но по волѣ сіе чинилъ и дважды отмѣнялъ, усматривая достойнаго наслѣдника, который бы собранное и утвержденное наше отечество паки въ расточеніе не упустилъ, перва мимо сыновей отдалъ внуку, а потомъ отставилъ внука уже вѣнчаннаго и отдалъ сыну наслѣдство». Наконецъ, царь находитъ основаніе въ гражданскомъ правѣ: именно въ указѣ 1714 г., предоставляющемъ на волю родительскую отдавать имѣніе тому сыну, котораго родитель сочтетъ достойнымъ, «хотя и меньшему мимо большихъ, признавая удобнаго,

который бы не расточилъ наслѣдства». «Кольми же паче,—заключаетъ отсюда царь,—должны мы имѣть попеченіе о цѣлости всего нашего государства». Исходя изъ этихъ основаній, Петръ устанавливаетъ новый порядокъ престолонаслѣдія, по которому, во - первыхъ, царствующій государь «кому хочетъ, тому и опредѣлитъ наслѣдство» и, во-вторыхъ, имѣетъ право, видя какое-нибудь «непотребство» въ наслѣдникѣ, лишить его наслѣдства и назначить другого наслѣдника, дабы дѣти и потомки не впали въ такую злость, какъ выше писано, имѣя сію узду на себѣ».

Установивъ законъ о престолонаслѣдіи, царь, однако, не успѣлъ назначить себѣ наслѣдника и скончался въ ночь съ 27 на 28 января 1725 г., не указавъ, кто долженъ былъ занять престолъ послѣ его смерти.

Гробница Петра Великаго въ Петропавловскомъ соборѣ въ Петербургѣ.

ИМПЕРАТРИЦА

Екатерина I Алексѣевна.

(1683—1725—1727).

Въ одномъ изъ интимныхъ разговоровъ со своей вѣроломной фавориткой Евфросиніей несчастный царевичъ Алексѣй предсказалъ скорое наступленіе въ Россіи «бабьяго царства» и прибавилъ, что когда это случится, то «добра не будетъ, а будетъ смятеніе». И дѣйствительно, послѣ смерти Преобразователя, если не считать двухъ краткихъ перерывовъ, на цѣлыхъ 70 лѣтъ утвердилось въ странѣ правленіе женщинъ, изъ которыхъ каждая вступала на престолъ путемъ дворцоваго переворота. Эту эпоху въ исторіи Россіи XVIII в. открыла собой Екатерина Алексѣевна.

Происхожденіе и жизнь до совершеннолѣтія второй супруги Петра Великаго до сихъ поръ все еще не вполнѣ выяснены. Объясняется это, конечно, тѣмъ, что, пока она была Мартой — такъ назвали ее при крещеніи — никто не потрудился сохранить о ней достовѣрныя свѣдѣнія, а позже, когда она стала Екатериной Алексѣевной, узнать правду, несмотря на всѣ заботы, оказалось уже невозможнымъ. Родилась она 5 апрѣля 1683 г. гдѣ-то въ Лифляндіи. Матерью ея была крестьянка Скавронская, повидимому, литвинка или латышка. Кто былъ ея отцомъ, неизвѣстно. Родители ея умерли отъ чумы, и дѣвочку пріютила жившая въ Крейсбургѣ тетка ея Марія-Анна Веселевская, испорченную фамилію которой она носила одно время впослѣдствіи. Отъ Веселевской 12-лѣтняя Марта попала въ домъ маріенбургскаго пастора Глюка, гдѣ стала помогать его женѣ въ хозяйствѣ и присмотрѣ за дѣтьми. Протестантскій богословъ и ученый лингвистъ, пасторъ воспиталъ ея въ правилахъ лютеранской вѣры, хотя она была католичкой, но грамотѣ не выучилъ. У него Марта прожила 5 лѣтъ. На 18-мъ году жизни она вышла замужъ за шведскаго драгуна, котораго звали Іоганномъ.

Въ 1702 г. Іоганнъ покинулъ Маріенбургъ вмѣстѣ съ полкомъ, гдѣ онъ служилъ. Вскорѣ послѣ этого Маріенбургъ осадили русскія войска подъ начальствомъ фельдмаршала Б. П. Шереметева. Не имѣя надежды отразить непріятельскій приступъ, шведскій комендантъ рѣшилъ лучше взорваться, чѣмъ сдаться. Онъ сообщилъ о своемъ намѣреніи пастору Глюку и посовѣтовалъ ему уйти изъ города съ семьей и прихожанами, а когда тотъ это сдѣлалъ, поджегъ пороховой складъ и вмѣстѣ съ солдатами взлетѣлъ на воздухъ. Глюкъ же во главѣ толпы бѣглецовъ прибылъ въ русскій лагерь. Шереметевъ обласкалъ пастора, не упустившаго случая намекнуть русскому главнокомандующему о своей готовности быть полезнымъ русскому царю, и вскорѣ отправилъ его съ семьей въ Москву, но приглянувшуюся ему Марту оставилъ у себя. Такъ ливонская плѣнница взошла на первую ступень той лѣстницы, на послѣдней ступени которой ее ждала русская корона.

Въ разсматриваемое время Марта находилась въ полномъ расцвѣтѣ своей молодости и незаурядной красоты. Средняго роста, стройная брюнетка, съ длинной и густой черной косой, она отличалась веселымъ характеромъ, бойкостью и ловкостью. Ея полное румяное лицо и жгучіе глаза притягивали къ себѣ взоры всѣхъ и вскорѣ она завоевала въ русскомъ лагерѣ всеобщую симпатію. Когда въ армію Шереметева прибылъ Меншиковъ, Марта и на него также произвела сильное впечатлѣніе, и онъ уговорилъ фельдмаршала уступить ее ему. Полудержавный властелинъ и маріенбургская плѣнница тѣсно подружились и на всю жизнь сохранили хорошія отношенія. Въ началѣ 1703 г. Марту увидѣлъ въ домѣ Меншикова Петръ Великій. Ему она понравилась съ перваго взгляда, и вскорѣ онъ помѣстилъ ее въ подмосковномъ селѣ Преображенскомъ въ число придворныхъ дѣвицъ любимой своей сестры царевны Натальи. Тогда же крестили ее въ православную вѣру и назвали Екатериной Алексѣевной, при чемъ крестнымъ отцомъ ея былъ записанъ юный сынъ Петра, Алексѣй.

Первое время Екатерина Алексѣевна ничѣмъ не выдѣлялась изъ среды другихъ дѣвицъ, жившихъ во дворцѣ царевны Натальи. Но скоро корень, которымъ, какъ думали нѣкоторые изъ свидѣтелей ея быстраго возвышенія, она «его царское величество обвела», сталъ дѣйствовать, и Петръ началъ все больше и больше привязываться къ ней. Этому способствовало, быть-можетъ, то, что царь въ 1705 г. разошелся съ Анной Монсъ, влюбившейся въ прусскаго посланника Кейзерлинга, за котораго она затѣмъ и вышла замужъ. Постепенно Петръ научается серьезно заботиться о своей фавориткѣ, чего онъ обыкновенно не дѣлалъ по отношенію прежнихъ. Такъ, напримѣръ, отправляясь въ рѣшительный походъ противъ Карла XII, онъ въ собственноручной запискѣ отъ 5 янв. 1708 г. пишетъ: «Ежели что мнѣ случится волею Божіею, тогда три тысячи рублевъ, которыя нынѣ на дворѣ господина князя Меншикова, отдать Кате-

ринѣ Василевской». Послѣдующія письма его, адресованныя прямо къ этой Василевской, становятся чрезвычайно нѣжными; царь пишетъ ей: «Катеринушка другъ мой» и «другъ мой сердешненькій». Вмѣстѣ съ письмами онъ нерѣдко шлетъ ей и подарки, правда недорогіе, но такіе, выборъ которыхъ свидѣтельствуетъ о постоянной внимательности его къ ея вкусамъ и потребностямъ. Все сильнѣе и сильнѣе привыкая къ «Катеринушкѣ», Петръ съ 1709 г. даже начинаетъ брать ее съ собой въ поѣздки. Когда же почему-либо она не могла сопровождать его, онъ шлетъ ей одно за другимъ письма, въ которыхъ частенько встрѣчаются такія фразы: «Для Бога, пріѣзжайте скорѣе», «Гораздо безъ васъ скучаю», «Желаю васъ въ радости видѣть, что дай Боже» и т. п.

Это глубокое чувство развилось въ сердцѣ Петра не только потому, что къ 40 годамъ жизни онъ усталъ отъ своихъ шумныхъ забавъ, почувствовалъ одиночество и сталъ жаждать семьи и уюта. Большую роль сыграло здѣсь и то, что въ Екатеринѣ Алексѣевнѣ онъ встрѣтилъ женщину, которая вполнѣ подходила къ его характеру и образу жизни. Привыкшій съ малыхъ лѣтъ къ кипучей дѣятельности, не любившій долго засиживаться на одномъ мѣстѣ, Петръ нуждался въ женѣ, способной всюду слѣдовать за нимъ, всегда быть его надежнымъ товарищемъ. А Екатерина Алексѣевна отвѣчала этимъ требованіямъ, какъ никто. Ея физическія силы позволяли ей безнаказанно для здоровья претерпѣвать трудности походной жизни царя. Выросши въ бѣдности, она равнодушно относилась къ комфорту и легко привыкла къ любимому дѣтищу государя, Петербургу, сколько ни представлялъ неудобствъ только что заложенный городъ. Ни при какой внѣшней обстановкѣ Екатерина Алексѣевна не теряла своей природной веселости. Она охотно принимала участіе въ царскихъ пирушкахъ, но при этомъ сохраняла благоразуміе: «пора домой, батюшка», говорила она Петру, когда замѣчала, что веселье слишкомъ затягивается. И «батюшка» покорно шелъ за ней. Въ то же время она отличалась смѣлостью, и присутствіе духа не покидало ее даже при очень опасныхъ обстоятельствахъ. Такъ, она одна изъ всѣхъ окружающихъ безъ страха подходила къ Петру, когда тотъ неистовствовалъ въ припадкахъ гнѣва, иногда безъ всякаго повода находившихъ на него. Главное же, чѣмъ Екатерина Алексѣевна привязала къ себѣ Петра, было то, что она съ чисто женской чуткостью разгадала его и искренно полюбила его самого, не царскій его санъ. Ея любовь къ царю не только позволяла ей искренно раздѣлять его радости и огорченія, но и въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ обращался къ ней съ вопросами, давать ему совѣты, которые свидѣтельствовали о ея природномъ умѣ.

Привязанность Петра къ Екатеринѣ Алексѣевнѣ закрѣпилась, наконецъ, весной 1711 г. бракомъ его на ней, правда пока тайнымъ. Вскорѣ царственные супруги отправились въ Прутскій походъ, во время котораго, какъ извѣстно, русская армія была окружена во

много разъ превосходившей ее турецкой. Въ этотъ тяжелый для Петра моментъ, когда даже онъ нѣсколько растерялся, его жена сумѣла поднять въ немъ духъ и энергію. Говорятъ, она собрала свои драгоцѣнности и убѣдила тоже сдѣлать и другихъ и все это послала къ великому визирю, чтобы склонить того выпустить русскихъ изъ засады. Этимъ поступкомъ она пріобрѣла славу спасительницы царя и арміи, и по возвращеніи въ Петербургъ, Петръ объявилъ ее всенародно своей супругой, 19 февраля 1712 г., при чемъ при совершеніи новаго вѣнчанія были «привѣнчаны» и обѣ дочери ихъ: Анна, родившаяся 27 февраля 1708 г., и Елизавета, родившаяся 18 декабря 1709 г. Для примиренія общественнаго мнѣнія съ своей женитьбой, царь не упускалъ изъ виду ничего, что могло бы способствовать возвышенію Екатерины Алексѣевны въ глазахъ окружающихъ. Въ память о совершонномъ ею въ Прутскомъ походѣ былъ учрежденъ орденъ св. Екатерины или Освобожденія. Она окружена была въ Петербургѣ пышнымъ дворомъ и во время празднествъ и церемоній появлялась въ роскошныхъ нарядахъ и съ большой свитой. Всѣмъ этимъ царь думалъ заставить окружающихъ забыть незнатное происхожденіе царицы.

И окружающіе, по крайней мѣрѣ, наружно, вполнѣ примирились съ Екатериной Алексѣевной. Тѣ, кто, подобно Меншикову, вышли изъ низовъ общества, видѣли въ ней свою естественную покровительницу, а знать за время царствованія Петра привыкла, по крайней мѣрѣ, скрывать свое истинное настроеніе. Екатерина со своей стороны со всѣми старалась быть очень привѣтливой и всѣмъ обращавшимся къ ней охотно оказывала заступничество. А такихъ въ грозное правленіе Петра было немало. Ей приводилось помогать и фельдмаршалу Шереметеву, и гр. Матвѣеву, и особенно часто Меншикову, который исключительно ей былъ обязанъ сохраненіемъ своей головы. Не разъ спасала она придворныхъ отъ гнѣвныхъ вспышекъ государя, котораго только она одна могла укротить Любила царица оказывать благодѣянія и простымъ людямъ. Хорошо относилась она также къ семьѣ покойнаго брата Петра, Іоанна Алексѣевича, и умѣла вліять на его вдову, царицу Прасковью Ѳеодоровну, которая отличалась крутымъ характеромъ и заставляла своихъ дочерей, Екатерину и Анну, нерѣдко обращаться къ заступничеству Екатерины Алексѣевны. Только съ сыномъ Петра отъ перваго брака и своимъ крестнымъ отцомъ, царевичемъ Алексѣемъ, Екатерина Алексѣевна была холодна. Эта холодность послѣ брака Алексѣя на принцессѣ Шарлоттѣ Вольфенбюттельской, совершившагося 14 октября 1711 г., перешла даже въ прямое недоброжелательство: Екатерина Алексѣевна не теряла надежды имѣть еще и сына и, само собой разумѣется, не могла не мечтать для него о коронѣ. Къ тому же она, любя своихъ родныхъ дѣтей, не могла не опасаться за ихъ участь, если бы послѣ Петра власть досталась Алексѣю, ненавидѣвшему отца и все отцовское.

Пріобрѣтя расположеніе окружающихъ, Екатерина Алексѣевна послѣ вѣнчанія продолжала находиться въ превосходныхъ отношеніяхъ и съ самимъ Петромъ. Надвигавшаяся старость и дававшая себя знать тяжелая болѣзнь усмирили страсти царя, и въ своей женѣ онъ сталъ прежде всего видѣть преданнаго человѣка, заботливо лелѣявшаго его. Возможно, что ей онъ даже намѣревался оставить престолъ, по крайней мѣрѣ 5 февраля 1722 г. онъ издалъ законъ, которымъ оба порядка престолонаслѣдія, дѣйствовавшіе раньше, и естественный переходъ власти отъ отца къ сыну, а при отсутствіи послѣдняго къ внуку, и соборное избраніе — замѣнялись личной волей царствующаго государя. Вскорѣ затѣмъ Петръ составилъ завѣщаніе, по которому послѣ его смерти престолъ долженъ былъ перейти къ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, а 7 мая 1724 г. онъ короновалъ ее всероссійской императрицей.

Но прошло два мѣсяца, и все измѣнилось. Причиной этого явилось дѣло камергера Монса, которымъ вдругъ увлеклась Екатерина Алексѣевна. Долгое время Петръ ничего не зналъ о связи Екатерины Алексѣевны съ Монсомъ, хотя придворные объ этой связи были хорошо освѣдомлены, и Ягужинскій не разъ открыто выговаривалъ камергеру его поведеніе. Государю, недугъ котораго ни для кого не былъ тайной, никто изъ окружающихъ не осмѣливался открыть глаза. А самъ онъ слѣпо вѣрилъ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, которая между тѣмъ въ своихъ отношеніяхъ къ Петру была уже не прежней. Когда онъ уѣзжалъ, напримѣръ, она подолгу не отвѣчала на его письма. «Пятое письмо пишу къ тебѣ, а отъ тебя только три получилъ, въ чемъ не безъ сумнѣнія къ тебѣ, для чего не пишешь», упрекалъ ее Петръ. Если же она и отправляла къ нему письма, то въ нихъ уже рѣдко говорилось о печали по поводу разлуки, и то это дѣлалось вскользь. Получивъ роковой доносъ, Петръ былъ страшно пораженъ. Но онъ слишкомъ любилъ Екатерину, чтобы погубить ее, Монсъ же былъ казненъ 16 ноября 1722 г.; императрица должна была присутствовать при этомъ, а голова казненнаго въ банкѣ со спиртомъ была доставлена во дворецъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Петръ разорвалъ и завѣщаніе, гдѣ Екатерина назначалась его преемницей

Екатерина Алексѣевна съ поразительнымъ самообладаніемъ пережила эти тревожные моменты. Спустя нѣкоторое время, супруги наружно помирились, но Петръ уже не назначилъ снова свою супругу наслѣдницей короны. Лишь въ послѣднія минуты жизни, уже не владѣя языкомъ, онъ рѣшился, наконецъ, распорядиться престоломъ, но ослабѣвшая рука императора смогла только написать: «отдайте все», а кому—императоръ уже не былъ въ силахъ обозначить.

Въ Московской Руси со времени смерти послѣдняго Рюриковича и вплоть до Михаила Ѳеодоровича право избранія на престолъ было присвоено земскому собору, какъ органу, выражав-

шему мнѣніе и волю всей земли. Къ земскому собору слѣдовало прибѣгнуть и теперь, но этого не было сдѣлано. Рѣшеніе вопроса взяли въ свои руки «верховные господа»: члены сената, синода и генералитетъ, которые и явились во дворецъ въ ночь на 28 января 1725 г., когда умиралъ Петръ. Имъ предстояло выбрать на престолъ или женщину, или ребенка.

Въ ихъ средѣ было двѣ партіи. Одна состояла изъ удержавшихся на верху общества обломковъ боярства, вообще униженнаго Преобразователемъ, при которомъ, какъ выразился кн. Щербатовъ, «стали не роды почтенны, но чины и заслуги и выслуги». Къ этой партіи принадлежали сплошь одни родовитые аристократы и среди нихъ немало потомковъ тѣхъ бояръ, которые въ смуту ограничили власть Шуйскаго и при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ проектировали раздѣлить между собой Россію. Теперь, подъ вліяніемъ знакомства съ Западной Европой, ихъ боярскія тенденціи получаютъ большую опредѣленность, такъ сказать, кристаллизуются въ аристократическо-олигархическія идеи. Одни изъ нихъ увлекаются шведской олигархіей, для другихъ служитъ идеаломъ сильное англійское лордство, третьихъ плѣняетъ мишурный блескъ французской знати. Настоящимъ идеологомъ ихъ былъ первоклассный дипломатъ того времени, гедиминовичъ, кн. Борисъ Ивановичъ Куракинъ. Отрывки изъ его «Гисторіи о царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ» превосходно выражаютъ настроеніе русской аристократіи въ царствованіе Преобразователя. «И въ томъ правленіи, — читаемъ мы у него, — наибольшее начало паденія первыхъ фамилій (учинилось), а особливо имя князей было смертельно возненавидѣно и уничтожено, какъ отъ его царскаго величества, такъ и отъ персонъ тѣхъ правительствующихъ, которыя кругомъ его были, для того, что всѣ оные господа, какъ Нарышкины, Стрѣшневы, Головкинъ, были домовъ самаго низкаго и убогаго шляхетства и всегда ему внушали съ молодыхъ лѣтъ противу великихъ фамилій. Къ тому жъ и самъ его величество склоннымъ явился, дабы уничтоживаніемъ оныхъ отнять у нихъ повоиръ (т.-е. pouvoir) и учинить бы себя наибольшимъ сувреномъ». Руководящая роль въ этой партіи, естественно, принадлежала лицамъ, которыя, на ряду со знатностью происхожденія, отличались еще и тѣмъ, что занимали высшія правительственныя должности. Такими какъ разъ были князья Голицыны—сенаторъ Дмитрій Михайловичъ и фельдмаршалъ Михаилъ Михайловичъ, другой фельдмаршалъ и президентъ военной коллегіи кн. Никита Репнинъ, президентъ юстицъ-коллегіи Петръ Матвѣевичъ Апраксинъ и др. Среди нихъ особенно выдавался европейски образованный кн. Дм. Мих. Голицынъ, серьезно задумавшій осуществить то, о чемъ мечталъ кн. Куракинъ, а именно, выражаясь словами послѣдняго, «найти средство удержать знатные роды на должной высотѣ». Такимъ средствомъ онъ считалъ возведеніе на престолъ Петра Алексѣевича, самодержавіе котораго, въ силу его малолѣтства, легко было ограничить въ

пользу аристократіи. За эту кандидатуру стояла и вся аристократическая партія.

Другую партію составляли «новые русскіе люди»», сдѣлавшіе при Петрѣ блестящую карьеру благодаря исключительно личной выслугѣ. Ихъ кандидаткой была Екатерина Алексѣевна, въ воцареніи которой они видѣли залогъ сохраненія своего положенія. Кромѣ того, высказаться за нее многихъ изъ нихъ побуждало и опасеніе, какъ бы у нихъ съ вступленіемъ на престолъ сына царевича Алексѣя не пали головы, такъ какъ они участвовали въ судѣ надъ его отцомъ. Главными дѣятелями этой партіи были Меншиковъ, генералъ-прокуроръ Ягужинскій и Петръ Андреевичъ Толстой. Къ нимъ примыкали и многочисленные служилые иностранцы, а также на ихъ сторону перешелъ и генералъ-адмиралъ Ѳ. М. Апраксинъ, находившійся въ тѣсныхъ личныхъ отношеніяхъ съ Меншиковымъ и Толстымъ. Эту партію поддерживали и члены синода, особенно Ѳеофанъ Прокоповичъ и Ѳеодосій Яновскій.

Слухи о томъ, что родовитая знать, возведя на престолъ малолѣтняго Петра, заключитъ «невѣдомую ливонскую плѣнницу» съ ея дочерями въ монастырь, заставили энергично дѣйствовать и Екатерину Алексѣевну. Положеніе ея было очень нелегкимъ, такъ какъ противъ себя она имѣла не только аристократію: и народъ считалъ законнымъ наслѣдникомъ престола внука умиравшаго государя. И вотъ Екатерина обращается за поддержкой къ войску. Войску изъ собственной казны императрицы было уплачено недоданное за 18 мѣсяцевъ жалованье, и сверхъ того выдано по 30 рублей на человѣка, а также были облегчены служебныя тягости. Почва была этимъ достаточно подготовлена.

Немудрено, что въ ночномъ собраніи сената, синода и генералитета партія Екатерины Алексѣевны чувствовала себя вполнѣ увѣренной въ своей побѣдѣ. И когда въ преніяхъ по поводу возможныхъ кандидатуръ на престолъ это ясно обнаружилось, знать пошла на уступку. Попрежнему настаивая на избраніи въ государи Петра Алексѣевича, кн. Дм. Мих. Голицынъ, однако, предложилъ регентство до его совершеннолѣтія поручить Екатеринѣ Алексѣевнѣ и сенату. Но партія Екатерины Алексѣевны хорошо понимала, что съ осуществленіемъ предложенія Голицына опасность для нея потерять свое положеніе не уничтожается, а лишь отсрочивается. Отъ лица этой партіи съ блестящей рѣчью выступилъ Толстой. «Это распоряженіе, — сказалъ онъ, обращаясь къ аристократіи, — именно произведетъ междоусобную войну, которой вы хотите избѣжать, потому что въ Россіи нѣтъ закона, который бы опредѣлялъ время совершеннолѣтія государей. Какъ только великій князь будетъ объявленъ императоромъ, то часть шляхетства и большая часть подлаго народа станутъ на его сторонѣ, не обращая никакого вниманія на регентство. При настоящихъ обстоятельствахъ Россійская имперія нуждается въ госу-

дарѣ мужественномъ, твердомъ въ дѣлахъ государственныхъ, который бы умѣлъ поддержать значеніе и славу, пріобрѣтенныя продолжительными трудами императора, и который бы въ то же время отличался милосердіемъ для содѣланія народа счастливымъ и преданнымъ правительству. Всѣ требуемыя качества соединены въ императрицѣ: она пріобрѣла искусство царствовать отъ своего супруга, который повѣрялъ ей самыя важныя тайны; она неоспоримо доказала свое героическое мужество, свое великодушіе и свою любовь къ народу, которому доставила безконечныя блага вообще и въ частности, никогда не сдѣлавши никому зла, притомъ права ея подтверждаются торжественною коронаціею, присягою, данною ей всѣми подданными по этому случаю, и манифестомъ императора, возвѣщавшимъ о коронаціи». При этихъ словахъ въ углу залы раздался одобрительный ропотъ, и присутствующіе увидали тамъ группу офицеровъ, незамѣтно вошедшихъ въ это собраніе. Президентъ военной коллегіи кн. Репнинъ сурово обратился къ нимъ, но стоявшій впереди подполковникъ Бутурлинъ подошелъ къ окну и сдѣлалъ рукой знакъ, въ отвѣтъ на который раздался барабанный бой. Оказалось, что дворецъ былъ окруженъ обоими гвардейскими полками. «Кто осмѣлился привести ихъ сюда безъ моего вѣдома? Развѣ я не фельдмаршалъ?» воскликнулъ Репнинъ. «Я получилъ приказъ отъ ея величества императрицы, которой всякій подданный долженъ повиноваться, не исключая и тебя», отвѣтилъ Бутурлинъ. Послѣ этого эпизода спорили мало. Для формы генералъ-адмиралъ Апраксинъ, какъ старшій сенаторъ, спросилъ кабинетъ-секретаря Макарова, нѣтъ ли завѣщанія Петра Великаго, и, получивъ отрицательный отвѣтъ, сказалъ: «Идемъ заявить наши вѣрноподданническія чувства царствующей императрицѣ». Такъ вступила на престолъ Екатерина Алексѣевна.

Россія въ то время находилась далеко не въ цвѣтущемъ положеніи. Геній и энергія Преобразователя въ значительной мѣрѣ европеизировали страну, но эта европеизація обошлась очень дорого для казны и для народа. Государственные доходы не покрывали всѣхъ необходимыхъ расходовъ, вслѣдствіе чего многія отрасли государственнаго хозяйства, и даже такія важныя, какъ армія и флотъ, приходили въ упадокъ. Увеличить налоговое бремя не представлялось никакой возможности: и безъ того населеніе не было въ состояніи отправлять его бездоимочно. Въ 1724 г., напр., правительство не могло собрать съ него до 25% подушной подати, несмотря на то, что переписныя канцеляріи при сборѣ ея дѣйствовали съ необыкновенной жестокостью. Къ этому слѣдуетъ присоединить еще и то, что однѣ изъ реформъ Петра остались недодѣланными, другія требовали исправленія, третьи были только намѣчены, вслѣдствіе чего въ правительственныхъ учрежденіяхъ царилъ значительный хаосъ. Чтобы привести все это въ порядокъ, нуженъ былъ, какъ справедливо выразился въ своей рѣчи Толстой, «государь мужественный, твер-

дый въ дѣлахъ государственныхъ», притомъ знавшій «важныя тайны» Петра Великаго.

Ловкость и энергія, съ которыми повела себя Екатерина Алексѣевна въ минуту смерти своего супруга, многихъ заставила видѣть въ ней вполнѣ подходящую преемницу Преобразователя. Но вскорѣ всѣмъ стало ясно, что «сѣверная Семирамида», какъ назвалъ императрицу въ своихъ донесеніяхъ французскій посланникъ Кампредонъ, бывшая чрезвычайно энергичной и умной спутницей Петра, женщиной замѣчательной въ узкой области семейныхъ и придворныхъ отношеній, являлась въ широкой сферѣ государственной жизни дѣятелемъ очень слабымъ. Справедливо замѣчено о ней, что она принадлежала къ числу людей, которые кажутся способными къ правленію, пока не принимаютъ правленія. Дѣйствительно, обладая только чисто женскимъ умомъ, къ тому же необразованная — несмотря на настойчивыя просьбы Петра, она раньше не хотѣла взяться за грамоту, а послѣ восшествія на престолъ лишь черезъ три мѣсяца научилась подписывать свое имя — Екатерина Алексѣевна не любила заниматься государственными дѣлами. При Петрѣ у нея доставало умѣнья обнаруживать вниманіе и даже сочувствіе къ происходившему около нея движенію, но вызывать или хоть только поддерживать его она не могла. Ее отчасти интересовала лишь гвардія, и она съ бо́льшей охотой отправляла обязанности гвардейскаго полковника, чѣмъ главы обширнаго государства. Императрицу всегда видѣли на военныхъ смотрахъ, послѣ которыхъ она сама угощала гвардейцевъ. Все остальное время Екатерина Алексѣевна заполняла «развлеченіями», про которыя даже расположенный къ ней Кампредонъ какъ-то выразился, что благодаря имъ она рискуетъ утратить «и уваженіе и преимущества, заслуженныя ея великими дарованіями». Неразборчивымъ и безудержнымъ стремленіемъ къ удовольствіямъ Екатерина Алексѣевна, казалось, хотѣла вознаградить себя за то постоянное и сильное напряженіе, въ которомъ держала она свои умственныя и нравственныя силы при жизни Петра, боясь лишиться своего положенія и помня о судьбѣ первой жены царя.

Немудрено, что иностранные дипломаты, знавшіе въ Россіи больше всего придворную жизнь, въ одинъ голосъ утверждали, что государство русское разлагается. «Нѣтъ восможности опредѣлить поведеніе этого двора, — уже сейчасъ же по восшествіи на престолъ Екатерины Алексѣевны писалъ саксонскій посланникъ Лефортъ,— онъ не въ состояніи позаботиться ни о чемъ. Все стоитъ; ничего не дѣлается... Никто не хочетъ взять на себя никакого дѣла... Дворецъ становится недоступнымъ; всюду интриги, искательства, распадъ». Но, къ счастію, кромѣ придворной среды, за время царствованія Петра въ Россіи успѣла сложиться и другая среда,— среда правительственныхъ дѣльцовъ, которые, если далеко не всегда

были сознательными сотрудниками Преобразователя, то, являясь во всякомъ случаѣ превосходными исполнителями его предначертаній, тѣмъ самымъ воспитали въ себѣ интересъ къ дѣятельности и работоспособность.

При добровольномъ устраненіи отъ дѣлъ Екатерины Алексѣевны и при неспособности къ нимъ ея фаворитовъ, власть, естественно, должна была перейти въ руки дѣльцовъ предшествовавшаго царствованія, и прежде всего тѣхъ, кто возвелъ на престолъ императрицу. Среди такихъ дѣльцовъ особенно выдавался своей близостью и къ покойному императору и къ царствующей императрицѣ князь Меншиковъ. Онъ-то на первыхъ порахъ и овладѣлъ властью, сталъ фактическимъ главой государства. Это исключительное положеніе, повидимому, совершенно вскружило голову временщика, который вдругъ обнаружилъ чрезвычайно деспотическія замашки, благодаря чему возбудилъ къ себѣ всеобщую ненависть. Противъ него стала и ободрившаяся послѣ выборнаго пораженія знать, и большинство прежнихъ друзей, во главѣ съ Апраксинымъ, Головкинымъ и Ягужинскимъ, а также и приверженцы герцога Голштинскаго, мужа Анны Петровны. Претендентъ на корону Швеціи и владѣлецъ земли, захваченной Даніей, герцогъ въ качествѣ мужа одной изъ дочерей государыни хотѣлъ занять въ Россіи первое мѣсто. Съ Меншиковымъ онъ столкнулся изъ-за того, что тотъ всячески старался удержать Россію отъ войны съ Даніей, за которую стояла и сама императрица.

Долго и умѣло Меншиковъ отражалъ удары своихъ враговъ, но, наконецъ, почва подъ его ногами заколебалась. Въ декабрѣ 1726 г. сенатъ разсматривалъ просьбу строившаго Ладожскій каналъ Миниха о присылкѣ для работъ ему 16.000 солдатъ. Пренія уже окончились и было рѣшено просьбу Миниха исполнить, когда Меншиковъ вдругъ заявилъ, что солдатъ онъ не дастъ. Въ высшей степени оскорбленные сенаторы разъѣхались по домамъ, и многіе изъ нихъ рѣшили больше не являться на засѣданія. Послѣ этого по городу разнесся слухъ, что знать готовится возвести на престолъ Петра Алексѣевича, предварительно ограничивъ его власть. Въ это же время выступилъ противъ Меншикова и герцогъ Голштинскій, тоже выдвинувшій, въ своихъ личныхъ расчетахъ, проектъ ограниченія верховной власти, только не будущаго императора, а настоящей императрицы. При помощи созданія особаго учрежденія онъ думалъ обуздать безмѣрный произволъ свѣтлѣйшаго. Когда проектъ этотъ сталъ извѣстенъ обѣимъ партіямъ, послѣднія въ лицѣ Головкина и Д. М. Голицына съ готовностью пошли на него, справедливо разсуждая, что Меншиковъ гораздо опаснѣе для нихъ, чѣмъ нѣмецкій принцъ, котораго легко можно было выслать изъ Россіи, когда въ этомъ почувствовалась бы надобность.

Меншиковъ понялъ серьезность своего положенія и рѣшилъ пойти на компромиссъ. Посредникомъ между нимъ и противниками явился Толстой. Скоро обѣ стороны пришли къ соглашенію, принявъ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ проектъ герцога Голштинскаго, въ необходимости осуществленія котораго убѣдить императрицу было нетрудно. 8 февраля 1726 г. появился указъ объ учрежденіи «при дворѣ..., какъ для внѣшнихъ, такъ и для внутреннихъ государственныхъ важныхъ дѣлъ» верховнаго тайнаго совѣта и назначеніи въ члены его свѣтлѣйшаго Меншикова, Апраксина старшаго, Головкина, Толстого, Дм. Голицына и Остермана, къ которымъ вскорѣ присоединился еще герцогъ Голштинскій, замѣнявшій на засѣданіяхъ часто отсутствовавшую императрицу.

Это учрежденіе, впрочемъ, нельзя назвать совсѣмъ новымъ: въ него вошли дѣйствительные тайные совѣтники, которые въ качествѣ «первыхъ министровъ» и безъ того имѣли частыя совѣщанія о важнѣйшихъ государственныхъ вопросахъ, состоя сенаторами, а первые трое сверхъ того были еще и президентами главныхъ коллегій — военной, морской и иностранной. Однако превращеніе спорадическихъ собраній въ постоянное присутственное мѣсто придало послѣднему особый характеръ, позволившій иностраннымъ наблюдателямъ увидѣть въ этомъ учрежденіи первый шагъ къ введенію въ Россіи аристократической конституціи. И этотъ взглядъ не былъ вполнѣ безосновательнымъ. Назначенныя членами совѣта лица подали государынѣ «мнѣніе не въ указъ», касающееся характера и компетенціи новаго учрежденія, которое и было утверждено въ качествѣ его регламента. Сенатъ, синодъ и коллегіи ставились подъ надзоръ совѣта, хотя и оставались при своихъ старыхъ уставахъ; только дѣла, для рѣшенія которыхъ требовались новые законы, они должны были со своимъ мнѣніемъ передавать въ совѣтъ. Послѣдній дѣйствовалъ подъ предсѣдательствомъ самой императрицы, представляя собой не «особливую коллегію», а какъ бы расширеніе единоличной верховной власти въ коллегіальную форму: впредь ни одинъ указъ не могъ выйти безъ того, чтобы его не контрасигнировалъ одинъ, а въ важныхъ случаяхъ двое изъ членовъ совѣта. Такимъ образомъ этотъ послѣдній дѣйствительно до извѣстной степени ограничивалъ главу имперіи.

Съ возникновеніемъ совѣта борьба за власть на время утихла, такъ какъ наиболѣе видные представители генералитета, вошедшіе въ составъ его, вполнѣ добились своего. Остальной генералитетъ къ «англійской конституціи», дѣлавшей нѣсколькихъ лицъ, еще вчера принадлежавшихъ къ его средѣ, «верховными господами», отнесся недружелюбно, но оппозиція генералитета въ общемъ носила тайный характеръ, и открыто противъ совѣта не было предпринимаемо ничего. Выступилъ противъ него сенатъ: онъ не принялъ отъ совѣта указа объ его учрежденіи и черезъ своего экзекутора въ самой обидной формѣ вернулъ его

въ канцелярію новаго учрежденія. За это верховники сурово раздѣлались съ сенатомъ: онъ былъ лишенъ титула «правительствующаго», который былъ замѣненъ титуломъ «высокій», и въ члены его были назначены новыя лица «ранга генералъ-майора и ниже дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ двѣма рангами».

До возникновенія совѣта правительство Екатерины Алексѣевны любило подчеркивать свою полную солидарность съ предшествовавшимъ царствованіемъ. Въ высочайшихъ указахъ и декларацiяхъ русскихъ пословъ при иностранныхъ дворахъ неоднократно заявлялось, что императрица «всемѣрно желаетъ всѣ дѣла, зачатыя трудами блаженныя и вѣчно достойныя памяти его величества, на томъ же основаніи исполнить». Въ память Петра выбивается медаль съ надписью: «Виждь (Россія), какову оставилъ тя». Барону Шафирову поручается составленіе исторіи императора. По вполнѣ разработанному Петромъ плану открывается Академія Наукъ и согласно его инструкціи снаряжается экспедиція Беринга въ Камчатку для рѣшенія вопроса, есть ли проливъ между Азіей и Америкой. Нерѣдко главнѣйшія учрежденія издаютъ указы, подтверждающіе петровскія распоряженія. Такъ, въ мартѣ 1725 г. синодъ, подтверждая враждебныя монашеству мѣры Петра, запрещаетъ вновь постригать въ монахи кого-либо безъ своего разрѣшенія, за исключеніемъ вдовыхъ священниковъ; въ іюнѣ того же года сенатъ отправляетъ за границу купеческихъ дѣтей для обученія ариѳметикѣ и нѣмецкому языку, вспоминая указъ Петра 1723 г.

Однако вся эта дѣятельность Екатерининскаго правительства ограничивалась мелочами и, кромѣ того, шла, такъ сказать, по инерціи: въ ней уже не было не только увлеченія, но и простой энергіи. Объясняется это тѣмъ, что сотрудники Петра, привыкшіе раньше дѣйствовать по указкѣ царя, часто не отдавая себѣ вполнѣ яснаго отчета въ томъ, чего послѣдній отъ нихъ требовалъ, теперь, получивъ въ свои руки полную власть, какъ бы растерялись. Исполнять то, что началъ Петръ, они могли, но поступить самостоятельно въ его духѣ превышало ихъ силы; отъ нихъ скрытъ смыслъ не только многихъ сторонъ Петровской реформы, но и самыхъ основъ ея. Люди, оставленные Россіи Петромъ, не имѣли его вѣры въ способности русскаго народа, въ возможность для него пройти трудную школу; они испугались этой трудности и отступили назадъ.

А между тѣмъ, недореформированная страна, находясь въ хаотическомъ состояніи, требовала отъ власти исключительныхъ заботъ. На это еще въ началѣ новаго царствованія энергично указывалъ Ягужинскій. Обсужденіе предложенныхъ имъ мѣръ императрица поручила сенату, но послѣдній не пришелъ ни къ чему опредѣленному, и такимъ образомъ окончательное рѣшеніе вопроса, какъ вывести государство и народъ изъ затруднительнаго положенія, выпало на долю верховнаго тайнаго совѣта.

Осенью 1726 года Екатерина Алексѣевна потребовала отъ верховниковъ и нѣкоторыхъ другихъ сановниковъ мнѣнія относительно слѣдующихъ шести пунктовъ: 1) какимъ образомъ облегчить крестьянство въ подушныхъ деньгахъ; 2) изъ какихъ доходовъ прибавить снимаемую съ крестьянъ сумму, необходимую на содержаніе арміи; 3) какъ разсмотрѣть штатъ правительственныхъ учрежденій; 4) какъ исправить денежное дѣло, 5) юстицію и 6) торговлю. На этотъ призывъ откликнулись цѣлый рядъ лицъ, при чемъ Толстой, Головкинъ, Голицынъ, Апраксинъ и герцогъ Голштинскій подали единоличныя записки, а Меншиковъ, Остерманъ, кабинетъ-секретарь Макаровъ и Волковъ — коллективную. Во всѣхъ этихъ запискахъ подчеркивается печальное во многихъ отношеніяхъ состояніе Россіи и ярко выражается отрицательное отношеніе къ дѣятельности Петра Великаго. Исходнымъ пунктомъ критики его реформъ выставляется при этомъ разореніе народа: преобразованіе Россіи, по взглядамъ верховниковъ, было куплено черезчуръ дорогой цѣной. И не понимая того, что Петръ сознательно жертвовалъ удобствами настоящаго для будущаго блага, они, вмѣсто того, чтобы попытаться лучше приспособить реформу къ русской дѣйствительности, устранить обнаружившіеся со временемъ ея дефекты, рѣшили во многомъ просто вернуться къ несложнымъ порядкамъ старины, забывая о ея недостаткахъ. И вотъ, признавъ, какъ это говорилось въ запискѣ Меншикова и его товарищей, что «не токмо крестьянство, на которое содержаніе войска положено, въ великой скудости обрѣтается и отъ великихъ податей и непрестанныхъ экзекуцій и другихъ непорядковъ въ крайнее и всеконечное разореніе приходитъ, но и прочія дѣла, яко коммерція, юстиція и монетные дворы, весьма въ разоренномъ состояніи обрѣтаются», верховный тайный совѣтъ принимается за порчу и даже ломку многаго изъ того, что было создано Петромъ.

Больше всего вниманіе верховниковъ привлекала «великая скудость крестьянъ», такъ какъ она представляла государственную опасность: ибо, писалъ Меншиковъ, «солдатъ съ крестьяниномъ связанъ, какъ душа съ тѣломъ, и когда крестьянина не будетъ, тогда не будетъ и солдата», а «понеже армія такъ нужна, что безъ нея государству стоять невозможно, того ради и о крестьянахъ попеченіе имѣть надлежитъ». Прежде всего «для скорѣйшаго облегченія крестьянъ и для увеселенія надежды народной» верховники рѣшили отказаться отъ поуѣзднаго расквартированія арміи. Въ виду того, что крестьянамъ очень тягостно содержаніе полковыхъ дворовъ и солдатскихъ квартиръ, а кромѣ того, имъ и даже помѣщикамъ невозможно при этомъ миновать обидъ, указъ 9 января 1727 г. выводитъ полки изъ уѣздовъ въ особыя слободы при городахъ. Указомъ 1 февраля 1727 г. сборъ подушныхъ денегъ возложенъ на губернаторовъ и воеводъ; впредь уже не

должны были быть отправляемы для этого офицеры, дѣятельность которыхъ сопровождалась чрезмѣрными экзекуціями, правежомъ и конфискаціей пожитковъ. Тогда же изъ опасенія, что скоро у крестьянъ «взять будетъ не съ чего», было рѣшено сдѣлать облегченіе въ уплатѣ подушной подати, а именно, за треть 1727 г. было постановлено подушныхъ денегъ не взыскивать. Наконецъ, совѣтъ подвергъ сомнѣнію и способъ раскладки налога, — принципъ поголовщины. Меншиковъ проектировалъ учредить комиссію для обсужденія вопроса, собирать ли подати съ душъ «такъ, какъ нынѣ», или «по примѣру другихъ государствъ съ однихъ работниковъ», или же «съ двороваго числа», «съ тяголъ» и «съ земли». Насколько всѣ эти мѣры были непродуманы, видно изъ того, что уже въ маѣ 1727 г. оказалось, что «подданные, не взирая на такое всемилостивѣйшее опредѣленіе, подушной подати на указанные сроки сами не платятъ огурствомъ своимъ», вслѣдствіе чего въ сентябрѣ того же года пришлось въ помощь губернаторамъ и воеводамъ послать оберъ-офицеровъ съ командами.

Облегчить податное бремя верховники думали еще сокращеніемъ штатовъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ, при чемъ наиболѣе существенное измѣненіе претерпѣла введенная Петромъ областная организація управленія. При поспѣшности, какая вообще отличала работу Петра, въ областныхъ учрежденіяхъ были недостатки, дѣйствительно требовавшіе исправленія. Но этимъ верховники не ограничились: всего черезъ полтора года послѣ смерти Преобразователя они подняли вопросъ объ уничтоженіи цѣликомъ введеннаго имъ областного управленія, находя, что умноженіе правителей и канцелярій «не токмо служитъ, какъ выразился Меншиковъ, къ великому отягощенію штата, но и къ великой тягости народной». При этомъ въ совѣтѣ даже мало разсуждали о томъ, какіе изъ этихъ канцелярій и правителей ненужны и какихъ слѣдуетъ оставить, а просто 24 февраля 1727 г. былъ изданъ указъ, гласившій: «какъ надворные суды, такъ и всѣхъ лишнихъ управителей и канцеляріи и конторы земскихъ комиссаровъ и прочихъ тому подобныхъ вовсе отставить и положить всю расправу и судъ попрежнему на губернаторовъ и воеводъ» и «для лучшаго посадскимъ людямъ охраненія» подчинить имъ также городовые магистраты. Такъ погибли учрежденія, посредствомъ которыхъ Преобразователь хотѣлъ искоренить древнюю московскую неправду. Про петровскихъ чиновниковъ Меншиковъ сказалъ, что они «не пастырями, но волками, въ стадо ворвавшимися, назваться могутъ» — такими же волками, но въ гораздо большей мѣрѣ, явились теперь новые губернаторы и воеводы, такъ какъ прежніе чиновники, вѣдавшіе независимо другъ отъ друга отдѣльныя отрасли управленія, безъ сомнѣнія, взаимно удерживали одинъ другого отъ произвола.

Не менѣе враждебно отнесся верховный тайный совѣтъ и къ созданному Петромъ центральному управленію. Желая ослабить значеніе сената, онъ по отъѣздѣ Ягужинскаго, посланнаго за границу, оставилъ незамѣщенною должность генералъ-прокурора, находившихся же подъ властью послѣдняго прокуроровъ сперва сталъ увольнять въ отставку или давать имъ продолжительные отпуски, а 13 марта 1727 г. принципіально рѣшилъ, что они не нужны. Точно такъ же былъ уничтоженъ и другой институтъ, преслѣдовавшій задачу контроля и надзора надъ администраціей — фискалы, при чемъ генералъ-фискалъ Мякининъ, не разъ обличавшій при Петрѣ самого Меншикова, былъ преданъ суду и отправленъ въ ссылку. Наконецъ была упразднена и еще одна важная должность при сенатѣ — должность генералъ-рекетмейстера, принимавшаго прошенія на высочайшее имя.

Уничтоживъ органы провинціальнаго управленія и разрушивъ стройную организацію сената, верховный тайный совѣтъ исказилъ и коллежскую реформу. 24 февраля 1727 г. была упразднена мануфактуръ-коллегія, и дѣла ея были переданы въ коммерцъ-коллегію, а 16 іюня того же года штатсъ-конторъ-коллегія, вѣдавшая государственные расходы и хранившая государственную казну, въ связи съ передачей функцій подчиненныхъ ей рентмейстеровъ камерирамъ, была присоединена къ камеръ-коллегіи, вѣдавшей государственные доходы. Кромѣ того, во всѣхъ коллегіяхъ вмѣсто 10 членовъ совѣтъ нашелъ необходимымъ оставить 6, разрѣшивъ сверхъ того половинѣ и этого числа находиться попеременно въ отпуску безъ жалованья. Этимъ возвращеніемъ отъ коллегіальной формы къ единоличной совѣтъ думалъ уничтожить «отъ многаго разногласія въ дѣлахъ остановку и продолженіе, а въ жалованьѣ напрасный убытокъ». Но и эти мѣры не оправдали возлагавшихся на нихъ надеждъ. Вмѣсто упраздненной мануфактуръ-коллегіи пришлось открыть при сенатѣ особую контору, «чтобы фабрики не пришли въ слабое состояніе своимъ дѣйствомъ». Уменьшеніе же числа коллежскихъ членовъ вызвало небывалый застой въ дѣлопроизводствѣ.

Верховники изыскивали и другіе способы къ финансовому облегченію страны. Въ началѣ 1727 г. велѣно было «для необходимыхъ крайнихъ государственныхъ нуждъ и облегченія народнаго въ податяхъ» начеканить на два милліона мѣдной пятикопеечной монеты и «притомъ старымъ штемпелемъ и съ великою осторожностью, чтобъ въ другихъ государствахъ прежде времени объ этихъ новыхъ деньгахъ не узнали». Большую заботливость выказалъ верховный тайный совѣтъ и въ отношеніи развитія торговли, образовавъ подъ предсѣдательствомъ Остермана комиссію о коммерціи, которая въ первый же годъ своего существованія издала много важныхъ распоряженій и выработала уставъ о лихтерахъ при выгрузкѣ судовъ и уставъ о соляной продажѣ. Особую комиссію верховный

тайный совѣтъ образовалъ и для улучшенія юстиціи и поручилъ ей создать новое уложеніе. Наконецъ верховники не прошли мимо и народнаго образованія. Впрочемъ, въ этой области, опять-таки въ видахъ экономіи, они ограничились лишь тѣмъ, что соединили свѣтскія цыфирныя школы съ духовными семинаріями, отдавъ такимъ образомъ просвѣщеніе въ вѣдѣніе синода.

Такова была въ общихъ чертахъ внутренняя политика верховнаго тайнаго совѣта за время царствованія Екатерины Алексѣевны. Программа Преобразователя показалась слишкомъ сложною и обширной бывшимъ сотрудникамъ его, и напуганные народнымъ обнищаніемъ, они, вмѣсто того, чтобы искать способовъ для уменьшенія зла, не только не останавливая, но продолжая реформу, избрали болѣе легкій путь — отказались отъ завѣтовъ Петра и, по крайней мѣрѣ, на полстолѣтіе задержали лучшую организацію управленія и, особенно, суда. И главная вина въ возникновеніи реакціи падаетъ именно на бывшихъ сотрудниковъ императора, такъ какъ сама императрица, когда принималась за дѣла, старалась поступать въ духѣ своего покойнаго мужа.

Въ области внѣшней политики правительство Екатерины Алексѣевны продолжало дѣйствовать въ общемъ такъ, какъ дѣйствовалъ Преобразователь. Преслѣдуя традиціонныя задачи Россіи съ рѣдкимъ историческимъ чутьемъ, Петръ пріобрѣлъ берегъ Балтійскаго моря, достигъ прочнаго вліянія въ Польшѣ и явился грознымъ врагомъ Турціи, для отмщенія которой за неудачу Прутскаго похода вступилъ въ тѣсныя отношенія съ Австріей и Пруссіей. Но, тѣмъ не менѣе, онъ завѣщалъ своимъ преемникамъ полное затрудненій и опасностей положеніе. Въ Европѣ въ это время продолжалась борьба за испанское наслѣдство. Противъ союза Австріи съ Испаніей возникла коалиція изъ Англіи, Франціи и Пруссіи. Эти три державы старались привлечь къ себѣ и Россію, съ ея превосходными войскомъ и флотомъ, но не достигли этого, потому что Екатерина Алексѣевна соглашалась на предложеніе лишь при томъ условіи, чтобы король Людовикъ XV или, по крайней мѣрѣ, герцогъ Орлеанскій вступилъ въ бракъ съ ея дочерью Елизаветою Петровною. Къ счастью, это условіе не было принято, и такимъ образомъ Россіи не пришлось жертвовать своими интересами всюду, гдѣ они приходили въ соприкосновеніе съ интересами Франціи, т.-е. въ Турціи, Польшѣ, Даніи и Швеціи. Оскорбленная неудачей, Екатерина Алексѣевна, подъ вліяніемъ герцога Голштинскаго и Меншикова, вступила въ августѣ 1726 г. въ союзъ въ Австріей. Императрица обѣщала императору 30.000 солдатъ для борьбы съ коалиціей, а тотъ обѣщалъ ей столько же солдатъ для борьбы съ Турціей. Но до столкновенія дѣло не дошло. Вскорѣ съ Россіей и Австріей заключила особую конвенцію и Пруссія, такъ какъ ожидалась въ недалекомъ будущемъ смерть польскаго короля Августа II; три сосѣднихъ съ Польшей державы взаимно обязались поддерживать на

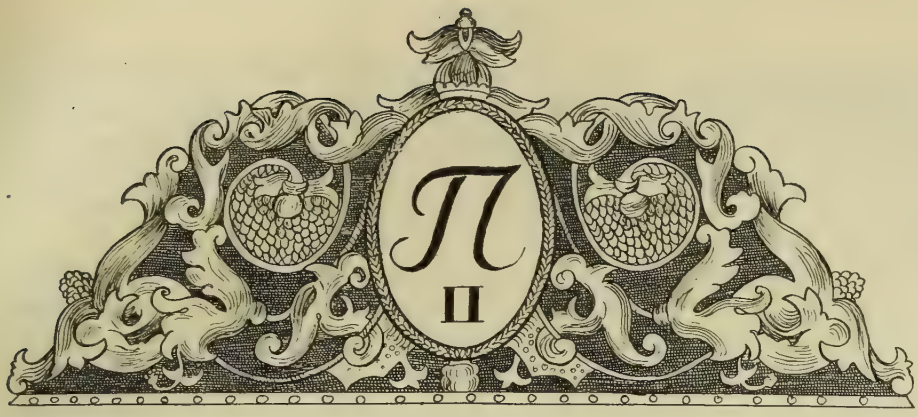
польскій престолъ мѣстнаго кандидата. Такъ, благодаря благопріятному сцѣпленію разнаго рода обстоятельствъ правительство Екатерины Алексѣевны въ турецкихъ и польскихъ дѣлахъ пошло, въ концѣ-концовъ, по слѣдамъ Петра. Въ духѣ послѣдняго поступало оно и въ отношеніяхъ къ Персіи и Китаю. Съ первою Россіи пришлось вести войну, такъ какъ заключенный при Петрѣ миръ оказался непрочнымъ. Со вторымъ же она черезъ посредство гр. Рагузинскаго завязывала хорошія отношенія. Такимъ образомъ ожиданія нѣкоторыхъ западно-европейскихъ державъ, обрадовавшихся смерти Преобразователя, оказались обманутыми. Правда, русскіе люди прежде всего требовали отдыха, и не было болѣе человѣка, который могъ возбуждать ихъ къ постоянной дѣятельности; но, тѣмъ не менѣе, могущество національнаго инстинкта и богатство силъ огромной страны позволили имъ послѣ смерти Петра сохранить достигнутое Россіей при немъ международное положеніе.

Хотя императрица была далеко не стара, но здоровье ея было очень плохо, и потому приходилось думать о преемникѣ. Всеобщій голосъ указывалъ, какъ на наслѣдника единственно законнаго, на Петра Алексѣевича. Екатерина, однако, желала оставить тронъ одной изъ своихъ дочерей и для этого милостями и ласками старалась расположить къ своей семьѣ общественное мнѣніе. Но справедливо сказано, что «милости и ласки способны привязать къ правительству твердому; у слабаго же берутъ награды и озираются кругомъ, ища чего-нибудь болѣе твердаго». Не только знать, но и большинство лицъ, помогавшихъ воцаренію Екатерины Алексѣевны, не сочувствовали ея намѣренію, такъ какъ видѣли себя вынужденными подчиниться со вступленіемъ на престолъ цесаревны Анны ея мужу, герцогу Голштинскому, а съ вступленіемъ на престолъ цесаревны Елизаветы — ея жениху, принцу Голштинскому.

Роль примирителя желаній императрицы и общества взялъ на себя Остерманъ, предложившій женить великаго князя на цесаревнѣ Елизаветѣ. Существовавшее между ними близкое родство, дѣлавшее по правиламъ православной церкви и убѣжденію русскаго народа невозможнымъ бракъ между ними, не смущало нѣмца, рѣшившагося въ качествѣ мотива сослаться на то обстоятельство, что «вначалѣ, при сотвореніи міра, сестры и братья посягали, и чрезъ то токмо человѣческій родъ распложался». Но Екатерина Алексѣевна это предложеніе отвергла. Подъ вліяніемъ Меншикова, надѣявшагося женить Петра на своей дочери, Екатерина согласилась передать престолъ послѣ своей смерти Петру.

Когда въ апрѣлѣ 1727 г. Екатерина Алексѣевна заболѣла горячкой, во дворцѣ собрались для обсужденія вопроса о престолонаслѣдіи члены высшихъ правительственныхъ учрежденій — совѣта, сената и синода, президенты коллегій и даже майоры гвардіи. Послѣ недолгихъ споровъ они высказались за внука

Петра Великаго и противъ его дочерей. Императрица, послѣ долгихъ колебаній, согласилась съ ними, хотя обѣ ея дочери со слезами молили ее не дѣлать этого. Вслѣдъ за тѣмъ было составлено завѣщаніе, согласно которому къ престолонаслѣдію призывались постепенно Петръ Алексѣевичъ, царевны Анна и Елизавета и великая княжна Наталья Алексѣевна со своими «десцендентами». Каждое послѣдующее лицо должно было наслѣдовать предшественнику въ случаѣ его безпотомственной смерти. Вмѣстѣ съ тѣмъ до совершеннолѣтія Петра Алексѣевича устанавливалось регентство изъ верховнаго тайнаго совѣта съ включеніемъ въ него царевенъ Анны и Елизаветы. Вскорѣ послѣ этихъ событій, 6 мая, Екатерина Алексѣевна скончалась.



ИМПЕРАТОРЪ

Петръ II Алексѣевичъ.

(1714—1727—1730).

7 мая 1727 г., на другой день по кончинѣ императрицы Екатерины I, вступилъ на престолъ Петръ II. Воцареніе его, подобно воцаренію Екатерины I, было подготовлено дворцовой интригой не безъ участія гвардіи, но встрѣтило общее сочувствіе.

До его совершеннолѣтія власть должна была принадлежать юридически, согласно завѣщанію Екатерины Алексѣевны, верховному тайному совѣту, но фактически ею овладѣлъ Меншиковъ, который еще во время болѣзни императрицы всецѣло подчинилъ себѣ это высшее учрежденіе, пріобрѣтя поддержку кн. Дм. Голицына и наведя на остальныхъ членовъ страхъ ссылкой гр. Толстого. Теперь, чтобы удержать достигнутое положеніе, онъ первымъ дѣломъ перевезъ къ себѣ на Васильевскій островъ юнаго императора, который такимъ образомъ попалъ всецѣло въ его руки. Здѣсь 13 мая Меншиковъ получилъ отъ молодого государя званіе генералиссимуса, котораго тщетно добивался при Екатеринѣ I; оно отдавало въ его полное распоряженіе всю армію, а 25-го совершилось торжественное обрученіе государя съ дочерью Меншикова Маріей. Такъ началось продолжавшееся четыре мѣсяца почти единоличное управленіе Россіей Меншикова.

Прежде всего онъ позаботился создать себѣ партію изъ способныхъ и знатныхъ людей и удалить людей ему враждебныхъ или подозрительныхъ. Остерманъ былъ назначенъ оберъ-гофмейстеромъ и воспитателемъ императора. Минихъ и Долгорукіе были осыпаны милостями. Изъ Шлиссельбурга была освобождена и привезена въ Москву инокиня Елена, бабка императора; она сохранила всю свою приверженность къ старинѣ, но по своему возрасту не была уже опасной. Съ другой стороны, тѣ, кого Меншиковъ не считалъ

возможнымъ или не хотѣлъ привлечь на свою сторону, жестоко преслѣдовались. Царевна Анна со своимъ мужемъ была вынуждена уѣхать въ Голштинію. Шафирову было велѣно отправиться въ Архангельскъ для завѣдыванія китоловнымъ промысломъ, а Ягужинскій, только что вернувшійся изъ Польши, былъ отправленъ въ украинскую армію и т. д.

Поиски друзей и борьба съ врагами не мѣшали Меншикову посвящать большое вниманіе и государственнымъ дѣламъ. Общее руководство ими номинально принадлежало верховному тайному совѣту, въ которомъ присутствовали Апраксинъ, Головкинъ и Голицынъ; но нерѣдко совѣтъ получалъ отъ свѣтлѣйшаго приказаніе издать тотъ или иной указъ, не говоря уже о томъ, что самъ обо всемъ спрашивалъ мнѣнія Меншикова. Дѣятельность правительства при господствѣ Меншикова выражалась въ дальнѣйшей ломкѣ петровскихъ учрежденій и отчасти—въ исправленіи тѣхъ дефектовъ, какіе обнаруживались при этой ломкѣ. Прежде всего былъ упраздненъ императорскій кабинетъ, который подъ управленіемъ Макарова пріобрѣлъ въ царствованіе Екатерины I исключительную самостоятельность, не нравившуюся временщику. 18 августа былъ закрытъ главный магистратъ въ видахъ экономіи и за безполезностью, которая стала очевидной со времени подчиненія городовыхъ магистратовъ губернской администраціи. Когда увидѣли, что послѣ отставки отъ сбора подушной подати офицеровъ подушныя деньги почти совсѣмъ перестали поступать въ казну, былъ изданъ указъ: губернаторамъ и воеводамъ посылать отъ себя нарочныхъ въ вотчины, не заплатившія податей, и, взявши въ города, править деньги на самихъ помѣщикахъ, а гдѣ ихъ нѣтъ — на ихъ приказчикахъ, старостахъ и крестьянахъ, въ дворцовыхъ же и церквахъ вотчинахъ—на ихъ управителяхъ и крестьянахъ. Самымъ важнымъ мѣропріятіемъ правительства въ періодъ господства Меншикова было возстановленіе 22 іюля гетманства въ Малороссіи, уничтоженнаго Петромъ Великимъ, который не терпѣлъ мѣстнаго партикуляризма. Сдѣлано это было для того, чтобы привлечь къ свѣтлѣйшему малороссіянъ. Меньшиковскимъ управленіемъ страна въ общемъ была довольна.

Однако нельзя сказать, чтобы Меншиковъ, вознесенный на небывалую для подданнаго высоту, чувствовалъ себя увѣренно. Онъ понималъ, что могущество его основано не на правѣ, а всего только на его вліяніи на двѣнадцатилѣтняго императора. Чтобы постоянно пользоваться этимъ вліяніемъ, свѣтлѣйшему было необходимо всецѣло поработить себѣ волю Петра II. Но сдѣлать этого ему не удалось. Петръ II въ это время былъ высокимъ, стройнымъ и красивымъ мальчикомъ, казавшимся значительно старше своихъ лѣтъ, и въ этомъ отношеніи представлялъ полную противоположность своему отцу; онъ обладалъ нѣжной душой. Иностранные послы единодушно восторгались его привѣтливостью, народъ считалъ его ве-

ликодушнымъ, добрымъ и снисходительнымъ. Большое впечатлѣніе произвела сказанная имъ 21 іюня 1727 г. въ верховномъ тайномъ совѣтѣ рѣчь: «Послѣ какъ Богъ изволилъ меня въ малолѣтствѣ всея Россіи императоромъ учинить, наивящщее мое стараніе будетъ, чтобъ исполнить должность добраго императора, то-есть чтобъ народъ мнѣ подданный съ богобоязненностью и правосудіемъ управлять: чтобъ бѣдныхъ защищать, обиженнымъ вспомогать, убогихъ и неправедно отягощенныхъ отъ себя не отогнать, но съ веселымъ лицомъ жалобы ихъ выслушать и, по похвальному императора Веспасіана примѣру, никого отъ себя печальнаго не отпускать».

Къ сожалѣнію, дѣтство Петра II протекло при чрезвычайно неблагопріятныхъ условіяхъ, въ которыхъ способности ребенка не могли правильно развиться. Рано лишившись матери и отца, онъ не встрѣтилъ въ своемъ дѣдѣ не только любви, но и простой заботливости о своемъ воспитаніи. А между тѣмъ Петръ II отъ природы обладалъ живымъ умомъ и былъ очень впечатлителенъ и воспріимчивъ. Когда Меншиковъ далъ ему въ воспитатели Остермана, мальчикъ полюбилъ и ученіе и учителя, такъ какъ искусный дипломатъ выказалъ себя превосходнымъ педагогомъ. Въ составленномъ имъ планѣ занятій главное мѣсто было удѣлено древней и новой исторіи, въ области которыхъ особое вниманіе предполагалось обратить на ознакомленіе съ царствовавшими династіями и формами правленія, затѣмъ слѣдовали географія, «отчасти по глобусу, отчасти по ландкартамъ», и математическія науки. Основнымъ методомъ преподаванія были избраны короткіе уроки, болѣе похожіе на дружескія собесѣдованія ученика съ учителемъ.

Однако грубая безцеремонность и мелочно придирчивая опека Меншикова скоро отвлекли юнаго императора отъ наладившагося ученія и заставили его думать всего болѣе о томъ, какъ бы свергнуть иго свѣтлѣйшаго. А это иго было дѣйствительно тяжелымъ. Во дворцѣ Меншикова императоръ чувствовалъ себя узникомъ: отъ него требовали, чтобы онъ занимался, когда ему хотѣлось играть, ему запрещали слишкомъ частое пребываніе въ обществѣ пріятныхъ для него людей и особенно въ обществѣ 15-лѣтней сестры Натальи Алексѣевны и 17-лѣтней тетки Елизаветы Петровны, за нимъ слѣдили, не допуская сдѣлать ни одного самостоятельнаго шага. Петръ II все это терпѣлъ, но, наконецъ, кровь дѣда сказалась, и онъ вспылилъ. Однажды, какъ разсказываетъ Манштейнъ, цехъ петербургскихъ каменщиковъ поднесъ государю 9.000 червонныхъ, которые Петръ велѣлъ отослать въ подарокъ своей сестрѣ. Меншиковъ, встрѣтивъ посланнаго, отобралъ у него деньги, заявивъ: «Императоръ еще очень молодъ и потому не умѣетъ распоряжаться деньгами, какъ слѣдуетъ». Когда черезъ нѣсколько времени Петръ узналъ объ этомъ, онъ бросился къ Меншикову, принимавшему въ это время въ своихъ роскошныхъ апартаментахъ гостей, внѣ себя

отъ гнѣва крикнулъ: «Я тебя научу, что я императоръ и что мнѣ надобно повиноваться!» и вышелъ изъ зала. Всѣ остолбенѣли и больше всѣхъ самъ свѣтлѣйшій, которому въ окрикѣ Петра II, быть-можетъ, почудился окрикъ Петра I, всегда приводившій его въ дрожь. Но его изумленіе продолжалось лишь мигъ. Онъ бросился за императоромъ и, догнавъ, успокоилъ его обѣщаніемъ послать деньги по назначенію, послѣ чего, взявъ его подъ руку, вернулся назадъ и прошелся съ нимъ среди своихъ гостей, повидимому, мирно бесѣдуя о предстоящемъ переѣздѣ государя на лѣто въ Петергофъ. Но эта уловка не могла, конечно, ослабить того впечатлѣнія, какое породило въ обществѣ столкновеніе юнаго императора съ его будущимъ тестемъ. Если еще не смѣли вѣрить въ близкое паденіе послѣдняго, то, по крайней мѣрѣ, думали, что исключительное вліяніе его при дворѣ поколеблено.

Прежде всего подняла голову многочисленная фамилія кн. Долгорукихъ; ихъ Меншикову хотѣлось привлечь на свою сторону, но они, охотно принимая милости, тѣмъ не менѣе, мечтали занять при дворѣ и въ государствѣ первое мѣсто. Двадцатилѣтній кн. Иванъ Алексѣевичъ Долгорукій, допущенный Меншиковымъ къ императору, сумѣлъ понравиться послѣднему, и дядя его, дальновидный интриганъ, кн. Василій Лукичъ, возлагалъ на эту дружбу большія надежды. Втихомолку строились самые смѣлые планы. Сталъ дѣйствовать противъ Меншикова и хитрый Остерманъ, ранѣе другихъ предвидѣвшій приближавшееся паденіе Меншикова. Вообще закопошились всѣ, кто чувствовалъ по отношенію свѣтлѣйшаго обиду или зависть.

Самъ Меншиковъ какъ разъ въ это критическое время опасно заболѣлъ, и эта болѣзнь оказалась для него роковой. За нѣсколько недѣль невольнаго отсутствія свѣтлѣйшаго Петръ II отвыкъ отъ опеки его, научился дѣйствовать самостоятельно. Въ это время онъ жилъ въ Петергофѣ, пользуясь полной свободой. Учебники и тетрадки, ставшіе ненавистными въ учебной комнатѣ Меншиковскаго дома, были заброшены, и 12-лѣтній императоръ, производившій впечатлѣніе настоящаго юноши, проводилъ свои дни въ полной праздности. Его обычными товарищами сдѣлались 20-лѣтній повѣса кн. Ив. Долгорукій и 17-лѣтняя красавица цесаревна Елизавета Петровна, пристрастившая его къ охотѣ и верховой ѣздѣ. Среди безчисленныхъ развлеченій петергофскаго Монплезира, въ обществѣ этихъ людей, императоръ совершенно забылъ свою невѣсту, Марью Александровну. Холодная, строгая и гордая, она и раньше не нравилась ему, а теперь вызывала чувство, близкое къ отвращенію. Петръ явно предпочиталъ ей свою веселую и шаловливую тетку, въ честь которой писалъ теперь любовные стихи.

Остерманъ смотрѣлъ сквозь пальцы на образъ жизни императора, предпочитая дѣйствовать не прямо, а черезъ царевну Наталью.

Если Петръ былъ старше своего возраста физически, то то же, только въ отношеніи нравственномъ, можно сказать про его сестру. Чахоточная, некрасивая дѣвочка, сильно обезображенная оспой, она обладала сердцемъ, открытымъ для самыхъ благородныхъ чувствъ, и умомъ, способнымъ охватывать самыя возвышенныя идеи. Къ своему брату она питала нѣжную привязанность, давала ему прекрасные совѣты, уговаривала его работать и избѣгать дурныхъ поступковъ. И юный императоръ многимъ былъ обязанъ ей въ своемъ развитіи, что признавалъ и самъ. До насъ дошло письмо его къ ней, гдѣ онъ выражаетъ глубокую благодарность любимой сестрѣ, помогшей ему получить воспитаніе, необходимое для хорошаго правителя. Къ несчастію, вліяніе Натальи Алексѣевны ослаблялось вліяніемъ Долгорукаго и Елизаветы Петровны, для котораго почва была превосходно подготовлена прежней неумѣлой и суровой выучкой, не принесшей ничего, кромѣ искренняго отвращенія къ серьезнымъ занятіямъ. Съ тревогой смотрѣла Наталья Алексѣевна на быструю и рѣзкую перемѣну въ характерѣ и поведеніи брата. Прежнія застѣнчивость и сердечность уступили въ немъ мѣсто самоувѣренности и заносчивости, а дѣтскія забавы смѣнились охотой, бражничаніемъ и ухаживаніемъ за женщинами.

Оправившійся послѣ болѣзни Меншиковъ, узнавъ, что дѣлается въ Петергофѣ, рѣшилъ возстановить прежній режимъ, но его попытки въ этомъ направленіи встрѣтили энергичный отпоръ со стороны молодого императора. Начались крупныя столкновенія, при чемъ Петръ уже не скрывалъ своей враждебности къ свѣтлѣйшему. 26 августа, въ день именинъ Натальи Алексѣевны, императоръ держался вдали отъ Меншикова, и когда за обѣдомъ послѣдній сдѣлалъ попытку обратиться къ нему съ какимъ-то льстивымъ замѣчаніемъ, онъ не взглянулъ на него, а, обернувшись къ кн. Дм. Голицыну, громко сказалъ: «Смотрите, развѣ я не начинаю вразумлять его?» На свою невѣсту императоръ также не обращалъ никакого вниманія; услыхавъ. что Меншиковъ жалуется на это, онъ какъ-то сказалъ окружающимъ: «Развѣ не довольно, что я люблю ее въ сердцѣ; ласки излишни; что касается до свадьбы, то Меншиковъ знаетъ, что я не намѣренъ жениться ранѣе 25 лѣтъ».

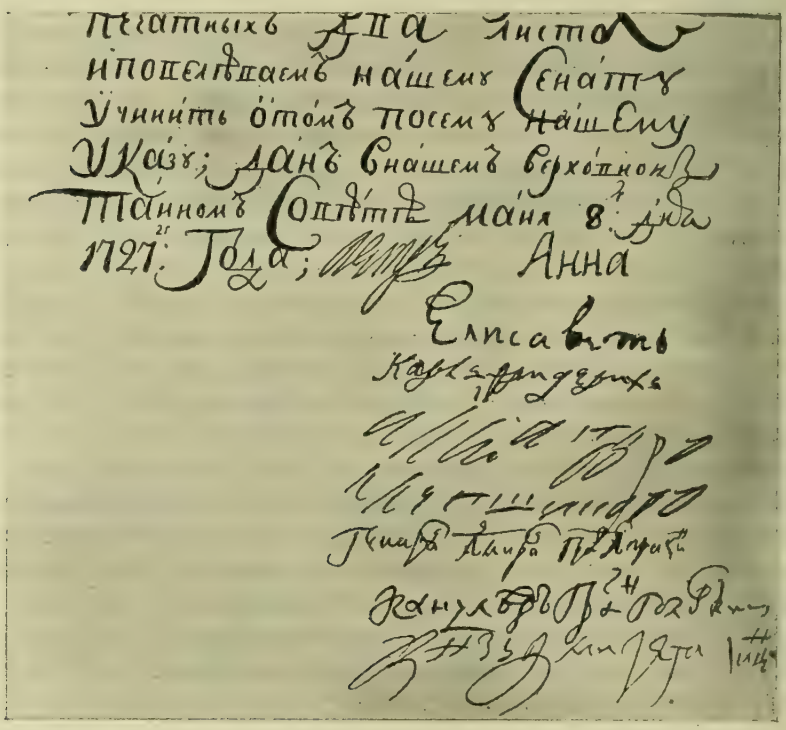
Чувствуя, какъ почва уходитъ изъ-подъ его ногъ, свѣтлѣйшій попробовалъ опереться на Голицыныхъ, для которыхъ перспектива, открывавшаяся съ паденіемъ Меншикова, была мало утѣшительной, такъ какъ на мѣсто его должны были стать неумные и чванные кн. Долгорукіе, которые стали бы преслѣдовать не благо государства, а благо своей семьи. Быстро устроенная свадьба между сыномъ Меншикова и дочерью фельдмаршала М. М. Голицына должна была тѣснѣе сблизить ихъ. Но это средство не помогло.

Вскорѣ Петръ II нанесъ новое явное оскорбленіе Меншикову. Согласившись на униженныя просьбы послѣдняго, онъ обѣщалъ пріѣхать къ нему 3 сентября въ Ораніенбаумъ на освященіе церкви,

но когда все было готово, послалъ сказать, что не будетъ. Причиной этого, по мнѣнію французскаго посла Маньяна, было то, что Меншиковъ имѣлъ неосторожность не пригласить Елизавету Петровну. Повидимому, онъ не хотѣлъ поставить въ неловкое положеніе свою дочь, не сомнѣваясь, что и въ присутствіи ея Петръ II ухаживалъ бы за своей теткой.

Временщикъ на другой день бросился въ Петергофъ, куда прибылъ поздно вечеромъ, вслѣдствіе чего не могъ повидать императора. На слѣдующій же день послѣдній, чтобы избѣжать встрѣчи, рано утромъ уѣхалъ на охоту, а его сестра, заслышавъ шаги Меншикова, выскочила изъ окна и убѣжала въ садъ. Во дворцѣ оставалась только именинница Елизавета Петровна. Меншиковъ пошелъ поздравлять ее; на сердцѣ у него было очень тяжело, хотѣлось облегчить себя высказавшись; и вотъ онъ начинаетъ жаловаться на неблагодарность государя, перечисляетъ свои заслуги и, наконецъ, говоритъ, что хочетъ удалиться въ Украйну. Цесаревна выслушала эти изліянія холодно. Отъ нея онъ бросился къ Остерману, котораго принялся жестоко упрекать въ двоедушіи, но получилъ отъ него рѣзкій отпоръ.

Не дождавшись государя, Меншиковъ съ семьей отправляется въ Петербургъ. Въ тотъ же день въ верховномъ тайномъ совѣтѣ



Подписи на манифестъ о восшествіи на престолъ императора Петра II Алексѣевича.

Подлинный хранится въ Правительствующемъ Сенатѣ.

былъ полученъ указъ привести въ порядокъ лѣтній и зимній дворцы и для этого взять изъ Меншиковскаго дома вещи императора. 7 сентября Петръ II вернулся въ Петербургъ, остановившись въ лѣтнемъ дворцѣ, и первымъ долгомъ издалъ приказъ, чтобы отнынѣ верховный тайный совѣтъ и гвардія слушались предписаній только его одного. На слѣдующій день майоръ гвардіи Салтыковъ, приказавъ снять почетный караулъ, стоявшій у дверей дома генералиссимуса, объявилъ ему, что онъ арестованъ. 9 и 10 сентября происходили засѣданія верховнаго тайнаго совѣта, который постановилъ сослать Меншикова, лишивъ его всѣхъ чиновъ и орденовъ, съ его семействомъ въ одну изъ отдаленныхъ деревень, откуда вскорѣ онъ по проискамъ Долгорукихъ былъ отправленъ въ Березовъ.

По словамъ иностранныхъ наблюдателей, трудно было изобразить ту бурную радость, какая охватила общество, когда, выражаясь словами Ѳеофана Прокоповича, «колоссъ изъ пигмея, оставленный счастьемъ, которое довело его до опьянѣнія, палъ». Но эта радость для многихъ и притомъ лучшихъ людей смѣнилась вскорѣ уныніемъ. Всѣ ожидали, что власть Меншикова достанется верховному тайному совѣту, которымъ будетъ руководить образованный и умный кн. Дм. Мих. Голицынъ, опираясь на брата своего, знаменитаго фельдмаршала кн. Мих. Мих. Голицына. Никто изъ вельможъ не имѣлъ больше ихъ права на признательность Петра II, такъ какъ они изначала и неизмѣнно были приверженцами сперва его отца, потомъ его самого, и притомъ приверженцами безкорыстными,—приверженцами по принципу. Къ тому же ни одинъ изъ государственныхъ дѣятелей этого времени не могъ тягаться съ ними и по своимъ способностямъ. «Голицыны,—говоритъ Соловьевъ,—дѣйствительно сіяли собственнымъ свѣтомъ». Но Голицыны не умѣли отказаться отъ своей независимости, они не желали добиваться власти въ государствѣ угодничествомъ при дворѣ—и были оттерты на задній планъ, первое мѣсто заняли Остерманъ и Долгорукіе и такимъ образомъ мѣсто одного фаворита было занято нѣсколькими.

Сначала казалось, что между этими фаворитами должна разыграться борьба: семья русскихъ аристократовъ слишкомъ ненавидѣла западно-европейскую культуру, а нѣмецкій выходецъ, наоборотъ, былъ ея сыномъ. Но этого не случилось, такъ какъ Долгорукіе чувствовали, что неспособны самостоятельно править государствомъ, а Остерманъ былъ готовъ во многомъ дѣйствовать такъ, какъ хотѣлось бы имъ. Кромѣ того, эту борьбу предотвратилъ и самъ императоръ, который, несмотря на молодость, съ извѣстнаго рода смысломъ распоряжался отношеніями къ окружающимъ. Петръ II прямо показывалъ Остерману, что онъ его любитъ, считаетъ необходимымъ для дѣлъ правительственныхъ,—пусть только онъ и занимается этими дѣлами, но не вмѣшивается въ его удовольствія, гдѣ необходимы ему Долгорукіе, другими словами, онъ не выдалъ бы Остерману Долгорукихъ точно такъ, какъ не выдалъ бы и Остер-

мана Долгорукимъ. Однако такое разграниченіе сферъ вліянія Остермана и Долгорукихъ продолжалось недолго: послѣдніе сумѣли мало-по-малу одержать верхъ. Двое ихъ нихъ, Алексѣй Григорьевичъ и Василій Лукичъ, заняли мѣста въ верховномъ тайномъ совѣтѣ, третій, Василій Владимировичъ, былъ пожалованъ въ фельдмаршалы, а самый близкій къ Петру II, Иванъ Алексѣевичъ, сдѣлался оберъ-камергеромъ.

Съ этого времени реакція, обнаружившаяся по смерти Преобразователя, пошла полнымъ ходомъ. Съ пріѣздомъ въ февралѣ 1728 г. императора для коронаціи въ Москву, послѣдняя фактически стала столицей, такъ какъ вслѣдъ за дворомъ туда переѣхали и всѣ центральныя учрежденія и даже монетный дворъ. Подъ строжайшимъ наказаніемъ было запрещено говорить объ обратномъ переѣздѣ двора на берега Невы. Возстановленіе древней столицы было чрезвычайно пріятно аристократіи и дворянству: съ Москвой были связаны всѣ ихъ традиціи, вокругъ нея находились ихъ вотчины, откуда они легко могли доставать все необходимое для содержанія барскаго двора. Но зато уже одно это въ значительной мѣрѣ подрывало значеніе Россіи въ глазахъ Западной Европы. И опасеніе герцога де-Лиріа, что «московская монархія», пожалуй, вернется «къ своему прежнему варварству», не было безосновательнымъ.

Русское правительство, олицетворявшееся теперь олигархическимъ кружкомъ, въ которомъ господствовала фамилія кн. Долгорукихъ, прежде всего перестало заботиться о военной мощи государства. На армію и флотъ отпускались самыя незначительныя средства. Въ видахъ экономіи широко практиковался роспускъ офицеровъ по домамъ, а въ интересахъ дворянства армію лишили наиболѣе подходящаго комплекта солдатъ, запретивъ поступленіе въ военную службу по собственной охотѣ дворовымъ людямъ и крестьянамъ. Мѣсто президента военной коллегіи послѣ Меншикова не было замѣщено, такъ какъ не находили способнаго человѣка; способные, конечно, были, но не хотѣли служить Долгорукимъ. Вслѣдствіе этого въ военномъ вѣдомствѣ начались безпорядки и остановка въ дѣлахъ. Строеніе кораблей совершенно прекратилось, за исключеніемъ однѣхъ лишь галеръ. Изъ существующихъ кораблей снабжались провіантомъ и такелажемъ только пять небольшихъ, предназначенныхъ для обученія офицеровъ и матросовъ морскому дѣлу. Когда однажды Остерманъ рѣшилъ заговорить о необходимости возобновленія флота, Петръ II ему отвѣтилъ: «Когда нужда потребуетъ употребить корабли, то я пойду въ море; но я не намѣренъ гулять на немъ, какъ дѣдушка». Конечно, Остерманъ не разъяснилъ юному императору всей важности для Россіи морскихъ прогулокъ дѣдушки.

При такихъ обстоятельствахъ вполнѣ могло оправдаться опасеніе Ягужинскаго: «Пусть, — сказалъ онъ однажды въ нетрезвомъ

видѣ шведскому посланнику барону Цедеркрейцу, — шведы потерпятъ года два-три; тогда они, пожалуй, въ состояніи будутъ снова напасть на Россію, а пока, напади они — проиграютъ».

И это «пока» хорошо было извѣстно сосѣднимъ странамъ, которыя поэтому временно продолжали прислушиваться къ голосу Россіи. Такъ, Пруссія и Австрія, поднявшія вопросъ о раздѣлѣ Польши, возникавшій и при Петрѣ Великомъ, отказались отъ своего намѣренія въ виду несочувствія русскаго правительства. Сама Польша ничего существеннаго не предпринимала, когда русскій генералъ Ласси выгонялъ изъ Курляндіи захотѣвшаго сдѣлаться тамъ герцогомъ Морица Саксонскаго, сына польскаго короля Августа II. Наконецъ, благодаря преувеличенному представленію о русскихъ силахъ заключила съ Россіей выгодный договоръ и Срединная имперія—Китай, куда еще при Екатеринѣ I былъ посланъ гр. Савва Рагузинскій. Но всѣ эти успѣхи русской дипломатіи, конечно, не являются заслугами правительства Петра II: въ этомъ отношеніи послѣднее только воспользовалось рессурсами, оставленными Преобразователемъ.

Правительство, съ Долгорукими во главѣ, не цѣнило и духовныхъ насажденій Петра Великаго. «Правда воли монаршей» была запрещена и повсюду отбиралась. С.-Петербургская и Невская типографіи, выпустившія значительную часть книгъ петровскаго времени, были переведены въ Москву, но въ нихъ разрѣшалось печатать лишь церковныя книги, «какъ издревле бывало», въ Петербургѣ же были учреждены двѣ новыхъ типографіи: одна при сенатѣ для печатанія указовъ, другая при Академіи Наукъ для печатанія свѣтскихъ книгъ, которыя «въ синодѣ апробованы будутъ». Даже былъ отложенъ установленный Преобразователемъ праздникъ въ честь Александра Невскаго (30 авг.). Наконецъ, и еще въ одной области правительство Петра II отступило отъ завѣтовъ Петра I. Послѣдній хотѣлъ создать въ Россіи національную промышленность путемъ протекціонизма, хотя бы этотъ протекціонизмъ временно оказался и очень тяжкимъ для населенія. Учрежденная еще при Екатеринѣ I подъ предсѣдательствомъ Остермана комиссія о коммерціи на основаніи ходатайствъ купцовъ и свѣдѣній о состояніи народнаго хозяйства, собранныхъ чрезъ губернаторовъ, пришла къ заключенію о необходимости отказаться отъ покровительственной политики и провела чрезъ верховный тайный совѣтъ рядъ соотвѣтственныхъ мѣръ. Были уничтожены нѣкоторыя регаліи, напр., на соль, табакъ и селитру, разрѣшено свободное устройство горныхъ заводовъ въ Сибири и свободный торгъ сибирскими мѣхами, значительно понижена пошлина съ вывозившейся изъ Россіи пеньки, допущенъ вывозъ товаровъ за границу, на ряду съ Петербургскимъ и Архангельскимъ портами, еще изъ Псковской и Великолуцкой провинцій, и т. д. Купцы и масса населенія были довольны этими мѣро-

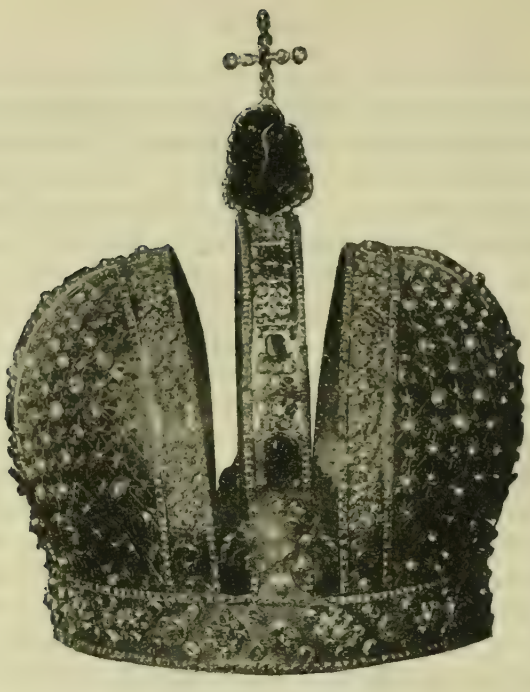
пріятіями, на зато фабрично-заводская промышленность погибала.

Что касается текущихъ вопросовъ управленія, то и ихъ правительство Петра II разрѣшало плохо. Такъ, напр., мѣры, выработанныя верховнымъ тайнымъ совѣтомъ противъ пожаровъ, грабежей, несправедливости судовъ и пр., обыкновенно не приводили ни къ чему. Вмѣсто опредѣленной программы кучка близкихъ къ престолу сановниковъ руководилась исключительно своекорыстными интересами. Такого сосредоточенія власти, какое наблюдалось при Меншиковѣ, теперь въ правительствѣ не было. Все зависѣло отъ того, кто въ данную минуту и въ данномъ вопросѣ окажетъ большее вліяніе на молодого императора. Среди полнаго развала власти, среди страшнаго разстройства государственнаго механизма одни лица боролись съ другими и въ промежуткахъ между столкновеніями открыто занимались казнокрадствомъ и взяточничествомъ.

Роскошь и распущенность нравовъ при дворѣ и въ обществѣ достигли размѣровъ, удивлявшихъ даже иностранныхъ посланниковъ. «Здѣсь все богаче, чѣмъ даже въ Парижѣ», замѣтилъ герцогъ де-Лиріа про московскую придворную жизнь. Немудрено, что правительство Петра II навлекло на себя цѣлый рядъ нареканій въ особенности со стороны иностранныхъ наблюдателей, которые единогласно вынесли ему суровый, но вполнѣ заслуженный приговоръ, прекрасно формулированный въ депешѣ одного изъ нихъ: «Когда я посмотрю, какъ управляется это государство теперь, мнѣ все кажется сномъ въ сравненіи съ царствованіемъ дѣда. Человѣческій умъ не можетъ понять, какъ можетъ такая большая машина держаться безъ поддержки, безъ труда. Всякій старается спрятаться отъ удара, никто не хочетъ ничего брать на себя и молчитъ... Можно сравнить это государство съ кораблемъ, терзаемымъ бурею, лоцманъ и экипажъ котораго пьяны или заснули. Огромная машина является игрушкой личной выгоды, безъ всякой мысли о будущемъ, и кажется, что экипажъ ждетъ только сильной бури, чтобы воспользоваться остатками корабля». А буря дѣйствительно могла разразиться, только не со стороны народа, какъ думалъ де-Лиріа, писавшій своему правительству: «всѣ въ отчаяніи отъ худого управленія». Народъ, какъ это справедливо подмѣтилъ Манштейнъ, наоборотъ, въ общемъ былъ доволенъ установившимся въ странѣ безначаліемъ. Благодаря миру, съ него брали значительно меньше податей и рекрутъ, а царившія въ придворно-правительственной средѣ распущенность, произволъ и грабительство сравнительно мало задѣвали его. Зато рано или поздно на борьбу съ зломъ, безъ сомнѣнія, выступилъ бы самъ императоръ.

Окруженный въ Москвѣ пресмыкавшимися Долгорукими, Петръ II съ юношеской беззаботностью кинулся въ море всевозможныхъ удовольствій, совершенно забросивъ ученье и не пріобрѣтя интереса къ дѣламъ государственнымъ. Ни Остерманъ, впрочемъ, рѣдко противорѣчившій императору, ни царевна Наталья, къ сожалѣнію,

умершая 22 ноября 1729 г., не могли отвлечь его въ сторону серьезныхъ занятій. Окъ бражничалъ и волочился за женщинами, охотился въ подмосковныхъ вотчинахъ. Но мало-по-малу кутежи стали его утомлять, а связь съ княжной Долгорукой не давала ему даже призрака счастья, такъ какъ связь эта возникла случайно послѣ чрезмѣрныхъ возліяній за ужиномъ въ Геренкахъ, имѣніи кн. А. Г. Долгорукаго. Какъ рыцарь, Петръ II объявилъ княжну своей невѣстой, но какъ человѣкъ, котораго обошли, былъ сильно раздраженъ на Долгорукихъ. При дворѣ быстро подмѣтили, что императоръ относится къ Долгорукой, обрученіе съ которой состоялось 30 ноября 1729 г., съ такой же холодностью, съ какой раньше относился къ Меншиковой, и предсказывали, что Долгорукіе, пойдя по стопамъ Меншикова, раздѣлятъ одинаковую съ нимъ участь. Однако покончить съ Долгорукими такъ просто, какъ съ Меншиковымъ, Петръ II не могъ. Тогда онъ вооружился противъ человѣка, узурпировавшаго его власть и открыто хотѣвшаго распоряжаться его волей; теперь приходилось бороться съ людьми, ревностно исполнявшими всѣ его желанія,—съ людьми, которымъ онъ самъ отдался въ руки. Но онъ все же рѣшился на борьбу. Незадолго передъ тѣмъ онъ тайно ночью уѣхалъ къ Остерману и у него имѣлъ совѣщаніе еще съ двумя другими членами верховнаго тайнаго совѣта, а также видѣлся съ царевной Елизаветой, отъ которой его отдалила дружба съ Долгорукими. Къ несчастію, присутствуя 6 января на іордани, государь простудился и заболѣлъ оспой, а въ ночь съ 18 на 19 января 1730 г.—день, въ который была назначена его свадьба—скончался. Послѣднія слова его были: «Запрягайте сани, хочу ѣхать къ сестрѣ». Съ собою въ могилу онъ унесъ желаніе раздѣлаться съ Долгорукими, отъ котораго, быть-можетъ, онъ перешелъ бы и къ желанію исправить въ государствѣ то зло, какое они причинили ему своимъ правленіемъ.



Императорская корона, сдѣланная по повелѣнію Анны Іоанновны.
Хранится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

ИМПЕРАТРИЦА

Анна Іоанновна.

(1693—1730—1740).

I.

Избраніе Анны Іоанновны на престолъ.

Императоръ Петръ II, со смертью котораго пресѣклась мужская линія дома Романовыхъ, умеръ, не оставивъ ни потомства, ни завѣщанія и поэтому вопросъ о престолонаслѣдіи долженъ былъ de jure рѣшиться согласно тестаменту Екатерины I. Однако, стоявшія тогда во главѣ государства лица—и прежде всего члены верховнаго тайнаго совѣта—предпочли руководствоваться въ дѣлѣ избранія новаго государя не требованіями закона, а мотивами личной выгоды и соображеніями политическаго характера. Князья Долгорукіе, попавшіе въ послѣднее царствованіе на головокружительную высоту, мечтали о такомъ носителѣ верховной власти, который позволилъ бы имъ сохранить достигнутое положеніе. Князья Голицыны, гордые своей знатностью и заслугами предъ отечествомъ, но оскорбленные тѣмъ, что при Петрѣ Великомъ,

Екатеринѣ I и Петрѣ II ихъ, не отдаляя совершенно отъ дѣлъ, не приближали достаточно къ источнику власти, думали о возведеніи на престолъ монарха, власть котораго можно было бы ограничить въ интересахъ вельможества и тѣмъ уничтожить ненавистный для нихъ фаворитизмъ, этотъ неотлучный въ ту эпоху спутникъ самодержавія. Наконецъ, многіе считали участіе въ рѣшеніи вопроса о престолонаслѣдіи какъ бы своимъ естественнымъ правомъ, которое было пріобрѣтено ими въ моменты прежней борьбы за тронъ, происходившей при воцареніи Екатерины I и Петра II.

Первую попытку обезпечить власть за своимъ избранникомъ сдѣлали кн. Долгорукіе. У постели умиравшаго императора они пришли къ мысли передать престолъ невѣстѣ его, княжнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ Долгорукой. Датскій посланникъ Вестфаленъ, опасавшійся, какъ бы не избрали въ цари сына недавно умершей герцогини голштинской Анны Петровны, Петра-Ульриха, писалъ кн. В. Л. Долгорукому: «Если энергичная и твердая рѣшимость двухъ такихъ людей, какъ Толстой и Меншиковъ, могла доставить русскую корону покойной царицѣ, несмотря на массу препятствій, то почему бы подобная рѣшимость не въ состояніи была дать такого же положенія принцессѣ добродѣтельной, какова ваша племянница?» Вестфаленъ говорилъ Долгорукимъ: «По знатности вашей фамиліи вамъ это сдѣлать можно, притомъ вы больше силы и права имѣете». «Право» это, однако, было болѣе чѣмъ сомнительно. Кн. Василій Владимировичъ, единственный прямой и честный среди Долгорукихъ, на собраніи родственниковъ, гдѣ обсуждался вопросъ о престолонаслѣдіи, заявилъ: «Неслыханное дѣло вы затѣваете, чтобы обрученной невѣстѣ быть Россійскаго престола наслѣдницею! Кто захочетъ ей подданнымъ быть?» «Силы» у Долгорукихъ также не оказалось. Не говоря уже объ аристократіи и шляхетствѣ, Долгорукіе не могли расчитывать и на поддержку хотя бы одной части гвардіи: когда кн. Алексѣй Григорьевичъ заявилъ на собраніи родственниковъ, что если кто-либо заспоритъ съ ними, того они прикажутъ гвардейцамъ бить, тотъ же кн. Василій Владимировичъ возразилъ: «Что вы ребячье врете! Какъ тому можно сдѣлаться? И какъ я полку объявлю? Услышавъ отъ меня объ этомъ, не только будутъ меня бранить, но и убьютъ». А онъ хорошо зналъ настроеніе гвардіи. Однако остальные Долгорукіе рѣшили сдѣлать попытку осуществить свой планъ. Было составлено въ соотвѣтствующемъ духѣ завѣщаніе, подписанное за Петра II княземъ Иваномъ Алексѣевичемъ, который превосходно копировалъ его почеркъ.

Едва, въ ночь съ 18 на 19 января 1730 г., умеръ императоръ, какъ члены верховнаго тайнаго совѣта, князья А. Г. и В. Л. Долгорукіе, кн. Д. М. Голицынъ, гр. Головкинъ, гр. Остерманъ, устроили во дворцѣ совѣщаніе, пригласивъ на него губернатора Сибири кн. М. В. Долгорукова, двухъ фельдмаршаловъ—кн. В. В.

Долгорукаго и кн. М. М. Голицына. Однако предложеніе передать корону невѣстѣ Петра II встрѣтило рѣзкій отпоръ со стороны остальныхъ членовъ совѣщанія, въ томъ числѣ и В. В. Долгорукаго. Тогда стали выдвигаться другія кандидатуры и тоже неудачно. Наконецъ кн. Д. М. Голицынъ заявилъ, что законнаго наслѣдника не имѣется: завѣщаніе Екатерины I недѣйствительно, такъ какъ, незаконно вступивъ на престолъ, какъ женщина низкаго происхожденія, она не могла распоряжаться короной, а завѣщаніе Петра II, на которое ссылались Долгорукіе, — подложно. Въ виду этого, продолжалъ онъ, выбрать государя предстоитъ самому верховному тайному совѣту. По его мнѣнію потомковъ Петра Великаго изъ числа возможныхъ кандидатовъ слѣдуетъ устранить, потому что обѣ дочери рождены до брака. Такимъ образомъ, выборъ возможенъ только между первой женой Петра Великаго, царицей Евдокіей, и дочерьми царя Іоанна Алексѣевича. Права послѣднихъ больше правъ первой, и потому выбирать нужно изъ нихъ. Онъ лично предлагалъ избрать среднюю, Анну, вдовствующую герцогиню курляндскую, говоря, что она одарена всѣми качествами, необходимыми для государыни, о чемъ свидѣтельствуетъ довольство ею курляндцевъ. Имени младшей дочери Іоанна, кн. Прасковьи, кн. Голицынъ не произнесъ, повидимому, оттого, что думалъ, что съ ея воцареніемъ власть фактически пойдетъ къ Дмитріеву-Мамонову, съ которымъ она была въ морганатическомъ бракѣ, чего, конечно, онъ не хотѣлъ. По окончаніи рѣчи кн. Голицына всѣ, какъ разсказываютъ, воскликнули: «Такъ, такъ, нечего больше разсуждать, мы выбираемъ Анну!».

Но избраніе на престолъ герцогини курляндской для кн. Голицына имѣло значеніе не само по себѣ: ея кандидатуру онъ выставилъ только потому, что надѣялся при посредствѣ ея осуществить давно взлелѣянную имъ мысль объ ограниченіи самодержавія. Получивъ согласіе товарищей на свое предложеніе, онъ сказалъ: «Воля ваша, кого изволите; только надобно намъ себѣ полегчить». Слова эти поразили всѣхъ своей неожиданностью. «Какъ себѣ полегчить», спросилъ канцлеръ Головкинъ. «Такъ полегчить, чтобъ воли себѣ прибавить», отвѣтилъ ему кн. Голицынъ. На это кн. В. Л. Долгорукій возразилъ: «Хотя и зачнемъ, да не удержимъ этого». Кн. Голицынъ попробовалъ отклонить возраженіе. Однако собравшіеся колебались принять предложеніе ограничить царскую власть. Безъ опредѣленнаго рѣшенія вышли они въ сосѣдній залъ, гдѣ дожидались результата ихъ совѣщанія члены синода, сената и генералитета. Здѣсь еще до появленія верховниковъ П. И. Ягужинскій говорилъ кн. С. Г. Долгорукому: «Долго ли намъ терпѣть, что намъ головы сѣкутъ? Теперь время, чтобъ самодержавію не быть». При появленіи членовъ совѣта онъ громко воскликнулъ: «Батюшки мои, прибавьте намъ какъ можно воли», на что кн. В. Л. Долгорукій отвѣтилъ: «Говорено уже о томъ было, но то не надо». Вслѣдъ за тѣмъ

верховники объявили, что они остановились на избраніи государыней герцогини курляндской. Кн. Д. М. Голицынъ просилъ не распространять эту новость до утра, такъ какъ надо было еще, какъ онъ выразился, «писать пункты, чтобы не быть самодержавію».

Послѣ разъѣзда собравшихся, верховный совѣтъ устроилъ новое совѣщаніе, на которомъ мнѣніе кн. Голицына о необходимости ограничить власть Анны Іоанновны было, наконецъ, принято; противъ воли присоединились къ нему только Остерманъ и Головкинъ. Оба они были принципіальными сторонниками монархіи въ духѣ Петра Великаго, и государственный строй, при которомъ пріобрѣтала бы исключительное вліяніе родовая знать, не могъ возбуждать симпатіи въ обрусѣвшемъ сынѣ нѣмецкаго пастора и незнатномъ русскомъ дворянинѣ, такъ какъ своимъ возвышеніемъ оба они всецѣло были обязаны неограниченной царской власти. Однако, видя, что сила не на ихъ сторонѣ, они предпочли покориться безъ борьбы, хотя только наружно, въ надеждѣ на перемѣну въ будущемъ. Остерманъ даже согласился, «яко знающій лучше штиль», редактировать письмо, которымъ верховники извѣщали герцогиню курляндскую объ избраніи ея «всякаго чина людьми» на Россійскій престолъ подъ условіемъ ограниченія ея власти. Долгорукіе вполнѣ согласились съ предложеніемъ Голицына и кн. В. Л. Долгорукій, выдающійся дипломатъ петровскаго времени, принялъ дѣятельное участіе въ составленіи письма къ Аннѣ Іоанновнѣ и ограничительныхъ «кондицій».

«Кондиціи» эти, давно уже обдуманныя въ основной своей части кн. Д. М. Голицынымъ, сводились къ тому, что императрица обязывалась безъ согласія верховнаго тайнаго совѣта: 1) не вести ни съ кѣмъ войны; 2) не заключать мира; 3) не облагать подданныхъ податями; 4) никого не возводить въ чины выше полковничьяго и не опредѣлять къ «знатнымъ дѣламъ», а также не командовать гвардіей и войскомъ; 5) не отнимать у шляхетства безъ суда жизни, имѣнія и чести; 6) не жаловать вотчинъ; 7) не назначать на придворныя должности и 8) не расходовать государственные доходы. На другой день письмо съ кондиціями кн. В. Л. Долгорукій повезъ въ Митаву, а собравшимся въ кремлевскомъ дворцѣ представителямъ высшихъ правительственныхъ учрежденій и генералитету, олицетворявшимъ собой «все отечество», было предложено дать согласіе на избраніе Анны Іоанновны, что тѣ и сдѣлали. При этомъ о предложенныхъ кондиціяхъ верховники не сказали ни слова, такъ какъ они рѣшили выждать отвѣта изъ Митавы и поступить сообразно съ нимъ.

Съ 23 января въ верховномъ совѣтѣ началось обсужденіе будущей конституціи во всѣхъ подробностяхъ. Пока была опредѣлена только одна частность въ проектированномъ государственномъ устройствѣ: степень участія въ правленіи верховнаго совѣта. Главный виновникъ «затѣйки», какъ назвалъ сдѣланную верховниками

политику ограниченія самодержавной власти Ѳеофанъ Прокоповичъ, кн. Д. М. Голицынъ шелъ гораздо дальше того, что заключалось въ этихъ кондиціяхъ. Онъ внесъ теперь общій проектъ коренной государственной реформы. Голицынъ проектировалъ ввести въ Россіи конституціонную монархію, въ которой верховная власть принадлежала императрицѣ и верховному тайному совѣту, состоявшему изъ 10 — 12 членовъ знатнѣйшихъ фамилій; иностранцевъ впредь рѣшено было не допускать въ совѣтъ. Совѣтъ вѣдалъ важнѣйшіе вопросы внутренней и внѣшней политики: войну, миръ, договоры; отъ него зависѣло назначеніе на высшія должности, командованіе войскомъ и контроль надъ финансами. Двѣ послѣднія функціи онъ выполнялъ не самъ, а первую посредствомъ двухъ фельдмаршаловъ, вторую же — посредствомъ государственнаго казначея. Императрица лично распоряжалась лишь опредѣленной на ея содержаніе суммой денегъ и отрядомъ гвардіи, назначеннымъ для несенія дворцовыхъ карауловъ. Сенатъ изъ 30 — 36 членовъ превращался въ учрежденіе, предварительно разсматривавшее вносимыя въ совѣтъ дѣла, и также представлялъ собой высшую судебную инстанцію. Кромѣ того, учреждались двѣ палаты: одна изъ 200 членовъ, выбранныхъ шляхетствомъ, для охраненія правъ послѣдняго въ случаѣ нарушенія ихъ совѣтомъ, другая изъ представителей городовъ — отъ каждаго по два — для завѣдыванія торгово-промышленными дѣлами и защиты народа отъ притѣсненій.

Проектъ конституціи былъ выработанъ кн. Голицынымъ не на спѣхъ. Онъ занимался имъ еще въ послѣдніе годы Петровскаго царствованія; горячо любя родной бытъ, онъ скорбѣлъ, видя его ломку, а какъ родовитый бояринъ, онъ не уважалъ второй семьи Преобразователя и возмущался окружавшими его людьми безъ роду, безъ племени, въ родѣ Меншикова. Политическую теорію, проведенную имъ въ кондиціяхъ и проектѣ конституціи, онъ заимствовалъ изъ сочиненій Пуфендорфа, Томазія, Гроція, Локка и Макіавелли; изученіе ихъ дало ему принципы и руководящія идеи, а акты государственнаго устройства Швеціи: «форма правленія» 1720 г. и «королевская присяга» Фридриха I того же года, познакомили его съ приложеніемъ ихъ на практикѣ. Въ дѣлѣ выработки конституціи кн. Голицыну помогалъ извѣстный прожектеръ Петровскаго времени, Фикъ, превосходно знавшій шведскій государственный строй. Поэтому голицынскія кондиціи и проектъ представляютъ собой въ главныхъ чертахъ сколокъ съ конституціи Швеціи, возникшей въ такъ называемое «время свободы», т.-е. послѣ реформъ 1720 г., покончившихъ съ существовавшимъ ранѣе абсолютизмомъ.

Но предложенный кн. Голицынымъ планъ государственнаго устройства былъ слишкомъ проникнутъ олигархически-аристократическими тенденціями, потому не могъ вызвать къ себѣ симпатій въ широкихъ кругахъ общества. Наоборотъ, общество въ лицѣ родовой и служилой знати, а также шляхетства, отнеслось совершен-

но отрицательно къ замысламъ верховниковъ. Ему совершенно не нравилась конституція, при которой нѣсколько знатныхъ фамилій правили бы государствомъ, а представители высшаго и средняго сословій обороняли бы народъ отъ ихъ правленія. Въ томъ отношеніи всѣ раздѣляли мнѣніе бывшаго тогда казанскимъ губернаторомъ Артемія Волынскаго. «Боже сохрани, — писалъ онъ въ Москву, — чтобы не сдѣлалось, вмѣсто одного самодержавнаго государя, десяти самовластныхъ и сильныхъ фамилій; а такъ мы, шляхетство, совсѣмъ пропадемъ и принуждены будемъ горше прежняго идолопоклонничать и милости у всѣхъ искать!» Особенно же возмущались тѣмъ, что кондиціи были посланы въ Митаву отъ лица «всего отечества», а «всему отечеству», въ случаѣ полученія отъ Анны Іоанновны согласія на предполагаемыя реформы, капитуляцію хотѣли объявить, какъ добровольный даръ самой императрицы.

Со времени переселенія въ Москву Петра II, она была фактически столицей государства; здѣсь находились высшія правительственныя учрежденія, генералитетъ и гвардія. Кромѣ того, въ описываемое время сюда собралось очень много служилаго и не служилаго шляхетства, съѣхавшагося къ 19 января, на которое была назначена свадьба покойнаго императора. За пятилѣтіе, прошедшее со смерти Петра Великаго, верхи шляхетства — родовая и служилая знать — привыкли вмѣшиваться въ политику, пользуясь слабостью Екатерины I и Петра II. Эти самые верхи теперь первыми поднялись и противъ верховнаго тайнаго совѣта, потянувъ за собой и родовое шляхетство. Москва глухо заволновалась. «Жалостное вездѣ по городу видѣніе стало и слышаніе,—разсказываетъ одинъ изъ дѣятельныхъ участниковъ тогдашнихъ событій, Ѳеофанъ Прокоповичъ;—куда не придешь, къ какому собранію не пристанешь, не иное что было слышать, только горестныя нареканія на осьмиличныхъ оныхъ затѣйщиковъ; всѣ ихъ жестоко порицали, всѣ проклинали необычное ихъ дерзновеніе, несытое лакомство и властолюбіе». Но отыскать для протеста форму, которая всѣхъ удовлетворила бы, вождямъ общественнаго движенія не удалось. Одни предлагали дѣйствовать рѣшительно: внезапно напасть на верховниковъ съ оружіемъ въ рукахъ и, если они не отстанутъ отъ своихъ замысловъ, перебить. Другіе были противъ насилія: они желали лишь дать понять верховному совѣту, что «передѣлывать составъ государства» безъ согласія представителей общества онъ не имѣетъ никакого права. «Непріятно то и смрадно пахнетъ», говорили послѣдніе про попытку верховниковъ. Не столковавшись по поводу способа воздѣйствія на верховный совѣтъ, противники его не были согласны между собой и въ вопросѣ о томъ, какъ быть, когда они лишатъ верховниковъ незаконно захваченной ими учредительной власти. Одни хотѣли сохранить существующій въ странѣ политическій строй, другіе высказывались за его измѣненіе. Ясно обозначались двѣ партіи: приверженцевъ самодержавія и конституціоналистовъ.

Но еще ранѣе чѣмъ эти партіи болѣе или мѣнѣе сорганизовались, верховному совѣту былъ нанесенъ сильный ударъ Ягужинскимъ. Непринятый верховниками въ свою среду, онъ рѣшилъ отомстить имъ. 20 января, сейчасъ же послѣ ночного собранія во дворцѣ, онъ отправилъ къ Аннѣ Іоанновнѣ дворянина Сумарокова съ совѣтомъ: не всему вѣрить, что станутъ представлять ей посланные отъ верховниковъ. Такіе же совѣты поспѣшили послать въ Митаву и нѣкоторые другіе сторонники самодержавія, напр., мечтавшій при новой государынѣ о блестящей карьерѣ Левенвольде и вѣрный традиціямъ Петра Великаго Ѳеофанъ Прокоповичъ. Но въ Москвѣ консервативно-настроенные люди заняли пока выжидательную позицію. Зато развили очень живую агитацію люди, мечтавшіе о конституціи, а ихъ было немало въ рядахъ родовой и отчасти чиновной знати. Переживъ въ послѣднія два царствованія могущество фаворитовъ, они стали сами думать объ ограниченіи верховной власти. Но столковаться между собой, остановиться на чемъ-нибудь опредѣленномъ они не сумѣли.

«Партій безчисленное множество, — писалъ де-Лиріа, — и хотя послѣ смерти царя все продолжаетъ быть въ величайшемъ спокойствіи, но еще не все кончено и, пожалуй, можетъ произойти какая-нибудь вспышка». Чтобы предупредить послѣднюю, верховный совѣтъ рѣшился, наконецъ, дѣйствовать. Партію самодержавія верховники хотѣли попросту застращать; къ конституціоналистамъ они обратились со словами увѣщанія. Ея вождямъ было заявлено, что верховниковъ напрасно обвиняютъ, будто они стремятся къ захвату себѣ царской власти, такъ какъ тайно дѣйствовать они рѣшили только потому, что не знали, какъ отнесется къ попыткѣ ограниченія Анна Іоанновна; когда же ея согласіе будетъ получено, они созовутъ всѣ чины и вмѣстѣ съ ними выработаютъ новое государственное устройство.

И угрозы и увѣщанія верховнаго совѣта временно подѣйствовали... Около двухъ недѣль прошло спокойно. 1 февраля отъ Анны Іоанновны было получено извѣстіе, что она согласна принять власть на предложенныхъ условіяхъ. Верховный совѣтъ назначилъ на слѣдующій день утромъ торжественное засѣданіе, на которое были приглашены, какъ говорилось въ повѣсткахъ, «о государственномъ установленіи совѣтовать» члены синода и сената, генералитетъ до бригадирскаго чина, президенты коллегіи и гражданскіе чиновники первыхъ четырехъ классовъ. Въ этомъ приглашеніи конституціоналисты, по словамъ Ѳеофана Прокоповича, усмотрѣли, что совѣтъ «въ затѣйкахъ своихъ раскаялся и хочетъ просить себѣ въ томъ прощенія, какъ то члены его въ недавнихъ разговорахъ и обѣщались». Приверженцы самодержавія, напротивъ, не хотѣли принимать этого предложенія, находя, что это лишь «новая верховниковъ хитрость и злое изобрѣтеніе», посредствомъ которыхъ они попытаются вынудить согласіе на свои «затѣйки», а «проти-

вящихся себѣ вдругъ придавить». Ближе къ истинѣ оказались послѣдніе.

Собравшимся 2 февраля въ кремлевскомъ дворцѣ чинамъ прежде всего было прочитано письмо Анны Іоанновны, оригиналъ котораго былъ ею лишь подписанъ, заготовленъ же самими верховниками; въ немъ кондиціи представлялись актомъ доброй воли государыни, сдѣланнымъ ею «для пользы Россійскаго государства и къ удовольствованію вѣрныхъ подданныхъ»; затѣмъ прочитаны были и самыя кондиціи, скрѣпленныя припиской Анны Іоанновны: «По сему обѣщанію все безъ всякаго изъятія содержать». Чтеніе этихъ бумагъ произвело угнетающее впечатлѣніе на собравшихся. «Никого, почитай, кромѣ верховныхъ, не было, — расказываетъ Ѳеофанъ Прокоповичъ,—кто бы, таковая слушавъ, не содрогнулся, и сами тіи, которые всегда великой отъ сего собранія пользы надѣялись, опустили уши, какъ бѣдные ослики». Но свое негодованіе присутствующіе осмѣлились выразить только молчаніемъ, такъ какъ во дворцѣ были разставлены отряды войска, а еще до начала засѣданія въ сѣняхъ былъ арестованъ Ягужинскій. Гробовымъ молчаніемъ встрѣтило собраніе также и рѣчь кн. Д. М. Голицына, говорившаго о милости и благодѣяніи императрицы, о будущемъ благоденствіи и процвѣтаніи Россіи. Видя враждебное настроеніе собравшихся, верховники, по словамъ Ѳеофана Прокоповича, «тихо нѣчто одни другимъ нашептывали и, остро глазами посматривая, притворялись, будто и они, яко невѣдомой себѣ и нечаянной вещи, удивляются, и что не слышатъ одобренія со стороны собранія». Неловкую паузу прервалъ кн. Д. М. Голицынъ, снова заговорившій: «Для чего никто ни одного слова не проговоритъ? Изволилъ бы сказать, кто что думаетъ, хотя и нѣтъ де ничего другого говорить, только благодарить той милосердной государынѣ». Тогда кто-то «тихимъ голосомъ съ великою трудностію» вымолвилъ: «Не вѣдаю де и весьма чуждуся, отчего на мысль пришло государынѣ такъ писать», а одинъ изъ вождей конституціонной партій, кн. А. М. Черкасскій, спросилъ, тоже не совсѣмъ увѣренно: «Какимъ образомъ впредь то правленіе быть имѣетъ». Оставивъ безъ вниманія замѣчаніе перваго, верховники отвѣтили на вопросъ второго, что о будущемъ государственномъ устройствѣ высшее чиновничество и генералитетъ могутъ подать въ совѣтъ свои мнѣнія. Этой уступкой члены верховнаго совѣта обнаруживали, что кондиція—не великодушный даръ государыни, а закулисная продѣлка ихъ самихъ.

Въ тотъ же день въ домѣ сенатора В. Я. Новосильцева обсуждался составленный В. Н. Татищевымъ проектъ конституціи. Татищевъ явился самымъ энергичнымъ борцомъ противъ узурпировавшаго власть верховнаго совѣта. Онъ доказывалъ, что, во-первыхъ, со смертью «безнаслѣдственнаго» государя избраніе новаго «по закону естественному должно быть согласіемъ всѣхъ подданныхъ», что «перемѣна закона или обычая застарѣлаго»

точно такъ же можетъ быть произведена только по «общенародному соизволенію». Выбравъ на престолъ герцогиню курляндскую и измѣнивъ существующій политическій строй, верховники, по его мнѣнію, нарушили «право шляхетства и другихъ чиновъ», которые обязаны поэтому «оное свое право защищать по крайней возможности, не давая тому закоснѣть»; слѣдуетъ поэтому требовать образованія учредительной комиссіи изъ ста депутатовъ, избранныхъ «всѣмъ шляхетствомъ». Но такъ какъ, говорилъ онъ далѣе, «весь народъ персоною ея величества доволенъ и никто не споритъ» противъ ея избранія, то учредительной комиссіи предстоитъ лишь разсмотрѣть вопросъ, нужно ли перемѣнить «самовластное древнее правительство» и, если она признаетъ это нужнымъ, выработать новое. Самъ авторъ проекта наилучшею формою правленія принципіально признавалъ самодержавную монархію, вполнѣ отвѣчавшую «состоянію народа» въ Россіи. Но въ виду того, что Анна Іоанновна, которая, «какъ есть персона женская, къ такъ многимъ трудамъ неудобна», то «для помощи Ея Величеству», «на время, доколѣ намъ Всевышній мужескую персону на престолъ даруетъ», онъ предлагаетъ учредить двѣ палаты: «вышнее правительство», или сенатъ, изъ 21 члена и «нижнее правительство», для завѣдыванія «внутренней экономіей», изъ 100 членовъ. Далѣе слѣдовали нѣкоторыя предложенія, менѣе значительныя.

Этотъ проектъ конституціи, предоставлявшій вліяніе на правительственныя дѣла высшему гражданскому и военному чиновничеству, былъ принятъ собравшимися у Новосильцева и, подписанный 39-ю лицами, 5 февраля внесенъ въ верховный совѣтъ. Верховники, конечно, рѣшили его отвергнуть. Расчитывая, что рядовое шляхетство окажется сговорчивѣе генералитета, они разрѣшили высказать свои пожеланія всѣмъ изъ «шляхетства въ рангахъ и безъ ранговъ», которые несогласны съ татищевскимъ проектомъ. Такихъ оказалось много, хотя подъ проектомъ Татищева уже собрано было 249 подписей. Отъ рядового шляхетства было получено два проекта. Большинство шляхетства, слѣдуя приглашенію верховнаго совѣта, пошло на компромиссъ съ нимъ. Выработанный имъ проектъ сохранялъ верховный совѣтъ, но расширялъ составъ его до 21 члена; оставлялъ сенатъ на прежнемъ основаніи: онъ долженъ былъ состоять изъ 11 членовъ и заниматься менѣе важными дѣлами; право замѣщенія важнѣйшихъ должностей предоставлялось собранію изъ присутствовавшаго «персонально» генералитета и 100 депутатовъ отъ шляхетства; наконецъ особое собраніе, состоящее изъ совѣта, или иначе, вышняго правительства, сената, генералитета и шляхетскихъ депутатовъ, должно было обсуждать «важныя государственныя дѣла» и «что потребно будетъ впредь сочинить въ дополненіе уставовъ, принадлежащихъ къ государственному правительству». Подъ этимъ проектомъ подписалось до 743 человѣка. Меньшая часть шляхетствъ раздѣляла желаніе генералитета

уничтожить совѣтъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ мечтала о болѣе широкой организаціи представительства. Ею проектировалось созданіе «сейма» и предоставленіе права выбора въ него и на всѣ государственныя должности всему «обществу».

Однако и этотъ проектъ не могъ удовлетворить верховниковъ, и они продолжали переговоры какъ съ различными группами шляхетства, такъ и съ отдѣльными наиболѣе вліятельными лицами, въ результатѣ чего имъ было подано еще нѣсколько проектовъ конституціи. Но ни одного изъ нихъ верховный совѣтъ не могъ принять, не отказавшись отъ своей власти. При такихъ обстоятельствахъ верховники пошли на уступки. Настаивая на сохраненіи олигархическаго состава въ верховномъ совѣтѣ и монополіи его на учредительную и законодательную власть, они допускали для нѣкоторыхъ дѣлъ устройство періодическихъ собраній изъ сенаторовъ, генералитета, коллежскихъ членовъ и выборныхъ отъ шляхетства, изъ членовъ синода и архіереевъ лишь съ совѣщательнымъ голосомъ; они обѣщали духовенству возвращеніе вотчинъ, шляхетству—освобожденіе отъ обязательной службы; купечеству—свободу торговли и исключительное право на нее; наконецъ крестьянству—облегченіе въ податяхъ.

Раздоры между верховниками и конституціоналистами подняли духъ приверженцевъ самодержавія, среди которыхъ первое время главную роль играло духовенство во главѣ съ синодомъ. Еще 2 февраля, тотчасъ же послѣ собранія, на которомъ верховники заявили о согласіи Анны Іоанновны на принятіе короны, члены синода отправились въ Успенскій соборъ, и во время молебна государыня провозглашена была «самодержицей». Верховники были очень недовольны, но предпринять что-либо противъ виновниковъ этого не осмѣлились. Во избѣжаніе соблазна они даже рѣшили сохранить прежній титулъ и въ манифестѣ, оповѣщавшемъ народъ объ избраніи на престолъ герцогини курляндской.

Партія самодержавія состояла изъ представителей высшаго духовенства, родственниковъ императрицы и сановниковъ, обиженныхъ верховниками, — Салтыковыхъ, кн. Трубецкихъ, кн. Барятинскаго, кн. Юсупова и др., а также изъ служилыхъ иностранцевъ и людей вполнѣ идейныхъ, въ родѣ кн. А. Кантемира; она была особенно сильна тѣмъ, что владѣла народнымъ сочувствіемъ, «понеже, — какъ выразился Ѳеофанъ Прокоповичъ, — русскій народъ таковъ отъ природы своей, что только самодержавнымъ владѣтельствомъ хранимъ быть можетъ». На сторонѣ этой партіи была и гвардія. Теперь эта партія пріобрѣла чрезвычайно опытнаго руководителя въ лицѣ Остермана.

Таково было положеніе вещей въ Москвѣ, когда 10 февраля 1730 г. Анна Іоанновна прибыла въ подмосковное село Всесвятское. Противники ограниченій успѣли войти въ сношенія съ ней, и она, ознакомившись съ обстоятельствами, рѣшила стать во главѣ

возникшаго противъ верховниковъ движенія. Едва пришли къ ней 12 февраля на почетный караулъ батальонъ преображенцевъ и отрядъ кавалергардовъ, она, вопреки подписаннымъ ею кондиціямъ, объявила себя полковникомъ первыхъ и капитаномъ вторыхъ; солдаты громко выражали свою радость по этому поводу. Когда 14 февраля гр. Головкинъ, какъ старшій кавалеръ, поднесъ ей отъ имени верховнаго совѣта орденъ св. Андрея, она сказала: «Ахъ, правда, я и позабыла его надѣть», показавъ этимъ, что считаетъ себя въ правѣ сама возложить его на себя. Открыто объявить себя противъ верховниковъ Анна Іоанновна пока еще опасалась. Отвѣчая на рѣчь кн. Д. М. Голицына, въ которой онъ подчеркнулъ, что посланныя въ Литву кондиціи «нашимъ именемъ предложили тебѣ наши депутаты», она заявила, что будетъ строго исполнять ихъ.

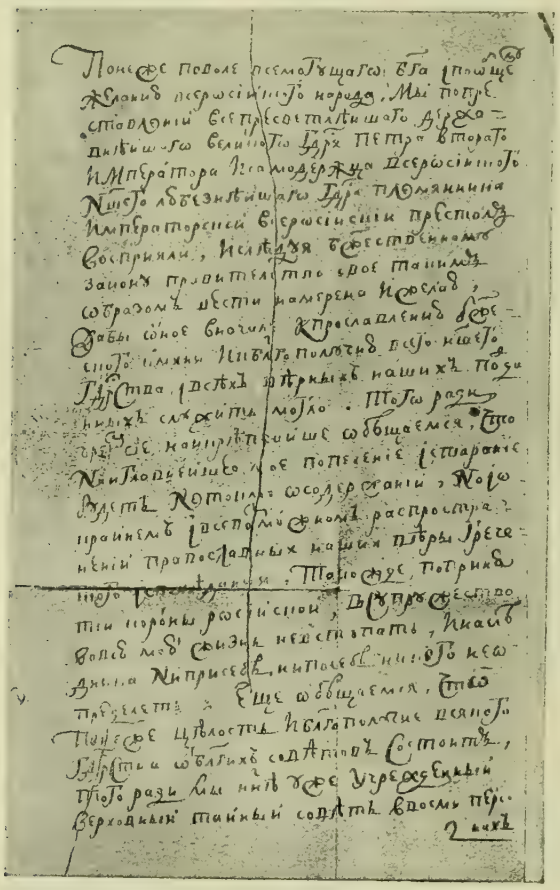
Однако приверженцы самодержавія нашли способы завести съ государыней оживленныя сношенія чрезъ придворныхъ дамъ— Салтыкову, Остерманъ, Ягужинскую. Консервативная партія убѣждала государыню, какъ можно дольше противиться настояніямъ верховниковъ, приглашавшихъ ее поскорѣе торжественно подтвердить новое государственное устройство. Въ то же время энергичная агитація этой партіи имѣла полный успѣхъ среди гвардіи и мелкаго шляхетства. Видя все это, верховники сдѣлали еще уступку конституціонной партіи. Но было уже поздно; большинство конституціоналистовъ, чтобы свалить верховный совѣтъ, вступило въ союзъ съ партіей самодержавія, — союзъ, творцомъ котораго былъ, безъ сомнѣнія, Остерманъ. Онъ убѣдилъ кружокъ кн. Черкасскаго, представлявшій собой ядро конституціонной партіи, что все, чего хотятъ конституціоналисты, имъ легче всего получить отъ самой императрицы: для этого стоитъ только обратиться къ ней съ просьбой уничтожить верховный совѣтъ и дозволить шляхетству на основаніи поданныхъ отъ него проектовъ выработать общій планъ государственной реформы. Устрашенные всеобщимъ негодованіемъ, верховники опустили руки. Говорятъ, что они предложили Аннѣ Іоанновнѣ провозгласить ее самодержавной, но она отказалась, заявивъ, что ей мало получить самодержавіе отъ осьми персонъ: она знала, что скоро получитъ его не какъ милость верховнаго совѣта.

Сторонники самодержавія и конституціоналисты пришли между тѣмъ къ рѣшенію войти къ императрицѣ съ ходатайствомъ; только одни хотѣли просить ее о возстановленіи императорской власти въ прежнемъ объемѣ, а другіе — объ образованіи учредительной комиссіи для выработки новаго государственнаго строя; кн. Кантемиръ уговорилъ конституціоналистовъ присоединиться къ челобитью сторонниковъ самодержавія; помогъ при этомъ пущенный Остерманомъ слухъ, будто верховники только что представили государынѣ для подписи списокъ ста лицъ, которыхъ предполагалось арестовать. Немудрено, что приверженцы конституціи предпочли

тираніи верховнаго совѣта неограниченную монархическую власть. Послѣ этого оба кружка согласились подать императрицѣ челобитье 25 февраля и, повидимому, поручили сдѣлать это кн. Черкасскому. Слѣдующій день прошелъ въ приготовленіяхъ къ перевороту. Среди генералитета и шляхетства энергично собирались подписи подъ челобитьемъ; вождей и видныхъ дѣятелей конституціонныхъ кружковъ настойчиво убѣждали держаться принятаго наканунѣ собраніемъ рѣшенія, а вечеромъ къ Аннѣ Іоанновнѣ отправили П. Ю. Салтыкову «съ тою вѣдомостью, что согласилися».

Однако государыню и сторонниковъ самодержавія ждалъ большой сюрпризъ. Когда 25 февраля противники верховниковъ въ количествѣ 150—200 человѣкъ собрались въ пріемномъ домѣ кремлевскаго дворца, кн. Черкасскій вручилъ вышедшей къ нимъ въ сопровожденіи верховниковъ императрицѣ челобитье. Увѣренная, что въ челобитьи заключается просьба о возстановленіи самодержавія, Анна Іоанновна велѣла прочесть его Татищеву. Но оказалось, что конституціоналисты, въ послѣднюю минуту рѣшили подать императрицѣ свое прежнее челобитье, подъ которымъ успѣли собрать 87 подписей. И вотъ Татищевъ прочелъ, что шляхетство приноситъ государынѣ благодарность за подписаніе предложенныхъ верховнымъ совѣтомъ пунктовъ и, видя «въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ тѣхъ пунктовъ... сумнительства», проситъ у ней разрѣшенія «собраться всему генералитету, офицерамъ и шляхетству, по одному или по два отъ фамилій», для обсужденія представленныхъ въ верховный совѣтъ проектовъ и «согласнымъ мнѣніемъ по большимъ голосамъ форму правленія государственнаго сочинить». Услышавъ совсѣмъ не то, чего ожидала, Анна Іоанновна растерялась и не знала, что предпринять. Въ эту минуту кн. В. Л. Долгорукій обратился къ кн. Черкасскому со словами: «Кто вамъ позволилъ присвоить себѣ законодательную власть?» Почувствовавъ въ этотъ мигъ всю опасность своего положенія, Черкасскій громко отвѣтилъ: «Государыня вами обманута: вы увѣряли ее, что кондиціи составлены съ согласія всѣхъ чиновъ, а это было сдѣлано безъ нашего вѣдома и участія». Тогда Долгорукій предложилъ Аннѣ Іоанновнѣ удалиться въ кабинетъ и тамъ вмѣстѣ съ членами верховнаго совѣта обсудить поданное челобитье. Императрица уже готова была послушаться, какъ вдругъ къ ней бросилась съ перомъ и чернилами въ рукахъ сестра ея, герцогиня мекленбургская Екатерина Іоанновна. «Нечего теперь разсуждать,— сказала она,—подпиши скорѣй». Эти слова вернули Аннѣ Іоанновнѣ самообладаніе и, быстро взвѣсивъ обстоятельства, она подписала челобитье, при чемъ потребовала, чтобы шляхетство сейчасъ же принялось за выработку новой формы правленія. Въ это время члены партіи самодержавія и приведенные кн. Юсуповымъ офицеры гвардіи подняли крикъ: «Не хотимъ, чтобы государынѣ предписывали законы, она должна быть самодержицею, какъ были всѣ прежніе

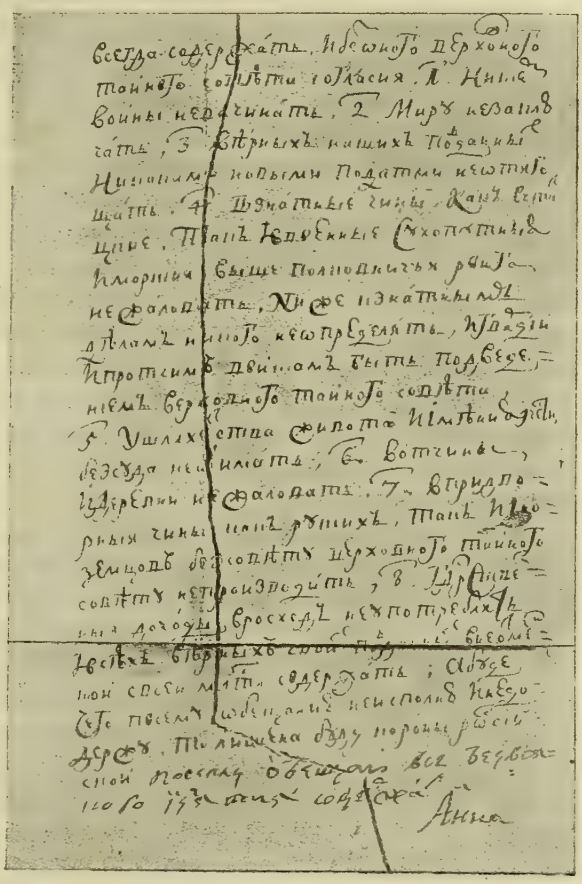
государи». Императрица сдѣлала видъ, что хочетъ унять ихъ, но они бросились къ ней съ громкими возгласами: «Прикажите, и мы принесемъ къ вашимъ ногамъ головы вашихъ злодѣевъ». Тогда государыня рѣшилась. «Я не вижу себя въ безопасности», сказала она и приказала начальствовавшему надъ дворцовыми караулами капитану Альбрехту повиноваться только одному генералъ-лейтенанту С. А. Салтыкову. Послѣ этого шляхетству было предложено государыней удалиться для совѣщанія въ одну изъ сосѣднихъ залъ, а верховники были приглашены къ высочайшему столу и такимъ образомъ лишены возможности на что-либо отважиться.



«Пункты», разорванные императрицею Анною Іоанновною.
Хранятся въ Государственномъ Архивѣ въ Петербургѣ.

Совѣщаніе шляхетства продолжалось недолго. Кн. Юсуповъ предложилъ прежде всего выразить императрицѣ благодарность за ея милостивое отношеніе къ шляхетству. Его поддержалъ Г. П. Чернышевъ, указавъ, что самымъ лучшимъ выраженіемъ благодарности будетъ возвращеніе ей того, что отъ нея отнялъ верховный совѣтъ, т.-е. самодержавія. Никто изъ конституціоналистовъ не осмѣлился возражать: до нихъ доносились непрекращавшіеся возгласы офицеровъ, стоявшихъ около зала: «Смерть крамольникамъ! Да здравствуетъ самодержавная государыня!» Большинство присутствовавшихъ приверженцевъ реформы подписало составленное еще 23 февраля Кантемиромъ челобитье о возстановленіи самодержавія, и только нѣкоторые настояли на включеніи въ него пожеланія о замѣнѣ верховнаго совѣта сенатомъ, «какъ при Петрѣ I было» и предоставленія шляхетству права избранія сенаторовъ, губернаторовъ и президентовъ коллегій.

Послѣ обѣда императрица вмѣстѣ съ верховниками вернулась въ аудіенцъ-залъ, гдѣ уже находилось шляхетство. На этотъ разъ челобитье было вручено кн. Трубецкимъ и прочитано кн. Кантемиромъ. Выслушавъ его, Анна Іоанновна выразила притворное удивленіе. «Какъ, —спросила она верховниковъ,—развѣ эти пункты были составлены не по желанію всего народа?» — «Нѣтъ!» послышался отвѣтъ. «Такъ ты меня обманулъ, князь Василій Лукичъ!» сказала государыня кн. Долгорукому и, потребовавъ подписанныя ею въ Митавѣ кондиціи, тутъ же ихъ разорвала.



«Пункты», разорванные императрицею Анною Іоанновною.
Хранятся въ Государственномъ Архивѣ въ Петербургѣ.

Такъ кончилась, по словамъ историка, десятидневная конституціонно - аристократическая русская монархія XVIII ст. Общественная среда, которая могла бы ее поддерживать, оказалась политически незрѣлой: эта общественная среда представляла собой въ сущности одно высшее сословіе, не слившееся еще съ общими интересами и стремленіями населенія. Образовавшееся всего только при Петрѣ Великомъ, оно восприняло въ себя слишкомъ разнородные элементы: старое боярство, выслужившихся государственныхъ дѣльцовъ, принятыхъ на русскую службу иностранцевъ, наконецъ, мелкое чиновничество. Всѣ эти отдѣльныя группы высшаго сословія были объединены чисто механически — одинаковой служебной повинностью государству и одинаковымъ вознагражденіемъ за нее по табели о рангахъ, а въ остальномъ совершенно разнились другъ отъ друга. Вслѣдствіе этого среди нихъ не было обще-сословной солидарности, не говоря уже о томъ, что и самыя эти группы не были достаточно сплочены.

II.

Жизнь и царствованіе императрицы Анны Іоанновны.

I.

Мы такъ подробно разсмотрѣли событія, сопровождавшія вступленіе на престолъ Анны Іоанновны, потому что ими, въ значительной мѣрѣ, опредѣлилась физіономія новаго царствованія, которое представляетъ собой одну изъ мрачныхъ страницъ нашей исторіи. Познакомимся теперь съ личностью самой императрицы. Родилась Анна Іоанновна 28 января 1693 г., приняла Россійскую корону на 37-мъ году жизни. Дѣтство свое Анна Іоанновна провела въ семьѣ своего отца, «скорбнаго главой» царя Іоанна Алексѣевича, и жестокой, невѣжественной царицы Прасковьи Ѳеодоровны, урожденной Салтыковой. Трехъ лѣтъ отъ роду потерявъ отца, она росла нелюбимая матерью, въ обстановкѣ, гдѣ умъ ея не могъ развиться, а сердце облагородиться: дворецъ царицы въ с. Измайловскомъ подъ Москвой былъ полонъ юродивыми, святошами и разными приживалками; и ханжество и суевѣрія наложили свою печать на царевну; она сдѣлалась внѣшне богомольной и искренно боялась колдовства.

Съ 1708 г. для Анны Іоанновны рядомъ съ вліяніемъ стараго московскаго обихода началось вліяніе новыхъ заводимыхъ Петромъ Великимъ порядковъ. Въ этомъ году въ угоду царю Прасковья Ѳеодоровна вмѣстѣ съ дочерями переселилась въ Петербургъ, и здѣсь дѣлила время между церковными службами и ассамблеями, между юродивыми и театральными зрѣлищами. Къ Аннѣ Іоанновнѣ и ея сестрамъ были приставлены иностранные учителя, но ихъ уроки принесли мало пользы. Въ 1710 г. Петръ Великій, желая тѣснѣе сблизить Курляндію съ Россіей, выдалъ Анну Іоанновну, помимо ея воли, замужъ за герцога Курляндскаго, Фридриха-Вильгельма. Двухмѣсячныя свадебныя торжества такъ разстроили здоровье молодого, что онъ умеръ, не доѣхавъ до своего герцогства. Анна Іоанновна вернулась было къ матери, но царь отправилъ ее на жительство въ Курляндію, расчитывая создать съ ея помощью среди курляндцевъ русскую партію для противодѣйствія польской. Анна Іоанновна въ общемъ сумѣла выполнить возложенную на нее миссію, сгруппировавъ вокругъ себя часть курляндскаго рыцарства. Но ея личная жизнь не стала лучше, чѣмъ была подъ родительскимъ кровомъ: деспотическій гнетъ матери замѣнился теперь матеріальной нуждой, которая была настолько сильна, что даже царица Прасковья обратилась въ 1714 г. къ Петру Великому съ жалобой, что ея дочери въ Курляндіи «не опредѣлено, чѣмъ жить тамъ и по обыкновенію княжескому по-

рядочно себя содержать». Анна Іоанновна получала всего 12680 талеровъ, изъ которыхъ «въ очисткѣ», т.-е. лично для нея, оставалось только 426; остальные были «въ расходѣ по самой крайней нуждѣ къ столу, въ поварню, въ конюшню, и на жалованье и либерію служителямъ и на содержаніе драгунской роты». Унизительныя письма съ просьбами о деньгахъ приходилось нерѣдко писать и самой герцогинѣ, и не только Петру Великому или его супругѣ, но даже Меншикову.

Рано овдовѣвъ и не имѣя дѣтей, Анна Іоанновна, движимая стремленіемъ найти сердечную привязанность, сблизилась съ М. П. Бестужевымъ, который былъ русскимъ резидентомъ въ Курляндіи. Связь эта, однако, не дала Аннѣ Іоанновнѣ радостей. Сперва она опасалась, что царь подъ вліяніемъ настойчивыхъ просьбъ царицы Прасковьи, едва не проклявшей своей дочери, отзоветъ въ Петербургъ ея избранника, а вскорѣ затѣмъ убѣдилась, что ея избранникъ сблизился съ нею безъ любви. Глубоко затаивъ обиду, герцогиня, тѣмъ не менѣе, долго не рѣшалась порвать близкихъ отношеній съ Бестужевымъ, и только въ 1718 г. «отмѣнилась къ нему,—какъ выразился онъ самъ,—любовь его друга». Причиной разрыва явилась пылкая страсть, которую зажегъ въ сердцѣ Анны Іоанновны секретарь ея прежняго возлюбленнаго, Эрнестъ-Іоганнъ Биронъ.

Мелкій курляндскій дворянинъ, за преданность герцогамъ не пользовавшись уваженіемъ среди гордаго и независимаго рыцарства, Биронъ былъ чрезвычайно честолюбивъ и совершенно неразборчивъ въ средствахъ. Съ черствостью сердца, которая при встрѣчѣ съ препятствіями превращалась въ жестокость, онъ соединялъ осторожный и изворотливый умъ, предпочитавшій открытымъ дѣйствіямъ закулисныя интриги и пышнымъ титуламъ дѣйствительное могущество. Рѣшивъ связать свою судьбу съ судьбой герцогини, этотъ, по выраженію одного современника, «каналья курляндецъ», превосходно умѣвшій разыскивать породистыхъ собакъ и обращавшійся съ лошадьми, какъ съ людьми, а съ людьми, какъ съ лошадьми, разгадалъ властный характеръ Анны Іоанновны и выраженіемъ полной покорности пріобрѣлъ ея исключительное довѣріе. Положеніе Бирона при герцогинѣ Курляндской не было, однако, окончательно упроченнымъ: Анна Іоанновна отличалась чрезмѣрнымъ самолюбіемъ, а между тѣмъ, въ Курляндіи съ ней мало считались вольнолюбивые бароны и прямо-таки помыкали ею Россія, Пруссія и Польша, боровшіяся другъ съ другомъ за вліяніе въ маленькой странѣ. Единственнымъ выходомъ изъ унизительнаго положенія для Анны Іоанновны было замужество съ человѣкомъ, который могъ бы возвысить герцогскую власть. Въ 1726 г. курляндскіе чины рѣшили выбрать въ герцоги гр. Морица Саксонскаго, подъ условіемъ женитьбы его на Аннѣ Іоанновнѣ. Графъ и герцогиня вполнѣ согласились съ этимъ рѣшеніемъ, но противъ

него вооружился правившій тогда Россіей кн. Меншиковъ, который мечталъ самъ о курляндской коронѣ. Этотъ «неблагородный рабъ» двинулся въ Курляндію съ войскомъ, и Морицъ, уже поселившійся въ митавскомъ дворцѣ, былъ вынужденъ оставить предѣлы герцогства. Теперь надежда на бракъ окончательно покинула Анну Іоанновну, и съ этой поры она всецѣло отдалась Бирону. Чтобы избѣгнуть сплетней, послѣдній въ угоду ей женился въ 1727 г. на Бенигнѣ фонъ-Третта-Трейденъ, которая оказалась чрезвычайно удобной женой. Анна Іоанновна должна была теперь думать, что вполнѣ опредѣлился ея жребій — быть только хозяйкой митавскаго дворца; но гордой, властолюбивой герцогинѣ примиреніе съ этимъ жребіемъ далось тяжело: оно ожесточило въ ней сердце и озлобило умъ. Чтобы успокоиться, забыться среди постоянно тяжелыхъ обстоятельствъ жизни, для натуры неспособной уходить во внутренній міръ души и оттуда вызывать успокоеніе, было одно средство: внѣшнія развлеченія, празднества, общество людей, которые бы постоянно развлекали, гнали бы далеко докучную мысль и тяжелое чувство. Но пока Анна Іоанновна находилась въ Митавѣ, это средство могло быть использовано лишь въ очень скромныхъ размѣрахъ, которые совершенно не удовлетворяли ея жаждѣ удовольствій. При такихъ обстоятельствахъ избраніе на престолъ Анна Іоанновна встрѣтила съ восторгомъ. Она не колеблясь подписала предложенныя ей «кондиціи», но лишь для того, чтобы когда-нибудь бросить ихъ разорванными на полъ. Это было послѣднимъ препятствіемъ, которое Анна Іоанновна встрѣтила въ своей жизни. Побѣдивъ его, она выбралась изъ бѣдной митавской трущобы на широкій просторъ.

Разрушивъ предпринятую верховниками попытку государственнаго переворота, Анна Іоанновна позаботилась хотя бы нѣсколько привлечь къ себѣ генералитетъ и шляхетство, которые помогли ей сохранить въ неприкосновенности самодержавіе: она рѣшила удовлетворить второстепенныя желанія послѣднихъ, заявленныя ими и въ поднесенномъ ей самой 25 февраля челобитьи. 4 февраля 1731 г. въ день коронаціи былъ изданъ указъ объ уничтоженіи верховнаго тайнаго совѣта и о возстановленіи сената въ томъ значеніи, какое онъ имѣлъ при Петрѣ Великомъ. Въ сенатъ были назначены виднѣйшіе представители знати въ количествѣ 21 человѣка, согласно татищевскому проекту. Въ сенатъ вошли теперь Остерманъ, С. А. Салтыковъ, Г. П. Чернышевъ, кн. Юсуповъ, П. И. Ягужинскій, канцлеръ гр. Головкинъ, фельдмаршалъ кн. Трубецкой и др., и прежніе противники-верховники—князья Голицыны и Долгорукіе, и вожди конституціоналистовъ — кн. Черкасскій и Новосильцевъ: государыня старалась первое время задобрить и оппозицію. Вскорѣ послѣ этого высшее сословіе получило впервые очень важныя льготы, дѣлавшія его сословіемъ привилегированнымъ: 25 октября 1731 г. было воспрещено боярскимъ людямъ,

монастырскимъ слугамъ и всѣмъ крестьянамъ принимать подъ закладъ и покупать населенныя земли, ихъ могло теперь пріобрѣтать только дворянство. 9 декабря высочайше одобренъ докладъ сената, отмѣнявшій ненавистный для дворянъ законъ Петра Великаго о единонаслѣдіи и разрѣшавшій раздѣлъ населенныхъ и ненаселенныхъ имѣній между всѣми дѣтьми, согласно Уложенію 1649 г.; 29 іюля 1731 г. появился указъ объ учрежденіи въ Петербургѣ для дворянскихъ дѣтей кадетскаго корпуса, окончаніе котораго давало право начинать военную службу въ офицерскихъ чинахъ.

Новая государыня и возстановленный ею въ прежнемъ значеніи сенатъ прежде всего обратили вниманіе на войско и флотъ, пришедшіе въ совершенный упадокъ: «наше соизволеніе есть,— читаемъ мы въ именномъ указѣ отъ 1 іюня 1730 г.,—учрежденіе Петра Великаго крѣпко содержать, всѣ непорядки и помѣшательства исправлять и привести армію въ доброе состояніе безъ излишней народной тягости». Для этого 1 іюня 1730 г. учреждена комиссія «для разсмотрѣнія состоянія арміи, артиллеріи и фортификаціи и исправленіе оныхъ», подъ предсѣдательствомъ Миниха; 21 іюля повелѣно сенату «въ коллегію адмиралтейскую наикрѣпчайше подтвердить и впредь подтверждать Нашими указами, чтобы корабельный и галерный флоты содержаны были такъ, какъ уставами, регламентами и указами учреждено и повелѣно, не ослабѣвая и уповая на нынѣшнее благополучное мирное время». Заботились также о развитіи военнаго образованія: въ 1731 г. возникаетъ инженерная школа, цыфирныя школы отбираются отъ синода и снова становятся подвѣдомственными адмиралтействъ-коллегіи, наконецъ, улучшается постановка дѣла въ навигаціонной школѣ.

Возвратъ къ петровскимъ традиціямъ еще болѣе замѣтенъ въ области гражданскихъ дѣлъ. 8 сентября 1730 г. по ходатайству сената возстановляется должность генералъ-рекетмейстера. 1 іюня учреждается при сенатѣ комиссія для составленія новаго штата коллегіямъ и канцеляріямъ, которой именной указъ предписываетъ взять за основаніе «Петра Великаго штатъ и регламенты и уставы коллежскіе». 2 октября по иниціативѣ самой государыни назначены въ сенатъ генералъ-прокуроръ и оберъ-прокуроръ, а во всѣ коллегіи и другіе судебныя мѣста прокуроры, какъ это было при Петрѣ Великомъ. Столь интенсивное возстановленіе петровскихъ порядковъ въ сферѣ административной объясняется тѣмъ, что сокращеніе членовъ въ коллегіяхъ вызвало небывалый застой въ дѣлопроизводствѣ, а уничтоженіе органовъ контроля привело къ цѣлой массѣ вопіющихъ злоупотребленій. Наконецъ, и государственные финансы рѣшено было улучшить чисто петровскимъ способомъ. Съ отставленіемъ въ 1727 г. полкового начальства отъ сбора подушныхъ денегъ, переданнаго воеводамъ и губернаторамъ, на крестьянахъ

накопилась еще большая недоимка, чѣмъ была ранѣе. Въ именномъ указѣ сенату 31 октября 1730 г. говорится: «указали Мы тотъ съ крестьянъ подушный сборъ положить на полковниковъ съ офицеры, по прежнему дяди Нашего и государя опредѣленію». То же направленіе сказалось отчасти и въ церковной политикѣ, руководителемъ которой сталъ теперь снова Ѳеофанъ Прокоповичъ. Уже въ манифестѣ 17 марта 1730 г. «о наблюденіи синоду, чтобъ православные христіане сохраняли законъ Божій и церковныя преданія, о возобновленіи храмовъ и страннопріимныхъ домовъ, объ учрежденіи духовныхъ училищъ, объ исправленіи установленныхъ церковныхъ требъ, церемоній, крестныхъ ходовъ и государственныхъ молебствій», развивается цѣлая система мѣропріятій въ духѣ Петра Великаго. Раскольниковъ, напр., «невѣжествомъ своимъ противляющихся святѣй церкви», предлагается «обращать увѣщаніемъ и ученіемъ во благочестіе», архіереямъ — учреждать училища и «смотрѣть, чтобъ въ училищахъ доброе смотрѣніе и порядокъ былъ» и т. д. Послѣдующая дѣятельность синода является до нѣкоторой степени отвѣтомъ на этотъ манифестъ.

Судя по такому началу царствованія, можно было ожидать, что Анна Іоанновна будетъ править государствомъ въ интересахъ высшаго сословія и съ помощью сената. Но этого не случилось. Обстоятельства воцаренія сдѣлали государыню подозрительною по отношенію къ высшему сословію. Анна Іоанновна дала ему льготы, но составить изъ него правительство, набрать сплошь среди него помощниковъ себѣ, опасалась. Потому сенатъ былъ поставленъ во главѣ управленія только на первыхъ порахъ, и вскорѣ его постигла участь всѣхъ уступокъ, которыя дѣлаются побѣжденнымъ. Осмотрѣвшись, Анна Іоанновна рѣшила раздѣлить власть съ людьми, интересы которыхъ были неразрывно связаны съ ея интересами. Такими были прежде всего иностранцы, окружавшіе государыню еще въ Митавѣ. Теперь они «посыпались въ Россію, точно соръ изъ дыряваго мѣшка, облѣпили дворъ, обсѣли престолъ, забрались на всѣ доходныя мѣста въ управленіи». Главными среди нихъ были фавориты Анны Іоанновны, Биронъ и Левенвольдъ. Изъ русскихъ людей на высшіе посты допускались лишь тѣ, кто старался всячески угождать пришлымъ господамъ Россіи — родственники государыни Салтыковы, кн. Черкасскій, Ѳеофанъ Прокоповичъ и др. Однако довѣрить этимъ людямъ всѣ части государственнаго механизма было невозможно и Анна Іоанновна обратилась къ нѣмцамъ русскимъ, которые при восшествіи ея на престолъ зарекомендовали себя безусловными сторонниками самодержавія. Это были большею частію второстепенные сотрудники Петра Великаго, который пользовался ихъ талантами и знаніями, но, заботливо охраняя достоинство русской національности, рѣдко поручалъ имъ самостоятельные посты. Теперь изъ числа ихъ Остерманъ сумѣлъ сдѣлаться душой утвердившагося въ Россіи нѣмецкаго режима,

настоящимъ руководителемъ внутренней и внѣшней политики въ царствованіе Анны Іоанновны.

Что касается Бирона и Левенвольда, то ихъ роль не ограничивалась тѣмъ, что они были фаворитами. Не принимая прямого участія въ правленіи, не завѣдуя никакой опредѣленной отраслью его, они постоянно вмѣшивались въ ходъ дѣлъ, такъ какъ такое вмѣшательство служило для нихъ въ высшей степени доходной статьей. Щедрости, лившейся на нихъ рѣкой отъ самой государыни, имъ было мало, и они не стыдились за ея спиной вести позорный торгъ своей близостью къ ней. Биронъ, напр., возвелъ это въ цѣлую систему. У него было два еврея: Липманъ, служившій ему посредникомъ во всѣхъ темныхъ дѣлахъ, въ родѣ торга интересами Россіи съ иностранными державами и даже ростовщичества, и Биленбахъ, завѣдывавшій продажей государственныхъ должностей. Фавориты Анны Іоанновны, презирая законъ и совѣсть и обманывая императрицу, не столько управляли страной, сколько эксплуатировали ее; Остерману, снявшему съ ихъ плечъ бремя государственныхъ заботъ, они были очень благодарны.

Остерманъ, получивъ въ свои руки власть, не сталъ, однако, пользоваться ею открыто. Онъ постарался создать ширмы для своей дѣятельности, предложивъ императрицѣ учредить такъ называемый кабинетъ министровъ, что и было сдѣлано 18 октября 1731 г. Въ этотъ кабинетъ вошли самъ Остерманъ и указанные имъ же совершенно дряхлый гр. Головкинъ и недалекій кн. Черкасскій. До 1735 г. это учрежденіе представляло собой родъ статсъ-секретаріата или собственной ея величества канцеляріи и очень походило на кабинетъ Петра Великаго. Какъ и кабинетъ Петра, новый кабинетъ помѣщался во дворцѣ и завѣдывалъ всѣмъ, что въ данный моментъ интересовало верховную власть. Разница была лишь въ томъ, что кабинетъ-секретари Петровскаго времени были людьми худородными, а среди кабинетъ-министровъ Аннинскаго времени находилось лицо, которому принадлежала главная сила въ правительствѣ. Это разница повела къ тому, что къ 1735 г. изъ личной канцеляріи кабинетъ министровъ превратился въ высшій правительственный органъ. До этого года юридически онъ дѣйствовалъ только отъ имени государыни, передавая какъ отдѣльнымъ лицамъ, такъ и учрежденіямъ лишь ея волю. Въ то же время онъ постепенно вбиралъ въ себя самыя разнообразныя дѣла: въ 1732 г. ему была подчинена медицинская канцелярія и комиссіи счетная, провіанская и кригсъ-комиссаріатская, ранѣе подвѣдомственныя сенату, въ 1733 г. къ нему перешло отъ сената назначеніе воеводъ, въ 1734 г. онъ получилъ въ свое вѣдѣніе полицмейстерскую канцелярію и т. д. Онъ управлялъ личнымъ хозяйствомъ императрицы; въ него, напр., шли счета на выписывавшіяся дворомъ кружева, матеріи, драгоцѣнности и пр. Кабинетъ направлялъ всю внутреннюю и внѣшнюю политику Россіи, исполняя въ то же

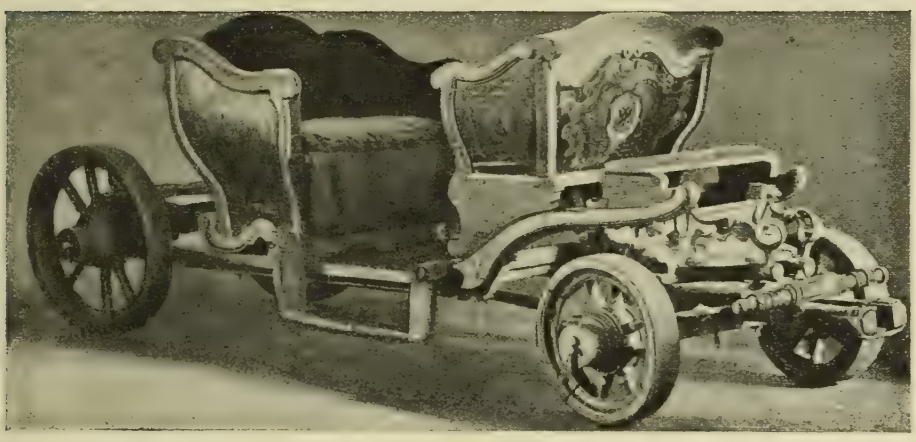
время и такія, напр., порученія государыни: «Господа кабинетъ-министры! — писала имъ однажды Анна Іоанновна. — Пошлите въ Псковъ и Новгородъ наловить около тѣхъ мѣстъ русаковъ сто и болѣе, которыхъ наловя для лучшаго обереженія отправить въ Петербургъ водою».

Въ 1735 г., когда Остерманъ увидѣлъ, что созданный Анной Іоанновной нѣмецкій режимъ достаточно упрочился, кабинетъ министровъ сбросилъ личину и сталъ уже открыто править государствомъ, пойдя, такимъ образомъ, по стопамъ верховнаго тайнаго совѣта: съ этого времени резолюціи на докладахъ сената и на всеподданнѣйшихъ прошеніяхъ дѣлаются уже не отъ имени государыни, а отъ имени самихъ кабинетъ-министровъ. Съ донесеніями къ нему теперь обращаются лица и учрежденія, ранѣе подчиненныя сенату. Наконецъ, указы, подписанные двумя министрами, получали ту же силу, что и высочайшіе. Власть кабинета стала казаться опасной даже Бирону и онъ, для противовѣса Остерману, ввелъ въ кабинетъ А. П. Волынскаго; попытка послѣдняго дѣйствовать самостоятельно, не считаясь ни съ Остерманомъ ни съ Бирономъ, стоила ему головы: нѣмцы ссорились другъ съ другомъ, но противъ русскихъ дѣйствовали дружно.

Такова была, созданная обстоятельствами при восшествіи на престолъ Анны Іоанновны, правительственная среда, почти совсѣмъ не имѣвшая корней въ русской почвѣ. Давъ ей извѣстную организацію, Анна Іоанновна, чтобы создать для нея и реальную опору, уже въ 1730 г. устроила два новыхъ гвардейскихъ полка: Измайловскій и Конный, солдатъ для которыхъ взяли изъ Украйны, а офицерами сдѣлали нѣмцевъ, затѣмъ была учреждена канцелярія тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, и начальникомъ ея назначенъ А. И. Ушаковъ. Такимъ образомъ за неумѣлое увлеченіе высшаго сословія политикой весь русскій народъ былъ наказанъ игомъ иноземщины, сама же Анна Іоанновна почти цѣликомъ ушла въ придворную жизнь. На престолѣ она была больше всего старой русской барыней-помѣщицей, которая стремилась пожить въ свое удовольствіе, нисколько не заботясь о тѣхъ, кому приходилось оплачивать это стремленіе. Своей резиденціей она избрала Петербургъ. Она переселилась сюда въ 1732 г. и устроила здѣсь пышный дворъ, стремясь подражать въ образѣ жизни современнымъ нѣмецкимъ дворамъ, въ свою очередь сходившимъ съ ума отъ Версаля. Сама Анна Іоанновна жила въ домѣ, подаренномъ адмираломъ Апраксинымъ Петру II, превращенномъ въ роскошный дворецъ; придворные помѣщались въ находившемся рядомъ съ нимъ Эрмитажѣ. Штатъ придворныхъ былъ чрезвычайно увеличенъ, и впервые въ Россіи придворная служба получила стройную организацію.

Образъ жизни императрицы представлялъ удивительную смѣсь старо-кремлевскихъ обычаевъ съ западно-европейскими. Утро посвящала Анна Іоанновна хожденію въ церковь и бесѣдамъ съ

придворнымъ духовникомъ Варлаамомъ, остальную часть сутокъ отдавала всевозможнымъ развлеченіямъ. Она страстно любила лошадей, и число ихъ въ ея конюшняхъ доходило почти до 400; много времени государыня проводила въ манежѣ, гдѣ нерѣдко подписывала бумаги и принимала иностранныхъ пословъ. Съ жаромъ она отдавалась стрѣльбѣ въ цѣль. Во всѣхъ углахъ дворца были заряженныя ружья, чтобы ей можно было, какъ только представится случай, стрѣлять изъ оконъ въ пролетающихъ птицъ. Иногда въ залахъ дворца устраивалась настоящая охота на звѣрей и птицъ, спеціально доставлявшихся для этого, а объ охотничьихъ подвигахъ государыни печатались отчеты въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». По вечерамъ во дворцѣ про-



Садовая колясочка императрицы Анны Іоанновны.
Хранится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

исходило пѣніе фрейлинъ или устраивались забавы шутовъ и шутихъ, до которыхъ Анна Іоанновна была большой охотницей, и которыхъ всюду тщательно выискивали. «Живетъ въ Москвѣ у вдовы Загряжской,—писала она генералъ-губернатору Москвы,— княжна Пелагея Аѳанасьевна Вяземская, дѣвка, и ты прежде спроси объ ней у Степана Грекова, а потомъ ее сыщи и отправь сюда ко мнѣ; такъ, чтобъ она не испугалась, то объяви ей, что я ее беру изъ милости, и въ дорогѣ вели ее беречь. А я ее беру для своей забавы: какъ сказываютъ, она много говоритъ». Въ другой разъ было приказано послать Левашову, командовавшему русскимъ корпусомъ на персидской границѣ, «шелковинку», «чтобъ онъ по ней изъ тамошняго народу, изъ персіанокъ или грузинокъ или лезгинокъ сыскалъ двухъ дѣвочекъ такихъ ростомъ, какъ оная есть, только бъ были чисты и хороши и неглупы».

«Авдотья Ивановна, — читаемъ въ третьемъ случаѣ, — поищи въ Переяславлѣ изъ бѣдныхъ дворянскихъ дѣвокъ или изъ посадскихъ, которыя бы похожи были на Новокщенову, а она, какъ мы чаемъ, что уже скоро умретъ, то чтобъ годны были ей на перемѣну: ты знаешь нашъ нравъ, что мы такихъ жалуемъ, которыя были бы лѣтъ по сороку и такъ же говорливы, какъ та Новокщенова или какъ были княгиня Настасья и Анисья». Шутовство существовало въ первой половинѣ XVIII ст. при всѣхъ европейскихъ дворахъ, но при Аннѣ Іоанновнѣ оно приняло особенно отталкивающій характеръ. Императрицѣ нравились всего болѣе разныя грубыя выходки шутовъ. Дважды въ недѣлю происходили такъ называвшіеся куртаги, куда пріѣзжали вельможи и иностранные послы, танцовать или играть въ фараонъ и квинтичъ, и гдѣ каждый долженъ былъ, сгибая спину передъ Бирономъ и другими нѣмцами, строить улыбающееся и довольное лицо. Нерѣдко при дворѣ устраивались балы, маскарады, спектакли, а съ 1736 г. появилась и итальянская опера. Наконецъ, бывали празднества, совершенно особенныя; изъ нихъ особенно извѣстна невольная свадьба одного изъ сіятельныхъ шутовъ, Голицына, съ шутихой калмычкой Бужениновой, сыгранная въ нарочно выстроенномъ на Невѣ изъ льда помѣщеніи, гдѣ мебель, посуда и даже кровать для новобрачныхъ были также сдѣланы изо льда. На эту свадьбу выписали татаръ, мордву, черемисовъ и чувашей, «съ тѣмъ, чтобъ они были собою не гнусны и одѣты въ свою національную одежду». Все это устраивалось съ огромными затратами денежныхъ средствъ и безвкусною роскошью; эта роскошь носила чрезвычайно грубый характеръ и не могла прикрыть удивительную дикость придворныхъ нравовъ. «Ну, дѣвки, пойте!» говорила государыня своимъ фрейлинамъ, а если которая изъ нихъ не умѣла ей угодить, она собственноручно награждала ее пощечинами или отправляла въ прачечную. Получали высочайшія пощечины и другія лица, и между прочимъ извѣстный писатель Тредьяковскій. Обрядовое благочестіе, верховая ѣзда, шутовскія забавы, наряды, наконецъ Биронъ и Левенвольдъ, не заполняли еще всей жизни Анны Іоанновны. Большую склонность еще питала она къ сплетнямъ, которыя долженъ былъ сообщать ей уже извѣстный намъ С. А. Салтыковъ, собирая ихъ въ качествѣ начальника тайной конторы въ Москвѣ. Иногда на Анну Іоанновну находили внезапные порывы энергій, и она принималась за правительственныя дѣла, сама исправляла указы, требовала дополнительныхъ свѣдѣній и т. п.; нѣкоторыя изъ ея резолюцій свидѣтельствуютъ о недюжинномъ природномъ умѣ. Но подобнаго рода работа не была систематической и руководить своимъ правительствомъ государыня не могла. Въ одной только области правительственной дѣятельности она чувствовала себя дома и охотно ею занималась: дѣлами канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ...

II.

Главнымъ вершителемъ судебъ Россіи въ это время сталъ Остерманъ. Хитрый и ловкій интриганъ онъ былъ превосходнымъ знатокомъ бюрократической машины и человѣкомъ необыкновенной работоспособности. Но какъ политическому дѣятелю ему не хватало для руководительства обширной страной широкаго и самостоятельнаго истинно государственнаго ума. Незадолго до учрежденія кабинета министровъ, онъ подалъ Аннѣ Іоанновнѣ записку о «приведеніи въ благосостояніе Россіи», поразительную по убожеству мысли. Въ этой запискѣ государынѣ совѣтуется, въ качествѣ руководящихъ принциповъ управленія, внушать подданнымъ страхъ Божій, подкрѣплять правосудіе часто издаваемыми манифестами, награждать людей достойныхъ и заслуги оказавшихъ, принимать для устраненія волокиты ежемѣсячные рапорты о рѣшенныхъ и нерѣшенныхъ тяжебныхъ дѣлахъ и т. п., далѣе слѣдуетъ цѣлая груда отрывочныхъ и мелочныхъ указаній на необходимость улучшить армію и флотъ, распространить просвѣщеніе, поднять финансы, устроить заводы и т. д. Очевидно, Остерманъ хорошо зналъ отдѣльныя колеса государственнаго механизма, но не имѣлъ правильнаго представленія объ общей цѣли, какую долженъ преслѣдовать этотъ механизмъ. Нѣкоторые историки съ легкой руки прусскаго короля Фридриха II считаютъ этого въ высшей степени узкаго практика продолжателемъ начинаній Петра Великаго. Но это несправедливо. Программа Преобразователя понималась Остерманомъ слишкомъ односторонне и формально, и ея принципіальнымъ сторонникомъ онъ никогда не былъ. Правда, у него въ вышеуказанной запискѣ предлагается нѣсколько мѣропріятій въ духѣ Петра Великаго, но это объясняется просто требованіями времени. Россіи нужно было вернуть былую государственную мощь, поколебавшуюся въ царствованіе Екатерины I и Петра II, и единственнымъ средствомъ для этого считалось возвращеніе къ петровскимъ порядкамъ. По этому пути уже пошелъ, какъ мы видѣли, возстановленный Анной Іоанновной въ прежнемъ значеніи сенатъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что придерживаться его совѣтовалъ и Остерманъ.

Ставъ во главѣ правительства, Остерманъ больше всего заботился о поднятіи внѣшняго могущества Россіи путемъ увеличенія военныхъ силъ страны и поднятія матеріальныхъ рессурсовъ казны. Уже учрежденная подъ предсѣдательствомъ Миниха въ 1730 г. комиссія увеличила численный составъ сухопутной арміи, доведя его до 157.500 человѣкъ въ мирное время и до 167.000 въ военное, вслѣдствіе чего рекрутскіе наборы стали происходить теперь почти ежегодно — ихъ не было лишь въ 1734 и 1755 годахъ. Но этого казалось мало, и въ 1736 г. рѣшено было заняться организаціей поселенныхъ войскъ. Въ Казанской губерніи стали селить пѣхоту,

выбирая для этого «отставныхъ отъ службы, за ранами, болѣзнями и старостію унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ и строевыхъ», которымъ давали земельные участки въ 20—30 четвертей. Получившіе такіе участки обязывались не продавать и не закладывать ихъ, а передавать одному изъ своихъ сыновей. Въ наслѣдственное военное сословіе были обращены также и жившіе между Дономъ и Днѣпромъ однодворцы, освобожденные вслѣдствіе этого отъ подушной подати. Такъ были созданы двѣ группы нерегулярнаго войска: пашенные солдаты и ландмилиція. Въ 1733 г. для увеличенія учрежденнаго на Украйнѣ Петромъ Великимъ гусарскаго полка, составленнаго изъ сербовъ, былъ сдѣланъ новый вызовъ ихъ въ русскую службу, а въ 1738 г. изъ проживавшихъ въ Россіи грузинскихъ князей и дворянъ былъ сформированъ еще одинъ тоже гусарскій полкъ.

Рядомъ съ заботами о численномъ увеличеніи войска предпринимались шаги и для поднятія его боевой годности. Въ 1732 г. былъ изданъ новый военный уставъ, вводившій еще болѣе строгія взысканія за нарушеніе дисциплины, чѣмъ тѣ, какія содержались въ военномъ уставѣ Петра Великаго. Въ цѣляхъ снабженія кавалеріи «добрыми» лошадьми въ 1740 г. были учреждены конскіе заводы при кирасирскихъ, драгунскихъ и гарнизонныхъ полкахъ. Чисто техническія улучшенія были сдѣланы также въ артиллеріи и фортификаціи. Флотъ рѣшено было довести до тѣхъ размѣровъ, какіе онъ имѣлъ при Петрѣ Великомъ, но исполнить эту программу не удалось: на Петербургской и Архангельской верфяхъ въ теченіе царствованія было выстроено 17 линейныхъ кораблей, 2 канонирки и 7 фрегатовъ, которые, однако, всѣ были очень плохи.

Серьезное вниманіе было обращено также на службу офицеровъ. Чтобы пріохотить къ ней, жалованье русскихъ офицеровъ было уравнено въ 1732 г. съ жалованьемъ служившихъ въ русской арміи иностранцевъ. Но это мало помогло, и привыкшіе къ праздности за послѣднія два царствованія дворяне не являлись въ герольдмейстерскую контору, вслѣдствіе чего правительство нѣсколько разъ издавало указы о явкахъ недорослей на смотры и о запискѣ ихъ въ службу, строго наказывая укрывавшихся. Такъ какъ и это тоже не дѣйствовало, то въ 1736 г. попробовали ограничить срокъ службы 25-ю годами. Когда же по окончаніи въ 1739 г. войны съ Турціей охотниковъ воспользоваться этимъ закономъ оказалось слишкомъ много, правительство поспѣшило придать ему такое толкованіе, которое въ сущности сводило его на-нѣтъ, объявивъ, что этотъ законъ касается только тѣхъ, «которые въ продолженіе 25 лѣтъ служили вѣрно и порядочно».

Таковы были главнѣйшія мѣропріятія въ царствованіе Анны Іоанновны, касавшіяся арміи и флота. По существу своему они являлись только палліативами, и состояніе войска попрежнему было очень плохо. Въ его ряды обычно шла худшая, безнравственная и нерѣдко преступная часть населенія. Рекрутская повинность въ ту

эпоху была по преимуществу повинностью денежной, а не натуральной или личной: на деньги, собранныя съ того числа ревизскихъ душъ, съ какого по разверсткѣ слѣдовалъ рекрутъ, нанимали охотниковъ. Въ числѣ такихъ охочихъ людей большинство были бобыли, пропойцы, бѣглые, больные, увѣчные; часто эти люди стремились при первомъ удобномъ случаѣ бѣжать. Въ 1732 г. считалось до 20.000 бѣглыхъ солдатъ, что составляло почти 12% всей арміи, а въ 1733 г. правительству пришлось принять самыя энергичныя мѣры для сбора «рекрутской доимки» съ 1719 по 1726 г.г. Не былъ на высотѣ положенія и офицерскій составъ. Подобно крестьянамъ, и дворяне старались всячески уклониться отъ службы, вслѣдствіе чего половина офицеровъ была изъ нѣмцевъ. Послѣдніе съ презрѣніемъ и безпощадной жестокостью относились къ совершенно чуждой имъ сѣрой солдатской массѣ и вмѣсто нравственнаго воздѣйствія ограничивались только палками, розгами и шпицрутенами. Нельзя сказать, чтобы правительство не замѣчало основного зла, разлагавшаго войска, — безсрочности службы, благодаря которой населеніе не желало добросовѣстно отбывать воинскую повинность. Но сдѣлать что-либо, кромѣ введенія суровой дисциплины, оно не сумѣло, и армія и флотъ, на которые тратилось $6^1/_2$ милліоновъ рублей изъ 8-милліоннаго бюджета, были далеки отъ того уровня, на которомъ стояли во времена Петра Великаго.

Палліативами ограничивалось правительство и въ сферѣ государственныхъ финансовъ; оно почти совсѣмъ не считалось съ экономическимъ положеніемъ населенія, которое было прямо бѣдственнымъ. Войны Петра Великаго въ значительной мѣрѣ понизили и безъ того невысокій уровень благосостоянія страны, царствованія Екатерины I и Петра II не внесли улучшенія. Нагляднымъ показателемъ всеобщаго разоренія можетъ служить тотъ фактъ, что къ 1732 г. на крестьянскомъ и мѣщанскомъ сословіяхъ накопилось болѣе 15 милліоновъ рублей недоимки — сумма, равнявшаяся почти двухгодичному государственному бюджету.

Остерманъ рѣшилъ эту недоимку собрать во что бы то ни стало. Военныя команды, посылаемыя изъ доимочнаго приказа, ковали въ цѣпи неисправныхъ воеводъ и ихъ товарищей и держали ихъ въ заключеніи до тѣхъ поръ, пока не взыскивалась полностью съ ихъ имущества вся недоимка; бросали въ тюрьмы и помѣщиковъ и управителей дворцовыхъ церковныхъ земель, крестьянъ били на правежѣ и продавали у нихъ все. Такіе пріемы примѣнялись до 1735 г. и своими естественными послѣдствіями имѣли лишь развитіе побѣговъ, грабежей, разбоевъ и повальныхъ болѣзней.

Дальше итти было некуда, и объ этомъ осмѣлился громко заявить оберъ-прокуроръ сената, Анисимъ Масловъ, одинъ изъ мало извѣстныхъ, но замѣчательныхъ государственныхъ дѣльцовъ. Неоднократно ходатайствуя объ облегченіи лежавшаго на крестья-

нахъ податного бремени, онъ выработалъ также и проектъ коренного улучшенія быта крестьянъ путемъ законодательной нормировки крѣпостного права, и въ ея необходимости успѣлъ убѣдить и Бирона, и Анну Іоанновну. Государыня въ 1734 г. предписала кабинетъ-министрамъ составить «учрежденіе» для помѣщиковъ, «въ какомъ бы состояніи они деревни свои содержать могли, а въ нужный случай имъ всякое вспоможеніе чинили». Но въ слѣдующемъ году Масловъ умеръ, а вмѣстѣ съ нимъ была погребена на цѣлыя сто лѣтъ и его мысль. Ограничились лишь тѣмъ, что въ 1734 г. обязали помѣщиковъ кормить своихъ крестьянъ въ неурожайные годы и ссужать ихъ сѣменами для посѣва, да въ 1735 г. сложили съ населенія половину подушныхъ денегъ.

Между тѣмъ недоимки быстро накапливались и уже въ 1736 г. опять посыпались указы губернаторамъ и воеводамъ, чтобъ всѣ сборы были доставлены въ казну полностью. Хроническій недоборъ податей правители приписывали исключительно злоупотребленіямъ мѣстныхъ властей, помѣщиковъ и крестьянскихъ управителей и боролись съ нимъ лишь одними репрессіями. Въ казнѣ не было ни гроша. Прибѣгли къ измѣненію размѣра и стоимости золотой монеты, къ чеканкѣ серебряныхъ рублей и полтинниковъ болѣе низкой пробы, чѣмъ прежде, стали выплачивать чиновникамъ жалованье сибирскими и китайскими товарами, а съ 1739 г. стали примѣнять указъ Петра Великаго, чтобъ чиновники въ Москвѣ и другихъ городахъ получали жалованье вполовину меньше противъ служившихъ въ Петербургѣ, предписали штатъ-конторѣ производить денежныя выдачи сперва военнымъ чинамъ, а затѣмъ штатскимъ. Въ надеждѣ раскрыть казнокрадство была установлена ревизіонъ-коллегія и открыта счетная комиссія; но съ 1732 г. по 1736 г. она разсмотрѣла всего 78 счетовъ на сумму 2.204.712 р., а начетовъ нашла всего на 1152 р. Проводимая подобнымъ способомъ экономія расходовъ совершенно не достигала цѣли.

Чтобы составить ясное представленіе о томъ, на что тратила казна свои доходы, укажемъ цифры государственныхъ расходовъ за 1734 г. На армію и флотъ шло до $6^1/_2$ милліоновъ, на придворное вѣдомство—617.000 р., изъ которыхъ жизнь императорскаго двора стоила 260 т., строенія 256 т., конюшенныя учрежденія — 100 т., пенсіи родственникамъ Анны Іоанновны 61 т., на гражданскую администрацію 335 т. и на народное просвѣщеніе — только 51.000 руб. Сумма всѣхъ расходовъ была равна, такимъ образомъ, 8 милл. безъ малаго. Этотъ бюджетъ, въ общемъ одинаковый съ бюджетомъ остальныхъ лѣтъ Аннинскаго царствованія, былъ, конечно, не великъ самъ по себѣ, но зато въ немъ почти совершенно отсутствовали траты на поднятіе народнаго благосостоянія. А при этомъ условіи онъ оказывался, безъ сомнѣнія, черезчуръ тяжелымъ для страны.

Вниманіе правительства сосредоточивалось лишь на мѣропріятіяхъ въ пользу обрабатывающей промышленности и торговли. Здѣсь на первомъ мѣстѣ стояло покровительство крупнымъ заводчикамъ и фабрикантамъ. Имъ было разрѣшено въ 1736 г. обращать въ крѣпостныхъ обучавшихся у нихъ мастеровыхъ съ ихъ семьями и непомнящихъ родства бродягъ и нищихъ, а также покупать крестьянъ. Такимъ образомъ, состоялось окончательное прикрѣпленіе мастеровыхъ къ фабрикамъ и заводамъ, начатое во времена Петра Великаго. Особенно много льготъ было предоставлено владѣльцамъ шелковыхъ, шерстяныхъ и кожевенныхъ фабрикъ. Торговымъ компаніямъ отдавались на откупъ рыбные промыслы на Бѣломъ и Каспійскомъ моряхъ, селитряное и поташное производство, такъ что казна въ своихъ рукахъ оставляла лишь продажу ревеня и вина, закупку пеньки и отчасти горное дѣло. Подобнаго рода экономическая политика не обогащала торгово-промышленное сословіе въ цѣломъ, не говоря о томъ, что для остальныхъ группъ населенія она была совсѣмъ невыгодной. Благодаря народному обнищанію не могла развиться въ достаточной мѣрѣ торгово-промышленная дѣятельность. Внѣшняя торговля цѣликомъ находилась въ рукахъ иностранныхъ компаній: англійской, голландской, прусской, испанской, армянской, китайской и индійской. Нѣкоторыя изъ этихъ компаній, особенно, англійская, подкупивъ вліятельныхъ лицъ, сумѣли заключить чрезвычайно выгодные для себя договоры.

Изъ другихъ мѣръ, касающихся промышленности и торговли, упомянемъ, что въ 1732 г. была устроена купеческая гавань въ Кронштадтѣ, прорытъ близъ нея морской каналъ, затѣмъ учреждена правильная почта между Москвой и Тобольскомъ, начато устройство и другихъ почтовыхъ путей. Прилагались старанія колонизовать степныя пространства въ южной и юго-восточной Россіи; Татищевъ и Кириловъ положили основаніе Оренбургу, получившему очень широкое право самоуправленія. Относительно другихъ городовъ были попытки улучшить ихъ благосостояніе введеніемъ въ нихъ полицейскихъ учрежденій, поставленныхъ «подъ главную дирекцію» петербургскаго генералъ-полицмейстера, но вскорѣ, въ видахъ экономіи, эти учрежденія были уничтожены.

Такова была въ общихъ чертахъ дѣятельность Аннинскаго правительства по военному и финансовому вѣдомствамъ, а также въ области внѣшняго благоустройства страны. Въ области организаціи государственныхъ учрежденій дѣятели этого царствованія круто отступили отъ завѣтовъ Петра Великаго и этимъ наглядно показали, что духъ петровской реформы былъ имъ совершенно чуждъ. Съ учрежденіемъ кабинета министровъ принципъ коллегіальности, введенный Петромъ, постепенно вытѣснялся принципомъ бюрократическаго и единоличнаго управленія, болѣе удобнаго для стоявшихъ у власти лицъ. Параллельно прежнимъ коллегіямъ

стали открываться отдѣльныя канцеляріи, конторы и экспедиціи, во главѣ которыхъ ставились начальники и директора, а не президенты. Главнѣйшими изъ этихъ учрежденій были канцеляріи: дворцовая, строительная, конюшенная, конфискаціи, тайная, монетная, оберъ-бергъ-директоріумъ, рядъ приказовъ, счетная комиссія и т. д. Къ чему приводила подобнаго рода замѣна, показываетъ дѣятельность учрежденнаго въ 1736 г. на мѣсто бергъ-коллегіи оберъ-бергъ-директоріумъ. Начальникъ его саксонецъ Шомбергъ, креатура Бирона, въ теченіе только двухъ лѣтъ похитилъ, подѣлившись со своимъ патрономъ, болѣе 400.000 р.

Единоличное начало, утвердившееся при Екатеринѣ I и Петрѣ II въ мѣстномъ управленіи коренной Россіи, было сохранено и при Аннѣ Іоанновнѣ; въ 1737 г. предоставлено губернаторамъ право не только штрафовать за нерадивость воеводъ, но и опредѣлять на мѣсто ихъ новыхъ. Нѣкоторый поворотъ къ петровскому времени замѣтенъ въ отношеніи правительства къ окраинамъ, пользовавшимся особыми привилегіями. Такъ, дворянскіе сеймы въ Лифляндіи и Эстляндіи допускались только съ разрѣшенія сената, а въ Малороссіи, по смерти въ 1734 г. гетмана Даніила Апостола, былъ назначенъ особый главный управитель. Бывшую при преобразователѣ Малороссійскую коллегію возстановить не хотѣли.

Что касается до духовной жизни русскаго народа, то въ царствованіе Анны Іоанновны не было сдѣлано ничего значительнаго. Аннинское правительство считало даже простую грамотность для народа вредной и заявило въ указѣ 12 декабря 1735 г., что ученые отвлекаютъ крестьянъ отъ черныхъ работъ. Въ области народнаго образованія оно ограничилось лишь открытіемъ нѣсколькихъ школъ для солдатскихъ дѣтей и дѣтей фабричныхъ. Немного было сдѣлано и для распространенія образованія въ высшихъ классахъ общества. Устроенный для шляхетства кадетскій корпусъ былъ расчитанъ всего на 200 человѣкъ, при чемъ половину этого числа положено замѣщать «изъ нѣмцевъ», а заведенныя для духовенства въ нѣкоторыхъ епархіяхъ по образцу южно-русскихъ семинарій словесно-латинскія школы почти совсѣмъ не имѣли болѣе или менѣе подготовленныхъ руководителей и преподавателей.

Несмотря, однако, на почти полное бездѣйствіе власти въ области культурныхъ начинаній, образованность въ русскомъ обществѣ въ царствованіе Анны Іоанновны все-таки сдѣлало шагъ впередъ. Это былъ результатъ развитія идей, внесенныхъ къ намъ реформою Петра Великаго. Окрѣпла петербургская Академія Наукъ, пріютившая въ своихъ стѣнахъ такихъ нѣмцевъ, какъ Бейеръ и Миллеръ, которыми вправѣ гордиться всѣ образованные русскіе. Къ сожалѣнію, они не составляли академическаго большинства, которое скорѣе походило на злобнаго и малообразованнаго Шумахера, этого типичнаго представителя въ академіи того режима, какой утвердился въ странѣ. Въ качествѣ секретаря ученаго учре-

жденія онъ стремился не допустить въ него русскихъ и, глубоко равнодушный къ наукѣ, доставлялъ много непріятностей и своимъ соотечественникамъ, если они желали быть благородными. Ему обязана Академія тѣмъ, что Германъ, оба Бернулли и Бильфингеръ предпочли ее оставить. Къ этому же времени относится дѣятельность и трехъ учениковъ великаго царя, положившихъ начало новой русской литературѣ: историка В. Н. Татищева, писателя А. Д. Кантемира и филолога В. К. Тредьяковскаго. Правда, Тредьяковскій писалъ плохіе стихи, но онъ доставилъ Пушкину возможность писать хорошіе. Наконецъ, въ это десятилѣтнее царствованіе учился западно-европейской наукѣ нашъ геніальный самородокъ М. В. Ломоносовъ, ставшій вскорѣ «первымъ русскимъ университетомъ». Что касается внѣшней политики, то стоявшіе у власти нѣмцы стремились, чтобъ Россія играла во внѣшней политикѣ ту же активную роль, какъ и при Петрѣ Великомъ; они заявляли, что желаютъ слѣдовать примѣру преобразователя. Но ихъ дѣятельность въ области внѣшней политики, какъ и въ области внутренней, совершенно не оправдываетъ подобнаго заявленія; они и сознательно и безсознательно нарушали программу Петра Великаго.

Прежде всего былъ оставленъ планъ преобразователя завести торговлю съ Средней Азіей: въ 1732 г. заключили съ Персіей въ Рящѣ миръ, отдавъ обратно ей всѣ тѣ земли, которыя завоевалъ на Каспійскомъ побережьи Петръ Великій и энергично отстаивали Екатерина I и Петръ II. Эту мѣру оправдывали тѣмъ, что прикаспійскій климатъ губилъ понапрасну русскія войска. Неловкость потери того, что было пріобрѣтено Петромъ Великимъ, однако, чувствовалась всѣми, и совершенно заглушить ее успѣхами въ Польшѣ и Турціи не удалось. Въ 1733 г. умеръ польскій король Августъ II и Россіи согласно договору съ Австріей предстояло поддержать его сына, курфюрста саксонскаго Августа, въ борьбѣ за престолъ противъ Станислава Лещинскаго, за котораго стояла Франція. Въ 1697 г. достаточно было придвинуть къ литовской границѣ небольшой отрядъ, чтобы восторжествовалъ кандидатъ Россіи. Теперь въ Польшу послали цѣлое войско въ 50.000 чел. подъ командой одного изъ лучшихъ генераловъ, шотландца Ласси. Но предпріятіе было такъ скверно подготовлено, что $4^1/_2$ мѣсяца осаждали Данцигъ, гдѣ укрылся съ французскимъ корпусомъ Ст. Лещинскій, и взяли городъ только послѣ того, какъ смѣнившій Ласси Минихъ потерялъ подъ его стѣнами до 8000 человѣкъ, все-таки давъ возможность французскому претенденту спастись отъ плѣна. Интересно отмѣтить, что въ этомъ походѣ, доставившемъ польскую корону Августу III, союзница Россіи Австрія совершенно не участвовала, и, тѣмъ не менѣе, когда Франція объявила ей за Польшу войну и отобрала у нея Лотарингію и нѣкоторыя земли въ Италіи. Остерманъ двинулъ къ Рейну 20.000 солдатъ съ тѣмъ же Ласси. Рус-

скимъ, однако, не пришлось сразиться съ французами, такъ какъ Франція помирилась съ вѣнскимъ дворомъ.

Въ непосредственной связи съ вопросомъ польскимъ былъ разрѣшенъ также и вопросъ о судьбѣ близкой сердцу Анны Іоанновны Курляндіи. За поддержку въ Польшѣ Августа III, Анна Іоанновна потребовала у него, чтобы онъ, въ качествѣ сюзерена Курляндіи, предоставилъ герцогскую корону по прекращеніи Кеттлеровой династіи Бирону. Въ такомъ духѣ былъ составленъ 30 сентября 1733 г. «секретный приказъ», а когда въ 1737 г., по смерти герцога Фердинанда, курляндцы воспротивились осуществленію этого «артикула», въ герцогство вступили русскія войска, которыя и посадили Бирона на престолъ.

Полнымъ противорѣчіемъ политикѣ Преобразователя была, наконецъ, и война съ Турціей, шедшая въ 1735—1739 гг. Поводъ, по которому она началась, совершенно не оправдывалъ ея: набѣги крымцевъ на русскія границы составляли тогда слишкомъ обычное явленіе. Но правительство желало военнымъ шумомъ заглушить все усиливавшійся въ обществѣ ропотъ на худое веденіе внутреннихъ дѣлъ. Война эта началась въ союзѣ съ Австріей, и въ то время, какъ австрійцы терпѣли неудачи въ Сербіи, Босніи и Болгаріи, русскіе подъ начальствомъ Миниха и Ласси одержали рядъ блестящихъ побѣдъ. Главное татарское гнѣздо, непроницаемый дотолѣ Крымъ былъ опустошенъ три раза. Азовъ, Очаковъ, Хотинъ и Яссы перешли въ руки побѣдителей при Ставучанахъ Минихъ одержалъ блестящую побѣду надъ турками. Но въ сентябрѣ 1739 г. былъ заключенъ въ Бѣлградѣ миръ, совершенно невыгодный для Австріи и до смѣшного мало давшій Россіи. Послѣдняя пріобрѣтала часть степи между Донцемъ и Бугомъ и получала Азовъ, но безъ укрѣпленій и безъ права имѣть на Черномъ морѣ не только военный флотъ, но и торговый флотъ. Турки отказались даже признать за Анной Іоанновной императорскій титулъ. Это, однако, не помѣшало Аннѣ Іоанновнѣ отпраздновать 14 февраля 1740 г. въ Петербургѣ Бѣлградскій миръ съ чрезвычайной торжественностью и, главное, щедро наградить своихъ министровъ и генераловъ...

Господство нѣмцевъ въ царствованіе Анны Іоанновны при дворѣ и въ правительствѣ и своекорыстный характеръ проводимой ими внутренней и внѣшней политики порождали въ русскомъ обществѣ обидное сознаніе зависимости отъ иноземщины, переходившее мало-по-малу въ озлобленіе и ненависть къ ней. И дворянство и простой народъ одинаково чувствовали себя оскорбленными въ своемъ національномъ достоинствѣ. Немудрено, что еще не прошло и года со времени восшествія на престолъ новой государыни, а уже въ воздухѣ сталъ носиться заговоръ. Уже въ началѣ 1731 г. было какое-то неудавшееся покушеніе на жизнь Анны Іоанновны: когда однажды она совершала обычную прогулку изъ Москвы въ Измайлово, подъ каретой, ѣхавшей впе-

реди царскаго кортежа, внезапно осѣла земля; въ провалѣ увидѣли «бревна, отрывающіяся и падающія другъ на друга вмѣстѣ съ огромными глыбами камней, нагроможденныхъ по бокамъ». Кѣмъ было устроено это покушеніе,—до сихъ поръ неизвѣстно. Быть-можетъ, это было отвѣтомъ со стороны знати на преслѣдованіе кн. Долгорукихъ. Мы видѣли, что Анна Іоанновна не осмѣлилась сразу же раздѣлаться и съ верховниками: они всѣ были назначены въ сенатъ. Но уже спустя всего мѣсяцъ начались опалы. Первый ударъ былъ нанесенъ кн. Долгорукимъ. Кн. Василій Лукичъ былъ заключенъ въ Соловки, кн. Алексѣй Григорьевичъ сосланъ въ Березовъ; отправлены въ свои вотчины князья Сергѣй и Иванъ Григорьевичи. Впрочемъ, враждебное настроеніе царило не только въ близкомъ къ опальнымъ кругу, но во всей вообще знати. Вслѣдствіе злоупотребленій милостями царицы со стороны Бироновъ и братьевъ Левенвольде, эти фавориты являлись для русскаго народа еще гораздо болѣе ненавистными, чѣмъ были Долгорукіе.

Въ рядахъ аристократіи стали громко роптать и открыто выражать свои мнѣнія. Такъ, Румянцевъ, человѣкъ петровскаго закала, рѣзко отдѣлалъ брата Бирона, а затѣмъ, въ отвѣтъ на свое назначеніе президентомъ въ одну изъ финансовыхъ коллегій, заявилъ самой Аннѣ Іоанновнѣ, что отказывается отъ этой должности, такъ какъ не умѣетъ отыскивать средства для удовлетворенія роскоши двора и аппетита фаворитовъ. Отданный за это подъ судъ, онъ былъ присужденъ къ смертной казни, которую, однако, государыня замѣнила для него ссылкой въ казанскія деревни. Общественное негодованіе было таково, что польскій посланникъ Потоцкій сказалъ однажды: «Боюсь, чтобъ русскіе теперь не сдѣлали того же съ нѣмцами, что сдѣлали съ поляками во время Лжедмитрія, хотя поляки и не подавали такихъ сильныхъ причинъ къ раздраженію».—«Не безпокойтесь,—отвѣтилъ ему собесѣдникъ,—тогда не было гвардіи, а теперь у русскихъ нѣтъ вождя». И онъ былъ правъ. Къ услугамъ нѣмецкаго правительства Анны были два новыхъ гвардейскихъ полка и тайная канцелярія.

Тѣмъ не менѣе, глухое броженіе въ обществѣ замѣтно разрасталось уже со второго года царствованія Анны Іоанновны. Многіе были взяты подъ арестъ и къ допросу Съ 1733 г. тянется цѣлый рядъ заговоровъ и попытокъ поднять открытый бунтъ противъ правительства, при чемъ заговоры устраивались обыкновенно въ средѣ шляхетства, а бунты производились простымъ народомъ. Но, желая лишить Анну Іоанновну престола, ни первое, ни второй долгое время опредѣленно не знали, на чью сторону имъ стать, во имя кого имъ дѣйствовать. Въ шляхетской средѣ создавались самые странные планы. Такъ, смоленскій губернаторъ Алексѣй Черкасскій и бывшій камеръ-пажъ герцогини Мекленбургской Федоръ Милошевичъ, считая законнымъ наслѣдникомъ русской короны герцога Голштинскаго

Петра Ульриха, въ 1733 г. попробовалъ войти въ сношенія съ его отцомъ. Это было открыто русскимъ резидентомъ въ Гамбургѣ Бестужевымъ-Рюминымъ, и заговорщики попали въ руки Ушакова; появлялись также самозванцы, но пользовались лишь очень кратковременнымъ успѣхомъ.

Только одно лицо имѣло права на престолъ—царевна Елизавета. Какъ дочь Петра Великаго, она, дѣйствительно, была способна сплотить вокругъ себя всѣхъ угнетенныхъ игомъ иноземщины. И вотъ, въ 1738 г. въ ея пользу устраивается обширный заговоръ, главными участниками котораго были русскіе вельможи. Онъ извѣстенъ намъ исключительно со словъ иностранцевъ. По ихъ словамъ заговорщики надѣялись, получивъ поддержку отъ Швеціи, устранить царицу, принцессу Анну (мать будущаго императора Іоанна) и супруга ея, всю семью герцога курляндскаго, истребить, кромѣ того, нѣмцевъ или прогнать ихъ изъ страны; еврей Либерманъ, придворный банкиръ и фаворитъ герцога курляндскаго, долженъ былъ быть преданъ въ руки разъяренной черни; Елизавета должна была быть провозглашена императрицей. Долгое время историки видѣли въ этомъ разсказѣ лишь сплетню, пущенную самимъ правительствомъ для оправданія передъ европейскимъ общественнымъ мнѣніемъ новыхъ преслѣдованій Долгорукихъ, изъ которыхъ Василій Лукичъ, Сергѣй и Иванъ Григорьевичи и Иванъ Алексѣевичъ, любимецъ Петра II, сынъ умершаго въ Березовѣ Алексѣя Григорьевича, были казнены въ Новгородѣ въ исходѣ 1739 г., а Михаилъ Владимировичъ подвергся суровому заточенію въ Соловецкомъ монастырѣ. Кажется, вѣрнѣе усматривать въ этомъ извѣстіи отзвукъ первой, пока еще неудачной, вспышки того заговора, который закончился появленіемъ ночью на 25 ноября 1741 г. во дворцѣ Елизаветы Петровны въ качествѣ «капитана гренадерской роты». Промежуточнымъ звеномъ этого заговора является извѣстный процессъ оберъ-егермейстера и кабинетъ - министра Артемья Волынскаго, казненнаго въ 1740 г. за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины Анны Іоанновны, вмѣстѣ съ своими двумя «конфидентами» — архитекторомъ Еропкинымъ и Хрущевымъ. Остальные сторонники Волынскаго, и среди нихъ гр. Мусинъ-Пушкинъ и Соймоновъ, были наказаны тѣлесно и сосланы въ Сибирь и въ Соловки. Воодушевляемыя Волынскимъ эти лица мечтали не только о перемѣнѣ династической, но и о государственномъ переворотѣ. Но такъ какъ имя дочери Петра Великаго не было произнесено никѣмъ изъ арестованныхъ даже на пыткѣ, то офиціально имъ было поставлено въ вину систематическое «охуленіе» нѣмецкаго правительства Анны Іоанновны, рѣзкіе отзывы о личности самой императрицы и составленіе проектовъ, направленныхъ къ измѣненію государственнаго строя Россіи. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи Волынскій былъ политическимъ наслѣдникомъ конституціоналистовъ 1730 г., и его идеаломъ была Польша. «Вотъ какъ

польскіе сенаторы живутъ,—говорилъ онъ среди своихъ приверженцевъ,—ни на что не смотрятъ, все имъ даромъ! Польскому шляхтичу не смѣетъ и самъ король ничего сдѣлать, а у насъ всего бойся».

Заговоръ Волынскаго былъ послѣднимъ выступленіемъ русскаго общества противъ Анны Іоанновны. Вскорѣ послѣ него, 17 октября 1740 г. государыня скончалась, оставивъ корону двухмѣсячному младенцу Іоанну Антоновичу, подъ регентствомъ курляндскаго герцога Э. І. Бирона. Таковъ былъ отвѣтъ ея на народное желаніе освободить страну отъ гнета иноземщины.

III.

Іоаннъ VI Антоновичъ.

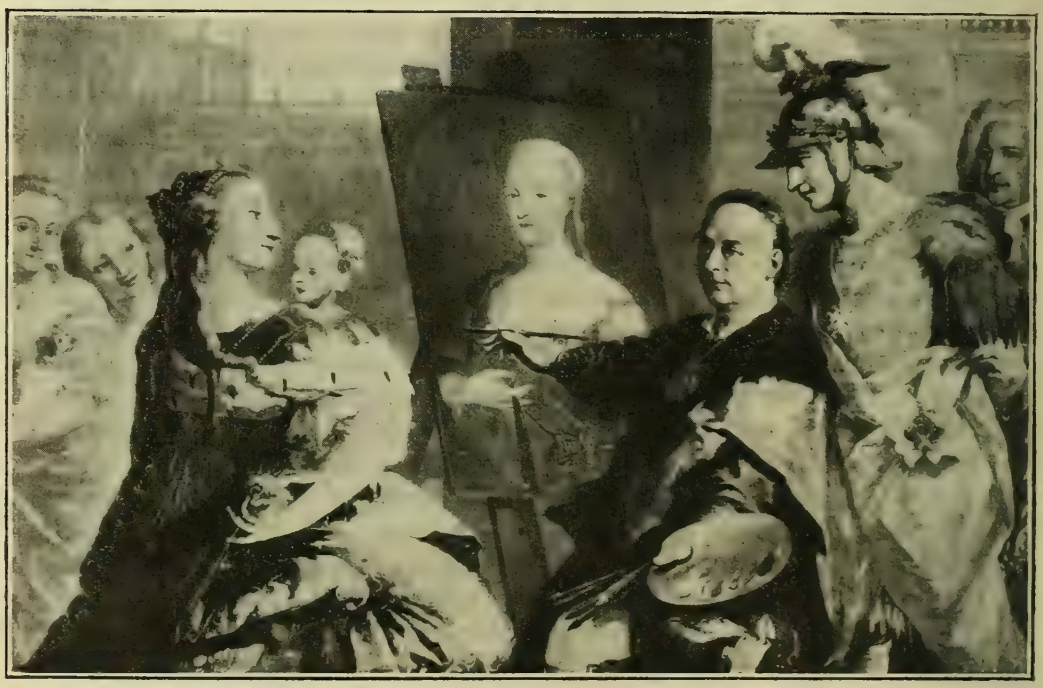
(1740 — 1741 — 1764).

Анна Іоанновна непремѣнно желала упрочить верховную власть въ Россіи за потомствомъ своего отца, Іоанна V Алексѣевича, брата Петра Великаго. Это желаніе императрица обнаружила уже въ первый годъ своего царствованія, когда положеніе ея самой на престолѣ было еще довольно шаткимъ. Продолженія рода царя можно было ожидать только отъ его внучки, дочери Екатерины Іоанновны Мекленбургской, Анны Леопольдовны. Ей въ это время шелъ всего двѣнадцатый годъ. Анна Іоанновна скоро нашла ей жениха, принца Брауншвейгъ - Люнебургскаго, Антона - Ульриха, племянника жены германскаго императора Карла VI. Въ 1733 г. онъ прибылъ въ Петербургъ; 3 іюня 1739 г. было совершено торжественное бракосочетаніе его съ принцессой, несмотря на то, что послѣдняя сначала не хотѣла за него выходить. «Вы, министры проклятые, на это привели, что теперь за того иду, за кого прежде не думала», какъ-то сказала она кабинетъ-министру Волынскому. 12 августа 1740 г. въ Брауншвейгской семьѣ родился сынъ — Іоаннъ Антоновичъ, объявленный наслѣдникомъ престола за двѣнадцать дней до кончины Анны Іоанновны, которая еще манифестомъ отъ 17 декабря 1731 г. потребовала учиненія подданными присяги на вѣрность своему будущему преемнику. 28 октября двухмѣсячный младенецъ былъ объявленъ въ Зимнемъ дворцѣ императоромъ.

Кратковременное царствованіе младенца-императора представляетъ собой логическое завершеніе царствованія Анны Іоанновны. Вокругъ трона продолжали стоять тѣ же дѣятели, которые выдвинулись при покойной императрицѣ: Биронъ, Минихъ и Остерманъ. Они не смогли ужиться всѣ вмѣстѣ; каждый изъ нихъ стремился къ исключительному вліянію и между ними началась упорная борьба, въ который первымъ палъ всемогущій Биронъ.

Объявленный регентомъ, фаворитъ получилъ отъ умиравшей Анны Іоанновны совѣтъ: «не бояться». Но исполнить его онъ не смогъ и свое правленіе началъ съ милостей: отмѣнилъ нѣсколько смертныхъ приговоровъ, вернулъ многихъ изъ ссылки, и въ томъ числѣ кн. Черкасскаго, издалъ манифестъ о строгомъ соблюденіи законовъ и полномъ безпристрастіи въ судѣ, даже уменьшилъ подушную подать на 17 к. съ души. Эти мѣры, однако, не пріобрѣли ему сочувствія общества, которое ждало лишь удобнаго случая, чтобъ сбросить съ себя иго иноземщины, и онъ не нашелъ поддержки тамъ, гдѣ искалъ. Не расчиталъ онъ своихъ силъ и тогда, когда сталъ систематически притѣснять родителей императора, видя въ нихъ опасныхъ соперниковъ себѣ. Онъ поставилъ ихъ въ такія условія, что Анна Леопольдовна не могла больше выносить ихъ и обратилась за помощью къ Миниху. Минихъ, не довольный своимъ второстепеннымъ положеніемъ при дворѣ и въ правительствѣ, обѣщалъ свергнуть Бирона. Сдѣлать это оказалось нетруднымъ. Черезъ день послѣ этого, въ ночь съ 8 на 9 ноября Биронъ былъ арестованъ, а мать императора провозглашена регентшей. Государственный переворотъ, вызвавшій всеобщее ликованіе, совершили 80 преображенскихъ солдатъ въ тремя офицерами.

Получившій титулъ «перваго министра» и «командующаго генералъ-фельдмаршала Россійской имперіи», Минихъ попытался было



Картина, работы Прейслера, изображающая Іоанна Антоновича на рукахъ Анны Леопольдовны; за художникомъ стоитъ пр. Антонъ-Ульрихъ.
Собств. г. Веркмейстера въ Москвѣ. Воспроизведеніе этого снимка воспрещается.

занять мѣсто павшаго Бирона; но для этого у него не было никакихъ данныхъ. На первыхъ порахъ регентша подчинилась ему, и онъ даже сталъ самъ писать указы о награжденіи себя «за доблестныя услуги, оказанныя отечеству». Но вскорѣ честолюбіе фельдмаршала начало казаться Аннѣ Леопольдовнѣ подозрительнымъ, особенно подъ вліяніемъ разговоровъ съ Остерманомъ, питавшимъ по отношенію къ Миниху тѣ же чувства, какія послѣдній питалъ къ Бирону. Въ результатѣ Минихъ получилъ отставку.

Однако паденіе Миниха не сдѣлало Остермана единственнымъ правителемъ Россіи: съ нимъ соперничали близкія къ правительницѣ лица, въ родѣ фрейлины Менгденъ и ея жениха, саксонскаго посланника Линара. Что сдѣлали всѣ эти нѣмцы въ Россіи? Опредѣленнаго направленія въ ихъ дѣятельности не было, такъ какъ они руководствовались исключительно личными мотивами, и притомъ самаго невысокаго качества, главнымъ образомъ денежными расчетами.

Между тѣмъ собиралась гроза. За желаніе Остермана подать Австріи вооруженную помощь Франція побудила Швецію къ войнѣ съ русскими, подавая ей надежду вернуть потерянное при Петрѣ Великомъ, и кромѣ того старалась въ самой Россіи произвести государственный переворотъ, чтобы имѣть на русскомъ престолѣ лицо съ болѣе удобными для французскаго правительства взглядами; черезъ маркиза Шетарди начали переговоры съ Елизаветой Петровной, считая, что она сплотитъ вокругъ себя все русское общество.

Этотъ расчетъ оказался вѣрнымъ. Пока при дворѣ и въ правительствѣ происходили острыя столкновенія между нѣмцами-правителями, русскіе люди, 10 лѣтъ накопляя негодованіе, наконецъ, рѣшились перейти отъ словъ къ дѣлу. Гвардія съ самаго момента смерти Анны Іоанновны ждала лишь призыва, чтобы подняться за дочь Петра Великаго. Солдаты открыто бранили офицеровъ, «зачѣмъ не зачинаютъ», и, идя отъ присяги Іоанну VI, разсуждали: «А не обидно ли? вотъ чего императоръ Петръ I въ Россійской имперіи заслужилъ: коронованнаго отца дочь, государыня-цесаревна, отставлена». Наконецъ, раздался призывъ отъ самой «государыни-цесаревны», и 25 ноября 1741 г. гренадерская рота преображенцевъ возвела ее на престолъ.

Такъ кончилось 13-мѣсячное царствованіе Іоанна VI Антоновича. Первоначально Елизавета Петровна хотѣла выслать всю Брауншвейгскую семью въ Германію, но подъ вліяніемъ оговора, сдѣланнаго на допросѣ Минихомъ и Остерманомъ, рѣшили оставить ее въ предѣлахъ Россіи. До 1756 г. бывшій императоръ и его родные жили подъ строгимъ присмотромъ послѣдовательно въ Прибалтійскомъ краѣ, въ Рязанской губ. и въ Холмогорахъ. Но открытый въ этомъ году обширный заговоръ въ пользу бывшаго императора, устраивавшійся при посредствѣ прусскаго короля Фридриха II среди русскихъ раскольниковъ, побудилъ правительство заключить

несчастнаго ребенка въ Шлиссельбургъ, гдѣ онъ жилъ подъ именемъ «колодника безымяннаго» въ ужасающей обстановкѣ, которая довела его до умственнаго разстройства. Петръ III вскорѣ по вступленіи на престолъ явился въ Шлиссельбургъ, но услышавъ отъ полупомѣшаннаго узника безсвязныя угрозы, поспѣшилъ уѣхать, оставивъ его въ прежнемъ положеніи; видѣла его и Екатерина; было уже несомнѣнно, что Іоаннъ Антоновичъ безуменъ. 4 іюля 1764 г. Мировичъ сдѣлалъ попытку освободить узника — и онъ былъ убитъ стражею, получившей еще давно приказъ не выпускать его живымъ. Убитый былъ одѣтъ въ гвардейскій мундиръ и положенъ въ обитый бархатомъ гробъ. Похоронили его у крѣпостной стѣны и сравняли могилу съ землей.

Такова была грустная судьба этого несчастнаго человѣка, который капризомъ упрямой и недоброй женщины поставленъ былъ на такое положеніе, на которомъ онъ ни въ коемъ случаѣ не могъ удержаться, такъ какъ былъ совсѣмъ чуждъ русскому народу, а старшіе его родственники не сдѣлали ничего, чтобы заслужить любовь русскаго народа къ тому, кого возмечтали они сдѣлать русскимъ государемъ, когда была въ цвѣтѣ лѣтъ и силъ дочь Великаго Петра.

ИМПЕРАТРИЦА

Елизавета Петровна.

(1709 — 1741 — 1761).

I.

Цесаревна Елизавета Петровна.

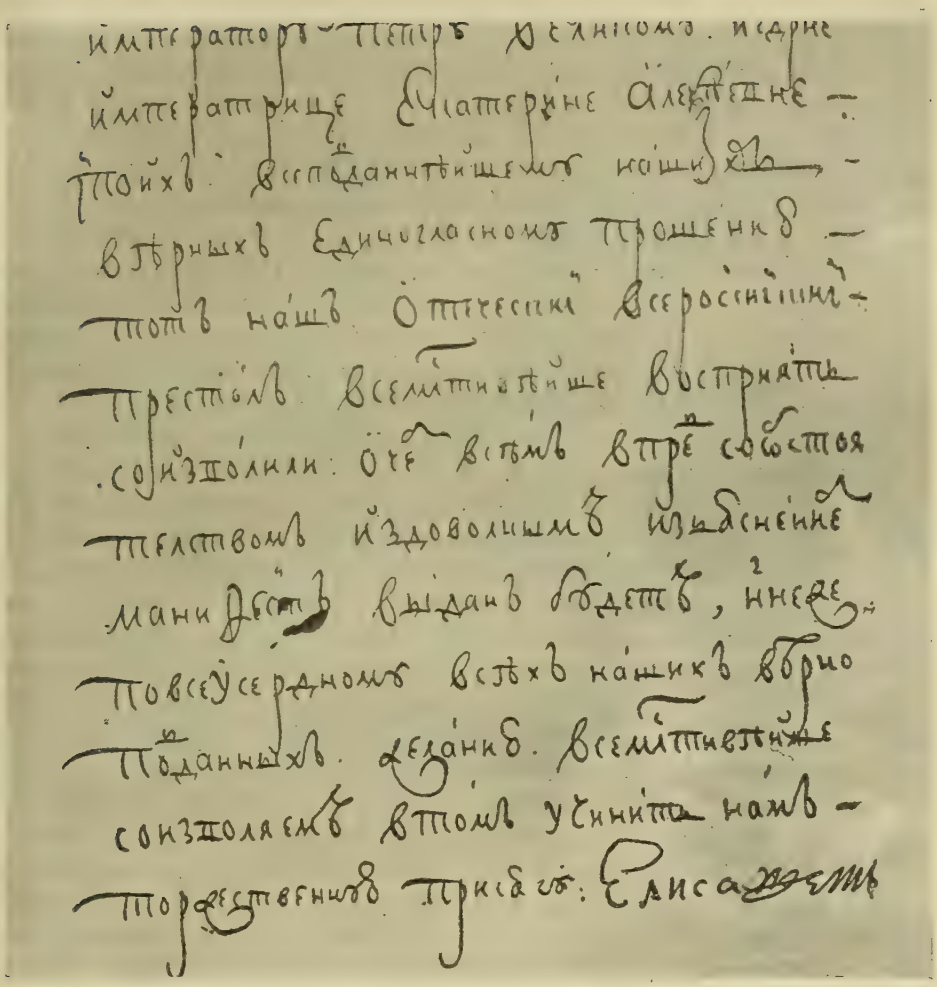
Когда Ѳеофанъ Прокоповичъ произносилъ свои знаменитые риторическіе вопросы: «Что видимъ? что дѣлаемъ?» то многіе изъ присутствующихъ сподвижниковъ почившаго царя, проявляя наружные признаки скорби и подавленности, отлично знали, что вмѣстѣ съ Петромъ Великимъ они погребаютъ чувство постояннаго гнета и страха, который былъ нераздѣльно соединенъ съ близостью къ Преобразователю. Не милліоны только, какъ говорилъ Посошковъ, тянули подъ гору, но и тѣ десять человѣкъ, съ которыми, по его мнѣнію, Петръ тянулъ въ гору, поднимались на нее лишь потому, что ихъ влекла туда желѣзная рука царя. Сознательный реформаторъ политической и общественной жизни страны, какимъ Петръ былъ въ послѣднія десять лѣтъ своей жизни, царь, мечтавшій о превращеніи Россіи въ регулярно-полицейское государство по образцамъ западно-европейской науки, патріотъ въ самомъ благородномъ смыслѣ этого слова, всю жизнь думавшій о томъ, «жила бы только Россія», и жестоко каравшій тѣхъ, кто службу государеву обращалъ въ погоню за достиженіемъ собственныхъ выгодъ,—былъ не только не понятенъ, но и не выносимъ громадному большинству людей его времени, и когда зоркіе глаза царя-гиганта закрылись навѣки, когда могучая рука его перестала исправлять дубинкой спины его провинившихся помощниковъ, не только вздохъ облегченія вылетѣлъ изъ груди тѣхъ, кто находился въ личномъ общеніи съ царемъ, но лучъ надежды на уменьшеніе тягостей, на облегченіе повинности и на отдыхъ отъ службы сверкнулъ всей странѣ, утомленной и издерганной отъ никогда неиспытанной ранѣе лихорадки преобразованій.

Послѣпетровская реакція коснулась и его дѣла, и близкихъ ему по крови людей. Она проявилась тѣмъ сильнѣе, чѣмъ его начинанія рѣзче противорѣчили старо-русской жизни и ея порядкамъ. Реакція противъ дѣлъ Петра сказалась во всей своей силѣ въ первыя пять лѣтъ, послѣдовавшія за его смертью, т.-е. въ царствованіе его жены и внука; реакція противъ его близкихъ, его личной семьи, ярче всего проявилась въ 1730 году.

Семейныя дѣла Петра были самымъ слабымъ мѣстомъ его исторіи; онъ такъ и не устроилъ ихъ и умеръ, оставя и семью, и престолонаслѣдіе въ состояніи полнаго хаоса. Царствованіе его преемницы было такъ коротко, что въ странѣ не успѣли даже отдать себѣ отчета ни въ неожиданности вступленія на престолъ Екатерины I, ни въ томъ самомъ существенномъ обстоятельствѣ, что на престолѣ русскихъ царей очутилась сдѣлавшая блестящую карьеру «ливонская плѣнница». Вступленіе на престолъ Петра II, въ обходъ дочерей Петра, уже было извѣстной реакціей противъ личности Преобразователя; это была дань прошлому, дань популярной среди противниковъ реформы памяти царевича Алексѣя Петровича; все же Петръ II былъ родной внукъ перваго Императора и съ его воцареніемъ русскій престолъ не выходилъ изъ обладанія его потомства.

Въ январѣ 1730 года пресѣклась жизнь послѣдняго представителя мужского поколѣнія царствовавшаго дома; руководителямъ страны опять пришлось думать о замѣщеніи престола, и въ этихъ думахъ, направляемыхъ не Петровскими бюрократами, а старинными московскими родами Долгорукихъ и Голицыныхъ, выразилось совершенно отрицательное отношеніе и къ самому Петру и къ его семейству. Единственная оставшаяся въ живыхъ дочь царя Елизавета и потомство умершей Анны Петровны были устранены, какъ происшедшія до брака ихъ родительницы съ Петромъ. Въ цѣляхъ политическаго удобства и въ безсознательномъ протестѣ противъ всего петровскаго дѣятели 1730 года обратили свои взоры къ дочерямъ послѣдняго московскаго царя— Іоанна Алексѣевича, и остановились на средней изъ трехъ сестеръ, давно вдовѣвшей Курляндской герцогинѣ Аннѣ Іоанновнѣ.

Никогда, можетъ-быть, избранница не оправдала въ меньшей степени возлагавшихся на нее надеждъ. Вмѣсто того, чтобы продолжать реакцію противъ Петра въ томъ направленіи, въ какомъ вели ее при Петрѣ II, царствованіе Анны сдѣлалось продолженіемъ царствованія перваго императора во всемъ, что касалось наименѣе симпатичныхъ для русскихъ людей его сторонъ, и пошло противъ такихъ традицій его времени, которыя даже реакціонеры царствованія Петра II хотѣли сохранить. Для плательщика податей это было время величайшаго податного напряженія, самаго безжалостнаго выколачиванія изъ него денегъ; для русскаго дворянства время ненавистнаго господства нѣмцевъ, презиравшихъ и



Манифестъ о правахъ Елизаветы Петровны на престолъ.
Хранится въ Правительствующемъ Сенатѣ.

унижавшихъ все русское. И вотъ, по мѣрѣ того, какъ выяснялся характеръ существовавшаго политическаго режима, вновь вырастала могучая фигура Преобразователя, создавалась и росла «Петровская легенда». Забыли гнетъ, который когда-то испытывали, забыли, что разореніе и взысканіе недоимокъ начались еще при Петрѣ, но помнили, что великій царь доставилъ Россіи небывалое величіе, что, заимствуя западно-европейскіе образцы, онъ все-таки оставлялъ Россію для русскихъ и что при немъ господство иностранцевъ, презрительно относившихся ко всему русскому, было бы немыслимо.

Недовольство правителями 1730 — 1741 гг. заставило вспомнить объ единственномъ человѣкѣ, воплощавшемъ въ себѣ личность Петра — о его дочери. Когда всеобщее недовольство, съ од-

ной стороны, и ослабленіе находившагося у власти правительства— съ другой, сдѣлало возможнымъ дворцовый переворотъ въ пользу цесаревны. Елизавета, вознесенная «Петровской легендой», заняла отцовскій престолъ. Переворотъ 1741 года былъ реставраціей петровскихъ традицій, какъ ихъ понимали послѣ пятнадцатилѣтняго господства иныхъ порядковъ: онъ былъ возвращеніемъ къ національному режиму взамѣнъ господства иностранцевъ.

Кого же этотъ переворотъ возвелъ на русскій престолъ?

Елизавета Петровна родилась 19 декабря 1709 года въ Москвѣ и была пятымъ добрачнымъ ребенкомъ Петра и Екатерины. Мы мало знаемъ объ интимномъ бытѣ еще не гласнаго тогда новаго семейства царя; едва извѣстны годы рожденія и смерти двухъ старшихъ сыновей Петра, умершихъ въ младенчествѣ Павла и Петра Петровичей и старшей его дочери Екатерины. Анна и Елизавета, слѣдующія за тремя первыми, были единственными дѣтьми этой многочисленной семьи, пережившими раннее младенчество, но и о ихъ дѣтствѣ сохранилось немного извѣстій, несмотря на то, что послѣ офиціальнаго объявленія о бракѣ ихъ родителей, онѣ стали считаться царевнами. За исключеніемъ послѣднихъ лѣтъ, когда Петръ сталъ болѣе осѣдло жить въ новой столицѣ, царскій дворъ почти не существовалъ, какъ вслѣдствіе вѣчныхъ странствованій Преобразователя, такъ и потому, что подруга царя долго не могла играть роли царицы. Ранніе годы Елизаветы и ея сестры, до окончательнаго переѣзда въ Петербургъ, протекли по большей части въ излюбленныхъ еще послѣдними царями XVII столѣтія подмосковныхъ селахъ—Преображенскомъ и Измайловскомъ, и отъ этого, быть-можетъ, Москва и ея окрестности остались близкими Елизаветѣ на всю жизнь. Петровскій дворъ 20-хъ годовъ былъ сколкомъ съ нѣмецкихъ дворовъ, а послѣдніе всѣ до единаго старались приблизиться къ Версальскому идеалу. Далекимъ Версальскимъ идеаломъ проникнуто было и то воспитаніе, которое было дано царевнамъ. Французская гувернантка г-жа Латуръ, потомъ французъ-учитель Рамбуръ учили царевенъ танцамъ, свѣтскому обращенію и французскому языку. Всѣмъ этимъ Елизавета овладѣла очень хорошо; она знала и нѣмецкій языкъ, которому нетрудно было выучиться, когда вся новая столица представляла изъ себя разросшуюся и усовершенствованную «Нѣмецкую слободу». Но этимъ ея образованіе и ограничилось; для русской женщины переходной эпохи этого уже было достаточно, а природная склонность царевны къ лѣни не увлекала ее въ область науки. Образцомъ ея научныхъ познаній остается разсказъ конференцъ-секретаря Д. В. Волкова, что императрица «не знала, что Великобританія есть островъ».

Объявленная совершеннолѣтней въ 1722 году, царевна съ этого времени стала центромъ, вокругъ котораго обращались разные дипломатическіе проекты и предположенія. Елизавета въ то

время стояла далеко отъ русскаго престола, но замужъ ее прочили за многихъ европейскихъ государей и принцевъ; въ послѣдніе годы жизни Петръ Великій мечталъ сдѣлать Елизавету французской королевой. Кто знаетъ, можетъ-быть, живая и веселая царевна варварской, съ французской точки зрѣнія, страны была бы болѣе удачной королевой Франціи, нежели незнатная уроженка немногимъ менѣе варварской земли—кроткая, благочестивая и несчастная Марія Лещинская. Но французскій бракъ не удался; тогда царевну стали сватать за второстепенныхъ нѣмецкихъ государей. Донесенія иностранныхъ дипломатовъ въ двадцатыхъ годахъ, особенно во второй ихъ половинѣ, наполнены извѣстіями о предстоящемъ замужествѣ царевны то съ тѣмъ, то съ другимъ нѣмецкимъ принцемъ; наконецъ, остановились на Голштинскомъ принцѣ Карлѣ-Августѣ, и Елизаветѣ предстояло сдѣлаться невѣсткой своей старшей сестры; однако смерть жениха разстроила бракъ, а послѣдовавшая вскорѣ затѣмъ смерть императрицы Екатерины сдѣлала Елизавету совершенно свободной, когда ей не было еще и 18 лѣтъ.

Царевна воспользовалась этой свободой такъ, какъ указывала ей окружавшая ее жизнь. Нравы, господствовавшіе при русскомъ дворѣ того времени, нельзя было назвать строгими. Разнузданность, примѣръ которой подавалъ самъ великій царь, не сдерживалась болѣе рамками старо-московскаго этикета. Императрица Екатерина I, долгое время вѣрная подруга царя, была въ послѣдніе его годы жизни героиней печальной Монсовской исторіи. «Она была, — по словамъ иностраннаго дипломата, — слаба, роскошна во всемъ пространствѣ сего названія»; занявъ случайно престолъ, она продолжала «упражняться въ повседневныхъ пиршествахъ и роскошахъ». И во внѣшности, и въ характерѣ царевны Елизаветы можно уловить много чертъ, напоминающихъ ея родителей. Можно, пожалуй, сказать, судя по ея портретамъ и по отзывамъ современниковъ о ея красотѣ, что внѣшностью своей она была ближе къ Петру; отъ него, можетъ-быть, она унаслѣдовала и умъ, который признавали въ ней даже люди къ ней нерасположенные; страсть къ удовольствіямъ, жажду наслажденій, нѣкоторое легкомысліе и вмѣстѣ съ тѣмъ наклонность къ лѣни она, вѣроятно, наслѣдовала отъ матери, а темпераментъ перешелъ къ ней отъ обоихъ ея родителей. Предоставленная самой себѣ, молодая царевна широко воспользовалась своей свободой. Еще ранѣе при дворѣ чуть ли не открыто говорили о связи ея съ принцемъ Карломъ Голштинскимъ; переѣхавъ въ Москву вслѣдъ за дворомъ своего племянника Петра II, Елизавета сближается съ молодымъ государемъ, и если временное взаимное увлеченіе мальчика-царя и красавицы царевны и было платоническимъ, то во всякомъ случаѣ 1723 — 1729 гг. на всѣхъ безчисленныхъ балахъ и увеселеніяхъ, встряхнувшихъ отъ сна старую столицу, и на

безконечныхъ охотахъ по московскимъ окрестностямъ первое мѣсто удѣлялось Елизаветѣ. Въ послѣдній годъ царствованія Петра II при Елизаветѣ состоялъ уже и настоящій «случайный» человѣкъ— Александръ Борисовичъ Бутурлинъ, впослѣдствіи фельдмаршалъ, смѣненный, въ свою очередь, быстро другимъ фаворитомъ, сержантомъ гвардіи Алексѣемъ Яковлевичемъ Шубинымъ, позднѣе сосланнымъ Анною въ Сибирь. Ходили также разсказы о близости царевны къ гофмаршалу Нарышкину.

Царствованіе Петра II — время безумныхъ и безрасчетныхъ увлеченій Елизаветы Петровны, и въ это безрасчетное время яснѣе всего виденъ общій обликъ ея не очень сложной, но, несмотря на рядъ недостатковъ, все же привлекательной личности. Елизавета Петровна — это старая русская боярышня, вырвавшаяся изъ томившаго ее терема и безъ-удержу пользующаяся долго жданной свободой. Живая, привѣтливая, умѣвшая каждому сказать доброе слово, умѣвшая простотой обращенія заставить забыть свое высокое положеніе, она веселилась безъ оглядки и любила, чтобы веселились вокругъ нея. Очень характерно, что ея веселье особенно широко развертывалось въ Москвѣ: оно и напоминало во многомъ старую допетровскую Москву, къ которой изъ всѣхъ русскихъ государей XVIII вѣка Елизавета была ближе всего по духу.

На ряду съ подмосковными дворцами въ это время ея любимой резиденціей была Александровская слобода, личная ея вотчина, доставшаяся ей по наслѣдству отъ матери. Печальная память оргій и казней Іоанна Грознаго давно заглохла въ этихъ мѣстахъ, сдѣлавшихся на нѣкоторое время любимымъ пребываніемъ Елизаветы и небольшой свиты изъ близкихъ ей людей, среди которыхъ были ея родственники по матери Скавронскіе, Гендриковы и Ефимовскіе, гофмаршалъ Нарышкинъ, графиня Марья Андреевна Румянцева и лейбъ-медикъ царевны, знаменитый впослѣдствіи Лестокъ. Выстроенныя въ слободѣ для царевны хоромы, деревянныя на каменномъ низѣ, воскресили привольное житье стараго боярскаго двора. Охота во всѣхъ ея видахъ, пиры, а вперемежку съ ними шумное веселье со слободскими дѣвушками, приходившими на посидѣлки во дворецъ царевны и игравшими при ней роль сѣнныхъ дѣвушекъ, таковъ обычный образъ жизни Елизаветы въ слободѣ. Съ мѣстной молодежью царевна слушала старыя русскія пѣсни, пѣла и плясала сама, водила хороводы, на святкахъ гадала, одѣвалась въ русское платье, давно изгнанное изъ придворнаго обихода и даже для болѣе простыхъ людей запрещенное указами ея отца. Смотря на житье Елизаветы Петровны въ слободѣ или въ другомъ любимомъ ею подмосковномъ селѣ Покровскомъ, забываешь иногда, что дѣло идетъ о дочери Петра Великаго, и кажется, какъ будто жизнь отодвинулась на полвѣка назадъ, и героиней всѣхъ этихъ увеселеній

является царевна болѣе ранней переходной эпохи, какая-нибудь младшая сестра Петра Великаго, едва выпущенная изъ теремнаго заключенія, въ родѣ любительницы веселій и театра Наталіи Алексѣевны, только еще болѣе веселая и удалая.

И другая черта сближаетъ Елизавету со старинными московскими царевнами и боярынями, — быть-можетъ, даже болѣе давняго времени, чѣмъ конецъ XVII вѣка, — это ея искреннее старо-московское благочестіе. Отъ самаго безумнаго веселія она быстро переходила къ самой глубокой набожности, долгія службы она выстаивала, какъ ихъ выстаивали при Алексѣѣ Михайловичѣ,

Возокъ императрицы Елизаветы Петровны.
Хранится въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ.

когда продолжительность церковной службы приводила въ изумленіе пріѣзжее греческое духовенство; посты она соблюдала во всей прежней московской строгости, а ея богомольные походы, напримѣръ въ Троицкую лавру, куда она неизмѣнно отправлялась пѣшкомъ, какъ въ молодости, такъ особенно позднѣе, въ эпоху ея всемогущества и великолѣпія, напоминали по пышности и по значенію, какое имъ придавалось, богомольные походы ея дѣда и прадѣда. Въ дочери Петра, нелюбившаго Москвы и старыхъ порядковъ и отрекшагося отъ нихъ, въ послѣдній разъ въ нашей исторіи оживаетъ смягченный Петровской реформой образъ прежней московской царевны.

Но въ старину московскія царевны, за единственнымъ исключеніемъ Софіи Алексѣевны, были далеки отъ дѣлъ правленія; онѣ не знали ихъ, мало ихъ понимали и потому мало ими интересовались, и въ этомъ отношеніи Елизавета Петровна близка къ старой Москвѣ. Это характерно и ярко сказалось въ одинъ изъ самыхъ рѣшительныхъ моментовъ ея жизни. Верховники устранили дочь Петра отъ престола. Но кто знаетъ, если бы сама Елизавета въ смутные январскіе дни 1730 года была въ Москвѣ, вела интриги, набирала сторонниковъ, добивалась престола, на который имѣла по меньшей мѣрѣ столько же правъ, сколько ея двоюродная сестра Анна, можетъ-быть событія пошли бы инымъ ходомъ, и кн. Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, идейный творецъ режима 1730—1741 гг., такъ жестоко самъ отъ него пострадавшій, былъ бы лишенъ возможности сдѣлать роковую ошибку своей жизни и государственной дѣятельности: вѣдь безпечная, веселая и легкомысленная Елизавета лучше бы осуществила,—мы можемъ это сказать изъ глубины исторической перспективы, — идеалъ правительницы, какой себѣ рисовали верховники, нежели властная и жестокая Анна Іоанновна. Но и въ эти дни и позднѣе, когда рѣшался вопросъ о самодержавіи Анны, Елизавета продолжала безпечно веселиться. Французскій резидентъ доносилъ весною 1730 года, что цесаревна Елизавета «наслаждалась деревенской жизнью, и тѣмъ, кто хлопоталъ здѣсь въ ея интересахъ, не удалось добиться даже того, чтобы она прибыла въ Москву ради такой конъюнктуры». Она явилась въ Москву изъ слободы только, чтобы привѣтствовать новую государыню. Весь 1730 годъ дворъ продолжалъ еще пребывать въ Москвѣ, но Елизавета уже въ августѣ отправилась въ Александровскую слободу, чтобы провести тамъ цѣлый мѣсяцъ. Такъ почти незамѣтно, повидимому, для самой Елизаветы настало для нея самое тяжелое и трудное время жизни.

Благополучіе Елизаветы и самая ея жизнь зависѣли теперь отъ воли одного человѣка, и человѣкъ этотъ былъ — императрица Анна Іоанновна.

Иногда говорятъ, что неудачно сложившіяся обстоятельства личной жизни развили въ государынѣ склонность къ мщенію, болѣзненное самолюбіе и изысканную жестокость. Но для кого изъ членовъ русскаго царствующаго дома XVII вѣка личная жизнь складывалась особенно счастливо? спросимъ мы. Иногда жестокость Анны принимала болѣзненный характеръ желанія издѣваться надъ людьми. Такую женщину не приходилось толкать на жестокости, и самъ Биронъ представляется человѣкомъ вовсе не злымъ и во всякомъ случаѣ болѣе мягкимъ, нежели государыня, которую, по мнѣнію потомства, онъ подбивалъ на все злое.

Въ зависимость отъ жестокой, мстительной, завистливой и всемогущей родственницы и попала теперь нерасчетливая и легкомысленная цесаревна. Положеніе Елизаветы Петровны при им-

ператрицѣ Аннѣ во многомъ напоминаетъ положеніе ея знаменитой соименницы, Елизаветы Англійской, въ царствованіе ея старшей сестры Маріи. Жестокій режимъ и тутъ и тамъ могъ заставить недовольныхъ обратить свои взоры къ отстраненнымъ отъ престола принцессамъ, популярность которыхъ росла по мѣрѣ того, какъ крѣпла ненависть къ господствующему порядку. Но крѣпость и сила послѣдняго, въ случаѣ вспышки, подвергли бы возможныхъ кандидатокъ на престолъ смертельной опасности, а подозрительность, царившая на престолѣ, вынуждала полуопальныхъ родственницъ быть особенно осторожными. Елизавета Англійская жила въ эпоху, когда при европейскихъ дворахъ еще были въ модѣ традиціи гуманизма: разсказываютъ, что она прятала свое честолюбіе и коротала вынужденный досугъ за изученіемъ древнихъ авторовъ. Наша Елизавета жила въ другое время и въ другой странѣ; каковы были ея научныя познанія и какъ велики были ея ученые вкусы, мы уже знаемъ; немудрено, что и способы, къ которымъ она прибѣгала, чтобы отвлечь отъ себя подозрительное вниманіе Анны, были другими; и ея способы самозащиты должны были обусловливаться чертами уже знакомаго намъ облика.

Можно думать, что самое поведеніе цесаревны въ 1730 году усыпило чувство подозрительности, которое новая государыня должна была имѣть къ дочери Петра. Елизавета не интересовалась престоломъ, когда она могла бы выступить соперницей Анны—можно было предполагать, что она не будетъ интересоваться имъ и впредь. Природная лѣнь цесаревны, ея любовь къ удовольствіямъ и веселію, полное отсутствіе склонности къ правительственнымъ дѣламъ были хорошо извѣстны и новой императрицѣ, и тѣмъ, кто руководилъ дѣлами въ первые годы ея правленія; отношенія, казалось, налаживались. Но въ 1731 году какія-то неосторожныя слова любимца Елизаветы Шубина, стоившія послѣднему заточенія и ссылки, навлекли опалу и на цесаревну, предъ которой всталъ грозный призракъ насильнаго постриженія въ монастырь. Заступничество Бирона, которое вызвано было, вѣроятно, нежеланіемъ допустить безполезную жестокость надъ ничѣмъ неповиннымъ человѣкомъ, спасло на этотъ разъ Елизавету. Грустная, въ траурной одеждѣ, цесаревна удалилась на нѣкоторое время опять въ Александровскую слободу, гдѣ молитва и церковная служба смѣнили на этотъ разъ прежнее веселье. Религіозность Елизаветы сказалась въ этотъ моментъ очень ярко: это было второе орудіе защиты ея отъ Аннинскаго режима. Цесаревна посѣщала всѣ церковныя службы и разъѣзжала по богомольямъ; дѣлалось это съ полной искренностью, и увлеченіе религіозное было большимъ препятствіемъ для увлеченій политическихъ. Это понимали и столпы Аннинскаго царствованія, чувствовала, быть-можетъ, и сама императрица. Ссылка Шубина была большимъ горемъ для Елизаветы, но молодость, жажда удовольствій, которая такъ легко уживалась

въ ней съ глубокимъ религіознымъ чувствомъ, взяли свое. Не прошло и двухъ лѣтъ, какъ мѣсто гвардейскаго сержанта было прочно занято пѣвчимъ Разумовскимъ, прельстившимъ цесаревну своей красотой и голосомъ; посѣщеніе службъ помогло Елизаветѣ надолго разрѣшить вопросъ о личной жизни, а жизнь съ Разумовскимъ, въ свою очередь, отвлекла ее отъ опасныхъ политическихъ увлеченій и отъ вопроса о замужествѣ, поднимать который было нежелательно для Анны, старавшейся упрочить престолъ въ потомствѣ царя Іоанна.

Такъ протекалъ годъ за годомъ. Горизонтъ Елизаветы не оставался безоблачнымъ и позднѣе. Между нею и дворомъ императрицы періодически вспыхивали неудовольствія; въ 1735 году опять неосторожныя слова среди дворни цесаревны, опять угроза монастыремъ; зависимость отъ императрицы чувствовалась и въ денежномъ отношеніи, потому что хотя Елизавета имѣла свои большія вотчины, но ея нерасчетливость и чрезмѣрные расходы создавали для нея вѣчныя денежныя затрудненія. Но Елизавета попрежнему совершенно не вмѣшивалась въ политику, попрежнему жила среди богомолья и роскошной лѣни, немного полнѣла, но сохраняла свою красоту. «Она слишкомъ толста, чтобы быть заговорщицей», говорилъ о ней англійскій дипломатическій агентъ Финчъ, перефразируя шекспировскаго Цезаря, и слова иностраннаго дипломата, кажется, довольно хорошо передаютъ общее мнѣніе, которое сложилось о дочери Петра Великаго въ суровое десятилѣтіе царствованія Анны Іоанновны; репутація безвредности охранила ее отъ опасностей, которымъ ей такъ легко было подвергнуться въ это время.

Мы уже видѣли, какъ поворотъ во мнѣніи тогдашняго русскаго общества привелъ къ идеализаціи эпохи Петра и вызвалъ новую реакцію, направленную на сей разъ противъ правительства, утвердившагося въ 1730 году. Но какъ случилось, что недѣятельная, далекая, казалось бы, отъ политики цесаревна Елизавета на 33-мъ году жизни вышла изъ своего оцѣпенѣнія и посредствомъ дворцоваго переворота превратилась въ русскую императрицу?

Политическое положеніе внутри страны совершенно измѣнилось съ 1730 года. Тѣхъ, кто направлялъ дѣла въ достопамятный моментъ воцаренія Анны Іоанновны, уже давно не было въ столицѣ; за исключеніемъ Остермана, сдѣлавшагося блестящимъ членомъ правительства Анны, всѣ верховники или умерли, или погибли отъ преслѣдованій, опалъ и казней. И шляхетство, думавшее въ 1730 г. опереться на новую государыню въ своей борьбѣ съ верховнымъ тайнымъ совѣтомъ, могло только сокрушаться о погибшихъ идеалахъ; правительство Анны бросило подачку русскому дворянству, отмѣнивъ законъ о единонаслѣдіи и сократило срокъ его обязательной службы, но оно прочно держало въ своихъ рукахъ власть и именемъ самодержавной императрицы старалось

осуществить идеалы полицейскаго государства не менѣе, чѣмъ самъ Петръ Великій. Оппозиція 1730 г. казалась уничтоженной; въ политическомъ отношеніи она и вправду не существовала; теперь раздражало не крушеніе проектовъ ограниченія царской власти, а господство нѣмцевъ, къ которымъ подслуживались русскіе по крови правительственные дѣльцы. Недовольство, долгое время скрываемое и глухое, свивало себѣ гнѣздо въ такихъ учрежденіяхъ, которыя, несмотря на разбавленіе ихъ прибалтійскими элементами, русское дворянство крѣпко держало въ своихъ рукахъ, и гдѣ живѣе всего помнили традиціи Петра Великаго—въ гвардейскихъ полкахъ, уже не разъ послѣ смерти Петра принимавшихъ участіе въ разрѣшеніи политическихъ кризисовъ. Въ свою очередь, и политическій режимъ, установившійся въ 1730 г., слабѣлъ. Какова бы ни была императрица Анна, она была законная русская государыня, законная дочь царя Іоанна Алексѣевича, и пока она была жива, режимъ держался крѣпко. Но для того, чтобы обезпечить престолонаслѣдіе въ своемъ ближайшемъ родствѣ, чтобы противопоставить «Голштинскому чортушкѣ»—какъ называла она будущаго Петра III—другого, болѣе близкаго ей наслѣдника, ей пришлось обратиться къ старому средству: выдать свою полунѣмку племянницу за нѣмецкаго принца и призвать въ Россію, уже тяготившуюся нѣмецкимъ господствомъ, новыхъ нѣмецкихъ пришельцевъ. Послѣднимъ распоряженіемъ Анны было назначеніе регентомъ Бирона, что создало соперничество между этимъ послѣднимъ, съ одной стороны, и Анной Леопольдовной и ея мужемъ—съ другой. Съ ноября 1740 г. властвующіе надъ Россіей нѣмцы начинаютъ быстро пожирать другъ друга. Въ первую очередь палъ Биронъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя устраненъ былъ помогшій его свергнуть Минихъ. Съ весны 1740 года управленіе имперіи очутилось въ рукахъ правительницы Анны Леопольдовны, добродушной и лѣнивой еще гораздо болѣе, чѣмъ Елизавета Петровна, а управленіе арміей — въ рукахъ неспособнаго и уже совершенно чуждаго Россіи принца Антона-Ульриха. Быть-можетъ, самой крупной политической ошибкой Анны Леопольдовны было то, что она, непричесанная и неодѣтая, вѣчно сидѣла дома, не думая о томъ, что, лично показываясь гвардейцамъ и появляясь иногда во главѣ ихъ вмѣстѣ съ сыномъ, она упрочила бы шаткій престолъ маленькаго Іоанна Антоновича. Между тѣмъ восходящая звѣзда графа Линара заставляла видѣть въ этомъ фаворитѣ новаго нѣмецкаго владыку, идущаго на смѣну исчезнувшему Бирону.

Недовольство нѣмцами и слабость ихъ въ данный моментъ были причиною того, что въ 1741 г. гвардія стала проявлять признаки волненія. Имя Петра Великаго, любезность и привѣтливость цесаревны, которая за долгое время своей полуопалы не утратила этихъ свойствъ, и, наконецъ, пронырливость и способность къ интригамъ нѣкоторыхъ приближенныхъ Елизаветы, въ томъ числѣ на первомъ мѣстѣ Лестока, сыграли большую роль. Лѣтомъ и осенью

1741 г. гвардейскіе полки вели сношенія съ дворомъ цесаревны; Елизавета, не привыкшая къ политическимъ интригамъ, заигрывала съ гвардіей, но боялась сдѣлать рѣшительный шагъ; Лестокъ и нѣсколько другихъ менѣе замѣтныхъ агентовъ дѣйствовали за Елизавету, вели переговоры отъ ея имени, старались подвинуть дѣло къ перевороту, возможность успѣха котораго уже доказало движеніе 8 ноября 1740 года, положившее конецъ власти Бирона. Нерѣшительность Елизаветы надолго, можетъ-быть, затянула бы дѣло, но заговоръ, несмѣло и не особенно искусно подготовляемый, вспыхнулъ тогда, когда назадъ итти было уже нельзя. О немъ узнали; даже сама сонная Анна Леопольдовна опять выставила противъ Елизаветы угрозу заключенія въ монастырь; гвардейскіе полки получили приказаніе готовиться къ выступленію изъ Петербурга; Лестока собирались арестовать. Медлить было невозможно, и въ ночь на 26 ноября 1741 года въ Невской столицѣ произошло одна изъ самыхъ быстрыхъ и мирныхъ революцій, какія знаетъ исторія.

Съ воцареніемъ Елизаветы Петровны связано преданіе, будто переворотъ 1741 года произошелъ при участіи и помощи иностранныхъ державъ. Попытки использовать броженіе въ интересахъ Франціи и Швеціи были; представители этихъ державъ, маркизъ де-ла Шетарди и баронъ Нолькенъ, вели переговоры съ Елизаветой, обѣщали ей помощь. Но шведскій посланникъ ставилъ условіемъ возвращеніе если не всѣхъ, то части завоеваній Петра; отъ этого Елизавета отказалась, и переговоры прервались, а начатая вслѣдъ за тѣмъ со стороны Швеціи война сдѣлала ихъ возобновленіе совершенно невозможнымъ. Дѣятельность де-ла Шетарди, имѣвшая цѣль отвлечь Россію отъ союза съ Австріей и привлечь ее на сторону Франціи, встрѣтила мало сочувствія въ самомъ французскомъ правительствѣ. Сношенія маркиза съ Елизаветой возобновлялись не разъ, практическимъ ихъ результатомъ былъ небольшой заемъ въ 2.000 рублей, которые посланникъ ссудилъ постоянно нуждавшейся цесаревнѣ; но въ самый рѣшительный моментъ Шетарди уклонился отъ активнаго содѣйствія, и переворотъ совершился безъ всякаго участія представителя Франціи. Переворотъ этотъ былъ чисто внутреннимъ русскимъ дѣломъ и произведенъ былъ только русскими руками.

II.

Императрица Елизавета Петровна.

Занявъ престолъ, Елизавета Петровна изъ полумрака, въ которомъ она провела десять лѣтъ, выходитъ на яркій свѣтъ исторіи, изъ бѣдной царской родственницы становится русской императрицей. Измѣнились ли ея характеръ и вкусы за пережитое тяжелое время? Конечно, оно не могло пройти для нея безслѣдно:

испытанія были подчасъ тяжелыя. Да и годы брали свое: въ 40-хъ годахъ Елизавета уже не была той развернувшейся во всю ширь двадцатилѣтней красавицей, какъ при Петрѣ II; переходъ отъ безправія къ полной власти не могъ не оказать своего вліянія. Беззаботная, вырвавшаяся на волю боярышня стала властною, иногда капризной и своенравной русской барыней.

Прежнія черты характера не исчезли; природный умъ и смѣтливость Елизаветы такъ же мало отрицались послѣ ея воцаренія, какъ и раньше, и если внимательно вчитаться въ записки Екатерины II о ея молодости, то отношеніе императрицы къ молодой великой княгинѣ, какъ и къ неудачному наслѣднику русскаго престола будетъ объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствовать. Ея любовь къ роскоши и удовольствіямъ осталась прежней; она надѣвала всякое платье только одинъ разъ, благодаря чему ея гардеробъ достигалъ, какъ говорятъ, баснословныхъ размѣровъ. Балы и маскарады продолжали забавлять ее до самыхъ послѣднихъ дней жизни. Вотъ какъ веселились въ Петербургѣ на масленицѣ 1746 года: «Нынѣ у насъ карнавалъ, — писалъ Бестужевъ Воронцову, — и маскарадныя забавы начались такимъ образомъ, что въ домахъ перваго и второго классовъ оные въ учрежденные къ тому дни держатся, гдѣ и наша всемилостивѣйшая государыня со всей своей фамиліей и съ придворнымъ штатомъ всегда находиться изволитъ, къ чему весь генералитетъ и знатное шляхетство равномѣрно жъ приглашаются, такъ что отъ трехъ до четырехъ сотъ масокъ вмѣстѣ бываютъ». «Зима 1746 года вся прошла въ маскарадахъ, дававшихся въ знатнѣйшихъ домахъ Петербурга», говоритъ и Екатерина II въ своихъ запискахъ. А зиму 1745—1746 г. проводили такъ, какъ проводились и другія. И фаворитизмъ не уменьшался. Звѣзда Алексѣя Разумовскаго стояла попрежнему высоко, но его положеніе при царицѣ въ послѣднія десять лѣтъ ея жизни скорѣе напоминало положеніе стараго и вѣрнаго друга; фаворитами были другія лица: мимолетный Бекетовъ, долговременный и постоянный Иванъ Ивановичъ Шуваловъ и другіе. Вступивъ на престолъ, Елизавета не сдѣлалась энергичнѣе. Въ началѣ царствованія она какъ будто сдѣлала усиліе надъ собой: въ 1741 и 1742 гг. она семь разъ присутствуетъ на засѣданіяхъ возстановленнаго въ своихъ правахъ сената, и присутствуетъ добросовѣстно — отъ девяти часовъ утра до обѣда. Она слѣдитъ за иностранными сношеніями, требуетъ подробныхъ донесеній, высказываетъ свое мнѣніе. Разсудкомъ она понимаетъ необходимость ближе входить въ дѣла, но страсть къ удовольствіямъ слишкомъ часто беретъ верхъ надъ чувствомъ долга. Чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ Елизавета легче отвлекается отъ государственныхъ дѣлъ, тѣмъ труднѣе заинтересовать ее сенатскимъ, канцлерскимъ или генералъ-прокурорскимъ докладомъ. Ей, точно, нѣтъ для этого времени: маскарады, охоты, куртаги, пріемы, церковныя службы—это все поглощаютъ день

императрицы. Въ теченіе 1746 г. она нѣсколько разъ при встрѣчѣ съ оберъ-прокуроромъ синода, кн. Я. П. Шаховскимъ, извиняясь передъ нимъ, говоритъ: «виновата, все позабываю о твоемъ жалованьи приказать». Несмотря на то, что иностранными дѣлами она занималась усерднѣе всего, Бестужевъ уже въ 1742 г. жаловался на разсѣянность и недостатокъ прилежанія императрицы къ дѣламъ правленія; въ 1750 г. онъ говорилъ посланнику Маріи-Терезіи, что если бы Елизавета удѣляла дѣламъ сотую часть того времени, которое имъ удѣляетъ германская императрица, онъ чувствовалъ бы себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ; на медленность Елизаветы въ рѣшеніи дѣлъ, на трудность уловить ея постоянно колеблющееся вниманіе жаловался и преемникъ Бестужева, М. Л. Воронцовъ; то же впечатлѣніе оставляютъ и протоколы конференціи за 1756 и 1757 годы. А между тѣмъ дѣла иностранныя въ то время стояли на первомъ планѣ, и имъ удѣлялось больше времени и вниманія, нежели внутреннему управленію имперіи.

Религіозное чувство не покинуло Елизавету Петровну до конца ея жизни; своей привычки посѣщать церковныя службы, соблюдать посты, молиться много и долго, какъ молились въ старину московскіе государи, она не оставила до послѣднихъ дней, и даже припадокъ—вѣроятнѣе всего, первый небольшой ударъ—серьезно встревожившій въ 1757 году весь дворъ и впервые внушившій мысль о возможности близкой кончины императрицы, случился съ нею, когда она стояла у обѣдни въ царскосельской приходской церкви въ праздникъ Рождества Богородицы.

Только въ эти послѣдніе годы измѣняется обращеніе Елизаветы Петровны съ окружающими; болѣзнь дѣлала ее скучной, раздражительной, сердитой, но до этого, пока она еще была здорова, она попрежнему, какъ бывало въ молодости, подкупала своей привѣтливостью и простотой. Она сохраняла и свою природную доброту, поскольку чувство расположенія и снисхожденія ко всѣмъ ее окружающимъ и ко всѣмъ ея подданнымъ не сталкивалось въ ней съ чувствомъ особой нелюбви къ какому-нибудь опредѣленному лицу. Эта общая, быть-можетъ не вполнѣ сознательная, доброта характера сказалась въ ней, какъ гласитъ преданіе, въ ночь, возведшую ее на престолъ. Передаютъ, что, становясь во главѣ гвардейскихъ полковъ, она дала обѣщаніе не подписывать смертныхъ приговоровъ. Въ послѣднее время не разъ высказывалось скептическое отношеніе къ этому намѣренію Елизаветы. Конечно, и въ ея царствованіе били нещадно кнутомъ, засѣкали людей до-смерти, до-смерти томили ихъ въ тюрьмахъ, ссылокъ и опалъ не чуждо и ея время, — но дала она или нѣтъ клятву не казнить смертью, въ ея царствованіе всѣ органы внутренняго управленія, имѣвшіе право утверждать смертные приговоры, получили предписаніе представлять ихъ на усмотрѣніе высшей власти, и это фактически вывело изъ употребленія смертную казнь за обыкно-

венныя уголовныя преступленія. Словъ нѣтъ, наказаніе кнутомъ или плетьми, которое могло быть квалифицированною смертною казнью, существовало и при ней, но вѣдь оно дожило до Александра II; зато при Елизаветѣ были невозможны обыденныя явленія при Аннѣ Іоанновнѣ, когда всѣ жестокіе виды казни, извѣстные Уложенію 1649 г., неумолимо приводились въ исполненіе, и

Императрица Елизавета Петровна.
Съ оригинала Гроота въ Романовской галлереѣ Зимняго дворца.

жену, совершившую убійство истязавшаго ее мужа, закапывали живою въ землю. Уголовныя дѣла того времени могли бы дать много примѣровъ, иллюстрирующихъ сказанное, и за смягченіе уголовной практики нельзя не помянуть добрымъ словомъ дочь Петра Великаго.

Вступи Елизавета на престолъ въ 1730 году, переворотъ, можетъ-быть, обошелся бы вовсе безъ жертвъ; но десять лѣтъ постояннаго страха и униженій положили темныя пятна на добрую душу цеса-

ревны. Въ мести тѣмъ, кого она считала своими врагами, она не пошла такъ далеко, какъ ея предшественница, на склонѣ дней доконавшая и переказнившая Долгорукихъ и Голицыныхъ; но и Елизавета не простила ни Миниху, ни Остерману, ни всѣмъ тѣмъ, кто когда-либо подавалъ въ правящихъ сферахъ совѣтъ обезопасить себя отъ нея. Зато она умѣла помнить и добро, ей сдѣланное; сосланный въ Пелымъ Минихомъ и Анной Леопольдовной Биронъ, нѣсколько разъ поддержавшій ее въ тяжелыя минуты, былъ переведенъ на Ярославль, гдѣ хоть и скучно, но все же сносно прожилъ все Елизаветинское царствованіе.

Отношеніе Елизаветы къ Брауншвейгской фамиліи двойственно: сначала она хотѣла отпустить ее въ Германію, затѣмъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, отправила ее въ Холмогоры, а кончила тѣмъ, что несчастнаго Іоанна Антоновича отняла отъ родителей и заточила въ Шлиссельбургъ; такія ея дѣйствія иногда относятъ на ея личный счетъ, ставя прямо ей въ укоръ ея жестокость «съ игрою счастья обиженнымъ родомъ»; но вѣдь съ такимъ же основаніемъ можно видѣть въ этихъ колебаніяхъ нежеланіе Елизаветы дѣлать ненужныя жестокости, на которыя она, въ концѣ-концовъ, шла, уступая совѣтамъ и настояніямъ приближенныхъ, пугавшихъ ее призракомъ свергнутаго младенца-императора.

Перенесенныя униженія, съ одной стороны, и власть, полученная послѣ униженій — съ другой, сдѣлали Елизавету ревнивой къ своему престижу, къ своему царственному авторитету, къ своей власти, даже если она на дѣлѣ ею и не пользовалась. Въ ея царствованіе не было настоящихъ политическихъ заговоровъ, господствующіе круги и гвардія были довольны государыней, такъ что популярность ея не уменьшалась, и ей самой не часто приходилось указывать должное мѣсто людямъ, ее окружавшимъ. Но если она думала, что противъ нея злоумышляютъ или что ея прежніе друзья ей измѣняютъ, то ея обычное добродушіе ее покидало, и безпощадный гнѣвъ императрицы утихалъ не скоро. Именно такъ было въ 1743 году съ несчастнымъ Лопухинымъ и съ А. Г. Бестужевою, сестрою сосланнаго графа М. Г. Головкина; такъ, кажется, обстояло дѣло позднѣе съ Лестокомъ. Серьезныхъ случаевъ дрожать за свой санъ и бояться, чтобы кто-либо посягнулъ на ея первенство, у Елизаветы не было, и ревность къ этому первенству сказывалась у нея въ мелочахъ; въ этихъ случаяхъ она нерѣдко граничила съ самодурствомъ, которому не чужда была ни одна хоть и самая добрая, русская барыня XVIII в. Елизавета, напримѣръ, не допускала, чтобы кто-либо другой могъ быть красивѣе ея, лучше, чѣмъ она, одѣвался. Любительница одѣваться по-мужски, она запрещала своимъ придворнымъ дамамъ надѣвать мужскіе костюмы на маскарадахъ. Быть одѣтой или причесаной такъ же, какъ она сама императрица, значило подвергнуть себя опасности прогнѣвить государыню. Знаменитая придворная

красавица тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ Наталья Ѳеодоровна Лопухина позволила себѣ явиться на балъ съ розой въ волосахъ въ то время, какъ Елизавета убрала себѣ голову точно такимъ же образомъ. Императрица велѣла ее позвать, заставила встать на колѣни, велѣла подать ножницы, срѣзала розу и надавала при этомъ Лопухиной пощечинъ и затѣмъ еще отозвалась о провинившейся: «Ништо ей, дурѣ!» Той же бѣдной Лопухиной особенно досталось, когда трудами ненавидѣвшаго Бестужевыхъ Лестока и нѣсколькихъ темныхъ интригановъ, искавшихъ своихъ выгодъ, да неосторожной глупостью цесарскаго посла маркиза Ботты былъ созданъ въ 1743 г. мнимый заговоръ противъ Елизаветы.

Властность и причудливость, не чуждыя самодурства, сказывались въ Елизаветѣ и въ другихъ случаяхъ, и чѣмъ старше она становилась, чѣмъ болѣе разстраивалось ея здоровье, тѣмъ чаще приходилось близкимъ къ ней людямъ жаловаться на тяжелый нравъ государыни. О ея капризахъ, о томъ, какъ трудно бывало иногда угодить ей, говоритъ въ своихъ запискахъ и Екатерина II.

Добрая и немного взбалмошная, расположенная въ душѣ ко всѣмъ, но способная очень сердиться и въ гнѣвѣ не всегда отходчивая, умная отъ природы, но необразованная, лѣнивая и капризная, любящая удовольствія и утѣхи жизни больше всего на свѣтѣ и въ то же время смиренно благочестивая, сознававшая, что дѣлами правленія заниматься нужно, и не находившая для этого достаточно времени изъ-за вихря веселья, которымъ была вѣчно окружена, любившая себя молодой и красивой и смертельно занемогшая въ значительной мѣрѣ оттого, что молодость и красота прошли безвозвратно, простая и самодурная, не знавшая удержу и власти надъ собой, — такова была императрица Елизавета, настоящая русская барыня XVIII вѣка, въ которой, несмотря на фижмы и роброны, ясно проглядывала московская боярыня со всѣми ея дурными и хорошими чертами.

III.

Правительственная дѣятельность при Елизаветѣ Петровнѣ.

Этой барынѣ, ревниво оберегавшей престижъ своей власти, но изъ-за лѣни не всегда фактически властью пользовавшейся, довелось царствовать надъ Россіей цѣлыхъ двадцать лѣтъ. Для этого ей, болѣе чѣмъ какому-нибудь другому государю, нужны были сотрудники. Лично самыми близкими Елизаветѣ людьми были, конечно, ея фавориты; какъ у всѣхъ государынь XVIII вѣка, ихъ было у нея немало, но большинство было мимолетными баловнями счастья, «случай» которыхъ не оставилъ слѣда въ исторіи. Замѣтныхъ фаворитовъ было только два: А. Г. Разумовскій

и И. И. Шуваловъ. По общему и единогласному свидѣтельству современниковъ, Разумовскій былъ добрый и порядочный человѣкъ, настоящимъ достоинствомъ котораго было то, что онъ никогда не занимался интригами и не лѣзъ въ большую политику, въ которой не понималъ ничего. Его крупнѣйшимъ недостаткомъ было то, что онъ былъ «склоненъ, какъ и всѣ черкасы, къ пьянству», а во хмелю былъ буенъ; но развѣ можно при тогдашней общей, а не только малороссійской, склонности къ «шумству» ставить ему въ вину то, что онъ иной разъ, подвыпивши, колотилъ Петра Ивановича Шувалова? Его болѣе молодой соперникъ, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, съ которымъ они, впрочемъ, уживались очень мирно, былъ, несомнѣнно, болѣе крупной и одаренной личностью; но и онъ государственными дѣлами занимался мало, — за то его имя заняло почетное мѣсто въ исторіи русской культуры и просвѣщенія: достаточно вспомнить его близость къ Ломоносову и его участіе въ основаніи Московскаго университета.

Переворотъ 25 ноября 1741 года совершенъ былъ именемъ Петра и традицій его царствованія, но ошибочно было бы думать, что «птенцы гнѣзда Петрова» получили при новой государынѣ преобладающее вліяніе на дѣла. Да гдѣ было искать ихъ? Прошло пятнадцать лѣтъ: многіе умерли своею смертью, другіе пострадали въ многосленныхъ политическихъ катастрофахъ; они поистерлись, исчезли, и первое мѣсто среди дѣльцовъ Елизаветинскаго царствованія досталось не имъ. Съ воцареніемъ Елизаветы возвысились прежде всего чины ея двора, служившіе ей въ тяжелое Аннинское время. При дворѣ цесаревны особенно знатныхъ людей не было: вотъ почему при дворѣ императрицы Елизаветы получаютъ вліяніе фамиліи, до тѣхъ поръ въ нашей исторіи незамѣтныя. Ихъ двѣ: Воронцовы и Шуваловы. Отецъ дѣятелей Елизаветинскаго времени — графовъ Романа и Михаила Ларіоновичей Воронцовыхъ—принадлежалъ къ среднему шляхетству; въ 30-хъ годахъ онъ занималъ не особенно крупную, но довольно выгодную должность костромского провинціальнаго воеводы и пользовался протекціей своего младшаго сына Михаила, гофъ-юнкера двора цесаревны, чтобы выхлопотать освобожденіе отъ наложенныхъ на него за служебныя упущенія штрафовъ. Изъ двухъ братьевъ особенно выдвинулся Михаилъ, женатый на двоюродной сестрѣ Елизаветы, Аннѣ Карловнѣ Скавронской: его «тихій обычай не дозволялъ оказывать его разумъ; но по дѣламъ видно, что онъ его имѣлъ». Назначенный въ 1741 г. вице-канцлеромъ, М. Л. Воронцовъ оставался помощникомъ и соперникомъ канцлера Бестужева до паденія послѣдняго, а въ 1758 г. занялъ его мѣсто, и несмотря на то, что уступалъ въ талантахъ своему предшественнику, сумѣлъ успѣшно управлять внѣшними сношеніями въ трудное время Семилѣтней войны. Братья Петръ и Александръ Шуваловы—двоюродные братья фаворита—были сыновьями архангельскаго губернатора, генерала

Божіею поспѣшествующею милостію
Мы Елисаветъ Первая
Императрица и Самодержица всероссійская
Московская, Кіевская, Владимирская, Новгородская, Царица
Казанская, Царица Астраханская, Царица Сибирская,
Государыня-Псковская и великая Княгиня Смоленская
княгиня Эстляндская, Лифляндская, Корельская, Тверская,
Югорская, Пермская, Вятская, Болгарская, и иныхъ
Государыня и великая Княгиня Нова города Низовскія
земли, Черниговская, Рязанская, Ростовская, Ярославская,
Бѣлозерская, Удорская, Обдорская, Кондійская, и всея
сѣверныя страны Повелительница, и Государыня Иверскія
земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ Царей и Кабардинскія
земли, Черкаскихъ и Горскихъ Князей и иныхъ наслѣдная
Государыня и Обладательница

Жалованная грамота императрицы Елизаветы Петровны М. В. Ломоносову, на право устройства мозаиковой фабрики.

Съ оригинала, бывшаго на выставкѣ «Ломоносовъ и Елизаветинское время».

Ивана Максимовича Шувалова, перваго сколько-нибудь замѣтнаго представителя этой семьи. Оба были пажами и камеръ-юнкерами Елизаветы; старшій Александръ сдѣлался впослѣдствіи преемникомъ А. И. Ушакова по управленію канцеляріей тайныхъ розыскныхъ дѣлъ; блестящія способности младшаго брата, Петра, и его женитьба на любимой фрейлинѣ Елизаветы, Маврѣ Егоровнѣ Шепелевой, открыли передъ нимъ блестящую карьеру. Камергеръ, влія-

тельный сенаторъ, позднѣе въ пятидесятыхъ годахъ генералъ-фельдцейхмейстеръ и конференцъ-министръ, онъ былъ фактически военнымъ министромъ и министромъ финансовъ. Его удачныя мѣропріятія для улучшенія государственныхъ финансовъ, особенно уничтоженіе внутреннихъ таможенъ, задерживавшихъ развитіе русской торговли, его несомнѣнныя заслуги по снабженію и экипировкѣ русской арміи въ Семилѣтнюю войну стоятъ внѣ сомнѣнія. Но даже въ то время, когда почти никто изъ администраторовъ не считалъ грѣхомъ извлекать изъ ввѣреннаго ему дѣла собственныя выгоды, Петръ Ивановичъ выдѣлился изъ среды современниковъ и стяжалъ себѣ прочную репутацію одного изъ самыхъ удивительныхъ казнокрадовъ и взяточниковъ XVIII ст. Онъ умѣлъ извлекать барыши изъ всего. Онъ бралъ откупы, наживался на перечеканкѣ монеты, сумѣлъ получить громадныя богатыя рудами земли на Уралѣ; онъ не брезговалъ и подарками и взятками отъ частныхъ лицъ. Провинціальный симбирскій воевода Ходыревъ, вымогатель, взяточникъ и лихоимецъ, почти уже уличенный во множествѣ злоупотребленій, старается отвлечь отъ себя грозящую бѣду въ видѣ назначенія слѣдствія и хлопочетъ въ Петербургѣ черезъ общихъ съ Шуваловымъ родственниковъ. Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ его переписки, рисующихъ отношеніе П. И. Шувалова къ человѣку, истинную цѣну котораго онъ не могъ не знать. «Человѣкъ твой и разсыльщикъ сюда пріѣхали,—пишетъ Ходыреву его ходатай, камеръ-юнкеръ А. А. Хитрово,—донесеніе и челобитную я въ Сенатъ подалъ, притомъ, сколько было, всѣхъ просилъ; Петръ Ивановичъ старается вамъ служить»... Далѣе слѣдуетъ приписка жены автора письма, сестры Шувалова, съ благодарностью за какую-то присылку и съ обѣщаніемъ «просить брата». «Многіе сенаторы тебя винили, а когда пріѣхалъ шуринъ мой Петръ Ивановичъ, какъ для моей и жениной просьбы, а больше какъ доброй совѣсти человѣкъ и любящій честь и дворянство, то разсуждали, что хотя ты по слѣдствію виноватъ найдешься, но для прежде заслуженной чести, которую ты черезъ много служа получилъ, дать тебѣ преимущество; наконецъ, по многимъ спорамъ склонились на разсужденіе Петра Ивановича и такъ сдѣлали, какъ слышу: товарища твоего отрѣшить отъ дѣлъ, а секретаря сковать» — и тотъ и другой были врагами воеводы. «Вы извольте благодарить Петра Ивановича, онъ сильно за васъ вступился, и письмо ему написавъ, извольте ко мнѣ прислать, я его отдамъ. Хотя онъ по просьбамъ моимъ то дѣлалъ, однако, какъ вспомнилъ то, что дворянинъ и офицеръ отъ проклятаго сѣмени (т.-е. отъ писавшихъ доносъ приказныхъ) терпѣть долженъ». Можно, пожалуй, подумать, что П. И. Шуваловъ безкорыстно старается для родственниковъ и для бѣднаго преслѣдуемаго дворянина; но это было совсѣмъ не такъ. Черезъ одолжаемаго симбирскаго воеводу и самъ Петръ Ивановичъ и вся шуваловская родня получали съ

Волги рыбу, а изъ Астрахани—виноградъ и другіе подарки. «Присланное, — пишетъ Хитрово, — я къ Петру Ивановичу отослалъ, а Маврѣ Егоровнѣ коробку отъ васъ отдалъ, за что велѣно благодарить». А что за «рыбу» получалъ Шуваловъ, видно изъ позднѣйшаго критическаго примѣчанія къ письму, сдѣланнаго сенатскимъ слѣдователемъ: «можно быть хорошей рыбѣ для того, что въ узлу прислано серебра пуда съ два и больше». Впрочемъ, старая дружба государыни и дѣятельная поддержка Мавры Егоровны всегда спасали Шувалова отъ всякихъ непріятностей; его звѣзда стояла высоко до его смерти, послѣдовавшей въ самомъ началѣ 1762 года. Рядомъ съ новыми, молодыми дѣятелями, вышедшими изъ двора цесаревны, стали и нѣкоторые старые дѣльцы, знавшіе и помнившіе еще Петра Великаго, по крайней мѣрѣ, при немъ начавшіе службу. Здѣсь первое мѣсто безспорно принадлежитъ канцлеру графу Алексѣю Петровичу Бестужеву-Рюмину. Бестужевъ «былъ головою, двумя, выше всѣхъ Шуваловыхъ, выше вице-канцлера Воронцова, выше всѣхъ русскихъ царедворцевъ и иностранныхъ представителей, толпившихся при дворѣ Елизаветы Петровны», — вотъ отзывъ о немъ современнаго намъ историка. «Человѣкъ умный, черезъ долгую привычку искусный въ политическихъ дѣлахъ, любитель государственной пользы», — таковъ отзывъ современника о его положительныхъ качествахъ. Представитель Россіи за границей еще при Петрѣ, Бестужевъ испыталъ временную опалу при Аннѣ, затѣмъ сумѣлъ сблизиться съ Бирономъ и послѣ паденія и казни Волынскаго получилъ мѣсто кабинетъ-министра. Его новое паденіе и ссылка, которыя ему пришлось испытать вмѣстѣ съ Бирономъ въ 1740 году, были для него залогомъ успѣха при новыхъ порядкахъ. И дѣйствительно, съ первыхъ дней правленія Елизаветы въ теченіе шестнадцати лѣтъ онъ твердою рукою ведетъ сношенія Россіи съ иностранными государствами, пока неосторожное желаніе повліять на престолонаслѣдіе и ошибочный расчетъ на смерть императрицы во время ея первой тяжелой болѣзни не привели Бестужева къ новой ссылкѣ въ подмосковное село Горетово. Уже этотъ бѣглый взглядъ на его прошлое показываетъ, что на ряду съ умомъ и способностями, которые въ немъ признавались всѣми, Бестужевъ былъ большимъ интриганомъ, умѣвшимъ обходить многіе изъ подводныхъ камней придворной и политической жизни двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ. Среди сотрудниковъ Елизаветы онъ стоялъ одиноко: молодые дѣятели, Воронцовы и Шуваловы, были его врагами, и только его искусство и ловкость давали ему возможность долгое время выигрывать серьезную и нерѣдко опасную борьбу, которую онъ принужденъ былъ вести. Бестужеву ставятъ въ вину то, что онъ получалъ субсидіи отъ иностранныхъ державъ, союзъ съ которыми онъ отстаивалъ. Но даже тѣ историки Елизаветинскаго царствованія, которыхъ менѣе всего можно заподозрить въ сочувствіи къ канцлеру, при-

нуждены признать, что, получая денежные подарки—проще было бы сказать взятки—отъ представителей враждебныхъ между собою державъ, изъ которыхъ каждая старалась заручиться его содѣйствіемъ, Бестужевъ все же принималъ рѣшенія и дѣйствовалъ, какъ этого требовали въ данный моментъ интересы его страны, такъ что обвинять канцлера можно не въ продажности, а въ жадности и неразборчивости въ средствахъ къ ея удовлетворенію.

Изъ петровскихъ дѣятелей молодого поколѣнія, игравшихъ нѣкоторую роль при Елизаветѣ, можно назвать еще генералъ-прокурора и генералъ-фельдмаршала, князя Никиту Юрьевича Трубецкого, но тѣнь, въ которой неизмѣнно оставалась при Елизаветѣ возстановленная должность генералъ-прокурора, показываетъ, что ни кн. Трубецкой, болѣе извѣстный своими интригами, ни его преемникъ, прямодушный и честный кн. Яковъ Петровичъ Шаховской, не отличались особенными талантами и не сумѣли придать должности генералъ-прокурора того блеска, которымъ она сіяла при Ягужинскомъ и позднѣе при князѣ Вяземскомъ; могъ бы сдѣлать это, пожалуй, послѣдній генералъ-прокуроръ Елизаветинскаго времени, А. И. Глѣбовъ, кажется, превзошедшій взяточничествомъ и казнокрадствомъ самого П. И. Шувалова, но онъ всѣ свои способности направилъ на личное обогащеніе.

Какъ это ни странно, но Елизаветинское царствованіе, во время котораго Россіи суждено было побѣдить лучшаго европейскаго полководца XVIII вѣка — Фридриха Великаго, не выдвинуло ни одного военнаго вождя, котораго можно было бы сравнить съ Шереметевымъ, Меншиковымъ, Голицынымъ, съ Румянцевымъ и Суворовымъ. Въ первую изъ двухъ войнъ, которыя вела Елизавета, шведскую, русскими войсками командовали иностранцы, Лесси и Кейтъ — наслѣдіе предыдущаго режима. Лесси потомъ до самой смерти начальствовалъ въ Лифляндіи, Кейтъ перешелъ въ прусскую службу. Вожди русскихъ войскъ въ Семилѣтнюю войну, за исключеніемъ Фермора, были русскіе люди; и Апраксинъ, и Салтыковъ, и Бутурлинъ начали свою дѣятельность еще при Петрѣ, и за плечами у нихъ была долгая и не совсѣмъ безполезная дѣятельность. Гроссъ-Эгерсдорфъ и Кунерсдорфъ съ полнымъ правомъ считаются въ исторіи русской арміи днями, полными славы, но стратегія русскихъ полководцевъ, дѣйствовавшихъ противъ Фридриха, была невысокой пробы, и блестящіе успѣхи, которые они одерживали, объясняются частію случайностями, частью высокими качествами солдатъ.

Внутренняя областная администрація Елизаветинскаго времени еще бѣднѣе именами. За исключеніемъ двухъ петровскихъ сподвижниковъ—знаменитаго колонизатора и устроителя Оренбургскаго края Неплюева да, пожалуй, сибирскаго губернатора Соймонова, бывшаго сенатскаго оберъ-прокурора, пострадавшаго въ

дѣлѣ Волынскаго, назвать почти некого въ сѣромъ морѣ безчисленныхъ и безразличныхъ именъ областныхъ правителей.

Вглядываясь въ общій обликъ сотрудниковъ Елизаветы и дѣятелей ея царствованія, нельзя не признать, что ихъ общій составъ далеко не былъ выдающимся; за исключеніемъ трехъ-четырехъ—П. И. и И. И. Шуваловыхъ, Бестужева да, пожалуй, Неплюева—всѣ остальные не возвышались надъ уровнемъ посредственности. Елизавета Петровна не обладала даромъ, свойственнымъ нѣкоторымъ правителямъ, выбирать людей. Лѣнивая къ дѣламъ она дорожила привычными лицами, появившимися вокругъ нея не по выбору, а по разнымъ случайнымъ обстоятельствамъ, и держалась ихъ, пока только позволяли обстоятельства. Мѣнять сотрудниковъ она не любила, и этимъ, быть-можетъ, объясняется, почему при ней долго могли уживаться вмѣстѣ такіе враги, какими сдѣлались въ пятидесятыхъ годахъ Бестужевъ и Шуваловы съ Воронцовыми. И все-таки, несмотря на это, ея царствованіе не лишено было блеска, въ особенности въ области внѣшней политики и войны.

Международныя отношенія Россіи при Елизаветѣ Петровнѣ вытекали изъ того коренного факта, что Россія была признаннымъ членомъ всѣхъ сложныхъ, колеблющихся и постоянно измѣняющихся комбинацій, которыми европейская дипломатія обезпечивала такъ называемое европейское равновѣсіе. То, что намѣчалось еще со времени смуты, когда на Московское государство стали мало-по-малу смотрѣть какъ на возможнаго фактора европейской политики, сдѣлалось совершившимся фактомъ, съ тѣхъ поръ, какъ Полтавская «викторія» и труды Петра Великаго пріобщили Россію къ «обществу политичныхъ народовъ». Какъ часто ни мѣнялись правительства послѣ Петра, какъ ни падало Петровское дѣло, участіе Россіи въ международной европейской политикѣ было постояннымъ и обусловливалось не столько дѣйствительными потребностями самой Россіи въ политическихъ союзахъ, сколько тѣмъ, что къ борьбѣ за первенство, прикрываемой призракомъ равновѣсія, разныя европейскія державы старались привлечь страну, военное значеніе которой было засвидѣтельствовано Великой Сѣверной войной.

Международное положеніе Россіи въ моментъ вступленія на престолъ Елизаветы въ значительной степени покоилось на успѣвшихъ уже сложиться традиціяхъ. Такъ, традиціонною была дружба съ Англіей и нерасположеніе къ Франціи, связанной давнишними узами дипломатической дружбы съ историческими соперниками Россіи — Польшей и Швеціей. Не такой давней традиціей была дружба и даже союзъ съ цесаремъ, или, точнѣе сказать, съ Австріей. Зато этотъ союзъ былъ фактическою основой русской внѣшней политики при Аннѣ Іоанновнѣ, и война за польскій престолъ 1733 года, такъ же какъ и совмѣстныя дѣйствія противъ турокъ, успѣли пріучить къ мысли о пользѣ и выгодѣ этого союза. Тради-

ціонную политику дружбы съ Англіей и Австріей поддерживалъ во всю свою дѣятельность и канцлеръ Бестужевъ. Такая оріентировка русской политики колебалась, однако, личнымъ расположеніемъ Елизаветы къ Франціи и желаніемъ ея сблизиться съ этой державой, съ которою ее лично дипломатическіе проекты готовы были связать еще въ дни дѣтства. Внѣ непосредственныхъ симпатій или антипатій оставалась Пруссія. Русско-прусскія отношенія при Елизаветѣ опредѣлились отношеніями между Пруссіей и Австріей. При вступленіи Елизаветы на престолъ общее политическое положеніе Европы было таково: Фридрихъ II дерзкимъ захватомъ Силезіи началъ свои долголѣтнія войны съ Австріей; Франція, вѣковая соперница Австріи, поддерживала Пруссію; она поддерживала въ то же время и Швецію, которая рѣшила воспользоваться ожидаемыми внутренними затрудненіями Россіи и начала съ ней войну. Англія въ этотъ моментъ была на сторонѣ Австріи. Само собою разумѣется, какъ должна была опредѣлиться при такомъ положеніи Европы политика Россіи: Россія, союзная съ Австріей и дружественная съ Англіей, естественно должна была встать въ непріязненныя отношенія къ Пруссіи и Франціи. Въ первые годы, однако, Россія не приняла активнаго участія въ дѣлахъ средней Европы. Удачно закончивъ миромъ въ Або войну со Швеціей, Елизавета не вмѣшалась въ войну за Австрійское наслѣдство, но ея дипломатія дѣлала попытки выступить посредницей между воюющими сторонами и завести болѣе дружественныя отношенія съ Франціей; однако, негибкая и близорукая политика французскаго двора и высокомѣрное отношеніе къ осторожно затронутому вопросу о бракѣ наслѣдника русскаго престола съ дочерью короля Франціи помѣшали желанному для Елизаветы сближенію. Въ дальнѣйшіе годы, когда измѣнялась дипломатическая карта Европы, когда охлаждались франко-прусскія отношенія и между Франціей и Англіей дѣло дошло до войны, стоившей первой индійскихъ и сѣверо-американскихъ ея колоній, политика Россіи, руководимая Бестужевымъ, покоилась на прежнемъ основаніи союза съ Австріей и дружбы съ Англіей; съ Пруссіей отношенія не улучшались, несмотря на нѣкоторыя попытки Фридриха въ этомъ направленіи. Препятствіемъ служили и прочный союзъ съ Австріей, и мелкіе спорные вопросы, напримѣръ, о гренадерахъ-великанахъ, которыхъ Анна презентовала отцу Фридриха, Елизавета требовала обратно, а Фридрихъ не хотѣлъ отдавать, и, наконецъ, личное нерасположеніе къ Фридриху Елизаветы, которой хорошо были извѣстны насмѣшливые и даже оскорбительные отзывы о ней прусскаго короля.

Перемѣна въ отношеніяхъ Франціи къ Пруссіи и Англіи подготовила въ пятидесятыхъ годахъ новую группировку державъ. Пруссія теперь опиралась на Англію, Франція сблизилась со своей прежней соперницей Австріей, которая, вмѣстѣ со старымъ союз-

никомъ, Россіей, и съ новымъ, Франціей, собралась отнимать у Фридриха II захваченныя имъ австрійскія земли. Такъ, игрою дипломатическихъ комбинацій проведено было до нѣкоторой, по крайней мѣрѣ, степени сближеніе Россіи съ Франціей, котораго добивалась сама Елизавета, и рѣшена была война съ Пруссіей, сдѣлавшаяся самымъ крупнымъ и важнымъ фактомъ внѣшней исторіи Елизаветинскаго царствованія. Начало Семилѣтней войны не повлекло за собой полнаго разрыва Россіи съ Англіей; обѣ державы, хотя участвовали во враждебныхъ одна другой политическихъ комбинаціяхъ, не прекратили сношеній и не считались ведущими между собой войну; но Англіи былъ невыгоденъ союзъ Россіи съ Франціей и вражда съ Пруссіей, и въ Лондонѣ очень внимательно относились къ тому, что̀ происходило во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ въ Петербургѣ, и близко интересовались всѣмъ тѣмъ, что̀ касалось вопроса о возможной близости кончины Елизаветы и, слѣдовательно, судьбы русскаго престола.

Таковы факты внѣшней исторіи Елизаветинскаго царствованія; изъ краткаго ихъ обзора ясно, какимъ дѣятельнымъ членомъ европейской дипломатической семьи была Россія того времени. Но неужели елизаветинскіе дипломаты цѣною крови русскаго солдата отстаивали только одно европейское равновѣсіе? Не совсѣмъ такъ. Конечно, жизнь солдата въ ихъ глазахъ большой цѣны не имѣла, но этого нельзя сказать объ интересахъ страны, какъ ихъ понимали тогда по крайней мѣрѣ. Ихъ понимали просто и грубо, и результатомъ удачной войны считали пріобрѣтеніе новыхъ территорій, которыя или имѣли военно-стратегическое значеніе или должны были стать источникомъ денежнаго дохода для государственной казны. Шведская война принесла Россіи западную часть нынѣшней Выборгской губерніи, такъ называемую Кюменегорскую провинцію. Новое пріобрѣтеніе отодвинуло государственную границу отъ Петербурга и обезопасило созданіе Петра Великаго; заключенный въ Або трактатъ обслуживалъ интересы Россіи именно такъ, какъ ихъ понималъ бы царь Петръ. Семилѣтняя война доставила Россіи Пруссію съ Кенигсбергомъ; мы не можемъ, конечно, говорить о томъ, какую судьбу имѣло бы это завоеваніе, если бы Елизавета прожила еще нѣсколько лѣтъ и война завершилась бы разгромомъ Пруссіи, отъ котораго ее спасъ Петръ III. Удержала ли бы Россія Прибалтійскія земли, вкрапленныя въ польскія территоріи и отдѣленныя отъ имперіи Курляндіей и Литвой, или онѣ послужили бы предметомъ выгоднаго торга съ Речью Посполитой или съ инымъ какимъ-нибудь государствомъ, — разсуждать объ этомъ не приходится, но Пруссію русскіе занимали прочно нѣсколько лѣтъ, и во всякомъ случаѣ обладаніе новой провинціей съ высшей культурой и большей зажиточностью, чѣмъ земли имперіи, могло представить большія финансовыя выгоды. Участвуя въ дипломатическихъ кампаніяхъ и отваживаясь на участіе въ войнахъ въ средней Европѣ, гдѣ до тѣхъ поръ

русскія войска появлялись только въ шведскихъ владѣніяхъ по южному побережью Балтійскаго моря, елизаветинскіе дипломаты, какъ, впрочемъ, и дипломаты Петровскаго и Екатерининскаго времени, старались урвать кусокъ и для своей страны; качество куска могло быть различно, ихъ виды и планы могутъ теперь казаться неправильными; но они рѣдко отрѣшались отъ мысли, что за свое участіе въ извѣстномъ предпріятіи страна, интересы которой они призваны были оберегать, должна получить вознагражденіе, и въ этомъ они, несмотря на часто ставившійся имъ упрекъ въ продажности, выгодно отличаются отъ болѣе тонкихъ и неподкупныхъ русскихъ дипломатовъ XIX столѣтія, безкорыстіе которыхъ нерѣдко простиралось до полнаго забвенія интересовъ Россіи, до затраты русской крови и денегъ на дѣла, не только Россіи чуждыя, но и прямо ей вредныя. Говоря о дипломатіи Елизаветинскаго царствованія, мы должны были не разъ говорить и о стремленіяхъ и желаніяхъ самой императрицы въ этой области; это не преувеличеніе: подобно всѣмъ государямъ того времени, когда иностранныя дѣла считались неизмѣримо важнѣе, чѣмъ дѣла внутреннія, Елизавета, несмотря на свою лѣнь и любовь къ удовольствіямъ, не всегда, можетъ-быть, прилежно, но все же подчасъ энергично занималась внѣшними дѣлами и въ своемъ отношеніи къ интересамъ Россіи она не стоитъ позади офиціальныхъ руководителей своей иностранной политики.

Къ концу пятидесятыхъ годовъ иностранная политика Елизаветы доставила Россіи значительныя территоріальныя пріобрѣтенія; Россія стала еще болѣе виднымъ и цѣнимымъ дѣятелемъ международной европейской политики, чѣмъ до воцаренія Елизаветы Петровны, и блескъ этой стороны ея царствованія не подлежитъ сомнѣнію и не потускнѣлъ отъ времени.

Не однимъ, однако, дипломатамъ обязана была Елизавета Петровна этимъ блескомъ; ей помогали въ этомъ ея войска, пріобрѣвшія себѣ немало славы на поляхъ Германіи и показавшія Европѣ не только свои недостатки, но и свои высокія качества. Мы уже говорили выше, что главнокомандующіе русскіе далеко не всегда были на высотѣ своего положенія; да и обо всемъ высшемъ командномъ составѣ можно сказать, что онъ былъ такимъ же, какимъ, за немногими блестящими исключеніями, онъ остался и до нашего времени. Однако ни ограниченность Апраксина послѣ Эгерсдорфа, ни тупость Фермора при Цорндорфѣ, ни неумѣніе Салтыкова воспользоваться плодами Кунерсдорфа, ни стратегическая безпомощность Бутурлина, не могли стереть впечатлѣнія отъ изумительныхъ качествъ русскаго солдата, которыми горячо и искренно восхищался великій Фридрихъ въ самые тяжелые и трудные моменты войны, когда доблесть русскаго солдата ставила его, казалось, въ безвыходное положеніе.

Внутренняя исторія Елизаветинскаго царствованія далеко не такъ блестяща, какъ внѣшняя исторія Россіи того времени. Внутреннія дѣла стояли на заднемъ планѣ въ общемъ распорядкѣ правительственныхъ дѣлъ, и сама императрица, находившая время для того, чтобы удѣлять свое вниманіе сношеніямъ съ иностранными державами, почти не прикасалась къ дѣламъ внутренняго управленія, оставляя ихъ въ сущности на произволъ судьбы.

Переворотъ 1741 года, какъ мы уже говорили, долженъ былъ стать началомъ реакціи противъ режима 1730 — 1740 годовъ; онъ и былъ имъ, поскольку дѣло шло о господствѣ нѣмцевъ при дворѣ, въ гвардіи, въ вопросахъ высшей политики. Правда, сдѣланы были и кое-какія другія попытки воскресить строй внутренняго управленія, созданный когда-то Петромъ Великимъ. Былъ уничтоженъ кабинетъ въ томъ видѣ, какъ онъ сложился при Аннѣ Іоанновнѣ, сенату было возвращено его первенствующее значеніе, возстановленъ былъ петровскій прокурорскій надзоръ и петровская организація муниципіальнаго управленія; но этими внѣшними, формальными перемѣнами и ограничилось стремленіе возвратиться къ порядкамъ Петра Великаго. Въ исправленные старые мѣхи не влили новаго вина, и возстановленныя петровскія учрежденія не направлялъ къ дѣятельной работѣ такой же могучій духъ, какой вызвалъ ихъ къ жизни. Съ паденіемъ Остермана исчезъ послѣдній представитель бюрократическаго строя, насаждавшагося Петромъ въ послѣдніе годы жизни. Сама императрица не интересовалась ходомъ дѣлъ, и они попали всецѣло въ руки ея сотрудниковъ. Всѣ эти сотрудники безъ исключенія принадлежали къ «благородному россійскому шляхетству», тому самому, которое въ 1730 году мечтало о предоставленіи ему участія въ управленіи государствомъ. И вотъ въ царствованіе хотя и вполнѣ самодержавной, но почти не вмѣшивавшейся въ дѣла внутренняго правленія государыни, дворяне, занимавшіе всѣ мѣста по администраціи, не воскрешаютъ петровскихъ мечтаній о полицейскомъ государствѣ съ неограниченной властью монарха, осуществляемою безсословной бюрократіей, но ведутъ управленіе преимущественно въ интересахъ своего господствующаго сословія, частично, но, можетъ-быть, гораздо болѣе успѣшно, осуществляя на практикѣ тѣ идеалы, которые въ теоретическихъ формулахъ рисовались представителямъ шляхетства въ 1730 году. При мягкой Елизаветѣ это оказалось болѣе легкимъ дѣломъ, нежели при властной и жестокой Аннѣ. Такъ опредѣлился общій характеръ внутренней политики царствованія Елизаветы. Ея основная черта — осуществленіе интересовъ безраздѣльно господствовавшаго дворянства, къ которому присоединилась традиціонная необходимость заботиться о пополненіи государственной казны средствами, достаточными для содержанія правительства и вооруженныхъ силъ страны.

Начнемъ со взгляда на финансы Елизаветы Петровны. Извѣстно, какихъ громадныхъ трудовъ стоило Петру Великому поднять трехмилліонный бюджетъ, которымъ онъ располагалъ въ 1709 — 1710 гг., до десяти милліоновъ, да и то, когда его доходы въ концѣ царствованія достигли этой большой по тому времени цифры, до 20% оставалось въ доимкѣ и въ 1724 г. дѣйствительныхъ поступленій было только съ небольшимъ восемь милліоновъ; финансовое положеніе при Аннѣ Іоанновнѣ было едва ли не болѣе тяжелымъ, чѣмъ при Петрѣ,—между тѣмъ въ послѣдній годъ царствованія Елизаветы Петровны бюджетъ государственныхъ доходовъ достигалъ почти восемнадцати милліоновъ рублей. Все это увеличеніе приходится почти полностью на Елизаветинское царствованіе: вторая ревизія увеличила подушный сборъ съ четырехъ милліоновъ, приблизительно, до пяти съ половиной; винный доходъ съ 1724 г. къ 1746 г. возросъ съ 1.370.000 до 4.290.000 рублей, т.-е. ровно втрое, въ той же пропорціи приблизительно возросли соляные сборы; наконецъ, таможенные доходы за тотъ же промежутокъ времени стали давать лишній милліонъ. Ростъ прямыхъ налоговъ еще возможно было бы объяснить увеличеніемъ населенія; но вмѣстѣ съ прямыми росли и косвенные налоги, а кромѣ того, въ Елизаветинское царствованіе доходы собирались гораздо болѣе успѣшно, чѣмъ раньше, и недоимокъ почти не было, кромѣ застарѣлыхъ недоимокъ за двадцатые и тридцатые годы. Это несомнѣнное улучшеніе финансовъ при Елизаветѣ стоитъ въ связи съ двумя причинами. Во-первыхъ, въ этой области ярче, чѣмъ гдѣ бы то ни было, сказался талантъ Петра Ивановича Шувалова, по иниціативѣ котораго были уничтожены внутреннія таможни. До 1754 года каждая купля-продажа должна была быть явлена въ таможнѣ, существовавшей во всякомъ самомъ маленькомъ городкѣ, при чемъ по закону, установленному еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, съ продавца и покупщика брали по 5% стоимости товара; съ 1754 года внутренняя торговля стала совершенно свободной, такъ какъ вмѣстѣ съ внутренними таможенными сборами были уничтожены и нѣкоторые другіе мелкіе сборы, бременемъ ложившіеся на торговлю, напримѣръ, сборы съ мостовъ и перевозовъ; взамѣнъ этого пошлины на товары, ввозимые изъ-за границы, были усилены по такому расчету, чтобы дополнительная пошлина покрыла тѣ потери, какія должна была понести казна отъ уничтоженія всѣхъ внутреннихъ сборовъ. Результаты шуваловской мѣры превзошли всякія ожиданія: отмѣненные внутренніе сборы давали всего только 900.000 рублей въ годъ; между тѣмъ въ 1751 — 1753 годахъ таможенные сборы съ внѣшней торговли давали въ среднемъ въ годъ 1.295.000 рублей, въ слѣдующіе три года они возвысились до 2.285.000 рублей въ годъ, т.-е. давали 990.000 рублей въ годъ лишку; такимъ образомъ, въ первый же годъ убытокъ отъ отмѣны внутреннихъ таможенныхъ

сборовъ былъ покрытъ съ лихвой. Руководя финансами, Шуваловъ былъ склоненъ извлекать доходы изъ всѣхъ доступныхъ и возможныхъ источниковъ и не мало способствовалъ возвышенію цѣнъ на всѣ статьи, сдававшіяся на откупъ; но эти мѣры нельзя сравнивать съ его таможеннымъ закономъ: законъ этотъ былъ исключительно удачной мѣрой, поднималъ народное благосостояніе, возвышеніе же откупныхъ цѣнъ имѣло въ виду только увеличеніе казенныхъ доходовъ, не считаясь съ состояніемъ народнаго хозяйства.

Но шуваловскія мѣры объясняютъ ростъ прямого обложенія и, главное, уменьшеніе недоимокъ: помимо талантовъ или ловкости елизаветинскихъ дѣльцовъ, общее экономическое состояніе страны стало нѣсколько лучше, чѣмъ ранѣе. Много испытавшій русскій народный организмъ, въ концѣ-концовъ, переболѣлъ и петровскій экономическій кризисъ, какъ онъ въ свое время переболѣлъ разореніе Смутнаго времени. Онъ пережилъ изнуреніе, которое такъ тяжело давало себя чувствовать въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ, и около времени воцаренія Елизаветы сталъ понемногу приходить въ равновѣсіе; экономическому исцѣленію способствовалъ и довольно продолжительный миръ, которымъ Россія пользовалась съ 1743 г. до начала Семилѣтней войны. Общее улучшеніе народнаго хозяйства, мало зависѣвшее отъ дѣятельности елизаветинскихъ министровъ, и было главной причиной нѣкоторыхъ успѣховъ, достигнутыхъ въ это время въ государственномъ хозяйствѣ.

Преобладающее вліяніе, которое дворянское сословіе получило на внутреннюю политику при Елизаветѣ Петровнѣ, происходило не только отъ того, что при ней было легче осуществлять нѣкоторыя изъ мечтаній 1730 года. Вѣдь и мечтанія эти были ничѣмъ инымъ, какъ фазами вѣкового процесса, которымъ дворянство, созданное московскими царями XVI вѣка въ видѣ военной силы, предназначенной для защиты страны отъ внѣшнихъ враговъ, постепенно завоевывало себѣ полное и нераздѣльное господство въ странѣ. Оно смѣнило старое боярство, стершееся въ борьбѣ съ царскою властью, оно завоевало себѣ землю и трудъ, эту землю обрабатывавшій, и, пріобрѣтя матеріальную силу, принялось въ XVIII столѣтіи освобождать себя отъ обязательной службы и упрочивать свое политическое господство. Эпоха Елизаветы представляла особенно благопріятныя для этого условія. Въ этой области мы не найдемъ слѣдовъ сознательной политики правящихъ сферъ, но при отсутствіи сдерживающей силы наверху и при поголовно дворянскомъ характерѣ всей администраціи, дальнѣйшіе успѣхи дворянства облегчались значительно. Все внутреннее законодательство Елизаветы и общественная жизнь ея времени отражаютъ на себѣ процессъ завоеванія дворянствомъ первенствующаго и вліятельнаго положенія въ странѣ.

Постепенное освобожденіе отъ обязательной службы уже успѣло достигнуть положительныхъ результатовъ до воцаренія Ели-

заветы Петровны: служба уже была ограничена 25 годами, а распространившійся обычай записывать дворянъ въ службу съ колыбели сократилъ ее еще болѣе. При Елизаветѣ установившіяся уже льготы не только не были уничтожены, но за ними послѣдовали новыя. Въ длинный промежутокъ внѣшняго мира были разрѣшаемы чрезвычайно льготные и долговременные отпуски со службы, такъ быстро укоренившіеся и вошедшіе въ привычку, что въ 1756 — 1757 годахъ понадобилось чуть ли не силой высылать въ армію зажившихся дома офицеровъ. Низшая областная администрація, преимущественно избираемая изъ мѣстныхъ дворянъ, добилась безсрочности занятія должностей воеводъ, что дѣлало ее менѣе зависимой отъ правительства и давало возможность считать свое положеніе болѣе прочнымъ. Сфера государственной службы, которую Петръ хотѣлъ сдѣлать безсословной, все болѣе и болѣе становилась исключительной привилегіей дворянства, и даже среднія ступени приказной службы, каковы мѣста секретарей губернскихъ и провинціальныхъ канцелярій, занимались по преимуществу мелкими дворянами. Въ пятидесятыхъ годахъ въ высшихъ дворянскихъ сферахъ, группировавшихся вокругъ сената, былъ рѣшенъ вопросъ объ окончательномъ освобожденіи дворянъ отъ обязательной службы и подготовленъ матеріалъ для соотвѣтствующаго закона, который только случайно изданъ былъ не при Елизаветѣ, а при ея мимолетномъ преемникѣ. Не меньшіе успѣхи сдѣлало и дальнѣйшее завоеваніе дворянами земли и крестьянскаго труда. Ненавистный законъ объ единонаслѣдіи былъ отмѣненъ еще Анной, при Елизаветѣ право владѣнія землей становилось исключительно привилегіей дворянъ. Тенденція эта проводилась настолько энергично, что издаваемые законы получали даже обратную силу, и не дворяне лишались уже принадлежавшихъ имъ клочковъ земли. Щедрая раздача земель лейбъ-кампаніи, составленной изъ солдатъ и офицеровъ, фактически участвовавшихъ въ переворотѣ 25 ноября, фаворитамъ, ихъ родственникамъ, заслуженнымъ и незаслуженнымъ государственнымъ дѣятелямъ, значительно распространила вширь крѣпостное право, а законъ 1760 года, давшій помѣщикамъ право ссылать своихъ крѣпостныхъ на поселеніе въ Сибирь съ зачетомъ ихъ въ рекруты, увѣнчалъ собою рядъ отдѣльныхъ мѣръ, способствовавшихъ развитію права помѣщиковъ надъ личностью крестьянина.

Развитію сословныхъ правъ и привилегій дворянства соотвѣтствовало сосредоточеніе въ его рукахъ всего управленія страною — центральнаго и мѣстнаго. Люди, близко стоявшіе къ власти при Елизаветѣ, были исключительно дворяне, и разночинцамъ, въ родѣ Курбатова, Ершова и другихъ, сумѣвшихъ при Петрѣ добиться виднаго положенія, при Елизаветѣ мѣста на службѣ не было. Въ этой области фактъ преобладалъ надъ правомъ. Особыхъ законовъ, кромѣ помянутыхъ выше законовъ о дворян-

ской службѣ, не издавалось, да Елизавета бы сама на это не пошла. Но такихъ законовъ и не надо было издавать; безучастное отношеніе императрицы къ вопросамъ внутренняго управленія съ одной стороны, дворянскій сенатъ и дворянская гвардія съ другой, фактически обезпечивали господство дворянства въ столицѣ, а дворянскій характеръ областной администраціи обезпечивалъ его въ провинціи. Увѣренность въ своемъ господствѣ, отсутствіе какого-либо соперничества за власть влекли послѣдствія, едва ли съ точки зрѣнія блага страны желательныя. Елизаветинское время не безъ основанія считается временемъ наибольшаго упадка и разнузданности областной администраціи. Провинившихся,—болѣе того, совершившихъ преступленіе—правителей не казнили, какъ при Петрѣ и при Аннѣ, и не шельмовали, какъ это было изрѣдка при Екатеринѣ II. Пониженіе чиномъ, отрѣшеніе отъ должности—вотъ тягчайшія наказанія Елизаветинскаго времени. У самыхъ отъявленныхъ мошенниковъ находились въ столицѣ заступники, оберегавшіе ихъ дворянскую честь, а каковы были эти заступники и насколько безкорыстно они дѣйствовали, мы видѣли на примѣрѣ воеводы Ходырева и шуваловской семьи. Безчинствовали не одни областные администраторы, безчинствовали свободнѣе, чѣмъ до этого времени и послѣ него, всѣ, кто чувствовалъ за собою властную руку помощи. Лейбъ-кампанцы грабили въ Москвѣ купеческіе дома, а гвардейскіе офицеры и солдаты, пріѣзжая въ отпускъ, грабили по большимъ дорогамъ; измайловцы братья Ракитины, напримѣръ, наводили страхъ по дорогѣ изъ Москвы въ Рязань.

Таково было внутреннее состояніе имперіи при Елизаветѣ. Сравнительно благопріятное въ финансовомъ отношеніи, оно во всѣхъ остальныхъ едва ли можетъ считаться удовлетворительнымъ. Впрочемъ, вина за всѣ отмѣченные сейчасъ недуги лежитъ едва ли на одномъ только равнодушіи и невмѣшательствѣ императрицы, и едва ли добрую барыню можно слишкомъ винить за то, что она распустила своихъ слугъ. Какъ мы уже сказали, завоеваніе дворянствомъ политическаго господства началось до Елизаветы и продолжалось послѣ нея. Прилагая къ явленіямъ прошлаго современныя идеи всеобщаго равенства, можно, конечно, съ антипатіей относиться къ чрезмѣрному преобладанію одного сословія надъ другимъ; но, смотря на такое преобладаніе съ исторической точки зрѣнія, мы не найдемъ въ немъ ничего изъ ряда вонъ выходящаго: большинство государствъ Европы пережили въ той или другой формѣ періодъ исключительнаго господства служилаго сословія, и Россія только шла по дорогѣ, проложенной ея старшими историческими спутниками; на пассивъ слишкомъ инертной государыни приходится отнести лишь нѣкоторыя черты излишней разнузданности, проявленныя въ ея время отдѣльными представителями господствовавшей соціальной группы.

Настоящая русская барыня, со всѣми ея типичными достоинствами и недостатками, Елизавета Петровна, занявъ престолъ своихъ предковъ, возвратила національно-русскому элементу то значеніе, которое онъ долженъ былъ занимать въ русской землѣ и въ русскомъ государствѣ, но которое умалено было въ два предшествующихъ царствованія. Въ этомъ она, дѣйствительно, воскресила Петровскій порядокъ. Она успѣшно шла по стопамъ своего великаго отца въ дѣлахъ внѣшнихъ, хотя справедливость требуетъ сказать, что въ своей иностранной политикѣ и Анна Іоанновна съ своимъ вице-канцлеромъ Остерманомъ менѣе всего уклонялась отъ завѣтовъ Преобразователя. Но въ дѣлахъ внутренняго управленія Елизавета Петровна не въ силахъ была поднять на свои плечи наслѣдія Петра Великаго; въ дѣлахъ внутренняго управленія ея царствованіе — время тишины и застоя, отличавшагося не только отсутствіемъ творческаго начала, но и небольшимъ объемомъ самой законодательной работы. Во внутреннихъ дѣлахъ время реакціи, наступившее со смертью Петра, закончилось только съ началомъ умѣренно-реформаторской дѣятельности Екатерины II въ первую половину ея царствованія. Но въ исторіи всякой реакціи есть моментъ, когда ставится вопросъ, не пора ли возвратиться къ брошенному пути, не пора ли воскресить лучшіе завѣты прошлаго? При воцареніи Елизаветы вопросъ этотъ былъ поставленъ съ большей широтой и опредѣленностью, чѣмъ одиннадцать лѣтъ до этого, при воцареніи ея двоюродной сестры. Для Елизаветы Петровны царствованіе и дѣятельность ея отца были идеаломъ: въ этомъ заключается положительное значеніе ея царствованія, хотя по складу своего характера она и не въ силахъ была направить свою дѣятельность на продолженіе и развитіе всѣхъ Петровскихъ начинаній.

ИМПЕРАТОРЪ

Петръ III Θеодоровичъ.

(1728—1761—1762).

Императоръ Петръ III Θеодоровичъ родился 10 февраля (ст. ст.) 1728 г. въ г. Килѣ въ Голштиніи; его отецъ, герцогъ Карлъ-Фридрихъ, былъ сыномъ сестры Карла XII, его мать, Анна Петровна, — старшею дочерью Петра Великаго отъ второго брака. Мать скончалась черезъ три мѣсяца послѣ появленія на свѣтъ ребенка. Отъ рожденія слабый, онъ росъ сначала на рукахъ многочисленныхъ нянекъ, а когда ему исполнилось семь лѣтъ, отецъ назначилъ его унтеръ-офицеромъ и самъ занялся его воспитаніемъ. При дворѣ Карла-Фридриха интересовались только военнымъ дѣломъ, и на всю жизнь оно осталось единственнымъ, доступнымъ Петру Θеодоровичу, интересомъ; какъ одинъ изъ самыхъ счастливыхъ моментовъ своего дѣтства онъ вспоминалъ производство свое въ секундъ-лейтенанты въ день празднованія его рожденія въ 1736 году. Фридрихъ-Карлъ полагалъ, что его сыну не нужны никакія познанія, кромѣ свѣдѣній по военному дѣлу, да латинскаго языка, который онъ считалъ необходимымъ для нѣмецкаго принца, и молодого Петра Θеодоровича учили латыни. Изъ этихъ занятій онъ не вынесъ почти ничего, но возненавидѣлъ этотъ языкъ. Ничему больше его не учили, такъ что когда онъ привезенъ былъ въ Россію, то невѣжество его удивило даже Елизавету Петровну, которая обладала большимъ умомъ, но образованіе получила болѣе, чѣмъ посредственное. Петръ Θеодоровичъ, кромѣ права наслѣдовать свое голштинское герцогство, имѣлъ еще права на престолъ шведскій и русскій. Сначала его учили русскому языку и православному катихизису. Но когда стало извѣстно, что Анна Іоанновна озаботилась укрѣпленіемъ русскаго престола за потомствомъ своего отца и самымъ недоброжелательнымъ образомъ относится къ потомству Петра Великаго, то Петра Θеодоровича стали

учить шведскому языку и протестантскому катихизису; въ результатѣ, онъ не зналъ ни по-шведски, ни по-русски, ко всякой религіи, выросши, былъ совершенно равнодушенъ. Въ 1738 году Карлъ-Фридрихъ умеръ; Петръ Ѳеодоровичъ сталъ герцогомъ голштинскимъ; дѣлами, за его малолѣтствомъ, управлялъ его дядя, пр. Адольфъ, воспитаніе же герцога было ввѣрено оберъ-гофмаршалу Брюммеру. Молодой принцъ былъ очень не щедро одаренъ природой, а о развитіи и тѣхъ способностей, которыя можно было раскрыть въ немъ, почти не позаботились. Ребенокъ росъ въ самыхъ незавидныхъ условіяхъ; онъ не имѣлъ сколько-нибудь удовлетворительныхъ учителей, не было у него и товарищей; за всякія провинности его, согласно тогдашнимъ педагогическимъ пріемамъ, подвергали суровымъ наказаніямъ.

25 ноября 1741 г. вступила на престолъ императрица Елизавета Петровна — и въ декабрѣ въ Киль прибыли русскій посолъ въ Даніи, баронъ І. А. Корфъ, и майоръ русской службы, Н. А. Корфъ, женатый на двоюродной сестрѣ императрицы Елизаветы; имъ поручено было увезти въ Россію голштинскаго принца, родного племянника императрицы. Это надо было исполнить втайнѣ и съ большими предосторожностями, потому что можно было опасаться, чтобы не произведено было покушенія если не на жизнь, то на свободу племянника императрицы со стороны Брауншвейгской фамиліи, представитель которой былъ только что низведенъ Елизаветою съ русскаго престола и содержался вмѣстѣ со своими родителями въ заточеніи. Къ великой радости Елизаветы Петровны, ея племянникъ 5 февраля 1742 г. благополучно прибылъ въ Петербургъ; съ радостью встрѣтилъ внука Петра Великаго и народъ. Молодой принцъ сопровождалъ Елизавету Петровну въ Москву на коронацію, состоявшуюся 25 апрѣля 1742 г., 17 ноября 1742 г. былъ въ Москвѣ же присоединенъ къ православію и объявленъ наслѣдникомъ русскаго престола. Въ декабрѣ прибыли послы изъ Швеціи, съ сообщеніемъ, что Петръ Ѳеодоровичъ избранъ въ короли шведскіе; какъ принявшій уже православіе, онъ не могъ занять шведскаго престола, объ отреченіи же отъ православной вѣры, конечно, не могло быть и рѣчи, и шведскій престолъ занялъ пр. Адольфъ, дядя Петра Ѳеодоровича, администраторъ Голштиніи.

Императрица Елизавета позаботилась, сколько умѣла, объ образованіи наслѣдника; академику Штелину поручено было «занимать его полезно и пріятно». Ученіе продолжалось всего съ лѣта 1742 г. по весну 1745 г. и не дало значительныхъ плодовъ. Научныя занятія почитались дѣломъ далеко не важнымъ, пожалуй, даже послѣднимъ; правильный ходъ ученіи постоянно нарушался выходами, пріемами и т. п.; даже уроки танцевъ и музыки ставились выше, чѣмъ занятія общеобразовательными предметами; иногда по прихоти оберъ-гофмаршала Брюммера, уроки

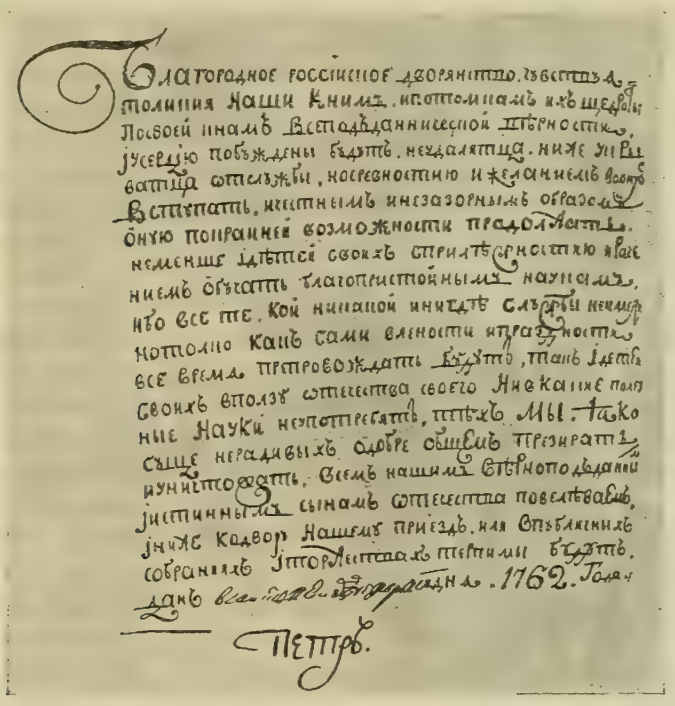
отмѣнялись и просто для катанья по городу. Штелинъ преподавалъ великому князю всѣ предметы, за исключеніемъ закона Божія и русскаго языка, которымъ учили его Симонъ Тодорскій и Авраамъ Веселовскій. Великій князь обнаруживалъ способности менѣе чѣмъ среднія; усвоить что-либо онъ могъ только при непремѣнномъ условіи, чтобы преподаваніе было связано съ видимымъ, осязаемымъ — такъ, исторію ему преподавали, показывая медали; чтобы онъ могъ сосредоточить вниманіе на преподаваніи математики или начальной механики, было необходимо дать ему геометрическія тѣла, модели машинъ, движущіяся куклы и т. д. Единственно, что до нѣкоторой степени занимало Петра Ѳеодоровича, были уроки фортификаціи — потому что она имѣла отношеніе къ военному дѣлу. Давно уже вышедши изъ дѣтскаго возраста, великій князь сохранялъ совершенно дѣтскій складъ ума: самымъ пріятнымъ для него занятіемъ до 16—17 лѣтъ была игра съ оловянными солдатиками, которыхъ онъ имѣлъ множество; съ величайшимъ удовольствіемъ разставлялъ онъ ихъ со своими любимыми товарищами—придворными лакеями. Охотно также великій князь возился съ собаками, дрессировать и мучить которыхъ доставляло ему большое удовольствіе. Великій князь любилъ прихвастнуть и съ большимъ увлеченіемъ разсказывалъ свои совершенно неправдоподобныя выдумки о томъ, какъ онъ, еще въ Голштиніи и даже при жизни отца, т.-е. имѣя всего 10 лѣтъ, совершалъ геройскіе подвиги въ борьбѣ съ шайками цыганъ; по замѣчанію Штелина, онъ на дѣлѣ былъ очень боязливъ и робокъ. Брюммеръ позволялъ себѣ относиться и къ русскому великому князю такъ же, какъ относился къ своему воспитаннику въ Килѣ, и однажды въ присутствіи Штелина кинулся на него съ кулаками. Петръ Ѳеодоровичъ обнажилъ шпагу, и Штелинъ не безъ труда предотвратилъ дальнѣйшее развитіе этой дикой сцены. Въ общемъ, по замѣчанію Штелина, великій князь все время до своей свадьбы проводилъ не въ серьезныхъ занятіяхъ, а въ однихъ увеселеніяхъ.

Весною 1744 г. въ Россію прибыла со своею матерью принцесса Софія-Фридерика Ангальтъ-Цербтская, избранная императрицею въ невѣсты великому князю; молодые люди понравились другъ другу, и отношенія между ними въ первое время были вполнѣ хорошія. Лѣтомъ 1744 г. они сопровождали императрицу Елизавету въ поѣздкѣ въ Кіевъ; 20 декабря 1744 г., во время переѣзда двора изъ Москвы въ Петербургъ, у великаго князя обнаружилась натуральная оспа, и онъ полтора мѣсяца пролежалъ больной на станціи Хотилово, гдѣ за нимъ ухаживала сама императрица, немедленно прибывшая къ больному. Великій князь вообще не отличался хорошимъ здоровьемъ; онъ очень часто прихварывалъ, а всю осень 1743 г. проболѣлъ какою-то изнурительною лихорадкою. Оспа, перенесенная имъ въ 1744—1745 г., оказала пагубное

вліяніе на весь его организмъ: онъ очень подурнѣлъ физически и совершенно остановился въ умственномъ развитіи.

25 августа 1745 г. Петръ Ѳеодоровичъ былъ обвѣнчанъ съ Софіей-Фридерикой, нареченной Екатериною Алексѣевной; теперь молодой великій князь и молодая великая княгиня признаны были совершенно взрослыми и получили возможность жить какъ имъ угодно. Оба они съ увлеченіемъ отдались той блестящей, повидимому веселой, но по существу малосодержательной и, въ концѣ-концовъ, скучной жизни, какую вели въ то время богатые, знатные люди и принцы. Молодая великая княгиня не избѣжала нѣкоторыхъ ошибокъ; но, богато одаренная отъ природы, она быстро одумалась, поняла въ истинномъ его величіи предстоявшее ей въ Россіи положеніе, занялась серьезнымъ чтеніемъ, много думала, работала надъ собой — и впослѣдствіи 34 года царствовала со славою и блескомъ. Петръ Ѳеодоровичъ оказался неспособнымъ къ такой работѣ; онъ воспользовался свободой лишь для того, чтобы вполнѣ отдаться занятіямъ, которыя и раньше были ему преимущественно по душѣ, но въ которыхъ онъ встрѣчалъ помѣху отъ лицъ, такъ или иначе имѣвшихъ отношеніе къ его занятіямъ. Въ Россіи онъ не несъ никакихъ обязанностей и ничего не любилъ; все русское казалось ему и неинтереснымъ, и чуждымъ, и непріятнымъ; когда ему доставили модель города Киля, онъ былъ въ восторгѣ и не стѣсняясь говорилъ, что городъ Киль ему милѣе всего государства русскаго. Но и дѣлами своего герцогства онъ не желалъ заниматься. Когда онъ достигъ совершеннолѣтія, къ нему стали обращаться съ докладами и за распоряженіями представители голштинской администраціи, состоявшіе при немъ въ Петербургѣ; слушать ихъ очень скоро такъ надоѣло Петру Ѳеодоровичу, что онъ положительно отказался что-либо рѣшать и поручилъ всякія рѣшенія принимать его именемъ великой княгинѣ. Съ женою у молодого великаго князя были первоначально отношенія вполнѣ удовлетворительныя; но скоро эти различныя натуры совершенно разошлись. Петръ Ѳеодоровичъ въ умственномъ отношеніи очень уступалъ своей женѣ. Онъ ничего не читалъ, кромѣ книгъ о разбойничьихъ похожденіяхъ; свое время онъ попрежнему дѣлилъ между дрессировкой, или, вѣрнѣе, истязаніями собакъ, скрипкою, на которой игралъ очень охотно, но довольно плохо; постоянно онъ былъ въ компаніи выходцевъ изъ Голштиніи, среди которыхъ главными достоинствами почиталось непрерывно курить, пить безъ мѣры, да вести разговоры, достойные лишь кордегардіи; здѣсь какой-нибудь Брокдорфъ, грубый, невѣжественный и не чистый на руку проходимецъ, разсуждалъ о томъ, что одинъ голштинскій солдатъ стóитъ четырехъ русскихъ, что русскіе всѣ плуты; здѣсь лакеи бесѣдовали съ великимъ княземъ о томъ, какъ должны жены слушаться мужа. Великій князь чувствовалъ себя въ этомъ обществѣ очень хорошо; онъ много пилъ, началъ быстро

опускаться, сталъ и въ другихъ случаяхъ, къ великому неудовольствію императрицы, держать себя неприлично; съ женой онъ теперь постоянно ссорился—но это ничуть не мѣшало ему дѣлать ее повѣренною своихъ быстро смѣнявшихся увлеченій; увлекался же онъ, кажется, всѣми придворными женщинами за исключеніемъ своей молодой жены. Величайшею радостью для Петра Ѳеодоровича было появленіе каждымъ лѣтомъ отряда голштинскихъ войскъ, который пріѣзжалъ въ Ораніенбаумъ. Отъ императрицы скрывали, что это была не небольшая команда, а цѣлый баталіонъ, и она


Благородное Россійское дворянство, вѣстно
толщия Наши Книги, и потомкамъ ихъ щедроты
Послѣдней нашей всемилостивѣйшей
милостивѣ, и ниже
ватца отъ службы, и ниже
Вступать, и истиннымъ и незазорнымъ образомъ
Оную попранной возможности продолжать.
немѣнше дѣтей своихъ стрѣмительностью
ниемъ объятъ благопристойными наукамъ,
нѣ все те. Кой нинашой и нигдѣ слѣдовъ
потолко какъ сами вины и праздности
все время тревожать будутъ, такъ дѣтей
своихъ вползъ отечества своего Ни какие
ние Науки не потерять, тѣхъ Мы. Тако
съще нерадивыхъ добре общемъ презирать
уничтожать. Всемъ нашимъ Вѣрноподданнымъ
истинными сынамъ отечества повелѣвать,
ниже Кадвор Нашемъ приѣздъ, на Отъ
собранныхъ
дано
Петръ.

Конецъ манифеста «О вольности дворянства», 18 февраля 1762 г.
Подлинный хранится въ Правительствующемъ Сенатѣ.

терпѣла его пребываніе, хотя и съ неудовольствіемъ; но солдаты и придворные служители, обязанные снабжать этихъ людей всѣмъ необходимымъ, да, къ тому же еще тайкомъ, были крайне недовольны и громко роптали, что ихъ заставляютъ прислуживать какому-то сброду. Петръ Ѳеодоровичъ ничего этого не замѣчалъ; онъ былъ въ упоеніи, видя своихъ голштинцевъ; онъ не понималъ, что его панибратство съ ними казалось оскорбительнымъ для русскихъ. Онъ, впрочемъ, не понималъ и большаго: во время Семилѣтней войны онъ открыто выражалъ надежду на побѣду Фридриха и радовался всѣмъ извѣстіямъ, неблагопріятнымъ для русскаго оружія.

Мало-по-малу неспособность Петра Ѳеодоровича къ правленію стала всѣмъ ясна, и распространилось общее недовольство противъ него; иностранные представители въ Петербургѣ года за четыре до кончины Елизаветы Петровны доносили, что великій князь совсѣмъ не пользуется въ Россіи любовью и что невѣроятно, чтобы онъ могъ долго процарствовать. Послѣдніе годы своей жизни сама императрица была имъ крайне недовольна, и, по словамъ Екатерины, представлялось весьма возможнымъ, что императрица, если бы ей представили серьезно объ устраненіи Петра Ѳеодоровича отъ престолонаслѣдія, согласилась бы на это и на передачу власти вел. кн. Павлу Петровичу подъ регентствомъ его матери. Повидимому, Елизавета обдумывала этотъ вопросъ; но она не успѣла принять рѣшенія, когда послѣ краткой болѣзни скончалась 25 декабря 1762 г., не сдѣлавъ никакого распоряженія. Петръ III Ѳеодоровичъ безпрепятственно вступилъ на престолъ.

Начало новаго царствованія было ознаменовано двумя очень популярными мѣрами — уничтоженіемъ страшной всѣмъ тайной канцеляріи и такъ называемымъ манифестомъ «о вольности дворянства», 18 февраля 1762 г. Въ силу этого акта дворяне получили право по желанію и вовсе не служить, были избавлены отъ тѣлесныхъ наказаній и пользовались правомъ выѣзда за границу. Но послѣ этихъ двухъ мѣръ, принятыхъ въ первые два мѣсяца новаго царствованія по настояніямъ приближенныхъ къ Петру Ѳеодоровичу лицъ — гр. М. И. Воронцова и Д. В. Волкова, не было сдѣлано ничего, что показывало бы способность новаго правительства; государь же цѣлымъ рядомъ необдуманныхъ поступковъ совершенно уронилъ свой престижъ и крайне усилилъ давно уже сложившееся нерасположеніе къ себѣ. Къ смерти императрицы Петръ Ѳеодоровичъ отнесся чуть не съ радостью; во всякомъ случаѣ онъ не умѣлъ скрыть своей радости, что царствуетъ; на панихиды у гроба почившей онъ почти не являлся, а на похоронахъ былъ чрезвычайно веселъ и то нарочно шелъ тихо и отставалъ отъ колесницы, то вдругъ бросался бѣгомъ догонять ее, и весело смѣялся тому, какъ раздувалась по вѣтру черная его мантія. Съ прусскимъ королемъ онъ немедленно заключилъ миръ, отказавшись отъ всякихъ пріобрѣтеній и отъ какого-либо вознагражденія за возвращаемыя Пруссіи области, и собирался начать войну съ Даніей, съ которою имѣлись старые споры у Голштиніи; прусскаго посла Петръ Ѳеодоровичъ отличалъ особенною своею милостію и повергалъ его въ великое смущеніе, когда за парадными обѣдами громко хвалился ему тайною перепискою, какую велъ съ Фридрихомъ во время войны. Императоръ отбросилъ русскіе ордена и русскую форму и появлялся только въ формѣ прусской и съ орденами прусскими. Арміи дана была новая прусская форма взамѣнъ той, которую носило русское войско со временъ Петра Великаго. Всему русскому явно оказывалось пренебреженіе, и,

между прочимъ, всѣ домовыя церкви въ Петербургѣ приказано было запечатать, подъ тѣмъ предлогомъ, что онѣ будто бы ветхи; распространились слухи, что скоро всѣ образа будутъ уничтожены и вѣра перемѣнена; говорили, что императоръ откажется отъ сына и императрицу заточитъ въ монастырь. Что онъ не въ ладахъ съ женой, это знали многіе, но никто не ожидалъ такого скандала, какой произвелъ Петръ Ѳеодоровичъ на торжественномъ обѣдѣ по случаю празднованія мира съ Пруссіей: черезъ весь столъ онъ громко крикнулъ супругѣ грубое бранное слово.

Со своею женою Петръ Ѳеодоровичъ давно разошелся; онъ не любилъ ея и чувствовалъ относительно ея какое-то опасеніе; но онъ не опасался ея достаточно, потому что не понималъ, насколько выше его была эта женщина, не зналъ, что она давно и ясно видѣла, что онъ царствовать не въ состояніи; не зналъ, что около нея сгруппировались люди смѣлые, негодовавшіе на его дѣйствія и рѣшившіе вмѣстѣ съ нею произвести перемѣну на престолѣ. Это и совершилось 28 іюня 1762 года.

Прусскій мундиръ, который постоянно носилъ имп. Петръ III Ѳеодоровичъ.
Хранится въ Артиллерійскомъ музеѣ въ Петербургѣ.

Петръ Ѳеодоровичъ проводилъ лѣто съ ближайшею свитою въ своемъ любимомъ Ораніенбаумѣ, и наканунѣ дня своихъ именинъ долженъ былъ обѣдать у императрицы, которая жила въ Петергофѣ. Но 27 іюня въ Петербургѣ былъ арестованъ одинъ изъ заговорщиковъ, капитанъ Пассекъ, и главные руководители заговора, братья Орловы, рѣшили, что необходимо дѣйствовать немедленно. Рано утромъ 28 іюня Алексѣй Орловъ прискакалъ въ Петергофъ, разбудилъ Екатерину Алексѣевну; она вмѣстѣ съ нимъ поспѣшила въ Петербургъ и была провозглашена тамъ самодержавною императрицею.

Около полудня прибылъ со свитою въ Петергофъ Петръ Ѳеодоровичъ и былъ крайне удивленъ, не найдя во дворцѣ супруги и не видя никакихъ приготовленій къ своему пріему; удивленіе

перешло въ тревогу, когда стало извѣстно, что Екатерина Алексѣевна раннимъ утромъ уѣхала въ столицу. Окружающіе государя пришли въ волненіе — всѣ чувствовали, что Екатерина имѣетъ очень большіе шансы свергнуть своего супруга. Не растерялся только старый фельдмаршалъ Минихъ, слуга еще Петра Великаго, возвращенный Петромъ Ѳеодоровичемъ изъ ссылки. Онъ совѣтовалъ ѣхать въ Кронштадтъ, утвердиться въ этой крѣпости, вступить въ сношенія съ арміей, находившейся за границей, и силою вернуть престолъ. Петръ Ѳеодоровичъ послушался Миниха и въ двухъ баркасахъ со всѣми своими спутниками направился къ Кронштадту. Но тамъ уже была получена вѣсть о провозглашеніи императрицы Екатерины, и новая государыня была признана; крѣпость была приведена на военное положеніе. Когда подъѣхали баркасы, ихъ окрикнули, «кто идетъ?» и на заявленіе, что на баркасѣ императоръ, былъ данъ отвѣтъ, что императора не знаютъ, что есть императрица Екатерина Алексѣевна, и что въ тѣхъ, кто ея не признаетъ, будутъ стрѣлять. Петръ Ѳеодоровичъ совершенно палъ духомъ; бросившись на дно баркаса, онъ приказалъ плыть обратно. Въ Ораніенбаумѣ у него было до 1500 голштинскихъ солдатъ, но онъ и не думалъ о борьбѣ. Онъ отправилъ въ Петербургъ одного за другимъ четырехъ посланцевъ, первымъ двумъ приказалъ уговорить войска остаться вѣрными присягѣ, третьему разрѣшилъ вступить въ переговоры съ императрицею, четвертому поручилъ прямо заявить, что согласенъ отречься отъ престола. 29 іюня утромъ Екатерина съ полками, бывшими въ Петербургѣ, вступила въ Петергофъ. Петръ Ѳеодоровичъ написалъ ей двѣ короткія записочки, въ которыхъ говорилъ уже не какъ монархъ, а просилъ о сохраненіи ему жизни и о разрѣшеніи уѣхать «въ чужіе края», выражая увѣренность, что Екатерина «не оставитъ его безъ пропитанія». По приказанію Екатерины ему былъ предложенъ актъ объ отреченіи, который онъ и подписалъ; въ документѣ этомъ сказано, между прочимъ, что «въ краткое время своего самодержавнаго правительства» онъ «самымъ дѣломъ узналъ тягость и бремя, силамъ его несогласное, чтобы ему не токмо самодержавно, но и какимъ бы то ни было образомъ правительства владѣть Россійскимъ государствомъ»; поэтому Петръ Ѳеодоровичъ «отрицался» отъ власти и клялся не искать возвращенія ея. Послѣ этого въ каретѣ съ генералами Гудовичемъ и Измайловымъ и послѣднею своею фавориткою, гр. Ел. Р. Воронцовою, бывшій императоръ былъ увезенъ, при чемъ гвардейцы громко выражали свое негодованіе по его адресу. Онъ былъ помѣщенъ въ загородномъ дворцѣ Ропшѣ; предполагалось перевести его въ Шлиссельбургъ, какъ только тамъ будутъ приготовлены приличные покои, а пока онъ былъ окруженъ сильною стражею безусловно вѣрныхъ Екатеринѣ людей.

Петръ Ѳеодоровичъ, повидимому, не ясно понималъ свое положеніе; во всякомъ случаѣ онъ раздражалъ стражу угрозами

всѣхъ строго наказать, когда вернется на царство; не извѣстно точно, при какихъ именно обстоятельствахъ, но 6 іюля произошла бурная ссора — и Петръ Ѳеодоровичъ погибъ. Это неожиданное, тяжелое событіе долго лежало тѣнью на воцареніи Екатерины; но неоспоримо доказано, что катастрофа произошла совершенно неожиданно. Кончина Петра Ѳеодоровича дѣлала положеніе Екатерины опаснѣе, чѣмъ его жизнь: пока онъ былъ живъ, попытка какого-либо переворота могла быть сдѣлана лишь во имя его, и ожидать подобной попытки было невозможно; со смертью же Петра Ѳеодоровича дѣлалось возможнымъ, что будутъ выдвигаться права его сына.

Петръ Ѳеодоровичъ былъ погребенъ въ Александро-Невской лаврѣ; Павелъ Петровичъ торжественно перенесъ его прахъ въ Зимній дворецъ и затѣмъ предалъ погребенію въ Петропавловскомъ соборѣ одновременно съ погребеніемъ тѣла Екатерины II.

Государи изъ Дома Романовыхъ 1613-1913

ЖИЗНЕОПИСАНІЕ ЦАРСТВОВАВШИХЪ ГОСУДАРЕЙ И ОЧЕРКИ ИХЪ ЦАРСТВОВАНІЯ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ДОКТОРА РУССКОЙ ИСТОРІИ

Н. Д. ЧЕЧУЛИНА.

II.

Москва

1913 года

изд. Т-ва И. Д. Сытина.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с п.
Москва.— 1913.

Во второмъ томѣ помѣщены статьи:

Императрица Екатерина II Алексѣевна — Н. Д. Чечулина. ▭ **Императоръ Павелъ I Петровичъ** — Н. Д. Чечулина. ▭ **Императоръ Александръ I Павловичъ**—С. М. Середонина. ▭ **Императоръ Николай I Павловичъ** — С. М. Середонина. ▭ **Императоръ Александръ II Николаевичъ**—И. А. Блинова. ▭ **Императоръ Александръ III Александровичъ.** ▭ **Императоръ Николай II Александровичъ.**

■ ■ ■ ■ ■

Шапка царя Петра Алексѣевича,
нынѣ называется короною царства Таврическаго.

ИМПЕРАТРИЦА

Екатерина II Алексѣевна.

I.

Дѣтство Екатерины II.—Великая княгиня Екатерина Алексѣевна.

Императрица Екатерина II Алексѣевна происходила изъ рода принцевъ Ангальтъ-Цербтскихъ. Ея отецъ, Христіанъ-Августъ, былъ младшимъ братомъ владѣтельнаго князя этого второстепеннаго дома; мать, Іоганна-Елизавета, принцесса Голштейнъ-Готторпская, была двоюродною сестрою отца императора Петра Ѳеодоровича. Христіанъ-Августъ былъ человѣкъ добродушный и простодушный; онъ служилъ въ прусской арміи, и эта дѣятельность его вполнѣ удовлетворяла, особенно съ тѣхъ поръ, какъ въ 1742 г. Фридрихъ II возвелъ его въ чинъ фельдмаршала; король прусскій, впрочемъ, никогда не возлагалъ на этого фельдмаршала порученій сколько-нибудь важныхъ, а Христіанъ-Августъ не замѣчалъ, что причиною его повышенія было желаніе Фридриха сдѣлать пріятное императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, которая оказывала большое вниманіе всѣмъ родственникамъ своего единственнаго племянника, объявленнаго ею наслѣдникомъ русскаго престола; къ тому же другой братъ Іоганны-Елизаветы былъ женихомъ Елизаветы Петровны, но онъ скончался до свадьбы. Принцесса Іоганна-Елизавета была женщина довольно безпокойнаго нрава; она обладала энергіей и нѣкоторою живостью ума, но

солидныхъ умственныхъ качествъ не имѣла; для нея всегда и во всемъ на первомъ мѣстѣ стояло ея собственное «я»; за какое бы дѣло она ни принималась—всякое она непремѣнно сводила къ своей особѣ и дѣлу этимъ почти всегда вредила. Родители Екатерины были весьма небогаты; небольшое приданое, полученное Іоганной-Елизаветой отъ герцогини Брауншвейгъ-Люнебургской, ея крестной матери, болѣе чѣмъ скромный родовой доходъ младшаго принца Ангальтъ-Цербтскаго и жалованье прусскаго фельдмаршала — вотъ все, что они имѣли.

Родилась Екатерина, при крещеніи получившая имя Софіи-Фредерики-Амаліи, 21 апрѣля (2 мая н. ст.) 1729 г. въ Штеттинѣ, гдѣ въ то время ея отецъ былъ губернаторомъ. Она росла въ обстановкѣ очень простой: въ ея памяти остался не особенно обширный губернаторскій домъ, гдѣ въ одномъ крылѣ помѣщались ея родители, а въ другомъ, противоположномъ—она, занимая три небольшія комнаты со сводами, бокъ о бокъ съ колокольнею домовой церкви, такъ что маленькую принцессу будилъ звонъ колоколовъ, укрѣпленныхъ на стѣнѣ ея комнаты. Зимою въ домѣ бывало холодновато, и вся семья проводила вечера въ одной комнатѣ. По нѣскольку разъ въ годъ Іоганна-Елизавета съ дочерью посѣщала родственницъ, у которыхъ жила довольно подолгу; это были не обмѣны визитами, а посѣщеніе болѣе богатыхъ родственницъ болѣе бѣдными, своего рода поѣздки на поклонъ— и изъ разсказовъ Екатерины видно, что при дворѣ императрицы Елизаветы Петровны ее могли послѣ этихъ посѣщеній удивлять не нравы, а только роскошь и великолѣпіе.

Екатерина росла въ тѣхъ же условіяхъ, въ какихъ росли тогда дѣти принцевъ, по положенію близкихъ къ положенію ея отца. Мать мало интересовалась воспитаніемъ дочери, оно было ввѣрено гувернанткамъ и наставникамъ, выбраннымъ, конечно, не изъ числа какихъ-либо извѣстныхъ и выдающихся людей. Кромѣ первыхъ своихъ нянекъ, Екатерина вспоминала нѣкую госпожу фонъ Гогендорфъ, которая была очень груба и возвышала голосъ даже на принцессу-мать, такъ что ее вскорѣ удалили, затѣмъ гувернантокъ-француженокъ, сестеръ Кардель, изъ которыхъ вторая поступила на мѣсто первой, когда эта вышла замужъ. Молодая принцесса имѣла учителей закона Божія, нѣмецкаго языка, чистописанія, музыки и танцевъ. Не было, конечно, и рѣчи о какомъ-либо обдуманномъ планѣ преподаванія, о выработанной системѣ воспитанія и обученія: учили, кто чему умѣлъ. По прибытіи Екатерины въ Россію г-жѣ Кардель и Вагнеру, преподавателю нѣмецкаго языка, были посланы подарки, конечно, по щедрости императрицы Елизаветы, а не по волѣ Екатерины, которая была еще слишкомъ молода, чтобы дѣлать подобнаго рода распоряженія. По словамъ Екатерины учитель музыки не могъ пріохотить ее къ этому искусству, учитель чистописанія не даромъ бралъ деньги: Екатерина писала, дѣйствительно, отличнымъ почеркомъ; Вагнеръ утомлялъ ученицу письменными работами, но по

словамъ Екатерины много содѣйствовалъ развитію ея ума, заставляя одну и ту же тему излагать различно. О г-жѣ Кардель Екатерина вспоминала съ благодарностью за ея добрый характеръ и говорила, что она была умна отъ природы и знала многое, ничему не учившись—послѣдняя похвала, впрочемъ, звучитъ нѣсколько и шуткою; г-жа Кардель давала молодой принцессѣ читать Расина, Корнеля, Мольера, но едва ли потому, чтобы почитала необходимымъ именно такого рода чтеніе; вѣроятно, она давала читать просто тѣ книги, какія были у нея подъ рукой: въ 30-хъ годахъ XVIII в. никакой спеціально дѣтской литературы не было, да и вообще нѣмецкой литературы въ это время, можно сказать, почти не существовало. Дѣтскіе годы будущей императрицы не были отмѣчены чѣмъ-либо особеннымъ, способности ея развивались медленно, и въ дѣтствѣ она не привлекала ничьего исключительнаго вниманія, потому-то о ея дѣтствѣ извѣстно лишь то, что̀ она сама впослѣдствіи разсказала въ разныхъ случаяхъ. Нельзя, конечно, считать за отраженіе сколько-нибудь значительныхъ фактовъ какіе-то неопредѣленные слухи, прошедшіе уже довольно поздно, будто Екатерина еще тогда, когда въ дѣтствѣ играла съ дѣтьми штеттинскихъ бюргеровъ, всегда первенствовала въ средѣ играющихъ дѣтей: слишкомъ ужъ естественно, что въ годы знаменитости Екатерины были доведены молвою до такихъ размѣровъ нѣсколько совершенно незначительныхъ случаевъ; одна изъ сверстницъ Екатерины, между прочимъ, заявляла впослѣдствіи, что въ молодости никакъ не подумала бы, что изъ Екатерины выйдетъ то, что̀ вышло. Полушутливый разсказъ Екатерины о томъ, какъ въ ея дѣтствѣ одинъ физіономистъ сказалъ Іоганнѣ-Елизаветѣ, что на головѣ ея дочери онъ видитъ, по крайней мѣрѣ, три короны, конечно, ничего не доказываетъ: какой невѣстѣ не желали и не предрекали всякихъ благъ въ жизни и блестящихъ жениховъ въ томъ числѣ?! Когда Екатеринѣ было уже 16 лѣтъ, шведскій гр. Гилленборгъ говорилъ ей, что еще пять лѣтъ тому назадъ онъ сказалъ ея матери, что у молодой принцессы философскій складъ ума; но если это не было просто любезностью графа въ бесѣдѣ съ молодой великой княжной, то онъ угадалъ по какимъ-то неуловимымъ и намъ неизвѣстнымъ признакамъ. Екатерина, конечно, отъ природы обладала большими дарованіями, но въ раннемъ дѣтствѣ они не проявлялись, а развились только со временемъ, уже въ пребываніе Екатерины въ Россіи; на первыхъ порахъ она и здѣсь надѣлала не мало ошибокъ, хотя въ то же время въ нѣкоторыхъ случаяхъ сразу вступила на единственно вѣрный путь; благодаря своему врожденному уму она принимала вѣрныя рѣшенія, быть-можетъ, и не отдавая себѣ яснаго отчета, почему въ данномъ случаѣ дѣйствовала такъ, а не иначе.

Императрица Елизавета Петровна, вступивъ на престолъ, немедленно озаботилась, чтобы въ Россію привезенъ былъ Голштинскій принцъ Петръ, родной ея племянникъ и единственный, кромѣ нея, потомокъ Петра Великаго; онъ былъ объявленъ на-

слѣдникомъ престола Россійской имперіи, а когда возникъ вопросъ о выборѣ ему невѣсты, Елизавета Петровна остановилась на принцессѣ Цербтской. Трудно сказать, чѣмъ именно руководилась при этомъ государыня. Бракъ наслѣдника престола, конечно, вызывалъ и разнаго рода политическіе соображенія и расчеты; подъ разнообразными вліяніями въ Петербургѣ выдвигались разныя невѣсты; но играли тутъ роль едва ли одни политическія соображенія. Имѣлъ большое значеніе и вопросъ о религіи невѣсты: было необходимо, чтобы она перешла въ православіе, а католическія принцессы, какъ извѣстно, на это не соглашаются; необходимо было, чтобы принцесса подходила и по возрасту, а молодые годы жениха, которому было всего 14 лѣтъ, ограничивали кругъ возможныхъ невѣстъ; играли роль и личныя симпатіи императрицы Елизаветы, которая очень любила своего умершаго жениха, брата принцессы Іоганны - Елизаветы; наконецъ, могли вліять и просто случайности: воспитатель Петра Ѳеодоровича, Брюммеръ, заговаривалъ о возможности брака Петра Ѳеодоровича съ Софіей - Фредерикой Цербтской, когда еще и рѣчи не было о переѣздѣ молодого принца въ Россію и о провозглашеніи его русскимъ наслѣдникомъ. Какъ бы то ни было—Елизавета Петровна пожелала, чтобы супругою его племянника стала со временемъ молодая принцесса Цербтская; когда это рѣшеніе было принято, явилось много охотниковъ приписывать себѣ участіе въ немъ. Даже Фридрихъ II прусскій заговорилъ, будто бы онъ предполагалъ именно этотъ бракъ, хотя король не могъ не знать, что въ глазахъ императрицы Елизаветы его одобреніе могло только повредить всякому дѣлу.

21 декабря 1743 г. (1 января 1744 г. по новому стилю) родителями Екатерины было получено въ Цербстѣ съ курьеромъ письмо изъ Петербурга, въ которомъ Брюммеръ, не говоря прямо, но очень прозрачно намекая на намѣреніе императрицы, отъ ея имени приглашалъ принцессу Іоганну-Елизавету немедленно отправиться съ дочерью въ Петербургъ; отцу прямо предложено было не сопровождать дочери; принцесса должна была выѣхать инкогнито, по возможности умалчивая о приглашеніи; на путевыя издержки ей было переведено 10.000 руб.

Рѣшеніе судьбы дочери естественно взволновало ея родителей, но согласіе ихъ сообразоваться съ видами русской императрицы ни на минуту не представлялось сомнительнымъ. Между отцомъ и матерью возникали споры по вопросу о предвидимой ими необходимости перемѣнить вѣроисповѣданіе: мать не находила въ этомъ затрудненій, отецъ смотрѣлъ на дѣло серьезнѣе и нѣсколько разъ заговаривалъ съ дочерью, что вѣры мѣнять не должно; въ концѣ-концовъ и въ этомъ случаѣ, какъ въ другихъ, онъ уступилъ женѣ; окончательно вопросъ рѣшенъ не былъ, но было несомнѣнно, что онъ рѣшится въ положительномъ смыслѣ, какъ

только это потребуется. И любовь Христіана-Августа къ дочери, и его умственный складъ очень ясно выразились въ наставленіяхъ, которыя онъ написалъ для нея и вручилъ ей въ минуту отъѣзда. Это произведеніе принца представляло собою небольшую тетрадь, написанную тяжелымъ нѣмецкимъ языкомъ того времени, со множествомъ онѣмеченныхъ французскихъ словъ, съ риѳмованными окончаніями многихъ фразъ. Христіанъ-Августъ внушалъ дочери прежде всего не мѣнять религіи, если не будетъ дѣйствительнаго убѣжденія въ большей истинности предлагаемой; затѣмъ онъ совѣтовалъ уважать и почитать императрицу и великаго князя и безусловно повиноваться его волѣ; далѣе шли предписанія уже совершенно мелочныя: въ аудіенцъ-камерѣ ни съ кѣмъ ничего не говорить, строго соблюдать этикетъ двора; относиться милостиво къ слугамъ и фаворитамъ государя, но не требовать отъ нихъ ничего и не вознаграждать ихъ, полагаясь во всемъ на волю государя; стараться всегда имѣть хоть небольшой запасъ денегъ, но хранить свои карманныя деньги всегда у себя, чтобы не попасть въ зависимость отъ гофмейстерины, но вмѣстѣ съ тѣмъ не казаться и скупою; ни съ кѣмъ при дворѣ не дружиться и стараться снискать милость императрицы и великаго князя. Наставленій, касающихся дѣлъ государственныхъ, два: ни за кого не ходатайствовать въ тяжебныхъ дѣлахъ—при чемъ довольно пространно развиты и основанія такого поведенія—и не вмѣшиваться ни въ какія государственныя дѣла, «чтобы не огорчить Сенатъ». Вотъ почти все содержаніе этого произведенія, которое живо рисуетъ мелочность и узость понятій и интересовъ, господствовавшихъ въ той средѣ, гдѣ росла Екатерина... Эти наставленія, вовсе не замѣчательныя, хотя шедшія, несомнѣнно, отъ чистаго сердца, были чуть не единственнымъ, что получила Софія-Фредерика отъ родителей: такъ называемаго приданаго, можно сказать, совсѣмъ не было: Екатерина сама вспоминала, что она привезла съ собою лишь самое необходимое бѣлье и три-четыре платья; лучшее, что она получила отъ своихъ родственниковъ, была голубая, съ серебрянымъ шитьемъ, матерія на платье, подарокъ дяди.

30 декабря 1743 г. (10 января 1744 г. по нов. ст.) Іоганна-Елизавета и Софія-Фредерика выѣхали изъ Цербста; съ этого дня Екатерина больше уже не видѣла своей родины, своего отца и братьевъ. Проведя недѣлю (11—16 янв. н. ст.) въ Берлинѣ, гдѣ Фридрихъ II оказалъ большое вниманіе молодой принцессѣ, онѣ двинулись дальше, 26 января (ст. ст.) прибыли въ Ригу. Уже наканунѣ, въ Митавѣ, окончилось ихъ инкогнито — тамъ путешественницъ встрѣтили, какъ владѣтельныхъ принцессъ; начиная съ Риги, встрѣчи были уже торжественны. Сохранились письма Іоганны-Елизаветы съ дороги къ мужу: они выражаютъ ея полное восхищеніе, можно сказать, упоеніе всѣмъ, что встрѣтила она въ Россіи. Она не могла скрыть восторга, что ее, для которой

«раньше не вездѣ били и въ барабанъ», принимаютъ съ царскими почестями; принцесса, повидимому, забыла, для чего вызвана она въ Петербургъ, о дочери она упоминаетъ очень рѣдко, говоритъ почти исключительно о себѣ и, кажется, совершенно искренно относитъ къ себѣ всѣ тѣ почести, которыя оказывались главнымъ образомъ, конечно, по адресу ея дочери.

3 февраля путешественницы прибыли въ Петербургъ и остановились въ Зимнемъ дворцѣ, 6-го выѣхали въ Москву, куда за три недѣли передъ тѣмъ переѣхала императрица со всѣмъ дворомъ; совершая путь со всевозможною поспѣшностью, принцессы прибыли въ Москву вечеромъ 9 февраля. Онѣ торопились попасть къ этому дню, такъ какъ 10 февраля былъ день рожденія великаго князя. Путешественницы были встрѣчены весьма сердечно. Вел. кн. Петръ Ѳеодоровичъ вмѣстѣ съ состоявшимъ на русской службѣ принцемъ Гессенъ-Гомбургскимъ пришелъ къ нимъ, когда онѣ еще снимали съ себя шубы и капоры, и немедленно затѣмъ явился посланный отъ императрицы, который передалъ великому князю, что чѣмъ скорѣе приведетъ онъ гостій, тѣмъ пріятнѣе будетъ императрицѣ. Вступивъ въ пріемную, Іоганна-Елизавета поцѣловала руку русской государыни и привѣтствовала ее самымъ почтительнымъ образомъ, поручая милостямъ ея себя и свою дочь. Елизавета Петровна отвѣчала весьма дружелюбно, поцѣловала мать и дочь. Молодая принцесса, по общимъ отзывамъ обладавшая весьма привлекательною внѣшностью, произвела на императрицу самое пріятное впечатлѣніе: по замѣчанію близкаго свидѣтеля государыня была въ восторгѣ. Черезъ девять дней по прибытіи въ Москву Іоганна-Елизавета писала мужу, что свадьба ихъ дочери—дѣло рѣшенное.

Молодая принцесса нравилась при русскомъ дворѣ все болѣе и болѣе. Едва вступивъ на русскую землю, она по какому-то особенному чутью сразу поняла, что ей дѣлать. Чтобы создать себѣ хорошее положеніе въ новой родинѣ, чтобы заслужить любовь и уваженіе тѣхъ людей, съ которыми неразрывно связывалась ея судьба, Софія-Фредерика-Амалія Ангальтъ-Цербтская, зная, что ей предстоитъ сдѣлаться русскою великою княгиней, рѣшила дѣйствительно стать русскою не по положенію только, а вполнѣ, усвоивъ языкъ и вѣру народа, сжившись съ его жизнью, полюбивъ его интересы и тѣ хорошія качества, которыя въ немъ были, примирившись съ его особенностями и недостатками. Молодая принцесса Цербтская рѣшилась на это не по логическимъ разсужденіямъ, это рѣшеніе было ей подсказано ея сердцемъ и какими-то неясными движеніями ея широкаго ума; ни отецъ, ни тѣмъ болѣе мать, не давали ей такого совѣта и не были способны его дать. Того пути, на который сразу вступила пятнадцатилѣтняя Софія-Фредерика-Амалія, не замѣтили ни ея будущій супругъ, хотя онъ былъ совершенно въ томъ же положеніи, ни обѣ ея невѣстки впослѣдствіи: онѣ не умѣли или не находили нужнымъ итти по такому

пути, хотя Екатерина ясно и прямо указала его имъ съ первыхъ дней пребыванія ихъ въ Россіи.

Принцессѣ даны были учителя: для русскаго языка Ададуровъ и для закона Божія Симонъ Тодорскій, который занимался одно время и съ великимъ княземъ. Принцесса училась если, быть-можетъ, и не съ увлеченіемъ, то съ замѣчательною настойчивостью. Какъ всѣмъ нѣмцамъ, и ей русскій языкъ былъ труденъ, но она изъ всѣхъ силъ старалась усвоить его; иногда, просыпаясь по ночамъ, она твердила склады и русскія слова — и съ первыхъ же дней успѣхи ея удивляли всѣхъ. Вставая по ночамъ, принцесса ходила иногда босикомъ и сильно простудилась; 6 марта она не могла уже оставить постели и отъ сильнаго жара впала въ безпамятство. Императрица очень встревожилась, обезпокоился и великій князь. Опасались за жизнь больной, но кризисъ миновалъ благополучно, и 27 марта принцесса была уже внѣ опасности, однако лишь 20 апрѣля она въ первый разъ вышла изъ комнаты. Въ тотъ моментъ, когда положеніе принцессы казалось почти безнадежнымъ, Іоганна-Елизавета предложила дочери позвать лютеранскаго пастора, но Софія-Фредерика пожелала, чтобы былъ приглашенъ ея новый законоучитель, православный; онъ явился, и она съ нимъ бесѣдовала. Это чрезвычайно расположило къ молодой принцессѣ не только императрицу, но и всѣхъ, до кого объ этомъ доходили слухи.

Чуть было не погубила всѣ усилія молодой Цербтской принцессы ея мать: сватовство чуть не разстроилось изъ-за того, что Іоганна-Елизавета завела въ Москвѣ политическія интриги. Особенно строго порицать за это принцессу нельзя: не она одна, а вообще западно-европейскіе государственные дѣятели не успѣли еще въ то время освоиться съ мыслью, что Россія имѣетъ такое же право, какъ всякое другое великое государство, преслѣдовать свои цѣли; тогда чуть ли не всѣмъ казалось, что эта новая сила должна непремѣнно играть роль служебную въ комбинаціяхъ, имѣющихъ значеніе для другихъ державъ. Даже такой выдающійся умъ, какъ Фридрихъ II, расчитывалъ заставить Россію довольствоваться служебною ролью и полагалъ, что для этого нужно только поставить во главѣ русскаго правительства подходящаго человѣка. Но всѣ, думавшіе такъ, ошибались. Вице-канцлеръ гр. А. П. Бестужевъ-Рюминъ, тогдашній руководитель русской государственной машины, былъ вѣренъ завѣтамъ Петра Великаго и всего менѣе былъ склоненъ примѣнять свою политику къ какимъ бы то ни было постороннимъ Россіи интересамъ. Онъ искалъ путей для самостоятельной русской политики и неуклонно стремился къ тому, что̀ почиталъ полезнымъ для Россіи прежде всего и только для нея; второю главною его цѣлью было не допускать усиленія Пруссіи. Можно находить, что Бестужевъ ошибался въ средствахъ, какими онъ думалъ достигнуть своихъ цѣлей, но что онъ преслѣдовалъ исключительно выгоды Россіи, это не подлежитъ никакому

сомнѣнію и лучшею похвалою Бестужеву служитъ то, что Фридрихъ II постоянно старался свергнуть его. Въ своемъ стремленіи къ этому онъ совершилъ странный, необдуманный шагъ: при проѣздѣ Іоганны-Елизаветы черезъ Берлинъ онъ поручилъ ей работать въ Россіи въ этомъ направленіи. Не столько удивительно, что Іоганна-Елизавета легкомысленно приняла на себя такое порученіе, сколько непонятно, что Фридрихъ далъ его Цербтской принцессѣ; вѣроятно, ему казалось, что нѣмецкимъ интересамъ легко и естественно торжествовать въ Россіи. Въ силу порученія Фридриха Іоганна-Елизавета по прибытіи въ Москву немедленно сблизилась съ всѣми тѣми лицами, которыя уже вели борьбу противъ Бестужева: съ прусскимъ посланникомъ Мардефельдомъ, съ посланникомъ шведскимъ, съ маркизомъ Шетарди, который, хотя жилъ въ Москвѣ какъ частное лицо, но имѣлъ тайное порученіе отъ французскаго короля и пользовался большимъ вліяніемъ въ высшемъ обществѣ. Іоганна-Елизавета старалась возбудить противъ Россіи тогдашняго австрійскаго посла при русскомъ дворѣ, а къ Фридриху писала обо всемъ, что узнавала, и подъ своею печатью пересылала секретныя бумаги. Но Бестужевъ былъ слишкомъ остороженъ; онъ ожидалъ опасности съ этой стороны и принялъ свои мѣры: онъ прибѣгъ къ тому средству, которое въ тотъ вѣкъ постоянно примѣнялось въ очень широкихъ размѣрахъ всѣми правительствами: по его приказанію вскрывалась переписка подозрительныхъ ему лицъ — и скоро у него въ рукахъ были точныя свѣдѣнія обо всемъ, что касалось дѣятельности Шетарди и Іоганны-Елизаветы. Онъ сдѣлалъ докладъ императрицѣ и совершенно неопровержимыми доказательствами установилъ, что принцесса Цербтская работала въ направленіи, діаметрально противоположномъ тому, какого держалось русское правительство, а что Шетарди, сверхъ того, позволялъ себѣ крайне неуважительные отзывы объ императрицѣ. Шетарди былъ высланъ изъ Россіи, Іоганна-Елизавета потеряла всякое расположеніе государыни. Все это раскрылось лѣтомъ 1744 г., и въ началѣ іюня, во время пребыванія всего двора въ Троицы-Сергіевой лаврѣ, императрица имѣла объясненіе съ Іоганной-Елизаветой; что было тутъ говорено—неизвѣстно, но немедленно послѣ этого разговора гр. Лестокъ сказалъ принцессѣ-дочери, что скоро ей придется укладываться и ѣхать домой въ Германію. Такъ какъ молодая принцесса ни въ чемъ рѣшительно не провинилась, то было ясно, что гнѣвъ заслуженъ ея матерью, и великій князь, слышавшій слова гр. Лестока, сказалъ Софіи-Фредерикѣ, что она ни въ чемъ невиновата и что потому относительно ея нѣтъ основаній ожидать такого рѣшенія; молодая принцесса отвѣтила, что ея долгъ слѣдовать за матерью и исполнять ея волю. Во время этой бесѣды вошла императрица, крайне разгнѣванная, за нею слѣдовала принцесса-мать съ заплаканными глазами; молодымъ лю-

дямъ императрица ничего не сказала, даже приласкала ихъ. Такимъ образомъ императрица Елизавета не перенесла на дочь своего гнѣва противъ ея матери, чего нѣкоторые изъ окружающихъ ее желали и ожидали, принцесса же Цербтская не рѣшилась разорвать начатое сватовство; бракъ Софіи-Фредерики съ Петромъ Ѳеодоровичемъ долженъ былъ состояться, и его рѣшено было даже ускорить, чтобы скорѣе удалить изъ Россіи принцессу Іоганну-Елизавету.

Вскорѣ было получено офиціальное согласіе отца молодой принцессы на присоединеніе ея къ православію и на бракъ съ вел. кн. Петромъ Ѳеодоровичемъ; несмотря на то, что согласіе давно уже не подлежало сомнѣнію, молодой великій князь принялъ извѣстіе о немъ прямо съ восторгомъ. Присоединеніе къ православію молодой принцессы было назначено на 28 іюня, канунъ именинъ великаго князя; уроки закона Божія шли почти ежедневно — зато церемонія присоединенія прошла отлично. Она совершилась въ назначенный день въ церкви Анненгофскаго дворца въ присутствіи всѣхъ высшихъ сановниковъ; молодая принцесса прочла Символъ Вѣры ясно, твердымъ голосомъ, не запнувшись ни на одномъ словѣ и съ отличнымъ русскимъ произношеніемъ, на входившіе въ обрядъ вопросы отвѣчала увѣренно и съ твердостію; присутствующіе были тронуты, и благопріятное отношеніе къ молодой принцессѣ, уже давно сложившееся, еще усилилось. Императрица, бывшая воспріемницею великаго князя, не могла уже стать воспріемницею его будущей супруги и воспріемницею Екатерины была престарѣлая игуменья Новодѣвичьяго монастыря Анастасія; молодая принцесса была наименована Екатериною Алексѣевною. Въ тотъ же день весь дворъ переѣхалъ въ Кремль; Екатерина провела ночь въ теремахъ дворца, и на другой день съ большою торжественностью состоялось обрученіе; съ этого дня Екатерина Алексѣевна получила титулъ императорскаго высочества, съ этихъ поръ она принадлежала уже Россіи. Великой княгинѣ былъ составленъ собственный штатъ изъ трехъ камеръ-фрейлинъ, трехъ камергеровъ и трехъ камеръ-юнкеровъ; съ этого времени она во всѣхъ офиціальныхъ случаяхъ занимала мѣсто выше своей матери — объ этомъ упоминается и въ запискахъ Екатерины и въ письмахъ ея матери, и изъ обоихъ свидѣтельствъ видно одинаково, что Екатерина съ большимъ тактомъ щадила самолюбіе матери, а что та, наоборотъ, никакъ не могла относиться къ новому положенію дочери благоразумно и спокойно. Непріятности, испытанныя лично принцессою Іоганною-Елизаветою, и блестящее положеніе дочери имѣли слѣдствіемъ, что не только къ дочери, но и къ ея жениху принцесса стала относиться непріязненно и придирчиво.

Въ теченіе времени съ 12 августа по 1 октября 1744 г. Екатерина вмѣстѣ съ матерью и женихомъ совершила въ свитѣ императрицы поѣздку въ Кіевъ; она вспоминала это путешествіе съ

величайшимъ удовольствіемъ: все восхищало ее въ новой родинѣ: и роскошь двора, и удобства поѣздки, и страна, и народъ...

Съ ноября 1744 г. великій князь хворалъ, а въ декабрѣ, во время обратнаго переѣзда въ Петербургъ, у него обнаружилась натуральная оспа; эта болѣзнь была бичомъ того времени; отъ нея скончался императоръ Петръ II. Въ крайней тревогѣ вернулась къ племяннику императрица, ѣхавшая впереди; Екатерина съ матерью должны были ѣхать далѣе въ Петербургъ и тамъ онѣ жили вмѣстѣ около двухъ мѣсяцевъ до прибытія императрицы. За это время Екатерина написала императрицѣ по-русски нѣсколько писемъ; это очень тронуло Елизавету Петровну, и она отвѣчала самыми милостивыми письмами. Екатерина вспоминала впослѣдствіи, что письма сочинялъ Ададуровъ, а она ихъ лишь переписывала, но, вѣроятно, императрица на этотъ счетъ и не обманывалась; она, конечно, и не думала, чтобы меньше чѣмъ въ годъ Екатерина настолько овладѣла русскимъ языкомъ, чтобы писать складныя письма; императрица цѣнила деликатность Екатерины, подсказывавшую ей писать письма за время разлуки съ женихомъ, тѣмъ болѣе—писать по-русски, и припоминала при этомъ постоянныя усилія Екатерины овладѣть русскимъ языкомъ.

Молодая великая княжна была почти совсѣмъ предоставлена самой себѣ; мать была занята исключительно своей особой и къ дочери относилась все придирчивѣе и придирчивѣе; при Екатеринѣ не было никакой пожилой и почтенной дамы, которая была бы способна заслужить ея уваженіе и быть ей полезной, и молодая великая княжна жила въ обществѣ своихъ камеристокъ, своихъ сверстницъ, проводя время съ ними въ играхъ, пѣсняхъ, какъ шаловливыя дѣти; ничего худого въ ихъ шалостяхъ не было, а Екатерина извлекала и пользу: она дѣлала быстрые успѣхи въ русскомъ языкѣ.

Къ этому времени относится вторая встрѣча Екатерины съ графомъ Гилленборгомъ, который видѣлъ ее еще одиннадцатилѣтнею дѣвочкой. Теперь онъ поговорилъ съ нею серьезно, сказалъ, что въ томъ водоворотѣ человѣческихъ страстей, въ которомъ ей приходится жить, надо питать душу серьезнымъ чтеніемъ, если желаешь избѣгнуть ошибокъ, и посовѣтовалъ читать Плутарха и Монтескье; Екатерина пріобрѣла эти книги, но ничто не свидѣтельствуетъ, чтобы она въ это время ихъ прочла; зато она написала свой «портретъ», чтобы показать, какъ она сама себя понимаетъ. Графъ черезъ нѣсколько дней возвратилъ рукопись великой княгинѣ, снабдивъ ее своими примѣчаніями, по словамъ Екатерины, на 12-и, приблизительно, страницахъ. Екатерина вспоминала, что въ 1758 г., перебирая свои бумаги и сжигая все, что представлялось ей сколько-нибудь желательнымъ скрыть отъ чужихъ глазъ, она сожгла и эту тетрадь, предварительно перечитавъ ее; она говоритъ, что изумилась при этомъ, какъ вѣрно пони-

мала она свой характеръ. Это все, что извѣстно о написанномъ Екатериною собственномъ портретѣ. Мы склонны думать, что это произведеніе не было столь замѣчательно, какъ выходитъ изъ словъ Екатерины. Въ то время на подобные «портреты» была своего рода мода; ихъ задачею было дать болѣе или менѣе остроумную шутку, а вовсе не серьезное изображеніе характера, и обыкновенно они представляли собою наборъ болѣе или менѣе яркихъ и неожиданныхъ антитезъ, а самыхъ существенныхъ сторонъ характера почти не касались. Нѣсколько подобныхъ «портретовъ» Екатерина оставила въ своихъ позднѣйшихъ произведеніяхъ, и на основаніи знакомства съ ними мы не думаемъ, чтобы надо было особенно жалѣть объ утраченномъ, такъ какъ этотъ «портретъ» едва ли сколько-нибудь яснѣе и ярче освѣтилъ бы то, что мы знаемъ и безъ него. Нѣкоторое значеніе за бесѣдами съ гр. Гилленборгомъ, впрочемъ, надо признать: въ 1766 г. Екатерина написала ему любезное письмо, въ которомъ вспоминала, что онъ пробудилъ въ ней желаніе совершить великія дѣла.

Въ февралѣ 1745 г. великій князь, выздоровѣвшій отъ оспы, пріѣхалъ съ императрицею въ Петербургъ; Екатерина едва его узнала: онъ страшно подурнѣлъ, что нерѣдко является послѣдствіемъ тяжелой оспы; и духовный его складъ измѣнился къ худшему: онъ какъ бы остановился въ своемъ умственномъ и нравственномъ развитіи, а ему едва минуло 17 лѣтъ; съ этого времени въ его характерѣ стали получать преобладаніе дурныя, непривлекательныя черты.

21 августа 1745 г. въ Петербургѣ, въ церкви Казанской Божьей Матери, состоялось бракосочетаніе Екатерины и Петра Ѳеодоровича; церемонія этого перваго въ Россіи бракосочетанія наслѣдника имперіи была обставлена съ наивозможною роскошью; торжества продолжались до 30 августа и закончились выводомъ на Неву знаменитаго ботика Петра Великаго; съ тѣхъ поръ онъ уже болѣе не спускался на воду.

Вскорѣ послѣ свадьбы начались сборы къ отъѣзду принцессы Іоганны-Елизаветы. Своею безтактностью она испортила всѣ свои отношенія; неудовольствіе императрицы распространилось и на ея мужа: вопреки всѣмъ ожиданіямъ онъ не былъ приглашенъ ни на обрученіе, ни на свадьбу дочери, ему не дано было русскаго ордена, хотя онъ очень желалъ его имѣть; что же касается до избранія его въ герцоги курляндскіе, о чемъ онъ просилъ похлопотать свою жену, то оказалось невозможнымъ даже заговорить объ этомъ. 28 сентября 1745 г. принцесса Цербтская уѣхала, несмотря на неудовольствія богато одаренная и съ щедрыми подарками для мужа; она ѣхала съ тою же пышностью, съ какою ѣхала и въ Россію, но въ Ригѣ получила она письмо императрицы, которая поручала ей передать прусскому королю, что его посланникъ Мардефельдъ долженъ быть отозванъ изъ Петербурга и за-

мѣненъ кѣмъ-либо другимъ, кромѣ Фокеродта. Это было полнымъ крушеніемъ всѣхъ расчетовъ Фридриха и доказательствомъ фіаско, какое потерпѣла Цербтская принцесса, которой онъ съ почти непостижимымъ легковѣріемъ далъ щекотливое порученіе свергнуть Бестужева. Фридрихъ былъ пораженъ и очень раздосадованъ, но желаніе императрицы пришлось исполнить.

Со вступленіемъ Екатерины въ бракъ начинается въ ея жизни самый трудный и, можно сказать, мрачный періодъ. Тотъ фактъ, что великій князь, очень хорошо относившійся къ своей невѣстѣ въ первое время знакомства, быстро охладѣлъ къ ней и, сдѣлавшись ея мужемъ, совсѣмъ ея не любилъ, конечно, немало значилъ въ томъ, что жизнь Екатерины была невеселая; но не онъ одинъ былъ причиною тяжелаго положенія Екатерины: оно создалось въ силу условій, въ какихъ оказывались въ то время и другіе принцы. Пока эти принцы были дѣтьми, нерѣдко прилагаемо было много заботъ объ ихъ воспитаніи; но едва достигали они возраста юношескаго, ихъ торопились женить,—и затѣмъ они считались уже взрослыми, и имъ предоставлялась полная свобода; между тѣмъ очевидно, что молодые люди въ 17—18 лѣтъ, хотя бы и женатые, нуждались въ умѣломъ и твердомъ руководительствѣ не менѣе чѣмъ прежде; такого руководительства они были всегда лишены. Имъ отводился опредѣленный, очень узкій кругъ, въ которомъ они могли заводить знакомства, а затѣмъ они были вполнѣ предоставлены самимъ себѣ, сами должны были находить, чѣмъ заполнить то время, которое оставалось у нихъ свободнымъ по исполненіи разныхъ обязанностей, налагаемыхъ этикетомъ, обыкновенно нетрудныхъ, но скучныхъ; они сами должны были вырабатывать свои интересы, создавать свой внутренній міръ, безъ богатства котораго никакое положеніе не даетъ полнаго удовлетворенія. По условіямъ того времени молодые принцы были совершенно лишены возможности знакомиться съ кѣмъ-либо внѣ очень тѣснаго круга лицъ, имѣвшихъ доступъ ко двору, тѣмъ менѣе могли они сближаться съ людьми неродовитыми, выдававшимися на какомъ-либо поприщѣ умственной дѣятельности — художниками, учеными или писателями, въ частности же въ Россіи XVIII ст. составить такой кругъ не было и возможности. Молодые принцы, съ тѣми весьма незначительными рессурсами, какіе они могли получить въ 8—9 лѣтъ довольно поверхностнаго ученія, предоставленные сами себѣ, не имѣя серьезныхъ и широкихъ интересовъ, въ большинствѣ случаевъ довольно быстро опускались и интересы свои сводили въ лучшемъ случаѣ къ парадамъ и охотѣ, а то и къ пьянству и волокитству. Только самые выдающіеся государи того времени, какъ Петръ Великій или Фридрихъ II, не погружались еще до вступленія на престолъ исключительно въ такую жизнь, но и они выбивались изъ окружавшей ихъ сферы не безъ большой борьбы и не безъ серьезныхъ непріятностей.

Вел. кн. Петръ Өеодоровичъ и вел. кн. Екатерина Алексѣевна.
Оригиналъ работы Гроота въ Романовской галлереѣ Зимняго дворца.

Въ жизни Петра Өеодоровича и Екатерины Алексѣевны подобныя условія дѣйствовали въ самой полной мѣрѣ, со всею своею силою. Петръ Өеодоровичъ получилъ образованіе совершенно ничтожное; онъ былъ мало способенъ къ ученію, а сколько-нибудь отвлеченныхъ интересовъ былъ совершенно лишенъ; предоставленный въ 17 лѣтъ самому себѣ, онъ былъ способенъ наполнять свое время только совершенно дѣтскими забавами, соединяя ихъ подчасъ съ необдуманностью и даже грубостью молодого человѣка не развитого и мало образованнаго, но чувствующаго возможность дѣлать почти все, что ему вздумается; любимымъ занятіемъ Петра Өеодоровича была игра въ игрушечныхъ солдатиковъ; наиболѣе пріятнымъ обществомъ ему казалось общество лакеевъ; скоро онъ сталъ предаваться страсти къ вину, что̀ тогда, впрочемъ, вообще не считалось неприличнымъ. Въ русскомъ обществѣ того времени умственные интересы были еще очень не широко распространены; Екатерина немного отступаетъ отъ истины, говоря,

что въ то время она да молодая княгиня Дашкова были единственными женщинами въ высшемъ петербургскомъ обществѣ, которыя читали что-нибудъ серьезное. Не установились еще твердо и нравственныя требованія послѣ потрясенія, которому подверглись и они въ то время, когда въ русскую жизнь вошло сразу столько новаго, что все старое, все, прежде почитавшееся обязательнымъ и несомнѣннымъ, казалось подлежащимъ сомнѣнію и даже отрицанію, вмѣстѣ со многимъ, не имѣющимъ никакого внутренняго значенія.

Положеніе молодыхъ принцессъ было особенно тягостно еще въ одномъ отношеніи. Въ самомъ раннемъ возрастѣ выдавали ихъ замужъ по соображеніямъ, для нихъ совершенно чуждымъ, а затѣмъ совершенно прямо, можно сказать съ цинизмомъ, давали имъ понять, что интересъ онѣ представляютъ почти исключительно лишь съ той точки зрѣнія, что отъ нихъ ожидаютъ наслѣдника: молодыя женщины, занимавшія въ государствѣ первое мѣсто послѣ государыни, не могли не чувствовать себя этимъ до извѣстной степени обиженными и оскорбленными. И такое отношеніе вовсе не было чѣмъ-то исключительнымъ и вовсе не въ одной Россіи наблюдалось: совершенно въ одинаковомъ положеніи были и Екатерина II, и Марія, супруга Людовика XV, и Марія-Антуанетта, и въ письмахъ Маріи Терезіи къ дочери мы читаемъ чуть не дословное повтореніе того, что, по разсказамъ Екатерины, слыхала она отъ Чоглоковой, какъ мнѣніе императрицы Елизаветы Петровны.

Таковы были общія условія, въ какихъ протекала жизнь тогдашнихъ принцессъ; въ отдѣльныхъ случаяхъ непріятныя стороны положенія смягчались любовью и вниманіемъ мужей, сердечными отношеніями родителей мужа или другихъ родственниковъ, но чаще положеніе ихъ было въ сущности столь же тягостно, сколь казалось блестящимъ съ внѣшней стороны. Что касается Екатерины, то указанныя выше непріятныя стороны проявлялись съ полною силою, и ничего не было, что скрашивало бы интимную жизнь великой княгини. Самымъ лучшимъ человѣкомъ вблизи нея была, безспорно, сама императрица Елизавета Петровна, натура вообще крупная и женщина не злая. Но она слишкомъ любила удовольствія, лично къ Екатеринѣ особаго расположенія не питала, а впечатлѣнія отъ молодого двора, благодаря поведенію великаго князя, получала вообще неблагопріятныя, такъ что и къ Екатеринѣ постепенно стала относиться довольно холодно.

Первый годъ своего супружества великій князь и великая княгиня были предоставлены вполнѣ сами себѣ; время ихъ было наполнено удовольствіями, но, тѣмъ не менѣе, ихъ жизнь оказывалась пуста и скучна и вскорѣ одна совершенно непозволительная шалость великаго князя повела къ тому, что молодой дворъ былъ подчиненъ особому надзору. Великій князь, узнавъ случайно, что въ примыкающей къ его покоямъ комнатѣ будетъ ужинать императрица съ ближайшими къ ней лицами, просверлилъ нѣсколько дырокъ

въ дверяхъ и пригласилъ большую компанію, собравшуюся у него и у великой княгини, смотрѣть на сцену, имъ совершенно недоступную. Изъ всей компаніи только Екатерина сразу увидѣла неприличіе такой шутки, не приняла въ ней участія и поторопилась ее прекратить; великій князь самъ испугался, когда понялъ, что онъ надѣлалъ. Шалость стала извѣстна императрицѣ, она чрезвычайно разгнѣвалась и сдѣлала великому князю суровый выговоръ, а когда онъ попробовалъ возражать, то императрица вышла изъ себя, въ глаза ему отозвалась самымъ презрительнымъ образомъ объ его умѣ и характерѣ и пригрозила строгимъ наказаніемъ; у Екатерины, присутствовавшей при этомъ, навернулись слезы, но ее императрица успокоила, сказавъ, что ей извѣстно ея поведеніе въ этой исторіи. Послѣ этого къ молодому двору была назначена гофмейстериною Марья Симоновна Чоглокова, рожденная графиня Гендрикова, двоюродная сестра императрицы, молодая еще женщина, пользовавшаяся особеннымъ довѣріемъ государыни; ея мужъ, камергеръ Чоглоковъ, былъ назначенъ состоять при великомъ князѣ. Чоглокова не способна была заслужить довѣріе молодыхъ супруговъ; она постоянно, словно нарочно, создавала по самымъ ничтожнымъ поводамъ столкновенія съ ними и немедленно удаляла отъ молодого двора всякаго человѣка изъ прислуги, который только успѣвалъ заслужить вниманіе и довѣріе великаго князя или великой княгини. Назначеніе Чоглоковыхъ не внесло серьезности и лучшаго содержанія въ жизнь великокняжеской четы, не содѣйствовало оно и сближенію молодыхъ супруговъ, отношенія которыхъ къ этому времени стали холодны. Великій князь по вкусамъ и понятіямъ оставался избалованнымъ и дурно воспитаннымъ ребенкомъ; офиціальная жизнь наполнялась попрежнему обѣдами, балами, маскарадами, ужинами и крупной карточной игрой, постоянными переѣздами изъ дворца въ дворецъ, охотою и верховыми прогулками во время пребыванія въ загородныхъ дворцахъ; въ апартаментахъ Екатерины въ это время не было бумаги, пера и чернилъ; книги попадали ей въ руки совершенно случайно; въ разолоченныхъ палатахъ, посреди роскошнѣйшей отдѣлки, приходилось мириться съ полнымъ отсутствіемъ самаго примитивнаго комфорта—напримѣръ, всѣ 8 или 10 горничныхъ Екатерины помѣщались рядомъ съ ея спальней, и единственный ходъ въ комнату горничныхъ былъ черезъ эту спальню. Въ роскошныхъ палатахъ царили скука—и атмосфера, пропитанная сплетнями, происками, интригами и волокитствомъ. Что вниманіе молодой великой княгини было постоянно занято тѣмъ, какъ была причесана и одѣта та или другая дама, что день Екатерины обыкновенно занятъ былъ туалетами и картами,—это еще не представляло большой бѣды; что черезъ голову свою и своего мужа она постоянно чувствовала происки и борьбу разныхъ придворныхъ партій—это было уже хуже; еще хуже было, что кругомъ непре-

рывно шли любовныя интриги: Чоглоковъ учинилъ скандальную исторію съ одною изъ фрейлинъ великой княгини; исторію эту оказалось невозможнымъ скрыть, но это не помѣшало ему сохранить свое мѣсто при молодомъ дворѣ; сама Чоглокова, почитавшаяся образцомъ семейныхъ добродѣтелей, увлеклась однимъ изъ придворныхъ кавалеровъ; великій князь волочился открыто то за одной, то за другой фрейлиной и только на жену не обращалъ вниманія, дѣлая ее, въ то же время, повѣренною всѣхъ своихъ увлеченій; при дворѣ появились новые фавориты И. И. Шуваловъ, Н. А. Бекетовъ, за ними волочились придворныя дамы; фрейлины готовы были принять на себя роль посредницъ, чуть только имъ начинало казаться, что великій князь хоть сколько-нибудь заинтересовался кѣмъ-нибудь... Вообще, окружавшіе великаго князя и великую княгиню не столько заботились о томъ, чтобы то или другое совершилось или не совершилось, сколько о томъ, чтобы до императрицы не дошли свѣдѣнія, которыя ее разстроятъ. Съ назначеніемъ Чоглоковыхъ около молодой великокняжеской четы создался самый бдительный надзоръ, въ иныхъ случаяхъ прямо оскорбительный, соглядатаи были повсюду — но надзоръ этотъ не достигалъ своей цѣли, и любое требованіе, любое запрещеніе императрицы нарушались, и всегда находились услужливые люди, готовые помочь великому князю и великой княгинѣ въ такомъ случаѣ болѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ. Но всего хуже было то, что великую княгиню, вышедшую замужъ менѣе чѣмъ пятнадцати съ половиною лѣтъ, съ перваго же года замужества стали подозрѣвать въ увлеченіяхъ и прямо въ любовныхъ похожденіяхъ, и не только подозрѣвали, но даже допрашивали о такихъ вещахъ, что она сначала даже не понимала, о чемъ идетъ рѣчь! Екатерина сама вспоминаетъ это, и мы не имѣемъ никакого основанія не вѣрить ей въ данномъ случаѣ: она очень откровенно говоритъ о позднѣйшихъ своихъ увлеченіяхъ, а въ то время, къ которому такіе факты относятся, она была еще такъ молода, что, положительно, не могла подавать и сколько-нибудь серьезнаго повода къ подобнымъ подозрѣніямъ.

Одновременно съ назначеніемъ Чоглоковыхъ великой княгинѣ была сообщена «инструкція», данная Чоглоковой. Въ этой инструкціи было пять пунктовъ: первый говорилъ о необходимости твердо соблюдать вѣру, послѣдній, пятый, — о томъ, что великая княгиня «можетъ всегда имѣть отверстый доступъ къ императрицѣ для изустнаго донесенія о своихъ нуждахъ»; третій и четвертый говорили о необходимости для великой княгини избѣгать всякой фамильярности съ придворными кавалерами, дамами и лакеями и о запрещеніи кому бы то ни было передавать великой княгинѣ письма и книги, о запрещеніи великой княгинѣ вступать въ какія-либо государственныя дѣла и переписываться съ кѣмъ-либо, даже съ родителями, иначе какъ чрезъ посредство коллегіи иностран

ныхъ дѣлъ. Самымъ существеннымъ являлся второй пунктъ, въ которомъ, среди длинныхъ запутанныхъ фразъ, читалось такое замѣчательное мѣсто: «великая княгиня въ нынѣшнее достоинство императорскаго высочества не въ какомъ иномъ видѣ и надѣяніи возвышена, какъ токмо дабы имперіи пожеланный наслѣдникъ и отрасль всевысочайшаго императорскаго дома получена быть могла», и для достиженія этого намѣренія великой княгинѣ рекомендовалось всѣми способами привлекать къ себѣ сердце великаго князя.

Можно себѣ представить, какое вліяніе должна была имѣть подобная инструкція рядомъ съ тѣми подозрѣніями, о которыхъ мы говорили выше; это одновременно и оскорбляло молодую женщину и толкало ее на то, въ чемъ ее уже подозрѣвали; Екатерина, по собственнымъ ея словамъ, испытала именно такое вліяніе нѣкоторыхъ подозрѣній; и если они были совершенно неосновательны по адресу 16 — 17-лѣтней великой княгини, то многое измѣнилось послѣ 7 или 8 лѣтъ такой жизни, явилась, дѣйствительно, возможность, что великая княгиня увлечется какимъ-нибудь блестящимъ кавалеромъ — тѣмъ болѣе, что ея супругъ съ годами не избавлялся отъ своихъ недостатковъ, а лишь укрѣплялся въ нихъ, становился менѣе интересенъ, болѣе грубъ, болѣе безцеремоненъ, менѣе воздержанъ въ винѣ. Впрочемъ, Екатерина долго терпѣливо переносила всѣ недостатки своего мужа. Великій князь, когда былъ въ затрудненіи, обращался къ женѣ за совѣтами; онъ дѣлился съ нею и своими мечтами, хотя разговоръ съ нимъ всегда утомлялъ Екатерину, которую поражали неосновательность его сужденій и мелочность интересовъ. Великій князь посвящалъ свою жену во всѣ дѣла своихъ наслѣдственныхъ владѣній въ Германіи, имѣвшія въ его глазахъ гораздо болѣе значенія, чѣмъ что-либо, касавшееся Россіи. Впрочемъ, продолжительныя занятія и этими дѣлами скоро становились скучны для великаго князя, и по его желанію его голштинскій министръ докладывалъ дѣла Екатеринѣ, и она принимала по нимъ рѣшенія. Въ 1751 г. по внушеніямъ Екатерины Петръ Ѳеодоровичъ рѣшительно отказался отъ обмѣна голштинскихъ земель на графства Ольденбургское и Дальменгорстское, хотя переговоры объ этомъ велись съ его вѣдома и согласія; достойно замѣчанія, что въ это время Екатерина разсуждала по данному вопросу совершенно какъ Петръ Ѳеодоровичъ, т.-е. какъ истинно-нѣмецкая принцесса, и только яснѣе формулировала тѣ самыя соображенія, которыя останавливали на себѣ вниманіе и Петра Ѳеодоровича. Такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ въ теченіе первыхъ шести-семи лѣтъ, отношенія между молодыми супругами были если и не очень хороши, то во всякомъ случаѣ кое-какъ поддерживались, и полнаго разрыва между ними не было.

На десятомъ году супружеской жизни у наслѣдника престола родился сынъ Павелъ; немедленно онъ былъ взятъ императрицею

Вел. кн. Екатерина Алексѣевна.
Съ оригинала, хранящагося въ Дессау.
Воспроизведеніе этого снимка воспрещается.

Елизаветою на свое попеченіе, и мать почти не видала его; исполнилось то, чего отъ нея, главнымъ образомъ, ожидали: «пожеланная отрасль» была, и мать теперь отставлена была одна, почти забыта дворомъ среди торжествъ, какими праздновалось рожденіе будущаго наслѣдника. Скучное время своего одиночества Екатерина наполняла чтеніемъ и мало-по-малу пристрастилась къ серьезнымъ книгамъ. Она читала теперь Тацита, Монтескье и историко-философскія сочиненія Вольтера, и эти произведенія имѣли на нее огромное вліяніе. О Тацитѣ Екатерина вспоминала сравнительно рѣдко, но не можетъ быть сомнѣнія, что трудъ этого великаго человѣка произвелъ и на Екатерину такое же сильное впечатлѣніе, какое производитъ онъ на всякаго, кто способенъ мыслить и чувствовать. Что касается Монтескье и Вольтера, то къ нимъ Екатерина навсегда сохранила исключительное почтеніе; книгу Монтескье она называла молитвенникомъ государей, глубокое почтеніе къ Вольтеру высказывала она въ письмахъ къ нему, въ многихъ отзывахъ о немъ послѣ его смерти и засвидѣтельствовала высокую оцѣнку его значенія тѣмъ, что пожертвовала 100.000 р.

на изданіе сочиненій Вольтера. Что именно поразило Екатерину въ сочиненіяхъ Вольтера всего болѣе,—указать нелегко, да и нѣтъ необходимости. Екатерина отнеслась и къ его произведеніямъ, конечно, такъ же, какъ относилась впослѣдствіи къ трудамъ высокочтимаго ею англійскаго юриста Блэкстона: «Я дѣлаю не то, что у него написано,—говорила она,—я развиваю его нить». Въ общихъ, основныхъ чертахъ идеи Вольтера не только стали достояніемъ лучшихъ людей своего времени, но до извѣстной степени опредѣлили направленіе всего умственнаго развитія Европы чуть не до конца XIX в. Во всякомъ случаѣ, считаясь съ ними, слѣдуя имъ или ихъ опровергая, совершались всѣ важнѣйшія умственныя движенія XVIII и XIX вв.; и если то, что распространялъ Вольтеръ, иногда не имъ было выработано, то неоспоримо, что особенно часто чрезъ его именно сочиненія тѣ или другія идеи распространялись. Произведенія Монтескье, въ свою очередь, имѣли большое вліяніе на развитіе политическихъ ученій двухъ послѣднихъ столѣтій, и никто не отрицаетъ великихъ заслугъ этого выдающагося мыслителя и благороднѣйшаго человѣка. Нельзя не цѣнить высоко увлеченія Екатерины этими писателями, тѣмъ болѣе, что и впослѣдствіи она проявляла постоянное стремленіе вступать въ общеніе съ лучшими умами своего времени, что является всегда признакомъ высокаго ума.

За такими занятіями, чередовавшимися съ разными увеселеніями, проводила Екатерина свое время до середины 1755 г., когда въ Петербургъ прибылъ въ свитѣ англійскаго посла Вильямса графъ Станиславъ Понятовскій, будущій король польскій. Онъ начиналъ свою карьеру, какъ это тогда нерѣдко бывало, безъ опредѣленнаго офиціальнаго положенія въ свитѣ опытнаго дипломата. Понятовскій произвелъ въ петербургскомъ обществѣ большое впечатлѣніе; молодой, красивый, ловкій, веселый, довольно хорошо образованный, онъ понравился рѣшительно всѣмъ, а, въ свою очередь, онъ былъ очарованъ великою княгиней; Екатерина же влюбилась въ него со всею страстью еще неисчерпаннаго чувства. Уже одно это создавало опасность для Понятовскаго; положеніе еще осложнялось тѣмъ, что Вильямсъ, какъ посолъ державы, союзной съ Пруссіей, съ которою Россія вела войну, представлялся своего рода соглядатаемъ въ Петербургѣ; при такихъ условіяхъ близость Понятовскаго къ великой княгинѣ представлялась вдвойнѣ непозволительной. На нее уже смотрѣли косо, и въ августѣ 1756 г. Понятовскій долженъ былъ уѣхать изъ Петербурга; сдѣлано это было по желанію Бестужева, но устроено такъ, что противъ дѣйствій Понятовскаго по нѣкоторымъ политическимъ вопросамъ протестовало польско-саксонское министерство,—а въ декабрѣ того же года Понятовскій вернулся въ Петербургъ уже посланникомъ саксонскимъ: саксонское министерство уступило Бестужеву, который теперь пожелалъ видѣть Понятовскаго опять въ Петер-

бургѣ. Бестужевъ дѣйствовалъ такъ по настойчивому требованію Екатерины. Въ декабрѣ 1757 г. у Екатерины родилась дочь Анна, вскорѣ скончавшаяся.

Въ сентябрѣ 1757 г. фельдмаршалъ Апраксинъ, только что одержавъ побѣду надъ пруссаками подъ Гросъ-Эгерсдорфомъ, вмѣсто того, чтобъ преслѣдовать враговъ, началъ отступленіе, которое производилъ такъ, что оно походило на ретираду разбитой арміи. Апраксинъ былъ смѣщенъ, и надъ нимъ начато слѣдствіе. Комиссія изъ наиболѣе опытныхъ генераловъ русской службы признала, что отступленіе было необходимо въ виду недостатка запасовъ; Апраксинъ былъ бы, по всей вѣроятности, оправданъ, но онъ умеръ до конца слѣдствія. А въ связи съ этимъ слѣдствіемъ 14 февраля 1758 г. былъ арестованъ канцлеръ гр. А. П. Бестужевъ-Рюминъ. Пошли какіе-то слухи о сношеніяхъ Апраксина и Бестужева съ великою княгиней, о какихъ-то ея письмахъ. Екатерина оказалась въ очень фальшивомъ положеніи; ея избѣгали, она чувствовала на себѣ опасливые взгляды придворныхъ. Тогда она попросила у императрицы, какъ милости, возможности объясниться. Объясненіе произошло ночью 13 апрѣля — императрица Елизавета ложилась спать очень поздно; при бесѣдѣ этой присутствовали великій князь, гр. А. И. Шуваловъ и — по словамъ Екатерины, хотя она не говоритъ, откуда это узнала — за ширмами скрывался И. И. Шуваловъ; 23 мая произошла вторая бесѣда, которую Екатерина испросила у Елизаветы Петровны на первомъ объясненіи. На описаніи самаго начала этой второй бесѣды обрываются записки императрицы Екатерины, единственный источникъ, изъ котораго мы знаемъ обо всѣхъ этихъ событіяхъ, и что говорилось на послѣдней бесѣдѣ — остается неизвѣстнымъ.

Эти двѣ бесѣды и весь этотъ періодъ времени представляются намъ важнѣйшими пунктами во всей жизни Екатерины.

Вотъ какъ излагаетъ ночную бесѣду 13 апрѣля Екатерина въ своихъ запискахъ.

Вошедши въ покой, гдѣ была императрица, великая княгиня бросилась предъ нею на колѣни и со слезами просила отпустить ее къ роднымъ; на возраженія императрицы, какъ объяснить такой отъѣздъ, чѣмъ будетъ она жить и какъ останется ея сынъ, Екатерина отвѣчала, что императрица вольна объяснить, чѣмъ будетъ ей угодно, что ея сынъ останется на попеченіи императрицы и что жить она будетъ, какъ жила раньше до того времени, когда ее взяли къ русскому двору. Императрица, смягчившись, сказала: «Богъ свидѣтель, какъ я плакала, когда вскорѣ послѣ пріѣзда въ Россію вы были при смерти больны; я васъ искренно любила». На выраженія благодарности Екатерины она упрекнула ее, что давно уже она обнаруживаетъ гордость и чрезмѣрное самомнѣніе, воображаетъ, что никого нѣтъ умнѣе ея; Екате-

рина увѣряла, что совершенно неумышленно подала поводъ къ обвиненію въ гордости, и что то положеніе, въ какомъ она въ данную минуту находится, конечно, убѣждаетъ и ее, какъ и другихъ, что она далеко не умнѣе всѣхъ. Послѣ неумѣлаго вмѣшательства великаго князя, старавшагося возбудить императрицу противъ своей супруги, императрица, по словамъ Екатерины, неожиданно перескочила къ сношеніямъ Штамбке — это былъ одинъ чиновникъ голштинской службы, находившійся въ Россіи — съ Бестужевымъ и сказала: «Сами посудите, какъ можно извинять его за то, что онъ имѣетъ сношенія съ государственнымъ узникомъ», а затѣмъ подошла ближе къ великой княгинѣ и сказала: «Вы вмѣшиваетесь во многія вещи, которыя васъ не касаются; я не посмѣла бы дѣлать того же при императрицѣ Аннѣ. Какъ, напримѣръ, вы посмѣли посылать приказанія фельдмаршалу Апраксину?» На заявленіе Екатерины, что никогда ей и въ голову не приходило написать ему приказанія, императрица отвѣтила: «Какъ вы можете отрицать, что вы ему писали! Ваши письма тутъ, въ этой чашѣ,— и императрица указала на нихъ пальцемъ, — а вамъ запрещено писать». Екатерина утверждала, что писала только три письма, не содержавшія не только какихъ-либо приказаній, но и вообще чего-либо серьезнаго. Императрица отвѣтила: «Бестужевъ говоритъ, что было много другихъ»; Екатерина возразила: «Если Бестужевъ это говоритъ, то онъ лжетъ». «Если онъ лжетъ на васъ, то я велю его пытать», сказала Елизавета Петровна. По замѣчанію Екатерины императрица этимъ хотѣла ее напугать, но она отвѣтила, что императрица можетъ дѣлать, что она находитъ нужнымъ. Послѣ этого императрица отошла и стала говорить съ А. И. Шуваловымъ и великимъ княземъ, который попрежнему старался вызвать въ императрицѣ гнѣвъ на Екатерину; наконецъ Елизавета Петровна подошла снова къ своей невѣсткѣ и вполголоса сказала ей: «Мнѣ надо будетъ многое вамъ еще сказать; но я не могу теперь говорить, потому что не хочу васъ ссорить еще болѣе». Екатерина отвѣтила тоже почти шопотомъ: «И я также не могу говорить, хотя мнѣ чрезвычайно хочется открыть вамъ свое сердце и душу». Императрица казалась тронутою этими словами; она милостиво прекратила аудіенцію, а затѣмъ прислала гр. А. И. Шувалова передать великой княгинѣ поклонъ, просить ее не огорчаться и сообщить ей, что императрица будетъ еще съ нею говорить. Второй разговоръ состоялся 23 мая. Императрица была одна и никакихъ ширмъ въ комнатѣ не было. Екатерина начала съ благодарности императрицѣ за разрѣшеніе объясниться съ нею; государыня прежде всего высказала требованіе, чтобы великая княгиня отвѣчала ей полную правду на все, о чемъ она спроситъ, и, получивъ такое обѣщаніе, спросила, дѣйствительно ли было только три письма къ Апраксину; Екатерина поклялась, что только три; тогда Елизавета Петровна «стала спрашивать подробности объ образѣ жизни

великаго князя»—этими словами оканчивается разсказъ Екатерины о второмъ свиданіи, а вмѣстѣ и ея «Записки».

Въ своемъ изложеніи мы опустили лишь то, что Екатерина говоритъ о недружелюбномъ отношеніи къ ней великаго князя и о знакахъ волненія и разстройства императрицы; все остальное передано почти безъ измѣненій ея собственными словами — и въ этомъ видѣ бесѣда какъ будто не могла имѣть такого значенія, какое Екатерина ей придаетъ. Упреки въ гордости, обращенные къ Екатеринѣ, совсѣмъ неважны сравнительно съ тѣмъ, что не разъ говаривала Елизавета Петровна и племяннику своему, и принцессѣ Іоганнѣ-Елизаветѣ, и самой Екатеринѣ; жалобы великаго князя на свою жену ничтожны по существу, да въ это время императрица Елизавета уже совсѣмъ охладѣла къ племяннику и словамъ его не придавала значенія. Существеннымъ остается вопросъ о письмахъ, но его Екатерина затушевываетъ и какъ будто что-то тутъ скрываетъ. Въ самомъ дѣлѣ, по ея разсказу, ей говорили, что ея письма тутъ, въ этой комнатѣ, въ этой чашѣ, а она отрицала существованіе писемъ, кромѣ трехъ совершенно невиннаго содержанія; кажется, легко было подвинуть вопросъ къ несомнительному рѣшенію: стоило только показать эти письма— и тогда или Екатерина должна бы сознаться, если письма были ея, или она должна была утверждать ихъ подложность, если бы нашла ихъ поддѣльными; но этого сдѣлано не было. А предъ описаніемъ ночной бесѣды есть у Екатерины обмолвка: «Какъ только я узнала, — говоритъ она въ своихъ «Запискахъ», — о высылкѣ Штамбке и объ отозваніи гр. Понятовскаго, я уже не ждала ничего хорошаго» — тогда она и попросила свиданія съ императрицей; довольно ясно, кажется, что Понятовскій имѣлъ какое-то отношеніе къ этому свиданію, но въ бесѣдѣ, какъ ее изложила Екатерина, нѣтъ ничего, хотя бы отдаленно, касающагося Понятовскаго. Это, повидимому, тоже умолчаніе. Мы думаемъ, что въ дѣйствительности Понятовскій имѣлъ очень близкое отношеніе къ обѣимъ ночнымъ бесѣдамъ; правда, въ доказательство своего мнѣнія мы можемъ привести лишь предположенія и толкованія нѣкоторыхъ позже происшедшихъ фактовъ, но намъ кажется только такъ возможно объяснить и эти двѣ ночныя бесѣды и кое-что еще.

Екатерина нигдѣ ни единымъ словомъ не говоритъ о своей перепискѣ съ англійскимъ посломъ Вильямсомъ; немедленно по вступленіи на престолъ, отдавая приказаніе заплатить ему деньги, которыя она у него занимала, она ничѣмъ не даетъ основаній предполагать и тайную переписку съ нимъ, но эта переписка существовала, она недавно открыта и напечатана и она имѣетъ большое значеніе.

Переписка эта началась въ моментъ самаго страстнаго увлеченія Екатерины Понятовскимъ: во время отсутствія его изъ Петер-

бурга Екатерина писала о немъ Вильямсу и отъ Вильямса получала вѣсти о человѣкѣ, который владѣлъ ея сердцемъ. Письма всѣ анонимныя и даже написаны такъ, какъ будто авторъ ихъ мужчина, какой-то генералъ, но подлинность ихъ не подлежитъ сомнѣнію, какъ потому, что они писаны рукою Екатерины, такъ и потому, что исходятъ, очевидно, отъ лица одинаково близкаго великому князю Петру Ѳеодоровичу и великому князю Павлу Петровичу, отъ лица, предъ которымъ склоняются высшіе сановники, и притомъ отъ женщины; генеральскій чинъ ихъ автора совершенно не согласуется съ ихъ содержаніемъ. Когда Екатерина въ ослѣпленіи страсти писала эти письма, она каждый разъ совершала прямо непозволительный проступокъ и, понявъ впослѣдствіи свою ужасную ошибку, она никогда, нигдѣ, ни единымъ словомъ ихъ не вспомнила. Прежде всего эти письма проникнуты самымъ недоброжелательнымъ и неуважительнымъ отношеніемъ къ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ: о ея болѣзни говорится со злорадствомъ и даже съ явнымъ желаніемъ ей скорой кончины, отзывы о государынѣ рѣзки, даже грубы. Екатерина сообщала Вильямсу вѣсти, которыя касались политическихъ дѣлъ и до нея самой доходили отъ великаго князя; ничего существенно важнаго она сообщить не имѣла случая, но самый фактъ подобныхъ сношеній съ иностраннымъ министромъ не можетъ быть названъ иначе, какъ преступнымъ. Екатерина принимала отъ Вильямса крупныя суммы взаймы, хотя, какъ мы уже сказали, немедленно по воцареніи она ихъ полностію ему вернула. Наконецъ въ этихъ письмахъ Екатерина говоритъ о своихъ планахъ, относящихся къ престолонаслѣдію въ Россіи; правда, она говоритъ лишь о способахъ, какими предполагаетъ сохранить престолъ великому князю Петру Ѳеодоровичу, но такъ какъ, допуская возможность отрѣшенія его отъ наслѣдства, она обсуждаетъ способъ захватитъ престолъ и силою, то, очевидно, эти ея разсужденія являются преступными. И особенно бросается въ глаза то, что писавшее эти письма лицо разсуждаетъ вовсе не какъ русская великая княгиня: авторъ писемъ думаетъ, чувствуетъ и представляетъ себѣ всѣ государственныя отношенія какъ мелкіе нѣмецкіе князья—изъ числа тѣхъ, которые считали возможнымъ жить чужими субсидіями или даже и прямою продажею своихъ подданныхъ въ чужія войска; изъ тѣхъ, для кого корона была не священнымъ символомъ огромной власти и огромной отвѣтственности, а просто фамильною драгоцѣнностью, которую недурно бы получить при дѣлежѣ наслѣдства, хотя бы и не самыми красивыми путями.

Какъ непохожъ весь тонъ, весь характеръ этихъ писемъ на то, что писала впослѣдствіи по такимъ же вопросамъ Екатерина, и на все, что она дѣлала! Замѣчательна и разница въ отношеніи къ императрицѣ Елизаветѣ: тутъ оно неуважительное, даже грубое; впослѣдствіи — оно холодное, но всегда сдержанное, вполнѣ

приличное; въ 1756 — 1757 гг., будучи великою княгинею и при нѣкоторой вѣроятности очень серьезно поплатиться за такіе отзывы, Екатерина прямо съ бранью говоритъ о государынѣ,— впослѣдствіи, сама ставши самодержавною императрицей и имѣя полную возможность выражать свой гнѣвъ и недоброжелательство къ Елизаветѣ Петровнѣ, Екатерина никогда ихъ не обнаруживаетъ даже приблизительно такъ рѣзко, какъ выражала прежде. Для такихъ перемѣнъ должна была быть глубокая причина.

Мы думаемъ, что причина — тѣ два ночныхъ свиданія, о которыхъ мы выше говорили; намъ представляется, что тамъ шла рѣчь о письмахъ Екатерины, но не къ Апраксину только, а и къ Вильямсу и Понятовскому. Письма къ Апраксину не могли имѣть никакого значенія; отправивъ ихъ, великая княгиня нарушала запреты писать помимо коллегіи—но и только, это было проступкомъ не болѣе важнымъ, чѣмъ многіе другіе, часто повторявшіеся; узнавши о нихъ, императрица Елизавета Петровна побранила бы великую княгиню, можетъ-быть сгоряча выбранила бы и довольно рѣзко, можетъ-быть, не говорила бы съ нею, не замѣчала бы ея мѣсяцъ, два—и только; письма къ Вильямсу — другое дѣло; они были преступленіемъ. Изъ-за писемъ къ Апраксину совершенно странно было бы Екатеринѣ просить императрицу о разрѣшеніи уѣхать къ матери, и вторичная высылка Понятовскаго не могла быть связана съ письмами къ Апраксину—къ перепискѣ съ Вильямсомъ она имѣла ближайшее отношеніе и послѣ обнаруженія ея, дѣйствительно, могъ возникнуть вопросъ, не выслать ли великую княгиню изъ Россіи. Письма къ Апраксину не имѣли никакого отношенія къ «образу жизни великаго князя», и странно было вторую бесѣду начинать такимъ вопросомъ. Письма къ Вильямсу и Понятовскому имѣли ближайшее отношеніе къ «образу жизни великаго князя», въ значительной степени оправдывались поведеніемъ наслѣдника престола. Наконецъ, та перемѣна въ отзывахъ Екатерины объ императрицѣ Елизаветѣ, намъ кажется, можетъ быть объяснена только предположеніемъ, что импетратрица Елизавета въ чемъ-то очень важномъ обязала себѣ Екатерину: мы думаемъ, что она, уличивъ Екатерину въ непозволительной перепискѣ, простила эту вину великой княгинѣ и простила, какъ натура крупная, искренно, потому что оцѣнила и ту душевную драму, которая довела Екатерину до этого, и ту, которую пережила Екатерина, когда была уличена,—и Екатерина сообщаетъ намъ, что въ послѣдніе годы своей жизни Елизавета Петровна была къ ней милостивѣе, чѣмъ прежде. Со своей стороны и Екатерина, тоже натура крупная, никогда не забывала этого и не относилась неуважительно къ памяти той женщины, которая въ такомъ важномъ дѣлѣ оказала ей великодушіе.

Екатерина вынесла изъ этого жестокаго урока еще нѣчто гораздо болѣе цѣнное. Она сознала свою ошибку, она поняла, что

если она мечтаетъ стать русскою императрицею, то должна высоко уважать этотъ санъ, должна думать не о томъ, какъ захватить власть, а о томъ, чтобы заслужить ее. Раньше она смотрѣла на вопросъ о наслѣдованіи русскаго престола такъ же, какъ и Петръ Ѳеодоровичъ: она готова была занять открывавшееся предъ нею одно изъ высшихъ въ мірѣ положеній—но тогда и она, какъ ея супругъ, не думала о связанной съ этимъ отвѣтственности, о великомъ трудѣ, какой обязательно падаетъ на русскаго государя; ей казалось, что русскій тронъ можно занять просто съ согласія дежурнаго караула. Теперь, послѣ пережитаго униженія, она оглянулась на прошлое и въ ней проснулись дремавшія силы; предъ глазами исторіи появляется крупная историческая личность, достойный претендентъ на корону; именно съ этого момента Екатерина рѣшительно расходится съ мужемъ, потому что онъ попрежнему ничего этого не понималъ. Екатерина впослѣдствіи отозвалась однажды съ презрѣніемъ о людяхъ, неспособныхъ выйти изъ жалкаго круга маленькихъ идей, который они сами около себя создали; она отлично понимала, что̀ это значитъ, такъ какъ сама долго жила въ кругу мелкихъ интересовъ — и сумѣла изъ него выйти. Теперь она отдалась серьезному чтенію, стала усиленно работать и готовиться къ власти; теперь Екатерину не интересуютъ болѣе шалости и дѣтскія выходки, тѣ, пожалуй, излишнія вольности, какія она позволяла себѣ часто заодно съ великимъ княземъ, а иногда и безъ его вѣдома; пустое времяпрепровожденіе—балы, охоты, уженье — оставлено; теперь великая княгиня стремится къ уединенной работѣ еще усерднѣе, чѣмъ старалась она прежде быть на виду, блистать и веселиться. На цѣлыхъ четыре года мы почти теряемъ Екатерину изъ вида — и когда она выступаетъ предъ нами снова уже какъ супруга императора, а затѣмъ и какъ самодержавная императрица, мы видимъ зрѣлую женщину, съ большимъ запасомъ идей и знаній, съ сильною рѣшимостью, съ огромнымъ умѣньемъ вліять на людей,—женщину, неутомимо работающую и не переставшую работать до послѣдняго дня жизни.

II.

Императрица Екатерина въ царствованіе Петра Ѳеодоровича и ея воцареніе.

25 декабря 1761 г. скончалась послѣ непродолжительной болѣзни императрица Елизавета Петровна; громкими рыданіями было встрѣчено во дворцѣ объявленіе этого печальнаго событія. На престолъ спокойно вступилъ Петръ Ѳеодоровичъ; онъ немедленно принялъ присягу отъ подданныхъ и въ тотъ же день праздновалъ свое воцареніе съ ближайшими людьми веселымъ ужиномъ, сер-

вированнымъ недалеко отъ того покоя, гдѣ лежало тѣло усопшей государыни. Занявшись первые дни довольно усиленно дѣлами правленія, а затѣмъ посвятивъ свое время по преимуществу парадамъ, новый императоръ съ нескрываемымъ равнодушіемъ относился къ кончинѣ своей державной тетки. Екатерина, наоборотъ, обнаруживала глубокую скорбь; она не пропускала ни одной панихиды; на третій день по кончинѣ государыни она посѣтила жившаго во дворцѣ гр. А. Г. Разумовскаго, который—продолжаемъ словами Екатерины—«отъ чистосердечной скорби по покойной государынѣ находился боленъ. Онъ хотѣлъ пасть къ ногамъ моимъ, но я, не допустивъ его до того, обняла его и, обнявшись, оба мы завыли голосомъ и не могли почти говорить слова оба; я, вышедъ отъ него, пошла къ себѣ». Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда императоръ присутствовалъ на какой-нибудь церковной службѣ, связанной съ кончиною государыни, онъ держалъ себя въ церкви какъ на разводѣ: переходилъ постоянно съ мѣста на мѣсто, громко разговаривалъ, смѣялся надъ церковно-служителями, позволялъ себѣ шутки, отъ которыхъ коробило присутствующихъ. Съ воцаренія Петра Ѳеодоровича дѣйствія его и его супруги стали еще больше чѣмъ до того времени различны. То, что происходило между ними, пока Петръ Ѳеодоровичъ былъ только наслѣдникомъ, а Екатерина его супругою, оставалось извѣстно лишь въ небольшомъ придворномъ кругу,—императоръ и императрица привлекали всеобщее вниманіе, и каждый шагъ ихъ имѣлъ значеніе. Петръ Ѳеодоровичъ теперь, сдѣлавшись самодержавнымъ государемъ, не считалъ нужнымъ сдерживать себя въ чемъ-либо; не оцѣнивая высоты своего положенія и святости обязанностей, этимъ положеніемъ на него налагаемыхъ, онъ началъ, ничѣмъ не стѣсняясь, проявлять свою волю, осуществлять свои давнія фантазіи. Очень скоро стало ясно, что онъ совсѣмъ не интересуется русскимъ государствомъ и русскимъ народомъ, менѣе всего желаетъ имѣть и имѣетъ съ нимъ что-либо общаго. Давно увлеченный Фридрихомъ II прусскимъ, онъ откинулъ русскую военную форму и русскіе ордена и постоянно появлялся только въ прусской формѣ и съ прусскими орденами; онъ немедленно прекратилъ войну, вернулъ Пруссіи безъ всякаго вознагражденія все то, что было пріобрѣтено русскимъ оружіемъ при Елизаветѣ Петровнѣ, но при этомъ онъ вовсе не думалъ доставить имперіи миръ: онъ замѣнилъ союзъ противъ Пруссіи союзомъ съ Пруссіей и собирался воевать съ Даніей изъ-за какихъ-то счетовъ съ нею по своему Голштинскому герцогству, для Россіи не имѣвшихъ рѣшительно никакого значенія; онъ намѣревался воспользоваться силами русскаго государства, и въ то же время словно умышленно выражалъ неуваженіе, даже презрѣніе, ко всему, что̀ въ глазахъ русскихъ людей имѣло цѣну—будь то церковный обрядъ, русская гвардія или просто русскіе обычаи, не говоря уже о существен-

ныхъ интересахъ Россіи. Однимъ изъ первыхъ распоряженій его было закрытіе всѣхъ домовыхъ церквей въ Петербургѣ, которыя были запечатаны подъ тѣмъ предлогомъ, будто бы онѣ недостаточно хорошо обстроены и обслуживаются, но всѣ понимали, что не забота о благолѣпіи православныхъ храмовъ руководила тѣмъ, кто въ церкви показывалъ языкъ священникамъ, а во время перенесенія праха усопшей императрицы со смѣхомъ бѣгалъ въ своей траурной мантіи, забавляясь тѣмъ, какъ раздувалась она по вѣтру. Съ самыми заслуженными сановниками, если только они не принадлежали къ числу любезныхъ ему забавниковъ, Петръ Ѳеодоровичъ обращался грубо, грубо бранилъ ихъ и даже билъ, и постоянно показывался на улицахъ въ нетрезвомъ видѣ и предъ народомъ занимался забавами, совершенно неприличными для взрослаго человѣка. Можетъ-быть, многое и прощалось бы ему, если бы въ его дѣйствіяхъ было что-нибудь положительное. Но манифестъ о вольности дворянства, уничтоженіе тайной канцеляріи и нѣсколько послабленій раскольникамъ не могли еще произвести на массу такого впечатлѣнія, которое уравновѣшивало бы необдуманные и неумные шаги, какіе совершались постоянно. До чего могла дойти несдержанность и необузданность Петра Ѳеодоровича, стало ясно всѣмъ, когда на большомъ парадномъ обѣдѣ императоръ приказалъ своему адъютанту передать императрицѣ грубое бранное слово, а затѣмъ, опасаясь, что адъютантъ, пожалуй, смягчитъ его совершенно непозволительное выраженіе, онъ самъ крикнулъ супругѣ эту брань черезъ весь столъ, къ великому смущенію всѣхъ присутствующихъ, въ томъ числѣ и иностранныхъ пословъ; послѣ обѣда онъ приказалъ императрицу арестовать, и съ трудомъ удалось его дядѣ, принцу Голштинскому, предотвратить этотъ неслыханный и ничѣмъ со стороны императрицы не вызванный скандалъ.

Поведеніе императора непрестанно давало обильную пищу раздраженію и недовольству, создавало атмосферу общей неувѣренности не только въ томъ, что правленіе будетъ соотвѣтствовать ожиданіямъ русскихъ людей и достоинству государства, но даже и въ томъ, что не произойдетъ чего-либо совершенно невозможнаго. И русскіе современники, и иностранные послы уже по прошествіи двухъ-трехъ мѣсяцевъ новаго царствованія заговорили о малой вѣроятности, чтобы оно было продолжительно. Екатерина, знавшая своего супруга лучше, чѣмъ кто-либо другой, давно думала, что онъ не процарствуетъ долго; теперь, неувѣренная въ своей безопасности и видя, какъ быстро утрачивалъ ея супругъ уваженіе и какъ широко разливалось недовольство имъ, она поняла, что онъ ни въ комъ не найдетъ опоры, что никакая сила не станетъ за него—и начала прямо готовиться къ перевороту. Съ ближайшими людьми она говорила объ этомъ съ первыхъ недѣль царствованія своего мужа, но подробностей объ этихъ совѣщаніяхъ до насъ не дошло. Въ средѣ гвардейскихъ

офицеровъ имѣла большой успѣхъ пропаганда переворота въ пользу Екатерины,—пропаганда, которую вели смѣло, съ какою-то особенною вѣрою въ свое счастье, главнымъ образомъ Григорій, Алексѣй и Ѳедоръ Орловы—три брата, энергичные, неустрашимые, привлекавшіе къ себѣ всѣхъ своимъ рыцарскимъ характеромъ и пользовавшіеся большимъ вліяніемъ среди гвардейской молодежи; Григорій Орловъ былъ въ это время ближайшимъ къ императрицѣ человѣкомъ. Изъ высшихъ военныхъ чиновъ знали о готовящемся переворотѣ гетманъ гр. К. Г. Разумовскій и кн. Мих. Ник. Волконскій, и, наконецъ, Н. И. Панинъ, воспитатель наслѣдника. Нельзя сказать, чтобы заговоръ былъ организованъ искусно, чтобы въ число посвященныхъ новыя лица допускались осторожно и съ выборомъ, чтобы приняты были какія-нибудь обдуманныя мѣры, способныя обезпечить успѣхъ. Ничего подобнаго не было; успѣхъ заговора былъ обезпеченъ только непопулярностью императора, недовольствомъ и неуваженіемъ, которыя онъ къ себѣ внушалъ, которыя были такъ сильны и такъ всеобщи въ Петербургѣ, что едва раздалось смѣлое слово, призывавшеее къ рѣшительному шагу, какъ всѣ немедленно согласились отказать въ повиновеніи прежнему государю и признать новую императрицу.

Не было еще принято опредѣленнаго рѣшенія, когда и какъ произвести переворотъ; предполагалось, между прочимъ, низложить императора въ тотъ моментъ, когда отданъ будетъ приказъ выступать гвардіи въ походъ противъ Даніи. Въ этомъ случаѣ, когда пришлось бы дѣйствовать высшимъ чинамъ и даже, можетъ-быть, высшимъ учрежденіямъ имперіи, императоромъ былъ бы, вѣроятно, провозглашенъ восьмилѣтній великій князь Павелъ Петровичъ подъ регентствомъ Екатерины; но по случайному поводу пришлось дѣйствовать ранѣе, чѣмъ предполагалось, и обстоятельства сложились такъ, что провозглашеніе императоромъ Павла Петровича оказалось гораздо болѣе неудобнымъ, чѣмъ возведеніе на престолъ Екатерины.

27 іюня 1762 г. одинъ солдатъ Преображенскаго полка заговорилъ съ капитаномъ Пассекомъ, что носятся слухи о намѣреніи императора постричь супругу, удалить сына и перемѣнить вѣру; со своей стороны солдатъ этотъ высказывался, что этого нельзя допускать. Пассекъ, посвященный въ замыслы Екатерины и Орловыхъ, отвѣчалъ, что безпокоиться не надо, что нѣкоторыя мѣры приняты; солдатъ не удовлетворился такимъ отвѣтомъ и заговорилъ о томъ же съ другимъ офицеромъ. Этотъ офицеръ, не посвященный въ заговоръ, былъ крайне удивленъ, слыша такія рѣчи, и еще болѣе изумился, когда узналъ, что Пассекъ выслушалъ ихъ спокойно; онъ доложилъ объ этомъ полковому командиру, и Пассекъ былъ арестованъ—впрочемъ, есть основанія думать, что арестъ этотъ былъ сдѣланъ только, такъ сказать, для вида. Про-

Подписанный имп. Екатериною оригиналъ манифеста 28 іюня 1762 г. о восшествіи ея на престолъ.

Хранится въ архивѣ Правительствующаго Сената.

исшествіе немедленно стало извѣстно Орловымъ—и они начали дѣйствовать рѣшительно.

Императоръ съ самыми близкими лицами проводилъ это время въ Петергофѣ, императрица жила въ Ораніенбаумѣ; сюда 28 іюня она ожидала императора со всею свитою: онъ предполагалъ встрѣтить здѣсь день своихъ именинъ; но вмѣсто того, въ 6 часовъ утра, въ спальню императрицы постучался, а затѣмъ и вошелъ А. Орловъ. «Пора вставать,—сказалъ онъ совершенно спокойно.— Все готово, чтобы васъ провозгласить» — и на вопросъ Екатерины: что же заставляетъ такъ спѣшить, онъ отвѣчалъ: «Пассекъ арестованъ». При этой вѣсти Екатерина поспѣшно одѣлась и въ той же каретѣ, въ которой прискакалъ А. Орловъ, помчалась въ столицу; карету сопровождали только два офицера, прибывшіе съ Орловымъ. Въ шести верстахъ отъ города Екатерина пересѣла въ другой экипажъ, въ которомъ выѣхалъ къ ней навстрѣчу кн. Барятинскій: лошади Орлова, сдѣлавшія болѣе 40 верстъ, совсѣмъ выбивались изъ силъ. Первый полкъ, мимо котораго приходилось проѣзжать, былъ Измайловскій; дежурный караулъ былъ изъ сторонниковъ императрицы; по звуку барабана весь полкъ высыпалъ на улицу, офицеры и солдаты съ восторженными кликами окружили государыню, цѣловали у ней руки, ноги, одежду; привели священника съ крестомъ и полкъ присягнулъ императрицѣ. Двинулись далѣе въ Семеновскій полкъ, который тоже былъ подготовленъ,—тамъ та же встрѣча, тотъ же восторгъ. Отсюда направились къ Казанской церкви; туда явились Преображенскій полкъ и Конная гвардія; всѣ проявляли шумную радость, лишь очень немногіе офицеры пытались еще въ казармахъ удержать солдатъ въ повиновеніи прежнему императору, но на ихъ увѣщанія никто не обращалъ вниманія. Въ Казанской церкви былъ отслуженъ молебенъ и провозглашена новая императрица; въ сопровожденіи войскъ, отовсюду стекавшихся, она прибыла въ Зимній дворецъ, гдѣ уже собрались Сенатъ и Синодъ; они безъ возраженій признали совер-

Мундиръ, который носила императрица Екатерина II, какъ полковникъ гвардіи.
Хранится въ Артиллерійскомъ музеѣ въ Петербургѣ.

Императрица Екатерина 28 іюня 1762 г.
Съ картины Эриксена въ Романовской галлереѣ Зимняго дворца.

шившійся фактъ; Тепловъ наскоро написалъ манифестъ и его оригиналъ, съ поправками, съ чернильными пятнами тутъ же подписала императрица рукою, которая отражала сильное волненіе.

Рѣшено было немедленно дѣйствовать далѣе. Въ Кронштадтъ былъ посланъ адмиралъ Талызинъ, который и успѣлъ привести крѣпость въ повиновеніе императрицѣ; сама императрица, объявивъ себя, при восторженныхъ кликахъ, полковникомъ всѣхъ гвардейскихъ полковъ, въ 6 час. вечера того же 28 іюня двинулась, верхомъ на конѣ, во главѣ приблизительно 10.000 чел., къ Петергофу, гдѣ находился Петръ Ѳеодоровичъ, имѣя 1.590 чел. своихъ голштинскихъ войскъ — русскихъ полковъ при себѣ

онъ не терпѣлъ. Отъ площади Зимняго дворца до Петергофа около 30 верстъ; шли всю ночь съ краткимъ отдыхомъ около Краснаго кабачка. Одинъ за другимъ являлись посланные отъ императора. Еще въ Петербургъ прибылъ фельдмаршалъ кн. Н. Ю. Трубецкой, за нимъ гр. А. И. Шуваловъ; въ пути встрѣтились вице-канцлеръ кн. А. М. Голицынъ и ген.-м. Измайловъ. Два первые имѣли порученіе удержать войска въ повиновеніи государю—и оба они немедленно присягнули Екатеринѣ; кн. Голицынъ привезъ Екатеринѣ письмо отъ ея супруга примирительнаго содержанія, Измайловъ сообщилъ, что Петръ Ѳеодоровичъ готовъ отречься отъ престола, и принялъ на себя порученіе уладить это дѣло. Утромъ 29 іюня Екатерина съ войскомъ вступила въ Петергофъ. Отреченіе было уже подписано, и бывшій императоръ немедленно былъ увезенъ вмѣстѣ съ его любимцемъ гр. Гудовичемъ; карету провожали весьма недружелюбные возгласы солдатъ. 30 іюня императрица Екатерина тріумфально вступила обратно въ Петербургъ.

Такъ совершился переворотъ. Никто не поднялся въ защиту бывшаго императора. Но у императрицы былъ сынъ, и иногда ее обвиняютъ въ узурпаціи его правъ. Это обвиненіе, дѣйствительно, имѣетъ нѣкоторую силу, но значительно меньшую, чѣмъ кажется на первый взглядъ. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что Екатерина и сама желала получить власть въ свои руки, но взяла ее она сама потому, что не могла не взять. Она могла совсѣмъ ничего не дѣлать для устраненія съ престола Петра Ѳеодоровича; но разъ она приняла въ этомъ участіе—она должна была занять тронъ сама, такъ какъ въ случаѣ воцаренія Павла Петровича она подвергала всѣхъ своихъ сторонниковъ двойной опасности: послѣ неизбѣжнаго риска въ самый моментъ переворота для всѣхъ ихъ наступала вторично такая же опасность съ того момента, когда власть перешла бы по окончаніи регентства въ руки молодого государя. Съ какими свойствами, съ какими чувствами и взглядами онъ вырастетъ — этого никто не могъ знать; помимо вопроса о томъ, что́ можно сдѣлать воспитаніемъ съ природными задатками, не подлежитъ спору, что къ уму и сердцу молодого государя и при самомъ бдительномъ надзорѣ могли найти доступъ внушенія весьма неблагопріятныя, если не для его матери, то для всѣхъ другихъ участниковъ переворота; примѣръ Меншикова не былъ неизвѣстенъ. Было большимъ и страшнымъ вопросомъ: какъ отнесется онъ къ этому факту. Екатерина не имѣла, пожалуй, и права такъ рисковать судьбой лицъ, дѣйствовавшихъ съ нею заодно; едва ли даже она нашла бы людей, готовыхъ рисковать собою, содѣйствуя ей въ достиженіи какого-либо другого результата, кромѣ ея собственнаго воцаренія. Передать тронъ низлагаемаго государя его малолѣтнему сыну могли бы только высшія государственныя учрежденія, если бы низложеніе было

произведено ими; но перемѣна совершилась помимо ихъ, они лишь признали совершившійся фактъ и ничѣмъ не проявили своей инициативы въ первый же моментъ,—въ тотъ единственный моментъ, въ который они могли по такому вопросу высказаться.

Разнымъ лицамъ, такъ или иначе содѣйствовавшимъ перевороту, были розданы при коронаціи, 22 сентября того же года, щедрыя награды. Полки гвардіи получили не въ зачетъ полугодовое жалованіе, Панинъ, гр. Разумовскій, кн. Волконскій получили по 5.000 р. ежегодной пенсіи, Орловы возведены въ графское достоинство, получили чины, ордена, 50.000 р. деньгами и свыше 2.000 душъ крестьянъ; княгинѣ Дашковой выдано было 24.000 р.; никто изъ лицъ, оставшихся вѣрными до конца Петру Ѳеодоровичу, не подвергся какой-либо немилости; Екатерина заявляла, что приняла корону по единодушному желанію всѣхъ подданныхъ, и поступала такъ, какъ подобало при такомъ обстоятельствѣ.

Награда кн. Дашковой, одна изъ первыхъ по размѣрамъ, внушила мнѣніе о большомъ участіи княгини въ переворотѣ; сама Дашкова была искренно убѣждена, что все устроила она. Въ своихъ запискахъ она говоритъ, что императрица ей все довѣряла, и сообщаетъ тотъ, дѣйствительно вѣрный фактъ, что чрезъ нее сносились офицеры съ императрицей; только она дѣлаетъ невѣрное заключеніе, что это были всѣ сношенія, какія были у императрицы съ офицерами, Екатерина же говоритъ, что уже пять мѣсяцевъ шли эти сношенія, прежде чѣмъ Дашкова о нихъ узнала что-либо—и, очевидно, въ данномъ случаѣ Екатерина свидѣтельствуетъ о томъ, что̀ ей было извѣстно несравненно точнѣе, чѣмъ Дашковой; а когда сама Дашкова разсказываетъ, что только черезъ день послѣ восшествія Екатерины на престолъ она узнала о томъ, какъ близокъ къ императрицѣ Григ. Орловъ, то она сама даетъ намъ доказательсво, что Екатерина вовсе не была съ нею такъ откровенна, какъ казалось княгинѣ, и что многое, ближайшимъ образомъ касавшееся Екатерины, оставалось ей неизвѣстнымъ. Дашкова разсказываетъ, что въ самомъ началѣ царствованія Петра Ѳеодоровича она обратилась къ императрицѣ, умоляя ее открыться, имѣетъ ли она какіе-нибудь планы, и что Екатерина отвѣтила, что никакихъ плановъ не имѣетъ, а рѣшила предоставить все естественному теченію. Дашкова повѣрила этому отвѣту, но сама нашла нужнымъ дѣйствовать—и потому думала, что все она именно и начала; но отлично извѣстно, что у Екатерины уже давно были планы, и отвѣтила она Дашковой такъ, какъ отвѣтила, очевидно, потому что не считала возможнымъ все открывать молодой, 18-лѣтней женщинѣ. Такимъ образомъ участіе кн. Дашковой въ событіи 28 іюня надо признать вовсе не особенно значительнымъ. Размѣры же награды, ей выданной, объясняются тѣмъ, что и естественно было особенно

наградить молодую, знатную и богатую женщину, которая по собственному желанію и искренней привязанности къ Екатеринѣ приняла участіе въ предпріятіи, во всякомъ случаѣ не безопасномъ.

Съ воцареніемъ Екатерины ея жизнеописаніе самымъ тѣснымъ образомъ сливается съ исторіею ея царствованія; значеніе дѣяній государственныхъ, совершенныхъ ею, совсѣмъ закрываетъ факты ея частной, личной жизни; и если было необходимо подробно изложить жизнь Екатерины до ея воцаренія, чтобы видѣть, какъ слагался ея характеръ, черезъ какія затрудненія, съ какими ошибками и съ какими проявленіями очень большого ума дошла она до трона Россійской Имперіи, то объ Екатеринѣ, какъ объ императрицѣ, только тотъ получитъ вѣрное понятіе, кто ознакомится съ ея государственными трудами, со всею исторіею ея царствованія, въ событіяхъ котораго она принимала самое видное участіе. Краткій очеркъ ея обыденной, частной жизни и общая ея характеристика явятся уже только дополненіемъ къ этому изображенію, — дополненіемъ необходимымъ и важнымъ, но все же лишь дополненіемъ. Раздѣлять ея царствованіе рѣзко на отдѣльные періоды не представляется достаточныхъ основаній, но довольно ясно можно различать первые годы царствованія до начала первой турецкой войны, затѣмъ пятилѣтіе, занятое этою войною, далѣе приблизительно десять лѣтъ, занятыя преимущественно дѣятельностью въ области законодательства и внутренняго управленія, и, наконецъ, послѣднее десятилѣтіе. Въ такомъ распредѣленіи мы и изложимъ жизнь и царствованіе Екатерины II.

III.

Первые годы царствованія Екатерины II.

Екатерина вступила на престолъ безъ яснаго плана и даже безъ опредѣленной программы дѣйствій, но съ опредѣленными намѣреніями. Она не объявляла, что сохранитъ все существующее, какъ объявляли о намѣреніи сохранять все, установленное Петромъ Великимъ, правительства, смѣнявшія другъ друга послѣ перваго императора; тѣмъ менѣе стремилась она передѣлывать все, что унаслѣдовала отъ предшествовавшаго царствованія — какъ отнесся къ ея дѣламъ ея сынъ и преемникъ. Новая императрица, вообще говоря, находила нужнымъ многія и различныя исправленія въ государственномъ механизмѣ Россіи и даже въ Россіи вообще, и себя считала прямо призванною внести перемѣны къ лучшему; какъ вѣрная сторонница раціоналистической философіи, она была проникнута убѣжденіемъ, что просвѣщенный разумъ — и, въ частности, ея просвѣщенный разумъ—откроетъ съ легкостью все, въ чемъ нуждается современность, и дастъ способъ безошибочно

достигнуть желаемыхъ результатовъ. Вѣра во всемогущество разума и убѣжденіе въ легкости всякихъ улучшеній—черта, присущая всей дѣятельности Екатерины и другихъ людей XVIII в. Въ соотвѣтствіи съ такими взглядами Екатерина и дѣйствовала въ первые годы своего царствованія: она вносила въ самыя разныя стороны государственной жизни тѣ поправки, какія представлялись ея умственному взору необходимыми, но какой-либо планомѣрности въ ея государственныхъ мѣропріятіяхъ нельзя усматривать. Работать, примѣняясь не къ потребностямъ только данной минуты, а по опредѣленной программѣ, Екатерина начала уже послѣ, когда убѣдилась въ совершенной неудовлетворительности законовъ и даже въ отсутствіи многихъ необходимыхъ законоположеній.

Первые дни царствованія, начавщагося такъ, какъ началось царствованіе Екатерины, не могли быть совершенно спокойны; въ Петербургѣ нѣсколько дней шелъ разгулъ и народа, и войска; онъ былъ, впрочемъ, скоро прекращенъ твердыми и разумными мѣрами. 3 іюля, присутствуя въ Сенатѣ, императрица дала ему порученіе, какого не получали высшія государственныя учрежденія въ Россіи ни прежде, ни послѣ: Сенату было поручено пересмотрѣть всѣ распоряженія, изданныя при Петрѣ Ѳеодоровичѣ, и своею властью отмѣнить тѣ, которыя Сенатъ найдетъ неполезными, докладывая императрицѣ о тѣхъ, которыя онъ признаетъ нужнымъ сохранить. Въ силу этого повелѣнія Сенатъ предписалъ распечатать домовыя церкви, прекратилъ вербовку въ Россіи охотниковъ въ голштинскія войска, остановилъ предположенный выпускъ бумажныхъ денегъ и т. п. Причины, побудившія императрицу къ рѣшительному шагу, и ея ближайшія намѣренія были изложены въ «Обстоятельномъ манифестѣ», обнародованномъ 6 іюля 1762 г. Какъ первое основаніе перемѣны на престолъ было указано забвеніе правъ русскаго государства и пренебреженіе достоинствомъ и честью русскаго народа, обнаруженныя «бывшимъ императоромъ». По словамъ манифеста Петръ Ѳеодоровичъ «возмечталъ о своей власти монаршей, якобы оная не отъ Бога установлена и не къ пользѣ и благополучію подданныхъ, но случайно къ нему въ руки впала для собственнаго его угожденія и для того далъ самовластію своему соединиться съ самовольнымъ стремленіемъ на всѣ такія установленія въ государствѣ, какія только малость духа его опредѣлить могла къ оскорбленію народа». Далѣе приведены были письма, въ которыхъ императоръ отрекался отъ власти, и, наконецъ, дано обѣщаніе узаконить такія «государственныя установленія», «по которымъ бы правительство въ своей силѣ и принадлежащихъ границахъ теченіе свое имѣло такъ, чтобы и въ потомки каждое государственное мѣсто имѣло свои предѣлы и законы къ соблюденію добраго во всемъ порядка».

Послѣднее обѣщаніе было дано въ словахъ общихъ, ничѣмъ опредѣленнымъ императрицу не связывавшихъ, но несомнѣнно, что именно оно, вмѣстѣ съ безжалостными, но въ общемъ совершенно вѣрными отзывами о царствованіи Петра Ѳеодоровича, было причиною того, что манифестъ этотъ по повелѣнію Павла Петровича былъ вырѣзанъ изъ сборника указовъ императрицы Екатерины II за 1762—1765 годы, въ которомъ онъ въ свое время перепечатанъ, а затѣмъ не включенъ былъ и въ Полное собраніе законовъ.

Въ тотъ самый день, которымъ помѣченъ этотъ манифестъ, погибъ насильственною смертью бывшій императоръ, находившійся въ загородномъ дворцѣ Ропшѣ подъ крѣпкимъ присмотромъ. Обстоятельства этого ужаснаго происшествія въ подробности неизвѣстны; сохранившееся письмо А. Орлова, въ которомъ онъ сообщалъ императрицѣ о случившемся и умолялъ о пощадѣ,—письмо, написанное, очевидно, подъ самымъ свѣжимъ впечатлѣніемъ несчастія, не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что происшествіе это должно было явиться полною неожиданностью для Екатерины. Этотъ случай для нея былъ, конечно, не только печальнымъ пятномъ на фонѣ переворота, совершившагося безъ пролитія капли крови, онъ былъ для нея до нѣкоторой степени даже опасенъ. У нея былъ сынъ, и пока былъ живъ Петръ Ѳеодоровичъ, всякій новый переворотъ, чтобы сохранять хоть тѣнь преимущества надъ событіемъ 28 іюня, могъ быть совершенъ лишь во имя Петра Ѳеодоровича; но за Петра Ѳеодоровича никто бы не поднялся—это было несомнѣнно; теперь являлась возможность движенія во имя правъ Павла Петровича, и отъ этого оно дѣлалось лишь вѣроятнѣе: не скоро еще такъ укрѣпилось положеніе Екатерины на престолѣ, чтобы возможность новой революціи и переворота не представлялась ея умственному взору послѣ смерти ея супруга. Во всякомъ случаѣ, непричастность Екатерины къ этому событію не подвержена никакому сомнѣнію, и всякіе намеки въ противоположномъ смыслѣ абсолютно неосновательны.

9 августа 1762 г. монастырямъ были возвращены недвижимыя имущества, отобранныя у нихъ Петромъ Ѳеодоровичемъ. 1 сентября 1762 г. императрица отправилась въ Москву для коронаціи, которая и совершилась 22 сентября. Москва приняла Екатерину не особенно горячо—по крайней мѣрѣ, находясь въ Москвѣ въ 1775 г., императрица писала, что теперь она видитъ гораздо болѣе сердечности, чѣмъ видѣла въ первый пріѣздъ. И это совершенно понятно: въ Москвѣ не до такой степени ощущалось все то, что дѣлалъ Петръ Ѳеодоровичъ и что въ глазахъ всѣхъ, кто видѣлъ это ближе, оправдывало переворотъ. Въ Москву пріѣхалъ вызванный изъ ссылки А. П. Бестужевъ-Рюминъ; онъ получилъ обратно чины, ордена и всѣ свои богатства, былъ окруженъ всевозможными знаками почета, но участія въ дѣлахъ онъ почти не получилъ: года и горе ослабили его. Во время этого

пребыванія въ Москвѣ императрица основала тутъ Павловскую больницу, въ память выздоровленія цесаревича Павла Петровича отъ сильной болѣзни. Въ Москвѣ разыгрались за это время два незначительныя происшествія, рисующія, однако, настроеніе минуты: офицеры Гурьевъ и Хрущовъ говорили о возможности и желательности новаго переворота въ пользу Іоанна Антоновича или Павла Петровича; Хитрово, Ласунскій и Рославлевъ очень рѣшительно высказались противъ Орловыхъ и готовились убить гр. Г. Орлова, если бы императрица рѣшилась вступить съ нимъ въ бракъ, о возможности чего прошли слухи. Обѣ эти исторіи окончились быстро; участники первой были судимы и наказаны ссылкою въ Сибирь, участники второй были только уволены отъ службы и высланы изъ столицы. Въ первые два года царствованія Екатерины произошли еще два факта, по внутреннему своему значенію сходные съ обоими этими, потому что и въ нихъ выразилось то же враждебное отношеніе къ новой императрицѣ, та же мысль о возможности новыхъ переворотовъ; и мы изложимъ ихъ здѣсь, чтобы уже покончить съ такого рода попытками.

Рѣшеніе вопроса о монастырскихъ имѣніяхъ было поручено 29 ноября 1762 г. особой комиссіи, а 28 февраля 1764 г. было утверждено положеніе о монастырскихъ имѣніяхъ, выработанное этою комиссіею. Было опредѣлено число монастырей, содержаніе которыхъ было принято на казенный счетъ, и на каждый ассигнована опредѣленная сумма; изъ казны же назначено содержаніе архіереямъ и церковно-служителямъ; всѣ прочія суммы, собиравшіяся съ крестьянъ, прежде находившихся во владѣніи отдѣльныхъ монастырей, архіерейскихъ домовъ и даже нѣкоторыхъ церквей, поступили въ вѣдѣніе коллегіи экономіи и были опредѣлены на содержаніе училищъ, больницъ и на пенсіи престарѣлымъ чиновникамъ. Это было весьма удачное разрѣшеніе вопроса, давно наболѣвшаго и начиная со временъ Іоанна III создававшаго разныя затрудненія правительству; полученныя этимъ путемъ средства дали возможность ввести значительныя улучшенія въ организацію всего государственнаго управленія; они были произведены манифестомъ 15 декабря 1763 года. Но многіе представители духовенства были недовольны и въ связи съ вопросомъ о секуляризаціи церковныхъ имуществъ разыгралось знаменитое дѣло ростовскаго митрополита Арсенія Мацѣевича. Этотъ іерархъ, отличавшійся крайне раздражительнымъ характеромъ, очень крутой въ обращеніи съ простыми монахами и еще болѣе съ лицами бѣлаго духовенства, имѣлъ преувеличенное представленіе о значеніи монашескаго чина и ставилъ вообще духовную власть выше свѣтской. Направленіе работъ комиссіи, предложившей указанное выше рѣшеніе вопроса о монастырскихъ имуществахъ, чрезвычайно его раздражало, и онъ позволилъ себѣ безпримѣрную выходку: въ 1763 г., огда въ Ростовѣ было уже извѣстно о предстоявшемъ—и скоро,

дѣйствительно, послѣдовавшемъ — прибытіи императрицы въ Ростовъ, онъ въ первое воскресенье Великаго поста положенное по уставу преданіе анаѳемѣ еретиковъ, лжеучителей и враговъ церкви произвелъ съ особенною торжественностью и самовольно внесъ въ обрядъ два дополненія, явно направленныя прямо противъ личности царствующей государыни, а вслѣдъ за тѣмъ написалъ въ Синодъ крайне рѣзкое письмо, въ которомъ доказывалъ, что дѣйствія императрицы относительно церковныхъ имуществъ стоятъ въ противорѣчіи съ ея обѣщаніями. За это Арсеній былъ преданъ суду, лишенъ сана и сосланъ въ отдаленный монастырь. Впослѣдствіи онъ еще отягчилъ свою участь: въ монастырѣ онъ велъ рѣзкія и неприличныя рѣчи о государынѣ и въ 1767 г. по новому суду былъ лишенъ монашескаго сана, заключенъ въ одинъ изъ казематовъ Ревельской крѣпости; тамъ онъ и умеръ въ 1772 г.

Но эти проявленія недовольства, ограничившіяся только разговорами, гораздо менѣе значительны, чѣмъ попытка новаго переворота, произведенная въ 1764 г.

Іоаннъ Антоновичъ въ послѣдніе годы царствованія Елизаветы Петровны находился въ Шлиссельбургской крѣпости подъ строжайшимъ карауломъ. Императрица Екатерина видѣла несчастнаго принца, но эта встрѣча обставлена была такою глубокою тайной, что подробности ея совершенно неизвѣстны. Несчастнаго узника, совершенно поврежденнаго въ разсудкѣ, Екатерина нашла необходимымъ попрежнему держать подъ самымъ строгимъ надзоромъ и поручила этотъ надзоръ вѣдѣнію единственно Н. И. Панина, такъ что стража не должна была принимать никакихъ распоряженій, если они не исходили отъ императрицы или отъ Н. И. Панина; при этомъ подтверждена была инструкція, данная еще при Елизаветѣ Петровнѣ, чтобы ни подъ какимъ видомъ не выпускать плѣнника и убить его, если представится опасность, что онъ будетъ освобожденъ. Безразсудную попытку освободить его произвелъ въ 1764 г. поручикъ Смоленскаго полка Мировичъ. Это былъ человѣкъ неуравновѣшенный; онъ происходилъ изъ богатаго малороссійскаго рода, когда-то близкаго къ Мазепѣ и послѣ его измѣны потерявшаго и богатства, и положеніе; мысль вернуть прежнее свое благосостояніе неотступно преслѣдовала Мировича; онъ обходилъ въ Петербургѣ гр. Разумовскаго, П. И. Панина, кн. Дашкову, думая устроить при ихъ помощи свою судьбу, но никто не находилъ возможнымъ сдѣлать для Мировича то, на что простирались его претензіи. Случайно осенью 1763 г. Мировичъ узналъ, что Іоаннъ Антоновичъ содержится въ Шлиссельбургѣ— раньше онъ объ этомъ ничего и не зналъ: такъ строго соблюдалась эта тайна. Онъ остановился на безумной мысли вернуть этому принцу тронъ: видя, какъ высоко поднялись тѣ, кто содѣйствовалъ воцаренію Екатерины, онъ расчитывалъ такъ же

возвыситься и самъ, возведя на тронъ новаго государя. Обсудить способъ для осуществленія своего безумнаго предпріятія и хотя бы нѣсколько подготовить его успѣхъ Мировичъ былъ совершенно неспособенъ. Онъ просто, дождавшись своей очереди быть на караулѣ въ Шлиссельбургѣ, переговорилъ съ нѣсколькими капралами стражи, и въ ночь на 5 іюля 1764 г. вызвалъ солдатъ, приказалъ имъ зарядить ружья и сталъ требовать отъ коменданта крѣпости и отъ двухъ офицеровъ, спеціально приставленныхъ сторожить Іоанна Антоновича, чтобы они освободили узника; получивъ отказъ, онъ приказалъ зарядить пушку, чтобы выстрѣлами изъ нея разрушить дверь каземата и вывести плѣнника; тогда ему предложено было войти свободно, онъ вошелъ—и нашелъ бездыханное тѣло: Іоаннъ Антоновичъ былъ убитъ своими стражами согласно инструкціи. Тогда Мировичъ покорно отдался въ руки властей. Извѣстіе обо всемъ этомъ императрица получила отъ Н. И. Панина въ Ригѣ, гдѣ она находилась, совершая поѣздку по прибалтійскимъ губерніямъ. Екатерина сохранила наружно полное спокойствіе, но ускорила свое возвращеніе въ столицу; она опасалась, что, быть-можетъ, покушеніе Мировича было подготовлено, имѣло за собою какую-нибудь партію; тщательное слѣдствіе доказало, что никакихъ сообщниковъ у Мировича не было и что предпріятіе его было поистинѣ безразсудно. Мировичъ былъ судимъ и казненъ.

Это была послѣдняя въ царствованіе Екатерины попытка овладѣть верховною властью или хотя бы оказать энергичное воздѣйствіе на волю императрицы; Пугачевъ принялъ имя Петра III, но онъ, конечно, ни на минуту не расчитывалъ захватить престолъ.

Въ первые же мѣсяцы своего царствованія Екатерина поручила Н. И. Панину составить проектъ преобразованія высшаго управленія Россіи, и 29 декабря 1762 г. ею подписанъ былъ манифестъ объ учрежденіи императорскаго совѣта, но затѣмъ съ этимъ дѣломъ разыгралась какая-то, не совсѣмъ еще разъясненная исторія: манифестъ уже по подписаніи былъ надорванъ, неизвѣстно въ точности когда, но въ близкое къ подписанію время, и императорскій совѣтъ учрежденъ не былъ. Иногда видятъ въ этомъ доказательство того, что императрица первоначально должна была уступать какой-то партіи, добивавшейся ограниченія императорской власти, но затѣмъ почувствовала себя настолько сильною, что смогла отказать въ уступкѣ. Мы думаемъ, однако, что тутъ было лишь предположеніе императрицы улучшить высшее управленіе имперіи, попытки же ограничить власть государыни, намъ кажется, тутъ видѣть нельзя. Проектъ былъ переданъ на разсмотрѣніе нѣкоторыхъ высшихъ сановниковъ и не встрѣтилъ ни въ комъ изъ нихъ сочувствія. Тотъ высшій органъ управленія, который предполагалось учредить, вовсе не получалъ такой связи съ другими учрежденіями имперіи, которая бы давала ему возмож-

ность играть большую роль помимо императрицы. Тѣ самыя лица, которыя были предположены въ члены этого совѣта, разсматривали, по повелѣнію императрицы, уже послѣ подписанія манифеста — повидимому, даже послѣ того, какъ онъ былъ лишенъ силы,—жалованную грамоту дворянству, данную Петромъ Ѳеодоровичемъ: императрица не опасалась, слѣдовательно, тѣхъ самыхъ лицъ, которыя должны были быть назначены членами этого совѣта.

Въ связи съ проектомъ совѣта былъ разработанъ проектъ реформы Сената и всѣхъ центральныхъ учрежденій; имъ императрица воспользовалась почти безъ измѣненій. 15 декабря 1763 г. былъ обнародованъ манифестъ, который составилъ своего рода эпоху въ исторіи гражданскаго управленія Россіи, такъ какъ окончательно раздѣлилъ понятія о государственной службѣ и о частномъ кормленіи. Въ XVII в. въ видѣ обычнаго, признаннаго способа вознагражденія за службу воеводамъ и другимъ представителямъ администраціи давалось право собирать съ населенія, подъ общимъ именемъ «кормовъ», разные сборы, которые опредѣлялись произвольно и разсматривались какъ вознагражденіе за трудъ. Петръ Великій пытался устранить этотъ пережитокъ старины, и служащимъ въ учрежденныхъ имъ коллегіяхъ было назначено жалованье отъ казны, но послѣ его кончины, въ видахъ ложно понимаемой экономіи, жалованье сохранено было лишь высшимъ чинамъ, всѣмъ же прочимъ предоставлено было содержаться «акциденціями», т.-е. доходами отъ просителей, со строгимъ предписаніемъ не вымогать взятокъ, а довольствоваться тѣмъ, что будутъ давать добровольно; надо ли говорить, какое широкое поле открывалось этимъ для развитія взяточничества, помимо того уже, что закрѣплялось крайне нежелательное смѣшеніе понятія объ исполненіи должности и понятія о правѣ на доходъ. Теперь было назначено денежное жалованіе всѣмъ служащимъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ, и съ этого времени стала у насъ возможна борьба со взяточничествомъ.

По новому учрежденію Сенатъ и всѣ коллегіи были раздѣлены на департаменты; каждый департаментъ получалъ въ свое завѣдываніе опредѣленную часть дѣлъ, изъ числа входившихъ въ компетенцію даннаго учрежденія, и рѣшалъ эти дѣла самостоятельно, на правахъ всей коллегіи, и только дѣла важнѣйшія разсматривались въ соединенномъ собраніи всѣхъ департаментовъ; этимъ достигалось значительное ускореніе дѣлопроизводства. Особенно благотворное значеніе имѣло усиленіе дѣятельности Сената. Онъ былъ раздѣленъ на шесть департаментовъ—четыре въ Петербургѣ и два въ Москвѣ; между столицами дѣла распредѣлялись, какъ прежде между Сенатомъ и его конторой, на основаніи принципа географическаго: однѣ губерніи были подвѣдомы петербургскимъ департаментамъ, другія — московскимъ; департаменты получили въ

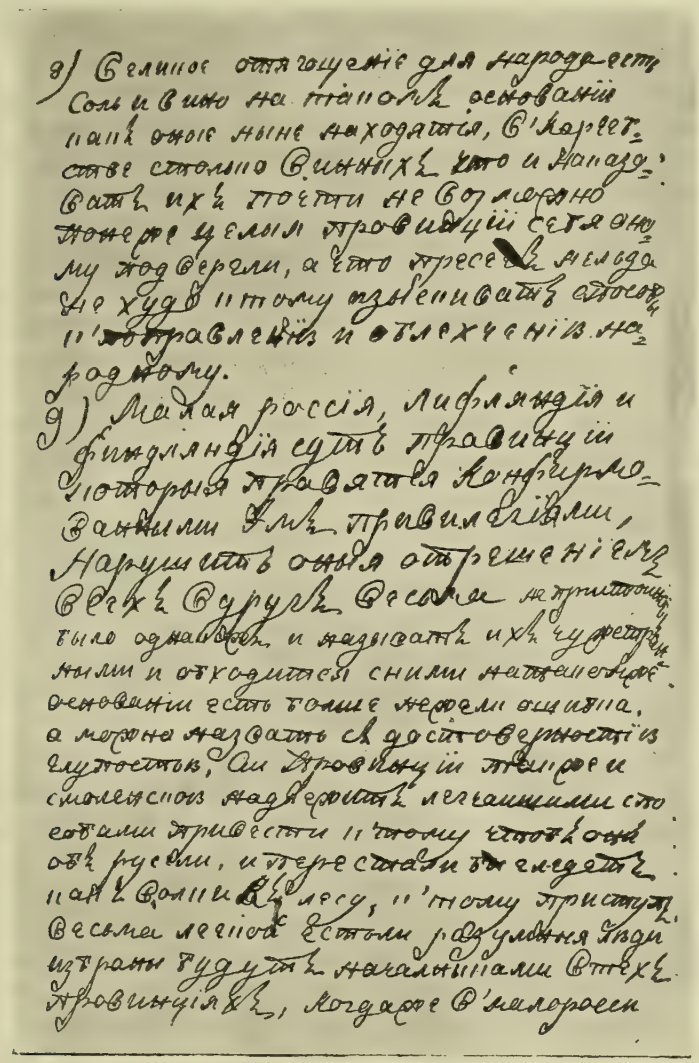
свое завѣдываніе каждый опредѣленныя отрасли государственнаго управленія. Дѣла текущія, для которыхъ существовали достаточныя и ясныя узаконенія, получали окончательное разрѣшеніе въ департаментахъ, но для этого было необходимо, чтобы тамъ состоялось рѣшеніе единогласное не только присутствовавшихъ на разсмотрѣніи даннаго дѣла сенаторовъ, но и всѣхъ сенаторовъ департамента: отсутствовавшіе члены департамента должны были слушать дѣло на дому и дать свое мнѣніе; къ единогласному рѣшенію сенаторы были обязаны прійти и могли не соглашаться только въ томъ случаѣ, если находили, что для даннаго случая нѣтъ подходящаго узаконенія. Если не оказывалось подходящаго закона, или если прямо возникалъ вопросъ о новомъ постановленіи законодательнаго характера или о новой, ранѣе не существовавшей комбинаціи дѣйствій нѣсколькихъ учрежденій—когда, напр., въ какомъ-либо дѣлѣ должны были участвовать нѣсколько коллегій,—то вопросъ обязательно разсматривался въ общемъ собраніи, и всѣ новыя законодательныя постановленія непремѣнно восходили на утвержденіе императрицы. При Сенатѣ оставался генералъ-прокуроръ, имѣвшій обширную власть надъ сенатской канцеляріей и широкія права по наблюденію за всею дѣятельностью Сената; въ каждый департаментъ было назначено по одному оберъ-прокурору; оберъ-прокуроры, подъ общимъ руководствомъ генералъ-прокурора, исполняли въ департаментахъ ту роль, которая по отношенію ко всему Сенату лежала на генералъ-прокурорѣ.

Такая организація Сената оказалась весьма цѣлесообразною. Установленіе шести департаментовъ, т.-е. шести полноправныхъ и одновременно работающихъ въ составѣ Сената присутствій, дало Сенату возможность съ бо̀льшимъ вниманіемъ относиться ко всѣмъ административнымъ и судебнымъ вопросамъ, доходившимъ до него, и оказывать больше вліянія на дѣятельность подчиненныхъ ему учрежденій. Императрица весьма внимательно слѣдила за работами Сената. Она неоднократно, особенно въ первые годы, присутствовала въ общихъ собраніяхъ Сената и постоянно получала отъ генералъ-прокурора доклады о его работахъ; на ея утвержденіе восходили, кромѣ новыхъ узаконеній, всѣ сенатскія рѣшенія по судебнымъ дѣламъ, если приговоръ влекъ за собою высшія степени наказанія; императрица почти всегда смягчала сенатскіе приговоры: полагаемые по силѣ законовъ они являлись часто слишкомъ суровыми. Въ первые же годы царствованія императрица ограничила случаи примѣненія пытокъ, а послѣ изданія Наказа, не уничтоживъ пытокъ окончательно общимъ закономъ, повелѣла Сенату предписать всѣмъ судебнымъ мѣстамъ, чтобы они въ примѣненіи пытокъ непремѣнно строго руководились главою десятой Наказа комиссіи для составленія проекта новаго уложенія, а въ этой главѣ съ самою страстною убѣдительностью была доказана жестокость и безполезность пы-

токъ. И ни разу императрица не отступила отъ этого запрета примѣнять пытки; въ нѣсколькихъ случаяхъ—очень немногочисленныхъ — учрежденія представляли о необходимости примѣнить пытку, и всегда это вело лишь къ тому, что они получали замѣчаніе, что не должно было и дѣлать подобныхъ представленій. Заслуживаютъ также вниманія заботы императрицы о содержимыхъ подъ стражею обвиняемыхъ и о заключенныхъ по суду: въ ея царствованіе было издано много указовъ о томъ, чтобы дѣла, по которымъ содержатся колодники, были разсматриваемы немедленно, чтобы судьба этихъ колодниковъ, особенно несовершеннолѣтнихъ, была по возможности смягчаема. И если повтореніе указовъ, съ одной стороны, свидѣтельствуетъ, что они не были исполняемы со всею строгостью, то, съ другой стороны, непрерывный рядъ ихъ ясно говоритъ о томъ, какое вниманіе обращала на это дѣло императрица. Въ теченіе царствованія Екатерины такіе преступники, какъ тяжелой памяти Салтычиха, замучившая много своихъ крѣпостныхъ—несомнѣнно, она была душевно-больная,—или Жуковъ, убившій мать и сестру, были подвергаемы особымъ наказаніямъ, обставленнымъ такимъ церемоніаломъ, который имѣлъ цѣлью выдвинуть нравственный ужасъ совершенныхъ преступленій. Съ другой стороны, были попытки оказать вниманіе и хорошимъ чувствамъ, проявляемымъ преступниками. Такъ, въ первые годы царствованія произошелъ такой случай: въ лѣсу былъ найденъ человѣкъ, убитый однимъ ударомъ топора, и тутъ же схвачены два крестьянина, родные братья—и каждый изъ братьевъ упорно утверждалъ, что убилъ именно онъ, а не его братъ: каждый принималъ на себя вину и тяжелое наказаніе, слѣдовавшее за преступленіе; императрица простила виновнаго и приказала случай этотъ распубликовать въ газетахъ. Въ общемъ Сенатъ работалъ удовлетворительно; за 34 года царствованія Екатерины можно отмѣтить не болѣе 10 случаевъ, когда императрица дѣлала Сенату упреки за неосновательность рѣшеній; чаще приходилось государынѣ требовать болѣе скорыхъ рѣшеній, но встрѣчаются и случаи благодарности Сенату за хорошую работу. Все внутреннее управленіе въ царствованіе Екатерины совершалось, можно сказать, именно Сенатомъ и государынею, и заслуги ихъ тутъ очень велики. При непосредственномъ участіи Сената были осуществлены всѣ реформы царствованія; всѣ подробности, требовавшія разрѣшенія при проведеніи въ жизнь новыхъ учрежденій, разрабатывалъ Сенатъ и, оцѣнивая его дѣятельность въ общемъ, нельзя не признать въ ней и внимательнаго отношенія къ запросамъ жизни и умѣлаго ихъ разрѣшенія.

При вступленіи Екатерины на престолъ генералъ-прокуроромъ былъ А. И. Глѣбовъ, человѣкъ чрезвычайно способный, но безъ твердыхъ принциповъ; онъ позволялъ себѣ принимать участіе въ весьма неблаговидныхъ финансовыхъ операціяхъ и въ началѣ

1764 г., когда это раскрылось, былъ отставленъ отъ должности; генералъ-прокуроромъ назначенъ былъ кн. А. А. Вяземскій, который до того времени былъ генералъ-квартирмейстеромъ, т. - е. исполнялъ приблизительно тѣ обязанности, которыя теперь лежатъ на интендантствѣ. Въ самомъ началѣ царствованія онъ былъ отпра-



Страница «Секретнѣйшаго наставленія» кн. А. А. Вяземскому.
Оригиналъ въ Государственномъ Архивѣ въ Петербургѣ.

вленъ съ особымъ порученіемъ на Уралъ, гдѣ происходили серьезныя волненія заводскихъ крестьянъ. Онъ отлично понялъ положеніе всего заводскаго округа, утишилъ благоразумными мѣрами волненія и представилъ императрицѣ очень ясное и безпристрастное изложеніе дѣла, затрагивавшаго крупные денежные интересы

вліятельнѣйшихъ фамилій. Своими дѣйствіями кн. Вяземскій заслужилъ полное довѣріе императрицы, она поручила ему важнѣйшій постъ имперіи, и новый генералъ - прокуроръ оправдалъ довѣріе государыни. Кн. Вяземскій не былъ человѣкомъ обширнаго государственнаго ума, онъ не увлекался широкими перспективами, обольщавшими иногда и Екатерину, онъ былъ зато человѣкъ неподкупной честности, удивительной работоспособности и отлично зналъ всю администрацію имперіи; онъ былъ самымъ подходящимъ помощникомъ императрицы и исполнителемъ ея предначертаній. Съ теченіемъ времени въ его рукахъ сосредоточилось почти самостоятельное управленіе нѣсколькими отраслями администраціи, и прежде всего финансами; свой высокій постъ онъ сохранилъ до самой своей кончины въ 1793 г.

При назначеніи Вяземскаго генералъ-прокуроромъ Екатерина дала ему особое «Секретнѣйшее наставленіе». Императрица требовала въ немъ отъ Вяземскаго правды и только правды, обѣщая ему за то всегдашнюю свою поддержку; далѣе она обращала его вниманіе на важнѣйшіе, стоявшіе на очереди, вопросы финансоваго управленія и излагала свое мнѣніе о двухъ партіяхъ въ Сенатѣ, изъ которыхъ одна, по ея словамъ, состояла изъ людей вполнѣ добросовѣстныхъ, но не особенно выдающихся въ умственномъ отношеніи, другая же—изъ людей съ болѣе широкими взглядами, но не внушавшихъ государынѣ полнаго довѣрія, потому что они преслѣдовали свои частные интересы; государыня просила Вяземскаго относиться къ той и другой партіи безпристрастно. Замѣчательны въ этой инструкціи слова Екатерины по поводу нѣкоторыхъ притязаній окраинъ имперіи: «Малая Россія, Лифляндія и Финляндія суть провинціи, которыя правятся конфирмованными имъ привилегіями. Нарушить оныя отрѣшеніемъ всѣхъ вдругъ весьма непристойно бъ было, однакожъ и называть ихъ чужестранными и обходиться съ ними на такомъ же основаніи есть больше нежели ошибка, а можно назвать съ достовѣрностію глупостью. Сіи провинціи надлежитъ легчайшими способами привести къ тому, чтобы онѣ обрусѣли и перестали бы глядѣть, какъ волки къ лѣсу; когда же въ Малороссіи гетмана не будетъ, то должно стараться, чтобъ ввѣкъ и имя гетманское исчезло, не токмо бы персона какая произведена была въ оное достоинство».

И взглядамъ этимъ государыня всегда оставалась вѣрна: съ Эстляндскаго дворянства она приказала немедленно взыскать 50.000 р., которые дворянство это «выманило себѣ въ минувшее послѣднее правленіе, воспользуясь только тогдашнимъ къ чужестраннымъ націямъ пристрастіемъ, не постыдившись таковыми причинами умножать убытки Россіи»; и когда многіе города прибалтійскихъ губерній просили у Екатерины подтвержденія своихъ привилегій—какъ и ранѣе они представляли всякому новому госу-

дарю такую же просьбу,—то, конечно, они были очень счастливы, когда привилегіи эти были подтверждены, и никогда не мечтали получить что-либо большее. Екатерина неуклонно повторяла, что нѣмецкіе подданные имперіи должны непремѣнно усвоивать русскій языкъ, и достигла того, что русскій языкъ употреблялся въ дѣлопроизводствѣ прибалтійскаго края; въ совершенномъ согласіи съ такимъ направленіемъ стоитъ и резолюція императрицы на доложенныхъ ей претензіяхъ лифляндскихъ депутатовъ въ комиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія: «они подданные Россійской имперіи, а я не Лифляндская императрица, а Всероссійская».

Такъ же относилась императрица Екатерина и къ Малороссіи. Елизавета Петровна, питая особенное расположеніе къ Разумовскимъ, малороссамъ по происхожденію, возстановила въ Малороссіи гетманское достоинство и возвела въ гетманы гр. К. Г. Разумовскаго, брата своего фаворита. Гетманское правленіе стремилось и теперь, какъ прежде, къ тому, чтобы Малороссія какъ можно болѣе получала облегченій отъ тягостей, неизбѣжно связанныхъ съ общеимперскимъ управленіемъ, и добилась для Малороссіи весьма существенныхъ въ финансовомъ отношеніи льготъ: многихъ податей и повинностей, падавшихъ на великорусскія области, Малороссія совсѣмъ не несла. Екатерина рѣшила положить конецъ такому ненормальному порядку. Такъ какъ гетманъ Разумовскій не былъ склоненъ проводить уменьшеніе льготъ Малороссіи, то Екатерина очень ясно дала ему понять, что ей будетъ пріятно, если онъ сложитъ съ себя это званіе; послѣ нѣкотораго колебанія гр. Разумовскій, видя продолжающіяся деликатныя, но твердыя настоянія государыни, подалъ просьбу объ отставкѣ. Онъ былъ уволенъ 10 ноября 1764 г. самымъ милостивымъ образомъ, а для управленія Малороссіею была учреждена въ Глуховѣ, тогдашнемъ главномъ городѣ края, малороссійская коллегія, составленная пополамъ изъ великорусскихъ и малорусскихъ членовъ. Президентомъ этой коллегіи и генералъ-губернаторомъ Малороссіи былъ назначенъ гр. П. А. Румянцевъ, знаменитый впослѣдствіи полководецъ, человѣкъ истинно государственнаго ума; до самаго введенія новыхъ губернскихъ учрежденій онъ и управлялъ всею Малороссіею съ большимъ благоразуміемъ и твердостью.

Изъ мѣръ относительно другихъ центральныхъ учрежденій надо отмѣтить возстановленіе (12 мая 1763 г.) коллегіи экономіи, которая получила вновь въ свое управленіе доходы съ монастырскихъ имуществъ, учрежденіе коллегіи медицинскаго факультета (12 ноября 1763 г.), которой поручено было заботиться о снабженіи провинціи медицинскимъ персоналомъ: до того времени было едва по одному врачу на каждую губернію. Очень важныя мѣры предполагалось провести черезъ камеръ-коллегію. По идеѣ Петра Великаго она должна была управлять финансами и даже, до из-

вѣстной степени, руководить экономическою жизнью страны; однако съ теченіемъ времени функціи коллегіи свелись только къ управленію питейными сборами и нѣкоторыми маловажными статьями государственныхъ доходовъ. Екатерина назначила президентомъ камеръ-коллегіи молодого и просвѣщеннаго кн. Б. А. Куракина, а послѣ его кончины, послѣдовавшей черезъ годъ съ небольшимъ, одного изъ образованнѣйшихъ своихъ сотрудниковъ, А. П. Мельгунова. Предполагалось не только сдѣлать камеръ-коллегію «настоящимъ мѣстомъ общественнаго въ имперіи хозяйства, но стремиться къ тому, чтобы струи коронныхъ доходовъ и всеобщаго обогащенія не были отводимы отъ настоящей его цѣли, но содѣйствовали общему государственному хозяйству». Возникало предположеніе совершенно новое для русской администраціи XVIII в.: образовать цѣлую сѣть областныхъ органовъ, которые должны были стоять въ непосредственной связи съ камеръ-коллегіей и содѣйствовать ей въ достиженіи указанной цѣли. Къ сожалѣнію, эти пожеланія остались только свидѣтельствомъ широкихъ и благихъ намѣреній государыни, осуществленія же не получили: благодаря большимъ доходамъ съ монастырскихъ имуществъ и повышенію доходовъ отъ соляной торговли, явившемуся вслѣдствіе пониженія цѣны соли, правительство настолько хорошо справилось съ финансовыми затрудненіями, которыя возникли какъ результатъ войны, что финансовыя реформы не казались уже настоятельными, а затѣмъ другія работы отвлекли вниманіе государыни и правительства.

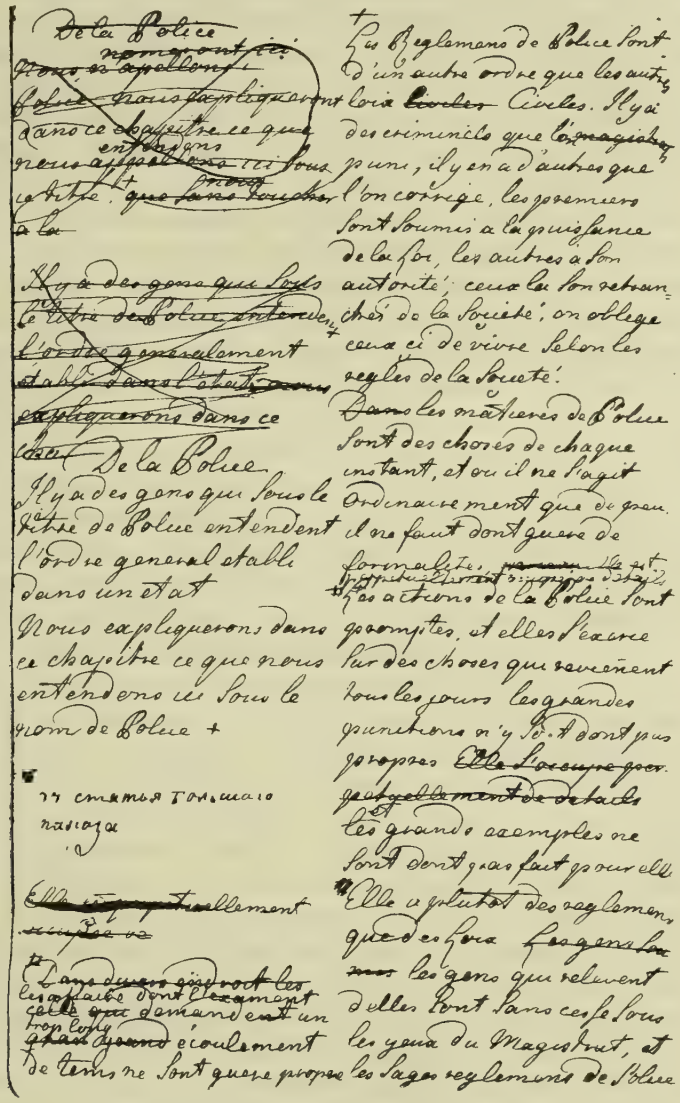
Многіе вопросы внутренняго управленія были передаваемы Екатериною въ первые годы ея царствованія на обсужденіе спеціальнымъ комиссіямъ. Особая комиссія разсматривала организацію сухопутныхъ и морскихъ силъ — по ея докладу введены были нѣкоторыя измѣненія и, между прочимъ, изданъ новый рекрутскій уставъ; была учреждена комиссія о россійской коммерціи, особыя комиссіи разсматривали вопросы о торговлѣ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ городовъ. Конечно, это вопросы такого рода, что въ нихъ сколько-нибудь значительныя улучшенія не могутъ быть достигнуты быстро, но нельзя не отмѣтить, что на такіе вопросы было обращено серьезное вниманіе; къ тому же, подъ вліяніемъ личныхъ взглядовъ императрицы, они разрѣшались, вообще говоря, въ смыслѣ ограниченія различныхъ привилегій и предоставленія большей свободы участникамъ торговой дѣятельности. Образованы были торговыя компаніи, одна въ Нижнемъ-Новгородѣ, другая для торговли въ Средиземномъ морѣ; учреждены были торговые консулы во многихъ пунктахъ, гдѣ ихъ ранѣе не было. Развитіе экономическаго благосостоянія страны вообще постоянно занимало императрицу, и въ первые годы удалось провести нѣсколько полезныхъ въ этомъ отношеніи мѣръ: было упорядочено денежное обращеніе установленіемъ доброкачественной монеты, питейные

и соляные сборы реорганизованы настолько удачно, что 20 лѣтъ они оставались въ хорошемъ состояніи; обращено было большое вниманіе на развитіе и улучшеніе путей сообщенія, учреждено нѣсколько новыхъ почтовыхъ трактовъ въ прибавку къ очень немногимъ существовавшимъ уже ранѣе; оказывалась всегда широкая помощь городамъ, которые пострадали отъ пожаровъ. Въ первый же годъ царствованія предпринята была обширная продажа казенныхъ земель, главнымъ образомъ тѣхъ участковъ, которые уже находились во владѣніи у частныхъ лицъ. Продажа эта, производившаяся по очень умѣренной цѣнѣ, доставила казнѣ чувствительное воспособленіе, а за частными лицами укрѣпила занятые ими участки. Вопросъ объ урегулированіи частнаго землевладѣнія—вопросъ первостепенной важности не только для экономической жизни страны, но и въ отношеніи общественной жизни; онъ не успѣлъ еще въ Россіи получить къ тому времени удовлетворительнаго разрѣшенія; не разъ предпринимались попытки межеванія, но ихъ не удавалось довести до желаемаго конца, главнымъ образомъ, потому, что обыкновенно обмежеваніе земель соединяемо было съ провѣркою правъ на владѣніе, а это чрезвычайно осложняло всю операцію. Въ 1765 г. приступлено было къ такъ называемому «генеральному межеванію», при которомъ опредѣлялись лишь границы дачъ и ихъ площади, а провѣрки правъ на владѣніе не производилось. Дѣло межеванія вела особая экспедиція при Сенатѣ, находившаяся подъ непосредственнымъ управленіемъ генералъ-прокурора и подъ постояннымъ наблюденіемъ императрицы; оно шло въ теченіе всего царствованія Екатерины; въ 30 лѣтъ было обмежевано свыше 140 милліоновъ десятинъ, т.-е. почти по 5.000.000 десятинъ ежегодно, тогда какъ въ царствованіе Елизаветы Петровны, съ 1754 г. по 1761 г., обмежевано было менѣе 60 тысячъ десятинъ. Межеваніе было однимъ изъ очень важныхъ дѣлъ царствованія; кромѣ хозяйственныхъ удобствъ, являвшихся прямымъ послѣдствіемъ установленія твердыхъ границъ земельныхъ участковъ, межеваніе устранило на будущее время огромное количество судебныхъ дѣлъ, которыя постоянно возникали между ближними родственниками и положительно заполняли собою умственные интересы тогдашнихъ людей. Цѣлый рядъ мѣръ затѣмъ принятъ былъ, чтобы привлечь въ Россію переселенцевъ изъ другихъ государствъ. Обширныя пространства плодороднѣйшихъ земель оставались еще въ то время въ Россіи незаселенными. Особыми манифестами вызываемы были изъ другихъ странъ желающіе поселиться въ Россіи; имъ давались средства для переѣзда, безплатно отводилась земля и предоставлялись разныя льготы; ближайшее руководство всѣмъ этимъ дѣломъ было возложено Екатериною на канцелярію опекунства иностранныхъ, учрежденную 22 іюля 1763 г.; президентомъ ея былъ назначенъ гр. Г. Г. Орловъ. Колонизація шла не быстрымъ шагомъ, но непрерывно—и въ обширныхъ степяхъ По-

волжья и въ Малороссіи возникли поселенія трудолюбивыхъ колонистовъ, несмотря на то, что иностранныя правительства вовсе недружелюбно относились къ такого рода мѣрамъ русскаго. Удалось, кромѣ того, возвратить довольно значительное число бѣглыхъ, скрывавшихся по разнымъ случаямъ въ Польшу: въ ихъ числѣ были и дезертиры, и преступники, бѣжавшіе отъ наказаній, и, всего болѣе, раскольники; теперь раскольникамъ была обезпечена свобода совѣсти, преступникамъ обѣщано, въ случаѣ выхода въ указанный срокъ, прощеніе—и вернулись очень многіе. Правительство Екатерины, впрочемъ, не останавливалось и предъ отправкою въ предѣлы Польши небольшихъ военныхъ командъ, если узнавало, что польскія власти задерживаютъ желающихъ выйти въ Россію; такія посылки вызывали жалобы поляковъ, но на жалобы эти не обращали вниманія. Упомянемъ еще заботы правительства Екатерины объ распространеніи шелководства, объ улучшеніи табаководства и, особенно, о постепенномъ введеніи въ общее употребленіе картофеля; продуктъ этотъ, въ началѣ царствованія Екатерины бывшій рѣдкою новинкою, получилъ затѣмъ широкое распространеніе.

Наконецъ необходимо упомянуть цѣлый рядъ мѣръ по народному образованію, призрѣнію и здравію. Въ Москвѣ была учреждена обширная Павловская больница, въ Петербургѣ и Москвѣ основаны воспитательные дома, изданы наставленія о сбереженіи жизни младенцевъ; были расширены программы кадетскихъ корпусовъ, увеличено количество обучающихся въ корпусахъ юношей, создано первое въ Россіи учебное заведеніе для дѣвочекъ, основано первое въ Россіи ученое общество, такъ называемое Вольное Экономическое (1765), организована Академія Художествъ. Въ ряду мѣръ по обезпеченію народнаго здравія особенно замѣчательна отважная рѣшимость императрицы привить оспу себѣ и своему сыну. Предохранительная прививка оспы изрѣдка примѣнялась въ Россіи и ранѣе, но обслѣдовано ея примѣненіе не было, и не только огромное большинство общества, но и многіе представители тогдашней медицины относились къ этому съ чрезвычайнымъ недовѣріемъ. Екатерина лѣтомъ 1768 г. пригласила англійскаго доктора Димсдаля и привила себѣ оспу тайно отъ всѣхъ, кромѣ самыхъ приближенныхъ лицъ, а затѣмъ, когда операція эта прошла совершенно благополучно, привита была оспа и вел. кн. Павлу Петровичу. Когда стало извѣстно, что привита была оспа государынѣ и наслѣднику, это произвело сенсацію не только въ Россіи, но и по всей Европѣ; Людовикъ XV высказалъ неодобреніе такой неблагоразумной рѣшимости—самъ онъ впослѣдствіи отъ оспы и умеръ. Сенатъ, высшіе чины и члены комиссіи для составленія проекта новаго уложенія въ особой аудіенціи приносили свои благодаренія. Сенатъ восхвалялъ ту «великодушную смѣлость» государыни, съ какою она «показала чаяніе смертныхъ

превосходящую милость», когда, «несмотря на зрѣлость лѣтъ своихъ и несравненно большую противъ младенчества опасность, изъ любви къ отечеству предприняла не только собственную свою особу опыту новоизобрѣтеннаго оспопрививанія вдать, но симъ



Листъ изъ черновой рукописи Наказа.
Рукопись хранится въ Императорской Академіи Наукъ.

своимъ великодушнымъ примѣромъ возбудить и ободрить соизволила и вселюбезнѣйшаго сына своего и наслѣдника на то же поступить». Императрица благодарила Сенатъ и сказала, между прочимъ, что, поступивъ такъ, она лишь «исполнила часть долга званія своего, ибо, по слову евангельскому, добрый пастырь полагаетъ

душу свою за овцы. Вы можете увѣрены быть,—прибавила она,— что нынѣ и паче усугублять буду мои старанія и попеченія о благополучіи всѣхъ моихъ вѣрноподданныхъ вообще и каждаго особо». Въ память выздоровленія императрицы послѣ привитія оспы было установлено особое празднованіе 21 ноября.

На этомъ мы и покончимъ обзоръ внутренней дѣятельности Екатерины въ первые годы царствованія; нашъ краткій очеркъ едва даетъ понятіе о разнообразіи ея трудовъ и далеко не рисуетъ съ необходимою полнотою того, что въ это время было совершено или предпринято. Но работа безъ опредѣленнаго плана, безъ намѣченной программы, направленная на удовлетвореніе лишь случайно выдвигаемыхъ жизнью запросовъ, не казалась достаточною государынѣ. По ея словамъ, въ первые же годы царствованія изъ прошеній, ей поданныхъ, изъ дѣлъ Сената и разныхъ коллегій, изъ сенаторскихъ разсужденій и изъ частныхъ бесѣдъ она поняла, что на многіе случаи нѣтъ достаточныхъ законовъ, а разныя случайно изданныя распоряженія другъ другу противорѣчатъ и не соотвѣтствуютъ сложившимся привычкамъ и взглядамъ; всѣ, по словамъ Екатерины, требовали и желали, дабы законодательство было приведено въ лучшій порядокъ. «Я,— говоритъ Екатерина,—вывела у себя въ умѣ заключеніе, что образъ мыслей вообще, да и самый гражданскій законъ, не можетъ получить поправленія инако, какъ установленіемъ полезныхъ для всѣхъ въ имперіи живущихъ и для всѣхъ вообще вещей правилъ, мною писанныхъ и утвержденныхъ. И для того я начала читать, потомъ писать наказъ комиссіи уложенія». Императрица рѣшила, такимъ образомъ, обратиться къ реформамъ систематическимъ и для того созвала ставшую знаменитой Комиссію для сочиненія проекта новаго уложенія. Екатерина сочла нужнымъ привлечь къ участію въ разработкѣ новаго лучшаго законодательства выборныхъ людей—она обратилась къ тому способу, который въ XVI и особенно въ XVII вѣкахъ былъ на Руси явленіемъ обыкновеннымъ и приносилъ благіе результаты, а въ XVIII в. примѣнялся нѣсколько разъ, но безъ успѣха: нѣсколько разъ приказано было съѣхаться выборнымъ именно для работъ надъ составленіемъ законовъ, но дѣло какъ-то не налаживалось. Теперь императрица поручала выборнымъ сочинить проектъ новаго уложенія, который долженъ былъ поступить на разсмотрѣніе Сената совмѣстно съ коллегіями, послѣ чего, съ внесенными ими перемѣнами, долженъ былъ быть представленъ на утвержденіе императрицы. Это предпріятіе императрицы обратило на себя большое вниманіе въ Западной Европѣ. На рѣшенія Екатерины вліяли разныя соображенія; ее, безспорно, привлекала мысль совершить такое дѣло, которое должно было заслужить одобреніе выдающихся ученыхъ и писателей, дававшихъ тонъ общественному мнѣнію; но вмѣстѣ съ тѣмъ Екатерина и искренно вѣрила въ пользу заду-

маннаго ею дѣла; она была убѣждена, что идеи, усвоенныя ею, обезпечиваютъ торжество истины и общую пользу: утверждать это можно потому, что впослѣдствіи, утративъ эту вѣру, Екатерина сама и говоритъ, что теперь она уже не вѣритъ въ то, въ чемъ прежде была совершенно убѣждена. Въ руководство выборнымъ Екатерина дала свой знаменитый Наказъ, въ которомъ она—по ея выраженію—«обобрала для пользы двадцати милліоновъ» книгу Монтескье, этотъ «молитвенникъ для государей». Наказъ императрицы Екатерины былъ переведенъ на всѣ европейскіе языки и во Франціи былъ запрещенъ, какъ произведеніе чрезмѣрно либеральное.

Наказъ представляетъ собою почти сплошь извлеченія изъ нѣсколькихъ сочиненій по государственному праву, самой же императрицѣ принадлежитъ менѣе одной пятой текста Наказа; всего больше заимствованій изъ Монтескье и Беккаріи. Въ Наказѣ говорится о вопросахъ права государственнаго и права уголовнаго, о сословіяхъ, о воспитаніи, о финансовомъ управленіи. Общія идеи его—идеи просвѣтительной философіи XVIII в.; государыня развиваетъ мысли о законности вообще, о связи и взаимодѣйствіи законовъ и нравственности, о вредѣ жестокихъ наказаній, проводитъ мысль, что наказаніе должно быть не местью преступнику со стороны государства, а служить лишь, какъ она выражается, лѣкарствомъ больного общества. Относительно пытокъ, ихъ безцѣльности и несправедливости въ Наказѣ читаемъ страстную проповѣдь въ главѣ X, посвященной вопросу о судѣ; глава эта, обширнѣйшая въ Наказѣ, заимствована императрицею изъ замѣчательнаго трактата Беккаріи; быть-можетъ, эта глава—десятая не случайно: въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича глава «О судѣ» тоже десятая.

Глава XI Наказа трактуетъ о положеніи крестьянъ. Въ напечатанной редакціи она очень не велика и вопроса о крѣпостномъ правѣ прямо не ставитъ; но по бумагамъ Екатерины видно, что первоначально она предполагала провести болѣе рѣшительныя мѣры относительно крѣпостного права. Пришлось сдѣлать большія сокращенія противъ первоначальнаго текста по совѣту тѣхъ лицъ, которымъ императрица давала свой Наказъ прочитать до его опубликованія; эти лица во всѣхъ другихъ частяхъ Наказа сдѣлали только самыя незначительныя сокращенія, но глава XI послѣ разсмотрѣнія ими вышла съ перемѣнами весьма существенными. Въ двухъ слѣдующихъ главахъ, посвященныхъ вопросамъ «о рукодѣліи и торговлѣ» и «о размноженіи народа въ государствѣ», проводятся мысли, что необходимо справедливѣе раздѣлить между подданными тягости государственнаго строительства, такъ какъ только отъ улучшенія быта бѣднѣйшихъ классовъ можно ожидать желательныхъ плодовъ и для размноженія народа и для накопленія богатствъ. Четыре слѣдующія главы говорятъ о воспитаніи и о сословіяхъ —

сословный строй признается единымъ полезнымъ для процвѣтанія государства; двѣ послѣднія главы посвящены спеціальнымъ вопросамъ законодательства. Въ общемъ, Наказъ для тогдашняго общества былъ книгою въ высшей степени полезною: въ сознаніе всѣхъ тѣхъ людей, которые были призваны въ комиссію и неоднократно прослушали Наказъ, онъ внесъ много новыхъ и полезныхъ идей, онъ будилъ мысль, выдвигалъ такіе вопросы, которые еще не ставились и даже не допускались для гласнаго обсужденія.

14 декабря 1766 г. былъ изданъ манифестъ о созывѣ въ Москвѣ на лѣто 1767 г. Комиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія. Депутатовъ должны были прислать всѣ высшія правительственныя учрежденія, дворяне каждаго уѣзда, жители каждаго города, черносошные (т.-е. государственные) крестьяне каждой провинціи, затѣмъ—по особымъ опредѣленіямъ—казаки и инородцы; всего должно было собраться свыше 500 депутатовъ. Депутаты получали особыя привилегіи, охранявшія ихъ личность и обезпечивавшія ихъ отъ преслѣдованій судебныхъ мѣстъ; избиратели приглашаемы были дать своимъ избраннымъ наказы, и наказовъ этихъ привезено было свыше тысячи, такъ какъ многіе депутаты, особенно отъ крестьянъ и городовъ со смѣшаннымъ населеніемъ, какъ, напр., отъ Казани, Астрахани, привезли по нѣскольку наказовъ.

Въ началѣ 1767 г. императрица переѣхала въ Москву; ее сопровождали, какъ всегда, Сенатъ, Синодъ и нѣкоторыя коллегіи, оставлявшія на это время въ Петербургѣ особыя присутствія съ правами департаментовъ. Въ концѣ апрѣля императрица изъ Москвы поѣхала въ Тверь и отсюда отправилась въ путешествіе по Волгѣ; ее сопровождала свита въ 20 чел.; въ Ярославлѣ присоединились еще пять посланниковъ, аккредитованныхъ при императрицѣ,—они были приглашены сопутствовать ей въ поѣздкѣ. Эскадра изъ нѣсколькихъ галеръ, на которыхъ всего экипажа было почти 2000 чел., медленно спускалась по теченію рѣки; императрица выходила на берегъ въ каждомъ городѣ, а иногда и при другихъ остановкахъ; населеніе встрѣчало ее съ восторгомъ: нерѣдко едва можно было ей итти, такъ тѣсно окружалъ ее народъ; она обворожала своею привѣтливостью и вниманьемъ каждаго, кому приходилось къ ней обращаться. Было подано ей много и просьбъ, свидѣтельствовавшихъ, что внутреннее управленіе, дѣйствительно, очень плохо и требуетъ многихъ реформъ; но вообще путешествіе произвело на государыню и ея спутниковъ отличное впечатлѣніе. Особенно интересовало всѣхъ пребываніе въ Казани, гдѣ императрица провела время съ 26 мая по 1 іюня; по тогдашнимъ научнымъ взглядамъ Казань считалась уже въ Азіи; городъ этотъ, еще и донынѣ сохраняющій много оригинальнаго въ своемъ внѣшнемъ видѣ, тогда еще болѣе имѣлъ видъ восточнаго города; къ тому же сюда собралось множество магометанскихъ подданныхъ Россіи изъ отдаленныхъ областей восточной Европы. Императрица

писала отсюда шутливыя письма-Вольтеру, очень забавляясь мыслью, что она, ученица и поклонница просвѣщенныхъ философовъ, находится въ Азіи, имя которой тогда являлось синонимомъ всякаго застоя. Во время плаванія на галерахъ Екатерина вмѣстѣ со своими приближенными переводила книгу Мармонтеля «Велизарій»; автору послано было по этому поводу привѣтственное письмо отъ трудившихся въ переводѣ, а изданіе книги посвящено было епископу тверскому Гавріилу. 8 іюня въ Симбирскѣ Екатерина сошла съ галеры и 22 іюня сухимъ путемъ пріѣхала въ Москву.

30 іюля была торжественно открыта Комиссія для сочиненія проекта новаго уложенія. Императрица имѣла парадный выходъ въ Успенскій соборъ, затѣмъ во дворцѣ депутаты приносили присягу и были пожалованы къ рукѣ; императрица вручила генералъ-прокурору обрядъ управленія комиссіей, и съ 31 іюля комиссія начала работать. Согласно обряду послѣ избранія маршала и членовъ частныхъ комиссій первымъ дѣломъ стояло прочтеніе Наказа. Онъ произвелъ огромнѣйшее впечатлѣніе на слушателей. По словамъ дневной записки третьяго засѣданія, въ которомъ чтеніе было окончено, «надлежитъ отдать справедливость всему почтенному господъ депутатовъ собранію, что оное оказало себя достойнымъ получить данный ему Наказъ: прилежаніе, восхищеніе, и—если смѣю сказать—жадность, съ которыми слушано было сіе сочиненіе, довольно сіе доказываютъ. Сердечное движеніе, чувствіе, до высшей степени доведенное, на лицахъ всѣхъ были начертаны. Многіе плакали, но сіи слезы умножились, когда прочли статью, въ которой сказано: «Боже сохрани, чтобы послѣ окончаніи сего законодательства былъ какой народъ болѣе справедливъ и, слѣдовательно, больше процвѣтающъ. Намѣреніе законовъ нашихъ было бы не исполнено—несчастіе, до котораго я дожить не желаю». Нѣтъ основаній сомнѣваться, что общее впечатлѣніе собранія передано тутъ вѣрно; конечно, теперь Наказъ никого своимъ содержаніемъ такъ не тронетъ, но для своего времени онъ, дѣйствительно, весьма выгодно отличался отъ правительственныхъ актовъ, съ какими обыкновенно приходилось имѣть дѣло, и вызвалъ искреннее восхищеніе. Собраніе рѣшило поднести императрицѣ титулъ Великой, Премудрой и Матери отечества. 12 августа состоялась аудіенція. Императрицѣ предложены были эти титулы въ адресѣ, составленномъ въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ. Отъ имени императрицы вице-канцлеръ кн. А. М. Голицынъ сказалъ отвѣтную рѣчь, а сама государыня присовокупила еще слѣдующія слова: «О званіяхъ же, кои вы желаете, чтобы я отъ васъ приняла, на сіе отвѣтствую: на Великая—о моихъ дѣлахъ оставляю времени и потомству безпристрастно судить, Премудрая—никакъ себя таковою назвать не могу, ибо одинъ Богъ премудръ, и Матерь отечества — любить Богомъ врученныхъ мнѣ подданныхъ я за долгъ званія моего почитаю, быть любимою отъ нихъ есть мое желаніе».

Депутаты работали въ общихъ собраніяхъ и въ частныхъ комиссіяхъ, которыхъ было образовано около 20; до конца 1767 г. комиссія засѣдала въ Москвѣ, затѣмъ, съ возвращеніемъ императрицы въ Петербургъ, сюда перенесены были и засѣданія комиссіи. Императрица живо ими интересовалась; въ Москвѣ она нѣсколько разъ наблюдала ихъ съ хоръ Грановитой палаты; генералъ-прокуроръ и маршалъ комиссіи А. И. Бибиковъ постоянно докладывали ей о ходѣ работъ и неоднократно получали указанія. Работы комиссіи были прерваны въ 1769 г., когда война съ Турціей потребовала присутствія въ арміи многихъ лицъ, которыя состояли членами комиссіи. Общія засѣданія были тогда отсрочены, частныя же комиссіи продолжали работать. Предполагалось созвать впослѣдствіи вновь и всю комиссію, но это предположеніе не осуществилось.

Не только новаго уложенія, но и проекта его комиссія не составила, такъ что дѣла, для котораго она была созвана, не исполнила; но работы ея прошли далеко не безслѣдно; напротивъ, онѣ повлекли за собою не мало существенныхъ перемѣнъ. Императрица Екатерина писала 12 лѣтъ спустя: «Комиссія уложенія, бывъ въ собраніи, подала мнѣ свѣтъ и свѣдѣнія о всей имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должно. Она всѣ части закона собрала и разобрала по матеріямъ, и болѣе того бы сдѣлала, ежели бы турецкая война не началась. Тогда распущены были депутаты, и военные поѣхали въ армію. Наказъ комиссіи уложенія ввелъ единство въ правленіе и въ разсужденія не въ примѣръ больше прежняго. Стали многіе о цвѣтахъ судить по цвѣтамъ, а не яко слѣпые о цвѣтахъ. По крайней мѣрѣ, стали знать волю законодавца и по ней поступать». Дѣйствительно, наказы, привезенные депутатами, послужили матеріаломъ для дальнѣйшаго законодательства Екатерины; высказанными въ этихъ наказахъ пожеланіями и сообщенными въ нихъ свѣдѣніями государыня широко воспользовалась въ своемъ знаменитомъ Учрежденіи для управленія губерніями Россійской имперіи (1775 г.), отчасти въ грамотахъ дворянству и городамъ, въ узаконеніяхъ о торговлѣ и полиціи. Но работы комиссіи имѣли еще и другой, не столь очевидный, однако, не менѣе важный результатъ: онѣ способствовали развитію и распространенію государственныхъ идей въ широкомъ кругу, и члены комиссіи затѣмъ вносили въ свою дѣятельность результаты такого вліянія; не очень давно отыскался обширный сборникъ изъ нѣсколькихъ десятковъ томовъ, содержащій общее обозрѣніе управленія Россійской имперіи, составленный въ одной изъ частныхъ комиссій; такая работа не могла остаться безъ замѣтнаго и полезнаго вліянія не только на лицъ, непосредственно ее исполнявшихъ, но и на болѣе обширный кругъ.

Въ послѣднее время работъ комиссіи въ ней выдвинулся вопросъ о положеніи крѣпостныхъ и раздались голоса—правда, довольно немногочисленные — о необходимости ограничить злоупотре-

ленія помѣщиковъ своею властью, т.-е., иначе говоря, о необходимости ограничить самое ихъ право на крестьянъ. Вопросъ этотъ былъ выдвинутъ депутатомъ отъ козловскаго дворянства Коробьинымъ и вызвалъ очень оживленныя пренія. Высказывался даже взглядъ, что самый роспускъ комиссіи объясняется въ значительной степени тѣмъ, что вопросъ о крѣпостныхъ принялъ направленіе, которое не соотвѣтствовало интересамъ дворянъ и видамъ правительства. Конечно, война была лишь предлогомъ, чтобы распустить депутатовъ, хотя во время войны было дѣйствительно нелегко вести и такое важное дѣло. Причина же роспуска большого собранія комиссіи была та, что двухлѣтняя работа убѣдила съ несомнѣнностью, что новаго уложенія комиссія составить не можетъ, такъ какъ вообще многолюдныя собранія пригодны для обсужденія уже выработанныхъ проектовъ, а составить новый они почти неспособны, для дальнѣйшихъ же законодательныхъ работъ были уже собраны въ наказахъ драгоцѣнныя данныя. Постановка въ комиссіи вопроса о крѣпостномъ правѣ, несомнѣнно, нимало не встревожила Екатерину. Пренія по этому вопросу доказывали, что значительное большинство комиссіи не сочувствовало радикальному измѣненію существовавшихъ отношеній; не только ни одинъ наказъ отъ дворянъ не говорилъ о желаніи подобныхъ перемѣнъ, но чуть ли не всѣ наказы отъ горожанъ и разночинцевъ и даже отъ казенныхъ крестьянъ содержали просьбы о разрѣшеніи и людямъ этихъ сословій владѣть крѣпостными, что̀ по закону составляло право только дворянъ. Большинство комиссіи по этому вопросу было, конечно, гораздо консервативнѣе императрицы. Лично императрица Екатерина, вѣроятно, сочувствовала идеѣ полнаго уничтоженія крѣпостного права; но и въ этотъ моментъ, и въ теченіе всего своего царствованія она должна была отказаться отъ мысли о коренной реформѣ. Ей пришлось уступить не только потому, что возведеніемъ на престолъ она была въ значительной степени обязана дворянамъ, изъ которыхъ сплошь состояли гвардейскіе полки — хотя, конечно, и это обстоятельство играло нѣкоторую роль; главною причиною было то, что русское общество того времени еще не созрѣло для такой реформы, если имѣть въ виду, конечно, большинство сколько-нибудь образованныхъ людей того времени, а не единичныя только личности. Большинство—и очень значительное—совершенно не представляло себѣ даже возможности устроить жизнь иначе, чѣмъ на основѣ крѣпостного труда. И удивимся ли мы этому, удивимся ли и тому, что императрица Екатерина не сдѣлала какой-либо энергичной попытки провести реформу, которой сочувствовала, если только вспомнимъ, сколько потребовалось энергіи и настойчивости со стороны императора Александра II для того, чтобы провести реформу 19 февраля, несмотря на то, что въ столѣтіе, протекшее отъ начала царствованія Екатерины до 1861 г., совершилось множество событій, повліявшихъ на развитіе просвѣ-

щенія вообще и, въ частности, болѣе правильныхъ взглядовъ на положеніе крестьянъ. Если обратить на это вниманіе, то станетъ ясно, что Екатерина, не русская по происхожденію, занявшая престолъ не съ безспорными правами, не могла сдѣлать чего-либо существеннаго для улучшенія быта крестьянъ иначе, какъ путемъ насильственнымъ; Екатерина, вступившая на престолъ путемъ революціи противъ своего мужа, была слишкомъ умна, чтобы вызвать революцію во всемъ русскомъ государствѣ.

Мы дошли до начала первой турецкой войны и обратимся теперь къ обозрѣнію внѣшней политики Екатерины, такъ какъ война была вызвана дѣйствіями Россіи именно въ этой области; упомянемъ только вкратцѣ о совѣтѣ при Высочайшемъ Дворѣ, который возникъ въ связи съ турецкою войною. Для общаго обсужденія мѣропріятій, вызываемыхъ ею, императрица немедленно по объявленіи войны созвала, по совѣту съ гр. Н. И. Панинымъ, ближайшихъ своихъ сотрудниковъ: гр. А. Г. Разумовскаго, гр. Н. И. и П. И. Паниныхъ, гр. З. Г. Чернышова, князя А. М. Голицына—генералъ-аншефа и кн. А. М. Голицына—вице-канцлера, кн. А. А. Вяземскаго, кн. М. Н. Волконскаго и гр. Г. Г. Орлова. Совѣтъ этотъ имѣлъ первое засѣданіе 4 ноября 1768 г.; 17 января 1769 г. было сообщено Сенату объ его учрежденіи, для того, чтобы Сенатъ распубликовалъ объ этомъ и приказалъ всѣмъ правительственнымъ мѣстамъ давать отвѣты на запросы, съ какими можетъ обратиться къ нимъ совѣтъ. Этотъ совѣтъ дѣйствовалъ въ теченіе всего царствованія Екатерины и впослѣдствіи былъ преобразованъ въ Государственный Совѣтъ. Императрица придала новому учрежденію значеніе совѣта при своей особѣ—онъ никогда и нигдѣ не выступалъ въ ряду правительственныхъ учрежденій; онъ разсматривалъ то, что поручала ему разсмотрѣть императрица, давалъ свои заключенія, которымъ императрица и слѣдовала обыкновенно, но не всегда; въ какія-либо дѣловыя сношенія съ Сенатомъ, или съ какимъ-либо другимъ учрежденіемъ совѣтъ не вступалъ, его учрежденіе не внесло никакихъ измѣненій въ государственное право или государственное устройство имперіи, такъ какъ онъ имѣлъ дѣло единственно съ императрицей, которая обращалась къ нему, чтобы знать по какому-либо вопросу мнѣніе людей, пользовавшихся ея личнымъ довѣріемъ.

IV.

Внѣшняя политика.—Война съ Турціей.—Чума.—Пугачевъ.

Императрицѣ Екатеринѣ немедленно по воцареніи пришлось принять непосредственное участіе въ дѣлахъ внѣшней политики,—самая активная роль въ этой отрасли государственнаго управленія всегда составляетъ одну изъ прерогативъ государя — и императрица сразу вступила на тотъ путь, которому осталась неиз-

мѣнно вѣрною до конца: не увлекаясь никакими громкими словами, она стремилась достигнуть реальныхъ выгодъ для Россіи, какъ она ихъ понимала, конечно. Если она даже и ошибалась въ опредѣленіи ихъ, то она отлично понимала, что подъ увлекающими иногда проповѣдями объ отвлеченной справедливости и о благѣ всего человѣчества часто скрывается забота о собственныхъ выгодахъ, когда онѣ исходятъ отъ гражданъ чужихъ государствъ, или индиферентизмъ, если только не скрытное недоброжелательство къ своему народу, когда въ такомъ духѣ проповѣдуютъ граждане своего государства.

Прежде всего предстояло рѣшить вопросъ объ отношеніи къ Пруссіи. Шестилѣтняя борьба съ нею была внезапно прекращена, Петръ Ѳеодоровичъ заключилъ даже союзъ съ Пруссіей, не потребовавъ никакого вознагражденія для Россіи за тѣ огромныя жертвы, которыя она принесла въ эту войну, хотя Фридрихъ II былъ въ такомъ стѣсненномъ, почти отчаянномъ положеніи, что пошелъ бы на уступки и весьма существенныя, если бы цѣною ихъ могъ купить хоть нейтралитетъ Россіи. Новой государынѣ предстояло рѣшить: соблюдать ли миръ, заключенный Петромъ Ѳеодоровичемъ, или союзъ, заключенный Елизаветою Петровною. Екатерина избрала первое, отчасти потому, что за тѣ шесть мѣсяцевъ, когда Россія уже не была воюющею стороною, положеніе Фридриха значительно улучшилось, такъ что возобновлять борьбу значило подвергаться новому риску, отчасти потому, что и Австрія и Франція склонялись къ миру, наконецъ, въ извѣстной степени вѣроятно и потому, что опасалась оставлять вооруженныя силы въ рукахъ генераловъ, настроеніе которыхъ не было ей вполнѣ извѣстно, тѣмъ болѣе, что главнокомандующій былъ новый, назначенный Петромъ Ѳеодоровичемъ, гр. П. А. Румянцевъ. Ему предписано было немедленно сдать команду П. И. Панину, за вѣрность котораго вполнѣ ручался его братъ Н. И. Панинъ, ближайшій сотрудникъ Екатерины, пользовавшійся ея полнымъ довѣріемъ. Румянцевъ обидѣлся и вышелъ въ отставку, но вскорѣ, какъ только стало ясно, что положеніе внутри государства достаточно спокойно, Екатерина очень милостивымъ письмомъ пригласила Румянцева вновь на службу и такимъ образомъ вернула государству этого полезнѣйшаго слугу, высоко даровитаго полководца и администратора. Екатерина сдѣлала попытку принять участіе въ переговорахъ которыми заканчивалась Семилѣтняя война, но тогдашнее международное положеніе Россіи было еще такъ не высоко, что притязаніе это было встрѣчено недружелюбно, и пришлось примириться съ тѣмъ, что война закончена была общимъ миромъ безъ участія въ немъ Россіи.

Примиреніе Россіи съ Пруссіей возобновляло старинныя недружелюбныя отношенія къ Россіи со стороны Франціи. Пути этихъ двухъ державъ издавна сталкивались почти помимо ихъ же-

ланія. Франція, въ борьбѣ своей съ нѣмецкими государствами, давно установила дружественныя отношенія съ Турціей, Польшей и Швеціей, которыя были полезны ей въ этой борьбѣ; но эти три государства были въ то же время ближайшими сосѣдями Россіи и имѣли съ нею множество неразрѣшенныхъ—быть можетъ и неразрѣшимыхъ къ обоюдному удовольствію—споровъ. Франція, для которой эти споры были и неясны и совершенно чужды, естественно поддерживала своихъ союзниковъ противъ Россіи. Не безъ большихъ усилій удалось установить сближеніе Франціи и Россіи противъ Фридриха, да и оно было неискренно и непрочно. Теперь, прекративъ борьбу съ Пруссіей, оба государства снова заняли по отношенію другъ къ другу положеніе недоброжелательное; французское министерство возобновило попытку нанести уколъ самолюбію русскаго правительства и опять попробовало отказать въ признаніи за русскими государями императорскаго титула, признаннаго Франціею позже всѣхъ другихъ державъ въ 1744 г.; Екатерина отклонила эту попытку такъ энергично, что больше вопросъ объ этомъ уже не поднимался.

Неожиданно обнаружилъ совершенно неумѣстныя притязанія датскій дворъ. Ссылаясь на то, что по законамъ Германской имперіи женщины не могутъ быть ни государями, ни регентами, король датскій заявилъ, въ качествѣ родственника Голштинскаго дома, притязанія на опеку надъ вел. кн. Павломъ Петровичемъ, какъ герцогомъ Голштинскимъ. Формально онъ былъ правъ, но, конечно, невозможно было допустить къ опекунству владѣтеля, у котораго съ опекаемымъ были давнія и еще неразрѣшенныя несогласія настолько значительныя, что съ обѣихъ сторонъ готовились къ войнѣ, и ничѣмъ инымъ, какъ расчетомъ на непрочность положенія новой государыни, не могли быть объясняемы эти притязанія. Екатерина написала: «По мнѣнію датскаго короля я неспособна управлять маленькимъ кусочкомъ голштинской земли, а народъ, который занимаетъ треть извѣстнаго свѣта, единодушно вручилъ мнѣ власть надъ собою. Я императрица Россіи, и я худо оправдала бы надежды народа, если бы имѣла низость вручить опеку надъ моимъ сыномъ, наслѣдникомъ русскаго престола, иностранному государству, которое оскорбило меня и Россію своимъ необыкновеннымъ поведеніемъ. Я знаю, что въ римской имперіи это первый случай, но это случай—особенный, и съ помощью Божіей я заставлю это признать». Датское правительство извинилось, и опека надъ голштинскими владѣніями Павла Петровича осталась за Екатериною.

Важнѣе всѣхъ этихъ, сравнительно второстепенныхъ, вопросовъ были отношенія къ Польшѣ. Было полное основаніе ожидать скорой кончины короля польскаго, слѣдовательно, новыхъ выборовъ, а при этомъ въ Польшѣ всегда возобновлялась упорная борьба партій, и сосѣднимъ государствамъ, если они желали имѣть въ

Польшѣ вліяніе, было совершенно необходимо принимать дѣятельное участіе въ событіяхъ, которыя разыгрывались въ такое время въ Польшѣ. Россія была заинтересована въ дѣлахъ Польши болѣе, чѣмъ какая-либо другая европейская держава—правительство Екатерины прямо это высказывало. Мы не говоримъ уже о томъ, что и Россія и Польша имѣли притязанія на однѣ и тѣ же области; и помимо этого постоянно было множество поводовъ къ вмѣшательству въ польскія дѣла, даже если бы къ такому вмѣшательству и не стремиться. Разныя недоразумѣнія, неизбѣжно возникающія на границахъ, всегда вызывали дальнѣйшія жалобы и неудовольствія, такъ какъ центральная власть въ Польшѣ не обладала достаточнымъ авторитетомъ, чтобы заставить своихъ подданныхъ исполнять требованія, которыя она признавала законными; православные подданные Польши, по трактатамъ находившіеся подъ своего рода покровительствомъ Россіи, вѣчно имѣли основанія приносить жалобы, по существу справедливыя, на различныя притѣсненія, — все это давно давало русскому правительству достаточно поводовъ и основаній вмѣшиваться во внутреннія дѣла Польши. Со времени Петра Великаго въ Польшѣ чувствуется уже постоянное и сильное вліяніе Россіи; Елизавета Петровна принимала защиту православныхъ въ Польшѣ очень близко къ сердцу. Представлялось заманчивымъ и даже дѣйствительно было выгодно не только упрочить въ Польшѣ русское вліяніе, но и прямо дѣлать за ея счетъ территоріальныя пріобрѣтенія. Намѣреніе русскаго правительства воспользоваться первымъ удобнымъ для этого случаемъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, а недостатки польской конституціи и готовность высшихъ чиновъ республики принимать денежныя подачки и дѣйствовать зато по указаніямъ русскаго посла давали возможность вмѣшаться во внутреннія дѣла Польши каждую минуту.

Едва пришло извѣстіе о кончинѣ короля польскаго, какъ Екатерина созвала особое совѣщаніе и на немъ вскрыла пакетъ, лежавшій у нея уже нѣсколько времени съ собственноручною ея надписью: «С. С. К. П. Окромѣ меня никому не распечатывать»— четыре первыя буквы означали: «Случай смерти короля польскаго». Въ этомъ пакетѣ находилась записка, поданная гр. Чернышовымъ, и въ ней развивалась мысль, что необходимо воспользоваться перемѣною на польскомъ престолѣ, чтобы присоединить къ Россіи нѣкоторыя области отъ Польши.

Извѣстно, что таковъ и былъ конецъ русско-польскихъ отношеній. Россія пріобрѣла обширныя части Польши, другія части были взяты Австріей и Пруссіей, и Польша въ концѣ царствованія Екатерины перестала существовать, какъ государство. Въ своемъ мѣстѣ мы отмѣтимъ важнѣйшіе моменты въ событіяхъ, приведшихъ къ такому результату, здѣсь же установимъ общую точку зрѣнія на этотъ фактъ, такъ какъ польскіе раздѣлы до сихъ поръ

вызываютъ споры не только о томъ, кто игралъ въ нихъ главную роль, но еще болѣе о томъ, выгодны или невыгодны были они для Россіи, и даже подвергаются оцѣнкѣ съ точки зрѣнія нравственной.

На вопросъ о томъ, выгодны или невыгодны были для Россіи раздѣлы Польши, очень трудно, если не невозможно, дать совершенно неоспоримый отвѣтъ, потому что нельзя показать, какъ сложились бы безъ этого факта всѣ тѣ отношенія, которыя имъ затрагиваются. Трудно доказывать, что Польша могла бы сохранить свое самостоятельное существованіе впослѣдствіи, разъ она въ данную эпоху не могла отстоять своей независимости; если бы пронеслась благополучно для нея гроза, окончательно ее сломившая, то какъ доказать, что рано или поздно, съ бо̀льшимъ или меньшимъ сопротивленіемъ, кто-нибудь не уничтожилъ бы независимости Польши: съ того времени исчезло много государствъ, паденіе которыхъ вовсе не казалось близкимъ въ то время, когда Польшу давно уже почитали приговоренною къ гибели. А когда государство польское потеряло бы независимость, то кто-нибудь изъ сосѣдей воспользовался бы этимъ для своего усиленія, и, конечно, Россіи было выгодно не дать усилиться другому, не усилившись соотвѣтственно и самой. Доказать, что Россія могла бы всѣ выгоды обратить въ свою пользу, другими словами, что она могла бы подчинить себѣ одной всю Польшу,—совершенно невозможно: Европа никогда не допустила бы такого усиленія Россіи. Если мы вспомнимъ, что захватъ Фридрихомъ Силезіи навлекъ на него двѣ тяжелыя войны и борьба лишь случайно окончилась въ его пользу, если Петръ Великій только послѣ двадцатилѣтней борьбы могъ удержать свои пріобрѣтенія отъ Швеціи, несравненно меньшія, чѣмъ Польша, при чемъ Западная Европа занята была другою борьбою и только потому не вмѣшалась въ войну Россіи со Швеціей, то совершенно ясно, что никогда не было бы допущено поглощеніе Россіей Польши, которая давно уже считалась членомъ европейской семьи государствъ. Итакъ, подчиненіе Польши одной Россіи должно быть признано невозможнымъ; сохраненіе Польшею самостоятельности представляется весьма мало вѣроятнымъ: съ середины XVII в. до перваго раздѣла Польши не менѣе десяти разъ возникали и обсуждались въ дипломатическихъ переговорахъ проекты такого раздѣла. При такихъ условіяхъ участіе Россіи въ раздѣлѣ приходится признать неизбѣжнымъ.

Что касается оцѣнки польскихъ раздѣловъ, какъ дѣла безнравственнаго, неблагороднаго, то вѣдь всѣ завоеванія таковы же, какъ раздѣлы Польши; завоеваніе въ томъ и состоитъ, что сильнѣйшій подвергаетъ слабѣйшаго тому, отъ чего этотъ послѣдній пытался избавиться, но безуспѣшно. Турки завоевали Балканскій полуостровъ—это находятъ невыгоднымъ для европейскихъ

народовъ, съ турками борются, но никто не ставитъ вопроса, имѣли ли турки нравственное право покорять сербовъ или болгаръ. Попытку такого же расчлененія русской земли, какому подвергалась Польша, она сама производила на полтора столѣтія ранѣе, отнимая отъ Московскаго государства Сѣверщину и Смоленскъ. Особенно неосновательно подходитъ съ такими требованіями къ русскимъ дѣятелямъ XVIII ст.: вѣдь едва пришло 100 лѣтъ съ того времени, когда въ Западной Европѣ примѣнялся еще принципъ: «cujus regio, ejus religio», обязывавшій подданныхъ слѣдовать въ религіи своему государю,—правило, конечно, гораздо болѣе затрогивавшее нравственное чувство. Вообще въ XVII и въ XVIII вв. никому изъ государственныхъ дѣятелей и въ голову еще не приходило при комбинаціяхъ съ тою или другою областью справляться съ желаніемъ населенія; они стремились усилить свое государство, дѣлая пріобрѣтенія, такъ какъ тогда единственнымъ средствомъ усилить государство почиталось увеличеніе числа его подданныхъ, и надо разъ навсегда признать, что русскіе государственные дѣятели не были обязаны—да и не могли—дѣйствовать иначе, чѣмъ дѣйствовали всѣ другіе, съ кѣмъ приходилось имъ имѣть дѣло, когда они преслѣдовали тѣ или другія цѣли, достиженіе которыхъ было важно и для русскаго государства и для русскаго народа. Въ отношеніи къ Польшѣ русскіе государственные дѣятели поступали совершенно такъ же, какъ поступали въ подобныхъ случаяхъ всѣ остальные тогдашніе дѣятели,—и наша задача только представить, какъ они дѣйствовали въ этомъ дѣлѣ, общемъ у нихъ съ другими государствами.

Смерть короля польскаго была уже раньше поставлена Екатериною и Панинымъ какъ «терминъ нашихъ дѣйствій въ Польшѣ», и едва получено было въ ноябрѣ 1764 г. достовѣрное сообщеніе о кончинѣ короля Августа II, какъ сразу дѣла польскія были выдвинуты на первый планъ. Твердо рѣшено было болѣе не допускать выбора на польскій престолъ иностраннаго принца, а доставить корону польскую Станиславу-Августу Понятовскому,—тому самому, который былъ такъ близокъ къ Екатеринѣ въ началѣ 50-хъ годовъ. Впрочемъ, это рѣшеніе было принято въ совѣщаніи только самыхъ близкихъ къ государынѣ особъ; его держали въ строжайшей тайнѣ, и сообщено оно было только русскому послу въ Варшавѣ; офиціально же объявлено было о твердо принятомъ намѣреніи не допускать болѣе избранія принцевъ саксонскаго дома, такъ какъ продолжительное соединеніе короны польской и саксонской представляетъ множество опасностей для польскихъ вольностей; по офиціальнымъ заявленіямъ императрица желала предоставить полякамъ совершенно свободный выборъ. Пришлось вести въ Польшѣ довольно сложную игру, потому что тамъ сразу же появилось нѣсколько претендентовъ и изъ иностранныхъ принцевъ, и изъ поляковъ, а нѣкоторые иностранные дворы открыто поддержи-

вали своихъ кандидатовъ. Когда удалось достигнуть того, что наиболѣе шансовъ опредѣлилось въ пользу Понятовскаго, котораго поддерживали очень вліятельные родственники его, князья Чарторыйскіе, то иностраннымъ дворамъ было объявлено изъ Петербурга, что такое рѣшеніе есть, очевидно, добрая воля всей польской націи; самому Понятовскому изъ Петербурга писали, что избраніе его обезпечено, безъ сомнѣнія, его высокими личными качествами. Но въ секретной перепискѣ русскихъ дипломатовъ между собою указывается другая и, очевидно, истинная причина: Понятовскаго рѣшено было возвести на тронъ потому, что безъ поддержки Россіи онъ не имѣлъ никакихъ шансовъ достигнуть такого положенія, и потому онъ болѣе, чѣмъ кто-либо другой, долженъ уступать всѣмъ требованіямъ, какія будутъ предъявлены съ русской стороны къ нему, какъ къ королю. Понятовскій охотно пользовался поддержкою русской императрицы; онъ бралъ деньги, какія она ему посылала, просилъ и еще денегъ, и получалъ ихъ; онъ расчитывалъ, что его «поддержитъ та рука, которую онъ любилъ», и все, полученное отъ Россіи, мечталъ употребить на то, чтобы улучшить положеніе Польши, усилить свое отечество. Это свидѣтельствуетъ о его любви къ родинѣ и съ этой стороны дѣлаетъ ему честь; но это же не свидѣтельствуетъ о томъ, чтобы онъ имѣлъ настоящій государственный умъ. Конечно, какъ полякъ, онъ и могъ и долженъ былъ стремиться къ тому, чтобы улучшить положеніе Польши; но и Екатерина, какъ русская императрица, и могла и должна была употреблять силы и средства, какія заимствовала она отъ русскаго народа, не на то, чтобы усиливать историческаго соперника Россіи, а именно наоборотъ, чтобы его ослабить. Та и другая сторона преслѣдовали свои цѣли, по существу совершенно однородныя: та и другая сторона желали обратить силы соперника на служеніе своимъ цѣлямъ. Достигла успѣха Россія—потому ли, что она была сильнѣе, потому ли, что ея слуги лучше дѣйствовали, это вопросъ второстепенный. И если Екатерина поступала не искренно, преслѣдуя такія цѣли, которыхъ она не считала возможнымъ раскрыть и не раскрыла, то она имѣла дѣло съ противниками, которые тоже были не менѣе ея вооружены всѣми средствами скрытности и ловкости: ей приходилось бороться и противъ происковъ Фридриха, который, если было выгодно, не останавливался ни предъ какимъ обманомъ, и противъ Австріи, тоже не останавливавшейся ни предъ чѣмъ и дѣйствовавшей всегда съ самымъ беззастѣнчивымъ эгоизмомъ, и, наконецъ, то заодно съ поляками, то противъ нихъ, такъ какъ они мѣняли свои условія и отказывались исполнять обѣщанія съ легкостью, почти невѣроятною.

Путемъ ловкихъ переговоровъ, путемъ подкуповъ, наконецъ и помощью военной силы Екатерина и ея отличный помощникъ въ управленіи иностранными дѣлами Н. И. Панинъ достигли избра-

нія Станислава Понятовскаго въ короли. Тогда они немедленно предъявили ему тѣ требованія, имѣя въ виду которыя они доставляли ему корону. Понятовскій былъ изумленъ тѣмъ, что отъ него требуютъ совсѣмъ не того, чего онъ ожидалъ, пытался противиться, но долженъ былъ уступить твердости Екатерины. По ея волѣ православные подданные Польши получили всѣ политическія права, съ нѣсколькими ничтожными ограниченіями, при чемъ въ перепискѣ съ русскимъ посломъ въ Варшавѣ Панинъ прямо высказывалъ мысль, что и не надо доставлять этимъ диссидентамъ положенія столь хорошаго, чтобы они не чувствовали необходимости въ постоянной поддержкѣ Россіи. Самое же главное было то, что все польское государственное устройство, при которомъ Польша, какъ это было ясно, никогда не могла подняться изъ своей политической слабости, было поставлено подъ гарантію Россіи—Россія получала, такимъ образомъ, право препятствовать всякому улучшенію государственнаго строя Польши, какое нашла бы невыгоднымъ для себя.

Къ веснѣ 1768 г. русская политика достигла наивысшаго своего торжества въ Польшѣ, и—какъ это часто бываетъ—чрезмѣрное преобладаніе одной силы вызвало усиленное сопротивленіе ей многихъ другихъ: въ полякахъ пробудилась рѣшимость и готовность на крайнія жертвы, чтобы вывести свое отечество изъ печальнаго его положенія, французское правительство удвоило свои старанія создать Россіи политическія затрудненія, а давнишняя ревность Турціи довела до того, что осенью 1768 г. Турція объявила Россіи войну по ничтожному поводу, изъ-за такого столкновенія на границахъ, какія происходятъ постоянно и легко улаживаются мирнымъ путемъ, пока нѣтъ непремѣннаго желанія начать войну.

Выступленіе Турціи произвело въ Польшѣ чрезвычайное впечатлѣніе. Поляки были убѣждены въ торжествѣ турокъ и сразу перемѣнили тонъ относительно Россіи; русскія предложенія выслушивались уже далеко не съ такимъ вниманіемъ, какъ прежде, поляки предъявляли со своей стороны новыя условія и прямо заявляли, что начало войны измѣняетъ всѣ прежнія обязательства и обѣщанія. Въ Петербургѣ войною были встревожены. Турція казалась тогда очень опаснымъ врагомъ, и при всей рѣшимости вести войну энергично не было полной увѣренности въ успѣхѣ, по крайней мѣрѣ въ успѣхѣ быстромъ. Поэтому Екатерина и Панинъ готовы были сдѣлать полякамъ нѣсколько довольно значительныхъ уступокъ, лишь бы не затронуто было существо достигнутыхъ результатовъ; но во всякомъ случаѣ они далеко не обнаружили такой податливости, какую ожидали встрѣтить поляки. Переговоры объ уступкахъ затянулись, а послѣ лѣта 1770 г. успѣхи русскаго оружія дали Екатеринѣ возможность не только удержать занятое въ Польшѣ положеніе, но осуществить и тѣ притя-

занія, которыя до того времени оставались только въ области желаній и мечтаній.

Войну съ турками рѣшено было въ Петербургѣ вести наступательную. Серьезныя военныя дѣйствія не могли начаться скоро, потому что при тогдашнихъ путяхъ сообщенія сосредоточить значительныя военныя силы можно было только по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Въ январѣ 1769 г. сдѣлали набѣгъ крымскіе татары; они проникли въ Екатеринославскую провинцію и около мѣсяца разбойничали въ предѣлахъ Россіи; на мѣстахъ находились лишь незначительныя военныя команды и онѣ удерживали татаръ, сколько могли; погибло до 200 чел., до 2.000 уведено въ плѣнъ, угнано свыше 30.000 головъ скота, сожжено до 1.200 дворовъ. Это былъ уже послѣдній въ русской исторіи татарскій набѣгъ! — впрочемъ, съ того времени не прошло еще и 150 лѣтъ.

Съ началомъ 1769 г. выступили въ поле двѣ арміи: кн. А. М. Голицына, силою до 80.000 человѣкъ, и гр. П. А. Румянцева, силою около 40.000 чел.; еще 40.000 охраняли границы Россіи около Азова и со стороны Кавказа. Голицынъ дѣйствовалъ медленно; онъ производилъ осторожныя операціи около турецкой крѣпости Хотина и овладѣлъ ею, когда турецкій гарнизонъ покинулъ крѣпость, недостаточно снабженную припасами. Послѣ этого кн. Голицынъ былъ съ почетнымъ награжденіемъ отозванъ отъ арміи, начальникомъ главныхъ силъ назначенъ Румянцевъ, а его бывшая армія подчинена гр. П. И. Панину. Румянцевъ обнаружилъ замѣчательныя дарованія полководца. Когда армію пришлось размѣстить на зимнія квартиры, онъ умѣлъ обставить солдатъ такъ, что почти не было среди нихъ эпидемическихъ заболѣваній, которыя въ ту эпоху жестоко свирѣпствовали въ случаяхъ большого скопленія войскъ въ одномъ мѣстѣ; прибывавшія изъ Россіи части Румянцевъ дѣятельно подготовлялъ къ предстоящему походу. 23 апрѣля 1770 г., въ день св. Георгія Побѣдоносца, Румянцевъ двинулся впередъ. 23 мая онъ получилъ отъ императрицы письмо: «Не спрашивали римляне, когда гдѣ ихъ было два или, много, три легіона, въ какомъ числѣ противъ нихъ непріятель, но гдѣ онъ?—наступали на него и поражали, и немногочисліемъ своего войска побѣждали многособранныя противъ нихъ толпы; а мы—русскіе; милости Божескія за правость нашу въ сей войнѣ съ нами, я васъ имѣю надъ войскомъ командиромъ, храбрость войскъ извѣстна; итакъ, я, о благополучнѣйшихъ успѣхахъ моля Всевышняго, надѣюсь на Его покровительство».

Въ началѣ іюля Румянцевъ на берегахъ р. Ларги встрѣтился съ войскомъ крымскаго хана, и 7 іюля, имѣя всего 23.000 чел., одержалъ полную побѣду надъ 80.000 татарскимъ войскомъ. Съ удивительно вѣрнымъ расчетомъ двинулъ онъ войска въ атаку непріятельскаго лагеря, начальники отдѣльныхъ отрядовъ замѣчательно точно выполнили приказанія вождя — они были очень

просты и ясны,—солдаты и офицеры проявили поразительную храбрость. За эту побѣду Румянцевъ получилъ I степени только что учрежденнаго ордена св. Георгія; онъ былъ первымъ кавалеромъ этого почетнѣйшаго ордена. Слухъ о пораженіи крымскаго хана побудилъ визиря, медленно переправлявшагося черезъ Дунай, быстрѣе двинуться противъ русскихъ. 21 іюля Румянцевъ, имѣя лишь 20.000 чел.,—нѣкоторую часть своихъ силъ онъ долженъ былъ отрядить для охраны противъ татаръ — встрѣтилъ на берегу р. Кагула войско визиря, въ которомъ считалось не менѣе 150.000 чел., правда, наполовину нерегулярныхъ войскъ. Визирь не допускалъ и мысли, чтобы совершенно незначительная колонна русскихъ рѣшилась его атаковать, и не принималъ никакихъ мѣръ предосторожности. Но Румянцевъ снова напалъ съ невѣроятною смѣлостью и съ удивительною стремительностью; онъ самъ былъ въ огнѣ и среди рукопашной схватки, въ которую скоро обратилась эта битва, и опять русскіе одержали полную побѣду. Изъ ставки визиря Румянцевъ послалъ доношеніе императрицѣ. «Да позволено мнѣ будетъ, всемилостивѣйшая государыня,— писалъ онъ между прочимъ,—настоящее дѣло уподобить дѣламъ древнихъ римлянъ, коимъ Ваше Императорское Величество велѣли мнѣ подражать: не такъ ли армія Вашего Императорскаго Величества теперь поступаетъ, когда не спрашиваетъ, какъ великъ непріятель, а ищетъ только, гдѣ онъ». Румянцевъ объѣзжалъ войска и благодарилъ ихъ; «Ты прямой солдатъ!», кричали ему солдаты, обожавшіе своего вождя; императрица произвела Румянцева въ фельдмаршалы.

Нѣсколько ранѣе была одержана важная побѣда русскимъ флотомъ, но извѣстіе о ней дошло въ Петербургъ уже послѣ доношеній о побѣдахъ при Ларгѣ и Кагулѣ.

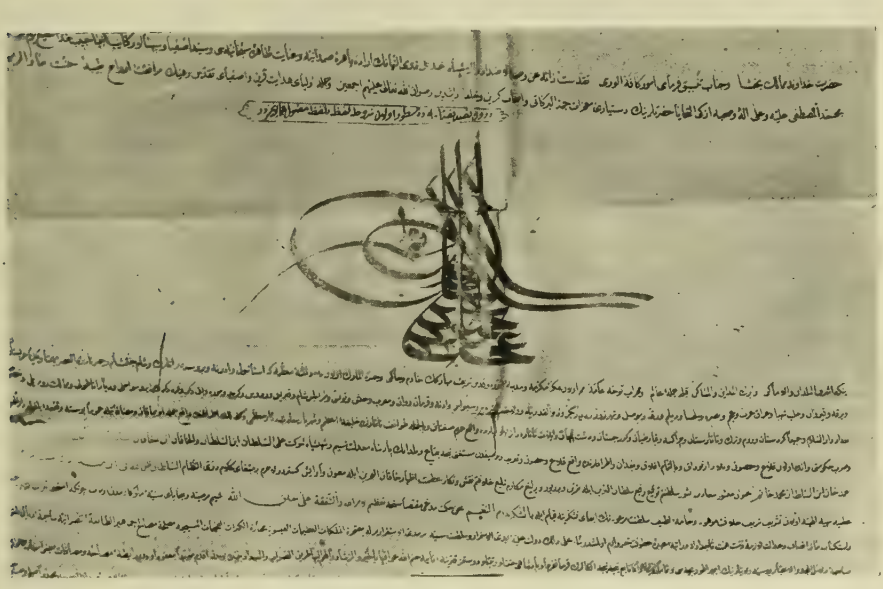
Въ самомъ началѣ войны рѣшено было снарядить эскадру въ Средиземное море, въ расчетѣ поднять противъ Турціи грековъ и южныхъ славянъ, о которыхъ—надо замѣтить—были въ то время лишь очень неясныя и сбивчивыя свѣдѣнія. Главнымъ начальникомъ всей экспедиціи былъ назначенъ гр. А. Г. Орловъ, ближайшими его помощниками было нѣсколько опытныхъ моряковъ изъ русскихъ и изъ англичанъ, приглашенныхъ на русскую службу. Экспедиція встрѣчена была въ Европѣ съ нескрываемою насмѣшкою; никто не думалъ, что русскій флотъ сколько-нибудь серьезная величина. Однако русскіе корабли благополучно обогнули Европу и въ началѣ 1770 г. появились въ водахъ Архипелага. Сухопутныхъ предпріятій экспедиція не могла организовать, не имѣя достаточныхъ силъ для десанта, но крейсируя около Дарданеллъ затрудняла торговое движеніе. Здѣсь гр. Орловъ нашелъ турецкій флотъ, стоявшій въ узкомъ проливѣ между берегомъ Малой Азіи и островомъ Хіосомъ; 24 іюня произошло столкновеніе, послѣ котораго турецкій флотъ, сильно постра-

давшій отъ возникшаго на немъ пожара, скрылся въ сосѣднюю бухту Чесменскую. На военномъ совѣтѣ начальниковъ русской эскадры рѣшено было сжечь турецкій флотъ — и 26 іюня весь русскій флотъ вошелъ тоже въ гавань, затѣмъ охотники лейтенантъ Ильинъ и кн. Гагаринъ и двое англичанъ, Дугласъ и Мекензи, на особыхъ поромахъ, нагруженныхъ смолою, сѣрой, порохомъ и другими легковоспламеняемыми горючими матеріалами, направились къ турецкимъ кораблямъ; не обращая вниманія на сильный огонь непріятеля, они достигли линіи его судовъ, особыми приспособленіями прикрѣпили къ деревяннымъ кораблямъ свои брандеры, подожгли ихъ и отчалили въ шлюпкахъ. Быстро распространился пожаръ съ подожженнаго корабля на другіе—и къ вечеру 26 іюня турецкій флотъ былъ совершенно уничтоженъ; уцѣлѣлъ отъ огня лишь одинъ корабль, но и онъ сталъ добычею русскихъ.

Императрица съ искреннею радостью и съ большою пышностью праздновала эти побѣды; не только совершались благодарственныя молебствія, устраивались иллюминаціи, не только щедро награждены были всѣ участники битвъ и вѣстники побѣдъ,—императрица съ однимъ изъ такихъ извѣстій вышла изъ внутреннихъ покоевъ къ собравшимся на куртагъ и сама не разъ повторила подробности полученныхъ донесеній; за торжественнымъ обѣдомъ она оказала особое вниманіе престарѣлой матери фельдмаршала Румянцева и въ особенно милостивыхъ выраженіяхъ пила за здоровье побѣдителя; по случаю Чесменской побѣды было устроено своего рода торжественное прославленіе основателя русскаго флота, Петра Великаго.

Исходъ войны послѣ кампаніи 1770 г. былъ ясенъ, но еще не близокъ; война длилась послѣ того еще четыре года, и русское оружіе имѣло постоянно перевѣсъ, испытавъ лишь нѣсколько незначительныхъ неудачъ. Турки не выставляли болѣе въ открытое поле значительныхъ армій, а ограничивались обороною крѣпостей по Дунаю; тѣмъ не менѣе, нѣсколько турецкихъ корпусовъ были разбиты и въ открытомъ полѣ, и Румянцевъ переходилъ неоднократно за Дунай; подъ начальствомъ Румянцева особенно выдвинулись генералъ Вейсманъ, убитый потомъ подъ Силистріей, Г. А. Потемкинъ и А. В. Суворовъ. Кн. В. М. Долгоруковъ, смѣнившій въ 1771 г. гр. П. И. Панина въ командованіи второю арміей, проникъ въ Крымъ, занялъ въ немъ важные пункты и достигъ того, что крымскіе татары согласились отложиться отъ Турціи и просили Россію содѣйствовать признанію ихъ независимыми. Вопросъ объ этомъ и былъ затѣмъ главнымъ спорнымъ пунктомъ на мирныхъ переговорахъ, которые въ 1772 г. велись въ Фокшанахъ, гдѣ русскими уполномоченными были гр. Г. Г. Орловъ и Обресковъ и гдѣ переговоры не привели къ положительнымъ результатамъ, а затѣмъ—на переговорахъ въ 1774 г., когда ихъ велъ самъ Румянцевъ. Турки

отлично понимали, что ихъ согласіе на независимость Крыма равносильно признанію ими себя не въ силахъ удержать въ своей власти сѣверный берегъ Чернаго моря, и что независимый отъ Турціи Крымъ очень скоро перейдетъ во власть Россіи. По тѣмъ же самымъ основаніямъ съ русской стороны особенно настаивали на этомъ пунктѣ, указывая на то, что, давши уже крымскимъ татарамъ обѣщаніе добиться ихъ независимости, Россія не можетъ не исполнить этого обѣщанія. 5 іюля 1774 г. Румянцевъ согласился на просьбу визиря начать мирные переговоры, но только съ тѣмъ, что военныя дѣйствія не будутъ прекращены на ихъ время и что миръ будетъ заключенъ къ 10 іюля—и въ полномъ смыслѣ слова подъ громъ орудій миръ былъ, дѣйствительно, под-



Часть Кучукъ-Кайнарджійскаго мирнаго договора.
Оригиналъ хранится въ Москвѣ въ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

писанъ 10 іюля 1774 г. близъ Силистріи, въ дер. Кучукъ-Кайнарджи. Россія получила Азовъ, Керчь, Еникале, Кинбурнъ, области въ Кабардѣ, значительныя торговыя льготы и $4^1/_2$ милл. руб. контрибуціи; крымскіе татары признаны независимыми; всѣмъ турецкимъ подданнымъ, возстававшимъ въ теченіе войны противъ своего правительства, обезпечено полное прощеніе. Этотъ миръ былъ отпразднованъ въ Москвѣ въ 1775 г. тѣмъ болѣе пышно, что къ этому времени удалось покончить и другія серьезныя и трудныя дѣла, возникшія въ теченіе войны.

Россію во время этой войны посѣтила въ небывалыхъ размѣрахъ чума. И ранѣе эта ужасная болѣзнь сопровождала каждую войну съ Турціей: она всегда развивалась на театрѣ войны вслѣдствіе совершеннаго отсутствія санитарныхъ предосторожностей;

во внутреннюю Россію, однако, чума обыкновенно не проникала, поражая лишь нѣкоторыя пограничныя области. Но теперь сношенія арміи со страною были слишкомъ часты и продолжительны, и чума была занесена въ глубь Россіи. Уже въ 1770 г. она появилась въ Кіевѣ, Сѣвскѣ и другихъ городахъ этого района; въ декабрѣ 1770 г. умерло нѣсколько человѣкъ непонятою тогда болѣзнью въ Москвѣ въ военномъ госпиталѣ; скоро эту болѣзнь пришлось признать очень заразительною и чрезвычайно опасною. Главнокомандующій въ Москвѣ, престарѣлый фельдмаршалъ гр. П. С. Салтыковъ, доносилъ императрицѣ о положеніи Москвы въ успокоительномъ тонѣ, а затѣмъ сообщилъ о полномъ прекращеніи болѣзни. Однако онъ очень ошибся: вѣроятно, подчиненные до извѣстной степени скрывали отъ Салтыкова истину, а врачи и дѣйствительно не умѣли опредѣлить, съ чѣмъ приходится имѣть дѣло. Въ февралѣ 1771 г. болѣзнь вдругъ съ большою силою вспыхнула на суконной фабрикѣ: шерсть получалась съ юга, а сама шерсть и шерстяныя матеріи особенно способны сохранять и передавать такого рода заразу. Рабочіе этой фабрики въ страхѣ разсѣялись по всему городу, и по всей Москвѣ болѣзнь стала прогрессировать съ ужасающей быстротою. Трудно вообразить себѣ условія, болѣе благопріятныя для развитія ея, чѣмъ тѣ, какія были въ Москвѣ. Въ огромномъ городѣ не было и рѣчи о какомъ-либо санитарномъ надзорѣ, о какихъ-либо мѣрахъ предосторожности; на всю Москву не было и десяти докторовъ; существа болѣзни никто не зналъ, способы борьбы съ нею были совершенно неизвѣстны; всѣ предохранительныя мѣры ограничивались совѣтомъ нюхать чеснокъ и деготь или уксусъ; о заразительности чумныхъ больныхъ, особенно же о заразительности вещей, остававшихся послѣ умершихъ, лишь немногіе имѣли ясное понятіе; умершихъ хоронили въ самомъ городѣ около церквей, въ наскоро вырытыхъ неглубокихъ могилахъ. Болѣзнь быстро приняла ужасные размѣры: къ лѣту умирало уже свыше 200 чел. въ день, а къ осени—почти по тысячѣ. Жителей охватила паника; кто могъ, уѣзжалъ изъ города, оставалась по преимуществу наиболѣе бѣдная и наименѣе просвѣщенная часть населенія, и — какъ всегда бываетъ при такого рода бѣдствіяхъ — распространялись самые нелѣпые слухи о мнимыхъ виновникахъ мора и объ умышленномъ отравленіи людей. Чернь волновалась, дурные инстинкты толпы готовы были проявиться во всемъ своемъ безобразіи — и когда зараза достигла особенной силы, и столица была покинута почти всѣми представителями власти и самимъ главнокомандующимъ, а архіепископъ Амвросій принялъ мѣры, чтобы прекратить сборища у Варварскихъ воротъ, гдѣ предъ образомъ Боголюбской Богородицы, по слухамъ о какихъ-то чудесахъ отъ него, служили молебны огромныя толпы и этимъ лишь способствовали распространенію заразы—въ Москвѣ 15 сентября 1771 г. вспыхнулъ бунтъ.

Толпа пьяныхъ, обезумѣвшихъ отъ продолжительнаго страха людей, рѣшила убить архіепископа. Во всей Москвѣ въ это время оказалось едва 100 чел. солдатъ: всѣ остальные изъ небольшого гарнизона были въ окрестностяхъ на карантинахъ, поставленныхъ по всѣмъ дорогамъ; съ такими силами предотвратить убійство не удалось. 16 сентября буяны отыскали Амвросія въ Донскомъ монастырѣ, гдѣ онъ укрылся, и звѣрски убили его. На другой день толпа стала ломиться въ Кремль, требуя уничтоженія карантиновъ, запрещенія лѣкарямъ морить народъ и освобожденія всѣхъ, захваченныхъ въ послѣдніе дни за буйство; но генералъ Еропкинъ, имѣвшій повелѣніе императирицы принять въ свое особое вѣдѣніе всѣ мѣры по борьбѣ съ чумой, собралъ уже до 300 солдатъ и разсѣялъ толпу пушечными и ружейными выстрѣлами; свыше 100 чел. было убито, 249 арестовано; остальные разбѣжались и болѣе не было уже попытокъ произвести безпорядокъ.

Уже за нѣсколько дней до этого печальнаго происшествія въ Петербургѣ были очень встревожены донесеніями отъ Салтыкова, который вдругъ сталъ слать вѣсти весьма безпокойныя, тогда какъ до того времени представлялъ положеніе столицы въ свѣтѣ слишкомъ розовомъ. Императрица съ самаго начала болѣзни въ Москвѣ отнеслась къ этому очень серьезно; она старалась не обнаруживать никакого безпокойства, въ письмахъ къ своимъ иностраннымъ корреспондентамъ отрицала самое существованіе въ Москвѣ какой-либо странной и опасной болѣзни, но въ то же время настаивала на усиленныхъ мѣрахъ предосторожности и даже на полной изоляціи Москвы, но Салтыковъ постоянно противился такимъ мѣропріятіямъ, находя, что примѣненіе ихъ къ такому большому городу, какъ Москва, совершенно невозможно. Теперь, когда положеніе въ Москвѣ оказалось критическимъ, Екатерина пожелала сама отправиться туда, чтобы на мѣстѣ принимать необходимыя мѣры; отъ этого рѣшенія ее отговорили въ Совѣтѣ, и въ Москву поѣхалъ съ чрезвычайными полномочіями гр. Г. Г. Орловъ. Съ большою отвагою этотъ дѣйствительно безстрашный человѣкъ рѣшился подвергнуться всѣмъ опасностямъ пребыванія въ самомъ очагѣ заразы, которыя и въ дѣйствительности были ужасны, а казались еще ужаснѣе. Прибывъ въ Москву, Орловъ энергичными мѣрами быстро возстановилъ тишину и порядокъ; особенное вниманіе обратилъ онъ на санитарныя мѣропріятія—съ этого именно времени запрещено было хоронить умершихъ внутри городовъ около церквей. Болѣзнь утихла сравнительно быстро; однако въ разныхъ мѣстностяхъ около Москвы она держалась нѣсколько лѣтъ, то ослабѣвая, то вновь вспыхивая. Предосторожности противъ распространенія заразы были принимаемы до сентября 1776 г., и только тогда болѣзнь признана была окончательно прекратившеюся. Число жертвъ этой чумы съ точностью опредѣлить едва ли возможно; во всякомъ случаѣ оно было

очень велико. Когда императрица въ одномъ изъ писемъ къ Гримму говоритъ, что чума унесла не менѣе 100.000 чел., она, вѣроятно, близка къ истинѣ и, навѣрно, не преувеличиваетъ.

Едва кончились тревоги по поводу Москвы, какъ возникли новыя, и сильнѣйшія, безпокойства: въ областяхъ Яицкаго, нынѣ Уральскаго, казачьяго войска вспыхнуло возмущеніе, развившееся въ большой и опасный бунтъ. Много обстоятельствъ сложилось особенно неблагопріятно, и въ результатѣ ихъ достигла такого сильнаго развитія такъ называемая Пугачевщина. Изъ этихъ обстоятельствъ главнымъ, безспорно, было вообще тяжелое положеніе низшаго класса и крайняя его невѣжественность, благодаря которой массы считали Пугачева дѣйствительно императоромъ: когда стало извѣстно о его намѣреніи вступить въ бракъ, то множество народа искренно выражало наивное недоумѣніе, какъ это можетъ быть, когда государыня Екатерина Алексѣевна жива; имѣются и другія доказательства, что очень многіе вѣрили въ то, что Пугачевъ есть императоръ Петръ Ѳеодоровичъ. Главную роль въ бунтѣ играло казачество и инородческое населеніе юго-восточныхъ областей Россіи. Восточныя окраины Россіи въ теченіе всего XVIII в. представляли собою области еще далеко незамиренныя: до 90-хъ годовъ XVIII ст. ежегодно десятки и, вѣроятно, даже сотни русскихъ людей были уводимы въ плѣнъ кочевниками; мѣстные инородцы жили еще въ понятіяхъ кровавой мести и съ неудовольствіемъ подчинялись законной власти, шедшей въ разрѣзъ съ такими понятіями. Многія требованія, исполненіе которыхъ совершенно необходимо въ сколько-нибудь цивилизованномъ обществѣ, вызывали среди нихъ глубокое недовольство. Естественно, что въ такую среду селились и русскіе люди, приблизительно такъ же смотрѣвшіе на жизнь; сюда шли самые неспокойные элементы, люди, которые не дорожили мирною, трудовою жизнью, не были способны накоплять богатства, а искали быстрой смѣны отдыха разгуломъ и готовы были легкомысленно спускать то, что попадало въ ихъ руки путемъ грабежа и насилій. Конечно, и администрація этихъ областей была наихудшею администраціею тогдашней Россіи; въ такіе отдаленные, безпокойные и вмѣстѣ скучные пункты и тогда не шли, какъ не идутъ и теперь, элементы хорошіе, находящіе приложеніе своимъ силамъ и способностямъ въ условіяхъ гораздо болѣе пріятныхъ. Насъ не удивляетъ поэтому, что казаки были недовольны многими дѣйствіями представителей центральной власти. Еще съ конца царствованія Елизаветы Петровны шли у казаковъ длинные споры съ мѣстною администраціею, доходившіе иногда до вооруженныхъ столкновеній. Съ началомъ турецкой войны рѣшено было двинуть въ армію часть казацкаго войска, переформировавъ и перевооруживъ его примѣнительно къ новымъ порядкамъ, введеннымъ въ русской арміи, и на этой почвѣ возникло множество недоразумѣній. Казаки

слали въ Петербургъ съ особыми ходоками жалобы; но въ Петербургѣ не склонны были допускать возраженія противъ недавно введенныхъ порядковъ, а казаки не желали подчиняться новымъ требованіямъ и находились въ состояніи сильнаго броженія. Въ 1771 г. казаки почти совсѣмъ не исполнили приказанія содѣйствовать удержанію калмыковъ, когда эти, послѣ непродолжительнаго пребыванія въ предѣлахъ Россіи, въ количествѣ до 200.000 чел. покинули русскіе предѣлы и ушли въ среднеазіатскія степи. Въ томъ же 1771 г. при одной вспышкѣ разногласій съ властями былъ убитъ казаками ген. Траубенбергъ; наказаніе виновныхъ не заставило массу покориться, а лишь болѣе ее озлобило. Наконецъ, мѣры, принимавшіяся противъ распространенія чумы, вызвали здѣсь одно раздраженіе, и почти полное отсутствіе въ провинціи военныхъ силъ, отвлеченныхъ войною съ Турціей, придавало смѣлость всѣмъ, кто не дорожилъ своимъ покоемъ и не склоненъ былъ щадить покой другихъ. Только въ самой значительной крѣпости края, въ Оренбургѣ, было подъ ружьемъ до 3.000 чел., въ другихъ укрѣпленіяхъ края гарнизоны считались десятками человѣкъ, въ внутреннихъ же городахъ имперіи не было и такихъ командъ. И когда создалось такое положеніе, что противъ значительной шайки, нападавшей вооруженною силой на города и даже укрѣпленія, приходилось выдвигать едва сотни человѣкъ, а иногда и десятки, притомъ почти исключительно инвалидовъ, то совершенно естественно, что разбои могли достигнуть размѣровъ весьма значительныхъ. Такъ въ дѣйствительности и случилось. Давнее тяжелое положеніе крестьянъ, съ полнымъ основаніемъ недовольныхъ своимъ состояніемъ, ихъ полное невѣжество, существованіе буйнаго элемента, казачества, къ этому времени особенно раздраженнаго, полное обнаженіе обширныхъ областей отъ всякой организованной военной силы,—все это вмѣстѣ создало возможность тѣхъ ужасныхъ сценъ, какія разыгрались во время Пугачевщины. Бурное движеніе готово было проявиться — и вспыхнуло, какъ только нашелся человѣкъ, около котораго оно могло сколько-нибудь сорганизоваться. Такимъ человѣкомъ оказался донской казакъ Зимовейской станицы Емельянъ Пугачевъ.

Пугачевъ родился въ 1740 г.; съ 17-ти лѣтъ онъ несъ обязательную для казаковъ военную службу, былъ въ походахъ Семилѣтней войны, затѣмъ въ Польшѣ, наконецъ въ турецкой войнѣ. Здѣсь онъ расхворался и былъ отпущенъ домой; въ 1770 г. онъ помогалъ одному своему свойственнику, задумавшему бѣжать на Кавказъ, но побѣгъ не удался; Пугачевъ былъ арестованъ. Изъ-подъ ареста онъ скоро бѣжалъ и больше двухъ лѣтъ бродилъ по разнымъ мѣстамъ южной Россіи, отъ Днѣпра до Урала; онъ мечталъ собрать толпу казаковъ и уйти на Кубань, въ турецкія владѣнія. Въ самое тревожное время, въ ноябрѣ 1772 г., когда при-

шло рѣшеніе по дѣлу объ убійствѣ Траубенберга, Пугачевъ былъ въ Яицкомъ городкѣ; тутъ, среди разныхъ толковъ съ недовольными казаками, которые говорили иногда и о слухахъ, будто императоръ Петръ Ѳеодоровичъ живъ, Пугачевъ рѣшился принять на себя имя покойнаго государя. За XVIII в. извѣстно въ Россіи до десятка случаевъ, когда какой-нибудь заболтавшійся въ жизни человѣкъ называлъ себя государемъ; обыкновенно для такихъ самозванцевъ дѣло быстро оканчивалось тѣлеснымъ наказаніемъ и ссылкою. Но теперь мысль выставить въ своей средѣ якобы законнаго государя упала на казачество какъ искра на порохъ. Казаки желали бороться противъ правительства—и человѣкъ, объявившій, что онъ императоръ, былъ какъ нельзя больше желателенъ для нихъ. 17 сентября 1773 г. на хуторѣ казака Толкачева былъ прочитанъ безграмотно написанный отъ имени Петра Ѳеодоровича манифестъ, въ которомъ казакамъ объявлялось, что они жалуемы землями и рыбными ловлями, раскольникамъ, что они жалуемы крестомъ и бородою,—и толпа казаковъ бросилась въ Яицкій городокъ. Такъ началась Пугачевщина.

Движеніе распространилось по среднему теченію Урала. Маленькія крѣпостцы, защищенныя обыкновенно только землянымъ валомъ или, въ лучшемъ случаѣ, деревяннымъ частоколомъ, и гарнизономъ изъ 20 — 30 инвалидовъ, одна за другою переходили въ руки бунтовщиковъ; они казнили военныхъ начальниковъ съ ихъ семьями, казнили и тѣхъ изъ команды, кто хотѣлъ сохранить вѣрность долгу; большинство командъ присоединялось къ мятежникамъ; въ началѣ октября 1773 г. бунтовщики появились подъ Оренбургомъ и въ теченіе почти полугода пытались имъ овладѣть, но гарнизонъ, съ ген. Рейнсдорпомъ во главѣ, отстоялъ городъ. Какъ всегда бываетъ, возстаніе сопровождалось буйствомъ, насиліями, безсмысленнымъ истребленіемъ имущества.

Въ Петербургъ извѣстіе объ этихъ событіяхъ пришло 14 октября. Императрица взглянула на все это весьма серьезно. По обсужденіи дѣла въ Совѣтѣ рѣшено было послать противъ мятежниковъ отряды, которые можно было наскоро собрать въ Москвѣ и въ приволжскихъ городахъ; начальникомъ былъ назначенъ ген.-м. Каръ, только что отличившійся въ Польшѣ. Собрать оказалось возможнымъ силы очень небольшія: до 600 регулярныхъ хорошо обученныхъ и вооруженныхъ солдатъ, до 1.600 инвалидовъ и около 1.200 вооруженныхъ крестьянъ. Выѣзжая изъ Москвы, однако, Каръ высказывалъ только опасеніе, какъ бы мятежники не разсѣялись до его прихода на мѣсто. Но когда въ началѣ ноября онъ двинулся къ Оренбургу, то оказалось, что силы мятежниковъ достигаютъ уже 10.000 чел., и Каръ поспѣшно отступилъ, а одинъ отрядъ, высланный имъ впередъ, былъ совершенно истребленъ. Отъ слишкомъ оптимистическаго взгляда на свою задачу Каръ перешелъ сразу въ противоположную крайность, совершенно растерялся и

уѣхалъ въ Москву, гдѣ появленіе его вызвало, съ одной стороны, чрезвычайное смущеніе, а съ другой—негодованіе. Объясненія Кара, въ которыхъ онъ причиною отъѣзда выставлялъ свою болѣзнь, были признаны неудовлетворительными, и онъ былъ исключенъ со службы. Послѣ этой неудачной попытки погасить возстаніе оно вспыхнуло съ большею силой; теперь борьба съ нимъ была поручена маршалу комиссіи уложенія, ген.-пор. А. И. Бибикову.

Бибиковъ прибылъ 25 декабря 1773 г. въ Казань; сюда собрано было уже нѣсколько тысячъ войска. Населеніе обширнаго города было въ ужасномъ страхѣ: мятежныя шайки приближались, а слухи преувеличивали ихъ размѣры и опасность отъ нихъ. Бибиковъ нашелъ положеніе болѣе серьезнымъ, чѣмъ ожидалъ, но онъ не растерялся; спокойною твердостью и энергіей онъ ободрилъ населеніе; дворяне и чиновники выразили готовность принять активное участіе въ борьбѣ и доставленіемъ ратниковъ и личнымъ участіемъ въ походѣ. Донесеніями объ этомъ императрица осталась очень довольна и въ отвѣтномъ рескриптѣ Бибикову, именуя себя тоже казанскою помѣщицею, поручала объявить свое благоволеніе казанскому дворянству и увѣрить его, что она ставитъ своею обязанностью «благосостояніе и безопасность дворянства почитать ничѣмъ нераздѣлимо съ безопасностію императорскаго дома и имперіи». Бибиковъ раннею весною 1774 г. двинулъ къ Оренбургу и къ среднему теченію Урала серьезныя силы; въ серединѣ марта кн. Голицынъ нанесъ мятежникамъ сильнѣйшее пораженіе подъ крѣпостью Татищевой. 23 марта Оренбургъ былъ освобожденъ отъ осады. Пугачевъ, едва ускакавшій подъ Татищевой, бросился теперь къ востоку, а потомъ къ сѣверу, на уральскіе заводы; онъ нашелъ поддержку у башкировъ и у многочисленныхъ заводскихъ крестьянъ. Но теперь движеніе, во главѣ котораго онъ стоялъ, превратилось въ полномъ смыслѣ слова въ разбойничій набѣгъ: толпы Пугачева грабили, что могли, и бѣжали далѣе; силы мятежниковъ были еще такъ велики, что никакое поселеніе, безъ спеціальной воинской силы, не могло его ни отразить, ни удержать; было очевидно, однако, что противъ регулярныхъ войскъ, руководимыхъ такимъ опытнымъ и энергичнымъ генераломъ, какъ Бибиковъ, мятежники не устоятъ. Но 9 апрѣля 1774 г. Бибиковъ умеръ въ Бугульмѣ, приблизительно на полпути между Казанью и Оренбургомъ, куда онъ выѣхалъ, чтобы быть ближе къ мѣсту дѣйствій — и не стало человѣка, объединившаго всѣ мѣропріятія по борьбѣ съ бунтовщиками и дѣйствовавшаго благоразумно и энергично.

Пугачевъ немедленно этимъ воспользовался; онъ круто повернулъ съ Урала и бросился къ Казани. Сюда спѣшили и отряды правительственныхъ войскъ, но мятежники опередили ихъ на однѣ сутки, 12 іюля разграбили казанскій посадъ и удалились, предавъ его пламени; кремль города, куда укрылись жители, уцѣ-

лѣлъ, мятежники не рѣшились ни штурмовать его, ни осаждать, но городъ выгорѣлъ за исключеніемъ едва шестой части. На другой день явился къ Казани Михельсонъ, одинъ изъ наиболѣе энергичныхъ и счастливыхъ предводителей въ борьбѣ противъ Пугачева; онъ и здѣсь нанесъ толпамъ Пугачева сильное пораженіе, но преслѣдовать не могъ, потому что люди были крайне утомлены, а лошади отъ быстраго движенія пали почти всѣ. 15 іюля Пугачевъ, собравъ до 15.000 чел. своего сброда, самъ напалъ на Михельсона подъ Казанью же, но снова былъ рѣшительно разбитъ; до 10.000 чел. сдались Михельсону. Пугачевъ бѣжалъ съ толпою въ 3 или 4 тысячи человѣкъ—и 17 іюля переправился на правый берегъ Волги. Онъ теперь бѣжалъ уже для своего спасенія и, вѣроятно, расчитывалъ на то, что правый берегъ почти лишенъ войскъ, а тѣмъ, которыя сражались съ нимъ ранѣе, переправиться не такъ легко. Здѣсь къ Пугачеву пристали въ большомъ количествѣ крестьяне и по требованію мятежниковъ убили многихъ помѣщиковъ; да и нельзя удивляться что крестьяне въ большинствѣ случаевъ не противились: они всегда и всюду были несравненно слабѣе неожиданно надвигавшейся на нихъ толпы; скорѣе удивительно, что все-таки были случаи, когда крестьяне сопротивлялись и спасали своихъ помѣщиковъ, несмотря на грозившую имъ за это жестокую месть пугачевцевъ. Пугачевъ распространялъ слухи, что хочетъ итти на Москву, и вызвалъ этимъ великій переполохъ въ дворянствѣ центральныхъ губерній, но въ дѣйствительности онъ просто стремился спастись по дорогѣ, свободной отъ войскъ, на Донъ, гдѣ надѣялся найти поддержку у казаковъ. Пройдя по дорогѣ къ западу отъ Казани всего 150 вер., Пугачевъ круто повернулъ на югъ; онъ быстро прошелъ, сжигая и грабя, что можно, и жестоко истребляя помѣщиковъ и чиновниковъ, черезъ города Цивильскъ, Курмышъ, Алатырь, Саранскъ, Пензу, Саратовъ. Подъ Царицынымъ его догналъ Михельсонъ и окончательно разсѣялъ его шайку. Пугачевъ съ небольшимъ числомъ спутниковъ переправился снова на лѣвый берегъ Волги, думая спастись въ степяхъ, но былъ выданъ своими ближайшими сообщниками.

Въ Петербургъ извѣстіе о сожженіи Казани и о переправѣ Пугачева на правый берегъ Волги пришло 21 іюля. Оказывалось, что послѣ почти полугодовой борьбы съ мятежниками, они не только не приведены къ покорности, но приближаются къ самому большому и богатому городу имперіи. Положеніе дѣлъ представлялось чрезвычайно опаснымъ. На собраніи Совѣта, немедленно созванномъ, императрица заявила, что намѣрена ѣхать сама въ Москву и оттуда руководить борьбою. О сужденіяхъ въ этомъ засѣданіи и въ ближайшее послѣ него время мы случайно имѣемъ два совершенно интимныхъ письма: Н. И. Панина къ брату, П. И. Панину, и самой Екатерины къ Г. А. Потемкину. Не

подлежитъ никакому сомнѣнію, что и Н. И. Панинъ и Екатерина писали, не думая, что письма эти станутъ извѣстны впослѣдствіи тысячамъ людей, и потому писали совершенно откровенно; и письма ихъ чрезвычайно любопытны.

Н. И. Панинъ пишетъ, что заявленіе императрицы вызвало у членовъ Совѣта «безмолвіе великое»; когда долго никто ничего не говорилъ, государыня, по словамъ Панина, «къ нему одному обратясь, съ большимъ вынужденіемъ требовала», чтобы онъ ей «сказалъ, хорошо или дурно она сіе сдѣлаетъ»; онъ отвѣтилъ, «что не токмо не хорошо, но и бѣдственно въ разсужденіи цѣлости всей имперіи, что когда она такимъ образомъ займется безпосредственно волнованіемъ одной столь презрительной черни, тогда начнется неизбѣжно разрушеніе и погибель всей Россійской монархіи, и что не можетъ быть истиннаго сына отечества, который бы хотѣлъ дожить до сего злоключительнаго пункта. Ея Величество тутъ съ чувствительнымъ движеніемъ доказывала, какую пользу произвесть можетъ ея повсюду присутствіе, и весьма противъ меня подкрѣпляема была Г. А. Потемкинымъ»; остальные молчали или говорили нерѣшительно. «Ты легко, мой любезный другъ,—продолжаетъ Панинъ,—познаешь, какъ мой духъ распаленъ былъ... Я рѣшился на слѣдующій поступокъ. Послѣ обѣда взялъ фаворита (т.-е. Потемкина) особенно и, облича дерзость его мыслей, которой ни лѣта, ни практика ему не могутъ дозволить, и повторя резоны, мною сказанные, угрожающіе разрушеніемъ имперіи, объявилъ ему, что на отвращеніе сего я самъ рѣшился ѣхать противъ Пугачева, или отвѣтствовать за тебя, мой любезный другъ, что ты при всей своей дряхлости возьмешь на себя спасать отечество, хотя бы то надобно тебя на носилкахъ нести (гр. П. И. Панинъ жестоко страдалъ, повидимому, ревматизмомъ), если только государыня того желаетъ, или же она никого лучше тебя избрать не можетъ, и чтобы онъ пошелъ съ симъ моимъ объявленіемъ къ Ея Величеству. Я скоро потомъ вошелъ самъ къ ней и то же самое пересказалъ. Излишне будетъ подробно описывать всѣ тѣ разговоры, которые при семъ происходили, а довольно только сказать, что государыня, будучи весьма растрогана симъ моимъ поступкомъ, божилась предо мною, что она никогда не умаляла своей къ тебѣ довѣренности, что она совершенно увѣрена, что никто лучше тебя отечество не спасетъ»...; «я завтрашній день испросилъ себѣ на примышленіе обряда, съ каковымъ тебѣ поручено быть должно сіе дѣло, послѣ завтра же съ онымъ ѣду въ Петербургъ». Послѣ 28 іюня 1762 г. императрица Екатерина едва ли переживала другой столь же напряженный день. На назначеніе П. И. Панина съ очень широкими полномочіями Екатерина согласилась болѣе неохотно, чѣмъ показалось Н. И. Панину. Вотъ что писала она Потемкину, вѣроятно, 16 іюля: «Увидишь, голубчикъ, изъ приложенныхъ при семъ штукъ, что господинъ графъ Панинъ изъ братца своего

изволитъ дѣлать властителя съ безпредѣльною властью въ лучшей части имперіи, т.-е. Московской, Нижегородской, Казанской, Оренбургской губерніи, а sous-entendu есть и прочія; что если сіе я подпишу, то не токмо князь Волконскій (тогдашній главнокомандующій въ Москвѣ), но я сама ни малѣйше не сбережена, но предъ всѣмъ свѣтомъ перваго врага и мнѣ персональнаго оскорбителя, побоясь Пугачева, выше всѣхъ смертныхъ въ имперіи хвалю и возвышаю».

Эти два письма, безусловно интимныя и, слѣдовательно, правдивыя, представляютъ высокій историческій интересъ. Они не одинаково изображаютъ моментъ—какъ и при всякомъ спорѣ, при всякомъ разногласіи каждая сторона чувствуетъ пунктъ разногласія по-своему; положеніе Екатерины менѣе выгодно, потому что оказались безуспѣшными всѣ прежде взятыя мѣры, принимавшіяся ею самою. Это, дѣйствительно, смутило ее, она не нашла въ себѣ силы и теперь дѣйствовать единственно по собственному усмотрѣнію и склонилась—хотя не безъ колебанія—послѣдовать совѣту человѣка, которому она привыкла вѣрить, котораго всегда уважала; не легко далось ей это рѣшеніе, но мы не видимъ тутъ у Екатерины опасенія за себя; одна не совсѣмъ ясная фраза въ такой наскоро написанной запискѣ свидѣтельствуетъ лишь о волненіи писавшаго. И Екатерина и Панинъ тревожились по вопросу, который одинъ былъ важенъ для нихъ обоихъ, по вопросу: вѣрное ли принято рѣшеніе въ этомъ исключительной важности случаѣ; ни изъ того, ни изъ другого письма нельзя вывести, чтобы по существу вопросъ шелъ не о томъ, о чемъ прямо говорится, а о чемъ-то другомъ, — о борьбѣ Екатерины и Панина за первую роль, какъ иногда истолковываютъ этотъ, къ тому же вообще исключительный, моментъ. Этого не было. Екатерина и ея ближайшій совѣтникъ имѣли предъ глазами одну цѣль, ту самую, о которой они и говорили: прекратить бѣдственное для государства возстаніе и привести дѣла въ нормальный порядокъ.

Черезъ день наступило начало успокоенія, и Екатерина называла этотъ день счастливѣйшимъ своей жизни: курьеръ отъ Румянцева привезъ вѣсть о заключеніи мира и о томъ, что уже ѣдетъ на мѣсто бунта Суворовъ, котораго императрица давно желала послать туда; раньше его не отпускалъ Румянцевъ, утверждая, что Суворовъ необходимъ при арміи. Еще 21 іюля на лошадяхъ были двинуты нѣкоторыя пѣхотныя части въ Москву; теперь направлены были на востокъ и новыя силы.

29 іюля состоялось назначеніе П. И. Панина; 2 августа рескриптъ объ этомъ пришелъ къ нему въ Москву; онъ собиралъ здѣсь и направлялъ войска, 17 августа выѣхалъ самъ; на театръ дѣйствій онъ прибылъ въ концѣ августа, когда Суворовъ и Михельсонъ уже доканчивали уничтоженіе шаекъ Пугачева: 2 октября прибылъ Панинъ въ Симбирскъ, а наканунѣ сюда привезенъ

былъ Пугачевъ; Суворовъ неотлучно слѣдовалъ у самой той телѣги, въ которой везли самозванца; по ночамъ стоянки освѣщались факелами. Пугачевъ былъ доставленъ въ Москву; подъ общимъ руководствомъ генералъ-прокурора кн. А. А. Вяземскаго было произведено слѣдствіе о всемъ бунтѣ; по непремѣнной волѣ императрицы пытка не была примѣняема. Затѣмъ изъ членовъ Сената, Синода, президентовъ коллегій и особъ первыхъ трехъ классовъ была образована особая высшая судная комиссія. «Пожалуйста,— писала императрица Вяземскому,—помогайте всѣмъ внушить умѣренность, какъ въ числѣ, такъ и въ казни преступниковъ. Противное человѣколюбію моему прискорбно будетъ. Не должно быть лихимъ для того, что съ варварами дѣло имѣемъ». 29, 30 и 31 декабря происходили засѣданіи судной комиссіи. Пугачевъ и пять главнѣйшихъ его пособниковъ приговорены были къ смертной казни, 25 чел. къ тѣлесному наказанію и каторгѣ. Приговоръ приведенъ былъ въ исполненіе 10 января 1775 г., при чемъ Пугачевъ, приговоренный къ четвертованію, былъ прямо обезглавленъ и уже послѣ того отсѣчены у него руки и ноги — точно извѣстно, что такъ поступлено было по секретному повелѣнію императрицы.

Послѣ уничтоженія главнаго ядра мятежниковъ, собравшагося около Пугачева, бунтовщики сами стали являться съ повинною, и въ октябрѣ уже не было ничего слышно о разбояхъ; императрица проявила полную готовность прощать бунтовавшихъ. Обширному краю грозилъ голодъ, и императрица приняла рядъ мѣръ къ обезпеченію населенія продовольствіемъ; Панину дано право широко распоряжаться всякими суммами, которыя могли оказаться на мѣстахъ; въ пострадавшихъ отъ бунта мѣстностяхъ временно прекращено было винокуреніе, отсроченъ сборъ всякихъ недоимокъ, и за 1774 г. подати повелѣно собирать только за послѣднюю треть года; кромѣ того, для разныхъ выдачъ имущественно пострадавшимъ былъ отпущенъ отъ казны милліонъ рублей, сумма по тому времени очень значительная.

Въ связи съ турецкою войною велись весьма важные дипломатическіе переговоры между Россіей, Пруссіей и Австріей; они закончились первымъ раздѣломъ Польши, подписаннымъ 25 іюля 1772 года. Установить съ неоспоримою точностью роль и значеніе въ этомъ дѣлѣ каждаго изъ трехъ его участниковъ чрезвычайно трудно; по самому существу дѣла переговоры велись втайнѣ, съ большою осторожностью и каждый изъ трехъ участниковъ не очень довѣрялъ двумъ другимъ: каждый опасался, что два другіе могутъ соединиться и, подѣливъ нѣсколько больше выгодъ между собою, ограничить участіе въ дѣлежѣ третьяго; въ современной перепискѣ по этому дѣлу особенно много недомолвокъ, попытокъ скрыть свои истинныя желанія; впослѣдствіи же дипломаты государствъ, принимавшихъ участіе въ этомъ дѣлѣ, различно рисовали свою роль въ немъ подъ вліяніемъ различныхъ соображеній; къ этому

эпизоду съ особеннымъ основаніемъ могутъ быть примѣнены слова, что языкъ данъ человѣку и для того, чтобъ выражать свои мысли, и для того, чтобъ ихъ скрывать. Мы не будемъ поэтому слѣдить за всѣми перипетіями этихъ переговоровъ, а изложимъ въ краткихъ чертахъ существенные моменты этого событія.

Осенью 1770 года, ознаменованнаго блестящими побѣдами Румянцева, австрійцы заняли нѣсколько пограничныхъ польскихъ округовъ, ссылаясь на свои старыя, къ тому же не безспорныя, притязанія на нихъ. Въ это время въ Петербургѣ гостилъ пр. Генрихъ, братъ короля Фридриха II, и въ одной изъ бесѣдъ съ нимъ императрица, коснувшись этого факта, выразилась, что такъ же могутъ, пожалуй, занять тѣ или другія области Польши и другіе ея сосѣди, потому что такія основанія, какъ у Австріи, найдутся и у другихъ. Съ этого заявленія начались переговоры. Панинъ выждалъ, пока Фридрихъ и австрійскіе дипломаты высказали свои притязанія, а тогда и онъ со своей стороны опредѣлилъ часть, которую желала получить себѣ Россія, соглашаясь зато ограничить свои требованія отъ Турціи: доставить ей возможно выгоднѣйшій миръ очень старалась Австрія. По соглашенію трехъ дворовъ Австрія получила наибольшую часть, Пруссія—доходную и особенно для нея важную, Россія вернула себѣ тѣ области, которыя въ древнее время составляли часть русской земли: императрица и Панинъ особенно выдвигали, что Россія только возвращаетъ то, что было нѣкогда у нея захвачено; «Отторженная возвратихъ» читается и на медали, вычеканенной по случаю этихъ пріобрѣтеній. Согласіе Польши на отдѣленіе части территоріи было получено лишь 18 сентября 1774 г., послѣ длинныхъ проволочекъ, но безъ рѣшительнаго сопротивленія; фактически отдѣленіе было частію произведено еще въ сентябрѣ 1771 года. Европейскіе дворы отнеслись очень холодно къ протестамъ Польши, которые были представлены имъ.

Въ январѣ 1775 г. императрица прибыла въ Москву и осталась тутъ почти годъ. Къ лѣту пріѣхалъ Румянцевъ—его ожидали, чтобы начать празднованіе мира. Было устроено широкое народное гулянье съ декораціями, долженствовавшими аллегорически изображать славу русскаго оружія и пріобрѣтенія отъ Турціи: Румянцевъ, гр. А. Г. Орловъ, кн. В. М. Долгорукій, кн. А. М. Голицынъ и гр. П. И. Панинъ были щедро награждены титулами, орденами, брильянтовыми шпагами, деньгами и роскошными вещами; всѣ сборы, наложенные спеціально на время войны, были отмѣнены; кромѣ того, отрѣшено около 30 мелочныхъ сборовъ, доставлявшихъ казнѣ всего около 200.000 р. въ годъ, но весьма стѣснительныхъ для населенія и не повсемѣстныхъ. Пребываніе въ Москвѣ очень понравилось императрицѣ Екатеринѣ: она встрѣчала теперь совсѣмъ не тотъ пріемъ, какой видѣла въ 1762 г.

7 ноября 1775 г. Екатерина обнародовала свое знаменитое Учрежденіе для управленія губерній Всероссійской имперіи.

Согласно этому закону имперія дѣлилась на губерніи, а губерніи—на уѣзды такъ, чтобы губернія заключала отъ трехсотъ до четырехсотъ тысячъ жителей, а уѣздъ—отъ 20 до 30 тысячъ; во главѣ губерній ставились губернаторы, и обыкновенно по двѣ губерніи поручались одному намѣстнику или генералъ-губернатору; на эту должность императрица назначала людей, лично ей извѣстныхъ, какъ выдающіеся администраторы—и надо сказать, что выборъ ея въ большинствѣ случаевъ былъ удаченъ. Въ губерніяхъ создавались особыя учрежденія для дѣлъ административныхъ и особыя для судебныхъ; часть служащихъ опредѣлялась по назначенію, часть избиралась мѣстными жителями на основаніи принципа сословности; были созданы особые суды для каждаго сословія: для разбора дѣлъ между казенными крестьянами—нижнія расправы въ уѣздныхъ городахъ и верхнія расправы въ губернскихъ, для дѣлъ городскихъ жителей—городовые магистраты, для суда между дворянами—нижніе уѣздные и верхніе земскіе суды; во всѣ эти суды члены избирались представителями соотвѣтственныхъ сословій; въ каждой губерніи учреждались двѣ палаты: уголовнаго и гражданскаго суда съ назначенными отъ короны членами; въ эти палаты поступали дѣла низшихъ судовъ по апелляціи, на палаты была апелляція въ Сенатъ. Въ каждой губерніи учреждался еще совѣстный судъ, въ которомъ дѣла разбирались въ случаѣ согласія тяжущихся подчиниться рѣшенію этого суда, рѣшенія же въ немъ постановлялись по внутреннему убѣжденію судьи. Административныя обязанности въ уѣздѣ были вручены нижнему земскому суду, съ выборными членами отъ дворянъ, а во всей губерніи—губернскому правленію, съ членами по назначенію. Финансы вѣдались казенными палатами и директорами экономіи, учебная и санитарно-медицинская часть—приказами общественнаго призрѣнія, дѣла по опекѣ надъ малолѣтними—дворянскими опеками и сиротскими судами. Во многихъ провинціальныхъ и уѣздныхъ мѣстахъ введены прокуроры, являвшіеся блюстителями законности; скоро они оказались не на высотѣ задачи, но идея ихъ учрежденія заслуживаетъ полной похвалы.

Губерніи по новому учрежденію открывались постепенно: въ ноябрѣ 1775 г. открыты были двѣ первыя—Тверская и Смоленская, въ 1785 г.—42-ая, Кавказская; затѣмъ послѣдовалъ восьмилѣтній перерывъ, а потомъ съ 1793 по 1796 г. учреждено еще 8 губерній изъ областей, полученныхъ по второму и третьему раздѣламъ Польши.

При многихъ несовершенствахъ устройство это было для своего времени большимъ шагомъ впередъ сравнительно съ тѣмъ, какое имъ замѣнялось. Новыя учрежденія приблизили управленіе къ управляемымъ, и впервые послѣ долгаго промежутка вре-

мени привлечены были къ нѣкоторому участію въ отправленіи государственныхъ функцій представители мѣстнаго общества; если во многихъ случаяхъ они не сумѣли воспользоваться предоставленными имъ правами, то не лишенъ значенія самый фактъ, что правительство вступило на тотъ путь, котораго съ тѣхъ поръ уже не покидало. Учрежденіе о губерніяхъ оказалось очень жизненно: почти безъ всякихъ перемѣнъ дѣйствовало оно около 40 л., а съ незначительными — просуществовало почти столѣтіе, вплоть до реформъ императора. Александра II. Чрезвычайно большое значеніе имѣло новое устройство для развитія общественной жизни въ провинціи: періодическіе съѣзды для избранія должностныхъ лицъ сближали общество, создавали общіе интересы, участіе въ дѣлахъ суда и управленія будило мысль; провинціальная жизнь послѣ Учрежденія получила огромное развитіе сравнительно съ временемъ предшествовавшимъ, когда дворяне, попадая въ свои помѣстья, не имѣли тамъ рѣшительно никакихъ общихъ интересовъ и, можно сказать, дичали въ одиночествѣ, такъ какъ чуть не единственными интересами оставались для нихъ тяжбы съ сосѣдями, а развлеченіе можно было искать почти только въ винѣ и охотѣ. Императрица Екатерина при составленіи этого закона въ широкой степени воспользовалась тѣми пожеланіями, которыя были высказаны въ наказахъ членамъ комиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія и вообще ея работами—этимъ и объясняется примѣнимость и жизненность Учрежденія.

Областная реформа имѣла и другое, весьма важное значеніе. По идеѣ императрицы новыя учрежденія должны были замѣнить центральныя коллегіи; задачи, лежавшія на коллегіяхъ, переходили частями въ вѣдѣніе губернскихъ правленій, палатъ, судовъ и директоровъ экономіи; въ каждой губерніи мѣстныя учрежденія вѣдали теперь тѣ дѣла, которыя прежде рѣшались исключительно и непосредственно въ учрежденіяхъ центральныхъ. Къ концу 80-хъ годовъ, когда новыя учрежденія были введены уже повсюду, коллегіи были постепенно закрыты, кромѣ трехъ: коллегіи иностранныхъ дѣлъ, военной и адмиралтействъ, которыя были сохранены. Это повлекло за собою глубокія послѣдствія, повидимому, не предусмотрѣнныя императрицею. Дѣло въ томъ, что съ уничтоженіемъ коллегій дѣла, нуждавшіяся въ разрѣшеніи Сенатомъ, поступали въ него безъ той предварительной разработки и подготовки, какую получали они прежде въ коллегіяхъ. Приходилось поэтому уже въ Сенатѣ подготовлять ихъ къ слушанію и рѣшенію, принимая во вниманіе представленія разныхъ генералъ-губернаторовъ и взаимныя соотношенія разныхъ вѣдомствъ и мѣстъ, которыхъ могли касаться новыя учрежденія; въ Сенатѣ уже приходилось собирать нужныя справки, согласовать новыя постановленія съ прежними и т. д. Все это перешло въ руки генералъ-прокурора, который былъ начальникомъ и руководи-

телемъ сенатской канцеляріи—и генералъ-прокуроръ мало-по-малу сталъ особымъ самостоятельнымъ органомъ власти, дѣйствующимъ параллельно съ Сенатомъ и въ иныхъ случаяхъ съ такими полномочіями, какія въ XVIII ст. не предоставлялись въ Россіи отдѣльному должностному лицу, а это подготовило постепенно образованіе центральнаго управленія на началахъ министерскихъ.

Императрица Екатерина очень цѣнила свое Учрежденіе о губерніяхъ; она говорила, что это наиболѣе зрѣлое изъ ея произведеній, лучше котораго она уже ничего не создастъ; въ такомъ взглядѣ нельзя не признать значительной доли правды; дѣйствительно, законодательныя работы Екатерины, предпринятыя послѣ Учрежденія, или не были доведены до конца, или не имѣли такого значенія, какъ ея областная реформа. Дѣятельность правительства во вторую половину царствованія Екатерины сосредоточилась, главнымъ образомъ, на проведеніи въ жизнь новой организаціи мѣстнаго управленія съ разными дополнительными къ ней распоряженіями. Наиболѣе крупными законодательными актами этого времени были жалованная грамота дворянству и жалованная грамота городамъ, обѣ изданныя 21 апрѣля 1785 г., но эти узаконенія не вносили чего-либо существеннаго новаго, они лишь систематизировали и подтверждали ранѣе данныя права и преимущества сословій. Дворянству была дарована свобода отъ тѣлесныхъ наказаній, подтверждены всѣ его привилегіи и дано право образовывать губернскія и уѣздныя дворянскія общества съ правами юридическихъ лицъ: они могли имѣть капиталы и совершать разныя дѣянія, направленныя на пользу даннаго общества; губернскія дворянскія собранія получили важное право обращаться съ ходатайствами прямо къ Верховной власти; городскимъ жителямъ дано болѣе законченное гильдейское устройство, намѣченное еще въ 1775 году. 19 февраля 1786 г. было распубликовано Сенатомъ повелѣніе императрицы, чтобы слова «челобитье», «бьетъ челомъ» и подпись «рабъ» такой-то не употреблялись въ дѣловыхъ бумагахъ, а были бы замѣняемы словами «прошеніе», «проситъ» и «вѣрноподданный»; эти измѣненія знаменуютъ, конечно, извѣстное отношеніе государыни къ нѣкоторымъ вопросамъ, но существеннаго значенія не имѣло запрещеніе именоваться «рабомъ», когда существовали милліоны крѣпостныхъ. 28 іюня 1782 г. изданъ былъ манифестъ, распространившій права собственниковъ земли и на всѣ богатства, въ нѣдрахъ ея находившіяся. До того времени минеральныя богатства считались собственностью государства; новое распоряженіе указывало на перемѣну отношенія правительства къ вопросу о частной собственности гражданъ вообще, реальное же значеніе оно имѣло лишь для тѣхъ мѣстностей, гдѣ находились руды, а для остальныхъ оставалось довольно безразличнымъ. 8 октября 1782 г. былъ изданъ Уставъ благочинія или полицейскій, опредѣлившій основы благоустройства городовъ, число которыхъ съ введеніемъ губернской

реформы значительно возросло. За этотъ же періодъ времени былъ проведенъ рядъ финансовыхъ мѣръ, весьма замѣтно отразившихся на народной жизни; но въ отношеніи финансовъ дѣйствія Екатерининскаго правительства было наименѣе успѣшны:многія мѣропріятія въ этой отрасли государственнаго управленія были неудачны, и Россіи въ послѣдующее время долго приходилось считаться съ серьезными затрудненіями, начало которыхъ коренится въ царствованіи Екатерины.

Финансовая система Россіи за все царствованіе Екатерины II покоилась на тѣхъ же основахъ, на какихъ установилъ ее Петръ Великій: главную часть государственныхъ доходовъ доставляли сборы подушные, винные и соляные, всѣ же остальные давали приблизительно четверть бюджета доходовъ. Вся тяжесть обложенія падала, слѣдовательно, на низшій, бѣднѣйшій классъ населенія, и продолжительное сохраненіе такого положенія вещей, возможнаго только при томъ условіи, что не оказывалось новыхъ источниковъ доходовъ, свидѣтельствовало, что въ экономическомъ отношеніи государство не прогрессировало. Въ царствованіе Екатерины всѣ вообще поборы значительно возросли: въ первые годы казна собирала около 16 милл. руб. въ годъ, въ послѣдніе — свыше 70, т.-е. въ четыре съ половиною раза болѣе; населеніе Россіи за время Екатерины II возросло вдвое—слѣдовательно, къ концу царствованія каждому жителю приходилось нести вдвое болѣе тяжелое податное бремя. Расходы возросли еще значительнѣе. Всего болѣе увеличились расходы на внутреннее управленіе: въ началѣ царствованія они составляли менѣе 40% всѣхъ расходовъ, къ концу — 50%; расходы на армію и флотъ, сравнительно, уменьшились: въ началѣ царствованія они были равны 46%, въ концѣ—40%; расходы на дворъ остались въ одной и той же величинѣ — менѣе 10% всего бюджета. По суммѣ расходы приблизительно съ начала турецкой войны превышали доходы, и на покрытіе недостатка правительство Екатерины получало средства путемъ заключенія займовъ, первыхъ въ исторіи Россіи XVIII в.; къ концу царствованія образовался государственный внутренній и внѣшній долгъ въ размѣрѣ около 240.000.000 руб.; такимъ образомъ правительство израсходовало впередъ почти три полныхъ годовыхъ бюджета. Значеніе сказаннаго станетъ яснѣе, если мы обратимъ вниманіе на то, что въ настоящее время государственный долгъ Россіи, представляющій сумму колоссальную, равняется, тѣмъ не менѣе, всего четыремъ годовымъ бюджетамъ Россіи, слѣдовательно, за 115 лѣтъ, протекшихъ со времени Екатерины II, пришлось перебрать впередъ, сверхъ того, что было перебрано при ней, всего одинъ годовой бюджетъ.

До извѣстной степени финансовое бремя, возложенное Екатерининскимъ правительствомъ на народъ, искупается тѣми выгодами, какія были пріобрѣтены благодаря войнамъ, для которыхъ, главнымъ образомъ, займы заключались: Россія получила обшир-

ныя области на западѣ и богатѣйшія области по сѣверному берегу Чернаго моря, не говоря уже о томъ, что вся черноземная часть Россіи была избавлена отъ постоянныхъ татарскихъ набѣговъ, чрезвычайно мѣшавшихъ развитію благосостоянія этихъ областей. Но есть всѣ основанія думать, что расходы, необходимые для этихъ войнъ, потрясли государственные финансы Россіи не такъ сильно, какъ чрезвычайно неудачная финансовая операція, совершенная въ 1786 году.

Съ началомъ первой турецкой войны въ Россіи впервые прибѣгли къ выпуску ассигнацій, до того времени въ Россіи обращались только металлическія деньги: золото въ количествѣ совершенно ничтожномъ, серебро—въ довольно ограниченномъ. преобладала же мѣдная монета. Въ виду расходовъ, вызванныхъ войною, рѣшено было выпустить 1 милл. руб. ассигнаціями, обезпечивъ постоянный и безпрепятственный ихъ размѣнъ внесеніемъ въ банкъ такой же суммы мѣдными деньгами. Сравнительно съ мѣдною монетою, чрезвычайно тяжелою и потому неудобною для передвиженія сколько-нибудь значительныхъ суммъ—изъ пуда мѣди чеканилось всего 16 руб.,—ассигнаціи представляли столько удобствъ, что весьма быстро получили очень широкое распространеніе. Правительство получило, такимъ образомъ, значительное подкрѣпленіе своихъ рессурсовъ безъ малѣйшихъ признаковъ неблагопріятнаго вліянія ассигнацій на денежное обращеніе внутри страны. Такой результатъ внушилъ убѣжденіе, что возможны и даже полезны дальнѣйшіе выпуски ассигнацій; къ нимъ стали прибѣгать все чаще и чаще и къ 1774 г. ассигнацій было выпущено уже 20 милл. руб. Въ виду того, что стало замѣтно нѣкоторое паденіе ихъ курса по сравненіи съ серебромъ, правительство заявило, что больше выпускать ассигнацій оно уже не будетъ. Но такъ какъ, параллельно съ паденіемъ курса ассигнацій, возвысились цѣны на всѣ продукты, то для правительства возникли новыя затрудненія, были сдѣланы новые выпуски и къ 1785 г. въ обращеніи было уже свыше 45 милл. ассигнаціями, курсъ же на нихъ все падалъ и финансовыя затрудненія казны увеличивались. Тогда гр. А. П. Шуваловъ представилъ проектъ значительно увеличить количество ассигнацій съ тѣмъ, чтобы раздать крупныя суммы взаемъ дворянамъ и купечеству для развитія сельскаго хозяйства однихъ и торговли другихъ; этимъ имѣлось въ виду создать новыя цѣнности, увеличить богатство страны, а слѣдовательно, и средства государственнаго казначейства. По существу мысль эта вѣрная, но задуманное предпріятіе относится къ числу тѣхъ, въ которыхъ вопросъ объ исполненіи важнѣе, пожалуй, чѣмъ самая идея, положенная въ его основу. Выпустить новыя ассигнаціи было легко; усилить ими обороты страны было возможно, но все же гораздо труднѣе, а какъ это сдѣлать—въ этомъ-то и былъ вопросъ самый существенный и самый трудный; успѣхъ предпріятія все-

го болѣе зависѣлъ отъ того, какъ это будетъ выполнено, достаточно ли обдуманы мѣры, окажется ли, наконецъ, просто умѣнье провести такую крупную финансовую операцію. Между тѣмъ всѣ документы по этому дѣлу, разсмотрѣнные въ Совѣтѣ и имъ принятые, поражаютъ своей неосновательностью, непрактичностью и прямо ошибочными расчетами. Широкія и блестящія перспективы, какія развертывалъ гр. А. П. Шуваловъ, увлекли членовъ Совѣта и восторжествовали подъ возраженіями кн. А. А. Вяземскаго, которыя были по существу справедливы, но очень слабо имъ обоснованы. Согласно утвержденному императрицею 28 іюня 1786 г. докладу было выпущено сразу около 56 милл. руб. ассигнацій, такъ что вся сумма ихъ достигла 100 милл. руб.; изъ этого числа предположено было 22 милл. раздать взаймы дворянству, 11 милл.—купечеству; изъ остальныхъ думали 15 милліоновъ отложить на случай войны, 4 милл. употребить на улучшеніе дорогъ и 6—на погашеніе части государственнаго долга.

Этотъ новый, самый большой выпускъ ассигнацій почти сразу уронилъ ихъ на 10% сравнительно съ прежнею ихъ стоимостью, а черезъ нѣсколько лѣтъ ассигнаціи цѣнились уже на 40% ниже металлическихъ денегъ. Составители проекта, оказывается, совершенно не вѣрно представляли себѣ положеніе денежнаго рынка. Самое же худое было то, что они допустили почти невѣроятную ошибку въ расчетахъ, а именно, представили дѣло такъ, что будто бы казна уже сразу можетъ располагать тѣми суммами, которыя были бы собраны въ теченіе около 20 лѣтъ въ видѣ процентовъ съ тѣхъ 33 милл. руб., которые должны были быть розданы взаемъ дворянамъ и купечеству, при чемъ суммы эти были высчитаны въ предположеніи, что всѣ 33 милл. будутъ помѣщены на проценты сразу и что процентныя деньги будутъ поступать съ совершенною аккуратностью. На дѣлѣ же подъ проценты ничего роздано не было: такъ какъ сочли въ своемъ распоряженіи сразу весьма значительныя средства, то сразу же стали дѣлать разные расходы, на покрытіе которыхъ не было никакихъ другихъ денегъ, кромѣ тѣхъ, которыя предполагалось раздать для приращенія процентами; онѣ и были издержаны. Къ началу 90-хъ годовъ всѣ вновь выпущенныя ассигнаціи были израсходованы; пришлось опять выпустить новыя вопреки торжественнѣйшему обѣщанію, данному 28 іюня 1786 г., не увеличивать впредь числа ассигнацій; пришлось дѣлать и внѣшніе займы.

Эта-то несчастная операція и разстроила сильнѣйшимъ образомъ все государственное хозяйство послѣдняго десятилѣтія Екатерининскаго царствованія и съ ея послѣдствіями пришлось очень долго считаться государству.

V.

Послѣднее десятилѣтіе царствованія Екатерины II.

Съ восьмидесятыхъ годовъ начинается послѣдній періодъ царствованія Екатерины II. Императрица приближалась уже къ шестидесятилѣтнему возрасту, утрачивала до нѣкоторой степени свои силы и энергію, не могла уже работать съ прежнею интенсивностью, а слава и успѣхи, какими сопровождалась до этого времени ея дѣятельность, повели къ тому, что она слишкомъ увѣровала въ свои дарованія, въ свою способность торжествовать надъ препятствіями и устранять всякія затрудненія. Она стала слишкомъ высоко цѣнить свою работу, на весьма второстепенныя по своему значенію свои дѣянія смотрѣла какъ на что-то очень важное, и такъ велико было постоянно ея личное участіе въ дѣлахъ государственныхъ, что съ этого времени замѣчается ослабленіе всей правительственной дѣятельности, и въ жизни государства получаютъ развитіе многія нежелательныя явленія. Реформы, произведенныя Екатериною ранѣе, были, безспорно, весьма важны. Созваніе комиссіи 1767 г. обогатило правительство многими важными свѣдѣніями о внутреннемъ положеніи государства, а депутаты имѣли возможность ознакомиться со многими новыми для нихъ и плодотворными идеями; губернскою реформою былъ сдѣланъ большой шагъ къ упорядоченію провинціальнаго управленія и къ улучшенію нѣкоторыхъ общественныхъ отношеній на всемъ пространствѣ имперіи; но на пути преобразованій императрица слишкомъ рано остановилась: многаго, что было необходимымъ продолженіемъ начатаго, сдѣлано не было. Мѣстному обществу дано было участіе въ управленіи, но коренной недугъ всего тогдашняго государственнаго строя—чрезмѣрно строгое сословное раздѣленіе и безправное положеніе огромнаго большинства подданныхъ— остался въ прежней силѣ. Для устраненія этого не было сдѣлано ничего существеннаго, между тѣмъ какъ съ того времени, когда при Петрѣ III обязательная служба дворянъ была отмѣнена, владѣніе крѣпостными крестьянами перестало быть, какъ было оно прежде, однимъ изъ способовъ вознаграждать помѣщиковъ за службу государству, а обратилось въ привилегію, и, какъ бываетъ со всякой привилегіей, стало развиваться съ особою силой именно въ томъ направленіи, которое было наименѣе желательно и полезно. Когда дворянство было призвано къ участію въ мѣстномъ управленіи, это была, конечно, мѣра крупная и плодотворная, но необходимы были и энергичное руководительство новыми учрежденіями, и строгій надзоръ, чтобы обязанности не разсматривались по старой привычкѣ какъ право, чтобы выборные служили дѣйствительно цѣлямъ государственнымъ и общественнымъ, а не личнымъ или

сословнымъ, не говоря уже о томъ, чтобы они дѣйствовали въ предѣлахъ закона и вообще строго исполняли свои обязанности. Контроль, наблюденіе за органами власти составлялъ самое слабое мѣсто правительственной дѣятельности за все царствованіе Екатерины II; извѣстно много случаевъ большихъ злоупотребленій и очень рѣдко влекли они за собою какія-нибудь послѣдствія для виновниковъ и исправленіе сдѣланнаго зла.

Въ данномъ случаѣ до извѣстной степени вліяли общіе взгляды тогдашнихъ людей, которые были склонны приписывать чрезмѣрную важность той или другой мысли, тому или другому положенію, и думали, что достаточно высказать истину, чтобы ей было обезпечено быстрое торжество, чтобы она быстро вошла въ жизнь и принесла всѣ свои плоды; они почти упускали изъ виду, что часто столь же важенъ самый процессъ осуществленія того, что высказано. Императрица и большинство ея совѣтниковъ были искренно убѣждены, что они сдѣлали если не все, то почти все, и во всякомъ случаѣ исполнили главную часть задачи, когда дали лучшія учрежденія, — и за осуществленіемъ новыхъ законоположеній они слѣдили уже съ ревностью далеко недостаточною. Но даже и помимо такого ошибочнаго взгляда, на ослабленіе правительственной дѣятельности вліяло то, что ни императрица, ни кто-либо изъ ея ближайшихъ сотрудниковъ не обладали въ такой степени административными талантами и энергіей, чтобы заставить дѣйствовать вполнѣ успѣшно такую сложную и громоздкую машину, какою стала тогдашняя администрація Россіи. Если же припомнить, что одновременно съ реформою областного управленія уничтожены были существенно важные органы управленія центральнаго, то намъ не представится страннымъ тотъ фактъ, что къ концу царствованія Екатерины II администрація дѣйствовала далеко не вполнѣ удовлетворительно, и общее положеніе и государства и народа было, пожалуй, тяжелѣе, чѣмъ въ началѣ этого царствованія, проникнутаго, безспорно, наилучшими цѣлями. Безпорядки и въ назначаемой и въ выборной администраціи, медленность въ теченіи дѣлъ, взяточничество и злоупотребленія всякаго рода за послѣднія 15 лѣтъ царствованія Екатерины не ослабѣвали, а развивались. Экономическое положеніе населенія стало тяжело и пришли въ большое разстройство финансы государства, въ зависимости отъ того факта, что съ конца 70-хъ годовъ Екатерина вступила на новый путь въ политикѣ внѣшней. Экономическое развитіе страны давало возможность вести ту традиціонную внѣшнюю политику, какая указывалась Россіи всею ея исторіей, которой и придерживались русскіе государи вплоть до послѣдней четверти XVIII в.; усиліямъ, какихъ требовала отъ государства отъ народа эта политика, удовлетворяли тогдашнія средства Россіи. Вступая на новые пути, начиная политику несравненно болѣе широкую и активную, Екатерина должна была по-

ставить вопросъ: достаточны ли для этого средства тогдашней Россіи, и если уже рѣшалась на болѣе грандіозныя предпріятія, то должна была обратить особенное вниманіе на то, чтобы укрѣпить рессурсы казны и развивать народныя богатства. Этого сдѣлано не было, и экономическое благосостояніе Россіи подверглось большимъ испытаніямъ, такъ что послѣднія 10 — 15 лѣтъ царствованія и въ этомъ отношеніи являются наиболѣе тяжелыми.

Выступить на поприщѣ всемірно-исторической политики съ планами несравненно болѣе широкими, чѣмъ тѣ, которые она унаслѣдовала и проводила ранѣе, императрица была побуждена стеченіемъ многихъ обстоятельствъ. Въ то самое время, когда достигнуты были Россіею противъ Турціи и Польши весьма крупные успѣхи, обстоятельства во всей Европѣ сложились такъ, что давали Россіи полную свободу дѣйствій. Фридрихъ II такъ нуждался въ обезпеченіи пріобрѣтенныхъ имъ ранѣе важныхъ выгодъ, что искалъ во что бы то ни стало союза съ Россіей, и хотя срокъ союза, который былъ заключенъ у него съ Россіей, истекалъ только въ 1772 г., онъ уже въ 1769 г. добился продолженія договора еще на 8 лѣтъ, считая со дня истеченія перваго союза, т.-е. до 31 марта 1780 г.; въ это время уже шла у Россіи война съ Турціей, и Фридрихъ платилъ условленныя субсидіи, но онъ шелъ на то, чтобы и впередъ платить ихъ. Непосредственно вслѣдъ за окончаніемъ русско-турецкой войны вспыхнуло возстаніе сѣверо-американскихъ колоній Англіи; вскорѣ въ борьбѣ метрополіи съ ними приняла участіе и Франція, и благодаря этому Польша лишилась поддержки своей старинной и вѣрной защитницы, а Россія могла усилить свое вліяніе въ царствѣ до такой степени, что русскій посолъ являлся, можно сказать, русскимъ намѣстникомъ Польши: все дѣлалось здѣсь по волѣ Россіи. Въ 1778 г. въ Германіи чуть не вспыхнула новая война между Пруссіей и Австріей по слѣдующему поводу. Въ концѣ 1777 г. умеръ бездѣтнымъ баварскій курфирстъ, и Австрія возымѣла намѣреніе захватить значительную часть его наслѣдства, явно не желая считаться съ законными правами болѣе близкихъ, но и болѣе слабыхъ родственниковъ умершаго князя; присоединеніе этихъ земель должно было вознаградить Австрію за потери, понесенныя въ борьбѣ съ Фридрихомъ. Со своей стороны король прусскій не желалъ допускать усиленія Австріи, и отношенія обострились до того, что съ обѣихъ сторонъ были выставлены въ поле войска. Фридрихъ убѣждалъ Екатерину вмѣшаться въ это дѣло, толкуя въ такомъ смыслѣ свой договоръ съ Россіею, но Екатерина отказалась исполнить эту просьбу. Тогда Фридрихъ устроилъ такъ, что мелкіе владѣтели, которымъ угрожали притязанія Австріи, представили русской императрицѣ просьбу явиться посредницею въ возникшемъ спорѣ. Этимъ случаемъ Екатерина воспользовалась и отправила въ Германію кн. Н. В. Репнина, вслѣдъ за которымъ долженъ былъ явиться въ Германію и корпусъ

русскихъ войскъ, если бы Австрія настаивала на своихъ притязаніяхъ. Австрія нашла невозможнымъ начинать вооруженную борьбу; споръ рѣшился въ маѣ 1779 г. на конгрессѣ, созванномъ въ г. Тешенѣ: Австрія сдѣлала всѣ уступки, какихъ отъ нея требовали. Такой исходъ вмѣшательства Екатерины былъ, конечно, крупнымъ успѣхомъ и явнымъ признаніемъ силы Россіи: за 17 лѣтъ до этого времени Пруссія и Австрія не допустили Россію до участія на Губертсбургскомъ конгрессѣ, которымъ заканчивалась война, веденная и Россіей, теперь Германія преклонилась предъ рѣшеніемъ Екатерины. Черезъ годъ Екатеринѣ выпалъ новый блестящій дипломатическій успѣхъ.

Въ то время еще не было выработано правилъ, ограждающихъ во время морскихъ войнъ права нейтральныхъ государствъ. Воюющія державы, пользуясь тѣмъ, что ихъ флоты были уже вооружены, весьма безцеремонно относились къ судамъ державъ невоюющихъ; подъ самыми фантастическими предлогами онѣ захватывали ихъ, невоюющія же державы, не имѣя наготовѣ вооруженной морской силы, не могли защищать интересы своего мореплаванія. Вопросъ, какъ бороться съ такими насиліями, давно обсуждался, но не удавалось найти удовлетворительнаго его разрѣшенія. Во время войны Франціи и Англіи случаи подобныхъ захватовъ возобновились, и однажды пострадало русское судно. Императрица Екатерина не пожелала оставить этого безъ возмездія—и напала на чрезвычайно удачную идею; по ея указаніямъ ее разработали Панинъ и Бакунинъ, и русское правительство сдѣлало въ 1780 г. «декларацію о защитѣ нейтральнаго торговаго мореплаванія». Постепенно къ декларац'и этой присоединились всѣ европейскія государства, и она получила значеніе общаго международнаго соглашенія, которое съ тѣхъ поръ и соблюдается повсемѣстно. Основныя положенія этого знаменитаго акта, дѣйствительно, справедливы и замѣчательно просты. Каждое нейтральное судно признано подъ общею защитою всѣхъ нейтральныхъ державъ; насиліе, причиненное одному нейтральному кораблю, навлекаетъ тяжелыя послѣдствія на всѣ суда виновной державы, въ какихъ бы гаваняхъ они ни находились; очевидно, что предъ угрозою общаго воздѣйствія всякая держава останавливалась. Екатерина очень гордилась этимъ актомъ, который, по ея словамъ, родился изъ ея головы, какъ Аѳины изъ головы Зевса, и, дѣйствительно, имѣла право гордиться имъ.

Такимъ образомъ обстоятельства оправдывали рѣшимость Екатерины начать внѣшнюю политику болѣе энергичную, болѣе смѣлую, и въ то же самое время представился поводъ перемѣнить ее кореннымъ образомъ. Императоръ Іосифъ II, только что вступившій на престолъ, убѣдился послѣ неблагопріятнаго для Австріи исхода спора за баварское наслѣдство, что въ Германіи ему не удастся сдѣлать пріобрѣтеній, которыя бы вознаградили

Австрію за недавнія потери. Но онъ не переставалъ думать о подобномъ вознагражденіи—и пришелъ къ мысли искать его на счетъ Турціи. Императоръ Іосифъ зналъ, что императрица Екатерина подготовляетъ присоединеніе къ Россіи Крыма, чего, по всѣмъ вѣроятіямъ, нельзя было сдѣлать безъ вооруженной борьбы; для Австріи представлялась возможность получить нѣкоторыя выгоды, принявъ участіе въ предстоящей войнѣ; надо было только рѣшить, съ кѣмъ избрать союзъ. Іосифъ избралъ союзъ съ Россіей, и первые же шаги его въ этомъ направленіи были встрѣчены съ полнымъ сочувствіемъ. Императрица, дѣйствительно, уже рѣшила присоединить къ Россіи Крымъ, не останавливаясь предъ войною съ Турціей; даже больше: блестящія побѣды въ первой войнѣ съ Портою, прежде страшною для всей Европы, и рядъ дальнѣйшихъ успѣховъ на поприщѣ внѣшней политики такъ увлекли Екатерину, что въ головѣ ея возникъ такъ называемый «греческій проектъ», планъ—или, вѣрнѣе сказать, фантазія,—съ которымъ императрица не разставалась уже до конца жизни. Сущность его состояла въ намѣреніи изгнать турокъ изъ Европы и подѣлить ихъ европейскія владѣнія. Планъ этотъ былъ чисто кабинетнымъ произведеніемъ, въ немъ нечего искать какихъ-либо слѣдовъ знакомства съ этнографическими и историческими условіями Балканскаго полуострова; но какъ мало задумывались тогда надъ подобными вопросами, можно судить по тому, что въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II существовалъ даже такой химерическій планъ: воспользоваться неурядицами въ Персіи, занять Баку, Дербентъ, Гилянь и, назвавъ все это Албаніей, образовать независимое государство для второго внука Екатерины, Константина Павловича. Екатерина предполагала, изгнавъ турокъ, возстановить Греческую имперію, на престолъ ея посадить вел. кн. Константина Павловича, а на берегахъ Дуная образовать независимое государство Дакію: она должна была раздѣлять Россію отъ греческой имперіи и служить доказательствомъ—которому, конечно, не вѣрили и сами составители проекта, — что послѣдняя отъ Россіи совершенно независима. Готовность императора германскаго войти въ виды русской государыни относительно восточныхъ дѣлъ еще болѣе усилила ея увлеченіе этимъ проектомъ. Гр. Н. И. Панинъ, талантливѣйшій сотрудникъ Екатерины въ управленіи внѣшними дѣлами, сходилъ со сцены; онъ болѣлъ и въ 1783 г. умеръ; первую роль въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ сталъ играть А. А. Безбородко, человѣкъ рѣдкихъ дарованій; но по характеру своему, къ сожалѣнію, онъ не былъ способенъ въ чемъ-либо возражать государынѣ.

Въ 1780 г. Іосифъ II пріѣхалъ въ Могилевъ, куда прибыла и императрица Екатерина; здѣсь въ интимныхъ бесѣдахъ они произвели другъ на друга очень хорошее впечатлѣніе. Іосифъ II проѣхалъ потомъ въ Петербургъ, въ Москву и вообще провелъ въ Россіи около мѣсяца. Екатерина и Іосифъ рѣшили между собою

много очень важнаго: они согласились вступить въ союзъ съ цѣлью сдѣлать пріобрѣтенія на счетъ Турціи; наступленіе на имперію оттомановъ было отложено до перваго удобнаго случая; союза съ Пруссіей Россія по окончаніи срока уже не имѣла въ виду возобновлять. Достойно упоминанія для характеристики того времени, что уже совершенно рѣшенный союзъ Россіи съ Австріей чуть было не разстроился, потому что Іосифъ II, самъ сдѣлавшій первые шаги, не пожелалъ допустить, чтобы въ текстѣ формальнаго договора была примѣнена такъ называемая «альтернатива», т.-е. попеременное упоминаніе на первомъ мѣстѣ то одного изъ договаривающихся государей, то другого, и требовалъ, чтобы повсюду имя его, какъ императора германскаго, стояло на первомъ мѣстѣ. Екатерина съ своей стороны не находила возможнымъ согласиться на это, и одно время казалось, что союзъ не будетъ заключенъ. Нашелся, однако, исходъ: вмѣсто подписанія договора Екатерина и Іосифъ обмѣнялись письмами тожественнаго содержанія, подписанными въ одинъ и тотъ же день; и эти письма признаны были равносильными формальному договору о союзѣ.

Обѣ стороны старались держать свое соглашеніе втайнѣ, но оно, конечно, стало извѣстно всѣмъ. Поворотъ политики Россіи сталъ вполнѣ ясенъ, какъ только не былъ возобновленъ по истеченіи срока союзъ съ Пруссіей; при очевидныхъ военныхъ приготовленіяхъ Россіи на югѣ имперіи сближеніе ея съ Австріей не оставляло сомнѣній въ общемъ характерѣ ближайшихъ намѣреній петербургскаго и вѣнскаго дворовъ. Эти обстоятельства сейчасъ же создали Россіи рядъ дипломатическихъ затрудненій. Пруссія стала явно недоброжелательно дѣйствовать по отношенію Россіи всюду, гдѣ представлялась для этого возможность. Франція съ опасеніями смотрѣла на замыслы противъ Турціи, которая въ теченіе столѣтій была ея союзницею, такъ что расчеты на Турцію входили чуть ли не во всѣ политическія комбинаціи Франціи. Англія имѣла въ Турціи множество коммерческихъ интересовъ, а противъ Екатерины питала особое раздраженіе послѣ того, какъ на просьбу англійскаго посла уступить внаемъ Англіи русскій корпусъ для борьбы противъ возставшихъ американскихъ колоній русская государыня отвѣтила отказомъ почти въ оскорбительной формѣ, искренно возмущенная тѣмъ, что ее считали способною на такой поступокъ. Наконецъ вообще всѣ державы всегда недружелюбно глядятъ—и должны такъ глядѣть—на попытки какого-либо государства присвоить себѣ исключительную роль, на претензіи одного государства по своему произволу распоряжаться судьбами другихъ, а въ данномъ случаѣ Россія и Австрія, безспорно, намѣревались распорядиться судьбами Турціи по собственному произволу.

Теперь Екатерина и Потемкинъ пошли прямо и увѣренно къ присоединенію Крыма, которое давно уже было ими рѣшено. Найти

поводъ осуществить рѣшеніе было нетрудно. Въ Крыму шла жестокая борьба партій, смѣнялись ханы; Шагинъ-Гирей, возведенный русскою стороною, былъ скоро свергнутъ, затѣмъ онъ опять водворился при поддержкѣ русскаго военнаго отряда и произвелъ безпощадную расправу со своими противниками. Само собою понятно, что при такихъ условіяхъ крымское правительство не могло удерживать татаръ отъ привычныхъ имъ грабежей на русскихъ границахъ, еще менѣе могло оно обезпечить интересы и безопасность русскихъ подданныхъ въ Крыму. Полная неурядица въ ханствѣ давала русскому правительству право говорить, что «татары по невѣжеству и дикости ихъ неспособны къ существованію въ образѣ области вольной и независимой», а постоянныя возстанія противъ той партіи, которая держалась Россіи, служили основаніемъ утверждать, что Крыму грозитъ опасность быть снова подчиненнымъ Турціи—и въ апрѣлѣ 1783 г. объявлено было о присоединеніи къ Россіи Крыма, Тамани и Кубанской области, во избѣжаніе того, чтобы они не были захвачены Турціей, и въ обезпеченіе большихъ убытковъ, причиненныхъ татарами имперіи и опредѣленныхъ въ 12 милл. рублей. Таковы были въ то время обаяніе и слава Екатерины, что вѣсть о присоединеніи Крыма Россіею принята была въ Константинополѣ съ тупою покорностью; о событіи просто молчали. Гордая этимъ крупнымъ пріобрѣтеніемъ, Екатерина черезъ нѣсколько лѣтъ начала помѣчать важнѣйшіе манифесты двумя годами: царствованія Всероссійскаго и царствованія Таврическаго. Императрица рѣшила посѣтить вновь пріобрѣтенный богатый край и этимъ какъ бы санкціонировать, закрѣпить принадлежность его Россіи.

Знаменитое путешествіе императрицы Екатерины II въ Крымъ состоялось въ 1787 году. 2 января государыня выѣхала изъ Петербурга въ Царское Село, 7-го — отсюда въ Кіевъ. Цѣлое общество ѣхало съ государыней: гр. А. А. Безбородко, гр. И. Г. Чернышевъ, И. И. Шуваловъ, гр. А. М. Дмитріевъ-Мамоновъ, А. В. Храповицкій, послы: французскій — гр. Сегюръ, австрійскій — гр. Кобенцель и англійскій—Фицъ-Гербертъ; на пути присоединились къ путешествующимъ кн. Потемкинъ, гр. Румянцевъ, гр. Суворовъ и принцъ де-Линь. Въ Кіевъ императрица прибыла по зимнему пути 29 января и осталась здѣсь почти три мѣсяца. Сюда съѣхалось большое число иностранцевъ изъ Польши, Австріи, Франціи, даже изъ Испаніи, желавшихъ увидать знаменитую государыню; ихъ встрѣтили любезно, хотя, повидимому, они ждали болѣе торжественнаго пріема. Въ это время замѣчалась уже склонность Екатерины преувеличивать заслуги своихъ любимцевъ и даже, въ угоду имъ, до нѣкоторой степени игнорировать труды другихъ—и Румянцевъ, генералъ-губернаторъ Малороссіи, мало получилъ знаковъ удовольствія государыни; окружающіе ее дѣлали видъ, будто въ управленіи Румянцева оказывается много недостатковъ и даже военныя силы, бывшія подъ его начальствомъ, находили въ состо-

яніи не вполнѣ удовлетворительномъ; напротивъ, все признавалось превосходнымъ въ областяхъ, управляемыхъ Потемкинымъ.

22 апрѣля императрица отправилась изъ Кіева внизъ по Днѣпру на галерахъ; 25-го у Канева, гдѣ граница Польши касалась Днѣпра, привѣтствовалъ русскую государыню король польскій Станиславъ Августъ. Онъ расчитывалъ встрѣтить женщину, которая когда-то была такъ къ нему привязана, что была способна забыть положеніе русской великой княгини, а увидѣлъ могущественную императрицу, которая благосклонно принимала его, поставленнаго ею короля. Онъ давалъ очень ясно понять, что желалъ бы продлить встрѣчу хоть на два дня, но ему было отказано подъ тѣмъ предлогомъ, что необходимо спѣшить, чтобы не заставить ожидать императора Іосифа. Плаваніе цѣлой флотиліи по рѣкѣ хотя и широкой, но не очень многоводной, не обошлось безъ нѣкоторыхъ инцидентовъ, но въ общемъ оно вышло очень пріятной прогулкой. Время года было отличное; въ интимномъ кружкѣ, собиравшемся ежедневно около Екатерины, царили свобода и веселье; интересные разговоры о разныхъ вопросахъ исторіи, литературы, искусства, смѣнялись живой бесѣдой, веселыми шутками, остроумными экспромптами, въ которыхъ отличались гр. Сегюръ и, особенно, пр. де-Линь, одинъ изъ самыхъ блестящихъ представителей до-революціонной аристократіи и одинъ изъ остроумнѣйшихъ людей своего времени. Берега Днѣпра были оживлены толпами народа; говорили, будто тысячами собирали сюда людей издалека почти насильно, чтобы дать иллюзію богатой и населенной мѣстности, тогда какъ въ дѣйствительности она представляла чуть не пустыню. Но такіе разсказы, вѣроятно, преувеличены. Вполнѣ возможно, что жители сходились сами, чтобы любоваться невиданнымъ зрѣлищемъ большого числа пышно разукрашенныхъ галеръ, на которыхъ ѣдетъ сама государыня. Подобное зрѣлище вполнѣ способно было тогда собрать большія толпы: когда на русскихъ рѣкахъ появились первые пароходы, то люди шли за 25, за 30 верстъ, чтобы посмотрѣть на такую диковинку, а въ данномъ случаѣ любопытство было еще болѣе возбуждено. Достигнувъ мѣста, гдѣ изъ-за пороговъ плаваніе невозможно, путешественники направились далѣе къ Херсону въ экипажахъ и на всемъ дальнѣйшемъ пространствѣ— какъ прямо говорятъ Сегюръ и де-Линь—ѣхали степью совершенно ровною и совершенно безлюдною. Эти спутники императрицы не легко освоились съ мыслью, что можно мчаться въ теченіе сутокъ и не видать населенныхъ пунктовъ и даже вообще людей. Здѣсь, слѣдовательно, ничего не было сдѣлано, чтобы прикрасить внѣшній видъ области, по которой проѣзжала государыня — болѣе чѣмъ вѣроятно, что и во время плаванія по Днѣпру не было сдѣлано ничего исключительнаго; путь украшался лишь въ такой мѣрѣ, въ какой это было совершенно естественно при слѣдованіи государыни, о попыткѣ же обмануть ее, намъ кажется, не можетъ быть рѣчи.

Крайне преувеличены также и разсказы объ издержкахъ, будто бы связанныхъ съ этимъ путешествіемъ. Толки объ этомъ доходили и до Екатерины и ею были опровергнуты. Теперь по финансовымъ документамъ можно установить, что, дѣйствительно, расходы по путешествію не достигали исключительно высокихъ цифръ, но тогда вообще всякія поѣздки обходились, по теперешнимъ нашимъ понятіямъ, очень дорого.

Императоръ Іосифъ получилъ отъ Екатерины приглашеніе принять участіе въ ея поѣздкѣ въ Крымъ, но приглашеніе это показалось ему столь холоднымъ, что онъ думалъ даже не воспользоваться имъ и поѣхалъ только по настояніямъ своего министра кн. Кауница. Іосифъ прибылъ прямо въ Херсонъ на нѣсколько дней раньше, чѣмъ Екатерина, и послѣ краткаго отдыха отправился къ ней навстрѣчу; узнавъ объ этомъ, Екатерина ускорила свой переѣздъ сколько было можно. Высокіе путешественники встрѣтились подъ Кайданами и 12 мая вмѣстѣ вернулись въ Херсонъ. Этотъ городъ началъ обстраиваться только за 6 лѣтъ до этого времени. Въ немъ были заложены большіе доки, укрѣпленія и обширныя казармы; конечно, очень многое оставалось еще недодѣланнымъ; много зданій, исполненныхъ лишь вчернѣ, были задрапированы, по случаю прибытія высокихъ гостей, матеріями, но и въ этомъ нельзя видѣть намѣренія скрыть дѣйствительное ихъ состояніе,—такая попытка была бы просто смѣшна; это были по возможности роскошныя украшенія города къ торжественному случаю. Императрица была въ восторгѣ отъ всего, что видѣла, да и императоръ Іосифъ, не стѣснявшійся въ кругу приближенныхъ критиковать кой-что видѣнное, признавалъ, что въ Херсонѣ сдѣлано очень много и что флотъ и крѣпость превзошли его ожиданія. Изъ Константинополя прибыли въ Херсонъ посланники: русскій, Булгаковъ, и австрійскій, Гербертъ; здѣсь былъ съ особою торжественностью спущенъ корабль «Іосифъ II», и пышно отпразднованъ день рожденія императора. Екатерина думала выйти въ открытое море на одномъ изъ кораблей, но предъ Херсономъ появилась цѣлая турецкая флотилія, и императрица уступила, хотя и не безъ возраженій, совѣтамъ своихъ приближенныхъ и отказалась отъ своего намѣренія; конечно, оно было неблагоразумно по смѣлости: нельзя было поручиться за сдержанность каждаго изъ турецкихъ командировъ. 17 мая императрица и императоръ въ экипажахъ двинулись въ Крымъ, 22—прибыли въ Севастополь. Путешественники были въ восхищеніи отъ чудныхъ картинъ южной природы, а Екатерина дважды поразила Сегюра и де-Линя своею смѣлостью: одинъ разъ лошади понесли ея тяжелую карету по крутому спуску съ поворотами, была большая опасность несчастнаго паденія экипажа—государыня сохранила полное спокойствіе; въ другой разъ, за нѣсколько дней до этого, Екатерина, встрѣченная конною депутаціею отъ татаръ, только что подчинив-

шихся Россіи, поѣхала далѣе подъ эскортомъ ихъ однихъ, и пр. де-Линь и графъ Сегюръ, независимо одинъ отъ другого, вспоминаютъ въ своихъ мемуарахъ, какъ удивлялись они смѣлости императрицы, которая лишь съ двумя-тремя мужчинами и нѣсколькими дамами довольно долго ѣхала среди сотенной толпы мусульманъ, далеко оставивъ за собою всю остальную свиту. Полюбовавшись дивною бухтою Севастополя, поговоривъ о томъ, что до Петербурга оттуда 1500 в., а до Константинополя — двое сутокъ плаванія, Екатерина двинулась въ обратный путь, черезъ Байдарскую долину, Бахчисарай и Симферополь. 2 іюня въ Бериславлѣ Екатерина и императоръ Іосифъ разстались. 7 іюня государыня пріѣхала въ Полтаву, 8 іюня здѣсь былъ смотръ войскамъ и маневръ, повторившій Полтавскую битву; гр. Сегюръ съ чувствомъ вспоминаетъ, что ему казалось, по выраженію лица императрицы, будто въ ней, дѣйствительно, кровь Петра Великаго. 27 іюня Екатерина прибыла въ Москву, 11 іюля возвратилась въ Царское Село.

Это совмѣстное путешествіе двухъ монарховъ возбудило въ Европѣ много толковъ; оно не могло не раздражить турокъ, напомнивъ всему міру въ такой громкой формѣ объ отнятіи у нихъ Крыма. Пруссія и Англія заключили между собою соглашеніе не допускать дальнѣйшихъ усиленій Австріи—очевидно, соглашеніе это было направлено и противъ Россіи, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ случаяхъ, когда Россія стала бы дѣйствовать совмѣстно съ Австріей. Франція, со своей стороны, подстрекала Турцію начать борьбу противъ Россіи, прежде чѣмъ Россія приготовится къ ней вполнѣ—и въ серединѣ іюля Булгаковъ, заговорившій послѣ поѣздки въ Херсонъ рѣшительнымъ тономъ, получилъ, въ свою очередь, требованіе, чтобы удалены были изъ разныхъ городовъ русскіе консулы, которые навлекли на себя обвиненіе, что они внушаютъ турецкимъ подданнымъ славянамъ и грекамъ недовольство Портою, и чтобы очищены были русскими отрядами нѣкоторыя области Кавказа, а 5 августа отъ Булгакова потребовали признаніе Крыма независимымъ, и когда онъ, какъ само собою разумѣется, отказался даже передать это требованіе, онъ былъ заключенъ въ Семибашенный замокъ, и Россіи была объявлена война.

Положеніе Россіи, казалось бы, было гораздо болѣе выгоднымъ, чѣмъ при началѣ первой турецкой войны въ 1769 г.: русскіе владѣли теперь многими пунктами, которые тогда были опорными для турецкихъ войскъ, имѣли на Черномъ морѣ флотъ, сами готовились къ войнѣ; повидимому, можно было ожидать успѣховъ, если не такихъ блестящихъ и громкихъ, какъ тогда, то солидныхъ. Но вышло наоборотъ: эта война шла несравненно медленнѣе и не отмѣчена такими блестящими успѣхами, какъ первая. Причины этому были и внѣ Россіи, и внутри ея. Къ числу первыхъ относилось то, что теперь противъ Россіи было недоброжелательство многихъ державъ: Англія не скрывала своего нежеланія видѣть русскій флотъ

въ Средиземномъ морѣ, Пруссія и Польша заняли явно враждебное положеніе, а Швеція и дѣйствительно напала на Россію. Внутренними причинами меньшихъ успѣховъ были прежде всего самомнѣніе и самоувѣренность Екатерины и Потемкина. Они давно мечтали о войнѣ, готовились къ ней, но совершенно позабывали, что ихъ дѣйствія не представляютъ чего-то непостижимаго для другихъ; они забывали, что будущіе противники ихъ отлично понимаютъ ихъ намѣренія и не станутъ ждать, когда Россіи всего удобнѣе будетъ на нихъ напасть, а, напротивъ, могутъ напасть на Россію, когда это удобнѣе имъ. Затѣмъ сказались вредныя послѣдствія и того, что Екатерина, приближаясь къ старости, начала цѣнить не столько заслуги, оказываемыя государству, сколько ту или другую личность, ей самой болѣе или менѣе пріятную. Избѣгать этой ошибки—рѣдкій удѣлъ даже самыхъ выдающихся умовъ; раньше Екатерина въ этомъ отношеніи была почти безупречна; тогда она выдвигала на первыя роли не тѣхъ, кого любила, а тѣхъ, кто могъ быть полезенъ самому дѣлу; но теперь, состарѣвшись, она въ значительной степени утратила эту замѣчательную способность. Потемкинъ завидовалъ Румянцеву — и въ угоду любимцу замѣчательный администраторъ и полководецъ устраненъ былъ отъ активнаго участія въ войнѣ; во главѣ всѣхъ распоряженій по войнѣ поставленъ былъ Потемкинъ, и сохранилъ это мѣсто, хотя при первыхъ же неудачахъ онъ растерялся и оказался далеко не на высотѣ ввѣренной ему задачи. Теперь, когда Екатерина поддалась своей личной склонности къ такимъ второстепеннымъ и даже ничтожнымъ личностямъ, какъ Ланской, Дмитріевъ-Мамоновъ, Зубовъ, и каждаго изъ нихъ въ два-три года осыпала такими почестями и наградами, какихъ не получили Румянцевъ и Суворовъ за тридцать лѣтъ своей замѣчательной дѣятельности, теперь она не могла уже находить такихъ помощниковъ, которые прежде, пока она не только ставила выше всего чисто государственные интересы, а исключительно ихъ и имѣла въ виду, всегда появлялись около нея. Но если временами, среди успѣховъ, славы и счастья, дремали въ душѣ государыни высокія чувства, которыя прежде господствовали въ ней, то они не угасли окончательно—и глубокую вѣру въ русскій народъ, сознаніе величія того сана, который она носила, Екатерина имѣла случай проявить и въ эту войну.

До конца 1787 г. ничего значительнаго на театрѣ войны не произошло; турки произвели двѣ попытки высадиться и утвердиться у Кинбурна; въ случаѣ ихъ успѣха русскій черноморскій флотъ былъ бы очень стѣсненъ; но обѣ попытки были отбиты Суворовымъ. Съ наступленіемъ 1788 г. начали военныя дѣйствія и австрійцы. Екатерина обнаруживала большую твердость духа; на письма Потемкина, который растерялся отъ первыхъ же неудачъ и совсѣмъ палъ духомъ, когда лѣтомъ 1788 г. сильная буря причинила страшныя потери русскому флоту, императрица отвѣчала

спокойно, говорила, что неудачи неизбѣжны, но что она будетъ твердо продолжать начатое дѣло, и рѣшительно отклонила всякія предположенія очистить Крымъ, что предлагалъ, хотя и осторожно, Потемкинъ. Австрійцы дѣйствовали вяло. Потемкинъ лѣтомъ 1788 года осадилъ Очаковъ, и 6 декабря 1788 г. эта крѣпость, отчаянно защищавшаяся, была взята штурмомъ; храбрость русскихъ удивила всю Европу.

Въ это самое время на сѣверѣ имперіи появился новый врагъ. Русскій флотъ готовился итти изъ Балтійскаго моря въ Средиземное, когда вдругъ король шведскій Густавъ III началъ поспѣшно вооружаться и принялъ въ сношеніяхъ съ русскимъ правительствомъ весьма высокомѣрный тонъ. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ, въ 1772 г., когда Россія была занята турецкою войною и бунтомъ Пугачева, король Густавъ произвелъ въ Швеціи насильственное измѣненіе конституціи, усилилъ королевскую власть и ослабилъ значеніе сейма, легко поддававшагося иноземному золоту; теперь Густавъ вообразилъ, что настало время добиться такихъ цѣлей, которыя всякій, сколько-нибудь серьезный умъ, призналъ бы совершенно недостижимыми. Опираясь на давно заключенный союзъ съ Турціей,—союзъ, остававшійся тайною для всѣхъ другихъ государствъ, Густавъ вдругъ подъ самымъ ничтожнымъ предлогомъ прислалъ въ Петербургъ ультиматумъ, о которомъ гр. Сегюръ сказалъ Екатеринѣ: «Мнѣ кажется, что шведскій король, очарованный обманчивымъ сномъ, вообразилъ, что онъ уже одержалъ три большія побѣды».—«Если бы даже онъ и одержалъ ихъ,—отвѣчала съ горячностью Екатерина, — если бы онъ владѣлъ уже Петербургомъ и Москвой, я показала бы ему, что̀ можетъ сдѣлать, стоя даже на развалинахъ государства, женщина съ сильнымъ характеромъ, во главѣ храбраго и преданнаго отечеству народа». Густавъ—какъ это нимало правдоподобно — дѣйствительно приглашалъ придворныхъ дамъ на балъ въ Петергофѣ и говорилъ, что низвергнетъ въ Петербургѣ статую Петра Великаго. Онъ обнародовалъ обширный манифестъ о причинахъ войны и допустилъ въ немъ множество искаженій истины и необдуманныхъ выходокъ, такъ что возраженіе на этотъ странный документъ, составленное при ближайшемъ участіи Екатерины, было очень убѣдительно и въ этомъ литературномъ состязаніи Екатерина вполнѣ восторжествовала надъ своимъ противникомъ.

Густавъ сдѣлалъ, во всякомъ случаѣ, странную ошибку: онъ не дождался ухода русскаго флота изъ Балтійскаго моря и началъ войну какъ разъ тогда, когда флотъ былъ совершенно готовъ и находился еще въ Финскомъ заливѣ. Высказывалось мнѣніе, что, задержавъ флотъ, Густавъ оказывалъ существенную услугу Турціи. Но успѣхи русскаго флота въ Средиземномъ морѣ были еще проблематичны, надо было еще дойти туда, а серьезные успѣхи шведовъ при отсутствіи флота были болѣе чѣмъ вѣроятны. Поло-

женіе Екатерины было, тѣмъ не менѣе, очень затруднительно: на сѣверѣ Россіи почти не было войска, шведы же начали наступленіе и по сухопутной границѣ, шедшей всего верстахъ въ 50-ти отъ Петербурга, а въ случаѣ успѣха на морѣ могли сдѣлать дессантъ и на южномъ берегу Финскаго залива. Но способности Густава къ веденію войны оказалось еще меньше, чѣмъ въ составленіи ультиматумовъ и манифестовъ. Несмотря на малочисленность русскихъ военныхъ силъ, на недаровитость начальствовавшихъ ими генераловъ — сначала гр. В. П. Мусина-Пушкина, а затѣмъ Игельстрома,—на сухомъ пути не произошло ничего важнаго и никакихъ успѣховъ шведы не одержали. Большое затрудненіе встрѣтилъ Густавъ еще въ томъ, что часть войскъ отказала ему въ повиновеніи, такъ какъ по законамъ Швеціи король не могъ начинать войны наступательной безъ согласія сейма; нѣкоторые офицеры даже вступили въ сношенія съ русскими военачальниками. Королю не удалось сломить сопротивленія, и онъ уѣхалъ въ столицу, чтобы тамъ получить необходимыя полномочія. Въ это время въ Швецію изъ Норвегіи—по условіямъ давняго договора Россіи и Даніи — вступилъ датскій корпусъ. Эта диверсія, однако, послужила больше на пользу Швеціи, чѣмъ Россіи: Пруссія и Англія такъ рѣшительно пригрозили Даніи за вмѣшательство, что датчане остановились и вскорѣ заключили миръ; но появленіе на шведской территоріи чужого войска вызвало въ Швеціи большой подъемъ патріотизма, а личное геройство Густава, оказанное имъ въ осажденномъ датчанами Готенбургѣ, куда король явился, привлекло къ нему симпатіи подданныхъ, такъ что на сеймѣ зимою 1788 — 1789 г. онъ успѣлъ завершить начатое имъ въ 1772 г. измѣненіе конституціи и имѣлъ теперь право продолжать войну. Въ теченіе 1789 г. русскіе одержали довольно значительные успѣхи на морѣ у Роченсальма. Въ 1790 г. шведы начали энергичное наступленіе, съ цѣлью прорваться у Кронштадта; нападеніе ихъ на флотъ, стоявшій у Ревеля, было отражено; несмотря на это, самъ король двинулся къ Кронштадту. 23 и 24 мая происходилъ упорный бой у Сейскара; въ Петербургѣ слышны были выстрѣлы и чувствовался пороховой запахъ. Шведы были разбиты, и флотъ ихъ запертъ у Выборга; для короля, по повелѣнію Екатерины, было послано судно со съѣстными припасами; не было невѣроятно, что королю придется сдаться въ плѣнъ,—но онъ успѣлъ, съ отчаянными усиліями и огромными потерями, прорваться и уйти, а вскорѣ счастье перешло на его сторону: на томъ самомъ мѣстѣ при Роченсальмѣ, гдѣ въ маѣ 1789 г. былъ разбитъ шведскій флотъ, 28 іюня 1790 г. потерпѣлъ страшное пораженіе русскій флотъ, находившійся подъ командою принца Нассау-Зигена. Екатерина была потрясена—и тѣмъ замѣчательнѣе отвѣтъ, данный ею Нассау-Зигену, когда онъ, возвращая всѣ русскіе ордена, просилъ отставки и военнаго суда надъ собою.

«Боже мой,—писала государыня,—кто же не имѣлъ крупныхъ неудачъ въ жизни? Развѣ не было несчастныхъ дней у величайшихъ полководцевъ? Покойный король прусскій истинно великъ бывалъ именно послѣ неудачъ, тогда-то онъ и блисталъ, какъ никогда—всѣ думали, что все потеряно, а онъ тутъ и побѣждалъ врага, Петръ Великій девять лѣтъ испытывалъ только пораженія—и побѣдилъ подъ Полтавой... Будьте выше судьбы и идите снова на врага»... Положеніе было, дѣйствительно, серьезно; представлялось весьма вѣроятнымъ, что при новыхъ успѣхахъ Швеціи на Россію нападетъ и Пруссія. Но Екатерина держалась такъ, какъ и прилично—выражаясь ея же словами—императрицѣ Всероссійской, чувствующей за собою 16.000 верстъ, десятки милліоновъ подданныхъ и имѣющей армію, 100 лѣтъ пріученную къ побѣдамъ: она энергично собирала войска и писала Потемкину и Циммерману: «Конечно, никакая человѣческая власть не заставитъ меня сдѣлать что-либо не въ интересахъ имперіи или несоотвѣтствующее достоинству короны, которую я ношу»; «законы принять отъ прусскаго короля мнѣ не сродно, а Россіи и еще менѣе». Послѣ пораженія флота въ Петербургѣ распространилось смущеніе. Интересную сцену изъ этого времени передаетъ гр. Сегюръ. По его словамъ, изъ очень высокихъ сферъ пошли слухи, что императрица намѣревается уѣхать въ Москву и что приготовлены уже по всѣмъ станціямъ лошади. «Я,—разсказываетъ Сегюръ,—отправился вечеромъ во дворецъ, надѣясь найти какое-либо разъясненіе или хоть намекъ. Императрица принимала своихъ гостей любезно какъ всегда и совершенно спокойно спросила меня, нѣтъ ли какихъ интересныхъ новостей. Я передалъ ей объ этомъ слухѣ. «Ну и что же? Вы вѣрите?», спросила она меня. Я отвѣтилъ, что источникъ слуховъ, повидимому, заставляетъ ему вѣрить, но что я, зная императрицу, не вѣрю. «И вы хорошо дѣлаете, — сказала Екатерина.—Я, конечно, въ Москву не уѣду, и если куда пойду, то лишь съ войсками противъ врага. Но лошади дѣйствительно приготовлены — для того, чтобы по возможности скорѣе подвозить войска, которыя отовсюду спѣшатъ къ столицѣ». И не можетъ быть сомнѣнія, что именно такъ и было рѣшено у императрицы. Вѣдь если бы ей представлялось возможнымъ, что она въ какомъ бы то ни было случаѣ уѣдетъ, то заводить подобную бесѣду и безъ всякой нужды подвергнуть себя опасности, что придется нарушить такъ рѣшительно сдѣланныя заявленія, не имѣло бы никакого смысла. Въ дѣйствительности въ самое опасное время Екатерина переѣхала въ Петергофъ, всего ближе къ мѣсту сраженій. Побѣда, одержанная шведскимъ флотомъ, дала Густаву III возможность завести переговоры о мирѣ, а энергично снаряженная новая русская эскадра, готовая опять вступить въ бой, сдѣлала короля шведскаго очень сговорчивымъ— и 3 августа 1790 г. былъ подписанъ миръ въ дер. Верелѣ, у устья Кюмени. Обѣ стороны остались совершенно при своихъ прежнихъ

владѣніяхъ, единственнымъ результатомъ было то, что не упоминалось болѣе о гарантированіи Россіею шведскаго государственнаго устройства. Конечно, это было выигрышемъ Швеціи, но по существу вполнѣ призрачнымъ: вѣдь Россія могла вліять на шведское устройство только тогда, когда имѣла достаточно силы, чтобы провести желательныя рѣшенія, и тогда договоръ никакъ не могъ препятствовать ея дѣятельности въ этомъ направленіи; ничтожество успѣха Швеціи особенно ярко при сравненіи съ тѣми хвастливыми заявленіями, съ какими выступилъ Густавъ. Экономическія послѣдствія этой войны были для Швеціи очень тягостны; Густавъ III вскорѣ жизнью своею заплатилъ за тѣ бѣды, какія навлекъ онъ своимъ неразуміемъ на свое государство.

Борьба съ Турціей была серьезнѣе, но возбуждала менѣе опасеній и безпокойствъ, потому что къ ней готовились и на югѣ было собрано довольно войска. 1789 годъ ознаменованъ былъ двумя блестящими побѣдами Суворова. Въ іюлѣ турки въ огромныхъ силахъ появились противъ австрійской арміи, и главнокомандующій ею, пр. Кобургскій, съ тревогой просилъ помощи у Суворова. Суворовъ съ неслыханною тогда быстротою явился и настоялъ на немедленной атакѣ турецкаго лагеря—и 20 іюля 1789 г. была одержана русскими и австрійцами рѣшительная побѣда подъ Фокшанами; 5 августа Суворовъ одержалъ новую блистательную побѣду при Рымникѣ. Воспользовавшись тѣмъ, что въ февралѣ 1790 г. умеръ императоръ Іосифъ II, турки заключили миръ съ Австріею въ августѣ 1790 г.; преемникъ Іосифа II, его братъ Леопольдъ II, предложилъ было даже свое посредничество, но Екатерина отклонила его и продолжала борьбу одна. Осенью былъ осажденъ Измаилъ, крѣпость, почитавшаяся неприступною, и 11 декабря того же года Суворовъ взялъ его кровопролитнѣйшимъ приступомъ. 1791 годъ былъ отмѣченъ успѣшными дѣйствіями русскаго флота на Черномъ морѣ, нѣсколькими удачами на Кавказѣ и блестящею побѣдою кн. Репнина при Мачинѣ на европейскомъ театрѣ войны. Въ Константинополѣ давно уже освободили Булгакова и желали мира; переговоры велъ сначала Потемкинъ, но онъ умеръ 5 октября 1791 г.—въ степи, по дорогѣ въ свой любимый Николаевъ, куда онъ поѣхалъ, чувствуя себя очень больнымъ. Миръ былъ заключенъ графомъ Безбородко въ Яссахъ 29 декабря 1791 года. Россія пріобрѣла небольшую область съ г. Очаковымъ, Крымъ признанъ принадлежащимъ Россіи, затѣмъ подтверждены условія Кучукъ-Кайнарджійскаго мира. Для Россіи укрѣпленіе за собою Крыма было, конечно, важнымъ результатомъ, но нельзя всетаки не видѣть, что удалось достигнуть очень немногаго сравнительно съ тѣми иллюзіями, съ какими начинали войну Іосифъ II и Екатерина. Впрочемъ, политическое положеніе Европы такъ осложнилось, что окончаніе войны съ Турціей было очень важно уже само по себѣ.

Съ 1789 г. во Франціи совершались событія, въ водоворотъ которыхъ была постепенно вовлечена вся Европа,—событія, значеніе которыхъ чувствуется, быть-можетъ, еще до нашихъ дней. Въ это время отношенія старой монархической Европы совершенно перемѣшались. Отдѣльныя государства Европы въ разное время и въ разныхъ комбинаціяхъ вступали въ борьбу противъ революціонной Франціи, но эти выступленія оканчивались неизмѣнно успѣхами этой послѣдней, отчасти потому, что французы дѣйствовали съ чрезвычайнымъ энтузіазмомъ, отчасти—и, можетъ-быть, главнымъ образомъ—потому, что, выступая противъ Франціи, правительства преслѣдовали, кромѣ борьбы съ революціей, и свои частные интересы, сводили между собою старые счеты, которые лишь прикрывались борьбою противъ революціи. Не только входить въ подробности всѣхъ этихъ событій, но и въ общихъ чертахъ обрисовать ихъ въ нашемъ очеркѣ совершенно невозможно, и мы должны ограничиться напоминаніемъ, что въ эти годы шли сложныя, запутанныя дипломатическія сношенія, въ которыхъ общіе вопросы тысячами нитей переплетались съ самыми эгоистическими стремленіями отдѣльныхъ державъ. Должна была принять участіе въ этой работѣ и Екатерина.

То, что разыгрывалось во Франціи, оставалось Екатеринѣ на первыхъ порахъ столь же неяснымъ, какъ и всѣмъ другимъ государственнымъ людямъ тогдашней Европы. Екатеринѣ казалось, что происходящіе во Франціи безпорядки объясняются исключительно слабостью и неумѣлостью французскаго министерства и дерзкою распущенностью нѣсколькихъ демагоговъ. Поклонница просвѣтительной философіи, она, какъ и другіе ея современники, раздѣлявшіе ея общія воззрѣнія, думала, что, какъ только станутъ широко извѣстны труды философовъ XVIII в., немедленно распространится просвѣщеніе, сознаніе ненужности нѣкоторыхъ предразсудковъ, и всѣ тотчасъ же искренно преклонятся предъ разумомъ и его безошибочными рѣшеніями, настанетъ, однимъ словомъ, золотой вѣкъ. Выступленія возбужденной черни съ ея жестокостью и грубостью удивили и возмущали Екатерину; якобинцы и всякіе демагоги внушали ей отвращеніе и презрѣніе, и все, что было близко или казалось близкимъ имъ по духу, Екатерина презирала и считала необходимымъ для блага и чести человѣчества подавлять и искоренять. Такимъ настроеніемъ объясняются дѣйствія императрицы Екатерины за эти годы и во внѣшней и во внутренней политикѣ. Подъ вліяніемъ его она сурово отнеслась къ Новикову и Радищеву.

Новиковъ былъ человѣкъ мягкаго сердца, страстно любившій просвѣщеніе и имѣвшій одну цѣль—содѣйствовать всякими путями нравственному улучшенію людей. Къ этой цѣли онъ шелъ широкою благотворительностью и просвѣтительною дѣятельностью; онъ развилъ изданіе книгъ и журналовъ въ такой мѣрѣ, которая да-

леко превосходила все, что въ этомъ отношеніи дѣлалось въ Россіи ранѣе. Никакихъ политическихъ, а тѣмъ болѣе революціонныхъ, цѣлей онъ не преслѣдовалъ; онъ соединился съ обществомъ масоновъ, которые стремились къ такимъ же цѣлямъ, какъ онъ, но считали нужнымъ удовлетворять нѣкоторымъ неяснымъ запросамъ человѣческаго духа и допускали разные таинственные обряды, держа втайнѣ и нѣкоторыя части своего ученія. Но существовали въ Европѣ и другія тайныя общества, ставившія себѣ цѣли не въ области нравственности, а въ области практической политики. Такъ какъ и тѣ и другія общества скрывали многое изъ своихъ дѣйствій, то правительства различали ихъ неясно — и когда, особенно съ началомъ французской революціи, проявилась дѣятельность нѣкоторыхъ политическихъ обществъ, правительство съ недовѣріемъ и опасеніемъ стало смотрѣть на всякія тайныя общества; присоединилось неудовольствіе и по поводу несомнѣнныхъ сношеній масоновъ съ вел. кн. Павломъ Петровичемъ. Новиковъ былъ арестованъ, къ нему предъявлено было обвиненіе, что онъ издаетъ книги, развращающія вѣру, его книгоиздательство было закрыто, и въ 1792 г. онъ по суду заключенъ въ крѣпость. Что касается Радищева, то въ 1790 г. онъ былъ сосланъ въ Сибирь за изданіе книги «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву». Теперь совершенно ясно, что книга эта не только не имѣла, но и не могла имѣть большого значенія. Содержаніе ея, хотя авторъ и возставалъ въ ней съ жаромъ противъ крѣпостного права, не представлялось особенно новымъ по существу: противъ крѣпостного права сказано было кое-что уже въ Наказѣ и еще больше говорилось въ комиссіи 1767 г.; новостью былъ лишь тонъ книги Радищева, мѣстами, дѣйствительно, очень рѣзкій, — особенно тамъ, гдѣ говорилось о «тиранахъ». Появленіе книги такъ написанной, какъ разъ въ то время, когда во Франціи дѣло явно шло къ низверженію королевской власти, показалось опаснымъ и навлекло на автора тяжелую кару. Во всякомъ случаѣ не надо забывать, что за все свое 34-лѣтнее царствованіе Екатерина II только дважды, къ Новикову и Радищеву, отнеслась съ большею строгостію, чѣмъ бы можно было ожидать; никакихъ другихъ преслѣдованій за преступленія въ печати или въ области проповѣдыванія тѣхъ или другихъ идей при ней не было.

Сильнѣе отразилось вліяніе французской революціи на внѣшней политикѣ императрицы.

Со времени гарантіи Россіею польскаго государственнаго устройства и перваго раздѣла Польши, въ Польшѣ, какъ мы уже говорили, установилось безусловное преобладаніе Россіи. Такое положеніе дѣлъ вызывало сильное неудовольствіе у многихъ польскихъ гражданъ, и совершенно естественно было ожидать какой-нибудь попытки возстать противъ него, какъ только обстоятельства сложатся для этого благопріятно. Удобный, повидимому, моментъ насту-

пилъ, когда Россіи пришлось вести одновременно двѣ войны, благопріятный исходъ которыхъ въ первые два года не представлялся несомнѣннымъ; къ тому же Пруссія въ это время всѣми мѣрами старалась создать для Россіи въ Польшѣ затрудненія. Осенью 1788 г. сейму была представлена прусская нота, въ которой король высказывалъ неодобреніе союзу Польши съ Россіею и выражалъ готовность содѣйствовать всѣми средствами «этой знаменитой націи» къ тому, чтобы она возстановила свою прежнюю силу, независимость и славу. На поляковъ внушенія подобнаго рода всегда оказывали сильное вліяніе; теперь же, когда повсюду общество волновалось событіями во Франціи, которыя въ Польшѣ ощущались съ особенною живостью, прусскія внушенія сильно подѣйствовали. На сеймѣ начались рѣчи противъ Россіи и ея гарантіи, скоро принявшія характеръ страстный и тонъ, прямо оскорбительный для Россіи и для императрицы. Король Станиславъ Августъ пытался остановить это увлеченіе, но онъ самъ не отличался спокойствіемъ и трезвостью ума и скоро былъ захваченъ общимъ движеніемъ. Рѣшено было отвергнуть русскую гарантію и произвести въ государственномъ устройствѣ реформы, которыя, вѣроятно, оказались бы полезными для Польши, если бы удалось ихъ осуществить, но этого-то какъ разъ и нельзя было ожидать, потому что усиленіе Польши вовсе не входило въ расчеты сосѣднихъ государствъ. И та самая Пруссія, которая теперь толкала поляковъ на путь борьбы съ Россіей, въ самомъ близкомъ будущемъ доказала неопровержимо, что руководствовалась въ данномъ случаѣ вовсе не заботою о выгодахъ Польши, а только стремленіемъ создать осложненія для Россіи.

3 мая 1791 г. провозглашена была въ Польшѣ новая конституція. Положеніе русскаго посла и всей русской партіи стало очень тяжелымъ; ими гнушались, ихъ открыто оскорбляли; право торговли русскихъ подданныхъ, обезпеченное трактатами, было фактически уничтожено; нѣсколько маркитантовъ арміи, дѣйствовавшей противъ Турціи, было даже казнено. Все это и особенно отказъ отъ гарантіи было вызовомъ по отношенію къ Россіи, котораго Екатерина, конечно, не могла оставить безнаказаннымъ; при первыхъ извѣстіяхъ о новой конституціи она заявила, что «сумасбродство этого народа хуже дѣйствій парижскихъ якобинцевъ», и что она ни предъ чѣмъ не остановится въ борьбѣ съ ними. Екатерина ожидала только, когда Россія получитъ свободу дѣйствій, а что поводъ къ вмѣшательству представится скоро, въ этомъ она была твердо убѣждена. «Мы, — писала она, — какъ прежде, такъ и теперь останемся спокойными зрителями до тѣхъ поръ, пока сами поляки не потребуютъ отъ насъ помощи для возстановленія прежнихъ законовъ республики». Ждать пришлось недолго. Въ Польшѣ не было единодушія, многіе были недовольны новыми порядками, составилась конфедерація для защиты прежнихъ вольно-

стей, и Екатерину просили о помощи. Война со Швеціей и съ Турціей была уже кончена къ началу 1792 г., и въ апрѣлѣ 1792 г. русскія войска вступили въ Польшу. Въ офиціальной декларацiи русское правительство ссылалось на старинныя свои обязательства охранять прежніе порядки республики и на просьбы многихъ ея подданныхъ исполнить на дѣлѣ эти обязательства. Конечно, въ дѣйствительности главною причиною было старое желаніе усилиться на счетъ Польши, а къ нему присоединилось еще раздраженіе противъ якобинскаго духа, который, по убѣжденію Екатерины, руководилъ поляками. Русскія войска встрѣтили слабое сопротивленіе; король долженъ былъ присоединиться къ конфедераціи, поднявшейся противъ конституціи 3 мая. Скоро Екатерина могла опять располагать судьбами Польши. Король прусскій не оказалъ полякамъ обѣщанной помощи. Только что окончилось полнымъ неуспѣхомъ его столкновеніе съ Франціей; вознаградить себя чѣмъ-либо за понесенныя потери представлялось ему весьма желательнымъ, и когда Екатерина дала ясно понять свое рѣшеніе отнестись къ Польшѣ очень строго, король прусскій немедленно же выразилъ согласіе на это, съ тѣмъ, чтобы и Пруссіи дана была часть польскихъ земель. Польша оказалась совершенно не въ силахъ противиться Россіи и Пруссіи, и онѣ произвели въ 1793 г. второй раздѣлъ Польши. Россія получила около 4.500 кв. миль съ 3 милл. населенія къ востоку отъ линіи, идущей отъ Двинска на Пинскъ, т.-е. остававшіяся за Польшею часть Бѣлоруссіи и Украйны и часть Полѣсья и Волыни; Пруссія получила чрезвычайно цѣнныя для нея гавани на Балтійскомъ морѣ, съ Данцигомъ въ томъ числѣ. Созванный для окончанія этого дѣла сеймъ сопротивлялся, сколько можно было сопротивляться словами, и съ меньшимъ неудовольствіемъ согласился на уступку областей Россіи, чѣмъ Пруссіи, — еще живо у всѣхъ было въ памяти, что именно Пруссія вызвала то движеніе, которое оканчивалось такъ печально.

Но вторичное отторженіе отъ государства цѣлыхъ областей произвело въ Польшѣ сильнѣйшее волненіе; событія во Франціи и безъ того уже возбуждали поляковъ, теперь же негодованіе противъ правительства, утратившаго въ глазахъ народа и послѣдній авторитетъ, достигло высшаго предѣла; большая партія готовилась свергнуть чужое иго и возстановить конституцію 3 мая. Въ Варшавѣ стоялъ отрядъ русскихъ войскъ, безъ присутствія котораго жизни сторонниковъ Россіи грозила опасность и было бы невозможно пребываніе въ столицѣ русскаго посла. 6 апрѣля 1794 г., въ Великій четвергъ, заговорщики напали на русскія войска, воспользовавшись тѣмъ, что цѣлые отряды были безъ оружія въ церквахъ; прежде чѣмъ удалось сколько-нибудь организовать оборону, было перерѣзано свыше 2.000 чел. русскихъ солдатъ; лишь съ величайшими усиліями и огромными потерями удалось пробиться изъ го-

рода остальнымъ. Поляки рѣшили биться на-смерть противъ русскихъ и пруссаковъ; главное начальство всѣми польскими силами было ввѣрено Ѳаддею Костюшкѣ. Въ Варшавѣ водворилась полная анархія; король потерялъ всякое значеніе; всѣмъ распоряжался спеціально созданный верховный правительственный совѣтъ, но и онъ не могъ удержать чернь, и въ Варшавѣ произведена была дикая расправа съ многими лицами, внушавшими подозрѣніе демагогамъ. Впрочемъ, все это продолжалось недолго: команда русскими войсками была вручена Суворову. Въ іюлѣ уже польскія войска потерпѣли серьезныя пораженія. 28 сентября Костюшко былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ, 4 ноября Суворовъ взялъ штурмомъ Прагу, укрѣпленное предмѣстье Варшавы, и столица Польши сдалась на милость побѣдителя. 5 января 1795 г. подписано было соглашеніе между Россіей, Австріей и Пруссіей, въ силу котораго остававшіяся еще части прежней Польши должны были быть подѣлены между ними такъ, чтобы каждое государство получило пріобрѣтенія, пропорціональныя его силамъ и населенію, и чтобы взаимныя сношенія ихъ силъ остались прежними; окончательно было все это установлено уже въ началѣ 1797 года. Россія получила около 2.000 кв. миль, Австрія—около 1.000, Пруссія—700 кв. миль съ г. Варшавой, Пруссія была очень недовольна размѣрами части, отведенной Австріи, но должна была примириться съ этимъ.

Паденіе Польши повлекло рѣшеніе судьбы Курляндіи, которая была самостоятельнымъ герцогствомъ, состоящимъ лишь въ ленной зависимости отъ Польши; теперь ей предстояло избрать, къ какому государству поступить въ подданство. Экономическіе интересы и политическія связи давно прочно скрѣпили Курляндію съ Россіей. Курляндское дворянство актами 17 и 18 марта 1795 г. рѣшило просить о присоединеніи герцогства къ Россіи; на это, само собою разумѣется, послѣдовало согласіе. Въ послѣдній годъ царствованія Екатерины вспыхнула война съ Персіей; она была прекращена Павломъ немедленно по восшествіи его на престолъ.

Король шведскій Густавъ III былъ убитъ въ 1793 г. на придворномъ балу полковникомъ Анкерштремомъ; на престолъ вступилъ сынъ Густава III, Густавъ IV Адольфъ. Регентъ королевства, герцогъ Зюдерманландскій, пришелъ къ мысли упрочить спокойствіе Швеціи и ея экономическое положеніе брачнымъ союзомъ молодого короля съ одною изъ дочерей вел. кн. Павла Петровича. 3 августа 1796 г. король шведскій и регентъ прибыли въ Петербургъ. Молодой король понравился въ царской семьѣ, и ему понравилась великая княжна Александра Павловна; казалось, что бракъ можетъ быть заключенъ не только по политическимъ расчетамъ, но и по сердечной склонности. На 11 сентября назначено было торжественное обрученіе — но оно не состоялось. Вопросъ о сохраненіи

русскою великою княжною и въ замужествѣ православнаго исповѣданія, на чемъ Екатерина твердо настаивала, не былъ окончательно выясненъ на предшествовавшихъ совѣщаніяхъ, и трудно сказать, на кого падаетъ вина этого: ближайшіе ли помощники императрицы слишкомъ понадѣялись, что въ послѣднюю минуту молодой король не рѣшится отказать въ тѣхъ уступкахъ, о которыхъ былъ споръ, или Густавъ IV неожиданно проявилъ то взбалмошное упрямство, которое было ему врожденно и довело его потомъ до необходимости отречься отъ престола. Какъ бы то ни было, но когда императрица ожидала въ присутствіи всего двора прибытія короля для обрученія, ей должны были доложить, что король отказался отъ намѣренія вступить въ бракъ съ великою княжною. Императрица Екатерина особенно любила эту свою внучку; неожиданный разрывъ сватовства ее чрезвычайно поразилъ; ея здоровье вдругъ ухудшилось; она перемогалась еще около полутора мѣсяца, но утромъ 4 ноября 1796 г. была найдена случайно вошедшимъ старымъ слугою безъ чувствъ на полу: ее сразилъ ударъ, и, не приходя въ себя, императрица Екатерина скончалась вечеромъ 6 ноября 1796 года.

VI.

Императрица Екатерина II въ домашнемъ быту.

Въ обзорѣ царствованія императрицы Екатерины II намъ постоянно приходилось говорить о трудахъ самой императрицы. Екатерина II, дѣйствительно, работала много, постоянно и регулярно. Всего больше времени и силъ она посвящала трудамъ управленія и законодательства, но и сверхъ того много читала, писала, интересовалась самыми различными областями умственной дѣятельности; въ этихъ занятіяхъ она находила отдыхъ отъ трудовъ царственныхъ и въ нихъ же почерпала новыя идеи и новыя силы для плодотворныхъ работъ законодательныхъ и административныхъ. Къ постоянной и большой работѣ былъ приспособленъ весь укладъ ея жизни.

Императрица обыкновенно проводила время съ конца сентября до середины мая въ Петербургѣ, остальную часть года — въ загородныхъ дворцахъ, по преимуществу въ Царскомъ Селѣ; работы императрицы не прерывались и въ лѣтніе мѣсяцы, но все-таки лѣто было временемъ отдыха, и свои досуги императрица посвящала по преимуществу садоводству, которое очень любила. За исключеніемъ какихъ-нибудь особенныхъ случаевъ время императрицы было распредѣлено чрезвычайно точно и жизнь ея шла очень правильно и единообразно.

Императрица вставала и зимою и лѣтомъ очень рано—около 6 часовъ; съ помощью двухъ горничныхъ она быстро совершала весьма незатѣйливый туалетъ, затѣмъ переходила въ небольшую комнату

рядомъ со спальней и немедленно принималась за работу; тутъ она обдумывала и подготовляла государственные акты, писала своимъ корреспондентамъ, занималась своими литературными и историческими трудами, вообще дѣлала то, въ чемъ не требовалось ей немедленнаго участія постороннихъ лицъ; отрываясь на нѣсколько минутъ отъ работы, императрица выпивала нѣсколько чашекъ крѣпкаго кофе, уже ожидавшаго ее, и время отъ времени бросала кусочки печенья или сахара своимъ любимымъ собачкамъ. Въ 9 часовъ императрица возвращалась въ спальню и начинала здѣсь работать со своими помощниками. Ежедневно являлся къ ней съ докладомъ оберъ-полицмейстеръ; генералъ-прокуроръ докладывалъ по понедѣльникамъ и четвергамъ, вице-канцлеръ — по субботамъ, оберъ-прокуроръ Синода и генералъ-рекетмейстеръ, черезъ котораго шли прошенія непосредственно на Высочайшее имя приносимыя—по средамъ и т. д. Въ случаѣ важныхъ дѣлъ каждый изъ лицъ, имѣвшихъ докладъ у императрицы, могъ просить пріема въ любой день и всегда былъ принимаемъ немедленно; во второй половинѣ царствованія Безбородко, въ рукахъ котораго было сосредоточено множество дѣлъ, бывалъ у государыни ежедневно. Доклады этихъ лицъ занимали полчаса или часъ; затѣмъ императрица работала со своими статсъ-секретарями, которыхъ было у нея обыкновенно 3 — 4 человѣка; съ ними государыня разсматривала самыя разнообразныя доходившія до нея дѣла: жалобы на высшія учрежденія, просьбы о разныхъ милостяхъ, доклады Сената и коллегій и т. д.; черезъ секретарей же давала она свои рѣшенія; на очень большомъ числѣ документовъ имѣются собственноручныя резолюціи Екатерины II или подписанныя ею надписи, сдѣланныя по ея указаніямъ ея секретарями. Въ этомъ проходило время до 12 часовъ или до половины перваго; тогда занятія прекращались, и императрица начинала свой туалетъ. Въ небольшой уборной она одѣвала то платье, въ которомъ оставалась весь день, если не случалось какой-либо особой церемоніи, затѣмъ переходила въ офиціальную уборную, гдѣ доканчивала туалетъ уборомъ головы и добавленіемъ нѣсколькихъ украшеній къ платью, обыкновенно очень простому. Это былъ такъ называемый малый выходъ; допускались къ нему лишь самыя приближенныя лица, и присутствовать при немъ было высокою честью; въ послѣднее десятилѣтіе жизни Екатерины тутъ всегда бывали ея внуки, которыхъ государыня очень любила; во время туалета императрица бесѣдовала съ окружающими. Около часу въ началѣ царствованія и около двухъ въ концѣ его императрица шла къ обѣду. Къ столу государыни приглашались лица, которыя были къ ней близки, или тѣ, кому она желала оказать особый почетъ; обыкновенно обѣдало человѣкъ 12—15, рѣдко больше, часто меньше; иногда, особенно въ случаѣ недомоганія, Екатерина кушала во внутреннихъ покояхъ, съ двумя-тремя лицами; только въ торжественные дни число обѣдающихъ

съ императрицей достигало 30 — 35 чел. и лишь въ исключительныхъ превышало сто. Столъ былъ весьма простой; императрица сама кушала очень мало. Обыкновенно во время обѣда была музыка — играли то на кларнетахъ, то на кларнетахъ и волторнахъ, то на гусляхъ; въ торжественные дни была итальянская вокальная и инструментальная музыка, въ простые же дни иногда обѣдали и безъ музыки. Послѣ обѣда, продолжавшагося не болѣе часа, императрица удалялась и снова занималась — рѣже дѣлами государственными, чаще же тѣмъ, что ее интересовало спеціально. Въ эти же часы императрица обыкновенно совершала свои выѣзды по Петербургу; до обѣда она выѣзжала рѣже и обыкновенно для посѣщенія сенатскихъ засѣданій. Императрица нерѣдко посѣщала высшихъ представителей петербургскаго общества. Графъ Шереме-

Большой Царскосельскій дворецъ.

тевъ, гр. Строгановъ, гр. Разумовскій, гр. Орловы, гр. Чернышевы, Нарышкины, Бецкій, Сиверсъ, Елагинъ, Мельгуновъ и др. нерѣдко принимали у себя государыню и днемъ, и къ обѣду, иногда и на вечернее кушанье и балы. Въ эти же часы государыня посѣщала Смольный институтъ, подолгу оставаясь тамъ въ кругу дѣтей совершенно запросто. На масленицѣ, особенно въ началѣ царствованія, выѣзды принимали характеръ оживленнаго, иногда даже шумнаго веселья, но и тогда сохраняли они такой тонъ, что никого не шокировали. Нерѣдко также императрица удостаивала своимъ присутствіемъ свадьбы разныхъ лицъ; свадьбы придворныхъ почти всегда совершались при дворѣ, и императрица обыкновенно благословляла молодую къ вѣнцу; еще чаще присутствовала императрица при крещеніи новорожденныхъ — эту честь оказывала она очень часто людямъ самаго скромнаго положенія.

Около 6 — $6^1/_2$ часовъ императрица выходила въ одинъ изъ покоевъ дворца, гдѣ уже заранѣе собирались лица, имѣвшія пріѣздъ ко двору, — это были такъ называемые куртаги. Государыня обходила присутствующихъ и запросто бесѣдовала, затѣмъ играла въ карты, въ шахматы, иногда на бильярдѣ; бывала на куртагахъ музыка, бывали куртаги и безъ музыки; иногда устраивались импровизированные танцы для молодежи, обыкновенно съ очень небольшимъ числомъ участниковъ: случалось, что танцовали всего 6 — 8 паръ. Иногда въ эти же часы давались на придворномъ театрѣ русская опера, русская трагедія, французская комедія, итальянская опера, балетъ; эти зрѣлища занимали обыкновенно часа $1^1/_2$; въ какомъ количествѣ собирались тутъ зрители, являвшіеся, конечно, лишь по приглашенію, можно судить по тому, что на представленіи комедіи «О, время!», когда было извѣстно, что написана она самою императрицею, число присутствующихъ было отъ 250 до 300 чел.: Петербургъ тогда былъ еще очень небольшимъ городомъ и только къ началу XIX в. число жителей въ немъ дошло до 200.000. Къ концу царствованія, когда устроенъ былъ великолѣпный Эрмитажъ, съ его драгоцѣнными художественными собраніями, императрица проводила свои вечера обыкновенно въ немъ. На всѣхъ собраніяхъ въ ея присутствіи неизмѣнно царила простота, свобода и самый благородный, простой тонъ; императрица давала этотъ тонъ и умѣла безошибочно допускать въ свое общество только тѣхъ, кто понималъ его и самъ умѣлъ его держаться. Изрѣдка устраивались во дворцѣ маскарады, ихъ посѣщала и Екатерина, когда была молода, и оставалась иногда до 3 — 4 часовъ ночи, но обыкновенно она удалялась во внутренніе покои около 9 — 10 часовъ и въ 11 уже почивала. Такъ шла жизнь государыни въ теченіе всего ея царствованія.

Совершенно естественно, что на пространствѣ 34-лѣтняго царствованія вкусы Екатерины не оставались постоянно одинаковыми: временами ее интересовало одно, временами другое. Первое время императрица Екатерина усиленно занималась государственными дѣлами, особенно законодательствомъ; за это время особенно много ея рѣшеній по дѣламъ сенатскимъ и по докладамъ важнѣйшихъ коллегій; издавъ въ 1767 г. Наказъ, черезъ 10 лѣтъ—Учрежденіе о губерніяхъ и еще черезъ десять — грамоты городамъ и дворянству, она больше уже не дала столь же важныхъ государственныхъ актовъ; труды по реформѣ Сената, по уголовному уложенію и финансовой организаціи, которыми занималась императрица Екатерина II послѣ выше перечисленныхъ, остались неоконченными: и силы императрицы съ годами ослабѣли, и самыя работы эти требовали спеціальныхъ познаній и умѣній, какими императрица не обладала. Въ законодательныхъ трудахъ Екатерины II принимали участіе ея статсъ-секретари, но играли они всегда чисто служебную роль: они дѣлали иногда по ея указаніямъ разныя извлеченія и выписки,

поправляли слогъ въ окончательной редакціи, все же главнѣйшее и даже всѣ важнѣйшія частности всегда были установлены самою императрицею: всѣ черновики и Наказа и Учрежденія о губерніяхъ писаны сплошь рукою императрицы и даже по нѣскольку разъ, потому что Екатерина неохотно вносила поправки въ разъ написанный текстъ, а предпочитала прямо переписать заново и при этомъ измѣнить то, что представлялось необходимымъ исправить. Но какъ ни были значительны и по объему и по содержанію эти законодательные акты, они далеко не занимали всего

Парадный залъ въ Большомъ Царскосельскомъ дворцѣ.

времени и вниманія Екатерины, и она работала еще въ очень многихъ областяхъ; она говорила, что не можетъ прожить дня, не написавъ ничего, что видъ бумаги и чернилъ вызываетъ въ ней почти непреодолимое желаніе писать. И литературное наслѣдіе Екатерины II огромно. Академія Наукъ издала въ 12 большихъ томахъ ея литературныя и историческія произведенія; переписка ея съ Гриммомъ и другими корреспондентами содержитъ около 4.000 листовъ, бумаги по составленію Наказа — около 1.000, по реформѣ Сената—столько же, если не больше, и т. д. Въ серединѣ царствованія Екатерина помѣстила нѣсколько статей въ журналѣ «Всякая Всячина», и написала нѣсколько комедій; онѣ не представляютъ собою чего-либо необычайнаго, но лучшія изъ нихъ — «О, время!», «Именины г-жи Ворчалкиной», «Госпожа Вѣстникова съ семьею» — по своему времени произведенія не безъ достоинствъ и въ смыслѣ литературномъ уступаютъ лишь самымъ

лучшимъ комедіямъ того времени. По другимъ подобнымъ произведеніямъ и особенно по запискамъ и мемуарамъ можно видѣть, что типы общества того времени обрисованы чрезвычайно удачно и правдиво, поскольку правдивость изображенія допускалась господствовавшими тогда литературными пріемами и вкусами; такъ какъ императрица не имѣла возможности вступать въ частыя или близкія сношенія съ тѣми кругами, какіе выведены въ ея лучшихъ комедіяхъ, то объяснять житейскую ихъ правду можно отчасти бесѣдами Владиславлевой, которая была до 1757 г. камерфрау Екатерины: по словамъ Екатерины эта женщина была одарена большою наблюдательностью, отлично разсказывала и передала ей множество свѣдѣній о жизни петербургскаго общества. Но главную роль играла тутъ наблюдательность самой Екатерины, ея способность дорисовывать себѣ характеры по нѣсколькимъ черточкамъ, на поверхностный взглядъ едва уловимымъ. Екатерина была одарена настоящимъ литературнымъ дарованіемъ: ея «Записки» не оставляютъ въ этомъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Это произведеніе было написано Екатериною безъ всякаго посторонняго участія и оно больше всѣхъ другихъ ея сочиненій отмѣчено яркимъ талантомъ; мѣткость характеристикъ, живость многихъ сценъ сдѣлали бы честь любому романисту въ Россіи не только XVIII в., но и начала XIX в.; въ русской литературѣ XVIII в., довольно богатой подобнаго рода произведеніями, нѣтъ другихъ записокъ, столь же интересныхъ и увлекательныхъ; если въ нихъ иныя частности представляются не совсѣмъ точно изложенными, а кое-что освѣщено иногда односторонне и спеціально избраннымъ свѣтомъ, то литературнаго достоинства записокъ это не уменьшаетъ.

Въ 80-хъ годахъ императрица Екатерина участвовала въ журналѣ «Собесѣдникъ любителей русской словесности», который издавался кн. Дашковой при Академіи Наукъ. Она помѣстила тутъ, подъ названіемъ «Были и небылицы», рядъ полушутливыхъ статей, своего рода фельетонъ. Не заключая въ себѣ чего-либо особенно выдающагося, и эти статьи не хуже большинства подобныхъ произведеній въ тогдашнихъ журналахъ. Къ этому же періоду времени относится рядъ сценическихъ произведеній государыни: оперы «Ѳедулъ съ дѣтьми», «Февей», «Горе-богатырь Косометовичъ», сценическое представленіе «Начальное правленіе Олега» и др.; они уже значительно слабѣе комедій, писанныхъ въ 70-хъ годахъ; государыня состарѣлась и такъ какъ раньше, когда она писала произведенія болѣе значительныя, ими слишкомъ восторгались, то теперь Екатеринѣ стало казаться, что хорошо все, ею написанное. Въ этихъ произведеніяхъ Екатеринѣ принадлежитъ уже сравнительно небольшая часть, обыкновенно общая идея пьесы и отдѣльныя сцены; значительныя части, написанныя стихами, сочинены уже не государыней, а ея помощниками—Храповицкимъ и другими; но отвѣтственность за эти произведенія

ложится, конечно, цѣликомъ на Екатерину, и къ литературной ея славѣ они ничего не прибавляютъ. Свидѣтель совершенно независимый и безпристрастный, гр. Сегюръ, воздавая часто великія хвалы уму и такту государыни, говоритъ, что ему иногда бывало просто неловко присутствовать на представленіи этихъ оперъ и видѣть, что такая умная женщина занимается такими «ребячествами».

По мѣрѣ того, какъ подрастали внуки, императрица стала снабжать ихъ подходящимъ для нихъ чтеніемъ; съ этою цѣлью

Зеркальный кабинетъ имп. Екатерины въ Большомъ Царскосельскомъ дворцѣ.

она написала сказки о царевичѣ Февеѣ и царевичѣ Хлорѣ и азбуку. Эти произведенія весьма выгодно выдѣляются въ небогатой тогда и у насъ и въ Европѣ дѣтской литературѣ; съ фабулою, вполнѣ доступною дѣтскому пониманію, въ нихъ соединены нравоученія не глубокія, но во всякомъ случаѣ несравнимыя съ тѣми пошлостями, какими наполнены многія другія дидактическія произведенія того времени. Отчасти съ цѣлью поучать внуковъ императрица начала заниматься русскою исторіею — и увлеклась этою работой. Плодомъ ея явились «Записки касательно Россійской исторіи».

Это рядъ выписокъ изъ лѣтописей, приведенныхъ въ хронологическій порядокъ; научное значеніе этихъ работъ совершенно незначительно; въ нихъ отсутствуютъ историческая критика и научный методъ, онѣ представляютъ собою произведеніе вполнѣ дилетантское, но все же эти работы императрицы гораздо выше историческихъ писаній Сумарокова. Конечно, написанное Екатериною по исторіи значительно уступаетъ трудамъ кн. М. М. Щербатова, но, тѣмъ не менѣе, свидѣтельствуетъ о незаурядномъ интересѣ къ знанію. Екатерина готовилась, сколько могла, серьезно къ своей исторіи; она не ограничивалась историческими писаніями Вольтера, которыя долго для многихъ были единственнымъ источникомъ научныхъ свѣдѣній, она читала, между прочимъ, и Гиббона. Заинтересовалась государыня также и лингвистическими наблюденіями, которыя всегда останавливаютъ на себѣ вниманіе болѣе или менѣе пытливыхъ умовъ, когда впервые предстаютъ предъ ними въ связи съ историческими работами — и Екатерина занялась составленіемъ сравнительнаго словаря многихъ языковъ; филологическія соображенія Екатерины теперь прямо смѣшны, но въ этой области тогда и профессіональные ученые недалеко ушли отъ нея.

Императрица Екатерина отлично знала французскую литературу XVIII в., но нѣмецкая осталась ей совершенно чужда: въ то время, когда складывались міровоззрѣніе и литературные вкусы Екатерины, въ Германіи почти ничего замѣчательнаго не было, и великія произведенія Лессинга, Гете и Шиллера появились тогда, когда Екатерина была совершенно сложившимся человѣкомъ; эти созданія нѣмецкаго генія шли слишкомъ въ разрѣзъ со всѣмъ, къ чему привыкли люди, выросшіе на французской литературѣ XVII — XVIII вв.; они не завоевали вниманія Екатерины; Фридрихъ II, умершій всего за 10 лѣтъ до Екатерины, тоже не зналъ еще великихъ произведеній нѣмецкаго генія, хотя для пробужденія и подъема его онъ сдѣлалъ такъ много.

Интересовалась, наконецъ, Екатерина и успѣхами наукъ естественныхъ и здѣсь, съ присущею ей чуткостью, останавливала свое вниманіе на сочиненіяхъ дѣйствительно выдающихся; «Эпохи натуры» Бюффона весьма ее заинтересовали; она вступила въ переписку съ этимъ великимъ естествоиспытателемъ и оказала ему знаки милостиваго вниманія.

Что касается области искусства, то императрицу Екатерину можно считать насадительницею въ Россіи интереса и любви къ твореніямъ великихъ художниковъ. Не легко указать въ этой области что-либо значительное, что появилось бы въ Россіи еще до царствованія Екатерины II; во всякомъ случаѣ, до нея произведенія искусства Западной Европы считались въ Россіи единицами. Екатерина не щадила средствъ на пріобрѣтеніе высокихъ созданій искусства; она собрала сокровища, которыя составили основу

Эрмитажа — и во всемъ мірѣ послѣ нея уже никому не удалось собрать коллекцій, столь же замѣчательныхъ: тѣ собранія Европы, которыя превосходятъ Эрмитажъ, возникли гораздо ранѣе, чѣмъ этотъ послѣдній. Императрица съ большою охотою пріобрѣтала картины, статуи, рисунки, гравюры, рѣзные камни, художественные предметы обстановки; лично ее особенно интересовали нѣкоторые художники, какъ, напр., Менгсъ, Терезина Маронъ, Анжелина Кауфманъ, Гюберъ, которыхъ теперь никто не ставитъ въ ряды

Будуаръ императрицы Екатерины II въ Большомъ Царскосельскомъ дворцѣ.

геніевъ, но Екатерина пріобрѣла и такія произведенія, которыя навѣки будутъ украшеніемъ и гордостью всякаго собранія. Усерднымъ и добросовѣстнымъ пособникомъ русской императрицы въ этихъ ея трудахъ были Гриммъ въ Парижѣ и отчасти Рейффенштейнъ, другъ Гете, въ Римѣ. Впрочемъ, не надо преувеличивать затратъ, на эти собранія произведенныхъ. Всѣ счеты Гримма сохранились; ихъ полнота и точность могутъ быть доказаны неоспоримо. Оказывается,что всего черезъ его руки прошло въ 20 лѣтъ около $1^1/_2$ милл. руб., т.-е. по 75000 р. въ годъ въ среднемъ, при чемъ много расходовалось изъ тѣхъ же суммъ на такія

издержки, какъ изданіе сочиненій Вольтера (100.000 р.), на пенсіи художникамъ и ученымъ, и выдачи эмигрантамъ; если сравнить эти цифры съ тогдашнимъ государственнымъ бюджетомъ Россіи, то увидимъ, что для своего времени эти траты представляли собою то, что теперь составляли бы 2 милл. руб. въ годъ; конечно, это немного, и надо скорѣе жалѣть, что не удалось употребить на подобные расходы суммъ болѣе крупныхъ.

Императрица Екатерина въ теченіе всего своего царствованія вела обширную корреспонденцію со многими выдающимися людьми своего времени. Мы оставляемъ въ сторонѣ тѣ письма, которыми она обмѣнивалась съ Фридрихомъ II прусскимъ, съ его братомъ Генрихомъ, съ Іосифомъ II и другими коронованными особами, хотя и въ этихъ письмахъ отводилось много мѣста предметамъ и вопросамъ, ничего общаго съ политикой не имѣющимъ. Помимо этого, списокъ корреспондентовъ Екатерины II очень великъ: въ числѣ ихъ видимъ г-жу Жоффрэнь, салонъ которой славился въ Парижѣ, г-жу Бьелке въ Гамбургѣ, даму, близкую родительницѣ государыни; далѣе видимъ писателей и ученыхъ, какъ Вольтеръ, Дидро, Д'Аламберъ, Мармонтель, Мерсье-де-ля Ривьеръ, Бюффонъ, докторъ Циммерманъ, знаменитаго скульптора Фальконета, принца де-Линя и др.; всего больше писемъ Екатерины къ Мельхіору Гримму и отъ него къ государынѣ. Гриммъ былъ нѣмецъ по происхожденію; онъ былъ представителемъ при французскомъ дворѣ отъ герцогства Саксенъ-Готскаго и, можно сказать, вполнѣ натурализировался въ Парижѣ. Въ XVIII в. частная что переписка вообще имѣла совсѣмъ другой характеръ и значеніе, чѣмъ теперь. Весьма слабое развитіе періодической печати побуждало корреспондентовъ сообщать другъ другу много того, что теперь становится всѣмъ извѣстно изъ газетъ; при этомъ естественно приходилось иногда высказываться по разнымъ поводамъ, такъ что переписка принимала характеръ своего рода трактатовъ по вопросамъ политики, литературы, науки, морали и т. д. Такова именно и была переписка Екатерины съ упомянутыми лицами. Особенно интересна, разнообразна по содержанію и значительна по объему переписка государыни съ Гриммомъ, длившаяся съ середины 70-хъ годовъ до кончины императрицы. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ эта переписка переходитъ какъ бы въ дневникъ Екатерины: въ иные періоды государыня писала Гримму ежедневно и черезъ 2 — 3 мѣсяца отсылала ему цѣлую тетрадь. Гриммъ, дважды посѣтившій Петербургъ, былъ горячо привязанъ къ Екатеринѣ; объ этомъ свидѣтельствуютъ не только письма его къ ней, но и воспоминанія послѣ ея кончины. Екатерина платила ему также полнымъ довѣріемъ, высоко цѣнила его деликатность и тактъ и не разъ высказывала, что съ нимъ бесѣдуетъ особенно охотно, такъ какъ чувствуетъ большое сходство въ общемъ складѣ его и своего ума. Она настаивала, чтобы Гриммъ уни-

чтожалъ ея письма, и, повидимому, настаивала вполнѣ искренно, а обстоятельства доказали, что она не напрасно тревожилась по этому вопросу: одно изъ писемъ ея къ пр. де-Линю по неосторожности послѣдняго было списано, а затѣмъ и опубликовано — и вызвало бурю негодованія; въ Парижѣ во время революціи чернь разграбила домъ Гримма, отчасти именно за сношенія его съ императрицей; но письма Екатерины были Гриммомъ уже заблаговременно спасены въ надежномъ мѣстѣ. Между тѣмъ были особыя причины, по которымъ Екатерина не желала, чтобы ея письма къ Гримму стали извѣстны: въ нихъ она откровеннѣе, чѣмъ въ какихъ-либо другихъ, и не щадитъ ни современныхъ ей государей, ни наиболѣе вліятельныхъ общественныхъ дѣятелей, ни самой себя наконецъ, такъ какъ писала Гримму рѣшительно обо всемъ. Со своимъ старымъ корреспондентомъ она дѣлилась и личнымъ горемъ, когда ее постигала смерть близкихъ ей людей, и личными радостями, когда она находила въ комъ-либо около себя—иногда и увлекаясь—исключительныя качества ума и сердца, и своими радостями при видѣ подраставшихъ внуковъ, которыхъ старая бабушка горячо любила. Преобладающее содержаніе переписки Екатерины съ Гриммомъ составляютъ бесѣды о литературѣ и искусствѣ и о политическихъ событіяхъ времени. Чрезвычайно объемистая переписка эта является драгоцѣннымъ источникомъ, черезъ который мы знакомимся со всѣмъ, что интересовало Екатерину, что занимало ее помимо обязанностей ея сана, и общее впечатлѣніе отъ писемъ Екатерины самое благопріятное, какъ въ смыслѣ широты ея интересовъ, такъ и въ смыслѣ характера ея отношеній къ себѣ и къ другимъ людямъ. Со стороны Гримма переписка проникнута восторгомъ предъ дарованіями и дѣлами государыни и переполнена такими восхваленіями, которыя, въ концѣ-концовъ, не могли не оказать на Екатерину извѣстнаго вліянія. Екатерина знала, что другія царственныя особы тоже имѣли корреспондентовъ, могла безъ ошибки сказать, что и онѣ не прочь были читать себѣ диѳирамбы, но знала, что другимъ принцамъ и принцессамъ такихъ писемъ, какъ ей, не писали; она не могла не заключить изъ этого, что она превосходитъ ихъ своими достоинствами.

Гриммъ и нѣкоторые другіе корреспонденты воскуряли русской императрицѣ настоящій ѳиміамъ. «Catherine la Grande» — это еще самый обычный и самый умѣренный изъ комплиментовъ, которые расточались предъ Екатериной; къ ней примѣнялись эпитеты, въ свое время данные императору Титу: ее именовали «humani generis decus et solatium», ее называли «славою Германіи, радостью Россіи, гордостью Европы»; «императрица всѣхъ сердецъ», «безсмертная императрица» — титулы, часто ей даваемые; ей говорили, что ея письма производятъ такое же чарующее впечатлѣніе, какъ картины Рафаэля, что самъ Тацитъ не могъ бы писать лучше, чѣмъ она—«Маркъ-Аврелій-Катерина». И Вольтеръ и Гриммъ прямо примѣняли

къ ней священныя пѣснопѣнія, составляли цѣлыя богослуженія въ честь ея, въ которыхъ читалось: «Catharina nostra, quae es in Rossia», пѣлось «Te, Catharinam, laudamus», и произносился какъ бы Символъ Вѣры начинавшійся такъ: «Вѣрую въ Екатерину единую, хотя и Вторую»; по ея адресу примѣнялись и нѣкоторыя изъ пѣснопѣній, введенныхъ Лютеромъ. Сколько бы мы ни отбросили во всемъ этомъ преувеличеній, иногда переходящихъ мѣру, остается фактомъ, что наиболѣе выдающіеся люди вѣка писали Екатеринѣ такъ, какъ не писали они никому изъ другихъ государей своего времени. При этомъ несомнѣнно, что Гриммъ, авторъ наиболѣе лестныхъ для Екатерины писемъ, былъ человѣкъ истинно благородной души; въ этомъ нельзя не убѣдиться, читая, какъ относился онъ предъ Екатериной о другихъ людяхъ, особенно же о тѣхъ, кто бывалъ государынѣ неугоденъ, какъ старался онъ въ такихъ именно случаяхъ быть осторожнымъ въ своихъ словахъ; онъ никогда не сказалъ во всей своей перепискѣ чего-либо такого, что могло бы кому-нибудь повредить или даже просто казаться неблагопріятной инсинуаціей. Въ его письмахъ на ряду съ множествомъ такихъ преувеличенныхъ, чрезмѣрныхъ похвалъ много выраженія и настоящей, сердечной преданности, глубокаго, искренняго уваженія. Такое соединеніе могло лишь еще болѣе вліять на того, къ кому обращены письма, и если несомнѣнно, что похвалы иностранныхъ корреспондентовъ содѣйствовали тому, что Екатерина увѣровала въ свои исключительныя достоинства, нѣсколько преувеличенныя ея поклонниками, то можно удивляться и тому, что эти письма оказали только то вліяніе, какое оказали, а не гораздо большее.

Семейная жизнь императрицы сложилась неудачно. Послѣ смерти нелюбимаго и ее не любившаго мужа она осталась одна съ восьмилѣтнимъ сыномъ, и кромѣ сына у нея, можно сказать, никого родныхъ не было; она никогда не допускала къ себѣ въ Россію никого изъ своей нѣмецкой родни. Въ одномъ письмѣ къ г-жѣ Бьелке, съ которою Екатерина была очень откровенна, она говоритъ, что охотно окажетъ поддержку нѣкоторымъ своимъ родственникамъ, но пріѣзда ихъ въ Россію не желаетъ: «это слишкомъ напомнило бы царствованіе Петра Ѳеодоровича», объясняетъ она; Екатерина считала, что при отсутствіи въ Россіи другихъ представителей царскаго дома кромѣ ея и ея сына, она, не будучи русскою по происхожденію, сдѣлала бы безтактность по отношенію ко всему русскому народу, если бы окружила себя роднею нѣмецкою. Въ царствованіе Екатерины II въ Россію пріѣзжали прусскіе принцы, король шведскій, императоръ германскій, но только съ визитами политическаго характера; кромѣ нихъ пріѣзжали, лишь въ сопровожденіи своихъ ближайшихъ родственницъ, нѣмецкія принцессы въ качествѣ невѣстъ для русскихъ великихъ князей, на бракосочетанія были приглашаемы ихъ родственники — и только; лишь въ концѣ царствованія въ Петербургѣ по-

явился братъ цесаревны Маріи Ѳеодоровны, но онъ отличался чрезвычайно непріятнымъ характеромъ и скоро оставилъ Россію. Того, что называется родственнымъ чувствомъ, Екатерина словно совсѣмъ не имѣла; во всякомъ случаѣ, ставъ русскою императрицею, она какъ бы совсѣмъ забыла о всѣхъ, кто приходился ей сродни какъ нѣмецкой принцессѣ, а завѣщаніе, или, лучше сказать, наброски завѣщанія, писанные въ 1792 г., Екатерина заканчиваетъ такими словами: «Для блага имперій Россійской и греческой совѣтую отдалить отъ дѣлъ и совѣтовъ оныхъ имперій принцевъ Виртембергскихъ и съ ними знаться, какъ возможно менѣе, равномѣрно отдалить отъ совѣтовъ обоихъ полъ (т.-е. того и другого пола) нѣмцевъ».

Неблагопріятно сложились и отношенія Екатерины къ сыну. Извѣстно, что немедленно по рожденіи вел. кн. Павелъ Петровичъ былъ взятъ на свое попеченіе императрицею Елизаветою Петровною, Екатерина же была отстранена отъ его воспитанія; но едва ли это обстоятельство могло повліять на отношеніе матери къ сыну, тѣмъ болѣе, что съ 8-лѣтняго возраста сына Екатерина опять имѣла его всегда съ собою. До 15—16-лѣтняго возраста вел. кн. Павла Петровича отношенія его и матери не оставляли желать ничего лучшаго. Въ эти годы Екатерина часто писала своимъ корреспондентамъ о сынѣ съ самымъ сердечнымъ, теплымъ чувствомъ, такимъ же чувствомъ проникнуты и письма ея къ сыну и многочисленныя записки къ Н. И. Панину, воспитателю Павла, въ которыхъ государыня спрашивала о великомъ князѣ и посылала ему привѣты. Впослѣдствіи, когда отношенія между императрицей и ея сыномъ установились холодныя, совершенно измѣнился и тонъ писемъ; и если за это время письма ясно отражаютъ ихъ чувства другъ къ другу, то есть всѣ основанія думать, что императрица, не скрывавшая своихъ недобрыхъ чувствъ къ сыну, когда онъ былъ уже взрослымъ человѣкомъ, не выражала ему притворной любви и въ первыя 10 лѣтъ царствованія, а дѣйствительно относилась къ нему хорошо: конечно, скорѣе могли быть причины прикрывать дурныя отношенія къ взрослому сыну, чѣмъ надѣвать личину въ отношеніяхъ къ ребенку и юношѣ. Отношенія испортились тогда, когда великому князю было лѣтъ 18—20. Къ этому времени опредѣленно обрисовался характеръ и весь духовный обликъ цесаревича, и стало совершенно ясно, что великій князь унаслѣдовалъ слишкомъ много душевныхъ и умственныхъ свойствъ своего отца и что съ матерью у него очень мало общаго: тотъ кругъ вопросовъ и идей, который интересовалъ Екатерину, былъ чуждъ и даже враждебенъ Павлу, его, наоборотъ, привлекало то, что Екатеринѣ казалось мелкимъ и недостойнымъ вниманія; великій князь въ отношеніи къ окружающимъ проявлялъ рѣзкость, вспыльчивость, склонность къ необдуманнымъ рѣшеніямъ, тогда какъ Екатерина относилась всегда къ людямъ съ внимательностью и

деликатностью. Великій князь обнаруживалъ полное нежеланіе — или, быть-можетъ, и въ самомъ дѣлѣ былъ неспособенъ — измѣнить свои интересы и привычки, а для императрицы не могло остаться тайною, что онъ лишь при ней сдерживалъ себя, въ дѣйствительности же относился недружелюбно ко всѣмъ, кто ее окружалъ, и считалъ чуть не всѣ дѣйствія матери ошибочными и неосновательными. И тамъ, гдѣ онъ оказывался въ положеніи, которое давало ему возможность выразить свое критическое отношеніе къ дѣйствіямъ матери—при заграничныхъ дворахъ—онъ не умѣлъ воздержаться отъ отзывовъ очень рѣзкихъ, хотя казалось бы, что именно въ этихъ случаяхъ подобная критика была особенно неумѣстна. Быть-можетъ, на поведеніе Павла Петровича вліяла мысль, что ему принадлежитъ право на тронъ, который заняла его мать. Но и въ такомъ случаѣ надо признать, что онъ неправильно представлялъ себѣ положеніе дѣла и избралъ не тотъ путь для своего поведенія, который можно бы назвать наилучшимъ. Онъ не долженъ былъ забывать, что не было въ то время закона, который бы обезпечивалъ ему право наслѣдованія отцу, что порядокъ престолонаслѣдія не былъ опредѣленъ строго, и что только путемъ перенесенія нормъ гражданскаго права въ область вопросовъ права государственнаго можно было доказывать права сына наслѣдовать отцу на престолѣ; но такое перенесеніе было, очевидно, не неоспоримо, и почти съ такимъ же основаніемъ можно было бы выводить и право каждаго изъ сыновей государя на часть имперіи. Великій князь Павелъ Петровичъ долженъ былъ бы примириться съ создавшимся положеніемъ даже и не только на основаніи вышеуказанныхъ соображеній, а еще и потому, что онъ не могъ не понимать — и дѣйствительно это понималъ отлично, — что для него невозможно заставить мать уступить ему власть, такъ какъ многочисленнѣйшіе и могущественнѣйшіе круги общества, несомнѣнно, желали, чтобы она сохраняла за собой престолъ, который заняла. Со всѣми этими идеями великій князь не могъ справиться; онъ чувствовалъ, что сила вещей подчиняетъ его себѣ, и не хотѣлъ или не могъ съ этимъ примириться. У цесаревича создались съ матерью тѣ худыя отношенія, которыя образуются иногда въ нѣдрахъ семьи и являются столь же тягостными, сколь и неизмѣнимыми; причины раздора были и, такъ сказать, государственныя, и часто личныя, и послѣднія были сильнѣе и глубже первыхъ. Какъ во всякомъ семейномъ разладѣ рѣшить, на чьей сторонѣ главная вина, невозможно, и приходится лишь признать несомнѣнный и печальный фактъ. Съ обѣими супругами Павла Петровича Екатерина пыталась установить возможно лучшія отношенія, но это удавалось лишь на очень короткое время; и первая и вторая супруги вел. кн. Павла Петровича въ отношеніяхъ его къ матери считали правымъ его одного—и семейный раздоръ сохранялся въ полной силѣ.

Дѣтей вел. кн. Павла Петровича, особенно двухъ старшихъ его сыновей Александра и Константина, Екатерина любила чрезвычайно; можно сказать, что на нихъ она направила весь запасъ любви къ младшему поколѣнію, какой былъ въ ея сердцѣ. Съ первыхъ дней жизни великіе князья поступали на попеченіе бабушки, и она ухаживала за внуками такъ, что больше и лучше заботиться о нихъ не могла и мать. Физическое воспитаніе этихъ дѣтей Екатерина поставила очень хорошо: ея внуки росли въ условіяхъ, которыя затѣмъ повсюду были признаны наиболѣе цѣлесообразными — безъ излишней нѣги, на чистомъ воздухѣ, съ возможностью свободно играть, сколько хотѣлось ребенку. И мальчики росли здоровыми, веселыми и очень милыми, особенно старшій. Бабушка восхищалась Александромъ чрезвычайно; онъ, дѣйствительно, наполнялъ ея жизнь; всякій шагъ въ его умственномъ развитіи она подмѣчала съ восторгомъ и восхищалась, находя, что ея внукъ необычайно развитъ и обнаруживаетъ наклонности, исключительно хорошія. Нельзя безъ симпатіи читать, какъ императрица пишетъ Гримму о своемъ любимомъ внукѣ, присоединяя тутъ же собственноручный рисунокъ рубашечки, которую онъ носитъ. Согласно взглядамъ своего времени, Екатерина твердо вѣрила въ возможность воспитаніемъ создать новую породу людей, развитой разумъ которыхъ будетъ вѣрнѣйшимъ руководителемъ и избавитъ человѣка отъ всякихъ крайностей и ошибокъ, вызываемыхъ, по мнѣнію адептовъ этого ученія, лишь недостаточно просвѣщеннымъ умомъ. И ей казалось, что въ лицѣ Александра она воспитываетъ именно такого совершеннаго человѣка, и что онъ принесетъ величайшую пользу людямъ. Его будущая роль рисовалась ей тѣмъ величественнѣе, что она мечтала устранить своего сына отъ престолонаслѣдія и передать власть прямо старшему своему внуку, горячо любимому Александру Павловичу. Но дѣйствительность жестоко обманула императрицу, хотя при ея жизни и не раскрылась съ полною ясностью. Вел. кн. Александръ Павловичъ оказался въ обстановкѣ совершенно исключительной; онъ росъ между царицей бабушкой и вѣроятнымъ наслѣдникомъ ея, своимъ отцомъ, между двумя людьми, которые, можно сказать, ни въ чемъ другъ съ другомъ не сходились и оба могли сыграть чрезвычайно важную роль въ его жизни — бабушка, какъ полновластная, въ каждую данную минуту, рѣшительница судьбы его и его отца, отецъ — какъ болѣе чѣмъ вѣроятный таковой же властелинъ въ ближайшемъ будущемъ; этимъ создавалась цѣпь положеній, въ которыхъ было чрезвычайно трудно сохранить расположеніе обѣихъ сторонъ, не оскорбить одну и не раздражить другую, сохраняя видъ полнаго прямодушія не выдать одной сторонѣ того, что̀ другая повѣряла ему какъ великую тайну. Вел. кн. Александръ Павловичъ въ совершенствѣ справился съ этою труднѣйшею задачею. Онъ оказался необычайно способ-

нымъ привлекать къ себѣ сердца, быть ежеминутно на стражѣ, никогда ни словомъ не проговориться, никогда не выдать себя ни жестомъ, ни миной; онъ былъ посвященъ бабушкой въ ея планы относительно его отца — и сумѣлъ выразить ей полное согласіе подчиниться ея волѣ, съумѣлъ въ то же время ничѣмъ не скомпрометировать себя предъ отцомъ и не вызвать его подозрѣніе. Съ отцомъ онъ увлекался тѣмъ, что Екатерина пренебрежительно называла «военными мелкостями», и заслужилъ одобреніе своего родителя, чрезвычайно взыскательнаго въ этомъ отношеніи, и не вызвалъ неудовольствія бабушки, которая на эти занятія вообще смотрѣла съ неудовольствіемъ. До конца дней императрица пребывала въ сладостномъ убѣжденіи, что ея обожаемый внукъ безусловно съ ней откровененъ и безусловно раздѣляетъ ея мысли и вкусы. Въ послѣдніе мѣсяцы жизни Екатерины даже ей стало ясно, что многія выходки вел. кн. Константина Павловича не могутъ уже быть объясняемы, какъ полудѣтскія шалости, а знаменуютъ недоброе сердце и дурной характеръ; но старшій внукъ попрежнему былъ утѣшеніемъ бабушки, доживавшей уже седьмой десятокъ лѣтъ и пережившей крушеніе многихъ надеждъ и упованій, которыя она питала съ молодости и, пожалуй, считала близкими къ осуществленію.

Событія послѣднихъ годовъ XVIII ст., особенно французская революція, вызвали большую перемѣну во взглядахъ и настроеніи императрицы. Почти всю жизнь она, какъ и другіе послѣдователи «просвѣтительной» философіи XVIII в., прожила въ убѣжденіи, что все на землѣ не только вѣрно, но и быстро идетъ къ лучшему, что впереди и даже близокъ золотой вѣкъ. Революція, вспыхнувшая для этихъ людей совершенно неожиданно, разрушила эту вѣру. Въ письмахъ къ Гримму все чаще и чаще останавливается императрица на этомъ вопросѣ и съ трогательнымъ смущеніемъ сознается, что не вѣритъ больше въ свой просвѣщенный вѣкъ, и что будущее рисуется ей въ мрачномъ свѣтѣ, послѣ того какъ она убѣдилась, что изъ тѣхъ ученій, которыя казались ей вѣрными источниками только блага, сдѣланы выводы, на практикѣ дающіе столько горя и зла. Мы отмѣчали выше, что Екатерина, какъ и другіе люди того времени, считала очень легкими перемѣны къ лучшему; какъ умная женщина Екатерина поняла, хотя и къ концу жизни, что улучшенія могутъ быть достигаемы только однимъ путемъ — путемъ труда.

Вызываетъ нареканія противъ императрицы Екатерины неоднократная смѣна ея фаворитовъ. Вполнѣ оправдать въ этомъ отношеніи государыню нельзя, но въ исторіи Екатерины императрицы эти факты ея жизни должны занимать мѣсто почти лишь постольку, поскольку она допускала то или другое лицо играть роль въ дѣлахъ государственныхъ не по его заслугамъ, а исключительно по положенію фаворита; кромѣ того, чтобы понять

это явленіе въ его истинномъ значеніи, необходимо не упускать изъ виду и особыя условія того времени, и нѣкоторые факты личной жизни Екатерины. Строгость нравовъ вообще, и въ частности семейныя добродѣтели, оцѣнивались въ XVIII в. совершенно иначе, чѣмъ теперь. Популярная философія того времени въ своей борьбѣ противъ религіи затрогивала не разъ и вопросы нравственности и объявляла ненужнымъ или незначительнымъ многое такое, что еще незадолго до того почиталось непоколебимымъ и обязательнымъ, — а всегда бываетъ, что изъ положенія, брошеннаго въ толпу, многіе дѣлаютъ выводы далеко болѣе рѣшительные и крайніе, чѣмъ тѣ, какіе представлялись естественными первымъ носителямъ этихъ новыхъ идей; въ результатѣ разрушительной борьбы противъ извѣстныхъ положеній въ области мысли обыкновенно являются потрясенія и сосѣдственныхъ областей человѣческаго духа. Невысокій уровень нравственности въ концѣ XVIII в. вообще въ Европѣ явленіе неоспоримое. Въ частности, семейная жизнь многихъ государей того времени была ничуть не лучше, чѣмъ семейная жизнь Екатерины, и изъ придворныхъ нравовъ многихъ государствъ можно указать факты, далеко оставляющіе за собою все, что происходило при дворѣ Екатерины. Екатерина къ тому же не знала настоящаго семейнаго счастья со своимъ мужемъ — и развѣ тотъ, кто самъ безъ грѣха, подниметъ на нее камень за то, что она искала этого счастья съ другими избранниками сердца. Она всегда горячо привязывалась, искренно увлекалась тѣмъ, кого удостаивала любви, жила въ значительной степени одной съ нимъ жизнью: совершенно ясно чувствуются разныя настроенія Екатерины, когда ей былъ близокъ Орловъ, когда Потемкинъ, Ланской, Дмитріевъ-Мамоновъ, Зубовъ. Очень часто Екатерина ошибалась въ своихъ избранникахъ, надѣляла ихъ въ своемъ воображеніи достоинствами, какихъ они не имѣли, но она всегда была вполнѣ искренна въ своемъ увлеченіи. Ни съ однимъ изъ людей, которыхъ Екатерина любила, она не разошлась такъ, чтобы было что-нибудь непріятное тѣмъ болѣе оскорбительное для другой стороны, и если съ нѣкоторыми, разочаровавшись, разставалась довольно легко, то и тогда вполнѣ щадила самолюбіе и достоинство ихъ, а во многихъ случаяхъ отношенія были порваны не государыней. Главною причиною удаленія Гр. Орлова, почти 15 лѣтъ пользовавшагося расположеніемъ Екатерины, была глубокая страсть, вспыхнувшая въ его сердцѣ къ молодой и прекрасной Зиновьевой. Корсаковъ и Дмитріевъ-Мамоновъ измѣнили сами императрицѣ, и, какъ ни была она опечалена и оскорблена этимъ, она милостиво отнеслась къ своимъ невѣрнымъ друзьямъ. Потемкинъ былъ извѣстенъ Екатеринѣ съ дня ея воцаренія какъ энергичный офицеръ, но завоевалъ онъ расположеніе государыни и былъ ею приближенъ послѣ того, какъ въ минуты растерянности, наступившія при извѣстіяхъ о неожиданныхъ успѣхахъ Пугачева, онъ обратился къ императрицѣ съ горячимъ

письмомъ, въ которомъ говорилъ ей о своей готовности беззавѣтно ей служить — и до конца дней Потемкина Екатерина чрезвычайно высоко цѣнила этого оригинальнаго человѣка, соединявшаго въ своемъ характерѣ самыя странныя противоположности. Изъ всѣхъ окружающихъ Екатерину онъ былъ самымъ смѣлымъ администраторомъ, и государыня, сама одаренная энергіей и дѣйствительно много и разнообразно работавшая, искавшая энергіи и самостоятельности и въ другихъ, находя эти качества у Потемкина болѣе, чѣмъ у кого-либо другого, за нихъ особенно его цѣнила и прощала ему многое. Смерть Ланского причинила императрицѣ тяжелую и глубокую печаль; нельзя безъ сочувствія читать ея отчаянныя письма къ Гримму послѣ этой потери, выражающія искреннее горе; при всемъ умѣньи государыни владѣть собой ея неутѣшную тоску видѣли всѣ окружающіе и объ ихъ участіи, которое мало-по-малу вернуло ей интересъ къ жизни, она вспоминала съ трогательною признательностью. Наименѣе извинителенъ, безспорно, фаворъ Зубова, который какъ личность безусловно уступалъ и Орлову и Потемкину, и въ совершенно молодыхъ годахъ былъ вознесенъ уже состарившеюся императрицею на такое положеніе, котораго до него никто не занималъ, и получилъ важнѣйшее вліяніе на всѣ дѣла имперіи безъ малѣйшихъ на то правъ по своему уму и дѣятельности. Но за исключеніемъ его и Потемкина фавориты императрицы, повторяемъ, въ дѣлахъ государственныхъ участія почти не имѣли; государыня предоставляла имъ главную роль въ томъ, что составляло ея домашную, личную, интимную жизнь. Корсаковъ любилъ музыку — въ угоду ему улучшалась въ Петербургѣ опера; Ланской любилъ картины — онѣ усиленно пріобрѣтались, для Дмитріева-Мамонова была собрана великолѣпная коллекція камней. Не надо преувеличивать также и расходовъ, которые произведены были на фаворитовъ; императрица щедро одаривала ихъ, но она и вообще была щедра; дѣйствительно, цѣлыя состоянія получили братья Орловы, Потемкинъ, почти 15 лѣтъ занимавшій положеніе генералъ-губернатора четырехъ губерній, и Зубовъ; точно опредѣлить расходы этого рода нелегко, и мы, во всякомъ случаѣ, этимъ не займемся; но что они далеко ниже тѣхъ суммъ, о которыхъ съ полною увѣренностью говорятъ нѣкоторые современники, не имѣвшіе никакой возможности опредѣлить ихъ точно, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія.

Нѣтъ также ни малѣйшаго сомнѣнія и въ томъ, что всякіе разсказы о распущенности нравовъ, будто бы открыто царившей при дворѣ Екатерины, являются плодомъ празднаго и злостнаго вымысла. Какъ разъ наоборотъ: неоспоримо, что весь внѣшній порядокъ двора былъ въ высшей степени правиленъ, и не только безусловно приличенъ, но скорѣе даже чопоренъ и торжественъ. Противъ всякихъ инсинуацій въ противоположномъ смыслѣ можно выставить сообщенія двухъ современниковъ, которые оба писали

послѣ смерти Екатерины, оба принадлежатъ къ числу свидѣтелей наиболѣе достовѣрныхъ и точныхъ, и оба отлично знали высшее общество и дворъ какъ въ Петербургѣ, такъ и въ другихъ столицахъ Европы—мы имѣемъ въ виду принца де-Линя и гр. Сегюра. Оба они совершенно согласно подчеркиваютъ, что при дворѣ Екатерины царили такая серьезность и скромность, какъ ни при какомъ другомъ дворѣ, что государыня была чрезвычайно мила и любезна въ обращеніи, любила веселье и шутки, но что всѣ шутки были непремѣнно строго приличны. Графъ Сегюръ пишетъ, что однажды онъ попробовалъ разсказать, въ самой осторожной формѣ, одинъ анекдотъ нѣсколько фривольнаго характера — и какъ только стало замѣтно, что въ разсказѣ есть нѣкоторая двусмысленность, императрица Екатерина очень ловко однимъ вопросомъ дала другое направленіе разговору, и анекдотъ остался недосказаннымъ, хотя Сегюръ утверждаетъ, что въ большинствѣ наиболѣе приличныхъ салоновъ Парижа подобный разсказъ былъ бы принятъ съ общимъ удовольствіемъ.

Мы изложили дѣятельное и богатое событіями царствованіе и прослѣдили жизнь пмператрицы Екатерины, не скрывая ея слабостей и ошибокъ. Попытаемся же въ заключеніе обрисовать опредѣленнѣе основныя черты ея умственнаго и нравственнаго строя и представить себѣ императрицу Екатерину какъ личность.

Наше вниманіе привлекаютъ прежде всего умственныя дарованія Екатерины II, и по мѣрѣ того какъ мы знакомимся съ ея жизнью и дѣятельностью, уваженіе къ ея выдающемуся уму все усиливается. Мы не поставимъ императрицу Екатерину въ рядъ такихъ дѣятелей, которые указываютъ новые пути или налагаютъ отпечатокъ своего генія на цѣлыя эпохи. Такимъ великимъ умомъ Екатерина не обладала: въ своихъ общихъ взглядахъ и въ политической дѣятельности она была не провозвѣстницею новыхъ идей, ею самою созданныхъ, а ученицею, которая слѣдовала опредѣленнымъ, выработаннымъ уже, доктринамъ. Но многіе изъ дѣятелей, которые далеко ниже людей геніальныхъ, все же стоятъ высоко надъ людьми средними — и Екатерина занимаетъ выдающее мѣсто среди этихъ людей. Она проявила свой умъ почти во всѣхъ областяхъ человѣческой дѣятельности. Ея участіе въ дѣлахъ государственныхъ было постоянно и весьма значительно — и ея царствованіе отмѣчено замѣчательными узаконеніями, блестящими успѣхами въ области внѣшнихъ сношеній, пріобрѣтеніями обширныхъ областей, войнами, слава которыхъ никогда не померкнетъ, и огромнымъ движеніемъ въ умственномъ развитіи общества. Императрица интересовалась литературой — и кромѣ нѣсколькихъ хорошихъ комедій оставила вы-

соко замѣчательные мемуары. Императрица любила искусство—и интересъ къ нему она почерпнула прямо въ своемъ собственномъ духѣ: она поняла интересъ и важность этой отрасли человѣческаго генія ранѣе, чѣмъ имѣла возможность познакомиться съ великими художественными произведеніями. Интересовалась императрица и научною дѣятельностью и повсюду и во всемъ всегда умѣла угадать и почувствовать дѣйствительно цѣнное и миновать мелкое, лишенное серьезнаго внутренняго содержанія. Коротко говоря, Екатерина интересовалась самыми различными проявленіями человѣческой дѣятельности и во всемъ умѣла стать высоко и понять все лучшее, все великое.

Съ обширнымъ, живымъ и яснымъ умомъ Екатерина II соединяла истинно великій духъ: она была смѣлая и безстрашная, твердая въ опасностяхъ женщина. Ни одного момента не видимъ мы въ ея исторіи, когда бы она была испугана, растерялась, а удивительную смѣлость она показывала многократно — и въ день восшествія на престолъ, и подвергаясь прививанію оспы, которая долго внушала большинству настоящій ужасъ, и въ Крыму среди татаръ. и въ столицѣ, почти лишенной войска, подъ ежечаснымъ ожиданіемъ появленія враговъ. Ничего не предпринимая въ огражденіе своей безопасности, годами жила Екатерина подъ охраной лишь дворцовой прислуги тогда, когда въ Гатчинѣ и Павловскѣ были батальоны, которые могли бы повторить тотъ день 28 іюня, подъ страхомъ котораго жилъ все свое царствованіе ея сынъ. Екатерина вѣрила въ свою звѣзду и въ силу своей власти надъ людьми, и жила спокойно.

Съ энергическимъ характеромъ, съ твердымъ духомъ Екатерина соединяла чары обворожительнѣйшей женщины. Въ обращеніи она была мила и любезна, и вмѣстѣ величественна, въ бесѣдѣ внимательна, остроумна и интересна; люди, знавшіе всѣ дворы Европы, называли русскую императрицу любезнѣйшею въ мірѣ женщиною, и нѣсколько человѣкъ вспоминали, что приближались къ императрицѣ Екатеринѣ со страхомъ и волненіемъ, ожидая встрѣтить надменную, избалованную общимъ поклоненіемъ особу, которая говоритъ обдуманными, серьезными фразами—а встрѣчали женщину простую, удивительно любезную и привѣтливую; сама Екатерина замѣчала, что иногда при появленіи ея люди цѣпенѣли — она сравнивала впечатлѣніе, ею производимое, съ впечатлѣніемъ отъ Медузиной головы. Но это продолжалось недолго: императрица Екатерина умѣла обворожать и привлекать къ себѣ всѣ сердца. Ея поведеніе всегда отличалось ровностью, достоинствомъ и благожелательствомъ; и она проявляла эти качества по отношенію ко всѣмъ, кто имѣлъ счастіе къ ней приближаться. Своихъ дворцовыхъ слугъ она очаровывала снисходительностью и шутливымъ отношеніемъ къ ихъ неисправностямъ; отъ своихъ партнеровъ переносила рѣзкія вспышки за свои ошибки въ картахъ; ея статсъ-секретари иногда

возвышали голосъ, отстаивая предъ государыней то, что̀ казалось имъ правымъ дѣломъ,—и всѣ одинаково обожали свою государыню. Ея внимательность и чуткость къ чужому горю, даже старательно скрываемому, ея благодарность за вниманіе къ ея печалямъ, трогаютъ и свидѣтельствуютъ, по крайней мѣрѣ, объ большомъ желаніи дѣлать людямъ добро и пріятное. Надо ли напоминать, что въ теченіе всего ея царствованія, одного изъ продолжительнѣйшихъ въ русской исторіи, не было ни единаго случая какой-нибудь опалы, рѣзкаго и суроваго отношенія къ кому-либо изъ людей, почтенныхъ ранѣе довѣріемъ государыни,—и надо ли напомнить, какъ часто это случалось и при ея теткѣ и при ея внукѣ, не говоря уже о сынѣ. Около императрицы Екатерины всѣ чувствовали себя спокойно; всякій зналъ, что его достоинству и чувству самоуваженія не грозитъ ни малѣйшей опасности. Императрица Екатерина старалась сдѣлать пріятное всѣмъ, съ кѣмъ сталкивалась. Одного иностранца, ея спутника въ путешествіи, поражало, что императрица останавливается во многихъ городахъ «для отдохновенія», какъ объявлялось, а вмѣсто того цѣлый день принимаетъ представляющихся и бесѣдуетъ съ ними до полнаго утомленія; съ обычной въ кругу императрицы смѣлостью онъ заговорилъ объ этомъ съ государыней, и она ему объяснила, что не хочетъ лишать удовольствія тѣхъ, кто находитъ счастіе въ возможности сказать что-нибудь монархинѣ и услышать что-нибудь изъ ея устъ. Отправляясь въ Казань, а потомъ въ Крымъ, императрица Екатерина выучила по нѣскольку татарскихъ фразъ — и произвела этимъ величайшее впечатлѣніе. Въ такомъ отношеніи императрицы къ своимъ подданнымъ нельзя не видѣть проявленія съ ея стороны замѣчательнаго вниманія къ чувствамъ простыхъ людей. Императрица Екатерина, конечно, не только никогда не сказала, но никогда и не подумала того, что сказалъ ея преемникъ французскому эмигранту: «Знайте, что здѣсь только тотъ что-нибудь значитъ, съ кѣмъ я говорю, и пока я съ нимъ говорю». «Я люблю людей съ заслугами», говорила Екатерина и доказывала это на дѣлѣ; она говорила еще, что заслугъ не уважаетъ только тотъ, кто самъ ихъ не имѣетъ...

Наконецъ мы должны отмѣтить глубокую любовь императрицы Екатерины къ Россіи, искреннее уваженіе къ русскому народу, признаніе за собой обязанности служить ему, работать для его величія, славы и счастья. Въ данномъ случаѣ безразлично, какъ представляла она себѣ счастье и величіе Россіи и правильно ли ихъ понимала: искренно вѣрить и вѣрно служить можно вѣдь и идеѣ ошибочной; но что величіе и слава Россіи, какъ понимала ихъ Екатерина, были въ ея глазахъ постоянно высшею цѣлью и служеніе имъ первою обязанностью—это не подлежитъ сомнѣнію. И нѣкоторыя ея современники и нѣкоторые наши современники замѣчали согласно, что Екатерина составила себѣ слишкомъ пре-

увеличенное представленіе о достоинствѣ своемъ, какъ императрицы Всероссійской—но намъ ли, русскимъ, ставить это въ упрекъ русской государынѣ?! Екатерина, дѣйствительно, имѣла такой взглядъ— и въ этомъ, конечно, лишь право ея на нашу особую благодарность. Съ первыхъ шаговъ своихъ въ Россіи Екатерина поставила себѣ цѣлью понравиться императрицѣ, великому князю и народу, и въ этомъ стремленіи «понравиться народу» лежитъ, главнымъ образомъ, секретъ всѣхъ ея успѣховъ. Она сдѣлала все, что могла, чтобъ заставить забыть, что она не русская по происхожденію, и, между прочимъ, въ теченіе всей своей жизни настойчиво стремилась усвоить себѣ русскій языкъ и съ половины царствованія владѣла имъ въ совершенствѣ. Народъ чрезъ тѣхъ своихъ представителей, которые видѣли это стараніе чужой принцессы заслужить расположеніе русскихъ людей, зналъ это и отвѣтилъ ей со своей стороны любовью, призналъ ее своею. И для всѣхъ царствующихъ особъ Екатерина считала абсолютно необходимымъ заслужить любовь народа, она ставила это цѣлью и указывала къ этому пути и обѣимъ своимъ невѣсткамъ; отлично зная, что это условіе популярности, она, тѣмъ не менѣе, требовала, чтобы этимъ путемъ шли и первая и вторая супруга ея сына и наслѣдника, съ которымъ у императрицы были очень натянутыя отношенія: обязанность для царствующей особы заслужить любовь своего народа была въ глазахъ Екатерины выше другихъ соображеній. «Я—императрица Всероссійская, и худо бы я отвѣчала надеждамъ націи, если бы имѣла низость поручить опеку надъ русскимъ великимъ княземъ иностранному государю», писала Екатерина въ первый годъ своего царствованія — и то же отношеніе къ русскому народу, какое выразилось въ этихъ словахъ, она неизмѣнно высказывала въ теченіе всей своей жизни; можно указать нѣсколько случаевъ, что черезъ 10—15 лѣтъ императрица почти дословно говорила то же, что писала раньше,— вѣдь не запоминала же она разъ сказанную фразу, она, конечно, просто писала то, что думала постоянно. «Надо отдать справедливость русскому народу, — писала она въ 1767 г. Вольтеру, — это прекрасная почва, на которой хорошій посѣвъ всходитъ очень скоро». «Благодаря этой войнѣ,—писала государыня тому же корреспонденту въ 1771 г.,— узнáютъ Россію, увидятъ, что это народъ храбрый, неутомимый, что въ немъ много выдающихся людей, съ качествами, которыя создаютъ героевъ» — и впослѣдствіи Екатерина утверждала неоднократно, что въ Россіи много весьма замѣчательныхъ, выдающихся людей. О русской гвардіи она писала Гримму, что ни одинъ европейскій государь не имѣетъ десятитысячнаго корпуса съ такимъ духомъ, какъ русская гвардія. Въ одномъ письмѣ въ 1791 г. императрица выразилась такъ: «Это государство сдѣлало для меня чрезвычайно много, и я думаю, что всѣ мои собственныя способности, неустанно направленныя на его пользу, благо и высшіе

интересы, едва ли достаточны, чтобы я могла расплатиться съ нимъ»; въ разное время Гримму и Потемкину — обоимъ, съ которыми переписывалась Екатерина, какъ будто говоря сама съ собою, по ея выраженію — она писала: «Все, что могу я сдѣлать для Россіи, — это только капля въ морѣ», — а когда въ 1789 г. прошли ложные слухи о ея почти безнадежной болѣзни, она писала: «Вы сообщаете мнѣ, что безумцы говорятъ: нѣтъ болѣе Екатерины!— но если бы и въ самомъ дѣлѣ ея болѣе не существовало, то имперія Россійская существовала бы тѣмъ не менѣе; она-то ужъ, конечно, не такова, чтобы ее разрушили короли прусскій и шведскій и султанъ». «Я всю жизнь употребляла на поддержаніе блеска Россіи, и потому неудивительно, что для меня невыносимы несправедливости и обиды, ей причиняемыя»; «что я оскорбленія короля прусскаго принимаю съ нетерпѣніемъ и съ тѣмъ чувствомъ, съ которымъ и прилично, — писала она Потемкину, — за сіе прошу меня не осуждать, ибо я бы не достойна была своего мѣста и званія, если бы я сего чувства въ душѣ не имѣла». «Законы принять отъ прусскаго короля, — писала императрица по поводу неблагопріятнаго отношенія Пруссіи къ намъ во время шведской войны,—мнѣ не сродно, а Россіи и еще менѣе». Подобныхъ выписокъ можно бы привести еще очень много. Но, думаемъ, и сдѣланныхъ нами достаточно, чтобы подтвердить, что уваженіе къ Россіи, любовь къ ней, стремленіе ей служить постоянно одушевляли императрицу Екатерину и руководили ея дѣйствіями.

Такъ думала и чувствовала императрица Екатерина — и въ этомъ доказательства ея ума и великой души, право ея на нашу благодарность и въ значительной степени объясненіе ея успѣховъ. А русскій народъ, любимый и уважаемый своею государыней, платилъ ей тоже любовью и въ ея царствованіе обнаружилъ такія великія силы, такія дарованія и столько понесъ трудовъ и на созданіе себѣ лучшихъ условій жизни и на помощь утѣсненнымъ своимъ собратьямъ, что въ немногія другія эпохи проявилъ такую же широкую, блестящую и богатую результатами дѣятельность.

Деревянный Лѣтній дворецъ, въ которомъ родился императоръ Павелъ Петровичъ Стоялъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Инженерный замокъ.

ИМПЕРАТОРЪ

Павелъ I Петровичъ

(1754 — 1796 — 1801).

I.

Императоръ Павелъ Петровичъ, сынъ Петра Ѳеодоровича и Екатерины Алексѣевны, родился 20 сентября 1754 г. въ Петербургѣ, въ Лѣтнемъ дворцѣ, находившемся на томъ мѣстѣ, гдѣ затѣмъ построенъ былъ Михайловскій дворецъ, нынѣшній Инженерный замокъ. Рожденіе этого младенца имѣло огромное значеніе. Въ то время вся русская Императорская фамилія состояла изъ императрицы Елизаветы Петровны, ея племянника, цесаревича Петра Ѳеодоровича, и его супруги, цесаревны Екатерины Алексѣевны; сынъ великокняжеской четы являлся залогомъ продолженія династіи, и потому его рожденіе было встрѣчено великою радостью и отпраздновано пышными торжествами. Новорожденный былъ взятъ на свое попеченіе императрицею, и родительницѣ почти не дозволялось видѣть сына: было въ обычаяхъ той эпохи, что принцы воспитывались или подъ непосредственнымъ наблюденіемъ царствующей особы, если она желала этимъ заняться, или на рукахъ спеціально назначенныхъ лицъ, при чемъ строго соблюдался этикетъ двора, иногда не дававшій родителямъ почти никакого участія въ воспитаніи ихъ дѣтей—такъ бывало во

Франціи при Людовикѣ XIV, такъ впослѣдствіи поступала Екатерина, когда родились ея внуки.

Великій князь росъ въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ держали тогда въ Россіи дѣтей богатыхъ фамилій, которыя имѣли возможность создать у себя обстановку, почитавшуюся наилучшей: младенца держали въ теплѣ, подъ надзоромъ мамокъ, нянекъ и другихъ старыхъ женщинъ, которыя слѣдили, чтобы дитя не ушиблось, и удерживали его отъ дѣтскихъ рѣзвостей; возможно, что отчасти благодаря такой обстановкѣ Павелъ Петровичъ часто хворалъ въ дѣтствѣ и юности; впрочемъ, и отецъ его, Петръ Ѳеодоровичъ, не отличался хорошимъ здоровьемъ. Когда великому князю пошелъ пятый годъ, къ нему опредѣленъ былъ Ѳедоръ Дмитріевичъ Бехтѣевъ; онъ началъ учить великаго князя грамотѣ. 29 іюня 1760 г. къ великому князю былъ назначенъ гофмейстеромъ Никита Ивановичъ Панинъ, который и оставался при Павлѣ Петровичѣ до его вступленія въ бракъ. Петръ Ѳеодоровичъ и когда былъ наслѣдникомъ, и когда сталъ императоромъ, почти не интересовался сыномъ; въ манифестѣ его о воцареніи наслѣдникъ упомянутъ не былъ, но, повидимому, это объясняется лишь неумѣлою редакціей, такъ какъ присяга приносилась на имя императора и наслѣдника его, великаго князя Павла Петровича. Въ рѣшительный день 28 іюня 1762 г. Павелъ Петровичъ былъ въ Петербургѣ; немедленно по прибытіи Екатерины въ столицу онъ былъ помѣщенъ въ Зимнемъ дворцѣ, гдѣ безотлучно находился первые дни и Сенатъ; въ манифестѣ о воцареніи Екатерины онъ былъ объявленъ наслѣдникомъ.

Обученіемъ и воспитаніемъ великаго князя завѣдывалъ Н. И. Панинъ. Онъ постарался собрать около наслѣдника лучшія силы, какія тогда можно было найти, но строго опредѣленнаго, серьезно обдуманнаго плана какъ воспитанія, такъ и обученія не было выработано: великаго князя учили одновременно и началамъ ариѳметики, и физикѣ, и даже астрономіи: очевидно, подъ именемъ серьезныхъ наукъ разумѣлось сообщеніе самыхъ первоначальныхъ свѣдѣній; съ науками гуманитарными предполагалось знакомить великаго князя болѣе путемъ бесѣдъ и чтенія, чѣмъ путемъ уроковъ. Законоучителемъ и частымъ собесѣдникомъ великаго князя былъ Платонъ, впослѣдствіи знаменитый митрополитъ московскій; онъ сумѣлъ заслужить любовь и уваженіе своего ученика и развилъ въ немъ религіозное чувство. Разныя отрасли естественныхъ наукъ преподавалъ Павлу Петровичу академикъ Эпинусъ, другіе предметы проходили съ нимъ состоявшіе при немъ «кавалеры» Остервальдъ и Порошинъ; изъ нихъ послѣдній, человѣкъ высокихъ душевныхъ качествъ и искренно привязанный къ своему ученику, оставилъ драгоцѣнныя записки; къ сожалѣнію, по какой-то закулисной интригѣ, онъ въ 1766 г. былъ назначенъ въ провинцію командовать однимъ изъ армейскихъ полковъ

и скоро умеръ. Когда великому князю исполнилось 14 лѣтъ, ему даны были товарищи въ лицѣ кн. А. В. Куракина и гр. А. Г. Разумовскаго. Въ штатъ лицъ, занимавшихся съ цесаревичемъ, входили въ это время Левекъ, Лафермьеръ, Николай — все люди просвѣщенные, причастные къ литературѣ; они дали Павлу Петровичу то общее образованіе, какое получали тогда представители высшаго европейскаго общества. Къ столу великаго князя Н. И. Панинъ приглашалъ нерѣдко виднѣйшихъ представителей администраціи, а иногда и писателей Сумарокова и Елагина. Съ 14-ти же лѣтъ цесаревичъ началъ знакомиться съ науками общественными и съ практикою государственнаго управленія; руководителемъ его въ этихъ занятіяхъ былъ Г. Н. Тепловъ, довольно видный дѣятель въ рядахъ тогдашней администраціи. Но заинтересовать великаго князя Тепловъ не сумѣлъ; сухіе, схоластическіе пріемы преподаванія юридическихъ наукъ, практиковавшіеся въ XVIII в., оттолкнули великаго князя, который, какъ и его отецъ, не былъ вообще склоненъ къ отвлеченному мышленію. Тщательно устранено было изъ программы занятій Павла Петровича все, что имѣло отношеніе къ военному дѣлу, особенно къ его мелочамъ; съ военными сферами великій князь вступалъ въ соприкосновеніе лишь постольку, поскольку это было совершенно неизбѣжно; болѣе знакомили его съ морскимъ дѣломъ, по званію генералъ-адмирала, которое пожаловала ему Екатерина въ самомъ началѣ царствованія.

По тому времени воспитаніе Павла Петровича было поставлено очень хорошо, и онъ производилъ на тѣхъ, кому приводилось его видѣть, самое благопріятное впечатлѣніе; его называли даже наилучше воспитаннымъ принцемъ въ Европѣ; конечно, нельзя и сравнивать, какъ учили и воспитывали его и какъ его отца. Отношенія Павла Петровича къ матери были въ эти годы отличными. Екатерина, когда ей приходилось бывать не вмѣстѣ съ сыномъ, постоянно посылала Панину записочки, освѣдомляясь о здоровьи сына, и поручала передать ему отъ нея привѣтствія; когда великій князь былъ при матери, Екатерина очень радовалась его обществу, и неоднократно сообщала г-жѣ Бьелке, съ которою поддерживала дружескую и откровенную переписку, о томъ, сколько удовольствія доставляетъ ей сынъ, и хвалилась, что и сама имѣетъ счастье отлично забавлять его. Нѣтъ никакихъ основаній не вѣрить искренности и правдивости этихъ писемъ: впослѣдствіи, когда отношенія между матерью и сыномъ стали дурными—это съ полной ясностью отражается и въ ихъ перепискѣ. Екатерина не скрывала тогда своихъ недобрыхъ чувствъ къ сыну, и потому мы должны заключать, что прежде, когда письма были другого характера, они продиктованы были и чувствами другими.

Если относительно императрицы Екатерины надо было сказать, что съ ея воцареніемъ личная жизнь ея совершенно отступаетъ на второй планъ предъ ея государственною дѣятельностью,

то объ императорѣ Павлѣ надо сказать какъ разъ наоборотъ: въ его исторіи всего важнѣе его личная жизнь, наполненная, въ сущности, двумя фактами: дурными отношеніями его къ матери и развитіемъ такихъ сторонъ въ его характерѣ, которыя отравили жизнь и самого государя и всѣхъ его окружающихъ. Ключъ къ пониманію и оцѣнкѣ всей дѣятельности императора Павла мы найдемъ, только уяснивъ себѣ развитіе его характера.

Едва великій князь началъ приходить въ юношескій возрастъ, какъ стало замѣтно, что всѣ умственные его вкусы, всѣ стороны характера, вся вообще внутренняя жизнь его и его матери совершенно различны, можно сказать прямо противоположны; въ лицѣ Павла Петровича выросъ рядомъ съ Екатериною человѣкъ, быть-можетъ, наименѣе къ ней близкій по всѣмъ своимъ свойствамъ; рѣдко мать и сынъ имѣютъ между собою такъ мало общаго, какъ имѣли императрица Екатерина и ея наслѣдникъ; они расходились едва ли не по всякому вопросу, по которому вступали въ соприкосновеніе, и съ каждымъ годомъ между ними усиливался и усиливался разладъ.

Причины этого видятъ обыкновенно въ обстоятельствахъ дѣтскихъ лѣтъ Павла Петровича: придаютъ большое значеніе тому факту, что первыя семь лѣтъ жизни онъ росъ вдали отъ матери; полагаютъ, что сверженіе съ престола Петра Ѳеодоровича, и особенно его смерть, произвели чрезвычайно глубокое впечатлѣніе на душу маленькаго великаго князя и внушили ему подозрительность къ матери, никогда не переставшую оказывать свое вліяніе; говорятъ, что у Павла Петровича развилась привычка критически и съ неодобреніемъ относиться къ дѣятельности императрицы подъ вліяніемъ разговоровъ, какіе велись около него въ дѣтскіе его годы, разговоровъ, въ которыхъ дѣятельность Екатерины часто подвергалась критикѣ и осужденію. Наконецъ, тою внутреннею борьбою, которую приходилось великому князю переносить, переживая всѣ эти впечатлѣнія, объясняютъ его раздражительность и неуравновѣшенность.

Намъ кажется, однако, что указанныя обстоятельства не объясняютъ характера императора Павла; суть вопроса — не дурныя отношенія его къ матери, а его неуравновѣшенность, раздражительность, неосновательная подозрительность и отсутствіе всякой послѣдовательности. Дурныя отношенія къ матери — чѣмъ бы они ни объяснялись — еще не влекутъ за собою дурныхъ отношеній ко всѣмъ другимъ людямъ, и изъ тяжелыхъ личныхъ переживаній не вытекаетъ неизбѣжно несдержанность и раздражительность; скорѣе наоборотъ: гораздо чаще вырабатываются въ такихъ обстоятельствахъ замкнутость, скрытность, умѣнье владѣть собой—какъ, напр., и выработались эти свойства у императора Александра Павловича. И если необходимость скрывать въ молодости свои истинныя чувства вызвала у Павла Петровича крайнюю раздражительность, а

дурныя отношенія къ матери привели къ жестокости относительно всѣхъ другихъ, то для этого должны были быть какія-нибудь особыя основанія въ природѣ самого великаго князя. Притомъ же, вліяніе нѣсколько особыхъ условій дѣтскихъ лѣтъ великаго князя, по нашему убѣжденію, очень преувеличивается. Разлука въ раннемъ дѣтствѣ для большинства людей не могла бы имѣть вліянія на всю послѣдующую жизнь; событіе 28 іюня 1762 г. великій князь, конечно, долго не понималъ въ его истинномъ значеніи, да и отца своего онъ видалъ еще меньше, чѣмъ мать; подробности трагедіи 6 іюля онъ, почти несомнѣнно, узналъ значительно позже: если бы онъ услышалъ о нихъ въ дѣтствѣ, то при его неумѣньи скрывать свои чувства мы знали бы по чему-нибудь, когда ему стало все извѣстно, и тогда были бы невозможны тѣ хорошія отношенія, какія, несомнѣнно, существовали, у него съ матерью до 16—17 лѣтъ. Наконецъ, нельзя думать, чтобы Павелъ Петровичъ выносилъ какія-то особенно неблагопріятныя для Екатерины впечатлѣнія изъ бесѣдъ, которыя велись около него въ юношескіе его годы; мы только больше знаемъ, благодаря запискамъ Порошина, о томъ, что̀ около него говорилось, но изъ этого не слѣдуетъ, что и въ самомъ дѣлѣ неодобрительнаго объ Екатеринѣ говорилось больше, чѣмъ, напр., говорила Екатеринѣ объ императрицѣ Елизаветѣ принцесса-мать, вообще не отличавшаяся сдержанностью; что Вильямсъ и Понятовскій при Екатеринѣ весьма неуважительно отзывались объ Елизаветѣ Петровнѣ — это несомнѣнно; не подлежитъ сомнѣнію также, что и предъ Петромъ Ѳеодоровичемъ дурно говорили о русской императрицѣ его голштинскіе собутыльники, вообще не находившіе достаточно презрительныхъ словъ для всего русскаго; наконецъ, вел. кн. Александръ Павловичъ провелъ всю юность подъ впечатлѣніемъ безпощадной критики своего отца, критики, исходившей отъ очень авторитетнаго лица, отъ самой императрицы. Ни у кого изъ этихъ лицъ, однако, не развилось такого отрицательнаго отношенія къ своимъ старшимъ родственникамъ, которое было бы хотя близко къ тому чувству, какое питалъ Павелъ Петровичъ къ своей матери въ послѣднія 25 — 30 лѣтъ ея жизни — чуть ли не единственный примѣръ постоянства, имъ проявленный. Мы должны, поэтому, придти къ выводу, что не отношеніями къ матери объясняются дурныя стороны характера Павла Петровича, а наоборотъ — дурными качествами его характера объясняются всѣ его поступки и по отношенію ко всѣмъ окружающимъ, и по отношенію къ матери, тѣмъ болѣе, что уже Порошинъ подмѣтилъ въ 10-лѣтнемъ великомъ князѣ ту же нетерпѣливость, ту же раздражительность, ту же неосновательность желаній, а часто и рѣшеній, которыя развились впослѣдствіи до чрезмѣрности; всѣ эти свойства были, очевидно, врождены великому князю, составляли самую основу всего его духовнаго склада, и измѣнить ихъ было невозможно. Одинъ фактъ очень ясно это до-

казываетъ: изъ окружавшей великаго князя обстановки было тщательнѣйшимъ образомъ устранено все, что могло напоминать «военныя мелкости», — но онъ, въ возрастѣ 22 л., увидалъ въ Берлинѣ маршировку, вахтпарады — и оказалось, что именно этого жаждала его душа, что именно этого ему недоставало, эти интересы сразу же увлекли его, заполнили на все послѣдующее время чуть не всю его духовную жизнь.

Характеръ Павла Петровича объясняется тѣмъ, что онъ унаслѣдовалъ самыя противоположныя черты своихъ родителей. Физическій складъ, основныя черты ума и характера, — все это у него отцовское и все это ничего общаго не имѣло съ духовнымъ строемъ его матери, отъ которой, въ то же время, Павелъ Петровичъ унаслѣдовалъ энергію, желаніе дѣятельности. Уравновѣсить то и другое ему не было дано, и, пожалуй, это было невозможно; а человѣкъ, одаренный отъ природы почти несоединимыми свойствами, не могъ не быть глубоко несчастливъ, особенно въ такомъ положеніи, въ какое судьба поставила Павла Петровича. Онъ могъ имѣть, и дѣйствительно имѣлъ самыя лучшія побужденія; но какъ только онъ начиналъ дѣйствовать, — роковымъ образомъ онъ приходилъ къ рѣшеніямъ и поступкамъ, вреднымъ и тяжелымъ для него и для другихъ.

Отъ Петра Ѳеодоровича Павелъ Петровичъ получилъ такъ много, что рѣдко сынъ наслѣдуетъ отъ отца больше. Весь физическій обликъ у него отцовскій, отцовское слабое здоровье, отцовское подергиваніе плечомъ. Въ характерѣ Павла Петровича съ дѣтства, въ молодыхъ годахъ и до кончины, ярко выразилось отсутствіе смѣлости, даже сказать прямо—проявлялась странная трусость; во всемъ родѣ трусливы были лишь Петръ Ѳеодоровичъ и Павелъ Петровичъ. Примѣровъ трусости Павла Петровича много и изъ временъ ранняго дѣтства, когда чуть не каждое новое лицо, начиная съ императрицы Елизаветы, внушало ему страхъ, и изъ временъ юности, когда осколокъ стекла въ кушаньѣ нагналъ на него почти паническій страхъ, и мысль, что его хотятъ отравить. Перепугался великій князь Павелъ Петровичъ и въ 1776 г., возвращаясь изъ Берлина, повѣривъ какимъ-то пустячнымъ слухамъ, будто готовится на него покушеніе. Все царствованіе его было какимъ-то кошмаромъ страха, который онъ не могъ иногда скрыть даже на вахтпарадахъ, когда ему вдругъ казалось, что ружья зарядятъ боевыми патронами и убьютъ его. Отъ отца унаслѣдовалъ Павелъ Петровичъ и странную его жестокость, какую-то жесткость чувства; слова Екатерины о Петрѣ Ѳеодоровичѣ, что видъ чужихъ страданій не вызывалъ въ немъ чувства жалости, а лишь больше его ожесточалъ, въ полной мѣрѣ примѣнимы и къ Павлу. Наконецъ, неудержимая болтливость Петра Ѳеодоровича, неоднократно обнаруженная имъ полная неспособность сохранить какую-нибудь тайну, является также въ числѣ ярко выраженныхъ чертъ характера Павла Петровича.

Совершенно таковъ же, какъ у Петра Ѳеодоровича, былъ и складъ ума у Павла Петровича: та же склонность къ мелочамъ и неумѣнье обнимать сложные вопросы, та же неспособность къ отвлеченному мышленію, то же неумѣнье связывать идеи, дѣлать правильные выводы и оцѣнивать свои поступки. По силѣ ума Павелъ Петровичъ далеко превосходилъ своего родителя — это было, вѣроятно, нѣкоторое наслѣдіе матери,—но по всему складу умъ его былъ совершенно такой же, какъ у отца. Петръ Ѳеодоровичъ не имѣлъ никакихъ умственныхъ интересовъ и почти ничего не читалъ; Павелъ Петровичъ въ молодости читалъ лучшія сочиненія по вопросамъ права и политики, дѣлалъ изъ нихъ выписки, говорилъ иногда и въ своихъ письмахъ и запискахъ о незыблемыхъ законахъ, опредѣляющихъ права гражданъ и ихъ свободу, онъ введенъ былъ, слѣдовательно, въ кругъ передовыхъ идей вѣка; но ничто изъ нихъ не укоренилось въ его умѣ, онъ не могъ примѣнять ихъ и во всей своей дѣятельности шелъ въ разрѣзъ со всякими понятіями о свободѣ и правѣ. Наконецъ, въ довершеніе сходства Павла Петровича со своимъ отцомъ, и въ его развитіи произошла около 17—18 лѣтъ рѣзкая перемѣна, какъ произошла она въ развитіи и Петра Ѳеодоровича.

Унаслѣдовавъ отъ отца весь складъ его ума, Павелъ Петровичъ отъ матери получилъ нѣкоторую энергію и активность; но неуравновѣшенная достаточно широкимъ и сильнымъ умомъ эта активность выражалась у него дѣятельностью безпокойной, лихорадочной, можно, пожалуй, сказать судорожной. Его умъ — неясный, неглубокій и непослѣдовательный — совершенно не соотвѣтствовалъ тому огромному количеству задачъ и возможностей, какое предъ нимъ открывалось и на которое его постоянно толкала жажда дѣятельности. Подвергнуть обсужденію тѣ мысли и предположенія, которыя являлись у него иногда совершенно внезапно и овладѣвали его умомъ нерѣдко тѣмъ сильнѣе, чѣмъ менѣе было въ нихъ истинно глубокаго значенія, Павелъ Петровичъ былъ неспособенъ; онъ не могъ управлять тѣми волевыми импульсами, какіе въ немъ возникали. Онъ жаждалъ дѣятельности — и былъ совершенно неспособенъ къ той, какой непремѣнно хотѣлъ; онъ желалъ работать — и не умѣлъ ни начать, ни продолжать никакого дѣла и гнѣвался безмѣрно на все, что его окружало, такъ какъ всегда считалъ причиной неудачъ не свои ошибки, которыхъ не замѣчалъ, а предполагаемое умышленное противодѣйствіе своимъ намѣреніямъ со стороны другихъ. Въ этомъ вся трагедія жизни Павла Петровича. Дурныя отношенія его къ матери — это лишь сдержанныя выраженія того гнѣва, которому онъ отдавался вполнѣ по отношенію ко всѣмъ другимъ людямъ. Невозможность счастливо прожить жизнь и благополучно царствовать надъ великимъ государствомъ лежали въ самомъ Павлѣ Петровичѣ. Послѣдствія несчастной духовной его организаціи проявились

немедленно, какъ только онъ получилъ возможность дѣйствовать безъ вліянія могучей сдерживающей силы, какою была для него воля императрицы Екатерины. Павелъ Петровичъ началъ царствовать 42 лѣтъ, въ пору полнаго расцвѣта всѣхъ силъ. И какимъ явился онъ предъ глазами исторіи на престолѣ въ это время, такимъ же явился бы онъ, когда бы ни получилъ власть, потому что не какія-либо внѣшнія обстоятельства сдѣлали его такимъ, какимъ знаетъ его исторія, а врожденныя ему качества, предовратить вліяніе и послѣдствія которыхъ было, повидимому, внѣ власти человѣческой.

II.

20 сентября 1772 г. великому князю Павлу Петровичу исполнилось 18 лѣтъ, но день этотъ не былъ отмѣченъ рѣшительно ничѣмъ особеннымъ; возможно, что императрица Екатерина желала этимъ показать полную неосновательность какихъ-то предположеній, будто съ этого времени она допуститъ своего сына къ нѣкоторому участію въ дѣлахъ правленія. Павелъ Петровичъ прямо не обнаруживалъ никакихъ претензій на это, но, повидимому, полагалъ, что его совѣты могутъ быть нужны его матери, находившейся въ полномъ расцвѣтѣ своихъ силъ и царствовавшей — съ большими успѣхами — уже десять лѣтъ.

Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ писемъ великаго князя къ гр. А. Разумовскому, ближайшему его другу въ это время. «Я составилъ себѣ планъ поведенія на будущее время, который изложилъ гр. Панину, и онъ его одобрилъ—это искать какъ можно чаще сближеній съ матерью, пріобрѣтая ея довѣріе, какъ для того, чтобы по возможности предохранить ее отъ внушеній и интригъ, которыя могли бы быть начаты противъ нея, такъ и для того, чтобы имѣть нѣкоторую защиту и поддержку на случай, что захотятъ противодѣйствовать моимъ намѣреніямъ... Отсутствіе иллюзій, отсутствіе безпокойства, поведеніе ровное и соотвѣтственное обстоятельствамъ — вотъ мой планъ... Я обуздываю свою горячность, сколько могу, и ежедневно встрѣчаю поводъ, чтобы работать умомъ и примѣнять къ дѣлу мои идеи. Не переходя въ сплетничаніе, я сообщаю гр. Панину обо всемъ, что мнѣ кажется неправильнымъ или сомнительнымъ»...

29 сентября 1773 г. Павелъ Петровичъ вступилъ въ бракъ съ принцессою Вильгельминою Гессенъ-Дармштадтской, получившею имя Натальи Алексѣевны. Гр. Н. И. Панинъ былъ при этомъ осыпанъ милостями и освобожденъ отъ званія гофмейстера молодого двора. Первое время у молодой четы были, повидимому, наилучшія отношенія съ императрицей, но скоро великая княгиня Наталья Алексѣевна потеряла въ значительной степени расположеніе государыни: Екатерина находила, что у нея мало умственной

живости, что она упряма и обнаруживаетъ слишкомъ мало вниманія къ тому, чему Екатерина придавала огромное значеніе: она не желала учиться по-русски и не заботилась о томъ, чтобы понравиться въ Россіи. Желая поставить великаго князя со времени его женитьбы въ положеніе совершенно взрослаго и самостоятельнаго человѣка, Екатерина въ ноябрѣ 1772 г. предложила ему приходить къ ней утромъ по два раза въ недѣлю, чтобы она могла знакомить его съ дѣлами государственными — и лѣтомъ 1774 г. Павелъ Петровичъ уже подалъ матери «Разсужденіе о государствѣ вообще, относительно числа войскъ, потребнаго для защиты онаго, и касательно обороны всѣхъ предѣловъ». Въ разсужденіи этомъ великій князь развивалъ ту мысль, что для Россійской имперіи необходимъ покой, и затѣмъ заявлялъ, что Россія должна поэтому отказаться отъ наступательныхъ войнъ и обратить все вниманіе лишь на то, чтобы быть въ силахъ отразить всякое нападеніе; съ этою цѣлью онъ предлагалъ подраздѣлить имперію на своего рода военные округа, покрыть ее сѣтью военныхъ поселеній и дать заблаговременно строжайшія и точнѣйшія наставленія на каждый возможный случай всѣмъ «отъ фельдмаршала до послѣдняго рядового» такъ, чтобы «никто, отъ фельдмаршала до солдата, не могъ извиняться недоразумѣніемъ, начиная о мундирныхъ вещахъ, кончая о строѣ». Оканчивалось «Разсужденіе» такими словами: «Показавъ теперь все то, что къ равновѣсію потребно, и какую военная часть связь и пропорцію имѣть должна въ разсужденіи всего государства, я совершилъ намѣреніе себя сдѣлать полезнымъ государству, писавъ сіе отъ усердія и любви къ отечеству, а не по пристрастію или корысти, въ такое время, гдѣ, быть-можетъ, многіе, забывъ первые два подвига, заставившіе меня писать, слѣдуютъ двумъ послѣднимъ, а что больше — еще и жертвуя всѣмъ тѣмъ, чего святѣе быть не можетъ. А чему я былъ самъ очевидцемъ и узналъ самъ собою вещи и, какъ вѣрный сынъ отечества, молчать не могъ».

На Екатерину это произведеніе ея сына могло произвести только самое неблагопріятное впечатлѣніе. Въ немъ, прежде всего, не было и тѣни тѣхъ восхваленій, которыя Екатерина слышала постоянно со всѣхъ сторонъ, къ которымъ она уже и привыкла; въ «Разсужденіи», напротивъ, чувствовалось отрицательное отношеніе ко всей государственной дѣятельности императрицы — и вмѣстѣ съ тѣмъ «Разсужденіе» было по существу совершенно несостоятельно. Безтактно, конечно, было представить безъ прямо выраженнаго государынею желанія подобную записку какъ разъ въ такое время, когда только что разыгравшаяся Пугачевщина не могла не сдѣлать Екатерину особенно щепетильною къ подобному вмѣшательству въ ея дѣла. Большая незрѣлость мысли видна была въ сужденіяхъ о вредѣ завоевательныхъ войнъ и въ безусловномъ восхваленіи лишь войнъ оборонительныхъ: было ясно,

что авторъ «Разсужденія» почиталъ всѣ прежнія войны Россіи завоевательными — и, безспорно, онъ очень въ этомъ ошибался. Наконецъ, чрезвычайная незрѣлость и неосновательность вмѣстѣ съ непомѣрнымъ самомнѣніемъ сквозили въ словахъ: «показавъ все, что нужно», и въ намѣреніи дать заблаговременно точнѣйшія предписанія всѣмъ и на всякіе случаи, не говоря уже о томъ, что главнѣйшее «нужное» заключалось для великаго князя между «мундирными вещами» и строемъ. Все это шло настолько въ разрѣзъ съ системою Екатерины, съ ея мыслями о роли ея и ея помощниковъ, что не сближенію сына съ матерью, а только большему ихъ разладу могла содѣйствовать эта записка.

15 апрѣля 1775 г. скончалась послѣ неудачныхъ родовъ вел. кн. Наталья Алексѣевна; цесаревичъ былъ въ ужасномъ горѣ. Но когда Павлу Петровичу стали извѣстны нѣкоторыя письма его скончавшейся супруги къ гр. А. Г. Разумовскому, онъ быстро успокоился и 13 іюня того же года уже выѣхалъ въ сопровожденіи большой свиты въ Берлинъ. Тамъ онъ долженъ былъ встрѣтиться съ Вюртембергскою принцессой Софіей-Доротеей, которая обращала на себя вниманіе императрицы Екатерины еще предъ первымъ бракомъ Павла Петровича; тогда она не могла стать невѣстою русскаго великаго князя вслѣдствіе своей крайней молодости; теперь Екатерина пожелала женить на ней Павла Петровича.

10 іюля великій князь пріѣхалъ въ Берлинъ и былъ встрѣченъ весьма торжественно и любезно Фридрихомъ II. Король прусскій чествовалъ своего гостя смотрами и парадами, и порядки прусской арміи совершенно увлекли великаго князя; невѣста Павлу Петровичу понравилась, и 13 іюля состоялось обрученіе. Уѣзжая изъ Берлина, великій князь передалъ невѣстѣ особую записку, въ которой давалъ ей рядъ совѣтовъ. Сравнивая это наставленіе съ тѣмъ, какое дано было Екатеринѣ ея отцомъ, нельзя не отдать безусловнаго предпочтенія совѣтамъ Павла Петровича; его инструкція вполнѣ выдерживаетъ сравненіе и съ тою, какая составлена была по повелѣніе Екатерины для невѣстъ всѣхъ русскихъ великихъ князей, но произведеніе Павла Петровича отличается все-таки нѣсколько мелочнымъ характеромъ.

Въ началѣ августа Павелъ Петровичъ вернулся въ Россію: 31 августа пріѣхала въ Царское Село нареченная невѣста; императрица встрѣтила ее чрезвычайно привѣтливо. Женихъ и невѣста очень нравились другъ другу, и бракъ ихъ являлся въ полной мѣрѣ бракомъ по взаимной склонности. Бракосочетаніе Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны — такъ наречена была невѣста — состоялось 26 сентября 1776 г. въ церкви Зимняго дворца.

Въ жизни Павла Петровича наступилъ теперь едва ли не самый счастливый періодъ. Въ теченіе цѣлаго года согласіе между цесаревичемъ и императрицею, кажется, ничѣмъ не было нарушаемо. Но

внутреннія причины давно установившагося разлада сохраняли свою силу и значеніе; коренное различіе всего умственнаго и душевнаго склада матери и сына существовало попрежнему, любви между ними не было, поэтому согласіе ихъ должно было порваться по первому же представившемуся случаю—и порвалось. Когда 12 декабря 1777 г. у Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны родился сынъ Александръ, Екатерина немедленно взяла его на свое попеченіе, такъ же поступила она и при рожденіи второго внука, Константина. Непреклонная воля императрицы взять къ себѣ внуковъ, несмотря на огорченіе, причиненное этимъ Маріи Ѳеодоровнѣ, доказываетъ, конечно, что искренней любви къ сыну и невѣсткѣ у императрицы не было; впрочемъ, принимая на свое исключительное попеченіе будущаго наслѣдника престола, императрица по понятіямъ того времени не совершала чего-либо исключительнаго, но тѣмъ не менѣе, было ясно, конечно, что она поступала такъ въ убѣжденіи, что великокняжеская чета не сумѣетъ воспитать русскаго великаго князя такъ, какъ почитала это нужнымъ Екатерина; упорное же нежеланіе Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны примириться съ волей государыни свидѣтельствовало, что и они, со своей стороны, также находили, что Екатерина не воспитаетъ ихъ дѣтей хорошо; на этомъ вопросѣ вновь проявилось и утвердилось взаимное недовѣріе Екатерины и Павла. Вліяніе Маріи Ѳеодоровны оказывалось не примиряющимъ, а скорѣе раздувающимъ ссору, хотя и помимо ея воли: Марія Ѳеодоровна, относившаяся къ мужу, можно сказать, съ обожаніемъ, считала цесаревича всегда во всемъ безусловно правымъ — и онъ еще болѣе чувствовалъ и дѣйствительныя, и мнимыя свои обиды. А въ это время явился еще новый поводъ къ охлажденію и недовольству: Екатерина измѣнила направленіе внѣшней политики и отъ союза съ Пруссіей обращалась къ союзу съ Австріей, Павелъ Петровичъ же оставался попрежнему поклонникомъ Фридриха и сторонникомъ союза съ Пруссіей; онъ не стѣснялся выражать свое неодобреніе политикѣ матери, а она попрежнему не обращала вниманія на его мысли и чувства. Въ дѣлахъ правленія цесаревичъ не принималъ никакого участія — и выхода въ этомъ отношеніи не было. По понятіямъ того времени было совершенно невозможно поставить наслѣдника у какого-нибудь второстепеннаго, не самостоятельнаго дѣла, дать же ему какое-нибудь приличное его сану дѣло было тоже невозможно: Екатерина отлично знала, какъ ея наслѣдникъ относится къ ея ближайшимъ сотрудникамъ—онъ этого не скрывалъ, и въ 1782 г. сказалъ при одномъ изъ иностранныхъ дворовъ, что, какъ только получитъ власть, велитъ ихъ «отодрать» и выгонитъ. При такихъ условіяхъ участіе Павла Петровича въ дѣлахъ правленія внесло бы лишь неурядицу и послужило бы источникомъ множества непріятностей. Павелъ Петровичъ посвящалъ свое время обуче-

нію небольшого отряда собственнаго своего войска и теоретическимъ размышленіямъ о военномъ дѣлѣ; онъ вступалъ по этому поводу въ переписку съ М. Ѳ. Каменскимъ, впослѣдствіи фельдмаршаломъ, и съ гр. П. И. Панинымъ. Что Каменскій сочувственно относился къ мыслямъ цесаревича — это неудивительно: онъ самъ былъ человѣкъ неуравновѣшенный, странный; но непонятно, какъ гр. П. И. Панинъ не удержался отъ лести по поводу этихъ раз-

Цесаревичъ Павелъ Петровичъ.
Съ портрета, писаннаго Фальконетомъ, ок. 1776 года.
Въ Романовской галлереѣ Зимняго дворца.

мышленій, тогда какъ они или не шли далѣе общихъ фразъ, или оказывались самыми мелочными и вполнѣ неосновательными, какъ это видно изъ воинскаго Устава, который былъ введенъ Павломъ Петровичемъ немедленно же по воцареніи.

Между тѣмъ у цесаревича и Маріи Ѳеодоровны возникло желаніе путешествовать по Европѣ; великая княгиня мечтала повидать свою родню, великій князь былъ радъ пожить нѣкоторое время съ совершенно новыми людьми. Императрица охотно пошла

навстрѣчу ихъ желанію, но заставила ихъ сдѣлать ей весьма нелегкую для нихъ уступку: они должны были не заѣзжать въ Берлинъ.

19 сентября 1781 г. великокняжеская чета выѣхала изъ Петербурга; при разставаньи съ дѣтьми великая княгиня такъ разстроилась, что нѣсколько разъ падала въ обморокъ. Есть основаніе думать, что она и великій князь опасались какихъ-то шаговъ императрицы относительно ихъ во время этого путешествія. Ничего подобнаго, какъ извѣстно, не случилось; самая мысль, что Екатерина стала бы прибѣгать къ какимъ-либо уловкамъ, свидѣтельствуетъ о совершенно невѣрномъ пониманіи ея характера: если бы Екатерина рѣшилась на какой-нибудь шагъ относительно своего сына, его присутствіе не помѣшало бы ей осуществить свою волю, и скорѣе было бы неудобно, если бы въ такой моментъ цесаревичъ находился за границей. Возможно, что Екатерина угадала изъ отчаянія Маріи Ѳеодоровны при разлукѣ съ дѣтьми что-нибудь подобное и, конечно, была этимъ очень недовольна; холодностью и даже недоброжелательствомъ вѣютъ ея письма къ путешественникамъ, съ внѣшней стороны, впрочемъ, вполнѣ любезныя.

Черезъ Псковъ, Полоцкъ, Могилевъ, Черниговъ и Кіевъ высокіе путешественники, принявшіе имя графа и графини Сѣверныхъ, достигли Польши, были привѣтствованы королемъ Станиславомъ, затѣмъ въ Троппау были встрѣчены императоромъ Іосифомъ II и 10 ноября прибыли въ Вѣну. Въ этой столицѣ, среди всякаго рода празднествъ, провели они время до 9 января, когда выѣхали въ Италію, гдѣ посѣтили Венецію, Падую, Римъ, Неаполь и снова Римъ; пробывъ въ вѣчномъ городѣ 3 недѣли, они посѣтили Флоренцію, Туринъ и 7 мая 1782 г. пріѣхали въ Парижъ. Здѣсь они были приняты королемъ Людовикомъ XVI и Маріей-Антуанеттой, да и всѣмъ обществомъ, съ величайшимъ радушіемъ и пышностью; одно время все модное называлось въ Парижѣ русскимъ; цесаревичъ очаровывалъ всѣхъ: Павелъ Петровичъ всю жизнь былъ очень любезенъ и сдержанъ съ иностранцами, и только относительно подданныхъ русскаго государя онъ проявлялъ всю свою несдержанность. Въ Парижѣ, гдѣ графъ и графиня Сѣверные провели ровно мѣсяцъ, Павелъ Петровичъ получилъ очень непріятныя извѣстія отъ матери: она писала, что его адъютантъ Бибиковъ арестованъ, потому что въ письмахъ его къ кн. А. Куракину найдены неуважительные отзывы о всемъ, совершавшемся въ Петербургѣ, и заявленіе, что онъ желалъ бы быть полезнымъ цесаревичу не на словахъ только, но и на дѣлѣ; императрица сообщала, что перехваченъ и отвѣтъ кн. А. Куракина, сопровождавшаго цесаревича, отвѣтъ, въ которомъ этотъ ближайшій другъ Павла Петровича говорилъ, что образъ мыслей Бибикова раздѣляется всѣми честными людьми. Павелъ Петровичъ былъ очень раздраженъ, и когда король спросилъ его однажды: неужели

правда, что въ его свитѣ нѣтъ человѣка, на котораго великій князь могъ бы вполнѣ положиться, онъ сказалъ такъ, что слышали очень многіе: «Мнѣ было бы очень жаль, если бы при мнѣ была вѣрная мнѣ собака: я не успѣлъ бы выѣхать изъ Парижа, какъ мать моя приказала бы бросить ее въ воду съ камнемъ на шеѣ».

Оставивъ Парижъ, путешественники черезъ Австрійскія Нидерланды прибыли 21 іюля въ замокъ Этюпъ, около Монбельяра, принадлежавшій родителямъ Маріи Ѳеодоровны, и здѣсь болѣе мѣсяца провели исключительно въ семейномъ кругу, затѣмъ, снова черезъ Вѣну, вернулись въ Россію и 20 ноября 1782 г. прибыли въ Петербургъ. Въ Россіи они начали свой прежній, уединенный образъ жизни. 31 марта 1783 г. умеръ гр. Н. И. Панинъ, къ которому до конца его дней цесаревичъ сохранилъ уваженіе и любовь, хотя послѣднее время видался съ нимъ рѣдко, потому что Панинъ по нездоровью часто жилъ внѣ Петербурга. Вскорѣ послѣ этого императрица имѣла съ сыномъ разговоръ по политическимъ вопросамъ; Павелъ Петровичъ записалъ эту бесѣду и прибавилъ въ концѣ: «Довѣренность мнѣ многоцѣнна, первая и удивительная». Рѣчь шла о предположенномъ занятіи Крыма; о бесѣдѣ этой мы знаемъ лишь по изложенію ея у Павла Петровича — и изъ этого разсказа получается впечатлѣніе, что императрица не могла быть ею довольна: такіе вопросы и полувозраженія, какъ, напр. вопросъ, выгоднѣе ли Россіи видѣть въ Польшѣ наслѣдственныхъ королей и изъ поляковъ ли, или изъ чужихъ принцевъ, не могли не казаться нѣсколько запоздалыми, чуть не наивными въ устахъ тридцатилѣтняго великаго князя; съ другой стороны, по изложенію Павла Петровича представляется, что его замѣчанія какъ будто основательнѣе словъ императрицы—въ его передачѣ, разумѣется; весьма возможно, что такое отношеніе великаго князя къ обсуждаемому вопросу почувствовала и императрица — и больше уже не бесѣдовала никогда съ своимъ сыномъ о государственныхъ дѣлахъ; она дѣлала опыты этого въ 1773 г. и теперь; оба оказались неудачными.

6 августа 1783 г. императрица подарила цесаревичу мызу Гатчино. Павелъ Петровичъ занялся здѣсь хозяйствомъ, а главное — устройствомъ своего собственнаго военнаго корпуса. Съ поѣздки въ Берлинъ въ 1775 г. онъ увлекся всѣмъ, что имѣло отношеніе въ военнымъ экзерциціямъ, муштровкѣ, парадамъ. Мало-по-малу эта наслѣдственная склонность развилась у Павла Петровича положительно въ страсть; занятіе военнымъ дѣломъ — въ смыслѣ ученій, карауловъ, парадовъ—поглотило и все время, и всѣ интересы Павла Петровича. Въ 1782 г. онъ имѣлъ въ Павловскѣ отрядъ въ 60 чел.; въ 1783 г. прибавлено было еще сто, а черезъ пять лѣтъ въ этомъ подобіи арміи было уже около 2.500 ч.

Собираясь въ путешествіе на югъ, Екатерина желала взять съ собой обоихъ старшихъ внуковъ — и это предположеніе вы-

звало необычайно упорное сопротивленіе со стороны великой княгини и великаго князя. Почему-то поѣздка эта представлялась имъ крайне опасною для ихъ дѣтей; они умоляли императрицу или оставить внуковъ въ Петербургѣ или позволить ѣхать и имъ. Екатерина съ раздражительностью стояла на своемъ первоначальномъ рѣшеніи; Павелъ Петровичъ, наконецъ, написалъ собственноручно письмо Потемкину, къ которому вообще относился крайне непріязненно, прося его повліять на государыню въ желательномъ смыслѣ. Но прежде чѣмъ письмо это могло дойти до Потемкина, дѣло рѣшилось само собою: вел. кн. Константинъ захворалъ, и Екатерина, не желая останавливать поѣздки, для которой были сдѣланы уже всѣ приготовленія, уѣхала на югъ одна.

Когда вспыхнула турецкая война, Павелъ Петровичъ началъ просить у матери позволенія отправиться на театръ военныхъ дѣйствій. Само собою разумѣется, что Екатерина не могла отпустить сына туда, гдѣ всѣмъ распоряжался Потемкинъ, къ которому цесаревичъ питалъ и открыто высказывалъ презрѣніе и ненависть. Екатерина отказала на томъ основаніи, что цесаревна должна была скоро стать снова матерью. Съ началомъ кампаніи 1788 г. великій князь возобновилъ свои просьбы, и Екатерина согласилась на поѣздку его къ арміи, дѣйствовавшей противъ Швеціи. Тотчасъ же оказалось, что государыня была права, не разрѣшивъ ему ѣхать въ армію Потемкина: Павелъ Петровичъ былъ въ походѣ всего около двухъ мѣсяцевъ и уже успѣлъ вступить въ ссору съ главнокомандующимъ гр. В. П. Мусинымъ-Пушкинымъ, хотя ранѣе онъ былъ съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Насколько несомнѣнно было, что цесаревичъ окажется неспособнымъ сохранить въ походѣ хладнокровіе и благоразуміе, видно изъ того, что Марія Ѳеодоровна писала къ одному изъ сопровождавшихъ цесаревича приближенныхъ, умоляя его беречь всячески наслѣдника отъ какого-либо несоотвѣтствующаго его положенію шага. Павелъ Петровичъ былъ въ одной незначительной перестрѣлкѣ. 18 сентября онъ былъ отозванъ императрицею въ Петербургъ въ виду близкаго конца кампаніи.

Послѣ этого до конца жизни Екатерины цесаревичъ уже и не пытался играть какую-нибудь роль въ государственномъ управленіи; онъ все рѣже и рѣже появлялся при дворѣ и жилъ въ Гатчинѣ, почти исключительно погрузившись въ тотъ особый мірокъ, который онъ около себя создалъ. Въ Гатчинѣ все имѣло особый видъ, видъ прусской крѣпости на военномъ положеніи. Общество цесаревича составляли люди, совершенно не достойные чести дѣлать компанію наслѣднику великой державы — изъ нихъ никто и не оставилъ по себѣ сколько-нибудь доброй памяти. Грубость тона, грубость нравовъ были среди нихъ обязательны; интересовъ, кромѣ военной муштры, не признавалось; въ гатчинскія войска шли многіе изъ людей, потерпѣвшихъ какую-нибудь

непріятность по службѣ, часто люди съ запятнаннымъ прошлымъ; по отзыву гр. Ростопчина лучшій изъ нихъ достоинъ былъ колесованія. Въ ихъ обществѣ цесаревичъ питалъ свое раздраженное самолюбіе, давалъ волю своей необузданной вспыльчивости, опускался нравственно. Особенно преслѣдовала Павла Петровича мысль, что положеніе, такъ тяготившее его, создалось благодаря отсутствію точнаго закона, опредѣляющаго порядокъ престолонаслѣдія, и около этого времени онъ составилъ тотъ актъ о престолонаслѣдіи, который затѣмъ торжественно объявилъ во время своей коронаціи; актъ этотъ и понынѣ сохраняетъ свою силу. По странному стеченію обстоятельствъ, около этого же времени занята была тѣмъ же вопросомъ и Екатерина, только она разрѣшала его прямо въ противоположномъ направленіи, собираясь назначить своимъ преемникомъ в. кн. Александра Павловича, минуя его отца.

Французская революція, шедшая противъ всѣхъ представленій Павла Петровича о святости сана монарха и коснувшаяся такъ ужасно той царственной семьи, среди которой цесаревичъ незадолго до того видѣлъ блестящій и радушный пріемъ, произвела потрясающее впечатлѣніе на него. Теперь ему всюду чудился якобинскій духъ, и малѣйшее противорѣчіе или неисполненіе его воли представлялось ему проявленіемъ революціоннаго духа и выводило его изъ себя. Очень встревожило наслѣдника дѣло Новикова. Нѣкогда онъ вступалъ въ какія-то совершенно невинныя сношенія съ мартинистами; теперь онъ болѣе, чѣмъ кто-либо, чувствовалъ отвращеніе отъ всякихъ тайныхъ обществъ, но все-таки ему пришлось давать нѣкоторыя объясненія на вопросы по поводу мартинистовъ, представленные ему отъ имени императрицы, — и это чрезвычайно волновало Павла Петровича. Раздражительность его разрушила и его семейную жизнь, прежде столь счастливую. Съ первыхъ лѣтъ второго брака цесаревича при его супругѣ въ числѣ фрейлинъ состояла Екатерина Ивановна Нелидова, дѣвушка некрасивая, но съ выдающимся умомъ и большимъ характеромъ. Она питала пламенную, но совершенно платоническую любовь къ великому князю, дѣлала все возможное чтобы успокаивать духъ Павла, и пріобрѣла надъ его волей и умомъ такое вліяніе, что у Маріи Ѳеодоровны возникло вполнѣ понятное, хотя и совершенно неосновательное, чувство ревности. Она не сумѣла его скрыть, и первыя же проявленія этого чувства со стороны супруги вызвали у Павла Петровича сильнѣйшую вспышку гнѣва; онъ сталъ оказывать великой княгинѣ явное неудовольствіе, а Нелидовой преувеличенное вниманіе—и въ домѣ его создались такія натянутыя отношенія, что Нелидова удалилась въ Смольный монастырь, гдѣ она получила воспитаніе. Марія Ѳеодоровна имѣла вскорѣ съ нею объясненіе и съ тѣхъ поръ вѣрила ей безусловно; Нелидова снова явилась въ обществѣ цесаревича, но его умъ и сердце съ этихъ

поръ уже не принадлежали такъ безусловно, какъ прежде, тому семейному кружку, въ который входили онъ, его супруга и Нелидова: за это время преобладающее вліяніе на Павла Петровича пріобрѣлъ Ив. Пав. Кутайсовъ, турчонокъ, вывезенный изъ одной деревушки на Дунаѣ, крещеный и занимавшій при Павлѣ Петровичѣ сначала мѣсто брадобрея, затѣмъ гардеробмейстера, впослѣдствіи возведенный въ графы. Съ этихъ поръ начался рядъ уже непрекращавшихся интригъ въ кругу людей, ближайшихъ къ цесаревичу. Невозможность удержать его довѣріе и ежеминутная опасность потерять его расположеніе и милость побуждали окружающихъ быть постоянно на чеку, слѣдить другъ за другомъ и подготовлять немилость и паденіе другимъ, чтобы отвратить ихъ отъ себя.

Бракъ вел. кн. Александра Павловича повергъ цесаревича въ новыя тревоги: женатый сынъ являлся еще болѣе возможнымъ наслѣдникомъ Екатерины. Но вышло такъ, что послѣ свадьбы вел. кн. Александръ Павловичъ, напротивъ, сблизился съ отцомъ: научныя занятія великаго князя съ этого времени почти прекратились, и онъ, и братъ его Константинъ занялись болѣе прежняго военною службою; императрица разрѣшила имъ проходить ее подъ руководствомъ отца. Скрывая отъ государыни, сколько времени и вниманія отдаютъ они военному дѣлу, они положительно увлеклись имъ: и въ Александрѣ Павловичѣ также сказалась въ этомъ отношеніи наслѣдственность.

Проекту выдать за молодого шведскаго короля великую княжну Александру Павелъ Петровичъ не сочувствовалъ; часто появляясь при большомъ Дворѣ во время пребыванія въ Петербургѣ шведскихъ гостей, цесаревичъ былъ постоянно мраченъ, а когда переговоры были прерваны, онъ страшно разгнѣвался и, встрѣтившись на другой день съ королемъ, круто повернулся къ нему спиною и быстро отошелъ, не проговоривъ ни слова; въ этотъ же день, 12 сентября 1796 г., вечеромъ, простившись съ императрицею, онъ уѣхалъ въ Гатчину. Это было послѣднее свиданіе его со своею родительницею.

5 ноября утромъ великій князь разсказывалъ въ Гатчинѣ своимъ приближеннымъ, что видѣлъ странный сонъ: ему казалось, что какая-то сила поднимала его кверху; не разъ онъ просыпался и, когда засыпалъ, сонъ этотъ продолжался; замѣтивъ, что великая княгиня не спитъ, цесаревичъ спросилъ ее—оказалось, что и она видѣла подобный же сонъ. День протекалъ обыкновеннымъ порядкомъ. Послѣ прогулки наслѣдникъ съ супругой пообѣдали на гатчинской мельницѣ и возвращались во дворецъ, когда въ началѣ 3-го часа встрѣтили быстро скачущаго гусара, который доложилъ, что изъ Петербурга прибылъ шталмейстеръ гр. Н. А. Зубовъ съ какимъ-то весьма важнымъ извѣстіемъ. Первою мыслью Павла Петровича было, что дѣло касается рѣшенія императрицы

о престолонаслѣдіи — и когда онъ услышалъ, что императрица при смерти, имъ овладѣло такое волненіе, что, по мнѣнію приближенныхъ, послѣдствія этой минуты никогда вполнѣ не изгладились. Немедленно Павелъ Петровичъ помчался съ супругою въ Петербургъ; по дорогѣ имъ попадалось навстрѣчу множество курьеровъ, которыхъ по собственному побужденію послали разныя лица.

Было около 9 часовъ вечера, когда Павелъ Петровичъ прибылъ въ Зимній дворецъ. Его встрѣтили уже какъ императора; великіе князья Александръ и Константинъ были въ гатчинскихъ мундирахъ. Прибывшіе немедленно прошли въ покой, гдѣ лежала императрица; она еще дышала, но была безъ сознанія. Павелъ Петровичъ расположился въ маленькомъ кабинетѣ рядомъ и немедленно началъ распоряжаться; множество лицъ наполняло дворецъ, и постоянно прибывали одинъ за другимъ его гатчинцы; всѣ, кого требовали къ Павлу Петровичу, не могли явиться къ нему иначе, какъ черезъ ту комнату, гдѣ лежала въ агоніи Екатерина; нѣтъ никакого сомнѣнія, что Павелъ Петровичъ просто случайно упустилъ изъ виду это неудобство, но недосмотръ этотъ произвелъ очень тягостное впечатлѣніе. По повелѣнію Павла Петровича немедленно начато было собираніе бумагъ въ кабинетѣ умиравшей государыни: онъ «самъ началъ собирать оныя прежде всѣхъ», записано въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ: онъ искалъ манифеста о престолонаслѣдіи; по указанію Зубова и Безбородко бумаги были найдены и тутъ же уничтожены. Еще Екатерина дышала, а князю Барятинскому, одному изъ участниковъ переворота 28 іюня 1762 г., приказано было удалиться изъ дворца.

Крѣпкій организмъ Екатерины долго боролся; императрица испустила послѣднее дыханье вечеромъ 6 ноября, въ десять часовъ безъ четверти; въ четверть перваго ночи принесена была присяга въ церкви Зимняго дворца, и въ ту же ночь императоръ Павелъ спеціально отправилъ Растопчина къ гр. А. Г. Орлову, который былъ боленъ, чтобы привести его къ присягѣ, и на другой день доложить ему, какъ это произойдетъ; Растопчинъ исполнилъ волю государя — и вспоминалъ впослѣдствіи, что «не примѣтилъ въ гр. Орловѣ ни малѣйшаго движенія трусости или подлости». На другой день, 7 ноября, уже состоялся вахтпарадъ въ Петербургѣ; вокругъ дворца были поставлены будки, выкрашенныя какъ въ Гатчинѣ; во дворцѣ шелъ гулъ отъ смѣняемыхъ карауловъ. Новое царствованіе явно отмѣчаемо было новымъ духомъ новаго государя.

Павелъ рѣшилъ съ погребеніемъ Екатерины соединить перенесеніе праха Петра Ѳеодоровича изъ Александро-Невской лавры въ Петропавловскій соборъ. 19 ноября прахъ Петра Ѳеодоровича былъ вынутъ изъ земли, положенъ въ богато украшенный гробъ и поставленъ среди храма; надъ нимъ производилось чтеніе и совершались панихиды. 25 ноября утромъ прибылъ въ храмъ Павелъ

Петровичъ; войдя въ царскія врата, онъ взялъ съ престола корону и возложилъ ее на себя, затѣмъ подошелъ къ тѣлу родителя, снялъ съ себя корону и возложилъ ее на гробъ. Въ тотъ же день въ Зимнемъ дворцѣ гробъ съ тѣломъ усопшей императрицы былъ поставленъ на особо уготованное мѣсто, подъ величественнымъ траурнымъ балдахиномъ. 2 декабря съ пышною церемоніею было перевезено изъ лавры во дворецъ тѣло Петра Ѳеодоровича и поставлено рядомъ съ прахомъ Екатерины на одномъ и томъ же катафалкѣ; 5 декабря оба гроба одновременно перенесены въ Петропавловскій соборъ. 18 декабря останки императора и императрицы были преданы землѣ. «Россію хоронятъ», замѣтилъ присутствовавшій при печальной церемоніи англійскій посолъ.

III.

Царствованіе Павла Петровича, продолжавшееся 4 года 4 мѣсяца 4 дня, нельзя изложить сколько-нибудь полно въ краткомъ очеркѣ: въ этотъ небольшой промежутокъ времени было издано огромное число распоряженій, произведены безчисленныя перемѣны въ администраціи, такъ что много мѣста потребовалось бы для одного перечисленія ихъ; притомъ же мѣропріятія осуществлялись безъ какого-либо плана, важное перемѣшивалось съ второстепеннымъ и даже ничтожнымъ, ничто не было сдѣлано сразу окончательно, а немедленно или чѣмъ-нибудь дополнялось, или отмѣнялось частями, то въ довольно важныхъ, что въ пустячныхъ сторонахъ: характеръ и умственный складъ Павла Петровича проявились немедленно въ полной яркости. Мы ограничимся поэтому тѣмъ, что отмѣтимъ нѣкоторые моменты, наиболѣе существенные или хотя бы болѣе опредѣленные, а затѣмъ представимъ характеристику положеній дѣлъ и общественнаго настроенія, которыя создались въ результатѣ дѣйствій Павла Петровича и повели къ перемѣнѣ на престолѣ.

Съ воцареніемъ Павла Петровича на первое мѣсто выдвинулся тотчасъ же элементъ военный. Вахтпарадъ совершался ежедневно въ присутствіи государя и считался среди важнѣйшихъ въ государственной жизни дѣяній; дворецъ, еще недавно оживленный разфранченною толпой изящныхъ придворныхъ, наполнился людьми, которые прежде не смѣли и мечтать о чести быть въ такой близости отъ монархини; оклики часовыхъ, шумъ марширующихъ, стукъ эспантоновъ — особыхъ палокъ, которыя составляли теперь необходимую часть парадной формы, — ежеминутно нарушали торжественную тишину, прежде царившую во дворцѣ; старые, заслуженные сановники пугливо сторонились предъ новымъ элементомъ, который держалъ себя какъ побѣдители въ завоеванномъ городѣ; войскамъ дана была форма, давно введенная въ гатчинскомъ войскѣ, поражавшая своею причудливостью

и странностью; всѣ полки немедленно должны были начать обучаться новой военной экзерциціи, и старые, почтенные генералы занимались ею подъ руководствомъ молодыхъ гатчинскихъ офицеровъ. Немедленно произведены были многочисленныя перемѣны въ администраціи. Только Безбородко сохранилъ свое мѣсто и вліяніе; первое время императоръ отнесся милостиво и къ кн. П. А. Зубову, но черезъ мѣсяцъ уже ему повелѣно было выѣхать изъ Петербурга, и затѣмъ на него посыпались начеты за расходы, произведенные имъ на его прежнихъ должностяхъ. Перемѣны въ администраціи совершались непрерывно: никто изъ лицъ, занимавшихъ сколько-нибудь видное мѣсто, не сохранилъ его спокойно въ теченіе четырехлѣтняго царствованія, большинство же успѣло испытать въ это время не по одному разу смѣну милости немилостью; пять разъ, напр., смѣнились при Павлѣ Петровичѣ генералъ-прокуроры. Новиковъ и Радищевъ были возвращены изъ ссылки и заточенія; Костюшкѣ и другимъ плѣннымъ полякамъ возвращена свобода; въ началѣ февраля 1797 г. Суворовъ былъ отставленъ отъ службы и посланъ въ свое скромное помѣстье жить подъ надзоромъ особо приставленнаго къ нему полицейскаго чиновника за то, что «отнесся», по выраженію указа, «къ Его Величеству, что такъ какъ войны нѣтъ, то ему дѣлать нечего въ службѣ». 3 января 1797 г., на одномъ сенатскомъ докладѣ о впавшемъ въ преступленіе дворянинѣ, императоръ написалъ: «какъ скоро дворянство снято, то уже и привилегіи до него не касаются, по чему и впредь поступать» — этимъ возстановлены были тѣлесныя наказанія для дворянъ, давно не примѣнявшіяся по резолюціямъ предшественницы Павла, а затѣмъ и отмѣненныя прямо дворянскою грамотою. Вскорѣ послѣ коронаціи императоръ подтвердилъ это распоряженіе; если толковать его, какъ шагъ къ уравненію предъ закономъ не-дворянъ съ дворянами, то и тогда можно ли не признать, что итти къ такой цѣли надо было путемъ прямо противоположнымъ — смягчая наказанія не-дворянъ, а ни въ какомъ случаѣ не распространяя на болѣе широкій кругъ прежнія, жестокія наказанія. Сдѣлалъ императоръ въ началѣ своего царствованія попытку облегчить раскрытіе злоупотребленій, но не умѣлъ довести ее до полезнаго результата: у Зимняго дворца поставленъ былъ ящикъ, куда всякій могъ опускать свою просьбу, и она попадала непремѣнно прямо въ руки государя. Но скоро ящикъ этотъ былъ убранъ, такъ какъ въ немъ оказалось нѣсколько дерзкихъ пасквилей, чрезвычайно разгнѣвавшихъ Павла. Затѣмъ разрѣшено было приносить свободно въ Сенатъ жалобы на злоупотребленія властей, но въ результатѣ скопилось столько жалобъ, что всѣ онѣ были оставлены безъ послѣдствій, почти даже безъ разсмотрѣнія.

Въ началѣ 1797 г. Павелъ отправился въ Москву, и 5 апрѣля, въ самый день Св. Пасхи, состоялось его коронованіе. Во время

этой торжественной церемоніи императоръ самъ, стоя на тронѣ, прочелъ фамильный актъ о престолонаслѣдіи; затѣмъ прочтено было учрежденіе объ Императорской фамиліи, учрежденіе объ россійскихъ орденахъ, въ которые не введены были ордена св. Георгія и св. Владиміра; Нелидова успѣла за нѣсколько дней умолить государя не уничтожать ордена св. Георгія, и по прочтеніи акта императоръ сказалъ: «А орденъ св. великомученика и побѣдоносца Георгія остается на прежнемъ своемъ основаніи такъ, какъ и статутъ его», орденъ же Владиміра, учрежденный императрицей Екатериной, остался исключеннымъ изъ числа русскихъ орденовъ и былъ возстановленъ уже преемникомъ Павла. Въ тотъ же день роздано было приближеннымъ государя 82.000 душъ и изданъ указъ о трехдневной барщинѣ крестьянъ; послѣдній указъ былъ редактированъ такъ неудачно, что его можно было понимать столько же какъ повелѣніе, какъ и совѣтъ или даже простое сужденіе. Крестьянство между тѣмъ начало волноваться. При воцареніи Павла впервые приказано было, чтобы присяга новому императору принесена была и крестьянами; это толковалось какъ предвѣстіе скораго перечисленія помѣщичьихъ крестьянъ въ государственные—и весною же 1797 г. въ нѣсколькихъ мѣстахъ разыгрались крестьянскія волненія. Повидимому, они не были особенно серьезны, но императора очень встревожили; немедленно были двинуты довольно значительные отряды войска, и когда одному изъ нихъ пришлось примѣнить оружіе, Павелъ наградилъ командующаго генерала звѣздою св. Анны,—орденомъ, который онъ особенно цѣнилъ.

Изъ Москвы Павелъ Петровичъ совершилъ поѣздку по западу Россіи, посѣтилъ Смоленскъ, Могилевъ, Вильно, Ковно, Гродно, Митаву, Ригу и Нарву; повсюду онъ осматривалъ войсковыя части, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ было найдено, что недостаточно усвоена новая экзерциція, оставлены были особые инструкторы, но вообще этою поѣздкою государь остался доволенъ. Съ 6 по 12 іюля того же года императоръ со всею фамиліею провелъ на Балтійскомъ морѣ, инспектируя флотъ. 5 мая 1798 г. императоръ снова выѣхалъ черезъ Москву въ Казань, затѣмъ посѣтилъ Нижній-Новгородъ, Ярославль, Тихвинъ, Новую Ладогу и Шлиссельбургъ и вернулся въ Павловскъ 11 іюня; опять онъ повсюду осматривалъ войсковыя части.

Внѣшняя политика Россіи испытала при Павлѣ Петровичѣ нѣсколько крутыхъ перемѣнъ. Ихъ тоже приходится почти что только перечислить, потому что совершенно невозможно не только открыть въ этихъ перемѣнахъ какую-нибудь систему, но для нѣкоторыхъ нелегко подыскать даже объясненіе.

Первоначально Павелъ заявилъ непремѣнное желаніе дать имперіи миръ и отмѣнилъ наборъ, объявленный на 1797 г. незадолго до кончины Екатерины. Но скоро послѣдовала полная пе-

ремѣна. Какъ политику Петра III опредѣляли голштинскія отношенія, такъ политику Павла стали опредѣлять отношенія мальтійскія. 4 января 1797 г. Павелъ Петровичъ принялъ подъ свое покровительство орденъ мальтійскихъ рыцарей, а 29 ноября 1798 г. возложилъ на себя и званіе гроссмейстера ордена; между тѣмъ весною этого года Мальта была занята генераломъ Бонапарте, когда онъ плылъ въ Египетъ. Занятіе Мальты настолько раздражило императора, что онъ рѣшилъ энергично выступить противъ революціонной Франціи. Въ 1797 и 1798 гг. было произведено два большихъ набора; императоръ заключилъ союзъ съ турецкимъ султаномъ, суверенныя права котораго были нарушены высадкою французовъ въ Египтѣ, и съ австрійскимъ императоромъ; была сформирована армія, которая должна была сообща съ австрійцами дѣйствовать въ Италіи; милостивымъ рескриптомъ 4 февраля 1799 г. Суворовъ былъ вызванъ изъ деревни и назначенъ главнокомандующимъ. Знаменитый походъ 1799 г. покрылъ русское оружіе блестящею, немеркнущею славою; неслыханные подвиги русскихъ солдатъ и побѣды Суворова никогда не забудутся всемірной исторіей. Только австрійскій гофкригсратъ былъ недоволенъ дѣйствіями Суворова и такъ явно старался не содѣйствовать русской арміи, что императоръ разсердился и приказалъ Суворову вести войско обратно въ Россію. Но и на самого побѣдоноснаго вождя государь прогнѣвался за то, что во время похода не исполнялись, какъ несоотвѣтствующія самой природѣ военнаго дѣла, многочисленныя требованія новаго воинскаго устава, подготовленнаго Павломъ Петровичемъ еще въ періодъ его гатчинскаго уединенія. Въ то же время Павелъ Петровичъ разгнѣвался и на Пруссію, которая ни ранѣе, ни теперь не выражала желанія вести борьбу противъ Франціи: дипломатическія сношенія съ Пруссіей были прекращены и даже уничтожено русское посольство при берлинскомъ дворѣ; 15 іюля 1799 г. Павелъ Петровичъ объявилъ войну Испаніи за то, что она не борется противъ Франціи, — впрочемъ, на дѣлѣ эта война ничѣмъ не выразилась. Въ 1800 г. союзъ съ Австріей былъ порванъ за недобросовѣстное отношеніе къ русской арміи, дѣйствовавшей въ Италіи, и императоръ готовился къ войнѣ съ Англіей; было забыто, что Англія одна вела до того времени непрерывную борьбу съ Франціей, противъ которой такъ вооружился Павелъ Петровичъ, но Англія удерживала Мальту, отнятую ею у французовъ— и этого было довольно въ глазахъ Павла Петровича, чтобы начать войну. Павелъ вознамѣрился напасть на англійскія владѣнія въ Индіи и приказалъ донскому атаману Орлову двинуться въ походъ на Индію. Казаки выступили, но не успѣли пройти сколько-нибудь далеко, какъ вступилъ на престолъ Александръ Павловичъ и вернулъ ихъ. Совершенно безпримѣрно то легкомысліе, съ какимъ было предписано это движеніе; не было подготовлено рѣшительно ничего — ни снарядовъ, ни запасовъ, ни лошадей; нечего уже и

говорить о томъ, что не было ни малѣйшаго понятія о разстояніи, какое надо пройти, ни о характерѣ мѣстности; государь высказывалъ просто увѣренность, что до Индіи «казаки легко дойдутъ въ четыре мѣсяца». Въ томъ же 1800 г. Павелъ обнаружилъ намѣреніе примириться и съ Франціею, основывая свое рѣшеніе на томъ, что во Франціи, несмотря на отсутствіе законной власти, возстановляется твердое правительство, а въ началѣ 1801 г. Павелъ предполагалъ для прекращенія уже 11 лѣтъ тянущихся войнъ пригласить всѣхъ европейскихъ государей въ назначенное мѣсто и сразиться съ ними на поединкѣ...

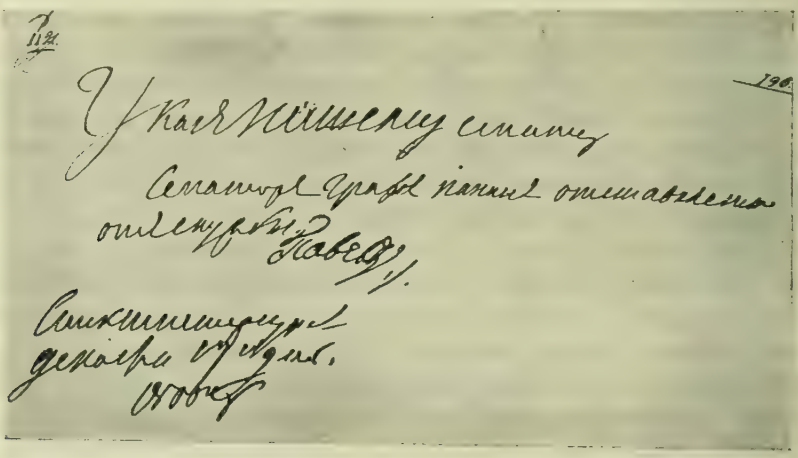
Изъ узаконеній Павла Петровича, помимо упомянутыхъ выше, наиболѣе видными являются уставъ воинскій и уставъ военнаго флота, опубликованные первый 29 ноября 1796 г., второй—25 февраля 1797 г. Тотъ и другой представляютъ собою весьма объемистыя книги, каждая около 400 — 450 стр. обыкновенной печати; чтобы уставъ воинскій могъ поспѣть къ 29 ноября 1796 г., онъ долженъ былъ быть сданъ въ печать въ самые же первые дни новаго царствованія: онъ, очевидно, былъ давно уже изготовленъ, обдуманъ и въ подробностяхъ обработанъ еще тогда, когда Павелъ былъ наслѣдникомъ и въ Гатчинѣ занимался почти исключительно устройствомъ своего войска, которое теперь онъ ставилъ образцомъ для всей русской арміи; все прежнее, «потемкинское», какъ выражался Павелъ, онъ страстно ненавидѣлъ. Уставъ воинскій поэтому заслуживаетъ особаго вниманія. Согласно съ давнишнею идеею Павла въ немъ прежде всего съ чрезвычайною пунктуальностью регулируются всѣ мелочи ежедневной дѣятельности отдѣльныхъ воинскихъ частей, всѣ подробности ученій, оружейныхъ, алебардныхъ и эспантонныхъ пріемовъ, порядки карауловъ, отдачи почестей и т. д.; сверхъ того, онъ содержитъ своего рода наставленія къ веденію войны вообще, и въ этой части съ особенною яркостью выдвигается узкое и жалкое доктринерство, его диктовавшее. Даже очень небольшія извлеченія изъ него даютъ достаточное представленіе о томъ уставѣ, въ которомъ могли быть предъявлены подобныя требованія. Начальнику отдѣльной части, напр., предписывалось предъ началомъ боя «разсмотрѣть, какое дѣло предпринимается: наступательное или оборонительное, предумышленное ли или нечаянное» — хотя очевидно, что возможность «разсмотрѣть заранѣе» и «нечаянность» несовмѣстимы; атаковать непріятеля въ лагерѣ предписывается только тогда, когда нападающій «весьма увѣренъ», что онъ сильнѣе противника, и что «удастся напасть прежде, нежели онъ сядетъ на лошадей и устроится въ боевой порядокъ»; трудно понять, какого противника представляли себѣ составители этихъ предписаній, когда они говорятъ: «весьма полезно атаковать непріятеля съ тылу, гдѣ онъ, конечно (!?), не взялъ предосторожности, и тогда атака навѣрно успѣхъ имѣть будетъ»... «и тѣмъ лучше, когда она будетъ сдѣлана до утренней зари», прибавляетъ

глубокомысленно авторъ этого устава; есть предписаніе немедленно отступать, если конвоирующая что-либо часть будетъ атакована въ пути, и неоднократно повторено требованіе, чтобы во время боя и штурма всѣ ружейные пріемы и вообще всѣ движенія дѣлались такъ, какъ на ученьи...

Во внутреннемъ управленіи Павла Петровича можно отмѣтить только одну общую черту — это борьбу противъ всего сдѣланнаго при Екатеринѣ. Перекраивались границы губерній, уѣздовъ, измѣнялись имена городовъ, открывались закрытыя коллегіи— и сейчасъ же снова передѣлывались; въ губерніяхъ прибалтійскихъ и въ русской части Финляндіи вводились вновь прежнія мѣстныя учрежденія и уничтожались общеимперскія, отлично дѣйствовавшія уже около 15 лѣтъ; дворянскія общества неоднократно урѣзывались въ своихъ правахъ; на многія должности, замѣщавшіяся въ силу Учрежденія о губерніяхъ по выборамъ, должностныя лица были назначаемы; губернаторамъ, которые по Учрежденію не могли присутствовать на дворянскихъ собраніяхъ, приказано присутствовать на нихъ; запрещено дворянскимъ обществамъ обращаться съ прошеніями прямо къ государю и т. д.; и всѣ эти мѣропріятія не были введены какимъ-нибудь общимъ, единымъ законодательнымъ актомъ, а издавались совершенно случайно. Сколько-нибудь ровнымъ, прежнимъ ходомъ шли лишь работы по межеванію да по приглашенію иностранныхъ колонистовъ. Финансовое управленіе императрицы Екатерины преемникъ ея подвергъ суровой критикѣ. Въ манифестѣ 17 декабря 1797 г. онъ говорилъ: «По вступленіи Нашемъ на Всероссійскій Императорскій престолъ, входя по долгу Нашему въ различныя части государственнаго управленія, при самомъ начальномъ ихъ разсмотрѣніи увидѣли Мы, что хозяйство государственное, невзирая на учиненныя въ разныя времена умноженія доходовъ, отъ продолженія черезъ многіе годы безпрерывной войны и отъ другихъ обстоятельствъ, о которыхъ, яко о прошедшихъ, излишнимъ считаемъ распространяться, подвержено было крайнимъ неудобностямъ. Расходы превышали доходы. Недостатокъ годъ отъ году возрасталъ, умножая долги внутренніе и внѣшніе, къ наполненію же части таковаго недостатка заимствованы были средства, большій вредъ и разстройства за собою влекущія». Но ни одного изъ указанныхъ недостатковъ не удалось устранить, напротивъ: немедленно были повышены подушные сборы на 25%, тогда какъ за все время Екатерининскаго царствованія они были повышены всего на 40%, и черезъ годъ выпущено ассигнацій больше, чѣмъ выпустила ихъ Екатерина въ 17 лѣтъ, съ 1769 г. по 1785.

Такого рода дѣятельность уже сама по себѣ не могла не дать нежелательныхъ результатовъ; пріемы же управленія ежечасно причиняли вредъ государственнымъ дѣламъ, расшатывали уваженіе къ власти и вызывали сначала недоумѣніе, затѣмъ по-

давленное недовольство и, наконецъ, привели къ общему и почти страстному озлобленію. На всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы множество людей испытывали совершенно незаслуженную жестокость. Солдатъ въ полномъ смыслѣ слова истязали на ученьяхъ и за малѣйшія провинности жестоко наказывали; офицеровъ подвергали оскорбленіямъ, разжалованіямъ, ссылкамъ и вообще несообразно строгимъ взысканіямъ; малѣйшая провинность, а иногда и просто ложный доносъ, сдѣланный по злобѣ, навлекали немедленно арестъ, суровое заточеніе, ссылку безъ суда; часто съ такою же быстротою наказанные прощались и даже получали столь же несоразмѣрныя награды, но еще вопросъ: утѣшали наказанныхъ подобныя милости, или только увеличивали раздраженіе, доказавъ, какъ неосновательно была причинена имъ обида. Спокойнымъ



Снимокъ съ собственноручнаго указа императора Павла Петровича.

себя не чувствовалъ никто и ни въ какомъ положеніи. Павелъ Петровичъ, стремившійся все рѣшать самъ, обнаруживалъ стремленіе входить во всѣ стороны жизни, касаться такихъ мелочей, которыя по существу не имѣютъ сколько-нибудь серьезнаго значенія, но прикосновеніе къ которымъ вызываетъ—и совершенно справедливо — чрезвычайное раздраженіе. Немедленно по воцареніи Павелъ Петровичъ запретилъ ношеніе костюмовъ, которые прежде совершенно не привлекали вниманія правительства, а ему казались связанными съ французскою революціей. По городу были направлены группы солдатъ и полицейскихъ, которые обрывали у прохожихъ фраки, срывали и портили круглыя шляпы и т. д. Затѣмъ было запрещено употребленіе нѣкоторыхъ словъ и предписано замѣнять ихъ другими, спеціально указанными; такъ, нельзя было писать и говорить «докторъ», «училище», «ямщикъ», и т. п., а велѣно говорить «лѣкарь», «школа», «фурманъ», а черезъ нѣсколько дней приказано во множественномъ числѣ говорить не

«фурманы», а «фурлейты», но въ единственномъ не «фурлейтъ», а «фурманъ»; списокъ такихъ словъ былъ довольно великъ и постоянно разрастался; подъ страхомъ наказанія приказано было императорскую яхту «Эммануилъ» именовать не яхтой, а фрегатомъ, и т. п. Въ дѣятельности своей Павелъ Петровичъ не только проявлялъ абсолютный произволъ, но какъ будто стремился дѣлать это какъ можно чаще и рѣзче, и впечатлѣніе небезопасности, неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ, столь тягостное и для всякаго отдѣльнаго человѣка и для цѣлаго общества, ежедневно усиливалось совершенно неожиданными, ничѣмъ необъяснимыми перемѣнами въ администраціи, массовыми исключеніями со службы и такими почти невѣроятными мѣрами, какъ объявленіе въ приказѣ выговора одному уже умершему генералу. И отъ всего этого страдалъ, вѣроятно, не меньше никого другого самъ виновникъ всего этого, несчастный императоръ Павелъ. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что онъ искренно желалъ въ каждую минуту наилучшихъ результатовъ и прибѣгалъ къ мѣрамъ крутымъ и даже жестокимъ лишь въ убѣжденіи, что такимъ способомъ дѣйствій онъ быстрѣе и вѣрнѣе достигнетъ намѣченнаго имъ блага; но столь же ясно и неоспоримо, что онъ совершенно не умѣлъ находить ни причинъ явленій, представлявшихся ему вредными, ни мѣръ къ достиженію цѣлей, къ какимъ стремился; то несоотвѣтствіе между его способностями и задачами, предъ которыми онъ стоялъ, несоотвѣтствіе, выше нами указанное, лишь затрудняло дѣла и приближало съ неумолимою необходимостью какую - нибудь катастрофу. Старшій сынъ императора въ письмѣ отъ 27 сентября 1797 г. къ своему любимому наставнику Лагарпу далъ живую и довольно полную картину общаго положенія въ первый же годъ новаго царствованія. Онъ признаетъ, что, начавши хорошо, императоръ скоро не могъ уже продолжать дѣйствовать такъ, какъ началъ. Мы знаемъ, что быстро и неудержимо развивались въ его поступкахъ наименѣе желательные и наиболѣе вредные пріемы; чтобы составить себѣ ясное представленіе о томъ положеніи, какое создалось къ концу царствованія, надо еще много усилить мрачныя тѣни въ картинѣ, какую набросалъ вел. кн. Александръ, — не легко это сдѣлать, потому что и нарисованная имъ слишкомъ мрачна. Вотъ что онъ говорилъ при всей своей осторожности: «Я не буду распространяться объ общемъ горѣ и сожалѣніи, вызванномъ кончиною императрицы, которыя, къ несчастью, ежедневно усиливаются до сихъ поръ. Мой отецъ по вступленіи на престолъ рѣшилъ преобразовать все. Первые его шаги были, дѣйствительно, блестящи, но продолженіе не соотвѣтствовало началу. Все было перевернуто вверхъ дномъ сразу, и это только увеличило безпорядокъ въ дѣлахъ, который господствовалъ и до того. Военные чуть не все свое время тратятъ на парады; во всемъ остальномъ нѣтъ рѣшительно никакого плана. Сегодня приказы-

вается то, что черезъ мѣсяцъ будетъ запрещено; представленій никакихъ не терпятъ, развѣ что уже зло какое-нибудь совершилось. Благо государства вовсе не принимается ни въ какой расчетъ. Господствуетъ полнѣйшій произволъ, дѣлается, что придетъ въ голову. Невозможно перечислить всѣ тѣ безразсудства, которыя совершены; прибавьте еще самую неумѣренную строгость, пристрастность и полнѣйшую неопытность въ дѣлахъ. Всѣ назначенія дѣлаются только по фавору, заслуги совсѣмъ не принимаются въ расчетъ. Бѣдное мое отечество находится въ положеніи, которое трудно себѣ представить. Земледѣлецъ угнетенъ, торговля стѣснена, свобода и личная безопасность уничтожены—вотъ картина положенія Россіи». Вел. кн. Константинъ Павловичъ въ концѣ царствованія своего отца выразился такъ: «Отецъ мой объявилъ войну здравому разсудку съ твердымъ рѣшеніемъ никогда не заключать съ нимъ мира». Наконецъ, одинъ изъ лучшихъ людей своего времени, Карамзинъ, такъ говоритъ о царствованіи Павла въ знаменитой запискѣ своей «О древней и новой Россіи», представленной имъ императору Александру Павловичу: «Сынъ Екатерины могъ быть строгимъ и заслужить благодарность отечества; къ неизъяснимому удивленію россіянъ, онъ началъ господствовать всеобщимъ ужасомъ, не слѣдуя никакимъ уставамъ, кромѣ своей прихоти; считалъ насъ не подданными, а рабами; казнилъ безъ вины, награждалъ безъ заслугъ, отнялъ стыдъ у казни, у награды—прелесть, унизилъ чины и ленты расточительностью въ оныхъ, легкомысленно истреблялъ долговременные плоды государственной мудрости, ненавидя въ нихъ дѣло своей матери; умертвилъ въ полкахъ нашихъ благородный духъ воинскій, воспитанный Екатериною, и замѣнилъ его духомъ капральства. Героевъ, пріученныхъ къ побѣдамъ, училъ маршировать; презирая душу, уважалъ шляпы и воротники; имѣя, какъ человѣкъ, природную склонность къ благотворенію, питался желчью зла; ежедневно вымышлялъ способы устрашать людей и самъ всѣхъ болѣе страшился; думалъ соорудить себѣ неприступный дворецъ и соорудилъ гробницу! Замѣтимъ черту, любопытную для наблюдателя: въ сіе царствованіе ужаса Россія даже не боялась и мыслить; нѣтъ, говорили смѣло, умолкали единственно отъ скуки и частаго повторенія, вѣрили другъ другу и не обманывались. Какой-то духъ искренняго братства господствовалъ въ столицахъ; общее бѣдствіе сближало сердца и великодушное остервенѣніе противъ злоупотребленій власти заглушало голосъ личной осторожности. Вотъ дѣйствіе Екатерининскаго человѣколюбиваго царствованія: оно не могло быть истреблено въ четыре года Павлова и доказывало, что мы были достойны имѣть правительство мудрое, законное, основанное на справедливости».

Послѣдній годъ жизни Павла Петровича былъ особенно тяжелъ и ему и всѣмъ его окружавшимъ; всякое спокойствіе въ его

семьѣ было разрушено, когда онъ увлекся А. П. Лопухиной; императрицу Марію Ѳеодоровну Павелъ Петровичъ подозрѣвалъ въ намѣреніи повторить «дѣйство» 1762 г.; обоихъ сыновей, особенно старшаго, онъ тоже подозрѣвалъ — и грозилъ вел. кн. Александру Павловичу судьбою царевича Алексѣя Петровича за то, что нашелъ у него на столѣ томъ сочиненій Вольтера, раскрытый на трагедіи «Brutus»; не представляется невѣроятнымъ, что онъ временами помышлялъ объявить своимъ наслѣдникомъ одного изъ вюртембергскихъ принцевъ. Раздражительность Павла Петровича принимала размѣры прямо болѣзни; проявленія вспыльчивости и жестокости его становились все чаще и ужаснѣе.

При такомъ положеніи созрѣлъ заговоръ. Во главѣ его сталъ приближеннѣйшій къ императору человѣкъ, петербургскій генералъ-губернаторъ, графъ Петръ Алексѣевичъ фонъ-деръ-Паленъ. Въ началѣ 1797 г. императоръ Павелъ послалъ его рескриптъ съ прямымъ обвиненіемъ въ подлости, а черезъ два года довѣрилъ важнѣйшія должности. Въ заговорѣ участвовалъ кн. П. А. Зубовъ, сначала обласканный, затѣмъ оскорбленный императоромъ, затѣмъ снова приближенный къ нему; въ заговоръ вступили и многіе офицеры. Рѣшено было принудить императора къ отреченію; графъ Паленъ далъ понять и великому князю Александру Павловичу, что это рѣшеніе будетъ осуществлено во всякомъ случаѣ...

Въ ночь съ 11 на 12 марта 1801 г. заговорщики вошли въ спальню императора въ Михайловскомъ замкѣ и предъявили ему требованіе, чтобы онъ отрекся отъ престола. Императоръ гнѣвно отвѣтилъ отказомъ, объясненіе приняло бурный характеръ—и императоръ оказался мертвъ...

«Кто былъ несчастливѣе Павла?!» восклицаетъ Карамзинъ, и нельзя не повторить съ нимъ этихъ словъ. Павелъ Петровичъ имѣлъ наилучшія намѣренія; его душѣ не чужды были даже рыцарскіе порывы — онъ проявлялъ ихъ не разъ предъ иностранцами, предъ людьми, надъ которыми не чувствовалъ въ своихъ рукахъ власти. Но шапка Мономаха была ему слишкомъ тяжела, и царствованіе его было печально и ужасно и ему, и родинѣ.

Храмъ Христа Спасителя въ Москвѣ, воздвигнутый въ память Отечественной войны.

ИМПЕРАТОРЪ
Александръ I Павловичъ.

(1777 — 1801 — 1825).

I.

Дѣтство и юность.

Александръ I родился 12 декабря 1777 г. Царская семья тогда состояла всего изъ трехъ лицъ: Екатерины II, наслѣдника ея в. кн. Павла Петровича и его супруги Маріи Ѳеодоровны; рожденіе сына-первенца у наслѣдника престола радостно было встрѣчено населеніемъ. Будущій императоръ Россіи росъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Екатерины II, чрезвычайно любившей своего внука; въ дѣло его воспитанія и образованія она вложила много ума и сердца своего; она любила съ нимъ заниматься, писала для него сказки, записки по русской исторіи, объясняла географію по глобусу.

Въ письмахъ своихъ къ близкимъ людямъ Екатерина всегда съ восторгомъ говоритъ о «господинѣ Александрѣ». Ребенокъ, позже юноша, Александръ много заимствовалъ отъ своей царственной бабки, хотя въ душѣ онъ никогда не любилъ ея; приглядываясь своимъ пытливымъ умомъ къ дѣятельности Екатерины, стараясь всегда ей нравиться, угадывать ея мысли и желанія, Александръ нечувствительно перенялъ многое изъ ея замѣчательнаго искусства править, обращаться съ людьми, выбирать слугъ и т. п. Больше любилъ онъ отца и мать; вспыльчивый, сумрачный, раздражительный Павелъ Петровичъ, тѣмъ не менѣе, привлекалъ къ себѣ своихъ дѣтей; можетъ-быть, то положеніе, которое онъ занималъ тогда при большомъ дворѣ, располагало дѣтей въ его пользу; отъ отца Александръ унаслѣдовалъ мечтательность, религіозность, любовь къ военной службѣ, симпатіи къ Пруссіи: юноша Александръ съ удовольствіемъ служилъ въ гатчинскихъ войскахъ своего отца; тамъ, между прочимъ, онъ сблизился съ А. А. Аракчеевымъ, единственнымъ человѣкомъ, къ которому онъ сохранилъ дружбу до самаго гроба. Александръ Павловичъ росъ и воспитывался вмѣстѣ съ братомъ своимъ Константиномъ, который на полтора года былъ моложе его, и съ сестрами Александрой, Маріей и Екатериной; съ двумя послѣдними, особенно съ Екатериной, онъ былъ въ очень дружескихъ отношеніяхъ; вмѣстѣ они весело проводили время и, уже будучи императоромъ, Александръ Павловичъ любилъ отдохнуть въ обществѣ сестеръ, вспомнить старое. Большое вліяніе на Александра имѣлъ его наставникъ и другъ Фридрихъ-Цезарь Лагарпъ. Въ изящныхъ, привлекательныхъ лекціяхъ-бесѣдахъ Лагарпъ знакомилъ своего царственнаго воспитанника съ исторіей, съ законами строенія общества и государства; краснорѣчиво Лагарпъ внушалъ Александру начала правды, уваженіе къ личности, къ свободѣ. Лагарпъ сумѣлъ выдѣлиться среди другихъ учителей и воспитателей и всецѣло завладѣть симпатіями своего воспитанника; Александръ всегда признавалъ себя ученикомъ Лагарпа, въ первые годы правленія своего обращался къ нему за совѣтами, да и впослѣдствіи далъ много доказательствъ своей чрезвычайной благодарности и признательности къ Лагарпу. Вліяніе Лагарпа и проповѣдуемыхъ имъ идей не было, однако, глубокимъ, ибо оно шло въ разрѣзъ съ основами міровоззрѣнія Александра; оно придало духовному его облику благородную, изящную форму, но не проникло въ глубь его души. Остальные воспитатели и учителя особеннаго вліянія на развитіе характера Александра не имѣли; они дали кругъ извѣстныхъ знаній, нѣкоторыя привычки—и только; Александръ ко всѣмъ имъ впослѣдствіи относился очень хорошо и главнаго своего воспитателя, гр. Н. И. Салтыкова, чрезвычайно чтилъ и оказывалъ ему полное довѣріе. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ Александръ поставленъ былъ между двумя совершенно различными дворами: большимъ Екатерининскимъ и малымъ

Гатчинскимъ; положеніе его временами было очень тяжелое. Александру не исполнилось еще полныхъ 16-ти лѣтъ, когда онъ вступилъ въ бракъ съ принцессой Баденской Луизой-Августой, принявшей имя Елизаветы Алексѣевны. Бракъ этотъ не былъ счастливъ, хотя первыя десять лѣтъ супруги прожили очень дружно и впослѣдствіи относились другъ къ другу съ уваженіемъ, а подъ конецъ жизни опять сблизились; дѣтей у нихъ было двое, двѣ дѣвочки, Марія и Елизавета, умершія въ младенчествѣ. Хотя Екатерина очень любила Александра, но она не призывала его къ правительственной дѣятельности; Александръ скучалъ и привыкалъ къ разсѣянному образу жизни; онъ сходился съ нѣкоторыми офицерами и молодыми людьми при дворѣ, которые получили такое же образованіе, какъ онъ самъ, съ которыми онъ могъ бы поговорить по душѣ о событіяхъ во Франціи, невольно привлекавшихъ къ себѣ общее вниманіе. Ученикъ Лагарпа не могъ сойтись во взглядахъ на революцію ни съ состарившеюся Екатериною, ни съ отцомъ своимъ, приходившимъ въ раздраженіе отъ одного упоминанія о революціи. При дворѣ нашлось, однако, нѣсколько молодыхъ людей, которые не все порицали изъ происходившаго во Франціи; вокругъ Александра образовался кружокъ, въ который входили: кн. А. А. Чарторыйскій, Н. Н. Новосильцевъ, гр. П. А. Строгановъ и В. П. Кочубей. Не видно, однако, чтобы Александръ выработалъ себѣ цѣльное міровоззрѣніе: къ этому онъ относился недостаточно серьезно и при большомъ дворѣ говорилъ одно, въ интимномъ кружкѣ — другое, въ Гатчинѣ—третье. Послѣдній годъ царствованія Екатерины для него былъ очень тяжелъ: Екатерина непремѣнно хотѣла видѣть его своимъ преемникомъ, требовала отъ него согласія на это и получила; въ то же время, по требованію отца, онъ присягнулъ на вѣрность ему. Внезапная смерть Екатерины 6 ноября 1796 г. вывела Александра изъ затруднительнаго положенія; онъ мечталъ уже отказаться отъ правъ на престолъ и жить частною жизнью. Въ царствованіе Павла Петровича обстановка, въ которой оказался Александръ, стала опредѣленнѣе, но хуже. На Александра были возложены должности командира Семеновскаго полка, петербургскаго генералъ-губернатора; отношенія его къ Аракчееву окрѣпли и стали весьма дружественны; кажется, Аракчеевъ часто многое дѣлалъ за наслѣдника престола, и благодаря его трудамъ Александръ не разъ избѣгалъ неудовольствія вспыльчиваго и требовательнаго государя-отца; тогда же Александръ сошелся со многими семеновскими офицерами; полкъ этотъ навсегда — до печальной исторіи въ самомъ концѣ царствованія — остался любимою воинской частью Александра; кружокъ его интимныхъ друзей распался, такъ какъ Павелъ умышленно назначилъ его членовъ на службу внѣ Петербурга, но друзья поддерживали отношенія перепискою; Лагарпъ еще при Екатеринѣ долженъ былъ покинуть Россію; съ нимъ Александръ также переписывался.

Съ первыхъ же дней новаго царствованія Александръ и особенно его супруга почувствовали тяжесть создавшагося положенія. Но это положеніе стало еще труднѣе, когда до Александра стали доходить выраженія неудовольствія, ропота общественнаго; къ сожалѣнію, около него не было въ это время никого, кто могъ бы дать ему добрый совѣтъ въ трудныхъ обстоятельствахъ. Александръ узналъ о заговорѣ, который имѣлъ цѣлью лишить престола его отца, такъ какъ всѣ отношенія иностранныя и внутреннія запутывались до нельзя, да и становилось страшно оставлять управленіе государствомъ въ рукахъ столь неуравновѣшеннаго государя, какимъ былъ Павелъ I. Дѣло не могло быть сдѣлано безъ согласія Александра; оно должно было быть совершено явно, на глазахъ у всѣхъ. Александръ колебался, отсрочивалъ; наконецъ онъ согласился на томъ условіи, что жизни его отца ничто не угрожаетъ, но взять это дѣло въ свои руки не рѣшился и впослѣдствіи горько раскаивался въ своей нерѣшительности. Въ ночь съ 11 на 12 марта Павла Петровича не стало.

II.

Начало царствованія Александра Павловича.

12 марта 1801 г. среди общаго ликованія вступилъ на престолъ Александръ Павловичъ; онъ слышалъ вокругъ себя громкую радость по поводу того, что прекратилось царствованіе его отца; онъ видѣлъ вокругъ себя все веселыя лица и среди нихъ—тѣхъ, которые считали себя въ правѣ руководить имъ.

Александръ вѣрно оцѣнилъ свое положеніе и осторожно сталъ искать выхода изъ него. По самому характеру своему онъ какъ нельзя лучше могъ успокоить взбаламученное море тогдашнихъ отношеній. Обществу и народу онъ явилъ милостивое лицо; первыми мѣрами залѣчилъ раны прошлаго, въ цѣломъ рядѣ манифестовъ громко заявилъ народу свое непремѣнное желаніе посвятить свои силы на пользу общую, ввести въ русскую жизнь твердыя начала законности. Начиналась весна «прекрасныхъ Александровыхъ дней». Дѣятельность правительства получила характеръ очень шумный и милостивый. Одинъ за другимъ слѣдовали манифесты, именные указы, рескрипты, и въ каждомъ изъ нихъ русское общество читало дорогія и пріятныя обѣщанія, что государь будетъ править по законамъ и сердцу Екатерины Великой, чтобы вознесть Россію на верхъ славы; что пользы свои онъ сольетъ съ пользами вѣрноподданныхъ; что въ единомъ законѣ поставляетъ начало и источникъ народнаго блаженства и т. п. Тогда же уничтожена Тайная экспедиція, учрежденъ Непремѣнный (государственный) Совѣтъ (30 марта 1801); вскорѣ обнародованъ извѣстный указъ о правахъ и обязанностяхъ Сената (5 іюня). Своими дѣйствіями пра-

вительство безусловно держало общество въ напряженіи, волновало его, давало основанія возникать мечтаніямъ. И всѣ теперь — и царь, и его окружающіе, и сенаторы—заговорили о законности. Что это значило?

Обыкновенно думаютъ, что при этомъ подразумѣвалось хаотическое, даже безобразное состояніе органовъ центральнаго управленія; суды указываютъ, что въ странѣ едва ли кто могъ тогда опредѣлить, что такое «законъ», какое различіе между «закономъ». «указомъ», «приказаніемъ». Все это совершенно вѣрно: понятіе «законъ» было у насъ неопредѣленно, управленіе безпорядочно, судъ невозможенъ и т. д. Казалось бы, что при такомъ юридическомъ невѣжествѣ трудно и думать о законности, тѣмъ болѣе, что большинство населенія было въ крѣпостной зависимости отъ своихъ владѣльцевъ. Общество и правящіе круги заговорили о законѣ, потому что были взволнованы образомъ дѣйствій покойнаго Павла I и обстоятельствами, при которыхъ Александръ вступилъ на престолъ. Благомыслящіе люди хотѣли установить такой порядокъ, чтобы впредь подобныя грустныя явленія въ русской жизни не повторялись. Съ этой точки зрѣнія и надо смотрѣть на тѣ оживленные споры, которые завязались тогда около вопросовъ управленія. Слово «конституція» громко вслухъ не было сказано, или, правильнѣе, его произнесъ одинъ Александръ, выражавшій тогда желаніе дать какъ можно скорѣе конституцію. Но какъ только онъ его произнесъ, его друзья-совѣтники, члены негласнаго комитета, начали отговаривать государя отъ намѣренія дать ее.

Около Александра скоро послѣ его восшествія на престолъ собрались друзья его юности: гр. П. А. Строгановъ, кн. А. А. Чарторыйскій, Н. Н. Новосильцевъ и гр. В. П. Кочубей; они образовали такъ называемый «негласный комитетъ», который вмѣстѣ съ государемъ изучалъ состояніе Россіи, положеніе дѣлъ и реформы, которыя слѣдовало ввести. Въ кружокъ этотъ не входили, но тѣсно примыкали къ нему Лагарпъ, отчасти Н. С. Мордвиновъ, гр. А. Р. Воронцовъ. Члены кружка всѣ принадлежали къ тогдашней высшей аристократіи. Въ русской жизни они представляли новый типъ, который явился слѣдствіемъ манифеста о вольности дворянства и той западно-европейской образованности, которая широкою струей начала вливаться въ верхніе слои русскаго общества съ половины XVIII вѣка. Европейски-образованные, матеріально обезпеченные, сближавшіеся съ аристократическими кружками Европы, не чуждые, — конечно, въ весьма ограниченной степени,— демократическихъ принциповъ 1789 г., молодые и благородные, они готовы были отдать свои силы на пользу родины. Но они тогда имѣли свою программу и соглашались работать подъ условіемъ проведенія въ жизнь этой программы. Это явленіе новое въ послѣ-петровской Руси. Неофиціальный комитетъ болѣе походитъ на «избранную раду» Грознаго,

чѣмъ на государственныхъ дѣятелей XVII — XVIII вв., воспитанныхъ въ суровой школѣ обязательной службы, въ идеяхъ Правды воли монаршей. Такіе слуги, конечно, очень полезны, и упомянутыя лица оказали бы Россіи и Александру огромную услугу, если бы они обладали и другими свойствами мужей истинно-государственныхъ. Быстрымъ возвышеніемъ они обязаны были своему происхожденію и положенію, а не выдающимся способностямъ. Они были хорошо образованы, но знаній спеціальныхъ по тѣмъ отраслямъ управленія, во главѣ которыхъ они стали, у нихъ не было; не было у нихъ ни ремесленной сноровки дѣльцовъ, поднявшихся снизу, ни даже правительственной, а тѣмъ болѣе государственной традиціи. Въ лѣтописяхъ русской государственности это все новыя фамиліи, ранѣе не встрѣчавшіяся въ ряду крупныхъ дѣятелей. Въ Петербургѣ они пользовались очень громкой репутаціей, особенно кн. А. Чарторыйскій и Н. Н. Новосильцовъ; но иностранные дипломаты находили ихъ значительно ниже ихъ славы. Многочисленныя и многорѣчивыя записки, донесенія и мнѣнія ихъ отличаются нерѣдко ученическимъ характеромъ, обличаютъ въ составителяхъ людей, пытающихся найти вѣрный путь; но это не политики большого государства. Авторы этихъ мнѣній необыкновенно самоувѣрены и самодовольны, но общими разсужденіями плохо прикрываютъ свое незнаніе и неумѣнье повернуть обстоятельства въ желательномъ направленіи. До извѣстной степени — ихъ несчастіе, что съ первыхъ же шаговъ имъ пришлось частью бороться, частью только соперничать съ искусными западно-европейскими дѣятелями.

По мнѣнію негласнаго комитета сначала слѣдовало широкими административными и общественными реформами улучшить положеніе въ странѣ, а потомъ уже чрезъ нѣсколько лѣтъ можно думать о введеніи представительства народнаго. Необходимѣйшимъ условіемъ также комитетъ почиталъ тайну реформы и то условіе, чтобы ни у кого не могло быть сомнѣнія въ томъ, что реформу даетъ царь по своему собственному, свободному желанію. Между тѣмъ многочисленные противники друзей Александра, вельможи и сотрудники Екатерины, согласно указывали на Сенатъ, какъ на органъ, который при лучшихъ условіяхъ можетъ быть дѣйствительнымъ хранителемъ русскихъ законовъ и законности въ жизни. Односторонне объясняя причины паденія Сената честолюбіемъ и алчностью многочисленныхъ временщиковъ, люди этого направленія полагали необходимымъ укрѣпить Сенатъ, введя, напр., въ его составъ членовъ, выбираемыхъ дворянскими обществами, установивъ несмѣняемость сенаторовъ, окончательность приговоровъ Сената и право дѣлать представленія въ тѣхъ случаяхъ, когда новые законы окажутся противорѣчащими старымъ. Слѣдовало, по этому мнѣнію, дать право Сенату требовать объясненій и отчета отъ управляющихъ всѣми вѣдомствами.

Въ этихъ предположеніяхъ не заключается ничего конституціоннаго. Однако противники, либералы-друзья Александра и Лагарпъ, встревожились, тѣмъ болѣе, что Александръ сначала какъ будто сочувствовалъ этимъ планамъ. Негласный комитетъ увидѣлъ въ этомъ умаленіе правъ государя; онъ опасался, что государю свяжутъ руки. Опасенія эти были не безъ основанія. Боролись два направленія: екатерининское и новое. Легко можно себѣ представить, въ какомъ духѣ сталъ бы дѣйствовать на такихъ началахъ устроенный Сенатъ: всякое движеніе въ сторону уравненія сословныхъ правъ встрѣчало бы представленія Сената о противорѣчіи съ законами. Молодой партіи нетрудно было разбить доводы сторонниковъ Сената и указать болѣе точно причины паденія его авторитета. Негласный комитетъ хотѣлъ сохранить за Сенатомъ лишь судебное значеніе, находя, что правительственныя и законосовѣщательныя функціи его должны быть переданы другимъ органамъ. Члены негласнаго комитета на первое мѣсто выдвигали введеніе въ Россіи министерской или единоличной формы управленія по примѣру Западной Европы, какъ способа лучше обезпечивать быстроту, точность, единство и законность управленія. Однако, что касается законности и единства, они не могли не видѣть, что на Западѣ законность достигалась хорошо устроенной отвѣтственностью министровъ предъ какимъ-либо учрежденіемъ, а единство — политическимъ единомысліемъ лицъ, составляющихъ кабинетъ. Ни перваго, ни второго у насъ не было. Напротивъ, должно было опасаться, что новые министры, каждый отдѣльно докладывая государю, будутъ испрашивать у него противорѣчащія высочайшія резолюціи. Въ виду этого негласный комитетъ пошелъ на компромиссъ: онъ проектировалъ нѣкоторую отвѣтственность министровъ предъ Сенатомъ и особое учрежденіе Комитета Министровъ, въ которомъ государь выслушивалъ бы совмѣстные доклады министровъ и сообща со всѣми ими принималъ бы рѣшенія по дѣламъ управленія. Въ такомъ духѣ и произведена была реформа 1802 г. 8 сентября, учрежденіе министерствъ.

Реформа эта оказалась очень неудачной. Министерства организованы были слабо; правильнѣе сказать, что манифестомъ 8 сентября учреждены были лишь должности министровъ, такъ какъ коллегіи были сохранены, только между ними и государемъ стали теперь министры. Сенату указъ 8 сентября 1802 г. далъ важное право представлять государю въ тѣхъ случаяхъ, когда Сенатъ усмотритъ противорѣчіе между новымъ указомъ и прежнимъ; Сенату же предоставлено было разсмотрѣніе министерскихъ отчетовъ. Очень скоро право представленія было отнято, ибо Сенату было разъяснено, что право это относится только къ указамъ прошлыхъ царствованій. Отчетовъ министровъ Сенату не пришлось разсматривать, такъ какъ только одинъ Кочубей внесъ въ Сенатъ свой отчетъ за первый годъ управленія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.

Надо было очень плохо знать русскую жизнь, чтобы полагать, будто учрежденіе, въ которомъ предсѣдательствуетъ государь, а членами состоятъ довѣреннѣйшіе его сотрудники, можетъ остаться въ той второстепенной роли, которую ему назначила реформа 1802 г., между тѣмъ въ 1802 — 1805 гг. императоръ Александръ почти не пропускалъ засѣданій Комитета Министровъ.

Благодаря такому совершенно исключительному вниманію государя къ Комитету, въ немъ сосредоточилась почти вся правительственная дѣятельность. Въ то время, какъ работа Непремѣннаго Совѣта чрезвычайно упала, Комитетъ Министровъ разсматривалъ государственныя смѣты, принималъ мѣры для покрытія дефицитовъ, утверждалъ штаты, устанавливалъ новыя раздѣленія губерній, даже иногда обсуждалъ вопросы внѣшней политики, т.-е. Комитетъ Министровъ становился и законосовѣщательнымъ учрежденіемъ. Государю нерѣдко подавали жалобы на рѣшенія Сената; иногда самъ Александръ, слѣдя за какимъ-нибудь дѣломъ, оставался недоволенъ Сенатомъ. Въ обоихъ случаяхъ Александръ приказывалъ или пересмотрѣть дѣло въ комитетѣ, или спрашивалъ у комитета, какъ понудить Сенатъ къ болѣе совершенной работѣ; случалось, что и самъ комитетъ при слушаніи какого-либо дѣла обращалъ вниманіе государя на неправильныя, по его мнѣнію, дѣйствія Сената. Конечно, положенія комитета получали силу только по утвержденіи ихъ государемъ и если Сенатъ получалъ выговоръ или замѣчаніе, то лишь отъ имени государя, но фактически вышло, что не Сенатъ наблюдалъ за закономѣрностью министровъ, а наоборотъ. Еще хуже дѣла пошли послѣ того, какъ Комитетъ Министровъ сдѣлался учрежденіемъ; съ 1808 г. государь въ немъ больше уже не бывалъ, ему лишь представляли на утвержденіе журналы комитета. Тогда министры, по замѣчанію Кочубея, «уже безъ стѣсненія на телѣгахъ» стали возить дѣла въ комитетъ; обсужденіе дѣлъ превратилось въ заслушиваніе ихъ и оправдывалась поговорка: рука руку моетъ; комитетъ сталъ весьма удобнымъ для министровъ учрежденіемъ, чрезъ который имъ легко было добиться и новаго указа, и изъятія изъ обычнаго порядка, и измѣненія стараго закона. Вышло именно то, чего опасались больше всего въ 1801 — 1802 гг., когда обсуждалась реформа: надѣялись ввести въ управленіе больше законности и закономѣрности, а вышло самовластіе министровъ. Министерская система на первыхъ порахъ принесла больше вреда, чѣмъ пользы.

Неудивительно, что мыслящіе люди въ виду такой неудачи важной реформы охвачены были безпокойствомъ и тревогою. Правительство въ 1801 — 1802 гг. такъ много говорило о своемъ желаніи водворить законность, давало обѣщанія, а они остались неисполненными. Одни изъ первыхъ громко порицать новый порядокъ, и въ частности Комитетъ Министровъ, стали бывшіе члены негласнаго комитета, съ 1807 г. совсѣмъ разошедшіеся со своимъ царствен-

нымъ другомъ. Историкъ не можетъ забыть, что они предложили устроить комитетъ, что на первыхъ порахъ они были его душой; положеніе, данное комитету въ 1808 г., не было по существу новымъ, оно закрѣпило за комитетомъ ту структуру, которую онъ получилъ въ 1802 — 1805 гг. Главная вина падаетъ на Александра. Если онъ не захотѣлъ передать какому-либо учрежденію дѣйствительный надзоръ за закономѣрностью управленія, то послѣ тѣхъ категорическихъ обѣщаній, которыя онъ давалъ, онъ самъ долженъ былъ взять на себя этотъ надзоръ и въ той или другой мѣрѣ его осуществлять. Это было бы очень трудно, потребовало бы большого вниманія; очень можетъ-быть, что чрезъ нѣсколько лѣтъ Александръ и утомился отъ этой работы, но мы не видимъ, чтобы онъ это дѣлалъ.

Недовольны остались обѣ партіи — и приверженцы Екатерининскихъ временъ и «либералы». Первое выступленіе Александра вышло неудачнымъ.

Немного вышло и изъ многихъ разговоровъ по крестьянскому вопросу. Противники крѣпостного права были; нѣкоторые изъ нихъ (напр., Кайсаровъ) говорили и писали съ большимъ одушевленіемъ, называя это явленіе «ужаснымъ чудовищемъ, исчадіемъ ада», выражали надежду, что оно «будетъ уничтожено благословеннымъ геніемъ человѣчества»; возмущался и государь, читая объявленія о продажѣ людей. Но не было лицъ, которыя могли бы указать удобные для государства способы, чтобы покончить съ рабствомъ. Противники крѣпостничества понимали, что рѣшить этотъ вопросъ было не такъ просто: мало освободить, надо было освободить хорошо, обезпечить хозяйственный бытъ крестьянъ. Даже только что цитированный нами писатель, ярый противникъ рабства, и тотъ говорилъ: «того, кто долгое время былъ лишенъ свѣта, нужно пріучать къ нему понемногу»; «было бы безуміемъ дать 20-и милліонамъ рабовъ возможность полнѣйшей свободы дѣйствій». Государь надѣялся на сочувствіе самихъ владѣльцевъ крестьянъ; поэтому онъ съ большою радостью принялъ предложеніе С. П. Румянцева и сдѣлалъ изъ него законъ 1803 г. о свободныхъ (вольныхъ) хлѣбопашцахъ. Основа этого акта — добровольное соглашеніе владѣльцевъ съ крестьянами объ отпускѣ послѣднихъ на волю съ землею; соглашенія эти всякій разъ должны были представляться на утвержденіе государя въ тѣхъ видахъ, чтобъ крестьянскій бытъ былъ хорошо обезпеченъ. На основаніи этого закона всего въ царствованіе Александра I освобождено было немного болѣе 40.000 душъ крестьянъ; слѣдовательно, большихъ практическихъ послѣдствій законъ этотъ не имѣлъ, развѣ что указалъ правительству на необходимость вступить на иной путь, чѣмъ путь добровольныхъ соглашеній. Въ продолженіе всего царствованія Александръ весьма благосклонно относился къ крестьянамъ. Въ тѣхъ довольно многочисленныхъ случаяхъ, когда акты объ увольненіи составлены были

съ нарушеніемъ формы, государь всегда давалъ резолюцію, благопріятную для крестьянъ. Къ жалобамъ крестьянъ на помѣщиковъ государь относился всегда внимательно и весьма рѣшительно отклонялъ попытки воспретить крестьянамъ подавать лично просьбы государю. «Многія уже просьбы, — писалъ онъ, — принесенныя мнѣ, оказались справедливыми, хотя мѣстное начальство и не доносило министерству о противозаконныхъ дѣйствіяхъ помѣщиковъ; сверхъ того, извѣстно мнѣ, что были случаи, гдѣ крестьяне, жалующіеся на помѣщиковъ, въ замѣну удовлетворенія были еще наказываемы». Александръ установилъ очень важное правило, чтобъ всякій приговоръ, которымъ присуждалось къ наказанію болѣе семи лицъ, непремѣнно представляли бы на Высочайшее разсмотрѣніе, и смотрѣлъ на дѣло совсѣмъ не съ формальной стороны. Въ одномъ случаѣ, напр., 114 крестьянъ всѣми инстанціями приговорены были къ разнымъ наказаніямъ; государь нашелъ, что крестьяне имѣли справедливыя причины быть недовольными, и приказалъ ихъ освободить отъ наказанія, а начальствующихъ подвергнуть наказанію. Помѣщиковъ, изобличенныхъ въ жестокости обращенія, Александръ часто отдавалъ подъ опеку, исключалъ со службы, предавалъ суду; крайне негодовалъ онъ, узнавая, что въ его государствѣ люди продаются безъ земли, иногда открыто, на ярмаркахъ. Но сколько-нибудь значительныхъ законодательныхъ мѣръ о крестьянахъ (исключая крестьянъ Прибалтійскаго края) не было проведено; уничтожить зло онъ оказался не въ силахъ. Освобожденіе крестьянъ Прибалтійскаго края безъ земли доказываетъ, что вопросъ этотъ тогда далеко не созрѣлъ еще и не былъ вполнѣ выясненъ, хотя и были проекты, предлагавшіе выкупную операцію.

III.

Внѣшняя политика Александра I до Отечественной войны.

Не менѣе трудная задача представлялась Александру и въ политикѣ внѣшней. Международное положеніе Россіи требовало самаго внимательнаго отношенія, и въ то же время обстоятельства не позволяли медлить.

Вся Европа была въ огнѣ уже нѣсколько лѣтъ, когда Александръ вступилъ на престолъ. Передъ гигантской борьбой революціонной Франціи съ Европой кажутся ничтожными продолжительныя коалиціонныя войны XVI — XVIII ст., — Тридцатилѣтняя, Семилѣтняя, за разныя наслѣдства и т. п. На карту поставлено было основное начало европейскаго общежитія — самостоятельность и свобода отдѣльныхъ государствъ. Какое положеніе въ этой борьбѣ должна была занять Россія?

Она стояла какъ бы на распутьи трехъ дорогъ. Пользуясь своимъ географическимъ положеніемъ въ сторонѣ отъ главнаго театра

войны, увѣренная въ томъ, что революція не можетъ заразить умы ея населенія, Россія, по мнѣнію нѣкоторыхъ, могла уклониться отъ борьбы и даже воспользоваться общимъ замѣшательствомъ для окончанія нѣкоторыхъ своихъ дѣлъ и счетовъ; Россія могла присоединиться къ общей коалиціи противъ Франціи, и, наконецъ, она могла за дорогую цѣну продать свой союзъ и свою помощь Франціи.

Всматриваясь въ событія глубже, нельзя не признать, что выборъ былъ болѣе ограниченъ. Оставаться нейтральною Россія не могла. При Екатеринѣ, благодаря возвращенію западно-русскихъ земель и пріобрѣтеніямъ на югѣ, Россія выросла въ первостепенную державу. Изъ государства, которое еще и послѣ Петра къ Европѣ собственно прикасалось на небольшомъ пространствѣ отъ Западной Двины до Финскаго залива и свои торговые и экономическіе интересы сосредоточивало на Балтійскомъ морѣ, Россія стала державой, пограничная линія которой съ Европою начиналась отъ Финскаго залива и оканчивалась на Черномъ морѣ, въ которое текли по плодоносной, черноземной равнинѣ многоводныя, широкія рѣки. Здѣсь, на Черномъ морѣ, открывались новые рынки русской торговлѣ; черезъ Черное море Россія получила доступъ и къ богатымъ рынкамъ Средиземнаго моря. Результаты эти были слѣдствіемъ уничтоженія Польши, какъ государства. Въ обстоятельствѣ этомъ крылась не малая опасность. Возстановленіе Польши, о чемъ мечтали и хлопотали поляки, не хотѣвшіе мириться съ происшедшимъ, даже возстановленіе части Польши грозило, при тогдашнемъ настроеніи польскаго народа, большими осложненіями всѣмъ тремъ державамъ-союзницамъ, раздѣлившимъ Речь Посполитую; но наибольшими затрудненіями угрожало оно именно Россіи, потому что для Россіи пріобрѣтенія ея были и больше, и важнѣе: одно дѣло было бы для Пруссіи потерять Познань и даже Данцигъ, или для Австріи—Галицію, другое—для насъ Западную Русь: мы теряли въ такомъ случаѣ свое кровное, и если бы русскіе откинуты были снова къ Западной Двинѣ и Днѣпру, то было бы трудно отстаивать черноморскія владѣнія. Поляки же въ постигшей ихъ горькой участи искали помощи, главнѣйшимъ образомъ, у Франціи, не признавшей раздѣловъ Польши.

Франція угрожала намъ не въ одной Польшѣ; гораздо сильнѣе она грозила со стороны Балканскаго полуострова. Египетская экспедиція, утвержденіе Франціи въ Италіи, подступы къ Иллиріи, постоянныя связи и заигрыванья съ греками, — все угрожало насущнымъ и исконнымъ интересамъ Россіи. До Екатерины восточный вопросъ для русскихъ былъ вопросомъ національно-религіознымъ: на Черномъ морѣ мы ничего не имѣли и желали изгнать турокъ изъ Европы. Со временъ Екатерины Россія заняла совершенно исключительное положеніе. Русскіе консулы играли роль губернаторовъ въ Турціи, Черное море считалось моремъ закрытымъ, по которому плавали только турецкія и русскія суда. Въ Архипелагѣ мы имѣли острова, и Дарданельскій про-

ливъ открытъ былъ для прохода русскихъ военныхъ кораблей. Англія — вскорѣ главная и опаснѣйшая наша противница на Ближнемъ Востокѣ — тогда, еще не боясь Россіи, скорѣе благопріятствовала нашимъ шагамъ на Босфорѣ. Для Россіи стало существенно важно, кто будетъ владѣть ключами Чернаго моря, Босфоромъ и Дарданеллами. Если эти ключи не въ нашихъ рукахъ, то предпочтительнѣе было, чтобъ они оставались въ турецкихъ, чѣмъ попали бы во враждебныя намъ руки — французовъ, австрійцевъ или кого другого.

Два эти пункта — Польша и Турція — и не позволяли Россіи уклониться отъ борьбы, ибо иначе вопросы эти могли быть рѣшены безъ участія нашего. Было, слѣдовательно, два выхода: или противъ Франціи, или съ Франціей противъ Европы.

Очень многое говорило за то, что Россія должна соединиться съ остальною Европою противъ Бонапарта. Старыя традиціи связывали насъ съ Пруссіей и Австріей: мы привыкли съ ними дѣлать дѣла, вмѣстѣ съ ними мы раздѣлили Польшу; онѣ были наши старыя знакомыя, ничѣмъ намъ неугрожавшія, напротивъ, постоянно между собой соперничавшія и обращавшіяся къ намъ. Франція, напротивъ, въ продолженіе всего XVIII в. была нашимъ главнымъ противникомъ, вредившимъ Россіи гдѣ только можно. Теперь Франція обнаруживала совершенно невѣроятныя притязанія, Франція распространяла идеи, которыя угрожали спокойствію государствъ; наконецъ, во главѣ Франціи стоялъ человѣкъ, прочность положенія котораго не могла не вызывать сомнѣній. Трудно было предсказать, что произойдетъ во Франціи послѣ удаленія Бонапарта; разумно ли было связывать судьбу Россіи съ судьбою «выскочки», хотя и геніальнаго. Противъ Франціи рѣшительно выступала Англія, съ которой у Россіи были не только дружественныя политическія отношенія, но и экономическія, такъ какъ Англія была главнымъ покупателемъ нашего сырья. Прекращеніе торговли съ Англіей угрожало и финансовымъ интересамъ страны, и интересамъ вліятельныхъ классовъ имперіи: они всѣ стояли на сторонѣ Англіи; въ этомъ они заинтересованы были и матеріально, и нравственно, ибо, воспитанные французами-эмигрантами, эти русскіе столько же любили старую королевскую Францію, сколько ненавидѣли санкюлотовъ революціи. Поскольку человѣческій разумъ могъ предвидѣть, казалось невѣроятнымъ, чтобы Франція могла устоять противъ остальныхъ государствъ континента, поддерживаемыхъ англійскими деньгами. Наконецъ, вступая въ борьбу съ хищникомъ Бонапартомъ, не становился ли русскій царь во главѣ прекраснаго дѣла свободы народовъ, защиты слабыхъ отъ сильнаго. Итакъ, было гораздо больше данныхъ за дѣйствія противъ Франціи.

Но почему такъ нерѣшительны были обѣ старыя наши сосѣдки—Австрія и Пруссія, послѣдняя особенно? Почему онѣ скользили, можно сказать, по союзамъ; отчего онѣ съ такою легкостью

склонны были переходить съ одной стороны на другую; сегодня война съ Франціей, завтра — союзъ. Разбитыя сегодня на-голову, онѣ не теряли спокойствія духа и хладнокровно запрашивали себѣ новыхъ территорій, какъ будто онѣ побѣдили. Дѣло въ томъ, что шла борьба по преимуществу между Франціей и Англіей изъ-за мірового господства, нѣсколько иначе понимаемаго и выражаемаго обоими противниками. Франція потому и не могла насладиться успѣхами своихъ побѣдъ, что Англія не давала ей мира, и Франція истощала всѣ усилія, чтобы принудить Англію къ миру. Обѣ стороны знали, чего онѣ хотѣли, обѣ стремились къ міровому господству; Англіи, впрочемъ, довольно было господства на морѣ. Другія же государства, главнымъ образомъ, Австрія и Пруссія, втянутыя въ борьбу, преслѣдовали свои цѣли — увеличить свои силы и земли; вознагражденіемъ для Пруссіи могъ быть и Ганноверъ, но могла быть и Саксонія, можно было найти его и въ другомъ мѣстѣ; Австрія искала себѣ вознагражденій и въ Баваріи, и въ Италіи, и на Балканскомъ полуостровѣ.

Очевидно, что положеніе Россіи было не безвыгодно, но требовалось большое знаніе, искусство и опытность, чтобы опредѣлить ясно роль Россіи и то, чего ей нужно добиваться. Иначе безразлично, какую сторону она ни приметъ, она рисковала таскать каштаны изъ огня для другихъ; да и достоинство и силы Россіи не позволяли ей принять участіе въ этой борьбѣ только въ качествѣ союзника той или другой стороны. Если многое было противъ Франціи, то многое было и за нее. Географически несоприкасавшіяся, оба государства эти не имѣли смежныхъ интересовъ, легко могли размежеваться; союзъ съ Наполеономъ со временемъ можно было обратить въ союзъ Россіи и Франціи, основанный на взаимныхъ выгодахъ; если Бонапартъ казался лукавымъ и невѣрнымъ союзникомъ, то Меттернихи, Луккезини и Гаугвицы также не должны были внушать къ себѣ довѣрія; они были только сортомъ помельче.

Къ рѣшенію этой труднѣйшей задачи и приступилъ императоръ Александръ. Къ несчастью его и Россіи, почти всѣ окружавшіе императора—и дипломаты школы Екатерины (гр. Морковъ, А. Р. и С. Р. Воронцовы, Колычевъ), и молодые его друзья — были рѣшительно на сторонѣ Англіи, ненавидѣли, частью презирали Наполеона. На ряду со всевозможными обвиненіями Бонапарта, какъ человѣка и правителя, они выставляли предъ государемъ достойное всякой хвалы поведеніе Англіи; они были англоманами больше самихъ англичанъ. Александръ относился къ международному положенію болѣе чутко и осторожно, чѣмъ они, но и въ этомъ вопросѣ не обнялъ дѣла во всей его широтѣ и не обнаружилъ яснаго, опредѣленнаго пониманія; поэтому дѣйствія его отличались непослѣдовательностью. Россіи, конечно, угрожала опасность и въ Польшѣ, и на Балканскомъ полуостровѣ, но опасность

эта была еще только въ возможности. Во всякомъ случаѣ, обстоятельства давали руководителямъ русской политики возможность зрѣло обдумать дѣло во всѣхъ его подробностяхъ, выбрать для выступленія вполнѣ удобный моментъ и приготовиться такъ, чтобы выступленіе Россіи соотвѣтствовало ея силѣ и значенію. Ничего подобнаго Александръ не сдѣлалъ. Трудно даже сказать, чѣмъ собственно руководствовался онъ при первомъ своемъ выступленіи: сознаніемъ ли опасности, грозившей реальнымъ интересамъ Россіи, или желаніемъ явиться защитникомъ угнетаемыхъ Наполеономъ народовъ. Повидимому, въ умѣ Александра были соображенія и того, и другого порядка. Организовано же дѣло было такъ.

Россія выступала въ защиту всѣхъ угнетенныхъ народовъ; но ближайшею цѣлью для Чарторыйскаго, офиціальнаго руководителя внѣшней политики Россіи, было возстановленіе Польши въ границахъ 1772 г. Изъ дѣйствій государя слѣдуетъ, что если онъ и принималъ этотъ планъ, то только частью. Онъ поѣхалъ въ Пулавы, гдѣ ознакомился лично съ очень многими представителями высшаго польскаго общества, но отказался ѣхать изъ Пулавъ въ Варшаву, чтобы провозгласить тамъ себя королемъ возрожденной имъ Польши, на чемъ настаивалъ Чарторыйскій. Вмѣсто этого Александръ вступилъ въ дружественные переговоры съ Пруссіей и затѣмъ самъ поѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ закрѣпилъ клятвою у гроба Фридриха Великаго дружбу свою съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III, и такъ какъ Пруссія отказалась присоединиться къ союзникамъ, то тяжесть борьбы падала на австрійскія и русскія войска, при чемъ австрійцамъ пришлось дѣйствовать раньше, чѣмъ подошли новыя русскія силы; союзники давали себя разбить поодиночкѣ.

Самую слабую сторону этого выступленія составляли отношенія къ Пруссіи; совершенно ясно, что только въ союзѣ съ обѣими державами—Австріей и Пруссіей—Россіи стоило воевать противъ Франціи: и предыдущія и послѣдующія событія доказали, что такая коалиція вполнѣ возможна, но, какъ извѣстно, даже это не было достигнуто, хотя польскія дѣла безъ соглашенія съ Пруссіей рѣшить было нельзя. Мало того, Австрія не была готова и намѣревалась начать военныя дѣйствія нѣсколько позже, Россія ее торопила. Въ заключеніе всего главнокомандующій нашей арміей, Кутузовъ, не былъ хозяиномъ въ своемъ дѣлѣ. Императоръ и его молодые друзья увѣрены были въ полной побѣдѣ.

20 ноября 1805 г. подъ Аустерлицемъ союзники потерпѣли рѣшительное пораженіе. Послѣ этого Александръ вывелъ свои войска изъ Австріи, которая поспѣшила заключить миръ съ Франціей (Пресбургскій), не упоминая даже въ договорѣ о Россіи. Что должны были думать современники русскіе? Для чего-то повели русское войско въ далекую Богемію, похоронили на чужбинѣ значительную его часть и съ остатками вернулись въ Россію. Русское

войско уже забыло, что значитъ пораженіе въ большомъ дѣлѣ, и вдругъ мы были разбиты въ присутствіи своего государя, который впервые послѣ Петра былъ при своей арміи. Самолюбіе Александра должно было очень страдать: въ Россіи, впрочемъ, широко пронеслось слово «измѣна»; Александра не осуждали, а жалѣли, но едва ли отъ этого Александру было легче. Было бы полбѣды, если бы на этомъ можно было прекратить дѣло, но потерпѣвшій пораженіе не воленъ прекратить войну, когда захочетъ. Опасаясь враждебныхъ дѣйствій Франціи на Востокѣ, Александръ въ іюнѣ 1806 г. заключилъ союзъ съ Пруссіей; въ сентябрѣ вспыхнула война между Франціей и Пруссіей; скоро прусскія войска были совсѣмъ разбиты, Берлинъ занятъ французами; король прусскій удалился въ Мемель и просилъ помощи Александра. Александръ не колебался, немедленно двинуты были полки на помощь Пруссіи. Про это выступленіе приходится сказать почти то же, что о первомъ. Общее положеніе ухудшилось: Австрія уже разбита, Пруссія тоже; было почти несомнѣнно, что война съ Пруссіей окончится возстановленіемъ Польши; Турція готовилась напасть. При такомъ положеніи возможны были два исхода: или перенести невзгоды, какъ слѣдствіе неудачной политики, позволившей Наполеону разбить Австрію, или вступить въ рѣшительную борьбу съ Франціей и подготовиться ко всѣмъ случайностямъ этой войны. Александръ не сдѣлалъ ни перваго, ни второго, а повелъ недостаточно сильное войско на помощь Пруссіи, уже совершенно безсильной. Россія опять выступила не самостоятельно, а въ качествѣ союзницы, борьбу же приходилось вести ей одной. Къ серьезной войнѣ съ Франціей Россія была не готова.

Битвы подъ Прейсишъ-Эйлау и Пултускомъ были нерѣшительны. Зима 1806—1807 гг. и французамъ пришлась очень тяжело. Наполеонъ понялъ, что безъ поддержки сильной державы ему не добиться мира съ Англіей, и искалъ союзника. Онъ колебался между Польшей, Австріей и Россіей. Отъ Польши онъ скоро отказался; посѣтивъ Варшаву, онъ увидѣлъ, что поляки-войско и поляки-государство двѣ совершенно разныя вещи; насколько первые ему нравились, настолько варшавскій сеймъ его разочаровалъ. Къ союзу съ Австріей его очень склонялъ Талейранъ; Наполеонъ самъ потомъ сказалъ Меттерниху, что охотнѣе бы заключилъ союзъ съ ними, какъ европейцами, чѣмъ съ русскими медвѣдями, которыхъ слѣдовало бы прогнать опять въ ихъ лѣса, но... Мы знаемъ, что значило это «но»: «медвѣди» сражались куда лучше австрійцевъ. Думы Наполеона мы знаемъ по его перепискѣ. Думъ Александра не знаемъ, можемъ только догадываться; друзьямъ его казалось, что онъ безцѣльно бродилъ по улицамъ Тильзита, лорнируя прохожихъ...

Подъ Фридландомъ Наполеонъ въ іюнѣ 1807 г. разбилъ русское войско. Александръ заговорилъ о перемиріи, Наполеонъ — о

мирѣ. Оба императора свидѣлись на историческомъ плоту, поставленномъ посреди Нѣмана у г. Тильзита. Здѣсь заключенъ былъ не только миръ Россіи съ Франціей, но союзъ и тѣсная дружба обоихъ государей. Какъ это могло случиться? Какъ рѣшился Александръ столь круто повернуть свою политику?

Различно отвѣчаютъ на этотъ вопросъ. Однимъ казалось, что молодой, неопытный, колеблющійся Александръ былъ очарованъ, загипнотизированъ Наполеономъ, подпалъ подъ его вліяніе, другіе, напротивъ, полагаютъ, что Александръ обманулъ, провелъ Наполеона, притворился ненавистникомъ Англіи, получилъ выгодный миръ и потихоньку приготовился къ войнѣ.

Можно ли допустить, что Александръ обошелъ, обманулъ Наполеона? Наполеонъ совсѣмъ не такой человѣкъ, котораго можно было бы провести. Условія Тильзитскаго мира вовсе не выгодны для Россіи: то, чего опасались, совершилось: не подъ своимъ именемъ, но на дѣлѣ, Польша была возстановлена, и этимъ русской политикѣ и государственнымъ интересамъ нанесенъ несомнѣнный ущербъ; положеніе это признаютъ и французскіе историки, но они оправдываютъ Наполеона тѣмъ, что, заключая союзъ съ Александромъ, онъ долженъ былъ принять мѣры на случай смерти Александра, если бы его преемникъ пошелъ другой дорогой. Это вѣрно; но какой же это союзъ, когда одна сторона дѣлаетъ другой самую большую непріятность? Россія примыкала къ континентальной системѣ, и этимъ Англія, врагъ Франціи, обрекалась на медленную смерть; Россія же по Тильзитскому договору получала лишь кажущуюся выгоду: она выходила изъ войны безъ матеріальнаго ущерба и даже увеличивала нѣсколько свою территорію; поэтому можно было въ глазахъ народа представить окончаніе войны во всякомъ случаѣ не какъ пораженіе; было пощажено и самолюбіе Александра; но ущербъ нравственный былъ очень значителенъ. Александръ не только терялъ ореолъ защитника народовъ противъ тираніи Бонапарта, но и становился въ одну категорію съ тѣми многочисленными государями Германіи, которые, въ союзѣ съ Наполеономъ, увеличивали свои владѣнія, Россія теряла самостоятельное мѣсто и начинала дѣйствовать какъ спутница Франціи. Всѣ выгоды Россіи отъ договора были въ будущемъ: Наполеонъ разрѣшалъ сдѣлать завоеванія и даже заботливо объяснялъ новому союзнику, въ какихъ именно мѣстахъ ему надо исправить границы. Такъ именно и былъ понятъ трактатъ русскимъ обществомъ: негодованіе было сильное, и неизвѣстно, что больше раздражало, предстоявшая ли война съ Англіей или потеря Россіей самостоятельности. Фикція двухъ великихъ имперій—Запада и Востока, подѣлившихъ между собою міръ, — не могла закрыть глаза русскимъ, которые боялись, какъ бы не увидѣть въ одинъ прекрасный день только одну имперію.

Условія мира были выгодны для Наполеона и тяжелы для Александра. Почему же Александръ пошелъ на такія условія? Многіе полагаютъ, что, принимая эти условія, онъ уже думалъ о томъ, какъ уничтожить ихъ; что онъ выгадывалъ время, необходимое для подготовки новой войны.

Въ 1805—1807 гг. Александръ не былъ Макіавелли; про его дѣйствія можно сказать много—что они были легкомысленны, стремительны, своенравны, что онъ не жалѣлъ своего народа, что онъ былъ упрямъ, но по правдѣ надо добавить, что его поступки были юношески горячи, благородны и рыцарственны... Истинный характеръ отношеній Александра къ Наполеону въ Тильзитѣ раскрывается послѣ Тильзита, въ 1807—1808 гг.: когда противъ Александра поднялась, можно сказать, буря въ обществѣ, когда къ нему съ упреками-мольбами обращались его близкіе, даже родная мать, когда онъ зналъ о всеобщемъ недовольствѣ,—почему онъ, такой чуткій къ мнѣніямъ другихъ о себѣ и хитрый, молчалъ? Ужели недостаточно было нѣсколькихъ намековъ, жестовъ даже, чтобы успокоить общество; вѣдь онъ былъ такой мастеръ на подобные пріемы. Что за выгода была ему принять на себя особаго рода мученичество и видѣть, что всѣ кругомъ считаютъ его обманутымъ? ради чего онъ разошелся съ людьми, которыхъ раньше уважалъ? Но еще болѣе сильное впечатлѣніе производятъ его продолжительныя бесѣды съ Коленкуромъ въ 1807—1808 гг. Жутко и больно читать отчеты Коленкура о разговорахъ его съ царемъ.

Поведеніе Александра объясняется его увѣренностью, что рѣшительные успѣхи русскаго оружія на Дунаѣ сдѣлаютъ франко-русскій союзъ народнымъ. Постоянно возвращаясь къ словеснымъ обѣщаніямъ Наполеона въ Тильзитѣ, Александръ постоянно допытывался, когда же Наполеонъ намѣренъ привести въ дѣйствіе свои слова, когда онъ пойдетъ во главѣ своей арміи на Турцію, гдѣ сойдутся оба императора. Онъ заговаривалъ объ этомъ такъ настойчиво, что изъ Франціи пришелъ, наконецъ, положительный отвѣтъ, но Наполеонъ за это требовалъ себѣ новаго вознагражденія и указывалъ его тамъ, гдѣ Александръ не могъ согласиться: Наполеонъ требовалъ себѣ Силезіи и низведенія Пруссіи въ разрядъ государствъ, не имѣющихъ права имѣть армію! Наполеонъ грубо прибавлялъ, что пруссаки отъ этого будутъ счастливѣе и богаче. Потомъ, завязнувъ въ Испаніи, онъ согласился, назначилъ свиданіе для установленія срока, потомъ свиданіе безъ срока... Если бы Александръ не мечталъ о завоеваніяхъ на Востокѣ, онъ не сталъ бы раздражать своего «союзника» напоминаніями о Востокѣ, не сталъ бы торговаться изъ-за Дарданеллъ. Во время переговоровъ съ Коленкуромъ у Александра наполовину срывались жестокія слова о цѣнѣ союза. Такими словами онъ не усыплялъ Наполеона, а напротивъ—будилъ.

Но это слова, а дѣйствія? Ужели это приготовленіе къ войнѣ съ Франціей послѣ Аустерлица, Эйлау и Фридланда, вести четыре войны съ 1808 г.: со шведами, съ Англіей, съ Турціей и Персіей?

Кажется ясно, что Александръ добросовѣстно исполнялъ принятыя на себя обязательства. Что же могло заставить его такъ круто перемѣнить систему? Прежде всего была ли у него опредѣленная система? Онъ выступилъ противъ Наполеона во имя угнетенныхъ народовъ, но едва ли кто станетъ утверждать, что защита угнетенныхъ народовъ составляла систему или даже принципъ политики Александра. Не разъ, когда обстоятельства угнетали Александра, онъ старался привлечь къ себѣ эти самые угнетенные народы, но онъ забывалъ о нихъ въ дни счастья или спокойствія. Такъ, уже въ 1806 г. русское правительство вступило въ переговоры съ славянскимъ населеніемъ Турціи — съ болгарами, сербами, босняками и герцеговинцами: въ 1806 г. Александръ далъ слово маленькой республикѣ Семи Острововъ, что онъ не положитъ сабли своей въ ножны, пока не добьется ихъ самостоятельности. Предъ войной 1812 г. на эти народы возлагались особыя надежды, но на Вѣнскомъ конгрессѣ для нихъ не было ничего сдѣлано, несмотря на напоминанія. Такой принципъ не гармонировалъ бы и съ міросозерцаніемъ Александра; уже второе его выступленіе въ 1806 гг. вызвано было въ нѣкоторой степени личнымъ его отношеніемъ— оскорбленнымъ самолюбіемъ и дружбою къ Фридриху-Вильгельму.

Александръ мѣнялъ въ Тильзитѣ—и уже не въ первый разъ— не систему, а союзника: сначала онъ имѣлъ союзникомъ Франца австрійскаго, потомъ Фридриха-Вильгельма прусскаго, теперь Наполеона. Перемѣнить союзника его заставило то же, что заставило Наполеона искать его союза. Онъ боялся продолженія войны, въ ней онъ рисковалъ бы больше, чѣмъ Наполеонъ: войско было разбито, оборона страны на случай непріятельскаго нашествія не только не устроена, даже не намѣчена. Наполеонъ тоже не хотѣлъ продолженія войны. Между тѣмъ условія Тильзитскаго договора позволяли Александру съ кажущимся успѣхомъ окончить крайне неудачныя его выступленія 1805—1807 гг.: Россія не имѣла видныхъ потерь. Были потери нравственныя, но разобрался ли въ нихъ Александръ? никто изъ русскихъ не былъ свидѣтелемъ бесѣды двухъ императоровъ; могъ ли Александръ полагать, что унижается предъ Наполеономъ, если онъ расчитывалъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ осуществить грезы Екатерины — стать господиномъ Константинополя и Дарданеллъ. Честолюбіе, желаніе славы въ гораздо большей степени руководило Александромъ, чѣмъ мечта объ освобожденіи народовъ. Его любимая сестра, Екатерина Павловна, съ которой онъ былъ особенно откровененъ, первоначально вовсе не пришла въ негодованіе отъ Тильзита; она соглашалась примириться съ этимъ миромъ, если границами Россіи будутъ, какъ утверждаютъ городскіе слухи, Висла

и Дунай, ибо тогда Россія станетъ неприступна и недоступна! Вотъ о чемъ мечтала она, глава враждебной Наполеону партіи. У Александра въ карманѣ уже былъ договоръ, въ которомъ границами назначались Торнео и Дунай и были обѣщаны Босфоръ и Дарданеллы. Александръ расчитывалъ на завоеванія въ Турціи, эти успѣхи примирили бы русское общество и народъ съ Тильзитомъ. Вопросъ сводился къ тому, можно ли было повѣрить Наполеону? Почти всѣ окружающіе Александра говорили «нѣтъ», онъ самоувѣренно сказалъ «да». Самоувѣренность Александра вообще была велика; она его наслѣдственная черта. Самоувѣренные поступки Петра III и Павла часто были вполнѣ необоснованны, у Александра были основанія. Не слѣдуетъ забывать и того, что Александръ иначе относился тогда къ Наполеону, чѣмъ его окружающіе. Онъ не могъ не оцѣнить исключительнаго генія Наполеона; онъ былъ пораженъ тѣмъ искусствомъ, съ которымъ Наполеонъ сумѣлъ покорить себѣ Францію послѣ революціи; онъ искренно былъ восхищенъ французскими учрежденіями и порядками. Тильзитъ отразился у него не только въ политикѣ внѣшней, но и во внутренней. Бесѣды съ Наполеономъ объ управленіи народами, о ихъ счастьи были менѣе изящны и краснорѣчивы, чѣмъ бесѣды Лагарпа, но зато болѣе проникновенны и навсегда оставили слѣдъ въ душѣ Александра. Таково уже свойство умовъ, самостоятельно не работающихъ, наитіемъ не одаренныхъ: повторять послѣднія слова науки, которыя въ области государствовѣдѣнія мѣняются довольно скоро.

Александръ и Наполеонъ заключили Тильзитскій договоръ, потому что оба считали его выгоднымъ для себя: выгоды Наполеона были налицо, выгоды Александра — въ будущемъ. Въ виду настроеній русскаго общества Александръ былъ очень заинтересованъ, чтобъ Наполеонъ сдержалъ свои обѣщанія. Но Наполеонъ и не думалъ о нихъ. Съ каждымъ курьеромъ, пріѣзжавшимъ къ Коленкуру изъ Парижа, вѣра Александра въ Наполеона колебалась, а вмѣстѣ съ тѣмъ приходилось сознаться въ своей ошибкѣ, тѣмъ болѣе непріятной, что очень многіе предостерегали отъ нея. Послѣ долгихъ споровъ, переговоровъ обѣ стороны пришли къ заключенію, что личное свиданіе лучше устранитъ возникшія недоразумѣнія. Встрѣча состоялась въ Эрфуртѣ въ сентябрѣ 1808 года. Здѣсь Александръ убѣдился, что онъ былъ обманутъ Наполеономъ, что Наполеонъ и не помышлялъ о походѣ въ Индію черезъ Турцію, что Тильзитомъ Наполеонъ воспользовался для завоеванія Испаніи. Съ этого времени Наполеонъ, какъ человѣкъ, утратилъ всякое довѣріе Александра; отсюда Александръ и написалъ извѣстныя свои письма къ матери и сестрѣ, по которымъ онѣ могли видѣть измѣнившееся положеніе вещей; здѣсь же стоитъ фраза: «rira bien, qui rira le dernier». Хотя союзъ съ Наполеономъ былъ торжественно подтвержденъ, но какъ только Александръ рѣшилъ измѣнить свою политику, онъ немедленно объявилъ объ этомъ

своимъ близкимъ. Александръ на этотъ разъ не повернулъ руль круто, а лишь осторожно началъ мѣнять курсъ. Во-первыхъ, онъ сохранялъ убѣжденіе въ превосходствѣ Наполеона, какъ полководца и правителя; затѣмъ подъ руками у него не было новой комбинаціи, къ войнѣ съ Франціей онъ вовсе не былъ готовъ, и, наконецъ, все еще расчитывалъ въ союзѣ съ Наполеономъ значительно укрѣпить границы имперіи, такъ какъ въ Эрфуртѣ было постановлено, что Россія имѣетъ право домогаться на сѣверѣ всей Финляндіи, на югѣ — княжествъ Молдавіи и Валахіи. Александръ рѣшилъ выгадывать время и за всякую услугу Франціи требовать соотвѣтственнаго вознагражденія для Россіи. На условіяхъ равенства онъ готовъ былъ продолжать союзъ съ Франціей, хоть и не имѣлъ довѣрія къ личности Наполеона. Офиціально отношенія обоихъ императоровъ остались дружественными; Наполеонъ, кажется, не подмѣтилъ перемѣны въ настроеніи русскаго государя. Вернувшись въ Россію, Александръ дѣятельнѣе прежняго взялся за окончаніе шведской войны и продолженіе турецкой, а равно и за преобразованія внутреннія въ духѣ французскаго устройства.

IV.

Преобразованія внутреннія. — Сперанскій.

Во время этой заграничной поѣздки Александръ еще разъ убѣдился въ превосходствѣ гражданскаго управленія за границей сравнительно съ нашимъ. Мысль укрѣпить свое государство и внутри овладѣваетъ снова Александромъ. Теперь онъ сталъ гораздо самостоятельнѣе, у него предъ глазами примѣръ Наполеона; къ услугамъ его всегда дѣловые совѣты французовъ и даже, если нужно, сами французы. Наполеонъ готовъ былъ содѣйствовать укрѣпленію Россіи внутреннему и внѣшнему, и не мало сдѣлали французы-инженеры: они исправили, между прочимъ, укрѣпленія Кронштадта и другихъ портовъ. Съ прежними друзьями своими, членами негласнаго комитета, Александръ простился послѣ Тильзита; не легко было ему найти новыхъ слугъ. Всего труднѣе Александру было замѣстить два поста: министра иностранныхъ дѣлъ и посла въ Парижѣ. На первое мѣсто онъ назначилъ гр. Н. П. Румянцева; къ способностямъ его особеннаго довѣрія онъ не питалъ, но Румянцевъ былъ чуть не единственнымъ сторонникомъ «французской» системы. Впрочемъ, назначеніе это особой важности не имѣло, такъ какъ иностранныя дѣла государь велъ самъ и вмѣшивался во всѣ мелочи этой части; многое шло помимо Румянцева и помимо пословъ, аккредитованныхъ при дворѣ; Александръ нерѣдко посылалъ подъ разными предлогами молодыхъ людей, напр., Нессельроде, Чернышова и др., которымъ довѣрялъ чрезвычайно важныя порученія. Посломъ въ Парижъ Александръ назначилъ вполнѣ преданнаго

себѣ человѣка, гр. П. А. Толстого, но Толстой былъ очень сдержанъ съ Наполеономъ и его дворомъ, и послѣ Эрфурта замѣненъ былъ кн. А. Б. Куракинымъ; однако важнѣйшіе переговоры шли мимо и Куракина... Военное министерство государь ввѣрилъ гр. Аракчееву; съ 1807 г. Аракчеевъ быстро пошелъ въ гору. Аракчеевъ чуть ли не одинъ не оставилъ государя послѣ Тильзита. Онъ никогда не позволялъ себѣ осуждать систему или политику своего повелителя и всегда былъ исполнитель не за страхъ, а за совѣсть. Бѣдный, неродовитый дворянинъ, онъ не имѣлъ иной опоры, кромѣ милости царя. Коленкуръ, понимавшій военное дѣло, хвалилъ и выдвигалъ Аракчеева. Честный, исполнительный, Аракчеевъ умѣлъ и другихъ заставлять работать. Александръ не могъ не дорожить такимъ слугой; остальные министры ничѣмъ не выдѣлялись. По дѣламъ внутреннимъ государь выбралъ себѣ сотрудникомъ М. М. Сперанскаго. Такъ же какъ и Аракчеевъ, Сперанскій не имѣлъ никакихъ связей въ петербургскомъ обществѣ; такъ же, какъ и первый, онъ всецѣло зависѣлъ отъ государя. Александръ расчитывалъ имѣть въ Сперанскомъ такого же работоспособнаго и покорнаго сотрудника въ дѣлахъ внутренняго управленія, какого для военныхъ дѣлъ имѣлъ въ гр. Аракчеевѣ. Сходные по положенію, они были совершенно различны по характерамъ: Аракчеевъ былъ практикъ, Сперанскій — теоретикъ.

Сперанскому поручено было чрезвычайно трудное дѣло: частью онъ долженъ былъ редактировать мысли государя по государственному управленію, частью долженъ былъ самъ измыслить нѣкоторыя реформы. Стать редакторомъ мыслей Александра было нелегко, потому что мысли его были весьма неясны; измыслить реформы Сперанскій вовсе не былъ подготовленъ ни образованіемъ своимъ, ни предыдущей службой, такъ какъ во главѣ живого, не бумажнаго дѣла, онъ не стоялъ. Но какъ бы то ни было, Александръ окружилъ себя теперь людьми вполнѣ отъ него зависимыми, «своими», и чрезъ ихъ посредство надѣялся создать въ Россіи такую же сильную правительственную машину, какъ во Франціи. Кажется, въ 1808 — 1809 гг. послѣ Эрфурта онъ не предвидѣлъ еще въ скоромъ будущемъ войны и расчитывалъ, что успѣетъ провести свои реформы во время мира. Онъ не думалъ уступать мнѣніямъ петербургскихъ и московскихъ кружковъ: указомъ 3 апрѣля 1809 г. онъ потребовалъ отъ аристократіи дѣйствительной службы въ правительственныхъ учрежденіяхъ, а указомъ 6 августа того же года сильно повысилъ научный цензъ для лицъ, состоящихъ на службѣ. Оба эти указа вызвали большое раздраженіе въ обществѣ. Недовольный настроеніемъ высшихъ классовъ, государь остановился на мысли создать учебныя заведенія, въ которыхъ дѣти дворянства могли бы подготовляться въ желательномъ для правительства духѣ для государственной службы. Мысль эта и была осуществлена въ 1811 г. учрежденіемъ Царскосельскаго лицея. Послѣ указа

6 августа и основанія лицея только лица, прошедшія курсъ въ правительственныхъ учебныхъ заведеніяхъ могли занимать среднія и высшія должности: Александръ хотѣлъ укрѣпить администрацію полнымъ переустройствомъ ея на новыхъ началахъ. Тотчасъ послѣ возвращенія изъ Эрфурта онъ усиленно сталъ работать со Сперанскимъ по этимъ вопросамъ; они много читали, объ многомъ бесѣдовали; не осталось безъ вліянія, прямого или косвеннаго, французское устройство. Изъ Парижа посовѣтовали Александру для скорѣйшаго окончанія шведской войны вызвать финляндскихъ quasi-депутатовъ и уговориться съ ними; онъ принялъ совѣтъ и не имѣлъ причины раскаиваться. Коленкуръ показывалъ Александру конституцію, приготовленную въ Парижѣ для испанцевъ; Александръ нашелъ, что она, безъ сомнѣнія, привлечетъ много людей на сторону Франціи. И у насъ къ этому времени среди высшаго служилаго класса широко распространено было мнѣніе, что привлеченіе народнаго представительства къ законодательной дѣятельности, особенно финансовой, утроитъ, учетверитъ силу правительства. Сперанскому и приказано было на основаніи мыслей государя составить такой планъ переустройства управленія, въ которомъ было бы мѣсто и народному представительству. Несомнѣнно, что самая идея принадлежала Александру. По положенію своему Сперанскій никогда не рѣшился бы самъ предложить подобнаго плана; онъ былъ слишкомъ уменъ и остороженъ, чтобъ предлагать государю политическую реформу. «Не я ихъ предложилъ, — писалъ впослѣдствіи Сперанскій государю, — я ихъ нашелъ совершенно образовавшимися въ Вашемъ умѣ». Сперанскій позже съ негодованіемъ отвергалъ обвиненіе, будто Государственный Совѣтъ умалилъ власть государя, и доказывалъ противное. Многочисленные обвинители, всюду искавшіе предлоговъ для обвиненія Сперанскаго въ умаленіи самодержавія, нападавшіе на невинныя формулы, въ родѣ: «внявъ мнѣнію Совѣта», на «контрасигнированіе министровъ», ни словомъ не обмолвились о главной части плана—порядкѣ законодательномъ. Это даетъ полное основаніе думать, что плана въ его цѣломъ никто не видѣлъ: черновикъ плана былъ на дому у Сперанскаго, а изъ чистыхъ экземпляровъ — одинъ, на русскомъ языкѣ, находился у государя, другой, на французскомъ, предназначался для принца Ольденбургскаго, супруга Екатерины Павловны; слѣдовательно, планъ составленъ былъ только для государя.

Александръ намѣтилъ себѣ въ 1809 г. программу, подобно тому, какъ онъ намѣтилъ ее себѣ, будучи наслѣдникомъ престола, когда, по словамъ Чарторыйскаго, онъ успокоился только послѣ того, какъ ему написали конституцію, которую онъ хотѣлъ обнародовать немедленно по вступленіи на престолъ; такую же программу съ конституціей въ концѣ намѣчали члены негласнаго комитета. Совершенно такой же порядокъ намѣчался и теперь: улуч-

шеніе администраціи, изданіе свода законовъ, улучшеніе финансовъ и въ заключеніе—политическая реформа; такъ же, какъ въ дни негласнаго комитета, все это должно было оставаться въ тайнѣ, и государь себѣ предоставлялъ опредѣлить время, когда онъ найдетъ удобнымъ это сдѣлать. Нѣтъ основаній полагать, что Александръ былъ неискрененъ въ своемъ намѣреніи. Тайну зналъ одинъ Сперанскій, — не сталъ бы Александръ только рисоваться предъ однимъ своимъ статсъ-секретаремъ. Кромѣ примѣра Наполеона, умѣвшаго когда нужно давать конституцію, Александръ въ лицѣ Наполеона же имѣлъ примѣръ отъ противнаго: многочисленные агенты Александра не оставляли его въ невѣдѣніи насчетъ недовольства Франціи образомъ правленія. И всѣ наши конституціоналисты того времени съ негодованіемъ отзываются о французской системѣ, какъ своего рода издѣвательствѣ надъ народнымъ представительствомъ. Сверхъ того, недовольный настроеніемъ аристократическихъ кружковъ Петербурга и Москвы, Александръ могъ расчитывать, что въ Думѣ его правительство найдетъ опору противъ притязаній этого класса.

Зная предшествовавшую реформаторскую дѣятельность Александра, можно было сомнѣваться, чтобы государь теперь довелъ дѣло до конца. Ошибка Сперанскаго и заключалась въ томъ, что онъ не принялъ во вниманіе эту сторону характера государя и искренно увѣровалъ, что черезъ два года, въ началѣ 1812 г., Россія получитъ новое политическое бытіе. Сперанскій и до 1809 г., и послѣ 1812 г., въ своихъ многочисленныхъ запискахъ считалъ Россію не готовой для конституціоннаго правленія и правильно указывалъ, что̀ надо было создать, и что̀ уничтожить до дарованія Россіи конституціи. Къ сожалѣнію, Сперанскій не былъ способенъ съ твердостью отстаивать свои убѣжденія предъ государемъ. Принявъ довольно неопредѣленныя желанія государя за непремѣнную его волю, Сперанскій спѣшилъ доказать, что всѣ препятствія можно одолѣть въ сравнительно короткій срокъ; не было, напр., свода законовъ, основного условія законности, но Сперанскій увѣрялъ, что черезъ 4 мѣсяца гражданское уложеніе будетъ уже разсмотрѣно новымъ Государственнымъ Совѣтомъ, хотя проекта этого уложенія не было еще и у него самого. Финансы были разстроены, но они будутъ быстро улучшены: планъ финансовыхъ реформъ уже зрѣлъ въ головѣ Сперанскаго. Сперанскій понималъ, конечно, что трудно установить законность въ странѣ, гдѣ было крѣпостное право, но полагалъ возможнымъ дать всему населенію общегражданскія права и положить, что никто безъ суда наказанъ быть не можетъ; что никто не обязанъ исполнять вещественныхъ повинностей по произволу другого, — а лишь по закону или добровольнымъ условіямъ, — но сколько времени потребовалось на одно только составленіе подобныхъ добровольныхъ условій! да и согласилось ли бы тогдашнее дворянство промѣнять свои владѣльческія права

на политическія, предлагаемыя планомъ Сперанскаго: однихъ темныхъ слуховъ о замыслахъ Сперанскаго было достаточно, чтобъ его рѣшительно возненавидѣло огромное большинство дворянъ. Невольно напрашивается параллель между Сперанскимъ и членами негласнаго комитета. Послѣдніе по положенію своему имѣли гораздо больше основаній желать политической реформы, но они уговаривали Александра не спѣшить съ тѣмъ, что̀ должно быть вѣнцомъ продолжительной и напряженной работы; Сперанскій, стоявшій совсѣмъ въ другихъ условіяхъ, брался устроить дѣло въ небольшой періодъ, можетъ-быть и потому, что боялся, какъ бы государь не обратился къ другому.

Въ октябрѣ 1809 г. планъ былъ готовъ, а въ концѣ года государь рѣшилъ вводить его постепенно; на первую очередь поставлено было новое образованіе Государственнаго Совѣта. 1 января 1810 г. Совѣтъ въ новомъ составѣ былъ открытъ рѣчью государя. Только три-четыре лица, призванныя на главные посты, имѣли возможность прочитать новое «образованіе». Такая спѣшность имѣла невыгодныя стороны: новое «образованіе» не всѣми было понято, какъ слѣдуетъ; нѣкоторымъ казалось, что Совѣту присвоено было законодательное значеніе, чѣмъ умалена была самодержавная власть государя. На дѣлѣ, въ «Образованіи» Совѣта ничего подобнаго нѣтъ, и совершенно ясно, что онъ является только законосовѣщательнымъ учрежденіемъ при государѣ. Сперанскій, очевидно, стремился установить на практикѣ важное различіе между «закономъ» и «указомъ»; отнынѣ закономъ въ русской жизни становилось то, что принято было Совѣтомъ и одобрено государемъ; другія изъявленія воли монаршей облекались въ формы указовъ, рескриптовъ и манифестовъ. Современники придавали, напротивъ, большое значеніе внѣшнимъ формамъ; торжественное открытіе Совѣта государемъ, наименованіе членовъ его законодательнымъ сословіемъ, формула утвержденія «внявъ мнѣнію...» въ связи съ распространившимися слухами о рѣшеніи государя утверждать только мнѣнія большинства, позволили нѣкоторымъ, даже виднымъ членамъ новаго Совѣта (напр., Н. С. Мордвинову), смотрѣть на Совѣтъ, какъ на такое учрежденіе, установленіемъ котораго самодержавная власть сама себѣ поставила границы.

Несмотря на нѣкоторыя частичныя ошибки, Сперанскій въ общемъ хорошо поставилъ Совѣтъ; въ такомъ видѣ, почти безъ перемѣны, онъ просуществовалъ 95 л., до 1905 года. Несомнѣнно, удалась Сперанскому и реформа министерствъ. Сперанскій вывелъ центральные органы управленія изъ того промежуточнаго состоянія, въ которое ихъ поставила реформа 1802 г.; онъ придалъ имъ строго единоличный характеръ; отнынѣ министръ обладалъ большою полнотою власти, дѣла управленія по различнымъ вѣдомствамъ распредѣлены были правильнѣе, такъ какъ число министерствъ и главныхъ управленій было увеличено почти вдвое, съ 8 до

14; въ учрежденіи министерствъ Сперанскій слѣдовалъ французской системѣ; неудачно только были организованы министерства внутреннихъ дѣлъ и новое министерство полиціи. Надо, однако, сказать, что реформы этого рода суть легчайшія; имѣя въ своемъ распоряженіи денежныя суммы, нетрудно увеличить число центральныхъ органовъ, нетрудно и лучше распредѣлить дѣла между ними.

Полное уничтоженіе коллегіальнаго строя въ министерствахъ, усиленіе министерской власти ставило передъ Сперанскимъ еще настойчивѣе ту задачу, которую не удалось разрѣшить реформѣ 1802 г., именно вопросъ, какъ организовать единство управленія и отвѣтственность министровъ. Къ 1810 — 1811 гг., когда переустроивались министерства, уже выяснилось, что существенная часть плана не будетъ осуществлена въ скоромъ времени; вопросъ о войнѣ съ Франціей висѣлъ уже въ воздухѣ, и не время было думать о введеніи такой важной реформы. Тогда Сперанскій пришелъ къ тому же, къ чему въ 1802 г. пришелъ негласный комитетъ, т.-е. рѣшилъ, что если нельзя устроить отвѣтственность министровъ предъ законодательнымъ собраніемъ, то остается сдѣлать министерство отвѣтственнымъ предъ Сенатомъ. Такъ естественно выплылъ вопросъ о Сенатѣ. Сперанскій былъ близокъ членамъ негласнаго комитета; возможно, что онъ отчасти былъ ихъ вдохновителемъ. Ихъ идеи, что въ Сенатѣ смѣшаны разные виды власти, онъ вполнѣ раздѣлялъ, почему и предлагалъ раздѣлить Сенатъ на два: правительствующій и судный. Сенатъ правительствующій есть собственно Комитетъ Министровъ; такъ какъ кругъ вѣдомства этихъ двухъ учрежденій постоянно смѣшивался, то казалось логическимъ одно изъ нихъ уничтожить, и Сперанскій находилъ, что лучше уничтожить Комитетъ Министровъ, хотя бы изъ уваженія къ старому имени Сената. Министры и нѣкоторыя особо назначенныя лица образовывали Правительствующій Сенатъ, который имѣлъ двоякія засѣданія: для важныхъ дѣлъ подъ предсѣдательствомъ государя, для дѣлъ обыкновенныхъ — канцлера. Этимъ путемъ Сперанскій надѣялся, какъ и въ 1802 г., сократить личные доклады министровъ и достигнуть нѣкотораго единства въ управленіи. Сперанскій не рѣшался такому учрежденію довѣрить дѣла, требовавшія особой тайны: они должны были разсматриваться государемъ въ Кабинетѣ.

Судебный Сенатъ Сперанскій прежде всего дѣлилъ на четыре Сената по округамъ: въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ и Казани; половину его членовъ предполагалось сдѣлать выборными отъ дворянскихъ обществъ; приговоры Сената—окончательны, и жаловаться на нихъ государю нельзя; только тѣ приговоры, которые влекли за собою лишеніе чести и дворянства, подлежали утвержденію государя, амнистія оставалась прерогативой короны. Поставленный такъ Сенатъ могъ дать странѣ независимый, хорошій судъ. Но и въ такомъ видѣ реформа не прошла. Лица, близкія къ Але-

ксандру, возстали въ Совѣтѣ противъ окончательности сенатскихъ приговоровъ, усматривая въ этомъ умаленіе самодержавной власти; какъ можно, разсуждали они, при настоящемъ печальномъ состояніи правосудія лишить народъ возможности обращаться къ царю, котораго народъ почитаетъ верховнымъ и праведнымъ судьею. Возражали и противъ выборныхъ сенаторовъ. Наконецъ немало членовъ Совѣта находило, что «не время (1811 г.) теперь мѣнять учрежденія, къ которымъ всѣ привыкли». Государь утвердилъ предложеніе Сперанскаго, но отсрочилъ введеніе его до другого времени. Оно не увидѣло свѣта; Сенатъ остался въ прежнемъ своемъ положеніи, явно неудовлетворительномъ; напротивъ того, Комитетъ Министровъ, какъ бы соперникъ Сената, выигралъ.

Административныя реформы Сперанскаго были, вообще говоря, удачны. Гораздо менѣе счастливъ былъ съ составленіемъ свода и преобразованіями по государственному хозяйству.

Слишкомъ хорошо извѣстно, какъ нуждалась тогда вся Россія въ сводѣ законовъ, и сколько было попытокъ дать сводъ законовъ или уложеніе. Отсутствіемъ свода объяснялась наличность многихъ несовершенствъ тогдашней жизни, оно указывалось, какъ главное препятствіе для проведенія реформы. Сперанскій взялся за это дѣло, по порученію Александра, съ осени 1808 г. Онъ не имѣлъ тогда знаній для столь сложнаго дѣла. Оно представлялось ему весьма легкимъ, особенно при существованіи прославленнаго кодекса Наполеона. Изъ этихъ трудовъ Сперанскаго ничего не вышло; впослѣдствіи онъ самъ пошелъ совершенно другимъ путемъ и тогда далъ Россіи Сводъ Законовъ. Непріятное впечатлѣніе должно было произвести, что послѣ торжественнаго объявленія въ манифестѣ 11 января 1810 г., что первая часть гражданскаго уложенія уже готова и что другія части за ней непрерывно послѣдуютъ, Россія такъ и не увидѣла обѣщаннаго уложенія.

Вторымъ дѣломъ, которымъ занялся Совѣтъ, было разсмотрѣніе новаго финансоваго плана.

Положеніе государственнаго хозяйства въ 1810 г. характеризуется слѣдующими цифрами. По смѣтѣ доходовъ исчислено было 105 милл. руб., расходовъ—230 милл. руб., ассигнацій въ обращеніи было уже 517 милл. руб. О сокращеніи расходовъ думать было нечего, такъ какъ предстояла война. Оставалось поднять доходы; Сперанскій къ этому и шелъ и имѣлъ право идти, потому что уже давно новыхъ налоговъ не вводилось, а паденіе ассигнаціоннаго рубля было весьма выгодно массѣ плательщиковъ; но возвышеніе налоговъ всегда и вездѣ вызываетъ ропотъ. Сперанскій увеличилъ налоги настолько, что уже по смѣтѣ на 1812 г. доходы исчислены были въ 300 милл. руб., но именно эта скорость и вызвала столько нареканій на правительство; она была во всякомъ случаѣ не нормальна, хотя, можетъ-быть, въ виду исключительныхъ событій

и необходима. Увеличеніе доходовъ сопровождалось цѣлымъ рядомъ обѣщаній населенію; но обѣщанія эти не исполнялись. Сперанскій считалъ необходимымъ изъять какъ можно скорѣе ассигнаціи изъ обращенія и установить денежное обращеніе на неизмѣнномъ основаніи, именно на серебрѣ. Поэтому ассигнаціи объявлены были государственнымъ долгомъ, объявлено было также, что новыхъ выпусковъ ассигнацій не будетъ; назначенъ цѣлый рядъ мѣръ для погашенія ассигнацій, каковы внутренній заемъ и продажа казенныхъ ненаселенныхъ земель; время для этихъ операцій было очень неудачное: при быстромъ ростѣ расходовъ отважиться на сокращеніе ассигнацій было рискомъ, въ области государственнаго хозяйства непозволительнымъ. Продажа казенныхъ ненаселенныхъ земель дала казнѣ ничтожную сравнительно сумму и въ то время причинила большой вредъ казеннымъ крестьянамъ: до этой продажи, если въ казенныхъ волостяхъ обнаруживалось малоземелье, крестьянъ свободно передвигали на незанятыя земли, которыхъ тогда было много. Теперь, въ связи съ продажею земель, переселенія были запрещены и это повело къ тому, что въ 20-хъ годахъ ревизіи хозяйства казенныхъ крестьянъ мѣстами обнаружили нищенское ихъ положеніе, какъ результатъ малоземелья. Количество же ассигнацій не только не уменьшилось, но увеличилось: въ 1812 г. ихъ пришлось выпустить на 142 милл. руб., въ 1813 г.— на 120 милл. руб., къ 1824 г. ассигнаціонный долгъ возросъ до 833 милл. руб.; курсъ ихъ упалъ въ 1812 г. до того, что за ассигнаціонный рубль давали 20 коп. сер., и тогда правительству пришлось объявить, что всѣ подати и налоги могутъ быть платимы исключительно ассигнаціями. О нѣкоторыхъ налогахъ объявлялось, что они вводятся на годъ, а потомъ они обращались въ постоянные.

Все это вызвало вполнѣ понятный ропотъ. Роптали теперь уже не только представители военнаго класса и чиновничество, но и рядовое дворянство, взволнованное повышеніемъ подушной, новою переписью, новыми налогами. Винить во всемъ этомъ только Александра или Сперанскаго нельзя; отвѣтственность съ ними раздѣляетъ и Государственный Совѣтъ, эти мѣры разсматривавшій и одобрявшій.

Сперанскаго, умнаго и талантливаго человѣка, императоръ Александръ безусловно переоцѣнилъ. Если съ помощью и въ союзѣ съ Наполеономъ Александръ расчитывалъ покрыться славой завоевателя, то Сперанскій предназначался на то, чтобы провести преобразованія внутреннія и дать царю славу Юстиніана. Неглубоко вникающій, поверхностный умъ Александра не разобралъ истинныхъ сторонъ дарованія Сперанскаго, талантливѣйшаго редактора, но вовсе не практическаго дѣльца. Сперанскій виновенъ, если о винѣ его можетъ быть рѣчь, еще менѣе: онъ обнаружилъ слишкомъ большую самоувѣренность, самонадѣянность, нѣкоторую хвастливость и

неискренность; онъ не имѣлъ мужества отказаться отъ предлагаемыхъ занятій, не имѣлъ скромности истиннаго знатока дѣла; но вѣдь не онъ напрашивался на многочисленныя должности, а его просили ихъ принять. Если бы у него была другая школа, другія традиціи, можетъ-быть, онъ и созналъ бы свое легкомысліе. Около государя стоялъ Совѣтъ, въ который, казалось, собранъ былъ цвѣтъ тогдашней нашей государственности. Всѣ важнѣйшія мѣры разсматривались въ Совѣтѣ дважды—сначала въ департаментахъ, потомъ въ общемъ собраніи. Не могли не видѣть члены Совѣта, что государственный секретарь обратился въ какого-то министра реформъ и далеко вышелъ изъ рамокъ дѣятельности, очерченной закономъ; они должны были бы найти въ себѣ мужество открыто заявить объ этомъ государю. Въ концѣ-концовъ интрига Сперанскаго свалила; но и для него и для государя было бы лучше, если бы онъ палъ въ открытой борьбѣ съ Совѣтомъ.

Широкая реформа кончилась неожиданно, но по существу почти такъ же, какъ и ея предшественница 1802 г.: 17 марта 1812 г. Сперанскій былъ высланъ въ Нижній-Новгородъ; 20 марта на время отсутствія государя учрежденъ былъ Комитетъ Министровъ «съ особенною властью по всѣмъ вообще дѣламъ государственнаго управленія». Комитетъ Министровъ непрерывно дѣйствовалъ и раньше; дѣло въ особой власти и въ измѣненіи его состава; членами его стали, кромѣ министровъ, предсѣдатели департаментовъ Государственнаго Совѣта; учреждена была и должность предсѣдателя комитета: до этого времени члены комитета предсѣдательствовали по очереди. На эту должность назначенъ былъ гр. Н. И. Салтыковъ, одновременно назначенный предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта. Произведены были измѣненія и въ Государственномъ Совѣтѣ: образованы засѣданія соединенныхъ департаментовъ; департаменты законовъ и экономіи были соединены; новому департаменту повелѣно пересмотрѣть всѣ мѣры по финансовому управленію, принятыя съ 1810 г., и обсудить способы, которыми можно было бы возстановить довѣріе населенія «къ благонамѣренности и постоянству мѣръ правительства по финансовой части».

Мы уже говорили, что послѣ Эрфуртскаго свиданія Наполеонъ не сразу понялъ ту перемѣну, которая произошла въ Александрѣ. Онъ началъ войну съ Австріей и, согласно договору, потребовалъ русской помощи. Въ Петербургѣ всѣ общественныя симпатіи были на сторонѣ Австріи. Если Наполеонъ уничтожитъ Австрію, какъ Пруссію, разсуждали у насъ, то настанетъ чередъ и Россіи. Съ такимъ взглядомъ согласенъ былъ и Александръ; онъ не скрылъ отъ французскаго посла, что находитъ необходимымъ наказать Австрію, но необходимымъ признаетъ и сохраненіе ея, какъ сильной, первоклассной державы; «это даже въ интересахъ нашего союза, — добавилъ государь, — потому что, въ противномъ случаѣ, мы съ вами

сдѣлаемся сосѣдями». Вмѣстѣ съ тѣмъ императоръ нѣсколько разъ заявлялъ Наполеону, что никоимъ образомъ не можетъ допуститъ увеличенія Варшавскаго герцогства и не желаетъ, чтобы бывшія польскія земли были отторгнуты отъ Австріи. Военную помощь Наполеону Александръ оказалъ лишь фиктивно. Отправленная противъ Австріи армія подъ начальствомъ кн. С. Ѳ. Голицына ровно ничего не сдѣлала. Внѣ всякаго сомнѣнія, что такой образъ дѣйствій кн. Голицыну былъ предписанъ; кромѣ того, Александръ не хотѣлъ, чтобы русской арміи пришлось сражаться противъ австрійцевъ вмѣстѣ съ польской. Бездѣйствіе своей арміи Александръ оправдывалъ тѣмъ, что у него на рукахъ пять войнъ, изъ нихъ четыре благодаря его союзу съ Наполеономъ. Между тѣмъ у Наполеона былъ критическій моментъ послѣ нерѣшительной битвы при Аспернѣ. Вообще во время этой войны Александръ занялъ опять вполнѣ самостоятельное положеніе и далъ понять Наполеону, что всему есть мѣра. Дальнѣйшіе поступки Наполеона показали, что никакого равенства между собою и Александромъ онъ никогда не допускалъ, и что поведеніе Александра раскрыло ему глаза. Разбивъ австрійцевъ при Ваграмѣ, Наполеонъ принудилъ ихъ просить мира и запросилъ Александра о томъ вознагражденіи Россіи, которое онъ желалъ бы получить. Послѣдній весьма искусно отказался отъ посылки своего уполномоченнаго, ввѣривъ интересы Россіи самому Наполеону, и предупредивъ еще разъ о нежелательности для него увеличенія Варшавскаго герцогства. Наполеонъ двѣ трети отнятой все-таки у Австріи Галиціи отдалъ герцогству, и лишь треть Россіи. Незадолго до этого мира Александръ кончилъ войну со Швеціей, начатую еще въ счастливые дни Тильзита. Швеція рѣшительно отказывалась отъ мира съ Франціей и отъ континентальной системы, и — согласно Тильзитскому договору—Александръ объявилъ Швеціи войну; въ Тильзитѣ было рѣшено, что вознагражденіемъ Россіи должна служить остальная часть Финляндіи. Такъ какъ одновременно съ объявленіемъ войны Швеціи началась и война съ Англіей, и англійскій флотъ весной показался въ Балтійскомъ морѣ, то русская армія, чтобы нанести рѣшительный ударъ шведамъ, должна была пройти холодную, голодную и мало проходимую Финляндію съ юга до сѣвера и затѣмъ спускаться по такимъ же негостепріимнымъ мѣстамъ Скандинавіи. Во время кампаніи Александру былъ данъ изъ Парижа совѣтъ для ускоренія дѣла вступить въ переговоры съ обитателями Финляндіи, вызвать въ Петербургъ ихъ депутацію. Александръ привелъ эту мысль въ исполненіе тѣмъ легче, что такіе переговоры между русскимъ правительствомъ и господствующимъ въ краѣ классомъ происходили еще при Екатеринѣ. При этомъ Александръ далъ финляндцамъ извѣстнаго рода обѣщанія. За нѣсколько мѣсяцевъ до окончанія войны въ мартѣ 1809 г. онъ созвалъ представителей финскаго народа на сеймъ въ Борго; въ грамотѣ своей, данной

сейму, и въ рѣчи государь обѣщалъ сохранить конституцію края, его коренные законы, религію, нравы и преимущества. Сеймъ выработалъ рядъ постановленій объ управленіи Финляндіи, объ ея милиціи, монетѣ и пр. Постановленія эти съ нѣкоторыми измѣненіями были утверждены Александромъ. Финляндія получила особое отъ имперіи управленіе, во главѣ котораго стоялъ сенатъ, дѣйствовавшій подъ надзоромъ генералъ-губернатора; власть и вѣдомство имперскихъ учрежденій не распространялись на Финляндію, дѣла которой прямо докладывались государю; первымъ докладчикомъ по дѣламъ Финляндіи былъ Сперанскій, но чрезъ два года въ 1811 г. финляндцы добились, что учреждена была особая должность по дѣламъ края, которую занялъ уроженецъ его Ребиндеръ. Нѣтъ никакихъ данныхъ утверждать, чтобы начавшіеся переговоры и сеймъ въ Борго оказали замѣтное вліяніе на ходъ военныхъ дѣйствій. Часть арміи, совершивъ труднѣйшій переходъ по льду черезъ Ботническій заливъ, вступила на шведскую почву вблизи Стокгольма; другой отрядъ шелъ черезъ Торнео. Швеція была принуждена къ миру; тамъ вспыхнула революція, Густавъ IV потерялъ тронъ, и преемникъ его Карлъ XIII поспѣшилъ заключить съ Россіей миръ въ Фридрихсгамѣ, въ сентябрѣ 1809 г., по которому отказался отъ Финляндіи; р. Торнео на сѣверѣ стала нашей границей. Этимъ было завершено великое историческое дѣло, это послѣдній этапъ по длинному и долгому пути обладанія Восточной Европой. Съ того времени, какъ преобразователь, основавъ столицу въ Петербургѣ, пробилъ здѣсь свое историческое окно, ясно стало, что безъ Финляндіи окно это одностворчатое: граница сосѣдняго и враждебнаго государства была слишкомъ близка къ столицѣ; при Елизаветѣ отвоевана была еще часть Финляндіи, но эта страна по самой природѣ могла быть или шведской или русской. Дѣло кончилось въ пользу Россіи и навсегда. Швеція перестала быть врагомъ Россіи; столкновенія, начавшіяся въ XIII в., закончены въ 1809 г.

Не легко было бы Александру опредѣлить свои отношенія къ новому краю. Въ окраинной политикѣ онъ могъ слѣдовать или примѣрамъ Петра Великаго, Елизаветы, Екатерины или выработать свои начала. Важно было, чтобы государь рѣшалъ совершенно свободно, чтобы нельзя было думать, что на тотъ или другой путь онъ вступилъ несвободно. Къ сожалѣнію, Александръ вступилъ въ переговоры съ населеніемъ края до окончанія войны и этимъ связалъ свою волю. Кажется, и тутъ онъ не разобрался въ слѣдствіяхъ. Франція часто поступала такъ, но Франція признавала верховенство народа, а Наполеонъ не стѣснялся, когда находилъ нужнымъ, брать свое слово назадъ. Русскій императоръ не могъ стать на такую точку зрѣнія, не становясь въ противорѣчіе съ самимъ собой. Россія получила Финляндію по миру съ Швеціей, но присягнувшіе Александру въ Борго и оставшіеся

вѣрными финляндцы имѣли основаніе считать, что они сами присоединились къ Россіи на тѣхъ началахъ, о которыхъ была рѣчь въ Борго и въ царскихъ манифестахъ. Не могло быть и сомнѣнія, что слово императора будетъ свято сдержано, и то, что было обѣщано въ Борго, лишало Александра возможности слѣдовать примѣру Петра, Елизаветы и Екатерины и передъ нимъ оставался одинъ путь — обратить Финляндію въ автономную провинцію Россіи, неразрывно соединенную съ имперіей. Автономіи бываютъ разными. Обстоятельства склоняли Александра дать автономію возможно широкую: отношенія къ Финляндіи опредѣлялись тогда, когда надъ Александромъ уже нависла туча будущей войны съ Наполеономъ; онъ вездѣ искалъ союзниковъ въ народахъ, и для него неудобны были бы жалобы финляндцевъ на притѣсненія; напротивъ, свободно и охотно повинующаяся ему Финляндія могла служить нагляднымъ образцомъ уваженія царя къ національнымъ особенностямъ и правамъ. Не чуждо было ему желаніе сдѣлать такъ, чтобы Финляндія осталась вѣрной Россіи и въ томъ случаѣ, если въ ней совсѣмъ не будетъ русскихъ войскъ и если ее снова станетъ манить Швеція; а наслѣдникомъ шведской короны неожиданно сталъ Наполеоновъ маршалъ Бернадотъ. При такихъ условіяхъ Александръ не могъ и мысли допустить о томъ, чтобы въ Финляндіи съ сожалѣніемъ вспоминали о быломъ шведскомъ господствѣ. Имѣя весьма невысокое мнѣніе о качествѣ русскаго управленія, Александръ, вѣроятно, сталъ бы на путь развитія окраинной автономіи, чтобы привязать сосѣдніе не-русскіе народы къ Россіи не одною силою меча, а и сознаніемъ, что имъ въ Россіи живется лучше; для послѣдующаго, однако, было бы лучше, если бы Александръ не вступалъ въ преждевременныя сношенія съ населеніемъ, а далъ бы все это странѣ послѣ завоеванія ея и заключенія мира. Во всякомъ случаѣ доброжелательная политика по отношенію къ Финляндіи не должна была переходить въ ласкательство новой окраины насчетъ коренныхъ земель. Между тѣмъ манифестомъ 11 декабря 1811 года возвѣщено было присоединеніе къ Финляндіи и той части, которая завоевана была при Петрѣ Великомъ и Елизаветѣ и на «эту старую» Финляндію были распространены всѣ права и преимущества, предоставленныя новой. Мѣры эти были разсмотрѣны въ Государственномъ Совѣтѣ и единогласно приняты. Но если и признавалось желательнымъ сдѣлать крупнѣйшій подарокъ новымъ подданнымъ, пока ничѣмъ еще не заявившимъ себя, то чувство справедливости должно было бы подсказать, что нельзя забывать о русскомъ населеніи въ старой Финляндіи и безвозмездно освобождать Финляндію отъ рекрутской повинности. Во всемъ этомъ много было вниманія къ новымъ подданнымъ; къ сожалѣнію, незамѣтно того же относительно коренной Россіи.

V.

Эпоха Отечественной войны.

До сихъ поръ, до 1812 г., дѣятельность императора Александра не содѣйствовала упроченію его связи съ массою русскаго народа: войны не прекращались съ 1805 г., рекрутскіе наборы увеличились, ежегодно брали по 5 человѣкъ съ 500 душъ, деньги падали въ цѣнѣ, и въ то же время народъ не видѣлъ ни явной, ощутительной выгоды для себя, ни исполненія своихъ мечтаній и надеждъ; войны съ французами тогда совсѣмъ не были такъ народны, какъ войны съ турками, поляками и даже шведами. Народъ жаловался на тяжесть рекрутчины; торговый классъ страдалъ отъ застоя въ торговлѣ. Дворянство, высшіе классы раздражены были общимъ ходомъ политическихъ дѣлъ; имъ казалось, что при другой политической системѣ можно было бы избѣжать разорявшихъ страну событій; преобразованія внутреннія, непонятныя для массъ, только раздражали и волновали дворянство и интеллигенцію: обѣщалось много, выходило совсѣмъ другое. Приближалось, однако, время, когда эти неудовольствія должны были замолкнуть; приближалось нашествіе Наполеона, и въ виду этого грознаго факта забывались старые счеты.

Со времени послѣдней австрійской войны Александръ занялъ по отношенію къ Наполеону самостоятельное положеніе. Онъ не нападалъ на Наполеона, не искалъ случая сдѣлать ему непріятное; онъ соглашался на продолженіе союза, если интересы Россіи будутъ ограждены. По прежнему вниманіе Александра сосредоточивалось на польскихъ дѣлахъ; онъ готовъ былъ примириться съ обидными условіями Шенбрунскаго мира, если Наполеонъ подпишетъ и огласитъ актъ, которымъ обяжется не возстановлять самостоятельности Польши. Значеніе этого документа нравственное; онъ долженъ былъ успокоить русское общественное мнѣніе. За такую сравнительно ничтожную цѣну Наполеонъ сохранилъ бы союзъ съ Россіей. Крайняя умѣренность Александра объясняется тѣмъ, что онъ не хотѣлъ войны; онъ видѣлъ, что политическая обстановка сложилась неблагопріятно для него. По отношенію къ Наполеону онъ въ продолженіе 11 лѣтъ перемѣнилъ три раза систему — и въ результатѣ Россіи приходилось одной вступать въ борьбу съ Франціей, которая была окружена всею континентальной Европой; Александръ чувствовалъ свою вину и желалъ отсрочить борьбу до болѣе благопріятнаго времени, такъ какъ, казалось, что иго Наполеона въ Европѣ не можетъ быть продолжительнымъ. Но это же обстоятельство не позволяло Наполеону медлить. Былъ моментъ, въ который союзъ двухъ государей могъ окрѣпнуть: въ 1810 г. Наполеонъ просилъ руки великой княгини Анны Павловны. При томъ взглядѣ на Наполеона, который сложился у Александра, какъ

на преступнѣйшаго человѣка, исчадіе ада, невозможно было ожидать, чтобы онъ согласился породниться съ Бонапартомъ, чтобы друзья Наполеона стали его друзьями и наоборотъ... Онъ укрылся за авторитетъ своей матери, заявившей, что дочь ея слишкомъ еще молода для брака. Тогда Наполеонъ, еще до полученія офиціальнаго отказа, обратился съ предложеніемъ руки своей къ эрцгерцогинѣ Маріи-Луизѣ и отказался ратификовать конвенцію о Польшѣ. Съ 1810 г. обѣ стороны начали готовиться къ войнѣ; Александръ открыто заявилъ, что онъ не нападетъ, что онъ сознаетъ превосходство генія Наполеона и силъ его надъ своими, но что, тѣмъ не менѣе, противъ нападенія будетъ защищаться до послѣдней капли крови, до крайнихъ предѣловъ своей Россіи. Фразу эту онъ повторялъ очень часто, такъ что Коленкуръ и Лористонъ передавали ее въ Парижъ лишь первыми словами... Александръ рѣшился защищаться до послѣдней крайности; но какъ онъ представлялъ себѣ предстоявшую войну, какія мѣры онъ принялъ? Теперь и для него наступило время, когда онъ могъ и долженъ былъ слиться съ своимъ народомъ. Настроеніе Александра совпадало съ мнѣніями многихъ русскихъ; было ясно, что шелъ вопросъ о политическомъ бытіи Россіи; средніе классы и народъ этого не понимали, но ихъ пугалъ и давилъ Наполеонъ; надо было жить въ началѣ XIX в., чтобы понять, какъ тяжело на всѣхъ ложился Бонапартъ.

Александръ былъ хорошо освѣдомленъ о приготовленіяхъ и планахъ Наполеона; сомнѣнія въ томъ, противъ кого дѣлаются обширныя приготовленія, у него не было; не было и страха передъ начавшимся уже движеніемъ французскихъ войскъ къ русской границѣ: на это Александръ отвѣтилъ измѣненіемъ русскаго таможеннаго тарифа, невыгоднымъ для Франціи, и сосредоточеніемъ своихъ войскъ на западной границѣ. Война съ Турціей, которая тянулась съ 1806 г., предъ самымъ нашествіемъ Наполеона была закончена Кутузовымъ, который заключилъ Бухарестскій миръ, Россія получила Бессарабію; объ этомъ мирѣ Россія узнала одновременно съ извѣстіемъ о переходѣ французами Нѣмана.

Предстоявшая война ставила обоихъ противниковъ въ совершенно исключительныя условія: Россія и Франція нигдѣ не соприкасались другъ съ другомъ; моремъ владѣла Англія. Слѣдовательно, для наступательныхъ цѣлей обѣ стороны нуждались въ содѣйствіи союзниковъ. Для Наполеона этотъ вопросъ рѣшался, правда, просто, но зато съ большимъ рискомъ политическимъ: его «союзники» были почти подневольные и соединились съ нимъ изъ страха предъ его силой; пока побѣда была на его сторонѣ, онъ могъ считать свое положеніе обезпеченнымъ и въ тылу; но не только неудача, а просто затяжка военныхъ операцій была чрезвычайно опасна Наполеону. Русскій планъ отступленія онъ предвидѣлъ и боялся его, но расчитывалъ, что у противника не хва-

титъ выдержки. Наполеонъ говорилъ, что цѣль его похода — Вильна, что онъ тамъ остановится и займется устройствомъ возстановленной Польши. Но исполнить этого было нельзя. Природа не положила естественной границы къ востоку отъ Вильны вплоть до самаго Урала и если бы русская армія осталась неразбитой, то Наполеонъ долженъ былъ цѣлые годы занимать Вильну, готовясь къ войнѣ; онъ кормилъ бы свою армію на счетъ Александра, но главными собственниками земель, которыми бы онъ пользовался, были крупные землевладѣльцы той страны, возстановить которую Наполеонъ хотѣлъ, чтобы нанести ударъ Александру. Западная Русь стала бы для Наполеона гораздо опаснѣе Испаніи, ибо въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ стояла бы сильная непріятельская армія, а въ тылу враждебно настроенная Германія. Поэтому для Наполеона оставалось одно: нанести своему врагу ударъ, чтобы онъ просилъ мира.

Трудно было также и положеніе Александра. Способъ обороны подсказывался ему съ разныхъ сторонъ и нѣсколькими лицами, идея продолжительнаго отступленія висѣла въ воздухѣ. Но Александръ долженъ былъ думать не объ одномъ только отраженіи врага: ударъ Наполеону долженъ былъ быть нанесенъ во Франціи. Рѣшаясь на временное отступленіе, Александръ думалъ о наступленіи въ случаѣ успѣха; но какъ только русскія войска переступали бы русскую границу, они оказывались въ непріятельской странѣ. Александръ могъ расчитывать, что его войско отразитъ непріятельское нашествіе, но было очень сомнительно, окажется ли на нашей сторонѣ перевѣсъ и въ наступательной войнѣ Россіи съ Западной Европой. Александръ поэтому тоже искалъ союзниковъ, но не могъ ихъ найти среди государствъ континентальной Европы. Болѣе всего Александръ хотѣлъ заручиться союзомъ Австріи. Съ представителями ея онъ велъ въ Петербургѣ въ 1810—1811 гг. въ строжайшей тайнѣ любопытнѣйшіе переговоры, ярко обрисовывающіе его поведеніе и образъ дѣйствія. Александръ безусловно боялся разрыва съ Наполеономъ; онъ надѣялся, что чрезъ нѣсколько лѣтъ Наполеонъ потеряетъ власть во Франціи. Единственно, чего добился Александръ отъ Австріи—обѣщаніе, что войска ея будутъ дѣйствовать только «по имени». Тогда у него явилась мысль обратиться къ «народамъ», сдѣлать предстоявшую борьбу войною за освобожденіе народовъ. Давно онъ завелъ сношенія съ поляками чрезъ кн. Чарторыйскаго, но неудачно; онъ говорилъ съ литовцами; чрезъ германскихъ патріотовъ, во главѣ которыхъ стоялъ Штейнъ, онъ расчитывалъ поднять нѣмецкій народъ; въ главной нашей квартирѣ были довѣренные отъ испанцевъ; русское правительство имѣло сношенія съ тирольцами; венгры, такъ какъ ихъ сеймъ ссорился тогда съ Вѣной, вызывали особыя надежды нашего посла въ Вѣнѣ и самого государя; но совершенно исключительная роль предназначалась

балканскимъ христіанамъ: изъ нихъ предполагалось образовать армію въ нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ и съ нею сдѣлать диверсію въ тылъ французамъ; немалыя надежды возлагались даже на дезертировъ изъ арміи Рейнской конфедераціи: они, какъ и балканскіе славяне, поддерживаемые англійскими деньгами, оружіемъ и флотомъ, должны были также дѣйствовать на сообщенія Наполеонова войска. Едва ли Александръ вполнѣ отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, что вышло бы, если бы всѣ эти народы соединились вокругъ него въ цѣляхъ освобожденія своего! Отъ лица этихъ народностей не всегда извѣстныя лица договаривались съ русскимъ правительствомъ, съ самимъ Александромъ, его генералами, и Александръ начиналъ войну связанный уже многочисленными обѣщаніями, хотя никто еще не оказалъ никакихъ услугъ Россіи. Во всякомъ случаѣ едва ли было благоразумно дѣйствовать такъ поспѣшно, какъ это дѣлалъ Александръ. По мѣрѣ удачнаго развитія операцій явились бы союзники настоящіе, съ которыми и надо бы договариваться. Выступая временно въ совершенно непривычномъ для русскаго государя положеніи, Александръ напрасно возбуждалъ надежды, которыхъ не исполнилъ; кромѣ того, онъ значительно ухудшилъ свое положеніе впослѣдствіи, когда обострились отношенія между государемъ и народами.

Тѣмъ временемъ наша армія превосходно дѣлала свое дѣло; она отступала медленно, задерживая непріятеля и не давая ему возможности нанести намъ сколько-нибудь значительное пораженіе. Общее воодушевленіе, сознаніе опасности, въ которой находилась Россія, жажда мести, объединяли рядовыхъ и офицеровъ; сопротивленіе, которое отдѣльные отряды оказывали значительнымъ массамъ непріятеля, навсегда составитъ славу русскаго оружія; армія Наполеона быстро таяла и если въ іюнѣ 1812 г. она была почти въ три раза больше русской, то на Бородинскомъ полѣ она была лишь на одну треть больше: у Наполеона было 130 т., у Кутузова — 100 т. Можетъ-быть, задача наша могла бы быть выполнена лучше: къ сожалѣнію, чувствовалось, что въ такое критическое время въ арміи не было властной руки. Главнокомандующій Барклай-де-Толли не сумѣлъ пріобрѣсти надлежащаго авторитета, да и по характеру былъ слишкомъ нерѣшительнымъ полководцемъ. Пушкинъ опоэтизировалъ его образъ и послѣ не разъ дѣлали попытки создать изъ Барклая главнаго героя 1812 года, павшаго жертвой русскаго невѣжества и слѣпой ненависти къ иноземцамъ. Но подобное представленіе невѣрно: Барклай не могъ бороться съ Наполеономъ: подъ Смоленскомъ онъ едва не погубилъ армію, выйдя на встрѣчу непріятелю, а потомъ до самаго пріѣзда Кутузова держалъ армію въ нервномъ напряженіи, то и дѣло выбирая позицію для боя, а затѣмъ снова отступая. Въ арміи началось броженіе среди высшихъ чиновъ; въ странѣ настроеніе также начало падать. Въ арміи боялись, что будетъ заключенъ

миръ, просили государя отставить канцлера Румянцева, просили назначить другого главнокомандующаго; называли Кутузова, Багратіона и даже гр. Палена, имя котораго связано было съ кончиною императора Павла. Это было прямо оскорбительно для Александра; онъ возмущенъ былъ до глубины души. Государь съ негодованіемъ отвергъ всякую мысль объ увольненіи Румянцева и еще разъ подтвердилъ свое непоколебимое рѣшеніе воевать до конца. Тогда Растопчинъ прислалъ письмо, что Москва считаетъ Барклая и Багратіона одинаково неспособными начальствовать надъ арміей и единогласно высказывается за М. И. Кутузова; въ Петербургѣ общее мнѣніе было также за стараго генерала Екатерининскаго времени. М. И. Кутузову шелъ тогда 68-й годъ. Александръ Павловичъ Багратіона считалъ совершенно незнающимъ стратегіи, Барклаемъ былъ недоволенъ за его дѣйствія послѣ Смоленска, а къ Кутузову питалъ нерасположеніе еще со времени Аустерлица. Но онъ назначилъ главнокомандующимъ того, за кого былъ общій голосъ, т.-е. Кутузова. Новый главнокомандующій остановился на Бородинскомъ полѣ вопреки своимъ убѣжденіямъ: онъ уступилъ горячему желанію войскъ сразиться съ врагомъ, да и не могъ онъ сдать Москвы безъ боя. Наконецъ сбылись надежды Наполеона: передъ нимъ стояла русская армія, онъ могъ разбить ее впрахъ. Но 26 августа послѣ всѣхъ усилій онъ ее все-таки не разбилъ, потерявъ почти половину состава, а русская армія осталась такой же гордой, какъ была. Бородино вѣнчаетъ достойно первую половину кампаніи. «Великая армія» вступила въ Москву обезсиленная и нашла тамъ могилу.

Все это ясно для насъ, но современники судили иначе. Въ странѣ пронесся ропотъ, обвиняли государя за его бездѣйствіе, за то, что онъ покинулъ Москву, не пріѣхалъ защищать ее. Тѣ самые люди, которые недавно говорили, что Александру не слѣдуетъ становиться во главѣ войска, теперь готовы были заподозрить его личную храбрость. При всемъ этомъ чувства страха не было; очень немногіе совѣтовали Александру заключить миръ; можно сказать, всѣ боялись одного, какъ бы государь не заключилъ мира; всѣ, даже недовольные, готовы были на новыя пожертвованія.

Наполеонова армія быстро таяла, русская росла. Какъ велики были жертвы русскаго народа на войну съ французами, видно изъ слѣдующихъ цифръ: въ годъ вступленія Александра на престолъ русская армія состояла изъ 270.000 чел., въ 1812—1815 гг. въ ней числилось 917.000 чел., а съ ополченцами даже 1.237.000 чел.; всего населенія тогда было 15.800.000 муж. пола, считая способными носить оружіе (въ возрастѣ отъ 15 до 35 лѣтъ) треть, или около 5 милл., мы видимъ, что взята была подъ ружье четвертая часть способныхъ носить оружіе. Огромныя усилія были приложены для снабженія такой арміи всѣмъ необходимымъ; чѣмъ

дальше уходила армія, тѣмъ дальше приходилось тянуться крестьянскимъ обозамъ. Съ Тверской и сосѣднихъ губерній потребовали 148.000 подводъ; по раскладкѣ на души — въ Тверской 2 подводы приходилось съ 5 душъ, т.-е. со двора болѣе одной подводы; ясно, что такого числа лошадей во всей губерніи не было. Курская губернія должна была дать 40.000 подводъ на 1.000 верстъ, Лифляндской губерніи пришлось дать 31.000 подводъ на 240 верстъ; кромѣ того, крестьяне тысячами наряжались на устройство дорогъ, на сооруженіе крѣпостей. Армія забирала все, что ей было нужно, у крестьянъ и въ городахъ, она не расплачивалась деньгами, а выдавала квитанціи на забранное. Впослѣдствіи многія дворянскія общества отказались отъ слѣдуемыхъ имъ отъ казны платежей. Тогдашній министръ финансовъ Гурьевъ считалъ, что Россія пожертвовала на войну приблизительно на сумму 200 милл. р. Всѣ требованія арміи нашей, какъ велики они ни были, были выполнены съ избыткомъ; общество и народъ въ продолженіе войны не всѣми дѣйствіями правительства были довольны, но они не подумали въ тяжелую годину сводить счеты; многіе, почти убѣжденные уже въ неуспѣхѣ нашемъ, тѣмъ не менѣе, спѣшили своими пожертвованіями. Въ началѣ войны опасались за сохраненіе порядка, боялись крестьянъ, но за исключеніемъ немногихъ случаевъ обыкновенныхъ крестьянскихъ волненій, ничего не произошло; къ концу 1812 г. даже такимъ людямъ, какъ А. И. Тургеневъ, казалось, что взаимныя отношенія крестьянъ и помѣщиковъ окрѣпли; зимой потянулись къ столицамъ крестьянскіе обозы съ разными припасами; «спасибо святому русскому народу, — въ восторгѣ говорили многіе,—отъ французовъ все прятали и морили ихъ голодомъ, а для насъ навезли всякой всячины».

Съ октября военное счастье перешло на нашу сторону; началось отступленіе Великой арміи; преслѣдовали французовъ наши войска слабѣе, чѣмъ могли бы это сдѣлать, но къ Рождеству не осталось ни одного вооруженнаго непріятеля на русской землѣ.

Кампанія была выиграна. Кто же ее выигралъ? Отвѣтовъ было и будетъ много. Одни укажутъ ближайшія причины неслыханнаго пораженія Наполеона въ его безуміи, другіе — въ политической обстановкѣ, третьи — въ тактическихъ ошибкахъ великаго полководца. Если и были ошибки въ дѣйствіяхъ Наполеона, то было и умѣнье воспользоваться ими; политическая обстановка все время оставалась благопріятной для Наполеона; Австрія и Пруссія не шевельнулись противъ него; австрійскій корпусъ кн. Шварценберга дѣйствовалъ вяло, но пруссаки Іорка — добросовѣстно. Бѣдствія Наполеона кончились сейчасъ же за русской границей; разбитый, потерпѣвшій неслыханное пораженіе, потерявшій полмилліона солдатъ, Наполеонъ въ слѣдующемъ году весною явился уже въ Германію съ новой арміей. Морозы начались за Смоленскомъ, т.-е. когда отступали уже разбитые остатки арміи.

Огромная французская армія разбилась о русскую армію, о русскій народъ. Сначала упорными мелкими боями, потомъ боемъ у Бородина вожди русской арміи обезсилили французскія войска такъ, что дальше Москвы они продвинуться не могли. «Русскіе стяжали право быть непобѣдимыми», сказалъ самъ Наполеонъ про Бородино. Необыкновенную стойкость въ борьбѣ съ врагомъ обнаружилъ весь русскій народъ: помѣщики, крестьяне и горожане уходили отъ непріятеля, оставалось меньшинство; подобнаго явленія Наполеонъ не встрѣчалъ ни въ Германіи, ни въ Италіи, ни въ Австріи; конечно, смѣшно объяснять это какимъ-то полукочевымъ бытомъ, въ которомъ будто бы продолжали жить русскіе въ XIX в.

Главная заслуга побѣдоносной войны принадлежитъ императору Александру Павловичу. Его политика привела Наполеона къ границамъ Россіи, онъ не испугался страшнаго неравенства силъ и, вѣря въ свой народъ, принялъ вызовъ. Когда военное счастье, казалось, оставило русскихъ, даже когда Москва занята была непріятелемъ, Александръ Павловичъ оставался твердъ и непоколебимъ; бѣдствіе не сломило его; онъ обнаружилъ большое пассивное мужество. Признательность потомства къ нему должна возрасти отъ разбора тѣхъ необыкновенныхъ обстоятельствъ, среди которыхъ протекала война. Императоръ видѣлъ, что извѣстная часть генераловъ его арміи и почти все общество не довѣряютъ его твердости, сомнѣваются въ удачномъ выборѣ командующаго; Александръ отнесся къ этому движенію не съ узкоформальной стороны, а съ большою чуткостью: онъ чувствовалъ сердцемъ свою армію и народъ. Дѣлая войну народной, онъ добровольно ограничилъ свою волю предъ гласомъ народнымъ. Тѣмъ выше его заслуга предъ Россіей.

Однако то, что намъ представляется теперь связнымъ, логически вытекающимъ одно изъ другого, большинству современниковъ казалось совершенно инымъ; не понимая значенія мелкихъ постоянныхъ маленькихъ битвъ, они останавливались лишь на главныхъ явленіяхъ: Наполеонъ вторгся въ Россію, русскіе отступаютъ, Смоленскъ взятъ, новый главнокомандующій, опять отступленіе, наконецъ, Москва занята, Москва сожжена... Казалось, все погибло — и вдругъ, точно по мановенію волшебства сразу все измѣнилось: Наполеонъ отступаетъ, Наполеонъ бѣжитъ! Великой арміи нѣтъ... Русскіе умы поражены были сначала рядомъ несчастій, потомъ удивительной перемѣной. Въ такомъ положеніи, не желая или не будучи въ состояніи разобраться въ причинахъ, многіе—и въ числѣ ихъ императоръ Александръ—въ религіи искали и утѣшенія и указанія на будущее. Мечтательный Александръ, вѣроятно, всегда былъ религіозенъ; но до 1812 года религіозность его была какъ бы заглушена; окруженный легкомысленными вольтерьянцами онъ до 1812 года ея почти не проявлялъ. Съ лѣта 1812 г., разочаровавшись уже въ очень многихъ и во многомъ, обманувшійся столько разъ въ своихъ расчетахъ, Александръ начинаетъ во всемъ

видѣть руку Провидѣнія, направляющую невѣдомыми путями судьбы человѣчества. И успѣхъ въ борьбѣ своей съ Наполеономъ Александръ приписывалъ не себѣ, не своимъ силамъ, не прекрасной арміи своей, не русскому народу, а волѣ Божіей: «Не намъ, не намъ, а имени Твоему»—вырѣзано на медали въ память 1812 года. Съ лѣта 12 года Александръ ежедневно читаетъ Библію; въ нѣкоторыхъ псалмахъ онъ находитъ живѣйшее сходство съ переживаемымъ. Наполеонъ становится для него исчадіемъ ада, орудіемъ зла, пока торжествующаго на землѣ. Нравственное одиночество, въ которомъ находился Александръ въ то время, когда рѣшалась судьба его имперіи, долгіе, томительные дни и ночи неизвѣстности, изрѣдка чередовавшіеся съ часами печальныхъ вѣстей, способствовали развитію въ Александрѣ такого направленія.

Необыкновенное счастье, вліяніе и могущество достались Александру безъ трудной личной работы, его вынесли и подняли другіе. Новое настроеніе государя, объясненіе имъ причинъ своихъ успѣховъ отразилось на всей послѣдующей дѣятельности Александра не сразу, но постепенно; цѣлью его политики становится не слава и благоденствіе Россіи, а счастье, тишина и миръ всего христіанскаго міра. Зачатки такихъ воззрѣній у Александра замѣтны и ранѣе, теперь они получаютъ полное развитіе; какъ средневѣковый императоръ, онъ будетъ, не принимая титула, стремиться къ тому, чтобы собрать вокругъ своего трона всѣ христіанскія государства. Не одной Россіи посвятитъ онъ свои дальнѣйшіе труды, въ сознаніи его она отойдетъ на второе мѣсто; не она, по пониманію Александра, подняла его на высоту: это сдѣлало Провидѣніе для того, чтобы онъ поборолъ духа зла. Миръ въ Европѣ — вотъ главнѣйшая цѣль его политики; въ жертву ей онъ принесетъ многое, онъ даже будетъ ласковъ со строптивыми и строгъ съ послушными.

Такое направленіе опредѣлилось далеко не сразу; многимъ казалось, и, какъ будто, не безъ основанія, что цѣли императора совсѣмъ другія; обнаружилось, однако, что то, что другіе считали цѣлью, было для него лишь средствомъ.

V.

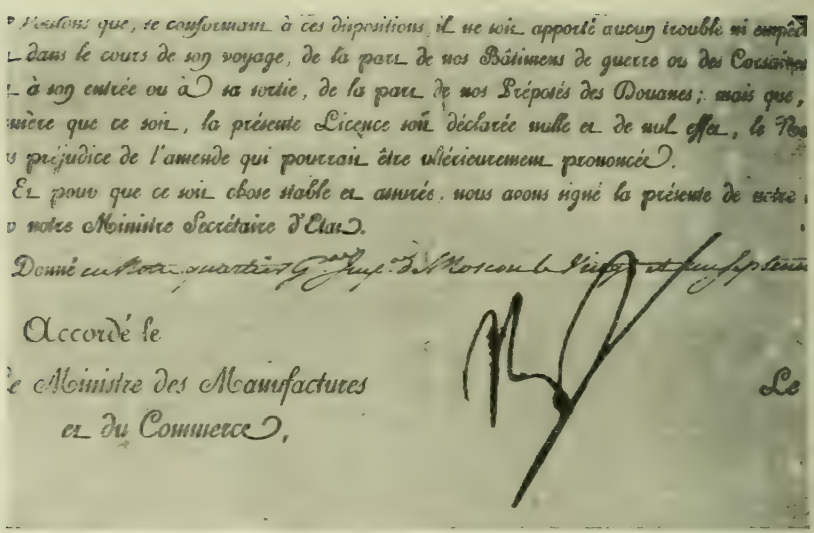
Гегемонія въ Европѣ.—Послѣдніе годы и кончина Александра Павловича.

Вопросъ, что дѣлать дальше, послѣ изгнанія Наполеона, былъ уже давно предрѣшенъ Александромъ: пока не возстановится равновѣсіе въ Европѣ, приблизительно въ границахъ 1792 г., мира не можетъ быть. Опытъ 20 кровавыхъ лѣтъ показалъ, что Россія не менѣе другихъ государствъ Европы заинтересована въ европейскомъ мирѣ; тотъ же опытъ показалъ, что Россія для своего спокойствія должна владѣть Польшей, иначе при всякомъ политическомъ ослож-

неніи, даже не задѣвающемъ прямо интересовъ Россіи, ей грозятъ смуты и серьезныя затрудненія. Ограничиться изгнаніемъ Наполеона изъ Россіи равносильно было лишенію Россіи нравственной побѣды. Александръ понялъ, что высокій жребій указалъ Наполеонъ русскому народу; Александръ понялъ, что Россія будетъ гордиться, если онъ пойдетъ впередъ «съ улыбкой примиренія, съ оливой золотой». Наконецъ, Наполеонъ не просилъ еще мира; онъ даже обѣщалъ полякамъ вернуться къ нимъ весной. Могъ ли при такихъ условіяхъ императоръ медлить и стоять на Нѣманѣ, пока Наполеону не заблагоразсудится подойти къ этой рѣкѣ опять съ новыми полчищами? Не значило ли это отказаться отъ плодовъ побѣды? Эти соображенія даже сторонники противоположнаго мнѣнія признавали основательными. «Онъ (Александръ) смотритъ на это съ другой стороны, которую также совсѣмъ опровергнуть не можно», сказалъ М. И. Кутузовъ.

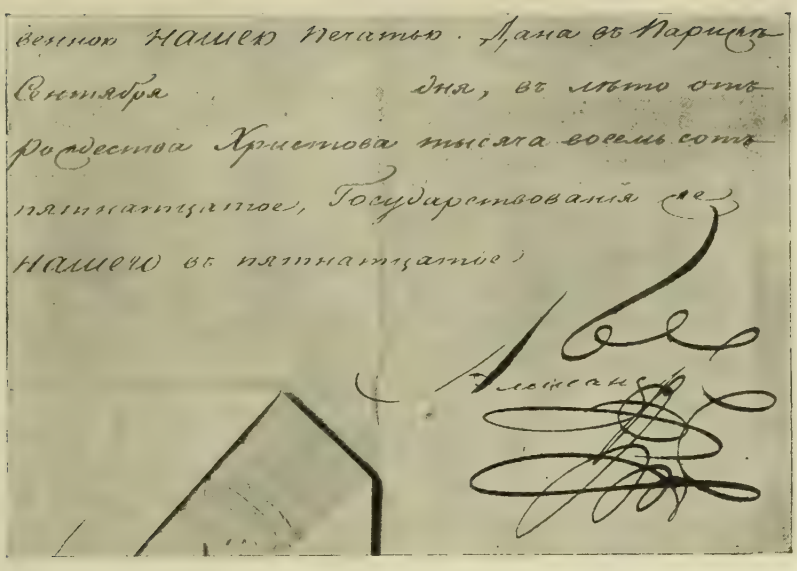
Но начинать войну наступательную въ чуждой намъ Германіи было очень рискованно. Русская армія была весьма слаба: изъ 97.000 чел., съ которыми Кутузовъ выступилъ изъ Тарутина, въ Вильну пришло 27.000 чел. Между тѣмъ не только Наполеонъ не просилъ мира, но и Австрія и Пруссія не присоединялись къ Россіи. Тогда Александръ чрезъ маркиза Паулуччи склонилъ генерала Іорка, командовавшаго прусскимъ корпусомъ въ арміи Наполеона, отложиться отъ французской арміи; поступокъ Іорка поднялъ всю Пруссію и король подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія принужденъ былъ вступить въ союзъ съ Россіей. Правда, Александръ принялъ обязательство не положить оружія до тѣхъ поръ, пока Пруссіи не будетъ возвращено среди европейскихъ державъ мѣсто, принадлежавшее ей до 1806 года; то же было обѣщано Швеціи и Норвегіи. Что же Александръ имѣлъ въ виду для своей Россіи? Конечно, Польшу. Если бы къ Россіи отошли всѣ земли польскія, доставшіяся Пруссіи и Австріи по тремъ раздѣламъ,—вознагражденіе для Россіи надо было бы признать достаточнымъ. Александръ уже тогда предрѣшилъ дать Польшѣ либеральное конституціонное устройство и надѣялся этимъ путемъ удовлетворить польское національное чувство. Послѣдствія показали, что Александръ ошибался: поляки не оцѣнили того, что имъ далъ государь, а русскіе остались недовольны и недоумѣвали, почему народъ, который воевалъ противъ Россіи, получилъ привилегированное положеніе.

Александръ создалъ войну за освобожденіе Германіи, онъ былъ душою коалиціи; много разъ она готова была распасться, но дипломатическіе таланты Александра преодолѣвали затрудненія. Установленіе мира—цѣль Александра; онъ охотно обѣщалъ народамъ либеральныя учрежденія, ибо и въ нихъ видѣлъ залогъ мира. Свои успѣхи онъ приписывалъ исключительно волѣ Провидѣнія, мистицизмъ его значительно окрѣпъ за границей отъ разныхъ случайныхъ встрѣчъ. Наполеонъ для него теперь — орудіе ада,


Accordé le
le Ministre des Manufactures
et du Commerce,

Подпись Наполеона на указѣ, данномъ въ Москвѣ 27(15) сентября 1812 года.
Хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ Петербургѣ.

которое должно быть изгнано, чтобы желанный миръ водворился на землѣ. Поэтому онъ постоянно отвергалъ попытки къ примиренію, которыя Наполеонъ впослѣдствіи дѣлалъ неоднократно. Сомнительно, чтобы Россія могла выиграть много отъ союза съ Наполеономъ, какъ сомнительно, чтобы Наполеонъ, наполовину разбитый и униженный, могъ долго удержаться на французскомъ престолѣ. Посланникъ небесъ — Александръ хотѣлъ господствовать тогда морально: онъ прекрасно отмстилъ пожаръ Москвы тѣмъ благоволеніемъ, которое оказалъ французскому народу. Вскорѣ, однако, новое разочарованіе ждало императора: побѣда надъ геніемъ зла оказалась не такъ легка, да и скрывался онъ не въ одномъ Бонапартѣ. Уже на Вѣнскомъ конгрессѣ Александръ убѣдился, какъ проигрываетъ тотъ, который разсчитываетъ на благодарность людей, избранныхъ и руководящихъ народами. Въ который разъ онъ убѣдился, что сдѣлалъ ошибку, не условившись напередъ во всемъ до самыхъ мелочей, не потребовавъ залога впередъ; вопросъ о вознагражденіи Россіи и Пруссіи вызвалъ неожиданное для Александра сильнѣйшее сопротивленіе, дошедшее до того, что Австрія, Англія и Франція заключили уже союзъ противъ Александра и употребляли усилія, чтобы убѣдить Пруссію присоединиться къ нимъ: Наполеона не было — долой Александра! Дѣло готово было дойти до войны, но Александру помогъ Наполеонъ, который покинулъ о. Эльбу и овладѣлъ Франціею. Наполеонъ опять употреблялъ усилія, чтобы склонить русскаго царя къ союзу съ собой; но это было бы вторымъ Тильзитомъ; Александръ устоялъ предъ искушеніемъ и показалъ Европѣ строго принципіальную политику; онъ простилъ нанесенныя ему



Подпись императора Александра I на указѣ, данномъ въ Парижѣ въ 1815 г.
Хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ Петербургѣ.

обиды, согласился даже уменьшить вознагражденіе Россіи и снова сталъ во главѣ четвертой коалиціи противъ Наполеона. Битва при Ватерлоо рѣшила участь Наполеона.

Въ короткое время Александръ узналъ двѣ измѣны: недавнихъ своихъ союзниковъ и французскаго народа. Александра мучилъ вопросъ: отчего въ христіанскомъ мірѣ такъ часто зло торжествуетъ надъ добромъ? и онъ разрѣшилъ этотъ вопросъ не наблюденіями надъ жизнью народовъ и государствъ, не прошлымъ ихъ, а мистическими размышленіями; поэтому отвѣтъ у него былъ очень простой: оттого, что до сихъ поръ великія начала христіанства, завѣты братства и любви, забыты или отодвинуты людьми исключительно въ область частныхъ отношеній; отсюда долгъ государей и его, Александра, перенести священныя начала на отношенія гражданскія, государственныя и международныя. Таково происхожденіе Акта Священнаго Союза.

Въ этомъ выводѣ весь Александръ; это выводъ государя, бывшаго свидѣтелемъ — хотя и отдаленнымъ — революціи и главнымъ дѣятелемъ бурной Наполеоновской эпохи. Все, навѣянное бесѣдами Лагарпа, Екатерины, все прочитанное — смыто событіями и къ 40 годамъ жизни Александра имъ съ необыкновенной силою овладѣло средневѣковое міросозерцаніе и, какъ всегда бываетъ у натуръ мечтательныхъ, онъ успокоивается на поверхности предмета. Было время, когда спасеніе онъ видѣлъ въ законности, но не отдалъ себѣ отчета, въ чемъ же должна выражаться эта самая законность; позже онъ обратился къ «народности», поднималъ ароды», но и не подумалъ спросить, что значитъ «свободная на-

родность»; онъ былъ поэтому удивленъ, когда французы предпочли злодѣя Бонапарта мирному и законному Людовику XVIII. Тогда онъ остановился на великой мысли: сдѣлать христіанскія государства христіанскими не только по имени, но и на дѣлѣ. Но что это значитъ, въ чемъ, собственно, это выразится реэльно? Какъ быть съ цѣлымъ рядомъ явленій въ жизни государственной, тѣмъ болѣе международной, которыя не могли быть оправданы христіанскимъ ученіемъ? Очень скоро многіе увидѣли въ Актѣ Священнаго Союза намѣреніе освободить балканскіе народы отъ мусульманскаго ига; это казалось вполнѣ послѣдовательнымъ для государя, утверждавшаго христіанскій союзъ. Но Александръ сейчасъ же опровергалъ приписываемое ему намѣреніе; тогда стали усматривать въ Актѣ Священнаго союза лишь желаніе прикрыть реакцію, неисполненіе данныхъ во время войны за освобожденіе обѣщаній, прикрытыя высокимъ авторитетомъ евангелія. Это невѣрно, Александръ надѣялся искренно достичь своего идеала. Александръ бралъ на себя поддержаніе и сохраненіе европейскаго мира. Онъ видѣлъ, что причины войны лежатъ глубже, чѣмъ онъ раньше предполагалъ; благодаря обстоятельнымъ донесеніямъ Поццо ди-Борго онъ понялъ, что Бонапартъ былъ выразителемъ стремленій наиболѣе энергичной части французской націи; что армія и «якобинцы» не удовлетворены положеніемъ Франціи, какъ оно опредѣлилось не только вторымъ, но и первымъ парижскимъ миромъ; что они заинтересованы и матеріально въ продолженіи войны. Такъ опредѣлилась трудная задача, которую бралъ на себя Александръ: сдерживать правительства отъ взаимныхъ войнъ и держать народы въ подчиненіи установленной власти. На всякую революцію онъ долженъ былъ смотрѣть, какъ на начало войны. Жизнь жестоко посмѣялась надъ нимъ: въ народахъ онъ думалъ найти союзниковъ для достиженія мира, и народы же оказывались главнымъ препятствіемъ для мира! Но Александръ взялъ на себя эту задачу, и бремя это онъ возложилъ на Россію.

Здѣсь поворотный пунктъ его политики: теперь онъ не только обращалъ Россію въ средство для достиженія своего идеала, но и самый идеалъ этотъ теперь шелъ рѣшительно въ разрѣзъ съ тѣмъ, какъ понимало свою задачу русское общество. Оно гордилось своимъ царемъ, который освобождалъ народы Европы отъ чужеземнаго ига, оно готово было на матеріальныя жертвы ради высокой цѣли; но оно вознегодовало, когда Александръ сдѣлалъ изъ Россіи страшилище народовъ, и самъ превратился въ суроваго владыку сѣвера, предъ которымъ склонились всѣ народы.

Полный мыслей о поддержаніи мира и порядка въ Европѣ, Александръ возвращался въ Россію въ 1815 г. Съ нетерпѣніемъ ждала родина прославленнаго героя; Россія надѣялась имѣть вознагражденіе за понесенные труды и жертвы. Но царь въ умѣ своемъ назначилъ Россіи новую службу. Главнѣйшее его вниманіе было

обращено на армію: Россія должна содержать большую армію, которую государь въ любой моментъ могъ бы направить туда, гдѣ возникнетъ опасность для общаго мира. Кромѣ того, вниманіе Александра было раздвоено между дѣлами русскими и обще-европейскими. Раздѣлить, какъ раньше думалъ Александръ, свою власть съ народнымъ представительствомъ, теперь онъ не могъ: свою задачу стража мира онъ могъ осуществлять, лишь обладая всею полнотою власти. Выходъ изъ такого положенія Александръ нашелъ въ слѣдующемъ: текущее управленіе Россіей передалъ онъ гр. Аракчееву, себѣ взялъ болѣе близкія своему сердцу дѣла общеевропейскія. Въ 1812—1815 гг. управленіе въ корень расшаталось, развились самыя вопіющія злоупотребленія, возникали многочисленныя и сильныя крестьянскія волненія. Но государь не думалъ о коренныхъ реформахъ: онъ надѣялся, что бдительное око Аракчеева будетъ строго карать виновныхъ. Управленіе попрежнему осталось сосредоточеннымъ въ Комитетѣ Министровъ, положенія котораго просматривалъ гр. Аракчеевъ, надписывалъ на нихъ свои замѣчанія, а на основаніи ихъ Александръ полагалъ свои резолюціи.

Въ заботахъ объ усиленіи военныхъ силъ Россіи Александръ рѣшилъ устроить военныя поселенія. Къ соображеніямъ финансоваго и политическаго характера присоединялись у Александра и соображенія нравственныя: онъ страдалъ, когда представлялъ себѣ своихъ солдатъ, 25 лѣтъ тянущихъ тяжелую лямку безъ надежды на существенную награду и потомъ больными, увѣчными, безъ обезпеченія, увольняемыхъ въ отставку. Устройствомъ военныхъ поселеній онъ надѣялся устранить всѣ эти недостатки, армія довольствовалась бы собственнымъ земледѣльческимъ трудомъ, молодое поколѣніе будущихъ воиновъ вырастало бы въ военной обстановкѣ; старослужилые получали бы земельную собственность и семейную обстановку. Страна давала сразу огромный капиталъ — казенныхъ крестьянъ и ихъ землю — но за это навсегда освобождалась отъ большей части расходовъ на военное дѣло. Въ основаніи была уже крупная ошибка: съ теченіемъ времени армія совсѣмъ отдѣлилась бы отъ страны; военныя поселенія образовали бы укрѣпленные лагери, изъ которыхъ армія господствовала бы надъ мирною страною. Затѣмъ, конечно, не все то хорошо въ жизни, что хорошо на бумагѣ. Насадить такое огромное казенное хозяйство — дѣло чрезвычайно трудное, требующее очень многихъ добросовѣстнѣйшихъ исполнителей. Надо было, кромѣ того, считаться съ духовной стороной крестьянина, для котораго ужасна была мысль, что вдругъ его забреютъ, а при этой системѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ поголовно всѣ казенные крестьяне стали военными поселенцами. Если казакъ есть военный поселенецъ, то сколько вѣковъ свободно вырабатывался этотъ типъ. Для успѣха дѣла надо было измѣнить самую душу русскаго крестьянина,—къ сожалѣнію, этого Александръ очень часто не замѣчалъ. Дѣло поручено было Аракчееву. Матеріально онъ поставилъ эту часть

блистательно. Постепенно при Александрѣ въ военныя поселенія перешло до 150.000 нижнихъ чиновъ, 76.000 инвалидовъ, 154.000 кантонистовъ; всего населенія подъ управленіемъ Аракчеева было 750.000 чел. Израсходовано было на военныя поселенія 18 милл. руб., но уже въ 1825 г. они имѣли собственный капиталъ въ 30 милл. р.; въ счетъ затраченнаго не входитъ земля, до 2.400.000 дес. отведенная подъ поселеніе. Но пріучить крестьянъ къ поселеніямъ, примирить ихъ съ новыми условіями быта Аракчеевъ совсѣмъ не могъ, для этого нуженъ былъ совершенно другой человѣкъ; до сихъ поръ въ народѣ сохранилась жуткая память о дѣятельности гр. Аракчеева. Императоръ Александръ обнаружилъ удивительную настойчивость въ проведеніи военныхъ поселеній; онъ не хотѣлъ слышать возраженій противъ нихъ, и никто, ни братья его, ни даже императрица-мать не рѣшались передавать просьбы крестьянъ поселенческихъ округовъ государю.

Другимъ важнымъ послѣдствіемъ акта Священнаго Союза во внутренней политикѣ была попытка Александра обосновать правительство, просвѣщенное христіанскимъ благочестіемъ. Было учреждено министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, порученное кн. А. Н. Голицыну, другу императора, который пережилъ такой же религіозный кризисъ, какъ и государь. Учрежденіе это больно ударило по обѣимъ частямъ—и по церкви, и по просвѣщенію. Александръ къ православной церкви относился внимательно, хотѣлъ изъять духовенство отъ матеріальной зависимости отъ прихожанъ, — впрочемъ, это ему не удалось; переустроилъ и лучше обезпечилъ духовныя училища, имѣвшія до него чрезвычайно скудныя средства; распространеніе христіанства императоръ ревностно поддерживалъ, но отнюдь не принужденіемъ, а убѣжденіемъ. Библейское общество, которому очень покровительствовали государь и кн. Голицынъ, въ продолженіе 9 лѣтъ (1812 — 1821) напечатало 129 изданій Библіи полностью и отдѣльными частями, въ числѣ 675.600 экземп., на 29 языкахъ. Но общество это было какъ бы дщерью Британскаго библейскаго общества, носило въ себѣ слишкомъ много англійскаго и протестантскаго, и этимъ возбудило вскорѣ сильное неудовольствіе нашего духовенства. Послѣ учрежденія соединеннаго министерства правительственныя права Синода были очень стѣснены и стали распространяться сочиненія, противныя духу православной церкви. Тогда въ 1824 г. митр. Серафимъ при большой поддержкѣ арх. Фотія и гр. Аракчеева обратился къ государю съ обвиненіями противъ кн. Голицына. Александръ, послѣ нѣкотораго колебанія, возвратилъ Синоду прежнее положеніе.

Первые годы своего царствованія Александръ много сдѣлалъ для успѣховъ русскаго просвѣщенія и образованія; преобразованы были старые университеты, основано два новыхъ, нѣсколько спеціальныхъ высшихъ учебныхъ заведеній—Главный Педагогическій

Институтъ, Демидовское высшее училище, Институтъ кн. Безбородко, Институтъ путей сообщенія; изъ-за границы выписывали профессоровъ, щедро давали деньги на переводы иностранныхъ трудовъ, на развитіе дѣятельности ученыхъ обществъ; расширены и преобразованы были среднеучебныя заведенія на началахъ всесословности; устраивались приходскія школы, строились грандіозные планы превращенія Россіи въ новыя Аѳины; населеніе, положимъ, не очень стремилось въ правительственныя школы, но правительство прибѣгало къ сильнымъ мѣрамъ, чтобы заставить учиться. Но послѣ того, какъ нѣмецкіе университеты приняли участіе въ національно-конституціонномъ движеніи, у насъ были приняты строгія мѣры относительно высшаго образованія; люди, окружавшіе Голицына, заговорили о «безбожныхъ» университетахъ, о преподаваемомъ «тонкомъ ядѣ невѣрія и ненависти къ законнымъ властямъ», открыто стали говорить о громадномъ злѣ, которое университетъ принесетъ Россіи; Магницкій, напр., находилъ полезнымъ публично разрушить Казанскій университетъ. Въ 1824 г. Голицына смѣнилъ А. С. Шишковъ, который враждебно относился какъ къ философскому либерализму первой половины времени Александра I, такъ и къ космополитическому мистицизму кн. Голицына; онъ хотѣлъ построить все образованіе на чистотѣ вѣры и на вѣрности государю и отечеству.

Военныя поселенія, гоненія на науку, обиды православной церкви, постоянныя отсутствія государя изъ Петербурга, часто изъ Россіи, все это волновало общество, порождало недовольство. Даже текущія дѣла останавливались, и чувствовалась какая-то общая разслабленность управленія. Рѣчь государя при открытіи въ 1818 г. польскаго сейма въ Варшавѣ,—рѣчь, въ которой онъ намекнулъ на свое желаніе даровать Россіи такой же образъ правленія какъ и Польшѣ, возбудила на короткое время надежды однихъ, испугъ другихъ; начали жаловаться на предпочтеніе, оказываемое окраинамъ, на невниманіе государя къ своему народу.

Въ 1820 — 1822 гг. 15 губерній Россіи постигъ сильнѣйшій голодъ; помѣщики отказывались кормить своихъ крестьянъ. Трудно бороться съ голодомъ и теперь, тогда же при бездорожьѣ было еще труднѣе; прибѣгали къ самымъ разнообразнымъ мѣрамъ, одинаково недѣйствительнымъ: запрещали вывозъ хлѣба изъ пострадавшихъ губерній, запрещали винокуреніе, но отъ этого погибалъ скотъ; давали ссуды и крестьянамъ (казеннымъ), и помѣщикамъ; но мѣры эти мало помогали. Любимая идея того времени—образовать путемъ ежегодныхъ отчисленій полный годовой продовольственный запасъ, оказалась утопической, не было ни хлѣба ни капиталовъ...

Среди общаго недовольства, затрудненій внѣшнихъ и внутреннихъ, оканчивалась эта достопамятная эпоха, которую Меттернихъ назвалъ «романомъ» Россіи; задача, принятая на себя Александромъ, оказывалась непосильной и ему, и Россіи. Русское общество разочаровалось въ государѣ; Александръ это чувствовалъ и зналъ, но не

могъ найти выхода. Греческое возстаніе ставило его въ почти безысходное положеніе: съ одной стороны, тамъ дѣйствовали «революціонеры», съ другой — это была борьба измученнаго православнаго населенія противъ турокъ; съ одной стороны, это было средство разссорить Россію съ Австріей и тѣмъ отвлечь вниманіе отъ главнаго врага, революціи, съ другой—оставить грековъ на произволъ судьбы значило для Россіи потерять свое привилегированное положеніе на Востокѣ; мѣсто ея уже стремилась занять Англія. Александръ уже рѣшился воевать съ Турціей, когда смерть неожиданно унесла его. 1 сентября 1825 г. Александръ въ послѣдній разъ покинулъ Петербургъ; онъ поѣхалъ съ больной супругой Елизаветой Алексѣевной устроить ея пребываніе на югѣ, въ Таганрогѣ. Оттуда онъ сдѣлалъ поѣздку по Крыму и вернулся къ женѣ въ Таганрогъ уже совсѣмъ больной. При разставаніи съ жизнью проявились лучшія стороны характера Александра. Терпѣливо переносилъ онъ мученія, все время наблюдая, чтобы за нимъ ухаживали какъ можно меньше. 19 ноября 1825 г. его не стало. «Незримый путешественникъ»—такъ называли его при жизни—умеръ въ Таганрогѣ, и когда почти на границѣ Европы и Азіи скончался монархъ, дѣяніями своими заполнившій страницы исторіи всѣхъ европейскихъ народовъ первой четверти XIX в., нѣкоторые усомнились въ его смерти, полагая, что онъ скрылся таинственно гдѣ-то далеко...

Издавна въ Европѣ шла борьба между государствами и между народами изъ-за первенства и господства. Боролись германцы и романцы, Габсбурги и Бурбоны. Съ особою силою возгорѣлась эта борьба съ конца XVIII в.: обновленная Франція шла отъ побѣды къ побѣдѣ, предводительствуемая самимъ геніемъ войны; міру угрожало уже не преобладаніе Франціи, а господство, гегемонія ея надъ всей Европой. Вдругъ, послѣ 1812 г., къ всеобщему изумленію, гегемонія перешла въ руки русскаго царя. Александръ Павловичъ далъ миръ и тишину измученнымъ двадцатилѣтней войной христіанскимъ народамъ; почти сорокъ лѣтъ послѣ этого Западная Европа не знала войны. И не только миръ далъ онъ Европѣ: немного въ Европѣ государствъ, новѣйшую исторію которыхъ можно было бы излагать, не обращаясь къ личности русскаго монарха; послѣднія десять лѣтъ онъ былъ королемъ королей Европы и наложилъ печать на современную ему исторію Германіи, Австріи, Франціи, Италіи. Неудивительно, что около его имени образовалась цѣлая литература на всѣхъ языкахъ; неудивительно, что западно-европейское общественное мнѣніе и наука въ общемъ очень часто враждебно относятся къ памяти Александра Павловича: его дѣятельность задѣвала столько разнородныхъ интересовъ. Для писателей французовъ Наполеонъ сталъ давно народною гордостью; преданы забвенію его грѣхи, можетъ-быть, преступленія. Но наша литература и наука не сдѣлали изъ Александра героя.

Мало того, съ очень давняго времени, еще отъ современниковъ Александра мы читаемъ больше враждебныхъ о немъ отзывовъ; разочаровался въ немъ и Пушкинъ, новѣйшая исторіографія наша также рисуетъ Александра то какимъ-то безвольнымъ дѣятелемъ, то чѣмъ-то въ родѣ Макіавелли или Борджіо.

Несомнѣнно, что величіе подвига, совершеннаго русскимъ народомъ подъ предводительствомъ Александра, не примирило съ нимъ многихъ, не слило въ глазахъ потомства царя и народъ въ одно неразрывное цѣлое: какъ будто бы все это свершилось помимо Александра Павловича. Нерѣдки въ нашей исторіи примѣры, что общество холодно встрѣчало новаго государя, но обыкновенно первые же сколько-нибудь значительные успѣхи разбивали ледъ. Съ Александромъ случилось какъ разъ напротивъ: рѣдко кто изъ нашихъ государей былъ такъ сердечно привѣтствованъ при появленіи его на престолѣ, какъ Александръ; но затѣмъ общество и государь стали расходиться и даже пережитыя вмѣстѣ опасности и счастье 1812 — 1815 годовъ не сблизили царя съ народомъ. Очевидно, между государемъ и народомъ его было въ чемъ-то основномъ глубокое различіе.

Внукъ Петра III, сынъ Павла I, Александръ унаслѣдовалъ изъ ихъ міросозерцанія одну существенную черту. Въ основѣ міросозерцанія первыхъ двухъ несчастливыхъ государей лежало понятіе о самодовлѣющемъ самодержавіи, имѣющемъ свои собственные обязанности и интересы, отличные отъ пользы подданныхъ. Такое міровоззрѣніе было главною причиною несчастія Петра III и Павла I, ибо оно было явленіемъ новымъ на Руси, гдѣ государи издревле не различали своихъ выгодъ отъ пользы земской; такое явленіе было особенно чуждо и непонятно послѣ Петра Великаго, Елизаветы, Екатерины II, никогда даже не умѣвшихъ отдѣлить себя, представить себя отдѣльно отъ Россіи. Петръ Великій далъ живой обликъ государя перваго работника и слуги государства; Екатерина возвела это положеніе въ теорію. Петръ III и Павелъ I, напротивъ, смотрѣли на Россію, какъ на средство для выполненія ими обязанностей, свыше возложенныхъ на нихъ, однимъ имъ доступныхъ. Та же мысль лежала въ основѣ міровоззрѣнія Александра. Онъ былъ, однако, настолько образованъ, что не только не высказалъ этого прямо, но даже старался внушить своимъ подданнымъ какъ разъ противное. Въ началѣ царствованія онъ не разъ далъ торжественныя обѣщанія, что никогда «не раздѣлитъ пользъ своихъ отъ благосостоянія своихъ подданныхъ, которое едино составлять всегда будетъ все существо мыслей» его и воли. Но пользу и благосостояніе своей страны Александръ понималъ по-своему. Его влекла слава, точно героя древности или средневѣковья. Первую половину своего царствованія онъ добывалъ славу и добился ея, во вторую онъ заботливо охранялъ добытое. Онъ добился первенства въ Европѣ не для того, чтобы

сдѣлать свой народъ болѣе богатымъ, образованнымъ, свободнымъ, а для того, чтобы собрать подъ свое собственное верховенство христіанскую Европу и дать ей миръ. Достиженіе и сохраненіе верховенства немыслимы безъ огромныхъ затратъ матеріальныхъ и нравственныхъ со стороны народа; въ глазахъ Александра это мало значило сравнительно съ высокою цѣлью, поставленной имъ себѣ. Живого чувства народности у такого государя не могло быть, ибо идеалъ его средневѣковый; не было этого чувства и у Александра. Онъ вообще мало интересовался настроеніемъ низшихъ слоевъ: въ Финляндіи онъ не замѣчалъ финновъ, въ Прибалтійскомъ краѣ — эстовъ и латышей, въ Западной Руси — русскихъ. Нельзя сказать, чтобы онъ къ этимъ массамъ былъ совершенно равнодушенъ: онъ волновался, если узнавалъ, что они голодаютъ, терпятъ жестокія притѣсненія, но онъ какъ будто считалъ, что политическая жизнь не для нихъ, что имъ безразлично, въ какомъ государствѣ они находятся, только бы жить въ государствѣ благоустроенномъ; въ политическомъ отношеніи онѣ для него были нулемъ. Если онъ и говорилъ о народахъ, строилъ иногда планы на народныхъ стремленіяхъ, онъ имѣлъ, главнѣйшимъ образомъ, въ виду правящіе классы, дворянство и интеллигенцію. Верхній классъ населенія Финляндіи составляли шведы — настроеніе ихъ не только интересовало Александра, но онъ старался удовлетворить ихъ такъ же, какъ поляковъ круга Чарторыйскихъ и Огинскихъ. Такихъ взглядовъ держался не одинъ Александръ, но у другихъ дѣятелей они смягчались живымъ чувствомъ народности, сознаніемъ своего племени. Притомъ соперникъ-побѣдитель Наполеона долженъ былъ бы заглянуть болѣе глубоко въ народъ; развѣ не характерно, что даже послѣ 1812 г. Александръ предполагалъ Западную Русь присоединить къ Польшѣ: онъ этого не сдѣлалъ, но самое предположеніе характеризуетъ его отношеніе къ народу.

Какъ носитель высшей самодовлѣющей власти, Александръ былъ очень самоувѣренъ, тоже подобно своему отцу и дѣду. Важныя рѣшенія, чреватыя послѣдствіями, онъ принималъ часто неожиданно отъ окружающихъ, вопреки ихъ совѣтамъ. Рѣшенія государя падали иногда на голову ближайшихъ его сотрудниковъ, какъ снѣгъ съ неба. Таковъ, напр., его отъѣздъ въ Берлинъ осенью 1805 г., когда его другъ и министръ Чарторыйскій звалъ его въ Варшаву; такъ заключенъ былъ договоръ въ Тильзитѣ; такъ возникъ актъ Священнаго Союза. И принятыхъ рѣшеній Александръ держался иногда очень стойко, упрямо, несмотря на отговоры лицъ, мнѣніемъ которыхъ онъ въ другихъ случаяхъ дорожилъ; тяготѣніе къ Пруссіи, союзъ съ Наполеономъ, военныя поселенія вызывали представленія со стороны очень многихъ, но императоръ оставался глухъ къ совѣтамъ и даже давалъ понять, что они ему непріятны; лица, хорошо знавшія Александра, избѣгали вообще ему противорѣчить прямо изъ боязни, что государь займетъ такое упорное положеніе. Во вторую поло-

вину царствованія Александра понятія его о власти окрѣпли, потому что получили религіозное основаніе. До памятнаго 1812 года Александръ относился къ религіи, повидимому, равнодушно; но съ этого времени онъ сталъ глубоко-религіознымъ человѣкомъ, и въ этомъ отношеніи онъ разошелся со своимъ народомъ, такъ какъ вѣрованія его имѣли мистико-протестантскую окраску. Устойчивости въ его вѣрованіяхъ не было, онъ сталъ вѣрующимъ въ такомъ уже возрастѣ (около 35 лѣтъ), когда люди не могутъ вполнѣ подчиниться авторитету другихъ, но въ то же время умъ самого Александра не могъ самостоятельно разобраться въ спорныхъ вопросахъ христіанскихъ вѣроученій. Позже онъ страстно искалъ истины, охотно бесѣдовалъ со многими сектантами, мистиками, обращался и къ римско-католической церкви, привлекали его вниманіе и наши монахи-отшельники—люди духа. Не отличаясь самъ устойчивостью въ вѣрѣ, Александръ былъ снисходителенъ въ этомъ отношеніи и къ другимъ; онъ исключительное явленіе въ русской исторіи; до него она знала или государей глубоко-православныхъ и потому строго относившихся къ иновѣрцамъ, тѣмъ болѣе къ сектантамъ, или государей, смотрѣвшихъ на религію съ государственной точки зрѣнія и довольно равнодушныхъ къ православію: Александръ былъ глубоковѣрующій и въ то же время вѣротерпимый государь. Уже изъ предыдущаго можно видѣть, что умъ Александра не принадлежитъ къ той категоріи умовъ, которые называются государственными. Умъ Александра былъ тонкій, способный усвоивать весьма разнообразныя свѣдѣнія, но умъ поверхностный, неглубокій, не очень сильный и во всякомъ случаѣ не самобытный. Онъ получилъ очень хорошее образованіе: Екатерина дала ему, помимо разнаго рода свѣдѣній, практическій курсъ, какъ надо царствовать; рѣдко вѣдь кто обладалъ этимъ искусствомъ въ такомъ совершенствѣ, какъ она а Александръ имѣлъ возможность наблюдать ее очень близко, и что бы онъ про нее ни говорилъ впослѣдствіи, на дѣлѣ онъ перенялъ немало манеры управленія отъ своей бабки. Лагарпъ въ увлекательной формѣ ознакомилъ его съ обязанностями государя, разъяснилъ ему сущность отношеній гражданскихъ и государственныхъ, показалъ привлекательные образцы владыкъ друзей человѣчества, внушилъ, какія реформы онъ долженъ провести въ русскую жизнь. Все это Александръ усваивалъ легко, съ увлеченіемъ, но не глубоко, не проработывая своимъ умомъ; къ тому же и познанія сообщались ему въ такой формѣ, что едва ли у него были опредѣленныя понятія въ области наукъ государственныхъ и общественныхъ; незамѣтно, чтобы онъ интересовался этими областями знаній, и, кажется, онъ ничего самъ по этимъ вопросамъ не писалъ, какъ и вообще у него не было желанія пріобрѣсти литературную славу. Часто Александра въ первую половину царствованія считали реформаторомъ; но онъ довольно странный реформаторъ: два раза — въ 1801 — 1804 гг. и въ

1809 — 1812 гг. — пытался онъ перестроить свое государство, оба раза возвѣщалъ предстоящія реформы съ необычною въ русской жизни торжественностью и рѣшительностью, оба раза громко обѣщалъ водворить законность въ нашей жизни—и оба раза реформа не оканчивалась; императоръ отступалъ предъ первыми же сдѣланными ему возраженіями, и то, что получалось, было нисколько не лучше дореформеннаго. Затѣмъ, достигнувъ послѣ войны небывалаго авторитета, опытности, располагая временемъ мира, вернулся ли Александръ къ возвѣщеннымъ давно реформамъ? Онъ и не вспомнилъ о нихъ. Развѣ можно его въ этомъ отношеніи сравнивать не только съ Петромъ Великимъ, но и Екатериною и Александромъ II, даже съ Николаемъ I. У Александра всегда такая разница между задуманнымъ и осуществленнымъ, что многимъ казалось, не дѣлаетъ ли онъ все это лишь для успокоенія общества. Послѣднее предположеніе невѣрно. Умъ Александра консервативный, вовсе не желавшій реформы. Какъ человѣкъ образованный, молодой свидѣтель эпохи Екатерины, современникъ Наполеона, онъ считалъ своимъ долгомъ приступать къ реформамъ, но приступалъ безъ того внутренняго огня или хотя бы воодушевленія, которое отличаетъ настоящихъ реформаторовъ; онъ ставилъ себѣ большую, трудную задачу, не обдумавъ подробно, въ какой мѣрѣ, какимъ путемъ можно добиться желаемаго. Практика его сплошь и рядомъ шла противъ задуманныхъ имъ преобразованій; кромѣ того, въ вопросахъ внутренняго управленія онъ былъ нѣсколько лѣнивъ, мало вникалъ, а потомъ текущее управленіе совсѣмъ почти передалъ гр. Аракчееву; онъ не былъ такъ работоспособенъ, какъ Петръ, Екатерина, Николай I. Николай Павловичъ имѣлъ гораздо менѣе теоретическихъ познаній по государственному праву, но постоянною работою, вниканіемъ, онъ превосходно усвоилъ себѣ механизмъ высшихъ учрежденій и потомъ строго его контролировалъ; Александра эта область не привлекала.

Несамостоятельностью ума Александра объясняется и то, что при всей своей самоувѣренности и при высокомъ мнѣніи о своей власти онъ постоянно находился подъ чьимъ-нибудь вліяніемъ. Лагарпъ, члены негласнаго комитета, Наполеонъ, мистики, Фотій, Меттернихъ — всѣ эти очень непохожія другъ на друга личности овладѣвали по очереди умомъ Александра; сильный умъ, твердый характеръ могли легко овладѣть Александромъ, конечно, до увлеченія чѣмъ-либо новымъ.

Въ вопросахъ военныхъ и дипломатическихъ онъ былъ и освѣдомленъ и самостоятеленъ. Уже послѣ Тильзита онъ самъ велъ внѣшнюю политику, почти не имѣя министровъ иностранныхъ дѣлъ. Дипломатическіе переговоры онъ очень любилъ; тѣмъ не менѣе, онъ нерѣдко и въ нихъ дѣлалъ промахи. Частью это зависѣло отъ его самоувѣренности: всѣ важнѣйшіе акты своего царствованія онъ рѣшалъ вовсе безъ совѣта, иногда вопреки мнѣнію окружающихъ. Его

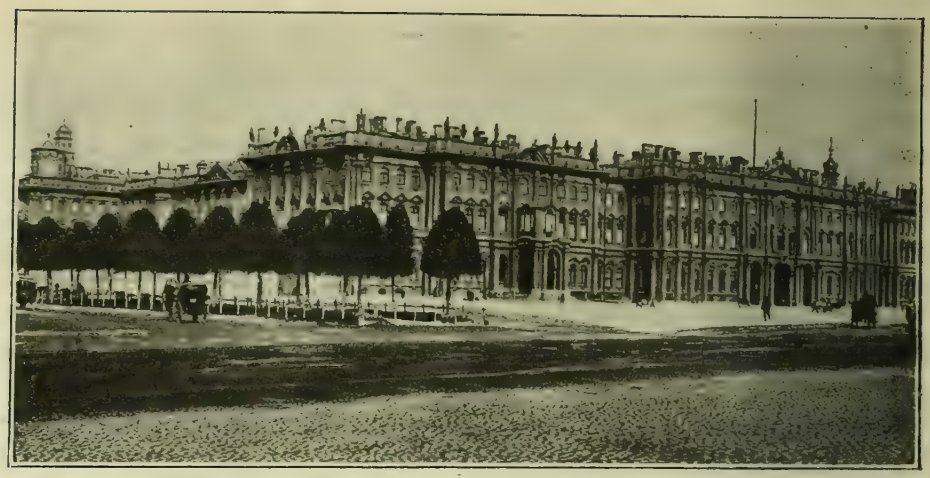
многочисленныя ошибки происходили и отъ поверхностности его знанія, его представленій о предметѣ; какъ государь онъ не могъ изучить дѣла такъ, какъ бы это долженъ былъ сдѣлать министръ или довѣренный секретарь; не полнымъ знаніемъ его или даже недостаточно точнымъ воспроизведеніемъ его разговоровъ пользовались въ ущербъ интересамъ Россіи; наконецъ по свойству ума своего, онъ не всегда сразу уяснялъ себѣ принципіальную сторону дѣла. Такимъ же, какъ дипломатъ, онъ былъ и военнымъ. Онъ мечталъ о военной славѣ, мечталъ водить свои полки въ бой. Но талантовъ вождя онъ не обнаружилъ, хотя находился часто на поляхъ битвъ и нерѣдко распоряжался. Войны 1812 — 1815 гг. выиграны были не благодаря военному таланту Александра или личнымъ его трудамъ по устройству арміи. Онъ не только не Наполеонъ, онъ и не Петръ. Онъ любилъ судить о военномъ дѣлѣ и относительно своихъ генераловъ былъ судья очень строгій. Кромѣ того, въ военномъ дѣлѣ онъ придавалъ огромное значеніе внѣшности, выправкѣ, точнѣйшему исполненію очень замысловатыхъ пріемовъ ружейныхъ и маршировки. Такого рода экзерциціи онъ любилъ и самъ ими много занимался, будучи уже императоромъ. Это тоже наслѣдственная черта. Она много разъ вызывала недоумѣніе въ литературѣ, даже и военной: зачѣмъ было отвлекать армію. по справедливости считавшуюся едва ли не лучшею въ Европѣ, къ занятіямъ, которыя могли убить ея живой духъ; были же другія стороны въ военномъ дѣлѣ, гораздо болѣе важныя, очень слабо еще представленныя въ нашихъ войскахъ. Вопросъ этотъ надо ставить нѣсколько шире: Александръ, такъ же какъ и его отецъ, имѣлъ иныя понятія о дисциплинѣ и службѣ, чѣмъ большинство русскихъ; едва ли также они удовлетворены были тѣмъ положеніемъ, которое заняла наша армія за XVIII вѣкъ. Мы, русскіе, служимъ не совсѣмъ такъ, какъ за границей; а у Александра мѣрка была заграничная, въ частности прусская, хотя позже, присматриваясь къ Наполеону, онъ въ бесѣдѣ съ Коленкуромъ часто оправдывался, такъ сказать, бѣдностью своей въ слугахъ и качествами службы; ему служили не такъ, какъ Наполеону. Извѣстно съ весьма давняго времени, что русскіе самодержцы въ выборѣ своихъ слугъ гораздо ограниченнѣе, чѣмъ конституціонные государи; сознавалъ это еще Іоаннъ Грозный. Александръ къ тому же самъ былъ человѣкъ формы: всегда изящный, затянутый, онъ и отъ другихъ требовалъ того же; стóитъ посмотрѣть на его подпись съ замѣчательнымъ завиткомъ, чтобы опредѣлить, что форма, внѣшность для этого государя значатъ много; долго долженъ былъ онъ упражняться чтобы всегда выдѣлывать этотъ завитокъ; на столѣ у него всегда были особымъ образомъ очиненныя перья, только ими онъ и писалъ. Затѣмъ, имѣя высокое представленіе о своей власти, Александръ всегда, а съ годами все больше, хотѣлъ имѣть слугъ, которые бы исполняли его волю безпрекословно и за

совѣсть, а не только за страхъ. Власть государя слишкомъ высока, чтобы онъ могъ, безъ боязни уронить ее, часто наказывать, даже сердиться; въ систему Александра входило быть милостивымъ и мягкимъ въ обращеніи, тѣмъ болѣе въ приговорахъ, которые требовали подписи. Взглядъ правильный, но онъ можетъ быть проведенъ въ жизнь безъ ущерба для дѣла лишь подъ условіемъ, что низшія инстанціи исполняютъ законъ во всей его строгости. На этомъ прежде всего основана дружба Александра къ Аракчееву; изъ близкихъ къ Александру лицъ это былъ единственный, который вполнѣ удовлетворялъ «прусскимъ» наклонностямъ государя. Человѣкъ честный, не только въ томъ смыслѣ, что онъ не бралъ взятокъ и не просилъ ничего для себя у государя, Аракчеевъ обращалъ на себя вниманіе государя и тѣмъ порядкомъ, въ которомъ онъ держалъ порученныя ему вѣдомства; Коленкуръ, вполнѣ компетентный въ военномъ дѣлѣ, хвалитъ и выдвигаетъ Аракчеева, какъ человѣка, способнаго хорошо и быстро выполнять всякое порученіе. Всегда исполнительный, замѣчательно работоспособный Аракчеевъ постепенно упрочивалъ свое положеніе; привязанность Александра къ нему росла съ годами.

Такія требованія Александра отъ служащихъ, военныхъ въ частности, были одною изъ крупныхъ причинъ недовольства имъ, на этой почвѣ создалось немало недоразумѣній, переданныхъ потомству. Русскій человѣкъ при исполненіи обязанностей любитъ вносить въ дѣло «свое», Александръ этого не допускалъ и сердился, когда замѣчалъ это; русскимъ казалось, что государь имъ предпочитаетъ иностранцевъ, особенно лицъ нѣмецкаго происхожденія. Въ этомъ отношеніи Александръ и его подданные весьма расходились, и съ годами разладъ этотъ становился все ощутительнѣе. Не могли сгладить этого разлада внѣшніе пріемы Александра. Своимъ обхожденіемъ онъ менѣе всего напоминалъ отца своего или дѣда; по пріемамъ онъ былъ «сущій прельститель»; когда хотѣлъ, онъ былъ очарователенъ, всегда вѣжливъ и любезенъ, держалъ себя просто, привѣтливо и въ то же время безъ всякаго панибратства; собесѣдникъ его всегда чувствовалъ, что съ нимъ говоритъ государь. Александръ умѣлъ уважать въ окружающихъ лѣта ихъ, положеніе; врагъ всякаго этикета, онъ любилъ бесѣдовать о дѣлахъ во время прогулокъ, запросто заходилъ къ своимъ министрамъ, приглашалъ ихъ къ себѣ любезными записочками. Какою трогательною заботливостью онъ окружилъ Н. П. Румянцева, когда тотъ пріѣхалъ въ Вильну: государь положительно игралъ роль любезнаго хозяина. Когда Кутузовъ сталъ было развивать свои доводы противъ предположеній государя, Александръ заставилъ старика замолчать тѣмъ, что обнялъ и поцѣловалъ его. Государь такъ обходился не только съ близкими, окружающими, но и совершенно незнакомыми: онъ любилъ во время прогулокъ бесѣдовать со встрѣчными, хотя бы они принадлежали къ низшимъ

классамъ; въ путешествіи, на прогулкѣ Александру Павловичу нерѣдко приходилось оказывать услуги встрѣчнымъ. Иногда любезность Александра переходила даже границы и производила впечатлѣніе, будто онъ заискивалъ, старался понравиться. Сильное впечатлѣніе производятъ бесѣды Александра съ Коленкуромъ: царь тогда интересуется всѣмъ, что касается Наполеона, до мелочей включительно, тоже внимательно разспрашиваетъ объ окружающихъ Наполеона; тогда онъ такъ неумѣренно восхищался дѣлами и дѣйствіями французскаго правительства, что невольно являлось подозрѣніе, не говорится ли все это только для того, чтобы было доведено до свѣдѣнія Наполеона? Черта эта была замѣчена современниками; русскіе въ Парижѣ въ 1814 г. непріятно поражены были тѣмъ крайне любезнымъ тономъ, которымъ Александръ обращался къ недавнимъ врагамъ Россіи, особенно, если сравнить его обхожденіе со своими войсками. Черта эта объясняется въ извѣстной степени положеніемъ Александра въ юности. Екатерина чрезмѣрно любила Александра съ перваго дня его жизни, она сама его воспитывала, учила, не могла достаточно наговориться о немъ, нахвалиться имъ—и она вскружила ему голову, заставила его повѣрить въ свое совершенство. Сердце Александра, однако, не лежало къ ней, его тянуло больше къ суровому, мрачному отцу; тѣмъ не менѣе, Александръ, чувствуя свою полную зависимость отъ Екатерины, не только скрывалъ истинныя свои чувства, но и постоянно старался увѣрить всѣхъ, кромѣ самихъ близкихъ друзей, въ глубокой своей привязанности къ императрицѣ. Одновременно онъ далъ согласіе Екатеринѣ принять престолъ послѣ ея смерти и присягу отцу въ томъ, что признаётъ его своимъ государемъ. Невесело прошла его юность; при кажущемся блескѣ своего положенія, онъ не имѣлъ своей воли ни въ чемъ; его молодая супруга опредѣлила это положеніе при Екатеринѣ: «мы жили въ золотой клѣткѣ». Еще труднѣе Александру стало при Павлѣ: были моменты, когда онъ опасался за свою участь, когда имѣлъ основаніе думать, что престолъ перейдетъ другому. Сколько времени наслѣдникъ престола чувствовалъ полную свою зависимость отъ случая, каприза, чужой воли...

Съ воззрѣніями, нѣсколько устарѣвшими, народу чуждыми, Александръ, обладая умомъ простымъ, не самостоятельнымъ, большою самоувѣренностью, вступилъ на престолъ въ одну изъ самыхъ бурныхъ эпохъ исторіи. Судьба дала ему прекраснѣйшую въ мірѣ корону, многочисленный преданный народъ, великолѣпное войско; но судьба же дала ему противниковъ и соперниковъ необыкновенно сильныхъ, богато одаренныхъ лучшими дарами природы.



Зимній дворецъ въ Петербургѣ.

ИМПЕРАТОРЪ
Николай I Павловичъ.

(1796—1825—1855).

I.

Дѣтство и юность императора Николая Павловича. — Его воцареніе.

«Сегодня, — писала 25 іюня 1796 года Екатерина Гримму, — въ три часа мамаша (великая княгиня Марія Ѳеодоровна) родила большущаго младенца, котораго назвали Николаемъ. Голосъ у него — басъ, которымъ онъ кричитъ оглушительно. Длиной онъ аршинъ безъ двухъ вершковъ, а руки его почти равны моимъ. Въ жизнь мою не видала подобнаго рыцаря. Если онъ будетъ продолжать такъ, какъ началъ, его братья будутъ карлами по сравненію съ этимъ колоссомъ». По установившемуся уже обыкновенію новорожденный членъ императорской фамиліи, третій внукъ императрицы, началъ воспитываться подъ непосредственнымъ надзоромъ самой Екатерины; внукъ радовалъ ее своимъ необыкновенно быстрымъ физическимъ развитіемъ. «Рыцарь Николай,—писала она 5 іюля,— уже три дня ѣстъ кашу, такъ какъ хочетъ ѣсть поминутно; думаю, что никогда восьмидневный младенецъ не получалъ подобнаго угощенія; это неслыхано. У нянекъ просто руки опускаются; если такъ продолжится, то въ шесть недѣль придется отнять его отъ груди. Онъ всѣхъ обводитъ глазами и поворачиваетъ голову не хуже меня». Первоначально великій князь ввѣренъ былъ женскому надзору; его главной воспитательницей Екатерина назначила графиню Ливенъ, а няней — шотландку миссъ Лайонъ; нѣсколько позже видимъ около Николая еще г-жу Адлербергъ. Екатерина скончалась 6 ноября того же 1796 г., и Николай Павловичъ зналъ ее, конечно, только по разсказамъ. Зато образъ отца живыми чертами

врѣзался въ памяти сына. Каждое утро младшія дѣти императора спускались къ нему, когда онъ причесывался, и Николай Павловичъ навсегда запомнилъ, какъ отецъ его, въ бѣломъ шлафрокѣ, сидѣлъ въ простѣнкѣ между окнами, пока парикмахеръ завивалъ ему букли. Павелъ всегда былъ ласковъ, привѣтливъ и веселъ со своими младшими дѣтьми, и Николай Павловичъ не понималъ, почему чувство страха охватывало окружавшихъ его женщинъ при видѣ его добраго и ласковаго отца. Какъ только ребенокъ сталъ носить мужское платье, на него надѣвали уже своеобразный костюмъ, нѣсколько напоминавшій мундиръ того полка, шефомъ котораго онъ былъ. На рѣдкость хорошая память Николая Павловича сохранила эпизодъ изъ очень ранняго дѣтства, весьма характерный для всей обстановки его первыхъ лѣтъ: когда ему было три года, императоръ отворилъ однажды калитку въ саду и сказалъ: «Поздравляю тебя, Николаша, съ новымъ полкомъ: я тебя перевелъ изъ Конной гвардіи въ Измайловскій полкъ въ обмѣнъ съ братомъ». Павелъ часто измѣнялъ цвѣта военныхъ мундировъ и въ зависимости отъ этого Николай Павловичъ носилъ куртку и панталоны то оранжеваго, то вишневаго, то краснаго цвѣтовъ.

Игрушками дѣтей — Николай Павловичъ воспитывался вмѣстѣ съ братомъ своимъ Михаиломъ и сестрою Анной — почти сплошь были ружья, пистолеты, барабаны, пушки и другіе предметы военнаго вооруженія и снаряженія. Величайшимъ удовольствіемъ для ребенка было смотрѣть на маневры войскъ и на парады; поэтому и самымъ чувствительнымъ наказаніемъ считалось лишеніе его этихъ зрѣлищъ. Однако грома пушечныхъ выстрѣловъ мальчикъ долго не выносилъ и впадалъ въ большое безпокойство, заслышавъ ихъ. Запомнилъ ребенокъ переѣздъ въ сырой, непривѣтливый Михайловскій замокъ, гдѣ всѣмъ было неудобно и страшновато. Помнилъ онъ и страшное утро 12 марта, когда на глазахъ его передъ лежащею на диванѣ матерью судорожно рыдалъ старшій братъ, новый императоръ Александръ. Когда Николаю Павловичу минуло 14 лѣтъ, т.-е. какъ разъ тогда, когда всего удобнѣе было бы направить вниманіе великаго князя на другіе предметы, была сформирована лейбъ-гвардіи дворянская рота и службѣ въ этой ротѣ Николай Павловичъ отдался вполнѣ онъ носилъ въ ней чинъ штабсъ-капитана и именовался «Романовъ третій»; сохранилось до 50 его собственноручныхъ записокъ и приказовъ по этой ротѣ. Жизнь роты была чисто военная: рота несла караулы въ нѣкоторыхъ комнатахъ Зимняго дворца, участвовала въ церемоніяхъ. Императоръ Александръ отдавалъ приказы по ротѣ и давалъ ея офицерамъ отвѣтственныя порученія. Николай Павловичъ, отдаваясь всею душою жизни своей роты, привыкъ здѣсь къ военной дисциплинѣ, привыкъ придавать громадное значеніе внѣшности: онъ привыкъ цѣнить образцовую выправку во фронтѣ, сроднился съ военной обстановкой, закалился въ ней, можетъ-быть, даже нѣ-

сколько загрубѣлъ въ этой обстановкѣ. Служба въ ротѣ имѣла большое вліяніе на весь складъ характера Николая Павловича; рота нѣсколько напоминала потѣшныхъ Петра Великаго, но именно только напоминала, ибо Петръ самъ создалъ организацію своихъ потѣшныхъ и, постоянно развивая ихъ упражненія, велъ ихъ къ настоящему военному дѣлу, а въ дворянской гвардейской ротѣ не было ни походовъ, ни маневровъ, ни примѣрныхъ сраженій, и служба, ограниченная караулами и участіемъ въ церемоніяхъ да обученіемъ строю, пріучала только къ дисциплинѣ и къ внѣшней выправкѣ. Конечно, совмѣстная жизнь съ товарищами, сознаніе отвѣтственности содѣйствовали развитію великаго князя; работа въ ротѣ сблизила его съ дѣйствительностью, съ окружающими; возможно, что она ознакомила его практически съ русскою обстановкою; Николай Павловичъ больше любилъ и лучше зналъ Россію, чѣмъ его старшій братъ. Вліяніе этой службы въ ротѣ долго еще сказывалось въ жизни Николая Павловича: онъ любилъ называть себя ротнымъ командиромъ, а людскія отношенія всегда готовъ былъ строить на началахъ воинской дисциплины. Въ теченіе всего царствованія своего онъ такъ понималъ обязанности служащихъ, отъ 14 класса до 1-го включительно, что каждый долженъ дѣлать и судить исключительно о томъ, что ему ввѣрялось по занимаемому имъ мѣсту. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ навсегда остался очень требовательнымъ къ внѣшнему виду служащихъ.

Едва ли справедливо сѣтовать, что великому князю давали съ юныхъ лѣтъ такое исключительно-военное направленіе. Трудно бороться съ природой, у Николая Павловича же склонность къ военному дѣлу, несомнѣнно, была весьма сильная; къ наукамъ гуманитарнымъ у него не было влеченія. Затѣмъ, воспитывался онъ въ исключительно-военное время, въ героическую эпоху,—эпоху наполеоновскихъ войнъ. Мальчикомъ онъ видѣлъ знаменитаго Суворова, слышалъ безчисленные разсказы объ этомъ героѣ-вождѣ; въ умѣ его запечатлѣлся образъ геніальнаго полководца. Походъ въ Италію противъ французовъ, войны 1805—1807 гг., войны турецкая, шведская,—все это всецѣло заполняло воображеніе великаго князя. Тогда почти всѣ дворяне считали своимъ долгомъ поступать въ военную службу; смѣло можно сказать, что армія притягивала къ себѣ лучшія силы страны, и человѣкъ, желавшій быть полезнымъ родинѣ, становился военнымъ. При такихъ условіяхъ трудно было ожидать, чтобы великихъ князей можно было отвлечь отъ военнаго дѣла. Да если и допустить, что таковы были дѣйствительно желанія Маріи Ѳеодоровны, то императоръ Александръ, напрягавшій тогда всѣ силы свои въ борьбѣ съ Наполеономъ, признавалъ превосходство своего соперника въ военномъ дѣлѣ и, приписывая это преимущество отчасти тому, что Бонапарте прошелъ всѣ ступени службы военной, жалѣлъ о пробѣлахъ своего воспитанія. Возможно, что въ царской семьѣ уже тогда провидѣли высокій

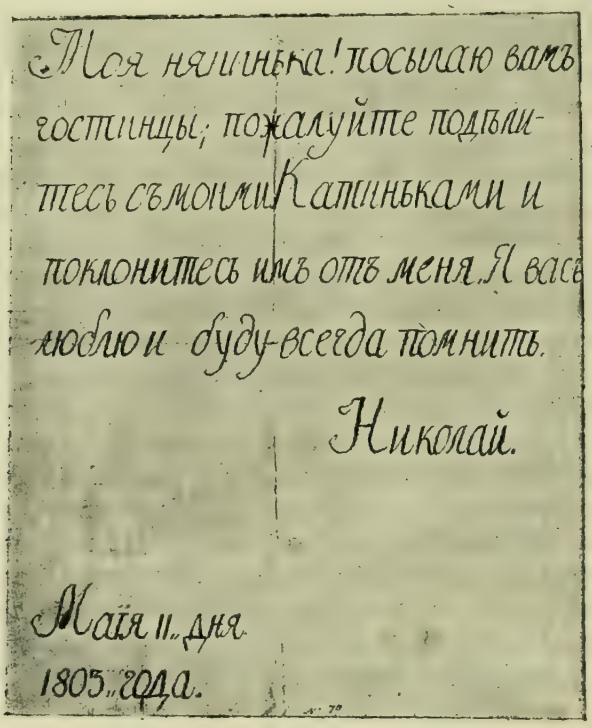
жребій великаго князя Николая и что поэтому Александръ настаивалъ на военномъ воспитаніи брата.

Изученіе другихъ наукъ не отвлекло великаго князя отъ пристрастія къ военному дѣлу: его учили древнимъ языкамъ, но Николай Павловичъ получилъ навсегда предубѣжденіе противъ греческаго языка; Шторхъ читалъ ему политическую экономію, Балугьянскій — энциклопедію права, Кукольникъ — естественное право. Но отвлеченные предметы не отвѣчали складу ума великаго князя. Онъ мыслилъ всегда конкретно, образами и всякая теорія отъ него ускользала. Изъ наукъ гуманныхъ больше всего Николай Павловичъ полюбилъ исторію; героическіе образы прошлаго прельщали его умъ и воображеніе; историческіе вкусы его вполнѣ соотвѣтствовали основѣ его міросозерцанія: героемъ его въ нашемъ прошломъ сталъ Петръ Великій; державную же свою бабку онъ недолюбливалъ. Успѣшнѣе шли его занятія въ области наукъ точныхъ: онъ очень интересовался физикой, прикладными знаніями, недурно рисовалъ, немного гравировалъ на мѣди; рисованію его учили Шебуевъ и Кипренскій; сюжеты его рисунковъ — военные типы, военныя сцены. Генералы Сухтеленъ и Опперманъ, полковникъ Маркевичъ и Джолити преподавали ему военныя науки — фортификацію, тактику, стратегію. Этими отраслями знанія Николай Павловичъ занимался съ большимъ рвеніемъ. Опперманъ не довольствовался одними только уроками, но велъ съ ученикомъ своимъ бесѣды, давалъ Николаю Павловичу разбирать трактаты и сочиненія; все это очень нравилось великому князю. Такъ въ лицѣ великаго князя вырабатывался исключительно военный человѣкъ; весь складъ его ума и характера, его познанія были военные; въ теоріи, какъ и въ жизни, военные интересы перевѣшивали остальные, хотя обстановка той эпохи, въ которую онъ началъ свою дѣятельность, могла бы способствовать увлеченію не только военными дѣлами, но и вопросами гражданскаго устройства и управленія.

Изъ лѣтъ своего отрочества и ученія Николай Павловичъ самыя лучшія воспоминанія сохранилъ о графинѣ Ливенъ и о своей нянѣ, миссъ Лайонъ; главный же его воспитатель, генералъ Ламздорфъ, не пользовался особою любовью своего августѣйшаго воспитанника; Николай Павловичъ, по свойственному ему чувству долга, оказывалъ ему всевозможное почтеніе, хотя Ламздорфъ, по общимъ отзывамъ, былъ весьма грубъ съ великимъ княземъ въ его дѣтскіе годы.

По характеру великій князь въ это время былъ очень самоувѣренъ, самолюбивъ, грубоватъ съ своими людьми, но очень застѣнчивъ въ обществѣ людей ему малоизвѣстныхъ. Уже въ это время опредѣлились основныя черты его духовнаго облика, сохранившіяся на всю жизнь: необыкновенно развитое чувство долга, уваженіе къ старшимъ, полное подчиненіе авторитету. Эти черты, развитыя воспитаніемъ, присущи были самой природѣ князя. Онѣ

роднятъ его съ его отцомъ и старшимъ братомъ; только сравнительно съ первымъ Николай Павловичъ былъ человѣкомъ уравновѣшеннымъ, а по сравненію со вторымъ болѣе цѣльнымъ человѣкомъ, чѣмъ тотъ, выросшій подъ вліяніемъ Екатерины и Лагарпа. Младшіе въ точности должны исполнять предписанія старшихъ, старшіе — предписанія закона или устава, — таковъ девизъ Николая Павловича; онъ никогда не позволялъ себѣ критиковать дѣйствія старшихъ, Александръ Павловичъ навсегда для него остался ангеломъ, благодѣтелемъ; мать для него — лучшая изъ матерей.


Моя няниньки! посылаю вамъ гостинцы; пожалуйте подѣлитесь съ моими Катиньками и поклонитесь имъ отъ меня. Я васъ люблю и буду всегда помнить.

Николай.

Мая 11 дня 1805 года.

Письмо в. кн. Николая Павловича.
Хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

Съ начала военныхъ дѣйствій 1812 г. великій князь рвался въ войска; но это не входило въ расчеты ни Александра, ни Маріи Ѳеодоровны, и только въ 1814 г. оба младшіе великіе князя были вызваны въ дѣйствующую армію; но ѣхали они такъ долго, такъ часто ихъ задерживали, что они прибыли въ Парижъ уже по окончаніи военныхъ дѣйствій. Тѣмъ не менѣе путешествіе это имѣло большое значеніе въ жизни Николая Павловича; онъ впервые познакомился съ Западной Европой, сблизился съ прусскими принцами Фридрихомъ-Вильгельмомъ и Вильгельмомъ, особенно съ послѣднимъ; въ это время заложены основанія его чрез-

вычайной приверженности къ Пруссіи и ея военному строю. Въ Парижѣ къ нему приставленъ былъ генералъ Паскевичъ, занявшій потомъ, въ его царствованіе, первое мѣсто среди его сотрудниковъ. Николай Павловичъ чрезвычайно привязался къ знающему, храброму и скромному генералу, начальнику дивизіи, одному изъ героевъ 12 года. Въ бесѣдахъ съ Паскевичемъ великій князь пополнялъ свои военныя познанія. Въ 1816 г. Николай Павловичъ путешествовалъ по Россіи, при чемъ опять-таки главное его вниманіе обращено было на войска, преимущественно на внѣшній видъ ихъ.

Эпоху въ его жизни составилъ 1817 г., годъ его брака съ прусской принцессой Шарлоттой, дочерью Фридриха-Вильгельма; бракъ этотъ въ царской семьѣ задуманъ былъ давно; впрочемъ, Николай Павловичъ и его невѣста горячо полюбили другъ друга, такъ что политика въ данномъ случаѣ совпала съ сердечными влеченіями. Бракъ этотъ былъ очень счастливъ; прусская принцесса, принявшая имя Александры Ѳеодоровны, создала своему супругу семейную обстановку, въ которой онъ нуждался. Нѣсколько мечтательная, сантиментальная и мистически настроенная Александра Ѳеодоровна дополняла и измѣняла къ лучшему слишкомъ прямолинейную и нѣсколько жесткую натуру Николая Павловича. Въ семьѣ своего тестя Николай Павловичъ принятъ былъ какъ родной сынъ; здѣсь тоже онъ нашелъ ту теплоту, то сердце, которыя отсутствовали въ окружавшей его обстановкѣ до брака. Шероховатость и грубоватость его пріемовъ нѣсколько смягчается подъ вліяніемъ супруги; высшія же его наклонности — къ искусству и литературѣ—получаютъ благодаря ей полное развитіе. Дѣйствительную службу Николай Павловичъ сталъ нести тоже лишь со времени своего брака, когда былъ назначенъ генералъ-инспекторомъ по инженерной части и командиромъ бригады 1 пѣхотной гвардейской дивизіи. На первой должности показалъ съ большимъ блескомъ административный талантъ. Инженерная часть поставлена была въ Россіи тогда весьма слабо; во время союза съ Франціей императоръ Александръ поспѣшилъ воспользоваться французскою помощью, и немало французовъ-инженеровъ—съ генералами Де-Воланомъ и Бетанкуромъ во главѣ — поступили тогда на русскую службу, русскихъ же инженеровъ почти не было. Главною своею задачею Николай Павловичъ поставилъ созданіе русскаго инженернаго корпуса, чтобы устранить необходимость приглашать изъ-за границы военныхъ зодчихъ; второю задачею его было—обезопасить русскія границы крѣпостями. Николай Павловичъ съ любовью принялся за порученное ему дѣло. Въ первомъ своемъ приказѣ, обѣщая быть ходатаемъ предъ государемъ за всѣхъ исправныхъ служакъ, великій князь напоминалъ, что не проститъ ни малѣйшаго упущенія и будетъ взыскивать по всей строгости законовъ. Прежде всего онъ озаботился, чтобы инженерные чины всегда сознавали себя военными, а не

чиновниками, чтобъ всѣ отношенія между ними были построены на военной дисциплинѣ; онъ потребовалъ отъ нихъ строжайшаго исполненія строевыхъ уставовъ и даже на техническую службу ихъ смотрѣлъ какъ на строевую. Въ управленіи инженерными войсками Николай Павловичъ проявилъ общія черты своего характера: онъ былъ строгъ; тамъ, гдѣ другіе находили дѣло исполненнымъ порядочно, онъ не оставался доволенъ; узнавалъ ли онъ, что кирпичъ хуже, что камни недостаточно обтесаны, что постройка обошлась дороже,— онъ выражалъ свое неудовольствіе въ приказахъ, не щадя самолюбія высшихъ чиновъ, даже своего наставника и руководителя генерала Оппермана, ибо обычное его правило: старшіе виноваты, если младшіе худо сдѣлали свое дѣло. Но великій князь не щадилъ и себя: когда рухнули слуцкія ворота, онъ наложилъ денежныя взысканія на подрядчика, на всѣхъ лицъ, наблюдавшихъ за постройкой, и на самого себя, какъ на утвердившаго планъ постройки. Сказывались въ это время и прусскія симпатіи Николая Павловича: одинъ изъ фортовъ Бобруйской крѣпости назвалъ онъ фортомъ Фридриха-Вильгельма; иногда онъ пріѣзжалъ на осмотръ въ сопровожденіи прусскихъ генераловъ, которые очень злоупотребляли довѣріемъ великаго князя. Немало заботъ приложилъ Николай Павловичъ на созданіе военнаго техническаго училища, необходимость котораго ясно имъ сознавалась. 24 ноября 1819 года возникло Главное Инженерное училище, дѣлившееся на офицерскіе (позже Академія) и кондукторскіе классы (позже училище); въ офицерскихъ классахъ читались исключительно спеціальные предметы; въ кондукторскихъ—математика и военные предметы, иностранные языки, исторія и географія. Николай Павловичъ весь отдался устройству этого училища, часто его посѣщалъ, старался найти для него лучшихъ преподавателей, гордился первыми успѣхами питомцевъ училища. Цѣль была имъ достигнута, и армія получила военныхъ инженеровъ, въ которыхъ такъ нуждалась.

Рожденіе 17 апрѣля 1818 г. у Николая Павловича сына-первенца, Александра, измѣнило положеніе Николая въ царской семьѣ; ни императоръ Александръ, ни братъ его Константинъ не имѣли дѣтей; можно предполагать, что и до брака Николаю Павловичу дѣлались намеки на высокую будущность, его ожидавшую, но въ 1819 г. Александръ Павловичъ говорилъ объ этомъ съ Николаемъ уже опредѣленно, и въ переговоры былъ посвященъ и принцъ Вильгельмъ прусскій. Рожденіе маленькаго Александра больше всѣхъ обрадовало императрицу Марію Ѳеодоровну; съ этого времени Николай Павловичъ и его супруга стали ея любимѣйшими дѣтьми, и она почти не скрывала своего желанія видѣть преемникомъ Александра—Николая; цесаревичъ Константинъ давно уже просилъ развода съ великой княжной Анной Ѳеодоровной; до сей поры не соглашавшаяся императрица-мать теперь дала свое согласіе, и скоро цесаревичъ вступилъ въ новый бракъ съ графиней

Грудзинской, получившей титулъ княгини Ловичъ; 14 января 1822 г. цесаревичъ обратился съ письмомъ на имя государя, въ которомъ категорически отказался отъ престола и просилъ передать престолъ тому, кому онъ принадлежитъ послѣ него, и тѣмъ самымъ «утвердить навсегда непоколебимымъ положеніе нашего государства». Александръ Павловичъ, по совѣщаніи съ матерью своей, далъ согласіе на эту просьбу. «Намъ обоимъ, — т.-е. ему и Маріи Ѳеодоровнѣ, писалъ онъ,— остается, уваживъ причины, вами изъясненныя, дать полную свободу вамъ слѣдовать непоколебимому рѣшенію вашему, прося всемогущаго Бога, дабы онъ благословилъ послѣдствія столь чистѣйшихъ намѣреній». Однако, только черезъ годъ съ лишкомъ распоряженіе объ этомъ облечено было силою закона. Государь поручилъ архіепископу Филарету составить манифестъ. 16 августа 1823 года проектъ Филарета съ нѣкоторыми поправками былъ утвержденъ и подписанъ государемъ и отосланъ въ Москву съ собственноручною на конвертѣ надписью: «Хранить въ Успенскомъ соборѣ съ государственными актами до востребованія моего, а въ случаѣ моей смерти открыть московскому епархіальному архіерею и московскому генералъ - губернатору въ Успенскомъ соборѣ прежде всякаго другого дѣйствія»; списки съ манифеста хранились въ Петербургѣ въ Государственномъ Совѣтѣ, Синодѣ и Сенатѣ. Объ этомъ знали обѣ императрицы—Елизавета Алексѣевна, впрочемъ, не совсѣмъ точно, — Николай Павловичъ, кн. А. Н. Голицынъ, гр. А. А. Аракчеевъ и, конечно, архіепископъ Филаретъ. О причинахъ, по которымъ столь важное государственное дѣло не было тогда же обнародовано, можно только догадываться: вѣроятно, Александръ Павловичъ не предполагалъ, что его такъ скоро постигнетъ смерть, Константинъ могъ умереть раньше него, и тогда дѣло устраивалось бы само собой. Важно установить, что самъ Николай Павловичъ былъ освѣдомленъ о томъ, что по смерти Александра престолъ наслѣдуетъ онъ, а не Константинъ.

30 августа 1825 года Николай Павловичъ въ послѣдній разъ видѣлся съ императоромъ Александромъ: великій князь вечеромъ этого дня отправился въ Бобруйскъ, а 1 сентября императоръ Александръ покинулъ Петербургъ навсегда. 20 сентября Николай Павловичъ вернулся изъ своей поѣздки. 17 ноября въ Петербургъ пришло первое извѣстіе о легкой простудѣ императора, 22-го ноября получены были извѣстія, возбудившія сильнѣйшее безпокойство въ царской семьѣ и въ обществѣ; 25 ноября узнали, что государь пріобщился св. Таинъ, что положеніе его не безнадежно, но очень опасно; 27 ноября, въ то время, какъ въ церкви Зимняго дворца совершалось молебствіе о здравіи государя, пришла роковая вѣсть о его кончинѣ, послѣдовавшей 19 ноября въ Таганрогѣ. Печальная вѣсть не застала Николая Павловича врасплохъ: онъ уже обдумалъ свое поведеніе и, хотя зналъ объ отреченіи Константина,

все же рѣшилъ, что первымъ дѣйствіемъ по полученіи рокового извѣстія должна быть присяга новому государю—императору Константину I. Сообразно съ этимъ онъ и поступилъ: какъ только прошли первые моменты оцѣпенѣнія и ужаса, охватившаго всѣхъ присутствовавшихъ въ церкви, Николай Павловичъ самъ присягнулъ на вѣрность императору Константину, затѣмъ присягнули воинскія части, дежурившія во дворцѣ, а генералу Воинову, командиру гвардейскаго корпуса, приказано было привести къ присягѣ всѣ гвардейскіе полки. Только послѣ этихъ распоряженій и дѣйствій Николай Павловичъ отправился къ своей матери, тѣмъ временемъ нѣсколько оправившейся отъ перваго потрясенія, и разсказалъ ей обо всемъ, сдѣланномъ имъ. Совершенно ясно, что Николай Павловичъ поступилъ, строго обдумавъ свои дѣйствія. Онъ воспользовался первымъ моментомъ общаго замѣшательства, чтобы привести въ исполненіе свой планъ. Уже послѣ этого, когда дѣло было сдѣлано, произошло знаменательное засѣданіе Государственнаго Совѣта, на которомъ великій князь убѣдилъ членовъ Совѣта, чтобы они послѣдовали его примѣру, и присяга ихъ Константину.

Что заставило Николая Павловича поступить такъ рѣшительно, сразу сжечь корабли? Какимъ образомъ человѣкъ, столь проникнутый чувствомъ долга и воинской дисциплины, сталъ распоряжаться тамъ, гдѣ распоряженія должны были исходить отъ другихъ? Налицо были министры, военный генералъ-губернаторъ, Государственный Совѣтъ, Сенатъ и Синодъ. Конечно, положеніе великаго князя было очень трудное: ему приходилось вступить на престолъ помимо старшаго брата; трудность и щекотливость этого положенія усугубилъ императоръ Александръ тѣмъ, что не обнародовалъ манифеста 1823 года. Большинство сановниковъ того времени видѣли въ попыткѣ Николая Павловича великодушіе, рыцарство: Константинъ отказался въ пользу Николая, Николай—въ пользу Константина. Съ точки зрѣнія обыкновенныхъ смертныхъ, жребій государя представляется завидною долею, величайшимъ счастьемъ; но едва ли такъ смотрятъ тѣ, на которыхъ падаетъ этотъ высокій жребій; принять престолъ—для этого надо гораздо болѣе великодушія и мужества, чѣмъ для того, чтобы отказаться отъ него. Есть намеки, что въ эти трудные дни Николай слѣдовалъ совѣтамъ гр. Милорадовича, петербургскаго военнаго губернатора, который не скрылъ отъ великаго князя нерасположенія къ нему многихъ офицеровъ гвардіи, которые, по словамъ Милорадовича, «привыкли подавать голосъ» при вступленіи на престолъ государя. Это нерасположеніе, несомнѣнно, существовало: строгій, крутой и грубоватый въ пріемахъ Николай особенно проигрывалъ рядомъ съ любезнымъ и обходительнымъ Александромъ. Если это было такъ, образъ дѣйствій Николая получаетъ другую окраску; но врядъ ли Николай Павловичъ отказывался отъ престола по соображеніямъ, указаннымъ гр. Милорадовичемъ. Императоръ Александръ не обнародовалъ своей

воли; имѣла ли его воля силу закона послѣ его смерти—это было вопросомъ юридическимъ, который могъ вызвать, да и вызвалъ въ Совѣтѣ, разныя толкованія. Ставить свое вступленіе на престолъ въ зависимость отъ того или другого рѣшенія Совѣта Николай не могъ по своимъ взглядамъ.

Николай Павловичъ могъ догадываться, что объявленіе воли покойнаго императора можетъ внести смуту въ умы. Если въ засѣданіи 27 ноября въ Государственномъ Совѣтѣ мнѣнія по вопросу: необнародованный законъ есть ли законъ? — раздѣлились, то тѣмъ болѣе могло раздѣлиться и общее мнѣніе и возникла бы масса болѣе или менѣе апокрифическихъ объясненій, почему императоръ Александръ не обнародовалъ своей воли; могло бы даже казаться, что Николай Павловичъ получилъ престолъ благодаря рѣшенію Государственнаго Совѣта. Для монархиста, какимъ всегда былъ Николай Павловичъ, получать престолъ въ силу акта, оспариваемаго хотя частью общества, было непріемлемо. Отсюда его желаніе уничтожить, сдѣлать несуществующимъ этотъ актъ и предоставить все снова на волю старшаго брата. Торжественный отказъ Константина отъ престола, особенно сдѣланный лично въ Петербургѣ, устраивалъ бы дѣло наилучшимъ образомъ, недовольные должны бы были замолчать, а Николай Павловичъ вступилъ бы на престолъ въ силу непререкаемаго коренного закона 1797 года. Но цесаревичъ, рѣшительно подтвердивъ свой отказъ отъ престола, не менѣе рѣшительно отказался пріѣхать въ Петербургъ; о торжественномъ, личномъ отказѣ не могло быть болѣе и рѣчи. Положеніе становилось угрожающимъ: переговоры между Петербургомъ и Варшавою, гдѣ проживалъ цесаревичъ, затянулись; общество и народъ недоумѣвали и были смущены извѣстіями изъ Варшавы, что тамъ присяга принесена была Николаю Павловичу. Теперь стало ясно, что и въ Петербургѣ не легко будетъ объяснить народу отказъ Константина отъ престола послѣ принесенія присяги ему; требованіе новой присяги послѣ только что данной не могло не смутить населеніе. Возможность вооруженнаго столкновенія, пролитія крови представилась въ Петербургѣ почти уже неизбѣжнымъ послѣдствіемъ создавшагося страннаго положенія вещей. Положеніе стало еще тягостнѣе, когда 12 декабря Николай Павловичъ изъ донесенія Дибича узналъ о существованіи въ арміи обширнаго заговора. Императоръ Александръ давно зналъ о немъ, но держалъ это втайнѣ отъ Николая Павловича; можетъ-быть, стороною великій князь что-нибудь и слыхалъ, но онъ не могъ и подозрѣвать, что дѣло зашло такъ далеко, что въ заговорѣ замѣшаны полковники и генералы. 12 же декабря Николай Павловичъ получилъ замѣчательное по искренности письмо Я. И. Ростовцева, тогда молодого офицера Егерскаго полка, въ которомъ тотъ въ самой категорической формѣ извѣщалъ Николая Павловича, что онъ многихъ раздражилъ противъ себя, что

при новой присягѣ вспыхнетъ возмущеніе. Ростовцевъ предвидѣлъ ужасныя послѣдствія этого возмущенія. «Совѣтъ, Сенатъ, можетъ-быть, гвардія будутъ за васъ, военныя поселенія и отдѣльный кавказскій корпусъ рѣшительно будутъ противъ васъ»... Ростовцевъ умолялъ великаго князя не принимать пока короны и въ заключеніе просилъ казнить его, если день воцаренія пройдетъ тихо. Письмо это усугубило тревогу Николая Павловича; онъ ясно видѣлъ угрожавшую ему опасность; онъ пытался посовѣтоваться съ лицами, которыя, казалось, должны были знать ближе обстоятельства таинственнаго заговора; но оба спрошенныхъ имъ лица, гр. Милорадовичъ и кн. Голицынъ, сами были не освѣдомлены.

Николай Павловичъ не испугался, но увидѣлъ, что медлить болѣе нельзя и, получивъ вторичный отказъ цесаревича, принялъ корону и назначилъ на 14 декабря принесеніе присяги. 13 декабря готовъ былъ написанный Сперанскимъ манифестъ, въ которомъ подробно, ясно и весьма обстоятельно изложено было все дѣло. Опасенія сбылись: 14 декабря пришлось силой усмирить вооруженное возстаніе. «Ваше желаніе сбылось, я — императоръ, но, Боже мой, какою цѣною, цѣною крови моихъ подданныхъ! — писалъ Николай Павловичъ цесаревичу Константину.—Милорадовичъ раненъ смертельно, Шеншинъ, Фредериксъ, Стюрлеръ—тяжело; рядомъ съ этимъ ужаснымъ зрѣлищемъ сколько сценъ утѣшительныхъ для меня, для насъ!..»

Событія 14 декабря, особенно послѣ того какъ стали извѣстны нити обширнаго заговора, широко распространившагося въ арміи, и цѣли заговорщиковъ: вооруженное возстаніе, цареубійство, измѣненіе формы правленія, потрясли Николая Павловича до глубины души; отъ этихъ впечатлѣній онъ не могъ избавиться до конца дней. Въ царствованіе императора, котораго вся царская семья чтила какъ ангела, сложился заговоръ, имѣвшій цѣлью убить его и устранить всю его семью! Въ царствованіе императора, покрывшаго Россію славою безсмертною, среди его военныхъ сподвижниковъ, главнымъ образомъ его гвардіи, зрѣлъ заговоръ противъ него! Чтобы правильно оцѣнить впечатлѣніе, произведенное на Николая Павловича 14-ымъ декабря, надо войти въ психологію его и лицъ, его окружавшихъ. Смотрѣвшимъ на дѣятельность императора Александра со стороны, его сподвижникамъ, его подданнымъ, конечно, видны были и тѣневыя стороны царствованія; для нихъ образованіе заговора было понятнѣе, хотя и изъ нихъ большинство недоумѣвало, почему именно славному побѣдителю Наполеона готовился столь страшный жребій. Иное дѣло лица царской семьи, почти боготворившія Александра, болѣе другихъ видѣвшія и чувствовавшія, какъ высоко была вознесена Россія при немъ. Императоръ Николай получалъ не только русскій престолъ, но и связанное съ тѣмъ первенство въ Европѣ. Его охватывало чувство стыда при мысли о томъ, что̀ скажутъ въ Европѣ: государь,

спасшій Европу отъ революціи, просмотрѣлъ революцію у себя дома! Или онъ правилъ своей страной, какъ Фердинандъ испанскій, Людовикъ XVIII и другіе?—Императоръ Николай не только пораженъ былъ въ своихъ рыцарскихъ чувствахъ, не только оскорбленъ былъ за Россію и за войско, которому онъ былъ такъ преданъ: послѣ этого онъ навсегда остался въ убѣжденіи, что революція сторожитъ Россію, что Россія не дальше отстоитъ отъ революціи, чѣмъ остальныя государства Европы.

На дѣлѣ же, какъ ни печально было событіе 14 декабря, оно совсѣмъ не имѣло такого громаднаго значенія. Прежде всего совершенно вѣрны были слова Милорадовича, сказанныя имъ принцу Евгенію Вюртембергскому въ отвѣтъ на замѣчаніе того, что гвардія ни при чемъ, если престолъ переходитъ за отреченіемъ Константина къ Николаю: «Совершенно справедливо,— отвѣтилъ графъ, — имъ не слѣдуетъ имѣть голосъ, но это у нихъ обратилось уже въ привычку, почти въ инстинктъ». Милорадовичъ былъ совершенно правъ. Но только до 14 декабря 1825 г. гвардія, а съ нею и дворянство, выражая нерѣдко неудовольствіе лицомъ, занимавшимъ престолъ, всегда стояли за самодержавіе, т.-е. гарантію общаго блага видѣли просто въ замѣнѣ одного лица другимъ. Теперь же дѣло шло не о лицѣ, а о порядкѣ; заговоръ вспыхнулъ при вступленіи на престолъ Николая I, но это было случайностью, онъ долженъ былъ вспыхнуть раньше. Несомнѣнно, слѣдовательно, что въ настроеніи гвардіи, которая попрежнему оставалась представительницею дворянства, произошла крупная перемѣна, глубокій переворотъ, если въ средѣ, упорно отстаивавшей въ XVIII в. самодержавіе, явились лица, которыя склонялись къ конституціонной монархіи и даже къ республикѣ. Эта перемѣна произошла въ царствованіе Александра I, но первые ея признаки стали намѣчаться еще ранѣе. Измѣненія въ настроеніи гвардіи происходили подъ вліяніемъ двухъ главныхъ причинъ. Прежде всего политика Александра I была антидворянская; онъ не долюбливалъ дворянство, какъ классъ; дворянство также не любило Александра. Въ XVIII вѣкѣ росли права дворянства; къ концу царствованія Екатерины дворянство окрѣпло, сорганизовалось, почувствовало новыя силы и получило возможность сообща отстаивать свои права предъ государствомъ. При Павлѣ права этого сословія неожиданно стали умаляться, и, несмотря на перемѣну царствованія, умаленіе это продолжалось: всѣ созданія Александра, Сперанскій, Аракчеевъ, союзъ съ Наполеономъ, военныя поселенія, даже Священной Союзъ, имѣли между собою то общее, что вели къ уменьшенію значенія дворянства. Быстро выростала бюрократія, гражданская и военная, оттѣснившая дворянство съ мѣстъ по государственной службѣ; въ то же время непрекращавшіеся разговоры объ уничтоженіи крѣпостного права, въ связи съ довольно быстрымъ ростомъ русской промышленности, указывали дворянству, что не-

долго оно останется главнымъ распорядителемъ народнаго труда. Уже эти условія создавали почву недовольства дворянства политикой государя. Весьма чувствительна была наша гвардія, какъ и вся армія, ко внѣшней политикѣ государя. Въ 1812 г. не безъ труда она добилась своего, вынудивъ правительство къ борьбѣ съ Наполеономъ. Но борьба эта оказалась гораздо болѣе трудной, чѣмъ ожидалъ господствующій классъ; война 12 года принесла разореніе многимъ дворянскимъ семьямъ и въ то же время результаты войны не соотвѣтствовали его вожделѣніямъ. Послѣдовалъ миръ. Но войско всегда любитъ и должно любить войну: офицеры того, Наполеоновскаго, времени вели совершенно исключительную жизнь, полную опасностей, тревогъ, бѣдствій и неудобствъ, зато полную славы, сознанія высоты своего служенія; офицеры были свидѣтелями и участниками паденія и созиданія царствъ, они были героями народа, они быстро подвигались по службѣ. Всему этому насталъ конецъ; за днями возбужденія послѣдовали тоскливые, сѣрые дни спокойствія и мира; походная жизнь смѣнилась гарнизонной, битвы и бои—однообразными ученіями, быстрая карьера — долговременной лямкой въ офицерскихъ чинахъ. Такое настроеніе увеличивало недовольство; возможно, конечно, что при обычныхъ условіяхъ оно улеглось бы или приняло бы формы безобидной и тихой, хотя и ворчливой оппозиціи, но перемѣна на престолѣ, да еще необычная, этому не способствовала.

Сравнительно долго съ 1813 г. войска пробыли за границей, гдѣ ихъ привѣтствовали какъ освободителей, и гдѣ они могли только гордиться ролью своего государя, великодушнаго защитника народовъ. Можетъ-быть, до походовъ 1813—14 гг. офицерство смотрѣло на революцію, какъ на величайшее бѣдствіе; но теперь офицеры своими глазами видѣли, что царь сохраняетъ и защищаетъ во Франціи многія установленія революціи. Въ Парижѣ много русскихъ офицеровъ поступило въ массонскія ложи; въ ложахъ они получали политическое воспитаніе, начинали интересоваться новыми знаніями и офицерство вернулось изъ-за границы другимъ. Прежде офицеры довольно равнодушно относились къ солдатамъ и, пожалуй, раздѣляли мнѣніе объ различномъ происхожденіи дворянъ и крестьянъ,—во время войны обѣ стороны сблизились, стали боевыми товарищами: сколько невзгодъ было перенесено вмѣстѣ, сколько обидъ перечувствовано, сколько разъ солдаты спасали жизнь, здоровье, не говоря уже объ имуществѣ, офицеровъ. Что ждало солдатъ впереди, что ждало ратниковъ ополченія, которые должны были вернуться подъ власть своихъ господъ и ихъ приказчиковъ?

Кромѣ того, императоръ Александръ много говорилъ, много обѣщалъ такого, чего не сдѣлалъ вовсе; слова, раздававшіяся съ высоты престола до 1812 г. о законѣ и законности, роль императора-освободителя Европы, упорная защита имъ либеральныхъ учрежденій —все

это не могло остаться безъ послѣдствій. Наконецъ была еще одна черта въ дѣятельности императора Александра, которая не могла не вызвать протеста: послѣ 1812 г. онъ велъ ненаціональную внѣшнюю политику; онъ обратилъ Россію въ «страшилище народовъ»; Финляндіи и Польшѣ, побѣжденнымъ русскимъ оружіемъ, онъ далъ конституціонное устройство и не далъ его своей Россіи. Побѣдители оказывались въ худшемъ, низшемъ положеніи сравнительно съ побѣжденными,—этого, конечно, не могли спокойно перенести люди, имѣвшіе чувство собственнаго достоинства.

Недовольныхъ среди дворянства было много; конечно, только немногіе понимали, что если ихъ сословіе хочетъ сохранить за собою положеніе, оно должно выступить не за свои только права, а за права всего русскаго народа; декабристы сознавали это и въ своихъ предположеніяхъ не забывали ни солдатъ, ни крѣпостного крестьянства, ни духовенства, ни промышленниковъ.

Пока они говорили объ этомъ и вообще о неустройствахъ въ Россіи, сочувствіе имъ было обезпечено. Но какимъ образомъ, однако, возможно было имъ перейти отъ словъ къ дѣлу? Наиболѣе разсудительные изъ нихъ не могли не сознавать, что ихъ пропаганда идетъ очень малоуспѣшно: въ самомъ дѣлѣ, послѣ десяти лѣтъ пропаганды суду предано было по самому строгому слѣдствію лишь 121 человѣкъ. Конечно, число сочувствующихъ заговору было значительно больше, чѣмъ число преданныхъ суду; главные заговорщики принимали мѣры къ уменьшенію числа лицъ, состоящихъ въ обществѣ. Они рѣшили дѣйствовать въ духѣ людей XVIII вѣка, если только не временъ болѣе отдаленныхъ. Дѣятели XVIII в., вѣря въ могущество разума, пытались облагодѣтельствовать родъ людской вопреки его желанію. Совершенно такъ же разсуждалъ и Пестель, главный руководитель и теоретикъ движенія; вооруженное возстаніе и цареубійство были выставлены, какъ надежнѣйшее средство для водворенія новаго порядка. Декабристы принадлежали къ категоріи людей, которые полагаютъ, что меньшинство, какъ бы оно незначительно ни было, имѣетъ право вести огромное большинство, не спрашиваясь этого большинства, разъ ставитъ себѣ благія цѣли и преслѣдуетъ общее благо.

Декабристы почти всѣ были военные, люди сравнительно молодые, большинство въ возрастѣ 20—35 лѣтъ, по общественному положенію дворяне и часто изъ лучшихъ фамилій; въ общемъ, это были люди съ положеніемъ, и передъ многими изъ нихъ развертывалась блестящая карьера. Декабристы жертвовали многимъ въ настоящемъ и будущемъ, жертвовали въ пользу низшей братіи; если нѣкоторые главари и разсчитывали захватить власть въ свои руки, то большинство дѣйствовало совершенно безкорыстно и самоотверженно. Тѣмъ удивительнѣе, что люди такого гуманнаго направленія не остановились передъ ужасными планами цареубійства и вооруженнаго возстанія. Въ своихъ мемуарахъ и запискахъ

декабристы объ этой сторонѣ дѣла или умалчиваютъ, или говорятъ вскользь, или, наконецъ, утверждаютъ, что убійство не входило въ ихъ планы, что это были лишь горячія слова, неосторожно срывавшіяся съ языка, о которыхъ на слѣдующій день забывали; по запискамъ декабристовъ, которыя всѣ писаны гораздо позднѣе, движеніе имѣло болѣе мирный характеръ. Надо думать, что имъ самимъ было неловко признаваться въ замыслѣ цареубійства; возможно, что со временемъ имъ самимъ казалось, что то были лишь мимолетныя сорвавшіяся слова. Но несомнѣнно, что преступную мысль о цареубійствѣ раздѣляли очень многіе члены тайныхъ обществъ; никто не развивалъ ее такъ послѣдовательно, какъ Пестель, у котораго она составляла необходимый пунктъ разработанной имъ программы революціи. То, что произошло 14 декабря, нельзя назвать иначе, какъ вооруженнымъ возстаніемъ; болѣе пылкіе члены общества и раньше нѣсколько разъ пытались поднять возстаніе: они его едва не начали въ Бобруйскѣ въ 1823 г.; затѣмъ въ 1825 г. въ лагерѣ подъ Лещинымъ. Въ междуцарствіе, наступившее по кончинѣ императора Александра, они начали дѣйствовать.

Въ раскрытіи заговора императоръ Николай проявилъ большую энергію; многимъ изъ обвиняемыхъ первые допросы дѣлалъ онъ лично. Память его избавлена была бы отъ многихъ нареканій, если бы онъ воздержался отъ непосредственнаго участія въ разслѣдованіи движенія. Онъ совершенно правильно имѣлъ возвышенное представленіе о царской власти; съ такимъ представленіемъ плохо вяжутся тѣ допросы, которые онъ производилъ обвиняемымъ, привозимымъ прямо въ Зимній дворецъ; то, за что осуждали Петра, не должно было повториться въ XIX в. Конечно, это лишній разъ доказываетъ, какъ глубоко потрясенъ былъ императоръ: жизнь его, его семьи, всего, что было ему дорого, висѣла на волоскѣ. Государь не могъ не поразиться удивительнымъ невѣдѣніемъ полиціи и всѣхъ лицъ, обязанныхъ охранять его особу. Ему не къ кому было обратиться, ибо никто, кромѣ Аракчеева и Дибича, не былъ посвященъ въ тайну существованія этихъ обществъ; но Дибичъ былъ далеко, а Аракчеевъ весьма недвусмысленно отказался дать какія-либо показанія по этому дѣлу. Николай Павловичъ первоначально настроенъ былъ очень сильно противъ заговорщиковъ; какъ и цесаревичъ, онъ сначала думалъ, что попались не главные дѣятели, а что главные скрываются; онъ довольно долго подозрѣвалъ Мордвинова, сенатора Муравьева-Апостола, Баранова; подозрѣніе падало и на Сперанскаго. Особенно взволнованъ былъ государь извѣстіемъ о мятежѣ, вспыхнувшемъ въ Черниговскомъ полку; онъ считалъ, что подъ командой генерала князя С. Волконскаго можетъ быть 6—7 тысячъ вооруженныхъ бунтовщиковъ; изъ первыхъ уже показаній онъ узналъ, что и въ Польшѣ есть тайное общество, съ которымъ сносились члены русскихъ обществъ. Впрочемъ, общій духъ и спо-

койствіе утѣшали государя: родители приводили къ нему своихъ дѣтей, чтобы онъ ихъ «примѣрно наказалъ и чтобы семьи ихъ очищены были отъ подобныхъ существъ». Постепенно изъ показаній декабристовъ предъ императоромъ развертывалась картина задуманнаго переворота; многія подробности поразили его въ самое сердце; «Якубовичъ сознался,—писалъ онъ цесаревичу,—что намѣревался убить нашего ангела, и Орловъ (Мих.) зналъ это!» Николаю Павловичу казалось, что онъ долженъ отомстить за поруганную честь Россіи: «не будетъ снисхожденія къ нимъ... Чего бы мнѣ это ни стоило, я доберусь до основанія».

Читая донесенія слѣдственной комиссіи, испытывая отвращеніе къ преступному замыслу, Николай Павловичъ усматривалъ уже руку Божію, которая дала созрѣть этому дѣлу, чтобы даже невѣрующихъ просвѣтить въ томъ, «что не можетъ продолжаться далѣе господствовавшій до сихъ поръ порядокъ и что если не уничтожить его съ корнемъ, то рано или поздно взойдутъ подобные же плоды. Если и послѣ этого найдутся неисправимые—во всякомъ случаѣ за нами остается право и возможность доказать необходимость мѣръ дѣйствительныхъ и суровыхъ противъ всякаго покушенія на порядокъ, установленный и освященный вѣками славы». Слова знаменательныя въ устахъ императора. Николай Павловичъ въ отличіе отъ очень многихъ русскихъ государей XVIII и XIX вв. никогда не позволялъ себѣ критически отзываться о дѣятельности своихъ предшественниковъ; государь понималъ, что такой критикой,—всегда легкой, часто привлекательной,—колеблется уваженіе къ основнымъ принципамъ монархіи. Къ дѣятельности своего предшественника и брата Николай Павловичъ относился съ особаго рода благоговѣніемъ, и, тѣмъ не менѣе, у него вырвались подъ сильнымъ впечатлѣніемъ обвинительнаго акта слова осужденія; къ конституціоннымъ разговорамъ Александра онъ, вѣроятно, и раньше относился неодобрительно, но считалъ своимъ долгомъ при жизни брата не выражать этого. Теперь въ интимномъ письмѣ онъ высказалъ основную идею своего управленія: идеи этой онъ никогда и не скрывалъ: «порядокъ, установленный вѣками славы, т.-е. самодержавіе, останется въ Россіи и строго наказанъ будетъ всякій за малѣйшее покушеніе на него».

Судъ только что еще начался, но главный приговоръ императоръ уже зналъ. «Не знаю, въ какой именно день это (судъ) кончится, затѣмъ наступитъ день ужасный, о которомъ не могу думать безъ трепета — день казни! Я предполагаю ее произвести на плацу крѣпости; тогда же будетъ совершена заупокойная служба во временномъ храмѣ св. Исаакія по всѣмъ погибшимъ 14 декабря и благодарственный молебенъ за спасеніе наше и избавленіе родины отъ всѣхъ золъ» (письмо 6 іюня). Верховный судъ вынесъ свое рѣшеніе чрезъ мѣсяцъ; онъ раздѣлилъ подсудимыхъ, всѣхъ ихъ было 121 человѣкъ, на одиннадцать разрядовъ; наиболѣе винов-

ные—пятеро—Пестель, Рылѣевъ, С. Муравьевъ-Апостолъ, М. Бестужевъ и Каховскій — поставлены были внѣ разряда и приговорены къ смерти черезъ четвертованіе; весь первый разрядъ — 31 лицо—къ смерти черезъ отсѣченіе головы, 2 и 3 разряды—на пожизненную каторгу, 4-й—на 15 лѣтъ каторги и т. д. Императоръ Николай пяти осужденнымъ внѣ разряда опредѣлилъ смертную казнь чрезъ повѣшеніе; всему первому разряду смертная казнь замѣнена ссылкою въ «вѣчную» каторжную работу, 6 лицамъ даже каторгой на 20 лѣтъ и т. д., т.-е. огромному большинству убавлено наказаніе; но нѣкоторымъ смягченія не было дано (напр., Н. и М. Бестужевымъ, Розену), и одному (Цебрикову) оно было даже увеличено. 14 іюля государь могъ считать дѣло о декабристахъ поконченнымъ. Въ письмѣ къ брату отъ этого числа онъ, извѣщая его о совершившейся казни, успокаивалъ его, что онъ остается на стражѣ и зорко будетъ слѣдить, чтобы не повторялись подобныя попытки.

II.

Первое время царствованія.

Строго наказавъ участниковъ возстанія, императоръ не думалъ однимъ страхомъ суровой кары предотвратить навсегда подобныя покушенія; онъ хорошо изучилъ показанія декабристовъ и понималъ, что лучшимъ средствомъ для спокойствія въ будущемъ было бы устраненіе многаго того, на что жаловались декабристы. Онъ постарался прежде всего вывести общество и населеніе изъ того состоянія оцѣпенѣнія, въ которомъ оно пребывало послѣдніе годы Александровскаго времени. Россія увидѣла монарха молодого, полнаго силъ, увѣреннаго въ себѣ, твердаго, гордаго своей страной, славолюбиваго. Твердою рукою Николай Павловичъ взялся за кормило. Воззрѣнія государя были ясны и просты. Задачей своей онъ ставилъ сохраненіе самодержавнаго строя во всей неприкосновенности; онъ сталъ на стражѣ противъ всякихъ попытокъ поколебать этотъ строй. Въ сохраненіи его онъ видѣлъ залогъ счастья и славы Россіи. Сравнительно съ предшествовавшимъ царствованіемъ такая постановка основного вопроса русской жизни выигрывала въ ясности и положительности; она полагала конецъ неопредѣленнымъ обѣщаніямъ, опасеніямъ однихъ, надеждамъ другихъ. Императоръ Николай самъ такъ мыслилъ и хотѣлъ добиться того, чтобы и всѣ въ Россіи мыслили объ этомъ предметѣ одинаково съ нимъ; въ послѣднемъ отношеніи онъ бралъ на себя задачу непосильную. Но слава Россіи, ея могущество требовали развитія ея силъ; заставить замолчать своихъ политическихъ противниковъ, сломить недовольство и ропотъ общества, вселить духъ бодрости въ народѣ императоръ могъ только дѣятельнымъ улучшеніемъ условій

жизни. Такъ императоръ и понималъ свою задачу: ему и его правительству вся власть, но его правительство должно быть освѣдомлено обо всемъ, происходящемъ въ Россіи, оно должно само устранять неудобства, вводить улучшенія; только при такомъ условіи, — императоръ это понималъ, — можно было требовать, чтобы народъ и общество оставались спокойными, довѣряясь правительству, увѣренные, что оно не оставитъ безнаказаннымъ ни одного нарушенія закона, ни одной обиды слабому. Задача огромная; молодой, сильный, государь бралъ львиную часть ея на свои плечи. Онъ разсчитывалъ, что онъ справится съ задачей, многое усмотритъ лично, другое скажутъ ему довѣренныя лица. Отсюда личный характеръ эпохи.

Молодой императоръ оживилъ прежде всего общество; онъ и его супруга любили балы, маскарады, зрѣлища, пріемы; послѣ скучной, почти отшельнической жизни Александра Павловича и Елизаветы Алексѣевны, дворъ опять сталъ центромъ столичной жизни. Императоръ любилъ повеселиться послѣ работы. Онъ безусловно былъ такой работникъ на тронѣ, какихъ немного видѣла Россія. Онъ умѣлъ работать; въ строго опредѣленные дни и часы ему доставлялись бумаги, при чемъ государь былъ недоволенъ, если чрезъ мѣру усердный чиновникъ представлялъ ихъ раньше назначеннаго времени; государь внимательно прочитывалъ ихъ, отъ зоркаго его взгляда не ускользали ошибки и даже описки; нерадивыхъ старшихъ чиновъ, полагавшихся во всемъ на подчиненныхъ, нерѣдко постигала кара за плохо составленный журналъ. Гнѣвъ и сердце свое государь высказывалъ прямо, рѣзко, по-военному и часто съ объявленіемъ выговора въ присутствіи многихъ и занесеніемъ въ журналъ. На видномъ дѣльцѣ того времени, Гежелинскомъ, управлявшемъ дѣлами Комитета Министровъ, государь показалъ примѣръ, какая участь ждетъ лѣнивыхъ слугъ, обманувшихъ его довѣріе: Гежелинскій былъ разжалованъ въ солдаты; даже близкіе люди, министры, получали грозные выговоры отъ государя; выговоры его, какъ и многія резолюціи, жестки, лаконичны, подчасъ грубы. Николай Павловичъ, далѣе, замѣтилъ, что многіе и изъ высшихъ чиновъ уклоняются отъ исполненія служебныхъ обязанностей; члены Государственнаго Совѣта не ѣздили въ совѣтъ, министры манкировали засѣданіями Комитета Министровъ, крупные видные чиновники выпрашивали себѣ продолжительные отпуски; но государь считалъ, что «всякое правило должно быть равно съ 1-го до 14-го класса»; мало того: со старшихъ онъ требовалъ большаго; даже министръ, не пріѣзжавшій на засѣданіе, долженъ былъ указать дѣйствительную причину отсутствія, а не ссылаться на служебныя обязанности.

Этими мѣрами Николай Павловичъ улучшилъ внѣшній видъ тогдашняго управленія, къ тому же онъ самъ лично много ѣздилъ, заѣзжалъ въ разныя учрежденія, даже такія, какъ губернское правленіе, и вездѣ строго взыскивалъ за опаздыванія, за

грязь и неряшливость. Но государь не ограничивался внѣшностью; необыкновенно внимательно онъ читалъ всѣ дѣла, предлагаемыя къ его подписи. Журналы Комитета Министровъ за первые года испещрены его резолюціями очень подробными, поясняющими отношеніе государя къ данному случаю; по нимъ видно, что государь учился дѣлу правленія, вырабатывалъ основы воззрѣнія и въ то же время училъ другихъ — министровъ и членовъ Совѣта. Николай Павловичъ не допускалъ, чтобы въ Россіи были люди иначе мыслящіе, чѣмъ онъ; тѣмъ болѣе онъ не могъ допустить, чтобы ближайшіе его сотрудники и совѣтники мыслили не такъ, какъ онъ; совѣты ему нужны были не столько по существу дѣла, сколько для того, чтобы удобнѣе и легче проводить въ жизнь царскія рѣшенія. Съ первыхъ шаговъ онъ и домогался поставить своихъ сотрудниковъ на свою точку зрѣнія и достигъ своей цѣли: онъ образовалъ особыхъ людей Николаевскаго типа, отличныхъ и по внѣшности и по сужденіямъ своимъ. Съ благоговѣніемъ относясь къ памяти старшаго брата, Николай Павловичъ не произвелъ сразу крупныхъ измѣненій въ составѣ высшей администраціи; лишь съ 1827 г. онъ усиленно сталъ замѣнять прежнихъ дѣятелей новыми, да и то изъ видныхъ Александровскихъ же дѣятелей: на мѣсто Лопухина предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ назначенъ былъ В. П. Кочубей, военнымъ министромъ вмѣсто стараго Татищева—А. И. Чернышевъ, также пользовавшійся большимъ довѣріемъ покойнаго императора; во главѣ морского вѣдомства, впрочемъ, поставленъ былъ кн. А. С. Меншиковъ, котораго Александръ недолюбливалъ; иностранными дѣлами въ царствованіе Николая завѣдывалъ Нессельроде, Закревскій въ 1828 г. сдѣланъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, Ливенъ въ томъ же году смѣнилъ престарѣлаго Шишкова, Долгоруковъ — въ 1827 г. Лобанова-Ростовскаго. Такъ въ 1827 — 1828 гг. нѣсколько освѣжилась высшая администрація; изъ значительныхъ лицъ Александровскаго времени удалены были съ признаками немилости лишь гр. А. А. Аракчеевъ и А. П. Ермоловъ; послѣдняго замѣнилъ на Кавказѣ Паскевичъ. Николай Павловичъ дорожилъ людьми; ему очень хотѣлось бы привлечь въ службу все лучшее, все даровитое въ Россіи. Онъ понималъ то невыгодное впечатлѣніе, которое произведено было казнью, ссылкою столь многихъ лицъ. И Николай Павловичъ умѣлъ обращаться съ людьми, умѣлъ дѣлать уступки; однимъ изъ его пріемовъ было обращеніе къ лучшимъ рыцарскимъ чувствамъ души. Какъ человѣкъ умный, онъ сразу оцѣнилъ значеніе Пушкина и успѣлъ привлечь его на свою сторону. Пушкинъ не былъ участникомъ тайнаго общества, но былъ знакомъ съ очень многими декабристами; нѣкоторые декабристы въ своихъ показаніяхъ прямо указывали на стихи поэта, дышащіе свободою, какъ на одну изъ причинъ своего увлеченія. Государь, который и самъ любилъ русскую литературу, захотѣлъ и

поэта заставить работать вмѣстѣ и въ одномъ направленіи съ собою и въ значительной степени успѣлъ въ этомъ. Послѣ свиданія въ Москвѣ въ 1826 г. поэтъ не только сталъ благодаренъ императору за свободу свою, но и вообще сталъ весьма оптимистично смотрѣть на будущее Россіи: «въ надеждѣ славы и добра гляжу впередъ я безъ боязни», написалъ онъ; поэту принадлежитъ уподобленіе Николая Петру; предъ образованными кругами, смущенными гибелью Рылѣева и др., онъ рѣшительно взялъ правленіе государя и его самого подъ свою защиту и охарактеризовалъ первые годы новаго царствованія словами: «онъ бодро, честно правитъ нами; Россію вдругъ онъ оживилъ войной, надеждами, трудами...»; нѣсколько позже, когда А. П. Ермоловъ обратился къ государю съ просьбою о принятіи его опять на службу, онъ съ удовольствіемъ исполнилъ эту просьбу.

Въ первые годы своего управленія Николай Павловичъ обратилъ большое вниманіе на внѣшнюю политику, въ отношеніяхъ внутреннихъ онъ хотѣлъ сначала изучить положеніе страны, намѣтить и обсудить необходимыя реформы. Николай I начиналъ съ того же, какъ Александръ. Но какая разница въ постановкѣ дѣла! Тогда независимые друзья императора свободно строили вмѣстѣ съ своимъ царственнымъ другомъ широкіе планы на ряду почти съ публичнымъ обсужденіемъ важнѣйшихъ задачъ государственной жизни; теперь образованъ былъ небольшой замкнутый «комитетъ 6 декабря 1826 г.»: Кочубей — предсѣдатель, члены: гр. Толстой, Васильчиковъ, кн. Голицынъ, Дибичъ и Сперанскій; этотъ комитетъ долженъ былъ разобраться въ вопросахъ центральнаго и мѣстнаго управленія, указать, поскольку и какія измѣненія были бы желательны. Императоръ Николай, какъ и его предшественникъ, любилъ учреждать особые и притомъ секретные комитеты, подготовлявшіе реформы; опасаясь волновать общество, онъ приказывалъ нѣсколькимъ назначеннымъ лицамъ обсудить то или другое дѣло. Такъ поступлено было и въ данномъ случаѣ. Самъ государь въ комитетѣ этомъ не участвовалъ, онъ лишь читалъ его журналы, но мысли и желанія его—въ каждомъ постановленіи комитета. Душою комитета сталъ Сперанскій, бывшій вдохновитель неофиціальнаго комитета; предсѣдатель комитета, Кочубей, нѣкогда находилъ проекты Сперанскаго недостаточно либеральными, но никто не узнаетъ въ ихъ незначительныхъ предложеніяхъ прежнихъ Сперанскаго и Кочубея; Сперанскій, впрочемъ, сохранилъ вполнѣ всю ясность и даже блескъ юридическаго мышленія. Основными вопросами были опять вопросы о Комитетѣ Министровъ, учрежденіи, по мысли неофиціальнаго комитета, временномъ, случайно усилившемся послѣ паденія Сперанскаго, во время войны 1812 года и въ послѣдовавшее управленіе Аракчеева. Теперь не было ни войны, ни Аракчеева, а попрежнему Комитетъ Министровъ оставался въ центрѣ управленія. И попрежнему нельзя было раз-

граничить кругъ вѣдомствъ Комитета, Государственнаго Совѣта и Сената; попрежнему министры вносили въ Комитетъ массу дѣлъ, изъ которыхъ многія они могли бы разрѣшать собственною властью; легко также чрезъ Комитетъ проходили всевозможныя изъятія изъ законовъ. Принципіальный противникъ Комитета Министровъ Сперанскій и теперь настоялъ на необходимости упраздненія его, но, упраздняя его, члены комитета 6 декабря проектировали учрежденіе особаго присутствія или совѣщанія Министровъ, на что Николай Павловичъ совершенно вѣрно замѣтилъ: «предполагаемое совѣщаніе министровъ при малѣйшей неясности въ опредѣленіи круга его вѣдомства можетъ постепенно и нечувствительно присвоить себѣ особенное мѣсто въ управленіи подобно нынѣшнему Комитету Министровъ». Далѣе, давно уже было обращено вниманіе на множество судебныхъ инстанцій въ Россіи и, тѣмъ не менѣе, весьма печальное состояніе правосудія: лично государь всегда былъ обременяемъ множествомъ жалобъ, подаваемыхъ ему на судебныя рѣшенія Сената; государь, не имѣя возможности самъ разбираться въ сложныхъ дѣлахъ, прошедшихъ столько инстанцій, приказывалъ разбирать ихъ или въ Государственномъ Совѣтѣ или въ Комитетѣ Министровъ, такъ что эти учрежденія, вопреки «Образованію», становились частью судебными органами; въ прежнее царствованіе Сперанскій и другіе надежнѣйшимъ средствомъ для уничтоженія этого зла считали сдѣлать судебныя рѣшенія Сената окончательными; теперь объ этомъ не было и рѣчи, а проектируется созданіе особаго присутствія изъ чиновъ Государственнаго Совѣта для разбора судебныхъ дѣлъ; съ формальной стороны это предположеніе какъ будто бы и достигало нѣкоторой цѣли, но по существу все оставлено въ прежнемъ положеніи. И теперь, какъ при Александрѣ, правительство ощущало большой недостатокъ въ лицахъ, которыхъ оно могло бы назначать съ пользой для дѣла въ Сенатъ. Николай Павловичъ часто бывалъ недоволенъ рѣшеніями Сената, крайне недоволенъ онъ остался и при личномъ своемъ посѣщеніи Сената, когда, пріѣхавъ туда въ присутственные часы, нашелъ тамъ одного сенатора Дивова; при Александрѣ проектировали сдѣлать половину сенаторовъ выборными отъ дворянства, теперь — назначать не только тайныхъ совѣтниковъ, но и д. ст. совѣтниковъ. Для реформы мѣстнаго управленія принята мѣра Сперанскаго, проведенная имъ въ Сибири: общія присутствія изъ старшихъ представителей вѣдомствъ въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ. Въ весьма важномъ законѣ «о состояніяхъ» комитетъ пошелъ, конечно, не по дорогѣ знаменитаго «плана» Сперанскаго, а, напротивъ, старался тверже разграничить состоянія и затруднить переходъ изъ одного сословія въ другое. Комитетъ не обошелъ крестьянскаго вопроса; онъ принялъ, по предложенію Сперанскаго, длинный и долгій путь постепенныхъ мѣръ, послѣ которыхъ можно было ограничить крестьянскія работы и повинности условіями, опредѣленными въ дого-

ворахъ съ помѣщиками. Приняты комитетомъ были и предложенія Сперанскаго о дворовыхъ людяхъ; основная мысль ихъ — рядомъ мѣръ, съ одной стороны, затруднить увеличеніе этого класса, а съ другой — ускорить его сокращеніе.

Положенія комитета 6 декабря сравнительно съ проектированными мѣрами предыдущаго царствованія очень блѣдны; къ тому же они не были непосредственно осуществлены, только законъ о состояніяхъ прошелъ Государственный Совѣтъ, но и онъ послѣ возраженій Константина Павловича оставленъ безъ движенія; эти положенія цѣнны тѣмъ, что указываютъ, какъ скоро императоръ Николай наложилъ свою печать на всѣхъ окружающихъ его, даже на старыхъ сотрудниковъ императора Александра; они служатъ показателемъ и той крайней осторожности, съ которою новый императоръ приступалъ къ реформѣ.

Рѣшительнѣе Николай Павловичъ приступилъ къ реформѣ образованія. Въ манифестѣ 13 іюля 1826 г. государь ясно высказалъ, что несчастное событіе 14 декабря онъ считаетъ прямымъ послѣдствіемъ ложнаго направленія учебной системы. По взгляду государя, которому онъ остался вѣренъ до конца своихъ дней, учебныя заведенія должны не только учить, но и воспитывать въ строго государственномъ направленіи, въ уваженіи основъ русской жизни — самодержавія, православія и народности. Много декабристовъ получило воспитаніе отъ гувернеровъ-иностранцевъ; государь поэтому желалъ взять все вообще воспитаніе русскаго юношества подъ правительственный надзоръ и отрицательно относился къ частнымъ учебнымъ заведеніямъ. Но и въ манифестѣ 13 іюля государь требовалъ содѣйствія общества: «Тщетны будутъ всѣ усилія, всѣ пожертвованія правительства, если домашнее воспитаніе не будетъ пріуготовлять нравы и содѣйствовать его видамъ». Кромѣ того, императоръ желалъ, чтобы получаемое юношами образованіе не дѣлалось средствомъ для перехода изъ низшихъ состояній въ высшія, а чтобы дѣти каждаго сословія получали приличествующее имъ образованіе. Политическая сторона въ вопросѣ народнаго просвѣщенія опять выдвигалась на первый планъ, и учебная система подчинялась видамъ правительства. Для переустройства учебно-воспитательнаго дѣла учрежденъ былъ также особый комитетъ 14 мая 1826 г. Къ сотрудничеству по этому дѣлу привлеченъ былъ—вѣроятно неожиданно для себя—и А. С. Пушкинъ, которому государь приказалъ написать записку о воспитаніи юношества въ Россіи; записка была представлена; но, конечно, не дѣло поэта писать такіе доклады. Къ 1828 г. реформированы низшая и средняя школы. Матеріально школы поставлены были гораздо лучше прежняго. Приходскія училища предназначены для людей «самыхъ нижнихъ состояній», уѣздныя училища — для дѣтей «купцовъ, ремесленниковъ и городскихъ обывателей», гимназіи — для дѣтей дворянъ и чиновниковъ; введены были семиклассныя гимназіи съ однимъ

латинскимъ языкомъ, и только нѣсколько гимназій при университетахъ съ обоими древними языками. Николай Павловичъ былъ очень раздосадованъ, узнавъ, что въ числѣ лицъ, занимавшихся обученіемъ и воспитаніемъ, оказалось много старовѣровъ, молокане, бывшая актриса, разстрига-дьяконъ; онъ понималъ, что это дѣлается и по невѣжеству родителей и по трудности найти учителей; ему хотѣлось добиться того, чтобы всѣ домашніе учителя, наставники, гувернеры, даже дядьки имѣли бы соотвѣтствующіе аттестаты и свидѣтельства. Правила были изданы, но едва ли они достигли цѣли.

Министерская система управленія пришлась какъ нельзя больше по характеру и складу императора Николая; въ теченіе своего царствованія онъ почти не измѣнялъ сущности этихъ органовъ управленія; онъ значительно увеличилъ число высшихъ центральныхъ органовъ управленія, при чемъ государь предпочиталъ новыя отрасли управленія брать подъ непосредственное свое наблюденіе. Вслѣдствіе этого чрезвычайно разрослась собственная Его Величества канцелярія. Въ самомъ началѣ своего царствованія, едва прошли декабрьскіе дни, государь обратилъ вниманіе на то, что въ Россіи не было Свода Законовъ. Къ главному дѣятелю по работамъ надъ Сводомъ Законовъ въ предшествовавшее царствованіе, М. М. Сперанскому, Николай Павловичъ относился сначала нѣсколько подозрительно; но уже въ январѣ 1826 г. Сперанскій представилъ государю нѣсколько дѣловыхъ записокъ; Николай Павловичъ рѣшилъ вести дѣло составленія свода подъ своимъ личнымъ присмотромъ, и для этой цѣли учреждено было II отдѣленіе собственной Его Величества канцеляріи, во главѣ котораго государь поставилъ все-таки не Сперанскаго, а своего прежняго учителя М. А. Балугьянскаго; руководительство работами ввѣрено было Сперанскому, но Балугьянскому было сказано: «Смотри же, чтобъ онъ не надѣлалъ такихъ же проказъ, какъ въ 1810 г.: ты у меня будешь въ отвѣтѣ».

Послѣ декабрьскихъ дней государь былъ пораженъ тѣмъ, что о такомъ большомъ заговорѣ въ Петербургѣ почти ничего не знали; онъ находилъ, что и онъ самъ, и министры очень плохо освѣдомлены о томъ, что дѣлаютъ и говорятъ въ Россіи. Того, что во многихъ государствахъ достигалось посредствомъ печати, государь хотѣлъ достигнуть чрезъ учрежденіе высшей полиціи. Въ 1826 г. образованъ корпусъ жандармовъ и секретная полиція; вѣдомство это и получило наименованіе III отдѣленія. Имперія была раздѣлена на семь округовъ; въ каждой губерніи находился жандармскій штабъ-офицеръ, наблюдавшій за дѣйствіями администраціи, настроеніемъ населенія, разговорами и т. п. Первымъ начальникомъ III отдѣленія былъ А. Х. Бенкендорфъ.

Впрочемъ, не только этого рода дѣла преимущественно занимали государя: неопредѣленному, выжидательному настроенію общества онъ хотѣлъ дать выходъ, хотѣлъ пріободрить свой

народъ. Уже 6—7 лѣтъ маленькій христіанскій народъ бился, чтобы отстоять право на жизнь. Ждать далѣе, пока Турція или Европа усмирятъ, наконецъ, возстаніе, становилось невозможнымъ. Императоръ Николай такъ же, какъ его братъ, опасался революціи и особой любви къ Греціи и къ грекамъ не питалъ. Но онъ былъ моложе, энергичнѣе Александра. Къ тому же, пока руки Россіи были связаны европейскимъ концертомъ, Англія спѣшила на Востокѣ занять мѣсто, искони принадлежавшее Россіи; и императоръ Николай озаботился прежде всего тѣмъ, чтобы лишить Англію возможности дѣйствовать одной и дѣйствовать такъ, какъ она хочетъ. Ради этого онъ 6 іюля 1827 г. заключилъ договоръ съ Англіей о началахъ, на которыхъ должно было совершиться умиротвореніе Греціи; Франція первая примкнула къ этому договору. «Такимъ образомъ,—писалъ императоръ Николай,—руки у нихъ связаны и слѣдствіемъ договора будутъ не республика и не республики, а прекращеніе враждебныхъ дѣйствій и со стороны турокъ и со стороны грековъ, а равно и возстановленіе торговли въ тѣхъ краяхъ, обстоятельство слишкомъ важное для нашего юга, которое я не могу довѣрить ни англичанамъ, ни моему другу Меттерниху». Цесаревичъ Константинъ Павловичъ увидѣлъ въ этомъ шагѣ крушеніе системы Александра и поспѣшилъ напомнить своему державному брату, что съ Запада идетъ революція, съ Запада она и придетъ, и что враги порядка умышленно отвлекаютъ вниманіе Россіи на Востокъ. Николай Павловичъ въ своемъ отвѣтѣ соглашался, что Западъ дѣлалъ, дѣлаетъ и будетъ дѣлать все возможное, чтобы насъ занимать на Востокѣ и парализовать наши силы, «но вѣдь это, — продолжалъ императоръ, — завѣтъ нашего ангела (Александра): покончимъ съ этимъ вѣчнымъ источникомъ раздора, но кончимъ скоро и хорошо, чтобы потомъ быть ко всему готовыми». Въ этихъ словахъ государя объясненіе его политики: молодой и энергичный онъ по-военному, натискомъ сдѣлаетъ то, чего хотѣлъ добиться Александръ, но на что онъ не рѣшался. Николай Павловичъ намѣревался неменѣе строго смотрѣть за Западомъ, хотѣлъ устранить прежде всего досадное препятствіе и водворить вездѣ миръ; онъ положилъ дѣйствовать твердо и расчитывалъ, что именно эта твердость и готовность къ войнѣ испугаютъ турокъ. Два, совершенно различные вопроса создавали наши споры съ Турціей: толкованіе трактата 1812 г., хитро, неясно редактированнаго М. И. Кутузовымъ, и дѣло греческое. Относительно перваго вопроса Николай Павловичъ быстро добился самъ, что Порта аккерманскою конвенціей 25 сентября 1826 г. признала выгодное для Россіи толкованіе. Относительно Греціи государь хотѣлъ дѣйствовать сообща съ другими. Слишкомъ самоувѣренно, конечно, онъ полагалъ, что договоромъ 6 іюля связалъ руки Англіи; проявленная имъ твердость не испугала турокъ, не испугали ихъ и успѣхи русскаго оружія въ Персіи.

Послѣдовалъ Наваринскій бой, который справедливо доставилъ такое большое удовольствіе Николаю. Но онъ преувеличивалъ значеніе этой славной битвы, ожидая, что три союзныхъ флота быстро возстановятъ порядокъ; любопытна его фраза, что флоты поступятъ такъ же и съ греками, если тѣ не бросятъ безчестное (infame) дѣло, которое дѣлаютъ. «Я настаиваю на этомъ,—пишетъ императоръ, — чтобы самымъ торжественнымъ образомъ доказать, что въ этомъ дѣлѣ мы не греки и не турки, что мы настоимъ всѣми средствами на окончаніи безславной (infame) борьбы съ той и другой стороны и что мы добиваемся только порядка и спокойствія». Помимо того, что такое отношеніе къ дѣлу Греціи едва ли можно назвать правильнымъ или соотвѣтствующимъ настроенію православнаго русскаго народа; не оправдали ожиданій императора и событія, послѣдовавшія за Навариномъ; три флота болѣе не соединялись; союзники больше вмѣстѣ не дѣйствовали, а весь гнѣвъ турокъ и султана обратился на Россію. Султанъ торжественно объявилъ, между прочимъ, что онъ принялъ въ Аккерманѣ предложенія Россіи только для того, чтобы выиграть время, что Россія возбудила грековъ на бунтъ и т. п. Тогда манифестомъ 14 апрѣля 1828 г. императоръ Николай объявилъ Турціи войну. Предъ войною онъ далъ великимъ европейскимъ державамъ обѣщаніе, пожалуй даже обязательство, не искать никакихъ завоеваній или исключительныхъ выгодъ какъ торговыхъ, такъ и политическихъ. Это была большая ошибка: вѣдь это было отказомъ отъ традицій русской политики на Востокѣ. Въ такое время, когда Россія ни въ комъ не нуждалась и стояла во главѣ Европы, она, неся огромныя издержки и проливая кровь своихъ сыновъ, заранѣе отказывалась отъ всякаго вознагражденія, кромѣ денежнаго; выходило, что Россіи какъ бы позволяли воевать на условіи, что она все устроитъ, усмиритъ, потушитъ своею кровью пожаръ—и отойдетъ въ сторону; союзныя державы получили основаніе и въ будущемъ домогаться того же. Это выступленіе Россіи — первое послѣ Отечественной войны — съ политической стороны не было продумано; въ самомъ началѣ царствованія императоръ вступилъ на путь, оказавшійся столь роковымъ для него: чрезъ тридцать лѣтъ восточныя дѣла привели систему Николая къ полному крушенію, а силу и значеніе Россіи—къ значительному умаленію. Но въ Россіи война эта была встрѣчена сочувственно; въ глазахъ населенія она имѣла характеръ религіозной борьбы противъ исконнаго врага; политическая обстановка ея осталась, конечно, неизвѣстной народу. Императоръ Николай былъ одушевленъ большими надеждами; онъ условился на всякій случай, что если— чего Боже упаси — Турція будетъ (въ Европѣ) уничтожена совсѣмъ, то ни Россія ни кто другой ничего не получатъ изъ турецкаго наслѣдства. Государь самъ отправился на театръ войны. На время своего отсутствія для разрѣшенія дѣлъ и вопросовъ, не

терпѣвшихъ отлагательствъ, учредилъ онъ особую верховную комиссію; въ нее вошли: Кочубей, А. Н. Голицынъ и П. А. Толстой, которымъ государь вполнѣ вѣрилъ; секретнымъ указомъ на случай кончины государя правителемъ государства назначенъ былъ в. к. Михаилъ Павловичъ. Главнокомандующимъ былъ назначенъ фельдмаршалъ Витгенштейнъ, который 1813 г. оказался вовсе не на высотѣ своего положенія и самъ просилъ объ увольненіи его отъ должности главнокомандующаго. Военныя дѣйствія пошли не особенно удачно. Армія на Дунаѣ быстро таяла отъ болѣзней. Турки держались оборонительныхъ дѣйствій, наша армія осаждала или блокировала Силистрію, Шумлу и Варну. Только въ концѣ сентября сдалась Варна; это былъ единственный крупный успѣхъ кампаніи. Императоръ, выказавшій не разъ большую личную храбрость и отвагу, настойчивость и рѣшительность, вернулся въ Петербургъ; здѣсь кн. Васильчиковъ убѣдилъ его, что одна изъ причинъ относительныхъ неуспѣховъ нашей арміи было двоеначаліе; Николай Павловичъ согласился съ этимъ и больше никогда уже не водилъ лично свои полки въ бой; попрежнему предаваясь военному дѣлу, онъ взялъ отнынѣ на себя подготовку и воспитаніе войскъ; впрочемъ, и впослѣдствіи онъ часто давалъ указанія и прямыя приказанія своимъ главнокомандующимъ. Главнокомандующимъ арміей въ Европейской Турціи назначенъ былъ Дибичъ. Дѣйствіями въ Азіи подъ начальствомъ Паскевича были очень успѣшны.—Среди этихъ тяжелыхъ обстоятельствъ Николая Павловича постигло большое личное горе: черезъ нѣсколько дней послѣ его пріѣзда въ Петербургъ, на его рукахъ скончалась, 24 октября 1828 г., обожаемая имъ мать, императрица Марія Ѳеодоровна; послѣ ея кончины было образовано IV отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи, которой поручено было завѣдывать многочисленными благотворительными учрежденіями, находившимися подъ непосредственнымъ завѣдываніемъ скончавшейся императрицы.

Между тѣмъ Франція высадила дессантъ въ Мореѣ, и союзныя государства (Австрія, Франція, Англія) усиленно стали хлопотать о заключеніи мира и успокоеніи Греціи. Такое посредничество не могло нравиться императору Николаю. Ему, конечно, хотѣлось, чтобы турки съ своими предложеніями обратились къ нему; для этого нужно было нанести сильный ударъ, но пока на европейскомъ театрѣ войны этого не удавалось сдѣлать. Весною 1829 г. Николай Павловичъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Варшаву, чтобы вѣнчаться польскою короною; изъ Варшавы онъ съѣздилъ въ Берлинъ, гдѣ велъ переговоры о турецкихъ дѣлахъ; вернувшись для коронованія въ Варшаву, Николай Павловичъ обрадованъ былъ извѣстіемъ о полной и рѣшительной побѣдѣ, одержанной Дибичемъ при Кулевчѣ. Затѣмъ пала Силистрія, Дибичъ перешелъ Балканы и 8 августа овладѣлъ Адріанополемъ. Русская армія до-

шла сюда въ числѣ всего около 17.000 чел., но христіанское населеніе Турціи, оказывая русской арміи всевозможныя услуги, ждало только увѣренія съ нашей стороны, что оно не будетъ покинуто нами; наступалъ, слѣдовательно, моментъ, когда можно было исправить допущенныя ошибки и попытаться уничтожить владычество оттомановъ въ Европѣ. Императоръ чувствовалъ это; онъ созвалъ въ Петербургѣ особый комитетъ изъ самыхъ довѣренныхъ лицъ, какъ Кочубей, А. Н. Голицынъ, П. А. Толстой, Нессельроде, Дашковъ и Чернышевъ, для обсужденія вопроса, какое положеніе должна занять Россія въ случаѣ паденія Оттоманской Порты. Комитетъ пришелъ къ единогласному заключенію — и оно было одобрено государемъ—что для Россіи гораздо выгоднѣе сохраненіе Турціи, чѣмъ неудобства, сопряженныя съ ея разрушеніемъ; поэтому паденіе Порты признано не соотвѣтствующимъ истиннымъ интересамъ Россіи. Послѣ этого былъ заключенъ Адріанопольскій миръ; Россія получила устье Дуная съ островами; въ Азіи— все побережье до пристани св. Николая, Ахалкалаки и Ахалцыхъ; права Молдавіи и Валахіи были расширены: эти дунайскія княжества стали почти независимы; Сербіи обезпечены права, выговоренныя ей въ 1812 г.; Босфоръ и Дарданеллы объявлялись открытыми для торговыхъ судовъ всѣхъ націй, военная контрибуція опредѣлена въ 10 милл. черв. Относительно Греціи Порта обязалась принять условія, выработанныя державами. Первоначально русскія предложенія не шли такъ далеко, чтобы требовать независимости Греціи; но когда начались военныя дѣйствія, то Австрія и Англія,—вѣроятно, въ расчетѣ создать въ Греціи соперницу Россіи на Балканахъ,—поспѣшили выступить съ проектами независимости Греціи. Императоръ Николай на это вполнѣ согласился и, чтобы скорѣе кончить дѣло, предложилъ Портѣ скинуть съ контрибуціи 1 милл. чер. за признаніе независимости Греціи; султанъ охотно принялъ это предложеніе.

Императоръ былъ очень доволенъ миромъ; на поведеніе своихъ «союзниковъ» онъ не обратилъ должнаго вниманія: его вниманіе снова обращено было на положеніе дѣлъ на Западѣ. Въ августѣ 1829 г. цесаревичъ Константинъ Павловичъ отправился за границу; оттуда онъ часто писалъ своему державному брату и предсказалъ государю революцію въ Бельгіи. Николай Павловичъ и раньше дѣлалъ неоднократно представленія въ Парижѣ, совѣтуя Карлу X не отнимать того, въ чемъ онъ присягалъ,—все было напрасно. Вспыхнула іюльская революція 1830 г., и королемъ оказался Луи-Филиппъ; затѣмъ послѣдовала революція бельгійская. Императоръ Николай сначала не хотѣлъ признавать новаго порядка вещей; онъ былъ убѣжденъ, что Австрія и Пруссія раздѣляютъ его взгляды. Велико было его негодованіе, когда онъ узналъ, что оба союзника поспѣшили признать совершившійся фактъ, даже не посовѣтовавшись съ нимъ. «Нашъ языкъ съ Австріей и Пруссіей

долженъ быть всегда тотъ же, надо выяснить имъ опасность того пути, которымъ они идутъ, выяснить имъ, что они удаляются отъ начала союза; что мы никогда не сдѣлаемъ подобной ошибки, потому что иначе мы будемъ свидѣтелями неминуемой гибели прекраснаго дѣла; выяснить имъ, что во время опасности мы готовы всегда летѣть на помощь тѣмъ нашимъ союзникамъ, которые вернутся къ прежнимъ нашимъ началамъ; но что въ противномъ случаѣ никогда Россія не пожертвуетъ имъ ни своими деньгами, ни драгоцѣнной кровью своихъ солдатъ». Вотъ какъ понималъ свою задачу государь въ 1830 г. Ни турецкая война, ни поведеніе союзниковъ въ 1830 г., ни совѣты и убѣжденія близкихъ лицъ не заставили его измѣнить основную точку зрѣнія. Борьба со всякимъ проявленіемъ народной воли, въ чемъ бы оно ни выразилось, гдѣ бы это не происходило,—вотъ его рѣшеніе; всякое правительство, исповѣдующее эти начала, въ правѣ расчитывать на вооруженное содѣйствіе русскаго императора. То, къ чему осторожно подходилъ Александръ I, то прямо и открыто императоръ Николай призналъ своею главною цѣлью, своею священной обязанностью.

Императоръ Николай призналъ Луи-Филиппа королемъ въ формѣ очень обидной и для самого Луи-Филиппа и для Франціи, не назвалъ перваго даже «добрымъ братомъ», какъ это принято между государями; и далѣе, въ продолженіе всего царствованія Луи-Филиппа, императоръ Николай наносилъ мелкіе удары самолюбію короля французовъ. Совсѣмъ уже было невыгодно изъ-за личныхъ отношеній къ королю терять расположеніе и союзъ сильнаго и богатаго народа.

Въ то же время особый врагъ напалъ на Россію. Еще въ концѣ Александровскаго царствованія въ приволжскихъ губерніяхъ появилась заразительная болѣзнь, «cholera morbus», какъ называли ее доктора. Въ 1829 г. холера производила уже сильныя опустошенія въ Оренбургскомъ краѣ; лѣтомъ 1830 г. она охватила все Закавказье, перешла въ Астрахань, откуда стала распространяться вверхъ по Волгѣ, и скоро Саратовъ представилъ ужасную картину города, почти оставленнаго жителями, наполненнаго мертвецами. Болѣзнь эта появилась тогда впервые; доктора не знали ни ея свойствъ, ни способовъ распространенія, ни, тѣмъ болѣе, средствъ борьбы съ нею. Николай Павловичъ, по первымъ же извѣстіямъ объ усиленіи болѣзни, назначилъ комиссію, во главѣ которой поставилъ министра внутреннихъ дѣлъ Закревскаго, и лично слѣдилъ за ея работами; стали устраивать карантины, но они только стѣсняли населеніе и вызывали ропотъ. Въ сентябрѣ болѣзнь появилась въ Москвѣ. Митр. Филаретъ успокаивалъ народъ, призывалъ его къ молитвѣ, власти спѣшили объяснить народу болѣзнь; немало усилій къ этому приложилъ М. П. Погодинъ: подъ его редакціей выходили особыя вѣдомости-бюллетени о состояніи города; Погодинъ подражалъ Растопчинскимъ афишамъ 1812 года. Николай Павловичъ поспѣшилъ пріѣхать въ Москву; его пріѣздъ оживилъ,

поднялъ падающій духъ въ городѣ. Восемь дней государь провелъ въ зараженномъ городѣ, обходя больницы, утѣшая больныхъ. Никто бы не осудилъ государя, если бы онъ уѣхалъ изъ зараженнаго города; пріѣздъ его въ Москву былъ подвигомъ — это уже черта Николая Павловича: не бояться опасности, самому показывать всѣмъ примѣръ. Пушкинъ, не пожелавшій тогда открыть своего имени, написалъ: «Онъ не бренной смертью окруженъ, нахмурясь ходитъ межъ одрами и хладно руку жметъ чумѣ и въ умирающемъ умѣ рождаетъ радость». Николай Павловичъ заслужилъ эти прекрасные стихи. Хомяковъ по тому же поводу писалъ: «каковъ царь! Право, рѣдкій примѣръ смѣлости и великодушія. Безъ лести можно его хвалить и въ стихахъ и прозѣ». Выдержавъ установленный карантинъ въ Твери, государь возвратился въ Петербургъ. Холера продолжала распространяться.

Совершенно неожиданно 25 ноября 1830 г. государь получилъ извѣстіе о возстаніи, вспыхнувшемъ въ Варшавѣ 17 ноября.—Такъ какъ правиломъ Николая Павловича было не нарушать безъ причины слова, даннаго государемъ, то онъ, по воцареніи своемъ, оставлялъ устройство Польши и ея отношеніе къ Россіи въ такомъ видѣ, въ какомъ опредѣлились они при Александрѣ I. Намѣстникомъ въ Польшѣ былъ Константинъ Павловичъ. Константинъ Павловичъ былъ характера вспыльчиваго, властнаго, не всегда могъ отдать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, но къ Польшѣ и полякамъ онъ неизмѣнно относился съ любовью. Онъ вполнѣ усвоилъ намѣренія покойнаго императора: примирить два народа, сдѣлать изъ поляковъ вѣрныхъ сыновъ Россіи; Польшѣ сохранялось ея привилегированное положеніе; объ обрусѣніи Польши не было и рѣчи. Императоръ Николай не любилъ Польшу и поляковъ; до возстанія 1830 г. онъ умѣлъ подавлять въ себѣ эти чувства; отношеніе его Польшѣ было безусловно спокойное, хотя, конечно, холодное сравнительно съ отношеніемъ Александра I. Съ вступленіемъ на престолъ Николая Павловича выяснилось, что объ возвращеніи Царству Польскому Западной Руси не можетъ быть и рѣчи. Кіевскій военный губернаторъ сталъ домогаться, чтобы въ судебныхъ мѣстахъ всего края дѣлопроизводство шло на русскомъ языкѣ. Обращено было вниманіе на неудобныя статьи Литовскаго статута, дѣйствовавшаго въ то время въ губерніяхъ, присоединенныхъ отъ Польши. Заговоръ декабристовъ раскрылъ существованіе тайныхъ обществъ въ Царствѣ; поляки, уличенные въ сношеніяхъ съ декабристами, преданы были особому суду въ Варшавѣ. Дѣло это очень интересовало Николая Павловича. Приговоръ послѣ 4-лѣтней волокиты былъ почти оправдательный, потому что, если два лица и были приговорены къ трехлѣтнему слишкомъ заключенію въ тюрьму, то, за зачетомъ времени, проведеннаго ими подъ стражей, они получили свободу, равно какъ и остальные оправданные. Государь, какъ это видно изъ переписки его съ цесаревичемъ, остался очень недоволенъ такимъ

рѣшеніемъ, но, въ концѣ-концовъ, странный приговоръ приписанъ былъ недостаткамъ уголовнаго кодекса Царства. Убѣжденный братомъ, что поляки его вѣрные подданные, онъ и самъ заботился о большемъ сближеніи русскихъ съ поляками. По его желанію цесаревичъ прислалъ къ нему поляка унтеръ-офицера, который былъ сдѣланъ дядькой при его старшемъ сынѣ, наслѣдникѣ, дабы юный Александръ Николаевичъ вмѣстѣ съ военными пріемами—польскія войска славились своей выправкой, что̀ составляло предметъ гордости Константина Павловича—незамѣтно выучился и польскому языку. Когда вспыхнула турецкая война, Николай Павловичъ хотѣлъ двинуть польскія войска на театръ военныхъ дѣйствій; это было бы, конечно, службою Россіи, и обѣ арміи на поляхъ битвъ заключили бы тѣсный братскій союзъ; и въ военномъ отношеніи выгода была бы несомнѣнна: польское войско оказалось бы на театрѣ военныхъ дѣйствій гораздо скорѣе гвардіи, шедшей изъ Петербурга. Но цесаревичъ употребилъ все свое вліяніе и пустилъ въ ходъ всѣ доводы, чтобы отклонить государя отъ задуманнаго дѣла; между прочимъ, тутъ онъ произнесъ знаменитую фразу: «война портитъ солдатъ»,—фразу, раскрывающую весь смыслъ той суровой муштры, которую проводили императоръ Павелъ и Аракчеевъ. Николай Павловичъ уступилъ: въ походѣ 1828—1829 гг. приняли участіе только нѣсколько волонтеровъ-офицеровъ польской арміи. Цесаревичъ постоянно писалъ государю о состояніи умовъ, и всегда весьма успокоительно. Только въ письмѣ отъ 13 октября онъ не скрылъ, что вотъ уже нѣсколько дней, какъ къ нему поступаютъ анонимныя письма о готовящемся возстаніи, что полиціи до сихъ поръ не удалось поймать авторовъ писемъ, и что «студенты шалятъ».

Между тѣмъ возстаніе давно подготовлялось въ Польшѣ; подъ вліяніемъ французскихъ и бельгійскихъ событій оно вспыхнуло 17 ноября 1830 года. Государь о вспыхнувшемъ мятежѣ узналъ 25 ноября и на слѣдующій день объявилъ о немъ на разводѣ офицерамъ гвардіи. Его настроеніе опредѣлилось сразу, и когда чрезъ нѣсколько времени цесаревичъ, позабывъ свои неудачи, выступилъ ходатаемъ за польское дѣло, то Николай Павловичъ поставилъ вопросъ прямо: «Могу ли я выбирать: если изъ двухъ, Россіи и Польши, одна должна погибнуть, кто изъ нихъ долженъ пасть?»

Съ вопросомъ о владѣніи Западною Русью связанъ былъ вопросъ о политическомъ бытіи Россіи, какъ первоклассной державы; допустить образованіе самостоятельной Польши, при такихъ условіяхъ ея возстановленія, конечно, императоръ Николай не могъ. Для Россіи наступило критическое время; попытка Александра миромъ кончить распрю двухъ народовъ оказалась неудачною и не по винѣ русскаго народа. Должно пожалѣть о неудачѣ плана Александра, еще больше о томъ кровопролитіи, которое послѣдовало, о чувствѣ взаимной ненависти, которое поднялось у обоихъ народовъ, но нельзя не признавать неоспоримой истины, что Западная Русь есть

исконная русская земля, и что отчужденіе ея отъ Россіи не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ началомъ распаденія Русской имперіи. Гораздо менѣе понятно, на что разсчитывали поляки, вызывая Россію на неравный бой, и если у нихъ былъ расчетъ на иноземное вмѣшательство, то тѣмъ основательнѣе политика Николая Павловича.

Мятежъ очень озаботилъ государя. Сначала онъ тревожился за судьбу своего брата; конечно, ни слова упрека не вышло изъ устъ императора Николая. Императоръ не прочь былъ отъ примирительнаго образа дѣйствій; онъ даже принялъ двухъ поляковъ посланцевъ, Любецкаго и Езерскаго, хотя какъ частныхъ лицъ. Но миссія эта ни къ чему не привела; довольно сказать, что Езерскій предлагалъ отправить его, Езерскаго, въ Варшаву съ такими словами: «Поляки! Я недоволенъ вами, вы измѣнили чести, но я даю вамъ возможность поправить это: немедленно же идите въ Галицію и Познань, я вамъ ихъ дарю». Императоръ былъ очень огорченъ, что усмиреніе возстанія затянулось; Дибичъ дѣйствовалъ очень вяло, возстаніе разрасталось и перекинулось въ Литву и на Волынь; сеймъ избралъ новаго короля въ лицѣ Адама Чарторыжскаго, котораго Николай Павловичъ и называлъ «мой преемникъ Адамъ I». Въ самомъ концѣ мая отъ холеры скончался Дибичъ, а 15 іюня 1831 г. и Константинъ Павловичъ въ Витебскѣ. 22 іюня вспыхнулъ холерный бунтъ въ Петербургѣ; 23-го Николай Павловичъ прибылъ въ Петербургъ, проѣхалъ на Сѣнную и усмирилъ взволнованный народъ твердыми, сильными словами. Едва сталъ успокаиваться Петербургъ, какъ получены были извѣстія о страшномъ бунтѣ въ военныхъ поселеніяхъ; холера, конечно, была предлогомъ: военные поселенцы обвиняли въ невѣдомой болѣзни офицеровъ и врачей и избивали ихъ; войска дѣйствовали противъ мятежниковъ очень вяло; во время этого ужаснаго бунта, сравнительно недалеко отъ столицы, обнаружилась вся опасность военныхъ поселеній: эту большую силу искусные люди могли направить по-своему; къ бунтующимъ поселянамъ стали присоединяться помѣщичьи крестьяне. Но взбунтовавшіеся поселяне скоро одумались и послали ходоковъ просить прощенія у государя; государь принялъ ихъ, говорилъ имъ строго; въ военныя поселенія посланъ былъ гр. А. Ѳ. Орловъ, а затѣмъ поѣхалъ и самъ Николай Павловичъ. Виновные преданы были военному суду; постепенно военныя поселенія были очень сокращены; къ 27 августа была взята Варшава Паскевичемъ, назначеннымъ на мѣсто Дибича.

III.

Внутренняя политика Николая Павловича въ 30-хъ и 40-хъ годахъ.

Замиреньемъ Польши окончилась бурная эпоха 1830—1831 гг. жизни Николая I. Характеръ государя, его взгляды сложились давно; но, преданный памяти своего старшаго брата, онъ считалъ

долгомъ поддерживать по мѣрѣ силъ и возможности его установленія. Священный союзъ, Польша со своимъ привилегированнымъ положеніемъ и военныя поселенія—вотъ тѣ главныя новости, которыя императоръ Николай получилъ въ наслѣдство отъ Александра. Послѣднія двѣ почти погибли въ эту бурную смутную эпоху; это развязывало руки императору; особенно Польша служила значительнымъ препятствіемъ въ его системѣ, какъ внутренней, такъ и внѣшней. Присущее ему чувство справедливости заставляло его сдерживать нѣсколько проявленія своей воли въ управленіи Россіей, разъ онъ долженъ былъ это дѣлать по отношенію къ Польшѣ. Въ послѣдней онъ былъ государь конституціонный, — отсюда рядъ новыхъ понятій, которыя не могли не оставить слѣдовъ въ дѣятельности императора Николая. Теперь этого не было; событія 1830—1831 гг., счастливо закончившіяся, окончательно образовали духовный обликъ императора Николая; онъ вышелъ изъ нихъ правителемъ законченнымъ, зрѣлымъ и даже опытнымъ. Опытъ былъ односторонній: волненія Польши, волненія военныхъ поселеній, бунтъ холерный, чумный въ Севастополѣ; за границей — нѣсколько революцій. Куда ни бросалъ онъ свой взоръ, всюду видѣлъ необходимость твердой, сильной власти. Если и раньше онъ мало былъ склоненъ къ проявленію общественной самодѣятельности, если и раньше немного онъ ждалъ отъ содѣйствія населенія, то отнынѣ онъ не ждалъ отъ общества ничего. «На Бога надѣйся, самъ не плошай», говорилъ онъ не разъ и все управленіе взялъ на себя, по частямъ передовѣряя его сравнительно немногимъ лицамъ, пользовавшимся его довѣріемъ.

Послѣ бурной эпохи 1830—1831 гг. 17—18 лѣтъ до Венгерской кампаніи Россія наслаждалась миромъ, и императоръ Николай могъ свободно и спокойно посвятить себя работѣ по внутреннему управленію. Самодержавіе полное, ничѣмъ не ограниченное кромѣ совѣсти монарха и завѣтовъ христіанства—вотъ основное начало системы императора Николая. Конечно, его власть и до этого времени была настолько неограничена, что, казалось, дальше некуда было и итти. Императоръ Николай хотѣлъ уничтожить даже всякую тѣнь умаленія его власти, которая могла падать на него со стороны окружающихъ его государственныхъ установленій. Гр. Клейнмихель испросилъ высочайшее разрѣшеніе по вѣдомству министра внутреннихъ дѣлъ, не сказавъ ни слова послѣднему; послѣдній долго возражалъ, и, наконецъ, дѣло дошло до Государственнаго Совѣта; но когда государь узналъ объ этомъ, онъ сказалъ: «И меня тамъ будутъ судить; надѣюсь, что мнѣ не запретятъ приказывать». Послѣ этого въ Государственномъ Совѣтѣ никто не рѣшился отмѣтить нарушеніе порядка гр. Клейнмихелемъ; сдѣлалъ это наслѣдникъ престола,—сдѣлалъ, вѣроятно, по указанію государя, и, тѣмъ не менѣе, въ журналѣ замѣчаніе наслѣдника изложено было, какъ высочайшая резолюція. Когда Комитетъ Министровъ на томъ осно-

ваніи, что по закону дѣти-дворяне не лишаются своего достоинства за преступленія отцовъ, рѣшился было въ 1831 г. нѣсколько заступиться за права дворянства по поводу проекта отдачи въ кантонисты дѣтей виновной польской шляхты, государь очень разсердился, увидѣвъ въ этомъ отступленіе отъ вопроса. Комитетъ долженъ былъ, по мнѣнію государя, указать ему удобнѣйшіе способы къ исполненію его воли, а вовсе не основанія для отмѣны ея.

Совершенно такъ же государь относился къ Синоду. Николай Павловичъ былъ искренно вѣрующій и набожный человѣкъ. Но вѣра его была спокойная и разсудительная; православную церковь онъ признавалъ неотдѣлимою отъ русской народности, чтилъ и берегъ ее отъ всякихъ покушеній извнѣ и изъ ея среды: онъ строго относился къ старовѣрамъ, къ сектантамъ; но онъ не хотѣлъ знать ни свободы въ церкви, ни свободной церкви: его отношеніе къ вѣрѣ отличалось великорусской преданностью, но безъ тѣни увлеченія: государство оберегаетъ церковь, а церковь за это поддерживаетъ существующій государственный порядокъ; ни малѣйшаго вмѣшательства въ дѣла государственныя со стороны представителей церкви государь не терпѣлъ; какъ человѣкъ строгаго порядка не допускалъ онъ и излишняго усердія въ дѣлѣ вѣры. Къ Синоду государь относился какъ ко всякому другому подвѣдомственному учрежденію, и въ немъ онъ рѣшительно не любилъ отдѣльныхъ мнѣній, разногласій. «Въ догматахъ вѣры,—писалъ онъ,—разногласія быть не можетъ и не должно; посему впредь строго запрещаю вамъ входить съ подобнымъ докладомъ, который совершенно выходитъ изъ всякаго приличія». Но и единогласныя мнѣнія Синода, особенно по бракоразводнымъ дѣламъ, иногда отвергались государемъ; бывали случаи, что онъ приказывалъ признать законными браки, которые канонически не допускались. Главный сотрудникъ императора Николая по духовнымъ дѣламъ, гр. Н. А. Протасовъ (1836 — 1855 г.), пользовался исключительнымъ довѣріемъ государя и въ Синодѣ распоряжался самовластно; знаменитѣйшій іерархъ русской церкви Филаретъ московскій пробовалъ было отстаивать нѣкоторую самостоятельность членовъ синода; но Протасовъ искусно подвелъ его подъ неудовольствіе государя, когда у студентовъ академіи оказались листы съ неправильнымъ переводомъ священнаго писанія; Филаретъ счелъ нужнымъ въ 1842 г. просить объ отпускѣ въ епархію свою, и Николай Павловичъ написалъ: «можетъ ѣхать»—и болѣе Филаретъ уже не былъ вызываемъ въ Синодъ; съ другими архіереями Протасовъ обращался еще круче.

По усмиреніи возстанія императоръ Николай принялъ цѣлый рядъ мѣръ, которыя должны был на будущее время сдѣлать невозможной междоусобную войну въ Россіи. Политику государя въ Польшѣ проводилъ снабженный особыми полномочіями намѣстникъ, Паскевичъ, гр. Эриванскій, кн. Варшавскій. «Я твердо устою,—писалъ Николай Павловичъ,—въ рѣшимости ни на волосъ не отступать

отъ принятыхъ правилъ и чѣмъ они (поляки) будутъ хуже, тѣмъ я строже буду и тѣмъ хуже для нихъ». Польша сохранила свое особое устройство съ нѣкоторыми ограниченіями, отдѣльное управленіе, свои законы и языкъ. Правительство и здѣсь обратило особое вниманіе на воспитаніе юношества, расчитывая образовать новое поколѣніе въ духѣ болѣе благопріятномъ для Россіи. Далѣе вниманіе правительства привлекло положеніе крестьянства; были введены обязательные договоры, которыми регулировались отношенія крестьянъ и землевладѣльцевъ. Въ царствѣ Польскомъ правительство надѣялось со временемъ имѣть классы населенія, на которые оно впослѣдствіи могло бы опереться; въ общемъ и императоръ Николай, и кн. Паскевичъ держали этотъ край въ повиновеніи вооруженною силой; большая армія, опиравшаяся на нѣсколько первоклассныхъ крѣпостей, стояла въ царствѣ.

Другое дѣло — Западная Русь. Политика императора Николая въ этомъ краю значительно отличается отъ его общей политики. До польскаго возстанія 1830—1831 г. правительство не совсѣмъ ясно понимало, что это край русскій; почти 35 лѣтъ— отъ вступленія Павла I на престолъ — правительство наше не принимало никакихъ мѣръ для болѣе тѣснаго соединенія края съ коренной Россіей. Вступивъ въ борьбу съ поляками, Николай Павловичъ не могъ не замѣтить, что господствующее численно населеніе западнаго края—русское, исповѣдующее частью православную вѣру, частью уніатскую; это русское населеніе были крѣпостные крестьяне, находившіеся во владѣніи помѣщиковъ-поляковъ; затѣмъ мѣщане и духовенство, оборонявшееся отъ католичества. Въ политикѣ своей императоръ Николай не опирался на низшіе элементы общества; онъ опирался на бюрократію, на войска, на дворянство, но въ Западномъ краѣ онъ измѣнилъ свою систему. Положеніе западно-русскаго, особенно бѣлорусскаго, крестьянства и православіе было печальное въ высшей степени. Голодъ 1822 г. раскрылъ предъ правительствомъ ужасную картину нищеты Бѣлоруссіи. Жалкому состоянію здѣсь русскаго народа соотвѣтствовало и жалкое состояніе православной западной русской церкви: бѣдное до нищенства, сгорбленное нуждою, загрубѣвшее духовенство; полусгнившія, деревянныя, пустыя православныя церкви, только по крестамъ отличавшіяся отъ синагогъ, — такова картина положенія господствующей церкви въ Западной Руси. Послѣ усмиренія возстанія учрежденъ былъ Западный комитетъ. Обращено было вниманіе на внѣшность храмовъ; ежегодно стали отпускать 150.000 р. асс. на три юго-западныхъ губерніи для постройки каменныхъ церквей; правительство приглашало богатыхъ землевладѣльцевъ, между которыми были православные, строить такія же церкви въ своихъ земляхъ; назначено было жалованье духовенству и пр. Еще при Александрѣ I управленіе уніатской церковью отдѣлено было отъ управленія церковью римско - католической. Послѣ 1831 г. Д. Н. Блудовъ, тогда

министръ внутреннихъ дѣлъ, по волѣ государя рядомъ послѣдовательныхъ мѣръ уничтожилъ почти все, что различало и отдѣляло уніатовъ отъ православной церкви, и все, что сближало ихъ съ Римомъ; были преобразованы семинаріи, запрещено посылать ихъ воспитанниковъ въ Виленскую католическую семинарію, введена славянская библія и катихизисъ Филарета, въ уніатскихъ церквахъ устроены иконостасы, вынесены органы, запрещены переходы изъ уніи въ католичество; дѣятельнаго помощника въ дѣлѣ возсоединеніи уніатовъ государь нашелъ въ Іосифѣ Сѣмашко, который былъ впослѣдствіи Литовскимъ митрополитомъ. Съ 1837 г. Сѣмашко сталъ отбирать отъ высшаго уніатскаго духовенства подписки о желаніи возсоединиться съ православной церковью, при чемъ принималъ нѣкоторыя мѣры противъ тѣхъ, кто отказывался давать подписки; затѣмъ епископы уніаты составили соборное постановленіе о возсоединеніи, подкрѣпленное подписями 1305 духовныхъ лицъ,—и 25 марта 1839 г. Синодъ принялъ западно-русскую уніатскую церковь въ общеніе съ православною.

При усмиреніи возстанія русскіе крестьяне этого края оказали большія услуги правительству и войскамъ: они захватывали и представляли властямъ дворянъ, принимавшихъ участіе въ возстаніи, или даже только подготовлявшихся къ тому. Въ началѣ возстанія фельдмаршалъ Сакенъ объявилъ населенію: «вы уже никогда не будете принадлежать тѣмъ помѣщикамъ, которые возстануть противъ законной власти». Теперь военныя власти стали домогаться, чтобъ крестьянъ, справедливо донесшихъ на своихъ господъ, освобождать отъ крѣпостной зависимости. Свободы крестьяне, однако, не получили, такъ какъ имѣнія даже обвиненныхъ помѣщиковъ переходили или къ ихъ родичамъ или, какъ казенныя, сдаваемы были на аренду мѣстнымъ землевладѣльцамъ; понятно, что землевладѣльцы мстили крестьянамъ, тѣмъ болѣе, что мѣстное начальство состояло изъ уроженцевъ края. Правительство увидѣло свою ошибку и до извѣстной степени постаралось ее исправить введеніемъ въ юго-западномъ краѣ «инвентарей», т.-е. описей, въ которыхъ точно изложено было все то, что предоставлялось въ пользованіе крестьянъ, а равномѣрно и всѣ платежи, которые съ нихъ слѣдовали. Эти мѣры, значительно улучшившія положеніе крестьянъ трехъ юго-западныхъ губерній, проведены успѣшно въ кіевскомъ генералъ-губернаторствѣ Д. Г. Бибиковымъ, немало потрудившимся надъ закрѣпленіемъ этого края за Россіей; въ Бѣлоруссіи и Литвѣ дѣло составленія инвентарей шло медленнѣе. Положеніе крестьянъ этого края осталось чрезвычайно тяжелымъ; неурожаи повторялись періодически, дворяне были обременены долгами и продовольственными ссудами такъ, что многіе рады были бы развязаться съ крестьянами. По крайней мѣрѣ, когда въ 1847 г. Николай Павловичъ объявилъ свое неудовольствіе витебскому дворянству за то, что инвентари составлялись слишкомъ медленно,

то дворянство просило дозволить ему обсудить коренное измѣненіе въ бытѣ крестьянъ и проявило желаніе даже даровать крестьянамъ совершенную свободу. Изъ этого, однако, ничего не вышло, и въ 1853 г. изъ крестьянъ Витебской и Могилевской губерній (свыше милліона душъ въ обѣихъ) девять десятыхъ находились въ крайней нищетѣ. Государь опять повелѣлъ взять строжайшія мѣры, чтобы инвентари были кончены поскорѣе.

Немного вышло и изъ другихъ мѣръ правительства въ Западномъ краѣ; правда, Литовскій статутъ былъ отмѣненъ, но стремленіе правительства имѣть здѣсь русскую администрацію не удалось. Почти предъ своею смертью императоръ Николай прочелъ письмо митр. Іосифа къ гр. Протасову, въ которомъ митрополитъ жаловался, что православное населеніе Виленской и Гродненской губерній зависитъ почти совершенно отъ произвола католиковъ: и помѣщики, и власти полицейскія и судебныя въ громадномъ большинствѣ принадлежали къ католической вѣрѣ. Рядъ серьезныхъ мѣръ принятъ былъ противъ дворянства Западнаго края; государь былъ очень вооруженъ противъ шляхты, считавшейся дворянами, но не имѣвшей обыкновенно земельной собственности: «шляхта, — писалъ государь, — есть тотъ сбродъ людей, который доискивается дворянства, не имѣя на то ни права, ни документовъ, шатается безъ занятій или находится въ услуженіи и составляетъ классъ самый вредный и развратный». Было приступлено къ повѣркѣ и разбору правъ шляхты; въ 1840 г. государь сдѣлалъ замѣчаніе, что дѣло идетъ очень медленно; къ концу царствованія слишкомъ 80.000 чел., т.-е. чуть не половина шляхты, были лишены дворянскихъ правъ и зачислены въ подушный окладъ.

По отношенію къ настоящему дворянству Западнаго края государь дѣйствовалъ иначе; какъ и до возстанія онъ непремѣнно хотѣлъ втянуть ихъ въ большее общеніе съ остальной Россіей. Николай Павловичъ всегда держался того взгляда, что дворяне должны служить государству, что если этого прямо законъ не требуетъ, то требуетъ этого честь. Просматривая списки дворянъ западныхъ губерній, государь убѣдился, что они рѣшительно уклоняются отъ службы. Тогда государь (въ 1852 г.) предписалъ дворянъ неправославныхъ, уроженцевъ западныхъ губерній, отдавать на службу по достиженію ими 18 лѣтъ. Всѣ эти мѣры, однако, успѣха не имѣли и большею частію были отмѣнены въ началѣ новаго царствованія. Конечно, указанныхъ мѣръ было слишкомъ недостаточно для того, чтобы изъ забитаго вѣками народа образовать стойкіе и сознательные ряды борцовъ за народное дѣло. Дѣлать для западно-русскаго народа больше императоръ не хотѣлъ: это шло бы въ разрѣзъ съ общей его системой; то, что онъ дѣлалъ, онъ дѣлалъ подъ вліяніемъ мотивовъ политическихъ, и политика его въ этомъ краѣ лишена была воодушевленія. По этимъ же причинамъ государю не легко было найти сотрудниковъ горячихъ и

убѣжденныхъ. Исключая мѣстныхъ уроженцевъ, какъ Іосифъ Сѣмашко и др., вліяніе которыхъ было случайное и преходящее, можно назвать Д. Н. Блудова, Д. Г. Бибикова, Протасова, какъ лицъ, сочувствовавшихъ дѣлу; большинство же дѣятелей мѣстныхъ и въ центрѣ не осмѣливались, конечно, возражать государю прямо, такъ какъ даже Комитетъ Министровъ получалъ замѣчанія за косвенныя возраженія по дѣламъ Западнаго края, но зато они замедляли дѣла, смотрѣли на многое сквозь пальцы, тѣмъ болѣе, что имъ и не привычно было вести политику антидворянскую, да они и опасались, какъ бы возрожденіе народныхъ массъ въ Западной Руси не передалось въ коренныя губерніи. Общій результатъ неутѣшителенъ: несмотря на большую работу 1831—1855 гг., Западный край, какъ показали событія второго польскаго возстанія, вовсе не былъ обезпеченъ за Россіей, и съ 1863 г. пришлось приниматься сызнова за старыя мѣропріятія.

Политика императора Николая I въ Западной Руси получаетъ яркое освѣщеніе сравнительно съ образомъ дѣйствія правительства въ Прибалтійскомъ краѣ. Освобожденные отъ крѣпостной зависимости крестьяне Прибалтійскаго края оставались въ очень тяжеломъ экономическомъ положеніи, такъ какъ земельныхъ надѣловъ они не получили. Выведенное изъ терпѣнія нуждою и безправіемъ эстонское и латышское населеніе края въ сороковыхъ годахъ массами стало переходить въ православіе, расчитывая и на лучшую будущность, и на избавленіе отъ власти нѣмецкаго лютеранскаго духовенства. Казалось бы, что соображенія и политическія и религіозныя должны были бы заставить правительство православнаго государства содѣйствовать увеличенію православной паствы; изъ среды мѣстнаго православнаго духовенства нашлось немало лицъ, которыя усердно взялись за обращеніе эстовъ и латышей въ православіе. Но мѣрами правительства движеніе это было остановлено, какъ вызванное желаніемъ получить матеріальныя выгоды и недовольствомъ отношеніями къ помѣщикамъ: въ Прибалтійскомъ краѣ правительство дѣйствовало совершенно наперекоръ своимъ дѣйствіямъ въ Западномъ краѣ. Объясненіе этому мы найдемъ опять-таки въ личныхъ отношеніяхъ императора Николая къ дворянству Прибалтійскаго края; насколько не любилъ онъ польскаго дворянства, столько же уважалъ дворянство нѣмецкое, несмотря на то, что прибалтійское дворянство не скрывало своихъ стремленій, которыя не могли нравиться императору Николаю: оно упорно домогалось, чтобы за нимъ оставлены были всѣ привилегіи, вытекавшія изъ довольно сомнительныхъ актовъ XVI—XVIII вв., чтобы для трехъ губерній края учреждено было особое верховное мѣсто для судебныхъ дѣлъ, т.-е. чтобъ компетенція Сената не простиралась на эти три губерніи, чтобы дворянство имѣло право завѣдывать Дерптскимъ университетомъ, а желаніе, нѣсколько разъ высказанное императоромъ, чтобъ языкомъ

правительственныхъ учрежденій въ краѣ былъ русскій, встрѣтило возраженія со стороны дворянства; въ 1849—1850 гг. пришлось отложить введеніе русскаго языка въ краѣ, такъ какъ не было достаточнаго числа лицъ, знающихъ русскій языкъ. Цѣль, поставленная Николаемъ I, достигнута была только при Александрѣ III. Несмотря на все это, Николай Павловичъ къ дворянству края относился чрезвычайно благожелательно и лица этого происхожденія преобладали на высшихъ степеняхъ служебной іерархіи. Такимъ образомъ, окраинная политика императора Николая лишена системы, она далеко не принципіальная, напротивъ, направленіе ея зависѣло отъ временныхъ соображеній, даже чувствъ.

Переходя къ внутренней дѣятельности императора Николая I въ періодъ 1831—1848 гг., отмѣтимъ прежде всего появленіе Свода Законовъ, столь давно жданнаго. Конечно, этотъ сводъ далекъ былъ отъ совершенства, нечего и сравнивать его съ законодательствомъ Юстиніана или кодексомъ Наполеона; спеціальная критика давно указана въ Сводѣ много ошибокъ, пропусковъ, неточностей, противорѣчій, даже невѣрныхъ началъ. Но при всемъ томъ Сводъ остается великимъ твореніемъ, лучшимъ памятникомъ императору Николаю и его главному сотруднику въ этомъ дѣлѣ, М. М. Сперанскому: выбрать 42.000 статей, расположить ихъ въ порядкѣ систематическомъ—работа гигантская; появленіе Свода не только устраняло текущія затрудненія въ познаніи законовъ, но и было надежнымъ фундаментомъ для настоящихъ кодификаціонныхъ работъ; ученики Сперанскаго—Д. Н. Блудовъ и другіе—могли уже къ 1845 г. приготовить новое Уголовное уложеніе, нѣсколько смягчавшее суровыя наказанія того вѣка. Всегда внимательный и осторожный Николай Павловичъ сейчасъ же замѣтилъ и заволновался, когда оказалось, что число арестантовъ въ 1847 г. значительно превысило число ихъ же за 1845 г. (15 т. чел. противъ 10 т. чел.); но выяснилось, что ослабленіе репрессій тутъ не при чемъ, такъ какъ увеличилось число мелкихъ преступниковъ. Сводъ законовъ и предшествовавшее ему Полное Собраніе Законовъ дали возможность, вмѣстѣ съ тѣмъ, поставить на твердыхъ началахъ юридическое образованіе въ странѣ: послѣ появленія ихъ стала возможна наука русскаго права.

Слѣдующая важная реформа — реформа денежнаго обращенія. Послѣ Отечественной войны количество выпущенныхъ ассигнацій достигло 834 милл. р., курсъ ихъ на серебро чрезвычайно упалъ — до 25 к. сер. за 100 к. асс. и даже до 20 к. за 100; чтобы удержать ихъ отъ дальнѣйшаго паденія, постановлено было всѣ платежи взыскивать и производить ассигнаціями. Затѣмъ, начиная съ 1817 г., Гурьевъ, тогдашній министръ финансовъ, приступилъ къ сокращенію числа ассигнацій; внѣшніе займы, превышеніе вывоза надъ ввозомъ увеличили въ государствѣ количество металлической монеты; курсъ ассигнацій немного под-

нялся. Преемникъ Гурьева Е. Ф. Канкринъ (1823—1844 г.) постепенно началъ расширять обращеніе металлической монеты; онъ совершенно отказался отъ идеи выкупить всѣ ассигнаціи, но для того, чтобъ наше денежное обращеніе было устойчиво, чтобы устранить народные лажи, которыми спекулянты пользовались въ явный ущербъ населенію, Канкринъ монетною единицею предложилъ сдѣлать серебряный рубль, производить всѣ расчеты этою монетою и узаконить при этомъ отношеніе ассигнацій къ серебряному рублю. Манифестомъ 1 іюля 1839 г. объявлены были начала этой реформы, при чемъ курсъ серебра былъ установленъ такъ: 1 р. сер. = 3 р. 50 к. асс.; черезъ четыре года 1 іюля 1843 г. введены были кредитные билеты, которые казначейство обмѣнивало на серебро по ихъ нарицательной стоимости, рубль за рубль. Реформа эта устранила очень много злоупотребленій.

Къ этому же періоду относится дѣятельность одного изъ главныхъ и блестящихъ сотрудниковъ императора Николая I, С. С. Уварова, министра народнаго просвѣщенія (1833 — 1849). Этому министру удалось провести въ жизнь тѣ политическіе принципы, которые государь указалъ еще въ 1826 г.; С. С. Уварову принадлежитъ философское опредѣленіе политики Николая I, какъ основанной на началахъ православія, самодержавія и народности: школа должна быть предана православной вѣрѣ, чужда всякихъ мистическихъ ученій, откуда бы они не исходили; она воспитываетъ подрастающее поколѣніе въ преданности самодержавію, охраняя его отъ либеральныхъ ученій; школа была народной, такъ какъ она считала Россію самостоятельною, возмужалою, ненуждающеюся въ заимствованіяхъ съ Запада. Эта офиціальная Уваровская доктрина никоимъ образомъ не должна быть смѣшиваема со слагавшеюся тогда доктриною славянофильскою, съ которой она имѣетъ внѣшнее сходство, ибо славянофилы видѣли въ русскомъ народѣ, въ славянскомъ племени, олицетвореніе высшихъ вѣчныхъ началъ любви и свободы, не укладывавшихся въ рамки Уваровскаго опредѣленія, и мечтали о свободномъ соединеніи всѣхъ славянскихъ народностей подъ главенствомъ Москвы, Уваровъ же признавалъ эти мечты вредною игрою фантазіи. Въ духѣ системы императора Николая Уваровъ усилилъ въ своемъ вѣдомствѣ бюрократическое начало, въ средней школѣ онъ провелъ классическую систему, принятую еще комитетомъ 1826 г., какъ основу образованія; университетамъ при немъ данъ былъ новый уставъ,—уставъ 1835 г., по которому значительно сокращена автономія университетовъ: уничтоженъ университетскій судъ, усилена власть попечителя надъ университетомъ, университетъ непосредственно подчиненъ попечителю; должности ректора и профессоровъ оставлены выборными, хотя министръ получилъ право и назначать профессоровъ по своему усмотрѣнію. Зато значительно

улучшилось матеріальное положеніе университетовъ; императоръ Николай I охотно покровительствовалъ наукѣ и искусству, съ тѣмъ, однако, непремѣннымъ условіемъ, чтобы они служили государству; въ университетахъ открытъ былъ цѣлый рядъ новыхъ каѳедръ; конечно, у насъ не хватало ученыхъ, а къ заграничнымъ ученымъ и университетамъ Николай Павловичъ всегда относился нѣсколько подозрительно; поэтому, чтобы не посылать молодыхъ ученыхъ за границу, былъ основанъ профессорскій институтъ въ Дерптѣ; но были отправляемы молодые ученые и за границу: тамъ закончили свое образованіе Неволинъ, Пироговъ, Грановскій, Иноземцевъ, позже Соловьевъ, Срезневскій, Григоровичъ и мн. др.; къ сороковымъ годамъ университетское преподаваніе было очень поднято; въ исторіи Московскаго университета эти годы едва ли не лучшіе.

Русская наука въ царствованіе Николая сдѣлала безусловно весьма значительный шагъ впередъ, благодаря поддержкѣ правительства. Хотя императоръ отрицательно относился къ мечтаніямъ славянофиловъ, онъ, тѣмъ не менѣе, учредилъ при университетахъ каѳедры славянскихъ языковъ и тѣмъ не мало способствовалъ и сближенію молодого русскаго ученаго міра съ міромъ славянскимъ, и ознакомленію русскаго общества со славянствомъ. Наука русской исторіи имѣетъ особыя причины быть благодарной Николаю Павловичу: онъ не только щедро поддерживалъ ученыхъ, но трудное дѣло собиранія письменныхъ источниковъ древней нашей исторіи сдѣлалъ дѣломъ государственнымъ, учредивъ для этого Археографическую комиссію; благодаря его заботливости, развитіе отечественной исторіи не зависѣло уже отъ того, найдутся ли просвѣщенные любители науки и меценаты, готовые жертвовать свои деньги на изданіе источниковъ.

Очень большое вниманіе Николай Павловичъ въ 1831 — 1848 гг. посвятилъ крестьянскому населенію своей Имперіи. Въ 1833 г. Россію постигъ сильнѣйшій неурожай, первый большой неурожай въ это царствованіе; онъ охватилъ 28 губерній и областей. Хлѣбныхъ запасовъ не было; крестьяне мѣстами ѣли хлѣбъ съ примѣсью лебеды, желудей, дубоваго листа; толпы нищихъ, среди которыхъ были не только мѣщане, но и отставные чиновники и офицеры, осаждали власти, требуя, чтобы ихъ спасли отъ голодной смерти; скотъ во многихъ мѣстахъ палъ за отсутствіемъ корма; помѣщики, даже крупные, часто совершенно не могли оказывать необходимую помощь своимъ крестьянамъ. Императоръ Николай при первыхъ же вѣстяхъ разослалъ по пострадавшимъ губерніямъ своихъ генераловъ и флигель-адьютантовъ. Рапорты этихъ лицъ развернули предъ нимъ страшную картину народнаго бѣдствія; его отмѣтки: «ужасно читать», «немедленно же отправить по эстафету предписаніе», «немедленно разсмотрѣть въ Комитетѣ Министровъ и опредѣлить, въ какой степени помочь можно, и сейчасъ же мнѣ предста-

вить, не позже завтра вечеромъ», указываютъ, насколько онъ былъ потрясенъ и взволнованъ. Помощь поселянамъ было оказана щедро; всего на борьбу съ бѣдствіемъ отпущено было почти 30 м. р., сумма по тому времени огромная. При обсужденіи мѣръ помощи населенію въ 1833 г. съ жаромъ ухватились за идею устроить общественныя работы, чтобы дать населенію деньги, но не въ видѣ развращающей даровой помощи, а какъ плату за трудъ. Идея эта очень понравилась государю; работы были назначены, но устроить ихъ такъ, чтобы къ нимъ можно было привлечь хотя бы только значительный процентъ пострадавшихъ, оказалось невозможнымъ. Въ 1839 г. снова былъ неурожай, хотя и меньшій, чѣмъ въ 1833 г.; поселянамъ отпущено было въ помощь 9.500.000 р. асс.; въ 1840 г. опять пришлось отпустить 35 милл. р. асс.; въ 1846 — 1847 гг. снова былъ частный неурожай; до чего дѣло дошло въ Бѣлоруссіи, показываетъ донесеніе г.-ад. П. Н. Игнатьева въ 1853 г.: проѣзжая по Витебской и Могилевской губерніямъ, царскій посланецъ находилъ цѣлыя деревни, въ которыхъ нельзя было отыскать куска хлѣба; мѣстами подавали хлѣбъ, видомъ весьма похожій на торфъ, въ Витебской губерніи крестьяне почти не ѣли хлѣба, а питались грибами — и это въ краю, въ которомъ правительство хотѣло поднять крестьянство.

Николай Павловичъ понималъ, что обыкновенными мѣрами дѣлу не поможешь—и вопросъ о крѣпостномъ правѣ, объ освобожденіи крестьянъ не сходилъ со сцены въ царствованіе императора Николая; въ это царствованіе собрано было десять секретныхъ и тайныхъ комитетовъ, которые послѣдовательно обсуждали этотъ вопросъ съ разныхъ точекъ зрѣнія; помѣщики нѣкоторыхъ губерній (Витебской, Смоленской, Тульской) получали отъ государя позволеніе представить ему свои соображенія по этому трудному, по основному вопросу русской жизни. Рѣчь государя въ 1842 г. въ засѣданіи Государственнаго Совѣта яснѣе всего опредѣляетъ его точку зрѣнія: «крѣпостное право въ нынѣшнемъ его положеніи,—сказалъ онъ, — есть зло для всѣхъ ощутительное и очевидное, но прикасаться къ оному теперь было бы зломъ, конечно, еще болѣе гибельнымъ»; сдѣлавъ ссылку на примѣръ Александра I, потомъ отказавшагося отъ мысли даровать свободу крѣпостнымъ людямъ, государь прибавилъ: «я также на сіе никогда не рѣшусь». Николай Павловичъ желалъ прежде подготовить почву для освобожденія, затѣмъ найти удобнѣйшіе способы для облегченія выхода крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, наконецъ, улучшить крѣпостной бытъ. Несомнѣнно, что теоретическая сторона вопроса въ Николаевское время было выяснена достаточно; число сторонниковъ освобожденія росло; способствовали этому какъ литература, такъ и экономическое развитіе страны. Въ 40-хъ годахъ на фабрикахъ московскаго района стали предпочитать вольныхъ рабочихъ крѣпостнымъ, посессіоннымъ; понятно, что для сколько-нибудь сложнаго,

отвѣтственнаго труда крѣпостной уже не годился. Даже въ области земледѣльческаго хозяйства ростъ цѣнъ на землю указывалъ, что для дворянскаго сословія было выгоднѣе сохранить за собой землю и развязаться съ крестьянами. Обсужденія этого вопроса въ многочисленныхъ комитетахъ привело правительство также къ весьма важному выводу, — къ сознанію вреда безземельнаго освобожденія. Но въ практическомъ отношеніи для освобожденія крестьянъ сдѣлано было немного. Въ 1842 г. былъ изданъ законъ объ «обязанныхъ» крестьянахъ, по которому помѣщики, по добровольному соглашенію съ крестьянами, получали право, сохранивъ за собою землю, сдавать ее крестьянамъ въ продолжительную аренду на точно опредѣленныхъ условіяхъ. Государю казалось, что дворяне потому рѣдко прибѣгаютъ къ закону 1803 г., что не желаютъ разставаться съ своими землями, и, утверждая новый законъ, государь расчитывалъ, что онъ будетъ имѣть широкое примѣненіе; на дѣлѣ, однако, законъ 1842 г. имѣлъ еще менѣе примѣненія, чѣмъ законъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ: на основаніи его перешло въ «обязанные» только 24.708 душъ. Закономъ 1847 г. 8 ноября было дозволено крестьянамъ имѣній, продаваемыхъ съ аукціона, выкупаться на волю — этимъ закономъ успѣли воспользоваться только 964 души и въ 1849 г. онъ былъ пріостановленъ въ виду опасеній, что крестьяне нарочно будутъ доводить владѣльцевъ до несостоятельности, чтобы понизить на торгахъ цѣну селеній и т. д. По вопросу объ ограниченіи повинностей крестьянства Николаевское время не внесло новаго, кромѣ введенія инвентарей въ юго-западномъ краѣ; это былъ очень крупный шагъ впередъ, но онъ имѣлъ только мѣстное значеніе. Власть помѣщика наказывать крѣпостныхъ была теперь точно опредѣлена въ законѣ, — суть дѣла отъ этого, конечно, только проиграла. Право помѣщика ссылать крѣпостныхъ въ Сибирь было видоизмѣнено въ право отсылать крѣпостныхъ отъ себя, дальнѣйшею же судьбою такихъ лицъ распоряжалось государство; продажа крестьянъ безъ земли не была запрещена, но запрещено при продажѣ дробить крестьянскія семьи.

Сильнымъ возраженіемъ противъ освобожденія крестьянъ было положеніе казенныхъ экономическихъ крестьянъ (государственныхъ): совершенно правильно указывали, что и въ хозяйственномъ, и въ нравственномъ отношеніи крестьяне государственные стояли ниже крестьянъ помѣщичьихъ. Объясняется это тѣмъ, что казенные крестьяне были самою беззащитною частію населенія Россіи; среди помѣщиковъ всегда были такіе, которые понимали, что благосостояніе ихъ самихъ связано съ крѣпкимъ хозяйственнымъ бытомъ ихъ крестьянъ; казенные же крестьяне, управляемые чиновниками Министерства Финансовъ, были предметомъ эксплуатаціи всѣхъ мѣстныхъ властей, которымъ только не лѣнь было брать съ нихъ; уже одно то, что они состояли въ Вѣдомствѣ Финансовъ, невыгодно

отражалось на нихъ: министерство видѣло въ нихъ прежде всего статью государственнаго дохода и стремилось къ возможно высокой цифрѣ дохода; оно очень слабо защищало интересы крестьянства предъ мѣстной администраціей и земской полиціей, а главное—отдавало казенное крестьянство въ почти полное распоряженіе откупщиковъ. Слишкомъ извѣстенъ ужасный вредъ, нанесенный русскому населенію продажею водочныхъ питій; но изъ всѣхъ формъ продажи этой—откупная система горшая; а между тѣмъ въ казенныхъ селеніяхъ откупщики вели себя какъ хозяева, нарочно располагая свои заведенія около церквей и волостныхъ избъ; и въ то время, какъ въ великорусскихъ губерніяхъ у помѣщичьихъ крестьянъ 1 кабакъ приходился на 2.700 душъ, въ казенныхъ селеніяхъ 1 кабакъ приходился на 700 душъ. Противники свобожденія крестьянъ отъ помѣщичьей власти говорили, что съ освобожденіемъ всѣ они опустятся на одинъ уровень съ казеннымъ крестьянствомъ.

Императоръ Николай, убѣдившись, что ему не сдѣлать многаго для крѣпостныхъ крестьянъ, рѣшилъ заняться казенными и поднять ихъ бытъ на возможную высоту. Ради этого имъ выбранъ былъ тотъ путь, въ который онъ такъ всегда вѣрилъ: онъ рѣшилъ создать особое вѣдомство, которое имѣло бы своимъ предметомъ заботу о казенныхъ крестьянахъ; для этого онъ образовалъ V-е отдѣленіе своей канцеляріи; своимъ сотрудникомъ по этому дѣлу Николай Павловичъ выбралъ П. Д. Киселева, одного изъ выдающихся генераловъ Александровской эпохи. Киселевъ давно интересовался крестьянскими дѣлами, имѣлъ большой административный опытъ, такъ какъ съ успѣхомъ стоялъ во главѣ управленія Дунайскими княжествами во время ихъ оккупаціи; въ 1837 г. V-е отдѣленіе переименовано было въ Министерство Государственныхъ Имуществъ. Киселеву предстояла труднѣйшая задача—поднять благосостояніе 8 милл. душъ, почти половины сельскаго населенія Россіи, средства же его вѣдомства были чрезвычайно ограничены. Управленіе Киселева страдало излишнею попечительностью о крестьянахъ, которые тяготились заботами начальства, помѣщики же скоро успокоились, найдя, что съ Киселевскими порядками они могутъ еще поспорить. Но все-таки бытъ крестьянъ въ общемъ улучшился, и послѣ реформы 1861 г. они были изъяты изъ вѣдомства въ гораздо болѣе лучшемъ положеніи, чѣмъ приняты вѣдомствомъ въ 1834 г.

Для другихъ сословій императоромъ Николаемъ сдѣлано было меньше. Дворянство онъ въ общемъ очень цѣнилъ; въ этомъ отношеніи онъ рѣшительно расходился съ своимъ предшественникомъ, несмотря на печальное начало царствованія — подавленіе дворянскаго мятежа; и дворянство скоро оцѣнило новаго государя, державшагося правила: безъ дворянства нѣтъ и монархіи. Императоръ сколько могъ затруднялъ доступъ въ дворянство; лишь чинъ

дѣйствительнаго статскаго совѣтника или полковника въ военной службѣ и орденъ св. Владиміра 4-й ст. давали при немъ потомственное дворянство. По воззрѣніямъ государя дворяне должны служить государству; онъ всегда съ неудовольствіемъ узнавалъ о дворянахъ, которые въ молодыхъ лѣтахъ не состояли на службѣ; уклоненіе отъ нея онъ считалъ за проявленіе оппозиціоннаго духа. Въ общемъ дворянство того времени очень охотно несло государственную службу и лишь дворянство Западнаго края уклонялось отъ нея. Государь замѣтилъ, что во многихъ великорусскихъ губерніяхъ дворянство бѣднѣетъ, что у многихъ дворянъ мало земли, что бѣдное дворянство не можетъ давать дѣтямъ приличнаго образованія, быстро опускается и мѣстами почти не отличается отъ однодворцевъ. Государь приказалъ предлагать такимъ дворянамъ переселяться въ Симбирскую и Тобольскую губерніи, гдѣ имъ отводили по 60 — 80 дес. земли. Въ тѣхъ же цѣляхъ — поднять значеніе дворянства въ управленіи—упорядочены были дворянскіе съѣзды и выборы и опредѣленъ цензъ для активнаго выборнаго права.

Менѣе всего сдѣлано было для городовъ, хотя новое городовое положеніе для Петербурга 1846 г. представляетъ шагъ впередъ въ томъ отношеніи, что городское общество образуютъ всѣ слои обывателей—дворяне, почетные граждане, купцы, мѣщане, ремесленники и пр.,—но, впрочемъ, каждое сословіе дѣйствуетъ въ думѣ особо, особо выбираетъ гласныхъ, и общая дума раздѣлялась на пять отдѣленій по сословіямъ; общее собраніе или общая дума собиралась очень рѣдко, а обыкновенно собранія происходили по сословіямъ.

При императорѣ Николаѣ началось русское желѣзнодорожное строительство, хотя при немъ построено было немного дорогъ: Царскосельская, Варшавовѣнская, Николаевская, и начата постройкой линія Петербургъ-Варшава (до Гатчины). Совсѣмъ новое дѣло это началось въ Россіи исключительно по иниціативѣ государя; оба его главныхъ совѣтника въ этой области, гр. Толь, главноуправляющій путями сообщеній, и гр. Канкринъ, министръ финансовъ, были рѣшительными противниками желѣзныхъ дорогъ, ожидая отъ нихъ самыхъ неблагопріятныхъ финансовыхъ результатовъ. Даже профессора Института инженеровъ путей сообщенія читали тогда публичныя лекціи о невозможности въ Россіи устроить сѣть желѣзныхъ дорогъ. Императоръ Николай настоялъ на постройкѣ и имѣлъ удовольствіе видѣть въ концѣ сороковыхъ годовъ, что очень многіе доводы противъ явно оказались несостоятельными. Сооруженіе дороги Москва - Петербургъ императоръ обставилъ такъ, что оно послужило хорошей школой для русскихъ инженеровъ; въ лицѣ скромнаго Чевкина Николай I выдвинулъ замѣчательнаго дѣятеля въ этой области.

IV.

Внѣшняя политика послѣ 1831 г.

По самостоятельному пути пошелъ императоръ Николай и въ политикѣ внѣшней. Уже во время войны 1828 — 1829 гг. онъ примирился съ Турціей; новый порядокъ вещей на Востокѣ — мелкія полусамостоятельныя и полунезависимыя государства съ ихъ внутренней борьбой, частыми смѣнами правительствъ,—не внушалъ довѣрія государю и приводилъ его къ желанію сохранить на Востокѣ status quo. Въ 1830 г. императоръ очень ласково принималъ турецкаго посла, сбавилъ 2 милл. изъ военной контрибуціи и поручилъ послу передать султану, что онъ не понимаетъ, почему бы султану не принять религію огромнаго большинства его подданныхъ, т.-е. православіе. Когда египетскій хедивъ Махмедъ-Али въ 1832 г., подстрекаемый Англіей и Франціей, поднялъ знамя возстанія противъ султана, императоръ Николай предложилъ Турціи свою вооруженную помощь; турки сначала ее отклонили, но послѣ ряда неудачъ падишахъ обратился къ государю съ мольбою о помощи, отъ которой прежде отказывался. Немедленно же войско подъ начальствомъ Н. Н. Муравьева отплыло на помощь султану—и на азіатскій берегъ Босфора высажены были русскія войска для защиты турокъ въ Константинополѣ... Египетскія войска отступили. Сколько разъ потомъ, вѣроятно, Николай Павловичъ раскаивался въ этомъ шагѣ!.. Результатами такого вмѣшательства Россіи было заключеніе Ункіаръ-Искелессійскаго договора, который устанавливалъ «вѣчный» миръ и своего рода союзъ между Россіей и Турціей, хотя опредѣленно былъ заключенъ договоръ только на восемь лѣтъ. Договоръ подтверждалъ всѣ прежніе трактаты, русскій императоръ принималъ на себя обязательство, въ случаѣ надобности, предоставить въ распоряженіе Порты необходимое число войскъ; султанъ за это обязывался закрыть Дарданеллы для прохода иностранныхъ судовъ. Ункіаръ-Искелессійскій договоръ 1833 г. есть высшая точка русскаго вліянія на дѣла Востока, но императоръ Николай взялъ на себя слишкомъ большую отвѣтственность, ибо этотъ договоръ противорѣчилъ рѣшительно всѣмъ традиціямъ русской политики.

Договоръ этотъ становится совершенно непонятнымъ, когда осенью того же года государь заключилъ въ Мюнхенгрецѣ конвенцію, которая скрѣпила русско-австрійскій союзъ, нѣсколько поколебавшійся во время войны за Грецію. Государь желалъ, въ цѣляхъ болѣе успѣшной борьбы съ революціей, скрѣпить свои отношенія въ Австріи, и въ конвенціи этой онъ значительно поступился русскими интересами въ пользу Австріи, такъ какъ обязался охранять Турцію сообща съ Австріей, т.-е. опять-таки нарушилъ традиціи нащей дипломатіи:

имѣть на Востокѣ руки несвязанныя; Николай I самъ поставилъ дѣйствія Россіи въ связь и въ зависимость отъ дѣйствій Австріи; это было именно то, чего такъ желалъ Меттернихъ. Если при Александрѣ I Россія и вступала въ соглашенія по дѣламъ Востока, то это дѣлалось съ цѣлью связать руки Франціи. Теперь, когда роли перемѣнились, когда уже Россіи стали бояться въ Европѣ— императоръ Николай самъ пошелъ навстрѣчу западно-европейскимъ дипломатамъ, стремившимся ему связать руки! Но любопытнѣе всего, что въ тайныхъ статьяхъ императоръ договаривался съ Австріей о дѣйствіяхъ обоихъ державъ въ случаѣ паденія Порты, т.-е. Николай Павловичъ и тогда, въ 1833 г., не вѣрилъ въ сколько-нибудь продолжительное существованіе Турціи. Чтобы выйти изъ этихъ противорѣчій, необходимо допустить, что Николай Павловичъ считалъ необходимымъ подѣлиться нѣкоторыми выгодами съ Австріей, дабы совмѣстно съ него вести борьбу противъ революціи на Западѣ; возможно, что Меттернихъ, понявшій рыцарскій характеръ императора, взывалъ къ его великодушію, указывая ему, что Австрія можетъ стать противъ революціи въ Германіи и Италіи лишь при условіи, что она можетъ быть спокойна за Востокъ.. Во всякомъ случаѣ интересы Россіи въ 1833 г. были дважды преданы.

Убѣжденіе въ томъ, что Турція безнадежно больна, со времени Мюнхенгреца все болѣе овладѣваетъ государемъ, какъ овладѣваетъ имъ и безпокойство о возможныхъ безпорядкахъ въ случаѣ паденія Турціи. Православныя государства и княжества Востока, обязанныя своимъ существованіемъ Россіи, глубоко разочаровали императора; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ видѣлъ прочныя гнѣзда революціонеровъ; вліяніе Россіи въ Турціи падало, несмотря на Ункіаръ-Искелессійскій договоръ; Россія не извлекла большихъ выгодъ въ Турціи послѣ 1833 г., турки не могли повѣрить, что Россія—ихъ другъ, послѣ того, какъ именно она привела Турцію на край гибели; турки не могли перестать притѣснять христіанъ, и Россія не переставала заступаться за гонимыхъ. Торговыя и культурныя наши связи съ Турціей были очень неразвиты тогда, а молодое поколѣніе турокъ искало сближенія съ Франціей и Англіей.

Императоръ понялъ ошибку 1829—1833 годовъ; онъ убѣдился въ безполезности поддерживать Турцію, и уже въ 1840 г. у него созрѣлъ планъ раздѣла Турціи: Константинополь онъ хотѣлъ видѣть ничьимъ, Дарданеллы въ рукахъ Англіи и Австріи, Босфоръ— въ нашихъ—планъ совершенно утопическій и для Россіи вовсе не выгодный. Около этого же времени Николай Павловичъ сталъ добиваться согласія Англіи на свой планъ. Ошибочно считая свою политику весьма послѣдовательною, Николай Павловичъ такую же послѣдовательность видѣлъ въ политикѣ Англіи; противорѣчіе политики обѣихъ странъ Николай Павловичъ склоненъ былъ приписать недоразумѣніямъ и былъ убѣжденъ, что личными перегово-

рами добьется того, что недоразумѣнія будутъ разсѣяны; онъ не замѣтилъ глубокаго, принципіальнаго различія политики Англіи и политики Россіи: Англія вѣрила въ жизненныя силы Турціи, находила, что всего опаснѣе для Турціи быть въ зависимости отъ Россіи, и хотѣла продлить существованіе Турціи; Англія соглашалась на сохраненіе власти Турціи надъ балканскими народами, чтобы послѣдніе не увеличили силъ Россіи, и безъ того казавшихся опасными; надежнѣйшимъ средствомъ достигнуть всего этого Англія считала соглашеніе европейскихъ державъ по дѣламъ Турціи, которое связали бы руки Россіи. Императоръ Николай, не замѣчая этого, полагалъ, что столь близкая его сердцу борьба съ революціей пойдетъ легче, если Англія будетъ на нашей сторонѣ: подъ вліяніемъ такихъ соображеній онъ приходилъ къ мысли о союзѣ съ Англіей. И этотъ союзъ былъ заключенъ цѣною уступокъ Россіи: по Лондонскому протоколу онъ согласился на гарантію независимости Порты четырьмя державами — Россіею, Англіею, Австріею и Пруссіею; въ 1841 г. къ этому договору присоединилась Франція; Дарданеллы объявлены были закрытыми для судовъ всѣхъ націй, ни одна изъ договаривающихся сторонъ не могла пользоваться въ Турціи исключительными выгодами. Такъ въ промежутокъ 1833—1841 гг. Россія добровольно потеряла все то, что она пріобрѣла вѣковою борьбою съ Турціей. Соглашеніе общеевропейское по восточнымъ дѣламъ было достигнуто; возможность осложненій и революціи избѣгнута—и упадокъ значенія и вліянія Россіи на Востокѣ былъ полный.

Несмотря на блестящее, повидимому, положеніе Россіи въ сонмѣ европейскихъ державъ, отъ внимательнаго взора не могла укрыться надвигавшаяся опасность, которую императоръ Николай, безъ сомнѣнія, чувствовалъ и старался устранить. Попрежнему уязвимыми мѣстами Россіи оставались Польша и Турція. Много времени, почти полстолѣтія, протекло съ того времени, когда впервые, при Александрѣ I, выяснились эти обстоятельства. Условія, въ которыхъ приходилось дѣйствовать нашей дипломатіи, не только не улучшились, а, напротивъ, значительно ухудшились. Во-первыхъ, Польша стала болѣе ожесточеннымъ врагомъ Россіи, чѣмъ была прежде; правда, не было больше Наполеона, который могъ возстановить Польшу; но Бонапартъ былъ сыномъ революціи; революціонное движеніе зрѣло, оно имѣло слишкомъ много корней въ Западной Европѣ; каждое значительное революціонное движеніе могло очень измѣнить карту Европы и вызвать броженіе въ Польшѣ. Отсюда вытекала задача бороться противъ революціи, особенно же не дать ей приблизиться къ русскимъ границамъ. Необходимость поддерживать власть въ Польшѣ вооруженною силой лишала Россію, во-вторыхъ, возможности выступать въ качествѣ державы славянской или, во всякомъ случаѣ, принуждала ее дѣйствовать въ славянскомъ вопросѣ съ большими

оговорками; императоръ Николай, вполнѣ послѣдовательно съ своей точки зрѣнія, соединеніе всѣхъ славянъ подъ главенствомъ Россіи считалъ несбыточными мечтами, которыя, если бы сверхъ всякаго чаянія, осуществились, погубили бы Россію. Еще хуже обстояли дѣла въ Турціи. За пятьдесятъ лѣтъ Россія рѣшительно утратила свое вліяніе на Востокѣ, какъ будто бы не было ни войны за освобожденіе Греціи, ни помощи туркамъ противъ египетскаго хедива, ни знаменитаго Ункіаръ-Искелессійскаго договора. Вліяніе Россіи въ Константинополѣ вытѣснено было англійскимъ вліяніемъ, отчасти французскимъ; еще въ началѣ XIX в. русскія военныя суда проходили свободно Дарданеллы, а въ 1849 г. установлено было, что ничьи—въ томъ числѣ и русскія—военныя суда не могутъ проходить Геллеспонтомъ; терпѣли всякія притѣсненія не только православное населеніе Турціи, но и русскіе паломники и подданные, въ то время, когда всякій англичанинъ былъ въ Турціи особою священною и неприкосновенною. Мало этого, Россія утратила свое вліяніе въ Греціи, отчасти даже въ Сербіи, благодаря тому, что русское правительство непріязненно относилось къ проявленіямъ своей воли со стороны освобожденныхъ народовъ; когда въ Греціи произошелъ переворотъ и введено конституціонное устройство, Николай Павловичъ не одобрилъ этого и отозвалъ своего посланника изъ Аѳинъ; императоръ остался недоволенъ замѣною въ Сербіи династіи Обреновичей династіею Кара-Георгіевичей. Сознаніе упадка русскаго вліянія на Востокѣ привело императора Николая къ мысли о неизбѣжности и неминуемости скораго паденія Оттоманской Порты. Въ тридцатыхъ годахъ государь готовъ былъ поддерживать султана, предлагая ему принять вѣру значительнаго большинства его подданныхъ, т.-е. православіе, въ сороковые же годы у Николая Павловича созрѣла вполнѣ мысль о неминуемомъ паденіи Турціи; объ этомъ свидѣтельствуютъ его разговоры и резолюціи. Когда при Александрѣ Бонапартъ угрожалъ Россіи въ Турціи, можно было расчитывать на извѣстное содѣйствіе Англіи, нынѣ Англія вытѣснила Россію; обращаться къ Франціи, искать ея союза императоръ Николай и не помышлялъ; искать противовѣса Англіи въ Австріи онъ также не могъ: Австрія всегда мѣшала Россіи на Востокѣ. Пруссія была сравнительно слаба и мало заинтересована, чтобы опираться на нее въ восточной политикѣ. Государь рѣшилъ дѣйствовать въ союзѣ съ Англіей; рѣшеніе это принадлежало лично ему. Все прошлое русской дипломатіи, прошлое даже его царствованія, должно было бы остановить императора, по крайней мѣрѣ, заставить его задуматься, обсудить и испробовать новое направленіе, потребовать отъ Англіи извѣстныхъ гарантій; но Николай Павловичъ принялъ рѣшеніе и въ теченіе двѣнадцати лѣтъ слѣдовалъ роковому пути, не замѣчая куда онъ его ведетъ.

Наступилъ 1848 годъ; случилось то, чего ожидалъ и опасался Николай Павловичъ; онъ почувствовалъ тогда, очевидно, приближеніе того страшнаго часа, ради котораго онъ хранилъ священный огонь, возжженный его старшимъ братомъ: сошлись двѣ силы—Революція и Россія, готовыя схватиться; никакого договора между ними не могло состояться; отъ исхода этой борьбы зависѣла надолго исторія человѣчества. Этими словами Тютчева вѣрно выражаются чувства, которыя овладѣли императоромъ Николаемъ по полученіи имъ извѣстій о революціи во Франціи, неистовствахъ въ Парижѣ и о широкомъ распространеніи революціи по всей Европѣ; императоръ выразилъ ихъ прямо въ своемъ знаменитомъ манифестѣ 14 марта 1848 года.

Революція 1848 года замѣтно отразилась на внутренней политикѣ Николая Павловича; она остановила его преобразовательную дѣятельность, усиливъ его и безъ того напряженную опеку надъ Россіей. Печать и литература и безъ того едва прозябали подъ строгою цензурою: теперь строгость была еще усилена; въ самыхъ невинныхъ выраженіяхъ, въ самыхъ простыхъ фразахъ цензура усматривала тайный, противогосударственный смыслъ; становилось почти невозможно что-либо печатать. Немало, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, нашлось людей, которые ради своихъ корыстныхъ цѣлей злоупотребляли довѣріемъ государя и, желая выслужиться, раздували пустяки и изъ мухъ дѣлали слоновъ. Пострадала школа; принужденъ былъ выйти въ отставку гр. Уваровъ, который оказался въ эти годы слишкомъ либеральнымъ, ибо поднятъ былъ вопросъ о томъ, нужны ли Россіи университеты; они были сохранены, но число студентовъ въ каждомъ ограничено комплектомъ въ 300 чел.; преподаваніе государственнаго права и философіи сокращено; въ средней школѣ подвергалась гоненію классическая система, какъ воспитывающая подрастающія поколѣнія въ духѣ республиканской древности. Надзоръ полиціи усиленъ, придавалось очень большое значеніе открытымъ кое-гдѣ тайнымъ обществамъ; участники въ бесѣдахъ у Петрашевскаго приговорены были судомъ къ смертной казни, которую государь замѣнилъ каторжными работами; очень пострадали члены такъ называемаго Кирилло-Меѳодіевскаго кружка Шевченко, Костомаровъ. Снятъ былъ съ очереди вопросъ крестьянскій, приняты строгія мѣры по отношенію къ дворянству западныхъ губерній, усилена власть генералъ-губернаторовъ.

Тѣмъ временемъ революціонное движеніе быстро развивалось во всѣхъ государствахъ Западной Европы, кромѣ Англіи. Движеніе это выливалось въ два главныхъ вида: требованіе верховенства народа и сильный національный подъемъ, охватившій народы; нѣмцы мечтали объ единой и свободной Германіи, итальянцы—о такой же Италіи, венгры и австрійскіе славяне—о независимости отъ нѣмецкаго правительства. Порядокъ, установленный Вѣнскимъ

конгрессомъ, казалось, рушился; многочисленныя нѣмецкія правительства, съ австрійскимъ и берлинскимъ во главѣ, совершенно растерялись и спѣшили сдаться предъ народными требованіями. Одинъ изъ творцовъ постановленій Вѣнскаго конгресса, кн. Меттернихъ, долженъ былъ оставить свой постъ и даже удалиться изъ Вѣны.

Революціонное движеніе могло переброситься въ Польшу и отразиться въ Западной Руси. Правительство виновато въ томъ, что за 18 лѣтъ оно не сумѣло въ Западной Руси достаточно поднять народные слои, на которые могло бы теперь опереться. Но, благодаря военнымъ мѣрамъ, императоръ Николай могъ оставаться сравнительно спокойнымъ за свое государство. По своимъ правиламъ и убѣжденіямъ онъ, конечно, не пожелалъ бы воспользоваться всеобщимъ замѣшательствомъ для того, чтобы свести свои счеты съ Турціей. Императоръ Николай въ движеніи 48 года видѣлъ одну сторону, наиболѣе яркую — революціонное движеніе, національноеже онъ не могъ оцѣнить, такъ какъ пониманія живой народности у него не было. При столь одностороннемъ взглядѣ на движеніе 48 года естественно, что онъ поставилъ задачею поддержать во что бы то ни стало созданіе Вѣнскаго конгресса. Успѣхи революціи онъ объяснялъ слабостью мѣстныхъ правительствъ и готовъ былъ помочь имъ по первому призыву. И когда молодой австрійскій императоръ Францъ-Іосифъ обратился къ нему съ такою просьбою: помочь противъ возставшихъ венгровъ, онъ двинулъ войско подъ начальствомъ кн. Паскевича, и вскорѣ венгерская армія Гергея положила оружіе предъ русскими. Австрія была спасена. Усмиреніе польскаго возстанія въ 1831 г. вызвало образованіе большого кружка польскихъ эмигрантовъ, которые не безъ успѣха настраивали общественное мнѣніе Европы противъ Россіи; подавленіе венгерскаго возстанія еще усилило такое настроеніе, создавъ Россіи новыхъ враговъ; императоръ Николай пренебрегалъ новою силою и расчитывалъ, что по успокоеніи Европы всѣ правительства тѣснѣе примкнутъ къ Россіи и строго будутъ слѣдовать его системѣ управленія.

Впрочемъ, усмиреніе венгерскаго возстанія до нѣкоторой степени объясняется и государственными соображеніями: пока въ Венгріи было неспокойно, была нѣкоторая опасность для Польши; императоръ могъ, кромѣ того, считать выгоднымъ сохранить Австрію и въ Италіи, дабы отвлечь ея вниманіе отъ Балканскаго полуострова. Менѣе понятна роль императора Николая въ спорѣ Австріи съ Пруссіей. Съ конца 48 года революціонное движеніе стало замѣтно стихать и переходить въ движенія національныя; очень многіе тогда въ Германіи поняли, что единство нѣмецкаго народа можетъ быть достигнуто лишь при поддержкѣ монархической Пруссіи. Самъ прусскій король, Фридрихъ-Вильгельмъ III, относился сочувственно къ этой идеѣ; принцъ прусскій Вильгельмъ, очень

близкій къ Николаю Павловичу, также сочувствовалъ движенію; но Николай Павловичъ остался непоколебимъ: какъ было устроено Вѣнскимъ конгрессомъ, такъ и должно оставаться; сначала лично въ Варшавѣ, позже въ Ольмюцѣ (1850 г.) онъ рѣшительно высказался противъ Пруссіи и, обѣщавъ свою поддержку Австріи, принудилъ ее отказаться отъ всякихъ объединительныхъ попытокъ. Въ Пруссіи любили императора Николая, считали его почти своимъ, расчитывали на него, а теперь стали горько обвинять его въ предательствѣ. Если бы въ данномъ случаѣ русскій государь отнесся дружелюбнѣе къ нѣмецкому народу въ Пруссіи, Россія пріобрѣла бы важнаго союзника. Внѣшнимъ образомъ императоръ восторжествовалъ; въ Варшавѣ онъ былъ положительно распорядителемъ судебъ средней Европы, слово его рѣшило все. Но по всей Германіи создалось сильнѣйшее нерасположеніе къ Россіи.

Какъ разъ въ томъ же 1850 г. сталъ разгораться споръ о святыхъ мѣстахъ. Уже въ 1849 г. едва не дошло до вооруженнаго столкновенія съ Турціей за то, что она не выдавала главарей венгерскаго возстанія, бѣжавшихъ въ Турцію. Въ 1850 г. французскій посолъ, по поводу просьбы православнаго іерусалимскаго патріарха объ исправленіи купола храма Господня, сталъ домогаться передачи семи аркадъ храма гроба Господня католическому духовенству и повелъ споръ очень настойчиво; императоръ Николай особымъ письмомъ къ султану требовалъ сохраненія за православнымъ духовенствомъ его привилегій, Порта же явно склонялась на сторону Франціи. Вопросъ этотъ вскорѣ получилъ тѣсную связь съ вопросомъ о признаніи президента французской республики Наполеона императоромъ Франціи. Луи-Наполеонъ Бонапартъ, племянникъ Наполеона I, сынъ его брата Людовика, короля голландскаго, избранъ былъ президентомъ французской республики въ 1848 г.; онъ явно сталъ стремиться въ возстановленію системы Наполеона I, давшаго странѣ спокойствіе, счастье и славу. Переворотомъ 2 декабря (21 ноября ст. ст.) 1851 г. Луи-Наполеонъ добился того, что ему была ввѣрена исполнительная власть на десять лѣтъ. Было совершенно ясно, что онъ подготовлялъ возстановленіе имперіи. Николай Павловичъ къ дѣятельности Наполеона относился сочувственно; возстановленіе порядка во Франціи его радовало. Но одною изъ статей союзнаго акта 1815 г. домъ Бонапартовъ навсегда былъ лишенъ престола Франціи; слѣдовательно, теперь предъ союзными дворами было затрудненіе: какъ отнестись къ признанію Наполеона императоромъ; Россія, Австрія, Пруссія и Англія вступили заблаговременно между собою въ переговоры, при чемъ сразу выяснилось, что особенно строго придерживался трактата императоръ Николай; скоро державы сошлись въ томъ, что необходимо признать Луи-Наполеона императоромъ; но Луи-Наполеонъ далъ понять, что онъ приметъ титулъ Наполеона III; Россія и Австрія находили

возможнымъ признать его только II, такъ какъ съ ихъ точки зрѣнія Наполеона II никогда не было; Николай Павловичъ находилъ, что для него не можетъ быть вопроса о Наполеонѣ III, такъ какъ «эта цифра—нелѣпость», что обращеніе должно быть только такое: «Его величеству, императору французовъ», а въ подписяхъ не «братъ», а только «Францъ-Іосифъ», «Фридрихъ-Вильгельмъ» и «Николай», и, если возможно, то и «Викторія». Но Англія признала Наполеона и «третьимъ» и «братомъ», Австрія и Пруссія сначала согласились не давать Наполеону титула «братъ» (собственно, вопросъ о «братѣ» возбудила Австрія), но затѣмъ заявили Россіи, что онѣ не могутъ отказать Наполеону въ этомъ титулѣ. Только одинъ русскій императоръ не призналъ Наполеона своимъ «братомъ»; послѣдній принялъ грамоты безъ этого титула, но ни онъ ни вся Франція не забыли оскорбленія, нанесеннаго имъ. Императоръ Николай видѣлъ затрудненія на Востокѣ, зналъ, что ихъ причина Франція и, тѣмъ не менѣе,—а, можетъ-быть, по тому самому,—онъ не пошелъ ни на какія уступки; «государь, по словамъ его канцлера, далъ урокъ Луи-Наполеону, который понесъ наказаніе за то, что онъ самъ противопоставилъ свой демократическій принципъ нашему».

Эти годы, 1848—1852 г., безусловно апогей величія императора Николая: онъ являлся рѣшителемъ судебъ Европы. Но слово этого властелина оказывалось безсильнымъ на Востокѣ.

Николай Павловичъ уже предрѣшилъ, что Турція должна въ скоромъ времени пасть: мысли государя часто возвращаются къ этому предмету, онъ ищетъ себѣ союзниковъ, онъ намѣчаетъ планъ дѣйствій; въ 1852 г. государь предвидѣлъ войну съ Турціей и не сомнѣвался, что война кончится паденіемъ Оттоманской имперіи, несмотря даже на помощь, которую французы окажутъ Портѣ. Государя занимало, какъ поступить дальше; Россіи онъ назначалъ Молдавію и Валахію съ частью Болгаріи, Болгарія и Сербія дѣлались независимыми, Австрія получала побережье Адріатическаго и Эгейскаго морей; Египетъ, Кипръ и Родосъ давались Англіи, Критъ—Франціи, острова Архипелага—Греціи; Константинополь становился вольнымъ городомъ, на Босфорѣ—русскій гарнизонъ, Дарданеллы въ рукахъ австрійцевъ. Въ этихъ расчетахъ не обращено никакого вниманія на народности; цѣль—лишь всѣмъ дать по куску. Въ началѣ 1852 г. Николай Павловичъ старался въ бесѣдахъ съ англійскимъ посланникомъ Сеймуромъ склонить Англію къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ противъ Турціи. «У насъ на рукахъ,—говорилъ государь,—человѣкъ больной и сильно больной. Я говорю откровенно, что было бы большимъ несчастіемъ, если бы онъ скончался на-дняхъ и въ особенности раньше, чѣмъ будетъ заключено необходимое соглашеніе». Въ согласіи съ Англіей государь расчитывалъ разрубить Гордіевъ узелъ и навсегда покончить съ Восточнымъ вопросомъ. Императоръ хотѣлъ привлечь

на свою сторону и Австрію; когда зимой 1852—1853 г. Австрія изъ-за пограничныхъ дѣлъ грозила Турціи въ ультиматумѣ войной, государь немедленно написалъ Францу-Іосифу: «Ты можешь быть впередъ увѣреннымъ, что если послѣдуетъ война между тобой и Турціей, то это будетъ равносильно тому, что Турція объявила войну мнѣ». Императоръ видѣлъ необходимость возстановить авторитетъ Россіи въ дѣлахъ Востока и искалъ союзниковъ, но въ то же время смутное предчувствіе большой опасности закрадывалось въ его душу. Онъ бодрился, пытался увѣрить себя и другихъ, что Турція безнадежно больной человѣкъ, что стоитъ ему объявить ей войну, какъ поднимутся балканскіе христіане и Турція неминуемо падетъ. Но въ то же время императоръ сознавалъ, что Турцію будутъ поддерживать другіе, будутъ стараться ее оживить.

Императоръ изъ опыта предшествовавшей войны съ Турціей видѣлъ, что наилучшимъ средствомъ нанести рѣшительный ударъ Турціи было бы высадить значительный десантъ поблизости Константинополя; тогда война кончилась бы быстро. Но это было большимъ рискомъ: нашъ десантъ оказался бы въ весьма трудномъ положеніи, если бы на Черномъ морѣ господствовалъ не нашъ флотъ. Императоръ Николай былъ увѣренъ, что турецкій флотъ будетъ разбитъ и уничтоженъ русскимъ, но сознавалъ, что съ флотомъ французскимъ, не говоря уже объ англійскомъ, если тотъ или другой явятся на помощь туркамъ, русскому флоту не сладить. Исходомъ изъ создавшагося труднаго положенія могъ бы быть быстрый и энергичный образъ дѣйствій: предъявленіе ультиматума и немедленно, въ случаѣ отказа, высадка десанта. Подобный образъ дѣйствія былъ не въ характерѣ Николая Павловича. Онъ остановился на полумѣрѣ: потребовать отъ Порты удовлетворенія въ вопросѣ о святыхъ мѣстахъ, подтвержденія ею правъ православной церкви въ Турціи и права Россіи дѣлать представленія султану въ случаѣ нарушенія правъ православной церкви; секретныя статьи устанавливали оборонительный союзъ между Россіей и Турціей: Россія обязывалась помогать Турціи и нравственно и вооруженною силою въ случаѣ нападенія на нее съ чьей-либо стороны.

Императоръ Николай явно хотѣлъ поставить Турцію въ зависимое отъ себя положеніе: султанъ признавалъ бы за русскимъ государемъ право протектората надъ многочисленными его православными подданными и за это получалъ вооруженную защиту послѣдняго. Безъ сомнѣнія, требованіе это шло въ разрѣзъ съ Мюнхенгрецкой конвенціей и Лондонскимъ протоколомъ, установившими по дѣламъ Востока европейскій концертъ, и заинтересованныя державы имѣли право говорить, что Россія стремится создать себѣ особо привилегированное положеніе на Востокѣ. Императоръ Николай, слѣдовательно, снова измѣнилъ свою политику; ранѣе согласный на установленіе концерта, императоръ видѣлъ въ этомъ начало соглашенія

на раздѣлъ Турціи; «союзники» его приступили къ этимъ актамъ съ совершенно противоположными взглядами, расчитывая связать Россіи руки и оживить тѣмъ временемъ Турцію. Въ основѣ соглашенія лежитъ нѣчто недоговоренное; соглашенія эти напоминаютъ нѣсколько Тильзитскій договоръ. Увидѣвъ неожиданныя послѣдствія соглашенія, увидѣвъ, что въ Турціи Россія имѣетъ постоянно усиливающагося врага, императоръ считалъ своимъ долгомъ устранить созданную имъ же опасность. Моментъ для этого выбранъ былъ совершенно неудачно: Франція была противъ него, съ Англіей соглашенія не было и можно было догадываться, что она будетъ заодно съ Франціей.

Государь предполагалъ, что Порта не рѣшится отказать ему; въ крайнемъ случаѣ онъ расчитывалъ на поддержку Австріи и Пруссіи. Но всѣ эти расчеты оказались не вѣрны: требованія, представленныя въ Константинолѣ кн. Меншиковымъ, были отвергнуты Портою подъ вліяніемъ пословъ Франціи и Англіи; англо-французскій флотъ немедленно придвинулся къ Дарданелламъ, готовый каждую минуту оказать помощь Турціи. Въ іюнѣ 1853 г. русскія войска заняли княжества; осенью императоръ ѣздилъ на маневры австрійскихъ войскъ въ Ольмюцъ и затѣмъ въ Варшавѣ принималъ императора австрійскато и короля прусскаго. Изъ разговоровъ съ ними государь вынесъ тягостное впечатлѣніе, что онъ не только не можетъ расчитывать на помощь союзниковъ, но долженъ опасаться перехода ихъ во вражескій станъ. Дипломатія и система Николая I потерпѣли полное крушеніе. Онъ остался одинъ противъ многихъ враговъ. Въ распоряженіи союзниковъ было 108 милл. чел., у императора Николая—60 милл. чел.; ихъ доходы были приблизительно 3 милліарда франковъ, у императора Николая—1 милліардъ франковъ. 20 октября 1853 г. объявлена была война Турціи, 2 апрѣля 1854 г.—Англіи и Франціи.

Силы были неравны; но они нападали, мы защищались, что до нѣкоторой степени уравновѣшивало шансы. Была ли готова Россія встрѣтить врага? Не будемъ повторять извѣстнаго: большая часть населенія Россіи была еще въ крѣпостной зависимости и коснѣла въ невѣжествѣ; средній городской классъ сравнительно съ западно-европейскимъ былъ бѣденъ, малоразвитъ и немногочисленъ; общество не принимало почти никакого участія въ управленіи, въ огромномъ большинствѣ своемъ слабо интересовалось политическою жизнью. Все это были невыгоды Россіи общія; армія, флотъ и казна Россіи были тоже въ неудовлетворительномъ состояніи.

Армія составляла предметъ постоянныхъ заботъ императора, Николай I имѣлъ 1 января 1853 г. на дѣйствительной службѣ 1.000.318 чел. ниж. чин., считая же и безсрочно отпускныхъ, было 1.365.786 нижнихъ чиновъ. Это огромная армія, но резервныхъ войскъ почти не существовало и потому армія сра-

внительно очень быстро таяла, какъ только начинались военныя дѣйствія. Уже въ 1854 г., когда военныя дѣйствія не достигли полнаго развитія, государь видѣлъ, что нужно бы отправить отрядъ въ Крымъ, но писалъ: «Назначить же мнѣ пѣхоту въ сей отрядъ неоткуда, ибо уже ничѣмъ не располагаю», а лѣтомъ 1854 г. войскъ не хватало на оборону и западной границы. Огромное большинство нашей арміи вооружено было старыми кремневыми ружьями, стрѣлявшими не далѣе 300 шаговъ и не скорѣе одного выстрѣла въ минуту и едва 4% арміи вооружены были нарѣзными штуцерами, стрѣлявшими на 800—1200 шаговъ; у французовъ же треть, а у англичанъ даже половина были вооружены штуцерами.

Николай Павловичъ лучше многихъ въ Россіи видѣлъ пользу желѣзныхъ дорогъ, но была одна Николаевская дорога; ничего не было сдѣлано на югѣ для облегченія передвиженій войскъ. Императоръ Николай проявилъ большой интересъ и обычную свою кипучую дѣятельность въ дѣлѣ возсозданія флота; онъ поставилъ себѣ задачей имѣть такой флотъ, который бы могъ успѣшно бороться съ соединеннымъ флотомъ двухъ морскихъ державъ; въ 1853 г. никто не сомнѣвался въ томъ, что мы не можемъ мѣряться съ англичанами на морѣ, но предполагалось, что оборонительную войну флотъ будетъ въ состояніи вести; мы имѣли недурной парусный флотъ, но лѣтъ за 10 до войны въ судостроеніи за границей получили преобладаніе паровыя и притомъ винтовыя суда; Англія и Франція не пожалѣли огромныхъ издержекъ, чтобы завести такой флотъ. У насъ же не было ни подходящихъ доковъ, ни машинъ, ни мастеровъ и заказанные какъ разъ передъ войной въ Англіи винтовые механизмы для нѣсколькихъ военныхъ судовъ, конечно, были конфискованы.

Въ моральномъ отношеніи армія, съ такою доблестью отстаивавшая Севастополь, отличалась отъ арміи 1812—1815 гг. гораздо меньшею живостью и жизненностью: дисциплина наложила на нее свою руку, она послушна, но по сравненію съ тою нѣма и холодна. Съ точки зрѣнія дисциплины армія 1812 г., вѣроятно, оставляла желать очень многаго: она волновалась, она недовольна главнокомандующимъ, она безпокоилась, не будетъ ли преждевременно заключенъ миръ, она просила царя самого принять главное командованіе; но то была отзывчивая, дѣятельная, понимающая обстановку армія, но такъ много въ ней героевъ, геройства, смѣлыхъ и рѣшительныхъ поступковъ; оттого сравнительно часто не очень высоко стоящій чинъ, дивизіонный генералъ, разрушалъ планы самого Наполеона (Невѣровскій, Раевскій), въ той арміи много привычки жить своимъ умомъ. Въ кампаніи 1853—1856 гг. войска болѣе дисциплинированы, но указанныхъ свойствъ нѣтъ; напротивъ, исполняютъ предписанное, придерживаясь буквы, боясь взять что-либо на свою отвѣтственность. Такою же рутиною отмѣ-

чены всѣ дѣйствія войскъ. Огромная армія открываетъ свои дѣйствія на Дунаѣ совсѣмъ неудачно; до объявленія войны Франціей и Англіей не успѣваютъ одержать сколько-нибудь значительныхъ побѣдъ. Въ Крыму она борется оборонительно, тогда какъ всѣ ждали, что, собравшись съ силами, она опрокинетъ непріятельскіе десанты въ море.

Наконецъ денежные рессурсы оказались также мало развитыми. Императоръ Николай унаслѣдовалъ отъ Александра разстроенное финансовое положеніе: 163 милл. р. сер. и 46 м. гос. серіями долга, и на 600 милл. руб. ассигнацій, т.-е. тоже долга. Канкринъ весьма искусно произвелъ девальвацію долга, послѣ чего государственный долгъ къ 1 янв. 1840 г. выразился въ суммѣ 263 милл. р. сер.; къ сожалѣнію, несмотря на девальвацію, расходы постоянно превышали доходы и въ то же время росли недоимки, что являлось тревожнымъ признакомъ тяжелаго положенія народнаго хозяйства, дефициты стали хроническимъ явленіемъ и покрывались займами: къ 1 янв. 1852 г. долгъ возросъ уже до 400 милл. р. с., доходъ 1851 г. равнялся 225 м. р. с., расходъ — 261 м. р.; дефициты были огромные: 108 м. р. за 1853 г., 146 м. р. за 1854 г., 282 м. р. за 1856 г.; въ 1857 и 1858 гг. приходилось употребить огромныя суммы за войну, которая стоила странѣ 800 м. р.; къ 1 янв. 1856 г. долги возросли до 533 м. р., дефициты покрывались займами и усиленными выпусками кредитныхъ билетовъ; сначала курсъ ихъ держался весьма прилично: такъ, въ 1852 г. 1 р. кред. равнялся почти 99 к., 1853 г.—99,5 к., въ 1854 г.—94, 2 мет. коп., въ 1855 г.—93 к., въ 1856 г. — 98,4 к.

Военныя и дипломатическія неудачи подорвали здоровье Николая Павловича; слишкомъ много пришлось ему пережить и перечувствовать. «Буди воля Божія,—писалъ онъ въ ноябрѣ 1854 г.,— буду нести мой крестъ до истощенія силъ».

Силы оставляли его. 11 февраля Николай Павловичъ долженъ былъ слечь въ постель и съ каждымъ днемъ онъ становился слабѣе. Онъ пріобщился Св. Таинъ, простился съ своей семьей, наслѣднику своему сказалъ: «Мнѣ хотѣлось принять на себя все трудное, все тяжкое, оставить тебѣ царство мирное, устроенное и счастливое. Провидѣніе судило иначе. Теперь иду молиться за Россію и за васъ. Послѣ Россіи я люблю васъ больше всего на свѣтѣ». 18 февраля 1855 г. послѣ полудня, императоръ Николай Павловичъ скончался.

Время императора Николая принято называть эпохой реакціи. Это не совсѣмъ справедливо. Реакція противъ чего? Со времени Отечественной войны преобразовательная дѣятельность императора Александра I, не очень значительная и прежде, прекратилась совсѣмъ; мало того, въ послѣдніе годы его царствованія уни-

чтожено было многое устроенное въ первые годы; эпоха 1820—1825 г. характеризуется рѣшительнымъ застоемъ въ дѣлахъ. Такимъ образомъ, прямой реакціи Александровской эпохѣ и не могло быть. Царствованіе Николая I можно назвать реакціоннымъ только по его отношенію къ общественному мнѣнію страны, къ участію общества въ управленіи. По смерти Петра Великаго до 14 декабря 1825 г. общественное мнѣніе дворянства обыкновенно вліяло на политику государства; въ иныя эпохи оно вліяло сильнѣе, въ другія слабѣе, но почти въ каждое царствованіе (кромѣ кратковременныхъ) можно указать нѣсколько важныхъ актовъ правительства, объясняемыхъ воздѣйствіемъ на него того, что составляло въ данную эпоху общество. Императоръ Николай не допускалъ никакого вліянія общества на него, онъ рѣзко отдѣлялъ правительство отъ управляемыхъ; правительство знаетъ, что и когда дѣлать, и онъ бывалъ безусловно недоволенъ за всякое подсказываніе. Правительство можетъ и должно иногда совѣтоваться съ лицами, въ составъ его не входящими, но опять-таки оно знаетъ съ кѣмъ, у кого спросить совѣта. Императоръ Николай любилъ думать, что онъ подражаетъ Петру Великому; еще болѣе онъ любилъ, когда другіе его сравнивали съ Преобразователемъ. И въ дѣйствительности есть немало сходныхъ чертъ между обоими монархами, изъ которыхъ первый создалъ военную славу и мощь Россіи, а второй въ значительной мѣрѣ утратилъ ее. Правительства того и другого отличались большой силою, крѣпостью; оба монарха были удивительные работники на тронѣ, оба смотрѣли на себя какъ на первыхъ, наиболѣе обязанныхъ слугъ государства, оба любили Россію и стремились къ благу ея; оба были ясно и просто вѣрующіе сыновья православной церкви, подчинявшіе, однако, интересы церкви интересамъ государственности; складъ ума обоихъ монарховъ былъ одинаковъ: они оба гораздо лучше усвоивали образы и вещи, чѣмъ мысли, идеи, оба были военные, войско и флотъ считали главнѣйшею частью въ государствѣ, оба поэтому военнымъ дѣламъ посвящали исключительныя заботы и не останавливались предъ издержками, чтобы поставить военную часть на надлежащую высоту; оба они—не полководцы, а организаторы, устроители армій; оба одинаково знанія прикладныя предпочитали знаніямъ теоретическимъ, оба были недурные рисовальщики, инженеры; оба въ управленіе вносили много личнаго, полагаясь больше на личныя впечатлѣнія; оба вели себя на манеръ Гарунъ-аль-Рашида.

Сходство безусловно есть, но есть и различіе. Прежде всего у Николая Павловича не было той силы ума, какой обладалъ талантъ, почти геній Петра, условія правленія были уже совсѣмъ не тѣ: Петръ правилъ сравнительно небольшимъ, въ 12—14 милліоновъ, народомъ, еще не вышедшимъ изъ условій патріархальной жизни; Николай управлялъ огромной имперіей съ 60 милліонами населенія, состоявшаго изъ очень многихъ народовъ, поставленныхъ до него

въ разныя условія по отношенію къ центру. Задача правленія стала гораздо сложнѣе, требованія населенія выше, и система личнаго управленія, вполнѣ пригодная въ XVII—XVIII вв., отжила свой вѣкъ въ половинѣ XIX в. Неизмѣримо сложнѣе стали отношенія международныя. Затѣмъ Петръ—свободенъ, Николай—связанъ: Петръ имѣетъ младенчески чистую вѣру, а Николай знаетъ цѣну знанія, но вмѣстѣ онъ и боится этого знанія; Петръ вѣритъ, что знаніе избавитъ его отъ ужасовъ стрѣлецкихъ и раскольничьихъ мятежей, Николай боится, что знаніе принесетъ съ собой революцію; Петръ распространялъ ученіе и свѣтъ всюду, Николай боялся, какъ бы знаніе не стало средствомъ низшимъ сословіямъ затирать высшія; Петръ искалъ и находилъ сотрудниковъ вездѣ, Николай—только въ немногочисленныхъ рядахъ избранныхъ имъ. Петръ вѣрилъ въ себя, свою власть и свой народъ; онъ не боялся сознаваться въ своихъ ошибкахъ, въ убѣжденіи, что ошибки сознанныя не умаляютъ его авторитета; Николай считалъ населеніе ребятами, но въ то же время боялся, что оно недостаточно уважаетъ власть; въ ошибкахъ ея онъ не только не сознавался, но и старательно прикрывалъ ихъ; Петръ шелъ къ поставленной цѣли, мало заботясь о томъ, въ какомъ видѣ Россія къ ней придетъ; если бы Николай Павловичъ былъ на его мѣстѣ, онъ захотѣлъ бы достичь тѣхъ же результатовъ, но сохранилъ бы всю археологію XVII в., т.-е. и бояръ, и стольниковъ, и приказы, и т. п.

Едва ли при такихъ условіяхъ и въ XVIII в. Николай Павловичъ добился бы результатовъ Петра; но несчастье его удваивалось и утраивалось отъ того, что онъ правилъ въ XIX в., когда другіе народы лихорадочно быстро развивали свои матеріальныя силы. Императоръ Николай велъ Россію впередъ, но медленно, слишкомъ медленно сравнительно съ другими, отчего Россія отставала.

Императоръ Николай не совсѣмъ походилъ на монарховъ XVIII и тѣмъ болѣе XIX вѣка: чувство и сердце часто брали у него верхъ надъ разумомъ. Несмотря на практическій складъ его ума, въ характерѣ его было много идеальнаго, рыцарскаго, совершенно чуждаго мелочности и меркантильности. Онъ былъ рыцарь слова и вѣрилъ другимъ и, къ сожалѣнію, тѣмъ, которые его обманули и покинули.

Кабинетъ императора Александра Николаевича въ Зимнемъ дворцѣ. Въ кабинетѣ этомъ императоръ скончался.

ИМПЕРАТОРЪ

Александръ II Николаевичъ.

(1818—1855—1881).

I.

Юность и время до воцаренія.

Императоръ Александръ II Николаевичъ родился въ Москвѣ 17 апрѣля 1818 года. Родители были въ восторгѣ отъ рожденія первенца-сына. «Впрочемъ,—отмѣчаетъ въ своихъ запискахъ императрица Александра Ѳеодоровна,—я почувствовала нѣчто серьезное и меланхолическое при мысли, что это маленькое существо призвано стать императоромъ»: сердце матери какъ бы чуяло, что не легка будетъ жизнь ея царственнаго младенца.

Рожденіе Александра Николаевича Жуковскій воспѣлъ въ красивыхъ стихахъ, въ которыхъ высказалъ рядъ вдохновенныхъ пожеланій:

Да встрѣтитъ онъ обильный честью вѣкъ,
Да славнаго участникъ славный будетъ,
Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій «человѣкъ»!

Пожеланія эти сбылись: тридцать семь лѣтъ спустя въ Россіи воцарился одинъ изъ гуманнѣйшихъ государей, какихъ знаетъ исторія, прославившій великими реформами свое имя и эпоху.

Когда Александру Николаевичу исполнилось шесть лѣтъ, его передали изъ женскихъ рукъ въ мужскія; его воспитателемъ былъ назначенъ капитанъ Мердеръ. Это былъ боевой офицеръ, человѣкъ хорошей души и твердаго характера; онъ вполнѣ сознавалъ всю важность лежавшей на немъ отвѣтственности и сумѣлъ, съ одной стороны, развить хорошія стороны сердца и ума своего питомца, съ другой — бороться съ его недостатками. Обстановка первоначальнаго воспитанія будущаго царя-освободителя сложилась очень благопріятно: онъ былъ окруженъ общимъ доброжелательствомъ и любовью, и прежде всего любовью своихъ родителей, которые, однако, не баловали чрезмѣрно своего сына и держали его, по большей части, вдали отъ той пышности, которою были сами окружены: она, конечно, не могла быть благопріятнымъ условіемъ для нормальнаго, здороваго воспитанія ребенка.

Николай Павловичъ опредѣленно высказывалъ, что желаетъ воспитать въ своемъ сынѣ человѣка, раньше чѣмъ сдѣлать изъ него государя. Онъ искалъ своему сыну подходящаго наставника и нашелъ его въ лицѣ извѣстнаго поэта Жуковскаго. Это былъ истинный гуманистъ въ самомъ высокомъ смыслѣ слова, человѣкъ, сумѣвшій и ученику своему внушить уваженіе къ личности и достоинству человѣка, а это качество очень цѣнно въ монархѣ и дѣлаетъ его близкимъ и дорогимъ сердцу народа. Понимая всю важность возложеннаго на него порученія и отвѣтственность передъ родиной за надлежащую подготовку будущаго государя, Жуковскій горячо принялся за дѣло, которое всего его поглотило и стало главнѣйшею цѣлью его жизни. Онъ уѣхалъ за границу и на свободѣ, въ уединеніи, занялся подготовительной работой къ предстоящимъ обязанностямъ и прежде всего составленіемъ плана ученія наслѣдника. «Работы у меня много,—говоритъ онъ въ одномъ письмѣ,—на рукахъ моихъ важное дѣло. Мнѣ не только надобно учить, но и самому учиться, такъ что не имѣю права и возможности употреблять ни минуты на что-либо другое».

Въ планѣ, составленномъ Жуковскимъ, на первое мѣсто выдвигалась нравственная сторона, моральное воспитаніе, развитіе природныхъ добрыхъ качествъ и борьба съ дурными побужденіями и наклонностями; цѣль ученія — образованіе добродѣтели. Въ систему преподаванія наслѣднику должны были войти, кромѣ предметовъ общаго начальнаго образованія, науки естественныя и гуманитарныя и, наконецъ, вѣнцомъ всего должно было быть систематическое чтеніе лучшихъ произведеній литературы, въ особенности тѣхъ, которыя знакомили бы будущаго императора съ Россіей и русскимъ народомъ. Въ планѣ ученія не были забыты и иностранные языки: наслѣднику предполагалось преподавать французскій,

нѣмецкій, англійскій, польскій и латинскій. Отводилъ нѣкоторое мѣсто Жуковскій и обученію военному дѣлу: ознакомленію съ нимъ предполагалось посвящать ежегодно лѣтнее вакаціонное время (полтора мѣсяца), но, озабочиваясь болѣе воспитать человѣка и монарха, нежели полководца, Жуковскій опасался увлеченія военщиной и не сочувствовалъ раннему появленію наслѣдника въ военной обстановкѣ, на военныхъ торжествахъ и парадахъ. Зная вкусы и наклонности императора Николая Павловича, Жуковскій боялся, чтобы его питомца не увлекли солдатчиной и не потянули бы въ казармы, въ ущербъ умственному и нравственному его развитію. Мысли по этому поводу онъ высказалъ съ мужествомъ истиннаго гражданина императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ въ письмѣ по поводу появленія наслѣдника на военныхъ парадахъ во время коронаціи Николая Павловича. «Эпизодъ этотъ, государыня, — писалъ онъ, — совершенно излишній въ прекрасной поэмѣ, надъ которой мы трудимся. Ради Бога, чтобы въ будущемъ не было подобныхъ сценъ... Эти воинственныя игрушки не испортятъ ли въ немъ того, что должно быть первымъ его назначеніемъ? Долженъ ли онъ быть только воиномъ, дѣйствовать единственно въ сжатомъ горизонтѣ генерала? Когда же будутъ у насъ законодатели? Когда будутъ смотрѣть съ уваженіемъ на истинныя нужды народа, на законы, просвѣщеніе, нравственность?.. страсть къ военному ремеслу стѣснитъ его душу; онъ привыкнетъ видѣть въ народѣ только полкъ, въ отечествѣ — казарму». Великому князю, говоритъ Жуковскій въ другомъ мѣстѣ, нужно быть не солдатомъ, а мужемъ, достойнымъ престола Россіи; для него не столь важно знаніе фронтовой службы, сколько дѣятельное пробужденіе высокихъ качествъ смѣлости, терпѣнія, присутствія духа, осторожности, рѣшительности и хладнокровія; онъ возставалъ противъ излишняго вниманія къ мелочамъ и формалистикѣ тогдашней военной службы, которыя не могли не вліять пагубно на юную, чуткую душу; онъ хотѣлъ, чтобы великій князь, не теряя даромъ драгоцѣннаго времени на военныя забавы, сдѣлался бы впослѣдствіи образованнымъ знатокомъ военнаго дѣла, способнымъ въ нужную минуту стать во главѣ своего народа на защиту чести и славы своей родины. Затѣмъ Жуковскій въ своемъ планѣ ученія останавливался на вопросѣ о товарищахъ наслѣдника и считалъ весьма полезнымъ для занятій его военнымъ дѣломъ образовать полкъ потѣшныхъ наподобіе потѣшныхъ Петра Великаго, но только непремѣнно изъ благовоспитанныхъ дѣтей. Жуковскій находилъ, что главною наукою наслѣдника должна быть исторія, которую онъ называетъ сокровищницею царскаго просвѣщенія. Въ оцѣнкѣ значенія исторіи Жуковскій слѣдуетъ Карамзину. Онъ говоритъ, что исторія наставляетъ опытами прошедшаго, объясняетъ настоящее и даетъ возможность предсказывать будущее. Она знакомитъ государя съ нуждами его страны и вѣка, она воспла-

менитъ въ немъ любовь къ великому, стремленіе къ благотворной славѣ, уваженіе къ человѣчеству; изъ нея извлечетъ государь правила дѣятельности царской. Вотъ что писалъ Жуковскій для своего высокаго воспитанника: «Вѣрь, что власть царя происходитъ отъ Бога, но вѣрь сему, какъ вѣрили Маркъ-Аврелій и Генрихъ Великій; сію вѣру имѣлъ и Іоаннъ Грозный, но въ душѣ его она была губительною насмѣшкой надъ Божествомъ и человѣчествомъ. Уважай законъ и научи уважать его своимъ примѣромъ; законъ, пренебрегаемый царемъ, не будетъ хранимъ и народомъ. Люби и распространяй просвѣщеніе: оно сильнѣйшая подпора благонамѣренной власти; народъ безъ просвѣщенія есть народъ безъ достоинства; имъ кажется легко управлять только тому, кто хочетъ властвовать для одной власти; но изъ слѣпыхъ рабовъ легче сдѣлать свирѣпыхъ мятежниковъ, нежели изъ подданныхъ—просвѣщенныхъ, умѣющихъ цѣнить благо порядка и законовъ. Уважай общее мнѣніе — оно часто бываетъ просвѣтителемъ монарха; оно вѣрнѣйшій помощникъ его, ибо строжайшій и безпристрастнѣйшій судья исполнителей его воли. Мысли могутъ быть мятежны, когда правительство притѣснительно или безпечно; общее мнѣніе всегда на сторонѣ правосуднаго государя. Люби свободу, то-есть правосудіе, ибо въ немъ и милосердіе царей и свобода народовъ; свобода и порядокъ — одно и то же; любовь царя къ свободѣ утверждаетъ любовь къ повиновенію въ подданныхъ. Владычествуй не силою, а порядкомъ; истинное могущество государя не въ числѣ его воиновъ, а въ благоденствіи народовъ. Будь вѣренъ слову: безъ довѣренности нѣтъ уваженія, неуважаемый безсиленъ. Окружай себя достойными тебя помощниками: слѣпое самолюбіе царя, отдаляющее отъ него людей превосходныхъ, предаетъ его на жертву корыстолюбивымъ рабамъ, губителямъ его чести и народнаго блага. Уважай народъ свой: тогда онъ сдѣлается достойнымъ уваженія. Люби народъ свой: безъ любви царя къ народу нѣтъ любви народа къ царю. Не обманывайся на счетъ людей и всего земного, но имѣй въ душѣ идеалъ прекраснаго—вѣрь добродѣтели. Сіе есть вѣра въ Бога! Она защититъ твою душу отъ презрѣнія къ человѣчеству, столь пагубнаго въ правителѣ людей». Планъ Жуковскаго былъ одобренъ государемъ, впрочемъ, съ нѣкоторыми, существенными измѣненіями. Исключено было преподаваніе латинскаго языка, хотя Жуковскій придавалъ ему и классической литературѣ весьма большое воспитательное значеніе; не было создано полка потѣшныхъ, къ совмѣстнымъ же занятіямъ съ наслѣдникомъ привлекли двухъ его сверстниковъ — Паткуля и графа Віельгорскаго, а въ цѣляхъ военной подготовки онъ былъ зачисленъ въ списки I кадетскаго корпуса.

Въ 1827 году Жуковскій приступилъ къ преподаванію наслѣднику и его товарищамъ. Дѣти вставали въ 6 часовъ утра и послѣ молитвы и ѣды въ 7 часовъ начинали занятія, которыя съ не-

большимъ перерывомъ продолжались до полудня. Затѣмъ были еще послѣобѣденные уроки, а по вечерамъ гимнастика. Главное преподаваніе лежало на самомъ Жуковскомъ, законоучителемъ былъ протоіерей Павскій, математику преподавалъ академикъ Коллинсъ, далѣе были преподаватели англійскаго, французскаго, нѣмецкаго и польскаго языковъ. При дальнѣйшемъ ученіи число преподавателей увеличивалось. Согласно плану ученія повѣрка пріобрѣтенныхъ на урокахъ знаній производилась на полугодовыхъ и годовыхъ экзаменахъ, происходившихъ обыкновенно въ присутствіи государя.

Александръ Николаевичъ былъ красивый, цвѣтущій мальчикъ, съ добрымъ сердцемъ и чувствительной душой; живой и ясный умъ его быстро схватывалъ все, что ему хотѣлось, память была хорошая, въ занятіяхъ же не всегда хватало усидчивости и прилежанія. Учился онъ въ общемъ очень недурно, хотя и не всегда съ одинаковымъ стараніемъ; Жуковскій послѣ одного изъ экзаменовъ поучалъ его: «владѣй собою, будь дѣятеленъ». Недостатокъ воли рано началъ въ немъ сказываться, точно такъ же какъ и неустойчивое состояніе духа: онъ легко переходилъ изъ одного настроенія въ другое, часто прямо противоположное, легко смѣялся, еще легче плакалъ. Воспитатель его огорчался недостаткомъ у него настойчивости, которая нерѣдко мѣшала ему побѣждать лѣность ума. Онъ любилъ физическія занятія и спортивныя развлеченія, хорошо стрѣлялъ, еще лучше плавалъ, фехтовалъ, ѣздилъ верхомъ. По праздникамъ къ нему собирались сверстники, преимущественно изъ приближенныхъ ко двору нѣмецкихъ фамилій, какъ-то: Фредериксъ, Адлербергъ, Нессельроде, сыновья Мердера. Дѣти старой русской аристократіи и настоящаго русскаго дворянства, которыми естественно бы было окружить царскаго сына, появлялись около него сравнительно въ небольшомъ числѣ: послѣ бунта декабристовъ Николай Павловичъ нѣсколько чуждался не только дворянъ лучшихъ русскихъ фамилій, но и ихъ дѣтей. Собиравшаяся молодежь занималась разными играми, среди которыхъ самой излюбленной была военная игра; ее особенно поощрялъ государь, принимавшій въ ней самъ живое участіе. Вообще Николай Павловичъ, слѣдуя своимъ вкусамъ, замѣтно тянулъ наслѣдника съ самыхъ раннихъ лѣтъ къ военному обиходу и военнымъ торжествамъ и забавамъ. Онъ опредѣленно отдавалъ предпочтеніе военнымъ наукамъ передъ всѣми прочими отраслями человѣческаго знанія. «Я замѣтилъ,— сказалъ однажды Мердеру государь,—что Александръ показываетъ вообще мало усердія къ военнымъ наукамъ. Я хочу, чтобы онъ зналъ, что я буду непреклоненъ, если замѣчу въ немъ нерадивость по этимъ предметамъ; онъ долженъ быть военный въ душѣ, безъ чего онъ будетъ потерянъ въ нашемъ вѣкѣ»... Въ жертву военному образованію наслѣдника было принесено обученіе его естествознанію. Въ образованіи наслѣдника получился, такимъ образомъ,

пробѣлъ, тѣмъ болѣе досадный, что судьба опредѣлила ему царствовать въ эпоху расцвѣта естествознанія, въ эпоху господства идей, слагавшихся, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ изученія природы, хотя и не всегда умѣлаго.

Гораздо болѣе посчастливилось другой группѣ наукъ — наукамъ юридическимъ. Хотя самъ императоръ Николай Павловичъ относился къ юриспруденціи и ученымъ юристамъ безъ особеннаго сочувствія, а подчасъ и не безъ нѣкотораго презрѣнія, но, тѣмъ не менѣе, онъ допустилъ обученіе наслѣдника законовѣдѣнію, понимая его, правда, болѣе въ смыслѣ практическомъ: ознакомленія съ русскимъ Сводомъ Законовъ, чѣмъ въ смыслѣ ряда научныхъ дисциплинъ. Преподавателемъ былъ очень удачно избранъ М. М. Сперанскій, сподвижникъ Александра Павловича въ первую половину его царствованія и составитель Свода Законовъ. Онъ широко смотрѣлъ на поставленную ему задачу, и его «бесѣды о законахъ», продолжавшіяся около полутора года, представляли серьезный курсъ публичнаго права, который какъ нельзя лучше подготовилъ наслѣдника къ будущей его государственной дѣятельности. Сперанскій былъ проповѣдникъ законности и уваженія къ закону, — эти положенія одушевляли его въ государственной работѣ и руководили имъ при составленіи Полнаго Собранія и Свода Законовъ, ихъ же положилъ онъ въ основаніе своихъ лекцій наслѣднику. Говоря о самодержавной и неограниченной власти русскаго монарха, Сперанскій подчеркивалъ, что законы, волею его созданные, должны быть обязательны для него самого, точно такъ же, какъ и для его подданныхъ, до тѣхъ поръ, покуда они не будутъ отмѣнены или замѣнены новыми законами. Устанавливая принципъ незыблемости законовъ, какъ основаніе государственнаго порядка, Сперанскій поучалъ далѣе, что всякое право, а, слѣдовательно, право самодержавное — право только до тѣхъ поръ, пока оно основывается на правдѣ: тамъ, гдѣ кончается правда и начинается неправда, будетъ уже не право, а самовластіе. Умъ наслѣдника былъ хорошо подготовленъ Жуковскимъ и Мердеромъ къ воспріятію идей, проводившихся въ бесѣдахъ Сперанскаго; добрыя сѣмена падали на хорошо воздѣланную почву и принесли обильные плоды. Главнымъ образомъ благодаря этимъ тремъ лицамъ воспитался монархъ, дѣятельность котораго была проникнута постояннымъ стремленіемъ къ справедливости и глубокимъ уваженіемъ къ законности и закону.

Менѣе удачно поставлено было ознакомленіе наслѣдника съ внѣшними сношеніями Россіи и дипломатической частью. Руководителемъ Александра Николаевича въ этой сферѣ былъ назначенъ старшій совѣтникъ министерства иностранныхъ дѣлъ, баронъ Брунновъ. Этотъ ограниченный человѣкъ въ своемъ обзорѣ дипломатическихъ сношеній совершенно опускалъ не только эпоху московскихъ царей, но и время Петра Великаго; онъ начиналъ прямо

съ Екатерины II, дипломатическая дѣятельность которой вызывала съ его стороны полное осужденіе. По его мнѣнію, царствованіе Екатерины II создало для Россіи такія затрудненія, которыя еще долго будутъ удручать ея внѣшнюю политику. Брунновъ былъ поклонникомъ Священнаго Союза, которому онъ придавалъ громадное значеніе. Руководящими началами русской политики онъ считалъ «прямодушіе и честность» и полагалъ, что она, — какъ это и было въ то время,—должна сводиться къ тѣсному единенію съ Австріей и Пруссіей и постоянной враждѣ съ Франціей для наилучшаго сохраненія въ Европѣ порядка, созданнаго Вѣнскимъ конгрессомъ 1815 года. Главная цѣль союза съ нѣмецкими дворами заключалась въ огражденіи Россіи отъ революціонной пропаганды. Австрія и Пруссія служили, по мнѣнію Бруннова, какъ бы заслономъ отъ напора зловредныхъ либеральныхъ идей, гнѣздомъ которыхъ онъ считалъ Францію. Поэтому дружбу и союзъ съ Берлиномъ и Вѣной надо поддерживать во что бы то ни стало,— поддерживать даже и въ томъ случаѣ, если бы съ ихъ стороны не было ни искренности, ни даже лойяльности.

Брунновъ считалъ положеніе Россіи на Востокѣ, созданное славными ея побѣдами надъ Турціей, «неудобнымъ и невыгоднымъ наслѣдіемъ»; принадлежавшее ей право на покровительство единовѣрцамъ называлъ «убыточнымъ»; опредѣленно высказывался противъ всякаго поощренія стремленій къ независимости христіанскихъ народовъ, населявшихъ Балканскій полуостровъ, и задачу Россіи на Востокѣ видѣлъ въ сохраненіи Турецкой имперіи. Эти идеи были въ значительной мѣрѣ повтореніемъ взглядовъ императора Николая Павловича, у котораго онѣ переплетались еще съ родственными симпатіями къ прусской королевской семьѣ. Подъ такимъ вліяніемъ слагались воззрѣнія будущаго императора Александра II на международное положеніе Россіи и внѣшнюю ея политику, и если для сформированія его въ нѣмецко-прусскомъ направленіи было, быть-можетъ, и недостаточно одного вліянія Бруннова, то эта недостаточность пополнялась вліяніемъ отца, мнѣнія котораго Александръ Николаевичъ почиталъ весьма высоко, даже и тогда, когда уже во многомъ обнаружилась безусловная ошибочность ихъ.

Такъ, не безъ нѣкоторыхъ слабыхъ сторонъ, но въ общемъ все же недурно шло дѣло образованія Александра Николаевича и къ двадцатилѣтнему возрасту, когда занятія съ нимъ кончились, онъ обладалъ уже довольно разнообразными и, по нѣкоторымъ отраслямъ знанія, значительными свѣдѣніями. Наслѣдникъ былъ цвѣтущимъ молодымъ человѣкомъ, умѣвшимъ располагать къ себѣ людей самыхъ различныхъ классовъ и общественныхъ положеній. Онъ любилъ повеселиться, потанцовать, поохотиться, охотно присутствовалъ на военныхъ смотрахъ и ученіяхъ, но умѣлъ также поддержать серьезный разговоръ и вникнуть въ сущность серьезнаго дѣла.

Согласно плану Жуковскаго, образованіе Александра Николаевича должно было закончиться путешествіемъ по Россіи, имѣвшимъ цѣлью ознакомить его съ тою страной, въ которой ему предстояло царствовать. Въ путешествіи сопровождали его: генералъ-адъютантъ Кавелинъ, замѣнившій умершаго Мердера, Жуковскій и нѣкоторыя другія лица. Въ виду краткости предоставленнаго на путешествіе времени приходилось ѣхать быстро, лишь съ небольшими остановками въ важнѣйшихъ городахъ: Жуковскій сравни-

Личная библіотека императора Александра Николаевича въ Зимнемъ дворцѣ.

валъ эту поѣздку съ чтеніемъ не самой книги, а одного лишь оглавленія ея.

Первымъ этапомъ на пути былъ Новгородъ, затѣмъ Тверь; далѣе путешественники объѣхали цѣлый рядъ городовъ средней сѣверо-восточной и отчасти южной Россіи, пересѣкли Уралъ и достигли Тобольска, откуда наслѣдникъ направился обратно. Повсюду Александръ Николаевичъ поклонялся святынямъ, осматривалъ достопримѣчательности, присутствовалъ на военныхъ парадахъ и танцовалъ на балахъ, которые давало ему дворянство. Всѣ слои провинціальнаго населенія привѣтствовали наслѣдника очень радушно, народъ окружалъ его толпами, отдѣльныя лица и различныя общественныя группы трогательно старались выказать ему вниманіе, за которое великій князь платилъ самымъ привѣтливымъ и ласко-

вымъ обращеніемъ. Путешествіе продолжалось около трехъ мѣсяцевъ и оставило очень хорошее впечатлѣніе въ наслѣдникѣ. Въ виду быстроты переѣздовъ и краткости остановокъ оно не могло имѣть серьезнаго образовательнаго значенія, но воспитательное его значеніе несомнѣнно: соприкосновеніе съ массой людей разныхъ сословій и положеній, съ которыми цесаревичъ долженъ былъ разговаривать, отвѣчать имъ на привѣтствія, благодарить за радушный пріемъ, содѣйствовало выработкѣ въ немъ такта и умѣнья обращаться съ людьми. Въ программу образованія наслѣдника входило заграничное путешествіе послѣ поѣздки по Россіи. Николай Павловичъ прежде всего, лѣтомъ 1838 г., повезъ старшаго сына къ своему другу, прусскому королю, такъ какъ всегда опредѣленно стремился передать сыну теплыя, родственныя чувства къ прусскому королевскому дому и политическія симпатіи къ прусскому государственному порядку. Вслѣдствіе антипатій императора Франція была исключена изъ числа странъ, которыя долженъ былъ объѣхать наслѣдникъ.

Въ Берлинѣ время было посвящено, главнымъ образомъ, военнымъ смотрамъ, парадамъ и маневрамъ. Изъ Берлина Александръ Николаевичъ съ Кавелинымъ, В. А. Жуковскимъ и еще нѣсколькими лицами отправился въ Швецію. Вмѣстѣ съ наслѣдникомъ поѣхалъ и государь, чтобы навѣстить уважаемаго имъ шведскаго короля Карла Іоганна (бывшаго маршала Бернадотта), энергичнаго союзника Александра I въ борьбѣ съ Наполеономъ. Въ Стокгольмѣ августѣйшіе гости нѣсколько дней осматривали достопримѣчательности города и его окрестности; постояннымъ спутникомъ ихъ былъ наслѣдный принцъ Оскаръ. Изъ Швеціи направились въ Данію, затѣмъ въ Ганноверъ, а оттуда въ Эмсъ, гдѣ наслѣдникъ пилъ воды, оттуда въ Веймаръ, гдѣ онъ съѣхался съ родителями; отсюда всѣ вмѣстѣ направились снова въ Берлинъ. Потомъ Александръ Николаевичъ поѣхалъ въ сѣверную Италію и въ Римъ, гдѣ былъ весьма радушно принятъ папой Григоріемъ XVI. Пребываніе въ Римѣ продолжалось болѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Подробно осматривая городъ и его безчисленныя художественныя сокровища, Александръ Николаевичъ, однако, началъ уже скучать по Россіи. «Хотя Италія очень хороша, — писалъ онъ (1839) своему адъютанту Назимову, — но дома все-таки лучше. Завтра отправляемся въ Неаполь, а оттуда далѣе, по назначенному маршруту, такъ чтобы къ 20 іюня быть дома. О, счастливый день. Когда бы онъ скорѣе пришелъ!» Дальнѣйшій путь лежалъ затѣмъ обратно въ Римъ, оттуда въ Вѣну, послѣ которой состоялось посѣщеніе цѣлаго ряда небольшихъ нѣмецкихъ дворовъ. Въ Дармштадтѣ на Александра Николаевича произвела большое впечатлѣніе пятнадцатилѣтняя дочь герцога Людвига принцесса Марія и черезъ годъ она стала его невѣстой. Затѣмъ черезъ Голландію Александръ Николаевичъ направился въ Англію, гдѣ пробылъ

около мѣсяца. Молодая королева Викторія и высшее англійское общество принимали очень радушно и ласково русскаго гостя. Осматривалъ наслѣдникъ по обыкновенію различныя достопримѣчательности и историческіе памятники. Изъ Англіи черезъ Германію Александръ Николаевичъ отправился въ Россію и пріѣхалъ 23 іюня 1839 года въ Петергофъ, пробывъ въ заграничномъ путешествіи болѣе года. 16 апрѣля 1841 года наслѣдникъ вступилъ въ бракъ съ принцессой Маріей Гессенской, принявшей православіе и нареченной Маріей Александровной.

Съ этого же времени, приблизительно, начинается и ознакомленіе его съ дѣятельностью высшихъ государственныхъ учрежденій, Государственнаго Совѣта, Комитета Министровъ и другихъ комитетовъ и комиссій, какъ постоянныхъ, такъ и временно собиравшихся по различнымъ поводамъ. Наслѣдникъ предсѣдательствовалъ и въ секретныхъ комитетахъ, которые обсуждали вопросъ объ улучшеніи быта крѣпостныхъ крестьянъ, и уже въ это время познакомился съ тѣмъ предметомъ, надъ которымъ ему впослѣдствіи пришлось много поработать. Впрочемъ, государственная дѣятельность наслѣдника занимала, такъ сказать, второе мѣсто, главное же вниманіе и наибольшее количество времени онъ удѣлялъ военной службѣ. Николай Павловичъ постоянно командировалъ наслѣдника для инспекціонныхъ осмотровъ войскъ, на маневры и различныя военныя торжества или для этой же цѣли бралъ его съ собою. Послужной списокъ наслѣдника (хранящійся въ Сенатскомъ архивѣ) буквально испещренъ фразами: «сопровождалъ государя императора въ такую-то поѣздку для осмотра войскъ»; «былъ командированъ» для такого-то смотра и т. под. Государь былъ очень доволенъ этой стороной дѣятельности наслѣдника, обнаруживавшаго большой интересъ къ военному дѣлу, и наслѣдникъ получилъ длинный рядъ высочайшихъ благодарностей за порученія вышеуказаннаго характера. Императоръ былъ доволенъ своимъ старшимъ сыномъ и вполнѣ ему довѣрялъ; поэтому, какъ только тотъ нѣсколько ознакомился съ ходомъ государственной машины, государь сталъ поручать ему разрѣшеніе текущихъ дѣлъ по центральнымъ учрежденіямъ во время отсутствія своего изъ Петербурга. Наслѣдникъ весьма внимательно относился къ этимъ новымъ для него обязанностямъ и постоянно заслуживалъ одобреніе своего отца.

Въ половинѣ сороковыхъ годовъ наслѣдникъ сталъ уже вполнѣ взрослымъ человѣкомъ, имѣлъ свою семью, опредѣленный кругъ занятій, свой особый кружокъ приближенныхъ лицъ, состоявшій, главнымъ образомъ, изъ придворнаго его штата и нѣсколькихъ адъютантовъ; и вкусы и наклонности его опредѣлились: онъ обнаруживалъ добрый, мягкій характеръ и попрежнему былъ подъ сильнымъ вліяніемъ отца. Къ этому времени лучшіе дѣятели начала царствованія Николая Павловича, какъ Кочубей, Новосильцевъ и Сперанскій, сходятъ одинъ за другимъ въ могилу, и на высшія

должности попадаютъ люди незначительные; самъ императоръ Николай Павловичъ оставляетъ свои прежнія попытки улучшеній управленія и правительственныхъ порядковъ, и въ Россіи прочно водворяется реакція, опиравшаяся на офиціальное признаніе полнаго благополучія и на систему покорнаго безмолвія. Наслѣдникъ не обнаруживалъ неудовольствія существующимъ порядкомъ и ходомъ вещей; онъ, повидимому, смотрѣлъ на все глазами своего отца и считалъ нормальнымъ все, что происходитъ вокругъ него. Революціонная волна, прокатившаяся по Европѣ въ 1848—1849 гг., обезпокоила русское правительство; хотя пожаръ и далеко, но искры отъ него могутъ долетѣть — и были приняты предохранительныя мѣры; реакція усилилась и стала выливаться въ рядъ придирчивыхъ, какъ бы злобныхъ, распоряженій, стѣснявшихъ до послѣдней степени умственную жизнь страны. Александръ Николаевичъ раздѣлялъ опасенія своего отца и находилъ необходимымъ вести борьбу съ вольнодумствомъ молодежи. Европейскія событія 1848—1849 гг. повліяли на него міровоззрѣніе въ томъ же направленіи, въ какомъ часто вліяютъ революціонныя выступленія народныхъ массъ на имущіе классы и на людей не только мягкихъ характеромъ, но и на людей твердыхъ, вполнѣ закаленныхъ жизнью: Александръ Николаевичъ становился человѣкомъ строго охранительнаго направленія.

Но ошибочная система царствованія Императора Николая Павловича принесла горькіе плоды. Противъ Россіи вооружилось общественное мнѣніе всей Европы и составилась могущественная коалиція. Борьбѣ противъ нашего отечества придавалось большое культурное значеніе, и цѣлью ея должно было быть ослабленіе Россіи, какъ наиболѣе крѣпкаго оплота реакціи. Крымская война почти сразу же обнаружила нашу полную неподготовленность къ серьезнымъ военнымъ дѣйствіямъ, нашу жалкую отсталость отъ цивилизованныхъ странъ Европы. Всѣмъ стало ясно, что тридцатилѣтнее господство показной военщины принесло страшный вредъ не только гражданской жизни Россіи, но и самой арміи, занимавшейся больше церемоніальными маршами, нежели подготовкой къ войнѣ. Правда, солдаты и офицеры сражались какъ львы, но большинство генераловъ были очень плохи и совершенно лишены иниціативы; хуже всего были старшіе начальники: долгое господство безпощадной, суровой и бездушной дисциплины сильно препятствовало и развитію, и движенію самостоятельныхъ и талантливыхъ людей, которые нужны для войны такъ же, какъ для всякаго крупнаго дѣла.

Факты убѣждаютъ человѣка лучше самыхъ краснорѣчивыхъ и мудрыхъ словъ; не могли они не произвести серьезнаго впечатлѣнія и на душу наслѣдника. Обладая яснымъ и просвѣщеннымъ умомъ, онъ такъ же, какъ болѣе образованные и лучшіе его современники, понялъ причину нашихъ бѣдствій и неудачъ,

онъ созналъ ошибочность системы, господствовавшей при его отцѣ и приведшей Россію въ тупикъ, изъ котораго не было видно выхода. Въ міровоззрѣніи его совершился переломъ, онъ, повидимому, понялъ, что такъ дѣло не можетъ идти дальше, что существующій порядокъ вещей отжилъ, что нельзя управлять громадной страной, опираясь лишь на малопросвѣщенное и своекорыстное чиновничество безъ всякой поддержки общественныхъ группъ, онъ понялъ все зло системы господства офиціальной лжи и показной мишуры. Онъ увидѣлъ слабую сторону порядковъ, господствовавшихъ при его отцѣ, хотя и не зналъ еще хорошенько, что̀ именно нужно сдѣлать для улучшенія грустнаго положенія вещей.

Въ эту истинно трагическую для Россіи минуту, когда на политическомъ ея горизонтѣ все сгущались и сгущались грозовыя тучи, а внутри страны царило уныніе, соединявшееся въ наиболѣе передовыхъ группахъ населенія съ раздраженіемъ и озлобленіемъ противъ правительства, скончался 18 февраля 1855 года Николай Павловичъ, и началось славное царствованіе императора Александра II.

II.

Первое время царствованія.

Несмотря на крайнюю затруднительность обстановки воцаренія, императоръ Александръ II проявилъ полное присутствіе духа и твердость. Первой его заботой было въ цѣляхъ скорѣйшаго достиженія возможно почетнаго мира энергичное продолженіе войны. На первомъ пріемѣ иностранныхъ дипломатовъ государь категорически и притомъ съ большимъ подъемомъ сказалъ: «Я готовъ протянуть руку примиренія... но если совѣщанія, которыя откроются въ Вѣнѣ, не приведутъ къ почетному для насъ результату, тогда я, господа, во главѣ вѣрной моей Россіи и весь народъ смѣло вступимъ въ бой». Кромѣ этого, государь упомянулъ, что во внѣшней политикѣ, онъ по примѣру своихъ предшественниковъ будетъ придерживаться началъ Священнаго Союза.

Съ этой стороны, такимъ образомъ, все оставалось, повидимому, по-старому, но во внутренней жизни Россіи сразу почувствовалась перемѣна политическаго курса, повѣяло свѣжимъ духомъ. Образованное общество, съ восторгомъ привѣтствовавшее воцареніе новаго государя, не обманулось въ своихъ надеждахъ, такъ какъ хотя и не было предпринято еще какихъ-либо крупныхъ шаговъ къ исправленію выяснившихся недостатковъ и золъ, но послѣдовала отмѣна цѣлаго ряда весьма непопулярныхъ мѣръ, принятыхъ въ концѣ прошлаго царствованія. Прежняя враждебность къ печатному слову уступила мѣсто болѣе терпимому отношенію къ литературѣ и періодической печати, измѣнилось отношеніе и къ университетамъ: отмѣнены были нѣкоторыя ограниченія при пріемѣ

студентовъ, вновь разрѣшено было посылать за границу для подготовки къ профессорской дѣятельности; заслуженнымъ профессорамъ, оставшимся на службѣ, были возвращены отнятыя у нихъ въ 1852 году пенсіи, послѣдовала отмѣна весьма стѣснительныхъ и обидныхъ мѣръ, клонившихся къ полному воспрещенію русскимъ подданнымъ выѣзда за границу. Всѣ эти и другія подобныя мѣропріятія имѣли слѣдствіемъ то, что государственная власть стала снова популярной, въ нее вѣрили и отъ нея ждали дальнѣйшаго исправленія недостатковъ и уничтоженія злоупотребленій, приведшихъ Россію къ политическому и общественному кризису.

Выразителемъ тогдашняго общественнаго настроенія явился извѣстный историкъ Погодинъ, такъ привѣтствовавшій радужную зарю новаго царствованія: «Въ трудныхъ обстоятельствахъ принялъ Государь свою державу. Ни одно вступленіе на престолъ въ русской исторіи не сопрягалось съ такими грозными внѣшними опасностями; но въ утѣшеніе и одобреніе можемъ сказать себѣ и то, что ни одинъ государь, съ начала своего царствованія, не пользовался такимъ общимъ расположеніемъ, такимъ неограниченнымъ довѣріемъ, такою горячею любовью, безъ примѣси всякихъ чувствованій отрицательныхъ, какъ онъ. Всѣ сердца къ нему стремятся, и не было, можетъ-быть, никогда минуты болѣе благопріятной, когда было бы такъ удобно, такъ легко сдѣлать всѣ нужныя преобразованія и исправленія. Преобразованія и исправленія внутреннія для насъ не только нужны, но и необходимы. Скажу болѣе: ими только можемъ мы спастися, ими только можемъ отвратить настоящія опасности и предупредить будущія, кромѣ, разумѣется, гнѣва Божія».

Хотя государь въ виду необходимости продолжать борьбу съ коалиціей и озабоченъ былъ преимущественно военными распоряженіями, тѣмъ не менѣе, онъ весьма интересовался и внутреннимъ управленіемъ и внимательно прислушивался къ указаніямъ на его недостатки. На первомъ же представленномъ ему отчетѣ министра внутреннихъ дѣлъ (за 1855 г.), Александръ Николаевичъ подчеркнулъ именно эту сторону, написавъ слѣдующія слова: «Читалъ съ большимъ любопытствомъ и благодарю въ особенности за откровенное изложеніе всѣхъ недостатковъ»... Съ такою же охотою неоднократно выслушивалъ онъ и въ слѣдующіе годы критику различныхъ сторонъ управленія. На всеподданнѣйшемъ рапортѣ сенатора Сафонова, ревизовавшаго въ 1859 г. Пензенскую губернію, государь написалъ: «Обращаю особое вниманіе Комитета Министровъ на этотъ добросовѣстный и дѣльный рапортъ..., за который объявить особую Мою благодарность. Дай Богъ, чтобы замѣчанія его, касающіяся вообще до нашего губернскаго управленія, послужили впрокъ», а противъ того мѣста рапорта, гдѣ сенаторъ писалъ, что онъ счелъ долгомъ откровенно изложить какъ тѣ несовершенства, которыя онъ усмотрѣлъ въ управленіи

Пензенскою губерніею, такъ и тѣ, которыя болѣе или менѣе свойственны другимъ частямъ обширнаго отечества нашего, государь помѣтилъ: «за это въ особенности я ему благодаренъ».

Духъ критики и недовольства порядками, доставшимися новому царствованію отъ Николаевскаго времени, широко распространился въ обществѣ во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ XIX в., и монархъ, несмотря на всю свою любовь къ почившему отцу, въ этомъ отношеніи слѣдовалъ нерѣдко за своими подданными. Но недовольство не приводило тогда интеллигентныхъ людей, какъ то часто бываетъ, къ унынію и брюзжанію, оно вызывало въ нихъ добрыя чувства и желаніе работать на пользу государства и народа, что̀ служило залогомъ успѣшности предстоявшихъ нововведеній и реформъ.

Новый курсъ во внутренней политикѣ Россіи сталъ опредѣляться съ первыхъ же дней царствованія Александра II; быстро выяснилось и личное отношеніе монарха къ различнымъ сторонамъ государственной жизни и прежде всего—къ законности и закону. Въ этомъ отношеніи представляетъ большой интересъ манифестъ 21 мая 1855 г., которымъ устанавливались порядокъ опеки и организація правительства на случай смерти государя до совершеннолѣтія наслѣдника. «Постановленіемъ и обнародованіемъ сихъ правилъ,—говорится въ концѣ этого акта,—устраняя заранѣе всякое сомнѣніе въ волѣ и намѣреніяхъ Нашихъ въ отношеніи къ управленію государствомъ во время малолѣтства Нашего наслѣдника, Мы желали съ тѣмъ вмѣстѣ при самомъ началѣ Нашего царствованія явить любезнымъ и вѣрнымъ подданнымъ Нашимъ новый знакъ благоговѣйнаго уваженія Нашего къ законамъ отечества. Да будутъ они всегда и всѣми столь же свято исполняемы, и на семъ, ничѣмъ незыблемомъ основаніи, да утверждаются болѣе и болѣе благоустройство, могущество и счастіе державы, отъ Бога Намъ врученной»; такой же взглядъ на законъ, какъ на важнѣйшую основу государственной и частной жизни, проводится и въ другихъ манифестахъ и указахъ; такъ, въ манифестѣ 15 марта 1856 года объ окончаніи войны съ коалиціей высказывается пожеланіе, чтобы «каждый подъ сѣнью законовъ, для всѣхъ равно справедливыхъ, всѣмъ равно покровительствующихъ, наслаждался плодами мирныхъ трудовъ». Въ этомъ же манифестѣ находятся и знаменитыя слова: «правда и милость да царствуютъ въ судахъ».

Эти мысли, высказанныя въ важнѣйшихъ государственныхъ актахъ начала царствованія Александра II, отражаютъ идеи и чувства, которыя ему внушали Жуковскій и Сперанскій; выраженныя въ прочувствованныхъ словахъ, онѣ не были лишь красивой риторикой, а представляли рядъ положеній программнаго характера, отъ которыхъ, въ той или иной степени, отправлялись послѣдовавшія въ шестидесятыхъ годахъ великія реформы. Обращенныя къ народу съ высоты престола многозначительныя слова о не-

зыблемости закона и о великомъ значеніи его, какъ первой основы государственнаго порядка, были какъ бы отвѣтомъ на горячія желанія различныхъ слоевъ населенія, чтобы былъ уничтоженъ царствовавшій всюду произволъ и водворилась законность въ управленіи.

Несмотря на замѣтное измѣненіе политическаго курса, правящая среда оставалась сперва почти безъ перемѣнъ; прежніе дѣльцы сохраняли свои мѣста, такъ какъ государь относился къ нимъ, какъ къ сотрудникамъ своего отца, съ полнымъ вниманіемъ и уваженіемъ. Въ качествѣ новыхъ дѣятелей выступили братъ государя, великій князь Константинъ Николаевичъ, и Я. И. Ростовцевъ, бывшій ближайшимъ сотрудникомъ Александра Николаевича по управленію военно-учебными заведеніями.

Вел. кн. Константинъ Николаевичъ былъ одаренъ блестящими способностями. Выдающійся государственный умъ у него соединялся съ активнымъ, энергичнымъ характеромъ, настойчивою волей и сильнымъ честолюбіемъ. Недостатки своего образованія онъ, въ значительной мѣрѣ, пополнилъ впослѣдствіи. Это была крупная и яркая фигура на фонѣ окружавшихъ государя посредственностей. Онъ едва ли не живѣе своего старшаго брата сознавалъ всю неудовлетворительность установившихся въ Россіи порядковъ и горячо желалъ исцѣленія отъ золъ, разъѣдавшихъ государство. Поставленный во главѣ флота и морского вѣдомства, онъ приблизилъ къ себѣ цѣлый рядъ просвѣщенныхъ и либеральныхъ людей и, занимая спеціально военный постъ генералъ-адмирала, оказывалъ несомнѣнное вліяніе на все внутреннее управленіе. Это вліяніе не нравилось многимъ лицамъ правящей среды, и они стремились испортить добрыя отношенія между государемъ и его братомъ, чтобы лишить послѣдняго возможности играть крупную государственную роль, для которой у него имѣлись всѣ необходимыя данныя.

Я. И. Ростовцевъ не обладалъ выдающимися дарованіями; это былъ очень хорошій и неглупый человѣкъ, но безъ широкихъ горизонтовъ и притомъ неподготовленный къ роли государственнаго дѣятеля. Въ 1855—1856 годахъ его отнюдь нельзя было назвать человѣкомъ, проникнутымъ либеральными идеями. Онъ былъ недурнымъ начальникомъ небольшого вѣдомства военно-учебныхъ заведеній, но, повидимому, вовсе не склонялся къ сколько-нибудь значительнымъ исправленіямъ и измѣненіямъ. Александръ Николаевичъ уважалъ Ростовцева и вполнѣ ему довѣрялъ; онъ имѣлъ полное основаніе быть увѣреннымъ въ его усердіи и преданности и могъ въ случаѣ надобности на него опереться, какъ на вѣрнаго и нелицемѣрнаго слугу и друга; но вдохновителемъ государя на великое дѣло реформъ Ростовцевъ не былъ и не могъ быть.

Такимъ образомъ изъ состава высшихъ должностныхъ лицъ перваго времени царствованія одинъ великій князь Константинъ

опредѣленно стремился къ реформамъ, прочіе же жили день за день, повидимому, мало заглядывая въ будущее. Положеніе Александра Николаевича вслѣдствіе этого было крайне затруднительно; онъ чувствовалъ необходимость измѣненій и реформъ, прежде всего необходимость уничтожить крѣпостное право, но по свойствамъ своего характера, мягкаго и не всегда настойчиваго, не легко могъ безъ посторонней поддержки и опоры предпринять рѣшительные шаги. Къ счастію, онъ нашелъ серьезную нравственную поддержку во всемъ, что касалось прогрессивныхъ мѣропріятій, въ средѣ царской фамиліи, со стороны своей тетки, вдовы вел. кн. Михаила Павловича, великой княгини Елены Павловны.

Эта замѣчательная во всѣхъ отношеніяхъ женщина, сыгравшая очень большую роль въ исторіи русскаго просвѣщенія и культуры XIX вѣка, заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія. Пріѣхавъ изъ Германіи въ Россію пятнадцатилѣтней дѣвочкой, она сумѣла съ первыхъ же шаговъ въ своемъ новомъ отечествѣ заслужить не только всеобщую любовь, но и уваженіе. Кромѣ благотворительности, столь естественной со стороны женщины высшаго круга и обладающей большими матеріальными средствами, она интересовалась наукой, искусствомъ и литературой, вполнѣ разбиралась въ сложныхъ общественныхъ и государственныхъ вопросахъ и — что не часто бываетъ въ женщинахъ ея положенія — горячо сочувствовала либеральнымъ реформамъ. Она истинно любила человѣчество, понимала нужды и страданія людей и всячески стремилась дѣлать имъ добро. Дворъ ея былъ средоточіемъ выдающихся русскихъ людей средины XIX вѣка, на ея обѣдахъ и пріемахъ можно было встрѣтить не только лицъ высшаго свѣта, но и ученыхъ, писателей, артистовъ и лучшихъ представителей бюрократіи: во дворцѣ ея были радушно приняты К. Д. Кавелинъ, Антонъ Рубинштейнъ, Самаринъ, братья Димитрій и Николай Милютины и др. Благодаря тѣсному общенію съ культурными силами тогдашней Россіи, Елена Павловна была хорошо освѣдомлена о настроеніи русскаго общества, его чаяніяхъ и ожиданіяхъ. Многія стороны тогдашней русской дѣйствительности были ей извѣстны лучше, чѣмъ всѣмъ прочимъ членамъ царской фамиліи, и она имѣла полную возможность о многомъ освѣдомлять Александра Николаевича, который охотно ее выслушивалъ и относился къ ней вообще съ глубокимъ уваженіемъ. Трудно установить, въ какой именно степени высокочеловѣчное и истинно государственное міровоззрѣніе Елены Павловны оказывало вліяніе на императора Александра II, но самый фактъ этого благотворнаго вліянія представляется несомнѣннымъ. У своей тетки онъ находилъ не только моральную поддержку, а нерѣдко и дѣльный совѣтъ по интересовавшимъ его вопросамъ первѣйшей государственной важности, полезныя указанія на пригодность того или иного лица для разработки и осуществленія новыхъ мѣропріятій.—Но прежде чѣмъ

сдѣлать что-либо на пути реформъ внутреннихъ, было необходимо закончить войну съ коалиціей.

Въ первые дни новаго царствованія были получены изъ Севастополя утѣшительныя извѣстія, что цѣлый рядъ нападеній непріятеля былъ отбитъ, и наши войска держались. Но князь М. Д. Горчаковъ, замѣнившій князя Меншикова въ командованіи арміей, счелъ возможнымъ дѣйствовать лишь очень осторожно и выжидательно до прихода подкрѣпленій, направленныхъ въ Крымъ изъ южной арміи въ количествѣ сорока баталіоновъ; армія коалиціи, однако, не теряла времени даромъ, и наши дѣла стали принимать неблагопріятный оборотъ. Начавшееся въ концѣ марта 1855 г. второе бомбардированіе Севастополя нанесло намъ большой ущербъ: наши укрѣпленія сильно пострадали, и изъ строя было выведено болѣе 6.000 человѣкъ убитыми и ранеными. Положеніе въ Севастополѣ быстро ухудшалось, и подкрѣпленія, прибывшія изъ южной арміи, не возстановили равновѣсія силъ, такъ какъ одновременно съ этимъ были усилены и союзники, при чемъ во главѣ французской арміи былъ поставленъ генералъ Пелисье, съ которымъ Горчаковъ отнюдь не могъ равняться военными дарованіями и энергіей. Главнокомандующій находился въ нерѣшительности, поджидалъ еще новыхъ подкрѣпленій и, несмотря на письма государя, побуждавшаго его предпринять что-либо рѣшительное, не былъ склоненъ переходить въ наступленіе. Наконецъ, по настоянію государя, былъ созванъ военный совѣтъ, и большинство членовъ высказалось за наступленіе со стороны рѣки Черной. Горчаковъ не сочувствовалъ этому движенію, но не имѣлъ мужества отказаться отъ наступленія, котораго желали въ Петербургѣ. Въ своемъ письмѣ къ военному министру князю Долгорукову онъ ясно выражалъ, что думалъ не только о томъ, какъ разбить непріятеля, сколько о томъ, какъ оправдаться предъ государемъ въ случаѣ могущей быть неудачи. Съ такими чувствами, конечно, трудно быть побѣдителемъ. И дѣйствительно, операція наша при рѣкѣ Черной кончилась полной неудачей, и русская армія совершенно безполезно потеряла убитыми и ранеными около 8.000 человѣкъ. Дни Севастополя были теперь сочтены. 27 августа 1855 г. послѣ жесточайшей трехдневной бомбардировки войска коалиціи двинулись на приступъ; несмотря на геройское сопротивленіе защитниковъ, Малаховъ курганъ былъ взятъ, на прочихъ укрѣпленіяхъ русскія войска съ удивительною стойкостью продолжали отбиваться, но дольше удерживать позиціи было невозможно; поэтому въ ночь на 28 августа, по приказанію князя Горчакова, южная сторона Севастопольской бухты была очищена нашими войсками—они перешли на сѣверную сторону. Паденіе Севастополя, конечно, очень огорчило государя, но онъ не терялъ присутствія духа и поспѣшилъ воздать справедливость его защитникамъ, обратившись къ нимъ съ прочувствованными словами, включенными въ приказъ по арміямъ.

Въ виду того, что организованныя незадолго передъ тѣмъ дипломатическія совѣщанія въ Вѣнѣ не привели къ мирнымъ переговорамъ, приходилось продолжать борьбу; государь занялся военными распоряженіями, обсуждалъ планъ дальнѣйшихъ дѣйствій и различныя подробности относительно укомплектованія и снабженія дѣйствующихъ армій. Онъ самъ отправился на югъ, осмотрѣлъ укрѣпленія Николаева, совершилъ объѣздъ крымской арміи и благодарилъ геройскія войска. По возвращеніи изъ своей поѣздки государь въ ноябрѣ получилъ извѣстіе о взятіи Карса Н. Н. Муравьевымъ; онъ былъ очень обрадованъ этой удачей, Муравьева наградилъ орденомъ Св. Георгія 2-ой степени, а славнымъ кавказскимъ войскамъ объявилъ свою благодарность.

Этимъ блестящимъ эпизодомъ закончилась неудачная война 1853—1855 годовъ. Воюющія стороны дѣятельно готовились къ продолженію кампаніи; поле борьбы должно было, повидимому, расшириться, такъ какъ Австрія готова была присоединиться къ нашимъ врагамъ; но вскорѣ стало выясняться миролюбивое настроеніе французскаго императора Наполеона III, который не прочь былъ вступить въ прямые и непосредственные переговоры съ Россіей. Для того, чтобы освѣдомить русское правительство о своихъ взглядахъ и желаніяхъ, Наполеонъ III чрезъ саксонскаго посланника при французскомъ дворѣ, барона Зеебаха, зятя нашего канцлера Нессельроде, сообщилъ въ Петербургъ, что онъ искренно желаетъ сблизиться съ Россіей; онъ совѣтовалъ принять условія мира, переданныя черезъ посредство Австріи; наиболѣе непріятная сторона этихъ условій заключалась въ нейтрализаціи Чернаго моря и уступкѣ части Бессарабіи. Предложенія эти были подвергнуты разсмотрѣнію въ особомъ совѣщаніи изъ высшихъ должностныхъ лицъ подъ личнымъ предсѣдательствомъ государя, и всѣ старые николаевскіе сановники, какъ Нессельроде, князь Долгоруковъ, графъ Орловъ и другіе, эти дѣятели режима, приведшаго Россію къ войнѣ, на которыхъ въ значительной степени лежала отвѣтственность за нашу изолированность во внѣ и за застой внутри государства, теперь совѣтовали поспѣшить заключеніемъ мира и принять безъ колебанія всѣ предлагаемыя намъ условія, а когда нашъ посолъ въ Вѣнѣ, кн. А. М. Горчаковъ, телеграфировалъ, что, по его мнѣнію, слѣдуетъ отвергнуть предложенія Австріи, войти въ непосредственныя сношенія съ Наполеономъ и, удовлетворивъ Францію, добиваться удаленія изъ условій мира уступки части Бессарабіи, на которой настаиваетъ Австрія исключительно въ собственныхъ интересахъ, то Нессельроде даже не доложилъ этой депеши совѣщанію, созванному для обсужденія вопроса о мирѣ. Императоръ согласился со своими совѣтниками. Въ Вѣнѣ было подписано предварительное соглашеніе, по которому воюющія стороны должны были послать уполномоченныхъ въ Парижъ для выработки подробностей и подписанія мирнаго договора. Нашими

уполномоченными были назначены графъ Орловъ и посланникъ при германскомъ союзѣ баронъ Брунновъ. Нессельроде, такъ неудачно дѣйствовавшій въ области внѣшней политики, теперь въ непостижимомъ самообольщеніи, далъ имъ подробное наставленіе, въ которомъ указывалъ, какъ перехитрить на конгрессѣ Англію и Австрію или, по крайней мѣрѣ, кого-либо изъ нихъ, а одновременно обойти и Наполеона... Не будучи профессіональнымъ дипломатомъ, графъ Орловъ, тѣмъ не менѣе, довольно скоро оріентировался въ положеніи дѣлъ на конгрессѣ и, увидя сочувствіе къ намъ Наполеона, обратился непосредственно къ нему за посредничествомъ и поддержкой. Наполеонъ, повидимому, этого только и ждалъ. Къ нашимъ уполномоченнымъ онъ отнесся очень любезно, оказывалъ имъ всяческое вниманіе и обѣщалъ содѣйствіе къ заключенію мира, по возможности наименѣе обиднаго для Россіи. Практическимъ результатомъ этого настроенія было прежде всего сравнительно выгодное для насъ рѣшеніе вопроса о границѣ въ Бессарабіи: Россія потеряла гораздо меньшую ея часть, чѣмъ того желали и домогались австрійцы и англичане.

Парижскій мирный договоръ, подписанный 18 марта 1856 года, лишилъ насъ, кромѣ небольшой части Бессарабіи, еще правъ содержать на Черномъ морѣ военный флотъ и сильно подорвалъ на Ближнемъ Востокѣ наше вліяніе. Плоды побѣдъ Румянцева, Суворова и Кутузова,—плоды талантливой работы дипломатовъ послѣднихъ десятилѣтій XVIII и начала XIX вѣковъ, были въ значительной мѣрѣ утеряны неудачными и неумѣлыми ихъ преемниками, утратившими духъ живой и правильное пониманіе національныхъ интересовъ въ дѣлахъ иностранной политики и сосредоточившими всѣ свои усилія и все вниманіе на поддержаніи внутри страны внѣшняго, формальнаго порядка и покорнаго безмолвія.

III.

Отмѣна крѣпостного права.

Крѣпостное право установилось въ Россіи еще до воцаренія Дома Романовыхъ. Происхожденіе его и развитіе находилось въ зависимости отъ двухъ обстоятельствъ: во-первыхъ, отъ задолженности крестьянъ землевладѣльцамъ и, во-вторыхъ, отъ государственныхъ потребностей и интересовъ, сводившихся прежде всего къ созданію вооруженной силы и наиболѣе успѣшному сбору доходовъ. Крѣпостные крестьяне содержали своихъ помѣщиковъ, государевыхъ служилыхъ людей, и за ихъ отвѣтственностью уплачивали надлежащіе налоги. Прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ было въ полномъ соотвѣтствіи какъ съ правовымъ положеніемъ другихъ сословій, такъ и съ общественнымъ сознаніемъ большинства русскихъ людей отъ конца XVI до половины XVII вѣковъ, когда лич-

ность была порабощена и закрѣпощена государствомъ, все приносилось ему въ жертву и служило его интересамъ: какъ крестьяне были крѣпки землѣ, такъ торговые люди и промышленники были прикрѣплены къ своимъ посадамъ, а государевы служилые люди—къ государственной службѣ. Весь строй тогдашней жизни былъ проникнутъ однимъ началомъ, что было и послѣдовательно и справедливо. Но во второй половинѣ XVIII в. произошли серьезныя измѣненія въ положеніи нашихъ высшихъ сословій: началось раскрѣпощеніе сперва дворянства, а затѣмъ и городского сословія; единство нашего государственнаго и общественнаго быта было нарушено, и крѣпостное право изъ органической части стройной системы обратилось въ сословную несправедливость въ отношеніи однихъ и въ сословную привилегію для другихъ. Уже передовые русскіе люди конца XVIII в. считали назрѣвшимъ вопросъ объ отмѣнѣ крѣпостного права, но правительство еще не раздѣляло этого взгляда; опираясь въ управленіи государствомъ на дворянское сословіе, въ массѣ своей дорожившее крѣпостнымъ трудомъ, императрица Екатерина II ничего не сдѣлала, чтобы улучшить положеніе помѣщичьихъ крестьянъ. Царствованіе Павла Петровича знаменуетъ собою поворотъ въ отношеніяхъ русской государственной власти къ крестьянамъ, но въ новомъ направленіи сдѣлано было крайне мало: все ограничилось установленіемъ воскреснаго отдыха для крѣпостныхъ крестьянъ. Александръ I въ началѣ своего царствованія весьма интересовался крестьянскимъ вопросомъ и въ 1803 г. издалъ указъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ, устанавливавшій порядокъ и условія отпуска на волю помѣщичьихъ крестьянъ. Этимъ указомъ воспользовалось лишь весьма небольшое число просвѣщеннѣйшихъ и богатыхъ представителей дворянства; не больше успѣха имѣлъ и законъ 1842 года объ обязанныхъ крестьянахъ. Безплодность этихъ законодательныхъ актовъ съ полной очевидностью доказывала, что дѣло освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ не можетъ быть поставлено въ зависимость отъ усмотрѣнія ихъ владѣльцевъ; выдвигалась необходимость радикальнаго рѣшенія крѣпостного вопроса, чего, конечно, трудно было ожидать отъ правительства Николая Павловича, тѣмъ болѣе, что обсуждали его и надѣялись рѣшить безъ всякаго участія общества, силами одной высшей бюрократіи. Правительство боялось освободительныхъ идей, которыя проникали въ умы, и весьма подозрительно и недоброжелательно относилось къ лицамъ, пытавшимся, хотя бы робко, говорить объ отмѣнѣ крѣпостного права. Вся польза отъ секретныхъ комитетовъ царствованія Николая Павловича сводилась къ тому, что Александръ Николаевичъ, предсѣдательствуя въ двухъ изъ нихъ, имѣлъ возможность ближе познакомиться съ крестьянскимъ вопросомъ. И вотъ, почерпнутыя такимъ путемъ свѣдѣнія, въ связи съ несомнѣннымъ вліяніемъ литературы и крѣпко запавшими въ его душу наставленіями Жу-

ковскаго, привели его къ рѣшенію освободить крѣпостныхъ крестьянъ. Такое настроеніе императора Александра II находилось въ соотвѣтствіи со взглядами большинства образованныхъ людей его поколѣнія, воспитавшихся на просвѣтительныхъ идеяхъ германской философіи 30-хъ годовъ XIX в.,—людей, которые читали и любили Пушкина и хорошо понимали Тургенева. Александръ Николаевичъ, вступивъ на престолъ, сознавалъ, что необходимо освободить крестьянъ, но какъ это сдѣлать, онъ еще не зналъ. Съ самаго начала новаго царствованія, какъ то обыкновенно бывало и раньше, стали распространяться слухи объ освобожденіи, которые, конечно, волновали и помѣщиковъ, и крестьянъ. Александръ Николаевичъ, во время пребыванія въ Москвѣ послѣ заключенія парижскаго мира, принимая представителей дворянства, обратился къ нимъ со слѣдующей рѣчью: «Я узналъ, господа, что между вами разнеслись слухи о намѣреніи моемъ уничтожить крѣпостное право. Въ отвращеніе разныхъ неосновательныхъ толковъ по предмету столь важному я считаю нужнымъ объявить всѣмъ вамъ, что я не имѣю намѣренія сдѣлать это сейчасъ. Но, конечно, и сами вы понимаете, что существующій порядокъ владѣнія душами не можетъ оставаться неизмѣннымъ. Лучше начать уничтожать крѣпостное право сверху, нежели дождаться того времени, когда оно начнетъ само собой уничтожаться снизу. Прошу васъ, господа, обдумать, какъ бы привести все это въ исполненіе. Передайте слова мои дворянамъ для соображенія». Слова государя произвели извѣстное впечатлѣніе, но не привели къ практическимъ результатамъ: московское дворянство не спѣшило приступать къ обсужденію крестьянскаго вопроса.

Къ этому времени на посту министра внутреннихъ дѣлъ Бибикова замѣнилъ С. С. Ланской, человѣкъ добрый и благожелательно настроенный къ крестьянамъ; но онъ, такъ же, какъ и государь, еще не представлялъ себѣ хорошенько, какимъ образомъ нужно приняться за трудное дѣло ихъ освобожденія. Не всегда хватало у него и энергіи для борьбы съ возникавшими препятствіями; но Ланской обладалъ очень цѣннымъ качествомъ: онъ слушалъ дѣльные совѣты своихъ подчиненныхъ и, чуждый мелочного самолюбія, добросовѣстно защищалъ мысли и проекты, хотя бы и не отъ него исходившіе, если только они клонились къ болѣе справедливому разрѣшенію крестьянскаго вопроса. Ланской сперва былъ склоненъ итти къ нему не торопясь, съ большою осторожностью; «начавъ это важное дѣло,—говоритъ онъ въ одномъ изъ всеподданнѣйшихъ докладовъ,—нельзя ни останавливаться, ни слишкомъ быстро итти впередъ; надо дѣйствовать осторожно, но постепенно, не внимая возгласамъ какъ пылкихъ любителей новизны, такъ и упорныхъ поклонниковъ старины»..... Императоръ Александръ II въ это время, повидимому, раздѣлялъ эту точку зрѣнія. По повелѣнію государя были сосредоточены въ министерствѣ

внутреннихъ дѣлъ всѣ дѣла объ устройствѣ помѣщичьихъ крестьянъ, производившіяся въ прежнее время въ разныхъ вѣдомствахъ, и изъ этого матеріала товарищу министра внутреннихъ дѣлъ, Левшину, было поручено составить историческую записку. Черезъ того же Левшина рѣшено было войти въ переговоры объ улучшеніи и измѣненіи быта помѣщичьихъ крестьянъ съ губернскими предводителями дворянства, собравшимися въ 1856 году въ Москву на коронацію, но переговоры эти не привели ни къ какому результату; предводители отмалчивались, отговариваясь неимѣніемъ надлежащихъ полномочій для обсужденія столь важнаго дѣла. Пытаясь войти въ сношенія съ представителями общества, Александръ Николаевичъ нашелъ своевременнымъ передать крестьянскій вопросъ на обсужденіе высшихъ сановниковъ государства, для чего былъ созданъ негласный комитетъ по подобію тѣхъ, которые не разъ учреждались въ царствованіе Николая Павловича. Въ составъ этого комитета входили убѣжденные крѣпостники, какъ М. Н. Муравьевъ, князья Долгоруковъ и П. П. Гагаринъ, Адлербергъ и др.; изъ членовъ комитета безусловно сочувствовалъ освобожденію крестьянъ едва ли не одинъ Ланской; къ нему лишь отчасти примыкали Я. И. Ростовцевъ и управлявшій путями сообщенія Чевкинъ. Императоръ Александръ II самъ открылъ первое засѣданіе комитета 3 января 1857 года и категорически заявилъ, что крѣпостное право отжило свой вѣкъ и что вопросъ объ освобожденіи крестьянъ озабочиваетъ его съ самаго вступленія на престолъ. Затѣмъ была прочитана составленная Левшинымъ записка о всѣхъ предшествовавшихъ мѣрахъ правительства въ отношеніи помѣщичьихъ крестьянъ, закончившаяся изложеніемъ основаній, которыя, по мнѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ, должны были быть приняты при проведеніи крестьянской реформы. Основанія эти были изложены въ формѣ трехъ вопросовъ: 1) останется ли вся земля попрежнему во владѣніи помѣщиковъ; 2) если останется право владѣнія за помѣщиками, то должно ли быть ограждено право крестьянъ пользоваться землей, имъ отведенной, т.-е. можетъ ли помѣщикъ безусловно согнать со своей земли освобожденныхъ поселянъ или долженъ подчиниться законнымъ ограниченіямъ; 3) могутъ ли помѣщики надѣяться получить отъ правительства какое-либо вознагражденіе какъ за личность освобождаемыхъ крестьянъ, такъ и за земли, имъ отведенныя. Несмотря на всю опредѣленность заявленія государя, реакціонное большинство негласнаго комитета все же надѣялось затянуть и затормозить порученное ему дѣло и, въ концѣ-концовъ, свести его на нѣтъ; дѣятели, воспитавшіеся на отжившемъ и окончательно отошедшемъ въ прошлое режимѣ, повидимому, находили возможнымъ попрежнему самовластно управлять огромной страной, не считаясь вовсе съ желаніями и надеждами народа и пренебрегая его потребностями. И дѣйствительно, въ комитетѣ дѣло пошло очень медленнымъ

темпомъ; было ясно желаніе большинства лишь затянуть это дѣло. Государь понималъ это и назначилъ въ комитетъ своего брата Константина Николаевича. Великій князь горячо принялся за дѣло; совѣщанія комитета возобновились, засѣданія его были часто бурны; великій князь оставался по большей части въ меньшинствѣ; большинство рѣшало растянуть освобожденіе крестьянъ на весьма продолжительное время.

Совсѣмъ иное настроеніе царило въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, гдѣ за Ланскимъ и Левшинымъ стояли Н. А. Милютинъ и Я. Соловьевъ, умные и энергичные люди, горячо преданные крестьянскому дѣлу и работавшіе для него не покладая рукъ. Общими усиліями они выработали отвѣты на поставленные ихъ же министерствомъ вопросы. Сущность этихъ отвѣтовъ сводилась, во-первыхъ, къ сохраненію за помѣщиками права собственности и на ту землю, пользованіе которою представлялось крестьянамъ, во-вторыхъ, къ устраненію выкупа личности крестьянина и, въ-третьихъ, къ установленію выкупа крестьянской усадьбы постепенными уплатами въ теченіе десяти-пятнадцати лѣтъ.

Для государя и для лицъ, сочувствовавшихъ освобожденію крестьянъ, было очевидно, что пора уже перейти къ дѣлу; государь и Ланской настоятельно хотѣли найти хотя бы нѣкоторую поддержку въ самой дворянской средѣ. Освѣдомленный объ этомъ виленскій генералъ-губернаторъ Назимовъ — близкій государю человѣкъ, бывшій прежде его адъютантомъ — сумѣлъ объединить литовскихъ дворянъ въ желаніи освободить крестьянъ, хотя и безъ земли; въ такомъ смыслѣ былъ составленъ дворянами всеподданнѣйшій адресъ, который онъ и привезъ въ Петербургъ въ октябрѣ 1857 г. Адресъ явился какъ нельзя болѣе кстати. Правда, стремленіе литовскихъ дворянъ освободить крестьянъ безъ земли не вполнѣ удовлетворяло государя и шло въ разрѣзъ съ желаніями преданныхъ крестьянскому дѣлу чиновъ министерства внутреннихъ дѣлъ, но для начала это было не важно; главное, что адресъ представлялъ вполнѣ удобный поводъ для объявленія правительственной программы освобожденія крестьянъ: на имя Назимова данъ былъ извѣстный рескриптъ 20 ноября 1857 г., знаменовавшій собою поворотъ въ крестьянскомъ дѣлѣ: отнынѣ оно изъ тайниковъ канцелярій и комитетовъ выходило окончательно на свѣтъ Божій и становилось на твердую и вѣрную дорогу. Въ рескриптѣ высказывалось одобреніе дворянству Ковенской, Виленской и Гродненской губерній за его благія намѣренія въ отношеніи крестьянъ и повелѣвалось открыть въ помянутыхъ губерніяхъ комитеты для составленія подробнаго проекта объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ; при этомъ указывались главнѣйшія основанія для этой работы, сводившіяся къ пяти пунктамъ: 1) право собственности на всю землю сохраняется за помѣщиками, 2) крестьянамъ дается навсегда ихъ усадебная осѣдлость (за вы-

купъ) и въ пользованіе нѣкоторое количество земли, за которую они должны платить оброкъ или отбывать работу, 3) крестьяне составляютъ сельскія общества, 4) вотчинная полиція предоставляется помѣщикамъ и 5) при устройствѣ будущихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ должна быть надлежащимъ образомъ обезпечена уплата податей. Развитіе приведенныхъ основаній и приспособленіе ихъ къ мѣстнымъ условіямъ предоставлялось губернскимъ комитетамъ, составъ которыхъ долженъ былъ быть чисто дворянскій: предсѣдатель—губернскій предводитель, по одному дворянину отъ уѣзда, избранному дворянами, и два «опытныхъ помѣщика» той же губерніи по назначенію губернатора.

Нѣкоторая неясность рескрипта, въ которомъ не было произнесено страшныхъ для крѣпостниковъ словъ «отмѣна крѣпостного права», находила полное разъясненіе въ сопровождавшемъ его отношеніи Ланского, гдѣ совершенно опредѣленно говорилось, что подъ «благими намѣреніями» подразумѣвается желаніе освободить крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Черезъ нѣсколько дней послѣ подписанія рескрипта копіи его, вмѣстѣ съ цитированнымъ отношеніемъ Ланского, правда нѣсколько смягченнымъ, были разосланы всѣмъ губернаторамъ и губернскимъ предводителямъ дворянства «для свѣдѣнія и соображенія на случай, если бы дворянство губерніи изъявило подобное желаніе», а затѣмъ эти замѣчательные акты были опубликованы во всеобщее свѣдѣніе.

Опубликованіе рескрипта и сопровождавшаго его отношенія привело въ ужасъ и негодованіе крѣпостниковъ и, конечно, вызвало восторгъ лучшихъ представителей русской общественной мысли; они положительно не находили словъ для прославленія и восхваленія императора Александра Николаевича. Это былъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ въ исторіи моментовъ, когда монархъ и лучшіе представители его народа думали и чувствовали одинаково, радовались одной, чистой и возвышенной радостью. Герценъ по этому поводу написалъ горячую статью съ эпиграфомъ: «Ты побѣдилъ, Галилеянинъ», которая начиналась словами: «Имя Александра II принадлежитъ исторіи, если бы его царствованіе завтра же окончилось; все равно: начало освобожденія сдѣлано имъ, грядущія поколѣнія этого не забудутъ». Съ неменьшимъ подъемомъ высказался и Чернышевскій въ своей статьѣ «О новыхъ условіяхъ сельскаго быта», И. С. Аксаковъ отозвался на это событіе вдохновеннымъ стихотвореніемъ.

Въ Москвѣ опубликованіе рескрипта было отпраздновано многолюднымъ обѣдомъ, на которомъ были произнесены восторженныя рѣчи, среди которыхъ особымъ подъемомъ выдѣлялись рѣчи Каткова, Станкевича и Кавелина. Ликованіе было необычайное. Я. А. Соловьевъ, разсказывая про этотъ обѣдъ, замѣчаетъ: «Можетъ-быть, никогда похвальныя пожеланія, провозглашаемыя подданными своему государю, не были такъ искренни и проник-

нуты теплымъ задушевнымъ чувствомъ, какъ при настоящемъ случаѣ».

На призывъ правительства войти въ обсужденіе вопроса объ освобожденіи крестьянъ первымъ отозвалось нижегородское дворянство, выразившее во всеподданнѣйшемъ адресѣ готовность исполнить волю государя на тѣхъ основаніяхъ, какія будутъ ему указаны. Александръ Николаевичъ былъ въ высшей степени доволенъ, тѣмъ болѣе, что скоро за нижегородскимъ дворянствомъ послѣдовали дворянства и другихъ губерній и къ концу 1858 г. работали уже 44 губернскихъ комитета.

Открытіе губернскихъ комитетовъ было событіемъ необычайной важности въ исторіи русской губерніи вообще и въ частности — въ исторіи нашего провинціальнаго общества. Государственный вопросъ исключительнаго, первостепеннаго значенія былъ переданъ на обсужденіе помѣстнаго дворянства, до того времени занятаго лишь выборами да сравнительно незначительными мелкими дѣлами; будничные интересы должны были отодвинуться на задній планъ, уступивъ мѣсто обсужденію важнѣйшаго дѣла, отъ рѣшенія котораго въ томъ или иномъ смыслѣ зависѣло будущее не только дворянства или помѣщичьихъ крестьянъ, но и всей страны. Помѣстнымъ дворянамъ приходилось учиться говорить и учиться молчать и слушать, когда другіе говорили; надо было защищать свое собственное мнѣніе, доказывая его, а не требуя безпремѣннаго принятія; надо было, опровергая чужія мнѣнія, не оскорблять напрасно самолюбій и противопоставлять чужимъ мыслямъ свои собственныя, ясно выраженныя; нельзя было не помнить, что, защищая свои собственныя права на свободу выраженія мнѣній, слѣдовало уважать тѣ же самыя права другихъ; наконецъ необходимо было учиться письменно излагать свои мнѣнія. Все это трудно было усвоить при первомъ приступѣ къ работѣ по такому дѣлу, которое затрагивало матеріальные интересы, разрушало вѣковыя преданія и привычки, уничтожало политическія права того самаго сословія, представителямъ котораго столь жгучій вопросъ отданъ былъ на обсужденіе. При такомъ положеніи дѣла страсти не могли не разыграться; а при неопытности членовъ, при неумѣніи руководить дебатами со стороны предсѣдателей, губернскихъ предводителей дворянства, и при недостаткѣ писаннаго и еще важнѣе обычнаго укоренившагося временемъ регламента засѣданій, выступившія наружу страсти и самолюбіе не всегда встрѣчали для себя достаточныя препоны къ крайнему ихъ проявленію.

Въ 48 губернскихъ комитетахъ и комиссіяхъ участвовали до 1.377 человѣкъ. При такомъ многолюдствѣ, пререканія, столкновенія и недоразумѣнія были неизбѣжны, и надо удивляться не тому, что въ нихъ происходили пререканія, а скорѣе тому, что пререканія эти почти вездѣ оставались въ предѣлахъ надле-

жащаго приличія, которое далеко не всегда сохраняется въ несравненно болѣе развитыхъ политически коллегіяхъ, какъ, напримѣръ, въ современныхъ намъ законодательныхъ собраніяхъ разныхъ странъ. Губернскіе комитеты были одновременно и школой, и экзаменомъ для помѣстнаго дворянства; съ одной стороны, участіе въ нихъ было хорошей подготовкой къ будущей общественной дѣятельности, зарожденіе которой стало возможнымъ при новомъ режимѣ, а съ другой—умѣньемъ работать въ комитетахъ провѣрялась степень культурности дворянскаго сословія. И надо отдать справедливость «излюбленнымъ» людямъ дворянства: они выказали значительную степень развитія и въ большинствѣ случаевъ оказались на высотѣ поставленной имъ задачи.

Послѣ опубликованія рескрипта, даннаго на имя Назимова, негласный комитетъ былъ переименованъ въ Главный комитетъ по крестьянскому дѣлу для разсмотрѣнія постановленій и предположеній о крѣпостномъ состояніи. Само собою разумѣется, что отъ перемѣны названія настроеніе большинства не измѣнилось, оно продолжало, по мягкому выраженію Д. А. Милютина, «пугать мнимыми опасностями, въ ихъ воображеніи развивавшимися и черезъ то причинять нѣкоторое колебаніе и задержки въ благихъ начинаніяхъ», иначе говоря, всячески старалось затянуть и затормозить дѣло. Между тѣмъ стала выясняться настоятельная необходимость установить программу дѣятельности губернскихъ комитетовъ, вслѣдствіе чего она и была составлена въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Эта программа предполагала освобожденіе крестьянъ съ землей и весьма благопріятно для крестьянъ намѣчала прочія условія освобожденія, устанавливая, между прочимъ, полную независимость отдѣльныхъ крестьянъ и крестьянскихъ обществъ отъ помѣщиковъ. Внесенная въ такой редакціи въ главный комитетъ программа министерства внутреннихъ дѣлъ была отвергнута, и составленіе новой программы для губернскихъ комитетовъ было поручено Я. И. Ростовцеву. Трудъ, вышедшій изъ-подъ пера Ростовцева, весьма мало походилъ на работу, выполненную сотрудниками Ланского; достаточно указать, что крестьянскія общества и послѣ освобожденія предполагалось оставить подъ начальствомъ помѣщиковъ; въ такомъ же смыслѣ разрѣшались и прочія стороны и условія освобожденія. Программа Ростовцева была одобрена комитетомъ и разослана въ губерніи.

Лица, сочувствовавшія полному освобожденію крестьянъ съ надлежащимъ количествомъ земли, были этимъ огорчены, но отнюдь не теряли энергіи и вѣры въ начатое ими дѣло; они старались всячески расчистить и подготовить почву для желаемаго ими преобразованія. Подъ ихъ вліяніемъ въ это время правительство приняло рядъ мѣръ для борьбы съ злоупотребленіями нѣкоторыхъ помѣщиковъ, клонившимися къ тому, что къ моменту освобожденія оставить за собою побольше земли, или стремившихся сдавать

побольше крестьянъ въ рекруты съ тѣмъ, чтобы получить изъ казны за нихъ деньги.

Вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, конечно, вызывалъ оживленные толки въ обществѣ и печати; слухи объ освобожденіи проникали и въ народъ; но, несмотря на это, крѣпостные крестьяне въ массѣ своей сохраняли спокойствіе и порядокъ. Казалось бы, при такихъ обстоятельствахъ нечего было безпокоиться за будущее и думать, что въ моментъ объявленія воли со стороны крестьянъ послѣдуютъ какіе-нибудь эксцессы; но крѣпостники, входившіе въ составъ главнаго комитета, представляли государю дѣло иначе. Они утверждали, что надо ожидать крестьянскихъ бунтовъ и поэтому слѣдуетъ назначить въ губерніи особо довѣренныхъ лицъ, съ обширными полномочіями — временныхъ генералъ-губернаторовъ. Эту мысль поддерживалъ Я. И. Ростовцевъ, къ ней всецѣло присоединился и государь, весьма уважавшій мнѣнія Ростовцева. Былъ составленъ проектъ учрежденія временныхъ генералъ-губернаторовъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ представило на него весьма серьезныя и рѣзко написанныя возраженія. Александръ Николаевичъ, слѣдившій вообще очень внимательно за ходомъ крестьянскаго дѣла, лично ихъ разсмотрѣлъ, и Ланской получилъ серьезную отповѣдь, которая чуть было не побудила его подать въ отставку, но на слѣдующемъ докладѣ государь былъ съ нимъ очень ласковъ, просилъ не сердиться, благодаря чему у крестьянскаго дѣла остался человѣкъ, искренно ему преданный.

Лѣтомъ и осенью 1858 года императоръ Александръ II совершилъ поѣздку по губерніямъ въ цѣляхъ личнаго ознакомленія съ дѣятельностью комитетовъ и съ настроеніемъ дворянства; повсюду онъ говорилъ рѣчи, въ которыхъ по большей части благодарилъ дворянъ за ихъ желаніе поработать надъ улучшеніемъ участи крестьянъ и призывалъ ихъ къ разрѣшенію крестьянскаго вопроса въ такомъ смыслѣ, чтобы было безобидно для обѣихъ сторонъ; въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ особенно сильны были происки крѣпостниковъ, рѣчь государя звучала строго; въ Нижнемъ-Новгородѣ онъ укорялъ дворянъ за безпорядки, происшедшіе въ губернскомъ комитетѣ, во Владимирѣ сдѣлалъ замѣчаніе по поводу предпринятаго однимъ помѣщикомъ массоваго переселенія крестьянъ въ Сибирь, и, наконецъ, въ Москвѣ государь нашелъ нужнымъ повторить тѣ начала, на которыхъ онъ предполагалъ освободить крестьянъ, въ виду того, что нѣкоторые изъ вліятельныхъ московскихъ дворянъ склонны были крайне узко толковать понятіе усадебной осѣдлости. Въ московской рѣчи государя слышится горячая любовь къ благу крестьянъ и твердая вѣра въ правоту предпринятаго имъ великаго дѣла, эта рѣчь дышитъ искренностью и проникнута большимъ достоинствомъ; она явилась поддержкой сторонниковъ освобожденія крестьянъ и назидательнымъ урокомъ для сторонниковъ крѣпостнаго права.

«Мнѣ пріятно,—сказалъ, между прочимъ, государь,—когда я имѣю возможность благодарить дворянство, но противъ совѣсти говорить не въ моемъ характерѣ. Я всегда говорю правду и, къ сожалѣнію, благодарить васъ теперь не могу. Вы помните, когда я, два года тому назадъ, въ этой самой комнатѣ говорилъ вамъ о томъ, что рано или поздно надобно приступить къ измѣненію крѣпостного права и что надобно, чтобы оно началось лучше сверху, нежели снизу. Мои слова были перетолкованы. Послѣ того я объ этомъ долго думалъ и, помолясь Богу, рѣшился приступить къ дѣлу. Когда, вслѣдствіе вызова петербургской и литовскихъ губерній, были даны мною рескрипты, я, признаюсь, ожидалъ, что московское дворянство первое отзовется, но отозвалось нижегородское, а Московская губернія—не первая, не вторая, даже не третья».

Путешествіе государя по губерніямъ имѣло очень благопріятныя послѣдствія для хода крестьянской реформы: съ этого времени былъ окончательно отвергнутъ выкупъ личности крестьянина, чего желали нѣкоторые помѣщики; точно такъ же въ благопріятномъ смыслѣ разрѣшенъ былъ вопросъ о томъ, что̀ слѣдуетъ понимать подъ крестьянской осѣдлостью. Государь въ Москвѣ опредѣленно высказался, что она отнюдь не ограничивается одними строеніями, какъ то пытались толковать иные московскіе дворяне. Благодаря совершенно опредѣленнымъ рѣчамъ государя, число сторонниковъ освобожденія значительно увеличилось. Во время поѣздки государь убѣдился, что дворянская оппозиція далеко не такъ сильна, какъ о ней говорили, и что среди самого дворянства много горячихъ поборниковъ дѣйствительнаго освобожденія крестьянъ. Александръ Николаевичъ возвратился вполнѣ удовлетворенный ходомъ дѣла на мѣстахъ. При первомъ свиданіи съ Ланскимъ онъ сказалъ ему: «Мы съ вами начали крестьянское дѣло и пойдемъ до конца рука объ руку».

Въ то время, когда Александръ Николаевичъ объѣзжалъ губерніи, Я. И. Ростовцевъ былъ занятъ ознакомленіемъ съ крестьянскимъ дѣломъ по бумагамъ и документамъ, надъ которыми онъ работалъ въ уединеніи заграничныхъ курортовъ—и съ этихъ поръ онъ сталъ горячимъ поборникомъ идеи освобожденія крестьянъ и вѣрнымъ слугою крестьянскаго дѣла. Это обстоятельство имѣло весьма важное значеніе для предпринятой реформы, такъ какъ ни Ланской, ни вел. кн. Константинъ Николаевичъ не пользовались въ глазахъ государя такимъ авторитетомъ, какъ Ростовцевъ; съ этихъ поръ стали менѣе опасны для дѣла всѣ интриги вліятельныхъ крѣпостниковъ, такъ какъ постоянно встрѣчали отпоръ со стороны Ростовцева, а Александръ Николаевичъ въ нерѣдкіе часы упадка энергіи, раздумья и колебаній получалъ въ лицѣ его твердую и надежную поддержку. Въ письмѣ изъ-за границы Ростовцевъ подробно изложилъ государю свои взгляды на проведеніе крестьянской реформы. Высказанныя имъ «начала» послужили однимъ изъ основаній для

сужденій Главнаго комитета. Послѣ колебаній и сомнѣній Ростовцевъ пришелъ къ весьма важному заключенію о необходимости оказать содѣйствіе крестьянамъ къ выкупу нѣкотораго количества земли — повидимому, здѣсь сказалось вліяніе на него какъ печатныхъ произведеній, такъ и рукописныхъ проектовъ и записокъ, которые составлялись въ большомъ количествѣ въ первые годы царствованія Александра II.

Ростовцевъ пришелъ къ убѣжденію, что, освободивъ крестьянъ, слѣдуетъ остановиться на устройствѣ ихъ общинами. Сужденія Ростовцева объ общинѣ проникнуты утилитарными соображеніями, но и личныя его симпатіи, весьма опредѣленно склоняются къ общинѣ, которой онъ предполагалъ дать значительныя права. Къ чести Ростовцева надо замѣтить, что онъ отнюдь не желалъ замѣнить отмѣняемое крѣпостное право порабощеніемъ личности крестьянина общиною, что видно, между прочимъ, изъ тѣхъ строкъ, гдѣ онъ говоритъ о наказаніяхъ: «о наказаніяхъ тѣлесныхъ не слѣдуетъ упоминать: это будетъ пятно для освобожденія, да и есть мѣста въ Россіи, гдѣ оныя, къ счастью, не употребляются», — взглядъ, достойный дѣятеля эпохи великихъ реформъ!

Найдя опору въ Ростовцевѣ, Александръ Николаевичъ приказалъ принять его соображенія за основаніе предстоящей реформы. Осенью 1858 года государь лично предсѣдательствовалъ нѣсколько разъ въ комитетѣ; онъ не препятствовалъ свободно высказываться лицамъ, враждебно относившимся къ освобожденію крестьянъ, но сочувствіе его было на сторонѣ меньшинства, съ которымъ его сближала общность гуманнаго міровоззрѣнія. Казалось бы, для самодержавнаго монарха не было ничего легче, какъ устранить несочувствующихъ осуществленію начатаго имъ дѣла совѣтниковъ, тѣмъ болѣе, что они не имѣли за собою сколько-нибудь значительныхъ государственныхъ заслугъ и не обладали надлежащими способностями; но Александръ Николаевичъ не имѣлъ для этого достаточно рѣшимости и предпочиталъ терпѣть оппозицію отъ посредственныхъ министровъ, доставшихся ему отъ отца, вмѣсто того, чтобы замѣнить ихъ сразу новыми, свѣжими людьми.

Работы губернскихъ комитетовъ въ это время шли своимъ чередомъ, при чемъ во многихъ изъ нихъ большинство было болѣе охранительнаго, или, точнѣе, крѣпостническаго направленія, меньшинство же—впрочемъ, довольно значительное и часто выдававшееся по образованію, энергіи и способностямъ составлявшихъ его лицъ,—искренно желало освобожденія крестьянъ и прочнаго устройства ихъ новаго быта. Въ концѣ 1858 года стали поступать въ Петербургъ труды комитетовъ, обыкновенно въ видѣ двухъ проектовъ — большинства и меньшинства. Для разсмотрѣнія, сопоставленія и сводки этихъ проектовъ государь повелѣлъ учредить особыя «редакціонныя комиссіи», «съ тѣмъ, чтобы предсѣдательство въ редакціонныхъ комиссіяхъ было поручено генералъ-адъютанту

Ростовцеву, если онъ согласится эту обязанность принять на себя»; Ростовцевъ не замедлилъ согласиться.

Редакціонныя комиссіи, въ составъ которыхъ вошли члены отъ различныхъ вѣдомствъ и «эксперты» изъ помѣщиковъ, были учреждены въ числѣ двухъ, но въ дѣйствительности онѣ состояли изъ четырехъ отдѣленій. Эти эксперты и представляли изъ себя тотъ общественный элементъ, безъ котораго даже такіе люди, какъ Н. А. Милютинъ, статсъ-секратарь Государственнаго Совѣта Жуковскій и Я. А. Соловьевъ, вошедшіе въ составъ комиссіи, не смогли бы вполнѣ разобраться въ крестьянскомъ вопросѣ; многіе изъ экспертовъ обладали солиднымъ знаніемъ деревни и условій крестьянскаго быта, и выдающимися способностями, какъ, напр., Юрій Самаринъ и князь Черкасскій. Дружно и по большей части солидарно съ лучшими экспертами работали виднѣйшіе члены комиссіи изъ числа представителей вѣдомствъ. Самое активное и самое видное въ редакціонныхъ комиссіяхъ положеніе занялъ особенно ненавистный крѣпостникамъ человѣкъ, Н. А. Милютинъ. Государь долгое время относился къ нему съ недовѣріемъ и осторожностью, и готовъ былъ видѣть въ немъ крайняго радикала, чуть не революціонера; но его скоро оцѣнилъ и полюбилъ Ростовцевъ и горячо поддерживала великая княгиня Елена Павловна. Милютинъ былъ въ дѣйствительности очень далекъ отъ революціонныхъ идей; едва ли можно назвать его даже радикаломъ; это былъ просто прогрессивнаго направленія человѣкъ, настойчиво стремившійся провести въ жизнь свои взгляды и убѣжденія; человѣкъ талантливый, энергичный, не лишенный боевого темперамента и нѣкоторой доли самовластія, готовый для осуществленія намѣченной имъ цѣли пойти на крупное столкновеніе, хотя бы и съ рискомъ для своего личнаго благополучія и карьеры. Это былъ и при нѣкоторыхъ недостаткахъ, свойственныхъ представителямъ бюрократіи, настоящій государственный человѣкъ, интересующійся общественнымъ мнѣніемъ и считающійся съ нимъ, но отнюдь не склонный ему подчиняться.

Объѣзжая губерніи въ 1858 г., государь категорически пообѣщалъ, что, по окончаніи работъ губернскихъ комитетовъ, имъ разрѣшено будетъ избрать изъ своей среды по два члена для совмѣстнаго съ правительственными чинами обсужденія проектовъ реформы. Но Милютину совсѣмъ не улыбалась перспектива многолюднаго собранія въ Петербургѣ лицъ, въ значительной части несогласныхъ съ нимъ и его сотрудниками; онъ составилъ записку, въ которой подвергалъ рѣзкой критикѣ дѣятельность губернскихъ комитетовъ, для того, чтобы мнѣніямъ и голосамъ ихъ членовъ, имѣющихъ прибыть въ Петербургъ, не было придано большаго значенія. Милютинъ проводилъ мысль, что главная забота должна направляться къ тому, «чтобы мнѣнія, разсѣянно выраженныя въ разныхъ комитетахъ, не слились въ единомысленныя и не

образовавшіяся еще разноцвѣтныя партіи, гибельныя какъ для правительства, такъ и для народа. Посему стремленіе къ образованію партій съ самаго начала должно быть положительно устранено». Милютинъ напоминалъ, что, въ силу высочайшаго повелѣнія, избранные комитетами члены вызываются для представленія правительству «тѣхъ свѣдѣній и объясненій, кои оно признаетъ нужнымъ имѣть, правительству же полезно имѣть отъ нихъ справки не о коренныхъ началахъ, которыя признаны неизмѣнными, не о развитіи ихъ, которое принадлежитъ самому правительству, а единственно только о примѣненіи проектированныхъ общихъ правилъ къ особеннымъ условіямъ каждой мѣстности. Посему не должно давать развиваться мечтаніямъ, будто бы избранные комитетами члены призываются для разрѣшенія какихъ-либо законодательныхъ вопросовъ»: уничтоженіе крѣпостного права было дѣло уже рѣшенное и никакой перемѣнѣ подлежать не могло; царское слово непоколебимо.

Такимъ образомъ, для дѣятельности мѣстныхъ представителей въ Петербургѣ подготовлялась неблагопріятная обстановка, ихъ ждали далеко не съ распростертыми объятіями. Въ Петербургѣ не желали и, повидимому, опасались одновременнаго съѣзда всѣхъ губернскихъ представителей, поэтому избранные отъ губернскихъ комитетовъ члены (по одному отъ большинства и меньшинства) были раздѣлены на двѣ смѣны, сперва отъ одной группы губерній, а потомъ отъ другой. «Депутаты перваго приглашенія» стали прибывать въ Петербургъ въ половинѣ августа 1859 г.; руководители крестьянской реформы поспѣшили сразу же поставить ихъ на предназначенное имъ весьма скромное мѣсто. Имъ была предъявлена инструкція, которою ихъ дѣятельность сводилась къ обязанности давать письменные отвѣты на предложенные имъ редакціонными комиссіями вопросы, а также словесныя разъясненія въ засѣданіяхъ комиссіи. Это было далеко не то, на что съ полнымъ основаніемъ имѣли право разсчитывать и дѣйствительно разсчитывали депутаты. Обманутые въ своихъ ожиданіяхъ, они хотѣли было обратиться съ жалобой къ государю, но затѣмъ ограничились письмомъ къ Ростовцеву, въ которомъ домогались разрѣшенія имѣть общія совѣщанія, съ тѣмъ, чтобы всѣ соображенія ихъ по крестьянскому дѣлу поступили на разсмотрѣніе высшаго правительства. Желаемое разрѣшеніе было дано, а государь постарался любезнымъ пріемомъ въ Царскомъ Селѣ усладить горечь неудовольствія и раздраженія депутатовъ. Рѣчь, съ которой онъ обратился къ нимъ, была проникнута желаніемъ сказать имъ пріятное и успокоить ихъ опасенія. Государь причислялъ себя къ дворянству, высказывалъ увѣренность, что дворяне съ нимъ солидарны, и обѣщалъ, что всѣ мнѣнія, высказанныя депутатами, дойдутъ до него и до Главнаго комитета. Государь любилъ и умѣлъ говорить, и слова его произвели извѣст-

ное впечатлѣніе, но руководимые Милютинымъ члены редакціонныхъ комиссій отъ министерствъ отнюдь не были склонны считаться съ мнѣніями и желаніями депутатовъ, чего и не скрывали въ дальнѣйшихъ съ ними сношеніяхъ.

Огорченные и раздраженные принялись представители губернскихъ комитетовъ за изученіе трудовъ редакціонныхъ комиссій, которыя нашли въ нихъ хотя и не вполнѣ безпристрастныхъ, но умѣлыхъ и дѣльныхъ критиковъ. Слабыя стороны проектовъ комиссіи были замѣчены и указаны весьма основательно. Прежде всего вниманіе депутатовъ привлекло предположенное административное устройство сельскихъ обществъ, явно клонившееся къ тому, чтобы лишить дворянство всякаго вліянія на крестьянъ, замѣнивъ таковое надзоромъ и опекой уѣздной полиціи. Депутаты ясно и отчетливо сознавали, какое усиленіе бюрократіи можетъ повлечь за собой крестьянская реформа, если за нею не послѣдуетъ преобразованія всего государственнаго порядка, и поэтому указывали правительству на необходимыя реформы, которыя, по ихъ мнѣнію, должны быть предприняты немедленно по освобожденіи крестьянъ. Большинство депутатовъ сходилось въ единодушномъ желаніи, чтобы былъ установленъ новый судебный строй съ судомъ присяжныхъ, чтобы введено было мѣстное самоуправленіе, облегчено положеніе печати и т. д., т.-е. желало того, что̀ и было вскорѣ проведено въ русскую государственную и общественную жизнь, перестроивъ нѣкоторыя ея стороны на совершенно новыхъ, невиданныхъ дотолѣ у насъ основаніяхъ.

Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга депутаты перваго приглашенія рѣшили откровенно высказать государю въ адресахъ свои мнѣнія о трудахъ редакціонныхъ комиссій, но такъ какъ мнѣнія раздѣлились, то было составлено два адреса и, кромѣ того, симбирскій депутатъ Шидловскій обратился къ государю со всеподданнѣйшимъ письмомъ. Адресъ большинства (18 человѣкъ) былъ болѣе остороженъ и скроменъ въ сужденіяхъ, но и въ немъ высказывалось категорически убѣжденіе, что предположенія редакціонныхъ комиссій въ настоящемъ ихъ видѣ не соотвѣтствуютъ общимъ потребностямъ и не приводятъ въ исполненіе указанныхъ Высочайшею волею началъ. Въ адресѣ же меньшинства (пяти человѣкъ) труды комиссіи подвергались болѣе рѣзкой критикѣ, и предлагалось, между прочимъ, надѣленіе крестьянъ землею въ собственность, посредствомъ немедленнаго выкупа ея у помѣщиковъ по справедливой оцѣнкѣ; Шидловскій выступилъ съ предложеніемъ созвать уполномоченныхъ отъ дворянства для окончательнаго разрѣшенія, подъ личнымъ предсѣдательствомъ государя, предпринятаго имъ дѣла освобожденія крестьянъ. Выступленія депутатовъ не понравились ни государю, ни его сотрудникамъ по крестьянскому дѣлу: государь былъ недоволенъ ихъ радикальными стремленіями, а Н. А. Милютинъ, руководившій въ это время въ значительной мѣрѣ Ростовцевымъ

и Ланскимъ, опасался вмѣшательства и вліянія депутатовъ, которое могло привести къ измѣненію выработаннаго при дѣятельномъ его участіи проекта редакціонныхъ комиссій. Восемнадцати членамъ было объявлено замѣчаніе, а остальнымъ сдѣлано черезъ губернаторовъ внушенія.

Депутаты разъѣхались, а въ составѣ редакціонныхъ комиссій назрѣвала серьезная перемѣна. Ростовцевъ въ началѣ 1860 г. скончался. Государь присутствовалъ при его кончинѣ и за нѣсколько минутъ до смерти умирающій едва слышнымъ голосомъ произнесъ: «Государь, не бойтесь»... Смерть Ростовцева произвела большое впечатлѣніе въ обществѣ; съ тревогою ожидали назначенія ему преемника. Выборъ былъ нелегокъ: Александръ Николаевичъ уже чувствовалъ нѣкоторую усталость отъ борьбы, мало свойственной его мягкому характеру. Нужно было найти человѣка, имя котораго не вызвало бы особыхъ нападокъ, интригъ и происковъ; выборъ государя остановился на министрѣ юстиціи графѣ В. Н. Панинѣ. Назначеніе Панина, человѣка крайне охранительнаго образа мыслей, вызвало всеобщее недовольство въ кругахъ, сочувствовавшихъ реформѣ; Герценъ напечаталъ по этому поводу необычайно рѣзкую статью. Но опасенія оказались преувеличенными. При назначеніи Панина государь категорически потребовалъ, чтобы тотъ ни въ чемъ не отступалъ отъ направленія работъ редакціонныхъ комиссій. Выборъ Панина былъ, дѣйствительно, не худшій изъ тѣхъ, которые представлялись возможными. Преимущество Панина заключалось въ томъ, что онъ менѣе другихъ крѣпостниковъ былъ склоненъ активно противодѣйствовать осуществленію желанія государя освободить крестьянъ, а желаніе это оставалось неизмѣннымъ, что Александръ Николаевичъ и высказалъ, принимая депутатовъ второго приглашенія: обратясь при этомъ къ графу Панину, государь сказалъ: «Прошу вести это дѣло къ извѣстнымъ результатамъ обдуманно и осторожно, только отнюдь не затягивая и не откладывая его въ долгій ящикъ».

Панинъ сдѣлалъ нѣсколько попытокъ испортить порученное ему дѣло, но встрѣтилъ отпоръ со стороны государя и, въ концѣ-концовъ, войдя въ дѣло, сталъ даже иногда защищать труды комиссій отъ раздававшихся противъ нихъ нападокъ. Государь съ нетерпѣніемъ слѣдилъ за ходомъ предпринятой реформы и торопилъ комиссіи. Въ октябрѣ 1860 г. работы редакціонныхъ комиссій должны были закончиться и поступить на разсмотрѣніе Главнаго комитета, въ составѣ котораго какъ разъ въ это время произошла благопріятная для крестьянской реформы перемѣна: вмѣсто тяжело заболѣвшаго князя Орлова предсѣдателемъ комитета былъ назначенъ вел. кн. Константинъ Николаевичъ. Это былъ очень удачный выборъ, такъ какъ великій князь относился къ трудамъ редакціонныхъ комиссій съ большимъ уваженіемъ. Въ Главномъ комитетѣ прогрессивное меньшинство составили: предсѣдатель, Ланской, Блудовъ и Чевкинъ, прочіе же члены — М. Н. Му-

равьевъ, кн. Долгоруковъ, министръ финансовъ Княжевичъ, князь Гагаринъ, графъ Адлербергъ и графъ Панинъ, не во всемъ согласные между собою, хотѣли въ большей или меньшей степени измѣнить предположенія редакціонныхъ комиссій. Засѣданія комитета были бурны, пренія замѣтно затягивались, но великій князь руководилъ его работами съ большимъ тактомъ и выдержкой; въ концѣ-концовъ Константину Николаевичу удалось склонить на свою сторону Панина, подъ вліяніемъ государя къ нимъ присоединился и Адлербергъ; такимъ образомъ составилось большинство голосовъ въ пользу трудовъ редакціонныхъ комиссій. 26 января 1861 года состоялось, подъ личнымъ предсѣдательствомъ императора Александра II, послѣднее засѣданіе Главнаго комитета совмѣстно съ Совѣтомъ Министровъ. Государь прежде всего выразилъ благодарность членамъ комитета, подавшимъ голосъ за принятіе положеній, выработанныхъ редакціонными комиссіями, о которыхъ отозвался съ большою похвалой; затѣмъ государь объявилъ, что, допустивъ полную свободу слова и мнѣній при обсужденіи крестьянскаго вопроса, онъ теперь уже не потерпитъ никакихъ промедленій и проволочекъ и непремѣнно требуетъ, чтобы дѣло было окончено къ 15 февралю 1861 г. «Этого я желаю, требую и повелѣваю», строго сказалъ государь. Въ заключеніе Александръ Николаевичъ внушалъ министрамъ, что они нынѣ должны отложить всѣ разногласія и споры въ отношеніи крестьянскаго дѣла, совершенно забыть личныя мнѣнія, проводить въ жизнь его волю и твердо помнить, что «въ Россіи издаетъ законы самодержавная власть». 28 января 1861 г. проекты редакціонныхъ комиссій были внесены на разсмотрѣніе общаго собранія Государственнаго Совѣта; это была скорѣе декларація монарха, чѣмъ обращеніе его къ содѣйствію законосовѣщательнаго учрежденія, такъ какъ въ теченіе предоставленнаго Совѣту незначительнаго срока съ 28 января по 15 февраля невозможно было подвергнуть дѣйствительной критикѣ поступившіе законопроекты.

Открывая засѣданіе Государственнаго Совѣта, Александръ Николаевичъ обратился къ членамъ его съ замѣчательной рѣчью, которая по формѣ и по содержанію какъ нельзя лучше соотвѣтствовала величію момента. Въ ней каждая фраза, каждая мысль не только продумана, но и прочувствована, въ ней нѣтъ ничего лишняго, нѣтъ и недосказаннаго. Съ обычнымъ тактомъ государь отозвался о дворянствѣ и его участіи въ дѣлѣ и затѣмъ прослѣдилъ ходъ занятій по крестьянской реформѣ, не забывъ высказать одобреніе и благодарность всѣмъ потрудившимся надъ ней лицамъ и болѣе всего Константину Николаевичу. Государь закончилъ призывомъ къ гражданскимъ чувствамъ членовъ Государственнаго Совѣта и закончилъ слѣдующими словами: «Взгляды на представленную работу могутъ быть различны. Потому всѣ различныя мнѣнія я выслушаю охотно, но я въ

правѣ требовать отъ васъ одного: чтобы, отложивъ всѣ личные интересы, вы дѣйствовали не какъ помѣщики, а какъ государственные сановники, облеченные моимъ довѣріемъ. Приступая къ этому важному дѣлу, я не скрывалъ отъ себя всѣхъ тѣхъ затрудненій, которыя насъ ожидали, и не скрываю ихъ и теперь, но, твердо уповая на милость Божію и увѣренный въ святости этого дѣла, я надѣюсь, что Богъ насъ не оставитъ и благословитъ насъ кончить его для будущаго благоденствія любезнаго намъ отечества. Теперь, съ Божіею помощью, приступимъ къ самому дѣлу». По тяжелой тернистой дорогѣ оставалось сдѣлать одинъ шагъ, чтобы достигнуть прекрасной вершины, и Александръ Николаевичъ дошелъ до нея, достигнувъ великой цѣли, которая десятки лѣтъ манила къ себѣ лучшихъ русскихъ людей.

19 февраля 1861 года были подписаны законы объ освобожденіи и устройствѣ крестьянъ и знаменитый манифестъ, съ которымъ государь по этому случаю обратился къ народу. Первоначальный текстъ манифеста былъ составленъ Самаринымъ и Милютинымъ, но по желанію государя онъ былъ переработанъ московскимъ митрополитомъ Филаретомъ; онъ и внесъ въ манифестъ не мало цвѣтистыхъ и витіеватыхъ выраженій. Заканчивался манифестъ извѣстными словами: «Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго».

Манифестъ 19 февраля былъ опубликованъ 5 марта того же года. Если бы на законодательныхъ актахъ объ освобожденіи крестьянъ и остановилась плодотворная работа государственной власти при Александрѣ Николаевичѣ, то все же этой эпохѣ было бы обезпечено безсмертіе въ исторіи, а дѣятелямъ ея—вѣчная благодарность потомства. Нельзя не воздать справедливости государю, что онъ хотя иногда и колебался, но все же не отступилъ отъ своихъ благихъ начинаній, сумѣлъ разобраться и освоиться въ очень трудномъ вопросѣ, сумѣлъ защищать начатое дѣло отъ нападокъ и довелъ его до счастливаго конца.

Законы объ освобожденіи и устройствѣ крестьянъ, подписанные 19 февраля 1861 года, почти во всемъ повторяютъ проекты редакціонныхъ комиссій, небольшія измѣненія, которыя введены были въ нихъ усиліями крѣпостниковъ (уменьшеніе размѣровъ надѣловъ), лишь нѣсколько испортили, но отнюдь не извратили дѣло.

Крѣпостное право уничтожалось; 22 милліона крестьянъ получили личную свободу. Хозяйственный бытъ новыхъ гражданъ былъ обезпеченъ предоставленіемъ имъ въ пользованіе усадебной осѣдлости и полевого надѣла за извѣстныя, точно опредѣленныя, повинности съ правомъ выкупить у помѣщика землю при содѣйствіи казны. Переходное состояніе крестьянъ до выкупа названо временно обязаннымъ. Окончательный срокъ освобожденія всѣхъ дворовыхъ

людей опредѣленъ двухлѣтній. Установлено было общинное административное устройство и общинное землевладѣніе крестьянъ; во главѣ каждаго сельскаго общества поставленъ выборный староста, сельскія крестьянскія общества соединялись въ волости съ выборными волостными старшинами и волостными судами.

Для приведенія на мѣстахъ въ исполненіе 19 февраля учреждалась цѣлая система учрежденій: мировые посредники, присутствія по крестьянскимъ дѣламъ и во главѣ всего Главный комитетъ по устройству сельскаго состоянія. Крестьяне были освобождены съ землей и это составляетъ огромную заслугу просвѣщенныхъ дѣятелей эпохи освобожденія во главѣ съ самимъ императоромъ; устройствомъ общиннаго землевладѣнія была на много лѣтъ отодвинута для Россіи опасность созданія безземельнаго деревенскаго пролетаріата.

Манифестъ 19 февраля не вызвалъ и тѣни тѣхъ потрясеній, которыми крѣпостники старались запугать государя при обсужденіи крестьянской реформы. Радостная вѣсть встрѣчена была народомъ съ восторгомъ и почти всюду съ полнымъ спокойствіемъ. Были, конечно, и недовольные, ожидавшіе отъ реформы больше, чѣмъ она дала, но это недовольство очень рѣдко доходило до пререканій и еще рѣже до столкновеній и безпорядковъ. Такъ представляется дѣло безпристрастному изслѣдователю этой эпохи, но наиболѣе радикальные изъ ея современниковъ смотрѣли иначе; свое собственное разочарованіе они стремились приписать широкимъ народнымъ массамъ, а единичные случаи столкновеній крестьянъ съ воинскими командами склонны были признать господствующими, характерными для даннаго момента явленіями. Крестьяне оправдали надежды Ланского и его сотрудниковъ, вѣрившихъ въ благоразуміе народа и не желавшихъ ни подъ какимъ видомъ принимать особо исключительныхъ мѣръ для охраны порядка и общественнаго спокойствія въ первое время послѣ освобожденія. Народныя массы прониклись глубокою благодарностью къ Александру Николаевичу, имя котораго стало любимымъ и популярнымъ: его знаютъ не по книгамъ, а по воспоминаніямъ, разсказамъ и преданіямъ. Во многихъ церквахъ до нашихъ дней подаются и отдѣльными лицами и на мірской счетъ трогательныя поминанія за упокой души царя Александра.

Главная работа по проведенію въ жизнь положеній 19 февраля должна была лечь на мировыхъ посредниковъ, которые поставлены были закономъ въ довольно самостоятельное положеніе. На зовъ правительства къ занятію этихъ должностей просвѣщенная часть дворянства и въ особенности дворянская молодежь отозвалась съ энтузіазмомъ. Это было идейное движеніе, захватившее цѣльныхъ и нравственно чуткихъ людей. Тяжелая и щекотливая работа по составленію уставныхъ грамотъ, разверстанію угодій и вообще по разграниченію и соглашенію интересовъ помѣщиковъ и бывшихъ ихъ крѣпостныхъ крестьянъ, выполнена мировыми посредниками пер-

ваго призыва весьма справедливо, умѣло и тактично. Они обезпечили государству спокойствіе, дворянамъ — возможность мирнаго проживанія въ своихъ помѣстьяхъ, а крестьянамъ справедливые надѣлы. Исторія не забудетъ ихъ заслуги. Къ чести для губернской администраціи того времени надо замѣтить, что и среди нея было немало стойкихъ и благородныхъ людей, дѣйствовавшихъ въ полномъ согласіи съ мировыми посредниками.

Положенія 19 февраля 1861 года занимаютъ въ исторіи русскаго законодательства совершенно особое исключительное мѣсто; до манифеста 17 октября 1905 года, учредившаго у насъ представительный строй, нельзя указать ни одного памятника русскаго правового творчества, который по значенію своему могъ бы быть поставленъ рядомъ съ великой хартіей освобожденія крестьянъ. Это былъ величайшій актъ раскрѣпощенія личности, первый камень для созданія у насъ правового строя. Освобожденіе крестьянъ находится въ логической и нравственной связи съ послѣдовавшимъ за 99 лѣтъ до него освобожденіемъ отъ государственной службы дворянъ. Это рѣзкая грань между узко-полицейскимъ и тусклымъ въ общественномъ смыслѣ дореформеннымъ строемъ съ его казарменными пріемами управленія, съ его жалкой боязнью даже самыхъ робкихъ проявленій свободнаго человѣческаго духа, и новой эпохой, когда, наконецъ, русскому народу обезпечены были элементарныя условія здороваго существованія,—эпохой необычайнаго роста русскаго общественнаго самосознанія и расцвѣта нашихъ культурныхъ силъ.

IV.

Земскія учрежденія.—Реформа городского самоуправленія.

Царствованію Александра Николаевича достался весьма несовершенный провинціальный строй. Во главѣ губернскаго управленія стоялъ губернаторъ, надѣленный по закону довольно обширными полномочіями, но далекій отъ живыхъ потребностей населенія и, въ дѣйствительности, занятый болѣе перепиской, чѣмъ управленіемъ. Многочисленныя губернскія учрежденія—палаты, присутствія и комитеты — существовали преимущественно въ цѣляхъ фискальныхъ и узко-полицейскихъ; хотя въ составъ губернскихъ учрежденій входило немало выборныхъ отъ мѣстнаго общества лицъ, но они имѣли очень мало значенія, такъ какъ всецѣло подчинялись правительственнымъ чиновникамъ. Не только различные засѣдатели и земскіе исправники, но нерѣдко и уѣздные предводители дворянства оказывались вынужденными безпрекословно исполнять прихотливыя и подчасъ незаконныя требованія губернаторовъ. Нѣкоторой независимостью и самостоятельностью пользовались лишь губернскіе предводители дворянства и то не столько вслѣдствіе значенія занимаемой ими должности, сколько вслѣдствіе

того, что они обыкновенно избирались изъ богатыхъ и имѣющихъ личныя связи дворянъ. Провинція самовластно управлялась генералъ-губернаторами и губернаторами, постоянно колебавшимися между превышеніемъ и бездѣйствіемъ власти. Необходимость существенныхъ измѣненій въ губернской администраціи сознавали всѣ.

Освобожденіе крестьянъ, нанесшее серьезный ударъ общественному значенію помѣстнаго дворянства и приведшее къ усиленію провинціальной бюрократіи, еще острѣе выдвинуло вопросъ о реформѣ губерніи. Послѣ раскрѣпощенія народнаго труда и уравненія всѣхъ классовъ общества въ пользованіи гражданскими правами наступала необходимость и открывалась возможность реформировать и другія стороны русской государственной и общественной жизни. Это хорошо сознавали дѣятели освобожденія крестьянъ, видѣвшіе логическую связь между крестьянскою реформой и переустройствомъ мѣстнаго управленія на новыхъ, болѣе соотвѣтствующихъ требованіямъ времени началахъ. Въ такомъ смыслѣ сдѣлано было немало заявленій уже во время подготовительныхъ работъ и обсужденія положеній 19 февраля 1861 года. Яркимъ образчикомъ подобныхъ мнѣній могутъ служить мысли, высказанныя тверскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, Унковскимъ, въ отзывѣ на работы редакціонныхъ комиссій: онъ ясно представилъ и картину паралитическаго состоянія Россіи подъ дланью дореформенной администраціи и доказалъ невозможность съ паденіемъ крѣпостного права сохранить старый административный порядокъ.

Отзывъ Унковскаго не стоялъ одиноко. Выраженныя въ немъ мысли носились въ воздухѣ, высказывались со всѣхъ сторонъ. Земская реформа, какъ продолженіе реформы крестьянской, являлась предметомъ всеобщаго ожиданія. Редакціонныя комиссіи въ своемъ отвѣтѣ на отзывы губернскихъ депутатовъ по поводу составленныхъ ими проектовъ заявили, что и онѣ, съ своей стороны, признаютъ настоятельную необходимость реформы суда, полиціи и управленія на основѣ гражданской равноправности, т.-е. полнаго сліянія въ политическомъ отношеніи освобождаемыхъ крестьянъ съ другими сословіями. Когда писался этотъ отвѣтъ редакціонныхъ комиссій, при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ уже была образована особая комиссія для составленія проекта преобразованія губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій.

Прежде чѣмъ приступить къ изготовленію проекта земскихъ учрежденій, комиссія составила «соображенія объ устройствѣ земско-хозяйственнаго управленія»: предстоявшая реформа рисовалась комиссіи не какъ частичное усовершенствованіе стараго административнаго механизма, а какъ созданіе совершенно новаго административнаго устройства, соотвѣтствующаго измѣненнымъ условіямъ общественнаго быта, съ полною отмѣной бюрократической опеки надъ мѣстнымъ земскимъ самоуправленіемъ въ кругу предо-

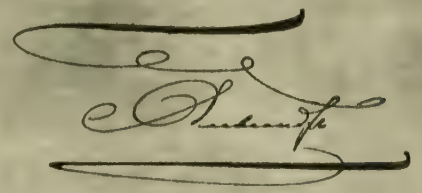
ставляемыхъ послѣднему задачъ. «Земскимъ учрежденіямъ,—читаемъ мы здѣсь,—должна быть предоставлена дѣйствительная и самостоятельная власть въ завѣдываніи дѣлами мѣстнаго интереса, мѣстнаго хозяйства губерній и уѣздовъ. Доколѣ дѣйствія земскихъ учрежденій касаются только мѣстнаго интереса, нѣтъ надобности въ участіи правительственной власти, въ прямомъ ея вмѣшательствѣ и вліяніи на ходъ дѣлъ»: комиссія находила, что участіе двухъ различныхъ по своему началу властей, правительственной и общественной, въ управленіи мѣстными дѣлами, какъ показываетъ опытъ, не приноситъ полезныхъ результатовъ. По вопросу о составѣ земскихъ учрежденій комиссія говорила: «Все населеніе уѣзда, участвующее въ его общихъ хозяйственныхъ интересахъ, имѣетъ, конечно, и право на большее или меньшее участіе въ завѣдываніи дѣлами, до этихъ интересовъ касающимися, при чемъ степень участія въ дѣлахъ должна быть пропорціональна степени участія въ интересахъ», при чемъ, по мнѣнію комиссіи, «сословное дѣленіе, доселѣ признаваемое и принятое закономъ, не согласно съ характеромъ земскихъ учрежденій, имѣющихъ въ принципѣ не сословные, но общіе хозяйственные интересы извѣстной мѣстности». Комиссія по организаціи земскихъ учрежденій поставила себѣ цѣлью создать въ русской области дѣйствительно независимое, самостоятельное, всесословное земство. Сперва предсѣдателемъ комиссіи объ уѣздныхъ и земскихъ учрежденіяхъ былъ Н. А. Милютинъ, но почти немедленно послѣ подписанія манифеста 19 февраля Ланской и Милютинъ были уволены отъ должностей, какъ очистительныя жертвы, принесенныя Александромъ Николаевичемъ въ угоду вліятельнымъ крѣпостникамъ; первый былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, а второй—въ Сенатъ.

Постъ министра внутреннихъ дѣлъ занялъ теперь Валуевъ, человѣкъ, не лишенный административныхъ способностей и дѣловой ловкости, но не имѣвшій опредѣленнаго міровоззрѣнія, не твердый въ убѣжденіяхъ и склонный къ интригамъ. Земскую реформу онъ взялъ въ свои собственныя руки, но относился къ этому дѣлу какъ къ обременительному и досадному наслѣдству, отъ котораго, къ сожалѣнію, нельзя отказаться. Выступленіе Валуева на широкую государственную арену взамѣнъ Ланского и Милютина было не случайнымъ явленіемъ, а находилось въ прямомъ соотношеніи съ общимъ настроеніемъ высшихъ сферъ. Государь замѣтно усталъ отъ происковъ, интригъ и сплетенъ, среди которыхъ ему приходилось послѣдніе годы жить и дѣйствовать. Чувствуя удовлетвореніе отъ того, что ему удалось привести къ окончанію крестьянскую реформу, онъ не имѣлъ достаточно энергіи для дальнѣйшей тяжелой борьбы, тѣмъ болѣе, что и самое значеніе земской реформы было для него менѣе ясно, нежели крестьянской. Выросши въ обстановкѣ, въ которой страшились общественныхъ движеній и питали полное недовѣріе къ обществен-

движеніемъ, съ наблюденіемъ удобности временъ, дабы вниманіе земледѣльцевъ не было отвлечено отъ ихъ необходимыхъ земледѣльческихъ занятій. Пусть они тщательно воздѣлываютъ землю и собираютъ плоды ея, чтобы потомъ изъ хорошо-наполненной житницы взять семена для посѣва на землѣ постояннаго пользованія или на землѣ, пріобрѣтенной въ собственность.

Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ Нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго.

Данъ въ Санктпетербургѣ, въ девятнадцатый день Февраля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ шестьдесятъ первое, Царствованія же Нашего въ седьмое.



въ 1 Марта 1861 г.

Предпослѣдняя и послѣдняя страницы манифеста 19 февраля 1861 г.
Оригиналы хранятся въ Правительствующемъ Сенатѣ.

нымъ силамъ, онъ не могъ стать борцомъ за независимые отъ правительства мѣстные, выборные органы, которые, быть-можетъ, рисовались ему чѣмъ-то въ родѣ представительныхъ учрежденій; какъ бы то ни было, императоръ, такъ активно проводившій крестьянскую реформу, относился съ значительно меньшимъ интересомъ къ проектамъ земскихъ учрежденій.

Валуевъ сдѣлалъ все, чтобы урѣзать осуществленіе тѣхъ новыхъ началъ, которыя были провозглашены, какъ краеугольные камни задуманнаго преобразованія. Но, къ счастью, сила общественнаго мнѣнія была уже такова и общія желанія въ такой мѣрѣ сходились на созданіи мѣстнаго самоуправленія, что было невозможно окончательно извратить начатое дѣло.

Подписанное государемъ 1 января 1864 года положеніе о земскихъ уѣздныхъ и губернскихъ учрежденіяхъ вводилось въ 33 (преимущественно центральныхъ) губерніяхъ. Въ каждомъ уѣздѣ, гдѣ вводилось положеніе 1 января 1864 года, образовывались уѣздное земское собраніе и уѣздная земская управа. Въ составъ собранія входили: во-первыхъ, гласные, избранные землевладѣльцами, во-вторыхъ, гласные отъ городскихъ жителей всѣхъ сословій и, наконецъ, гласные отъ крестьянскихъ обществъ. Для непосредственнаго участія въ выборахъ по первымъ двумъ категоріямъ необходимымъ условіемъ поставленъ извѣстный, очень невысокій, имущественный цензъ, для уѣзда земля, а для города городская недвижимость. Тѣ лица, которыя не имѣли полныхъ имущественныхъ цензовъ, выступали на выборахъ черезъ особыхъ уполномоченныхъ. Уѣздное земское собраніе было распорядительнымъ органомъ; для исполнительной дѣятельности, сводившейся къ управленію текущими земскими дѣлами, законъ создалъ уѣздныя земскія управы, избиравшіяся уѣздными собраніями. Въ губерніяхъ учреждались губернскія собранія изъ гласныхъ, избираемыхъ отъ уѣздовъ. Исполнительнымъ органомъ губернскаго земства являлась губернская земская управа, избираемая губернскимъ собраніемъ. Въ уѣздныхъ собраніяхъ предсѣдательствовали уѣздные предводители дворянства, а въ губернскихъ — особо назначенныя лица, почти повсюду губернскіе предводители.

Компетенція земскихъ учрежденій была довольно обширна: имъ ввѣрялись заботы о народномъ образованіи, народномъ здравіи, устройство и содержаніе путей сообщенія, страхованіе, благотворительныя заведенія, мѣры предупрежденія скотскихъ падежей и прочія дѣла, относящіяся, по выраженію закона, къ мѣстнымъ хозяйственнымъ пользамъ и нуждамъ. Денежныя средства, необходимыя для удовлетворенія всѣмъ этимъ потребностямъ, земскимъ собраніямъ предоставлено было добывать путемъ обложенія недвижимыхъ димуществъ. Въ отношеніи правительственной власти земскія учрежденія были поставлены въ довольно самостоятельное положеніе; за законностью ихъ дѣйствій установленъ лишь надзоръ губернатора и Сената.

Земское положеніе 1864 года отразило на себѣ господствовавшую тогда въ наукѣ теорію самоуправленія, противополагавшую интересы государственные и общественные (земскіе); земскія учрежденія разсматривались тогда теоретиками государственнаго права не какъ одно изъ звеньевъ правительственнаго механизма, не какъ одинъ изъ органовъ публично-правовой власти, а какъ частичные общественные союзы, составляющіеся ради удовлетворенія особыхъ общественныхъ интересовъ, отличныхъ отъ интересовъ государственныхъ. Это противоположеніе какихъ-то особыхъ земскихъ дѣлъ дѣламъ государственнымъ внесло немало путаницы въ судьбы нашего земства и не разъ отражалось неблагопріятно на земскихъ интересахъ. На почвѣ этой идеи опредѣленіе компетенціи земствъ разсматривалось не какъ передача земствамъ извѣстной части правительственныхъ функцій, а какъ предоставленіе имъ права завѣдывать своими частными дѣлами, безъ всякаго ограниченія прежней компетенціи коронныхъ административныхъ органовъ. На той же почвѣ явилась возможность не предоставлять земскимъ учрежденіямъ принудительной власти: Положеніе 1864 г. не давало земствамъ права издавать обязательныя постановленія и приводить ихъ въ исполненіе при посредствѣ собственныхъ органовъ; земскія учрежденія, по выраженію одного изъ нашихъ государствовѣдовъ, это учрежденія «съ компетенціей, но безъ власти». Но и при своихъ недостаткахъ Положенія о земскихъ учрежденіяхъ 1864 года все же дало нашей провинціи весьма много. Прежде всего былъ нанесенъ серьезный ударъ произволу провинціальной администраціи въ сферѣ хозяйственныхъ отношеній къ населенію. Затѣмъ была создана возможность настоящей общественной дѣятельности, которая съ тѣхъ поръ стала привлекать къ себѣ много способныхъ и независимыхъ людей, не находившихъ въ другомъ мѣстѣ надлежащаго приложенія своимъ силамъ. Въ лицѣ органовъ земскаго самоуправленія выдвигался хотя нѣкоторый противовѣсъ мѣстной правительственной власти, которой съ этихъ поръ приходится считаться съ народившимся общественнымъ мнѣніемъ. Провинціальный строй, существовавшій до того времени почти исключительно въ видахъ служенія фискальнымъ потребностямъ государства и вообще цѣлямъ, лежавшимъ внѣ интересовъ мѣстнаго населенія, пріобрѣтаетъ со времени изданія земскаго положенія извѣстное культурное значеніе. Губернская и уѣздная жизнь становится богаче содержаніемъ, на земскія учрежденія и правительство и интеллигенція привыкаютъ смотрѣть какъ на барометръ общественнаго настроенія, какъ на отраженіе и показатель надеждъ и ожиданій образованныхъ слоевъ провинціальнаго населенія. Созданнымъ органамъ самоуправленія было даровано весьма существенное право ходатайствовать передъ правительствомъ по вопросамъ, относящимся до мѣстныхъ пользъ и нуждъ, что̀ при отсутствіи представительныхъ учрежденій, при

цензурныхъ стѣсненіяхъ и низкомъ уровнѣ правового самосознанія чиновничьей среды пріобрѣтало особо важное значеніе. Къ сожалѣнію, центральная власть не всегда охотно выслушивала даже и правдивое, трезвое и живое слово земскихъ собраній.

Города наши ко времени царствованія Александра II находились въ печальномъ, а нѣкоторые прямо-таки въ плачевномъ состояніи. Общественное управленіе, организованное на основаніи грамоты городамъ 1785 г., находилось въ полнѣйшемъ подчиненіи правительственной администраціи. Въ нѣкоторыхъ городахъ общественныхъ учрежденій вовсе не было, въ другихъ они влачили самое грустное существованіе. Отъ нихъ требовали лишь денежныхъ средствъ, которыми полновластно и нерѣдко своекорыстно распоряжались губернскіе и уѣздные чиновники. Съ городскими учрежденіями не только никто не считался, но даже мелкіе чиновники относились къ нимъ свысока, надъ общественными должностными лицами глумились и безпощадно ихъ обирали. Конечно, эти мрачные тоны городской жизни стали замѣтно тускнѣть въ царствованіе Александра Николаевича, но полная непригодность существующаго городского общественнаго строя была ясна. Реформа была необходима; на первое мѣсто выступалъ вопросъ объ установленіи правильныхъ отношеній въ соотвѣтствіи съ потребностями времени и желаніями общества между органами городского самоуправленія и коронными мѣстными властями.

Для изданнаго въ 1870 году городового положенія образцомъ послужило земское положеніе 1864 года. Въ строй городской общественной жизни прочно введенъ принципъ всесословности или, правильнѣе сказать, безсословности, поднято значеніе органовъ самоуправленія, имъ предоставлены значительныя права и обезпечена необходимая для успѣшнаго хода дѣла независимость отъ администраціи. Распорядительная власть вручена городскимъ думамъ, а исполнительная городскимъ управамъ и ихъ предсѣдателямъ, городскимъ головамъ; въ вопросѣ о соотношеніи органовъ и лицъ городского самоуправленія законодателемъ была допущена существенная ошибка: городской голова былъ и предсѣдателемъ городской думы, что въ высшей степени неудобно, такъ какъ ему приходилось руководить преніями собранія, призваннаго провѣрять и направлять его собственную дѣятельность. На практикѣ это обстоятельство повело къ довольно многочисленнымъ пререканіямъ, столкновеніямъ и даже злоупотребленіямъ. Наиболѣе существенная разница между городскимъ и земскимъ самоуправленіемъ заключалась въ созданіи губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія, для разбора и разрѣшенія разногласій и пререканій между органами городского самоуправленія, съ одной, и губернской администраціей, съ другой стороны, при чемъ составъ его, наполовину коронный, наполовину выборный, обезпечивалъ въ достаточной мѣрѣ справедливость и основательность рѣшеній.

Введеніе городового положенія 1870 года было огромнымъ шагомъ впередъ въ дѣлѣ устроенія нашихъ городовъ. Съ этихъ поръ настала для нихъ возможность упорядочить свое хозяйство и поднять благоустройство, открылись широкіе горизонты для культурной работы, въ которой и заключается главная суть и внутренній смыслъ существованія органовъ самоуправленія.

V.

Судебная реформа; отмѣна тяжкихъ тѣлесныхъ наказаній. — Финансовыя реформы.

Одною изъ самыхъ мрачныхъ сторонъ нашего дореформеннаго строя было глубоко и прочно укоренившееся неправосудіе. Здѣсь не мѣсто останавливаться на причинахъ этого печальнаго явленія, извѣстнаго какъ по подлиннымъ дѣламъ, такъ и по многимъ произведеніямъ русской литературы, но его связь съ общимъ ходомъ русской государственной жизни въ царствованіе Николая Павловича ясна. При полной зависимости губернскихъ палатъ и уѣздныхъ судовъ отъ администраціи, при глубокой канцелярской тайнѣ, окутывавшей весь ходъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, при необразованности и крайне плохомъ обезпеченіи судей, конечно, не могло существовать правосудіе. Само правительство Николая Павловича сознавало полную неудовлетворенность существовавшихъ судебныхъ порядковъ и относилось съ недовѣріемъ не только къ дѣятельности уѣздныхъ судовъ и палатъ, но даже къ судебнымъ рѣшеніямъ Сената. Правительство, однако, не рѣшалось на какую-либо серьезную мѣру, а довольствовалось безконечными переносами дѣлъ изъ низшихъ инстанцій въ высшія вплоть до Государственнаго Совѣта. Производства разрастались непомѣрно, запутывались и страшно затягивались и всѣ сколько-нибудь значительныя и сложныя дѣла давали обильную почву для злоупотребленій. Канцелярщина все больше и больше въѣдалась въ жизнь судебныхъ учрежденій, такъ какъ къ уничтоженію ея не принимали мѣръ ни чиновники, ни правительство; первымъ она была пріятна, потому что затрудняла надзоръ за ними и помогала скрывать безпорядки и злоупотребленія канцелярій; что же касается правительства, то оно крѣпко вѣрило въ силу и значеніе бумажнаго многодѣлія для успѣшнаго хода правосудія. Канцелярское многописаніе въ Сенатѣ и мѣстныхъ судебныхъ учрежденіяхъ достигло полнаго расцвѣта во время управленія министерствомъ юстиціи гр. В. Н. Панина, крайняго формалиста. Подчиненные быстро замѣтили слабую сторону своего министра и старались угодить ему многочисленными и подробными донесеніями о мельчайшихъ деталяхъ канцелярскаго обихода ввѣренныхъ имъ учрежденій; они испрашивали указаній и наставленій, пред-

лагали различныя мѣры къ улучшенію существующаго порядка и только увеличивали и осложняли переписку, отвлекаясь отъ прямого своего дѣла по отправленію правосудія.

Равнымъ образомъ и по существу своему судебная дѣятельность дореформенныхъ судебныхъ учрежденій была весьма не удовлетворительна. Въ уголовномъ дѣлопроизводствѣ царили крайняя приверженность къ формальнымъ доказательствамъ и прежде всего къ собственному сознанію обвиняемаго, и строгость, близкая къ жестокости, по отношенію къ подсудимымъ низшихъ состояній, при весьма снисходительномъ отношеніи къ лицамъ привилегированнымъ. По дѣламъ гражданскимъ рѣшенія отличались крайней запутанностью и противорѣчивостью, которыя иногда вносились, повидимому, не безъ умысла канцелярій и вели къ новымъ безконечнымъ процессамъ, весьма разорительнымъ для заинтересованныхъ лицъ. Одинъ изъ современниковъ сообщаетъ, напр., что однажды Сенатъ по вопросу о томъ, кому должна принадлежать спорная земля, Гаврилову или Жулебину, постановилъ: «обращаясь къ узаконеніямъ, Сенатъ находитъ, что недавно послѣдовалъ законъ о спеціальномъ размежеваніи, а потому опредѣляетъ предписать, кому слѣдуетъ, велѣть, кому нужно, разрѣшить этотъ вопросъ на основаніи существующихъ узаконеній». Противорѣчія попадались постоянно; по одному дѣлу VII департамента Сената (Шидловскаго) съ 1849 по 1876 г. состоялось 12 противорѣчивыхъ указовъ, при чемъ черезъ 20 лѣтъ послѣ возникновенія дѣла былъ окончательно рѣшенъ лишь вопросъ объ его направленіи, по существу же оно еще не разсматривалось.

Еще въ 40-хъ годахъ по распоряженію главноуправляющаго вторымъ отдѣленіемъ Собственной Его Величества канцеляріи, гр. Блудова, отъ оберъ-прокуроровъ и нѣкоторыхъ другихъ лицъ судебнаго вѣдомства были затребованы отзывы о главнѣйшихъ недостаткахъ дѣйствовавшаго въ то время процессуальнаго законодательства. На основаніи этихъ отзывовъ были сдѣланы первыя робкія попытки къ улучшенію нашего судопроизводства, при чемъ выработанныя по этому предмету предположенія были сообщены на заключеніе министра юстиціи гр. Панина. Несмотря на то, что графъ Блудовъ вовсе не задавался цѣлями широкой реформы и стремился лишь путемъ нѣкоторыхъ частныхъ измѣненій хоть до нѣкоторой степени исправить насквозь прогнившее зданіе правосудія, даже проектированныя имъ полумѣры признаны были гр. Панинымъ слишкомъ радикальными и вызвали съ его стороны горячія возраженія; возникла безконечная полемика между министерствомъ юстиціи и вторымъ отдѣленіемъ Собственной Его Величества канцеляріи, а дѣло не двигалось. Убѣдившись, наконецъ, въ совершенной невозможности прійти къ единомыслію съ гр. Панинымъ по возбужденнымъ предположеніямъ, гр. Блудовъ испросилъ Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи особаго комитета для

обсужденія предположеннаго измѣненія гражданскаго процесса. Съ этого момента разработка пошла нѣсколько быстрѣе, но намѣченнымъ преобразованіямъ не суждено было осуществиться въ царствованіе Николая Павловича.

Александръ Николаевичъ всегда обнаруживалъ большой интересъ къ законности и закону и въ одномъ изъ первыхъ манифестовъ высказалъ извѣстное пожеланіе: «правда и милость да царствуютъ въ судахъ». Такое настроеніе государя, находившееся въ полномъ соотвѣтствіи съ горячими желаніями общества, опредѣленно отразилось на работахъ надъ судебнымъ преобразованіемъ, внеся въ нихъ значительное оживленіе. По мѣрѣ хода этихъ работъ Блудовъ, стремившійся вначалѣ къ достиженію возможныхъ улучшеній въ дѣлѣ отправленія правосудія, не колебля самыхъ основъ, на которыхъ оно было построено, постепенно измѣнилъ свои взгляды и пришелъ къ заключенію о полной несостоятельности не только существующихъ судебныхъ порядковъ, но и всего судебнаго строя. Въ основу выработанныхъ подъ руководствомъ Блудова предположеній были положены начала, имѣющія весьма мало общаго съ дѣйствовавшею въ то время системою. Комиссія проектировала почти полное отдѣленіе власти судебной отъ административной, упраздненіе сословныхъ судовъ, уничтоженіе канцелярской тайны, введеніе адвокатуры, устности и гласности процесса, устраненіе полиціи отъ производства слѣдствій, значительное ослабленіе формальныхъ доказательствъ и цѣлый рядъ другихъ мѣръ для обезпеченія правильнаго теченія правосудія. Такая широкая постановка судебной реформы вызвала горячія возраженія со стороны гр. Панина, но затормозить ходъ дѣла было уже трудно. Только что приведенная къ окончанію крестьянская реформа, естественно, должна была повлечь за собою и реформу судебнаго строя: сфера дѣятельности старыхъ судебныхъ учрежденій почти не касалась многомилліонной массы крѣпостныхъ крестьянъ; о возможности обращенія этихъ крестьянъ къ суду для разбора какихъ-либо гражданскихъ споровъ въ то время не могло быть, конечно, и рѣчи, такъ какъ они не пользовались самостоятельными имущественными правами. Хотя по дѣламъ уголовнымъ крѣпостные крестьяне подлежали общимъ судамъ, но лишь за наиболѣе тяжкія преступленія, въ остальныхъ же случаяхъ расправа надъ ними принадлежала помѣщикамъ, которые имѣли право налагать всѣ виды наказаній, за исключеніемъ лишь отдачи въ каторжныя работы и наказанія кнутомъ. Съ отмѣною крѣпостной зависимости судебная власть, принадлежавшая помѣщикамъ, пала сама собою, и организацію дѣйствовавшихъ въ то время судебныхъ мѣстъ необходимо было приспособить къ измѣнившимся условіямъ.

Проекты, составленные подъ руководствомъ Блудова, оказались далеко не соотвѣтствующими потребностямъ времени и въ началѣ 1862 г. высочайше повелѣно государственной канцеляріи выяснить

основныя начала, «несомнѣнное достоинство коихъ признано въ настоящее время наукою и опытомъ европейскихъ государствъ, и по коимъ должна быть преобразована «судебная часть въ Россіи». Въ этой работѣ приняли участіе виднѣйшіе юристы того времени: Зарудный, Побѣдоносцевъ, Стояновскій, Буцковскій, Ровинскій и др. Составленныя ими «основныя начала» были подвергнуты весьма тщательному обсужденію въ соединенныхъ департаментахъ Государственнаго Совѣта, въ рядѣ засѣданій съ апрѣля по іюль 1862 г. Въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта почти всѣ главнѣйшія положенія дѣйствующаго нынѣ судоустройства и судопроизводства были приняты единогласно. Гр. Панинъ, который въ теченіе болѣе двадцати лѣтъ настаивалъ на необходимости сохраненія прежняго судебнаго строя и съ трудомъ соглашался лишь на нѣкоторыя поправки, убѣдился, наконецъ, въ невозможности защищать прежнее свое мнѣніе. Онъ самъ теперь настаивалъ на необходимости ввести «присяжныхъ засѣдателей», считая, что единственно это форма суда обезпечиваетъ полную его независимость. 29 сентября 1862 г. «основныя начала» новаго судебнаго строя были утверждены государемъ и вскорѣ послѣ этого на мѣсто гр. Панина былъ назначенъ человѣкъ, болѣе подходящій для проведенія судебной реформы—хорошо образованный юристъ Д. Н. Замятнинъ, товарищемъ же его—Стояновскій.

Для составленія подробныхъ проектовъ новаго судоустройства и судопроизводства была при государственной канцеляріи образована особая комиссія, въ составъ которой вошли лучшія юридическія силы; «основныя начала» признаны были незыблемыми, и комиссіи предписано было строго и неуклонно имъ слѣдовать. Руководимое Замятнинымъ и Стояновскимъ министерство относилось къ работѣ съ огромнымъ интересомъ и своими замѣчаніями на проекты комиссіи сослужило большую службу дѣлу введенія у насъ новаго судебнаго строя. Во время хода работы государь живо интересовался ею, высказывалъ нѣкоторыя личныя пожеланія, какъ, напр., чтобы за Сенатомъ было сохранено прежнее его значеніе, постоянно поддерживалъ Замятнина, почти всегда и во всемъ соглашаясь съ его докладами. Выработанные законопроекты были внесены въ Государственный Совѣтъ, гдѣ обсуждались почти годъ, начиная съ декабря 1863 г. Наконецъ, 20 ноября 1864 года новые судебные уставы были утверждены государемъ. Громаднѣйшая работа была выполнена съ необычайной любовью къ дѣлу, быстро и талантливо.

Значеніе реформы было по достоинству оцѣнено современниками, встрѣтившими съ восторгомъ новый судебный порядокъ. Печать единодушно привѣтствовала новое преобразованіе въ самыхъ задушевныхъ и горячихъ выраженіяхъ и указывала, что эта важная реформа, перенося въ Россію одинъ изъ лучшихъ плодовъ европейской мысли и гражданственности, удовлетворяла все русское

общество, сверху донизу, и отвѣчала коренной, исторической потребности. Реформа наносила ударъ худшему виду произвола,—произволу судебному. Дать твердыя начала суду, обезпечить его независимость, его безпристрастіе—это значитъ, говорили современники, совершить самый важный шагъ къ водворенію законности въ государствѣ; это полезнѣе многихъ самыхъ громкихъ политическихъ мѣръ: ничто такъ не пріучаетъ общества къ разумной самодѣятельности, какъ возможность отстаивать личныя права и полная увѣренность въ ихъ неприкосновенности; точно такъ же послѣдующія поколѣнія признавали въ этомъ славномъ законодательномъ памятникѣ отраженіе вѣчной идеи справедливости и высокаго идеала человѣчности.

Судебные уставы вводили совершенно новую систему судоустройства, построенную на принципѣ отдѣленія судебной власти отъ законодательной и административной. Создавались двѣ юстиціи, общая и мировая. Назначеніемъ мировой юстиціи былъ разборъ менѣе значительныхъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, а общей—болѣе важныхъ. Мировые судьи избирались земскими собраніями и городскими думами и образовывали поуѣздно или по городамъ съѣздъ мировыхъ судей, служившій второю инстанціей по дѣламъ, имъ подсуднымъ. Учрежденіями общей юстиціи были окружные суды и судебныя палаты. Во главѣ всей системы правосудія поставлены уголовный и гражданскій департаменты Сената съ правами верховныхъ кассаціонныхъ судовъ; имъ ввѣренъ не пересмотръ по существу дѣлъ, рѣшенныхъ въ подчиненныхъ имъ судахъ, какъ то было въ старомъ Сенатѣ, а надзоръ за правильнымъ примѣненіемъ закона въ учрежденіяхъ общей и мировой юстиціи. Такимъ образомъ безконечное хожденіе дѣлъ по инстанціямъ отъ уѣзднаго суда до Государственнаго Совѣта уничтожалось, каждое дѣло могло отнынѣ разсматриваться по существу не болѣе двухъ разъ. Затѣмъ устанавливалась независимость и несмѣняемость судей, созданъ институтъ присяжныхъ повѣренныхъ для защиты и прокурорскій надзоръ при судахъ для поддержанія обвиненія. По важнѣйшимъ дѣламъ вводился судъ общественной совѣсти—присяжные засѣдатели. Замятнинъ придавалъ большое значеніе надлежащему матеріальному обезпеченію судебныхъ дѣятелей, и чины судебныхъ мѣстъ и представители прокуратуры получили весьма достаточные по тому времени оклады.

Не менѣе существенныя измѣненія введены были и въ судопроизводство. Ненавистная канцелярская тайна уничтожена, судебныя засѣданія должны были происходить публично, а дѣла въ нихъ производиться устно. Формальныя доказательства упразднялись въ уголовномъ процессѣ и судьи отнынѣ должны были рѣшать дѣла по внутреннему судейскому убѣжденію. Подсудимый, который въ старыхъ судахъ находился въ положеніи затравленнаго звѣря, пріобрѣлъ человѣческія права. Весь порядокъ производства уголовныхъ дѣлъ былъ проникнутъ уваженіемъ къ достоинству

человѣческой личности, на которую новые судебные уставы смотрѣли не только безъ злобы и раздраженія, но напротивъ, съ полнымъ доброжелательствомъ.

Судебная реформа совершенно измѣнила картину отправленія правосудія; вмѣсто необразованныхъ, а часто и нечестныхъ чиновниковъ, строчившихъ безконечные экстракты и такъ называемыя «краткія» записки, нерѣдко съ одною лишь цѣлью осложнить и запутать дѣло, чтобы около него кормиться, появились въ судахъ честные люди, которые знали и уважали законъ и въ дѣятельности своей руководствовались не личными соображеніями, а высокими идеалами правды и добра. Нравственная атмосфера судовъ обновилась и очистилась: благодаря участію присяжныхъ засѣдателей и новому характеру производства дѣлъ, суды стали близки и дороги населенію, которое ихъ вполнѣ оцѣнило и полюбило; и каждое посягательство на самостоятельность или достоинство судовъ, вызывало неудовольствіе и искреннее огорченіе широкихъ слоевъ населенія. Вліяніе новаго судебнаго строя на общественную нравственность русскаго народа положительно не поддается описанію: это былъ такой переворотъ, который влекъ за собою безчисленное количество разнообразныхъ и благотворныхъ послѣдствій; камеры мировыхъ судей сдѣлались своего рода школой благонравія для низшихъ слоевъ населенія, всѣ же вообще судебныя мѣста сослужили великую службу въ дѣлѣ правового воспитанія русскаго народа, пріучая его къ правомѣрной жизни, къ уваженію человѣческой личности и къ добросовѣстности во взаимныхъ отношеніяхъ.

Судебные уставы 20 ноября 1864 года оказали благотворное вліяніе и на всю систему нашего управленія, въ особенности на характеръ, порядокъ и значеніе надзора за законностью дѣйствій администраціи. Тѣ части Сената, которыя предназначены для надзора за управленіемъ, испытали на себѣ значительное вліяніе вновь учрежденныхъ кассаціонныхъ департаментовъ. Общеніе кассаціонныхъ сенаторовъ-юристовъ съ сенаторами прочихъ департаментовъ въ соединенныхъ присутствіяхъ и общихъ собраніяхъ и перемѣщеніе сенаторовъ изъ новыхъ его коллегій въ старыя, служило средствомъ для распространенія на старые департаменты, руководствующіеся въ своей дѣятельности значительно обветшавшимъ «Учрежденіемъ» Сената, началъ, проводимыхъ судебными уставами, которые, во-первыхъ, глубоко проникнуты уваженіемъ къ достоинству и личности человѣка и, во-вторыхъ, допускаютъ широкое и свободное толкованіе закона. А рѣшенія кассаціонныхъ департаментовъ служили нерѣдко образцомъ для прочихъ частей Сената прежде всего въ виду строгости и точности проводимой въ нихъ юридической мысли, а затѣмъ и самымъ своимъ существомъ, какъ, напримѣръ, постояннымъ и настойчивымъ требованіемъ соблюденія процессуальныхъ правилъ, внимательнымъ отношеніемъ къ интере-

самъ частныхъ лицъ, отдѣленіемъ формальной стороны отъ существа дѣла и проч. Подъ вліяніемъ судебныхъ уставовъ надзоръ стараго Сената за администраціей становится болѣе живымъ, болѣе содержательнымъ и болѣе независимымъ, а самая дѣятельность многочисленныхъ коронныхъ властей начинаетъ пріобрѣтать характеръ правомѣрности и уваженія къ человѣческой личности.

Въ тѣсной внутренней связи съ судебнымъ преобразованіемъ, а отчасти и съ другими реформами шестидесятыхъ годовъ находится отмѣна тяжкихъ тѣлесныхъ наказаній, которыя въ дореформенномъ строѣ занимали весьма видное мѣсто, такъ какъ тогда плети и розги составляли для лицъ непривилегированныхъ дополненіе къ всякому наказанію, начиная съ каторжныхъ работъ и кончая тюремнымъ заключеніемъ. Публичное исполненіе этихъ наказаній, отъ которыхъ не были освобождены ни женщины, ни старики, не достигшіе семидесятилѣтняго возраста, производило потрясающее впечатлѣніе на народъ, присутствовавшій при этомъ зрѣлищѣ. Глухимъ стонамъ наказываемаго, иногда умиравшаго подъ ударами, вторили обыкновенно вопли и рыданія среди собравшагося народа, который забывалъ въ эту минуту, что карѣ подвергается тяжкій преступникъ, а видѣлъ въ немъ лишь несчастнаго страдальца и мученика. Мысль объ отмѣнѣ или смягченіи этихъ жестокихъ наказаній, оказывавшихъ деморализующее вліяніе на населеніе, возникала неоднократно, но не могла осуществиться, пока половина этого населенія находилась въ полной зависимости отъ произвола своихъ помѣщиковъ. Въ 1861 г., вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости ген.-эд. кн. Н. Орловъ подалъ лично государю записку о необходимости отмѣны тѣлеснаго наказанія, представляющаго собою «зло въ христіанскомъ, нравственномъ и общественномъ отношеніяхъ». Записка эта была передана на обсужденіе особаго комитета, комитетъ высказался за отмѣну тѣлесныхъ наказаній, хотя министръ юстиціи гр. Панинъ выступилъ горячимъ противникомъ предположенной мѣры; такое же въ существѣ своемъ мнѣніе было высказано московскимъ митрополитомъ Филаретомъ и государственнымъ контролеромъ Анненковымъ. Напротивъ, великій князь Константинъ Николаевичъ, военный министръ Милютинъ и др. признавали отмѣну тѣлесныхъ наказаній безусловно необходимою. По обсужденіи въ Государственномъ Совѣтѣ отзывовъ министровъ и окончательнаго заключенія комитета, 17 апрѣля 1863 г., въ день рожденія государя, былъ подписанъ указъ «о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ существующей системѣ наказаній уголовныхъ и исправительныхъ». Въ силу этого указа плети, шпицрутены, прогнаніе сквозь строй, а также наложеніе клеймъ и штемпелей были вовсе отмѣнены. Розги были временно сохранены впредь до устройства мѣстъ заключенія. Лица женскаго пола, кромѣ ссыльныхъ, были вовсе изъяты отъ тѣлесныхъ нака-

заній. Впечатлѣніе, произведенное этимъ указомъ, составляющимъ одну изъ самыхъ свѣтлыхъ страницъ въ исторіи нашего законодательства, было громадно. Въ Москвѣ въ день его объявленія по желанію народа былъ отслуженъ молебенъ въ Кремлѣ передъ окнами той комнаты, гдѣ родился императоръ Александръ II.

Однимъ изъ главныхъ основаній нашего дореформеннаго финансоваго строя была система винныхъ откуповъ, пагубное дѣйствіе которой на общественную нравственность въ настоящее время общеизвѣстно; правительству приходилось не только смотрѣть снисходительно на злоупотребленія, безъ которыхъ откупная система существовать не можетъ, но иногда даже противодѣйствовать возникавшимъ въ народѣ нравственнымъ побужденіямъ къ сохраненію трезвости: такъ, когда въ 1858 г. стали устраиваться въ Западномъ краѣ братства трезвости, то духовенству приказано было «не прибѣгать къ мѣрамъ, несвойственнымъ христіанскому ученію, тѣмъ болѣе, что правительство само имѣетъ попеченіе о нераспространеніи пьянства», и въ то же время циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 22 марта 1859 г. предписано было губернаторамъ: «не препятствуя добровольно изъявленнымъ желаніямъ частныхъ лицъ сохранять трезвость и воздержаніе, принять мѣры, чтобы ни съ чьей стороны не было употребляемо побудительныхъ къ тому средствъ, какъ-то: формальныхъ приговоровъ сельскихъ обществъ о непитіи, съ штрафами и т. п.». Капитальная реформа питейнаго дѣла становилась все болѣе и болѣе необходимой. Въ 1858 г. было начато обсужденіе этого важнаго преобразованія, а съ 1863 г. введена акцизная система. Торговля водкой была предоставлена свободной конкуренціи, но сельскія общества получили возможность не разрѣшать вовсе этой торговли. Еще болѣе радикальной реформѣ подвергся другой источникъ казенныхъ доходовъ, соляной налогъ. Существовавшая у насъ система частью соляной монополіи, частью акциза на соль приводила къ тому, что этотъ предметъ первой необходимости продавался по цѣнамъ, чувствительнымъ для бѣднѣйшихъ слоевъ населенія. 23 ноября 1880 года состоялась отмѣна соляного налога.

Въ сферѣ финансоваго управленія важенъ рядъ улучшеній организаціоннаго характера, находившихся въ тѣсной связи съ коренной реформой государственнаго контроля. Иниціатива и разработка этихъ улучшеній, равно какъ и вся творческая работа по реформѣ государственнаго контроля, была произведена однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей того времени, В. А. Татариновымъ. Съ давнихъ поръ у насъ въ государственной отчетности царилъ полный хаосъ. Недвижимыя имущества, матеріальные капиталы и переходящіе денежные рессурсы не были на счету. Цѣлыя отрасли государственныхъ доходовъ, составляя предметъ произвольнаго хозяйничанья въ рукахъ отдѣльныхъ распорядительныхъ управленій, ускользали отъ наблюденія министерства финансовъ, играв-

шаго въ то время чуть ли не просто роль государственной бухгалтеріи, притомъ далеко не точной и не полной. Государственный Совѣтъ при разсмотрѣніи бюджета ограничивался однимъ констатированіемъ фактовъ, предлагавшихся его вниманію, такъ какъ не имѣлъ предоставленнаго закономъ права оріентироваться въ документахъ и матеріалахъ. Роспись государственнаго дохода составлялась крайне гадательно и считалась государственною тайной. Источники доходовъ были извѣстны далеко не вполнѣ, а расходная графа составлялась на основаніи просто заявленій министерствъ и главныхъ управленій, рѣдко представлявшихъ мотивы въ необходимости испрашиваемыхъ средствъ. Такъ называемаго единства кассы, т.-е. государственной казны, какъ таковой, въ строгомъ смыслѣ, не было: хотя министерство финансовъ и было призвано исполнять обязанности казнохранителя, но на дѣлѣ три четверти государственныхъ доходовъ хранились и расходовались отдѣльными вѣдомствами. Каждое министерство пользовалось, помимо общегосударственныхъ средствъ, и своими капиталами, имѣло свое хозяйство, нерѣдко шедшее въ разрѣзъ съ интересами казны; эти приходо-расходы отдѣльныхъ вѣдомствъ совсѣмъ не показывались въ государственной отчетности.

Въ 1858 году Татариновъ выработалъ широкій планъ финансоваго преобразованія, сводившійся къ слѣдующимъ четыремъ принципамъ: 1) систематическое, подробное и однообразное для всѣхъ управленій составленіе финансовыхъ смѣтъ и такое же исполненіе ихъ съ безусловнымъ и немедленнымъ обращеніемъ всѣхъ смѣтныхъ остатковъ въ распоряженіе государственнаго казначейства; 2) введеніе единства кассы, т.-е. сосредоточеніе всѣхъ денежныхъ средствъ государства исключительно въ кассахъ министерства финансовъ, съ предоставленіемъ одному только этому министерству права завѣдывать сборомъ всѣхъ государственныхъ доходовъ и производить платежи; 3) устройство въ государствѣ одной, вполнѣ независимой отъ исполнительной власти, ревизіонной инстанціи, имѣющей право производить всестороннее наблюденіе за движеніемъ капиталовъ, повѣрять и судить дѣйствія и хозяйственныя операціи исполнителей и 4) установленіе «предварительнаго контроля», обязаннаго въ лицѣ членовъ той же высшей ревизіонной инстанціи производить предварительную повѣрку всѣхъ расходныхъ предписаній, предупреждать и останавливать неправильныя распоряженія государственными капиталами. Проектъ Татаринова, переданный на разсмотрѣніе особой комиссіи, встрѣтилъ въ ней ожесточенныя возраженія, такъ какъ многимъ очень не хотѣлось разстаться съ правомъ безотчетно распоряжаться казенными средствами; въ концѣ-концовъ, все-таки, онъ былъ принятъ, а самъ Татариновъ назначенъ государственнымъ контролеромъ. Къ сожалѣнію, планъ Татаринова былъ проведенъ въ жизнь не такъ, какъ ему того хотѣлось; такъ, напримѣръ, несмотря на его настоянія, осталось въ силѣ изъ-

ятіе отъ наблюденія государственнаго контроля цѣлой серіи доходовъ и расходовъ нѣкоторыхъ вѣдомствъ. Тенденціи къ безотчетному и безконтрольному пользованію государственными средствами были слишкомъ устойчивы и борьба Татаринова съ этимъ печальнымъ явленіемъ не увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Самъ Татариновъ, разстроившій свое здоровье усиленными трудами, скончался внезапно въ 1871 г.; его семьѣ, оставшейся безъ всякихъ средствъ, по повелѣнію императора было выдано 100.000 р.

VI.

Реформа арміи и всеобщая воинская повинность.

Еще кипѣла организаціонная работа мировыхъ посредниковъ перваго призыва, въ самомъ разгарѣ было обсужденіе земской реформы и едва намѣчены основные принципы новаго судебнаго строя, какъ началось обновленіе одной изъ самыхъ важныхъ и, вмѣстѣ отсталыхъ, частей нашей государственной жизни—военнаго вѣдомства. Слабыя стороны нашего военнаго строя и военныхъ распорядковъ явно обнаружились во время Крымской войны и тогда же стала сознаваться необходимость коренныхъ измѣненій и улучшеній; до 1861 г., однако, въ этомъ отношеніи не было еще сдѣлано ничего сколько-нибудь существеннаго, такъ какъ во главѣ арміи и военнаго вѣдомства находились лица, которыя не умѣли или не хотѣли взяться за дѣло реформы. Въ 1861 г. военнымъ министромъ вмѣсто бездарнаго и упрямаго Сухозанета былъ назначенъ Дм. Ал. Милютинъ, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ государственныхъ дѣятелей Россіи XIX в. Онъ родился въ 1816 г., службу началъ фейерверкеромъ въ гвардейской артиллеріи; двадцати трехъ лѣтъ окончилъ однимъ изъ первыхъ курсъ въ военной академіи; въ 1839 г. командированъ былъ въ качествѣ офицера генеральнаго штаба на Кавказъ, гдѣ около пяти лѣтъ несъ боевую службу. На Кавказѣ Милютинъ пополнилъ свое военное образованіе уроками практики на театрѣ военныхъ дѣйствій противъ горцевъ. Въ то же время онъ занимался научными трудами, Въ 1845 г. онъ былъ назначенъ на каѳедру военной географіи въ воспитавшей его академіи; его одиннадцатилѣтняя профессорская дѣятельность оставила по себѣ глубокій слѣдъ. Онъ создалъ цѣлую школу выдающихся учениковъ (каковы Обручевъ, Драгомировъ, Лееръ и др.), издалъ цѣлый рядъ печатныхъ трудовъ высокаго научнаго достоинства и, наконецъ, свое классическое изслѣдованіе: «Исторія войны 1799 г. между Россіей и Франціей въ царствованіе императора Павла I» въ 5 т., доставившее автору почетное мѣсто въ русской исторической литературѣ. «Исторія войны 1799 г.» вскорѣ была переведена на нѣмецкій и французскій языки. Въ 1856 г. Милютинъ по желанію намѣстника Кавказа, кн. Баря-

тинскаго, былъ назначенъ начальникомъ штаба кавказской арміи и сталъ ближайшимъ помощникомъ намѣстника. Имъ разработанъ былъ планъ экспедиціи для окончательнаго покоренія Кавказа. Во время этой экспедиціи онъ участвовалъ въ разныхъ дѣлахъ противъ горцевъ и, между прочимъ, во взятіи укрѣпленнаго аула Гунибъ, гдѣ сдался и Шамиль. Въ 1860 г. онъ былъ назначенъ товарищемъ военнаго министра, а въ 1861 г.—министромъ. Трудно, кажется, представить себѣ лучшую подготовку для военнаго министра, но, кромѣ огромной эрудиціи, боевого опыта и крупныхъ военныхъ дарованій, Милютинъ обладалъ творческимъ умомъ, выдающимися административными способностями, твердой волей, властнымъ характеромъ и широкимъ взглядомъ истинно государственнаго человѣка. Это былъ во всѣхъ отношеніяхъ изъ ряду выходящій человѣкъ, истинный другъ народа и твердый борецъ за высокіе гуманные идеалы. Руководя военными преобразованіями, онъ принималъ и самое живое участіе въ обсужденіи общегосударственныхъ реформъ, при чемъ все доброе, справедливое и полезное находило въ немъ горячаго и умѣлаго защитника. Русская исторія мало знаетъ такихъ цѣльныхъ и послѣдовательныхъ государственныхъ людей, какъ Д. А. Милютинъ. Проработавъ въ царствованіе Александра Николаевича на посту военнаго министра двадцать лѣтъ, онъ послѣ его трагической кончины удалился отъ дѣлъ.

Въ 1862 году Д. А. Милютинъ представилъ глубоко продуманный и стройный планъ преобразованій, которыя должны были охватить всѣ военныя учрежденія и всю военную жизнь. Планъ былъ одобренъ государемъ, положившимъ такую резолюцію: «внести въ Совѣтъ министровъ. Все изложенное въ этой запискѣ совершенно согласно съ моими давнишними желаніями и видами». Въ военномъ министерствѣ началась горячая преобразовательная работа. Сущность произведенныхъ преобразованій сводится къ слѣдующему. Военное управленіе было построено на началахъ децентрализаціи, были созданы военные округа, во главѣ которыхъ поставлены командующіе войсками, получившіе объединяющую власть надъ всѣми войсками и военными управленіями даннаго округа. Въ военныхъ учрежденіяхъ дѣлопроизводство и письмоводство сокращено и упрощено; радикально перестроена вся система военнаго воспитанія, покоившаяся до того времени на розгахъ и шпицрутенахъ, въ нее внесены разумныя педагогическія начала. Казарменная жизнь утратила свой грубый и жестокій характеръ, военные нравы смягчились и облагородились. Былъ принятъ цѣлый рядъ мѣръ для поднятія образовательнаго и нравственнаго уровня командного состава арміи и въ особенности офицеровъ, бытъ которыхъ, матеріальное положеніе и вообще обстановка дѣятельности значительно улучшены. Милютинъ понималъ, что высокій нравственный духъ, необходимый арміи, чтобы побѣждать, лучше всего

создается и укрѣпляется въ обстановкѣ правомѣрности и уваженія къ личности; въ виду этого подъ его руководствомъ и былъ изданъ рядъ уставовъ, съ большою точностью опредѣлившихъ права и обязанности военнослужащихъ. Административный произволъ и усмотрѣніе начальства насколько возможно устранены изъ военнаго обихода. Даже дисциплинарныя отношенія Милютинъ стремился ввести въ опредѣленныя правовыя границы; самая сущность воинской дисциплины въ изданномъ при Милютинѣ уставѣ, дѣйствующемъ и до настоящаго времени, сводится къ точному соблюденію всѣхъ правилъ, предписанныхъ военными законами. Этимъ съ достаточной ясностью намѣчается правомѣрный характеръ отношеній между начальствомъ и подчиненными. Совершенно реформирована была военная юстиція, военно-уголовные законы были переработаны и смягчены, судоустройство и судопроизводство примѣнены по возможности къ порядкамъ, положеннымъ въ основу судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 года. Лишь для мелкихъ проступковъ нижнихъ чиновъ созданы были суды полковые безъ участія юристовъ, болѣе важныя же преступленія нижнихъ чиновъ и всѣ вообще проступки офицеровъ и генераловъ поручались военно-окружнымъ судамъ, устроеннымъ по образцу гражданскихъ, съ надлежащей независимостью отъ военнаго начальства и съ личнымъ составомъ, получившимъ необходимую военно-юридическую подготовку въ созданной Милютинымъ Военно-юридической академіи. Военно-окружные суды и военные юристы сыграли въ арміи такую же облагораживающую роль, какая выпала на долю гражданскихъ судебныхъ мѣстъ въ отношеніи всего населенія. Они явились оплотомъ законности въ военно-административномъ и командномъ управленіи и особенно въ весьма важной сферѣ непосредственныхъ личныхъ сношеній начальниковъ съ подчиненными. Грубость въ обращеніи, побои и истязанія солдатъ, бывшія нормальнымъ явленіемъ до 60-хъ годовъ, становятся все рѣже и рѣже, такъ какъ военные юристы, руководившіе военными судами, отнюдь не склонны были относиться къ подобнымъ явленіямъ снисходительно.

Упорядоченіе подготовки солдатъ, улучшеніе военнаго быта на началахъ правомѣрности и уваженія къ личности сдѣлало возможнымъ проведеніе крупнѣйшей и самой замѣчательной военной реформы, — всеобщей воинской повинности. Съ точки зрѣнія справедливости и истиннаго патріотизма всѣ граждане должны получать военную подготовку, чтобы ихъ можно было призвать въ нужный моментъ подъ знамена; не такъ, однако, обстояло дѣло у насъ. До реформы, проведенной Милютинымъ, вся тяжесть военной службы въ нижнихъ чинахъ ложилась на податныя сословія, при чемъ срокъ службы въ войскахъ былъ чрезмѣрно длинный— 25 лѣтъ. Послѣ освобожденія крестьянъ и цѣлаго ряда реформъ, направленныхъ къ уравненію правъ всѣхъ сословій, такой поря-

докъ вещей становился нетерпимымъ. Но кромѣ соображеній справедливости къ введенію всеобщей воинской повинности побуждало и другое обстоятельство. Войны 1866 и 1870 гг. показали, что въ современной вооруженной борьбѣ народовъ будутъ принимать участіе милліонныя арміи. Чтобы имѣть возможность располагать такими силами, необходимо было соотвѣтственно организовать отбываніе воинской повинности населеніемъ и образовать огромный запасъ. Эта цѣль могла быть достигнута короткими сроками службы подъ знаменами и всеобщностью воинской повинности, такъ какъ при этомъ являлось возможнымъ провести черезъ ряды войска возможно большее количество людей, способныхъ носить оружіе, обучить ихъ военному дѣлу, воспитать въ воинскомъ духѣ и создать запасъ, необходимый для комплектованія арміи. При осуществленіи задуманнаго преобразованія воинской повинности Милютину пришлось встрѣтиться съ большими затрудненіями; между прочимъ противъ льготъ по образованію возражалъ министръ народнаго просвѣщенія гр. Толстой. Но всѣ сопротивленія были побѣждены, благодаря сочувствію къ реформѣ государя, поддержкѣ великаго князя Константина Николаевича и настойчивости, уму и такту Милютина. 1 января 1874 г. введенъ былъ новый уставъ о воинской повинности, устанавливавшій принципъ всеобщности и краткости дѣйствительной военной службы—шесть лѣтъ.

Эта реформа имѣла огромное государственное значеніе, она увеличила военную мощь Россіи, сблизила армію съ народомъ и послужила къ укрѣпленію идеи солидарности сословій, на которыя раздѣлялся русскій народъ. Преобразованное войско, воспитанное подъ руководствомъ Милютина на началахъ гуманности и правомѣрности, съ честью выдержало испытаніе въ турецкую войну 1877—1878 годовъ, удививъ весь міръ переходомъ черезъ Балканы, въ возможность котораго въ Европѣ не вѣрилъ никто, начиная съ знаменитаго Мольтке. А съ другой стороны, своимъ исполненнымъ рыцарскаго достоинства поведеніемъ, наша дѣйствующая армія вызвала симпатіи даже со стороны заядлыхъ туркофиловъ и нашихъ упорныхъ враговъ, англичанъ.

VII.

Значеніе реформъ императора Александра II.

Реформы царствованія Александра Николаевича, всѣ покоятся, въ сущности говоря, на однихъ и тѣхъ же принципахъ и ведутъ къ одной и той же цѣли.

Одной изъ главныхъ типическихъ чертъ нашего дореформеннаго строя было порабощеніе и поглощеніе личности государствомъ. Въ XVI—XVII вв. такой порядокъ вещей находилъ оправданіе въ необходимости принести все въ жертву великой національной

задачѣ—достиженію естественныхъ или этнографическихъ границъ нашего племени. Но въ первой половинѣ XIX вѣка столь жалкое положеніе личности передъ государствомъ не имѣло уже этого оправданія, а являлось результатомъ, съ одной стороны, тяжелаго господства у насъ принциповъ полицейскаго государства, а съ другой стороны—обращенія государственнаго института крѣпостного права въ сословную привилегію для однихъ и въ сословное угнетеніе для другихъ. Но и обладатели этой привилегіи, дворяне, предъ лицемъ государства были почти такъ же ничтожны, какъ и ихъ крѣпостные; не лучше было положеніе купцовъ, духовенства и другихъ категорій обывателей. Гражданъ не было въ Россіи,—были только подданные, не столько за совѣсть, сколько за страхъ повиновавшіеся правительственной власти. Это обезличеніе погружало массы русскихъ людей въ умственный, нравственный и политическій маразмъ, который и привелъ наше отечество къ тяжелому кризису. Такимъ образомъ создалась повелительная необходимость обновить нашъ государственный и общественный строй, для чего нужно было прежде всего раскрѣпостить личность, даровавъ ей не только обыкновенныя гражданскія, но и нѣкоторыя общественныя права. Александръ Николаевичъ и лучшіе изъ числа окружавшихъ его людей поняли эту величайшую, выдвинутую нашей исторіей, задачу и разрѣшили ее весьма удовлетворительно. Голосъ передовыхъ русскихъ людей, раздававшійся опредѣленно еще съ конца XVIII вѣка, былъ, наконецъ, услышанъ и свѣтлыя мечтанія ихъ въ значительной мѣрѣ удовлетворены. Всѣ русскіе люди получили не только общественныя, публичныя права, но и возможность защиты ихъ, хотя и не вполнѣ совершенными еще способами, сдѣлались гражданами, личность была въ значительной мѣрѣ раскрѣпощена. И нельзя не замѣтить, что эта капитальнѣйшая реформа не замедлила оказать, раньше чѣмъ всѣ относящіяся до нея мѣропріятія были закончены, самое благотворное вліяніе на отношенія гражданъ къ государству, которыя въ затруднительный для Россіи моментъ обратились въ могучую волну патріотическаго одушевленія, готовую захлестнуть всѣхъ враговъ Россіи—мы говоримъ о томъ необычайномъ подъемѣ, который охватилъ всѣ слои русскаго общества во время польскаго возстанія 1863 г., когда со стороны иностранныхъ державъ были сдѣланы попытки, клонившіяся къ вмѣшательству въ наши внутреннія дѣла. Какая разница между этимъ взрывомъ патріотизма и холоднымъ оцѣпенѣніемъ, въ которое было погружено большинство русскихъ людей въ Крымскую войну, несмотря на то, что могущественный врагъ стоялъ уже на нашей территоріи!

Другая черта дореформеннаго строя — произволъ, царившій во всѣхъ сферахъ тогдашней жизни. Борьба съ нимъ была столь же необходима, какъ раскрѣпощеніе личности. И этой потребности въ значительной степени удовлетворили реформы царствованія

Александра Николаевича. Отмѣной крѣпостного права уничтоженъ произволъ помѣщиковъ, реформой судебной — произволъ старыхъ судовъ, введеніемъ земскихъ учрежденій—произволъ администраціи въ сферѣ хозяйственныхъ отношеній къ населенію, новымъ уставомъ о воинской повинности — произволъ при сдачѣ на военную службу. Наконецъ остальныя реформы Милютина и мѣропріятія, проведенныя Татариновымъ, если и не уничтожили, то во всякомъ случаѣ смягчили и ограничили произволъ въ сферѣ военнаго и финансоваго управленія. На мѣсто полновластно царившаго произвола выдвинуты начала правомѣрности и законности въ управленіи. Александръ Николаевичъ всегда интересовался и всегда опредѣленно сочувствовалъ законности и закону и въ царствованіе его былъ заложенъ надежный фундаментъ для созданія въ Россіи правового строя, этого непремѣннаго условія для экономическаго и духовнаго процвѣтанія каждаго народа. Раскрѣпощеніе личности и водвореніе началъ законности открыло возможность созданія и развитія общественной дѣятельности, требовавшей новыхъ силъ, которыя не находили себѣ примѣненія при дореформенномъ строѣ, когда много пригодныхъ къ общественному дѣлу людей должно было ограничиваться узкою сферой частныхъ интересовъ, не принося своему отечеству никакой пользы. Благодаря новымъ условіямъ жизни многіе нашли себѣ настоящее дѣло, вернулись душою въ отечество и приняли участіе въ дружной культурной работѣ.

Всѣ реформы императора Александра II въ глубокой степени проникнуты принципами гуманности и уваженія къ личности, въ этомъ заключается ихъ великая нравственная сила и кроется причина огромнаго ихъ вліянія на семейный и общественный бытъ, въ который онѣ привнесли мягкость и человѣчность; эти реформы отвѣтили на общія горячія желанія, выразителями которыхъ неоднократно выступали наши лучшіе писатели-беллетристы. Но кромѣ правовой и нравственной сферы, реформы—и прежде всего отмѣна крѣпостного права — оказали весьма большое вліяніе на экономическій бытъ населенія: онѣ привели къ полному крушенію систему натуральнаго хозяйства, которая была у насъ тѣсно связана съ крѣпостнымъ трудомъ и примитивными формами жизни, вызвали развитіе и ростъ торговли, промышленности, денежнаго обращенія и постройку желѣзныхъ дорогъ. Правда, экономическое оживленіе, охватившее Россію въ шестидесятыхъ годахъ XIX вѣка, не было свободно и отъ нѣкоторыхъ недостатковъ, появились дутыя предпріятія, ажіотажъ, крупные крахи, но все это были болѣзни вѣка, значительно ослабѣвшія съ теченіемъ времени и утратившія свой опасный характеръ, такъ какъ экономическая эволюція Россіи скоро стала на вѣрный и твердый путь. Гораздо серьезнѣе были несомнѣнные симптомы кризиса сельскаго хозяйства, покуда оно не приспособилось къ новымъ условіямъ труда, но и этому обстоятельству отнюдь не слѣдуетъ

придавать чрезмѣрнаго значенія. Кризисъ продолжался дольше, чѣмъ онъ долженъ бы былъ продолжаться, потому что правительственная власть во-время не пришла на помощь сельскому хозяйству, а общественныя организаціи еще не въ силахъ были быстро справиться съ этимъ дѣломъ одними своими средствами.

Говоря коротко, великія реформы Александра II представляютъ такой шагъ впередъ въ жизни русскаго государства и народа, которому равныхъ не много знаетъ исторія: рядомъ съ ними можно поставить лишь реформы Петра Великаго.

VIII.

Общественное движеніе, революціонная пропаганда и реакція.

Царствованіе Александра Николаевича было временемъ необыкновеннаго общественнаго оживленія и усиленной работы русской мысли. Въ глазахъ многихъ русскихъ людей выдвигаются на видное мѣсто общественныя нужды и интересы, которые подвергаются горячему обсужденію словесному, и въ печати начинается, однимъ словомъ, весьма замѣтное общественное движеніе. Разработка великихъ реформъ и проведеніе ихъ въ жизнь, конечно, усиливали это явленіе. Общественное движеніе прежде и больше всего охватило наиболѣе просвѣщенное сословіе—дворянство, губернскія собранія котораго совершенно мѣняютъ свой прежній характеръ: мелкіе личные счеты и споры и будничныя провинціальныя заботы отступаютъ на второй планъ, а общее вниманіе сосредоточивается на крупныхъ государственныхъ вопросахъ, въ обсужденіи которыхъ дворянство весьма опредѣленно желаетъ принять участіе. Послѣ горячихъ, иногда бурныхъ преній, дворянскія собранія составляютъ адресы государю, которые часто дышатъ искренностью и хорошо отражаютъ тогдашнее настроеніе умовъ. Предпринятыя преобразованія хотя и вызываютъ иногда критику, но въ общемъ привлекаютъ сочувствіе и одобреніе; въ дворянской средѣ нарождается сознаніе, что нельзя ограничиться имѣющимися уже въ виду правительства предположеніями, а надо итти дальше, къ реформѣ самой основы нашего государственнаго строя, возникаетъ конституціонное движеніе. Съ особенною опредѣленностью эти стремленія выразились въ адресахъ дворянствъ тверского (1862 г.) и московскаго. По убѣжденію тверскихъ дворянъ правительство безсильно провести и осуществить всѣ необходимыя реформы, если бы даже оно и хотѣло этого, такъ какъ свободныя учрежденія, къ которымъ ведутъ эти реформы, могутъ выйти только изъ самого народа и «созваніе выборныхъ отъ всей земли русской представляетъ единственное средство къ удовлетворительному разрѣшенію вопросовъ, возбужденныхъ, но не разрѣшенныхъ, Положеніемъ 19 февраля». Московскій адресъ, принятый большинствомъ 270 голосовъ противъ 36, просилъ

«довершить государственное зданіе созваніемъ общаго собранія выборныхъ людей отъ земли русской для обсужденія нуждъ общихъ всему государству», а также «второго собранія изъ представителей одного дворянскаго сословія».

Эти конституціонныя стремленія не встрѣчали сочувствія въ большинствѣ правящей среды; съ неодобреніемъ отнесся къ нимъ и самъ государь, твердо вѣрившій въ необходимость сохраненія въ Россіи прежней формы правленія. По собственнымъ словамъ его, передаваемымъ однимъ современникомъ, онъ далъ бы Россіи какую угодно конституцію, если бы считалъ это для нея безопаснымъ и полезнымъ. Правительство отклоняло представленія дворянъ, но относилось къ движенію довольно спокойно. Показателемъ этого настроенія является рескриптъ на имя министра внутреннихъ дѣлъ, явившійся какъ бы отвѣтомъ на московскій адресъ, который по формальнымъ основаніямъ не былъ представленъ государю въ подлинникѣ. «Мнѣ извѣстно, — писалъ государь, — что во время своихъ совѣщаній московское губернское дворянское собраніе вошло въ обсужденіе предметовъ, прямому вѣдѣнію его не подлежащихъ, и коснулось вопросовъ, относящихся до измѣненія существенныхъ началъ государственныхъ въ Россіи учрежденій. Благополучно совершившіяся въ десятилѣтнее мое царствованіе и нынѣ по моимъ указаніямъ еще совершающіяся преобразованія достаточно свидѣтельствуютъ о моей постоянной заботливости улучшать и совершенствовать, по мѣрѣ возможности и въ опредѣленномъ мною порядкѣ, разныя отрасли государственнаго устройства. Право вчинанія по главнымъ частямъ этого постепеннаго совершенствованія принадлежитъ исключительно мнѣ и неразрывно сопряжено съ самодержавной властью, Богомъ мнѣ ввѣренною. Прошедшее въ глазахъ всѣхъ моихъ вѣрноподданныхъ должно быть залогомъ будущаго... Я твердо увѣренъ, что не буду встрѣчать впредь такихъ затрудненій со стороны русскаго дворянства, вѣковыя заслуги котораго предъ престоломъ и отечествомъ мнѣ всегда памятны и къ которому мое довѣріе всегда было и нынѣ пребываетъ непоколебимымъ».

Оживленіе общественной мысли и возникновеніе общественнаго движенія было характерною чертою всей тогдашней жизни и находило яркое отраженіе въ текущей журналистикѣ и литературѣ, для развитія которыхъ послѣ значительнаго смягченія цензурныхъ стѣсненій создались болѣе благопріятныя условія. Появился рядъ журналовъ и газетъ, на страницахъ которыхъ съ большимъ подъемомъ и одушевленіемъ обсуждались общественные и государственные вопросы. «Русская Бесѣда», «Молва» и «Парусъ» были органами славянофиловъ; «Современникъ» объединялъ интеллигенцію радикальнаго образа мыслей, интересовавшуюся притомъ экономическими и соціальными вопросами; «Русское Слово», руководимое Писаревымъ, являлось выразителемъ чувствъ и желаній зна-

чительной по числу группы молодежи, выступившей со страстнымъ протестомъ противъ существующихъ стѣсненій для свободнаго развитія отдѣльной личности; «Русскій Вѣстникъ» Каткова былъ органомъ просвѣщеннаго и корректнаго либерализма въ англійскомъ вкусѣ и т. д. Совершенно особое мѣсто занималъ издававшійся въ Лондонѣ журналъ Герцена «Колоколъ». Имѣя возможность свободно говорить о Россіи и русскихъ дѣлахъ, одаренный большимъ литературнымъ талантомъ и боевымъ темпераментомъ, Герценъ создалъ «Колоколу» необычайную популярность и успѣхъ. Запрещенный въ Россіи, этотъ журналъ читался, тѣмъ не менѣе, повсюду, отъ дворцовъ членовъ императорской фамиліи до скромныхъ провинціальныхъ домиковъ. Своими разоблаченіями различныхъ безобразій и злоупотребленій «Колоколъ» принесъ немало пользы, но излишняя порывистость Герцена, а въ особенности его безтактное и непатріотическое поведеніе во время польскаго возстанія совершенно уронили значеніе «Колокола»; число его читателей уменьшилось въ нѣсколько разъ — это былъ отвѣтъ общественнаго мнѣнія на обращеніе «Колокола» изъ серьезнаго радикальнаго органа въ легкомысленный революціонный листокъ.

Кромѣ развитія публицистики, конецъ пятидесятыхъ и шестидесятые годы ознаменовались расцвѣтомъ изящной литературы и литературной критики; появляется длинный рядъ высоко художественныхъ, истинно классическихъ произведеній Гончарова, Тургенева, Льва Толстого, Щедрина, Островскаго, Алексѣя Толстого, Достоевскаго, Писемскаго, Некрасова и др. Эти писатели вскрыли и обрисовали русскую жизнь со всѣми ея темными сторонами и сослужили этимъ великую службу дѣлу обновленія семейнаго, общественнаго и государственнаго строя; но во многихъ литературныхъ произведеніяхъ той эпохи замѣчательно и положительное содержаніе—высокіе идеалы правды, добра, любви и духовной красоты, которые благотворно вліяли на общественную жизнь и нравы. Достигла расцвѣта и литературная критика, блестящимъ представителемъ которой явился Добролюбовъ. Въ уровень съ литературой и критикой поднялась—главнымъ образомъ, благодаря новому университетскому уставу 1863 г. — и русская наука; выдвигается цѣлый рядъ ученыхъ по различнымъ спеціальностямъ, обезпечившихъ русской наукѣ не только вниманіе, но и уваженіе всего ученаго міра.

Умственное и общественное движеніе привлекало къ себѣ самое серьезное вниманіе правительства, которое хорошо понимало, что это явленіе имѣетъ большое значеніе и что его отнюдь нельзя игнорировать: нарождался въ лицѣ общества и общественнаго мнѣнія новый факторъ русской жизни, новая сила, съ которой нельзя было не считаться. Но съ другой стороны, внявъ голосу общества, пойдя навстрѣчу его домогательствамъ и жела-

ніямъ и, въ особенности, опираясь на его мнѣнія, приходилось измѣнять привычной государственной политикѣ, заключавшейся въ управленіи Россіей силами и средствами бюрократіи. Создавалось затрудненіе, для опредѣленнаго выхода изъ котораго нужна была большая смѣлость и твердая воля. Правительство Александра Николаевича сознавало необходимость участія общества въ разработкѣ и проведеніи въ жизнь предпринятыхъ преобразованій, но въ то же время и опасалось представителей общества; такъ было во время хода крестьянской реформы, такъ было и послѣ. Неоднократно возвращались къ мысли спросить мнѣніе общественныхъ дѣятелей, но всегда не безъ боязни ихъ радикализма. Такъ, напримѣръ, обсуждая, какимъ порядкомъ направить предположенія о разныхъ улучшеніяхъ, сдѣланныя при обсужденіи результатовъ занятій Валуевской комиссіи о поднятіи сельской промышленности, Комитетъ Министровъ нашелъ, что было бы желательно выслушать отзывы мѣстныхъ обывателей, при чемъ прибавилъ, что лучше всего обратиться съ этою цѣлью къ предводителямъ дворянства и членамъ земскихъ учрежденій, «которыхъ можно вызвать безъ особыхъ выборовъ». Правящая среда понимала, что безъ общественныхъ представителей при разрѣшеніи сколько-нибудь важнаго дѣла трудно обойтись, но въ то же время столь же опредѣленно боялась призрака конституціонализма. Этимъ страхомъ сильнаго либеральнаго движенія и парламента и объясняются, главнымъ образомъ, колебанія, съ одной стороны, къ обществу, а съ другой — отступленія отъ него въ направленіи исключительно бюрократическомъ, составляющія одну изъ любопытныхъ и характерныхъ чертъ царствованія Александра Николаевича.

Первые годы царствованія Александра II замѣчается извѣстная солидарность между его взглядами и дѣйствіями его правительства, съ одной стороны, и настроеніемъ передовыхъ круговъ русскаго общества — съ другой; даже радикально настроенные люди, какъ Чернышевскій и Герценъ, были довольны дѣйствіями государственной власти. Но такое согласіе продолжалось недолго. Хотя правительство не остановилось по пути реформъ, а продолжало — правда, иногда не безъ нѣкоторыхъ колебаній — итти впередъ, но это поступательное движеніе перестало уже удовлетворять наиболѣе нетерпѣливыхъ людей. Появились недовольные, и число ихъ все возрастало, частію вслѣдствіе колебаній и ошибокъ правительства, частью вслѣдствіе распространенія журналами и текущею литературой ученій, которыя находились въ столь далекомъ и полномъ несоотвѣтствіи съ условіями тогдашней русской жизни, что правительство, если бы даже и захотѣло, не смогло бы воплотить ихъ въ дѣйствительность. Какъ разъ въ это время начинаютъ появляться и первые признаки правительственной реакціи: руководителемъ министерства внутреннихъ дѣлъ вмѣсто Ланского и Ни-

колая Милютина сталъ Валуевъ, министромъ народнаго просвѣщенія вмѣсто Кавалевскаго, человѣка мягкаго и добраго, былъ назначенъ суровый и весьма опредѣленный реакціонеръ адмиралъ князь Путятинъ; этотъ послѣдній долженъ былъ выполнить нелегкую задачу умиротворенія университетовъ, въ которыхъ было тогда далеко не спокойно. Правда, реакціонное теченіе правительства не было еще сколько-нибудь устойчивымъ, оно прерывалось рядомъ мѣръ и назначеній либеральнаго характера, каковы замѣна Д. А. Милютинымъ Сухозанета и Замятнинымъ графа Панина, которыя гораздо важнѣе отдѣльныхъ проблесковъ реакціи; но нѣкоторые изъ современниковъ той эпохи преувеличивали значеніе непріятныхъ имъ отдѣльныхъ распоряженій правительства; число недовольныхъ росло; обострялся и характеръ этого недовольства: изъ радикальной оппозиціи оно стало переходить въ революціонную пропаганду. Появляются революціонеры, мечтающіе о полномъ переворотѣ въ Россіи, который они считали возможнымъ провести насильственнымъ образомъ. Эти далекіе отъ дѣйствительнаго пониманія русской жизни люди, желавшіе насильно облагодѣтельствовать русскій народъ, въ прямолинейности своей не замѣчали комическихъ крайностей выдвигавшихся ими проектовъ: они не только мечтали, но и надѣялись создать федеративный коммунистическій строй—общественное землевладѣніе, общественныя фабрики и лавки, общественное воспитаніе дѣтей, требовали уничтоженія брака, «какъ явленія въ высшей степени безнравственнаго и немыслимаго при полномъ равенствѣ половъ, а слѣдовательно, и уничтоженія семьи, препятствующей развитію человѣка. и безъ котораго немыслимо уничтоженіе наслѣдства». Проведеніе всей этой программы предполагалось насильственно-революціоннымъ путемъ. Такого рода ученія составляли содержаніе прокламацій, которыхъ въ то время появлялось очень много. Такая литература не могла не безпокоить правительство, и ему пришлось выступить съ предупредительными и репрессивными мѣрами; началась борьба съ революціоннымъ движеніемъ, которая, на горе Россіи, съ тѣхъ поръ отняла много силъ и средствъ и въ значительной мѣрѣ развратила агентовъ государственной власти; но къ чести правительства того времени надо сказать, что сперва репрессія примѣнялась довольно спокойно; сообщенія, будто къ заподозрѣннымъ въ политической неблагонадежности лицамъ примѣнялись суровыя и даже жестокія мѣры, несомнѣнно относятся къ области вымысла. Революціонныя идеи горячили молодежь, наиболѣе нетерпѣливые представители которой торопились воплотить ихъ въ террористическіе акты, представлявшіеся ихъ сознанію необходимою подготовкой страстно желаемаго ими государственнаго переворота. Въ такой атмосферѣ возникло и созрѣло у Каракозова, принадлежавшаго къ одному изъ небольшихъ московскихъ революціонныхъ кружковъ, гнусное намѣреніе убить императора. 4 апрѣля 1866 года, когда государь, выйдя изъ Лѣтняго сада,

садился въ коляску, Каракозовъ выстрѣлилъ въ него изъ пистолета, но стоявшій рядомъ съ нимъ крестьянинъ Осипъ Комиссаровъ, къ счастью, ударилъ преступника по рукѣ, и пуля пролетѣла мимо. Каракозовъ былъ задержанъ, осужденъ и казненъ, а Комиссаровъ возведенъ въ дворянское достоинство. Все общество было крайне взволновано этимъ покушеніемъ и выказало государю горячее сочувствіе и вниманіе.

Злодѣйскій выстрѣлъ Каракозова былъ большимъ несчастіемъ для Россіи, такъ какъ опредѣленно толкалъ правительство на реакціонныя мѣры. Слѣдствіе по дѣлу Каракозова, произведенное особой комиссіей подъ предсѣдательствомъ М. Н. Муравьева, выдвинуло на первый планъ неудовлетворительность нашихъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ, по мнѣнію комиссіи, всецѣло царилъ духъ непокорства и своеволія на основѣ безвѣрія, матеріализма и соціализма, усиленно поддерживаемыхъ нѣкоторыми журналами. Эта оцѣнка привела къ закрытію «Современника» и «Русскаго Слова» и къ серьезнымъ перемѣнамъ въ составѣ высшихъ должностныхъ лицъ. Либеральный министръ народнаго просвѣщенія, близкій къ великому князю Константину Николаевичу человѣкъ, Головнинъ, былъ уволенъ, а на его мѣсто назначенъ графъ Д. А. Толстой; уволенъ также петербургскій генералъ-губернаторъ князь Суворовъ, отличавшійся мягкимъ и доброжелательнымъ отношеніемъ къ гражданамъ и въ особенности къ молодежи; во главѣ третьяго отдѣленія, вѣдавшаго политическую полицію, вмѣсто устарѣвшаго князя Долгорукова поставленъ приближенный къ государю молодой генералъ графъ П. А. Шуваловъ. Назначеніе гр. Д. А. Толстого знаменовало собою рѣзкій поворотъ правительственной политики въ дѣлѣ народнаго образованія къ господству плохо понятаго классицизма, которому придавалось теперь значеніе средства борьбы съ матеріалистическими теоріями, овладѣвшими въ значительной мѣрѣ умами юношества. Надѣялись, что классическое образованіе, основанное на обстоятельномъ изученіи древнихъ языковъ, отвратитъ подрастающія поколѣнія отъ увлеченія революціонными идеями, а кромѣ того, и самый процессъ усвоенія программы потребуетъ столько времени, что его не будетъ на постороннія проходимымъ курсамъ занятія. Проектъ реформы гимназій, составленный Толстымъ, встрѣтилъ серьезную оппозицію въ Государственномъ Совѣтѣ; большинство членовъ Совѣта вполнѣ понимало опасное значеніе проекта, клонившагося не къ развитію просвѣщенія въ Россіи, а къ затрудненію его и стѣсненію. Но государь сталъ на сторону Толстого и согласнаго съ нимъ меньшинства, предположенія министра народнаго просвѣщенія были осуществлены, въ Россіи установлены классическія гимназіи, въ которыхъ главное вниманіе было обращено на изученіе древнихъ языковъ, естественныя же науки были вовсе изгнаны изъ программы гимназій.

Это нововведеніе было встрѣчено дружнымъ неудовольствіемъ русскаго общества, а такъ какъ Толстой проводилъ свою систему съ прямолинейностью, которая граничила съ жестокостью, то это неудовольствіе все болѣе и болѣе усиливалось и, наконецъ, обратилось въ единодушное негодованіе.

Тотъ же мотивъ борьбы съ политической неблагонадежностью заставилъ подумать объ измѣненіи провинціальныхъ порядковъ, въ направленіи усиленія полномочій мѣстной администраціи. Нѣкоторыя лица правящей среды были склонны очень поднять значеніе представителей высшаго правительства, губернаторовъ, считая это необходимымъ условіемъ для успѣшной борьбы съ революціоннымъ движеніемъ. Вскорѣ послѣ покушенія Каракозова была составлена Валуевымъ, Зеленымъ (министръ государственныхъ имуществъ) и шефомъ жандармовъ Шуваловымъ записка, въ которой предлагалось очень серьезное увеличеніе власти губернаторовъ, которое, осуществившись, привело бы къ полнѣйшему ихъ господству въ губерніи. Противниками этого проекта выступили министръ юстиціи Замятнинъ и министръ финансовъ Рейтернъ, справедливо указывавшіе, что реформа губернаторской должности въ предположенномъ направленіи уничтожала бы всякое значеніе чиновъ другихъ вѣдомствъ, привела бы къ фактическому господству министра внутреннихъ дѣлъ въ ущербъ власти прочихъ министровъ и знаменовала бы возвращеніе къ давно осужденному старому порядку, когда губернаторы и воеводы соединяли всѣ функціи власти. Цѣликомъ проектъ не прошелъ, но власть губернатора, тѣмъ не менѣе, была значительно усилена, особенно же возросла его роль въ дѣлѣ политической полиціи. Эти измѣненія въ положеніи губернскаго представителя высшей правительственной власти, не сопровождавшіяся притомъ реорганизаціей или хотя бы усиленіемъ надзора за мѣстнымъ управленіемъ, шли въ разрѣзъ со стремленіями земскаго положенія 1864 г., выдвинувшаго общественное управленіе какъ нѣкоторый противовѣсъ коронным властямъ. Равновѣсіе, и безъ того далеко не полное, было окончательно нарушено къ несомнѣнному ущербу самоуправленія. Это мѣропріятіе, проведенное въ значительной мѣрѣ благодаря безтактнымъ, а иногда и преступнымъ выступленіямъ революціонеровъ, всей тяжестью своей легло, главнымъ образомъ, на прогрессивныя, тяготѣвшія къ земскимъ интересамъ, группы провинціальнаго населенія и послужило однимъ изъ основаній для созданія между нимъ и государственной властью пропасти, которая впослѣдствіи приняла угрожающіе размѣры.

Въ тѣсной связи съ переустройствомъ гимназій, измѣненіемъ положенія губернаторовъ и закрытіемъ нѣкоторыхъ журналовъ находились различныя мѣропріятія, по духу своему совершенно аналогичныя, какъ, напримѣръ, распоряженія, клонившіяся къ сокращенію едва созданной независимости судовъ, стѣсненія въ универ-

ситетахъ и т. под. Реакціонныя мѣропріятія правительства въ прогрессивномъ лагерѣ, конечно, вызывали неудовольствіе; огорчая однихъ и раздражая другихъ, они содѣйствовали лишь усиленію революціонной пропаганды, находившей себѣ горячихъ сторонниковъ среди выброшенныхъ изъ учебныхъ заведеній подростковъ и юношей. Успѣхи же революціоннаго движенія, въ свою очередь, пугали и озлобляли правительство, которое начинало теряться въ изысканіи мѣръ и средствъ противъ этого явленія и стало утрачивать свое прежнее спокойствіе въ борьбѣ съ революціонерами.

IX.

Внѣшняя политика.—Польское возстаніе.—Кавказъ, Дальній Востокъ, Средняя Азія.

Крымская война въ достаточной мѣрѣ обнаружила непригодность политической комбинаціи, въ составъ которой входила Россія, оказавшаяся въ критическій моментъ одна лицомъ къ лицу съ могущественной коалиціей. Но Александръ Николаевичъ не былъ склоненъ къ коренному измѣненію нашей внѣшней политики, подсказывавшемуся послѣдними событіями; онъ скорбѣлъ объ нарушеніи началъ Священнаго Союза и опредѣленно тяготѣлъ къ Пруссіи, вѣрный идеямъ и симпатіямъ, усвоеннымъ еще въ юности: въ дѣлахъ внѣшней политики Александръ Николаевичъ былъ строгимъ консерваторомъ и недовѣрчиво относился къ новымъ горизонтамъ и къ новымъ комбинаціямъ. Онъ искалъ дружбы только съ нѣмцами, высоко почиталъ прусскаго короля Вильгельма, приходившагося ему роднымъ дядей, и не довѣрялъ Франціи и въ особенности Наполеону III. Правда, это направленіе выразилось со всею прямолинейностью и рѣзкостью не сразу.

Вскорѣ послѣ заключенія Парижскаго мира, при которомъ Наполеонъ III оказалъ серьезныя услуги Россіи, послѣдовали крупныя перемѣны въ нашемъ дипломатическомъ вѣдомствѣ. Былъ уволенъ бездарный и безличный канцлеръ Нессельроде; постъ министра иностранныхъ дѣлъ былъ ввѣренъ кн. А. М. Горчакову—это была значительная перемѣна къ лучшему; посломъ въ Парижъ назначенъ министръ государственныхъ имуществъ, графъ П. Д. Киселевъ. Этотъ престарѣлый сановникъ быстро разобрался въ ходѣ дипломатическихъ дѣлъ и сталъ въ Парижѣ на правильный, съ точки зрѣнія нашихъ національныхъ интересовъ, путь. Почти одновременно съ назначеніемъ Киселева Наполеонъ III назначилъ посломъ въ Россію своего побочнаго брата, друга и близкаго совѣтника графа Морни. По дорогѣ въ Россію Морни въ Вильдбадѣ представлялся матери Александра Николаевича, императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, и видѣлся съ нѣкоторыми русскими представителями

при нѣмецкихъ дворахъ. Вынесенныя изъ этого общенія впечатлѣнія приводили Морни къ заключенію о прочности русскихъ симпатій къ нѣмцамъ и о недовѣріи къ Франціи и Наполеону III.

Но въ Россіи Морни былъ оказанъ очень любезный и радушный пріемъ. Императоръ сказалъ ему на пріемѣ: «Я радъ васъ видѣть здѣсь. Присутствіе ваше означаетъ конецъ положенію, къ счастью, уже не существующему и которое не должно болѣе возвращаться. Я очень благодаренъ императору Наполеону и никогда не забуду благосклоннаго вліянія, оказаннаго имъ въ нашу пользу на ходъ переговоровъ». Затѣмъ государь просилъ посла передать благодарность Наполеону за привѣтливый пріемъ посланныхъ въ Парижъ русскихъ офицеровъ и за подарокъ пушки новаго образца и высказалъ радость, что начинается сближеніе Россіи съ Франціей. При дворѣ Морни былъ окруженъ самымъ любезнымъ вниманіемъ; столь же сочувственно и предупредительно относился къ нему и кн. Горчаковъ.

Еще болѣе ласкали въ Парижѣ графа Киселева. Наполеонъ поспѣшилъ принять съ нимъ самый откровенный и дружескій тонъ, примѣру его слѣдовала и императрица Евгенія. Стремясь завязать непосредственныя сношенія съ русской императорской фамиліей, Наполеонъ и Евгенія пригласили находившагося въ Ниццѣ вел. кн. Константина Николаеича посѣтить Парижъ; онъ былъ принятъ самымъ любезнымъ образомъ. Наполеонъ не разъ велъ съ Константиномъ Николаевичемъ бесѣды по важнѣйшимъ вопросамъ международной политики. Императоръ французовъ выдвигалъ такую международную комбинацію, которая стала фактомъ нашихъ дней: онъ говорилъ о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ членовъ теперешняго тройственнаго согласія Россіи, Франціи и Англіи, которымъ, по его мнѣнію, слѣдовало рѣшить заблаговременно, въ какомъ направленіи дѣйствовать въ случаѣ возникновенія волненій въ Италіи и среди христіанскихъ народовъ Балканскаго полуострова; въ одной изъ такихъ бесѣдъ Наполеонъ задалъ великому князю весьма щекотливый вопросъ: «не захочетъ ли Россія присоединить Галицію?»

Познакомившись съ однимъ изъ членовъ нашей императорской фамиліи, Наполеонъ желалъ свидѣться и съ императоромъ Александромъ II. О возможности и послѣдствіяхъ этого свиданія много толковали въ Европѣ въ концѣ 1856 и началѣ 1857 года. Лѣтомъ 1857 г. Александръ Николаевичъ отправился съ императрицей въ Киссингенъ. Возможность свиданія императоровъ такимъ образомъ очень облегчалась, что было непріятно нѣмцамъ, которые, конечно, заботились о возстановленіи и усиленіи нѣсколько пошатнувшихся нѣмецкихъ симпатій русскаго правительства. Едва пріѣхалъ Александръ Николаевичъ въ Киссингенъ, какъ туда явился вюртембергскій король въ качествѣ посредника для возстановленія дружественныхъ отношеній Россіи къ Австріи, а въ то же время прусскій

посолъ при германскомъ сеймѣ, Бисмаркъ, зорко и не безъ безпокойства слѣдилъ за сношеніями Россіи съ Франціей, подозрѣвая, не скрываютъ ли отъ него подготовленное уже свиданіе императоровъ; безпокоились и англичане, опасавшіеся потерять въ Наполеонѣ союзника.

Киселевъ настойчиво совѣтовалъ Александру Николаевичу заключить союзъ съ Франціей, на которую одну только мы можемъ опереться; государь опредѣленно не высказывался, но согласился на свиданіе съ Наполеономъ въ случаѣ, если оно будетъ имъ предложено. Несмотря на возраженія и неудовольствія Англіи, Наполеонъ рѣшилъ свидѣться съ императоромъ Александромъ осенью 1857 г. въ Южной Германіи, гдѣ въ то время у него были нѣкоторые доброжелатели. Еще не состоялось это свиданіе, а нѣмецкая интрига была озабочена тѣмъ, чтобы парализовать возможные его результаты. Черезъ посредство родственнаго Россіи Саксенъ-Веймарскаго двора было получено согласіе Александра Николаевича на свиданіе съ императоромъ Францомъ Іосифомъ, которое должно было состояться послѣ свиданія съ Наполеономъ и свидѣтельствовать, что никакой перемѣны въ русской политикѣ не произошло. Конечно, Наполеонъ былъ этимъ недоволенъ.

Предстоящему свиданію русскаго и французскаго императоровъ придавалось громадное значеніе. Вотъ что писалъ Бисмаркъ: «Въ виду одного только факта русско-французскаго свиданія, здѣсь (во Франкфуртѣ-на-Майнѣ) уже чувствуютъ, что германскій союзъ пошатнулся, и всѣ союзные вопросы не вызываютъ болѣе интереса въ моихъ сотоварищахъ (посланникахъ при германскомъ сеймѣ). Какъ скоро вся конституція сейма низошла бы на степень историческаго матеріала, если бы дѣйствительно состоялся союзъ между обѣими державами съ практическими цѣлями». Свиданіе состоялось въ Штутгартѣ, но оно не принесло сближенія Россіи съ Франціей прежде всего потому, что онъ происходило въ атмосферѣ не только не благопріятной, но прямо-таки враждебной международной комбинаціи, а затѣмъ, изъ двухъ сторонъ, представленныхъ монархами, только Наполеонъ горячо желалъ искренняго соглашенія, русскій же императоръ колебался. Можетъ-быть, повредило и то, что Наполеонъ неосторожно заговорилъ съ Александромъ Николаевичемъ о положеніи дѣлъ и судьбѣ Польши, въ чемъ Александръ Николаевичъ усмотрѣлъ безтактное вмѣшательство во внутреннія дѣла Россіи. Тѣмъ не менѣе, между Россіей и Франціей установились, повидимому, вполнѣ благожелательныя отношенія, къ упроченію которыхъ Наполеонъ стремился всѣми силами. Къ сожалѣнію, очень скоро между Россіей и Франціей началось охлажденіе, искусно вызванное нѣмецкой и англійской дипломатіей. Осенью 1859 года Киселевъ предлагалъ государю заключить формальный союзъ съ Франціей, но не встрѣтилъ никакого сочувствія со стороны государя, отозвавшагося крайне

отрицательно и недоброжелательно о Наполеонѣ. «Довѣріе мое къ политическимъ видамъ Людовика-Наполеона, — сказалъ онъ, — сильно поколеблено. Его пріемы не безупречны. Нужно вниманіе, чтобы не вдаться въ обманъ». Этимъ настроеніемъ умѣло и ловко пользовался Бисмаркъ, бывшій посломъ въ Россіи. Эксплуатируя дружескія и родственныя чувства императора Александра къ Вильгельму, онъ строго слѣдилъ, чтобы этотъ послѣдній не только не сдѣлалъ бы какой-либо уступки Россіи, но и не раскрывалъ бы своему племяннику хитрыхъ и двуличныхъ ходовъ прусской дипломатіи. Бисмаркъ быстро сумѣлъ обойти русскій дворъ. По мѣрѣ усиленія прусскаго вліянія все болѣе и болѣе портились отношенія наши съ Франціей, такъ какъ Вильгельмъ въ своихъ частныхъ письмахъ Александру Николаевичу выставлялъ Наполеона опаснымъ человѣкомъ, стремящимся къ ниспроверженію законнаго порядка въ Европѣ. Вильгельмъ постоянно указывалъ также на поступательный ходъ всемірной революціи и на необходимость принять общія мѣры къ ея обузданію. Въ результатѣ такихъ внушеній и запугиваній Александръ Николаевичъ согласился идти рука объ руку не только съ Пруссіей, но и съ Австріей, къ которой онъ относился сперва несочувственно за ея неблагородное поведеніе во время Крымской войны.

Это сближеніе, въ которомъ Пруссія и Австрія преслѣдовали свои собственныя цѣли, не думая, конечно, объ интересахъ Россіи, а Россія преслѣдовала отвлеченную и праздную идею сохраненія существующаго порядка и борьбы съ революціоннымъ движеніемъ въ иностранныхъ государствахъ, напоминало собою Священный Союзъ, призракъ котораго огорчалъ и раздражалъ Францію. Настоятельныя указанія Киселева на необходимость для Россіи союза съ Франціей оставались безрезультатными и вызывали даже неудовольствіе государя, и скоро этотъ настойчивый сторонникъ французской дружбы былъ уволенъ, а на его мѣсто въ Парижъ посланъ одинъ изъ учениковъ Нессельроде, поклонникъ отжившихъ идей Священнаго Союза, преданный Пруссіи и Австріи человѣкъ, баронъ Будбергъ. Такимъ образомъ попытка сближенія Россіи съ Франціей, которое могло бы насъ освободить изъ нѣмецкаго плѣна и вывести на путь національной политики, оставленный нашими дипломатами еще въ концѣ XVIII в., не удалась; Россіи суждено было еще долгое время служить орудіемъ нѣмцевъ, а Наполеонъ, не добившись русской дружбы и не желая остаться изолированнымъ, повернулъ снова къ Англіи. Подъ такимъ впечатлѣніемъ огорченія и раздраженія на Россію за нежеланіе принять предлагаемую ей дружбу у Наполеона возникло стремленіе выступить за защиту поляковъ, которые въ это время подняли мятежъ противъ русской власти. Наполеона поддержали Австрія и Англія. Конечно, это выступленіе Франціи съ опредѣленнымъ притязаніемъ на вмѣшательство во внутреннія дѣла Россіи по-

вело къ окончательному охлажденію русско-французскихъ отношеній, а затѣмъ наша постоянная поддержка Пруссіи дала ей возможность разгромить сперва Австрію, а затѣмъ Францію и объединить подъ своимъ руководствомъ всѣ мелкія нѣмецкія государства. Единственная выгода, которую извлекла при этомъ Россія, это былъ отказъ отъ признанія статьи Парижскаго мира, по которой Россія не имѣла права держать флотъ на Черномъ морѣ. За свою ошибочную политику Россія понесла тяжелое наказаніе, получивъ въ лицѣ Германской имперіи могущественнаго и постоянно бряцающаго оружіемъ сосѣда. Черезъ пять лѣтъ послѣ франко-прусской войны Бисмаркъ увидѣлъ, что Франція слишкомъ быстро оправляется отъ нѣмецкаго разгрома, и былъ склоненъ повторить нападеніе; тогда французская дипломатія обратилась за поддержкой и защитой къ императору Александру II, и онъ, видя, что дальнѣйшее усиленіе Германіи за счетъ Франціи поведетъ къ серьезному нарушенію европейскаго равновѣсія и не можетъ не угрожать безопасности нашего отечества, выступилъ на защиту Франціи; Бисмаркъ къ большому своему неудовольствію вынужденъ былъ отказаться отъ своего воинственнаго плана, а Горчаковъ имѣлъ полное основаніе протелеграфировать русскимъ представителямъ за границей: «Отнынѣ миръ обезпеченъ».

Съ начала царствованія Александръ Николаевичъ проявилъ значительную мягкость къ полякамъ: сосланнымъ въ Сибирь за участіе въ возстаніи 1830—1831 года и эмигрантамъ было разрѣшено возвратиться на родину, на мѣсто скончавшагося кн. Паскевича, долгіе годы сурово правившаго Польшей, былъ назначенъ въ Варшаву слабохарактерный кн. М. Д. Горчаковъ. Это повело къ тому, что въ Польшѣ началось политическое броженіе. Первые признаки его стали обнаруживаться съ лѣта 1860 года, когда начался въ Варшавѣ рядъ патріотическихъ манифестацій, въ память дѣятелей и событій изъ исторіи борьбы Польши съ Россіей. На улицахъ появились прокламаціи, портреты Костюшки и т. п. Власти не принимали никакихъ репрессивныхъ мѣръ и не знали, что надо дѣлать; кн. Горчаковъ совершенно растерялся. Тогда поляки выступили съ требованіями коренныхъ реформъ, которыя должны были повести Польшу къ политической автономіи, а покуда добились разрѣшенія учредить въ Варшавѣ временное управленіе изъ выборныхъ отъ города, для наблюденія за порядкомъ, и нѣкоторыхъ другихъ распоряженій, клонившихся къ умаленію русской власти и русскаго престижа въ польскихъ губерніяхъ. Императоръ Александръ, получивъ донесенія объ этомъ, настойчиво потребовалъ отъ Горчакова рѣшительныхъ мѣръ къ возстановленію нарушеннаго порядка и спокойствія; онъ категорически указывалъ, что теперь не время идти на уступки. Но Горчаковъ попрежнему держался крайне нерѣшительно, и безпорядки быстро разрастались.

Относясь къ дѣйствіямъ Горчакова съ полнымъ осужденіемъ, императоръ Александръ повелѣлъ, тѣмъ не менѣе, выработать проекты существенныхъ улучшеній въ Польшѣ: рѣшено было даровать ей широкое самоуправленіе: возстановить Государственный Совѣтъ Царства Польскаго изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, назначаемыхъ высочайшею властью, которому, кромѣ завѣдыванія правосудіемъ, ввѣрить разсмотрѣніе годовой смѣты доходовъ и расходовъ царства, жалобъ на администрацію и пр.; въ губерніяхъ и уѣздахъ предполагалось учредить выборные совѣты, періодически созываемые для совѣщанія о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ, съ правомъ входить о нихъ съ представленіемъ въ Государственный Совѣтъ царства польскаго; намѣчался рядъ благопріятныхъ для польской національности мѣръ въ отношеніи школъ, печати, католической церкви и проч. Во главѣ всего гражданскаго управленія былъ поставленъ полякъ, маркизъ Велепольскій. Намѣстникъ объявилъ населенію волю государя, чтобы указанныя реформы были быстро проведены въ жизнь края, но, несмотря на это, безпорядки не стихли, напротивъ, волненія и демонстраціи все усиливались. Въ это время умеръ Горчаковъ; въ короткій срокъ въ званіи намѣстника смѣнились Ламбертъ, Лидерсъ и дважды Сухозанетъ, волненія же продолжались. Тогда въ Петербургѣ, не безъ вліянія Велепольскаго, рѣшили испробовать попытку умиротворенія Польши путемъ либеральнаго режима, проводить который взялся великій князь Константинъ Николаевичъ при содѣйствіи того же Велепольскаго. Но политическія страсти въ Польшѣ такъ разгорѣлись и желанія поляковъ стали настолько непомѣрны, что найти путь къ примиренію не было уже никакой возможности. Пріѣхавъ въ Варшаву съ самыми лучшими намѣреніями, великій князь не могъ ничего сдѣлать, такъ какъ очень скоро по всему царству и въ смежномъ съ нимъ сѣверо-западномъ краѣ разразился открытый мятежъ, которому предшествовалъ рядъ террористическихъ актовъ и покушеніе на самого великаго князя.

Въ началѣ движенія русское общество смотрѣло на него спокойно, а нѣкоторые круги его даже съ сочувствіемъ, но затѣмъ въ этомъ отношеніи произошелъ крутой поворотъ. Притязанія поляковъ на возстановленіе Польши въ прежнихъ границахъ, когда въ составъ ея входили исконныя русскія области, въ связи со слухами, вскорѣ оправдавшимися, о вмѣшательствѣ въ русско-польскія отношенія иностранныхъ государствъ, возмутили общественное мнѣніе и вызвали необычайный взрывъ патріотизма. Выразителями общаго настроенія, служившаго показателемъ живого самознанія и политической зрѣлости русскаго народа, выступили отъ общественныхъ учрежденій прежде всего петербургское, а вскорѣ за нимъ и другія дворянства. Въ ихъ адресахъ были не фразы, не риторика офиціальныхъ обращеній къ главѣ государства,

а дѣйствительный порывъ гражданъ, возмущенныхъ оскорбленіемъ ихъ родины. Императоръ Александръ II вполнѣ оцѣнилъ по достоинству выступленіе петербургскаго дворянства и, отвѣчая дворянской депутаціи, между прочимъ, сказалъ: «Я вполнѣ раздѣляю ваши чувства какъ дворянинъ. . . . . понимаю любовь къ отечеству такъ, какъ вы ее выразили». Такія же чувства выражены были и во многихъ другихъ адресахъ отъ сословныхъ учрежденій и отъ разныхъ обществъ. Очень трогателенъ былъ адресъ московскихъ старообрядцевъ, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: «Мы всегда повиновались властямъ предержащимъ, но тебѣ, царь освободитель, мы преданы сердцемъ нашимъ. Въ новизнахъ твоего царствованія намъ старина наша слышится. Престолъ твой и русская земля не чужое добро намъ, а наше кровное». Патріотическіе адресы во множествѣ стекались въ Петербургъ, нѣкоторые изъ нихъ были привезены особыми депутатами. 17 апрѣля 1863 года, въ славный день отмѣны тѣлесныхъ наказаній, Александръ Николаевичъ съ большою торжественностью въ Зимнемъ дворцѣ принялъ выборныхъ отъ учрежденій и сословій, съѣхавшихся для поднесенія ему адресовъ. Государь сказалъ имъ: «Адресы ваши и тѣ, которые я ежедневно получаю отъ всѣхъ сословій и изъ другихъ губерній, составляютъ для меня истинное утѣшеніе посреди моихъ заботъ. Я горжусь единствомъ этихъ чувствъ вмѣстѣ съ вами и за васъ. При одной мысли объ угрожающей намъ опасности всѣ сословія земли русской соединились вокругъ престола, показали царю своему то довѣріе, которое для него всего дороже. Вѣрьте мнѣ, что моя жизнь имѣетъ единственную цѣль: благо дорогого нашего отечества и постепенное развитіе его гражданской жизни... Взаимное наше довѣріе есть залогъ будущаго благоденствія Россіи».

Патріотическій подъемъ захватилъ и большую часть русской публицистики, виднѣйшимъ представителемъ которой въ то время былъ М. Н. Катковъ, который въ эпоху польскаго возстанія и дипломатическаго похода на Россію пламенно проповѣдывалъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и «Русскомъ Вѣстникѣ» высокіе культурные идеалы и крѣпкій патріотизмъ. Страстное слово Каткова падало на готовую общественную почву, повышало настроеніе разныхъ круговъ русскаго народа и, несомнѣнно, сыграло большую роль въ дѣлѣ объединенія всѣхъ чувствъ и помысловъ русскихъ людей для сохраненія единства, цѣлости и неприкосновенности русской державы. Общественное мнѣніе страны заявило весьма убѣдительно не только о своемъ существованіи, но и о своей зрѣлости; правительство оцѣнило все значеніе этого новаго фактора, новой силы, выдвинувшейся въ нашемъ отечествѣ; оно сумѣло опереться на патріотически настроенныя массы населенія и заговорить такимъ тономъ, который показалъ западно-европейскимъ державамъ всю неумѣстность ихъ домогательствъ на вмѣша-

тельство во внутреннія дѣла Россіи, а полякамъ всю легкомысленность ихъ притязаній на возстановленіе Польши. Кн. А. М. Горчаковъ въ замѣчательной нотѣ категорически отклонилъ предложенія Франціи и Англіи созвать обще-европейскую конференцію для обсужденія польскаго вопроса и будущаго устройства Царства Польскаго, и правительство энергично взялось за подавленіе мятежа. Эта обязанность была возложена въ царствѣ на графа Берга, а въ сѣверо-западномъ краѣ на М. Н. Муравьева. Возстаніе было ликвидировано и немедленно было введено новое устройство бывшаго Царства Польскаго, получившаго названіе Привислянскаго края. Сущность новаго устройства заключалась въ приближеніи тамошнихъ порядковъ и управленія къ строю русскихъ губерній. Реформу отношеній между помѣщиками и крестьянами государь возложилъ на Н. А. Милютина; въ помощь себѣ Милютинъ пригласилъ своихъ прежнихъ сотрудниковъ, Самарина и кн. Черкасскаго. 19 февраля 1864 г. обнародованы два замѣчательные указа, о надѣленіи польскихъ крестьянъ землею, при условіи обязательнаго и немедленнаго ея выкупа у помѣщиковъ, и о созданіи сельской гмины (волости) на началахъ самоуправленія. Эта реформа послужила прочнымъ основаніемъ для умиротворенія и успокоенія главной массы населенія Привислянскаго края.

Такимъ образомъ, польское возстаніе заставило правительство, опиравшееся въ данномъ случаѣ на общественное мнѣніе, отказаться отъ предполагавшихся широкихъ преобразованій въ духѣ самоуправленія и обратиться къ устраненію мѣстныхъ особенностей въ цѣляхъ наиболѣе тѣснаго сліянія Привислянскаго края съ остальною Россіей.

На Кавказѣ и въ Азіи правительство Александра Николаевича дѣйствовало весьма опредѣленно и рѣшительно, твердо руководствуясь исключительно національными интересами и цѣлями; поэтому и результаты, достигнутые имъ въ указанной сферѣ, были весьма значительны. Александръ Николаевичъ унаслѣдовалъ войну съ кавказскими горцами, которая, повидимому, была весьма далека отъ окончанія; охваченные религіознымъ одушевленіемъ горцы не только защищались, но и сами нерѣдко нападали на русскихъ; такой порядокъ вещей не могъ быть долѣе терпимъ, и Д. А. Милютинъ составилъ проектъ энергичныхъ мѣръ къ замиренію Кавказа; предположенія Милютина были горячо поддержаны кн. А. И. Барятинскимъ, но встрѣтили возраженія со стороны военнаго министра Сухозанета и кавказскаго намѣстника Н. Н. Муравьева. Александръ Николаевичъ сталъ на сторону Барятинскаго и Милютина, и назначилъ перваго кавказскимъ намѣстникомъ, а второго—начальникомъ штаба кавказскихъ войскъ.

Тотчасъ послѣ коронаціи императора Барятинскій отправился на Кавказъ; около года потребовалось на обширныя военныя приготовленія, затѣмъ начато рѣшительное наступленіе на виднѣйшаго

вождя горцевъ, Шамиля, находившагося въ дебряхъ Дагестана. Вскорѣ былъ занятъ рядъ ауловъ и, наконецъ, въ 1859 году палъ укрѣпленный Гунибъ; Шамиль въ качествѣ плѣнника отправленъ былъ на жительство въ Калугу. На западномъ Кавказѣ, глава воинственнаго племени обадзеховъ, Мегметъ Аминь, добровольно покорился Россіи, и покореніе западнаго Кавказа закончено при преемникѣ Барятинскаго, великомъ князѣ Михаилѣ Николаевичѣ. Окончательное покореніе и успокоеніе Кавказа было весьма крупнымъ успѣхомъ русскаго оружія и русской правительственной власти; оно дало возможность экономическаго развитія населенія и культурной работы въ этой богато одаренной природой странѣ.

Одновременно съ упроченіемъ русскаго владычества на Кавказѣ были мирнымъ путемъ сдѣланы очень большія земельныя пріобрѣтенія на Дальнемъ Востокѣ. Генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири былъ въ это время очень дѣятельный и энергичный человѣкъ Н. Н. Муравьевъ, который, несмотря на неудовольствіе и противодѣйствіе нашего дипломатическаго вѣдомства, опасавшагося войны съ Китаемъ, твердо обосновался въ устьяхъ Амура, а затѣмъ по Айгунскому договору съ Китаемъ возвратилъ Россіи уступленную при царевнѣ Софьѣ Амурскую область. Рѣшительныя дѣйствія Муравьева не разъ вызывали неудовольствіе петербургскихъ канцелярій, весьма обострявшіяся въ виду его крутого и нѣсколько неуживчиваго характера, но на защиту властнаго генералъ-губернатора всегда выступалъ императоръ Александръ II, цѣнившій въ немъ полезнаго государственнаго дѣятеля. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ присоединенія Амурскаго края былъ присоединенъ по договору, заключенному графомъ Игнатьевымъ съ Китаемъ, Уссурійскій край и для колонизаціи открылись обширныя, богатѣйшія земли, большая часть которыхъ до сихъ поръ ждетъ энергичныхъ рабочихъ рукъ.

Много заботъ и непріятностей русской правительственной власти причиняла въ серединѣ XIX вѣка граница Россіи съ среднеазіатскими ханствами, такъ какъ приходилось быть постоянно готовыми отражать нападенія азіатскихъ хищниковъ, грабившихъ наши пограничные пункты. Великая держава не могла безконечно терпѣть рядомъ съ собою полуразбойничьи государства, какими тогда были Хива, Бухара и Коканъ, и въ тотъ самый годъ (1864), когда окончательно покоренъ Кавказъ, начались военныя дѣйствія противъ этихъ разбойничьихъ гнѣздъ.

Въ этихъ военныхъ операціяхъ выдвинулся генералъ М. Г. Черняевъ, съ незначительными силами взявшій нѣсколько коканскихъ городовъ; но изъ-за опасенія международныхъ осложненій Черняевъ получилъ приказаніе остановиться въ дальнѣйшемъ наступленіи. Между тѣмъ занятіе русскими войсками цѣлой области, принадлежавшей Кокану, вызвало сильное волненіе какъ въ этомъ

ханствѣ, такъ и въ сопредѣльной Бухарѣ. Чтобы предупредить нападеніе сосредоточенныхъ въ Ташкентѣ значительныхъ коканскихъ силъ, Черняевъ двинулся къ этому городу, разбилъ коканское войско, а самый Ташкентъ взялъ приступомъ. Успѣхи русскаго оружія въ Средней Азіи сильно обезпокоили Англію, и она стала домогаться гарантій, что дальнѣйшее движеніе Россіи въ глубь Азіи по направленію къ Британской Индіи будетъ пріостановлено. Наша дипломатія увѣряла, что русское правительство не имѣетъ завоевательныхъ замысловъ; но, конечно, Россія не могла остановиться на полпути, а должна была достигнуть твердыхъ и прочныхъ границъ и уничтожить много лѣтъ царившее въ Средней Азіи безначаліе, постоянно угрожавшее нашимъ интересамъ и нашему спокойствію. Англійская дипломатія волновалась и раздражалась, англійская печать иногда принимала грозный тонъ, но до открытаго разрыва дѣло не дошло, и Россія сильно подвинула разрѣшеніе лежавшей на ней исторической задачи по умиротворенію и пріобщенію къ европейской культурѣ Средней Азіи. За Коканомъ пришла очередь и Бухары, которая пыталась сопротивляться русскимъ силамъ, но безуспѣшно: послѣ побѣды, одержанной генераломъ Романовскимъ надъ скопищами бухарскаго эмира, часть его владѣній съ городомъ Самаркандомъ была присоединена къ Россіи, а остальная стала вассальнымъ по отношенію къ Россіи государствомъ; вскорѣ окончательно подчиненъ былъ и Коканъ.

Теперь надлежало разрѣшить самую трудную задачу, привести къ покорности главнаго средне-азіатскаго хищника — Хиву. Экспедиція противъ Хивы была широко задумана и удачно доведена до конца. Съ трехъ сторонъ, отъ Кокана, Оренбурга и Казалинска, направлены были отряды войскъ, общая численность которыхъ достигала 13.000 человѣкъ при 56 орудіяхъ подъ общимъ начальствомъ генерала фонъ-Кауфмана, и послѣ труднѣйшаго похода черезъ обширныя безводныя, песчаныя степи, окружающія Хиву, цѣль была достигнута: хивинскія и туркменскія скопища разбиты и разсѣяны, а столица ханства Хива взята и хивинское ханство подчинено Россіи въ 1873 г.; затѣмъ Скобелевъ покорилъ Россіи нѣсколько туркменскихъ племенъ и 12 января 1881 г. взялъ укрѣпленіе Геокъ-Тепе. Во всѣхъ этихъ областяхъ было уничтожено рабство и быстро прекращены разбои и безпорядки; для нѣсколькихъ милліоновъ населенія, занимающаго богатѣйшія, плодороднѣйшія земли, открылось подъ владычествомъ Россіи новая эра мирнаго и культурнаго преуспѣянія. Оцѣнивая сдѣланное Россіей въ Средней Азіи въ царствованіе Александра II, нельзя не признать, что наши военные и административные тамъ успѣхи составляютъ одну изъ блестящихъ страницъ этого царствованія.

X.

Война съ Турціей.—Берлинскій конгрессъ и послѣднее время царствованія.

Къ серединѣ семидесятыхъ годовъ правительство Александра Николаевича утратило бодрость и стремленіе двигаться впередъ. Цѣлый рядъ дѣятелей этохи великихъ реформъ сошелъ съ политической сцены, реакція прочно овладѣла большинствомъ правительственной среды и оказывала печальное вліяніе на ходъ дѣлъ въ государствѣ, даже посягала на только что проведенныя реформы; съ этого времени начались нежелательныя измѣненія, портившія стройное зданіе судебныхъ уставовъ. Такое направленіе внутренней политики создало разладъ между государственной властью, предпочитавшей управлять Россіей силами бюрократіи, и культурными слоями населенія, ясно понимавшими дефекты принятой системы и желавшими болѣе земскаго и болѣе прогрессивнаго управленія. Мѣропріятія Д. А. Толстого и министра внутреннихъ дѣлъ Тимашева, который смѣнилъ Валуева, цензурныя стѣсненія, недовѣріе къ общественнымъ организаціямъ — все это усиливало общее недовольство и увеличивало число недовольныхъ. Оппозиціонное настроеніе повело къ образованію революціонныхъ группъ: частію условія русской дѣйствительности, а еще болѣе теоретическія мечтанія и грезы о близкой возможности водворенія соціальнаго счастія на землѣ толкали молодежь на путь рѣзкихъ, активныхъ выступленій и страстной борьбы съ существующимъ государственнымъ порядкомъ. Атмосфера замѣтно сгущалась, надвигался кризисъ, гроза неминуемо должна была разразиться. И дѣйствительно: собрались грозныя тучи, засверкали молніи и загремѣлъ громъ, только не въ Россіи, а въ далекой Турціи, на Балканскомъ полуостровѣ, гдѣ близкіе намъ по языку и вѣрѣ славянскіе народы изнывали уже пятый вѣкъ подъ турецкимъ игомъ. И эта гроза на время поглотила все вниманіе русскаго общества и отвлекала его отъ внутреннихъ дѣлъ.

Крымская война поколебала нашъ престижъ на ближнемъ Востокѣ и привела къ утратѣ Россіею исключительнаго права защиты интересовъ христіанскихъ народовъ Турціи: согласно Парижскому миру 1856 года оно сдѣлалось достояніемъ концерта великихъ европейскихъ державъ. Но интересы великихъ державъ въ Турціи были весьма противорѣчивы, и согласить ихъ не представлялось никакой возможности; въ результатѣ балканскіе христіане, подданные Турціи, были предоставлены на произволъ судьбы, или, точнѣе, на произволъ жадной и жестокой турецкой администраціи. Притѣсненія, а затѣмъ насилія и избіенія христіанъ привели въ срединѣ 70-хъ годовъ къ возстанію жителей Босніи

и Герцеговины, а когда это возстаніе было залито кровью и подавлено, то общественное мнѣніе Сербіи и Черногоріи заставило свои правительства объявить войну Турціи. Русское общество съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдило за ходомъ балканскихъ событій. Страданія славянъ въ Босніи, Герцеговинѣ и Болгаріи возмущали душу и горячили сердца огромнаго большинства русскихъ людей, независимо отъ ихъ образа мыслей и отношенія къ правительству. Событія на Балканскомъ полуостровѣ, гдѣ рѣкою лилась кровь братьевъ-славянъ, оттѣснили на второй планъ внутренніе дѣла и счеты. Острый разладъ съ правительственной властью былъ на время забытъ. Общественное мнѣніе проявилось съ такою же силою, какъ во время польскаго возстанія. Наиболѣе горячіе и наиболѣе нетерпѣливые люди, будучи не въ состояніи ждать результатовъ возникшаго общественнаго движенія, на свой страхъ и рискъ потянулись въ Сербію, чтобы въ рядахъ ея войскъ принять участіе въ борьбѣ за право и свободу противъ насилія и произвола. Составъ добровольческой среды, какъ съ точки зрѣнія соціальной, такъ и политической, былъ очень пестрый; это, конечно, свидѣтельствовало о широтѣ возникшаго движенія, о томъ, что оно явилось плотью отъ плоти и костью отъ кости всего русскаго народа. Это добровольческое движеніе было однимъ изъ самыхъ яркихъ примѣровъ преобладанія и господства общечеловѣческихъ міровыхъ идеаловъ надъ преходящими мѣстными и временными цѣлями и задачами.

Русское правительство не поддерживало общественнаго движенія въ пользу славянъ, оно даже запрещало земскимъ учрежденіямъ дѣлать для этой цѣли денежныя ассигнованія. Опасаясь столкновенія съ противодѣйствовавшей намъ всегда въ Турціи Англіею, русская дипломатія обнаруживала осторожность, граничившую съ робостью, и стремилась совмѣстно съ Австріей повліять на воюющія стороны въ смыслѣ умиротворенія. Но общественное мнѣніе настойчиво требовало энергичнаго выступленія Россіи на защиту братьевъ славянъ. Подъемъ и одушевленіе были столь сильны, что государственная власть не могла ихъ игнорировать, и въ тотъ моментъ, когда турки готовы были разгромить Сербію, русское правительство выступило, наконецъ, съ рѣшительнымъ словомъ и остановило нашествіе турокъ на маленькое славянское государство: русскому послу въ Константинополѣ гр. Игнатьеву былъ посланъ приказъ объявить Портѣ, что если въ двухдневный срокъ она не прекратитъ военныя дѣйствія противъ Сербіи, то дипломатическія сношенія между Россіей и Турціей будутъ прерваны. Въ надеждѣ разрѣшить балканскія осложненія мирнымъ путемъ созвана была въ Константинополѣ международная конференція; но среди великихъ державъ попрежнему не было согласія: Англія интриговала противъ Россіи, больше всего опасаясь усиленія русскаго вліянія на Балканскомъ полуостровѣ, Австрія думала

только о томъ, какъ бы захватить себѣ Боснію и Герцеговину, Германія, выдавая себя за друга Россіи, въ дѣйствительности всецѣло стояла на сторонѣ Австріи.

Императоръ Александръ Николаевичъ, принимавшій личное участіе въ переговорахъ по балканскимъ дѣламъ и хорошо освѣдомленный о возбужденіи русскаго общества, понялъ необходимость предпринять нѣкоторые шаги къ успокоенію взволнованнаго общества и въ октябрѣ 1876 г., проѣздомъ изъ Ливадіи въ Петербургъ, принимая въ Москвѣ всеподданнѣйшіе адресы отъ дворянъ и городского общества, онъ произнесъ рѣчь. Хотя по существу она была очень умѣренная и, повидимому, произносилась въ намѣреніи умиротворенія и успокоенія, а отнюдь не съ цѣлью бряцать оружіемъ, но воинственно настроенные общественные круги поняли ее такъ, какъ имъ того хотѣлось, и въ отвѣтъ на слова государя посыпались безчисленные адресы съ выраженіемъ горячаго сочувствія славянамъ и готовности принести самыя серьезныя жертвы дѣлу ихъ освобожденія. Однимъ изъ талантливѣйшихъ выразителей господствовавшаго тогда настроенія явился Ив. С. Аксаковъ. Даже для правительственныхъ круговъ, желавшихъ мира, становилось ясно, что дѣло съ неизбѣжностью идетъ къ войнѣ; осенью 1876 г. войска на югѣ были мобилизованы, въ числѣ приблизительно до 550.000 чел. при 1050 орудіяхъ. Мобилизація вызвала восторженное одобреніе русскаго общества и сильно всполошила и взволновала Европу. Кн. Горчаковъ, извѣщая иностранныя правительства о мобилизаціи, въ сознаніи того, что за нимъ стоитъ твердое и единодушное общественное мнѣніе, принялъ надлежащій, рѣшительный тонъ и категорически утверждалъ, что, хотя императоръ Александръ II не желаетъ войны и сдѣлаетъ все возможное, чтобы ее избѣжать, но онъ «не остановится въ своей рѣшимости до тѣхъ поръ, пока признанные всею Европою принципы справедливости и человѣколюбія, къ коимъ народное чувство Россіи примкнуло съ неудержимою силою, не возымѣютъ полнаго и обезпеченнаго прочными гарантіями осуществленія». Но Турція, разсчитывая на нѣкоторую поддержку со стороны Англіи, рѣшилась лучше рискнуть войной съ Россіей, чѣмъ принять коренныя реформы управленія въ Босніи, Герцеговинѣ и Болгаріи, которыхъ отъ нея требовали.

Манифестомъ 12 апрѣля 1877 г. была объявлена Россіею война Портѣ. Главныя русскія силы, около 200.000 чел. двинулись черезъ Румынію къ Дунаю, а около 120.000 составили армію для дѣйствій у нашей кавказской границы; главнокомандующимъ первою изъ названныхъ армій назначенъ великій князь Николай Николаевичъ, второй — Михаилъ Николаевичъ. Въ іюнѣ русскія войска переправились черезъ Дунай, быстро двинулись къ Балканскимъ горамъ и овладѣли нѣкоторыми горными проходами, въ томъ числѣ Шипкинскимъ переваломъ, но на этомъ успѣхи пока

прекратились: турки успѣли собрать большія силы и оказали стойкое сопротивленіе, въ особенности въ укрѣпленномъ лагерѣ подъ Плевною, гдѣ ими командовалъ талантливый генералъ Османъ-паша. Русской арміи пришлось приступить къ осадѣ Плевны, такъ какъ три попытки взять ее штурмомъ не увѣнчались успѣхомъ. Стало очевидно, что война начата съ недостаточными силами; выяснились и многіе недостатки нашего полевого штаба.

Послѣ второго штурма Плевны, 18 іюля 1877 г., положеніе наше на балканскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій было весьма затруднительно; на созванномъ государемъ военномъ совѣтѣ главнокомандующій и его штабъ высказались за невозможность продолжать войну съ наличными силами и настаивали на необходимости перевести армію обратно за Дунай до прихода подкрѣпленія. Противъ этого энергично возсталъ военный министръ Д. А. Милютинъ, доказывавшій, что отступленіе было бы позорно для арміи и для Россіи и что положеніе наше совсѣмъ не такъ уже опасно. Дѣйствительно, ничего плохого съ русской арміей не случилось; перешедши временно къ оборонѣ, она стойко держалась до осени, когда прибыла гвардія и другія подкрѣпленія и дѣла наши быстро поправились, Плевна была взята и побѣдоносныя войска наши зимою двинулись черезъ Балканы, удививъ всю Европу этимъ труднѣйшимъ походомъ. Въ нашей войнѣ противъ турокъ приняла также участіе Черногорія, а потомъ и Румынія. На азіатскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій наши силы тоже оказались недостаточными, пришлось и тамъ ждать подкрѣпленій, по полученіи которыхъ достигнуты были значительные успѣхи: штурмомъ взятъ Карсъ, и наши войска дошли до Эрзерума. Перейдя Балканы, отряды Гурко, Радецкаго и Скобелева заняли города Филипполь и Адріанополь и приблизились къ самому Константинополю. Сопротивленіе Турціи было окончательно сломлено, и султанъ просилъ мира.

Въ теченіе войны Англія все время обращалась къ Россіи со всевозможными претензіями и требованіями гарантій, что русскія войска не займутъ Константинополя и различныхъ пунктовъ у Мраморнаго моря. Тонъ англійской дипломатіи становился все болѣе и болѣе агрессивнымъ, а домогательства ея все увеличивались, русская же дипломатія отвѣчала въ тонѣ недостаточно рѣшительномъ, такъ что Англія перешла къ прямымъ угрозамъ противъ Россіи, требуя, чтобы русскія войска не занимали турецкой столицы; Австрія за свой нейтралитетъ настойчиво требовала солидныхъ компенсацій. Александръ Николаевичъ колебался, съ одной стороны, ему очень хотѣлось занять Константинополь, а съ другой— онъ боялся разрыва и войны съ Англіей и осложненій съ Австріей. При такой политической обстановкѣ начались переговоры о мирѣ съ турецкими уполномоченными Намыкъ и Севреръ-пашами, которые хотя и заявили, что султанъ повергаетъ себя и свою имперію на великодушіе русскаго императора, но когда имъ были объявлены

выработанныя въ Петербургѣ условія мира, то они принять ихъ не рѣшились. Больше всего смутило уполномоченныхъ русское требованіе созданія самостоятельной Болгаріи. Переговоры были прерваны. Извѣстіе объ этомъ, а также и о движеніи нашихъ войскъ къ Константинополю вызвало радость Александра II; въ такомъ настроеніи поддерживалъ его и великій князь Константинъ Николаевичъ. Но въ правящей средѣ далеко не всѣ раздѣляли такую точку зрѣнія; скоро сталъ снова колебаться и государь; великому князю главнокомандующему посылались довольно сбивчивыя приказанія, изъ которыхъ можно сдѣлать лишь одинъ выводъ, что хотѣли занять Константинополь, но опасались столкновенія изъ-за этого съ другими державами; колебался и самъ великій князь главнокомандующій, боясь такого шага, какъ занятіе Константинополя.

19 января были подписаны основанія предварительнаго мирнаго договора съ Турціей, которыя сводились къ слѣдующему: 1) созданіе вассальнаго Турціи Болгарскаго княжества, 2) признаніе независимости Сербіи и Румыніи, 3) увеличеніе за счетъ Турціи территоріи Румыніи, Сербіи и Черногоріи, 4) созданіе автономнаго управленія Босніи и Герцеговины и коренныя преобразованія въ другихъ областяхъ Европейской Турціи, 5) вознагражденіе Россіи за ея издержки и потери деньгами или земельною уступкою. Черезъ мѣсяцъ на этихъ основаніяхъ былъ подписанъ предварительный договоръ въ Санъ-Стефано, который русскіе дипломаты согласились передать на разсмотрѣніе конгресса изъ представителей великихъ державъ въ Берлинѣ. По этому договору въ счетъ вознагражденія Россія получила отъ Турціи часть Добруджи, Карсъ и Батумъ.

Берлинскій конгрессъ—это одна изъ самыхъ печальныхъ страницъ царствованія Александра Николаевича. Россія оказалась на немъ въ крайне тяжеломъ и унизительномъ положеніи, ее трактовали какъ бы провинившуюся передъ Англіей и Австріей второстепенную державу. Бисмаркъ, заявлявшій, что онъ играетъ роль «честнаго маклера», на самомъ дѣлѣ думалъ только о германскихъ интересахъ, которые требовали союза съ Австріей, вслѣдствіе чего онъ и старался поддержать сколько можно представителя Австріи, графа Андраши. Англійскіе представители держались такого высокомѣрнаго тона, какъ будто Англія только что одержала рядъ блестящихъ побѣдъ надъ Россіей. Нашими уполномоченными на конгрессѣ были: кн. Горчаковъ, гр. Шуваловъ и Убри. Кн. Горчаковъ въ то время былъ уже очень старъ и не могъ съ успѣхомъ бороться со своими хитрыми и безцеремонными соперниками, Шуваловъ былъ гораздо моложе Горчакова, но эта выгода парализовалась его самонадѣянностью и, особенно, наивною вѣрой въ непоколебимую и безкорыстную дружбу Бисмарка къ Россіи; Убри, какъ и Шуваловъ, былъ слѣпъ по отношенію къ Бисмарку, ничего

не видѣлъ, что подготовлялось въ Берлинѣ, и всѣ донесенія передъ войной и во время ея сводилъ, главнымъ образомъ, къ прославленію нѣмецкаго канцлера и незыблемой его дружбы къ Россіи. При такихъ обстоятельствахъ не удалось удержать полностію того, что по Санъ-Стефанскому соглашенію выговорила Россія. Заключенный въ Берлинѣ трактатъ привелъ къ сокращенію территоріальныя пріобрѣтенія Сербіи и Черногоріи, вмѣсто одной Болгаріи было создано двѣ — вассальное по отношенію къ Турціи княжество Болгарія (между Дунаемъ и Балканами) и автономная провинція Турціи Восточная Румелія (на югъ отъ Балканъ); наконецъ Австріи разрѣшено было оккупировать Боснію и Герцеговину, подъ предлогомъ устройства въ нихъ нормальнаго управленія. Англія по особому соглашенію съ Турціей получила островъ Кипръ. Изъ Берлинскаго конгресса Россія вышла униженною и совершенно изолированною, имѣя противъ себя соглашеніе Германіи съ Австріей, къ которому впослѣдствіи присоединилась Италія.

Такіе результаты Берлинскаго конгресса больно задѣли національное самолюбіе русскаго общества и повели, между прочимъ, къ тому, что недовольство Бисмаркомъ и Германіей начало проникать и въ правящую среду; для многихъ стала выясняться роковая ошибочность нашей внѣшней политики, стремившейся съ закрытыми глазами, во что бы то ни стало, опираться на нѣмцевъ. Начала разочаровываться въ дружбѣ Германіи и русская государственная власть, и такимъ образомъ очищалась почва для болѣе здоровой, болѣе соотвѣтствующей нашимъ національнымъ цѣлямъ международной комбинаціи, проведеніе которой въ жизнь составляетъ заслугу уже послѣдующаго царствованія императора Александра III, когда Россія, наконецъ, освободилась изъ столѣтняго дипломатическаго плѣна у нѣмцевъ и стала заботиться о своихъ собственныхъ интересахъ.

Послѣ Берлинскаго конгресса недовольство широкихъ общественныхъ круговъ ходомъ государственныхъ и мѣстныхъ дѣлъ вспыхнуло съ новой силой. Этому въ значительной мѣрѣ содѣйствовали и раскрывшіяся крупныя злоупотребленія во время компаніи по снабженію и продовольствію обѣихъ армій. Русское общество громко заговорило, указывая на неудовлетворительный ходъ государственной машины и критикуя существующій порядокъ вещей, при чемъ съ полною опредѣленностію высказывало желаніе болѣе прогрессивной и болѣе земской системы управленія, а нѣкоторые круги выдвигали и вопросъ о введеніи въ Россіи конституціоннаго образа правленія; указывали, что если только что освобожденные русскою военною силою отъ ига Турціи болгары признаны достойными и достаточно подготовленными для пользованія дарованными имъ благами правового и конституціоннаго строя, то тѣмъ болѣе есть основаніе ввести такой строй въ жизнь самой освободительницы, Россіи.

Въ то же самое время съ новою силою возобновилось и революціонное движеніе. Но такъ какъ къ концу семидесятыхъ годовъ вполнѣ выяснилось, что мирная пропаганда въ деревнѣ соціалистическихъ ученій кончилась ничѣмъ, «хожденіе въ народъ» не имѣло никакого успѣха, и «деревенщики» должны были возвратиться въ городъ къ своимъ партійнымъ кружкамъ и группамъ, то революціонныя организаціи («Народная воля» и «Земля и воля»), не зная хорошенько, что надо дѣлать, чтобы поскорѣе привести русскій народъ къ страстно желаемому ими измѣненію государственнаго и общественнаго порядка путемъ революціи, занялись преимущественно террористической борьбой съ правительствомъ. Начался рядъ политическихъ убійствъ и покушеній на жизнь императора. Такія выступленія революціонеровъ вызвали строгія репрессіи со стороны правительства, которое, борясь съ революціонерами, дѣйствовало такъ неловко и нетактично, что принимавшіяся репрессіи часто падали на людей ни въ чемъ, кромѣ прогрессивнаго образа мыслей, неповинныхъ. Правительство смѣшивало соціалъ-революціонную и анархистскую дѣятельность сравнительно незначительныхъ конспиративныхъ кружковъ не только съ конституціоннымъ, но и съ самымъ умѣреннымъ прогрессивнымъ общественнымъ движеніемъ; это раздражало широкіе общественные круги и приводило къ тому, что, относясь съ большимъ сочувствіемъ къ личности государя и возмущаясь покушеніями на его жизнь, общество въ то же время оставалось довольно равнодушно къ политическимъ убійствамъ должностныхъ лицъ и относилось довольно безучастно къ революціонному движенію.

Правительство сознавало, что безъ поддержки общества ему не легко будетъ справиться съ революціоннымъ движеніемъ, и въ своихъ неоднократныхъ обращеніяхъ къ населенію взывало за этой помощью; но голосъ его оставался голосомъ вопіющаго въ пустынѣ, а въ то же время самые дерзкіе террористическіе акты слѣдовали одинъ за другимъ; таковы: убійство начальника III отдѣленія Мезенцева, взрывъ поѣзда на Курской желѣзной дорогѣ, взрывъ, произведенный въ Зимнемъ дворцѣ, и др. Это грозное явленіе было замѣчено и оцѣнено по достоинству нѣкоторыми представителями правящей среды. Полиція и административныя власти, несмотря на исключительныя полномочія, которыя имъ были предоставлены, не умѣли ни предупредить эти преступленія, ни открыть всѣхъ виновныхъ. Безвыходность положенія становилась очевидной, и въ самой правительственной средѣ стали громко раздаваться голоса, что необходимо пойти навстрѣчу общественнымъ желаніямъ, расширить общественное участіе въ государственныхъ дѣлахъ и тѣмъ самымъ привлечь сочувствіе умѣренно настроенныхъ круговъ населенія, столь необходимое для возстановленія порядка и спокойствія и для борьбы съ крамолой. Въ этомъ направленіи высказывались, напримѣръ, Валуевъ и великій князь Константинъ

Николаевичъ. Но большинство ближайшихъ совѣтниковъ государя не соглашалось съ указанной точкой зрѣнія, а приняло предложенный наслѣдникомъ престола Александромъ Александровичемъ проектъ учрежденія особой «верховной распорядительной комиссіи», которой предоставлялись весьма широкія права и поручалась борьба съ революціоннымъ движеніемъ на всемъ пространствѣ Россійской Имперіи.

Во главѣ этой комиссіи былъ поставленъ одинъ изъ видныхъ боевыхъ генераловъ, Лорисъ-Меликовъ. Онъ прежде всего постарался такъ направить борьбу съ революціоннымъ движеніемъ, чтобы репрессія не задѣвала лицъ невиновныхъ и по возможности меньше сопровождалась произвольными дѣйствіями администраціи. Онъ стремился объединить и упорядочить рядъ полицейскихъ мѣръ и въ то же время поставилъ себѣ задачей къ усиліямъ правительства привлечь столь необходимое сочувствіе общества. Въ этихъ цѣляхъ онъ не только обратился съ призывомъ къ населенію, но и пошелъ навстрѣчу многимъ его желаніямъ: было предоставлено болѣе свободы дѣятельности земства, облегчено положеніе печати, гр. Д. А. Толстой замѣненъ на посту министра народнаго просвѣщенія человѣкомъ совсѣмъ иного образа мыслей, А. А. Сабуровымъ,—однимъ словомъ, повѣяло свѣжимъ воздухомъ.

Новому руководителю политической полиціи Россіи представлялось безусловно необходимымъ при первыхъ признакахъ успокоенія переходить отъ исключительныхъ положеній и мѣръ къ нормальнымъ условіямъ управленія, въ этомъ онъ видѣлъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ своей миссіи. Лорисъ-Меликову очень хотѣлось, чтобы поскорѣй наступилъ этотъ моментъ, по крайней мѣрѣ, только такимъ его настроеніемъ можно объяснить то, что онъ пріостановку политическихъ убійствъ и покушеній принялъ за желанное успокоеніе революціонно настроенной среды. По докладу Лорисъ-Меликова Верховная распорядительная комиссія была уничтожена, а самъ онъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ; въ дѣйствительности онъ являлся какъ бы премьеръ-министромъ, руководя всей внутренней политикой Россіи. Доброжелательное и внимательное къ интересамъ общества управленіе Лорисъ-Меликова очень быстро заслужило одобреніе общества и вызвало самыя широкія и радужныя надежды. Тогдашнее правительство, въ которомъ, кромѣ Лорисъ-Меликова, видное мѣсто занимали Д. А. Милютинъ и министръ финансовъ Абаза, обнаружило опредѣленное стремленіе измѣнить курсъ государственнаго корабля, опереться на общество и, идя навстрѣчу общественному мнѣнію, повернуть отъ реакціи къ преобразованіямъ, съ тѣмъ, чтобы докончить циклъ реформъ, начатый манифестомъ 19 февраля 1861 г.

Реформы 60-хъ и 70-хъ годовъ оставили, между прочимъ, неразрѣшенными двѣ стоявшія на очереди важныя задачи, — во-первыхъ, приведеніе въ стройную систему разнообразныхъ пра-

вительственныхъ учрежденій въ провинціи или, иначе говоря, переустройство мѣстнаго управленія, которое не удовлетворяло потребностямъ времени, и, во-вторыхъ, вопросъ объ участіи представителей общества въ разсмотрѣніи и разрѣшеніи государственныхъ дѣлъ, дабы такимъ образомъ отвѣтить въ той или иной мѣрѣ на конституціонныя стремленія земскихъ и дворянскихъ учрежденій и значительныхъ группъ интеллигенціи. За разрѣшеніе этихъ двухъ задачъ и взялось правительство. Но для реформы мѣстнаго управленія необходимо было собрать различныя свѣдѣнія о ходѣ дѣлъ на мѣстахъ, выяснить съ полною несомнѣнностью недостатки дѣйствующей системы; самымъ лучшимъ средствомъ для достиженія этой цѣли были сенаторскія ревизіи, на которыя не разъ въ теченіе XIX в. возлагались подобнаго рода задачи. Проектъ четырехъ сенаторскихъ ревизій, составленный Лорисъ-Меликовымъ при участіи товарища министра внутреннихъ дѣлъ Коханова, встрѣтилъ поддержку среди министровъ и полное одобреніе Александра Николаевича. Кромѣ провѣрки законности дѣйствій губернской и уѣздной администраціи, на сенаторовъ возлагалось собраніе весьма разнообразныхъ свѣдѣній, «которыя—по словамъ данной имъ инструкціи—могли бы содѣйствовать правительству въ разрѣшеніи сложной задачи преобразованія губернскаго управленія». Инструкція поручала выяснить настроеніе умовъ и вообще степень политической устойчивости мѣстнаго населенія, что по обстоятельствамъ того времени и въ особенности въ виду ряда преступныхъ актовъ, направленныхъ на борьбу съ государственнымъ и общественнымъ порядкомъ, чрезвычайно интересовало правительство. Равнымъ образомъ правительство желало знать, какъ мѣстное общество относится къ практикуемымъ способамъ борьбы съ врагами существующаго соціальнаго и политическаго строя. Затѣмъ поручалось собрать свѣдѣнія о причинахъ упадка въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ народнаго благосостоянія, о дѣятельности волостнаго и сельскаго самоуправленія и наблюдающихъ за нимъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ, о способахъ, которыми можно было бы оживить земскую дѣятельность, о положеніи раскольниковъ, о евреяхъ и мн. др. Для производства ревизій были выбраны четыре весьма даровитые, энергичные человѣка, сенаторы М. Е. Ковалевскій, А. А. Половцовъ, И. И. Шамшинъ и С. А. Мордвиновъ. Для того, чтобы собранныя о провинціи свѣдѣнія давали вѣрную картину дѣйствительности, руководствуясь которой можно было бы преобразовать мѣстныя учрежденія на пространствѣ всей Россіи, для обревизованія были выбраны девять весьма разнообразныхъ губерній, тянувшихся длинной и почти непрерывной полосой отъ юго-западнаго края до Оренбурга. Столь широко поставленныя сенаторскія ревизіи, добывъ на мѣстахъ надлежащіе матеріалы, должны были послужить прочнымъ основаніемъ для коренной реформы провинціальнаго строя, покоившагося еще на законодатель-

ствѣ XVIII в. и проникнутаго устарѣвшими идеями, унаслѣдованными отъ эпохи воеводскаго управленія. Назначеніе ревизій вызвало самое искреннее сочувствіе всѣхъ слоевъ мѣстнаго населенія и дружное одобреніе общественныхъ учрежденій и печати. Сенаторы оправдали возлагавшіяся на нихъ надежды и собрали богатѣйшіе и цѣнные матеріалы, которые, однако, не послужили основаніемъ для обновленія провинціальнаго строя, такъ какъ ревизіи закончились совершенно въ иной обстановкѣ, въ слѣдующее царствованіе, когда вполнѣ обозначился крутой поворотъ во внутренней политикѣ.

Не болѣе посчастливилось и попыткѣ привлечь общество къ участію въ государственныхъ дѣлахъ. Лорисъ-Меликовъ былъ совершенно чуждъ конституціонныхъ стремленій, не имѣлъ никакого желанія водворять въ Россіи ограниченную монархію; но онъ желалъ дать представителямъ русскаго общества возможность высказываться въ качествѣ членовъ совѣщательнаго органа по важнѣйшимъ законодательнымъ и правительственнымъ вопросамъ, видя въ этомъ, между прочимъ, и полезное и необходимое средство для дальнѣйшей борьбы съ крамолой.

Сущность предположеній Лорисъ-Меликова сводилась къ учрежденію «общей комиссіи», въ которую должны были войти, кромѣ лицъ, назначавшихся отъ правительства, еще члены отъ земствъ и большихъ городовъ по выбору земскихъ собраній и городскихъ думъ. Назначеніе этой комиссіи было: разсматривать проекты преобразованій, подготовленные двумя другими комиссіями (административно-хозяйственной и финансовой), составленными изъ коронныхъ должностныхъ лицъ и избираемыхъ правительствомъ экспертовъ, «извѣстныхъ своими спеціальными трудами въ наукѣ или опытностью по той или другой отрасли государственнаго управленія или народной жизни». Всѣ комиссіи имѣли чисто совѣщательное значеніе; по разсмотрѣніи въ нихъ проектовъ законовъ таковые должны были вноситься въ Государственный Совѣтъ, въ составъ котораго Лорисъ-Меликовъ проектировалъ призвать 10 — 15 представителей общественныхъ учрежденій, обнаруживавшихъ особыя познанія, опытность и выдающіяся способности. Первой задачей предположенныхъ имъ учрежденій Лорисъ-Меликовъ ставилъ преобразованіе губернскаго управленія «въ видахъ точнаго опредѣленія объема правъ и обязанностей онаго, и приведеніе административныхъ учрежденій въ надлежащее соотвѣтствіе съ учрежденіями судебными и общественными».

Проектъ Лорисъ-Меликова Александръ Николаевичъ повелѣлъ разсмотрѣть въ особомъ совѣщаніи изъ высшихъ сановниковъ государства, которое въ общемъ одобрило его предположеніе и стремленіе скрѣпить благотворную связь между правительствомъ и лучшими силами общества. На журналѣ совѣщанія государь написалъ собственноручно: «исполнить». 1 марта въ $12^1/_2$ часовъ дня императоръ Александръ II одобрилъ проектъ правительственнаго

сообщенія о привлеченіи представителей общества къ участію въ разсмотрѣніи нѣкоторыхъ государственныхъ вопросовъ и повелѣлъ, чтобы до напечатанія его въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» проектъ этотъ былъ выслушанъ въ засѣданіи совѣта министровъ, предположенномъ на 4 марта.

Но въ то время, когда правительство взяло новый поступательный курсъ и искренно стремилось къ серьезнымъ преобразованіямъ, революціонное движеніе продолжалось съ прежнею интенсивностью; конспиративная дѣятельность членовъ соціалъ-революціоннаго общества «Народная воля» въ цѣляхъ убійства императора въ концѣ 1880 г. возобновилась съ новой энергіей. За всѣми выѣздами государя было устроено постоянное наблюденіе. Въ то же самое время велась пропаганда среди молодежи и рабочихъ и вербовались новые члены «Народной воли», кандидаты въ участники готовившагося преступленія. На общемъ совѣтѣ заговорщиковъ было рѣшено для цареубійства прибѣгнуть къ подкопу, который и стали вести изъ подвальнаго этажа дома № 4 по Малой Садовой (нынѣ Екатерининская) улицѣ, по которой государь часто ѣздилъ; въ этомъ подвалѣ двое изъ заговорщиковъ для отвода глазъ открыли сырную торговлю. Подземная галлерея была доведена до середины улицы и предназначалась для закладки мины. Но 27 февраля 1881 г. случайно былъ арестованъ руководитель этого предпріятія; полиція произвела обыскъ въ сырной лавкѣ, но ровно ничего подозрительнаго не замѣтила; однако воспользоваться подкопомъ уже было нельзя. Тогда 28 февраля была собрана сходка заговорщиковъ, на которой по настоянію Софьи Перовской рѣшено было немедленно же произвести злодѣяніе.

На другой день, въ воскресенье 1 марта, когда Александръ Николаевичъ возвращался въ Зимній дворецъ послѣ развода войскъ въ Михайловскомъ манежѣ и завтрака у великой княгини Екатерины Михайловны, одинъ изъ заговорщиковъ по набережной Екатерининскаго канала, тамъ, гдѣ теперь Храмъ Воскресенія Христова, бросилъ въ царскую карету бомбу. Бомба не попала въ карету, но нѣсколько человѣкъ было ранено взрывомъ. Государь, чуждый страха за свою жизнь, приказалъ кучеру остановиться, вышелъ изъ экипажа и направился къ мѣсту взрыва. На вопросъ обступившихъ его офицеровъ—не раненъ ли онъ, императоръ Александръ Николаевичъ отвѣчалъ: «слава Богу, я уцѣлѣлъ, но вотъ»... и показалъ на лежавшихъ раненыхъ. Затѣмъ онъ подошелъ къ преступнику и спрашивалъ его, онъ ли стрѣлялъ, а послѣ этого направился къ своей каретѣ, но въ этотъ моментъ другой заговорщикъ, Гриневецкій, бросилъ подъ ноги государю бомбу, которая его смертельно изранила.

Привезенный въ Зимній дворецъ, императоръ Александръ Николаевичъ скончался въ 3 часа 35 минутъ пополудни. Такъ ужасно окончилось славное царствованіе одного изъ гуманнѣйшихъ русскихъ государей. Ничтожная шайка фанатиковъ, не

опиравшаяся на сколько-нибудь значительную группу русскаго народа, злодѣяніемъ своимъ пресѣкла благодѣтельную для Россіи жизнь Александра Николаевича, вызвавъ искреннее горе, ужасъ и негодованіе всѣхъ слоевъ населенія.

У императора Александра Николаевича было шесть сыновей: Николай, Александръ, Владиміръ, Алексѣй, Сергій и Павелъ и дочери Александра и Марія. Рожденіе сына Николая въ 1843 г. было большою радостью не только для родителей, но и для дѣда, императора Николая Павловича. Образованіе великому князю Николаю Александровичу давалось очень тщательное, ему читали лекціи такіе ученые, какъ Б. Н. Чичеринъ и К. Д. Кавелинъ. Такое отношеніе къ юридической сторонѣ образованія сына совершенно понятно со стороны монарха, всегда интересовавшагося водвореніемъ правомѣрности въ русской государственной и общественной жизни. Николай былъ необыкновенно симпатичный и привлекательный юноша, съ яснымъ, свѣтлымъ умомъ, спокойный нравомъ, высоко деликатный, ласковый въ обращеніи со всѣми людьми, независимо отъ ихъ общественнаго положенія. Но онъ скончался отъ туберкулеза 12 апрѣля 1865 г. въ окрестностяхъ Ниццы на виллѣ Бермонъ, окруженный всей царской семьей. Этой утратой весьма серьезно была омрачена семейная жизнь императора Александра Николаевича, въ которой и безъ того онъ не находилъ полнаго удовлетворенія. Императрица Марія Александровна отличалась слабымъ здоровьемъ, которое особенно стало ухудшаться къ концу семидесятыхъ годовъ; она скончалась 28 мая 1880 года. Во второй половинѣ того же года императоръ Александръ Николаевичъ вступилъ во второй законный бракъ съ княжной Екатериной Михайловной Долгоруковой, ей и дѣтямъ отъ брака съ нею Высочайшимъ указомъ 5 декабря того же года была присвоена фамилія князей Юрьевскихъ съ титуломъ свѣтлости. Какъ всѣ люди и Александръ Николаевичъ въ интимной

Серебряная елочка съ портретами всѣхъ дѣтей Александра Николаевича.

Подарокъ государю отъ его семьи. Хранится въ кабинетѣ его, въ Зимнемъ дворцѣ.

жизни былъ не лишенъ нѣкоторыхъ слабостей и увлеченій; но слабости крупныхъ историческихъ дѣятелей, какимъ по справедливости можно назвать императора Александра II, тогда только должны привлекать вниманіе, если оказываютъ замѣтное вліяніе на историческія событія и правительственную дѣятельность.

За двадцать шесть лѣтъ царствованія Александра Николаевича Россія очень сильно измѣнилась. Хотя главное вниманіе государственной власти было обращено на дѣла внутреннія, но это не воспрепятствовало успѣшному выполненію бывшихъ на очереди задачъ нашей внѣшней политики въ Азіи. Съ такимъ же успѣхомъ завершено весьма важное дѣло окончательнаго покоренія и умиротворенія Кавказа; этими блестящими результатами Россія въ весьма значительной мѣрѣ обязана самому императору Александру Николаевичу, не только зорко слѣдившему за ходомъ дѣлъ на Кавказѣ и въ Азіи, но и умѣвшему выбрать подходящихъ людей и поддержать ихъ въ нужный моментъ. Въ царствованіе Александра Николаевича сильно подвинулось также разрѣшеніе традиціонной нашей задачи—освобожденія отъ ига Турціи балканскихъ славянъ.

Но внутренняя дѣятельность этого славнаго царствованія безгранично богаче содержаніемъ. Былъ разрѣшенъ весьма успѣшно главнѣйшій изъ стоявшихъ на очереди вопросовъ — освобожденіе крестьянъ, а вслѣдъ за нимъ и въ неразрывной съ нимъ связи проведенъ цѣлый рядъ преобразованій, обновившихъ въ значительной мѣрѣ нашъ общественный и государственный строй. Сѣрую и печальную русскую дѣйствительность средины XIX вѣка освѣтили и согрѣли высокіе идеалы справедливости и уваженія къ достоинству человѣка. Возродилось русское общество. Расцвѣли наука, искусство и литература. Народное просвѣщеніе тоже сдѣлало значительные успѣхи, при чемъ свѣтъ его замѣтно проникъ туда, гдѣ раньше чуть брезжилъ: было создано значительное число женскихъ средне-учебныхъ заведеній и развилась обширная сѣть начальныхъ народныхъ училищъ. Однимъ словомъ, Россія въ концѣ царствованія Александра Николаевича совершенно стала не похожа на то, чѣмъ она была при вступленіи его на престолъ, она сдѣлала огромный шагъ впередъ, въ книгу русской исторіи была вписана необычайно содержательная, интересная и поучительная для потомства глава. А за всѣми успѣхами и реформами этого времени стоитъ привлекательная личность императора Александра Николаевича, мягкаго, добраго и просвѣщеннаго человѣка, который, правда, нерѣдко колебался, иногда впадалъ въ ошибки, но всегда искренно стремился ко благу Россіи, горячо любилъ свой народъ, ласково и доброжелательно ко всѣмъ относился и сумѣлъ выбрать и поставить къ дѣлу много талантливыхъ людей.

Старинный складень, который всегда имѣлъ при себѣ императоръ Александръ Александровичъ.

ИМПЕРАТОРЪ

Александръ III Александровичъ.

(1845—1881—1894).

На предыдущихъ страницахъ жизнь и дѣятельность русскихъ государей изложена съ полною правдивостью и на основаніи документовъ, дающихъ возможность научно изобразить прошлое. Но историческія событія обрисовываются съ ясностью и въ настоящемъ своемъ значеніи только на отдаленіи вѣковъ или хотя бы многихъ десятилѣтій: необходимо, чтобы стали доступны многіе документы, которые обыкновенно долго хранятся втайнѣ въ государственныхъ или частныхъ архивахъ, чтобы не приходилось говорить о людяхъ, еще живыхъ, необходимо, наконецъ, чтобы улеглись страсти, личное чувство расположенія или нерасположенія къ разнымъ дѣятелямъ эпохи. Поэтому теперь, когда мы обращаемся къ жизнеописанію государя, съ кончины котораго не истекло еще и двадцати лѣтъ, дѣятельность котораго для многихъ еще не исторія, а личныя воспоминанія и переживанія, приходится быть гораздо болѣе краткими и дать скорѣе перечень событій его жизни и царствованія, чѣмъ историческій очеркъ его дѣятельности.

Императоръ Александръ III Александровичъ, второй сынъ императора Александра II, родился 26 февраля 1845 г., когда отецъ его былъ еще цесаревичемъ. Извѣщая Жуковскаго объ этомъ событіи, П. А. Плетневъ писалъ: «Новый Александръ долженъ внести съ собою въ семью наслѣдника всѣ радости, какія соименный ему императоръ нѣкогда внесъ въ сердце Екатерины. Намъ не увидѣть этого будущаго, которое такъ таинственно и значительно. Чѣмъ-то сдѣлается Россія? А къ ея бытію много, много судебъ пріобщено Провидѣніемъ».

Первыми воспитателями великаго князя Александра Александровича были генералъ-адъютантъ Н. В. Зиновьевъ съ двумя помощниками, Г. Ѳ. Гогелемъ и Н. Г. Казнаковымъ. Зиновьевъ принялъ великаго князя на воспитаніе вмѣстѣ съ старшимъ его братомъ, наслѣдникомъ цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ, изъ рукъ В. Н. Скрипицыной, которую августѣйшіе братья очень любили. Когда наслѣднику минуло девять лѣтъ, а брату его не было еще полныхъ восьми, по мысли Зиновьева была образована спеціальная учебная часть и поручена молодому профессору русской словесности Я. К. Гроту. Въ это время Александръ Александровичъ еще съ трудомъ читалъ и писалъ; Гроту пришлось много поработать надъ методами преподаванія. По складу своего ума, способностей и характера Александръ Александровичъ являлся полною противоположностью брату; въ немъ не было того блеска, какимъ отличался цесаревичъ Николай; онъ медленно понималъ и усваивалъ; зато онъ отличался внимательностью, прилежаніемъ и усидчивостью: онъ любилъ учиться, упорно добивался успѣха и всякое знаніе усваивалъ прочно и обстоятельно. Въ концѣ 1859 г. былъ назначенъ инспекторомъ классовъ при дѣтяхъ императора Александра Николаевича В. П. Титовъ, бывшій тогда посланникомъ въ Штутгартѣ, Гротъ же былъ оставленъ помощникомъ Титова. Титовъ предполагалъ установить значительное различіе въ программахъ, по которымъ должно было идти обученіе великихъ князей, и цесаревичу Николаю давать образованіе гораздо болѣе широкое, чѣмъ другимъ дѣтямъ государя. Тщетно Гротъ возражалъ, что родительскому сердцу равно близки всѣ дѣти и что неизвѣстны судьбы, назначенныя каждому Божіимъ Промысломъ. Довольно скоро Титова въ роли инспектора классовъ замѣнилъ К. Н. Гриммъ, человѣкъ, не скрывавшій своего убѣжденія въ превосходствѣ всего нѣмецкаго и поставившій на первый планъ въ обученіи великихъ князей науки физико-математическія; преподаваніе русской исторіи и русской словесности было отодвинуто на второй планъ; Гротъ, полагавшій, что въ воспитаніи царскихъ дѣтей должны преобладать гуманитарныя науки, знакомящія ихъ не съ внѣшними явленіями природы, а съ жизнію народа, при новомъ порядкѣ вещей подалъ въ отставку. Разставаніе учениковъ съ наставникомъ носило трогательный характеръ, и великій князь Александръ Александровичъ, обнимая его, со слезами повторялъ: «Да зачѣмъ вы уходите, Яковъ Карловичъ? Останьтесь!» Сердечное расположеніе къ Гроту Александръ Александровичъ сохранилъ на всю жизнь. Гримма скоро смѣнили графъ С. Г. Строгановъ, назначенный воспитателемъ цесаревича, и графъ Б. А. Перовскій, назначенный воспитателемъ в. кн. Александра и в. кн. Владимира; Перовскій долго отказывался отъ сдѣланнаго ему предложенія и подчинился только настоянію государя. Дѣло преподаванія отдано было подъ наблюденіе профессора московскаго университета А. И. Чивилева.

Въ числѣ преподавателей в. кн. Александра Александровича были М. И. Драгомировъ, читавшій ему военныя науки, С. М. Соловьевъ и К. П. Побѣдоносцевъ, читавшіе ему русскую исторію и законовѣдѣніе; в. кн. Александръ любилъ историческое чтеніе и увлекался романами Загоскина и Лажечникова. Перовскій, человѣкъ рыцарски благородный, проникнутый глубокою любовью къ родинѣ и ненавидѣвшій все неискреннее, напускное, всѣми силами содѣйствовалъ сближенію вел. кн. Александра Александровича съ цесаревичемъ, и между братьями установилась самая трогательная дружба. Александръ Александровичъ чрезвычайно любилъ брата; обыкновенно очень неразговорчивый и стѣснявшійся въ обществѣ, всегда внимательно прислушивался къ тому, что говорилъ его старшій братъ; только цесаревичу удавалось иногда вовлечь его въ общій разговоръ. Въ особенности не любилъ великій князь Александръ Александровичъ спеціально придворныхъ и дипломатическихъ разговоровъ. Лицо, часто приходившее въ соприкосновеніе съ великимъ княземъ въ шестидесятыхъ годахъ, говоритъ: «Уже тогда душа его напоминала тотъ цвѣтокъ, который быстро затворяется, стóитъ только его тронутъ. Такъ затворяется и душа великаго князя при малѣйшемъ приближеніи рѣчи придворной... Немного лѣни и много упрямства—вотъ единственные его недостатки. Ломить прямо его упрямство было невозможно и безполезно: оно только усиливалось отъ противодѣйствія...»

Лѣтомъ 1864 г. цесаревичъ Николай Александровичъ отправился въ заграничное путешествіе. Помощникъ графа Перовскаго по воспитанію великихъ князей Александра и Владимира Александровичей, Н. П. Литвиновъ, записалъ въ своемъ дневникѣ: «Александръ Александровичъ теперь остался одинъ! Дай Богъ, чтобы съ лишеніемъ брата, къ которому онъ такъ привязался, лучшаго его друга не замѣнили ложные или вредные друзья!» За границею цесаревичъ сдѣлался женихомъ датской принцессы Дагмары. Въ началѣ слѣдующаго, 1865 г. у цесаревича сильно обострился туберкулезный процессъ; больной великій князь поселился въ Ниццѣ, но болѣзнь быстро развивалась и не оставляла никакой надежды на благопріятный исходъ. Къ одру его болѣзни спѣшно была вызвана вся семья и нареченная невѣста. Въ послѣднія минуты цесаревичъ взялъ за руку Александра Александровича и, обращаясь къ государю, сказалъ: «Папа, береги Сашу; это такой честный, хорошій человѣкъ». 12 апрѣля 1865 г. цесаревичъ Николай Александровичъ скончался. На похоронахъ его, по разсказу очевидца, «болѣе всѣхъ рыдалъ бѣдный, призванный къ страшной отвѣтственности и тяжкому бремени вѣнца, Александръ Александровичъ. Эта чистая, смиренная душа, всегда уклонявшаяся отъ величія, почестей и поклоненія, это доброе сердце знало и чувствовало въ эти минуты только одно: потерю нѣжно любимаго брата». Замѣчательны слова, сказанныя великимъ княземъ Я. К. Гроту, когда тотъ пришелъ къ

Вы можете себѣ представить съ какимъ чувствомъ я снова пріѣзжаю въ Ливадію, которая всѣ съ своимъ великолѣпнымъ воздухомъ, моремъ, климатомъ напоминаетъ мнѣ самую тяжелую минуту моей жизни. — Пріѣхать простымъ Великимъ Княземъ а уѣхать Наслѣдникомъ тронно и въ особенности лишившись самой моей вѣрной опоры, лучшаго друга и любимѣйшаго брата! — Но, что не дѣлать это воля Божія и не даромъ мы ежедневно повторяемъ: „Да будетъ Воля Твоя"

Вашъ Александръ

Снимокъ съ собственноручнаго письма императора Александра Александровича.

своему прежнему питомцу проститься съ нимъ передъ отъѣздомъ его за границу къ больному брату: на свои попытки утѣшить огорченнаго великаго князя, Гротъ услыхалъ отъ него: «Нѣтъ, я ужъ вижу, что надежды нѣтъ: всѣ придворные страшно перемѣнили свое обращеніе со мною и начали за мной ухаживать...»

Въ день кончины цесаревича Александръ Александровичъ объявленъ былъ наслѣдникомъ престола и цесаревичемъ. На другой день послѣ похоронъ покойнаго цесаревича, императоръ Александръ Николаевичъ принималъ депутацію отъ Царства Польскаго. Государь произнесъ ей рѣчь и въ заключеніе сказалъ: «Вотъ мой сынъ, Александръ, мой наслѣдникъ; онъ носитъ имя того императора, который нѣкогда основалъ Царство. Я надѣюсь, что онъ будетъ достойно управлять своимъ наслѣдіемъ, и что онъ не потерпитъ того, чего я не терпѣлъ».

Законоучитель новаго цесаревича, въ началѣ приготовительныхъ бесѣдъ къ присягѣ, между прочимъ, говорилъ ему: «Имѣйте всегда передъ глазами и въ памяти, что теперь не только вся Россія, но и вся Европа слѣдитъ съ зоркимъ любопытствомъ за каждымъ вашимъ шагомъ, за каждымъ, такъ сказать, вашимъ дыханьемъ; какъ нѣкогда будутъ цѣнить дѣйствія Александра III, такъ уже и въ настоящее время вниманіе милліоновъ будетъ обращено на ту роль, которую пріурочитъ себѣ великій князь наслѣдникъ Александръ Александровичъ. Съ той минуты, какъ закрылись глаза покойнаго цесаревича, вы уже принадлежите не себѣ, а исторіи... Думаю, что должно вамъ стараться вознаградить тѣ минуты, которыя прежде, въ другихъ предвидѣніяхъ, были, можетъ-быть, менѣе обращены въ пользу, стараться степенью вашихъ свѣдѣній стать въ уровень съ тѣмъ, чего требуетъ ваше священное призваніе...» Эти слова падали не на неблагодарную почву: великій князь Александръ Александровичъ отдалъ всѣ силы, всю свою душу на служеніе великому дѣлу, выпавшему на его долю.

28 октября 1866 г. цесаревичъ Александръ Александровичъ вступилъ въ бракъ съ принцессою датскою Дагмарою, бывшею невѣстою покойнаго цесаревича, принявшею при миропомазаніи имя Маріи Ѳеодоровны. Отъ брака этого родились: нынѣ царствующій Государь Императоръ Николай Александровичъ (6 мая 1868 г.), великіе князья: Александръ Александровичъ (26 мая 1869 г., умеръ 20 апрѣля 1870 г.). Георгій Александровичъ (27 апрѣля 1871 г., умеръ 28 іюня 1899 г.) и Михаилъ Александровичъ (22 ноября 1878 г.); великія княжны, нынѣ великія княгини: Ксенія Александровна (25 марта 1875 г.) и Ольга Александровна (1 іюня 1882 г.).

Сдѣлавшись наслѣдникомъ, Александръ Александровичъ неутомимо работалъ, подготовляясь къ предстоящему ему великому подвигу царствованія—въ его глазахъ это былъ именно тяжелый, возложенный на него высшею силою, долгъ. Послѣдовательно про-

ходилъ онъ всѣ ступени военной службы и занялъ постъ командующаго гвардейскимъ корпусомъ; 28 октября 1866 г. онъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта и, не выступая въ его засѣданіяхъ активно, весьма внимательно изучалъ всѣ дѣла, проходившія черезъ Совѣтъ. Въ 1868 г. цесаревичъ съ супругой совершили поѣздку по Россіи и какъ-то всѣми чувствовалось, что цесаревичъ искренно любитъ все русское, всѣмъ интересуется, что̀ дорого и священно русскимъ людямъ; случалось, что совершенно неожиданно высокіе путешественники сворачивали въ сторону на нѣсколько верстъ, чтобы поклониться какой-нибудь скромной святынѣ. Когда въ 1867 г. всему сѣверу Россіи грозилъ сильнѣйшій голодъ, цесаревичъ Александръ Александровичъ живѣйшимъ образомъ принялъ къ сердцу это бѣдствіе; онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ комитета для помощи голодающимъ и открыто призналъ бѣдствіе во всѣхъ его ужасныхъ размѣрахъ, вопреки усиліямъ министра внутреннихъ дѣлъ Валуева скрыть размѣры несчастія. Цесаревичъ сумѣлъ привлечь способныхъ людей, которые тоже всею душою отдались борьбѣ съ голодомъ, и, благодаря ихъ дружнымъ усиліямъ, населеніе получило весьма существенную и своевременную помощь.

Въ русско-турецкой войнѣ 1877—1878 гг. цесаревичъ Александръ Александровичъ принялъ выдающееся участіе. Съ переходомъ русскихъ войскъ за Дунай онъ былъ поставленъ во главѣ рущукскаго отряда, силою до 45.000 человѣкъ, который имѣлъ задачею наступать на Рущукъ и, если окажется возможнымъ, то и овладѣть этой крѣпостью. Цесаревичъ двигался къ Рущуку, когда неудачи подъ Плевною на правомъ флангѣ арміи заставили ослабить наступленіе на другихъ фронтахъ, а въ скоромъ времени рущукскому отряду пришлось уже сдерживать турокъ, перешедшихъ въ наступленіе послѣ вторичнаго отраженія русскихъ войскъ подъ Плевною 18 іюля. Скоро турки сосредоточили противъ 45-тысячной арміи цесаревича до 100.000 человѣкъ и произвели рядъ весьма энергичныхъ наступленій; но подъ начальствомъ наслѣдника русскія войска проявили исключительную стойкость: спокойная твердость в. кн. Александра Александровича сообщалась и его войскамъ; русскіе полки отступили лишь очень немного; затѣмъ наслѣдникъ рѣшилъ остановиться — и далѣе они не подались уже шагу. Въ концѣ ноября новый главнокомандующій Сулейманъ-паша произвелъ опять энергичныя атаки, но у Мечки дважды былъ отбитъ съ большимъ урономъ. Взятіе Плевны рѣшило исходъ кампаніи, а въ свою очередь оно въ значительной степени облегчено было необычайною стойкостью отряда цесаревича. Весною 1878 г. цесаревичъ оставилъ армію и вернулся въ Петербургъ. Здѣсь по волѣ императора онъ былъ поставленъ во главѣ комитета добровольнаго флота, когда было признано необходимымъ усилить наши морскія силы; быстро стали стекаться по-

жертвованія, и цесаревичъ успѣлъ много сдѣлать для заведенія этого флота.

Въ концѣ семидесятыхъ годовъ, когда возникли предположенія о привлеченіи избранныхъ отъ населенія лицъ къ законосовѣщательной дѣятельности, гр. Валуевъ, предлагавшій эту мѣру, записалъ въ своемъ дневникѣ: «Цесаревичъ явно недоброжелателенъ всякому органическому измѣненію status quo и всякій «конституціонализмъ» считаетъ гибельнымъ». Въ образованной въ январѣ 1881 г. особой комиссіи изъ высшихъ сановниковъ для обсужденія преобразовательныхъ проектовъ вел. кн. Константина Николаевича, Валуева и графа Лорисъ-Меликова оппозиція цесаревича Александра Александровича имѣла большое вліяніе на нѣкоторыхъ колебавшихся членовъ комиссіи. Но всѣ подготовительныя работы къ видоизмѣненію нашего государственнаго строя были пріостановлены трагическимъ событіемъ 1 марта 1881 г.: императоръ Александръ Николаевичъ погибъ отъ революціонеровъ, и на всероссійскій престолъ вступилъ императоръ Александръ III Александровичъ. Принимая 2 марта генералитетъ послѣ присяги, молодой императоръ сказалъ: «Я принимаю вѣнецъ съ рѣшимостью. Буду пытаться слѣдовать отцу моему и закончить дѣло, начатое имъ. Если бы Всевышній и мнѣ судилъ ту же участь, какъ ему, то надѣюсь, вы будете моему сыну такъ же вѣрны, какъ моему отцу».

Предстояло очень трудное дѣло. Въ послѣднее время царствованія Александра II рѣшено было произвести существенныя измѣненія русскаго государственнаго строя въ смыслѣ конституціонномъ. Новый императоръ пожелалъ выслушать мнѣніе по этому вопросу виднѣйшихъ представителей администраціи. 8 марта состоялось совѣщаніе подъ личнымъ его предсѣдательствомъ. Государь сказалъ рѣчь, въ которой сообщилъ, что «графъ Лорисъ-Меликовъ, для удовлетворенія общественнаго мнѣнія, докладывалъ покойному государю о необходимости созвать представителей отъ земствъ и городовъ»; императоръ выразилъ готовность считаться съ извѣстнымъ ему выраженіемъ воли его августѣйшаго родителя относительно частностей представленнаго ему проекта, но вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ членовъ совѣта «быть откровенными и говорить свое мнѣніе относительно всего дѣла, нисколько не стѣсняясь». За проектъ высказались вел. кн. Константинъ Николаевичъ, министры Абаза, гр. Валуевъ, графъ Милютинъ и нѣкоторые другіе, противъ—Посьетъ, Маковъ; съ сильными рѣчами выступили противъ гр. С. Т. Строгановъ и — особенно — оберъ-прокуроръ Синода К. П. Побѣдоносцевъ. Государь долго обдумывалъ рѣшеніе и, быть-можетъ, даже колебался, но, наконецъ, онъ рѣшился — и 29 апрѣля 1882 г. появился манифестъ, редактированный Побѣдоносцевымъ и Катковымъ. Въ немъ говорилось, между прочимъ: «...Посреди великой нашей скорби гласъ Божій повелѣваетъ Намъ бодро стать на дѣло правленія, въ упованіи на Божественный Про-

мыселъ, съ вѣрою въ силу истины самодержавной власти, которую Мы призваны утверждать и охранять для блага народнаго отъ всякихъ на нее поползновеній». Послѣ этого въ маѣ вышли въ отставку гр. Лорисъ-Меликовъ, А. А. Абаза, гр. Милютинъ; на постъ министра внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ графъ Н. П. Игнатьевъ. Вскорѣ появилась правительственная программа. Въ ней высказано было порицаніе бюрократіи «за небрежное исполненіе своихъ обязанностей и равнодушіе къ общественному благу», «за корыстное отношеніе къ государственному и общественному достоянію», заявлялось, что правительство будетъ «стремиться, при вѣрномъ всѣхъ служеніи и содѣйствіи, къ осуществленію на самомъ дѣлѣ того, что положено въ основу дарованныхъ императоромъ Александромъ II учрежденій, и приметъ безотлагательныя мѣры, чтобы установить правильные способы, которые обезпечивали бы наибольшій успѣхъ живому участію мѣстныхъ дѣятелей въ дѣлѣ исполненія высочайшихъ предначертаній».

Какъ бы ни судить о программѣ новаго императора, безспорно, во всякомъ случаѣ, одно: императоръ Александръ проводилъ ее твердо и неуклонно. Первою задачей правительство поставило себѣ искорененіе тѣхъ партій, которыя пытались достигнуть своихъ революціонныхъ цѣлей путемъ террора. Графъ Игнатьевъ предложилъ въ 1882 г. созывъ земскаго собора. Онъ думалъ съ помощью собора провести коренную реформу бюрократическаго строя, оказавшагося неспособнымъ оградить главу государства отъ злодѣйскаго покушенія, и надѣялся въ соборѣ найти противовѣсъ конституціоннымъ стремленіямъ сторонниковъ западно-европейскаго парламентаризма. «Не уступая ничего изъ своей власти, самодержецъ, созывая соборъ, найдетъ,—говорилъ онъ,—вѣрное средство узнать истинныя нужды страны и дѣйствія своихъ собственныхъ слугъ. Утверждая или издавая законы, онъ съ большимъ спокойствіемъ рѣшится на всякую мѣру, когда постановитъ свое рѣшеніе послѣ выслушанія тѣхъ, кому придется жить подъ этими законами». Проектъ Игнатьева былъ признанъ непрактичнымъ и несвоевременнымъ; Игнатьевъ вышелъ въ отставку, а министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ гр. Д. А. Толстой, долгое время бывшій при Александрѣ II министромъ народнаго просвѣщенія, а съ 1879 г. находившійся не у дѣлъ. Это былъ человѣкъ съ сильной волей, съ огромной энергіей. Онъ явился вѣрнымъ сотрудникомъ императора Александра III въ проведеніи намѣченной имъ внутренней политики. Благодаря, главнымъ образомъ, дѣятельности графа Д. А. Толстого была ликвидирована революціонная партія; всѣ важнѣйшіе вожди ея были захвачены и подвергнуты законному наказанію, и террористическіе акты надолго прекратились.

Первымъ рѣшительнымъ шагомъ въ борьбѣ за возстановленіе расшатаннаго общественнаго спокойствія было изданіе еще

14 августа 1881 г. «положенія о мѣрахъ по охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія». Узаконеніемъ этимъ значительно расширены полномочія администраціи, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя были объявлены на положеніи усиленной или чрезвычайной охраны. Въ этомъ же году изданы временныя правила для періодической печати, давшія дѣйствительные способы для борьбы съ изданіями, направленіе которыхъ признавалось опаснымъ для существующаго порядка. Во внутренней связи съ этими мѣрами находится рядъ постановленій, направленныхъ къ тому, чтобы устранить нѣкоторыя явленія въ области суда, не согласныя съ высокимъ его достоинствомъ и назначеніемъ. Закономъ 12 февраля 1887 г. ограничена судебная гласность: судъ былъ обязанъ закрывать двери, если будетъ признано, что публичное судоговореніе можетъ повлечь за собою оскорбленіе религіознаго чувства, нарушить требованія нравственности, или нанести ущербъ достоинству власти. Законъ 28 апрѣля того же года значительно повысилъ требованія, которымъ должны были удовлетворять присяжные: повышенъ имущественный цензъ и необходимымъ условіемъ поставлено умѣніе читать по-русски; 7 іюля 1889 г. изъ подсудности присяжнымъ изъято было нѣсколько категорій дѣлъ, переданныхъ въ вѣдѣніе суда съ участіемъ сословныхъ представителей. Противъ злоупотребленій должностныхъ лицъ направленъ былъ законъ 20 мая 1885 г., которымъ въ составѣ Сената создавалось особое дисциплинарное присутствіе; ему предоставлено право увольнять за проступки чиновниковъ, безъ преданія суду.

Въ теченіе всего своего царствованія вообще государь Александръ Александровичъ неутомимо стремился поднять и укрѣпить авторитетъ власти и успѣлъ достигнуть въ этомъ отношеніи значительныхъ результатовъ. Дѣятельность императора получила охранительный и до извѣстной степени даже реакціонный характеръ, потому что онъ вносилъ необходимыя поправки въ реформы предшествовавшаго царствованія. Былъ сохраненъ прежній принципъ разграниченія сословій, но для каждаго изъ нихъ было много сдѣлано. Дворянство переживало тяжелый кризисъ послѣ крестьянской реформы. Новыя условія, въ какихъ оказалось сельское хозяйство, повлекли за собою продажу дворянскихъ имѣній, обѣднѣніе дворянства и стремленіе его изъ уѣздовъ въ крупные центры, гдѣ дворяне надѣялись на разныхъ поприщахъ дѣятельности найти приложеніе своего труда. Правительство учредило 3 іюня 1885 г. Дворянскій земельный банкъ, который выдавалъ дворянамъ ссуды подъ залогъ ихъ имѣній на очень льготныхъ условіяхъ; въ мѣстныхъ земствахъ, путемъ измѣненія порядка выборовъ, дворянству предоставлено преобладающее значеніе. Чтобы удержать уѣздныхъ дворянъ на мѣстахъ, мѣстное дворянство было призвано предпочтительно занимать должности земскихъ участковыхъ начальниковъ, которые замѣнили (12 іюня 1890 г.) въ

уѣздахъ мировыхъ судей, а вмѣстѣ съ тѣмъ получили значительную административную власть по отношенію къ крестьянскимъ обществамъ и отдѣльнымъ крестьянамъ. Признавая нужнымъ административное воздѣйствіе на многія стороны крестьянской жизни, правительство заботилось и объ улучшеніи матеріальнаго положенія крестьянства. Для борьбы съ выяснившимся во многихъ мѣстахъ малоземельемъ крестьянъ, былъ учрежденъ 18 мая 1882 г. Крестьянскій земельный банкъ, выдававшій крестьянскимъ обществамъ ссуды на пріобрѣтеніе земель; учреждено было спеціальное министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ; много сдѣлано было для развитія и упорядоченія переселеній крестьянъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ не хватало для нихъ земли, въ Сибирь и въ Среднюю Азію; интересы фабричныхъ рабочихъ, число которыхъ пополнялось крестьянами же, привлекали большое вниманіе правительства: были учреждены фабричные инспектора, обязанные наблюдать за исполненіемъ фабрикантами и промышленниками обязанностей по отношенію къ рабочимъ. Въ царствованіе Александра III окончательно были ликвидированы остававшіяся еще мѣстами обязательственныя отношенія между помѣщиками и ихъ бывшими крестьянами; всѣ выкупные платежи приняло на себя правительство и только оно имѣло теперь дѣло съ крестьянами по уплатѣ ими за землю, полученную при освобожденіи. Съ 1 января 1883 г. отмѣнена подушная подать за исключеніемъ нѣкоторыхъ областей Сибири. Въ отношеніи городовъ и городского самоуправленія тоже былъ принятъ рядъ мѣръ, усиливший надзоръ за городскимъ самоуправленіемъ со стороны правительства.

Императоръ Александръ III стремился къ тѣсному объединенію инородческихъ окраинъ государства съ государственнымъ центромъ и къ обрусѣнію инородцевъ Россіи. Генералъ-губернаторомъ варшавскимъ былъ при немъ фельдмаршалъ Гурко, правившій краемъ съ большою твердостью. 9 іюня 1889 г. въ прибалтійскомъ краѣ введены русскіе порядки судопроизводства и русскій языкъ во всемъ дѣлопроизводствѣ; университетъ въ Юрьевѣ (такъ переименованъ въ 1893 г. Дерптъ) преобразованъ по образцу другихъ университетовъ имперіи и введено въ немъ преподаваніе на русскомъ языкѣ, вмѣсто прежняго на нѣмецкомъ. Особенно рѣшительныя мѣры приняты были относительно Финляндіи. Взглядъ правительства былъ выраженъ съ полною прямотою, когда въ 1890 г. было заявлено съ высоты престола, что «великое княжество Финляндское состоитъ въ собственности и державномъ обладаніи имперіи Россійской» — это было вполнѣ точною передачею самаго существа тѣхъ условій, на которыхъ состоялось по Фридрихсгамскому миру присоединеніе Финляндіи къ Россіи въ 1809 г. Рядъ мѣръ былъ принятъ къ объединенію таможеннаго и почтоваго управленія княжества съ соотвѣтствующими учрежденіями имперіи и къ объединенію монетной системы.

Время императора Александра III отмѣчено чрезвычайною бережливостью и строгимъ порядкомъ финансоваго управленія. Сверхъ упомянутыхъ уже мѣръ къ поднятію благосостоянія отдѣльныхъ классовъ правительство много заботилось о развитіи промышленности и, между прочимъ, ввело новый, сильно покровительственный таможенный тарифъ. Энергичное и умѣлое развитіе желѣзнодорожной сѣти и упорядоченіе желѣзнодорожнаго дѣла тоже способствовали подъему экономическаго благосостоянія. Въ лицѣ министровъ финансовъ Н. Х. Бунге и И. А. Вышнеградскаго императоръ Александръ III имѣлъ отличныхъ помощниковъ, много способствовавшихъ упроченію финансоваго благосостоянія государства. Государственные бюджеты, въ теченіе многихъ лѣтъ предъ воцареніемъ Александра III составлявшіеся съ дефицитами, приведены были въ равновѣсіе, а затѣмъ удалось накопить такіе запасы золота, что къ концу XIX ст. оказалось возможнымъ ввести въ Россіи денежное обращеніе, основанное на системѣ золотого рубля. Благодѣтельныя послѣдствія этой послѣдней мѣры, можно сказать, неисчислимы.

Императоръ Александръ Александровичъ принималъ близко къ сердцу успѣхи Россіи и въ области духовнаго развитія. Университеты были въ 1884 г. переформированы; для распространенія грамотности и первоначальнаго обученія въ крестьянской массѣ положено основаніе развитію сѣти церковно-приходскихъ школъ; количество начальныхъ народныхъ школъ увеличилось весьма значительно. Государь, однако, не ограничивался тѣми отношеніями къ наукѣ, въ какія приводилось ему вступать, правя свое дѣло государево. Онъ лично весьма интересовался русскою исторіею, любилъ ее; еще въ 1866 г. возникло въ кругу лицъ, близкихъ къ Александру Александровичу, тогда наслѣднику престола, Русское Историческое Общество — и въ дѣятельности его Александръ Александровичъ принималъ непосредственное участіе до самой своей кончины: онъ лично присутствовалъ на всѣхъ его годичныхъ собраніяхъ и благодаря письменнымъ обращеніямъ его къ главамъ разныхъ государствъ, общество это получило возможность изъ всѣхъ главнѣйшихъ архивовъ Европы извлечь множество матеріаловъ, которые затѣмъ были изданы и издаются до сихъ поръ. «Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества», составляющій, можно сказать, цѣлую библіотеку, давно сдѣлался однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для исторіи всей Европы за XVIII и XIX вв. Съ еще болѣе, пожалуй, живымъ интересомъ относился государь къ русскому искусству. Произведенія русской живописи онъ собиралъ со страстью и создалъ ту замѣчательную коллекцію, которая составила основу заложеннаго по его же мысли «Музея императора Александра III». Этотъ музей представляетъ учрежденіе, которое можетъ равняться со многими лучшими учрежденіями того же рода въ Западной Европѣ; вмѣстѣ

съ Третьяковской галлереей въ Москвѣ онъ даетъ полное понятіе о томъ, какъ быстро развилось русское искусство, сколько замѣчательнаго произвелъ русскій геній въ области живописи.

Не настало еще время изобразить въ полномъ объемѣ царственную дѣятельность государя; мы могли дать лишь краткій и сухой перечень главнѣйшихъ его мѣропріятій. Но ясно выступаетъ въ немъ главный основной характеръ царствованія. Императоръ Александръ Александровичъ явился представителемъ строго-національной идеи государства. Занявъ престолъ въ эпоху чрезвычайно трудную, смутную, когда все общество было въ состояніи глубокаго броженія, а внѣшнее положеніе Россіи послѣ тяжелой, но окончившейся съ малыми результатами войны, было не блестящимъ, что̀ еще болѣе раздражало общество, онъ сумѣлъ безъ крутыхъ мѣръ водворить въ своемъ государствѣ спокойствіе, упрочить власть и улучшить экономическое положеніе и государства и народа. Для царствованія очень непродолжительнаго было достигнуто, поистинѣ, очень немало.

Во внѣшней политикѣ императоръ Александръ Александровичъ имѣлъ въ виду сохранить по возможности миръ своему государству, медленно оправлявшемуся послѣ продолжительныхъ войнъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ очень далекъ отъ мысли въ чемъ-либо поступаться интересами Россіи и всѣ, а особенно иностранныя державы чувствовали, что въ отстаиваніи и оборонѣ ихъ онъ будетъ непоколебимъ. Въ значительной степени благодаря этому убѣжденію Россія при Александрѣ III пользовалась полнымъ миромъ. Въ самомъ началѣ его царствованія Англія еще продолжала свои происки противъ Россіи въ средней Азіи; ей удалось даже довести до открытаго столкновенія русскихъ съ афганцами на р. Кушкѣ, при чемъ съ несомнѣнностью было установлено, что афганцы были подстрекаемы и даже руководимы англійскими офицерами. Изъ-за этого инцидента казался почти неизбѣжнымъ разрывъ съ Англіей, но стойкая твердость императора произвела такое впечатлѣніе, что миръ не былъ нарушенъ. Чрезмѣрное вліяніе въ Петербургѣ Германіи, несомнѣнно, чувствовавшееся въ концѣ предшествующаго царствованія, при Александрѣ III сразу прекратилось. Бисмаркъ дѣлалъ попытки вызвать вооруженное столкновеніе Россіи съ Австріей, но императоръ Александръ III умѣлъ и тутъ, не поступаясь ничѣмъ, сохранить миръ. Когда, вопреки совѣтамъ Россіи, болгарскій князь Александръ Баттенбергскій объединилъ съ освобожденною частью Болгаріи и ту ея часть, которая оставалась подъ владычествомъ Турціи, Александръ Александровичъ прервалъ сношенія съ болгарскимъ правительствомъ. Скоро Баттенбергскій долженъ былъ оставить Болгарію; возвратившись снова, онъ сдѣлалъ попытку испросить у государя прощеніе и возстановленіе отношеній; императоръ Александръ III отвѣтилъ телеграммою такого содержанія, которая не оставляла сомнѣнія въ его искреннемъ несочувствіи всѣмъ послѣднимъ дѣйствіямъ болгарскаго князя. Послѣ этого

не оставалось уже никакой надежды возжечь войну изъ-за осложненій на Балканскомъ полуостровѣ. Свою самостоятельность во внѣшней политикѣ императоръ Александръ III проявилъ съ особенною яркостью, когда по истеченіи срока союза между Германіей, Австріей и Россіей вышелъ изъ него, а затѣмъ, немедленно по объявленіи о подписаніи между Германіей, Австріей и Италіей тройственнаго союза, оповѣстилъ міръ о соглашеніи и союзѣ, существующемъ между Россіей и Франціей. Союзъ этотъ является вполнѣ созданіемъ его мысли и воли и до сихъ поръ играетъ величайшую роль во всемірной политикѣ, усиленный въ самое послѣднее время искреннимъ сближеніемъ Россіи и Франціи съ Англіей.

Императоръ Александръ III отличался могучею натурою; но неусыпные труды чрезвычайно усердно работавшаго государя нѣсколько надломили его силы. 17 октября 1888 г. царскій поѣздъ со всею императорскою фамиліей потерпѣлъ крушеніе около станціи Борки. Повидимому, никто изъ семьи государя не пострадалъ; но въ дѣйствительности онъ самъ получилъ сильный ушибъ, который онъ сумѣлъ скрыть только благодаря рѣдкой твердости воли. Послѣдствіемъ этого ушиба явилась болѣзнь почекъ, которая и свела монарха въ могилу. Онъ скончался на 50-мъ году жизни въ Ливадіи въ Крыму 20 октября 1894 г. Современники никогда не забудутъ того единодушнаго сочувствія, какое высказывалось во всемъ образованномъ мірѣ и въ дни его тягостныхъ предсмертныхъ страданій и по его кончинѣ, когда и папа Левъ XIII, и президентъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, и королевскій англійскій домъ совершали торжественныя богослуженія о его выздоровленіи; президентъ Кливелендъ отлично выразилъ чувства всего образованнаго мира, когда сказалъ: «Болѣзнь русскаго императора я считаю настоящимъ международнымъ бѣдствіемъ; предъ лицомъ всего міра онъ представлялъ собою великій образъ силы и мира».

Можно сказать съ полнымъ убѣжденіемъ, что императоръ Александръ III, который несъ свою самодержавную власть какъ долгъ, какъ бремя, возложенное на него Божіей волей, останется навсегда однимъ изъ привлекательнѣйшихъ образовъ въ сонмѣ властителей, которыхъ знаетъ исторія.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ
Николай Александровичъ.

Государь Императоръ Николай Александровичъ, нынѣ благополучно царствующій, родился 6 мая 1868 г. На прародительскій престолъ вступилъ по кончинѣ отца Своего, 20 октября 1894 года. Въ томъ же году 14 ноября вступилъ въ бракъ съ герцогинею гессенскою Алисою-Викторіей-Еленой-Луизой-Беатрисой, принявшею при Священномъ Мѵропомазаніи имя Александры Ѳеодоровны. Ихъ Императорскія Величества имѣютъ дочерей, Великихъ Княженъ Ольгу Николаевну, Татьяну Николаевну, Марію Николаевну, Анастасію Николаевну, а 30 іюля 1904 года Богъ даровалъ Ихъ Величествамъ сына, Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича.

ОГЛАВЛЕНІЕ:

Стр.

Императрица Екатерина II Алексѣевна . . . . . 1—127

I. Дѣтство Екатерины II.—Великая княгиня Екатерина Алексѣевна . . . . . 1— 25
II. Императрица Екатерина въ царствованіе Петра Ѳеодоровича и ея воцареніе . . . . . 25— 34
III. Первые годы царствованія Екатерины II . . . . . 34— 56
IV. Внѣшняя политика. — Война съ Турціей. — Чума. — Пугачевъ . . . . . 56— 84
V. Послѣднее десятилѣтіе царствованія Екатерины II . . . 85—105
VI. Императрица Екатерина II въ домашнемъ быту . . . . . 105—127

Императоръ Павелъ I Петровичъ . . . . . 128—155

Императоръ Александръ I Павловичъ . . . . . 156—209

I. Дѣтство и юность . . . . . 156—159
II. Начало царствованія Александра Павловича . . . . . 159—165
III. Внѣшняя политика Александра I до Отечественной войны. 165—175
IV. Преобразованія внутреннія.—Сперанскій . . . . . 175—186
V. Эпоха Отечественной войны . . . . . 187—194
VI. Гегемонія въ Европѣ.—Послѣдніе годы и кончина Александра Павловича . . . . . 194—209

Императоръ Николай I Павловичъ . . . . . 210—267

I. Дѣтство и юность императора Николая Павловича. — Его воцареніе . . . . . 210—226
II. Первое время царствованія . . . . . 226—240
III. Внутренняя политика Николая Павловича въ 30-хъ и 40-хъ годахъ . . . . . 240—253
IV. Внѣшняя политика послѣ 1831 г. . . . . 254—267

Императоръ Александръ II Николаевичъ . . . . . 268—355

I. Юность и время до воцаренія . . . . . 268—279
II. Первое время царствованія . . . . . 279—286
III. Отмѣна крѣпостного права . . . . . 287—304
IV. Земскія учрежденія.—Реформа городского самоуправленія 304—311
V. Судебная реформа; отмѣна тяжкихъ тѣлесныхъ наказаній.—Финансовыя реформы . . . . . 311—320
VI. Реформа арміи и всеобщая воинская повинность . . . . . 320—323

Стр.

VII. Значеніе реформъ императора Александра II . . . . . 323—326
VIII. Общественное движеніе, революціонная пропаганда и реакція. . . . . 326—333
IX. Внѣшняя политика. — Польское возстаніе. — Кавказъ, Дальній Востокъ, средняя Азія . . . . . 333—342
X. Война съ Турціей.—Берлинскій конгрессъ и послѣднее время царствованія . . . . . 343—355

Императоръ Александръ III Александровичъ . . . . . 356—368

Государь Императоръ Николай Александровичъ 369

———

Цѣна за два тома
6 руб.

Duke University Libraries
D03498692+